

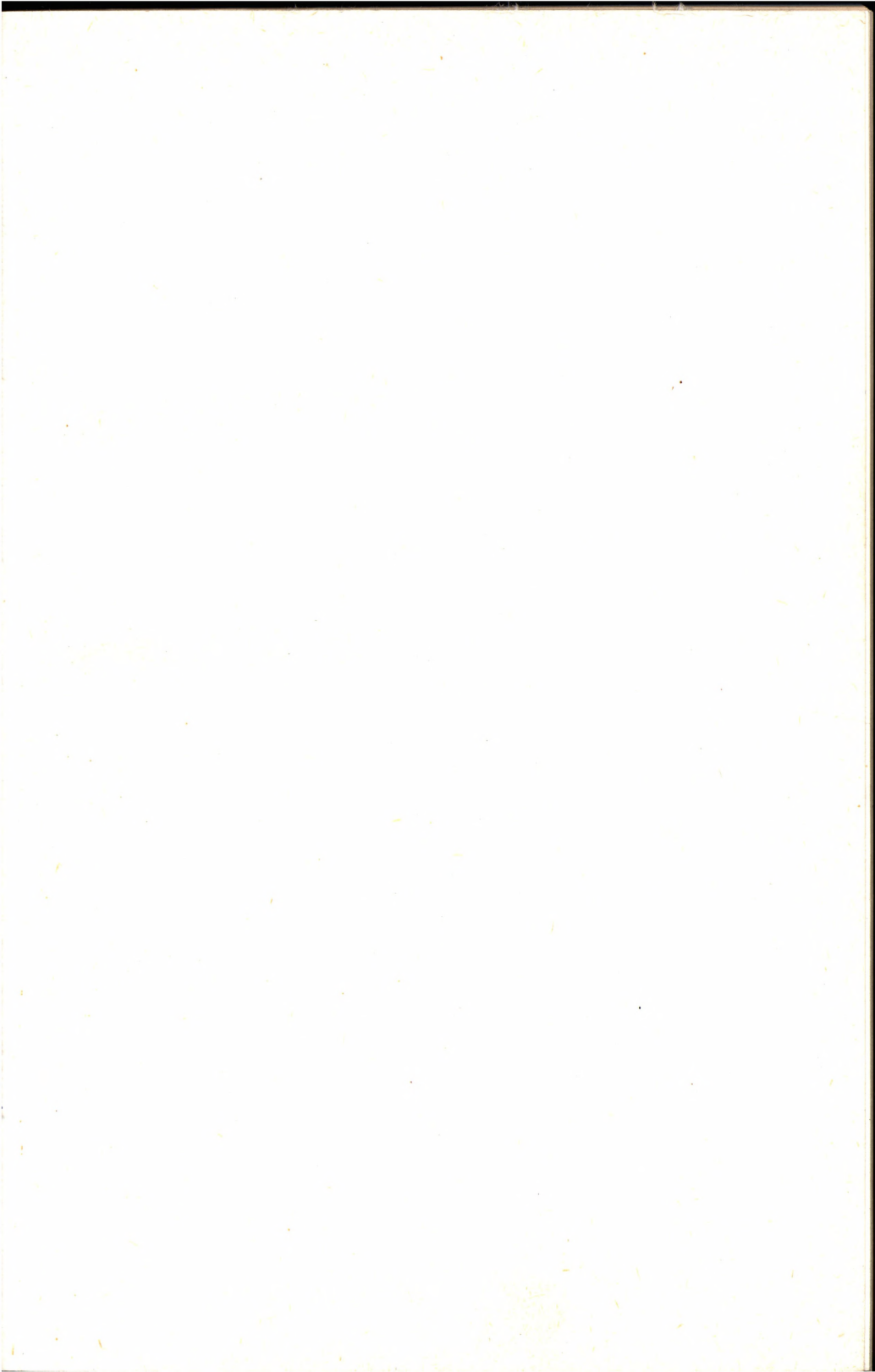
ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Книга подготовлена к столетию Парижской Коммуны большим коллективом советских ученых и ученых социалистических стран.

В первой части рассматриваются исторические предпосылки, во второй — деятельность Парижской Коммуны, первого опыта диктатуры пролетариата, излагается история героической борьбы коммунаров. В третьей части показано влияние Коммуны на рабочее, революционное и демократическое движение в различных странах. Подробно освещено отношение В. И. Ленина к Парижской Коммуне, творческое использование им ее опыта.

Парижская Коммуна рассматривается не только как событие национальной истории Франции, но и как закономерный результат развития человеческого общества, явление интернациональное.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**HISTOIRE
DE LA COMMUNE
DE PARIS
de 1871**

EDITIONS «NAUKA» MOSCOU 1971

ИСТОРИЯ
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЫ
1871 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1971

Редколлегия:

ЖЕЛУБОВСКАЯ Э. А.,

МАНФРЕД А. З.,

МАШКИН М. Н.,

МОЛОК А. И.,

ОБОЛЕНСКАЯ С. В.,

ПОТЕМКИН Ф. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

18 марта 1971 г. исполняется 100 лет со дня народного восстания в Париже, установившего первое революционное правительство рабочего класса. Эта славная годовщина будет отмечена всем прогрессивным человечеством — народом великого Союза Советских Социалистических Республик и народами других стран мировой социалистической системы, французским народом, рабочим классом остального капиталистического мира, трудящимися, всеми сторонниками социального прогресса, людьми доброй воли во всех странах.

Власть рабочих в дни Парижской Коммуны 1871 г. продержалась недолго — всего 72 дня. Но значение Коммуны в истории освободительной борьбы рабочего класса, в общем ходе всемирно-исторического прогресса очень велико.

Парижская Коммуна стала переломным рубежом в развитии капиталистического общества. Она показала и доказала, что борьба между пролетариатом и буржуазией, между эксплуатируемыми и эксплуататорами достигла уже такой степени непримиримости, что поставила в порядок дня свержение капиталистического строя и установление власти рабочего класса. Непреходящее историческое значение Парижской Коммуны прежде всего в том, что это был первый в истории человеческого общества опыт создания государства нового типа, принципиально отличающегося от буржуазного, первый опыт диктатуры пролетариата.

В начале нынешнего столетия, в 1911 г., в статье, посвященной 40-летию Парижской Коммуны, В. И. Ленин писал:

«Память борцов Коммуны читается не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных... Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас»¹.

«Дело Коммуны... живет в каждом из нас», — эти замечательные слова выражали отношение В. И. Ленина, большевиков, всего поколения подлинных пролетарских революционеров XX столетия к героическому подвигу парижских рабочих 1871 г.

Исторический опыт Парижской Коммуны, ее достижения, прежде всего осуществленный впервые французскими рабочими слом старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины и создание нового государства типа диктатуры пролетариата, являвшегося в то же время формой новой, высшей пролетарской демократии, с величайшим вниманием изучались творцами научного социализма — Марксом и Энгельсом, а позднее Лениным.

Не будет преувеличением сказать, что ни один из выдающихся революционных деятелей не изучал так глубоко, так целеустремленно, так творчески опыт Коммуны, как В. И. Ленин.

Ленин изучал историю Парижской Коммуны, начиная с 90-х годов, на протяжении всей своей жизни. Уже в период русской революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин, единственный среди марксистов II Интернационала, сумел правильно определить и оценить значение Коммуны для рабочего класса в новых исторических условиях XX в. Ленин ориентировал рабочий класс и его союзников не на завоевание парламентарной демократической республики, к чему призывали лидеры международной социал-демократии, а на государство типа Парижской Коммуны, типа Рабочих Советов, созданных русской революцией 1905 г. Ленин был первым, кто сумел увидеть то общее, что было присуще и Парижской Коммуне и Рабочим Советам.

Творческая сила ленинского гения смогла синтезировать уроки Парижской Коммуны и русской революции 1905 года еще и с

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221—222.

другой стороны. В. И. Ленин обратил особое внимание на то, что Коммуна возникла во время франко-прусской войны, русская революция — во время русско-японской войны. Творческое осмысление этих исторических фактов позволило Ленину еще в преддверии первой мировой войны совершенно четко сформулировать задачи революционной социал-демократии в случае возникновения империалистической войны. На Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. в поправках, внесенных Лениным, которого поддерживали левые, к резолюции Бебеля о борьбе против милитаризма, было ясно указано на необходимость использовать создаваемый войною кризис для свержения капитализма². Именно эти поправки придали резолюции Штутгартского конгресса тот революционный, боевой характер, который В. И. Ленин высоко ценил. Штутгартская резолюция, как известно, стала основой последующих решений Копенгагенского (1910 г.) и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала. Базельский манифест прямо указывал на пример Коммуны 1871 г. и русской революции 1905 года.

Это творческое обобщение уроков исторического опыта, в частности опыта Коммуны, позволило Ленину в самые первые дни империалистической войны, в сентябре — октябре 1914 г., в обстановке идейного разброда, растерянности, шатаний мысли в рядах международной социал-демократии сформулировать в словах точных, как математическая формула, генеральную линию борьбы пролетариата. «Единственно правильный пролетарский лозунг есть превращение современной империалистической войны в гражданскую войну»³.

Сама жизнь, начавшаяся в 1917 году в России революция подтвердили глубокую жизненность и правоту лозунга, выдвинутого В. И. Лениным осенью 1914 г.

В период от февраля к октябрю 1917 г., в особенности в период подготовки октябрьского штурма, Ленин с огромным вниманием вновь обращается к изучению первого опыта осуществления диктатуры пролетариата — к истории Парижской Коммуны. С величайшей тщательностью он исследует ее достижения, ее политику как правительства рабочего класса; с меньшим вниманием он анализирует, взвешивает допущенные

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 67—76, 79—80.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 362.

Коммуной ошибки, ее просчеты, ее недостатки и слабости. Знаменитая «Синяя тетрадь» Ленина — его подготовительные материалы к «Государству и революции» и само это классическое произведение ленинской мысли, ныне известное всему миру, показали, с какой глубиной и проникновенностью В. И. Ленин изучал исторический опыт Парижской Коммуны и ставил этот опыт на службу задачам революции.

И после победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, уже как глава Советского правительства, всегда воздавал должное героическому подвигу коммунаров и Парижской Коммуне, в лице которой Советское государство видело своего славного предшественника.

В июле 1924 г. во время работы V конгресса Коммунистического Интернационала, собравшегося уже без Ленина, французская делегация на конгрессе торжественно передала представителям московской организации Российской Коммунистической партии одно из боевых знамен Парижской Коммуны. Потемневшее от времени, пробитое пулями, знамя коммунаров многие годы стояло вместе со знаменами ЦК РКП(б) и Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала в мавзолее Ленина.

Знамя коммунаров на Красной площади в Москве, в мавзолее Ленина... То было выражением незыблемости традиций, преемственности и связи, соединяющих строителей социализма в первой Республике Советов с их славными предшественниками — бойцами Парижской Коммуны 1871 г.

Советская историческая наука, исходя из высокой оценки В. И. Лениным роли и исторического значения Парижской Коммуны, следуя за Лениным, на всем протяжении своего более чем полувекового развития уделяла большое внимание изучению героического опыта борьбы парижских коммунаров в 1871 г. Начиная с «Парижской Коммуны 1871 г.». Н. М. Лукина — первой марксистской монографии о Коммуне, опубликованной еще в 1922 г., советские историки продолжали исследовать общие и частные проблемы, связанные с возникновением и деятельностью первого правительства рабочего класса. Последним капитальным трудом, в известном смысле подытоживавшим результаты исследований советских историков, явилась двухтом-

ная коллективная монография, опубликованная к 90-летию Парижской Коммуны⁴.

В основу настоящего издания положен в известной мере этот последний труд. Однако выпускаемая ныне «История Парижской Коммуны 1871 года» во многом существенно отличается от издания 1961 г. Различие не только в объеме труда. Было найдено новое структурное решение построения книги, и редакция надеется, что оно в большей мере отвечает требованиям историзма. Естественно, большим изменениям подвергся весь текст, написаны новые главы и разделы. При подготовке настоящего издания, выпускаемого к 100-летию Парижской Коммуны, авторами и редакцией были учтены результаты собственных исследований по вопросам истории Коммуны за последние десять лет, а также научная литература по той же проблематике, появившаяся в нашей стране, во Франции и других зарубежных странах.

Редакция и авторский коллектив стремились к тому, чтобы данное издание наиболее полно и явственно отразило те принципиальные черты, которые присущи советской исторической школе в изучении истории Парижской Коммуны 1871 года.

Это прежде всего — преимущественное внимание к исторической роли Парижской Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата и высшей, пролетарской, демократии. Следуя за К. Марксом и Ф. Энгельсом, и в особенности за В. И. Лениным, внесшим много нового в освещение этих проблем, советские историки, анализируя деятельность ЦК Национальной гвардии, а затем Парижской Коммуны, стремились показать конкретно-исторически их роль как первого опыта диктатуры пролетариата. Естественно, что большое внимание при этом было уделено изучению и анализу процесса слома старой буржуазной государственной машины в конкретных формах, осуществленных парижскими рабочими в 1871 г.

Еще на одну принципиально важную черту, характерную для советской исторической школы, следует обратить внимание.

Советские ученые полагают, что генезис, предпосылки революции 18 марта 1871 г. и само возникновение Парижской Коммуны нужно искать не только в национальной истории, истории

⁴ «Парижская Коммуна 1871 г.», под редакцией Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина, т. I—II. М., 1961.

Франции, но и в общен историческом процессе той эпохи. В равной мере они считают, что историческая роль и значение Парижской Коммуны могут быть лучше поняты, если рассматривать ее не только в рамках истории Франции, но и исследуя и анализируя влияние, которое Коммуна оказала на революционное движение других стран Европы и Америки.

В соответствии с этим подходом, имеющим определенное принципиальное значение, в настоящем издании 1971 г. значительное место отведено анализу состояния капиталистического мира накануне Коммуны, а также откликам на Коммуну во многих странах Европы и Америки, показывающим силу и степень влияния Коммуны на революционное и демократическое движение того времени за пределами Франции.

Научно-организационная подготовка издания проведена Е. А. Телишевой.

Часть I ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

1

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА
В 50—60-х ГОДАХ XIX ВЕКА.
МИР НАКАНУНЕ КОММУНЫ

Два десятилетия отделяют революции 1848 г. от Парижской Коммуны 1871 г. Но за этот исторически короткий срок многое изменилось в Европе и мире.

Революции и революционные движения 1848—1849 гг., прокатившиеся широкой волной почти по всему Европейскому континенту, повсеместно завершились поражениями. Вторая половина столетия начиналась торжеством реакции.

Многим современникам тех событий казалось, что после беспощадных июньских расстрелов в Париже, разгрома венского восстания, трагедии Вилагоша, падения Венеции, после того как революция была задушена во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Италии,— у нее нет больше будущего и на Европу надвигается долгая ночь. «Письма с того берега», «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена, горестные и гневные строфы «Возмездий» Виктора Гюго запечатали то душевное смятение, вызванное гибелью надежд, крушением всех иллюзий, которым были охвачены тогда многие лучшие люди европейской демократии.

Классовая природа наступившей реакции была неодинаковой: во Франции она выступала в форме реакционно-буржуазного бонапартистского режима, в Англии господствовала фритредерская промышленная буржуазия, доверившая государственное руководство скрытому реакционеру Пальмерстону, в Пруссии экономическая и политическая власть сохранилась за юнкерством; в Австрийской империи вновь возродившийся абсолютизм Габсбургов гнул в бараний рог поработанные народы; в Российской империи — до Крымской войны — все, казалось, околечено под железной пятой императора Николая I.

Но каковы бы ни были различия в классовой природе европейской реакции 50-х годов в разных странах, везде и повсюду буржуазная и феодальная контрреволюция и реакция были

направлены в первую очередь против рабочего класса и трудящихся масс вообще.

Реакция выражалась прежде всего в жестоком полицейском терроре, свирепствовавшем на всем Европейском континенте — от Сены до Невы и от Шпрее до Тибра. Повсюду расстреливали, преследовали участников недавних революционных боев, деятелей прогрессивных движений. Жандармские облавы, аресты республиканцев и демократов во Франции, казнь генералов венгерского гонимца в империи Габсбургов, свирепая расправа над петрашевцами в России, полицейская опека Мантейфеля и Цедлица в Пруссии, насилия австрийских и французских оккупантов в Ломбардии, Венецианской области и Риме — все это были явления одного и того же порядка. Разными способами господствующие классы стремились искоренить «революционную крамолу» 1848 года.

Даже 15 лет спустя, в 1863 г., обозревая мысленно время, прошедшее с поражения революции, Герцен определял его так: «...революция, побитая на всех точках, уступала все приобретенное с 1789... Свет, входивший из Европы в трещины нашей острожной стены, стал меркнуть, трудно было что-нибудь различить; на Западе одни темные облака неслись, толкали друг друга, меняли случайные очертания, сгущались, обещая грозу и разрешаясь осенним дождем и слякотью»¹.

Но Герцен ошибался, острота разочарований толкала его на преувеличения. Как ни сильна была реакция, она не могла повернуть ход истории вспять. «Все приобретенное с 1789» нельзя было вычеркнуть — оно было неискоренимо. Глубинные экономические и социальные процессы в Европе, Америке, во всем остальном мире шли в основном по тому же направлению буржуазно-демократического развития. Нельзя было во второй половине XIX столетия даже пытаться повторить Реставрацию и «Священный союз». И не только потому, что государства, являвшиеся оплотом европейской реакции — царская Россия Николая I, бонапартистская Франция Наполеона III и буржуазная Англия Пальмерстона, — с 1853 г. вступили в ожесточенную войну между собой, но главным образом потому, что пролетариат, казалось, совершенно сокрушенный и поверженный в прах в 1848—1849 гг., вновь расправлял плечи и вступал в борьбу.

Великие творцы научного коммунизма Маркс и Энгельс сумели вернее своих современников оценить значение совершавшихся изменений в расстановке общественно-политических сил. Маркс и Энгельс считали, что главной задачей после поражения 1848—1849 гг. является соби́рание революционных сил и подготовка их к предстоящим новым классовым боям. Они свя-

¹ А. И. Герцен. Соч., т. 8. М., 1958, стр. 45—46.

зывали новый подъем революционного движения с очередным экономическим кризисом, который теоретически предвидели.

В 1857—1858 гг. новый мировой экономический кризис наступил. Правда, он не повлек за собой революционных событий такого масштаба, на который надеялись Маркс и Энгельс, но все же стал в известном смысле переломной вехой и в социально-политической истории 50-х годов ².

Подъем забастовочного движения рабочих в Англии, США, Бельгии, рост широкого общественного недовольства экономическим кризисом во Франции, в германских, итальянских государствах совпали во времени с общественными движениями, порожденными более глубокими и длительными причинами.

Восстание индийского народа против колониального гнета Англии — восстание сипаев 1857 г., прогремевший на всю Европу выстрел Орсини, целившегося в императора Наполеона III, франко-итало-австрийская война 1859 г., всколыхнувшая широкие общественные слои в итальянских и германских государствах, небывалый еще по размаху подъем крестьянских выступлений в России, приведший к складыванию в 1859—1860-х годах революционной ситуации в стране, освободительная борьба рабов-негров и восстание Джона Брауна в Соединенных Штатах Америки, начало революционно-заговорщической борьбы финнов за национальное освобождение Ирландии — таков краткий перечень важнейших социальных и политических движений конца 50-х годов.

Конечно, по своим историческим масштабам и значению многие из этих событий существенно различались, и сами эти выступления оставались локализованными, не связанными друг с другом. Но вместе с тем эти социальные взрывы большого накала на протяжении короткого срока резко изменили всю мировую политическую атмосферу.

Назревавший в России революционный взрыв был предотвращен царским правительством, вынужденным спешно открыть отдушину: 3 марта (19 февраля) 1861 г. было отменено крепостное право. Но отмена крепостного права, сопровождавшаяся ограблением крестьянства, не ликвидировала, а лишь видоизменила развитие социальных противоречий в России. Быстрый рост капиталистических отношений в стране, сохранившей царское самодержавие и крепостнические пережитки, должен был привести к еще большему накалу классовых противоречий ³. Как

² W. Ormesson. La grande crise mondiale de 1857. Paris, 1933; Л. А. Мендельсон. Теория и история экономических кризисов и циклов, т. I. М., 1959, стр. 501—592.

³ «Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы». М.—Л., 1950; А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. I—IV. Бонн-на-Рейне. 1862—1868; П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954.

показал последующий ход истории, реформа 1861 г. не предотвратила, а лишь отсрочила социальный взрыв громадной силы в России.

С начала 1861 г. разгорелась предсказанная Марксом гражданская война между северными и южными штатами в Америке. Ее значение для последующих судеб Соединенных Штатов общеизвестно. Прогрессивный характер борьбы северян против рабовладельцев-южан был в ту пору очевиден для всех людей передовой мысли и оказывал большое революционизирующее воздействие далеко за пределами американского континента.

В 1859—1860 гг., как уже говорилось, отряды гарибальдийцев и «пиччотти»-партизан своей отвагой увлекли за собой широкие народные массы, поднявшиеся на борьбу за национальное объединение Италии. В марте 1861 г. было провозглашено образование возглавляемого савойской династией Итальянского королевства, объединившего большую часть итальянских земель. Единство Италии явилось результатом самоотверженной борьбы народных масс, победы народной революции независимо от того, что плодами этой борьбы воспользовались буржуазия и либеральное дворянство, сохранившие монархию.

В отличие от 50-х годов, которые были в большей своей части годами реакции, 60-е годы явились «эрой революций». Чем же были обусловлены эти изменения и какое реальное содержание могла иметь эта новая «эра революций»?

В 50—60-х годах промышленный капитализм, капитализм свободной конкуренции, достиг своего наивысшего расцвета. То было время стремительных и бурных успехов промышленного переворота, менявшего и преобразовывавшего на глазах современников технику, экономику, социальные отношения и даже внешний уклад и образ жизни. Промышленный переворот, начавшись ранее всего (еще в XVIII столетии) в Англии, к 50—60-м годам XIX в. был здесь уже завершен. Он одерживал также решающие победы в странах Западной и Центральной Европы: Франции, Бельгии, Голландии, Пруссии и других германских государствах, в некоторых землях многонациональной Австрийской монархии и Италии; промышленный переворот уже видоизменил экономику Североамериканской республики и Канады, он прокладывал себе дорогу в России.

Понятно, что в каждой стране развитие промышленной революции имело свои особенности и отличия, нередко весьма существенные. Тот тип промышленной революции в ее, так сказать, «классической форме», с почти до конца завершенной экспроприацией крестьянства и уничтожением деревни, который Маркс проанализировал на примере истории Англии⁴, в столь

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23; К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1952.

чистом виде нигде более не повторялся — ни в одной из стран Европейского континента и Нового Света. Крестьянство и довольно значительные слои городской мелкой буржуазии сохранились везде. Но повсюду промышленная революция означала победу машинного производства над ручным трудом, быстрое развитие двух основных антагонистических классов — буржуазии и пролетариата, и, где быстрее, где медленнее, вытеснение крупным производством мелкого производства.

50—60-е годы XIX в. были временем самых высоких темпов роста промышленного производства, на которое был способен капитализм. Добыча угля, выплавка стали возросли за эти 20 лет в главных странах капиталистического развития примерно в 3 раза. Этот поразительный рост промышленной продукции стал возможен на основе смелых и плодотворных изобретений и нововведений в технике производства. Так, именно в это 20-летие в ведущей отрасли индустрии — металлургии были применены новые — бессемеровский и мартеновский — способы, значительно ускорившие и увеличившие производство стали. В промышленно передовых странах больших успехов достигло в эти годы также машиностроение — производство машин машинами, являющееся основой крупного производства. В это 20-летие продолжали быстро развиваться и различные отрасли легкой промышленности — текстильная, кожевенная, пищевая и ряд иных. Количественный рост их продукции был весьма значителен. Однако именно в 50—60-е годы легкая промышленность, ранее быстро развивавшаяся и являвшаяся, так сказать, старшим ребенком капитализма, должна была потесниться и уступить первенствующее место тяжелой индустрии⁵.

Эти огромные успехи тяжелой промышленности и, в частности, металлургии были теснейшим образом связаны (являясь и причиной, и следствием) с грандиозным, небывалым еще ранее строительством и развитием железнодорожного транспорта. Об этом можно судить по следующим цифрам: в 1840 г. вся мировая сеть железных дорог составляла всего лишь около 9 тыс. км. Через 10 лет, в 1850 г., т. е. в начале рассматриваемого периода, она равнялась примерно 40 тыс. км. 20 лет спустя, к 1870 г., общая протяженность железных дорог достигла уже 210 тыс. км., т. е. возросла в 5 с лишним раз⁶.

⁵ H. Giblins. *Economic and Industrial Progress of the Century*, London, 1903; L. C. Knowles. *Economic Development in Nineteenth Century...* London, 1947; J. Kuczynski. *Weltproduktion und Welthandel in den letzten 100 Jahren*. Berlin, 1952; R. Schnerb. *Le XIX-e siècle. L'apogée de l'expansion européenne. (1815—1914)*. Paris, 1955 (*Histoire générale des civilisations*, v. 6), Guy P. Palmade. *Capitalisme et capitalistes français au XIX siècle*. Paris, 1961.

⁶ «Мировые экономические кризисы...», под ред. Е. С. Вапра, т. I. М., 1937; Sturmer. *Geschichte der Eisenbahnen*. Blomberg, 1872; H. Peyret. *Histoire des chemins de fer en France et dans le monde*. Paris, 1949.

Время дилижансов и почтовых карет, воспетых Бальзаком и Диккенсом, уходило в прошлое. Паровозы преодолевали бескрайние расстояния. Получивший с 50-х годов широкое практическое применение электромагнитный телеграф за несколько минут сообщал из дальних концов мира вести, передача которых недавно требовала многих недель. Подводные телеграфные кабели, легшие на дно океанов, соединили пять частей света. В 1864 г. были проложены первые линии лондонского метрополитена; он был еще крайне примитивным и несовершенным, но это был шаг в будущее. На океанских просторах тяжелые, с гребным винтом, построенные из железа пароходы стали обгонять мелкие деревянные парусные суда — все эти легкокрылые бриги, корветы, фрегаты, еще недавно казавшиеся самыми быстрыми.

Замечательные успехи в развитии транспорта и связи изменяли географию мира, скрадывали расстояния, устанавливали многосторонние формы взаимосвязей между самыми отдаленными друг от друга частями света.

Развитие внутренней и, в особенности, внешней торговли шагало вперед семимильными шагами. В Англии, например, общая сумма импорта и экспорта достигла к 1863 г. огромной цифры — около 444 млн. ф. ст., что, по свидетельству канцлера казначейства Гладстона, в 3 раза превышало сумму торговых оборотов 1848 г. Это значило, что внешняя торговля Англии выросла в 3 раза всего за 15 лет. И Англия не была исключением! Франция, хотя и уступала Англии, увеличила за 20-летие 50—60-х годов размеры своей внешней торговли также примерно в 3 раза. Малонаселенная Норвегия экспортировала лес и рыбу в непрерывно возрастающих размерах, а норвежские торговые суда перевозили чужие товары по всем водным путям Старого и Нового Света⁷. Щупальца капитала проникали во все уголки мира. В кругооборот мировой торговли втянулись самые отдаленные части света: Австралия и Тасмания, Латиноамериканские страны, Китай и Япония, Индия и Цейлон, страны Среднего и Ближнего Востока.

Именно к 50—60-м годам XIX в. следует отнести и окончательное образование мирового капиталистического хозяйства и рынка. Маркс и Энгельс связывали их с победой и распространением крупного машинного производства и образованием на этой основе своего рода формы международного разделения труда⁸. Само собой разумеется, что образование мирового капиталистического хозяйства было бы невозможным без новых средств сообщения — быстрого развития железнодорожной сети, морского и океанского транспорта и т. п. Понятно, что процесс

⁷ J. Kuczynski, *Weltproduktion und Welthandel in den letzten 100 Jahren*.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23 («Капитал», гл. 13).

этот отнюдь не был результатом мирных полюбовных сделок, а тем более заботы о прогрессе, как это многократно утверждали либеральные апологеты капитализма. Волчи законы неумолимой капиталистической конкуренции, которую с гордостью называли «свободной конкуренцией», — вот что было главной движущей силой капиталистического прогресса.

Само стремительное развитие капитализма, быстрый рост функционирующего капитала и общественного богатства имели своей оборотной стороной относительное перенаселение, рост промышленной резервной армии и пауперизма. Таков был, по Марксу, всеобщий закон капиталистического накопления⁹.

Экономическое развитие отдельных стран совершалось в 50—60-е годы неравномерно, хотя эта неравномерность была и иной по своему характеру, чем в более позднее время — эпоху империализма. Вернее будет сказать, что в пору расцвета промышленного капитализма сохранялось устойчивое различие в уровне экономического развития стран. Во всяком случае, на протяжении рассматриваемого 20-летия их порядковая последовательность оставалась почти неизменной.

На первом месте, далеко опередив все остальные государства, шла Англия. Именно в это 20-летие английский капитализм достиг — соотносительно с другими странами — наивысшей мощи. Маркс и Энгельс, специально изучавшие английскую экономику, называли Англию «демиургом буржуазного космоса», «монополией капитала»¹⁰.

Англия в эти годы стала подлинной «мастерской мира». К концу 60-х годов на ее долю приходилось более половины мировой добычи каменного угля, более половины мирового производства чугуна, мировой переработки хлопка; она прочно удерживала первенство в области машиностроения, металлургии, судостроения, текстильной промышленности; она располагала самым сильным военным и самым большим торговым флотом в мире; она являлась величайшей колониальной империей¹¹.

⁹ Там же, гл. 23.

¹⁰ «Капитал» К. Маркса в своей конкретной части построен в значительной мере на английских данных; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1951.

¹¹ Н. А. Ерофеев. Очерки истории Англии 1832—1917. М., 1959; J. N. Clapham. An Economic History of Modern Britain, vol. 2. Cambridge, 1932; «Commerce and Industry... (1815—1914)», Ed. by W. Page. London, 1919; «Tables of Statistics». London, 1919; W. O. Henderson. Britain and industrial Europe, 1750—1830. Liverpool, 1954; L. N. Jenks. The Migration of British Capital to 1875. London, 1938; L. C. Knowles. The Industrial and Commercial Revolution in Great Britain during the Nineteenth Century. London, 1933; W. H. B. Court. British Economic History. 1870—1914. Commentary and Documents. Cambridge, 1965; S. G. Gheekland. The Rise of Industrial Society in England. 1815—1885. New York, 1964; «Statistical Abstract for the British Empire», vols. 33—66. London, 1884—1921.

За Англией шла другая страна старого капиталистического развития — Франция. В 60-е годы промышленный переворот здесь также завершался. Во Франции, в отличие от Британии, благодаря особенностям предыдущего исторического развития мелкое производство и на последней стадии промышленной революции оставалось необычайно живучим и количественно преобладающим¹². Франция намного отставала от Англии почти по всем важнейшим показателям промышленного производства: в 1869 г. угля добывалось во Франции примерно в 9 раз меньше, чем в Англии, чугуна производилось в 4,5 раза меньше и далее в том же роде¹³.

Однако по сравнению с предыдущими и последующими годами это было время высоких темпов роста промышленного производства в стране. С 1850 по 1869 г.¹⁴ добыча угля увеличилась с 4434 тыс. т. до 13509 тыс. т. (выросла в 3 раза); продукция чугуна — с 406 тыс. до 1381 тыс. т. (увеличение также в 3 раза); выплавка стали увеличилась с 10 тыс. до 100 тыс. т. (увеличение в 10 раз)¹⁵. Огромный размах приобрело в эти годы железнодорожное строительство, судостроение, жилищное строительство.

По темпам прироста продукции, по вкладываемым капиталам тяжелая индустрия и гражданское строительство опередили старую легкую промышленность. Но все же наибольшее число предприятий во Франции 60-х годов числилось в промышленности, производящей одежду и предметы туалета, в пищевой и строительной. В этих же отраслях, а также в текстильном производстве было занято более $\frac{2}{3}$ всех промышленных рабочих Франции.

Мелкое производство преобладало и в сельском хозяйстве, где было занято свыше 60% населения. Но и в деревне, и в городе — в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, тор-

¹² Ф. В. Потемкин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота. — «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 570—600; Э. А. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1955; G. Duveau. La vie ouvrière en France sous le Second Empire. Paris, 1946; J. Marczewski. Le produit physique de l'économie française de 1789 à 1913 (comparaison avec la Grande-Bretagne). Paris, 1965 (Economies et sociétés); P. Pierrard. La vie ouvrière à Lille sous le Second Empire. Paris, 1965; подробнее об этом см. гл. 2, ч. I настоящего издания; B. Gille. Les sources statistiques de l'histoire de France. Des enquêtes du XVII-e siècle à 1870. Genève, 1964; J. Bouvier. Le crédit Lyonnais de 1863 à 1882, v. 1—2. Paris, 1961.

¹³ M. Block. Statistique de la France comparée avec les divers pays de l'Europe, t. 2, 2 éd. Paris, 1875.

¹⁴ Для Франции статистические данные следует брать за 1869 г., так как в следующем, 1870 г., война многое изменила.

¹⁵ «Annuaire statistique. Statistique générale de la France», vol. 33, 1913. Paris, 1914. Résumé retrospectif.

говле — везде год от года все сильнее чувствовалась возрастающая власть крупного капитала, всеилие денег, могущество богатства¹⁶.

Молодая заокеанская республика — Соединенные Штаты Америки, — долгое время находившаяся в экономической зависимости от Англии и Франции, во второй половине XIX столетия стала наверстывать упущенное и к концу 60-х годов по ряду отраслей производства обогнала Францию, а в дальнейшем — и Англию, оспаривая первое место.

Быстрое развитие капитализма в промышленности северных штатов и в сельском хозяйстве Запада сдерживалось наличием рабовладельческой плантационной системы Юга. В США не было феодализма в европейском понимании, как помехи на пути капиталистического развития. Но его заменяло рабовладение, являвшееся такой же преградой для капитализма. Гражданская война в США 1861—1865 гг. была особой формой буржуазно-демократической революции и закономерно привела к поражению рабовладельческого Юга и победе Севера. Преграда на пути капитализма была сломлена. Теперь ничто не сдерживало его стремительного развития. Уже во второй половине 60-х годов американский капитализм, свободно и беспрепятственно развиваясь на расчищенной почве, показал такие высокие темпы роста продукции, каких не знало капиталистическое производство ни в одной стране мира¹⁷.

В Германии, разьединенной партикуляризмом больших и малых государств, развитие капитализма, вследствие незавершенности буржуазной революции, шло сложным путем. В сельском хозяйстве помещики-юнкеры, удерживавшие в своих руках землю, постепенно перестраивали хозяйство на капиталистический лад. Это был медленный и крайне мучительный для большинства крестьян путь перерастания «крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров»¹⁸. Благодаря высоким ценам в те годы на зерно, благодаря жесточайшей эксплуатации крестьян это превращение дворянского поместья в капиталистическую латифундию, «фабрику зерна и мяса», означало укрепление экономических позиций юнкерства, что в свою очередь усиливало их политические позиции. Юнкерство оставалось главенствующей си-

¹⁶ *M. Lévy. Histoire économique et sociale de la France depuis 1848. fasc. 1—2. Paris, 1952.*

¹⁷ «Historical statistics of the United States, 1789—1945». Washington, 1949; *Фолкнер. История народного хозяйства США*, пер. с англ. М., 1932; *R. V. Harlow. The Growth of the United States, v. 1—2. New York, 1943*; *E. C. Kirkland. A History of American Economic Life. New York, 1941*; *T. P. Kettel. Southern Wealth and Northern Profits. Alabama, 1965*; *Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956.*

¹⁸ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216.*

лой в общественно-политическом строе германских государств.

Немецкая буржуазия, перетрусившая в 1848—1849 гг., отказалась от политических притязаний и перенесла свою активность в сферу предпринимательства. Промышленный переворот, начавшийся в Германии много позже, чем в Англии и Франции, совершался уже на достаточно высоком уровне развития техники. Это давало, естественно, немецким промышленникам немалые преимущества. Быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность. Вырастали крупные для того времени, оснащенные самой передовой техникой предприятия, как, например, металлургические заводы Круппа, на которых работало в 1870 г. свыше 16 тыс. рабочих. По своей энерговооруженности германская промышленность к концу 60-х годов обогнала французскую. И хотя в Германии оставалась еще весьма распространенной патриархальная домашняя промышленность, было множество ремесленников и всякого рода «мастеровых людей», все же крупное капиталистическое производство уже одержало решающие победы¹⁹.

В России крестьянская реформа 1861 г. стала переломным рубежом в историческом развитии страны. Проведенная сверху царским самодержавием, охранявшим интересы крепостников-помещиков, эта реформа ни в какой мере не удовлетворила чаяний крестьянства. На практике она оказалась грандиозной, государственно организованной системой экспроприации части крестьянской земли. Это ограбление крестьянства положило начало последующему оскудению деревни, деградации крестьянского хозяйства²⁰.

И все же несмотря на то, что все меры по проведению реформы носили на себе глубокий отпечаток ее закоренело реакционных авторов, несмотря на сохранившиеся в самых уродливых формах феодально-крепостнические пережитки, «содержание крестьянской реформы,— как указывал В. И. Ленин,— было буржуазное...»²¹. Реформа 1861 г. знаменовала поворот в истории России: с трудом пробившиеся сквозь толщу феодально-крепостнического строя ростки новых капиталистических отношений после 1861 г. пошли с неудержимой силой. В. И. Ленин писал, что после реформы «развитие капитализма в России пош-

¹⁹ Ф. Меринг. История германской социал-демократии, т. 2. З. М., 1923; С. Вальтерсхаузен. Экономическая история Германии в XIX в. М., 1912; Ю. Кучинский. Очерки истории германского империализма, т. I. М., 1952; P. Benaarf. Les origines de la grande industrie allemande. Paris, 1932; W. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. Berlin, 1909; F. Schnabel. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Die moderne Technik und die deutsche Industrie. Freiburg, 1965.

²⁰ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 426 и сл.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

ло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»²².

Капитализм быстро развивался в эти годы и в малых странах — Бельгии и Голландии. В Бельгии происходил весьма интенсивный промышленный подъем, приведший к возникновению технически хорошо вооруженной по тем временам тяжелой и легкой индустрии, густой сети железных дорог, крупных по масштабам страны городов. В Голландии капитал устремился главным образом в обширные колонии, эксплуатация которых приносила громадные сверхприбыли²³.

В Италии капиталистическое развитие шло неравномерно. На Юге, где преобладало сельское хозяйство, сохранившее во многом следы далекого средневековья, промышленность и торговля развивались туго. Зато в северо-западной части Италии — в Сардинском королевстве — предпринимательская и коммерческая деятельность кипела. Здесь возникали новые отрасли промышленности — металлургия, машиностроение, создавались крупные, оснащенные передовой техникой промышленные предприятия, вроде известных заводов «Ансальдо». На основе технического обновления на много увеличивала свою продукцию старая хлопчатобумажная промышленность, строились железные дороги, основывались крупные банки, торговые фирмы с миллионными оборотами, развевывалась торговля, проникавшая во все уголки Апеннинского полуострова и далеко за его пределы²⁴.

Так называемая «революция Мейдзи» — незавершенная буржуазная революция 1867—1868 гг. в Японии открыла пути капитализму и в далекой «стране восходящего солнца». Эта революция имела ряд особенностей, обусловленных своеобразием исторического развития стран Востока. Внешне могло казаться, что она лишь низвергла режим сёгуната и восстановила абсолютистскую власть императора. Но и при этих ограниченных результатах 1868 г. — власть перешла от дайме (крупных феодалов) в основном к дворянству, а крупная буржуазия, поддер-

²² Там же, стр. 174; см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 1—602; О. Д. Соколов. На заре рабочего движения в России. М., 1963.

²³ «Statistiekten van den Nederlandse nijverheid uit de eerste helft der 19-eeuw». Uitgege. door J. Z. Brugmans. S-Graven hage, 1956; D. Laloux. Essai sur l'expansion commerciale belge dans le monde. Liège, 1959.

²⁴ Э. Серени. Развитие капитализма в итальянской деревне, пер. с итал. М., 1951; К. Ф. Мизиано. Некоторые проблемы объединения Италии. М., 1955; И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966; E. Sereni. Il capitalismo nelle campagne (1860—1900). Torino, 1968; «La formazione dello stato unitario». Milano, 1963, D. Demarco. Banca e congiuntura nel Mezzogiorno d'Italia, v. 1. 1809—1863. Napoli, 1963; G. Luzzato. L'economia italiana dal 1861 al 1914, vol. 1. 1861—1894. Milano, 1963.

живавшая императорскую власть, так и не была допущена к государственному аппарату — все же нельзя не видеть буржуазного содержания происшедших в стране перемен.

Такие меры нового правительства, как закон о свободе внутренней и заморской торговли, о создании банков и акционерных обществ, об уничтожении гильдий, о свободе продажи и купли земли и т. п., имели чисто буржуазный характер и открывали простор для стремительного движения вперед молодого японского капитализма. Пройдет лишь несколько десятилетий после событий 1867—1868 гг., и императорская Япония, при сохранении всех внешних атрибутов восточного полуабсолютистского режима и традиций самурайской кастовости, станет страной самого модернизированного капитализма и самых высоких для него темпов роста производства, соперничающих с американскими²⁵.

Так, в разных концах земного шара, от стран старой Европы до Тихоокеанского побережья Северной Америки и до о-вов Кюсю, Хонсю и Хоккайдо, омываемых Японским морем, — везде капитализм одерживал победы, проникал во все поры общества, вызывал новое, ускоренное биение пульса экономической и социальной жизни.

Растянувшаяся на два столетия борьба тогда еще молодого, полного сил капитализма со средневековым, отжившим свой век феодальным строем повсеместно заканчивалась поражением феодализма.

В 50—60-е годы развитие капитализма по восходящей линии достигло своего зенита. В ту пору капитализм в наибольшей мере способствовал росту производительных сил. Но вместе с тем развитие капитализма уже приближалось к своему переломному рубежу. Эти десятилетия расцвета были завершением периода побед и утверждения капитализма. Вслед за ними должна была начаться нисходящая линия его исторических судеб.

Победы капитализма и его бурное развитие в 50—60-е годы XIX в. были тесно связаны со столь же быстрым ростом жестокого, варварского колониализма.

Промышленно развитые страны, в первую очередь Англия, Франция, США, силой оружия взламывали ворота экономически отсталых стран, чтобы превратить их в свои колонии или полуколонии — рынки сбыта для своих товаров и источники дешевого сырья.

Исторически колониализм возник ранее — его начало восходит к эре первоначального капиталистического накопления. По-

²⁵ Е. Жуков. История Японии. М., 1939; «Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М., 1957; Х. Т. Эйдоус. Очерки новой и новейшей истории. М., 1955; Tauru Shigeto. Essays on Economic Development. Tokyo, 1968.

следующее быстрое развитие промышленного капитала стало возможным лишь на основе грандиозного ограбления громадных богатств, накопленных за долгое время трудом народов стран Востока и Запада.

Британское могущество росло на костях индийского, бирманского, цейлонского и других народов Востока.

Когда благодаря непрерывному притоку награбленных богатств из колоний британская капиталистическая промышленность стала первой в мире, тогда колонии приобрели для метрополии и иное значение — рынков сбыта для английских товаров и источника дешевого сырья. Беспощадный ввоз хлопчатобумажных и иных товаров в Индию и другие колонии приносил английским колонизаторам сказочные сверхприбыли.

Вторжение английских товаров на индийский рынок вело к разорению индийской домашней промышленности, старинного индийского ремесла. Английские чиновники принуждали разоренных индийских крестьян и обнищавших ремесленников разводить те технические и продовольственные культуры, которые нужны были английской промышленности как сырье для переработки. Британская политика ставила своей целью превратить всю многомиллионную Индию в огромную подневольную деревню, работающую на английский город.

К 60-м годам были завоеваны последние индийские земли, еще сохранявшие государственный суверенитет: Пенджаб (1839 г.), Нагпур, Ауд и более мелкие владения. В 1856 г. после долгой опустошительной войны была аннексирована Западная Бирма.

Великая освободительная война индийского народа 1857—1859 гг. была героической попыткой сбросить гнет английских поработителей, спасти страну от губительной тирании британского колониализма. Маркс в 1858 г. писал, что «Индия, с тем отливом людей и денег, которого она будет стоить Англии, является теперь нашим лучшим союзником»²⁶. Но тогда еще не пришло время для соединения борьбы пролетариата и освободительной борьбы народов колоний в единый фронт против капитализма. Силы сторон в Индии были слишком неравны. Восстание сипаев было подавлено со свирепой жестокостью. Индия по-прежнему оставалась главным источником колониальных сверхприбылей, на которых так пышно расцветал английский капитализм середины прошлого века²⁷.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 212; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. О национально-освободительном восстании 1857—1859 гг. в Индии. М., 1959.

²⁷ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955; «Народное восстание в Индии 1857—1859». Сб. статей. М., 1957; Синха и Банерджи. История Индии. М., 1954.

К 1850 г., помимо Индии, под властью Англии находилось еще 160 млн. человек и 11 700 тыс. кв. км колониальных владений. Это была величайшая колониальная империя в мире.

Но британским колонизаторам это все еще казалось недостаточным. В 50-х годах XIX в. колониальная экспансия Англии развернулась с невиданным еще размахом. Помимо новых владений в Индии, англичане в эти годы завоевали Белуджистан, обширные территории Малаккского полуострова, ряд более мелких владений в Азии и Африке. На островах Новой Зеландии на протяжении ряда лет они продолжали истребительную войну против племени маори. 20 лет беспощадных войн против народов Востока привели к увеличению числа подданных британской короны еще на 70 млн. человек.

В самой Европе английские правящие классы на протяжении столетий терзали поработленную ими Ирландию. «Зеленый остров» в результате английского господства стал единственной в Европе страной, где население не возрастало, а убывало. Тогда как за 20 лет, с 1850 по 1870 г., население самой Англии, Уэльса и Шотландии увеличилось с 21 млн. человек до 26,3 млн., в Ирландии за это же время оно упало с 6,6 млн. до 5,4 млн. человек. Эти сухие цифры красноречивее всяких слов обличали английскую политику по отношению к Ирландии²⁸.

В 1857 г., воспользовавшись заведомо ложным предлогом, английское правительство, возглавляемое «истинным рыцарем свободы» лордом Пальмерстоном, начало вторую опиумную войну против Китая. Английские и французские военные корабли подвергли безжалостной бомбардировке Кантон и оккупировали его. Китайское правительство должно было в 1859 г. подписать новые неравноправные договоры, но и они не могли насытить англо-французских колонизаторов. Им удалось спровоцировать новый конфликт, давший повод для возобновления военной агрессии. В 1860 г., используя свое подавляющее превосходство в военной технике, англо-французские войска нанесли поражение китайцам и ворвались в Пекин. Древняя столица Китая подверглась беспрецедентному разрушению и разграблению.

В октябре 1860 г. в разгромленном и разграбленном Пекине победители предложили Китаю условия нового кабального договора, предоставившего Англии и Франции и их подданным новые, почти ничем более не ограниченные права в Китае.

Английские и французские колонизаторы организовали в 1864 г. интервенцию против тайпинского свободного крестьянского государства. К лету 1864 г. интервенты подавили мужественное сопротивление тайпинов. В июле пала столица государства — Нанкин. Более 100 тыс. тайпинов было уничтожено. Разбой и зверства английских и французских солдат и офицеров

²⁸ П. М. Керженцев. Ирландия в борьбе за независимость, изд. 3-е. М., 1936.

приняли такие страшные размеры, что даже прославленный кондотьер британского колониализма генерал Гордон счел нужным отказать от поднесенных ему подарков, отмежевываясь тем самым от позорного поведения своих собратьев по оружию.

Так открытым применением насилия Англия и Франция взламывали ворота Китая, чтобы обеспечить сбыт втридорога своих товаров на более ничем не защищенном огромном китайском рынке ²⁹.

Такими же разбойничьими совместными военными действиями Англии, Франции, Голландии и США в 1863 г. были взломаны ворота Японии, вынужденной также допустить ввоз иностранных товаров в свою страну.

Еще ранее, в 1856 г., Англия, схватив за горло Персию (туда была направлена военная экспедиция), принудила шаха предоставить английским купцам и английским товарам наиболее выгодные условия.

Наряду с Англией, политику колониальной экспансии, хотя и в меньших масштабах, вели и другие развитые капиталистические страны.

Правительство Наполеона III во Франции, руководствуясь династическими мотивами и корыстными интересами финансовой буржуазии, предприняло ряд завоевательных колониальных войн. В 50-х годах была возобновлена изнурительная и дорогостоящая война за расширение французских владений в Северной Африке.

С конца 50-х до конца 60-х годов (1867) французские колонизаторы вели завоевательную войну в Индокитае. Французы овладели Камбоджей, Кохинхиной и после долгой и крайне изнурительной для них войны против вьетнамских партизан установили свою власть над южным Вьетнамом.

В 1862 г. Франция совместно с Англией и США начала интервенцию против прогрессивного республиканского правительства Бенито Хуареса в Мексике. То была одна из «великих наполеоновских идей», за которой скрывались эгоистические династические интересы и корыстные расчеты банковских воротил. К тому же, как справедливо писал Виктор Гюго, «посягательство на Мексиканскую республику — продолжение посягательства на республику Французскую» ³⁰. Эта опустошительная, позорная

²⁹ А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956; *Фань Вень-лань*. Новая история Китая, пер. с кит., т. 1. М., 1955; *Кара-Мурза*. Тайпины. М., 1950; *Хуа Тан*. История революционной войны тайпинского государства. М., 1952; В. П. Илюшечкин. Крестьянская война тайпинов. М., 1967; «Economic Development with Special Reference to East Asia», Z, 1964.

³⁰ В. Гюго. Война в Мексике. — Соч., т. 15, стр. 389; см. также Н. Parkes. History of Mexico. New York, 1940; «Очерки новой и новейшей истории Мексики». М., 1960.

война продолжалась пять лет. В 1867 г. героическое сопротивление мексиканского народа взяло верх над насилием интервентов и «величайшее предприятие империи» закончилось полным провалом.

В 50—60-х годах голландские колонизаторы, ломая отчаянное сопротивление индонезийского народа, постепенно расширяли границы своих владений, завоевав Борнео и Суматру.

Соединенные Штаты Америки, находившиеся сами долгое время в экономической зависимости от европейских государств, вели сначала в границах Американского континента, а затем и за его пределами агрессивную завоевательную политику. Как справедливо писал Уильям Фостер, «об экспансионистских замыслах правящих классов Соединенных Штатов свидетельствует многозначительное название, присвоенное новой республике Конституционным конвентом: Соединенные Штаты Америки. Никакая другая страна Западного полушария никогда не пыталась присвоить исключительно себе общее имя Америки»³¹.

Но речь шла не о символах. Со времени образования заокеанской республики и до конца XIX столетия янки вели беспощадную истребительную войну против коренных жителей Северной Америки — индейцев. Некогда многочисленные племена сиу, гейен, невахо и др. были превращены в музейную редкость. Одновременно шла экспансия на Юг и Юго-Запад. Захват Техаса у Мексики дал искомый повод для войны против соседнего южного государства. Война 1846—1847 гг. завершилась ограблением Мексики, или, точнее говоря, ее разделом, что, впрочем, признавала и американская печать того времени, открыто заявлявшая, что «Мексика — это американская Польша»³².

50—60-е годы — время наивысшего расцвета капитализма «свободной» конкуренции. Поэтому и в колониальной политике великих держав еще не выявились все черты, присущие периоду монополистического капитализма. Колониализм 50—60-х годов был таким же губительным, беспощадным, свирепым по отношению к отсталым народам, как раньше и позже. Насилия, грабежи, чудовищная эксплуатация, которые несли «отсталым народам» европейские и американские колонизаторы, были столь невыносимы, что вызывали сопротивление — восстания, освободительные войны, движение протеста поработенных народов.

³¹ Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки, пер. с англ., изд. 2-е. М., 1955, стр. 275.

³² I. B. McMaster. A History of the People of the United States, vol. VII. New York, 1885, p. 498; Басант Хен. Кредитно-банковое дело и экономика Мексики (1777—1876). М., 1970 (V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 авг. 1970); «Estudios de Historia. Moderna y Contemporánea de México». Ed. J. Valero Silva. Mexico, 1965,

Великая крестьянская война тайпинов в Китае, великое освободительное восстание индийского народа 1857—1859 гг., бабидские восстания в Иране, начавшееся в 60-х годах движение тонхаков в Корее, восстание алжирского народа 50—60-х годов, ряд восстаний меньшего масштаба в Индонезии, странах Балканского Востока, в Африке и т. д.— все это были проявления глубоко справедливой освободительной борьбы поработенных или поработаемых народов против своих угнетателей.

Однако народно-освободительные войны, восстания и движения угнетенных масс колониальных стран против иностранного капитализма в ту пору — в середине XIX в.— еще не смыкались с освободительной борьбой пролетариата против буржуазии. Ни рабочие в метрополии, ни угнетенные народы колоний еще не видели друг в друге союзников и не объединяли своих усилий для совместной борьбы против общего врага. В этом было также одно из существенных отличий эпохи Парижской Коммуны от нынешней эпохи перехода от капитализма к социализму.

В отличие также от нынешней эры, когда произошло крушение всей колониальной системы, в то время — в 50—60-е годы XIX в.— колониализм был прочной опорой капитализма.

Как учил В. И. Ленин, развивающемуся капитализму свойственны две исторические тенденции. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма...»³³

Эти две исторические тенденции порождали одно из глубоких противоречий капитализма.

Вызванная развитием капитализма тенденция к национальной независимости и самостоятельности, к созданию национальных единых государств, направленная против феодализма и его пережитков, была исторически прогрессивна. Другая, свойственная капитализму тенденция, — к ломке национальных перегородок, могла им осуществляться только в грубо насильственных формах — грабежах и захватах, и встречала поэтому справедливое сопротивление чужеземному гнету и прогрессивное стремление к уничтожению насильственных форм объединения.

В 50—60-е годы обе эти тенденции проявлялись с почти равной силой.

Успехи капиталистического развития способствовали усилению национально-буржуазного движения в самой Европе, стрем-

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

лению покончить с остатками феодальной раздробленности и разобщенности, с наследием абсолютизма в политическом строе.

Это бурное время больших народных движений настало с конца 50-х годов. На смену волнам реакции теперь поднимались волны революции.

«Risorgèrò nemico ognor più crudo
Cenere anco sepolto e spirto ignudo» —

«Я воскресну из мертвых врагом еще более страшным,
Хотя буду лишь пеплом могильным и духом бесплотным».

Эти строки из Торквато Тассо, произнесенные обреченным на казнь Феличе Орсини, как писал 18 марта 1858 г. Карл Маркс, уже начинали сбываться³⁴.

1859 год начался давно не виданной паникой на биржах Европы. Биржевая катастрофа была вызвана слухами о близкой войне.

Правительство Наполеона III опровергло эти слухи. Денежная паника улеглась. Передавали, что некоторые высокопоставленные и хорошо информированные лица, как, например, сводный брат императора Наполеона граф Морни, за несколько часов смятения на бирже увеличили свое состояние на 2 млн. франков.

Но прошло немного времени, и ход событий показал, что дело отнюдь не сводилось только к денежным спекуляциям.

29 апреля 1859 г. началась война Франции и Сардинского королевства против Австрии.

Эта война, давно и тщательно подготавливаемая французской дипломатией, точно определенная в своих целях на тайном свидании Наполеона III и Кавура в Пломбьере в 1858 г., застрахованная секретным соглашением Франции и России 3 марта 1859 г., режиссерски поставленная столь искусно, что нападающей стороной выступала Австрия,— была одной из самых крупных политических спекуляций бонапартистского режима.

Начавшиеся военные операции, как это и предполагалось, показали еще раз миру классическую в своем роде бездарность австрийских военачальников и принесли императору Франции столь недостающие ему военные лавры.

Но дальше все пошло по-иному. Династические и своекорыстные интересы бонапартистского режима пришли в столкновение с неудержимо развертывавшейся народной революцией в Италии. На историческую сцену вышло не предусмотренное бонапартистской режиссурой действующее лицо — народ, и именно к нему переходила теперь главная роль.

³⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 425.

Наполеон III пытался оборвать пьесу в середине ее действия. 8 июня, предав своих итальянских союзников, он заключил за их спиной сепаратное соглашение с австрийцами в Виллафранке. Но уже ни Бонапарт, ни Кавур, ни Виктор-Эммануил не могли остановить развернувшегося по всей стране народного революционного и патриотического движения.

В мае 1860 г. на глазах изумленного мира тысяча краснорубашечников легендарного Гарибальди, отплыв на двух кораблях из Генуи, высадилась на каменистом берегу Сицилии и, поддержанная восставшими крестьянами острова, в битве при Калатафими разгромила регулярные войска неаполитанского короля. 27 мая, приветствуемый ликующим народом, Гарибальди вступил в Палермо.

Но это было лишь начало. Вскоре под ударами революционной армии Гарибальди рухнула монархия неаполитанских Бурбонов, были снесены пограничные столбы Королевства обеих Сицилий.

К октябрю—ноябрю того же 1860 г. Юг и Север Италии воссоединились. Но единство страны устанавливалось под флагом монархии, возглавляемой Савойской династией. 6 октября под звуки фанфар король Виктор-Эммануил торжественно въехал в Неаполь, а Гарибальди вернулся на свой маленький остров Капрера. В марте 1861 г. всеитальянский парламент провозгласил образование Итальянского королевства во главе с Виктором-Эммануилом.

И все же, несмотря на то, что демократическое освободительное движение сдало свои позиции буржуазным либералам, завершение объединения Италии было исторически безусловно прогрессивным.

Но значение начатой итальянским народом борьбы за национальное единство страны было еще и в ином. «1860 год является продолжением 1849»,— говорил Виктор Гюго в речи, посвященной Гарибальди. Он хотел этим сказать, что вновь пришло время революции. «Пусть одни действуют, другие говорят, но пусть трудятся все! Да, все за работу! Ветер подул!»³⁵— восклицал в той же речи великий французский поэт-демократ.

Революционные события 1859—1860 гг. в Италии открыли полосу больших национально-освободительных и революционно-демократических движений, потрясавших Европу и мир на протяжении всех 60-х годов.

Здесь достаточно хотя бы напомнить важнейшие из этих движений в той хронологической последовательности, как они развивались.

В декабре 1861 г., после избрания Авраама Линкольна президентом Соединенных Штатов, вышли из Союза семь рабо-

³⁵ В. Гюго. Гарибальди. — Соч., т. 15, стр. 345, 551.

владельческих штатов. Мятеж, поднятый рабовладельческим Югом, положил начало непримиримой, ожесточенной гражданской войне на протяжении пяти лет, с 1861 по 1865 г., раздиравшей Соединенные Штаты и державшей весь мир в напряженном внимании³⁶.

В 1859 г. в Юго-Восточной Европе завершился продолжавшийся долгие годы процесс создания единого румынского государства. Издавна связанные кровным родством, но искусственно разьединенные Молдавия и Валахия объединились в единое суверенное государство — Румынию. Создание независимого румынского государства стало вдохновляющим примером для народов Балканского полуострова — болгар, сербов, черногорцев, герцеговинцев и других, томившихся под турецким гнетом. В 60-х годах освободительная борьба славянских народов против турецкого господства резко усилилась. Выдающийся болгарский революционер Георги Раковский дважды пытался поднять восстание против турецкого владычества. Их неудача не сломила воли болгарского народа к освобождению. Патриоты, демократы-республиканцы Васил Левский и Любен Каравелов стали создавать в стране тайные революционные комитеты, призванные возглавить освободительную борьбу болгарского народа.

В 1862 г. в полуассальной Сербии в Белграде произошло вооруженное столкновение между сербами и турками. Еще ранее, в 1861 г., началось восстание герцеговинцев против турецкого гнета. В 1862 г. герцеговинцев поддержали черногорцы. Взявшиеся за оружие славянские народы не смогли достичь тогда полного освобождения от турецкого гнета, но власть Порты над славянскими народами становилась все слабее³⁷.

В январе 1863 г. началось восстание в Польше³⁸. Его подготовка находилась в прямой связи с нарастанием революционной ситуации в России и Польше. Вожди польского национально-революционного движения сговаривались с русскими революционными группами — «Землей и волей», издателями «Колокола» в Лондоне; восстания ожидали, и все же, когда в

³⁶ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М., 1955; Д. Заславский. Гражданская война в США. Л., 1926; У. Фостер. Очерк политической истории Америки, гл. 17; он же. Негритянский народ в истории Америки, пер. с англ. М., 1955.

³⁷ Ж. Натан. Болгарское возрождение, пер. с болг. М., 1949; Д. Косев. Новая история Болгарии, пер. с болг. М., 1952; «История Болгарии», т. I. М., 1954; Светозар Маркович. Избр. соч. М., 1956; А. А. Погодин. История Сербии. СПб., 1904.

³⁸ С. М. Драницин. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное восстание 60-х гг. XIX в. М., 1954; Ю. Ковальский. Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г., пер. с польск. М., 1953; «История Польши», т. 2, гл. 13, 14. М., 1955.

ночь на 23 января над польскими городами и селами прозвучал набат восстания,— вся Европа была потрясена.

Маркс и Энгельс выступили в защиту восставшей Польши. Английские и французские рабочие заявили о солидарности с польским народом, борющимся за свое освобождение. Лучшие люди России в дни жестокой кровавой борьбы протянули руку братской дружбы польскому народу. «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польше, потому что мы хотим свободы России»,— заявляла прокламация русского тайного революционного общества «Земля и воля»³⁹.

Поляки были побеждены, но восстание, вспыхнувшее в сердце Европы, оказало огромное влияние на демократическое и рабочее движение всего континента.

В 1864 и 1866 гг. в центре Европы разразились две войны: Австрии и Пруссии против Дании и затем, через год, Пруссии и Италии против Австрии. Эти непродолжительные, но кровопролитные войны, подготовленные тайными происками бисмарковской дипломатии, по своему характеру и по своим целям были глубоко чужды демократическому движению. И все же, несмотря на то, что эти войны имели своим результатом усиление гогенцоллерновской Пруссии, что они были лишь звеньями бисмарковской политики «железа и крови», объективно, по своему историческому содержанию они были буржуазно-национальным движением; это были, как писал В. И. Ленин, «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества⁴⁰.

На другом конце земного шара, в Новом Свете, в Мексике, на протяжении пяти лет мексиканский народ под руководством Бенито Хуареса вел героическую освободительную войну против французских интервентов, оккупировавших страну.

Победа мексиканского народа над французскими завоевателями, восстановление республиканской власти в стране были восприняты передовыми людьми Европы как торжество справедливости⁴¹.

В июле 1866 г. началось восстание патриотов острова Крит против турецких угнетателей. Все население острова поднялось на борьбу за свою свободу. В сентябре Национальное собрание Сфакии провозгласило независимость Крита и неразрывность уз его союза с Грецией. Освободительная борьба народа Крита встретила горячее сочувствие европейской демократии.

³⁹ А. И. Герцен. Соч., т. 8, стр. 30.

⁴⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

⁴¹ В. Гюго. Соч., т. 15, стр. 389; см. об этих событиях: Г. Паркс. История Мексики, пер. с англ. М., 1949; E. Gruening. Mexico and its heritage. New York — London, 1930.

Гюстав Флуранс, соратник Бланки, «рыцарь без страха и упрека» французского революционного движения, отправился на Крит сражаться за правое дело повстанцев. Передовые рабочие Европы и Америки горячо поддержали героическую борьбу народа Крита⁴².

В 1867 г. в Ирландии был раскрыт заговор фениев — тайной революционной организации патриотов, — стремившихся путем вооруженной борьбы добиться освобождения своей родины от британского владычества. Английские власти обрушили на ирландский народ град репрессий. Но фении продолжали борьбу. Их мужественные усилия встречали искреннее сочувствие Маркса и Энгельса, лучших людей европейской демократии. Маркс подчеркивал, что для английского рабочего класса *«национальное освобождение Ирландии является... первым условием его собственного социального освобождения...»*⁴³

В 1868 г. началась освободительная война кубинского народа против испанского владычества. Эта война растянулась на целое десятилетие и не принесла народу Кубы желанной свободы: Испания подавляла огромным превосходством своих сил. Но мужество и отвага народа Кубы, поднявшегося на борьбу за свою свободу, вызвали восхищение и сочувствие всех сторонников прогресса и демократии во всем мире.

В обращении «К женщинам Кубы» Виктор Гюго в 1870 г. писал: «Я буду говорить в защиту Кубы... ваша героическая родина будет вознаграждена за свою скорбь, столько крови не будет пролито напрасно, — настанет день, когда прекрасная Куба, свободная и независимая, займет место среди своих благородных сестер, республик Америки»⁴⁴.

В сентябре 1868 г. вспыхнула революция в Испании. Она началась с восстания моряков в Кадисе, в течение нескольких дней охватила всю страну, свергла с престола королеву Изабеллу II и заставила ее бежать из страны.

Медленные темпы экономического развития страны, относительная слабость испанского пролетариата обусловили буржуазный характер и этой, пятой по счету, испанской революции. Она растянулась на ряд лет и не разрешила стоявших перед нею задач. Тем не менее эта революция в одной из старейших монархий Европы, с первых своих дней опрокинувшая королевский трон, произвела большое впечатление на современников. Особенно сильно было ее воздействие на умы и сердца по ту сторону Пиренеев, в охваченной общественным

⁴² J. Ballot. Histoire de l'insurrection crétoise. Paris, 1968; E. Driault et M. Lhéritier. Histoire diplomatique de la Crète, t. 3. Paris, 1925.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 558—559.

⁴⁴ В. Гюго. Соч., т. 15, стр. 447; см. также В. М. Мирошевский. Освободительное движение в американских колониях Испании. М., 1946.

возбуждением Франции, уже отчетливо осознававшей прогрессирующий кризис бонапартистского режима.

Даже этот беглый обзор важнейших событий национально-освободительного движения 60-х годов показывает, как бурно оно развивалось в это десятилетие.

На глазах современников в течение исторически кратчайшего срока — десяти лет — менялась политическая география мира: передвигались границы, возникали новые государства, рушились старые монархии. В разных концах земного шара в ожесточенной упорной борьбе, то побеждая, то терпя поражения, но в конце концов преодолевая сопротивление старых, отживающих свой век социальных сил, совершался исторический прогресс, общественное развитие шло вперед.

Как уже говорилось, основным объективным содержанием этого процесса были буржуазно-национальные и буржуазно-демократические движения.

В. И. Ленин указывал, что главным классом, который в борьбе против феодально-абсолютистских учреждений «шел по поднимающейся вверх линии», была буржуазия. «В разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда (например, часть итальянской в 1859 году) даже революционна...»⁴⁵

Сила и размах национально-освободительных и буржуазно-демократических движений зависели от степени участия в них народных масс. Там, где народ в наибольшей мере втягивался в национально-революционную и демократическую борьбу (как это было в Италии, в Соединенных Штатах Америки, в Мексике), — там она достигала самых больших успехов.

Пролетариат в ту пору еще не достиг такой степени зрелости и силы, чтобы возглавить демократическое движение, взять руководство им в свои руки. Но в некоторых случаях своим участием в общедемократическом движении пролетариат **был** уже в состоянии оказывать существенное влияние на общий ход политической борьбы в своей стране.

Участие пролетариата в общедемократическом движении было выражением роста его сознательности. Оно свидетельствовало, что рабочее движение уже начало преодолевать сектантскую замкнутость и ограниченность, на которые его обрекали различные мелкобуржуазные социалистические или полусоциалистические секты, весьма распространенные на различных этапах борьбы пролетариата.

Однако сама сила воздействия рабочего класса на широкие народные массы, его роль и место в общедемократическом дви-

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

жении во многом зависели от степени его самостоятельности, от осознания им своих особых классовых задач.

Великое учение научного коммунизма, созданное и развиваемое Марксом и Энгельсом, было высшим выражением интересов рабочего класса, единственной подлинно научной революционной теорией пролетариата. Исторический опыт революций 1848—1849 гг. подтвердил научную правильность теории марксизма и правоту практической политической линии, проводимой в те бурные годы Марксом и Энгельсом. Мелкобуржуазные соглашательские теории «примирения классов», в том ли истолковании, которое им давал во Франции Луи Блан, или в Германии Стефан Борн, были опровергнуты и дискредитированы тяжелыми жертвами, понесенными пролетариатом в ходе его поражений.

Политический и моральный авторитет Маркса и Энгельса как вождей международного пролетарского движения и притягательная сила обоснованной ими великой освободительной теории в 50—60-е годы значительно возросли. Однако и в эту пору научный коммунизм Маркса и Энгельса, являясь высшим выражением самостоятельного пролетарского революционного движения, не завоевал еще гегемонии в международном рабочем движении, не стал общепризнанной теорией пролетариата. Эта задача была лишь поставлена в порядок дня.

Хотя рабочий класс своей борьбой и добивался некоторых уступок со стороны буржуазии отдельных стран: ограничения рабочего дня для женщин и детей, легализации профсоюзов, иногда повышения номинальной заработной платы,— но в целом вследствие значительного вздорожания жизни реальная заработная плата основных масс фабрично-заводского пролетариата становилась ниже, а продолжительность рабочего дня оставалась очень высокой. «Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой стоящие над ними классы поднимались вверх по общественной лестнице»,— констатировал Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих, написанный рукой Маркса ⁴⁶.

Усугубление социальных контрастов: сказочное обогащение буржуазии на одном полюсе и обнищание рабочего класса и трудящихся — на другом,— создавали условия для революционизирования пролетариата и роста его классовой сознательности.

Неопровержимые факты огромного и все прогрессирующего неравенства условий материального существования буржуа и пролетариев, с которыми жизнь сталкивала рабочих каждый день и каждый час, разбивали иллюзии национального «братст-

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 7.

ва», доказывали противоположность и непримиримость интересов капитала и труда.

Рост классовой самостоятельности пролетариата выражался прежде всего в создании своих собственных классовых организаций. Первыми среди них были профессиональные союзы.

В Англии попытки создания профессиональных союзов — тред-юнионов — относились еще к 20-м годам XIX столетия⁴⁷. Развитие массового политического движения — чартизма — в конце 30-х и в 40-х годах подняло английское рабочее движение на неизмеримо более высокую ступень. Однако после спада чартистского движения, в 50-х годах, в организации английского рабочего класса возобладали тред-юнионы «нового образца», выдвигавшие на первый план узкоэкономические задачи. Но сами требования жизни, логика классовой борьбы заставили английские тред-юнионы повернуться к политическим проблемам. Весьма важное значение имело установление единства между несколькими английскими тред-юнионами, создание таких объединений, как Лондонский профессиональный совет и его могущественная «Джунта» — группа влиятельных лидеров крупнейших тред-юнионов, профессиональный Совет Глазго, Ливерпуля и т. п.

Во Франции после отмены в 1864 г. закона Ле Шапелье, воспрещавшего рабочим объединяться и проводить стачки, стали быстро возникать профессиональные союзы — синдикаты. В 1869 г. синдикаты Парижа организовали федеральную палату рабочих обществ, объединившую около 50 рабочих организаций⁴⁸. Ряд рабочих профсоюзов возник в 60-х годах в Бельгии.

В Испании еще во время буржуазной революции 1854—1856 гг. образовалось несколько рабочих организаций. В 1854 г. в Барселоне была создана федерация профессиональных союзов, именовавшаяся «Союз классов» и объединявшая несколько десятков тысяч организованных рабочих.

В Германии после долгих лет реакции в 60-х годах рабочее движение вновь ожило. Первые рабочие просветительные союзы и кооперативные товарищества находились еще всецело под влиянием либеральной буржуазии (так называемые шульце-дельческие союзы)⁴⁹. Однако немецким рабочим вскоре стало тесно

⁴⁷ S. and B. Webb. History of Trade-Unionism. London, 1920; М. Бер. История социализма в Англии, т. 1—2. М., 1923; Л. Мортон, Дж. Тейт. История английского рабочего движения. М., 1959.

⁴⁸ Э. А. Желубовская. Крушение Второй империи...; Ф. В. Потемкин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции...; G. Duveau. La vie ouvrière en France sous le Second Empire; П. Луи. История синдикального движения во Франции, т. I. М., 1925; P. Louis. Le sort de l'ouvrier français sous le Second Empire.— «Revue politique et parlementaire», décembre 1946.

⁴⁹ А. Бебель. Из моей жизни. М., 1925; Ф. Меринг. История германской социал-демократии, т. 2, 3. М., 1923; К. Н. Leidigkeit. W. Liebknecht und A. Be-

в узких рамках, которыми хотели ограничить их деятельность Шульце-Делич и другие немецкие буржуазные либералы. Рабочие союзы становятся самостоятельными. В 1863 г. был основан Всеобщий германский рабочий союз, возглавляемый Фердинандом Лассалем. Несмотря на оппортунистические, реформистские ошибки Лассаля, а затем его преемника Швейцера, самый факт образования самостоятельной рабочей организации имел крупное политическое значение. Еще более важным было развитие во второй половине 60-х годов рабочих профессиональных и просветительных союзов, руководимых сторонниками Маркса — рабочим-токарем Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом. Состоявшийся в Нюрнберге в 1868 г. съезд немецких рабочих союзов открыто заявил о своей солидарности с I Интернационалом, съезд подготовил условия для создания германской социал-демократической партии, образованной в 1869 г. на общегерманском рабочем съезде в Эйзенахе.

Самостоятельные рабочие организации — профессиональные союзы, кооперативные товарищества — возникали и в Австрийской империи: в собственно австрийских землях, в Венгрии и в Чехии. В Праге в начале 60-х годов были созданы профессиональные организации: союз печатников (1862 г.), Центральная касса пражских машиностроителей (1863 г.)⁵⁰ и др.

В Соединенных Штатах Америки рабочие союзы стали возникать довольно рано. Но лишь после окончания гражданской войны были предприняты попытки объединения ряда профессиональных союзов. Самым значительным из этих объединений был Национальный рабочий союз, созданный в 1866 г. в Балтиморе под руководством литейщика Уильяма Силвиса. Национальный рабочий союз объединил около 60 профессиональных союзов и ряд «лиг борьбы за 8-часовой рабочий день». Он был первой американской рабочей организацией, в состав которой на равных правах входили и негры. Национальный рабочий союз в США установил дружественные отношения с I Интернационалом, и в его рядах было немало людей, сумевших оценить великое значение трудов Маркса и Энгельса⁵¹.

Образование и развитие профессиональных организаций рабочего класса повсеместно сопровождалось усилением его забастовочной борьбы.

bel in der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1957; K. Fugger. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. Berlin, 1949.

⁵⁰ L. Brügel. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, Bd. I. Wien. 1922; «История Чехословакии», т. 2, М., 1959.

⁵¹ Ф. А. Зорге. Рабочее движение в Соединенных Штатах, пер. с нем. СПб., 1907; Э. Бимба. История американского рабочего класса, пер. с англ. М., 1930; Ф. Фонер. История рабочего движения в США, пер. с англ. М., 1949; T. R. Brooks. Toil and Trouble. A History of American Labor. New York, 1964; Adrian Paradis. Labor in Action. The Story of the American Labor movement, New York. 1963.

В Англии в начале 50-х годов, особенно в 1853 г., затем во время экономического кризиса 1857 г. и в последующие годы рабочие провели ряд боевых выступлений. Бастовали углекопы, ткачи, прядильщики, строители и т. п. Особенно большое значение имела стачка лондонских рабочих-строителей в 1859 г., на которую предприниматели ответили локаутом. Существенную денежную поддержку оказали строителям крупнейшие тред-юнионы. Так, например, Объединенное общество механиков в течение трех недель передало бастующим «три сенсационных дара» по тысяче фунтов стерлингов каждый⁵². Эта братская солидарность рабочих тред-юнионов заставила предпринимателей пойти на компромисс. Стачные бои 1859 г. показали высокую степень классовой солидарности английских рабочих.

Во Франции рабочие бастовали даже в первые годы бонапартистского режима, в разгул жестокого полицейского террора. В 1852, 1853, 1854 и следующих годах происходили забастовки в Лионе, Амьене, Марселе, Тулузе, Бордо, Дижоне и ряде других городов. В последние годы Второй империи, когда стал явственным ее кризис, крупные стачки с ярко выраженной политической окраской происходили в Париже, Марселе, Амьене, Рубэ и других индустриальных центрах. Во второй половине 1869 г. стачечная борьба французских рабочих приняла особенно широкий размах, охватив важнейшие промышленные районы страны. Для подавления забастовки горняков сен-кантенских шахт правительство прибегло к вооруженной силе. Оружие было применено и против бастовавших в начале 1870 г. рабочих военных заводов Крезю; стачка в Крезю носила антибонапартистский характер⁵³.

В конце 60-х годов ряд стачек прокатился по Соединенным Штатам Америки, Бельгии, Испании. В конце 50-х — начале 60-х годов волнения заводских крестьян, мастеровых и рабочих происходили на ряде предприятий и на железнодорожном строительстве в России⁵⁴.

Английский пролетариат, уже имевший за своими плечами славные битвы чартистской эпохи, и в эти десятилетия шел в первых рядах международного рабочего движения. Он широко применял такие методы борьбы, как политические демонстрации, народные митинги, собрания, массовые петиции, политические выступления в печати. В сочетании со стачечной борьбой это открывало рабочему классу широкие возможности политического давления на господствующие классы.

⁵² А. Л. Мортон, *Дж. Тейт*. История английского рабочего движения, стр. 159.

⁵³ См. гл. 2, ч. I настоящего издания.

⁵⁴ «Рабочее движение в России. Сборник документов и материалов», под ред. А. М. Панкратовой, т. I. М., 1957, стр. 795—902; А. Трофимов. Рабочее движение в России. 1861—1894. М., 1957.

Правда, по сравнению с эпохой чартизма, рабочее движение в Англии в 60-х годах XIX в. отличалось значительно большей умеренностью. Оно уже было лишено того революционного огня, который воодушевлял чартистов. Оно не ставило уже перед собой таких больших задач, за которые сражались чартисты. Подкуп буржуазией верхушки рабочего класса — его наиболее квалифицированной части, создание рабочей аристократии накладывало отпечаток на все английское рабочее движение того времени. Руководители английских тред-юнионов, фактически возглавлявшие рабочее движение страны, уже не звали к ниспровержению существующего строя. Они стремились лишь частично реформировать этот строй и в его рамках добиться частных успехов⁵⁵.

Английские рабочие своим упорным давлением на правительство воспрепятствовали вмешательству Англии в гражданскую войну в США на стороне южных штатов. Заслугой английского пролетариата была также организация крупных политических выступлений в защиту польского народа. Во второй половине 60-х годов английский пролетариат стал главной политической силой, боровшейся за проведение новой избирательной реформы.

Во Франции в суровых условиях режима Второй империи рабочий класс доказал свою политическую самостоятельность, выдвинув на дополнительных выборах 1863, а затем 1864 годов собственных кандидатов. Опубликованный по этому поводу в 1864 г. манифест (так называемый «Манифест шестидесяти») заявлял: «Всеобщее избирательное право сделало нас политически совершеннолетними, но нам остается еще стать социально полноправными».

Со времени поездки французских рабочих в Лондон, в 1862 г., связи между французскими и английскими рабочими стали крепнуть и развиваться. После образования Интернационала французские рабочие проявили большой интерес к этой международной пролетарской организации; французские секции I Интернационала стали одним из наиболее активных отрядов Международного Товарищества Рабочих.

В 60-х годах многие французские рабочие связали свою судьбу с деятельностью одной из двух соперничавших социалистических школ — бланкистов и прудонистов⁵⁶. Хотя и бланкизм и прудонизм, каждый по-своему, и в своих доктринах, и в своей политической тактике представляли уже вчерашний

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22; К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии, стр. 420—426; Ф. А. Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М., 1925.

⁵⁶ Подробнее о бланкизме и прудонизме, как и о развитии рабочего движения во Франции см. гл. 2, ч. I настоящего издания и последующие главы.

день рабочего движения с его мелкобуржуазными иллюзиями и заблуждениями, самый факт живой поддержки рабочими этих течений свидетельствовал о росте политической активности пролетариата.

В Германии политическая борьба рабочих не приняла массового характера, но в идейном отношении она поднялась на более высокую ступень. Среди передовых немецких рабочих было немало приверженцев учения марксизма. Их стараниями немцы первыми среди европейских рабочих сумели создать рабочую социал-демократическую партию⁵⁷. Создание социал-демократической партии — рабочей организации несравненно более высокого типа, чем профсоюзы, — было свидетельством большой политической зрелости немецкого пролетариата.

В Соединенных Штатах Америки в 1868 г. на третьем съезде Национального рабочего союза была создана рабочая партия, принявшая название «Национальной партии реформы». По инициативе ее руководителя Силвиса американская рабочая партия установила прямую связь с I Интернационалом⁵⁸.

В ряде стран рабочие своей борьбой смогли вырвать у господствующих классов некоторые уступки. В Англии еще в 1842 г. рабочие добились законов о фабричном законодательстве, в 1847 г. — закона о введении 10-часового рабочего дня для женщин и подростков, в 1867 г. — отмены закона о хозяевах и слугах, что уравнивало рабочих с хозяевами в их правах перед судом.

Во Франции борьба рабочего класса принудила правительство Второй империи в мае 1864 г., как уже было сказано, отменить закон Ле Шапелье; в 1868 г. правительство разрешило проведение публичных собраний не на политические темы (на практике это ограничение было тут же отброшено жизнью); в том же году оно признало право на существование созданных рабочими профессиональных союзов.

В Германии нараставшее рабочее движение заставило правительство Бисмарка также пойти на уступки. По конституции Северо-Германского союза 1867 г. выборы в рейхстаг проводились на основе всеобщего избирательного права для мужчин. При крайне ограниченной роли рейхстага введение всеобщего избирательного права было предпринято Бисмарком, конечно, в демагогических целях. Тем не менее сама необходимость для правительства пойти на демократизацию выборов в новый германский парламент была вынужденной уступкой рабочему классу.

⁵⁷ *Ф. Меринг*. История германской социал-демократии, т. 3.

⁵⁸ После смерти Силвиса, которого Маркс весьма высоко ценил, рабочая партия просуществовала недолго, до начала 70-х годов.

Эти и иные уступки, на которые в разных странах мира должны были идти господствующие эксплуататорские классы, являлись косвенным отражением возросшей мощи рабочего класса и его способности влиять в известных пределах на политические учреждения страны и на ход политической жизни.

Но задача освобождения рабочего класса могла быть решена не частными уступками, а лишь коренной революционной ломкой всего общественного строя.

Само освободительное учение рабочего класса — научный коммунизм, марксизм — в 50—60-х годах продолжало успешно развиваться, обогащалось новыми теоретическими положениями.

Великие вожди пролетариата Маркс и Энгельс, подвергнув глубокому теоретическому анализу опыт революций 1848—1849 гг. в работах, посвященных именно этим революциям — «Классовой борьбе во Франции» и «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркса, «Революции и контрреволюции в Германии» Энгельса, — внесли новый вклад в теорию пролетарской революции, конкретизировали понятие диктатуры пролетариата, указали на необходимость слома старой буржуазной государственной машины, глубоко обосновали необходимость для победы пролетариата установления союза между рабочим классом и крестьянством.

Громадное значение для освободительной борьбы рабочего класса имело и создание Марксом экономического учения, ставшего одной из важнейших составных частей научного коммунизма.

Маркс работал над своими экономическими трудами в 50—60-е годы. В 1859 г. был опубликован его первый труд в этой области «К критике политической экономии», где было уже раскрыто его учение о прибавочной стоимости. С 1861 г. Маркс начал работать над «Капиталом», первый том которого вышел из печати в 1867 г. В этом бессмертном творении Маркс открыл экономический закон движения современного общества, с неизбежностью ведущий к замене капиталистического строя социалистическим.

Но если великое революционное учение пролетариата — марксизм, обогащаясь уроками исторического опыта, развивалось, шло вперед — и в этом смысле выражало собой поступательное движение пролетариата по восходящей линии, — то это вовсе не значило, что все, или даже большинство рабочих, постигли и приняли марксизм.

Марксизм в 60-х годах XIX в. в большей мере представлял завтрашний день пролетариата, чем нынешний. Учение Маркса в то время было должным образом принято и оценено лишь очень небольшой частью передовых рабочих в Германии, Англии, Соединенных Штатах Америки, Франции.

Здесь должен быть принят во внимание тот «заговор молчания», которым буржуазия встречала все работы Маркса и Энгельса, намеренно стараясь скрыть их от трудящихся и создавая всяческие препятствия и затруднения их распространению. В то время еще не было ни рабочих газет, ни тем более рабочих издательств, которые могли бы нести в рабочую среду слово их великих учителей. Марксу и Энгельсу приходилось печатать многие свои работы в прогрессивных буржуазных печатных органах Америки. Так, например, «Революция и контр-революция» Ф. Энгельса печаталась как серия статей в американской газете «New York Daily Tribune». Имевшая огромное значение для теории научного социализма работа Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» была напечатана в США в «непериодическом журнале» Иосифа Вейдемейера «Die Revolution», причем из-за недостатка средств Вейдемейер не смог выкупить тираж у владельца типографии. В Европу попало лишь несколько экземпляров. Второе издание удалось выпустить только в 1869 г., а перевести работу на французский язык — лишь в 1891 г.

Трудности в распространении работ великих учителей пролетариата были одной из форм борьбы, которую вела буржуазия против Маркса и его революционного учения. Буржуазная наука, не будучи в силах опровергнуть великие открытия в науке, произведенные марксизмом, пыталась ослабить их революционизирующее воздействие, окружив стеной молчания.

Кроме того, большинство рабочих в ту пору либо своим прошлым, либо родственными отношениями еще было связано с крестьянской или городской мелкобуржуазной средой. Именно поэтому многие рабочие оказывались восприимчивыми к различным мелкобуржуазным или иным непролетарским социалистическим учениям.

Прудонизм и бланкизм во Франции, лассальянство в Германии, либеральный тред-юнионизм в Англии, бакунизм в Испании и Италии соперничали между собой, стремясь к установлению своей идейной гегемонии в международном рабочем движении. Эти социалистические школы, при всей их временной популярности, лишь по-разному отражали различные мелкобуржуазные предрассудки, ошибки и иллюзии.

Прудонизм с его отрицанием революционно-политической борьбы, национальной ограниченностью, консерватизмом, с его идеализацией патриархального узкого мирка мелкого производителя отражал общественное сознание мелких собственников, теснимых крупным производством и ищущих спасения в иллюзорных поисках возврата к прошлому.

Бланкизм, в противоположность прудонизму, выдвигал на первый план революционную политическую борьбу и требовал величайшей активности действий. Но и в 60-х годах, как и

позже, Бланки и его последователи оставались верны идеям утопического наивного коммунизма, а в своей практической революционной деятельности придерживались узкозаговорщической тактики. Недооценка роли масс в политической борьбе с неотвратимостью обрекала их смелые революционные выступления на поражение⁵⁹.

Лассальянство, с его тактикой оппортунизма, возведенного в добродетель, с его неверием в революционные силы пролетариата, с его ложным изображением крестьянства как «сплошной реакционной массы», с его фетишизацией всеобщего избирательного права и недопустимым заигрыванием с Бисмарком, было политически вредным течением в рабочем движении. Это — специфическое порождение исторических условий Германии 50—60-х годов прошлого века, осуществляющей свое национальное объединение не путем революционной борьбы народных масс, а «сверху», под гегемонией милитаристской гогенцоллерновской Пруссии, политикой «железа и крови». Лассальянство дезориентировало германское рабочее движение, пыталось сбить его с революционных пролетарских позиций⁶⁰.

Английский тред-юнионизм как идеология был прежде всего отрицанием революционных традиций чартизма. Его отказ от революционных средств борьбы, от ниспровержения существующего строя, увлечение экономическими формами борьбы, прославление «малых дел», частных успехов — все это было выражением общественных настроений, образа мышления «рабочей аристократии», квалифицированной верхушки рабочего класса, которую английская буржуазия, подкупая крохами от своих прибылей, стремилась перевоспитать по своему образу и подобию.

Эклектический, путанный, бунтарский анархизм русского эмигранта М. А. Бакунина, глубоко враждебный Марксову учению о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, был идеологией «взбесившегося мелкого буржуа», разоренного конкуренцией крупного производства и с отчаяния и злобы прославлявшего стихийный бунт. Не случайно Бакунин нашел приверженцев своих взглядов главным образом в экономически отсталых странах Европы — Испании, Италии, Швейцарии, где была еще велика роль мелкого производства⁶¹.

Как ни велики были различия между всеми этими течениями, как ни ожесточенно спорили они между собой, претендуя

⁵⁹ В. П. Волгин. Политические и социальные идеи Бланки. — Вступ. статья к кн.: Л. О. Бланки. Избр. произведения. М., 1952.

⁶⁰ А. К. Воробьева. Из истории рабочего движения в Германии и борьбы Маркса и Энгельса против Лассалья и лассальянцев в 1862—1864 гг. — «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1956, стр. 264—360.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 1—46, 323—452; т. 33, стр. 326—333.

каждое на монопольное владение истиной и обладание подлинно спасительными рецептами социального исцеления, все они имели то общее, что представляли разновидности непролетарской мелкобуржуазной и буржуазной идеологии, еще оказывавшей влияние на рабочий класс, на рабочее движение. Марксизм должен был преодолеть влияние на рабочих мелкобуржуазных школ и сект, затемнявших их сознание, сбивавших их с правильного пути.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», — писал В. И. Ленин⁶². Исторические задачи, выдвинутые Марксом и Энгельсом перед рабочим классом, в такой мере соответствовали назревшим потребностям развития общества, что, несмотря на все препятствия, претворялись в жизнь. Знаменитый заключительный лозунг «Манифеста Коммунистической партии» 1848 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — жил в сознании рабочего класса и сохранил свою великую действенную силу, хотя выдвинувший его Союз коммунистов давно перестал существовать.

Конечно, немалую роль здесь также сыграла долголетняя упорная борьба Маркса и Энгельса за развитие международного пролетарского революционного движения. Маркс и Энгельс отдавали много энергии собиранию революционных сил, политическому воспитанию пролетарских кадров, расширению их состава. Стремление передовых пролетариев разных стран к объединению своих сил росло с каждым новым успехом рабочего движения, с ростом политической зрелости и самостоятельности рабочего класса.

В 1862 г. в результате поездки делегации французских рабочих на Лондонскую промышленную выставку установились дружественные связи между французским и английским рабочими движениями. Тогда же наладили контакт с английским рабочим движением и немецкие рабочие. Необходимость совместного выступления в защиту польского народа, поднявшего восстание за свою свободу, привела снова в Лондон в июле 1863 г. делегацию французских рабочих. Английский пролетариат, представленный Лондонским советом тред-юнионов, и представители французских рабочих возвысили голос в защиту восставшей Польши.

Сама жизнь теперь требовала, чтобы пролетарии всех стран объединялись. 28 сентября 1864 г. в Лондоне после предварительных согласованных действий руководителей английского и французского рабочего движения состоялся большой международный рабочий митинг. В нем приняли участие англичане, французы, немцы, поляки, итальянцы, швейцарцы. Этот истори-

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

ческий митинг в Сент-Мартинс-холле в Лондоне положил начало I Интернационалу.

Создание Международного Товарищества Рабочих отвечало требованиям жизни, задачам, вставшим перед рабочим классом на достигнутом ими уровне развития.

Митинг в Сент-Мартинс-холле проходил под председательством профессора Лондонского университета Эдуарда Бизли. Предложение о создании международного объединения внесли от английских рабочих Оджер и от французских рабочих Толлен. Для руководства будущей организацией, выработки программных и уставных документов был избран Совет, в который вошли представители английских, французских, немецких, американских, итальянских, польских, швейцарских рабочих. Представителем от немецких революционеров вошел Карл Маркс.

Выражением признания авторитета Маркса было данное ему поручение составить основные программные документы Международного Товарищества Рабочих — Учредительный манифест и Устав. Маркс постепенно стал фактическим руководителем международной пролетарской организации. «Ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером», — вспоминал позднее Поль Лафарг о роли Маркса в Интернационале, добавляя при этом, что «сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других»⁶³.

Программный документ I Интернационала — Учредительный манифест — заканчивался тем же лозунгом, что и «Манифест Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этим подчеркивалась жизненная сила этого лозунга и историческая преемственность между первой международной пролетарской организацией — Союзом коммунистов — и Международным Товариществом Рабочих.

Однако, в отличие от Союза коммунистов, I Интернационал не был объединением коммунистов. В его состав вошли рабочие различных политических взглядов — и придерживающиеся прудонистских воззрений, и зараженные предрассудками лассальянства, и убежденные сторонники ограниченных целей тред-юнионизма.

Работая над программой Интернационала — Учредительным манифестом, Маркс считался с реальным состоянием международного рабочего движения. Отказаться от сотрудничества с теми или иными рабочими потому, что они еще не освободились от пережитков мелкобуржуазной идеологии и не доросли до научного коммунизма, было бы доктринерством и сектантством. И то и другое глубоко чуждо Марксу. Но вместе с тем нельзя было мириться и с тем, чтобы международная пролетарская организация стала пестрым конгломератом разных идей и

⁶³ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 76.

принципов. Позже, 23 ноября 1871 г., Маркс в письме к одному из руководителей американских секций Интернационала, Фридриху Больте, писал: «*Интернационал* был основан для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты подлинной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный Устав и Учредительный Манифест сразу же указывают на это»⁶⁴.

Надо было выработать такую идейную платформу, которая излагала бы великие исторические задачи рабочего класса в духе научного социализма и вместе с тем была бы составлена в редакции, приемлемой и для рабочих-немарксистов. Эту задачу Маркс блестяще разрешил.

«Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»⁶⁵. В этих словах Учредительного манифеста были очень точно определены непосредственные задачи, стоявшие перед только что созданной международной пролетарской организацией.

В программных документах I Интернационала были сформулированы те принципиальные идейные основы, на базе которых должно было развиваться международное рабочее движение. Учредительный манифест определял цель борьбы Международного Товарищества Рабочих: «Завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса»⁶⁶.

Устав Интернационала и последующее применение его на практике закладывали основу для тех организационных принципов, на которых и поныне строятся коммунистические партии, принципов демократического централизма.

С созданием I Интернационала Маркс и Энгельс получили новые, лучшие возможности для политического просвещения передовых рабочих, для упорной и терпеливой борьбы против различных мелкобуржуазных заблуждений, предрассудков и догм. Здесь не место рассказывать историю борьбы Маркса и его сторонников против прудонизма, лассальянства, бланкизма, тред-юнионизма, бакунизма на протяжении всей истории I Интернационала. Эта борьба шла на конгрессах Интернационала — Женевском (1866 г.), Лозаннском (1867 г.), Брюссельском (1868 г.), Базельском (1869 г.), — на заседаниях Генерального Совета, внутри национальных федераций, в местных секциях.

Действительным содержанием этой борьбы было разоблачение Марксом ошибочности и политической несостоятельности программных и тактических взглядов своих идейных противни-

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 278.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 10.

⁶⁶ Там же.

ков. На первых двух конгрессах Интернационала, до Лозаннского включительно, главные удары марксистской критики направлялись против прудонизма⁶⁷. Со времени Базельского конгресса 1869 г. главной опасностью в Интернационале стал бакунизм, и против него теперь сосредоточивалось основное направление огня.

Руководимый Марксом Генеральный Совет Интернационала ставил на обсуждение конгрессов и конференций, а через них на обсуждение всего международного рабочего движения проблемы, выдвигаемые самой жизнью. То были насущные, волновавшие тогда сознательных рабочих вопросы: о профсоюзах и их задачах, о стачках, о женском труде, о кооперации, о земельной собственности и формах собственности вообще, о польском и ирландском национальном движении и т. п.

Терпеливо и настойчиво разъясняя ошибочность и несостоятельность трактовки этих вопросов мелкобуржуазным утопическим социализмом, Генеральный Совет Интернационала добивался правильного в основном понимания рабочими задач классовой борьбы. Так, например, сам Маркс, выступая с докладом на заседании Генерального Совета по вопросу «Заработная плата, цена и прибыль», разъяснял основы научной политической экономии и возможности экономической борьбы рабочего класса. Тем самым он подводил слушателей к пониманию несостоятельности и прудонистских, и лассальянских воззрений на роль профессиональных союзов и стачек.

Опровергая вульгарные представления прудонизма об универсально спасительной роли экономической взаимопомощи трудящихся, доказывая тщетность надежды лассальянцев на помощь со стороны бисмарковского помещичье-буржуазного государства, Маркс подводил рабочих к пониманию необходимости самостоятельной политической борьбы пролетариата. Вместе с тем следует принять во внимание, что в те годы ни в теоретических трудах Маркса и Энгельса, ни в решениях Интернационала понятие диктатуры пролетариата не подвергалось конкретному анализу, ни даже обсуждению. Жизнь лишь ставила этот «величайший лозунг Маркса», как сказал о нем Ленин, в порядок дня.

Идейная борьба научного социализма против его противников — разного рода доктрин мелкобуржуазного утопического социализма — проходила в рядах Международного Товарищества Рабочих успешно. На своих конгрессах и конференциях I Интернационал принимал решения, осуждающие неправильные, антинаучные взгляды мелкобуржуазных сект, и давал рабочим

⁶⁷ Одновременно Маркс выступал и против других неверных взглядов в рабочем движении: например, против позиции тред-юнионов в вопросах политики Англии, позиции лассальянцев в связи с австро-прусской войной и т. п.

верную ориентацию, правильное понимание стоявших перед ними задач.

Во второй половине 60-х годов национальное рабочее движение, т. е. рабочее движение экономически развитых стран Европы и Северной Америки, в целом еще не приобщилось к марксизму. Рабочих, знавших учение Маркса и умевших его применить на практике, насчитывалось в то время еще десятки или сотни. Сильнее всего они были в Германии, однако многие социалисты — интеллигенты или рабочие, еще не пришедшие к марксизму, воспринимали его идеи благодаря деятельности I Интернационала. И чем дальше шло время, чем более обогащалось социалистическое и рабочее движение опытом классовой борьбы, тем могущественнее становилось влияние на него марксизма.

От первых слепых форм классовой борьбы — поломки машин луддитами — к вооруженной борьбе за одно лишь право трудиться и быть эксплуатируемыми — «жить работая, или умереть сражаясь!», — как писали на знаменах лионские повстанцы 1831 г.; затем — к наивной вере в справедливость и всемогущество парламента, воодушевлявшей английских рабочих, добивавшихся избирательной реформы 1832 г.; а после того как вигская буржуазия использовала парламент против рабочих — к первому широкому массовому самостоятельному политическому движению пролетариата — чартизму — таковы первые главные этапы развития международного рабочего движения.

За ними последовала полоса увлечения рабочих различными мелкобуржуазными социалистическими догмами. Искренняя надежда найти спасительное средство у Луи Блана или Кабе, которое сразу преобразило бы мир, отражала стремление пролетариата выйти за пределы мертвящего капиталистического строя. Образование Союза коммунистов было первой попыткой создания международной революционной пролетарской организации на основе идей научного социализма. «Манифест Коммунистической партии» возвестил всему миру, что рабочий класс достиг уже такой степени зрелости, когда его историческая миссия в обществе получила свое теоретическое обоснование в великом революционном учении — марксизме. Однако должно было пройти еще немало времени, прежде чем массовое рабочее движение соединилось с великой освободительной теорией.

Революции 1848 г. с радужными иллюзиями в их начальной стадии и цепью следующих одно за другим жестоких отрезвляющих поражений, завершившихся июньским расстрелом пролетариата, научили его за несколько месяцев большему, чем долгие годы мирного развития. Как писал Маркс, только поражение открыло французским рабочим «ту истину, что малейшее улучшение его положения *в рамках* буржуазной респуб-

лики остается *утопией...*»⁶⁸. На место частных требований был поставлен смелый революционный боевой лозунг: «*Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!*»⁶⁹

Но освободительная борьба пролетариата не развивалась по прямой линии; она делала шаг назад, отходила в сторону, искала новых путей и все-таки снова шла вперед. Образование профессиональных союзов, развитие стачечной борьбы, первые попытки создания рабочих партий в национальном масштабе были вехами, отмечавшими дальнейшее поступательное развитие рабочего движения. Объединение сил пролетариата в международном масштабе, создание I Интернационала сплотило международное рабочее движение под великим лозунгом Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Это свидетельствовало о новом, более высоком этапе движения. В этих условиях очередной революционный взрыв в той или иной капиталистически развитой стране уже мог толкнуть рабочих к попытке захвата власти, к стихийному установлению диктатуры пролетариата.

Где, в какой стране рабочее движение могло скорее всего оказаться в условиях революционной ситуации и ближе всего подойти к этой великой задаче, поставленной в порядок дня всем ходом исторического развития?

В Англии и США буржуазная государственная машина была многим слабее, чем на континенте, и это, казалось бы, облегчало задачу завоевания власти пролетариатом. Но колониальная и промышленная монополия Англии позволяла английской буржуазии подкупать верхушку рабочих и раскалывать рабочее движение. В США наличие свободных земель также существенно ослабляло революционную силу пролетариата. В Германии и Италии на первый план выдвигались нерешенные буржуазно-национальные задачи. В России рабочее движение в ту пору было еще слишком слабо.

И лишь во Франции развитие классовой борьбы в конце 60-х годов снова вело с неотвратимостью к революционному взрыву. Реакционный, насквозь прогнивший бонапартистский режим переживал глубокий кризис, но не хотел сдаваться, — он мог быть лишь насильственно свергнут! В стране, прошедшей через три буржуазные революции, где рабочий класс был обогащен огромным опытом классовых боев, стучавшаяся в дверь революция не могла ограничиться только свержением совершенно изжившего себя императорского режима, она с неизбежностью должна была выйти за рамки буржуазно-демократических задач. Франция вновь становилась центром мирового революционного движения.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 30.

⁶⁹ Там же, стр. 31.

*

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ФРАНЦИИ
В 50—60-х ГОДАХ.
ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ко времени Парижской Коммуны во Франции завершился в основном промышленный переворот. К концу 60-х годов наиболее важные отрасли французской промышленности, в том числе машиностроение, были охвачены фабричным производством. Тяжелая промышленность, капитальные вложения в которую в 50—60-х годах все более возрастали, по темпам своего роста опережала ряд важных отраслей легкой промышленности, в частности хлопчатобумажную. Развитие тяжелой индустрии в большой мере обуславливалось широким размахом строительства железных дорог и судостроения. Правда, по своему удельному весу в общем объеме промышленного производства тяжелая индустрия — как, впрочем, и в последующие десятилетия — уступала легкой.

50—60-е годы характеризуются ростом концентрации производства во французской промышленности, распространением крупных предприятий не только в легкой, главным образом в текстильной промышленности, как это было в предшествующие десятилетия, но и в ряде ведущих отраслей тяжелой индустрии (добывающей, металлургической, химической и др.). Часть крупных промышленных предприятий как в провинции, так и в Париже насчитывала сотни и нередко тысячи рабочих. Неуклонно нарастал процесс концентрации в области транспорта.

В сельском хозяйстве продолжался процесс концентрации земельной собственности и аренды земли. Росло крупное землевладение, основанное на интенсификации и специализации сельскохозяйственного производства, на применении в нем машин и наемного труда.

Процесс концентрации гораздо интенсивнее, чем прежде, охватил и область торговли. Новые промышленные и торговые предприятия в Париже, как и во всей Франции, все более теснили мелкие и средние.

Аналогичная картина наблюдалась и в области кредита. В огромных размерах выросли операции не только Французского банка, но и ряда кредитных учреждений, созданных или реорганизованных в 50—60-х годах: «Crédit foncier» (1852), «Société générale de Crédit mobilier» (1852), «Crédit lyonnais» (1863), «Société marseillaise de Crédit industriel et de dépôt». Крупные кредитные учреждения во многих случаях непосредственно участвовали в создании и упрочении промышленных и транспортных предприятий. Колоссальные размеры принял биржевой ажиотаж. Операции парижской биржи утроились за годы Второй империи.

Рост промышленности и торговли, разгул биржевой спекуляции привели к сосредоточению в руках крупнейших финансистов и промышленников наиболее значительных промышленных, транспортных и банковских предприятий Франции. «Банки, кредитные общества, пароходы, железные дороги, крупные металлургические и газовые заводы, все сколько-нибудь значительные общества сосредоточены в руках 183 лиц,— жаловался в 1869 г. видный прудонист Жорж Дюшен.— Эти 183 лица полностью владеют огромными капиталами, которыми они управляют. Капиталы эти представляют в акциях и облигациях более 20 млрд. франков»¹.

Однако при всех успехах крупной промышленности во Франции наиболее распространенным типом промышленного предприятия и в конце 60-х годов все еще оставалась мелкая и средняя мастерская с одним или несколькими рабочими либо вовсе без применения наемного труда. В торговле также преобладали мелкие и средние предприятия. В Париже, ввиду особенностей его исторического развития, мелкое ремесленное производство, мелкая торговля сохраняли даже большую устойчивость, чем во многих других районах страны, хотя и здесь неуклонно развивались крупная промышленность и торговля.

В сельском хозяйстве крупнокапиталистические и кулацкие хозяйства, перешедшие к интенсивному, специализированному и механизированному производству, в совокупности занимали, по данным сельскохозяйственной переписи 1862 г., не более 24,52% земельной площади². Многие крупные землевладения сдавались в аренду мелкими участками. Подавляющая часть земельной площади дробилась на крохотные parcelles трудящегося крестьянства, обрабатывавшиеся устаревшими способами. Массы крестьян не располагали необходимыми материальными ресурсами для перестройки хозяйства на основе новейшей

¹ G. Duchêne. L'Empire industriel. Histoire critique des concessions financières et industrielles. Paris, 1869, p. 52.

² «Statistique agricole de la France. Résultats généraux de l'enquête décennale de 1882». Nancy, 1887, p. 170—173.

техники своего времени. К тому же ничтожно малые размеры парцелл исключали возможность применения машин.

Развитие капитализма во Франции, рост крупного фабричного производства внесли изменения в состав французского рабочего класса. Наряду с ремесленным и мануфактурным пролетариатом, еще составлявшим подавляющее большинство рабочих Франции, в промышленных центрах росли кадры индустриального пролетариата. Его ряды пополнялись главным образом разорившимися крестьянами и сельскохозяйственными рабочими, вынужденными бежать в города в поисках работы, а также бывшими ремесленниками, утратившими способность самостоятельного существования, и рабочими ремесленных мастерских. Промышленный пролетариат сосредоточивался преимущественно в металлургической, металлообрабатывающей, добывающей, текстильной, химической отраслях крупной промышленности. Промышленный пролетариат рос и в Париже, однако процент его был ниже, чем в других индустриальных центрах. Многие фабрично-заводские рабочие только недавно прибыли из деревни, часть продолжала сохранять связь с деревней. Среди парижского промышленного пролетариата были и разорившиеся ремесленники и рабочие, которые еще в недавнем прошлом работали в мастерских ремесленного типа. В Париже в конце 60-х годов насчитывалось лишь около 50 тыс. фабрично-заводских рабочих, т. е. 10% всего парижского пролетариата, свыше 80 тыс. (19%) строительных рабочих, выходцев из крестьян, и около 10 тыс. железнодорожных рабочих³.

Согласно официальным данным, опубликованным в 1860 г. парижской торговой палатой, рабочий день в Париже на предприятиях промышленного типа составлял, как правило, не более 10 часов. На деле он был значительно более продолжительным. Снижением расценок при сдельной оплате труда, широко практиковавшейся в годы Второй империи, предприниматели вынуждали рабочих трудиться гораздо больше 10 часов для сохранения прежнего заработка и обеспечения своего прожиточного минимума. Парижские каретники, шорники трудились 12—13 часов в день, жестянщики — 14—16 часов, рабочие, занятые в производстве роговых изделий, — 15 часов и т. д. Даже дети и подростки трудились значительно больше 10 часов в день; многие из них — по 15—17 часов⁴. В провинции условия труда были еще более тяжелыми, чем в Париже. Рабочий день, даже по официальным данным, составлял здесь не менее 11 часов. На практике он колебался между 13 и 17 часами.

³ L. Chevalier. La formation de la population parisienne au XIX siècle. Paris, 1950, p. 111; «Paris-Guide», II partie. Paris, 1867, p. 1666—1667.

⁴ Ф. В. Потемкин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота — Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 557—581.

Номинальная заработная плата преобладающего большинства рабочих, занятых в производстве, повысилась в 50—60-е годы, но рост цен на продукты питания и прочие предметы первой необходимости, в особенности повышение квартирной платы, обгоняли рост номинальной заработной платы, размер которой к тому же был в действительности ниже данных официальной статистики. Существовало множество скрытых форм ее снижения, которыми обычно пользовались предприниматели: разнообразные денежные штрафы (число их разновидностей доходило до 29), принудительная оплата труда (полностью или частично) товарами, весьма значительная наценка на которые шла в карман владельцев предприятий, отчисления от заработной платы (вплоть до 4%) в пенсионные кассы, находившиеся во многих случаях в распоряжении администрации.

Большинство парижских рабочих-мужчин получало в 1864 г. в среднем 3 франка в день из расчета 300 рабочих дней в году. Женщины же, за немногими исключениями, получали от 240 до 360 франков в год. Между тем годовой расход рабочей семьи из четырех человек только на питание, квартиру, отопление и освещение, не считая затрат на одежду и другие насущные потребности, достиг в 1870 г. 1385 франков⁵, по официальным данным (по другим данным — 1700 франков).

Отрицательное влияние на положение французского пролетариата оказывала также резервная армия безработных, что позволяло буржуазии усилить эксплуатацию рабочих, занятых в производстве, и отражалось на уровне их заработной платы. Росло нищенство, в Париже в 1862 г. находились на грани нищеты 1 073 061 человек⁶. 121 330 человек были в 1866 г. официально зарегистрированы как нищие⁷. Бюджет благотворительных учреждений столицы с 13 345 620 франков в 1852 г. вырос в 1869 г. до 22 385 518 франков⁸. Более 50% рабочих семейств во Франции прибегали в 60-х годах к общественной благотворительности. Что касается заклада вещей в ломбарде, то уже в 1860 г. из 416 тыс. парижских рабочих 200—250 тыс., а в конце 60-х годов еще больше не могли обходиться без этого ростовщического учреждения⁹. Еще более яркий пример обнищания являло собой положение рабочих в провинции. Тяжелые условия труда и низкая его оплата, частичная

⁵ Ministère de travail et de la prévoyance sociale. Statistique générale de la France. Salaires et coût de l'existence à diverses époques jusqu'en 1910. Paris, 1911, p. 105.

⁶ C. de Paep. Situation économique du prolétariat en France.—«La Rive gauche», 20 août 1865.

⁷ E. Fribourg. Le pauperisme parisien. Ses progrès depuis 25 ans. Paris, 1872, p. 58.

⁸ «Mémoires du baron Haussmann», t. II. Paris, 1890, p. 442.

⁹ A. Cochlin. Paris. Sa population, son industrie. Paris, 1864, p. 53.

и полная безработица, бремя косвенных и прямых налогов характерны для положения всего французского пролетариата в годы Второй империи. В различных районах Франции бывало немало случаев гибели людей от голода и холода.

Экономическое развитие Франции в 50—60-х годах сопровождалось и прогрессирующим разорением мелкой буржуазии. Экономическая политика Второй империи искусственно ускоряла за счет государственной казны ход концентрации в промышленности и торговле. Мелкой буржуазии становилось все труднее конкурировать с крупными промышленниками и коммерсантами. В июле 1868 г. префект департамента Рона в донесении министру внутренних дел сообщал: «Мелкая торговля с трудом может выдержать разорительную конкуренцию крупных торговых предприятий и огромные общие расходы, в частности на квартирную плату. Положение ее еще более ухудшается с наступлением сроков платежей, что находит свое наглядное выражение в большом числе переездов с квартир в результате прекращения торговли... Мелкие торговцы страдают в результате почти полного отсутствия торговых сделок. Они нуждаются в средствах, вследствие чего им приходится прибегать к долгосрочным кредитам»¹⁰. Эта характеристика положения мелкой буржуазии департамента Рона может быть отнесена к положению мелкой буржуазии всей Франции. В Париже, где преобладали мелкие промышленные и торговые предприятия и где ремесленники, мелкие торговцы и лавочники по-прежнему составляли весьма значительную часть населения, разорение мелкой и отчасти средней буржуазии было особенно ощутимо.

Неизбежным следствием экономической политики Второй империи была также растущая классовая дифференциация крестьянства, усиление и все большее обогащение его кулацкой верхушки, разорение и обезземеление значительной части трудящихся крестьян.

Обнищание рабочего класса и трудящегося крестьянства еще резче выступало на фоне колоссального обогащения имущих классов: финансовой олигархии, крупной промышленной и торговой буржуазии, крупных землевладельцев и кулацкой верхушки крестьянства. Политика Наполеона III была полностью подчинена интересам капиталистической наживы и биржевого шантажа. Ценой увеличения более чем вдвое государственного долга Франции и обременения больших городов тяжелыми муниципальными долгами, ложившимися в основном на плечи трудящихся, правительство Второй империи обеспечивало имущим классам государственные займы, концессии, субсидии и прочие привилегии. В их корыстных интересах предпринимались

¹⁰ Цит. по: «Lyon, cité républicaine». Etude collective.— 1848. Revue des révolutions contemporaines», 1951, N 189, p. 123.

грабительские войны и колониальные экспедиции в Алжире, Китае, Сирии, Кохинхине (Южном Вьетнаме), Мексике и других странах.

Классовые противоречия во Франции в 50—60-х годах углубились и обострились.

* НАРАСТАНИЕ КРИЗИСА
ВТОРОЙ ИМПЕРИИ (1867—1870)

Хотя 50—60-е годы XIX в. были во Франции, как и в других развитых капиталистических странах, временем небывалого до тех пор экономического подъема, империя Наполеона III уже с конца 50-х годов начала обнаруживать серьезные признаки политической неустойчивости.

В 1867 г. империя Наполеона III вступила в глубокий политический кризис, который неуклонно нарастал на протяжении последующих лет и в конечном счете привел к ее крушению. Франция находилась в 1866—1867 гг. в тисках жестокого экономического кризиса. Производство и потребление сократились, торговля и биржа оказались в критическом положении, предпринимательская прибыль и заработная плата понизились¹¹.

Резче, чем когда-либо со времени бонапартистского государственного переворота, выражала свое озлобление средняя и в особенности мелкая буржуазия. 1867 год был для нее чрезвычайно тяжелым. Постоянные колебания на бирже разоряли многочисленных мелких рантье. Недовольство охватило и крупную промышленно-торговую буржуазию. В оппозицию перешла также значительная часть тех ее кругов, на которые Наполеон III прежде опирался. Причиной этого была внешне-торговая политика правительства, и прежде всего торговый договор, заключенный им в январе 1860 г. с Англией сроком на 10 лет, который облегчил английскую конкуренцию на внутреннем французском рынке. Недовольство выражала также финансовая олигархия. Она жаловалась на катастрофическое падение курса ценных бумаг, на рост числа банкротств, сокращение операций Французского банка, на обесценение акций железнодорожных и других компаний. Наиболее скандальной финансовой катастрофой 1867 г. был крах «Crédit mobilier», крупнейшего кредитного учреждения Франции.

Провал дипломатических маневров и колониальной авантюры правительства Наполеона III в Мексике, окончательно определившийся в 1867 г., усугубил недовольство буржуазии. Наблюдалось и недовольство буржуазии его внутренней поли-

¹¹ J. Lescure. Des crises générales et périodiques de surproduction. 3-e éd. Paris, 1923, p. 69.

тикой, которая не обеспечила имущим классам возможность спокойно пользоваться их привилегиями и поставила под удар сохранение их «консервативных интересов».

В тесной связи с политическими настроениями французской буржуазии, ростом ее недоверия и охлаждения к правительству Наполеона III следует рассматривать окончательное оформление в 1867 г. так называемой «третьей партии», ядро которой, под названием «Либерального союза», наметилось уже в 1863 г., во время выборов в Законодательный корпус. Вновь созданная оппозиционная парламентская группировка выступила с демагогической платформой: «Прогресс путем свободы без революции», что в действительности означало требование политических свобод для буржуазии путем конституционного преобразования империи.

Бесплодность демагогического заигрывания с рабочими, на путь которого стал Наполеон III со времени своего прихода к власти, никогда раньше не была так ясна французской буржуазии, как в 1867 г. К этому времени она окончательно убедилась в том, что Наполеону III не удалось «приручить» рабочее движение, лишить его самостоятельности. Даже отсталые рабочие, обманутые на первых порах лицемерной политикой императора, якобы имевшей своей целью защиту их интересов, постепенно освобождались от опеки бонапартистских властей.

Усилением стачечной борьбы встретили французские рабочие новое наступление буржуазии на их жизненный уровень. В феврале — марте 1867 г. в Париже бастовало несколько тысяч рабочих-бронзовщиков, добивавшихся повышения заработной платы; в марте была объявлена стачка трех с лишним тысяч парижских портных; в том же месяце бастовали рабочие канатного производства в Париже, ткачи и прядильщики Рубэ. В апреле бастовали 400 углекопов Фюво (деп. Буш-дю-Рон), в июне — кровельщики Онфлёра (деп. Кальвадос), в июле — набойщики ткани в Туркуэне, красильщики велюра и рабочие других специальностей на текстильных предприятиях Амьена, шахтеры каменноугольного бассейна Па-де-Кале, рабочие различных профессий в других промышленных районах Франции.

«Растет число мятежных афиш и надписей, — сообщал в сентябре 1867 г. префект парижской полиции. — В предместьях обнаружены письма, содержащие угрозы по адресу хлеботорговцев, мятежные афиши с выпадами против самого императора, произносятся дерзкие речи». Префект утверждал, что «рабочие встречаются и собираются чаще обычного» и что «в их среду проникают агитаторы, которые стараются возбудить в них озлобление»¹².

¹² «Papiers et correspondance de la famille impériale», t. II Paris, 1871, p. 264, 267—268.

Серьезность создавшегося положения вынудила муниципальные власти Парижа вновь ввести в действие ст. 5 правительственного декрета от 31 августа 1863 г. о так называемой компенсации и ассигновать свыше 3 млн. франков для выплаты владельцам 1200 парижских хлебопекарен разницы между существующей, взвинченной ценой на хлеб и ценой, по которой парижский муниципалитет предлагал им продавать хлеб населению.

По всей Франции ширилось недовольство рабочих и мелкой буржуазии. Антиправительственные афиши были в конце 1867 г. обнаружены полицией и в рабочем предместье Лиона Круа-Русс. В них содержались прямые нападки на Наполеона III. «Этот гнусный тиран,—говорилось в одной из них,—осмелился проливать кровь французов и безжалостно истреблять наших братьев в Италии в интересах ненавистных иезуитов и духовенства. Он разоряет страну, чтобы послать золото папе, в то время как наши дети умирают от холода и голода. Порабощенный народ, на что идут деньги от налогов? На то, чтобы убивать твоих сыновей в далеких и бесплодных войнах»¹³. В этой афише звучал, как видим, гневный протест против колониальных войн Второй империи.

Антиправительственные афиши отражали также всенародное возмущение отправкой в Италию в конце октября 1867 г. французского корпуса для оказания военной помощи папе против гарибальдийцев, предпринявших новую попытку освободить Рим. В Париже состоялись две крупные манифестации, в которых наряду с рабочими участвовали демократические слои буржуазии: 2 ноября — на Монмартрском кладбище у могилы борца за национальное освобождение Италии Манина; 4 ноября — в знак протеста против совершенного накануне разбойничьего нападения французских войск на гарибальдийцев у Ментаны. Итальянским патриотам было нанесено поражение как раз в момент, когда они, слолив сопротивление папских войск, приближались к Риму.

В 1868 г. Франция продолжала оставаться в тяжелом экономическом положении. Три крупных мероприятия, осуществленных правительством в первой половине 1868 г., были направлены к укреплению империи: военная реформа, принятая Законодательным корпусом в январе 1868 г., так называемые либеральные законы о печати и о публичных собраниях, изданные в мае — июне, и два судебных процесса парижской организации Интернационала, подготовка и проведение которых происходили одновременно с подготовкой и изданием «либеральных законов». Радикально перестроить французскую военную систему и при этом удвоить численность кадровой армии,

¹³ «Lyon, cité républicaine». Etude collective, p. 123.

как предполагалось по первоначальному проекту, правительству Наполеона III так и не удалось. Военная реформа в том виде, в каком она была узаконена в январе 1868 г., не могла служить надежной основой военных планов императора, связанных с обострением франко-прусских отношений после австро-прусской войны 1866 г.

Издание так называемых либеральных законов — о печати от 11 мая 1868 г., о публичных собраниях от 6 июня — также не упрочило положение правительства Второй империи. Законом от 11 мая отменялась обязательность предварительного правительственного разрешения для новых органов печати. Однако по-прежнему сохранялся и высокий гербовый сбор, которым они облагались, и высокий денежный залог, а это крайне затрудняло выход в свет демократических изданий. Закон от 6 июня, легализовавший публичные собрания, запрещенные декретом от 25 марта 1852 г., также имел ряд ограничений. Его действие не распространялось на собрания, носившие политический характер. В этом случае требовалось специальное разрешение, которое выдавалось только в периоды избирательных кампаний. Правительственные комиссары были наделены правом распускать собрания.

Майским законом о печати, естественно, воспользовались оппозиционные круги буржуазии. Уже в первые два месяца после его издания в Париже и в провинции появилось около 70 новых органов печати. В их числе были крупные либерально-республиканские газеты и еженедельники. 2 июля появился первый номер еженедельной газеты «Le Réveil», издававшейся мелкобуржуазным демократом, неоякобинцем Шарлем Делеклюзом. Еще ранее, 1 июня, в Париже начал выходить радикальный еженедельник «La Lanterne», издававшийся Анри Рошфором. В короткое время еженедельник завоевал широкую популярность во Франции благодаря острой, уничтожающей критике бонапартистского режима, царствующей династии и самого Наполеона III. Тираж этого издания превышал 100 тыс. экземпляров. Однако уже в августе «La Lanterne» был конфискован, а Рошфор приговорен к 13 месяцам тюремного заключения. Ему удалось скрыться в Бельгию, где он продолжал издание и тайно переправлял его во Францию.

После издания закона о печати политическая обстановка в стране, вопреки ожиданиям правительства, еще более обострилась. Буржуазно-оппозиционное движение все разрасталось. 2 ноября 1868 г., в день поминания усопших, на Монмартрском кладбище в Париже у могилы депутата-республиканца Бодена, погибшего 3 декабря 1851 г. на баррикадах Сент-Антуанского предместья, состоялась массовая антиправительственная манифестация под лозунгами свободы и республики. На другой день редактор «Le Réveil» Шарль Делеклюз выступил

инициатором общественной подписки на сооружение памятника Бодену. Против ряда участников манифестации и подписки правительство возбудило судебное преследование. На процессе, который состоялся 13—14 ноября 1868 г. в Париже, с яркой обличительной речью против полицейского режима Второй империи выступил защитник обвиняемого Делеклюза тридцатилетний адвокат-радикал Леон Гамбетта. С этих пор Гамбетта снискал себе большую популярность во Франции и за ее пределами. Делеклюз и другие обвиняемые были приговорены к различным мерам наказания, но подписка в Париже и в провинции демонстративно продолжалась.

Одновременно с изданием «либеральных законов» в угоду буржуазии правительство постаралось лишить лучших представителей рабочего класса возможности воспользоваться теми свободами, которые оно «даровало» стране. В первой половине 1868 г. правительство организовало два судебных процесса парижской организации Международного Товарищества Рабочих.

Первый процесс, начавшийся в декабре 1867 г., был закончен в марте 1868 г. роспуском парижского бюро Интернационала, как недозволенной законом тайной организации, и обложением его членов денежными штрафами. Через десять дней после вынесения приговора по первому процессу Интернационала Наполеон III частично удовлетворил ходатайство о легализации синдикальных палат (профессиональных объединений), возбужденное наиболее умеренными элементами парижских рабочих, ставившими целью «изыскать мирные средства» улучшения положения трудящихся и систематически собиравшимися в одном из пассажей при покровительстве бонапартистских властей. Синдикальные палаты не были легализованы законодательным путем, однако признаны «терпимыми». Эта мера была направлена к тому, чтобы расколоть рабочее движение.

Но еще до вынесения приговора по первому процессу Интернационала, 8 марта 1868 г. было избрано второе бюро парижской организации. В отличие от первого, в котором преобладали правые прудонисты, противники политической борьбы рабочего класса, новое бюро состояло главным образом из социалистов-коллективистов, именовавших себя левыми прудонистами. Они были сторонниками коллективной собственности на орудия и средства производства, признавали необходимость политической борьбы рабочего класса, осуждали консервативные взгляды правых прудонистов на роль женщины в обществе и на задачи воспитания. Второе парижское бюро Интернационала возглавлял выдающийся деятель французского рабочего движения 28-летний переплетчик Луи-Эжен Варлен.

Решительная борьба бюро за интересы рабочего класса сразу насторожила бонапартистское правительство. Уже 22 мая члены парижского бюро были привлечены к суду по обвине-

нию в подрывной, нелегальной деятельности. На этом, втором, процессе Варлен произнес свою знаменитую речь. Он охарактеризовал капиталистическую общественную систему как «социальный строй, разьедаемый неравенством, строй, на который оказывает пагубное действие отсутствие в нем солидарности, который скован, словно железными тисками, антиобщественными предрассудками». Он ярко очертил тяжелый, полный лишений жизненный путь производителей общественных благ и сопоставил его с жизнью в довольстве и наслаждениях, которую ведут люди, «ничего не производящие, а только наслаждающиеся плодами трудов и лишений девяти из ста своих братьев». Показав далее, что капиталистическое общество основано на классовом антагонизме, Варлен изложил основные принципы Интернационала, рассказал о его деятельности и конечной цели. Он особо подчеркнул выдающуюся роль нового класса, пролетариата, историческая миссия которого заключается в уничтожении всех видов эксплуатации и классового антагонизма.

Речь Варлена содержала и прудонистские положения. Так, например, обращаясь к буржуазии, Варлен убеждал ее добровольно уступить место молодому классу, несущему возрождение человечеству, так как она «должна понять», что изжила себя и не способна больше идти в ногу с требованиями новой эпохи. Он доказывал, что буржуазия поступит разумно, если сама будет приветствовать появление пришедшего ей на смену нового класса и «предоставит ему возможность выполнить свою миссию осуществления справедливости»¹⁴.

По приговору суда парижское бюро было объявлено распущенным, а его члены приговорены, помимо денежного штрафа, к трехмесячному тюремному заключению. Парижская организация Интернационала, объединявшая несколько сот членов регулярно действовавших секций, была разогнана.

Однако преследования, которым правительство Второй империи подвергало секции Интернационала во Франции, способствовали лишь росту популярности этой международной пролетарской организации и ее влияния на французское рабочее движение. «После нашего осуждения,— сообщал Варлен,— многие рабочие, которые до того времени не интересовались Интернационалом, приходили к нам и спрашивали, можно ли еще присоединиться к нашей организации. Мысль о том, что парижская ассоциация продолжает существовать, была общераспространенной и жила как в рабочих массах, так и среди встревоженной буржуазии»¹⁵. Другой член второго парижского бюро Ком-

¹⁴ «Procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris. Première et deuxième Commissions du Bureau de Paris». Paris, 1870, p. 164, 165.

¹⁵ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris». Paris, 1870, p. 16.

бо также сообщал, что после процесса 1868 г. Интернационал приобрел особую притягательную силу для «всей мыслящей и деятельной части трудового населения Парижа»¹⁶.

Рабочие Парижа вели идейно-политическую борьбу на многочисленных публичных собраниях, проходивших со второй половины 1868 г. в различных районах столицы и сыгравших крупную роль в общественной жизни Франции 1868—1870 гг. По некоторым сведениям, только за восемь месяцев, с июля 1868 г. по март 1869 г., в Париже состоялось от 300 до 400 публичных собраний, на которых было произнесено от 2 до 3 тыс. речей¹⁷.

На первых порах эти собрания проводились при активном участии буржуазных экономистов и политиков, прилагавших большие усилия, чтобы «отвоевать почву у социалистов» и подчинить аудиторию своему образу мышления. Энергично действовали и правые прудонисты, смыкавшиеся в ряде вопросов с буржуазными ораторами. Обсуждение приняло совсем иной характер, как только в полемику вступили социалисты-коллективисты.

Коллективисты все более завладевали рабочей аудиторией публичных собраний. В дальнейшем определились два рода публичных собраний: в центре Парижа, где подвизались буржуазные идеологи, собрания были либеральными в области политики и реформистскими в социальных вопросах; в рабочих районах они все более принимали революционно-социалистический характер. На них происходили страстные дискуссии по самым разнообразным вопросам, волновавшим в то время рабочих: о монополиях, о наемном труде и пауперизме, о безработице, о синдикальных палатах, о воспитании и образовании, о религии и атеизме, о привилегиях, о праве наследования, о коммунизме и мютюзлизме, о борьбе человека с природой, о собственности, о правах и обязанностях личности в современном обществе и многом другом. Ораторы призывали рабочих взять в собственные руки ведение своих дел, ибо до сих пор почти все те, кто их представлял, обманывали их; они напоминали им об июне 1848 г. и декабре 1851 г., о том, что «социальная философия основывается на атеизме, на отрицании частной собственности, словом — на коммунизме в самом широком его понимании»¹⁸.

Варлен в феврале 1869 г. сообщал: «Общественное движение с каждым днем расширяется и углубляется среди нашего рабочего населения. С каждым днем устраивается все больше

¹⁶ «L'Egalité», 20.III 1869.

¹⁷ G. de Molinari. Le réveil du socialisme en 1868.— «Journal des économistes», 1869, juin.

¹⁸ «La Revue socialiste», 1896, t. 23, p. 654.

и больше публичных собраний для обсуждения экономических вопросов; изо дня в день растет их посещаемость... Ораторам приходится разрываться на части, чтобы обслужить все собрания, на которых ведутся прения по самым интересным, но и самым сложным вопросам»¹⁹.

Среди видных ораторов публичных собраний конца 60-х годов мы встречаем немало имен будущих членов Парижской Коммуны: Варлена, Амуру, Флуранса, Риго, Ферре, Ранвье, Лонге, Эда, Дюваля, Бриона, Ж.-Б. Клемана, а также других активных деятелей социалистического движения: Русселя, Гайяра, Моро, Мильера, Андре Лео, П. Менк, Дезире, Дюкаса, Бюдай, Дебока, Делакура. Это были социалисты-коллективисты, многие из которых называли себя коммунистами. Одни из них принадлежали к группе левых прудонистов, другие — к бланкистской организации, третьи не причисляли себя ни к одной из существовавших в то время социалистических группировок. Среди них было много членов Интернационала.

Из видных бланкистов, кроме Риго, Ферре, Эда, Дюваля; Ранвье, будущих членов Парижской Коммуны, ораторами публичных собраний были Жантон, Шовьер, Гранже, Касс, Маршан, Моро, Эмбер, Жаклар. Здесь же выступали и такие известные прудонисты правого толка, как Фрибур, Толен, Шемале, Элигон, Ланглуа, тщетно старавшиеся сохранить былое влияние на парижских рабочих, все более широкие круги которых приобщались к подлинно социалистическому движению.

«У нас не может быть больше иллюзий насчет взглядов и тенденций, господствующих в массах,— писал в июне 1869 г. орлеанист Молинари,— из десяти рабочих, интересующихся не только хлебом насущным, девять являются социалистами или находятся на пути к тому, чтобы стать ими»²⁰. Он подчеркивал, что социализм, как показали публичные собрания, не только не уничтожен, но, напротив, «никогда не переставал распространять в массах свои разлагающие теории», что «он располагает штабом и армией и может при известных обстоятельствах вызвать страшные потрясения»²¹.

Чем больший успех имели публичные собрания, тем сильнее нападали на них представители буржуазии, которые в Законодательном корпусе и в печати клеветали на лучших людей рабочего класса и революционной интеллигенции, изображая их, как вспоминал впоследствии социалист Лефрансэ, «бандитами, проповедующими кровавые эксцессы и кражи или по меньшей мере людьми подозрительными, оплачиваемыми полицией»²². Де-

¹⁹ «L'Egalité», 13.II 1869.

²⁰ «Journal des économistes», 1869, juin.

²¹ «Journal des Débats», 5.II 1869.

²² G. Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871. Neuchâtel, 1871, p. 46.

путаты левой фракции, буржуазные республиканцы не отставали от других.

Правительство Второй империи уже в первые месяцы 1869 г. привлекло к судебной ответственности около 60 ораторов публичных собраний. Они были приговорены к тюремному заключению на сроки от 15 дней до 8 месяцев и к денежным штрафам от 50 до 2000 франков. Среди осужденных за публичное поношение общественной «морали и добрых нравов», за «нападки на права семьи и на принцип собственности», за «подстрекательство одних граждан к ненависти и презрению по отношению к другим», за «подстрекательство к ненависти и презрению к императорскому правительству» было немало социалистов, пользовавшихся популярностью у парижских рабочих. В материалах процессов, печатавшихся в «La Gazette des Tribunaux», встречаются имена Рауля Риго, Наполеона Гайяра, Бриона, Пейрутона, Дюваля, Брисона, Моро, Ферре, Бюдай, Башельри, Шовьера, Пишона, Амуру, Жантона, Фортена, Гарро и многих других.

Издание законов о публичных собраниях и о печати не привело правительство Второй империи к цели: политическая обстановка во Франции обострилась.

Во второй половине 1868 г. наблюдался дальнейший подъем стачечного движения в связи со снижением заработной платы рабочих. Отметим крупную стачку рабочих мраморного производства в Париже, вспыхнувшую в конце 1868 г. и закончившуюся победой бастовавших. Одновременно происходили стачки в текстильной промышленности, например бастовали 400 прядильщиков шерсти во Вьенне (Дофинэ), ткачи в Сотвиль-ле-Руане и др. Результатом этих стачек независимо от их исхода был рост организованности и идейной зрелости рабочих. Стачки протекали при активной помощи бастующим со стороны рабочих различных профессий как в самой Франции, так и в других странах. Благодаря организующей роли Генерального Совета Интернационала существенную денежную помощь оказали бастующим рабочие Лондона, Манчестера, Ливерпуля. Руанские рабочие выразили «вечную признательность» Генеральному Совету²³. Сотвильская стачка, показавшая рабочим, какое значение имеют организованность и солидарность, послужила толчком развитию рабочего движения в Руанском округе.

Буржуазная печать усилила травлю социалистов, участников публичных собраний, накануне выборов 1869 г. в Зако-

²³ «Compte-rendu moral et matériel de la grève de Sotteville-lès-Rouen». В приложении к «Publication du Cercle d'études économiques de l'arrondissement de Rouen. Rapport sur les travaux et la marche du Cercle depuis le 23 août 1868 lu dans la dernière Assemblée générale du 7 février 1869». Paris, [1869].

подательный корпус, когда эти собрания превратились в предвыборные. Правительство распространило по всей стране, главным образом в сельских местностях, гнусный пасквиль, под названием «Le spectre rouge» («Красный призрак»), огромным по тому времени тиражом в 100 с лишним тыс. экземпляров. Главное назначение пасквиля состояло в том, чтобы сохранить за правительством Наполеона III голоса крестьян, запугав их изображением социалистов как сторонников дележа земли. Автором его был реакционный журналист Огюст Витю.

Буржуазные оппозиционные группировки развернули широкую предвыборную агитацию, направленную как против официальных, так и против рабочих кандидатов, выдвинутых публичными собраниями. Ожесточенно соперничая между собой в погоне за депутатскими местами, буржуазные фракции действовали согласованно, когда дело касалось борьбы против социалистов.

В буржуазно-республиканском лагере шла напряженная предвыборная борьба между либералами и радикалами. Главаря так называемого «Либерального союза», правые республиканцы Фавр, Симон, Гарнье-Пажес и др. вместе с орлеанистом Тьером и К^о не брезговали никакими средствами ради успеха на выборах.

Радикалы Гамбетта, Рошфор, Распайль и др. выставили свои кандидатуры против либеральных республиканцев Карно, Ж. Фавра, Гарнье-Пажеса, Гле-Бизуэна, Э. Араго, Э. Оливье. Кандидатура Гамбетты баллотировалась в Париже, в первом избирательном округе, в рабочем районе Бельвиль, и одновременно в Марселе.

Выступая на многочисленных предвыборных собраниях в Париже и в других городах, Гамбетта называл себя «радикальным демократом», приверженцем принципа народного суверенитета. Он обязывался строго придерживаться императивного мандата, врученного ему бельвильскими избирателями.

Бельвильский мандат, приверженность которому доставила в этот период Гамбетте большую популярность среди рабочих Парижа, содержал такие прогрессивные требования, как свобода личности, обеспечиваемая законом, отмена закона о «подозрительных», передача на рассмотрение судов присяжных дел о политических преступлениях, прямая ответственность и выборность всех должностных лиц, упразднение высоких окладов и совместительств, неограниченная свобода союзов, печати и собраний с правом обсуждения религиозных, философских, политических и социальных вопросов, отделение церкви от государства, упразднение бюджета культов, светское, бесплатное и обязательное начальное образование, отмена ввозного налога октруа и преобразование всей налоговой системы, отмена привилегий и монополий, упразднение постоянной армии.

В программе почти не отводилось места социальным требованиям. Это вполне устраивало Гамбетту, отрицавшего наличие социальной проблемы в условиях буржуазной республики, добытой путем всеобщего голосования. Установлением такой республики он ограничивал программные требования избирателей.

Социалисты сочли необходимым выдвинуть самостоятельные кандидатуры. «Мы вступаем на избирательной арене в борьбу с буржуазными республиканцами всех оттенков для того, чтобы подчеркнуть разрыв народа с буржуазией», — писал Варлен ²⁴.

Кандидатом социалистов в одном из избирательных округов Парижа был выдвинут член Интернационала рабочий Брион; в другом округе — Варлен, который, по имеющимся сведениям, снял свою кандидатуру ²⁵, в Руане — член Интернационала Э. Обри. В Лионе и Марселе также были намечены рабочие кандидатуры.

В начале мая была опубликована избирательная программа социалистов за подписью 20 деятелей рабочего движения. «Народ-суверен должен сам выработать свою программу и составить перечень реформ, в осуществлении которых он нуждается, а затем избрать граждан, которые в его глазах будут наиболее подходящими для того, чтобы выразить волю народа», — заявляли составители программы. Принципиальное отличие избирательной программы парижских социалистов от любой буржуазной избирательной программы, в том числе и от наиболее радикальной из них — Бельвильской, заключалось в наличии требования экспроприации банков, железных дорог, каналов, рудников, финансовых компаний и т. д. Программа была основана на принципах Интернационала ²⁶.

Однако в ходе избирательной кампании французским социалистам пришлось отказаться от самостоятельных кандидатур ввиду невозможности успешно вести избирательную борьбу против буржуазии в условиях усилившихся правительственных преследований и репрессий, а также клеветнической кампании буржуазных партий, на которую социалисты не могли должным образом ответить из-за недостатка материальных средств. Они признали поэтому целесообразным поддержать радикальные буржуазные кандидатуры и одновременно использовать избирательную кампанию для пропаганды своих социально-политических взглядов и ближайших требований.

Поддержка социалистов сыграла немалую роль в том, что в первом туре голосования радикальные кандидаты буржуазии

²⁴ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris», р. 19.

²⁵ «L'Internationale», 15.V 1869.

²⁶ «Генеральный Совет Первого Интернационала 1868—1871» Протоколы. М., 1964, стр. 53.

одержали ряд побед над умеренно-либеральными республиканцами. Гамбетта, в частности, получил в первом избирательном округе Парижа 21 734 голоса против 9142 голосов, поданных за либерального республиканца Карно.

«Публичные собрания,— информировал Поль Лафарг Маркса незадолго до начала выборов,— хорошо подготовили почву для борьбы не только против правительства, но и против оппозиции. Повсюду, где в противовес «старикам» были выставлены серьезные кандидатуры, как, например, Гамбетта против Карно, Распайль против Гарнье-Пажеса, Кантагрель и Рошфор против Фавра, против февральских героев выступали обличители, и им удавалось привлечь внимание слушателей. В итоге имени Фавра, Мари, Пажеса, которые не решались даже появляться на собраниях, встречались свистками и шиканьем»²⁷.

Убийственные изобличения руководителей либерально-республиканской оппозиции содержались в книгах, брошюрах, памфлетах социалиста Огюста Вермореля, часть которых вышла в свет специально к избирательной кампании 1869 г.²⁸

Буржуазных либералов разоблачал в 1869 г. и бланкист Тридон в своей книге «Жиронда и жирондисты», где он писал: «Жиронда — самая опасная форма контрреволюции, ибо она является наиболее лицемерной и наиболее новой ее формой»²⁹.

Майские выборы 1869 г. доставили буржуазной оппозиции крупный успех: почти на полтора миллиона голосов больше, чем во время предшествовавших выборов 1863 г. За нее было подано 3 258 777 бюллетеней. Правительство Второй империи, напротив, потеряло более 800 тыс. голосов, получив 4 477 720 бюллетеней. Да и этих результатов оно добилось благодаря фальсификации выборов.

Крестьянство в большинстве своем голосовало за официальных кандидатов, оказав решающую поддержку правительству. Но и среди крестьян были сторонники республиканцев.

Во всех крупных городах большинство населения голосовало за республиканцев. Наибольшее поражение правительство потерпело в Париже и Лионе.

«В Париже,— сообщал социалист Комбо,— из 300 тыс. избирателей за правительство голосовало только 70 тыс., в Лионе из 60 тыс. голосовавших — не более 12 тыс.»³⁰

Радикальные кандидаты буржуазии не сумели удержать за собой голоса, полученные ими в первом туре голосования. Во втором туре, состоявшемся 6—7 июня, либеральные кандидаты

²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8226.

²⁸ A. Vermorel. M. Jules Simon. Paris, [1869]; *idem*. Les hommes de 1848. Paris, 1869; *idem*. Le peuple aux élections. Paris, 1868.

²⁹ G. Tridon. Oeuvres diverses. Paris. 1891, p. 123.

³⁰ «L'Egalité», 29.V 1869.

отвоевали у них голоса отчасти благодаря бонапартистам, снявшим в их пользу свои кандидатуры. Так было, например, с Фавром, одержавшим с помощью правительства верх над Рошфором в Париже. Благодаря такой же поддержке Эмиль Оливье, потерпевший поражение в первом туре голосования, был на этот раз избран.

Выборы 6—7 июня сопровождались волнениями в Париже, Бордо, Сент-Этьенне, Нанте, Монпелье, Тулузе, Дижоне, Амьене, Лилле и в ряде других городов. Рабочее население устремлялось на улицы и бульвары Парижа и других городов с возгласами: «Да здравствует республика!» Полиция по заданию правительства старалась вызвать стихийные выступления с тем, чтобы дать повод для репрессий.

Полицейская провокация правительства Второй империи потерпела провал, и это было признано даже представителями буржуазии³¹.

Выборы 1869 г. воочию показали непрочность бонапартистского режима. Они обнаружили также, насколько подорвано было к концу 60-х годов влияние умеренно-либеральных республиканцев среди рабочих Парижа и крупных провинциальных центров.

Это, однако, не значило, что с идейно-политическим влиянием буржуазных республиканцев на рабочие массы Франции было покончено. Известные слои французского пролетариата далеко еще не освободились от воздействия «пустой декламации» (Энгельс) республиканских политических деятелей буржуазии.

Французским социалистам не удалось в мае—июне 1869 г. предотвратить избрание в Законодательный корпус умеренно-либеральных буржуазных республиканцев Фавра, Симона и других. Именно они составили большинство левой фракции в обновленной бонапартистской палате. «Старая оппозиция вошла торжествующая в Законодательный корпус»,— с горечью констатировал в июне Варлен. Он и другие видные парижские социалисты справедливо считали своей важнейшей, неотложной задачей полностью лишить буржуазных либералов какого бы то ни было влияния на рабочих. «Для нас,— писал Варлен,— важно иметь в оппозиции людей, которые нас представляют или, по крайней мере, не являются нашими врагами. Люди из «Либерального союза» так же опасны для нас, как империя»³².

Со второй половины 1869 г. во Франции еще более усилилось революционное движение. Маркс, живший в Париже с 6 по 12 июля, писал после возвращения (15 июля) Л. Ку-

³¹ См., например, *L. Halévy. Carnets*, t. I. Paris. 1935, p. 217.

³² «L'Égalité», 19. VI 1869.

гельману, что «рост движения» там «прямо бросается в глаза»³³. Подъем движения выражался прежде всего в многочисленных стачках, вспыхнувших в различных районах страны. В них участвовали рабочие самых различных профессий. Они добивались увеличения заработной платы, ввиду вздорожания предметов первой необходимости и квартирной платы, сокращения рабочего дня до 10—11 часов, упразднения грабительских штрафов и других незаконных отчислений от заработной платы³⁴.

Некоторые из наиболее значительных стачек — стачка шахтеров Кантенских копей в Рикамари (район Сент-Этьенна), стачка шахтеров Обена, были подавлены с помощью правительственных войск. Среди бастовавших были убитые и раненые. Многих приговорили к тюремному заключению на различные сроки.

Французские организации Интернационала, главным образом парижская, лионская, руанская, марсельская, приложили большие усилия для оказания материальной и моральной поддержки стачечникам, в частности парижским сыромятникам (около 1 тыс.), упорно бастовавшим почти четыре месяца, лионским сучильщицам шелка, шахтерам Луарского и прочих угольных районов, прядильщикам Эльбёфа и многим другим стачечникам. «Почти все наши стачки закончились успешно,— сообщал, например, 9 августа 1869 г. из Лиона А. Ришар члену Генсовета Интернационала Дюпону.— Успех стачки сучильщиц, которым они обязаны Интернационалу, произвел сильное впечатление»³⁵. Лионские сучильщицы ответили на оказанную им помощь вступлением в Интернационал и уплатой членских взносов, несмотря на попытки запугать их репрессиями. То же сделали и одержавшие победу лионские бронзовщики. Сотни бастовавших рабочих Лиона, независимо от исхода стачек, присоединялись к Интернационалу в индивидуальном и коллективном порядке. За короткий срок «Товарищество приобрело более 10 000 новых единомышленников среди этого героического населения...»³⁶ Пополнилась марсельская организация Интернационала. «Международное Товарищество Рабочих нашло здесь горячих сторонников и пламенных пропагандистов»,— сообщали из Марселя³⁷. Новые секции Интернационала возникли в этот период в Сент-Этьенне, Руане, Эльбёфе, Безансоне, Гренобле и в других местах.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 520.

³⁴ F. L'Huillier. La lutte ouvrière à la fin du Second Empire. Paris, 1957, p. 21—36.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. III/1966.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 395.

³⁷ «L' Egalité», 11.XII 1869.

Наряду с новыми секциями Интернационала, в результате мощной волны стачек возникали также новые профессиональные объединения французского пролетариата. Число их настолько выросло, что возникла необходимость создания в крупных индустриальных центрах федераций синдикальных палат. В ноябре 1869 г. была создана парижская федерация. Примеру Парижа вскоре последовали Лион, Марсель, Руан. Настоятельная задача дня заключалась в том, чтобы создать общенациональную федерацию синдикальных палат.

Но именно численный рост секций Интернационала во Франции с особой настоятельностью выдвигал задачу дальнейшего организационного и идейного сплочения его рядов. В этой области успехи Международного Товарищества Рабочих были значительно скромнее. Правые прудонисты, хотя и оттеснялись коллективистами от руководства, все еще играли в Интернационале довольно значительную роль. Текучесть состава организаций Интернационала на местах, отсутствие в них необходимого единства, идейная незрелость многих членов — таковы были основные слабости этих организаций.

Важным достижением французского социалистического движения конца 60-х годов являлось то, что среди передовых его деятелей имелись люди, которые отдавали себе отчет в необходимости создания и укрепления политической организации пролетариата на базе секций Интернационала, очищения руководства от правопрудонистских элементов. О создании социалистической партии, как самой важной задаче, стоящей перед французским рабочим движением, писал 23 октября 1869 г. Марксу из Парижа Поль Лафарг³⁸.

«Правые прудонисты, — писал Марксу 22 ноября 1869 г. выдающийся французский социалист Эжен Дюпон, один из его соратников в Генсовете, — служат для нас помехой, ибо прудонисты являются для Интернационала тем же, чем «политики» являются для революции». Дюпон высказывался за более активную пропаганду принципов Интернационала, которую должны широко развернуть корреспонденты-коллективисты, полномочия которых следует расширить. «В ряде департаментов, — сообщал он, — у нас имеются надежные корреспонденты. Постепенно мы сгруппируем всех коллективистов и освободимся от прежних корреспондентов». Дюпон придавал этому мероприятию огромное значение и считал, что только в том случае, если оно будет успешно проведено в жизнь, «Интернационал сможет играть эффективную роль в революции»³⁹.

Однако большинство французских социалистов еще не осознало жизненной необходимости создания политической пар-

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8207.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 79/15.

тий рабочего класса. Даже Варлен, неоднократно высказывавшийся в тот период за необходимость тщательной подготовки к революционной борьбе, представлял ее себе только в виде «активной пропаганды через газету, через публичные и закрытые собрания, через организацию рабочих обществ»⁴⁰. Бланкисты не понимали значения революционной партии пролетариата, так как они по-прежнему преуменьшали роль народных масс в революции и не придавали значения их организационной подготовке для ее осуществления. «Инструкция к вооруженному восстанию», вышедшая из-под пера Бланки в окончательной редакции около середины 1868 г.⁴¹, хотя и отводила народным массам более видное место, чем это прежде делал Бланки, все же не обнаруживала серьезных сдвигов в понимании ее автором значения и роли народных масс как в подготовке революции, так и в ее осуществлении. Народные массы появляются у Бланки лишь после того, как восстание начато группой профессиональных революционеров.

Наряду с пережитками прудонизма, с идейно-теоретической слабостью бланкистов, организационному и идейному укреплению рядов французского пролетариата препятствовала и деятельность М. Бакунина. На юго-востоке Франции, главным образом в Лионе и Марселе, Бакунину удалось подчинить своему влиянию активных в то время деятелей местных организаций Интернационала А. Ришара и Бастелика, а через них и ряд других членов этих организаций. Правда, в Париже Бакунин, несмотря на свои старания, потерпел неудачу. Лишь некоторые деятели рабочего движения, например Малон, Аристид Рей, Эли и Элизе Реклю, Шассен, Таландье и др., временно оказались в бакунистском лагере. Но, за исключением Малона, их влияние на рабочих было весьма незначительным.

Между тем приближались дополнительные выборы четырех депутатов в Законодательный корпус, назначенные на 21 ноября. Социалисты и на этот раз были вынуждены отказаться от самостоятельных кандидатур и поддержать буржуазного радикала А. Рошфора, выставившего свою кандидатуру в Бельвиле на место Гамбетты, числившегося депутатом от Марселя. Рошфор считал тактически выгодным не скупиться на обещания. В одном из предвыборных выступлений он дал понять, что не исключает возможности перенесения своего мандата «из Законодательного корпуса на улицу»⁴², вызвав восторженную реакцию своих наивных избирателей. В действительности Рошфор

⁴⁰ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris», p. 35.

⁴¹ *M. Dommanget*. *Blanqui et l'opposition révolutionnaire à la fin du Second Empire*. Paris, 1960, p. 165.

⁴² «Journal des Débats», 8.XI 1869.

был убежденным сторонником классового сотрудничества рабочих с буржуазией. Благодаря поддержке социалистов Рошфор добился своей цели. Кроме него, были избраны депутатами три либеральных республиканца: Араго, Крэмье, Гле-Бизуэн.

Французские социалисты, и прежде всего члены Интернационала Дюпон, Варлен и др., не переоценивали Рошфора. Они по-прежнему считали своей важнейшей задачей, говоря словами Варлена, «подрывать престиж всех этих буржуазных, более или менее радикальных господ, представляющих серьезную опасность для социальной революции»⁴³. Э. Дюпон жаловался в письме Марксу от 22 ноября 1869 г., что «французский народ, социалистический по чувству, готов совершить революцию, чтобы привести к власти таких людей, как Рошфор»⁴⁴. Однако сотрудничество с Рошфором, приступившим в декабре 1869 г. к изданию ежедневной газеты «La Marseillaise» («Марсельеза»), открывало перед социалистами возможность не только вести борьбу против империи, но и «отстаивать и поддерживать революционный социализм», как писал Варлен⁴⁵.

Начиная с первого номера «La Marseillaise», появившегося 19 декабря, социалисты активно сотрудничали в газете. Они звали французский народ на путь активной борьбы за «социальную и демократическую республику», разоблачали сущность нового либерального курса. Пришедшее к власти 2 ноября 1870 г. либеральное правительство во главе с бывшим республиканцем Э. Оливье они справедливо характеризовали как антинародную коалицию различных фракций буржуазии, главным образом бонапартистов и орлеанистов.

Социалисты подвергали уничтожающей критике поведение либеральных республиканцев, не только тех, кто во главе с Пикаром открыто присоединился к правительству Оливье, но и других, возглавляемых Фавром, которые практически тоже помогали пришедшим к власти либералам тешить народ иллюзиями о новом курсе.

Выступая поборниками «демократической и социальной республики», социалисты старались разъяснить, в чем состоит ее принципиальное отличие от любой буржуазной республики, в том числе от американской и швейцарской. «Мы хотим... республики, которая представляет собой действительное осуществление всеобщего избирательного права и единственной основой которой служит труд»⁴⁶. Развивая это положение, Варлен несколько позднее писал: «Грядущая революция, чтобы быть окончатель-

⁴³ «L'Egalité», 4.XII 1869.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 6118.

⁴⁵ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris», p. 34.

⁴⁶ «La Marseillaise», 6.I 1870.

ной, не должна ограничиваться простой переменой правительственной этикетки и кое-какими частичными реформами. Она должна радикально освободить рабочего от всякого рода эксплуатации, капиталистической и политической, и установить справедливость в общественных отношениях»⁴⁷.

Однако французские социалисты имели крайне неясное представление о «демократической и социальной республике» будущего. «Упразднение всех стесняющих нас институтов будет легким делом, почти все мы сходимся в этом вопросе,— писал Варлен,— что касается построения нового, то это будет труднее, так как... немногие имеют вообще более или менее определенное представление об этом»⁴⁸. Это положение подтверждали статьи Мильера, систематически печатавшиеся в «La Marseillaise» и выражавшие, по словам Варлена, «социалистическую линию» газеты. Действительно, Мильер провозглашал себя сторонником демократической республики, в которой будет осуществлен коммунистический принцип производства и распределения. Вместе с тем он развивал утопическую идею, будто такая республика может быть установлена «путем постепенного введения солидарности интересов в систему общих законов, а это в свою очередь может быть достигнуто исключительно путем общего соглашения»⁴⁹. Убежденный в том, что и капиталисты стремятся к устранению нищеты и установлению справедливости, он доказывал им, что социалисты заботятся и об их интересах. С другой стороны, мы встречаем в статьях Мильера идею революции и «народной диктатуры». «Революция,— писал он,— есть по существу диктатура народа, диктатура масс, и она должна быть организована»⁵⁰. Но Мильер имел в виду весьма кратковременную революционную диктатуру, установленную тотчас после победоносного политического переворота в Париже, которая будет существовать только до тех пор, пока примеру Парижа не последует провинция.

Что касается установления после революции коллективной собственности на орудия и средства производства, Мильер высказывался за экспроприацию только тех предприятий, владельцы которых будут злобно саботировать мероприятия революционной власти. В программе реформ переходного периода, предлагавшихся Мильером, помимо прогрессивного подоходного налога и передачи рабочим ассоциациям промышленных и торговых предприятий, покинутых владельцами, содержались пункты об упразднении косвенных налогов, организации обменных

⁴⁷ «La Marseillaise», 11.III 1870.

⁴⁸ «International Review for Social History», t. II. Amsterdam — Leiden, 1937, p. 182—183.

⁴⁹ «La Marseillaise», 28.XII 1869.

⁵⁰ «La Marseillaise», 9.I 1870.

пунктов и народных банков, о введении всеобщего светского обучения, демократических свобод, об отмене постоянной армии. Аграрный вопрос и вопрос об отношении к крестьянству Мильер обходил. В его социально-политических взглядах эклектически соединялись революционные и реформистские идеи, значительным было влияние прудонистских теорий.

Взгляды Варлена были гораздо более прогрессивными. Он отрицал «гармонию интересов» буржуазии и пролетариата, был противником сохранения за собственниками орудий производства. Но Варлен не освободился еще от прудонистских заблуждений. Он отрицательно относился к идее диктатуры пролетариата и к идее централизованной организации труда, предпочитал организацию «справедливого обмена» продуктов труда мелких самостоятельных производителей. Он называл себя одно время под влиянием Бакунина «антиавторитарным коммунистом». На Базельском конгрессе он высказался за отмену права наследования и не поддержал в этом вопросе сторонников Генерального Совета. Однако связь Варлена с Бакуниным была кратковременной; идеи Бакунина не увлекли Варлена.

Активным деятелем французского социалистического движения конца 60-х годов был и Поль Лафарг. Борьбу, которую он вел за объединение сил французского пролетариата, за создание, в частности, Парижской Федерации Интернационала, чему ожесточенно противодействовали прудонисты, он сочетал с усилиями по распространению революционной теории Маркса во Франции. Лафарг был одним из немногих французских социалистов, испытавших на себе личное влияние Маркса. Около трех лет он провел в Лондоне, где участвовал в заседаниях Генерального Совета Интернационала, членом которого был избран в марте 1866 г. В 1868 г. Лафарг вернулся в Париж.

Благодаря усилиям Лафарга весной 1870 г. было подготовлено новое французское издание Устава Интернационала, в котором были устранены прудонистские искажения, допущенные в 1864 г. при переводе положения Устава о месте политической борьбы в освободительном движении пролетариата. Лафарг перевел также на французский язык «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», составленную К. Марксом для делегатов Женевского конгресса Интернационала (1866 г.); часть предисловия Маркса к первому тому «Капитала» (1867 г.); «Манифест Коммунистической партии» (начало 1869 г.). Кроме того, он распространял среди французских социалистов отдельные произведения Маркса, например «Нищету философии», с которой познакомились, в частности, Бланки, Тридон и другие бланкисты, а также Лео Франкель — большой почитатель Маркса, с увлечением штудировавший «Капитал» и «18 брюмера Луи Бонапарта».

Лафарг, сам в прошлом прудонист, активно боролся в конце

60-х годов против прудонистского влияния на французское рабочее движение. В 1869 г. он написал статью, направленную против Прудона, и другую, в которой он, в противовес Прудону, изложил в популярной форме идеи «Манифеста Коммунистической партии»⁵¹. Он вел активную борьбу и против проникновения идей Бакунина во Францию.

Теоретические взгляды Бланки были изложены им в 1869—1870 гг. в работе «Капитал и труд», увидевшей свет лишь в 1885 г., после смерти ее автора. Ближайшим соратникам Бланки основные положения ее были, по-видимому, известны уже в то время. В появившейся в 1869 г. брошюре бланкиста Тридона «Жиронда и жирондисты» повторялась идея Бланки о революционной диктатуре. Бланки считал, что после победы революции нужно лишить ее врагов политических прав. Он высказывался за установление революционной диктатуры, имея, однако, в виду «диктатуру Парижа» над всей Францией, рассматриваемую им как «подлинно национальное представительство». Эту идею своего учителя подхватил Тридон, сделав ее предметом широкой известности. Тридон и другие бланкисты находились в конце 60-х годов под сильным влиянием лозунгов и традиций Великой французской революции, что мешало им правильно оценивать социальные отношения новой эпохи. Те же слабости были присущи и прочим социалистам, в том числе левым прудонистам. Идеино-теоретическая незрелость французских социалистов тревожила Маркса и Энгельса. «Что меня пугает у французов, так это чертовская путаница в головах», — писал Маркс в конце 1869 г. Энгельсу⁵².

Заметное влияние на идейную жизнь Франции конца 60-х годов оказывали мелкобуржуазные демократы — неоякобинцы, еще более преклонявшиеся перед традициями Французской революции, в особенности перед якобинской республикой 1793 г. Неоякобинцы, отражавшие рост республиканских настроений среди разорвавшейся мелкой буржуазии, видели свой идеал в буржуазно-демократической республике. Сторонники капиталистической системы производства и частной собственности, они ополчались только против крупной буржуазии, считая необходимым сохранить мелкую буржуазию, ибо она «участвует в производстве и достаточно трудится»⁵³. Некоторые из них на словах отдавали дань социализму, но обнаруживали крайне туманное о нем представление.

В 60-е годы во Франции появилась новая обширная литература о Великой французской революции. Были переизданы труды Марата, Робеспьера, Дантона, Верньо, речи Мирабо. Про-

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8226.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 312.

⁵³ F. Pyat. Les inassermementés. Paris, 1869, p. 60.

изведения Робеспьера, Дантона, Верньо с аннотациями социалиста Вермореля выдержали в 1866—1867 гг. два издания. В письме к Дюбуа от 22 августа 1868 г. Верморель настойчиво рекомендовал ему заняться подготовкой 3-го издания этих произведений, «которые разошлись и на которые имеется большой спрос»⁵⁴. В 1869 г. были изданы с аннотациями Вермореля произведения Марата.

Январские события 1870 г. в Париже снова подчеркнули глубину кризиса Второй империи. Убийство принцем Пьером Бонапартом 10 января журналиста-республиканца В. Нуара, сотрудника «*La Marseillaise*», всколыхнуло трудовой Париж. Около 200 тыс. трудящихся явились 12 января в предместье Парижа Нёйи, куда был доставлен гроб с телом Нуара. Накануне Рошфор в «*La Marseillaise*» призвал французский народ покончить с династией Бонапартов. «Вот уже 18 лет,— писал он,— как Франция находится в окровавленных руках злодеев, которые, не довольствуясь расстрелом республиканцев на улицах, увлекают их в гнусные западни, чтобы убивать их у себя на дому. Французский народ, неужели ты все еще не находишь, что с этим пора покончить?»⁵⁵

Почти все бланкисты явились в Нёйи. По словам Ш. Да Коста, их было около 2 тыс. человек, «хорошо вооруженных и серьезным образом организованных»⁵⁶. Небольшими группами они безмолвно прошли военным строем перед присутствовавшим здесь Бланки. Но их вождь, готовый повести в бой свои отряды, не обманывал себя: он видел, что не он является хозяином положения. Рошфор же категорически отверг настояния социалиста Флуранса, чтобы похоронная процессия через центр Парижа направилась к кладбищу Пер-Лашез. Флуранс рассчитывал, что в этом случае она превратится в политическую манифестацию и, возможно, приведет к свержению империи. Манифестация не состоялась. Виктор Нуар был похоронен в Нёйи. Решение Рошфора, независимо от руководивших им мотивов, было правильное. Выступление было обречено на поражение, так как рабочие, за немногими исключениями, не были вооружены, а им противостояли в Париже не менее 60 тыс. вооруженных солдат, которых правительство держало наготове. Помимо войск парижского гарнизона, в его распоряжении была кавалерийская дивизия, срочно вызванная из Версаля и занявшая по приказу военного министра Елисейские поля, Дворец промышленности, Тюильри. Военная школа была также занята войсками. «Истинное счастье,— писал Энгельс Марксу,— что,

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 240, ед. хр. 44 III/XXIII.

⁵⁵ «*La Marseillaise*», 12.I 1870.

⁵⁶ *Ch. Da Costa*. Les blanquistes. Paris, 1912, p. 31.

вопреки Г. Флурансу, на похоронах Нуара не началась заварушка... 200 000 безоружных рабочих должны были из открытого поля завоевать Париж, занятый 60 000 солдат!»⁵⁷

Судя по последующей переписке Варлена, парижские социалисты извлекли некоторый урок из событий 10—12 января. «Мы решили,— сообщал Варлен 19 января руанскому социалисту Эмилю Обри,— внимательно следить отныне за политическим движением и во всех случаях предварительно обсуждать необходимые шаги. Настроение сейчас повышенное, революция надвигается, и мы не должны допустить, чтобы нас захлестнула стихия»⁵⁸. А 26 января лионскому социалисту А. Ришару Варлен писал о новых практических шагах социалистов в целях лучшей подготовки к революции, об организованных в Париже новых секциях Интернационала. «В случае, если в Париже начнется борьба,— запрашивал Варлен Ришара,— сможем ли мы рассчитывать на то, что вы отвлечете от нас внимание; пользуетесь ли вы достаточным влиянием в Лионе, чтобы вызвать движение в случае, если мы поставим вас в известность, что начинаем здесь бой? Я договорился на этот счет с Бастелика. Мы рассчитываем на Марсель. Необходимо, чтобы все промышленные центры были одинаково настроены»⁵⁹.

Письмо это писалось в условиях дальнейшего обострения политической обстановки во Франции, вызванного вооруженным подавлением 21 января 1870 г. правительственными войсками крупной стачки рабочих предприятий Шнейдера в Крезе. Еще не закончились массовые увольнения рабочих, участвовавших в похоронах Виктора Нуара, как начались новые увольнения и аресты рабочих за участие в январской стачке. 10 с лишним тыс. рабочих предприятий Шнейдера требовали передачи в их ведение пенсионной кассы, фондами которой распоряжалась администрация. В Крезе были вызваны войска, стачка приняла политический характер. Нужда и репрессии заставили бастующих приступить к работе, не добившись удовлетворения своих требований⁶⁰.

27 января парижские секции Интернационала опубликовали манифест за подписью Варлена, Малона и других социалистов, в котором заявляли о своей солидарности с рабочими Крезе, выступившими против «режима политического гнета и промышленной анархии, обрекающего на нищету именно тех, кто способствовал огромному накоплению капитала». Социалисты вы-

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 355.

⁵⁸ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris», p. 32.

⁵⁹ «International Review for Social History», v. II, p. 186.

⁶⁰ См. P. Ponsot. Les grèves de 1870 et la Commune de 1871 au Creusot. Paris, [1957].

ражали решительный протест против насилий, учиненных капиталистами и бонапартистским правительством над рабочими⁶¹.

7—8 февраля в Париже снова имели место волнения. Поводом для них послужил арест Рошфора, приговоренного к 6 месяцам тюремного заключения за статью, напечатанную в «La Marseillaise» вслед за убийством Виктора Нуара. Многие рабочие не явились в мастерские. В разных пунктах столицы были сооружены баррикады, большинство которых вскоре захватили правительственные войска. Самая крупная баррикада, сооруженная в Бельвиле по призыву Флуранса, пала в ночь с 7 на 8 февраля, но на другой день, несмотря на противодействие войск, была вновь воздвигнута и удерживалась рабочими до глубокой ночи. 7 и 8 февраля были произведены многочисленные аресты, в том числе членов редакции и видных сотрудников «La Marseillaise». Одному лишь Флурансу удалось бежать в Англию. «За участие в мятеже» в одном только Бельвиле были привлечены к судебной ответственности 94 человека, главным образом рабочие. Их приговорили к различным срокам тюремного заключения, а часть из них также к денежному штрафу⁶². События 7—8 февраля снова продемонстрировали организационную слабость революционных сил Парижа. Не удивительно, что выступление это «легко подавили полицейскими силами, которым охотно помогали буржуа Бельвиля и Монмартра», как сообщал 8 (20) февраля 1870 г. в Петербург русский посол в Париже граф Штакельберг⁶³.

Парижские секции Интернационала в выпущенном ими обращении и на этот раз, как и в январе, после убийства Нуара, призывали рабочих к «терпению и спокойствию», убеждали их в том, что «момент для решительных и немедленных действий еще не наступил»⁶⁴.

Стачечное движение французского пролетариата после январской забастовки в Крезе неуклонно нарастало. Новые крупные стачки вспыхнули в Сен-Кантене, Лионе, затем в марте снова в Крезе, в апреле стачка в Фуршамбо, за нею стачки в Париже, Марселе, Лилле, Руане и в ряде других промышленных центров.

23 дня длилась вторая стачка рабочих Крезе, начавшаяся 21 марта. И на этот раз, как и в январе, в Крезе были присланы войска. Среди бастующих были произведены аресты и еще в ходе стачки начат судебный процесс против 24 арестованных. Они были приговорены к тюремному заключению от

⁶¹ «La Marseillaise», 27.I 1870.

⁶² «La Gazette des Tribunaux», 7, 8, 9, 17, 20.II; 2.IV 1870; «La Marseillaise», 4.VI 1870.

⁶³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 116, л. 118.

⁶⁴ «La Marseillaise», 7.II 1870.

двух месяцев до трех лет. Около 100 рабочих были уволены. Только этими репрессивными мерами властям удалось дезорганизовать стачечников, мужественно боровшихся вплоть до 15 апреля. По некоторым данным, около 30 солдат понесли суровое наказание за сочувствие бастующим⁶⁵.

Пехотные и кавалерийские войска были вызваны также в Фуршамбо (деп. Ньевр) для подавления начавшейся 8 апреля стачки двух тысяч рабочих металлургических предприятий «Буаг, Рамбур и К°», требовавших повышения заработной платы. К ним вскоре присоединились рабочие такого же предприятия в Тортроне (деп. Шер), а также рудокопы близлежащих железных рудников. Несмотря на многочисленные аресты среди бастующих, стачка продолжалась. За арестами последовал судебный процесс, закончившийся приговорами к различным мерам наказания. Так же, как и в Крезе, здесь были арестованы и солдаты за сочувствие бастующим.

На призыв парижского Федерального совета Интернационала к рабочим — отчислять еженедельно 1% от заработной платы для оказания помощи семьям арестованных в Крезе и в Фуршамбо — откликнулись многие парижские секции⁶⁶. С аналогичными обращениями выступили также марсельская и руанская организации Интернационала. Обращение руанского Федерального совета от 6 апреля указывало на политический характер стачки в Крезе. «Против женщин, которые заодно со своими мужьями требуют права жить, работая, — говорилось в обращении, — выставляют кавалерийские эскадроны; против рабочих, которые доказывают, что они при тяжелом труде не могут свести концы с концами, выставляют крупные военные силы»⁶⁷. На помощь бастующим пришли не только французские рабочие, но и трудящиеся других стран. Так, например, женевские рабочие, живописцы по эмали, постановили отчислять еженедельно по франку с человека до окончания стачки в Крезе. Стаечный комитет в декларации «Ко всей демократии», опубликованной по окончании стачки, выразил глубокую признательность всем поддерживавшим бастующих своей солидарностью. «Наше дело, — указывалось в декларации, — вызвало всеобщее сочувствие, мы гордимся этим и в случае надобности также сумеем проявить братскую солидарность с рабочими. А пока мы во всеуслышание заявляем о нашем присоединении к вели-

⁶⁵ «La Gazette des Tribunaux», 25.III 1870; подробнее см. *P. Ponsot. Les grèves de 1870... au Creusot.*

⁶⁶ «Association Internationale des travailleurs. Conseil fédéral parisien. Souscription ouverte en faveur des familles des détenus du Creusot et de Fourchambault». Фотокопия (ИМЛ).

⁶⁷ «Association Internationale des travailleurs. Section de Rouen. Grève de Creusot. Rouen, le 6 avril 1870». Листовка. Фотокопия (ИМЛ).

кому Международному Товариществу Рабочих... этой надежде будущего, основанного на равенстве»⁶⁸.

Около четырех месяцев длилась стачка парижских литейщиков, начавшаяся 16 апреля. Материальную помощь литейщикам оказали не только металлурги Франции, но и Англии, Бельгии, Германии. Стаечная волна все шире разливалась по стране. Крупные стачки имели место, в частности, в департаменте Верхнего Рейна⁶⁹.

В стачечном движении первых месяцев 1870 г. участвовали и сельскохозяйственные рабочие. В окрестностях Лиона, например, их бастовало около 7 тыс.

Многие стачки этого периода имели результатом создание новых секций Интернационала и местных профессиональных объединений. В Невере, Лиможе, Безансоне, Лилле, Бресте, Рубэ, Туркуэне, Дижоне, Реймсе, Ретеле, Гонфароне, Конне, Крезе, Фуршамбо, Сен-Кантене и во многих других местах были созданы, благодаря усилиям парижских и местных социалистов, новые секции Интернационала. К этому времени существенно изменился самый характер Интернационала во Франции. «Из организации меньшинства рабочих мелкой промышленности, какой он являлся при своем основании в 1864 г., Интернационал в одних городах уже превратился, в других находился на пути к превращению в массовую организацию рабочих всех отраслей промышленности»⁷⁰.

В Париже насчитывалось в апреле 1870 г. 16 секций Интернационала. Их основной базой являлись рабочие районы столицы: Вожирар, Мёдон, Клиши, Пюто, Батиньоль, Бельвиль, Монмартр, Гренель, Ла-Виллет, Монруж, Сен-Дени, Мезон-Бланш. В состав парижской организации Интернационала входили 25 из 40 профессиональных объединений Парижа. Необходимость объединения парижских секций в единую федерацию все настоятельнее диктовалась условиями нараставшего революционного движения.

Однако созданию такой федерации сопротивлялись правые прудонисты во главе с Толеном, и коллективистам пришлось вести с ними упорную борьбу, завершившуюся победой. Парижская федерация была создана 18 марта 1870 г. На собрании делегатов секций Интернационала, представлявших главным образом рабочие районы, был принят проект устава будущей федерации. Создание парижской федерации, как указывалось в проекте, имело целью «облегчить всевозможные сношения между различными рабочими группами».

⁶⁸ «La Marseillaise», 18.IV 1870.

⁶⁹ L'Huillier. La lutte ouvrière..., p. 64—70.

⁷⁰ J. Dautry. Le problème national devant l'opinion ouvrière à la veille de la Commune de Paris.— «Cahiers Internationaux», 1953, N 44, p. 55.

Административным органом федерации, согласно проекту устава, являлся Федеральный совет из делегатов секций, по 1 делегату от 50 членов Интернационала. Каждая секция имела право по своему усмотрению назначать и смещать своих делегатов. Дважды в год, в апреле и в октябре, федерация должна была пересматривать состав своего бюро. Члены бюро могли быть во всякое время отозваны Федеральным советом.

Ссылаясь на соответствующие статьи Устава Интернационала, проект вменял в обязанность Федеральному совету поддерживать регулярную связь с Генеральным Советом и направлять ему ежемесячно отчет. Генеральный Совет, со своей стороны, должен был, в соответствии с Уставом Интернационала и решениями Базельского конгресса 1869 г., посылать каждые три месяца парижскому Федеральному совету информацию о положении Интернационала в других странах.

Далее устанавливалось, что каждая секция, чтобы быть принятой в состав федерации, обязана представить Федеральному совету свой устав в двух экземплярах, один из которых направлялся Генеральному Совету. Вопрос о принятии новой секции или общества в Интернационал решался Генеральным Советом после заслушания мнения парижской федерации. Любой член парижской федерации Интернационала мог присутствовать в качестве слушателя на заседаниях Федерального совета. Деятельность Федерального совета должна была обсуждаться на общем собрании парижских секций не реже одного раза в три месяца.

Настоящий устав, гласила последняя статья проекта, может быть пересмотрен общим собранием членов федерации по требованию одной или нескольких групп при условии, что требование будет представлено по меньшей мере за месяц до собрания⁷¹.

18 апреля на общем собрании членов Интернационала и делегатов от групп под председательством Варлена устав парижской федерации был утвержден.

Сообщая об этом Марксу, П. Лафарг 20 апреля 1870 г. писал: «Что было прекрасно на этом собрании, так это потребность к централизации, которую испытывали все члены, ясное и точное понимание рабочим классом своей индивидуальности как класса, своего антагонизма к буржуазии. Как счастливы были бы Вы, рыцарь классовой борьбы, присутствовать при проявлении этих чувств»⁷².

Во второй половине апреля были созданы всего четыре федерации Интернационала. «Интернационал здесь делает чудеса.

⁷¹ *Projet de fédération entre les sections parisiennes de l'Internationale*. Рукопись. Фотокопия (ИМЛ).

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8209.

Рабочие явно питают неограниченное доверие к Товариществу; секции образуются ежедневно», — писала Лаура Лафарг 18 апреля 1870 г. из Парижа Марксу⁷³. О выдающихся успехах Интернационала сообщал одновременно и Поль Лафарг.

Парижская федерация Интернационала едва успела организационно оформиться, как ей пришлось активно включиться в антиплебисцитарную кампанию.

20 апреля правительство Наполеона III опубликовало текст новой, либеральной конституции, которую оно «даровало» стране. Декретом от 23 апреля французскому народу предлагалось путем плебисцита ответить на вопрос, одобряет ли он либеральные реформы, вводившиеся императором в конституцию с 1860 г. при содействии высших государственных органов, и ратифицирует ли он сенатус-консульт от 20 апреля 1870 г.? Утвердительный ответ при такой постановке вопроса означал одобрение всей политической системы Второй империи и приверженность правительству Наполеона III. «Дайте мне новое доказательство вашей приверженности, — обращался Наполеон III к населению Франции. — Ответив утвердительно на поставленный вам вопрос, вы отвратите угрозу революции, поставите на прочный фундамент порядок и свободу и облегчите переход короны к моему сыну»⁷⁴. Плебисцит был назначен на 8 мая.

Новая конституция по-прежнему сохраняла за императором важнейшие prerogatives: объявление войны, назначение членов Сената, право отстранения назначенных Сенатом и Законодательным корпусом министров в случаях, когда его мнение расходилось с мнением палат, право помилования и т. д. «Уступки» сводились главным образом к некоторому дальнейшему расширению прав Сената (право постоянного голосования бюджета), кабинет министров объявлялся в целом ответственным перед палатами. Переход к парламентаризму был, таким образом, лишь частичным.

Парижская федерация Интернационала развернула широкую разъяснительную кампанию, имевшую целью показать трудящимся, что участие в плебисците равносильно голосованию за режим внутренней реакции и внешних агрессивных войн. Бланкисты также были сторонниками неучастия в голосовании. Социалисты предложили буржуазным республиканцам и демократам объединить усилия противников империи и либо не принимать участия в голосовании, либо голосовать пустыми бюллетенями. Этим было бы продемонстрировано отрицательное отношение к любому курсу, принятому империей, безоговорочное стремление к установлению республиканского строя как

⁷³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8190.

⁷⁴ A. Thomas. Le Second Empire (1852—1870). Histoire socialiste (1789—1900), t. X. Paris, 1906, p. 385.

единственно приемлемого. Однако буржуазные республиканцы всех оттенков, в том числе демократы-неоякобинцы, отказались от совместного выступления с социалистами. В отличие от социалистов они открыли кампанию за отрицательное голосование. Социалистам пришлось выступить самостоятельно.

В манифесте парижской федерации Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ социалисты обращались «к трудящимся города и деревни, к мелким промышленникам и торговцам, ко всем тем, кто искренне хочет установления свободы через равенство». Они доказывали, что не дело народа «отдавать предпочтение конституции 1870 г. перед конституцией 1852 г., парламентскому образу правления перед авторитарным», что, следовательно, недостаточно ответить на плебисцит, навязанный стране, отрицательным голосованием. «Необходимо,— гласил манифест,— чтобы из урны было вынуто категорическое осуждение монархического режима, полное, радикальное утверждение единственной формы государственного устройства, способной удовлетворить наши законные стремления — демократической и социальной республики». Поэтому единственно правильной тактикой в данных условиях является воздержание от голосования либо, в случаях принуждения к нему, голосование чистыми бюллетенями.

В манифесте излагалась программа социально-политических требований народа. Она состояла из следующих пунктов: превращение рудников, каналов, железных дорог, банков и т. д. в общественные предприятия; полная реорганизация налогового обложения; обобществление земельной собственности духовенства; пресечение злоупотреблений и произвола крупных и мелких чиновников; всеобщее, обязательное, бесплатное обучение; упразднение «налога кровью», т. е. воинских призывов в постоянную армию. Манифест содержал особое обращение к труженикам деревни, в котором подчеркивалась общность интересов рабочих и крестьян⁷⁵. В числе подписавших антиплебисцитарный манифест были также бланкисты.

Руанская, лионская, марсельская федерации Интернационала, со своей стороны, прилагали усилия к тому, чтобы добиться неучастия широких масс населения в голосовании, причем марсельская федерация выступила с обращением к армии, в котором призывала солдат «отказаться в поддержке» бонапартистскому режиму и найти в себе «достаточно патриотизма», чтобы «выразить протест против империи»⁷⁶.

Секции Интернационала были обезглавлены накануне плебисцита. Аресты руководящих членов секций и федераций Ин-

⁷⁵ «La Marseillaise», 24.IV 1870.

⁷⁶ O. Testut. L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe, v. 1. Paris, 1872, p. 339—340.

тернационала в Париже и в провинции множились с каждым днем.

Плебисцит 8 мая принес правительству Наполеона III 7 358 786 утвердительных голосов (около 70% голосовавших) — значительно больше, чем оно ожидало. Это были в подавляющем большинстве голоса крестьян, поддавшихся бонапартистской пропаганде. Немалое влияние оказало на исход голосования «дело» о покушении на Наполеона III, по которому были привлечены многие и многие социалисты, в том числе бланкисты. Многие буржуа, находившиеся в оппозиции к империи, предпочли отдать свои голоса Бонапарту, чем содействовать успеху революционных сил. Так же поступили и крупные землевладельцы, увлекшие за собой крестьян.

Нельзя, однако, недооценивать и слабость социалистической пропаганды среди французского крестьянства. Французские социалисты только в самом конце 60-х годов практически приступили к установлению связей с трудящимся крестьянством. Но и в этот период пропаганда велась отдельными социалистами от случая к случаю. Многие из них относились с предубеждением к крестьянству. Все это и было использовано бонапартистской реакцией в период плебисцита.

Но вместе с тем плебисцит обнаружил, насколько велико было число противников империи в городах. В целом по стране они составляли, даже по официальным данным, почти 3,5 млн. человек, или 30,4% голосовавших. В Париже из 405 тыс. голосовавших только 138 тыс., около $\frac{1}{3}$, ответили утвердительным голосованием, остальные $\frac{2}{3}$ дали отрицательный ответ либо воздержались от голосования. В их числе были солдаты французской армии. В парижском гарнизоне ответили отрицательно 46 тыс. солдат⁷⁷. Часть армии, как заверяла антиправительственная печать, высказалась за республику.

Преследования социалистов в период подготовки и проведения плебисцита не ослабили деятельности Интернационала. Точно так же и стачечная волна еще шире разлилась по стране в мае—июле, охватив рабочих почти всех специальностей и отраслей производства в самых различных департаментах.

Между тем правительство решило окончательно разгромить Интернационал во Франции. 22 июня в Париже начался третий процесс Интернационала. В основу обвинительного заключения по делу 38 обвиняемых легли многочисленные документальные материалы, конфискованные полицией при обысках у руководящих деятелей Интернационала. В зале суда присутствовало около 3 тыс. человек, главным образом рабочих, открыто выражав-

⁷⁷ Донесение Окунева Александру II, 6(18) мая 1870 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 116, л. 318.

ших свое сочувствие обвиняемым⁷⁸. Мужественно и самоотверженно отстаивали свои убеждения лучшие представители французского пролетариата: 30-летний рабочий-механик Авриаль, 32-летний рабочий-ювелир Комбо, 26-летний рабочий-ювелир Лео Франкель, 27-летний рабочий Жоаннар и др. «Союз пролетариев всех стран,— заявил Франкель,— совершившийся факт, и никакая сила не сможет их разобщить»⁷⁹. На вопрос о том, какие цели ставит перед собой Интернационал, он дал ясный ответ: «Интернационал имеет целью не увеличение заработной платы рабочих, а полное уничтожение системы наемного труда»⁸⁰.

Процесс вместе с тем показал, что влияние мелкобуржуазных идей Прудона не было преодолено даже передовыми французскими рабочими. Об этом свидетельствовала и коллективная защитительная речь подсудимых, зачитанная рабочим Шаленом, и выступления подсудимых, за исключением Франкеля. Приговор, вынесенный 8 июля 1870 г. по третьему процессу, объявлял парижскую организацию Интернационала несуществующей, а ее руководящих членов приговаривал к различным срокам тюремного заключения и к денежному штрафу. Подготавливался аналогичный судебный процесс и разгром лионской федерации. Непрекращавшиеся аресты социалистов обезглавили французскую организацию Интернационала.

Однако возрождение французских секций Интернационала было неминуемо, несмотря на жестокие преследования. Успех их освободительной борьбы мог быть в дальнейшем обеспечен лишь при условии преодоления ими своих слабостей, закрепления достигнутых сдвигов в организационной и идейной областях. Только в этом случае социалисты, объединяемые французской организацией Интернационала, могли рассчитывать на руководящую роль в предстоявшей революции, которая в их представлении должна была покончить с бонапартистской империей и установить демократическую республику с социалистическими тенденциями или, как они выражались, демократическую и социальную республику.

⁷⁸ L. Michel. *La Commune*. Paris, 1898, p. 23.

⁷⁹ «Troisième procès de l'Association Internationale des travailleurs à Paris», p. 221.

⁸⁰ Ibid., p. 218.

19 июля 1870 г. правительство Второй империи объявило войну Пруссии.

Расчеты на победоносную войну, которая упрочила бы позиции бонапартистской реакции внутри страны, не имели под собой реальной почвы. Это показали уже первые сражения двух воюющих армий.

Генеральный Совет Интернационала в первые же дни войны в воззвании от 23 июля 1870 г. предсказал близкое крушение бонапартистской империи, независимо от исхода военных действий. Он охарактеризовал войну как оборонительную для Германии, но вместе с тем разоблачал провокационную роль Пруссии в развязывании войны и агрессивность ее господствующих классов. Он призывал немецкий рабочий класс не допустить вырождения оборонительной войны в завоевательную против французского народа⁸¹.

Объявивший себя главнокомандующим французской армии Наполеон III и французское командование намеревались начать кампанию стремительным вторжением французских войск в пределы Германии до завершения мобилизации войск противника. Они рассчитывали таким путем предотвратить соединение военных сил Северогерманского союза и южногерманских государств, обеспечив, по меньшей мере, нейтралитет этих государств. План стремительной войны, избранный французским командованием, диктовался военными и политическими соображениями. Наполеон III был хорошо осведомлен о численном превосходстве прусской армии военного времени над французской и о ее более высоких боевых качествах. Императору было также известно, что подавляющая часть населения Франции не желала войны.

Бонапартисты организовали в Париже и в провинции шовинистические демонстрации с участием полицейских агентов и деклассированных элементов, инсценировавших воинственный энтузиазм. Тем не менее бонапартистские префекты в своих донесениях правительству в июле 1870 г. были вынуждены указать, что в 71 департаменте (из 87) население в массе своей было против войны. В действительности гораздо более многочисленные массы французского народа жаждали мира. Антивоенные демонстрации состоялись в Париже еще до официального объявления войны; около 500 человек, выстроившись на площади Бастилии, успели дойти только до скрещения бульваров Бон-Нуviel и Монмартрского. Здесь их разогнали жандармы и войска. Другая антивоенная демонстрация состоялась

⁸¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 3—4.

в Париже накануне объявления войны «при огромном числе» участников, главным образом рабочих Бельвиля. Антиправительственная демонстрация была разогнана правительственными войсками и в Лионе. Социалистическая печать за пределами Франции указывала на многочисленные аресты членов Интернационала в Париже за участие в рабочих антивоенных манифестациях.

Парижская федерация Интернационала, отражая настроения французских рабочих, опубликовала 12 июля воззвание «К рабочим всех стран», в котором выражался протест против затеваемой войны. «Война из-за вопроса о преобладании или в интересах какой-либо династии,— гласило воззвание,— не может быть в глазах рабочих ничем иным, кроме преступного безумия. Мы — те, кто хочет мира, работы и свободы,— мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога кровью» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!» Обращаясь к немецким рабочим, передовые рабочие Франции, объединенные в Интернационале, заявляли: «Братья в Германии! Вражда между нами привела бы лишь к полной победе деспотизма на обоих берегах Рейна...» Воззвание заканчивалось следующим призывом: «Рабочие всех стран! Чем бы ни закончились наши общие усилия, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, шлем вам, как залог нерасторжимой солидарности, лучшие пожелания и привет от рабочих Франции»⁸². Немецкие рабочие откликнулись на призыв французского пролетариата.

Подлинные чувства широких масс французского народа были выражены также в многочисленных воззваниях других французских секций Интернационала, последовавших за манифестом 12 июля. В воззвании секции Нёйи-сюр-Сен, под которым стояло около 80 подписей рабочих, говорилось: «Справедлива ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протестам Интернационала против войны»⁸³.

Осуществить французский план войны было невозможно, так как боевых сил, необходимых для наступления, не оказалось. Наполеон III со своим войском оставался в бездействии на границе. Положение осложнялось также неожиданным для французских властей взрывом национального чувства у немцев. Французское правительство уже в самом начале войны воочию убедились, что его представления о позиции южногерманских

⁸² «Le Réveil», 12.VII 1870

⁸³ «La Marseillaise», 22.VII 1870

государств были ложны. Французская армия должна была перейти к непредусмотренной затяжной войне.

4 августа германские войска, перейдя в наступление, атаковали линию Виссембура в Эльзасе и выиграли сражение. 6 августа на границе Лотарингии у Форбаха французские войска также понесли крупное поражение. Многочисленными антиправительственными манифестациями ответили 7 августа народные массы Парижа и ряда провинциальных центров на известие о поражениях. В разных районах Парижа происходили столкновения манифестантов с жандармерией и войсками. Раздавались требования низложения Наполеона III и провозглашения республики. Однако народные манифестации носили стихийный характер. Рабочие Парижа в результате правительственных преследований были лишены своих руководителей. «Наши французские секции разгромлены, самые испытанные люди либо бежали, либо заключены в тюрьму»⁸⁴, — писал Маркс 2 августа 1870 г.

7 августа правительство приняло ряд мер для подавления выступлений — Париж объявлен на осадном положении; около 40 тыс. солдат спешно переброшены в столицу. 8 августа введено осадное положение в ряде департаментов, что было вызвано волнениями в Марселе, Лионе и других городах после получения известия о первых военных поражениях.

На 9 августа созывалась чрезвычайная сессия Законодательного корпуса. Уцелевшие в Париже социалисты предприняли попытку организовать к открытию сессии массовую манифестацию рабочих, которая при благоприятных обстоятельствах могла привести к захвату Законодательного корпуса народом. Подготовка выступления закончилась провалом. Правительство было осведомлено о готовившихся событиях. Утром 9 августа был арестован член парижской федерации Интернационала Луи Пенди, возглавивший «Комитет действия», созданный для руководства выступлением.

Рабочие Парижа обращались в эти дни к депутатам левой оппозиции, в том числе к Гамбетте, безуспешно предлагая им возглавить борьбу за свержение империи. Безрезультатными были также попытки привлечь депутатов к участию в организации 100-тысячной манифестации в день открытия заседания Законодательного корпуса. Левые депутаты предпочли вступить в сговор с орлеанистами, чтобы совместными усилиями предотвратить свержение империи. Но в то же время они активно поддерживали движение за всеобщее вооружение населения, особенно усилившееся среди народных масс после первых поражений на фронте. Буржуазные республиканцы рассчитывали таким образом укрепить в массах иллюзию о возможности добиться всеобщего вооружения населения и при сохранении им-

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 115,

перий, а также предотвратить насильственный захват оружия, который намеревались осуществить часть парижских рабочих. 9 августа левые депутаты направили к министру внутренних дел делегацию, которую сопровождали многочисленные парижане. Министру была вручена декларация с требованием немедленного вооружения всех граждан Парижа. Вопрос должен был решиться на предстоявшем заседании Законодательного корпуса.

Это чрезвычайное заседание открылось 9 августа под усиленной охраной. Десятки тысяч парижан, в подавляющем большинстве население рабочих кварталов, заполнили прилегающую к Бурбонскому дворцу площадь Согласия и соседние с нею улицы. В толпе то и дело раздавались возгласы «Да здравствует Республика!» Здесь присутствовали социалисты, в том числе «большинство лиц, завоевавших в последние годы популярность и влияние на публичных собраниях», как вспоминал впоследствии Жюль Симон. Но «настоящих вождей» рабочих, по его же словам, здесь не было⁸⁵. Бланкисты явились без своего вождя, находившегося в Брюсселе.

Когда из рядов манифестантов раздался громовой клич «Вперед, к палате!», вся многотысячная масса двинулась к Бурбонскому дворцу. Ей преградили путь кавалерийские части. По имеющимся сведениям, войска стреляли в народ⁸⁶; группам манифестантов удалось прорваться в примыкающий ко дворцу небольшой сад. Все это не могло не оказать влияния на ход заседания, где Ж. Фавр от имени депутатов левой фракции выступил с двумя предложениями: о вооружении всех боеспособных парижан, внесенных в списки избирателей, и о низложении Наполеона III и передаче власти особой Комиссии Законодательного корпуса, а также об отстранении Наполеона III от командования армией. Если первое предложение, требовавшее выдачи оружия главным образом буржуазным слоям населения (поскольку Фавр требовал одновременно соблюдения закона 1851 г. о национальной гвардии, а этот закон как раз исключал из рядов национальной гвардии население, не способное обмундироваться за собственный счет, т. е. неимущих), не встретило возражений: слишком напряженной была политическая обстановка, оно было лишь дополнено поправкой о необходимости распространить это мероприятие и на провинцию (вооружением реакционных элементов провинции хотели обезопасить себя от революционного Парижа), то второе предложение левой фракции вызвало бурю протестов и было отклонено бонапартистским большинством. Левые депутаты, настаивая на неотложности низложения Наполеона III, руководствовались

⁸⁵ J. Simon. *Origine et chute du Second Empire*. Paris, 1874, p. 247.

⁸⁶ «Journal de Genève», 12.VIII 1870; «Pall Mall Gazette», 11.VIII 1870.

стремлением предотвратить революционный захват Законодательного корпуса народом. Левый депутат Ж. Ферри с террасы дворца убеждал рабочих, ворвавшихся в прилегающий сад, отказаться от намерения проникнуть в помещение Законодательного корпуса, апеллируя к их «патриотическим чувствам». Министерство Оливье подало в отставку. Бонапартисты одержали временную победу: формирование правительства было поручено графу де Паликао.

Таким образом, события 7—9 августа 1870 г., которые, по более позднему признанию префекта парижской полиции, могли с успехом привести к революции⁸⁷, вследствие позиции левых депутатов продлили дни Второй империи.

События 7—9 августа показали слабость французского рабочего и социалистического движения, выразившуюся в необоснованной вере большинства рабочих и социалистов в патриотизм буржуазии, в ее готовность подчинить свои классовые интересы общенациональным. Наличие таких иллюзий, порожденных воспоминаниями о 1792—1794 гг., глубоко удручало руководящих деятелей французского революционного движения — Дюпона, Варлена, Бланки, вынужденных оставаться в эти решающие дни вне Франции, в эмиграции. Дюпон писал о французских социалистах, что они «составили согласованный хор с буржуазией, которая повсюду кричала: «Забудем наши разногласия, принесем самые дорогие для нас принципы на алтарь отечества», и не замечали, что «это низкий обман!»⁸⁸

Правительство Паликао, присвоив себе наименование «министерства национальной обороны» и давая этим понять, что его единственной задачей является изгнание вторгшегося во Францию неприятеля, в своих обращениях к населению неустанно твердило, что борьба против внешнего врага может быть успешной лишь при условии «спасения отечества» от «внутренних врагов». Парижские рабочие очень скоро поняли, кого считало новое правительство внутренними врагами Франции.

Новое министерство уже 10 августа, в первый день своего существования, наложило запрет на республиканские газеты «Le Réveil» и «Le Rappel». Оно оставило в Париже войска, вызванные из провинции. Осадное положение было введено в ряде департаментов. Республиканские депутаты, в том числе Гамбетта, единодушно поддерживали все мероприятия нового министерства, которое они представляли стране как «министерство действия», способное, в отличие от предшествующего, успешно «организовать национальную оборону» и исполненное

⁸⁷ «Enquête parlementaire sur les actes du Gouvernement de la Défense nationale», t. V, p. 113. Déposition Piétri (далее — «Actes»).

⁸⁸ Цит. по: O. Testut. L'Internationale. Son rôle depuis le 4 septembre. Lyon, 1871, p. 8.

готовности подчинить этой задаче всю свою деятельность. Осадное положение и жестокие репрессии не приостановили революционных выступлений. Имеются сведения о «беспорядках» в Лионе, Марселе, Тулузе, Лиможе, Бордо. Рабочие и социалисты Парижа предприняли в эти дни новую попытку побудить левых депутатов возглавить движение народных масс за свержение империи. 11 августа к ним была направлена делегация из 60 человек от парижской федерации синдикальных палат. Однако и эта попытка не имела успеха.

Три дня спустя, 14 августа, в Париже имело место неудачное выступление бланкистов при участии самого Бланки, тайно прибывшего в ночь на 12 августа из Брюсселя по вызову своих приверженцев. Верные своему ошибочному мнению, что свержение империи, после событий 9 августа, может быть с успехом осуществлено в любой другой день, бланкисты не заинтересовались настроением рабочих масс и считали, что «народные массы волнуются, революция готова выйти на улицу, нужно лишь открыть последнюю дверь»⁸⁹. Предполагалось захватить оружие, раздать его в день выступления народу, после чего захватить правительственные учреждения.

Утром 14 августа Бланки признал более безопасным захватить оружие не в Венсенском форте, а в казарме пожарных, расположенной вблизи рабочих кварталов Ла-Виллет и Бельвиль. Пожарных этой казармы Бланки рассчитывал мирно склонить к выдаче оружия повстанцам. Бланки и другим членам инициативной группы, явившимся к 3 часам к казарме пожарных, стало ясно, что на их призыв откликнулись едва 100 человек⁹⁰. Тем не менее они не отказались от намеченного плана. Их ожидали, однако, и другие неудачи. При приближении к казарме они обратили на себя внимание часового, поднявшего тревогу. Раздался произведенный кем-то выстрел, часовой был легко ранен. Внутри казармы все было поднято на ноги. Бланки в сопровождении десятка человек все же проник в казарму. Стоя перед направленными на него в упор штыками, он принялся убеждать пожарных «помочь низвержению империи и провозглашению республики, которая одна только может сделать нацию способной изгнать вторгшегося неприятеля»⁹¹. Его призывы не встретили отклика.

Между тем оставшиеся на улице бланкисты отбивались от атак прибывших к казарме полицейских. Услышав выстрелы, Бланки и сопровождавшие его поспешили на помощь своим товарищам. После того как полицейские были рассеяны, оставив одного убитого и несколько тяжелораненых, Бланки возвра-

⁸⁹ G. Geffroy. *L'enfermé*. Paris, 1897, p. 282.

⁹⁰ По другим сведениям не более 60 человек.

⁹¹ «La Patrie en danger», 16.IX 1870.

тился в казарму и снова безуспешно убеждал пожарных добровольно выдать оружие. От насильственного изъятия оружия Бланки отказался, несмотря на то, что в казарме в это время появилась новая группа бланкистов. Он распорядился покинуть казарму. Через бульвар Ла-Виллет бланкисты направились к Бельвилю. Очень скоро бланкисты убедились, что рабочее население этого района не присоединится к ним. «Население, казалось, впало в оцепенение,— сообщал впоследствии Бланки.— Привлеченное любопытством и сдерживаемое страхом, оно осталось недвижимым и безмолвным, теснясь вдоль домов по обоим сторонам бульвара. Повстанцы проследовали через опустевший бульвар. Напрасно зывали они к населению: «Да здравствует Республика! Смерть пруссакам! К оружию!» Ни единого слова, ни единого движения не последовало в ответ...»⁹² Пройдя около двух километров, повстанцы по распоряжению Бланки незаметно рассеялись по соседним улицам, бросив три захваченных в казарме ружья и спрятав свои револьверы.

Бланки уже через месяц публично осудил выступление как несвоевременный акт, который, с одной стороны, был запоздалым, так как на империю надо было обрушиться непосредственно после первых поражений, всколыхнувших весь Париж, а с другой — преждевременным, так как, после того как был упущен благоприятный для свержения империи момент, для нового выступления «час еще не пробил». Умонастроение парижан резко изменилось. «На смену недавно пережитому волнению,— указывал Бланки,— у населения явилось какое-то уныние и упадок энергии. Мысли приняли иное направление. Люди стали подозрительными, испытывали преувеличенный страх перед прусскими шпионами»⁹³.

Своим несвоевременным выступлением, не имевшим никаких шансов на успех, бланкисты лишний раз показали, что они все еще недооценивали значения организационной подготовки восстания, как и роли народных масс в нем. Многие передовые люди Франции резко осуждали их за безрассудство. Варлен, взволнованный событиями 14 августа, писал спустя несколько дней из Бельгии: «Я хотел бы видеть, как империя и все, что с нею связано, будут низвергнуты революционным движением. Но право же, инициаторы этого нападения — безумцы; они не догадываются, что, прежде чем обратиться к народу с призывом к восстанию, надо пощупать у него пульс, чтобы узнать, есть ли у него жар»⁹⁴. Отрицательно отнесся к выступлению 14 августа и республиканец-демократ Жюль Валлес, считав-

⁹² «La Patrie en danger», 17.IX 1870.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ «La vie ouvrière», 1914, p. 505.

ший вместе с тем бланкистов «честными и храбрыми республиканцами, преданными своим принципам и своему отечеству»⁹⁵. Это мнение разделяла Луиза Мишель, выразившая в стихах свое сочувствие безрассудной горстке храбрецов, которая во имя скорейшего установления республики бесстрашно ринулась в неравный бой с империей⁹⁶.

Военный трибунал уже 16 августа приступил к судебному разбирательству «дела Ла-Виллет». Бланкисты Эд и Бридо, а также четверо ни в чем не повинных прохожих были приговорены к смертной казни, три человека — к 10 годам каторги, двое — к пятилетнему тюремному заключению.

После 14 августа бонапартистский террор еще более усилился. Он свирепствовал в Париже и в провинции. Устрашенное население натравливали на республиканцев, выдавая их за прусских шпионов. Недоверие, подозрительность, шпиономания насаждались правительственными агентами.

Буржуазные республиканцы открыто одобряли репрессивные меры правительства Паликао. Гамбетта 17 августа с трибуны Законодательного корпуса клеветнически назвал бланкистов агентами Бисмарка; он не постеснялся выразить благодарность правительству за их изобличение и потребовал беспощадной расправы с ними. Выступление Гамбетты возбудило крайнее негодование социалистов и демократов. «О, бандит,— негодовал Жюль Валлес,— ему лучше известно, что выступление совершенно мужественными благородными людьми»⁹⁷.

Наряду с буржуазными республиканцами правительство Паликао официально поддерживали и орлеанисты во главе с Тьером, стремившимся несколько продлить существование империи, чтобы полностью возложить на нее ответственность за военное поражение Франции, которое он считал неминуемым. Одновременно орлеанисты активнее, чем когда-либо, готовили почву для орлеанистской реставрации.

События на фронте все больше приближали империю к военному поражению. 16 и 18 августа сражения у Резонвиля (или у Марс-ла-Тура) и у Гравелота (или у Сен-Прива) были проиграны французской армией. Бездеятельность командовавшего войсками маршала Базена, стремившегося в своих личных целях сохранить нетронутой свою 170-тысячную армию в районе Меца, принесла победу германским войскам, которые блокировали ее в Меце. Две германские армии, беспрепятственно перейдя Вогезы, двигались на Париж.

Военные поражения следовали одно за другим. В этих условиях стало одним из центральных вопросов политической

⁹⁵ J. Vallès. Jacques Vingtras. L'insurgé. Paris, 1950, p. 157.

⁹⁶ «Mémoires de Louise Michel, écrites par elle-même», t. 1. Paris, 1886, p. 163.

⁹⁷ J. Vallès. Jacques Vingtras. L'insurgé, p. 160—161.

жизни Франции формирование и вооружение национальной гвардии.

В Париже оружия требовали главным образом рабочие. Настояния рабочих объяснялись тем, что именно они были полны решимости остаться в столице и защищать ее при любых обстоятельствах, в то время как имущие слои населения в эти дни спасались бегством ввиду приближения к городу немецких войск.

Закон о повсеместной организации национальной гвардии, об ее укомплектовании гражданами в возрасте от 21 года и старше, о ее вооружении и о выборности ее командного состава был принят 11 августа. Правительство Паликао после утверждения закона приняло все меры к тому, чтобы на деле воспрепятствовать вооружению народных масс. Закон от 11 августа, как правило, не выполнялся; даже в тех случаях, когда рабочих зачисляли в национальную гвардию, их оставляли без оружия. Оружие выдавалось только «надежным людям» из буржуазии. Вновь зачисленные национальные гвардейцы — в большинстве своем рабочие — остались невооруженными до конца существования империи. По тому же принципу, что и местную национальную гвардию, вооружали мобильную гвардию: оружие выдавалось почти исключительно ее реакционным частям. Некоторые из них специально переводились из провинции в Париж для охраны «порядка». Напротив, части парижской мобильной гвардии, не внушавшие доверия правительству, удалялись из столицы.

Меньше препятствий чинили бонапартистские власти созданию на местах так называемых вольных отрядов (*corps francs*), так как они комплектовались преимущественно из крестьян, которых начальство усиленно «обрабатывало», чтобы в случае необходимости бросить против «мятежных» элементов.

В критический момент наступления германских войск на Париж среди широких масс парижского населения, в том числе среди значительной части рабочих, приобрел широкую популярность генерал Трошю. Этот политический авантюрист, реакционер и демагог, постоянно колебавшийся между легитимистами и орлеанистами, сумел внушить массам веру в его готовность и способность спасти Францию, как и в искренность его критики антинародной политики правительства Второй империи. Активная поддержка, оказанная ему буржуазными республиканцами, слабость социалистического руководства рабочим движением позволили этому честолюбцу ввести в заблуждение народные массы. Трошю домогался назначения его командующим парижским гарнизоном, правительство Паликао отказало ему в этом, предписав направиться в Шалон и принять командование сформировавшимся там корпусом, который вместе с продвигавшимися к Шалону остатками войск Мак-Магона должен был

составить под командованием Мак-Магона Шалонскую армию, которой предстояло приостановить марш немецких войск. Предполагая сосредоточить на подступах к столице 250-тысячную армию, Паликао и императрица-регентша рассчитывали с ее помощью предотвратить революцию в «бунтующем Париже» и спасти династию.

Трошю не имел ни малейшего намерения участвовать в осуществлении этого нереального, с его точки зрения, плана. Со времени первых поражений французской армии он был убежден в неизбежности разгрома Франции⁹⁸ и считал единственно правильным, не дожидаясь окончательного сформирования Шалонской армии, немедленно отвести ее к Парижу.

И Паликао, и Трошю руководствовались в своих планах стремлением оказать противодействие надвигающейся революции, но каждый из них шел к этой цели своим путем. Для находившихся у власти бонапартистов план немедленного отступления французской армии к Парижу, независимо от его стратегической целесообразности, был неприемлем уже по одному тому, что вместе с французскими войсками в столицу возвратился бы Наполеон III, а это, по их мнению, было крайне опасно без предварительной удачной операции у Меца.

Трошю, напротив, был убежден в том, что, располагая армией под Парижем, можно будет усмирить революционную столицу и без предварительной победы над пруссаками.

Прибыв в ночь на 17 августа в Шалон, где он застал Наполеона III, Трошю уже в ночь на 18 августа отбыл обратно в Париж, снабженный документом за подписью императора о назначении его «губернатором Парижа и командующим всеми вооруженными силами, долженствующими обеспечить оборону столицы»⁹⁹. За ним следовали 18 батальонов парижской мобильной гвардии, в свое время отправленные в Шалон, они были предметом серьезного беспокойства для правительства: Трошю настоял на их возвращении в Париж. Шалонской армии предстояло сразу же вслед за Трошю начать движение к столице.

Трошю взял на себя обязательство подготовить население Парижа к возвращению императора и провести необходимые для этого военные приготовления. Он знал заранее, что не станет выполнять эту «опасную миссию», тем более что глава правительства и регентша были противниками возвращения в Париж императора. Но для Трошю все средства были хороши для достижения желанной цели. С помощью 18 батальонов благодарных ему мобилей он рассчитывал вырвать у Паликао необ-

⁹⁸ «Actes», t. V. Показания свидетелей.

⁹⁹ «Actes», t. V, p. 434. Déposition Schmitz.

ходимую санкцию на свое новое назначение. Противопоставляя себя правительству, удалившему парижских мобилей из столицы, Трошю в обращении к ним от 23 августа заявил: «Я потребовал вашего немедленного возвращения в Париж, ибо вы имеете на это право, ибо ваш долг находится здесь, ибо я питаю к вам полное доверие»¹⁰⁰.

Трошю был убежден, что только умелое заигрывание с народными массами, которое он демагогически называл «политикой моральной силы», способно при сложившемся крайне напряженном положении предотвратить революцию. На деле Трошю заботился не о сохранении бонапартистской империи, а о своей собственной популярности, которая возрастала с каждым днем. Его обращения к населению, звучавшие вызовом бонапартистскому режиму, буржуазная печать называла образцом «благороднейшего патриотизма и чистейшей демократии»¹⁰¹. Генерал становился «кумиром парижской буржуазии», восхвалявшей на все лады его военный гений, его преданность «интересам отечества». В этих условиях правительству Паликао, у которого действия Трошю вызвали недоверие и подозрительность, приходилось тщательно маскировать свое подлинное отношение к генералу, за спиной которого к тому же «стояли 15 тыс. молодых парижских мобилей, имевших во всех концах столицы родственные и иные связи с населением»¹⁰². Обстановка в Париже достигла такого напряжения, что орлеанисты в конце августа неоднократно обращались к идее создания коалиционного правительства. 26 августа к Тьеру явилась делегация от крупных парижских буржуа, вручившая ему адрес с выражением своей преданности и готовности поддержать реставрацию Орлеанов. Сторонником создания коалиционного правительства был и Трошю, так же, как Тьер, считавший целесообразным временное сотрудничество с депутатами республиканской оппозиции, при содействии которых он, подобно Тьеру, рассчитывал предотвратить революцию и сосредоточить власть в своих руках. Трошю старательно завоевывал себе более широкую популярность, на его имя сыпались приветствия за сотнями подписей от батальонов национальной гвардии, от мобильных гвардейцев, от гражданского населения ряда округов Парижа, от жителей департаментов. В них выражалось неограниченное политическое доверие генералу, твердое убеждение в том, что оборона Франции отныне находится в верных руках. К нему, в его резиденцию, являлись многочисленные депутации. Одна из них, от национальной гвардии, настоя-

¹⁰⁰ «Le Temps», 25.VIII 1870.

¹⁰¹ «Le Temps», 20.VIII 1870.

¹⁰² «Actes», t. V, p. 67. Déposition David.

тельно просила его провести как можно скорее военный смотр, а затем «взять бразды правления в свои руки»¹⁰³.

Подавляющее большинство приветственных адресов, поступавших на имя Трошю, исходило от буржуазных слоев, предлагавших ему в ряде случаев наряду с моральной поддержкой также материальные средства для организации обороны. Но и рабочие массы Парижа, а тем более провинции, введенные в заблуждение демагогическим заигрыванием с ними военного губернатора, проникались доверием к нему. Они не подозревали о бездействии генерала, убежденного в невозможности отстоять Париж.

Буржуазные республиканцы помогали Трошю вводить в заблуждение народные массы. Гамбетта уже через два дня после назначения Трошю военным губернатором Парижа утверждал в Законодательном корпусе, будто дело вооружения национальной гвардии благодаря генералу Трошю значительно улучшилось¹⁰⁴. Несколько днями позднее Гамбетта при поддержке Пикара потребовал, чтобы комплектование и вооружение национальной гвардии было доверено только одному Трошю, хотя левые депутаты были осведомлены о том, что никаких существенных сдвигов в этой области не произошло. Трошю не только не вооружал рабочее население Парижа, но и издал 24 августа приказ о срочной высылке из Парижа лиц, «не имеющих средств к существованию, присутствие которых в Париже представляет угрозу для общественного порядка и для личной безопасности жителей, как и для их имущества, а также лиц, которые своими действиями препятствуют осуществлению мероприятий, направленных к обеспечению общественной безопасности»¹⁰⁵.

Многочисленные обыски и аресты в Париже, главным образом среди рабочего населения, последовали за приказом от 24 августа. На одном только Монмартре в ночь на 25 августа было арестовано около 800 человек. 26 августа полиция арестовала до 1500 человек, среди которых было «много республиканцев, социалистов и ненавистных Второй империи журналистов»¹⁰⁶. Массовые обыски и аресты продолжались и в последующие дни. Среди рабочих усиливалось революционное брожение, внушавшее бонапартистам большое беспокойство.

Движение против империи усиливалось и в провинции, о чем свидетельствовало введение осадного положения в новых районах. В коммуне Аркиан-Неви департамента Ньевр 23 августа

¹⁰³ «Actes», t. V, p. 436. Déposition Schmitz.

¹⁰⁴ «Annales du Sénat et du Corps Législatif» (далее — «Annales»). Corps Législatif. Séance du 20 août 1870, p. 164.

¹⁰⁵ «Le Temps», 27 août 1870; «Journal de Genève», 27 août 1870.

¹⁰⁶ «Неделя», 23.VIII (4.IX) 1870, стр. 1111.

была произведена «попытка призвать народ к восстанию», подавленная жандармерией.

Между тем Мак-Магон вел свою армию к катастрофе.

1 сентября на рассвете немецкие войска вступили в бой под Седаном с войсками Мак-Магона, зажатыми в узком пространстве между рекой Мёз и бельгийской границей. Располагая численным превосходством, крупными позиционными преимуществами, отличной артиллерией, германские войска нанесли французской армии, сражавшейся и на этот раз с большим мужеством, сокрушительное поражение. Около 3 часов дня на центральной крепостной башне Седана по распоряжению находившегося здесь Наполеона III был выброшен белый флаг.

Акт о капитуляции французской армии был подписан 2 сентября генералом Вимпфеном и фельдмаршалом Мольтке. 3 тыс. убитых, 14 тыс. раненых, 3 тыс. разоруженных на бельгийской границе, 83 тыс. взятых в плен солдат, офицеров, генералов во главе с Наполеоном III — таковы размеры военной катастрофы, постигшей Вторую империю у Седана. «Французская катастрофа 1870 г. не имеет параллелей в истории нового времени! — писал в этой связи Маркс. — Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта, Франция правящих классов и их государственных паразитов — гниющий труп»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 521.

Население Парижа 3 сентября еще не было оповещено о катастрофе у Седана. Правительство и депутаты левой фракции не обнаруживали своей осведомленности о капитуляции французской армии.

Около 4 часов дня 3 сентября прибыла депеша от Наполеона III с сообщением о капитуляции, правительству стало невозможно скрывать дальше правду. После этого на заседании Законодательного корпуса левая фракция выставила кандидатуру Трошю на пост военного диктатора Франции. Бонапартистское большинство отвергло этот проект. Левые депутаты выдвигали новые проекты, Фавр, в частности, предложил передать власть триумвирату в лице Шнейдера, Паликао и Трошю — двух бонапартистов и одного орлеаниста.

Вечером 3 сентября появилось официальное сообщение о Седане. Сообщение это всколыхнуло Париж, стихийно возникла мощная манифестация, участниками которой были рабочие Бельвиля, Менильмонтана, Монмартра и других районов Парижа, буржуа, солдаты, национальные гвардейцы, студенты, мобильные гвардейцы. Манифестанты направились к Бурбонскому дворцу и к Лувру, оглашая улицы возгласами: «Низложение! Да здравствует Республика!» Бланкисты в этот день вели пропаганду в рабочих кварталах по указанию находившегося в Париже Бланки с тем, чтобы подготовить к 4 сентября массовую манифестацию, «которую во что бы то ни стало следовало попытаться превратить в революцию»¹. Теперь они старались возглавить выступление. Буржуазные республиканцы и орлеанисты тоже действовали в рядах манифестантов, распространяя листовки с призывом явиться 4 сентября в 2 часа дня к Бурбонскому дворцу в форме национальных гвардейцев.

¹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. III. Paris, 1905, p. 316.

Призыв, стало быть, был обращен к буржуазным элементам национальной гвардии. Произошли столкновения народа с полицией, за которыми последовали многочисленные аресты.

Депутаты левой оппозиции спешно принимали меры к тому, чтобы парализовать действия масс. Было решено настоять на созыве чрезвычайного заседания Палаты и добиться низложения Наполеона III и передачи власти Законодательному корпусу. С этой целью к председателю Палаты Шнейдеру направилась делегация во главе с Фавром. «В случае промедления,— умолял его Фавр,— Париж утром окажется во власти демагогии». Шнейдер дал согласие созвать заседание. Передача власти Законодательному корпусу была единственным средством избежать революции. На успех вооруженного подавления возможного выступления масс нельзя было рассчитывать, в распоряжении правительства было не более 4 тыс. солдат, в преданности которых оно далеко не было уверено. Этими соображениями руководствовались буржуазные республиканцы, орлеанисты, бонапартисты, которые объединились против народа, требовавшего установления республики.

Сойдясь на необходимости передачи власти Законодательному корпусу, расходились в вопросе о формулировках. «Мы придавали большое значение тому, чтобы было произнесено слово «низложение». Это слово казалось нам необходимым, чтобы умиротворить народный гнев, если его вообще можно было умиротворить, и этим предотвратить революцию»,— сообщал Ж. Симон².

Заседание Законодательного корпуса открылось в час ночи и продолжалось 20 минут. Паликао сообщил о капитуляции армии, о пленении императора и предложил перенести обсуждение на следующий день. Ни один депутат не возразил против его предложения. Это заседание оказалось в некотором роде запоздалым. Необходимо было скорее прекратить заседание во избежание захвата Бурбонского дворца народом, который старался туда проникнуть. Опасность захвата дворца была тем более велика, что к дворцовой площади направлялась новая, 10-тысячная рабочая манифестация³. За запертой оградой дворца Гамбетта пустил в ход все свое красноречие, чтобы удерживать рабочих от захвата палаты; он убеждал их, что время для установления республики еще не настало, апеллировал к их «благоразумию», к их «патриотизму»⁴. Его усилия возыме-

² J. Simon. Origine et chute du Second Empire. Paris, 1874, p. 372.

³ E. Dréolle. La journée du 4 septembre au Corps Législatif. Paris, 1871, p. 33; J. Simon. Origine et chute du Second Empire, p. 362.

⁴ «Enquête parlementaire sur les actes du Gouvernement de la dépense nationale» (далее — «Actes»), t. V, p. 389. Déposition Bescherelle; t. I, p. 178. Rapport Daru.

ли действие: народ стал расходиться. На набережной у дворца осталось несколько сот человек, но и их вскоре разогнали. Когда новый поток манифестантов подошел к дворцу, ему преградили путь войска. Только в 2 часа ночи депутаты решились покинуть дворец. Всех их объединял страх перед революцией.

С утра 4 сентября в Бельвиле, Монмартре, Менильмонтане и других рабочих районах Парижа царило крайнее возбуждение. Многие рабочие не приступили к работе. «Слова «низложение», «республика» переходили из уст в уста»⁵, бланкисты призывали народ к выступлению.

Депутаты-республиканцы собрались в Бурбонском дворце задолго до начала заседания. На предварительном совещании левой фракции они старались договориться с присутствовавшими здесь орлеанистами и бонапартистами о форме передачи власти Законодательному корпусу. На подступах к Бурбонскому дворцу войска были в ночь на 4 сентября заменены буржуазными батальонами национальной гвардии, среди которых находились преданные генералу Трошию мобили. Парижские рабочие и угроза захвата ими власти страшили Трошию и депутатов-республиканцев. Поэтому они и принимали все меры к тому, чтобы противопоставить народным массам национальную гвардию, состоявшую «из буржуазии, преимущественно из мелких торговцев», которые «представляют собой силу, организованную для борьбы не столько с внешним врагом, сколько с врагом внутренним»⁶.

К 12 часам дня подступы к Бурбонскому дворцу заполнили тысячи манифестантов, прибывшие сюда до открытия заседания Законодательного корпуса. «Было бесчисленное множество народа. Весь город поднялся на ноги»,— вспоминал Ж. Симон.

Заседание открылось в 1 час 15 минут дня. Оно длилось не более 25 минут. Лишь только были оглашены и переданы на рассмотрение комиссий предложение левых депутатов и предложение части бонапартистов, требовавших создания «правительственного совета национальной обороны» во главе с Паликао в качестве военного диктатора, как в Бурбонский дворец ворвались манифестанты. «Во время объявленного перерыва,— гласит стенографический отчет о заседании Законодательного корпуса 4 сентября 1870 г.,— толпа, находившаяся на мосту Согласия и у фасада Бурбонского дворца, ворвалась во двор, затем в кулуары Законодательного корпуса, заняла внутренние лестницы и устремилась к трибунам для пубрики с возгласами: «Низложение! Да здравствует Франция! Да здрав-

⁵ E. Dréolle. La journée du 4 septembre..., p. 51.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 121.

ствует Республика!»⁷ Это было в 2 часа 30 минут дня. «Левая фракция не только не желала захвата палаты; она этого страшилась», — писал Ж. Симон⁸.

В зале заседаний, куда хлынул народ, находилось не более 12—15 депутатов: в комиссиях все еще шел торг относительно организации власти и состава будущего правительства. Председатель тщетно пытался водворить порядок. В зале неизменно раздавались возгласы: «Низложение! Да здравствует Республика!» На трибуне ораторствовал Гамбетта. «В настоящих условиях, — убеждал он, — каждый из вас обязан охранять порядок... Если вы хотите показать пример самого сознательного и свободного народа, заклинаю вас, соблюдайте порядок, пока идет наше обсуждение»⁹. Бонапартист Шнейдер, восхваляя высокий патриотизм левого депутата, настаивал на том же.

Среди манифестантов действовали бланкисты¹⁰, которые с часа дня вместе со своим вождем находились на подступах к Бурбонскому дворцу, а затем с народом ворвались во дворец.

Между тем совместные усилия Гамбетты и председателя палаты оставались тщетными. Шум возрастал. В зал заседания вошли бланкисты с возгласами: «Вперед! Да здравствует Республика!», увлекая за собой новый поток толпившихся в кулуарах манифестантов. Прибывшие заняли скамьи, заполнили проходы на галереях, в амфитеатрах. Возгласы: «Низложение! Да здравствует Республика!» — с новой силой огласили зал. В невообразимом шуме потонул голос председателя, объявившего заседание закрытым. Было около 3 часов дня.

Когда Шнейдер удалился, его место заняли бланкисты Маршан, Гранже, Левро. Гранже обратился к народу со словами: «Граждане! Ввиду наших величайших бедствий, ввиду постигших отечество несчастий парижский народ завладел этим помещением, чтобы провозгласить в нем низложение империи и установление Республики. Мы требуем от депутатов, чтобы они декретировали то и другое»¹¹.

Буржуазным республиканцам стало ясно, что их дальнейшее сопротивление даст возможность бланкистам провозгласить республику и сформировать революционное правительство. Тогда левые депутаты прибегли к новой уловке: удалив бланкистов

⁷ «Annales du Sénat et du Corps Législatif» (далее — «Annales...»), Corps Législatif. Séance de jour du 4 septembre 1870, p. 369.

⁸ J. Simon. Origine et chute du Second Empire, p. 371—372.

⁹ «Annales...», p. 368.

¹⁰ В числе бланкистов, находившихся 4 сентября в Бурбонском дворце, был Эдуар Вайян. Именно по его инициативе Ш. Лонге вместе с ним в тот же день телеграфировал Марксу о революции в Париже (M. Dommanget. Edouard Vaillant, un grand socialiste. Paris, 1956, p. 22).

¹¹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. III, p. 319.

с председательского места с помощью национальных гвардейцев, они попытались ограничиться низложением Наполеона III, не провозглашая республики. Заготовленный ими проект был оглашен Гамбеттой. Но и эта попытка обмануть народ не удалась. Требования провозглашения республики с новой силой зазвучали в зале.

После тщетных увещеваний и запугиваний буржуазные республиканцы обратились к последнему средству. Сославшись на установившуюся традицию провозглашать республику в Ратуше, Ж. Фавр и Гамбетта призвали присутствующих следовать за ними в Ратушу. Призывы бланкистов провозгласить республику немедленно не увенчались успехом; сбитые с толку, присутствующие вслед за Фавром и Гамбеттой покинули помещение Законодательного корпуса и двумя потоками — вдоль левого и правого берегов Сены — направились к Ратуше. «Это внезапно пришедшее мне на ум решение — вспоминал Фавр — имело то преимущество, что освобождало Палату от народа, предотвращало кровавое столкновение, которое могло произойти в ее стенах, срывало дерзкое предприятие, в результате которого руководство оказалось бы в руках неистовой крамольной партии»¹².

Гамбетта и Фавр направились в сопровождении многочисленных масс народа, — один во главе тех, кто шел вдоль левого берега Сены, другой — во главе шедших вдоль правого берега. По пути Фавр встретился с Трошю. По свидетельству очевидца, Трошю одобрил действия Фавра и его коллег, заявил о своем присоединении к ним и повернул обратно. Оба потока манифестантов во главе с Фавром и Гамбеттой почти одновременно прибыли к Ратуше около 4 часов дня. На ее фронте развевалось красное знамя, водруженное рабочими¹³. На площади перед зданием была масса людей, войска не оказали сопротивления собравшимся.

Буржуазные республиканцы застали в Ратуше опередивших их бланкистов и неоякобинцев, как раз намеревавшихся огласить в переполненном до отказа зале список членов революционного правительства. Наряду с некоторыми левыми депутатами, в том числе Рошфором, в нем фигурировали имена Бланки, Флуранса, Делеклюза, Пиа. Большую активность в зале проявлял Мильер. Стремясь вырвать инициативу из рук бланкистов и неоякобинцев, Фавр после безуспешных призывов «вести себя как подобает великой нации, которая вновь обрела свободу», провозгласил республику¹⁴.

¹² *J. Favre. Le Gouvernement de la défense nationale du 30 juin au 31 octobre 1870, t. I. Paris, 1871, p. 77.*

¹³ «Actes», t. V, p. 390. Déposition Bescherelle.

¹⁴ Ibidem. Déposition Favre.

Тем временем левые депутаты спешно составляли окончательный список членов временного правительства, тайно намеченный ими еще 3 сентября; он состоял из буржуазных республиканцев и орлеанистов¹⁵. Совещание левых депутатов, однако, затягивалось, и бланкистам и неоякобинцам предоставлялась возможность огласить состав революционного правительства. Но они не сумели воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Их силы были распылены. Часть бланкистов по указанию Бланки устремилась освобождать политических заключенных из тюрьмы Сент-Пелажи. Буржуазные республиканцы, напротив, бросили в Ратушу все свои силы, чтобы не допустить к власти своих противников. Бланкисты, которых пока было недостаточно в Ратуше, чтобы успешно действовать против буржуазных республиканцев, с нетерпением ожидали прибытия своих товарищей вместе с находившимся в тюрьме Рошфором, на согласие которого войти в революционное правительство они рассчитывали.

Тюрьма Сент-Пелажи была атакована рабочими, явившимися туда вместе с бланкистами. Рошфор и другие политические заключенные были освобождены. Вскоре Рошфор прибыл в Ратушу вместе с бланкистами, сопровождаемый огромной толпой. Повязанный красным шарфом мэра, он триумфально следовал в открытой коляске, приветствуемый народом. «Рошфор — мэр Парижа!» — неслись возгласы. Рошфора внесли на руках в Ратушу. «Знаменитого составителя «Фонаря», окруженного экзальтированными людьми, поставили на стол и предложили ему огласить состав правительства»¹⁶. Это был, несомненно, список членов революционного правительства, составленный бланкистами и неоякобинцами. В момент, когда Рошфор, стоя у окна Ратуши, должен был огласить перед собравшимися на площади состав революционного правительства, в числе членов которого находился и он сам, рядом с ним появился Жюль Ферри, устремившийся сюда, чтобы расстроить планы бланкистов. Ферри увлек Рошфора в комнату, где заседали левые депутаты. Там Рошфор был введен в состав правительства, сформированного из одних депутатов от Парижа. Идея создания именно такого правительства принадлежала Ферри. Она имела целью не допустить к власти бланкистов и неоякобинцев¹⁷.

Вводя Рошфора в состав правительства, левые депутаты прежде всего стремились отвоевать его у бланкистов и вместе

¹⁵ «Actes», t. V, p. 299. Déposition Kératry.

¹⁶ A. Aulard. Souvenirs du 4 septembre.—«La Révolution française», t. 73, 1920, p. 263.

¹⁷ J. Simon. Origine et chute du Second Empire, p. 414; см. также: J. Favre. Le Gouvernement de la défense nationale, t. I. Paris, 1871, p. 93; «Actes», t. V, p. 9. Déposition Thiers.

с тем поднять в глазах широких масс населения Парижа престиж нового правительства, так как Рошфор пользовался огромной популярностью. Фавр заявил, что лучше иметь Рошфора в составе правительства, чем вне его. Буржуазные республиканцы не усматривали для себя каких-либо неудобств от того, что в числе членов правительства будет Рошфор.

Рошфор сыграл немаловажную роль в борьбе за власть, происходившей 4 сентября между буржуазными республиканцами и бланкистами. Из двух правительств, одновременно намечавшихся в этот день в парижской Ратуше, более приемлемым для Рошфора, несомненно, являлось правительство Фавра и Ферри. Недаром он был взволнован предложением огласить состав революционного правительства, в которое он был введен помимо своего согласия. «В оцепенении, с бледными, сомкнутыми губами» стоял Рошфор на столе у окна Ратуши¹⁸.

Имена членов правительства, сформированного буржуазными республиканцами, были оглашены из окна Ратуши. В состав правительства вошли 11 депутатов левой фракции: Фавр, Ферри, Эм. Араго, Кремье, Гарнье-Пажес, Рошфор, Пельтап, Глебизуэн, Гамбетта, Пикар, Симон.

Так же ловко завладели буржуазные республиканцы и парижским муниципалитетом. Рабочее население прочило на пост мэра Парижа Рошфора. Рассматривая парижский муниципалитет как революционный орган власти, призванный продолжить традиции Парижской коммуны 1792—1794 гг., рабочие, естественно, хотели видеть мэром Парижа человека, способного защищать их интересы. Таким человеком представлялся им тогда Рошфор. Но ко времени прибытия в Ратушу Рошфора этот пост был уже передан умеренному республиканцу Этьену Араго, престарелому деятелю революции 1848 г. В поспешном выдвижении этой кандидатуры активно участвовал его племянник Эмманюэль Араго, вошедший в состав правительства. Он заблаговременно приготовил трехцветный шарф, которым и повязал своего дядю. Этьен Араго, республиканский фразер, к 1870 г. давно сошедший с политической арены, вполне устраивал в качестве мэра членов нового правительства.

Рошфор, так же как Араго, был далек от того, чтобы представлять интересы рабочих. Но рабочие Парижа были тогда твердо убеждены, что парижский муниципалитет во главе с Рошфором превратится в революционный орган власти, который возглавит борьбу за упрочение и защиту республики. Если такие расчеты и не были обоснованными, то во всяком случае следует признать, что Рошфор в качестве мэра Парижа вынужден был бы делать известные уступки парижским рабочим в

¹⁸ A. Aulard. Souvenirs du 4 septembre, p. 263.

интересах сохранения своей популярности. Это, по-видимому, понял 4 сентября и сам Рошфор, и именно потому он с такой готовностью предоставил парижский муниципалитет Этьену Араго и даже выступил перед собравшимся у Ратуши народом с наилучшей аттестацией этого «доброго республиканца». Он демагогически призывал парижский муниципалитет и его главу осуществлять функцию «наблюдения за правительством». Рошфор и на этот раз, как и в вопросе о составе правительства, сыграл на руку буржуазным республиканцам.

Буржуазные республиканцы имели, таким образом, полное основание дважды зарегистрировать 4 сентября успех своего маневра с введением Рошфора в состав сформированного ими правительства. Заявление Ж. Фавра о том, что лучше иметь Рошфора в составе правительства, чем вне его, приобретало, следовательно, и тот смысл, что в качестве мэра Парижа Рошфор был опаснее, чем в качестве члена правительства. Вводя Рошфора в состав правительства, левые депутаты тем самым предотвращали опасность того, что Рошфор в роли мэра Парижа, пользующегося широкой поддержкой масс, по необходимости был бы вынужден противопоставлять себя правительству, членами которого они являлись.

Для полноты своей победы буржуазные республиканцы считали крайне важным ускорить официальное присоединение генерала Трошю к вновь созданному правительству, Рошфор также не возражал против этого. Трошю были предназначены посты военного министра и военного губернатора Парижа. Два депутата со списком нового правительства, из которого был преднамеренно изъят Рошфор, направились к генералу. Убедить Трошю в необходимости явиться в Ратушу оказалось нетрудно: для этого достаточно было сообщить ему, что депутаты Парижа желают договориться с ним о его вхождении в состав правительства, крайне необходимом для обеспечения «общественного порядка»¹⁹. Трошю еще до прихода делегатов заявил начальнику своего штаба, генералу Шмитцу, о своем твердом решении «опередить революцию, чтобы придать ей оборот, который успокоил бы благонамеренных людей»²⁰.

В Ратуше Трошю потребовал для себя пост главы правительства. Его требование удовлетворили. Фавр получил должность заместителя Трошю. Генерал, далее, выставил новое условие своего участия в правительстве, а именно, что его будущие коллеги не станут посягать на семейные устои, собственность, религию. Те заверили его, что «искренно разделя-

¹⁹ См. «Actes», t. V, p. 349. Déposition Steenackers.

²⁰ «L'Empire et la défense de Paris devant le jury de la Seine». Paris, 1872, p. 146. Déposition Schmitz.

ют эти консервативные принципы»²¹. Трошю, которого сначала неприятно поразило неожиданное для него присутствие Рошфора в составе правительства, очень скоро, по собственному признанию, убедился в том, насколько тот оказался полезен на этом посту²².

Ни Тюильрийский дворец, местопребывание регентши, ни Люксембургский дворец, где заседал Сенат, не были атакованы парижскими рабочими. Бывшая императрица беспрепятственно покинула пределы Франции тотчас после захвата здания Законодательного корпуса народом.

До конца дня 4 сентября на фронтоне парижской Ратуши развевалось красное знамя рабочей революции. Оно было сорвано около 6 часов вечера в присутствии члена нового правительства Гле-Бизуэна одним из бонапартистов, продолжавших стоять в карауле, охранявшем Ратушу²³. Красное знамя — символ республики труда — было заменено трехцветным знаменем.

На первом заседании Временного правительства вечером того же дня был официально сформирован кабинет министров во главе с Трошю, оставшимся также военным губернатором Парижа. Его заместитель Жюль Фавр получил портфель министра иностранных дел; министром внутренних дел был назначен Гамбетта, министром финансов — Пикар, министром юстиции — Кремье, военным министром — генерал Леффло, морским — адмирал Фуришон, министром просвещения — Симон, министром общественных работ — Дориан, министром земледелия и торговли — Маньен. Часть министров (Леффло, Фуришон, Дориан, Маньен) не входила в состав сформированного в Ратуше правительства. С другой стороны, часть членов правительства (Эм. Араго, Пельтан, Гарнье-Пажес, Гле-Бизуэн, Рошфор) не получили министерских портфелей. Правительство новой буржуазной республики присвоило себе наименование «правительства национальной обороны».

Революция 4 сентября 1870 г. была совершена рабочими и всем трудовым людом Парижа, свергшими империю Наполеона III вопреки активному противодействию не только монархистов, но и буржуазных республиканцев. Лишенные надлежащего революционного руководства (события 4 сентября еще раз показали неподготовленность социалистов), рабочие заставили левых депутатов провозгласить республику вопреки их воле.

Плоды, добытые 4 сентября 1870 г. французскими рабочими, присвоили орлеанисты и буржуазные республиканцы. По-

²¹ J. Simon. *Origine et chute du Second empire*, p. 423.

²² «Actes», t. V, p. 125. Déposition Trochu; t. I, p. 186. Rapport Daru.

²³ «Actes», t. V, p. 390. Déposition Bescherelle.

литическое лицо буржуазного правительства Французской республики 1870 г. выразительно охарактеризовал В. И. Ленин: «Либеральные пройдохи захватывают власть»²⁴.

Трудящиеся городов и значительная часть трудового крестьянства с удовлетворением встретили весть о крушении империи и провозглашении республики. В ряде индустриальных центров — Лионе, Марселе, Тулузе и других — где противодействие буржуазии было менее сильным, чем в Париже, были созданы революционные Коммуны, новые, республиканские органы власти — по своему составу, как и по характеру своих первых мероприятий, гораздо более радикальные, чем правительство в Париже. За короткое время своего существования эти революционные органы власти в провинции, особенно в Лионе, успели осуществить ряд радикальных политических и социальных мероприятий и принять ряд постановлений, отдельные из которых предвосхищали декреты Парижской Коммуны 1871 г.

✱

После революции 4 сентября война изменила свой характер. Она перестала быть оборонительной для Германии и грозила превратиться в завоевательную с ее стороны в случае отказа прусского правительства заключить почетный мир с французским народом, провозгласившим республику.

Война продолжалась. Немецкие армии, выступившие 2 сентября из Седана, двигались к Парижу.

Боевые силы, которыми располагал Париж, насчитывали около 70 тыс. человек, да сверх того имелось некоторое число необученных новобранцев. Боеспособных войск в Париже было явно недостаточно. Поэтому решающее значение приобретало быстрое вооружение и обучение национальной гвардии Парижа. Это позволило бы продлить сопротивление столицы до тех пор, пока на помощь ей не подоспели бы созданные в провинции вспомогательные армии. Материальные и моральные ресурсы страны были далеко еще не исчерпаны после Седана.

Однако «правительство национальной обороны» боялось вооружить народные массы, в особенности рабочих. Народные массы были исполнены решимости не слагать оружия вплоть до завоевания почетного мира и всемерно содействовать упрочению завоеванной ими республики путем демократизации всего общественного строя, решительной борьбы против реакционных сил, сопротивлявшихся республиканскому переустройству страны. Рабочие видели в этом залог успеха в борьбе против внешнего врага, продолжавшего настаивать и после революции на своих захватнических притязаниях. Новое правительство,

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 328.

представлявшее интересы крупной буржуазии, напротив, старалось положить конец республике, «рожденной мятежом», ускорить передачу власти Национальному собранию, реакционный состав которого был предопределен поспешностью, с какой предполагалось его созвать. Задача будущего Национального собрания заключалась прежде всего в скорейшем заключении мира, что практически означало тогда капитуляцию.

Таким образом, правительство 4 сентября, поставленное перед необходимостью сделать выбор между национальным долгом и классовыми интересами буржуазии, с первых дней своего пребывания у власти стало на путь капитуляции перед Пруссией и превратилось, как писал Маркс, в правительство национальной измены²⁵.

Новые правители Франции тщательно скрывали, однако, от широких масс населения свои капитулянтские и антиреспубликанские замыслы. Стремясь усыпить бдительность масс, они в официальных заявлениях неизменно подчеркивали свою готовность организовать действенную оборону и «выполнить свой долг до конца» и «спасти отечество». При этом они призывали все слои населения забыть «былые расхождения», соблюдать «национальное единство», без чего невозможен успех в борьбе с внешним врагом.

Французские рабочие и их тогдашние руководители находились во власти иллюзий, будто правительство способно, как это было в 1792—1794 гг., возглавить все живые силы Франции для предотвращения нависшей над ней опасности. Они не учитывали, как сильно обострились классовые противоречия со времени революции XVIII в. Во имя «национального единства» они отказались от использования вынужденно дарованных буржуазной республикой свобод для укрепления своих классовых организаций и изъявили готовность ограничиться борьбой против германских войск, целиком доверившись руководству буржуазного правительства.

Бланки и 19 ближайших его соратников выступили 7 сентября в первом номере своей газеты, названной ими «*La Patrie en danger*» («Отечество в опасности»), с декларацией, в которой объявили новое буржуазное правительство выразителем «народной мысли и национальной обороны», обещали оказывать ему «энергичную» и «полную» поддержку, заявив при этом, что «перед лицом врага» не должно быть «никаких партий, никаких оттенков», что «во имя общественного спасения... должны исчезнуть всякая оппозиция, всякое несогласие». Декларация заканчивалась, правда, предупреждением, что, присоединяясь к правительству, бланкисты от имени французского народа возлагают на него обязательство «скорее похоронить

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 321—322.

себя вместе с нами под развалинами Парижа, чем подписать позор и расчленение Франции»²⁶. Но это заявление лишь подчеркивало их наивную веру в новых правителей.

Аналогичную позицию заняли неоякобинцы. 7 сентября Делеклюз в первом номере возобновившейся «Le Réveil» писал: «Мы хотим одного,— чтобы отечество было спасено, спасено любой ценой. Мы не остановимся ни перед чем, чтобы добиться этого. Мы забудем все, заставим умолкнуть наши чувства и заявим тем, в чьих руках находится судьба страны, кем бы они ни были: «Вырвите Францию из рук иноземца и мы будем благословлять вас»»²⁷.

Парижский Федеральный совет Интернационала в ответ на запросы из провинции о том, какую позицию следует занять по отношению к новому правительству, разослал вскоре после 4 сентября за подписью Варлена, Малона, Бахруха циркуляр, в котором заявлял: «Час недоверия и раскола не настал. На нас возлагаются только две обязанности, которые нам надлежит выполнить: оборона Парижа и принятие мер предосторожности против растерявшейся, ошеломленной, но не побежденной реакции»²⁸.

Генеральный Совет Интернационала во втором, составленном Марксом, воззвании о франко-прусской войне от 9 сентября 1870 г. предостерегал французских рабочих от увлечения лозунгами совершенно иной исторической эпохи. В воззвании подчеркивалось, что «им нужно не повторять прошлое, а построить будущее». Одновременно с участием в обороне своей страны рабочие должны «основательно укрепить организацию своего собственного класса». Именно в этом видел Генсовет залог успеха рабочего класса в его борьбе за упрочение республики, за возрождение Франции, за собственное освобождение. Приветствуя учреждение республики во Франции, Генсовет высказывал вместе с тем серьезные опасения по поводу того, что эта республика «провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны» и находится в руках буржуазного правительства, унаследовавшего от империи «ее страх перед рабочим классом». Генсовет обращал внимание французских рабочих на опасность орлеанистской реставрации. Воззвание предостерегало французский пролетариат от поспешных действий, указывая на то, что «всякая попытка ниспровергнуть новое правительство во время теперешнего кризиса, когда неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния». Генсовет разоблачал

²⁶ «La Patrie en danger», 7. IX 1870.

²⁷ «Le Réveil», 7.IX 1870.

²⁸ Dans l'impossibilité où nous sommes. [Paris, 1870]. Листовка. Фотокопия (ИМЛ).

захватнические планы господствующих классов Пруссии и указывал, что победа Пруссии приведет к пагубным последствиям для дела рабочего класса всех стран. Он призывал рабочих к борьбе против захвата Эльзаса и Лотарингии, за признание Французской республики²⁹.

Эти указания остались в то время неизвестными французским рабочим. Единственный буржуазный орган, напечатавший воззвание, устранил из него все относившееся к «правительству национальной обороны». Лишь в конце сентября 1870 г. Лафарг сообщил Марксу из Бордо об опубликовании им в местной газете «*La Tribune*» французского перевода воззвания «с многочисленными ужасающими опечатками». Он с горечью констатировал, что воззвание не привлекло к себе внимания французов, «а они могли бы многое почерпнуть из этого документа»³⁰.

Новое правительство уже в день своего прихода к власти поспешило заявить, что ограничивает свою деятельность чисто военными мероприятиями. В действительности же оно стало на путь борьбы против народных масс с первого дня своего существования.

Два коренных вопроса, вопрос о войне и мире и вопрос об упрочении республики, разделяли правительство и народ.

Уже на первом заседании правительства, вечером 4 сентября, Трошю назвал безумием дальнейшее военное сопротивление. Он неизменно возвращался к этому вопросу на последующих заседаниях. «Глава правительства считал осаду безнадежно проигранной... Он не оставлял нам ни малейшей надежды»³¹, — показывал Э. Пикар. Слушая капитулянтские разглашательства генерала, члены правительства не подвергали их сомнению.

В первые же дни республики Ж. Фавр предпринял ряд шагов для заключения перемирия, а затем и мира. Одновременно он настойчиво предлагал Тьеру взять на себя дипломатическую миссию к европейским дворам, чтобы помочь правительству в его стараниях заключить мир. Тьер должен был убедить реакционные правительства Европы в том, «что власть во Франции оказалась в руках благонамеренных людей, стремящихся к сохранению порядка и желающих мира»³². Тьер 12 сентября отбыл в Лондон, откуда должен был направиться в Петербург и в Вену. 8 сентября правительство большинством голосов высказалось за проведение 16 октября выборов в Национальное собрание.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 274—281.

³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 8223.

³¹ «*Actes*», t. V, p. 218. Déposition Picard.

³² Ibid., p. 10. Déposition Thiers.

Всемерно форсируя заключение мира и передачу власти Национальному собранию, правительство, вопреки его позднейшим утверждениям, уже в то время отдавало себе ясный отчет в неизбежности при этих условиях тяжелых уступок Пруссии, о захватнических притязаниях которой оно было хорошо осведомлено³³. 8 сентября одновременно с установлением даты созыва Национального собрания на обсуждение правительственного Совета был поставлен вопрос о предполагаемых условиях мира: сдаче Пруссии французского флота или уступке ей прирейнских территорий Франции. Пикар высказался за второе. Судя по сохранившимся кратким протокольным записям этого заседания, никакого протеста против капитулянтских высказываний не последовало даже со стороны наиболее радикальных членов правительства — Гамбетты и Рошфора³⁴. Ориентация на скорое окончание войны, даже при условии существенных уступок Пруссии, не была чужда в эти дни ни одному из членов правительства.

О том же свидетельствовало и другое важное решение — о местопребывании центральной власти. Начав обсуждение этого вопроса уже 4 сентября, оно к 7 сентября окончательно остановило свой выбор на Париже, предпочитая, таким образом, запереть себя в столице, стоявшей перед угрозой близкой осады, чем обосноваться в провинции и возглавить оборону страны. Единственным представителем правительства в провинции, главой так называемой правительственной «делегации», которой надлежало обосноваться в городе Туре, был назначен престарелый министр юстиции Кремьё; на него возлагалась организация обороны во всей неоккупированной зоне Франции. Это был акт преступного саботажа обороны.

Существовал и другой серьезный мотив, побуждавший правительство остаться в Париже. Его как нельзя лучше сформулировал позднее либеральный публицист Эмиль Жирарден. «Жюль Фавр, Леон Гамбетта и Эрнест Пикар, — писал он, — остались в Париже исключительно из боязни второго 15 мая и 25 июня 1848 г.»³⁵ Уверенные в ожесточенном сопротивлении революционного Парижа заключению кабального мира, члены правительства считали необходимым свое присутствие в столице. «У меня нет ни тени сомнений в том, что отъезд правительства привел бы на шесть месяцев раньше к Коммуне или по крайней мере к непрерывному брожению и к постоян-

³³ *J. Simon. Le Gouvernement de la défense nationale. Paris, 1874, p. 56. «Actes», t. VI, p. 249. Déposition Gambetta.*

³⁴ *Procès-verbaux des séances du Conseil du Gouvernement de la défense nationale 1870—1871. Publ. d'après les manuscrits originaux de A. Dréo. Paris, Séance du 8 septembre 1870, p. 89—90.*

³⁵ *E. Girardin. Hors Paris. Bordeaux, 1871, p. VII.*

ным вооруженным столкновениям, в результате чего мы уже через месяц имели бы в Париже пруссаков», — заявил впоследствии Ж. Симон³⁶. Только 15 сентября Гамбетта впервые заговорил о необходимости создания в провинции «реального и сильного правительства», мотивируя это отнюдь не военными, а внутривластными соображениями: оппозиционными настроениями и «сепаратистским» движением в провинции³⁷. Эти настроения были вызваны глубоким недовольством демократических слоев населения Франции бездейтельностью правительства.

Прикрывая свою капитулянтскую деятельность, «правительство национальной обороны» за два дня до обсуждения вопроса о территориальных уступках Пруссии опубликовало циркуляр за подписью министра иностранных дел Фавра, в котором заявляло на весь мир о своей непоколебимой решимости «не уступить ни пяди нашей земли, ни камня наших крепостей» и употребить «все средства» для «победоносного завершения войны»³⁸.

Временное правительство уже 4 сентября при обсуждении проекта первого обращения к парижанам нового мэра столицы единодушно выразило решимость не допустить превращения муниципального совета Парижа в революционный орган власти под названием «Парижская Коммуна», по примеру коммун, созданных в этот день в индустриальных центрах — Лионе, Марселе, Тулузе и др. Слова «Парижская Коммуна» были заменены в проекте обращения словами «Парижский муниципалитет».

По-иному решали вопрос о войне и мире, как и вопрос о республике, народные массы. Вечером 4 сентября представители рабочих Парижа собрались в помещении парижской Федерации рабочих обществ и Федерации парижских секций Интернационала на площади Ла Кордери дю Тампль. Здесь присутствовали члены Интернационала, члены профессиональных объединений, видные социалисты. Как вспоминал впоследствии Лефрансэ, выступавшие (среди них члены Интернационала Брион и Белэ) указывали на «узурпацию народного суверенитета буржуазными республиканцами»³⁹. Вместе с тем собрание признало несвоевременным, ввиду войны и неподготовленности народных масс, вступать в борьбу с новым правительством. Оно приняло решение оказывать ему помощь в мероприятиях

³⁶ J. Simon. *Origine et chute du Second Empire*, p. 37.

³⁷ *Procès-verbaux des séances du Conseil... Séances du 7, 9, 10, 11, 15 septembre, 1870*.

³⁸ *Recueil officiel des actes du Gouvernement de la défense nationale pendant le siège de Paris* (далее — «*Recueil officiel...*»). Paris, 1871, p. 372.

³⁹ G. Lefrançais. *Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871*. Neuchâtel, 1871, p. 63; см. также J.-B. Clément. *La Revanche des communaux*, t. I. Paris, 1886—1887.

по обороне страны и укреплению республиканского строя, но при этом потребовать от него упразднения полицейской префектуры и передачи ее функций муниципалитетам, немедленного смещения должностных лиц империи, упразднения ограничительных законов в отношении печати, права собраний и союзов, немедленных выборов в парижский муниципалитет, аннулирования приговоров и преследований за участие в народных движениях в годы Второй империи⁴⁰.

Собрание вынесло также решение о посылке агитаторов в провинцию. Была выделена делегация в составе семи человек — все они являлись членами Интернационала⁴¹, — предъявившая требования собрания в Ратуше. Делегация была в ночь с 4 на 5 сентября принята Гамбеттой. Министр внутренних дел отдела, однако, обещанием, что «все будет учтено и будут приняты меры к прекращению злоупотреблений», да и то с оговоркой, что вопросы, поднятые делегацией, «это серьезные вопросы, решать которые правительство неправомочно»⁴². Гамбетта, таким образом, уклонился от выполнения обещаний, данных им в Бельвильской избирательной программе 1869 г.

5 сентября в помещении коммунальной школы на улице Омар (III округ) состоялось новое собрание рабочих представителей, на котором присутствовали от 400 до 500 человек. Было решено создать во всех 20 округах Парижа республиканские комитеты бдительности, избираемые на публичных собраниях округов пропорционально численности населения данного округа. Каждый окружной комитет должен был делегировать четырех своих членов в Центральный комитет 20 округов, который состоял бы, следовательно, из 80 членов. Задачу окружных комитетов, как и Центрального комитета 20 округов, собрание, в соответствии с принятым накануне решением, ограничило оказанием активной помощи правительству в его оборонных мероприятиях и в охране республиканского порядка от происков реакционеров⁴³.

В большинстве округов инициаторами создания республиканских комитетов бдительности были члены Интернационала; они же составили наиболее активное ядро этих комитетов, а также Центрального комитета 20 округов, который уже с 11 сентября начал действовать в качестве постоянного органа⁴⁴. Однако в целом, как организация, Интернационал в Па-

⁴⁰ «Actes», t. I, p. 287. Pièce «K». Séance du Comité des vingt arrondissements. 4 septembre [1870].

⁴¹ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 14.

⁴² G. Lefrançais. Op. cit., p. 65.

⁴³ «Le Patriote», 9.IX 1870 (цит. по: J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 17—18).

⁴⁴ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 30.

риже в этот период не функционировал; он возобновил свою деятельность лишь в октябре ⁴⁵.

Изъявляя готовность ограничить свою деятельность двумя вышеуказанными задачами, парижский Федеральное совет Интернационала объяснял это следующим образом: «Наша собственная революция еще не совершена. Мы совершим ее тогда, когда, избавившись от нашествия, зложим фундамент общества, основанного на равенстве, к которому мы стремимся» ⁴⁶. Создаваемые снизу республиканские комитеты бдительности мыслились французскими социалистами как зачатки будущих революционных органов власти — коммун ⁴⁷.

Доверие, которое народные массы питали на первых порах к правительству, вскоре поколебалось. Поспешное назначение им мэров Парижа вместо того, чтобы удовлетворить требование народных масс об избрании парижского муниципалитета, ускорение даты выборов в Национальное собрание, дипломатическая поездка Тьера, инертность правительства в деле устранения бюрократического аппарата Второй империи — все это возбуждало крайнее беспокойство широких масс населения. Бланкистская и неоякобинская печать все настойчивее начиная с 8 сентября требовала решительной борьбы против внутренних врагов, обеспечения обороны Парижа, войны «до последней крайности» во имя национального достоинства Франции, отказа от унижительных обращений правительства Французской республики к европейским монархиям.

Бланкистская и неоякобинская печать безуспешно требовала смещения старых мэров и более решительной смены бонапартистских префектов. Того же требовала газета Гюго «Le Rappel». Новые префекты, назначенные правительством, мало чем отличались от префектов Второй империи. «Цвет орлеанистской и либеральной реакции заполняет префектуру и супрефектуру», — негодовала «Le Réveil»; опираясь на «единодушные сообщения из провинции», газета утверждала, что «население не питает никакого доверия к этим новым администраторам» ⁴⁸.

Бонапартисты развили активную антиреспубликанскую пропаганду в провинции, главным образом в сельских местностях, поднимая контрреволюционные элементы крестьянства против «красных». Бланкисты, сообщая об открытых угрозах реакционеров в адрес республиканцев, разоблачали префектов нового правительства, которые «с олимпийским бесстрашием взирают на эти акты варварства и реакции». Бланкистская и неояко-

⁴⁵ Ibid., p. 29.

⁴⁶ Dans l'impossibilité où nous sommes... Листовка. Фотокопия (ИМЛ).

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ «Le Réveil», 13.IX 1870.

бинская печать настаивала на посылке в провинцию агитаторов-республиканцев, которые в противовес подрывной деятельности бонапартистов и проискал орлеанистов должны были повысить революционную, патриотическую активность населения, поднять его на помощь Парижу.

Несмотря на возмущение народных масс безнаказанностью контрреволюционеров, правительство продолжало политику бездействия и попустительства. В результате такой политики в ряде местностей неоккупированной части Франции (в департаментах Па-де-Кале, Эр и др.) и даже в некоторых окрестностях Парижа к середине сентября республика все еще не была провозглашена. Здесь продолжали управлять от имени Наполеона III префекты и мэры. Да и во многих пунктах, где республика была провозглашена, по-прежнему хозяйничали бонапартисты, а военные власти отказывались признать республиканский строй⁴⁹. «Аналогичные протесты раздаются со всех концов Франции», — сообщала газета «Le Réveil»⁵⁰.

Зато правительство проявило крайнюю тревогу по поводу революционных событий в провинциальных центрах — Лионе, Марселе, Тулузе и др. Начиная с 5 сентября оно систематически заслушивало министра внутренних дел о положении в этих городах.

Между тем немецкие армии беспрепятственно двигались к Парижу, не встречая на своем пути организованного сопротивления. Отдельные попытки сопротивления, исходившие, как правило, от гражданского населения и рядовых солдат, кончались неудачей из-за отсутствия поддержки со стороны властей. В результате германские войска получили возможность в кратчайший срок и с наименьшими потерями осуществить свой военный план.

«Разве так ведут войну? — с великой горечью писал Бланки. — Отступающая армия должна откатываться медленно, отстаивая позицию за позицией, сдерживая передовые отряды неприятеля и принуждая его разворачивать свои людские силы». Бланки был убежден в том, что Франция все еще способна оспаривать у неприятеля каждую пядь своей земли. В активных оборонительных боях он видел залог ее будущих успехов. Отказ от таких боев он рассматривал как «зловещее предзнаменование для будущей обороны». И он с прискорбием заключал: «Не рассчитывают ли на дипломатическую миссию Тьера, на его переговоры с иностранными дворами больше, чем на мужество и патриотизм солдат республики?.. В какую же пропасть мы катимся!»⁵¹

⁴⁹ «La Patrie en danger», 10, 17.IX 1870; «Le Réveil», 13.IX 1870; «Le Combat», 16, 17, 21. IX 1870.

⁵⁰ «Le Réveil», 13.IX 1870.

⁵¹ «La Patrie en danger», 14.IX 1870.

Партизаны (франтиреры), среди которых было немало крестьян, оказывали в ряде случаев наступавшим немецким войскам серьезное сопротивление. Они взрывали мосты, разрушали проезжие дороги, производили смелые нападения на вражеские части. Все возрастающая сила народного сопротивления оккупантам отражала ненависть, которую они возбуждали.

Рабочие Парижа, объятые крайней тревогой за судьбу своей страны, мало что знали достоверного о ее военном положении. Правители французской республики скрывали от народных масс действительное положение дел: 5 сентября Гамбетта, возглавивший организацию национальной гвардии в Париже и в провинции⁵², издал циркуляр о порядке комплектования парижской национальной гвардии, согласно которому сохранялись созданные правительством Второй империи 60 «благонамеренных» буржуазных батальонов департамента Сена. Национальная гвардия отныне комплектовалась только из людей, располагавших оружием. «Лица, — гласил циркуляр, — недавно внесенные в списки национальной гвардии, которые, таким образом, не будут больше состоять в них, переходят в распоряжение мэров тех округов, в которых они проживают, с тем чтобы из них были созданы новые батальоны»⁵³. Иными словами, циркуляр фактически исключал из рядов национальной гвардии рабочих, зачисленных в нее в последние дни империи и умышленно оставленных бонапартистами без оружия.

Гамбетта предписал также создание 60 новых батальонов национальной гвардии по 1500 человек в каждом. Списки граждан, подлежавших включению в новые батальоны, проверялись окружной комиссией, возглавляемой мэром соответствующего округа, что должно было затруднить рабочим доступ в национальную гвардию. Заместитель начальника генерального штаба национальной гвардии Парижа в сентябре — октябре 1870 г. в своих позднейших показаниях выразил сожаление по поводу того, что приказ, изданный Гамбеттой 5 сентября 1870 г., на практике не соблюдался. «Если бы придерживались приказа Гамбетты, — заявил он, — национальная гвардия могла быть отлично организована. Ее можно было бы укомплектовать превосходными элементами»⁵⁴. Он возлагал на парижских мэров ответственность за то, что национальная гвардия Парижа, вопреки приказу Гамбетты, «достигла огромной численности».

Причина, вынуждавшая правительство вооружать гораздо более широкий контингент населения, чем оно первоначально намеревалось, крылась в том, что правительство не чувствовало

⁵² Procès-verbaux des séances du Conseil... Séances du 4—9 septembre 1870.

⁵³ «Recueil officiel...», p. 429.

⁵⁴ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». Paris, 1872, p. 360. Déposition Montaigu.

себя достаточно устойчивым⁵⁵. Ему приходилось лавировать, заигрывать с революционными рабочими Парижа и помимо своей воли идти на уступки народным массам. На правительство оказывали давление и комитеты бдительности, представители которых были прикомандированы к парижским муниципалитетам. Эти комитеты немало содействовали организации и вооружению национальной гвардии столицы. Однако до начала осады Парижа комитеты бдительности еще только приступали к своей деятельности. В большинстве случаев они были вынуждены затрачивать значительные усилия, чтобы преодолеть сопротивление мэров. 11 сентября на заседании Центрального комитета 20 округов, где присутствовали делегаты от 15 округов, было установлено, что только два мэра, XI и XVIII округов, предоставили комитетам бдительности помещение. Все прочие мэры не скрывали своего враждебного отношения к ним и всячески препятствовали их нормальной деятельности⁵⁶.

Создавая видимость серьезной подготовки к обороне Парижа, правительство в действительности препятствовало превращению национальной гвардии департамента Сена в боевую силу, способную оборонять столицу. Ему было хорошо известно, что имевшегося в Париже оружия недостаточно для обороны и что далеко не все находившееся в наличии оружие пригодно к употреблению. «За время с 4 по 20 сентября,— писал вскоре после начала осады Бланки,— можно было завалить Париж ружьями и пушками. Ни одного ружья, ни одной пушки не было завезено в город»⁵⁷. Бланки неутомимо призывал правительство выйти из бездействия и вооружить способное носить оружие население. 9 сентября в статье «Оборона Парижа» он указывал на возрастающую в народе тревогу по поводу того, что военные предприятия, несмотря на недостаток винтовок и пушек, бездействуют. В тот же день в бланкистском клубе было выдвинуто требование, чтобы правительство использовало для производства оружия заводы Шнейдера⁵⁸.

В Париже, по данным неоякобинского органа «Le Combat», к началу осады оставались невооруженными около 100 тыс. республиканцев, годных к военной службе⁵⁹. В бланкистском клубе ораторы уже 15 сентября резко ставили вопрос о том, что «нынешнее правительство отказывается вооружать революционеров»⁶⁰. Все более настойчиво добивались оружия и неоякобинцы. «Эти люди требуют оружия,— писала газета «Le Combat».—

⁵⁵ «Actes», t. V, p. 130. Déposition Trochu.

⁵⁶ «Actes», t. I, p. 187. Pièce «K». Séance du Comité des vingt arrondissements, 11 septembre [1870].

⁵⁷ «La Patrie en danger», 22. IX 1870.

⁵⁸ «La Patrie en danger», 10. IX 1870.

⁵⁹ «Le Combat», 23. IX 1870.

⁶⁰ «La Patrie en danger», 17. IX 1870.

Надо им дать оружие; если его нет, его надо отыскать; если его не находят, его надо произвести... О чем же думают те, кто взял на себя организацию национальной гвардии, по какой преступной нерадивости лишают они отечественную армию такого большого числа солдат?»⁶¹

При распределении патронов придерживались того же принципа, что и при раздаче оружия. «Почему одни батальоны получили патроны, между тем как другие их не имеют? Разве допустимы привилегии в такой момент?» — спрашивала газета «Le Combat»⁶². Бланкисты указывали на отсутствие патронов у рабочих, зачисленных в национальную гвардию, даже у тех, кто охранял парижские форты, имевшие первостепенное значение для обороны города. Бланкисты отмечали и то, что в ряде случаев национальным гвардейцам — рабочим выдавались негодные патроны⁶³. Не лучше обстояло дело и с обмундированием национальных гвардейцев, не имевших возможности приобрести его за собственный счет. Многие из них оставались без обуви и одежды. Командование не заботилось и о том, чтобы снабдить их палатками. Монархически настроенное офицерство продолжало оставаться во главе национальной и мобильной гвардии. Многочисленные свидетельства тому приводились на народных собраниях, в клубах, на страницах революционной печати. Вооружением народа распоряжались отъявленные бонапартисты.

Новые формирования местной национальной гвардии, составлявшиеся главным образом из рабочих, в ряде случаев самочинно избирали себе в командиры парижских социалистов. Так, 14 сентября командиром 169-го батальона национальной гвардии Монмартра был избран Бланки; командиром 63-го батальона национальной гвардии Бельвиля — Флуранс; 138-го батальона — Эд; 14-го — Ранвье; 204-го — Левро; 158-го — Жаклар; 191-го — Жюль Валлес; 61-го — Разуа; 238-го — Тибальди⁶⁴; 208-го — Мильер и т. д. Командиры — социалисты и демократы призывали батальоны к самоотверженной защите республики, и сами показывали примеры беззаветного служения интересам народа. Флуранс, например, в приказе 63-му батальону призывал: «Победить или умереть — мы твердо этого хотим. Мы покажем, как мы любим свою отчизну. Мы сражаемся не ради одной Франции, но ради всего человечества, ради самой республиканской Пруссии... Париж должен победить или стать второй Сарагосой и скорее похоронить себя под собственными развалинами, чем сдаться»⁶⁵.

⁶¹ «Le Combat», 23.IX 1870.

⁶² «Le Combat», 17. IX 1870.

⁶³ «La Patrie en danger», 14. IX 1870.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 232, ед. хр. 7 III/XXV.

⁶⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 232, ед. хр. 64 III/XXIV.

Военный смотр парижской национальной гвардии, проведенный 13 сентября Трошю, представлял собой парадную демонстрацию ее мнимой «боевой мощи». Цель смотра сводилась к тому, чтоб показать населению Парижа «успехи» оборонных мероприятий правительства и таким путем укрепить поколебавшееся доверие к нему. По окончании смотра Трошю в прокламации, обращенной к местной и мобильной национальной гвардии Парижа, демагогически заверял ее в том, что она непобедима. «Питайте же полное доверие,— так заканчивалась прокламация,— и знайте, что крепостной пояс Парижа... неприступен»⁶⁶. Вечером 13 сентября во время заседания правительства Трошю лицемерно заверял своих коллег, что «отныне он считает Париж с его 300 тыс. вооруженных и исполненных энтузиазма людей почти непобедимым»⁶⁷.

Цель, поставленная правительством при проведении военного смотра, была в значительной мере достигнута. Широкие массы населения поверили в обороноспособность Парижа, и это прежде всего отразила бланкистская газета. «Лев проснулся» — так озаглавила она на другой день статью, превозносившую боевую мощь парижских народных масс, которая была продемонстрирована, по ее мнению, военным смотром. Бланкисты выражали уверенность, что отныне «Пруссия либо откатится назад, либо ее солдаты найдут свою могилу под стенами Парижа»⁶⁸. Они, правда, ставили успех дальнейшего ведения войны в зависимость от ряда условий, главными из которых были отстранение должностных лиц империи и мобилизация провинции на помощь Парижу. Еще дальше шла в своей оптимистической оценке военного смотра газета «Le Rappel»⁶⁹.

Между тем новые правители Франции вовсе не намеревались обмундировать, вооружить и обучить парижских рабочих. Ни в одной из прокламаций, с которыми Трошю то и дело обращался к французам, ни разу не было употреблено слово «республика». Бланкистская газета, переоценившая значение военного смотра, в то же время правильно определила политические настроения многих его участников. В возгласах, раздававшихся во время смотра, бланкисты различали два тона: «Да здравствует Республика!» — звучал один из них, «Да здравствует Франция!» — звучал другой. «Первый,— писал 18 сентября бланкист Тридон,— гремел над рядами батальонов парижских предместий, второй доносился преимущественно со стороны аристократических секций буржуазных кварталов. Оба тона, внешне столь родственные, столь дружественные, каза-

⁶⁶ «Recueil officiel...», p. 388.

⁶⁷ Procès-verbaux des séances du Conseil..., p. 115.

⁶⁸ «La Patrie en danger», 15. IX 1870.

⁶⁹ «Le Rappel», 15. IX 1870.

лось, вступали в столкновение друг с другом с таким антагонизмом, от которого сжималось сердце». Возгласы «Да здравствует Франция!» Тридон расценивал как «одну из разнообразных личин, которыми прикрывается реакция», стремящаяся «предательски прикончить республику». ««Да здравствует Франция!»— продолжал он,— в устах реакционеров, противопоставляющих Францию республике, звучит реакционно. Это означает: «Да здравствуют Орлеаны!»»⁷⁰.

Словно подтверждая тревожные опасения бланкистов, правительство опубликовало 16 сентября постановление о вторичном переносе выборов в Национальное собрание на более близкую дату: с 16 на 2 октября. За этим постановлением, возбуждившим негодующие протесты рабочих, 17 сентября последовал новый циркуляр Фавра дипломатическим представителям Франции за границей. В нем давалось пространное обоснование решения французского правительства ускорить выборы в Национальное собрание. Оно мотивировалось отказом прусского короля признать в правительстве Французской республики законное правительство Франции, правомочное вести переговоры о перемирии и мире. «Мы признаем справедливость этого возражения,— гласил циркуляр министра-республиканца,— именно поэтому мы немедленно созываем свободно избираемое собрание»⁷¹. Это позорное признание «незаконности» республики было характерно для Фавра и других членов правительства.

Но, кроме внешнего давления, и внутриполитическая обстановка во Франции к середине сентября побуждала правительство ускорить выборы в Национальное собрание. Народные массы Парижа и провинции к этому времени начали освобождаться от иллюзий первых дней республики. Они стали более критически относиться к внутренней и внешней политике правительства, а это обстоятельство, как хорошо понимали стоявшие у власти буржуазные республиканцы и орлеанисты, было чревато для них серьезными опасностями. В провинции к середине сентября обозначилось широкое демократическое движение, принявшее наиболее отчетливую форму в южных департаментах. Оно ставило своей главной задачей решительную борьбу с внешними и внутренними врагами, реакционерами всех мастей, препятствовавшими республиканскому переустройству страны и тем самым ее успешной обороне. Инициаторы республиканского движения на юге Франции открыто выражали недоверие правительству, указывая, что оно не способно успешно выполнить эти две неразрывно связанные между собой задачи, осуществления которых требуют интересы страны.

Об упадке доверия народных масс к правительству свиде-

⁷⁰ «La Patrie en danger», 18.IX 1870.

⁷¹ «Recueil officiel...», p. 394—396.

Тельствовала также возрастающая популярность Центрального комитета 20 округов, функции которого расширялись и усложнялись⁷². За десять дней своего существования он успел возбудить к себе ненависть правительства, поощрявшего своей политикой «невмешательства» как противодействие парижских мэров комитетам бдительности, так и контрреволюционные выпады отъявленных монархистов против Центрального комитета 20 округов.

В ночь с 13 на 14 сентября Центральный комитет 20 округов выработал программу народных требований в области обеспечения общественной безопасности, организации обороны Парижа и провинции, в области продовольственной и жилищной политики. 15 сентября по всему Парижу была расклеена афиша, содержащая эти требования. 16 и 17 сентября программа была опубликована в газетах «*La Patrie en danger*», «*Le Combat*», «*Le Rappel*». Она зачитывалась на народных собраниях. Программа содержала требование упразднения полиции, которая «при всех монархических правительствах служит делу порабощения граждан, а не их защиты». Ее функции предлагалось передать выборным муниципалитетам с возложением охраны общественной безопасности на избираемых должностных лиц, которые и составят новую муниципальную полицию, пользующуюся поддержкой национальной гвардии. Выставлялось требование выборности и ответственности чиновников, упразднения всех ограничительных законов в отношении свободы слова, печати, собраний и ассоциаций.

Программа высказывалась за реквизицию продовольственных запасов и предметов первой необходимости, хранящихся на складах, с предоставлением их владельцам гарантии возмещения стоимости этих товаров после войны. Для каждого квартала предлагалось избрать комиссию по учету продовольственных продуктов и их раздаче населению по бонам, которые будут периодически распределяться по округам в соответствии с числом проживающих в них жителей и с учетом продолжительности осады.

Центральный комитет 20 округов требовал от муниципалитетов предоставления всем гражданам надлежащих жилищных условий, в частности передачу нуждающемуся населению жилых помещений, покинутых их владельцами.

В числе оборонных мероприятий предусматривалось немедленно провести выборы нового командного состава мобильной гвардии, как можно быстрее снабдить всех граждан доброкачественным оружием, а также достаточным количеством патронов и снаряжения, необходимых для успешного отражения вражеской атаки; использовать на оборонных работах население,

⁷² См. *J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain...*

не подлежащее призыву в национальную гвардию; установить постоянный общественный контроль над оборонными мероприятиями.

Авторы программы требовали объявления всеобщего набора в ополчение, а также реквизиции всего, что необходимо для обороны; направления в провинцию делегатов для установления связи с местными республиканцами, «с тем чтобы стимулировать патриотический энтузиазм населения, расстроить происки реакционеров, предотвратить измену, ускорить прибытие волонтеров на помощь Парижу».

Под программой (так называемой Первой красной афишей) значилось 48 подписей — членов Интернационала, бланкистов, радикальных республиканцев. Не менее 11 подписей принадлежало будущим членам Парижской Коммуны, а ряд подписей — другим активным участникам революционных событий марта — мая 1871 г.

Опубликование и широкое распространение в Париже программы Центрального комитета 20 округов было расценено «правительством национальной обороны» как начало решительного наступления «демагогии». Оно отказалось принять делегацию, явившуюся 16 сентября в Ратушу, чтобы передать членам правительства текст программы. Монархисты, ободренные антинародной политикой правительства, все яростнее обрушивались на парижский пролетариат, на социалистов. Афиши Центрального комитета 20 округов срывались реакционерами и демонстративно сжигались. Бонапартистская газета «Le Français» выступала против «возродившейся старой партии 15 мая и июньских дней» и призывала к оружию «всех порядочных людей, патриотов и добрых граждан». «Не позволим партии революции, — грозила газета, — взять в свои руки инициативу выступления и смело поднимем против уличных революционеров знамя свободы»⁷³.

Буржуазные республиканцы и орлеанисты, захватившие власть 4 сентября 1870 г., всей своей деятельностью показали уже в период, предшествовавший осаде Парижа, что они только формально — под давлением народных масс — провозгласили республику, не имея ни малейшего намерения заложить основы ее прочного существования. Глубокие противоречия, разделявшие французский народ и буржуазное «правительство национальной обороны», привели к дальнейшему обострению классовой борьбы во Франции. Борьба французских рабочих и примкнувшей к ним передовой части мелкой буржуазии против реакционных сил началась до осады Парижа. Она приняла еще более острый характер со времени осады.

⁷³ Эта статья была перепечатана в «Le Combat», 18. IX 1870.

НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА КОММУНУ

Осада Парижа началась 19 сентября 1870 г. Столица была обнесена крепостным валом длиной в 34 км и толщиной в 6 м. Вал имел 94 бастиона. Вокруг него шел ров шириной в 15 м, а впереди него, на расстоянии 1,5—5 км, были размещены 16 фортов.

К началу осады в Париже было около 130 тыс. регулярных войск, около 300 тыс. (254 батальона)¹ национальных гвардейцев и 115 тыс. мобилей. Немецкое же командование на первых порах располагало для осады Парижа всего 120—150 тыс. солдат. Но национальная гвардия была плохо вооружена и обучена, а боевой дух французских регулярных частей и мобильных гвардейцев был подорван прежними поражениями. Это показала уже первая стычка у стен Парижа 19—20 сентября, которая закончилась победой немцев.

Уже в самом начале осады Ж. Фавр отправился в немецкую ставку. 19 и 20 сентября в Ферьере (близ Парижа) между ним и Бисмарком велись переговоры о заключении перемирия. Играя на страхе французской буржуазии перед народом, бундесканцлер грозил Фавру, что «если Париж не будет взят в течение нескольких дней, правительство будет свергнуто чернью»¹. Возмущение, охватившее Париж при известии о переговорах, заставило правительство отклонить условия Бисмарка и торжественно заявить, что оно стоит за «сопротивление до последней крайности»². Но правительство продолжало вести тайные переговоры с Бисмарком. Особые надежды возлагало оно на миссию Тьера.

Пораженческой линии правительства левые круги противо-

¹ «Récueil officiel des actes du Gouvernement de la défense nationale pendant le siège de Paris». Paris. 1871, p. 408

² Ibid., p. 413.

поставили свою программу. Так, Флуранс заявлял, что лишь углубление революции и союз с революционными силами Европы могут вывести Францию из изоляции и побудить европейских монархов содействовать — из боязни повторения событий 1793 г. — заключению справедливого мира³. Левая печать звала к союзу с польскими, ирландскими, итальянскими революционерами; она приветствовала прибытие во Францию Гарибальди, критиковала правительство за отказ от предложения польских эмигрантов образовать свои отряды для участия в обороне Парижа. Следует, однако, отметить, что в военной пропаганде левой печати проскальзывали подчас шовинистические нотки. Даже у Бланки встречаются рассуждения о превосходстве латинской, «средиземноморской» расы над «гуннами»⁴.

Тревогу трудящихся вызывали продовольственные трудности, начавшиеся уже в сентябре — октябре 1870 г. С рынка исчезли масло, молоко, мясо, яйца. Цены на остальные продукты непрерывно росли. А в октябре стало трудно доставать хлеб, не хватало топлива. Парижане ели кошек, собак, крыс. В осажденном городе росла безработица. Предприниматели пользовались этим, чтобы снижать заработную плату работающим⁵. Богатые люди, имея деньги и запасы продуктов, меньше ощущали тяжесть осады. В рабочих кварталах в сентябре — октябре были отмечены первые случаи смерти на почве недоедания.

Рабочие требовали от властей решительной борьбы с нуждой. Центральный комитет 20 округов уже в середине сентября высказывался за нормирование продуктов и введение карточной системы. Позднее он выдвинул также требование выдачи всем гражданам «равного и бесплатного пайка во время войны»⁶. Бланки предлагал распределять среди парижан продукты питания и топливо поровну. Народные собрания и клубы поддерживали эти требования. Нужда сближала мелкобуржуазных демократов и социалистов. Но, если неоякобинцы рассматривали эти требования как временные меры во время осады⁷, прудонисты и бланкисты видели в указанных требованиях первый шаг к новому общественному устройству. «Общность имущества, эта великая утопия, — писал Бланки, — навязывает себя столице нашей цивилизации не как результат усовершенствования человеческих нравов, как надеялись сторонники общности, а как необходимость. Приходится ей подчиниться или погибнуть»⁸.

³ G. Flourens. Paris livré. Paris, 1871, p. 85—91.

⁴ «La Patrie en danger», 18.X 1870.

⁵ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II. Versailles, 1872, p. 551, 612; «Le Combat», 15, 27.X 1870.

⁶ «Le Combat», 17.IX, 11.X 1870.

⁷ «Le Combat», 24.IX, 13.X 1870.

⁸ «La Patrie en danger», 28.IX 1870.

Уже в сентябре — октябре 1870 г. трудящиеся Парижа выдвигали социальные требования, в дальнейшем частично осуществленные Парижской Коммуной. Так, в конце сентября на народном собрании XI округа был предложен декрет, по которому «все предметы, заложенные в ломбардах, за исключением драгоценностей, подлежат возврату владельцам без всякого возмещения»⁹. Народное собрание, состоявшееся в зале Алигр, потребовало реквизиции всех пустующих земель под Парижем и на его окраинах для разведения огородов¹⁰. Большой популярностью пользовалось требование конфискации квартир буржуа, бежавших из Парижа. В клубе «Отечество в опасности», которым руководил Бланки, уже в первые дни Республики выдвигались предложения опечатать пустующие квартиры и конфисковать находящееся в них имущество¹¹. На собрании в зале Фавье оратор предлагал отдать 70 тыс. пустующих квартир под казармы для солдат, устроить в пустующих магазинах лазареты и реквизировать экипажи буржуа¹².

Выдвигались требования отмены или отсрочки квартирной платы. «Общественное благо требует, чтобы единственная надежда родины — солдат-рабочий, равно как и его домашние, имели жилище, питание и одежду», — писал Тридон¹³. Народные массы были полны готовности бороться за осуществление этих требований. «Мы требуем не милостыни, а права на жизнь», — писала газета «La Patrie en danger», настаивая на введении твердых цен, — и если нам это право не предоставят, мы возьмем его сами»¹⁴.

Для борьбы парижских рабочих в период осады характерно переплетение классовых и общенациональных стремлений. Это ясно видно на примере конфликта на военных предприятиях Годиё. 26 сентября народное собрание в Бельвиле, в котором участвовало 3 тыс. человек, обвинило Годиё в подрыве обороны и в жестокой эксплуатации рабочих. Собрание потребовало ареста предпринимателя и передачи его предприятий в руки рабочих. На новом собрании в Бельвиле некоторые ораторы не только указывали на значение этих мер для обороны, но обосновывали их, исходя из программы Интернационала¹⁵. Решение народного собрания в Бельвиле было передано на обсуждение других народных собраний в Париже.

В начале октября революционная печать сигнализировала о продолжающемся неблагополучии с производством пушек. Об-

⁹ «Le Réveil», 27.IX 1870.

¹⁰ «Le Combat», 1.X 1870.

¹¹ «La Patrie en danger», 8.IX 1870.

¹² «La Patrie en danger», 18.IX 1870.

¹³ «La Patrie en danger», 4.X 1870.

¹⁴ «La Patrie en danger», 6.X 1870.

¹⁵ «Le Combat», 29.IX, 6.X 1870; «La Patrie en danger», 4, 10.X 1870.

следование, проведенное рабочими делегатами, показало, что производство ружей также не налажено. Париж охватило возмущение. Рабочие собрания требовали национализации военной промышленности. Так, например, резолюция народного собрания III округа от 13 октября 1870 г. гласила: мастерские, фабрики и другие предприятия, которые могут быть использованы для изготовления оружия, снарядов или материалов для этой цели, подлежат экспроприации¹⁶. Раздавались также требования создать специальную организацию рабочих военного производства, способную взять на себя изготовление оружия¹⁷.

Правительство, испытывая давление как со стороны реакционных, так и демократических кругов, шло по пути полумер, запоздалых уступок, зигзагов. В октябре оно взяло на учет пустующие квартиры, наложило незначительный налог на лиц, бежавших из Парижа, и отсрочило на три месяца платеж квартирной платы; в конце сентября правительство было вынуждено установить твердые цены на мясо и хлеб. Но оно ничего не сделало, чтобы заставить торговцев продавать продукты по этим ценам. В октябре был издан декрет, разрешавший мэриям округов вводить карточки на мясо. По афишам того времени можно проследить, как парижские округа один за другим ввели карточки. Но так как все округа получали одинаковое количество мяса, хотя число их жителей и колебалось от 50 до 150 тыс., то и нормы на мясо в разных районах колебались от 50 до 100 г на человека¹⁸. Самые низкие нормы были установлены в наиболее густонаселенных рабочих кварталах Парижа.

Трошю долго тормозил производство пушек в Париже и лишь в конце октября санкционировал сбор средств на производство пушек, уже начатый стихийно трудящимися. Сбор денег прошел при огромном энтузиазме населения. Впереди шли рабочие. «Бедняки отказываются от куска хлеба, чтобы производить орудия», — писал Тридон¹⁹.

Политика правительства не соответствовала задачам обороны, и революционные круги скоро начали подозревать его в том, что оно не верит в победу. «Если вы не чувствуете себя способными руководить военными действиями — уходите», — обратился к членам правительства бланкист Реньяр еще в самом начале осады²⁰.

Патриотические элементы французского народа спланивались вокруг пролетариата, выступавшего как последовательно

¹⁶ «La Patrie en danger», 16.X 1870; «Le Combat», 17.X 1870.

¹⁷ «Le Combat», 28, 29.X 1870.

¹⁸ «Les Murailles politiques françaises», t. I. Paris, 1873, p. 208, 209, 251, 261, 264.

¹⁹ «La Patrie en danger», 27.X 1870.

²⁰ «La Patrie en danger», 20.IX 1870.

патриотическая сила. «Из-за антипатриотизма буржуазии,— признал в дни осады Парижа известный историк и прогрессивный буржуазный журналист Э. Кинэ,— руководство нацией переходит к рабочему классу»²¹.

Важным орудием политического воспитания и организации народных масс были клубы. Из 40 клубов, существовавших в Париже во время осады, только немногие находились в руках буржуазных деятелей, большая часть фактически контролировалась членами Интернационала, неоякобинцами и бланкистами. Многие клубы имели политическую программу, руководящее бюро (президиум), более или менее постоянный состав участников. В ряде случаев клубы превращались в закрытые организации, не допускавшие в свой состав лиц, не согласных с их программой. В программе клуба Батиньоля в XVII округе, председателем которого был бланкист Вильнев, значилось, что «революция—это война против роялистов, немецких или французских, война против эксплуатации человека человеком». Члены клуба обязывались продолжать борьбу до тех пор, «пока не будут уничтожены учреждения, служащие орудием угнетения и опорой для существующего общественного строя». Клуб заявлял, что он «признает только истинное знамя народа, красное знамя»²².

В Париже регулярно происходили также публичные собрания, организуемые комитетами бдительности и другими организациями. Некоторые из них были очень многочисленными. Так, на собрании в Бельвиле 9 октября присутствовало около 2 тыс. человек, а 26 сентября—около 3 тыс.

Комитеты бдительности, созданные по инициативе масс, не только осуществляли надзор за деятельностью властей, но подчас и подменяли их. Программа действий этих комитетов была широка и разнообразна. В основном они занимались вопросами продовольственного снабжения и распределения оружия. Иногда комитеты брали на себя и полицейские функции: обыскивали и арестовывали монархистов. Они посылали в полицейские участки комиссаров, а те пытались отстранить полицейских чиновников и занять их места. Комитеты сохраняли постоянную связь с избирателями и отчитывались перед ними в своих действиях. Массовые организации парижских трудящихся периода осады были для народных масс школой политической борьбы, подготовившей Парижскую Коммуну.

Выборы командиров национальной гвардии продолжались и после начала осады, по мере организации новых батальонов в атмосфере острой борьбы и прямого вмешательства прави-

²¹ E. Quinet. Le siège de Paris et la défense nationale. Paris, 1871, p. 87.

²² «Le Rappel», 14.X 1870.

тельства. Так, в 159-м батальоне власти дважды объявляли недействительным избрание бланкиста Гранже, и лишь после того, как батальон в третий раз избрал Гранже своим командиром, были вынуждены утвердить это избрание.

Не сумев помешать выборам левых командиров, правительство принялось их преследовать. Одни командиры предавались военному суду, другие подвергались жесточайшей травле. Правительству удалось отстранить от командования батальоном Бланки. Вынужден был выйти в отставку Варлен. Безуспешными оказались, однако, пронски против Эда, Левро, Лакамбра, Жаклара, Гранже, Флуранса, Мильера и некоторых других.

В октябре начало сказываться полевание основной массы национальных гвардейцев. Росла роль выборных комитетов национальной гвардии, так называемых семейных советов, помогавших командирам и вместе с тем контролировавших их деятельность. Во многих батальонах эти советы становились органами борьбы против реакционных офицеров и опорой передовых командиров.

По свидетельству одного офицера, в каждом батальоне и почти в каждой роте были две власти — власть семейных советов, состоявших зачастую из рядовых гвардейцев, и власть избранных офицеров. Члены семейных советов, по его словам, претендовали на руководство батальоном и заставляли офицеров отчитываться перед ними ²³.

Некоторые батальоны национальной гвардии заявили, что хотят принять участие в боевых действиях в полном составе, сохраняя свою организацию. Правительство этого не разрешило. «Реакционеры,— справедливо писал Бланки,— боятся революции больше, чем Вильгельма и Бисмарка. 250 тыс. национальных гвардейцев предместий могут стать революционной армией. Вот почему не желают, чтобы они вообще стали армией» ²⁴. Со своей стороны, убедившись в действительной сущности правительства, газета неоякобинцев писала: «Зловещее предчувствие охватывает нас. Кровь потечет. Гражданская война последует за войной с чужеземным завоевателем. Национальная гвардия, не желая разоружаться, будет сражаться на улицах Парижа против буржуазной Франции, которая попытается ее разоружить» ²⁵.

Массовые организации трудящихся Парижа в период осады, вытесняя порой органы управления, таили в себе зачатки новой народной власти. Лозунгом, выразившим стремление парижских трудящихся к созданию новой власти, постепенно стало требование создания Ксммуны.

²³ «La Patrie en danger», 3.XII 1870.

²⁴ «La Patrie en danger», 4.X 1870.

²⁵ «Le Combat», 8.X 1870.

Коммуна понималась трудящимися Парижа как городское самоуправление. С начала осады вопрос о муниципальных выборах не сходил с повестки дня.

20 сентября на собрании 230 делегатов комитетов бдительности, обсудивших их программные требования, все пункты были приняты единогласно и только пункт о Коммуне — большинством голосов. На заседании клуба «Отечество в опасности» 21 сентября ораторы, требовавшие смещения правительства, высказались против выборов в Коммуну. Такие выборы, говорил один из них, «ослабят революционные комитеты». Присутствовавшие на собрании члены Центрального комитета 20 округов, напротив, выступили за выборы, так как Центральный комитет 20 округов считал невозможным «принять насильственные меры против правительства»²⁶. Бланки заявил, что, по его мнению, «лучше всего сохранить статус-кво», т. е. не избирать Коммуну.

Манифестации 20—22 сентября были вызваны слухами о переговорах правительства с Бисмарком и декретами правительства о выборах в Национальное собрание и о муниципальных выборах. Назначение выборов в Национальное собрание на 2 октября привело к открытому разрыву бланкистов с правительством. «Временное правительство... — писал Бланки 19 сентября, — больше боится революции, чем Пруссии»²⁷. А на следующий день Бланки заявил, что, «ускорив выборы в Учредительное собрание, правительство фактически подает в отставку». Поэтому он предлагал заменить правительство военной диктатурой — правительством из девяти лиц, избранных вооруженными силами Парижа²⁸.

Разногласия помешали революционным кругам выставить единые требования во время манифестаций 20—22 сентября. Но эти манифестации вынудили правительство отложить выборы в Национальное собрание. Пользуясь тем, что не все руководители движения заняли четкую позицию в вопросе о выборах в Коммуну, оно отменило и декрет об этих выборах. Отказ правительства от проведения муниципальных выборов возмутил демократическую общественность. На народных собраниях, в клубах, в левой печати выдвигались предложения провести выборы в Коммуну явочным путем. Теперь требование Коммуны единодушно отстаивалось всем революционным лагерем, 25—26 сентября в Париже состоялись новые манифестации под лозунгом выборов в Коммуну.

Правительство было вынуждено заявить, что речь идет лишь о временной отсрочке выборов, и предложило приступить к составлению списков избирателей.

²⁶ «La Patrie en danger», 24.IX 1870.

²⁷ О. Бланки. Избр. произв. М., 1952, стр. 291.

²⁸ «La Patrie en danger», 20.IX 1870.

Правые круги Парижа боялись Коммуны. Разжигая страхи обывателей, монархисты изображали Коммуну царством террора. Левые, писала одна монархистская газета, хотят «замеснить цезаризм терроризмом и навязать Парижу тиранию революционной Коммуны»²⁹.

Но тяжесть положения толкала демократические и патристические элементы мелкой и даже средней буржуазии на сторону рабочих. Именно с лозунга Коммуны и началось их сплочение вокруг пролетариата. Показательна в этом отношении позиция «Le Rappel», выступившей за муниципальные выборы. Газета считала, что Коммуна будет муниципальным советом, который займется вопросами обороны и в котором правительство «должно видеть не соперника, а опору». Коммуна оградит правительство от недовольства слева. С ее созданием нападки на правительство станут невозможны, ибо установится единство всех группировок республиканской партии. Полнота власти должна остаться в руках правительства, а для этого правительство должно возглавить движение за Коммуну, подчинив себе это движение. Газета предлагала провести выборы в Коммуну по единому списку. Первыми в нем должны были стоять имена членов правительства, за ними имена «представителей народа, срок полномочий которых еще не истек», депутатов 1848 г.: Л. Блана, В. Гюго, А. Ледро-Роллена, Ф. Пиа, Э. Кинэ, В. Шёльхера³⁰. Радикально-буржуазные элементы стремились, таким образом, создать Коммуну из людей 1848 г. и 4 сентября и с ее помощью примирить народные массы с буржуазным правительством.

Позиция неоякобинской газеты «Le Réveil» была близка к позиции «Le Rappel». «Le Réveil» подчеркивала, что «Коммуна будет естественным посредником между Парижем и правительством». Но в отличие от «Le Rappel» эта газета первое время поддерживала идею проведения выборов в Коммуну явочным порядком³¹. Неоякобинская газета «Le Combat», редактором которой был Ф. Пиа, не уставала повторять, что противоречий между правительством и Коммуной не существует, но что отношения между ними будут зависеть от политики правительства. Если оно согласится на создание Коммуны, между ними возникнет единство. Если нет, Коммуна будет создана вопреки правительству и, возможно, заменит его³². В союзе правительства и Коммуны газета видела гарантию не только против реакции, но и против... «анархии»! «Le Combat» не ограничивала деятельность Коммуны муниципальными рамками. Она должна выполнять и

²⁹ См. «Le Combat», 6.X 1870.

³⁰ «Le Rappel», 26.IX; 1, 5, 9.X 1870.

³¹ «Le Réveil», 23, 27, 28, 29.IX; 7.X 1870.

³² «Le Combat», 23, 25.IX 1870.

общегосударственные задачи. Она «декретирует победу и революцию, изгонит немцев и реакционеров... и призвет все народы освободиться от королей и аристократов, провозгласив Всемирную республику», — утверждал неоякобинец Гастино. Ф. Пиа же, расширяя сферу ее деятельности, писал, что «она призвет к себе, на время войны, представителей 12 наиболее крупных городов Франции»³³.

Хотя представления неоякобинцев о Коммуне были непоследовательными, требование Коммуны все же объединяло мелкую буржуазию с рабочими, а то, что неоякобинцы в какой-то степени рассматривали Коммуну как общегосударственную власть, подготовляло их сотрудничество с бланкистами после 18 марта 1871 г.

Центральный комитет 20 округов, где преобладали прудонисты, отводил Коммуне чисто муниципальные функции.

Но Коммуна имеет право сопротивляться государственной власти, если та посягнет на свободы Парижа. «Муниципальная жизнь города абсолютно самостоятельна... Государство, или нация, — это только объединение коммун», — гласило воззвание³⁴.

Значительно дальше в понимании Коммуны шли бланкисты, которые видели в ней орган борьбы против правительства. «Коммуна, — говорил бланкист Брейе, — это Париж, защищающий сам себя и изгоняющий немцев из страны, это — революция, которая бросает в дрожь деспотов и низвергает троны, это — спасение Франции и республики, это — пролетариат, освобожденный от капитала. Парижская Коммуна — это ужас для трусов, изменников и реакционеров!»³⁵ Такое определение Коммуны показывает, как переплеталась в сознании бланкистов задача социального освобождения трудящихся с обеспечением независимости Франции и упрочением в ней республиканского строя.

Наиболее передовая часть трудящихся представляла себе Коммуну именно как пролетарский орган власти. На это указывает, в частности, предложение одного из членов Центрального комитета 20 округов, относящееся к октябрю 1870 г.: «Из кого должна состоять Парижская Коммуна? — Из адвокатов? — Нет. Из буржуа? — Нет. Парижская Коммуна должна в основном состоять только из тружеников разного рода, признанных революционеров и социалистов»³⁶. Бланкисты призывали национальную гвардию образовать Коммуну революционным путем: «Пусть каждый батальон, — писал Тридон, — каждая республиканская рота... решительно марширует к урнам». Коммуна возъ-

³³ «Le Combat», 8, 21.X 1870.

³⁴ «La Patrie en danger», 9.X 1870.

³⁵ «La Patrie en danger», 10.X 1870.

³⁶ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 62.

мет руководство делами в свои руки, и тогда, «если мятежники из Ратуши осмелятся угрожать, революция сама решит, как ей поступить с ними»³⁷.

5 октября состоялось выступление пяти бельвилльских батальонов национальной гвардии во главе с их командиром Флурансом. Это выступление не было задумано как антиправительственное. Флуранс накануне просил Э. Араго «предупредить наших друзей из правительства» о том, что он, Флуранс, прибудет со своим батальоном в Ратушу. 10 тыс. вооруженных бельвилльцев пришли строевым порядком на площадь перед Ратушей. Флуранс и другие делегаты были приняты правительством. Они потребовали активизации военных действий и проведения немедленных выборов в Коммуну. Члены правительства отклонили эти требования. В тот же вечер состоялось собрание мэров округов и их заместителей. После горячих споров они решили поддержать требование немедленных выборов в Коммуну.

7 октября правительство приняло решение об отсрочке муниципальных выборов в Париже до конца осады и о воспреещении национальной гвардии участвовать в манифестациях. Центральный комитет 20 округов еще до того обсуждал вопрос о проведении выборов в Коммуну явочным порядком. В воззвании, опубликованном им 5 октября, он призывал народ готовиться к таким выборам. Решения правительства заставили Центральный комитет 20 округов действовать. Было решено провести 8 октября демонстрацию, чтобы добиться от правительства выборов в Коммуну. Поспешность в организации демонстрации привела к путанице. Революционные газеты назначили сбор национальной гвардии в разных местах и в разное время.

Все же многие демократически настроенные батальоны национальной гвардии собрались на площадь Ратуши в назначенный час. Но когда демонстранты подошли к Ратуше, там уже находились верные правительству батальоны национальной гвардии. Через подземный ход в здание Ратуши были введены отряды бретонской мобильной гвардии. Из буржуазных кварталов спешили хорошо вооруженные буржуазные батальоны национальной гвардии. В то время как одни батальоны кричали: «Да здравствует Коммуна!», другие отвечали: «Да здравствует республика!»

Под охраной мобилей и буржуазных батальонов правительство приняло делегацию Центрального комитета 20 округов, но требования делегации были отклонены.

После событий 8 октября правительство открыто повернуло вправо. Даже Рошфор, которого многие левые все еще считали своим, публично заявил о своей солидарности с остальными

³⁷ «La Patrie en danger», 10.X 1870.

ми членами правительства. 10 октября правительство приняло решение об аресте Бланки и Флуранса. Но арестовать их полиция не смогла. Бланки и Флуранс продолжали свою деятельность под охраной национальной гвардии.

В революционном лагере в первые дни после 8 октября чувствовалась некоторая растерянность. Ф. Пиа, отмежевываясь от демонстрантов, писал в «Le Combat», что он всегда был против вооруженных выступлений и что Коммуну надо «требовать петициями»³⁸. Центральный комитет 20 округов на долгое время умолк.

Постепенно, однако, демократические круги оправились от растерянности и предприняли попытки преодолеть распыленность революционных сил.

Были предприняты и попытки реорганизации парижских секций Интернационала. Секция Пантеона 13 октября сообщила о своей реорганизации и призвала другие секции последовать ее примеру. Она выделила 8 человек для установления связей с другими секциями. Через несколько дней появилось объявление, приглашавшее делегатов Федерального совета собраться 18 октября «для восстановления парижских секций». Сообщалось о предстоящем выходе в свет газеты Интернационала³⁹. О. Серрайн сообщал впоследствии, что после 8 октября он пытался созвать заседание Федерального совета Интернационала для подготовки демонстрации, но в Федеральном совете ему ответили, что Совет не может втягивать Интернационал в политику⁴⁰.

Попытки объединить революционные силы оказались неудачными. Сказалось отсутствие пролетарской партии, которая одна могла объединить народные массы и направить их усилия в общее русло.

ВОССТАНИЕ 31 ОКТЯБРЯ

С каждой неделей осады продовольственное положение все ухудшалось. Тяжелое впечатление произвело в Париже известие о падении Шатодёна. Рабочее население этого города стойко отражало натиск неприятельских войск. Он был захвачен 18 октября дивизией прусских войск численностью в 12 тыс. человек (при 24 пушках), после героического сопротивления защищавших город 1200 франтирёров⁴¹. В национальной гвардии резко усилилось недовольство политикой правительства, брожение усилилось также в регулярных воинских частях. В то же время го-

³⁸ «Le Combat», 20.X 1870.

³⁹ «La Patrie en danger», 20.X 1870.

⁴⁰ «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871». Протоколы. М., 1965, стр. 94.

⁴¹ М. Шури. Париж был предан. Истоки Парижской Коммуны. М., 1961, стр. 131.

товился, по некоторым данным, и реакционный заговор. В такой обстановке 27 октября в «Le Combat» появилось сообщение о переговорах Базена с немцами относительно сдачи Меца. Правительство, зная о переговорах, 28 октября опровергло сообщение «Le Combat», которое было охарактеризовано им как «гнушеное» и «вымышленное». В тот же день помещение «Le Combat» было разгромлено группой реакционных гвардейцев.

В ночь на 28 октября парижские войска освободили деревню Ле-Бурже. Это был первый военный успех, достигнутый защитниками Парижа с начала осады.

Освобождение Ле-Бурже вызвало энтузиазм парижан. Но вечером 30 октября Париж с возмущением и горечью узнал, что Ле-Бурже, защитников которого Трошю оставил без продовольствия и снарядов, вновь в руках врага, начали распространяться слухи о падении Меца.

Правительство готовило капитуляцию Парижа. 30 октября вечером на его заседании, с участием только что возвратившегося из поездки по Европе Тьера, было принято решение немедленно возобновить переговоры о перемирии. Было также решено опубликовать сообщение о капитуляции Меца, утрате Ле-Бурже и переговорах о перемирии. Это сообщение появилось утром 31 октября.

В городе поднималась волна народного гнева. Революционные круги чувствовали приближение нового народного выступления, но ничего не делали для его подготовки. 30 октября на совещании, в котором участвовали видные революционные деятели, было решено... «собраться снова»⁴². Но события не ждали. Восстание вспыхнуло стихийно.

Решающие события разыгрались в Ратуше и вокруг нее. Сначала люди на площади представляли собой беспорядочную толпу, которая вела себя хотя и шумно, но не враждебно по отношению к правительству. К 12 часам дня на площади было уже 2—3 тыс. человек. Начали прибывать сначала невооруженные, а вскоре и вооруженные отряды национальной гвардии, которые вносили элемент организованности в бушующую толпу. Настроение становилось все более враждебным правительству. В начале первого часа собравшиеся взломали калитку на улице Риволи и начали проникать в Ратушу.

Трошю приказал двинуть к Ратуше буржуазные батальоны национальной гвардии, но они наотрез отказались выступить. Тогда члены правительства отправились в Ратушу. В это время на площади было уже 7—8 тыс. человек. Многие помещения Ратуши были заполнены народом, требовали Коммуны.

В Ратуше шло созванное утром Э. Араго совещание мэров. После горячих прений была принята резолюция, назначавшая «в самом скором будущем» муниципальные выборы в Париже.

⁴² E. May. La journée de 31 octobre 1870.—«L'Humanité», 31.X 1913.

Спешно размножив текст этой резолюции, участники совещания мэров разбросали большое число ее экземпляров через окна на площадь. После этого отдельные лица и даже некоторые отряды национальной гвардии начали покидать площадь, разнося по городу слух о предстоящих муниципальных выборах. Но массы уже не могла удовлетворить перспектива муниципальных выборов. Движение переросло в народное восстание. Народ начинал борьбу за замену правительства Коммуной.

На площадь стекались все новые батальоны национальной гвардии из рабочих предместий. Некоторые из них несли огромные транспаранты с революционными лозунгами. На красном транспаранте 186-го бельвилского батальона большими буквами было написано: «Да здравствует Коммуна!» Массы восторженно подхватили этот лозунг.

31 октября особенно ясно сказалась неподготовленность революционного лагеря Парижа. Только около часа дня открылось на Ла Кордери расширенное заседание Центрального комитета 20 округов. На нем присутствовало несколько сот человек, но не было многих видных революционеров: Бланки, Флуранса, Делеклюза и др. По предложению Лефрансэ и Мильера было решено отправиться в Ратушу, низложить правительство и образовать временную комиссию для проведения выборов в Коммуну. Участники совещания прибыли к Ратуше в 2 часа. В начале четвертого часа мобильная гвардия, охранявшая главный вход, была смята. К четырем часам дня Ратуша была захвачена восставшим народом. И только тогда (или немного раньше) в Ратуше появились первые революционные деятели.

Пиа и Делеклюз появились у Ратуши около четырех часов дня. Примерно тогда же прибыл во главе 500 вооруженных стрелков Флуранс. Бланки прибыл к Ратуше только в седьмом часу, вместе с некоторыми частями национальной гвардии, возглавляемыми бланкистами.

Все это время движение оставалось неорганизованным. Площадь Ратуши напоминала бурлящее море. Сама Ратуша была так запружена людьми, что Флуранс и Бланки, находясь в течение нескольких часов в почти смежных помещениях, не знали о присутствии друг друга. Части национальной гвардии все время приходили на площадь, выстраивались, уходили. Народ беспрерывно менялся. Рабочие преобладали на площади и особенно внутри здания. Стихийно возникали митинги, на которых обсуждались списки членов нового правительства. Из членов правительства в них фигурировал один Дориан. Часто встречались имена республиканцев 1848 г. — Ледрю-Роллена, Л. Блана, но преобладали революционеры 1870 г. — Бланки, Флуранс, Делеклюз, Пиа, Мильер. Кандидатуры обсуждались страстно. Из описания одного митинга мы узнаем, что его участники требовали включить в новое правительство людей из народа.

Некоторые кандидатуры были отклонены. «Они аристократы», — слышались возгласы. Составленный наконец список был переписан во множестве экземпляров, и листы бумаги из окна выброшены на площадь, где имена избранных были встречены аплодисментами.

Важно подчеркнуть, что на митингах шла речь об избрании правительства, а не муниципалитета. Во многих вечерних газетах Парижа 31 октября эти списки были опубликованы именно как списки нового правительства. На тех же импровизированных митингах оживленно обсуждались состав, цели, деятельность Коммуны. Массы считали, что новое правительство возглавит и создаст Коммуну или же что оно само составит Коммуну.

Итак, массы, занявшие Ратушу, боролись за революционную власть, за Коммуну. В пятом часу дня красные знамена появились в окнах Ратуши, алые знамена реяли над многими колоннами, прибывшими на площадь. Э. Гонкур красочно описывает, с какой радостью рабочие в Ратуше встретили сообщение об образовании Коммуны с участием Бланки и Флуранса. «Теперь дело пойдет на лад!» — возбужденно воскликнул один рабочий. А другие начали обсуждать вопрос о разделе имущества богачей⁴³. С Коммуной связывались смутные мечты о социалистических преобразованиях. «Кто спасет Францию? — говорил неизвестный оратор в Ратуше. — Только демократическая и социальная республика! Одни вы, рабочие и ремесленники, умеющие трудиться, сумеете победить»⁴⁴.

Вместе с тем давала себя знать и недостаточная политическая зрелость трудящихся Парижа. Избрав новое правительство из лиц, ни одно из которых не присутствовало в Ратуше при составлении списков, многие считали свою задачу выполненной. Они спокойно разошлись по домам и клубам и разнесли по городу весть об одержанной победе.

А революционные деятели, в том числе те, кто был включен в новое правительство, и после своего появления в Ратуше не сумели мобилизовать массы на дальнейшую борьбу.

Рабочие буквально на руках внесли в зал Ф. Пиа и Делеклюза как членов нового правительства. Но они заявили, что не намерены войти в правительство. Они призывали ожидать исхода выборов, обещанных правительством. «Не надо никакой другой диктатуры, кроме власти народа», — высокопарно изрек Ф. Пиа. Вскоре после этого он удалился. Делеклюз же активно участвовал в дальнейших событиях, но старался примирить составших с правительством⁴⁵.

⁴³ «Journal des Goncourt», Sér. 2, t. 1, 1861—1870. Paris, 1890, p. 104—105.

⁴⁴ «Le Gaulois». Réimpression, p. 181.

⁴⁵ «Le Combat», 2, 3, 5.XI 1870.

К такому примирению стремились и многие прудонисты. Верморель не одобрял захвата Ратуши. В Ратуше он искал способ «протянуть руку помощи глупцам из правительства». Чтобы не допустить образования правительства крайних революционеров, вроде Бланки и Флуранса, Верморель уговаривал Дориана взять власть в свои руки, агитировал за то, чтобы правительство Трошю, присоединив к себе трех деятелей демократического лагеря, сохранило свои полномочия на 48 часов и провело муниципальные выборы. Лефрансэ, оказавшись в третьем часу в зале, где находилось правительство, торжественно провозгласил его низложение и предложил составить комиссию для организации выборов Парижской Коммуны. Но после этого он потратил несколько драгоценных часов, тщетно уговаривая Дориана возглавить эту комиссию и требуя от низложенного им же правительства подать в отставку.

Прибывший в Ратушу Флуранс провозгласил создание Комитета общественного спасения. Лефрансэ, стремившийся придать событиям «легальный» характер, в знак протеста покинул здание. Объясняя позднее свои действия, Лефрансэ подчеркивал, что создание Комитета общественного спасения являлось «новым подтверждением рокового принципа единоличной, авторитарной власти», в то время как Коммуна должна быть «обращением ко всему народу». Он обвинял Флуранса в желании «сменить одну диктатуру другой»⁴⁶.

Бланкисты и в самом деле пытались 31 октября установить революционную диктатуру. Флуранс признал позднее, что задуманный им Комитет общественного спасения должен был играть роль временной власти⁴⁷. По приказу Флуранса бельвильские стрелки взяли под стражу членов свергнутого правительства, частично очистили зал от посторонних и отправились охранять вход в Ратушу. После этого Флуранс разослал по мэриям и Национальную типографию экземпляры своего обращения к населению Парижа (оно не было напечатано, и текст его не сохранился).

Но члены вновь созданного Комитета общественного спасения, которым Флуранс разослал уведомления об их избрании, долго не являлись, и действия Флуранса начали терять решительность и целеустремленность. Сказалось отсутствие плана и программы. Национальные гвардейцы требовали отправки задержанных членов правительства в тюрьму. Начались пререкания. Флуранс говорил, что он головой отвечает за жизнь задержанных и призывал дожидаться прихода Бланки и других членов Комитета.

⁴⁶ G. Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871. Neuchâtel 1871, p. 97—98; *idem*. Souvenirs d'un révolutionnaire. Bruxelles, 1902, p. 421—429.

⁴⁷ G. Flourens. Paris livré, p. 140.

В это же время в другом зале Ратуши Бланки начинает действовать. Он так же, как и Флуранс, пишет приказ начальникам всех фортов следить за передвижениями немецких войск и не допустить, чтобы враг узнал о происходящем в городе. Примерно 20 командирам батальонов национальной гвардии Бланки послал приказ привести свои части к Ратуше, а батальонам, уже находившимся на площади, — охранять здание муниципалитета. Части национальной гвардии были направлены в город, чтобы занять префектуру полиции и Национальную типографию. Несколько революционно настроенных граждан получили приказ сменить мэров в трех-четыре округах.

Бланки приступил к организации власти, не ожидая выборов в Коммуну. Он составил текст декрета о созыве временной муниципальной комиссии из 120 человек и об образовании чрезвычайной комиссии из 20 членов и Комитета общественного спасения — из пяти. Первые два органа включали в себя представителей различных групп республиканского лагеря. В муниципальную комиссию наряду со многими социалистами должны были войти такие деятели, как Дориан, Клемансо, Ледрю-Роллен, Л. Блан, Кинэ, В. Гюго. Намеченный Бланки состав чрезвычайной комиссии в общем совпадал со списками нового правительства, а Комитет общественного спасения должен был, по его замыслу, иметь однородный состав; в него были включены Делеклюз, Бланки, Мильер, Ранвье и Флуранс.

«Временное правительство низложено, перемирие отвергнуто, поголовное вооружение декретировано. Выборы в Коммуну состоятся в течение 48 часов», — говорилось в написанной Бланки прокламации к населению⁴⁸.

Пийо, снабженный письменным приказом Бланки, без труда овладел мэрией I округа, мэр, уверенный в том, что у власти стоит новое правительство, не оказал сопротивления. Попытки занять префектуру полиции и другие учреждения окончились неудачей.

Бланки не сумел сконцентрировать в Ратуше и вокруг нее все революционные батальоны национальной гвардии. «Постепенно, — писал впоследствии Да Коста, — батальоны, охранявшие внешние подступы к Ратуше, удалились, считая, что опасность миновала»⁴⁹. Задача смены правительства как будто была решена, новые задачи не были поставлены перед массами, многие трудящиеся успокоились на достигнутом и прекратили борьбу.

Бланкисты не сумели использовать широкое народное выступление, захватив власть, они не выдвинули никакой соци-

⁴⁸ «L'Humanité», 31.X 1913.

⁴⁹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. 3. Paris, 1904, p. 340—341.

альной программы. Позднее Бланки признал классовый характер восстания 31 октября⁵⁰. Но в день восстания он не уделил внимания классовым требованиям трудящихся.

31 октября обнаружилась и слабость бланкистской организации. Бланки, писал Да Коста, — «чувствовал, что не держит сейчас в руках бланкистскую организацию, распыленную за время осады. Бланкисты не соблюдали свою обычную дисциплину. Те из них, кто участвовал в восстании, действовали индивидуально, без приказа»⁵¹. Заговорщическая организация, оторванная от народа, в условиях подполья могла сохранять еще свою сплоченность. Но во время революционных бурь, не найдя пути к народным массам, она рисковала своим существованием.

Только в 11 часов вечера собралось новое правительство в составе Бланки, Флуранса, Ранвье, Делеклюза, Мильера и Мотью. За исключением последнего, это были те самые лица, которых Бланки наметил в состав Комитета общественного спасения. К этому времени «толпа, долго находившаяся на площади, постепенно рассеялась по причине дождя, голода, усталости, а также уверенности, что одержана победа»⁵². В самой Ратуше тоже стало меньше народу. Революционные батальоны, остававшиеся в Ратуше, теперь никого не впускали и не выпускали без пропуска.

К 11 часам вечера Ратуша была полностью в руках восставших и среди частей национальной гвардии, находившихся в здании, установилась относительная дисциплина. Но к этому моменту против восставших были уже двинуты вооруженные силы контрреволюции.

Генерал Дюкро, узнав о восстании, снял с фронта свои войска и повел их в Париж, он намеревался потопить восстание в крови, но, не будучи уверен в поддержке своих войск, двигался медленно.

Трошю, бежав из Ратуши, обосновался в Лувре, где вскоре к нему присоединились Ферри и Пикар, генералы Дюкро, Винуа, реакционные офицеры армии и национальной гвардии. Среди них царили разброд и растерянность, колебания и споры. Поздно ночью, когда выяснилось, что в настроении буржуазных батальонов национальной гвардии наступил перелом в пользу правительства, Трошю решил действовать.

Многие регулярные части и отряды мобильной гвардии были сняты с укреплений и двинуты против Ратуши, что создало серьезную угрозу захвата Парижа немецкими войсками. В 12 часов ночи бретонцы получили приказ выступить.

⁵⁰ «La Patrie en danger», 9.XI 1870.

⁵¹ G. Da Costa. La Commune vécue, p. 337.

⁵² G. Flourens. Paris livré, p. 149.

Около 11 часов вечера было распространено воззвание, составленное Этсьеном Араго, Дорианом и Шёльхером.

В нем говорилось, что на основании решения совещания мэров и ввиду событий этого дня, вызвавших «срочную необходимость в образовании муниципального совета, вокруг которого могут объединиться все республиканцы», на 1 ноября назначаются муниципальные выборы. Проведение выборов поручается окружным мэрам, охрана свободы выборов — национальной гвардии. Воззвание встретило сочувственный отклик у колебавшихся частей национальной гвардии и отвлекло их от поддержки восстания. Делеклюз встретился с Дорианом.

Внутри Ратуши число вооруженных национальных гвардейцев резко сократилось: многие ушли. Но оставшиеся были готовы с оружием в руках защищать новую власть. Здесь происходило совещание членов нового правительства (Временной комиссии). Единства не было. Делеклюз доложил, что Дориан гарантирует проведение выборов в Коммуну 1 ноября и выборов правительства 2 ноября. Сначала только Делеклюз и Мильер были за это соглашение. Мильер считал, что «цель борьбы достигнута» и что восставшие получили больше, чем ожидали, так как они «просили муниципальный совет, а им дали Коммуну»⁵³. Взгляды Делеклюза и Мильера были изложены в проекте декларации, где говорилось: «...нижеподписавшиеся... в интересах отечества, находящегося в опасности, и желая избежать конфликта, который может стать кровопролитным... будут ожидать результата завтрашних выборов»⁵⁴. Бланки предложил свой проект резолюции, где предусматривалось, что именно Временная комиссия проведет выборы в Коммуну и передаст ей затем свои полномочия. Но проект Бланки не нашел поддержки, и он согласился с проектом Делеклюза. Этот проект и был с незначительными поправками принят.

Члены нового правительства отправились к Дориану и заключили с ним соглашение, состоящее из трех пунктов:

1. Выборы Коммуны произойдут 1 ноября.
2. Выборы членов правительства состоятся 2 ноября.
3. Оба правительства, находящиеся в Ратуше, будут мирно распущены. Никаких репрессий и преследований за действия 31 октября не будет⁵⁵.

Это соглашение было предложено членам правительства, содержавшимся под арестом. Они приняли его так же, как и Ферри, проникший в это время в Ратушу во главе правительственных войск.

⁵³ «Enquête parlementaire sur les actes du Gouvernement de la défense nationale» (далее — «Actes...»), t. I—VII. Paris. 1872—1876, t. VII, p. 132.

⁵⁴ «L'Humanité», 1.II 1913.

⁵⁵ «L'Humanité», 1.XI 1913.

Переговоры о соглашении продолжались несколько часов. За это время положение восставших ухудшилось. Через подземный ход в половине второго ночи в Ратушу проникли отряды бретонцев, там могло в любой момент начаться кровопролитие, исход которого был бы далеко не ясен. Положение в лагере повстанцев отнюдь не было безнадежным, а у офицеров правительственного лагеря отнюдь не было уверенности в преданности частей, которыми они командовали. Ферри, по его собственному признанию, боялся открыть огонь по восставшим⁵⁶. Он страшился не отрядов восставших, находившихся в Ратуше, а тех многочисленных батальонов предместьев, которые разошлись по домам, но могли в любой момент вернуться.

Обе стороны по разным мотивам не хотели гражданской войны. В конце концов сошлись на приведенных выше трех пунктах, и в 4 часа ночи все вместе мирно покинули Ратушу. Бланки, Флуранс и генерал Тамизье вышли, держа друг друга под руку. Этот совместный выход из Ратуши был заранее предусмотрен как знак примирения.

Многие революционеры этим ранним утром 1 ноября 1870 г. были уверены в том, что одержали победу. «Мы были горды и счастливы,— писал Э. Мэ,— что без гражданской войны, без пролития французской крови сумели добиться выборов в Коммуну!»⁵⁷ В действительности народные массы были обмануты. Уже на следующий день правительство отказалось от проведения выборов в Коммуну и от выборов членов правительства. Начались преследования участников восстания.

31 октября 1870 г. революционный лагерь Парижа пытался захватить власть. Это не было авантюрой. Ж. Ферри признал, что восстание могло одержать победу, «если бы люди 31 октября имели заранее согласованный план, если бы они действовали соответственно этому плану... если бы они выполнили свои угрозы и застрелили нас... Париж проснулся бы на следующее утро под властью Коммуны»⁵⁸.

Восстание 31 октября было результатом внутреннего развития и обострения борьбы в Париже. Если восстание 31 октября потерпело поражение, то виной тому была слабость революционного лагеря, разрозненность его сил, его разногласия и т. д. Восставших сковывала боязнь гражданской войны перед лицом врага. «Республиканцами владела навязчивая идея, что надо любой ценой избежать кровопролития»,— писала газета бланкистов⁵⁹.

В конце октября 1870 г. борьба за Коммуну велась не толь-

⁵⁶ «Actes...», t. V, p. 138, 410, 444.

⁵⁷ «L'Humanité», l.XI 1913.

⁵⁸ «Actes...», t. V, p. 197.

⁵⁹ «La Patrie en danger», 7.XI 1870.

ко в Париже, но и в некоторых других крупных городах Франции. Победа восстания в столице могла привести к установлению революционной власти во всей стране. Война приобрела бы в этом случае подлинно революционный характер. Она превратилась бы, как писал Маркс, «в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоеваний и контрреволюции»⁶⁰.

Утром 1 ноября правительство отменило коммунальные выборы, назначило на 3 ноября плебисцит и приняло решение об аресте участников восстания, вероломно нарушив свои обещания. Даже Дориан, подпись которого стояла под декретом о выборах в Коммуну, примирился. Из всего состава правительства подал в отставку один Рошфор. Не желая «нарушить данное им честное слово», сложил с себя звание главнокомандующего национальной гвардии генерал Тамизье, который был заменен палачом июньского восстания 1848 г. генералом Клеман-Томом.

В правительстве усилилось влияние крайне правых, его заседания были перенесены из Ратуши в Лувр, где правительство считало себя в большей безопасности.

Плебисцит 3 ноября происходил в обстановке поднимающейся волны реакции и растерянности левых сил после понесенного ими поражения. На голосование был поставлен вопрос: «Подтверждает ли население полномочия правительства?» Расчет был на то, что избиратели ответят «да» из боязни, что отрицательный ответ будет истолкован как отрицание республики.

Центральный комитет 20 округов выступил с воззванием, в котором разъяснял, что ответить 3 ноября «нет», значит голосовать за «почетный мир, за Коммуну, против капитуляции и расчленения Франции»⁶¹. Все же вопрос дезориентировал многих. Только газеты «La Patrie en danger», «Le Combat», «Le Réveil», «La Tribune» призывали ответить «нет». Голосование было организовано согласно традициям наполеоновских плебисцитов. Отмечено много случаев искажения итогов голосования и давления на избирателей.

В результате в пользу правительства высказались почти 560 тыс. избирателей, против — 63 тыс.

1 ноября начались переговоры Тьера с Бисмарком. Бисмарк искусно играл на страхе Тьера перед французским народом. Пугая его возможностью новых народных выступлений, он грозил, что заключит мир с членом какой-либо прежде царствовавшей во Франции династии, если правительство Трошию не пойдет на уступки⁶². Он не мог, однако, скрыть, что народные

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 541.

⁶¹ «La Patrie en danger», 4.XI 1870

⁶² «Le Combat», 10.XI 1870; «La Guerre illustrée», 7.XII 1870, p. 309; «Le Rap-pel», 8.XI 1870.

выступления пугали его самого. «Король боится, что примирение станет теперь невозможным», — с тревогой говорил он Тьеру⁶³. Но когда выяснилось, что восстание подавлено, Бисмарк потребовал дальнейших уступок. Он соглашался допустить ввоз продовольствия в блокированный Париж лишь в случае передачи прусским войскам одного из укреплений столицы. Добиваясь хотя бы косвенного согласия правительства Трошю на отторжение от Франции Эльзаса и Лотарингии, Бисмарк требовал, чтобы в отличие от других областей Франции эти две области послали в Собрание не депутатов, а назначенных французским правительством нотаблей.

Тьер готов был принять любые условия: заключить мир, не ожидая созыва Национального собрания, или договориться с Бисмарком о выборах в Национальное собрание до заключения перемирия и урегулирования вопроса о снабжении Парижа⁶⁴. Но это означало бы неминуемое падение правительства. По словам самого Тьера, «идея сопротивления полностью овладела большинством населения Парижа, и было ясно, что мир можно будет заключить лишь позднее»⁶⁵. 5 ноября правительство решило отклонить предложение Бисмарка.

Известную роль в отказе правительства от предложенных Бисмарком условий перемирия сыграл протест Гамбетты. Вылетев 9 октября на воздушном шаре в Тур, Гамбетта возглавил Турскую делегацию правительства (в состав ее вошли Кремье, Гле-Бизуэн и Фуришон). Объединив в своих руках военное министерство и министерство внутренних дел, Гамбетта и его главный помощник Шарль де Фрейсинэ развили большую активность в организации борьбы. В короткий срок было сформировано 11 новых армейских корпусов общей численностью в 600 тыс. человек и 238 новых артиллерийских батарей. Но эти новые войска состояли из малообученных и плохо вооруженных солдат; к тому же им не хватало опытных командиров. Все же действиям Гамбетты первоначально сопутствовал успех. 9 ноября Луарская армия под командованием генерала д'Ореля де Паладина одержала победу при Кульмье.

С большим мужеством сражались отряды вольных стрелков (франтиреров), которые наносили серьезный ущерб немецким войскам на оккупированной территории.

Важную роль в борьбе играла Вогезская армия, которой командовал герой национально-революционного движения Италии Джузеппе Гарибальди. Эта армия насчитывала 16 тыс. человек и состояла из добровольческих отрядов, сформированных в различных частях Франции, и из отрядов иностранных доб-

⁶³ «Actes...», t. V, p. 7.

⁶⁴ J. Desmarest. La défense nationale 1870—1871. Paris, 1949, p. 236—245.

⁶⁵ «Actes...», t. V, p. 7.

ровольцев — преимущественно итальянцев, участников гарибальдийских походов 60-х годов.

Правительство Трошю спешило закрепить свои позиции при помощи репрессий. Был издан приказ об аресте 23 участников восстания 31 октября. 9-ти из них, в том числе Бланки, Флурансу, Мильеру и Валлесу, удалось скрыться, а 14 (Ф. Пиа, Тридон, Разуа, Ранвье, Лефрансэ, Верморель, Тибальди и др.) были брошены в тюрьму. Многие командиры национальной гвардии были сняты с должностей, в том числе Флуранс, Ранвье, Гупиль, Жаклар, Мильер, Громье, Лонге. Принимались меры для усиления полиции.

Эти меры вызвали бурные протесты трудящихся. Даже некоторые умеренные республиканские газеты увидели в арестах возврат к порядкам Второй империи и большую опасность для республиканского строя⁶⁶.

5 и 6 ноября, в дни первых арестов и смещения командиров национальной гвардии, происходили выборы мэров в округах Парижа, а 7 и 8 ноября — выборы их заместителей. Правительство надеялось, что эти выборы повторят и укрепят результаты плебисцита, но получилось обратное. Как отметила газета «Le Rappel», во время выборов «оппозиция взяла свой первый реванш»⁶⁷.

Мэрами округов были избраны буржуазные радикалы: Тирар, возражавший против отмены выборов в Коммуну; Клемансо, подавший после 31 октября в отставку с поста мэра XVIII округа; Моттю, снятый в октябре правительством с поста мэра II округа за то, что он закрыл конгрегационистские школы и ввел светское образование в своем районе. В рабочих кварталах Ла-Виллет и Бельвиль мэрами были избраны Делеклюз и Ранвье, арестованные за участие в восстании 31 октября; их заместителями — Мильер, Ж. Валлес и скрывшийся Флуранс.

По подсчетам газеты «Le Combat», 5—8 ноября около 150 тыс. человек голосовали за кандидатов оппозиции и около 100 тыс. — за кандидатов правительства. Среди мэров и их заместителей образовалась теперь группа социалистов более чем в десять человек.

*

БОРЬБА В ПАРИЖЕ В КОНЦЕ 1870 Г.

Анализируя 26 ноября 1870 г. ход войны, Энгельс отмечал, что «перспективы Франции значительно улучшились»⁶⁸. Росло партизанское движение в оккупированных районах; в неоккупированных департаментах создавались новые крупные армии. Луар-

⁶⁶ См. выдержки из газет в «La Guerre illustrée», 12.XI 1870.

⁶⁷ «Le Rappel», 7.XI 1870.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 186.

ская армия вступила в оставленный немецкими войсками Орлеан и начала продвигаться по направлению к Парижу.

Вооруженные силы в Париже были реорганизованы в три армии и насчитывали свыше 300 тыс. человек, но правительство боялось вооружать народ. Снаряжение маршевых частей национальной гвардии, предназначенных для участия в боях, шло крайне медленно, до конца года только треть их была полностью вооружена. К участию в боевых операциях национальная гвардия была допущена фактически лишь в последние дни осады.

Всю вторую неделю ноября правительство занималось тем, что искало пути к миру. Трошю понимал, что за мир любой ценой стояли лишь имущие классы⁶⁹. Он считал, что капитуляция будет возможной только после соответствующей подготовки к ней. Поэтому он выступил за ее оттяжку и вместе с тем против активных военных действий. Подготовке общественного мнения к капитуляции должен был служить «план Трошю». План сводился к выжидательной тактике и пассивной обороне, рассчитанной на то, чтобы обескровить национальную гвардию и заставить ее примириться.

Вывозка войск из Парижа в конце ноября провалилась, потерпела поражение и Луарская армия. Неудачи Гамбетты и его сотрудников в провинции в значительной мере объяснялись тем, что члены Турской делегации не поддерживали народной партизанской войны. В департаментах они опирались на старый бюрократический аппарат. Новые армии были поставлены под начало генералов, среди которых был ряд монархистов. К рабочим, к демократическим и социалистическим организациям руководители Турской делегации относились подозрительно, а то и враждебно. 4 декабря французы вновь оставили Орлеан.

6 декабря делегация правительства во главе с Гамбеттой перебралась в Бордо. Здесь были сформированы две новые армии (под командованием генерала Шанзи и генерала Бурбаки), но французские войска продолжали терпеть поражения.

В последние месяцы 1870 г. положение народных масс в Париже продолжало ухудшаться. Зима наступила рано и была очень холодной. Уже 11 ноября выпал снег. К концу месяца температура упала до — 15°. Армия не была подготовлена к холодам. Парижский гарнизон потерял в декабре от морозов больше солдат, чем от германского оружия⁷⁰.

Мерзло и гражданское население. Топлива не хватало, частные квартиры, многие общественные здания остались без отопительного и осветительного газа.

⁶⁹ «Procès-verbaux des séances du Conseil du Gouvernement de la Défense nationale, 4 sept. 1870—16 févr. 1871» (далее — «Procès-verbaux...»), p. 309, 316.

⁷⁰ C. de B. Letters from Paris. 1870—1875. London, 1942, p. 111,

Правительство потворствовало спекулянтам съестными припасами. Продукты, в изобилии появившиеся в магазинах, когда прошел слух о заключении перемирия, были снова припрятаны торговцами, как только стало известно о разрыве переговоров. Были случаи, когда национальные гвардейцы силой заставляли продавать продукты на рынке по умеренным ценам. Иногда дело доходило до настоящих волнений. В некоторых районах Парижа, например в XI округе, мэры угрожали торговцам конфискацией продуктов в случае продажи их по завышенным ценам. В ноябре—декабре по продовольственным карточкам в Париже выдавали только мясо. Норма выдачи его все более снижалась и дошла до 30 г в день. В счет этого пайка отпускали конину и солонину. Хлеб выпекался из муки, которую правительство отпускало булочным. В снабжении населения хлебом были перебои; с середины декабря жители простаивали за хлебом в огромных очередях. Кроме хлеба и мяса, мэрии выдавали иногда населению немного сыра, риса, кофе и некоторые другие продукты. При этом нормы выдачи их и цены были различны в разных округах. Так, в X округе рис выдавался по 25 сантимов, а в XVIII округе — по 60 сантимов за фунт. В некоторых округах распределение продуктов было организовано хорошо. Газета «Le Combat» ставила в пример другим мэров Бонвале, Асселина и Мартина (III, XIV и XVI округа). Особенно хвалили мэрию XIV округа. Мэр этого округа Асселин заставил рыночных торговцев продавать овощи и другие продукты по твердым ценам. В V округе, несмотря на противодействие со стороны властей, хорошо работали муниципальные магазины.

Правительство считало любое ограничение частной собственности революционной мерой и продолжало откладывать нормирование хлеба, которое было введено лишь во второй половине января 1871 г. Что касается остальных продуктов питания (кроме мяса), то их потребление не было нормировано. Некоторые члены правительства старались использовать недостаток продовольствия в Париже как аргумент в пользу капитуляции⁷¹.

Цены на продовольствие в ноябре—декабре 1870 г. выросли по сравнению с октябрём в четыре-пять раз. Положение трудящихся было катастрофическим. Между тем в богатых ресторанах по дорогим ценам можно было получить самые изысканные блюда.

Безработица была ужасающей. Для многих рабочих семейств, а также для беднейших слоев мелкой буржуазии жалование национального гвардейца — 1,5 франка в день — было единственным источником дохода, а между тем за эти деньги в

⁷¹ «Procès-verbaux...», p. 328.

начале ноября можно было купить лишь кочан капусты⁷². В конце ноября правительство было вынуждено назначить женам национальных гвардейцев пособие в размере 75 сантимов в день. Но оно выдавалось лишь так называемым законным женам, а рабочие часто не регистрировали браки. Но даже в тех семьях, где супруги получали по 2,25 франка в день, они могли в конце декабря купить на эти деньги лишь одно яйцо или две картофелины средней величины, или три четверти литра молока⁷³.

Плохо обстояло дело и с жильем. Правда, правительство отсрочило взнос квартирной платы на время осады. Но это не мешало домовладельцам под различными предложениями выселять жильцов⁷⁴.

Широкие слои населения на публичных собраниях требовали снижения или даже отмены квартирной платы на время осады. Демократические клубы и другие массовые организации поставили вопрос о бесплатном возврате одежды, заложенной в ломбардах⁷⁵. В начале января правительство выделило мэриям 100 тыс. франков, чтобы за этот счет ломбарды вернули вкладчикам заложенную одежду стоимостью до 10 франков и постельное белье стоимостью до 16 франков. Это решение не удовлетворило массы. Они продолжали требовать безвозмездного возврата всех предметов первой необходимости⁷⁶. Выдвигалось также требование выплачивать пособие вдовам и выдавать по 50 сантимов в день детям национальных гвардейцев⁷⁷.

Спасение от нужды трудящиеся видели в реквизиции предметов первой необходимости и в их равном и бесплатном распределении среди населения. «Надо,— говорил 8 ноября председатель клуба на улице Аррас,— чтобы правительство завладело всеми припасами и всеми необходимыми предметами без исключения... Надо, чтобы все съестные припасы, масло, дрова, уголь и т. п. предметы были переданы в общий склад и распределялись затем бесплатно и в равном количестве между защитниками отечества и их семьями»⁷⁸.

27 ноября было опубликовано воззвание, подписанное руководителями Федерального совета парижских секций Интернационала (Л. Франкель, Аме, Б. Малон, Толен и др.) и Феде-

⁷² «Le Réveil», 9.XI 1870.

⁷³ «L'Illustration», 31.XII 1870, p. 415.

⁷⁴ «La Patrie en danger», 27.XI 1870; «Le Combat», 10.XII 1870.

⁷⁵ «La Patrie en danger», 21.XI 1870.

⁷⁶ «Le Réveil», 5.I 1871.

⁷⁷ «Procès-verbaux...», p. 378.

⁷⁸ Цит. по.: *G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège du Paris*. Paris, 1871, p. 71—72.

ральной палаты рабочих обществ (А. Леви, Пенди, А. Тейс и др.). Воззвание требовало отказа от заключения позорного мира, энергичного ведения войны, отсрочки до окончания войны выборов в Национальное собрание, укрепления республики, реквизиции предметов первой необходимости, гарантированного пайка для всех и отмены квартирной платы до окончания войны. Воззвание выдвигало и ряд требований, касавшихся послевоенного периода, обосновывало право Парижа выбирать свой муниципальный совет. Вместе с тем оно отражало характерную для прудонистов, возглавлявших парижские секции Интернационала, уверенность в возможности мирного, на основе принципа равенства, разрешения вопросов о частной собственности, об организации труда. Воззвание подчеркивало общность интересов рабочих и крестьян. «Мы требуем,— говорилось в этом документе,— отдать землю крестьянину, который ее обрабатывает, шахты — шахтерам, которые в них работают, фабрики — рабочим, благодаря которым они процветают». Оно призывало тружеников города и деревни защищать от происков реакции «республику рабочих и крестьян»⁷⁹.

Однако некоторые важные вопросы (отношение к правительству и т. д.) в воззвании были обойдены. Эту слабую сторону документа подметили передовые элементы. Клуб капеллы (La Chapelle), присоединяясь к воззванию, предсказывал в своей резолюции, что правительство откажется принять эти требования; «поэтому пришло время отстранить это правительство и заменить его самым срочным образом Парижской Коммуной»⁸⁰.

В последние месяцы 1870 г. трудовой люд Парижа все сильнее связывал свои чаяния и надежды с созданием Коммуны. В клубах, на страницах революционных газет, на народных собраниях преодоление всех трудностей и достижение заветных целей связывалось с созданием Коммуны. «Только Коммуна может спасти нас,— говорил оратор в одном клубе.— Коммуна — это права народа, это равное снабжение, это всеобщее ополчение, Коммуна — это Коммуна!»

Вера в Коммуну означала уверенность в непобедимости народа, стремление к Коммуне было стремлением к созданию подлинно народной власти. Однако представление о том, что такое Коммуна и каковы пути ее создания, оставалось неясным.

В ноябре—декабре в Париже появились некоторые новые революционные газеты. Одни из них («Le Drapeau rouge», «Le Faubourien» и «L'Oeil du Marat») выходили недолго. Но две новые газеты — «La Résistance» и «La Lutte à outrance» — продолжали выходить и в 1871 г. «La Résistance» («Соппротивление»)

⁷⁹ «La Patrie en danger», 26.XI 1870.

⁸⁰ «La Patrie en danger», 2.XII 1870.

была создана в ноябре под руководством бланкиста Т. Сапиа; сначала она выходила два раза в неделю, а затем стала ежедневной. В ней сотрудничали бланкисты, да она и внешне и по содержанию походила на газету Бланки. «La Lutte à outrance» («Борьба до последней крайности») первоначально была органом Клуба Медицинской школы. В начале января 1871 г. эта газета стала органом парижских секций Интернационала⁸¹.

Роль революционных клубов возросла, открылся ряд новых клубов. В это время в Париже действовало более 40 клубов. Наряду с открытыми собраниями, они проводили теперь и закрытые заседания, создавали свои подпольные группы.

Уроки восстания 31 октября не прошли бесследно для парижских секций Интернационала. Протоколы Федерального совета свидетельствуют, что его пассивная позиция во время этого восстания была впоследствии признана им самым неправильной⁸².

Гораздо большую политическую активность проявлял Центральный комитет 20 округов, который в последние месяцы осады стал ведущей организацией революционного Парижа. Он руководил борьбой против плебисцита 3 ноября, за избрание Бланки мэром XX округа, борьбой за освобождение арестованных по делу восстания 31 октября.

В середине ноября Центральный комитет 20 округов приступил к созданию Республиканской лиги обороны до последней крайности. Среди членов инициативной комиссии были члены Интернационала, бланкисты. В полицейских отчетах Республиканская лига обороны, наряду с Центральным комитетом 20 округов, рассматривалась как организация, находящаяся под руководством бланкистов и готовящаяся к вооруженному выступлению⁸³. Характеризуя Республиканскую лигу, префект полиции Крессон указывал, что, по «мнению деятелей этих организаций, Париж должен принадлежать пролетариям»⁸⁴.

Протоколы заседаний ЦК Республиканской лиги за 17, 18 и 28 декабря 1870 г. показывают, что передовые демократы и социалисты, входившие в состав руководства Лиги, резко критиковали политику правительства, характеризовали его как «правительство национальной измены», высказывались за скорейшее создание «Революционной Коммуны», за принятие решительных мер против реакционеров и капитулянтов, окопавшихся в штабах парижского гарнизона, за организацию мощного наступле-

⁸¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, Versailles, 1872, p. 211.

⁸² Ibid., p. 218.

⁸³ «Actes...», t. VII, p. 142—144.

⁸⁴ «Procès-verbaux...», p. 357.

ния против немецких войск⁸⁵. На заседаниях этой организации выступали такие видные революционные деятели, будущие члены Коммуны, как Арно, Андриё, Бабик, Пийо, секретарь Федерального совета парижских секций Интернационала Гулле, активные коммунары Констан Мартен, Наппа-Пике⁸⁶.

К началу ноября относится организация Гарибальдийского легиона. В органах левой печати часто встречались объявления о вступлении в него новых бойцов и о его заседаниях. Судя по некоторым данным, этот легион рассматривался его организаторами как боевая революционная организация. Подобные отзывы о Гарибальдийском легионе констатируют и полицейские донесения⁸⁷.

Есть сведения о попытках объединения всех сил революционного лагеря, об общих собраниях нескольких клубов или об установлении в ряде клубов единой повестки дня. Инициатива в этом деле принадлежала окружным комитетам бдительности, которые координировали деятельность клубов в округе.

В конце ноября Центральный комитет 20 округов создал Центральный клуб, куда входили делегаты клубов, демократических и социалистических обществ, а также отдельные члены в индивидуальном порядке. Руководила Центральным клубом выделенная Центральным комитетом 20 округов комиссия⁸⁸, которая должна была и решать вопрос о приеме новых членов. Предусматривались отдельные заседания руководящего ядра Центрального клуба (делегатов), пленарные заседания и публичные собрания⁸⁹. Первое публичное собрание Центрального клуба состоялось 7 декабря. На повестке дня стоял вопрос «Национальная оборона с революционной и социалистической точки зрения»⁹⁰. В дальнейшем собрания Центрального клуба происходили три раза в неделю.

23 и 25 ноября Центральный комитет 20 округов обсудил и принял программу Центрального клуба, в которой указывалось, что в Центральный клуб будут допускаться лишь лица, согласные с его программой, и что число членов Центрального клуба должно быть доведено до 500—1000 человек⁹¹.

Центральный клуб стремился стать руководящим органом клубов и других массовых организаций. Деятельность Цент-

⁸⁵ *M. Choury. La Commune au coeur de Paris, Paris, 1967, p. 106—112 (см. М. Шурп. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 129—135).*

⁸⁶ «*La Patrie en danger*», 3.XI 1870; *J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Rpublicain...*, p. 135.

⁸⁷ «*Actes...*», t. VII, p. 142.

⁸⁸ «*Le Combat*», 28.XI 1870.

⁸⁹ «*Le Réveil*», 8, 9, 18.I 1871; «*La Patrie en danger*», 28.XI; 7.XII 1870.

⁹⁰ «*Le Combat*», 12.XII 1870.

⁹¹ *J. Rougerie. Quelques documents nouveaux pour l'histoire de Comité central des vingt arrondissements.—«Le Mouvement social», 1961, N 37, p. 16—17.*

рального клуба, как и деятельность связанных с ним Республиканской лиги и Гарибальдийского легиона, носила конспиративный характер.

Центральный комитет 20 округов являлся руководящим и координирующим органом в системе созданных им организаций. Как и Федеральный совет парижских секций Интернационала, он заседал в доме № 6 на площади Ла Кордери. По словам Ж. Валлеса, из этого трехэтажного здания осуществлялось руководство революционными массами Парижа⁹².

Крупнейшей массовой организацией Парижа оставалась национальная гвардия, и правительство безуспешно старалось установить контроль над ней. 9 ноября был издан декрет о мобилизации национальной гвардии. По решению правительства маршевые батальоны объединялись в полки, командиры которых не избирались, а назначались, под видом перераспределения оружия была сделана попытка передать часть оружия «новых» батальонов, батальонов рабочих предместий, «старым», буржуазным батальонам. Между 27 сентября 1870 г. и 18 марта 1871 г. были смещены 495 офицеров национальной гвардии⁹³.

Решение правительства о смещении революционно настроенных офицеров было принято в момент, когда еще не стихли страсти, вызванные событиями 31 октября. Во многих батальонах шла борьба между сторонниками и противниками Коммуны, шли споры по вопросу о поведении тех или иных батальонов во время восстания 31 октября. Страсти еще больше разгорелись в связи с плебисцитом. В 218-м и 185-м батальонах 3 ноября произошли серьезные стычки между сторонниками и противниками правительства⁹⁴.

Не переставал тревожить правительство и рост влияния семейных советов в национальной гвардии. Состоявшие в основном из рядовых гвардейцев, семейные советы постепенно расширяли свои функции. Если вначале они занимались лишь денежными делами, то в дальнейшем они начинают осуществлять контроль над действиями командиров. В ноябре и начале декабря семейные советы начали создавать свою единую организацию, встречаются сообщения о собраниях делегатов семейных советов и об их попытках образовать центральную делегацию⁹⁵.

Не решаясь запретить семейные советы, правительство издало декрет, по которому эти советы должны были состоять в основном из офицеров, а их функции сужались. Несмотря на декрет, семейные советы продолжали действовать по-прежнему.

⁹² J. Vallès. Articles et pamphlets. Moscou, 1958, p. 307.

⁹³ E. Mason. The Paris Commune. New York, 1930, p. 88.

⁹⁴ «La Patrie en danger», 3, 6, 8, 10.XI 1870.

⁹⁵ «La Patrie en danger», 15, 18, 21.XI 1870.

По мере того как широкие слои мелкой буржуазии, патристические и демократические элементы средней буржуазии сближались с рабочим классом, национальная гвардия все больше отходила от правительства. Чтобы ослабить и подорвать авторитет национальной гвардии, правительство пускало в ход интриги и клевету, натравливало на нее мобильную гвардию, армию.

Борьба за влияние в национальной гвардии в ноябре — декабре 1870 г. показывает, как быстро росла в это время оппозиция правительству со стороны широких демократических кругов.

ВОССТАНИЕ 22 ЯНВАРЯ 1871 Г.

Утром 27 декабря немецкие войска начали артиллерийский обстрел Парижа. Обстрел, голод и холод не сломили боевого духа трудящихся столицы. Национальная гвардия рвалась в бой и, несмотря ни на что, верила в победу. Рабочие и ремесленники Парижа были далеки от мысли о капитуляции.

Некоторые группы радикалов и демократов выдвигали планы создания муниципального совета — легальной Коммуны, которая добилась бы мирным путем изменения политики правительства. Таков был, в частности, смысл предложений Республиканского союза, Республиканского альянса и неоякобинцев, группировавшихся вокруг газеты «Le Réveil».

Республиканский союз был организован группой бывших депутатов Законодательного собрания Второй республики. Его программа была изложена в манифесте, составленном в начале января с участием будущего коммунара Белэ и опубликованном 22 января. Манифест требовал образования «Муниципального собрания, члены которого дадут гражданским властям возможность подчинить себе военное командование, слишком поднявшее голову»⁹⁶.

Республиканский альянс возник в результате раскола Республиканского союза. Руководящую роль в нем играл Ледрю-Роллен. 12 декабря на заседании Альянса было принято решение, что социалисты не должны допускаться в эту организацию. На одном из дальнейших заседаний Ледрю-Роллен поставил перед членами Альянса задачу объединить вокруг себя «всю среднюю часть населения Парижа, которая хочет порядка и боится организаций... проповедующих социальную ликвидацию»⁹⁷. Программа Республиканского альянса также требовала создания Муниципального собрания, на которое была бы воз-

⁹⁶ «Le Combat», 22.I 1871.

⁹⁷ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 260.

ложена «забота об интересах обороны Парижа»⁹⁸. В обсуждении программы участвовали редакторы газеты «Le Réveil», неоякобинцы Делеклюз и Разуа и прудонист А. Арну, считавшие, что роль Муниципального собрания могут сыграть собрания мэров⁹⁹. «В лице мэров надо получить легальную опору»¹⁰⁰, — говорил Ледрю-Роллен.

Совещания мэров проводились и до 31 декабря. Они проходили под председательством членов правительства Эм. Араго, Ферри или Фавра. Особенно резко критиковал на них правительство Делеклюз. Часть мэров, более решительно настроенная, начала собираться на совещания и без ведома членов правительства. Мэры предлагали образовать Высший совет обороны из военных и гражданских лиц, установить контроль над военными действиями, устранить Трошю от командования. 29 декабря Делеклюз, поддержанный Клемансо и двумя заместителями мэров, предложил объявить собрание мэров «заседающим непрерывно под защитой населения и национальной гвардии» и уполномочить его принимать меры, необходимые для спасения республики и Франции¹⁰¹.

Надежды Делеклюза на преобразование совещания мэров в некое подобие Коммуны не оправдались. Когда 5 января Трошю явился на собрание мэров, последние ограничились просьбой о создании при главнокомандующем военного совета с участием гражданских лиц. Трошю выразил полное удовлетворение поведением мэров. Тогда Делеклюз и два его заместителя по XIX округу подали в отставку, рассчитывая увлечь за собой остальных¹⁰² и воздействовать таким путем на правительство.

Но никто не последовал примеру Делеклюза. Правительство поспешило принять их отставку. На заседаниях народных клубов ораторы осудили опрометчивый поступок Делеклюза, справедливо усматривая в нем уступку реакционерам важной позиции¹⁰³.

Так выяснилась несостоятельность буржуазного радикализма мэров. Это означало провал попыток изменить политику правительства путем нажима на него. На повестку дня вновь встал вопрос о вооруженном восстании.

Демократы не хотели восстания. В начале 1871 г. Делеклюз изложил в ряде статей¹⁰⁴ свою программу, которая могла, как он полагал, «объединить всех добрых граждан». Программа

⁹⁸ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 273.

⁹⁹ Ibid., p. 265—277; M. Dessal. Un révolutionnaire jacobin Charles Delescluze. 1809—1871. Paris, 1952, p. 310.

¹⁰⁰ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 268—269.

¹⁰¹ «Le Réveil», 2, 3.I 1871.

¹⁰² «Le Réveil», 8.I 1871.

¹⁰³ M. Dessal. Un révolutionnaire jacobin Charles Delescluze, p. 315—316.

¹⁰⁴ «L'Illustration», 1—7.I 1871.

предусматривала отставку генералов Трошию и Леффло, создание комитета обороны и принятие срочных мер по снабжению Парижа. Выражая надежду, что Париж получит право избрать свою Коммуну, Делеклюз требовал, чтобы до этих выборов на окружные муниципалитеты была возложена забота обо всем, что касается обороны. Не возражая против того, чтобы правительство оставалось у власти, Делеклюз требовал лишить его руководства обороной. Делеклюз подчеркивал, что хочет добиться осуществления своей программы мирными средствами.

В то время как мелкобуржуазные демократы строили планы создания легальной Коммуны, среди рабочих зрело убеждение, что выход из положения можно найти лишь путем организации революционной Коммуны, в результате вооруженного восстания. Чувствуя, что вооруженное выступление возможно, народные клубы все чаще обращались к изучению уроков событий 31 октября. Так, Клуб Фавье 6 января обсуждал вопрос о причинах неудачного исхода попытки захватить Ратушу во время этого восстания. Заседания Клуба Рэн Бланш носили такой боевой характер, что один полицейский агент утверждал: у этого клуба «нет иной цели, кроме свержения правительства»¹⁰⁵. Трудящиеся связывали с восстанием не только политические, но и социальные задачи. «Первая революция избавила нас от родовой аристократии,— говорил оратор в Клубе Рэн Бланш.— ...Духовенство и буржуазию,— вот кого нам остается сломить»¹⁰⁶.

28 декабря на заседании Центрального клуба шла горячая дискуссия о целесообразности создания Коммуны. Большинство ораторов высказывалось в поддержку этого проекта.

Ораторы требовали образовать «революционную Коммуну», их речи встречали одобрение аудитории, сомнения некоторых ораторов в целесообразности Коммуны принимались снисходительно враждебно¹⁰⁷.

В то же время на заседаниях Центрального комитета 20 округов шло обсуждение конкретной подготовки к созданию Коммуны. 23 декабря было внесено предложение создать по округам организации, подобные комитетам бдительности, или особые клубы, и сконцентрировать в них «живые силы республики». Была образована комиссия из 20 человек, каждый из них был направлен в один из 20 округов города с тем, чтобы «изучить лучший способ организации округа с революционной точки зрения». На заседании 28 декабря шла речь о том, чтобы комитеты округов сообщили о силах, которыми они могут распо-

¹⁰⁵ «Le Combat», 7.I 1871.

¹⁰⁶ Цит. по: G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, p. 219—220.

¹⁰⁷ J. Rougerie. Quelques documents nouveaux..., p. 20—22.

лагать для установления в нужное время революционной Коммуны. Повестка дня следующего заседания была сформулирована так: «О революционной Коммуне и о практических средствах для ее установления». На заседании 30 декабря после продолжительной дискуссии было решено 1 января 1871 г. «обсудить список членов Коммуны»¹⁰⁸.

С начала января Центральный комитет 20 округов стал называться Делегацией 20 округов¹⁰⁹. Ж. Ружери полагает, что это переименование надо понимать так: «представители, избираемые округами, образуют коммунальную делегацию, которая должна управлять Парижем»¹¹⁰. Надо сказать, что на общих собраниях клубов XVIII округа, созданных, как можно предположить, по инициативе Центрального клуба 6 и 11 декабря, о Коммуне говорилось как о чем-то уже существующем. Собрания избирали делегатов в Коммуну, заслушивали отчеты членов комитетов бдительности, «делегированных в Парижскую Коммуну»¹¹¹. Видимо, возникла какая-то сеть подпольных организаций, параллельных легально существующим. В начале января на Ла Кордери, где заседал Центральный комитет 20 округов, была образована комиссия из 22 членов. Комиссия создала секретный Комитет пяти, которому и было поручено «подготовить восстание». В этот комитет вошли бланкисты Ферре, Сапиа, Вайян, Тридон и Леверде¹¹².

Комиссия 22-х действовала в глубокой тайне, и о ее деятельности сохранилось очень мало данных. Но, по всей вероятности, именно эту комиссию имел в виду неизвестный оратор, заявивший в Клубе Фавье 6 января: «Коммуна уже существует! ...Это Коммуна тайная, но мы уже знаем всех ее членов. Центральный республиканский комитет... уступил место делегатам; нам остается только вручить им власть»¹¹³. Комитет пяти заседал регулярно и установил связь с некоторыми рабочими батальонами национальной гвардии, обещавшими выступить в день, который будет назначен. Комитет заручился обещанием начальника артиллерийского парка национальной гвардии направить в нужный момент орудия против Ратуши¹¹⁴.

Три члена Комитета пяти — Вайян, Леверде и Тридон — были вместе с Валлесом авторами знаменитой «Красной афиши». Центральный комитет 20 округов поручил им срочно составить воззвание к населению Парижа. 5 января «четырем

¹⁰⁸ J. Rougerie. Quelques documents nouveaux... p. 23—24.

¹⁰⁹ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 145.

¹¹⁰ J. Rougerie. Quelques documents nouveaux..., p. 25.

¹¹¹ «Le Combat», 18.XII 1870.

¹¹² M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, v. IX. Paris, 1913, p. 49.

¹¹³ Цит. по: G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, p. 211.

¹¹⁴ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, v. IX, p. 49, 52.

литераторам» никак не удавалось завершить работу. «Недоставало одной-единственной фразы, но такой, в которой трепетала бы душа народа». Они легли спать, а когда проснулись, то «услышали непривычный по силе гром пушек. Это начался обстрел Парижа. И уже по пути на Ла Кордери, «при одном особенно сильном залпе», фраза была найдена, это был гордый призыв: «Место народу! Место Коммуне!» Автором этой фразы, которой заканчивалось воззвание, был Тридон.

6 января воззвание было утверждено Центральным комитетом 20 округов, сразу отпечатано и расклеено по городу. «Не было денег, чтобы вставить стекла и отопить помещение,— вспоминал позднее Валлес,— но деньги нашлись, чтобы напечатать афишу»¹¹⁵. Воззвание было напечатано на тонкой темно-розовой бумаге и за ним закрепилось название второй «Красной афиши».

Обращаясь «к народу Парижа», воззвание обвиняло правительство в том, что оно не выполнило задачи организации обороны и довело Париж до края пропасти, не сумело понять, «что в осажденном городе все, кто борется за спасение родины, имеют равное право на получение от нее средств к существованию...».

В воззвании перечислялись меры, которые должны быть проведены: «Всеобщая реквизиция продовольствия, безвозмездное его распределение, всенародное ополчение». Воззвание заканчивалось четким выводом: «Политика, стратегия и администрация правительства 4 сентября, являющиеся продолжением политики империи,— осуждены! Место народу! Место Коммуне!» Его подписали делегаты 20 округов Парижа — 140 человек¹¹⁶, среди них был ряд членов Интернационала, в том числе П. Лафарг, многие будущие члены Коммуны (Арно, Бабик, Белэ, Виар, Вайян, Валлес, Дюваль, Клеманс, Малон, Пийо, Пенди, Тейс, Тридон и др.).

Хотя «Красная афиша» и не призывала прямо к вооруженному восстанию, она носила открыто антиправительственный характер. Коммуна мыслилась в ней уже не как орган, стоящий рядом с правительством, а как орган, который должен заменить правительство.

Так, выражая волю трудящихся, главный орган революционных масс Парижа Центральный комитет 20 округов взял курс на подготовку восстания.

Правительство ответило на «Красную афишу» не одними только арестами. Была опубликована новая прокламация Трошю, которая заканчивалась торжественным заверением: «Губер-

¹¹⁵ Ж. Валлес. Инсургент. М., 1939, стр. 179—181; J. Vallès. Articles et pamphlets, p. 348.

¹¹⁶ Полный текст «Красной афиши» см. J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 146—148; «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 88—91.

натор Парижа никогда не капитулирует!»¹¹⁷ Комментируя эти слова, один оратор в клубе Фавье говорил: «Да, он крепко держит меч, но против нас, и не капитулирует — перед Бельвием»¹¹⁸.

В это время Трошю решил с помощью нового кровопролития примирить население Парижа с неизбежностью капитуляции. Чтобы обескровить национальную гвардию, правительство решило дать сражение с ее участием. Была задумана Бюзанвальская операция.

Сражение было намечено на 19 января, а 17 января заседание правительства было целиком посвящено вопросу о капитуляции, обсуждались и военные меры против революционных масс Парижа. Главную опасность Фавр видел в том, что народ все еще хочет продолжения войны и что «гнев, вызванный крушением его иллюзий, может привести к свержению правительства»¹¹⁹.

Бюзанвальское сражение было проиграно еще до того, как оно началось, хотя отряды национальной гвардии, отправлявшиеся в бой на заре 19 января, горели желанием победить. Национальная гвардия действовала отлично, с лучшей стороны показали себя и регулярные войска. Французы освободили Бюзанвальский замок, парк и некоторые другие важные позиции, но ночью Трошю приказал войскам очистить захваченные пункты и вернуться на исходные позиции. Национальные гвардейцы поняли, что были обмануты. Так по вине правительства и командования бесславно закончилось последнее в 1871 г. сражение Парижа с внешним врагом. Ухудшилось и общее военное положение всех вооруженных сил Франции.

Во второй декаде января в рабочих кварталах Парижа нужда достигла предела. 18 января было опубликовано постановление о нормировании хлеба и о реквизиции припрятанных продуктов. Это постановление было явно приурочено ко дню наступления. Они должны были послужить психологической подготовкой к подготавливаемой капитуляции, внушить мысль о безнадежности дальнейшего сопротивления.

Трудящиеся Парижа верили, что победа возможна, но только при условии смены военного и политического руководства. В резолюции собрания, состоявшегося 10 января в Демократическом клубе Батиньоля, говорилось: «Больше нельзя доверять правительству... Парижанам пришлось время взять национальную оборону в свои руки и образовать муниципалитет или выборный коммунальный совет»¹²⁰. Некоторые революционеры счита-

¹¹⁷ «Le Combat», 7.I 1871.

¹¹⁸ Цит. по: G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, p. 209, 210.

¹¹⁹ «Procès-verbaux...», p. 532.

¹²⁰ «Le Réveil», 11.I 1871.

ли, что время не терпит и ждать выборов не следует. «Провозгласим Коммуну,—призывал 10 января оратор в Клубе Рэн Бланш,—нельзя терять ни дня, ни часа! Говорят о выборах, о всеобщем голосовании; но неужели сейчас время ими заниматься? ... В настоящий момент для нашего спасения необходимо создать революционную Коммуну»¹²¹.

Среди парижских социалистов и демократов преобладали боевые настроения. В Клубе Фавье и в Клубе революции большинство ораторов с возмущением отвергало мнение, будто уже поздно устанавливать Коммуну. Их призывы к активным действиям находили полную поддержку среди собравшихся.

Весть о новом поражении 19 января всколыхнула Париж. Собрание Республиканского альянса констатировало, что нечего больше надеяться на правительство и что спасение может прийти лишь от народного выступления, которое продолжит дело 31 октября и передаст власть революционным силам. 21 января Республиканский альянс связался с представителями рабочих предместий и с секциями Интернационала, которые обещали ему поддержку своих батальонов. Общая сходка была назначена на 22 января в 2 часа дня на площади перед Ратушей.

Деятельность парижских секций Интернационала в эти дни активизировалась. 10 января начала выходить новая газета — «La République des travailleurs» — орган батинольской секции. Ее редактором была писательница-социалистка Андре Лео. Газета пропагандировала социалистические идеи. На заседаниях Федерального совета теперь стали обсуждаться и политические вопросы.

Комитет пяти приступил к непосредственной подготовке восстания и призвал шедшие за ним батальоны национальной гвардии собраться вечером того же дня. Вечером 21 января массовые народные собрания происходили в Клубе Фавье и в Клубе Рэн Бланш; состоялось и совещание делегатов всех клубов. Было решено выступить на следующий день. Комитет сообщил об этом отрядам, собиравшимся у Ратуши. Тогда часть их решила отправиться в тюрьму Мазас и освободить заключенных там революционеров.

Национальные гвардейцы, возглавляемые А. Чиприани, проникли в тюрьму и добились освобождения Флуранса, Л. Мелье и некоторых других революционеров, арестованных по делу 31 октября.

Полная согласованность между призывавшими к выступлению группами не была достигнута вплоть до ночи на 22 января. Единый руководящий орган восстания так и не был создан. Не было единства взглядов по поводу характера подготавливавшегося народного выступления. Комитет пяти проектиро-

¹²¹ Цит. по: G. Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, p. 222.

вал, видимо, вооруженное восстание. Члены Республиканского альянса, как видно из воззвания, опубликованного ими утром 22 января, хотели избежать гражданской войны и добиться победы, не применяя силы. Делеклюз был уверен, что после бюзанвальского поражения правительство само подаст в отставку.

Бланки также считал, что правительство будет радо сбросить с себя бремя ответственности и без боя уступит свое место революционерам. «Вы войдете в Ратушу, как нож в масло», — уверял он одного из своих друзей. Вместе с тем Бланки был против восстания в тот момент. Он считал, что спасти Париж уже нельзя и брать власть поздно, ибо «в случае успеха революционерам придется лишь взять на себя ответственность за позор неизбежной катастрофы»¹²². Бланкисты, игравшие главную роль в Комитете пяти, не уведомили своего вождя о задуманном выступлении. Бланки узнал о нем лишь утром 22 января.

Мирной манифестации ожидали 22 января и собравшиеся накануне представители клубов: это видно из того, что они решили призвать женщин сопровождать национальных гвардейцев к Ратуше — протестовать против хлебной нормы.

19 января в Ратушу были введены верные правительству отряды войск. В ночь на 21-е префект полиции Крессон расставил своих людей в стратегических пунктах города и на подступах к важным зданиям.

Вечером 21 января члены правительства вновь собрались вместе с мэрами. Им сообщили, что генералы единодушно высказались против продолжения военных действий. Армия «очень устала. Национальная гвардия сражалась хорошо, но ей не хватает опыта»¹²³. Трошю заявил, что отказывается от должности главнокомандующего, и предложил на свое место генерала Винуа. Но кандидатура бонапартиста Винуа, запятнавшего себя жестокой расправой с республиканцами в декабре 1851 г., была слишком одиозной, и ее отклонили большинством голосов.

Как раз в этот момент правительство получило сообщение об освобождении Флуранса из тюрьмы. Под впечатлением этой вести «все правительство сплотилось вокруг своего генерала»¹²⁴. Винуа был назначен главнокомандующим. Правительство собиралось вооруженной силой встретить тех, кто хотел продолжать борьбу с врагом.

Часть национальных гвардейцев хотела освободить арестованных из тюрьмы Консьержери, но Флуранс предпочел отправиться в мэрию XX округа. Не встретив здесь сопротивления и заняв мэрию без борьбы, Флуранс остался в ней до утра. 22-го утром он попытался созвать сюда командиров батальонов,

¹²² M. *Vuillaume*. *Mes cahiers rouges*, t. IX, p. 50, 52.

¹²³ «Procès-verbaux...», p. 558—559.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 561.

но на его зов не откликнулся почти никто. Тогда он покинул мэрию и дальнейшего участия в событиях 22 января не принял.

То же можно сказать о Бланки. Не веря в успех восстания, но и не желая мешать действиям своих друзей, он все утро просидел в кафе перед Ратушей и с тревогой в душе выжидал, как развернутся события. Недалеко от этого кафе, из квартиры, окна которой выходили на площадь Ратуши, следил за развертыванием событий Делеклюз. Пассивная позиция трех виднейших представителей революционных масс Парижа свидетельствовала, что начавшееся народное движение было лишено единого руководства, согласованности действий, общей программы.

Квартира, в которой находился Делеклюз, стала на время штабом Республиканского альянса. Утром 22 января была наклеена по городу и опубликована в некоторых газетах прокламация этой организации, под которой стояло более 50 подписей. Среди подписавшихся были неоякобинцы Делеклюз, Разуа и прудонист Арну, но преобладали буржуазные радикалы — Ледрю-Роллен, Тони Ревийон и их друзья. Прокламация предлагала в течение 48 часов избрать «суверенную ассамблею из двухсот членов»¹²⁵. Не призывая к вооруженному восстанию и насильственному свержению правительства, Республиканский альянс высказывался фактически в пользу замены правительства Коммуной. Публикуя эту прокламацию и воззвание Республиканского союза, также призывавшее к созданию парижской ассамблеи, газета «Le Combat» справедливо указывала, что оба документа выдвигали требование Коммуны¹²⁶.

22 января было воскресенье. До полудня в городе было тихо, площадь перед Ратушей была почти пуста. Но правительство уже начало свои приготовления. В 9 часов утра войска были сосредоточены на Елисейских полях и на подступах к Бельвилю. Батальоны мобильной гвардии получили приказ занять мосты. Войска генерала Дюкро были посланы на площадь Согласия и к церкви Сент-Огюстен. Был усилен и гарнизон Ратуши.

План Винуа заключался в том, чтобы зажать отряды национальной гвардии у Ратуши между двух огней — гарнизоном Ратуши и воинскими частями, двигавшимися с укреплений и окраин. Для этой цели к Ратуше была направлена артиллерия. Оправдывая подготовлявшуюся расправу, генерал Клеман Тома утром 22 января опубликовал провокационное воззвание. Заявив, что «кучка смутьянов» ворвалась в тюрьму Мазас и пыталась захватить мэрию XX округа, Тома клеветнически заявлял, что, в то время как немцы обстреливают Париж, «мятежники присоединяются к ним, чтобы сорвать оборону»¹²⁷.

¹²⁵ «Le Réveil», 22.I 1871; «Les Murailles politiques françaises...», t. I, p. 791.

¹²⁶ «Le Combat», 22.I 1871.

¹²⁷ «Les Murailles politiques françaises...», t. I, p. 788.

Около часа дня на площади перед Ратушей была уже большая толпа, но национальных гвардейцев было мало. Раздавались возгласы против правительства, требования Коммуны. В Ратушу явилась делегация Республиканского альянса. Увидев проведенные здесь военные приготовления, делегаты забили отбой. Их руководитель Тони Ревийон заявил, что нет никаких надежд взять верх над правительством ¹²⁸.

На этом фактически закончилось участие членов Республиканского альянса в событиях 22 января. «Эти люди подстрекают нас, но, когда наступает время явиться на место сбора, они остаются дома»,—заявил в тот же вечер по их адресу один рабочий в Клубе Фавье ¹²⁹. Буржуазные радикалы с самого начала не думали о вооруженной борьбе. Некоторые из них были встревожены освобождением Флуранса и боялись «красного призрака», другие трусили перед лицом военных мер правительства.

Несмотря на это, движение нарастало. В третьем часу дня толпа у Ратуши насчитывала около 6 тыс. человек. Сюда стекались батальоны национальной гвардии. На улице Риволи выстроился отряд батиньольцев во главе с Малоном. 101-й батальон прибыл под руководством Дюваля и освобожденного ночью из тюрьмы Мазас Л. Мелье. Пришли отряды, возглавляемые Саппа, Алликсом и др. Некоторые батальоны национальной гвардии, до этого выжидавшие или колебавшиеся, перешли на сторону восставших. Так, примкнула к восстанию рота 207-го батальона, подошедшая к Ратуше с возгласами: «Да здравствует Коммуна!» ¹³⁰

В это время Г. Шодэ, заместитель Ферри, принимал в Ратуше делегацию национальных гвардейцев во главе с капитаном Монтелем, требовавшую отставки членов правительства и замены их более способными людьми. Шодэ отказался вести об этом переговоры. Между тем возбуждение на площади все усиливалось. Некоторые отряды национальной гвардии пытались проникнуть в Ратушу через южные ворота. В этот момент раздался выстрел. В ответ на него мобильные гвардейцы и солдаты открыли беглый огонь из окон Ратуши по заполнившей площадь толпе. Национальная гвардия ответила обстрелом Ратуши. Перестрелка продолжалась около четверти часа. Площадь опустела, и на ней осталось около 50 человек убитых и раненых, большинство которых составляли женщины и невооруженные национальные гвардейцы. Тяжело был ранен и вскоре скончал-

¹²⁸ *M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, v. VIII, p. 46.*

¹²⁹ *A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, t. I. Bruxelles, 1878, p. 71.*

¹³⁰ *Gén. Vinoy. Campagne de 1870—1871. L'Armistice et la Commune. Paris, 1872, p. 16.*

ся бланкист Сапия, друг Р. Риго. Из гарнизона Ратуши один солдат был убит и один ранен. После этого войска Винуа заняли площадь и примыкающие к ней улицы. Начались массовые аресты.

Так было подавлено народное выступление 22 января. В этом выступлении намечался союз между рабочим классом и передовыми патриотическими элементами буржуазии. Правда, буржуазные батальоны, обещавшие выступить, не пришли на помощь повстанцам, но в отличие от 31 октября, когда буржуазные батальоны поспешили на помощь правительству, на этот раз его не поддержал почти ни один батальон.

Но и рабочие батальоны не все откликнулись на зов. Причины пассивной позиции части рабочих было несколько. Многих дезорганизовало сообщение об отставке Трошю, но наиболее передовых людей весть о назначении Винуа, наоборот, толкала на восстание¹³¹. Главное было в большой усталости масс и в неверии в возможность изменить положение¹³². Но отряды, которые явились на площадь, обнаружили большое мужество. Они не дрогнули, когда по ним был открыт огонь. Сохранилась память о героизме старого рабочего Жана Малезье, студента Буске, бланкиста Сапия и других революционеров, сражавшихся и погибших в этот день¹³³.

Перестрелкой у Ратуши события 22 января не ограничились. Группа революционных рабочих пыталась занять мэрию XVIII округа. На улице Виктории была построена баррикада. В течение всего вечера мужчины, женщины и даже дети пытались брататься с солдатами, уговаривали их не стрелять в своих братьев.

Выступления 22 января, как и выступления 31 октября, принадлежали к тем восстаниям периода осады Парижа, которые, как указывал Маркс, «представляли собой попытки заменить правительство узурпаторов Коммуной»¹³⁴.

Хотя выступление 22 января планировалось еще с начала месяца, подготовка к нему была все же недостаточной. Секции Интернационала и на этот раз остались в стороне от борьбы. Руководящая роль Комитета пяти и вообще Центрального комитета 20 округов чувствовалась слабо. Помощь от артиллерийского парка национальной гвардии так и не пришла. Единого руководства не было.

¹³¹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. 3, p. 190; A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire, p. 94; E. Lepelletier. Histoire de la Commune de 1871, t. I. Paris, 1911, p. 105.

¹³² G. Lefrançais. Étude..., p. 113.

¹³³ J. Vallès. Jean Malezieux.— «Le Cri du Peuple». Paris, 1953, p. 236—237; M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, t. VIII, p. 67—72.

¹³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 596.

Сразу же после кровавой расправы над народными массами правительство опубликовало прокламацию, обвинявшую в кровопролитии у Ратуши революционеров. Их обвиняли также в содействии внешнему врагу.

Когда прокламацию расклеивали на улицах Парижа, в городе уже шли аресты, был отдан приказ об аресте многих сотен людей; около 100 человек, среди них Делеклюз, было арестовано. 24 января под усиленной охраной их перевезли в Венсеннский форт.

Газеты «Le Réveil» и «Le Combat» были закрыты. Был издан декрет о закрытии ряда народных клубов. Но дух Парижа не был сломлен. В ночь с 23 на 24 января в некоторых районах города били в набат, происходили волнения. Положение было настолько серьезным, что правительству пришлось вызвать войска.

Подавление народного выступления расчистило правительству путь к капитуляции. На вечернем заседании 22 января правительство уполномочило Фавра начать переговоры. На следующий день он отправился на свидание с Бисмарком. Переговоры продолжались пять дней. Ежедневно Фавр возвращался в Париж докладывать правительству об их ходе. К 26 января переговоры зашли так далеко, что по предложению Бисмарка было решено в эту же ночь прекратить огонь. Ровно в полночь грянул последний артиллерийский залп, военные действия, продолжавшиеся под стенами Парижа 130 дней, были приостановлены. 28 января было подписано соглашение о перемирии. Из 15 его статей 13 касались Парижа. Но две — и очень серьезные — относились ко всей Франции.

Серьезные споры во время переговоров о перемирии вызвал вопрос о разоружении национальной гвардии. Бисмарк сначала настаивал на этом. Он соглашался оставить оружие только 60 старым, т. е. буржуазным, батальонам и предлагал в случае нужды усилить продовольственную блокаду города, чтобы заставить национальных гвардейцев отдать свое оружие за хлеб. Члены правительства хотели не только лишить национальных гвардейцев оружия, но и выдать их немецкому командованию в качестве военнопленных. Но они не решались отнять у рабочих оружие и рассчитывали в этом деле на немцев. «Войдите в Париж и попытайтесь сами разоружить национальную гвардию», — сказал Бисмарку Фавр¹³⁵.

Опасаясь сопротивления народа Парижа, германское и французское правительства вынуждены были согласиться на то, что-

¹³⁵ «Actes...», t. V, p. 56.

бы оставить парижской национальной гвардии ее оружие, включая артиллерию.

По условиям капитуляции, немецким войскам была передана бо́льшая часть парижских фортов (кроме Мон-Валерьяна и южных укреплений), около 2602 орудий, 177 тыс. ружей, 3,5 млн. патронов, 100 тыс. снарядов и т. д. Мобильная гвардия и регулярные войска были разоружены. Фавр согласился, чтобы приостановка военных действий не коснулась Восточной армии. В результате эта армия, насчитывавшая 88 тыс. человек, была окружена немцами и 1 февраля вынуждена была перейти швейцарскую границу.

Перемирие было заключено на три недели. Окончательное решение вопроса о продолжении войны или заключении мира должно было быть принято Национальным собранием, выборы в которое были назначены на 8 февраля. Но условия перемирия в сущности предопределяли решение Национального собрания. Дата выборов была назначена на столь близкий срок, чтобы помешать демократам и социалистам Парижа восстановить связи с провинцией и таким образом обеспечить в Национальном собрании реакционное и капитулянтское большинство.

Крупная буржуазия добилась своего: заключив на тяжелых условиях перемирие с внешним врагом, она развязала себе руки для гражданской войны против трудящихся своей собственной страны.

Как ни тщательно скрывало правительство свои переговоры с Германией, слухи о них просачивались и волновали население Парижа. 25 января газета «Le Rappel» опубликовала письмо группы офицеров-патриотов, протестовавших против заключения перемирия. 27 января правительственное коммюнике о переговорах было опубликовано в «Journal officiel». Первым его результатом было появление в магазинах припрятанных продовольственных продуктов, но они продавались по таким высоким ценам, что это вызвало возмущение изголодавшегося населения. Вспыхнули волнения. Толпа разгромила Центральный рынок.

Правительственное сообщение взбудоражило национальную гвардию. 27 января по улицам прошли манифестации национальных гвардейцев с плакатами, на которых значилось: «Не сдадим наших фортов!» Толпа кричала: «Измена! Да здравствует Коммуна!» Вечером состоялось собрание, в котором приняло участие около 1500 офицеров национальной гвардии, делегаты от 35 батальонов. Командир 107-го батальона, близкий к бланкистам полковник Брюнель был провозглашен главнокомандующим национальной гвардии, а подполковник 36-го батальона бланкист Пиацца — начальником главного штаба. На завтра в газетах появился приказ Брюнеля и Пиацца об общем

сборе национальной гвардии. Но утром оба они были арестованы. Отдельные батальоны пытались пробиться к участкам фронта, где находились моряки, но это им не удалось.

События 27—28 января 1871 г. характерны тем, что в них проявилась попытка, правда очень робкая, организовать совместное с армией выступление национальной гвардии. Эта запоздалая попытка потерпела неудачу. Вновь сказались слабость и неорганизованность революционного лагеря Парижа.

Перемирие с Германией было подписано. Начиналась новая фаза классовой борьбы во Франции.

* СОЗЫВ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ.
ПРАВИТЕЛЬСТВО ТЬЕРА

После подписания перемирия правительство готовилось 8 февраля провести выборы в Национальное собрание. Поспешность, с которой расставлены были «ловушки для избирателей»¹, объяснялась стремлением во что бы то ни стало помешать избранию «лиц, которые являлись бы действительными представителями Франции»², как писал К. Маркс.

Национальное собрание созывалось для разрешения вопроса о войне и мире, французы, голосуя за тех или других кандидатов, выражали одобрение предпринятым Фавром в Версале шагам или же, наоборот, отвергали мир. Вопрос о республике или монархии не мог быть поставлен Собранием, созданным исключительно для обсуждения вопроса о войне или мире. Поскольку, однако, сторонники заключения немедленного мира в своем большинстве являлись монархистами или же весьма двусмысленными республиканцами и поскольку сторонники продолжения войны, начиная с Гамбетты и кончая Бланки и пролетарскими революционерами, стояли за республику, постольку и победа той или другой партии неизбежно должна была привести к утверждению или же, наоборот, к гибели республики.

В десятидневный срок невозможно было развернуть обычную избирательную кампанию, особенно в провинции, где начальные мероприятия по организации голосования вообще могли быть проведены префектами не ранее 3—4 февраля. 43 департамента были оккупированы немецкими войсками, и там задушена была всякая общественная жизнь. Даже афиши о выборах могли расклеиваться только с разрешения немецких комендантов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 586.

² Там же, стр. 328.

Обстановка, в которой должны были проходить выборы, с самого начала не сулила республиканцам и, тем более, социалистам ничего хорошего: о проведении какой-либо разъяснительной работы среди отсталого населения деревни, разумеется, не могло быть и речи. Крестьянство оставалось почти целиком под влиянием католического духовенства, реакционных чиновников, богатых землевладельцев, упорно твердивших, что в затяжке войны повинны исключительно одни парижские «анархисты» и «уравнители».

Выборы проводились согласно избирательному закону 1849 г. и предусматривали голосование в один тур по спискам кандидатов, выдвинутых комитетами избирателей. В результате голосования 8 февраля победу одержали сторонники заключения мира. Было избрано больше 400 депутатов-консерваторов, принадлежавших к фракциям орлеанистов, легитимистов и бонапартистов, в то время как республиканцы (умеренные и радикалы) получили лишь около 200 мест. Только в Париже и в немногих крупных городах им удалось отеснить явных или скрытых монархистов. Орлеанист Тьер был избран в 20 департаментах, орлеанист Трошю — в 9.

Республиканцы правого крыла потерпели на выборах поражение, хотя им и удалось провести в Собрание ряд своих лидеров: Ж. Фавра, Ж. Симона, Ж. Ферри, Э. Пикара и др. Левые республиканцы, возглавляемые Л. Гамбеттой, избранным в 9 департаментах, и А. Рошфором, избранным в Париже, получили около 100 депутатских мест, чем они были обязаны главным образом исходу выборов в Париже.

Только в столице имело место некоторое подобие избирательной кампании: были образованы многочисленные избирательные комитеты, проведены многолюдные предвыборные собрания и опубликованы различные избирательные списки, представленные многими комитетами, начиная с «католического», состоявшего почти исключительно из одних только генералов и адмиралов, и кончая списком революционеров-социалистов.

На выборах в Париже столкнулись четыре политических течения, из которых два — скрытые монархисты и умеренные республиканцы — мало чем отличались друг от друга: и сторонники либеральной монархии, и сторонники консервативной республики стремились к скорейшему миру, не останавливаясь перед уступкой Эльзаса и Лотарингии.

Им противостояли два других политических течения: блок буржуазных республиканцев с частью мелкобуржуазных социалистов и отделившаяся от этого последнего блока группа пролетарских революционеров-социалистов.

В выборах в Париже приняло участие из 547 858 внесенных в списки избирателей 328 979 человек, но абсентеизм не был значительным, если учесть, что после капитуляции до 60 тыс.

состоятельных буржуа покинули столицу. Победа осталась почти целиком за блоком буржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов, получивших в Собрании больше половины из 43 мандатов столицы. Монархистам и умеренным республиканцам удалось провести не многих кандидатов. Провалились почти все члены «правительства национальной обороны», Фавр едва набрал необходимое число голосов после махинаций с избирательными бюллетенями в отдельных мэриях.

Блок буржуазных демократов и части социалистов был представлен в Париже двумя самостоятельными списками, значительно отличавшимися друг от друга. Основной список был опубликован от имени четырех комитетов: Республиканского альянса, Республиканского союза, Защитников республики и Международного Товарищества Рабочих. Он включал, наряду с именами видных представителей мелкобуржуазной демократии неоякобинского толка (Ледрю-Роллена, Ф. Пиа, Делеклюза и др.), имена видных прудонистов, стоявших у руководства Федерации парижских секций Интернационала (Малона, Шалена, Комбо, Толена и др.). Именно за этот список горячо ратовала в предвыборные дни новая газета Ф. Пиа «*Le Vengeur*», начавшая выходить 1 февраля и сразу же получившая в столице широкое распространение.

Другой список был опубликован в день выборов газетой А. Рошфора «*Le Mot d'Ordre*» и в отличие от списка четырех комитетов содержал имена сторонников продолжения войны, таких, как Гамбетта, Шёльхер, Кинэ, Дориан. Ни в том, ни в другом списке указанного блока, ратовавшего за «единую и неделимую республику» и продолжение войны, не было имени Бланки. Против выдвижения в депутаты бланкистов решительно возражали на избирательных собраниях как буржуазные демократы, так и мелкобуржуазные социалисты. Еще в ноябре 1870 г. на муниципальных выборах имя Бланки было в последний момент вычеркнуто из списка XX округа (Менильмонтан). Его имя было тогда заменено именем левого прудониста Лефрансэ (без ведома последнего), находившегося в тюрьме за участие в событиях 31 октября. Прудонист Мильер, сообщая Лефрансэ об его избрании, писал ему, что замена эта была произведена исключительно с целью «провалить Бланки, который без этого был бы обязательно избран»³.

На февральских выборах 1871 г. имя Бланки, первоначально внесенное в список четырех комитетов, было затем вычеркнуто, с одной стороны, по требованию Республиканского альянса, с другой — по настоянию Рошфора.

³ М. Dommanget. Blanqui. La guerre de 1870—1871. La Commune. Paris, 1947, p. 89.

Имена Бланки и многих других его единомышленников были включены в список «революционно-социалистических кандидатов», опубликованный от имени трех пролетарских организаций Парижа: Международного Товарищества Рабочих, Федеральной палаты рабочих обществ и Делегации 20 округов⁴. Список этот был составлен по инициативе представителя Генерального Совета Интернационала Серрайе, а также нескольких представителей левого крыла прудонистов, недовольных примиренческой политикой парижского Федерального совета Интернационала и выступавших на февральских выборах против каких-либо соглашений с буржуазией. Таким образом, от имени Интернационала были выставлены в столице два различных списка.

28 февраля Серрайе рассказал на заседании Генерального Совета, при каких обстоятельствах произошел раскол в Федерации парижских секций Интернационала и был выдвинут самостоятельный список революционно-социалистических кандидатов. По словам Серрайе, уже во время предварительного обсуждения списка кандидатов многие прудонисты «не захотели быть в одном списке с Бланки». Упорство прудонистов заставило Серрайе покинуть собрание: «Я ушел, другие остались и выставили от имени Интернационала в целом список кандидатов, предложенных только секциями». После нового протеста со стороны Серрайе прудонисты вообще отказались от самостоятельного списка и «согласились участвовать в общем списке с буржуазией»⁵. В результате уже на следующий день появился список четырех комитетов, и политический блок между буржуазными демократами и прудонистами был оформлен.

В список «революционно-социалистических кандидатов» помимо имени Гарибальди включены были имена нескольких популярных неоякобинцев (Пиа, Гамбона), из 43 кандидатов 19 принадлежали к рабочему классу. Двое из них — сапожник Серрайе и музыкальный мастер Дюпон — являлись активными членами Генерального Совета Интернационала и были тесно связаны с К. Марксом. Двое других — ювелир Франкель и переплетчик Варлен — были хорошо известны рабочим. Имена Бланки и его соратников (Эда, Тридона, Вайяна, Ранвье), а также нескольких популярных командиров национальной гвардии нашли свое место в пролетарском списке.

Избирательная платформа пролетарской группы, хотя и не отличалась особой четкостью, все же свидетельствовала о значительном росте классового сознания передовых рабочих Парижа. В отличие от расплывчатой платформы блока демократов

⁴ «Les Murailles politiques françaises depuis le 4 septembre 1870» (далее — «Murailles...»), t. I. Paris, 1873, p. 866.

⁵ «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871». Протоколы. М., 1965, стр. 95.

и правых социалистов, говорившей лишь о единении всех классов против внешнего врага во имя спасения Франции, избирательная платформа трех пролетарских организаций прямо вещала об «огромной партии обездоленных», ведущей борьбу «во имя построения нового мира» против «правительственной олигархии и индустриального феодализма»; она говорила также о «политическом возвышении рабочих» и об установлении республики, которая «предоставит орудия труда рабочим и тем утвердит политическую свободу с помощью социального равенства»⁶.

Однако большинство трудящихся Парижа еще далеко не освободилось от различных мелкобуржуазных иллюзий. В результате список, опубликованный газетой Рошфора, имел в Париже наибольший успех. В депутаты от Парижа прошли, наряду с буржуазными радикалами, многочисленные представители мелкобуржуазной демократии. Л. Блан получил 216 530 голосов, а Бланки был забаллотирован. Из списка, выдвинутого пролетарскими организациями Парижа, прошли в Собрание лишь те немногие кандидаты, имена которых были включены в списки газеты «Le Mot d'Ordre» и четырех комитетов.

Открытие Национального собрания состоялось 12 февраля в Бордо, несмотря на то, что на местах еще далеко не был завершен подсчет поданных голосов.

Огромное большинство депутатов нисколько не скрывало своих монархических симпатий и страха перед вооруженным народом. Уже на следующий день Собрание до конца обнажило свое реакционное лицо, отказав предоставить слово Дж. Гарибальди, который командовал Вогезской армией в боях против немецких войск. Будучи избранным в нескольких департаментах, Гарибальди добровольно сложил депутатские полномочия.

Отказ выслушать героя-полководца вызвал бурю протеста не только среди республиканцев Собрания, но и среди публики, присутствовавшей на заседании. Один из гостей, демократ из Марселя Гастон Кремье, крикнул реакционерам-депутатам презрительные слова, которые позднее вошли в историю: «Это — позор! Молчи, деревенщина!» (*Silence aux ruraux!*).

Председателем Собрания был избран один из самых умеренных республиканцев, парижский адвокат Гревй. Четыре его заместителя, а также почти все остальные члены президиума были монархистами. 17 февраля Собрание избрало «главой исполнительной власти» Тьера, завоевавшего симпатии крупной буржуазии главным образом тем, что он всегда требовал крутых мер против рабочих.

⁶ «Murailles...», t. I, p. 866.

Большинство Собрания было непрочь немедленно решить вопрос о форме правления в пользу монархии, но это большинство раздирали противоречия, и главное, оно смертельно боялось вооруженных народных масс больших городов, прежде всего Парижа, выступавших за республику и выдвигавших ряд социальных требований. В данных условиях создание чисто монархического правительства, опиравшегося на большинство Собрания, было невозможно, и это определило коалиционный характер созданного 19 февраля Тьером нового кабинета: наряду с тремя умеренными республиканцами (Ж. Фавр — министр иностранных дел; Э. Пикар — министр внутренних дел; Ж. Симон — министр просвещения), оно включало шесть представителей монархического большинства Собрания: четырех орлеанистов (Дюфор — министр юстиции, Лефло — военный министр, Потюю — морской министр, Ламбрехт — министр сельского хозяйства и торговли), одного легитимиста (Ларси — министр общественных работ) и одного бонапартиста (Пуйе-Кертье — министр финансов). Коалиционный характер правительства означал молчаливое соглашение между всеми буржуазными партиями о сохранении впредь до восстановления «порядка» в Париже и в других крупных городах Франции республики.

Именно к этому и призывал монархическое большинство Собрания Тьер, лучше других отдававший себе отчет в тех огромных трудностях, которые стояли на пути нового правительства. Страх «деревенщины» перед вооруженным народом был так велик, что ему без особого труда удалось убедить монархистов и республиканцев протянуть друг другу руки и пойти на соглашение, известное под именем «Бордоского пакта».

Создание правительства позволило реакционному большинству Собрания немедленно приступить к скорейшему заключению мира. 19 февраля оно послало в Париж комиссию депутатов для поддержания связи с Тьером и Фавром, направившимися в Версаль для переговоров с Бисмарком.

Прелиминарный мирный договор был подписан в Версале 26 февраля 1871 г. Он предусматривал отторжение от Франции значительной части Лотарингии с крепостями Мец и Тионвиль, а также всего Эльзаса, за исключением города и крепости Бельфор. Победжденные должны были уплатить огромную военную контрибуцию в сумме 5 млрд. франков, из которых 1 млрд. подлежал уплате еще в 1871 г., а остальные в последующие три года. Очищение занятых немецкими войсками департаментов должно было начаться с эвакуации непосредственно после ратификации договора Собранием парижских фортов, лежащих на левом берегу Сены. Позднее, после уплаты первого полумиллиарда, немцы должны были очистить остальные форты, а также ряд ближайших к столице департаментов, оставляя в своих руках вплоть до окончательной

выплаты контрибуции лишь шесть северных департаментов. Французские войска отводились за Луару до подписания окончательного мирного договора, сохраняя на правом берегу реки только немногие гарнизоны в крепостях и, кроме того, 40 тыс. человек для поддержания «порядка» в Париже.

Одновременно заключено было соглашение о продлении срока перемирия до 12 марта и о предоставлении германскому правительству права занять своими войсками 1 марта район Елисейских полей в западной части Парижа. Оккупация столицы Франции должна была продолжаться вплоть до ратификации мирного договора.

1 марта Собрание приступило к обсуждению вопроса о ратификации договора и почти единодушно приняло решение о низложении династии Бонапартов.

Против подписания мирного договора выступали все видные представители левого республиканского лагеря Собрания и среди них Э. Кинэ, Л. Блан, В. Гюго. Однако, несмотря на их ссылки на опыт Конвента, выступления эти не носили революционного характера, содержали лишь общие рассуждения о единении перед лицом грозного внешнего врага, проклятия по его адресу и призывы продолжать войну «до конца», опираясь на сочувствие всего цивилизованного мира!

Гамбетта предпочел на время отстраниться от политической деятельности. Будучи избран сразу в девяти департаментах, он принял мандат от одного отходившего к Германии эльзасского департамента, что дало ему повод покинуть Собрание, после чего он направился для лечения в Испанию.

Национальное собрание 547 голосами против 107 одобрило политику правительства Тьера и приняло решение о ратификации подписанного в Версале договора. Война с Германией была закончена.

*** НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ
 МЕЖДУ СИЛАМИ ДЕМОКРАТИИ
 И СИЛАМИ РЕАКЦИИ В ПАРИЖЕ.
 СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
 НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ**

Планы правительства Тьера, опиравшегося на реакционное большинство Национального собрания, с самого начала носили антинародный характер.

Финансовое положение Франции после только что проигранной войны было исключительно тяжелым. Задачей правительства стало выжимание оставшихся у трудящихся денежных средств, сокращение и без того ничтожного фонда заработной платы, вырывание у мелких торговцев и ремесленников-мастеров («patrons») всех денежных сумм, которые в предшество-

Вашние месяцы и годы в порядке ростовщического кредита получили эти представители мелкой буржуазии.

Правительство Тьера приступило к проведению ряда экономических мероприятий. Их целью было возможно скорее стабилизировать расшатанную войной валюту, укрепить пошатнувшийся банковский кредит и восстановить финансовую мощь страны — и все это путем жесткого сокращения всех расходных статей бюджета в ущерб трудящимся, повышения всех налогов, взыскания в интересах фиска всех недоимок, а в интересах всех крупных собственников — всех просроченных в результате войны и вызванного ею экономического кризиса векселей и других обязательств.

Одним из последних мероприятий «правительства национальной обороны» явилась отмена 15 февраля выплаты жалования национальным гвардейцам в размере 1,5 франка в день. Отныне выплата эта должна была производиться лишь тем из них, которые могли представить унизительные для их человеческого достоинства свидетельства о бедности. Мероприятие это наносило тяжелый удар неимущему населению многих больших городов Франции, прежде всего Парижа, поскольку жалование национального гвардейца во время войны было зачастую почти единственным источником существования многих тысяч мелких тружеников, лишившихся с июля 1870 г. обычной работы и взявшихся за оружие для защиты родины.

Прекращение военных действий в первое время почти не отразилось на материальном положении огромного большинства трудящихся. Цены на съестные припасы еще долгое время оставались недоступно высокими в связи с общей хозяйственной разрухой и большими транспортными затруднениями. Смертность в Париже и в феврале — марте 1871 г. продолжала почти вдвое превышать довоенную. Борьба против разгрома продовольственных лавок и беспорядки в районе рынка требовали усилий полиции и военного командования.

Известие о предстоящей уплате военной контрибуции действовало угнетающе на предпринимателей, тем более что в феврале — марте продолжалось неуклонное падение курса всех биржевых ценностей.

Лишение национальных гвардейцев жалования имело и политическое значение: оно предвещало роспуск народных военных формирований. Но отмена жалования была лишь «первым ударом», предварявшим ряд мероприятий, больно бивших уже не только по неимущим, но и по более состоятельным кругам мелкой и даже средней буржуазии. С самого прихода к власти члены правительства Тьера не устали подчеркивать свое стремление как можно скорее покончить с регламентацией военного времени и восстановить во всей широте свободную игру экономических сил в стране.

Наибольшие нарекания со стороны капиталистов вызывали те мероприятия «правительства национальной обороны», которые препятствовали состоятельным владельцам движимого и недвижимого имущества требовать погашения в срок задолженности, связанной с наймом жилых помещений и с денежным кредитом.

Слухи о предстоящей в скором времени отмене всех льгот и отсрочек платежей за наем жилых и торговых помещений, установленных декретами от 30 сентября 1870 г. и 3 января 1871 г., распространились сразу же после заключения перемирия. 9 марта Национальное собрание отказалось обсуждать внесенный Мильером проект закона о новых льготах в этой области. Позднее, 28 марта, оно приняло закон, отдававший съемщиков жилых и нежилых помещений во власть домовладельцев.

Задолго до капитуляции Парижа связанные с банками и биржей круги буржуазии начали настойчиво требовать от правительства скорейшей отмены всех законов, ограничивавших право предъявления ко взысканию просроченных векселей. При этом предоставление государству дальнейших кредитов ставилось в зависимость от этой отмены. К концу 1870 г. в портфеле Французского банка накопилось огромное число просроченных и еще не опротестованных векселей на общую сумму 724 млн. франков.

«С моей точки зрения, декреты об отсрочке платежей нанесли банку больший ущерб, чем все авансы казначейству,— писал в январе 1871 г. один из главных регентов Французского банка⁷.— Добейтесь отмены этих декретов, постановите, чтобы кредитор мог в срок предъявлять к взысканию вексель должника... Этим путем ликвидируется часть портфеля и уменьшится количество банкнот, находящихся в обращении»⁸. Протестовали и представители других крупнейших банков. Они также не хотели слышать о новых отсрочках, на которых настаивали не только мелкие, но и средние круги торгово-промышленной буржуазии. Связанное с банковскими кругами, правительство в конце осады поставило вопрос об отмене моратория. 4 января 1871 г. в Бордо было подписано соглашение о предоставлении Французским банком Турской делегации новых многомиллионных кредитов. Банк настаивал на приостановке «бесконечных отсрочек платежей по коммерческим векселям с тем, чтобы наличные средства банка могли возрастать и служить покрытием для банковых билетов»⁹. Нуждавшаяся в деньгах Турская делегация пошла на эти условия: 8 января был опубликован со-

⁷ Регент — член генерального совета банка.— *Ред.*

⁸ «Annales de l'Assemblée Nationale», t. XXI. Paris, 1874. Enquête sur les actes du Gouvernement de la défense nationale. Rapports et dépositions, p. 554.

⁹ *Ibid.*, p. 555.

ставленный банком декрет о разрешении предъявлять просроченные векселя ко взысканию. Уже в ближайшие недели число просроченных векселей в провинциальных отделениях банка заметно уменьшилось, но возросло число пущенных по миру мелких торговцев и ремесленных мастеров.

В Париже подобный же нажим на правительство производился управляющим Французского банка Руланом, а также другими влиятельными финансистами-регентами, в частности Ротшильдом. Но им не удалось при заключении 11 января договора о предоставлении правительству 400-миллионного кредита добиться тех же условий, что в Бордо, хотя в портфеле банка в Париже скопилось на полмиллиарда франков просроченных векселей. Однако правительству пришлось дать банку обещание в возможно короткий срок отменить ненавистные кредиторам декреты о моратории.

Правительство не решилось в середине января пойти на отмену моратория: политическое положение в Париже не позволяло ему этого. Правительство не могло еще решиться оттолкнуть от себя отменой моратория широкие слои мелкой и средней буржуазии.

Реакционный состав Национального собрания и приход к власти правительства Тьера обеспечили Французскому банку отмену экономических декретов «правительства национальной обороны». Финансовые круги могли рассчитывать на Тьера, тесно связанного с банковским миром. Переход к «нормальным экономическим отношениям» был торжественно возведен им с трибуны Собрания 19 февраля¹⁰.

«Я использовал это путешествие,— писал Тьер о своей поездке в Париж и Версаль,— для того чтобы договориться с Французским банком и получить от него новые авансы»¹¹.

Рулан, несомненно, воспользовался финансовыми затруднениями правительства, чтобы оказать на него давление, потребовав в самой категорической форме скорейшего проведения в жизнь желательных для банковских кругов мероприятий. 1 марта в письме Пикару он выражал надежду, что правительство быстро представит Собранию «хороший проект закона о ликвидации просроченных векселей», а 3 марта писал Тьеру, что «еще не чувствуется руки, которая управляет»... «Таково общее мнение тех людей, с которыми я встречаюсь... и которые стоят в центре деловой жизни и крупнейших сделок»¹².

5 марта в Бордо состоялось экстренное совещание регентов Французского банка и директоров его отделений.

¹⁰ «Annales de l'Assemblée Nationale», t. I. Paris, 1871, p. 74 (annexes).

¹¹ L. A. Thiers. Notes et souvenirs. 1870—1873. Paris, 1904, p. 135.

¹² E. Reclus, E. Picard. 1821—1877. Paris, 1912, p. 218.

Тьер спешит ответить Рулану. В письме, отправленном из Бордо 5 марта, он отчитывается перед Руланом в своих поступках: «Рука, которая должна управлять, существует»¹³, — и заверяет Рулана, что прежде всего «рука» эта поспешит провести закон об отмене моратория.

Уже на следующий день проект соответствующего закона был внесен правительством в Национальное собрание. 8 марта Тьер в весьма нервном тоне умолял Собрание не задерживать обсуждение столь важного закона, «который имеет целью восстановить естественный порядок вещей» и «должен послужить возвращению в кассу Французского банка 800 млн. франков по просроченным векселям»¹⁴. 10 марта закон об отмене отсрочки платежей по векселям был принят по инициативе Дюфора, потребовавшего немедленного перехода к постатейному чтению и общему голосованию.

Несмотря на возражения в Собрании и в печати, несмотря на волну негодования и возмущения, прокатившуюся по Парижу и всей Франции, принятие закона сразу подняло курс банковских акций¹⁵. Именно это мероприятие накануне событий 18 марта сильнее всего волновало и революционизировало массу парижских мелких собственников, ускоряя процесс политического сближения между ними, рабочими и беднейшими ремесленниками.

В отличие от кануна июньской схватки 1848 г., в мартовские дни 1871 г. трудовой народ Парижа был уже не одинок. Его революционный порыв находил на этот раз живой отклик у мелких собственников столицы.

Классовые бои, массовые стачки и деятельность Интернационала значительно повысили активность пролетарских масс Франции, особенно Парижа. Тяжелые дни осады способствовали росту классовой сознательности рабочих, сумевших использовать военные затруднения правительства для создания собственных политических организаций — клубов, комитетов бдительности, союзов и т. п. Капитуляция не вырвала из рук парижских рабочих и ремесленников ружья и пушки. Уже это одно создавало огромную угрозу для «законной» власти буржуазии, рядом с которой в Париже к концу февраля все более и более отчетливо вырисовывались очертания новой, создаваемой по почину рабочих и присоединившихся к ним ремесленников подлинно народной власти.

В период кратковременной, но бурной избирательной кампании в Париже заметно возросла классовая сознательность трудящихся. Оживленные и страстные прения на многочисленных

¹³ «Revue des deux mondes», 1916, t. XXXIV, N 1.

¹⁴ «Annales de l'Assemblée Nationale», t. 1, p. 205.

¹⁵ «Le Temps», 13.III 1871.

избирательных собраниях и переговоры, связанные с выдвижением общих списков кандидатов, публикация в революционно-демократической печати («Le Mot d'Ordre», «Le Vengeur», «Le Cri du Peuple» и т. п.) разоблачительного материала, направленного против правительства,— все это способствовало ускорению размежевания между буржуазным радикализмом и социализмом, а с другой стороны, сближению между отдельными революционно-социалистическими группировками.

Сближение это — результат совместной борьбы против правительства и поддерживавших его фракций буржуазии — неизбежно способствовало установлению, наконец, столь необходимого организационного единства. К началу февраля наладилось повседневное сотрудничество Делегации 20 округов, Федерального совета парижских секций Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ. На заседании Делегации 20 округов 4 февраля речь по существу шла о принципах Интернационала, причем отдельные ораторы прямо ставили вопрос о взятии власти рабочим классом, хотя это и рисовалось им как продолжение традиций 1793 г.¹⁶

19 февраля Центральный комитет 20 округов обсудил, принял и разослал отдельным окружным комитетам бдительности Декларацию принципов, содержащую, наряду с основными программными установками, хорошо разработанный план создания новой революционно-социалистической партии с опорой на комитеты бдительности¹⁷.

Декларация Центрального комитета 20 округов, несомненно, являлась дальнейшим развитием избирательной программы, с которой во время недавних выборов выступала группа членов Интернационала, образовавшая в начале февраля под руководством Серрайе новый, второй центр парижского Федерального совета.

Декларация принципов являлась прямым отражением возросшей классовой сознательности наиболее передовых парижских рабочих. Она свидетельствовала о значительном общем полевении всех парижских трудящихся, особенно в связи с антинародной политикой Национального собрания и правительства Тьера. В Декларации принципов открыто звучал призыв к членам комитетов бдительности заявить о своей принадлежности к партии революционных социалистов, «готовых всеми имеющимися в их распоряжении средствами способствовать пропаганде идей Международного Товарищества Рабочих»¹⁸. Члены

¹⁶ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 166.

¹⁷ G. Bourgin. La Commune de Paris et le Comité Central.— «Revue historique», 1925, t. CL, p. 15 et suiv.

¹⁸ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 118.

этой партии обязывались «всеми доступными средствами добиваться уничтожения привилегий буржуазии, свержения ее как господствующей касты и политического возвышения трудящихся, одним словом — социального равенства». И в политической области Декларация подчеркивала, что «республика стоит выше права большинства» и что члены комитетов бдительности «не признают за этим большинством права сводить на нет принцип народного суверенитета ни непосредственно, путем организации плебисцита, ни косвенно, путем созыва собрания, являющегося выразителем воли того же большинства». Если это будет необходимо, указывалось в Декларации, члены революционно-социалистической партии должны «силой» воспрепятствовать созыву Учредительного собрания, «прежде чем основы существующего общественного строя не будут изменены путем революционной политической и социальной ликвидации»¹⁹.

Хотя Декларация Центрального комитета 20 округов и была далеко не свободна от прудонистской фразеологии (требования «социальной ликвидации», предоставления работникам «полного продукта труда»), в целом она была проникнута духом непримиримой ненависти к капиталистическому строю. В ней прямо говорилось о захвате власти трудящимися и предстоящем создании в Париже *«Революционной коммуны»* в качестве единственного органа действительно законной власти, а во всей Франции — *«Правительства политической ликвидации»*. Правительство это должно было быть создано революционными коммунарами страны и главными рабочими центрами. Декларация прямо призывала к борьбе за создание новой формы государственной власти, имеющей мало общего с формальной буржуазной демократией. Прудонистский отпечаток не менял ее социалистического характера. Она звала трудящихся Парижа к борьбе против эксплуататоров, к объединению распыленных сил и созданию классовой пролетарской партии под знаменем Интернационала.

20 и 23 февраля в Париже состоялись общие собрания членов комитетов бдительности отдельных округов, принявшие важные подготовительные решения. Постановлено было прежде всего провести чистку личного состава комитетов с целью удаления из них «тех, у кого не хватает революционного пыла». В связи с этим каждый член должен был подписать в знак своего согласия с политическими принципами партии указанную Декларацию и в дальнейшем аккуратно вносить в партийную казну членский взнос в размере 50 сантимов в месяц. Предусматривалась также и более четкая организационная структура, превращавшая очищенные от буржуазных элементов

¹⁹ Ibid., p. 197—198.

комитеты бдительности и сам Центральный комитет 20 округов в подлинные центры вновь создаваемой партии — социалистической по своим программным установкам и пролетарской по социальному составу большинства своих членов. При этом предусматривалось и значительное расширение новой партийной организации как путем привлечения в ее ряды сочувствующих, так и путем слияния с близкими по духу политическими группировками. В департаменты были посланы комиссары, которые пытались установить связь с местными демократическими и революционными организациями с целью создания социалистической революционной партии на местах, однако эти комиссары особых успехов не добились²⁰.

Усилия Центрального комитета 20 округов бесспорно расчищали путь к предстоящему захвату власти рабочим классом Парижа. Хотя ЦК и комитеты бдительности еще далеко не являлись органами новой рабочей власти и опирались лишь на весьма узкие круги наиболее передовых рабочих, они все же, по совершенно правильному заключению П. М. Керженцева, «вырабатывали своеобразную форму общественного контроля и нередко явочным порядком выполняли функции власти...»²¹ В то же время они теснейшим образом были связаны с многочисленными парижскими народными клубами, вели пропаганду социалистических идей и до создания Центрального комитета национальной гвардии неоднократно пытались взять на себя руководство массами. Им, однако, так и не удалось возглавить борьбу масс против правительства. Не удалось добиться и организации новой революционно-социалистической партии. Этому препятствовало прежде всего далеко не достаточное число классово сознательных рабочих в Париже, «не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления»²². Даже такой деятель I Интернационала, как Э. Варлен, к началу 1871 г. не успел освободиться от прудонистских заблуждений. А в Бельвиле и Менильмонтане среди более сознательных рабочих можно было тогда найти достаточное число последователей О. Бланки, ожидавших избавления от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговорщической деятельности кучки революционеров.

В связи с недостаточной зрелостью парижских рабочих, не успевших еще освободиться от различных форм непролетарского, домарковского социализма, организационные усилия Центрального комитета 20 округов так и не увенчались успехом.

²⁰ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Rêpublicain..., p. 204—209.

²¹ П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 г., изд. 2-е, М., 1959, стр. 149—150.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

Парижский Федеральный совет Интернационала еще менее, чем ЦК 20 округов, был способен объединить распыленные массы рабочих и подготовить их к отражению натиска со стороны буржуазии. В период избирательной кампании дело дошло до раскола и образования, наряду со старым, второго Федерального совета, в избрании которого принимало участие 11 парижских восточных секций, стоявших на почве классовой борьбы. Раскол был, правда, скоро преодолен, и оба совета к концу февраля объединились.

К тому же Федеральный совет не располагал собственным печатным органом. Весь январь и февраль вопрос об издании газеты или журнала горячо дебатировался на заседаниях Совета. Варлен еще 5 января указывал, что «Федеральному совету необходимо иметь свой собственный журнал, который распространял бы идеи Товарищества и редакция которого принадлежала бы исключительно ему одному»²³. Франкель горячо поддержал Варлена: «Нам необходим орган, который бы ясно развивал наши идеи... Как хотите вы, чтобы ничего не сведущий рабочий понимал эти идеи? В настоящее время ему говорят о Коммуне. Слово это его пугает, он не знает, что это такое. С самого основания республики мы ничего не делали. Буржуазия наступает на нас в настоящее время! Ответим ей острым, независимым журналом, высоко поднимающим знамя рабочего класса»²⁴.

Программные и особенно тактические установки Федерального совета также не отличались достаточной определенностью. Отдельные его члены явно тянули Интернационал назад, на старые прудонистские позиции, сужая задачи Товарищества и усматривая в нем лишь одну профессиональную, чисто экономическую организацию. Хотя в последние годы Второй империи большинство французских членов Интернационала достаточно ясно осознали необходимость участия в политической борьбе, сектантство не было еще до конца изжито ими. Даже Варлен и Франкель, понимавшие, что единственное средство действительно улучшить положение рабочих состоит в превращении Интернационала в мощную и совершенно самостоятельную политическую организацию²⁵, не ставили еще вопроса о захвате власти, ограничивая деятельность Интернационала одной только пропагандой его идей, выдвигая в качестве ближайшей задачи лишь укрепление и реорганизацию Федерального совета и его секций. Только немногие члены Интернационала полагали, что место Федерального совета — во главе рабочих масс; они про-

²³ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. I—III. Versailles, 1872, t. III, p. 212.

²⁴ Ibid., p. 215.

²⁵ Ibidem.

тестовали против сужения задач Интернационала и требовали дальнейшего усиления его политической активности. Лакор, например, на заседании 19 января прямо указывал, что «рабочие должны были овладеть властью уже 4 сентября» и что «это следует сделать в настоящее время... Если бы Интернационал с первого дня шел прямым путем, все пошло бы по-другому, в частности, в день 31 октября. Сейчас все дезорганизовано и тем не менее Интернационал должен понять, что в настоящее время на карту поставлено само его существование...»²⁶

Между тем обстановка в Париже после капитуляции все больше требовала от Федерального совета активного вмешательства в политическую борьбу. Труженики столицы хорошо знали о готовящемся против них в Бордо контрреволюционном заговоре. Уже 15 февраля им был нанесен первый тяжелый удар — они были лишены заработка национальных гвардейцев. Готовились и другие не менее тяжелые удары, о которых сообщали газеты. В огромном полуголодном и разоренном войной городе быстро нарастало народное возмущение, выливавшееся то в отдельные продовольственные беспорядки, то в антиправительственные выступления и демонстрации. Среди национальных гвардейцев и солдат наблюдалось резкое падение дисциплины, имелись случаи открытого неповиновения офицерам. Налицо, таким образом, были признаки нового обострения революционной ситуации, но это проходило мимо Федерального совета, продолжавшего и во второй половине февраля на своих заседаниях заниматься в основном вопросами реорганизации, издания собственной газеты и даже постановившего 15 февраля, по предложению Авриала, поддержанному Тейсом и Франкелем, создать специальную комиссию «для углубленного изучения социальных вопросов» и «проведения анкеты с целью изучения положения отдельных секций»²⁷.

Федеральный совет фактически устранился от ответственности, что особенно отчетливо выявилось, когда само развитие событий поставило его в конце февраля перед необходимостью возглавить стихийно начавшееся в Париже народное антиправительственное движение. На заседании 22 февраля Федеральному совету пришлось определить свое отношение к тем мирным демонстрациям в память годовщины февральской революции 1848 г., которые готовили тогда многие прогрессивные организации Парижа. Пикар, представитель секции Ришар-Ленуар, предложил принять участие в демонстрации, но не встретил достаточной поддержки. Прудонист Комбо указал даже на «несвоевременность» подобных демонстраций, а другой член Совета,

²⁶ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 218.

²⁷ Ibid., p. 222.

Ролле,— на то, что при данных обстоятельствах следует избегать давать властям какой-либо повод для насильственных действий против народа. Франкель со своей стороны подчеркнул, что, «лично весьма сочувствуя демонстрации», он также не считает ее «необходимой при настоящих обстоятельствах». По его мнению, следует «безотлагательно заняться научными и организационными вопросами». «Мы должны углубленно изучать специальные вопросы — жилищный и всеобщей безработицы. Секции должны принять участие в этой работе... Необходимо согласовать все наши выводы и предложения и кратко изложить их в наказе, который мы передадим Малону и Толену, заседающим в Национальном собрании, с тем, чтобы они ознакомили его с волей рабочих». Франкель предложил «прекратить обсуждение вопроса о демонстрации»²⁸. В результате Федеральный совет постановил отказаться от организованной поддержки массовой политической демонстрации и предложил своим членам принять в ней участие по собственному желанию в качестве частных лиц.

При подобном отношении к политическим выступлениям невозможно было рассчитывать на превращение Федерации парижских секций Интернационала в подлинную политическую партию рабочего класса, способную возглавить революционное движение. Сходную позицию Федеральный совет занял и по отношению к новому, создаваемому по инициативе трудящихся Парижа органу — Центральному комитету национальной гвардии.

Центральный комитет 20 округов и Федеральный совет Интернационала, таким образом, оказались не в состоянии противопоставить реакционной «деревенщине» Национального собрания организованное сопротивление трудящихся столицы. Рабочие и ремесленники Парижа находились после капитуляции в состоянии нарастающего возбуждения. Тревожные вести из Бордо все определеннее говорили им о готовящемся там контрреволюционном заговоре и стремлении монархического большинства Собрания как можно скорее покончить с республикой. Нависшая над всеми трудящимися Парижа угроза усиливала среди национальных гвардейцев стремление к созданию руководящего политического центра, способного отстаивать как их политические, так и профессиональные интересы.

Уже в период осады делались отдельные попытки создания так называемой Федерации национальной гвардии, т. е. избрания особого, руководящего всеми батальонами политического центра, способного контролировать решения как правительства, так и военного командования. Однако все эти попытки, встре-

²⁸ Ibid., p. 224.

чавшие упорное сопротивление со стороны властей, оставались безуспешными²⁹.

Непосредственный толчок к объединению был дан необходимостью выдвинуть кандидатов в депутаты Национального собрания. 6 февраля в помещении Зимнего цирка состоялось многолюдное общее собрание национальных гвардейцев; оно проходило под председательством мелкого торговца из III округа Курти и единодушно рекомендовало голосовать на предстоящих выборах за кандидатов, выдвинутых четырьмя демократическими комитетами. В связи с возможностью проведения второго тура выборов собрание выдвинуло из своей среды особое бюро и постановило провести в ближайшие дни новое предвыборное собрание.

Намеченное собрание состоялось 15 февраля в помещении танцевального зала Тиволи и привлекло более 3 тыс. национальных гвардейцев. Только I и II округа, населенные преимущественно состоятельными буржуа, не прислали на собрание своих представителей. Первоначально намеченная задача — выдвижение кандидатов для второго тура выборов теперь, однако, уже мало интересовала собравшихся. Они стремились к созданию Федерации национальной гвардии, способной защищать интересы трудящихся, которым грозило лишение заработка и разоружение. Собрание единогласно приняло особый наказ избранныкам Парижа: всеми силами поддерживать республику; добиваться предания суду членов правительства Трошю — Фавра и создания Комитета общественного спасения; не допустить ввода немецких войск в Париж, даже если придется выступить «с оружием в руках», воспрепятствовать разоружению национальной гвардии.

В принятом на собрании «Введении к Уставу» не выдвигалось еще никаких специфически пролетарских требований, но наряду с призывом отстоять демократическую республику и заменить постоянную армию народной милицией указывалось, что основной задачей будущего ЦК национальной гвардии будет поддержка на выборах рабочих кандидатур, чтобы наконец «трудящийся производитель... был призван представлять нацию»³⁰.

Для выработки порядка избрания ЦК и разработки Устава федерации была выделена особая временная комиссия из 20 человек — представителей батальонов национальной гвардии отдельных округов. Рабочие и ремесленники, мелкие служащие и интеллигенты — почти все они были мало кому известны за

²⁹ 30 января 1871 г. группа офицеров 145-го батальона образовала «инициативный комитет» и составила проект создания окружных комитетов и Центрального комитета национальной гвардии из выборных делегатов. — *Ред.*

³⁰ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 3.

пределами своих округов. Только один — Алавуан — был членом Интернационала и только один — мелкий служащий Арнольд — в будущем стал членом Коммуны. Батальоны буржуазных I и II округов не прислали на собрание своих представителей и вследствие этого в дальнейшем не были представлены на заседания временной комиссии. Заседания эти состоялись несколько раз между 16 и 20 февраля в том же помещении. Комиссия подготовила проект Устава федерации, который и был обсужден на новом общем собрании, состоявшемся 24 февраля в зале Тиволи.

Представленный комиссией проект предусматривал право командиров национальной гвардии участвовать вместе с рядовыми бойцами в выборах представителей на общеделегатское собрание, а также посылать по одному особому представителю от командного состава на общее собрание батальона. Решить возможно скорее «деликатный»³¹ вопрос об участии офицеров в выборах руководящих политических органов национальной гвардии было тем более необходимо, что наряду с федерацией, создававшейся на массовых собраниях рядовых бойцов в зале Тиволи, часть штабных офицеров пыталась создать другую, параллельную ей организацию — Федеральный республиканский комитет. Во главе этого комитета стоял командир 25-го батальона, бывший дивизионный генерал Р. дю Биссон, человек реакционных политических взглядов, стремившийся отвести командному составу руководящую роль в федерации. Существование двух конкурирующих федераций дробило бы силы демократии, и вследствие этого временная комиссия приняла решение пойти на соглашение с офицерами и увеличить представительство от них. В результате обе организации слились и приняли общий Устав Федерации национальной гвардии. Органы федерации, по правильному замечанию Н. М. Лукина, стали «чем-то вроде советов солдатских и офицерских депутатов»³².

Федерация создавалась из следующих руководящих органов: общеделегатского собрания в составе представителей, избранных каждой отдельной ротой без различия чинов, и делегатов от офицеров из расчета один делегат на батальон;

комитетов батальонов, включавших по три делегата от каждой роты без различия чинов, офицера, избранного в общеделегатское собрание, и командира батальона;

советов легионов, куда входили по два представителя от каждого батальонного комитета данного округа, избранные также без различия чинов, и все батальонные командиры;

Центрального комитета (Большого совета), включавшего по

³¹ Ibid., p. 13.

³² Н. М. Лукин (Н. Антонов). Парижская Коммуна 1871 г., изд. 2-е. М., 1924, стр. 142—143.

два представителя от каждого из 22 округов Парижа (20 городских и 2 пригородных) и по одному батальонному командиру от каждого легиона, избираемому всем командным составом легиона. Всех членов ЦК, таким образом, должно было быть 66, из числа которых 22 являлись представителями командного состава.

Однако 24 февраля общее собрание не утвердило представленный комиссией проект. Оно вынесло постановление отпечатать проект Устава в возможно большем количестве экземпляров, распространить его по Парижу и затем подвергнуть обсуждению в каждой роте. Собрание вместе с тем объявило себя временным ЦК и обратилось ко всем национальным гвардейцам с призывом при первом же сигнале о вступлении в Париж немецких войск поспешить с оружием в руках на сборные пункты и оказать сопротивление. Были приняты решения всеми средствами противодействовать попыткам разоружения; не признавать никаких других командиров, кроме избранных самими гвардейцами; по закрытии собрания направиться на площадь Бастилии с целью «почтить память мучеников 1830 и 1848 гг.»³³.

* НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ
В ПАРИЖЕ

Решения, принятые общим собранием 24 февраля, способствовали заметному росту популярности временного ЦК национальной гвардии среди парижских трудящихся. Особенно большое значение при этом имела та политическая линия, которой придерживался вновь созданный руководящий орган федерации как в тревожные дни массовых народных демонстраций в честь годовщины февральской революции 1848 г., так и в дни кратковременной частичной оккупации Парижа германской армией (1—3 марта), чуть было не приведшей к кровавому столкновению победителей с оскорбленными в своих патриотических чувствах парижанами.

Волнения, начавшиеся 24 февраля и продолжавшиеся десять дней (вплоть до 4—5 марта), несомненно послужили исходной точкой событий, приведших в дальнейшем к восстанию 18 марта.

Уже за несколько дней до годовщины февральской революции вопрос о проведении массовой политической демонстрации горячо обсуждался в парижских клубах³⁴. Выступление ЦК национальной гвардии придало этой демонстрации всена-

³³ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 14.

³⁴ Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars. Paris, 1871, p. 15.

родный характер, поскольку торжественное шествие участников собрания национальной гвардии на площадь Бастилии не могло не прозвучать призывом не только восславить дело мучеников свободы, но и не забывать об их героическом примере.

24 февраля народные демонстрации вокруг Июльской колонны продолжались до самой ночи. Под звуки военной музыки с развернутыми знаменами вступали на площадь Бастилии батальоны национальной гвардии. Они дефилировали вокруг венчающего колонну бронзового Геняя свободы и возлагали к ее подножью обвитые траурными лентами венки. Многочисленные поднимавшиеся на пьедестал ораторы в своих речах восславляли память «мучеников 1830 и 1848 гг.» и бросали бордоской «деревенщине» и членам правительства обвинения в сознательном предательстве отчизны.

25 февраля массовые демонстрации стали еще более грандиозными. Лозунги демонстрантов стали постепенно принимать отчетливо социальный характер. При общих восторженных криках: «Да здравствует Всемирная республика!» — к руке венчающего колонну Геняя было прикреплено красное знамя, которое в последующие дни продолжало реять над демонстрантами. К вечеру полицейским агентам стало опасно появляться в форме на улицах города и демонстранты, по словам префекта полиции, встречали оскорблениями попадавших к ним по пути на площадь «хорошо одетых женщин»³⁵.

26 февраля волнения приобрели особенно массовый характер. Возбужденная до последней степени, толпа расправилась с одним полицейским агентом. К национальным гвардейцам стали теперь все больше присоединяться солдаты, мобили и матросы. Четырем батальонам пехоты только к 12 часам ночи удалось восстановить на площади Бастилии относительный порядок. Однако и среди регулярных войск к этому времени налицо были уже все признаки начинающегося разложения: «На площади Бастилии... войска смешиваются с толпой и братаются с нею», — телеграфировал мэр города Ферри³⁶. По городу начали распространяться слухи о предстоящей временной оккупации западной части Парижа немецкими войсками. В предвидении оккупации командование отдало распоряжение об эвакуации западных округов города, но «позабыло» вывезти находившиеся там пушки, отлитые во время осады на добровольные пожертвования горожан. Негодование охватило массы парижан. Кое-где ударили в набат, и национальные гвардейцы стали перетаскивать на руках орудия из района предстоящей оккупации в восточные округа — на Вогезскую площадь, в Бельвиль, на Монмартрские и Шомонские высоты. Народ, который активно по-

³⁵ Ibid., p. 16.

³⁶ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. I, p. 33.

могал им в этом, установил более 170 орудий на Монмартре. Здесь для их охраны немедленно был создан особый комитет. Вокруг орудий вырыты были траншеи, и национальные гвардейцы стали возводить укрепления.

К ночи на 27-е волнения охватили весь город. Батальоны национальной гвардии с оружием в руках начали продвигаться по Елисейским полям в сторону Триумфальной арки и занимать подлежащий оккупации 6-й военный сектор Парижа. В его штабе появились посланные ЦК национальной гвардии офицеры, которые и стали отдавать распоряжения в связи с предстоящим столкновением с германской армией. Под утро к тюрьме Сент-Пелажи подступили массы национальных гвардейцев и по распоряжению ЦК национальной гвардии освободили Брюнеля и Пиацца — руководителей неудавшейся попытки помешать заключению перемирия в ночь на 29 января 1871 г.

С утра 27 февраля по всему Парижу продолжался захват складов с оружием и боеприпасами, при этом представители власти обнаружили свое полнейшее бессилие. «Единственной растущей силой среди всеобщего беспорядка являлась сила ЦК национальной гвардии», — вынужден был позднее признать составитель основного правительственного доклада о событиях 18 марта Дельпи³⁷. С этого дня ЦК национальной гвардии смело берет на себя различные функции власти. Даже арестованных скоро станут водить для судебного разбирательства не в полицейские участки, а в ЦК национальной гвардии — так высок становится его авторитет³⁸.

По распоряжению генерала Винуа отдельные полки, расположенные в Бельвиле и Менильмонтане, были выведены оттуда и окружным путем направлены в район Марсова поля и Дома инвалидов. Позднее Винуа указывал на «опасные последствия» смешения регулярных войск с населением Парижа³⁹, ссылаясь на тысячи возбужденных людей, поднявшихся «по призыву тайной власти», которая тогда, по его словам, впервые открыто выступила против «законной»⁴⁰. Батальоны национальных гвардейцев из буржуазных округов Парижа оставляли без всякого ответа обращения к ним призывы командования.

Начавшееся братанье солдат с национальными гвардейцами, а также пассивность и растерянность буржуазии сделали положение представителей власти критическим. «Необходимо было считаться с возможностью прямого революционного выступления масс»⁴¹, — писал позднее Фавр.

³⁷ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. I, p. 36.

³⁸ Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars, p. 42.

³⁹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 91.

⁴⁰ Gén. Vinoy. Campagne de 1870—1871. L'Armistice et la Commune. Paris, 1872, p. 146.

⁴¹ J. Favre. Gouvernement de la défense nationale, v. III. Paris, 1875, p. 124.

Положение к вечеру 27 февраля стало столь серьезным, что оставшиеся в Париже члены правительства с часу на час ожидали революционного взрыва. 28 февраля Фавр телеграфировал Тьеру в Бордо: «Агитация продолжается и выражается в определенных опасных симптомах... Солдаты, матросы и особенно мобили департамента Сена присоединились к манифестациям... Национальная гвардия абсолютно деморализована, и ее батальоны, принимающие участие в беспорядках, слушаются только комитета, который можно назвать повстанческим»⁴².

Немецкие войска оставались в западной части Парижа три дня (с 1 по 3 марта) и эвакуировались из города, как только стало известно, что Национальное собрание утвердило предварительный мирный договор. Столкновения с населением Парижа не произошло. 24 февраля ЦК национальной гвардии призвал население к сопротивлению, но через четыре дня, 28 февраля, принял решение избегать «всякого выступления, которое привело бы к немедленному крушению Республики, и призвал народ и национальную гвардию сохранять спокойствие»⁴³.

К изменению ранее принятого решения ЦК национальной гвардии побудили социалистические организации Парижа. 27 февраля в помещении на Ла Кордери состоялось совещание представителей секций Интернационала, Федеральной палаты рабочих обществ, Делегации 20 округов, опубликовавших декларацию. В ней говорилось, что всякое нападение на немецкие войска приведет лишь к тому, что «поставит народ под удары врагов революции, германских и французских монархистов, которые потопят в море крови все его социальные требования». «Мы не забыли еще об ужасах июньских дней», — указывалось в Декларации. «По моему мнению, — говорил Л. Мелье на заседании 27 февраля, — борьба в подобной обстановке явится гибелью республики и крахом социального будущего». Монесте, развивая его мысль, заявил, что «социалистическая партия должна сохранить свои силы для более благоприятного случая»⁴⁴. О растущем влиянии социалистов на членов ЦК национальной гвардии говорили и протоколы общих собраний представителей национальной гвардии 3 и 10 марта. На первом из них был окончательно утвержден Устав Федерации национальной гвардии. Собрание с одобрением заслушало выступление будущего члена Коммуны Виара, призвавшего национальных гвардейцев выполнять приказания лишь одного ЦК и арестовывать тех штабных офицеров, которые осмелятся им противодействовать. Заслушав далее выступление Лакора, предложившего заменить постоянную армию «вооруженной нацией», собра-

⁴² «Revue des deux mondes», 1916, t. XXXIV, N 1, p. 54—56.

⁴³ «Le Cri du Peuple», I, III 1871.

⁴⁴ J. Daulry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 202, 203.

ние переизбрало и пополнило временную комиссию, превратив ее во временный ЦК (впредь до избрания постоянного).

О том, что в сознании большинства национальных гвардейцев после капитуляции произошел серьезный сдвиг, свидетельствовал состав вновь избранного временного руководящего исполнительного органа: большинство членов старой временной комиссии не вошли в него. В новом ЦК из них осталось только четверо: Арнольд, Алавуан, Фронтье и Пиконель. Среди 31 его члена было 8 будущих членов Коммуны — Арнольд, Бержере, Виар, Варлен, Дюран, Остен, Пенди и Фортюне, а четверо являлись членами Интернационала — Алавуан, Дюран, Варлен и Пенди, причем двое последних сразу же начали играть в федерации руководящую роль.

Особенно большое значение имело вступление в ЦК национальной гвардии Варлена, предложившего за два дня до своего избрания на заседании Федерального совета Интернационала установить возможно более «тесную связь» с Федерацией национальной гвардии и тем «сделать крупный шаг по пути к социальному будущему»⁴⁵. «Войдем в комитет не как члены Интернационала, а как национальные гвардейцы», — настаивал он, стремясь убедить своих товарищей перестать отказываться от участия в политической борьбе и предлагая им, опираясь на ЦК национальной гвардии, наладить прерванную за время осады пропаганду социализма в рабочих массах. «Если мы останемся одни, в стороне от такой силы, мы утратим свое влияние», — указывал он⁴⁶.

Вступив 3 марта в ЦК национальной гвардии, Варлен предложил переизбрать всех командиров национальной гвардии, чтобы вернуть на свои посты тех, которые были ранее сняты по распоряжению высшего командования, и, наоборот, снять с постов тех, которые откажутся повиноваться ЦК. В результате перевыборов в число командиров национальной гвардии были избраны многие социалисты (Варлен, Жаклар, Флуранс, Эд и др.). Политическое влияние их еще более возросло. Председателем общего собрания 10 марта был избран член Интернационала рабочий Пенди. С 6 марта заседания ЦК национальной гвардии стали проходить в помещении на Ла Кордери, где собирались представители секций Интернационала.

ЦК сумел приобрести огромное влияние на рабочих и ремесленников Парижа. Трудящиеся города видели в ЦК оплот против реакционной «деревенщины» и ее контрреволюционных планов, о которых говорили буржуазные органы печати. 7 марта «*Journal des Débats*» писала, что с уходом немцев враги не покинули Парижа, что в нем остались еще не менее опас-

⁴⁵ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 227.

⁴⁶ Ibidem.

ные «внутренние враги», к которым и следует относиться, как к врагам: «Мы не можем и не должны мириться с тем, что целые кварталы отделяются баррикадами и пушками не только от остальных частей города, но и от остальной Франции». «Пушки, спасенные от захвата немцами, находятся в руках врагов общества», — многозначительно подчеркивала газета Тьера на следующий день ⁴⁷.

Страх перед союзом рабочего класса и непролетарских слоев трудящихся заставлял Французский банк и связанные с ним влиятельные финансовые круги торопить Тьера с принятием решений. Сам Тьер позднее раскрыл мотивы своего отказа от выжидательной тактики и своего перехода в наступление против трудящихся Парижа: «Не начать действовать при том состоянии, в котором находились умы, при тех толках и слухах, которые распространились в Париже, значило показать себя слабым и беспомощным». Многие дельцы всюду повторяли, по словам Тьера, что необходимо подумать о платежах Германии, но что невозможно будет совершить ни одной финансовой операции, если правительство «не покончит со всеми этими мерзавцами и не отнимет у них пушки» ⁴⁸. О том же рассказывал и Фавр, говоря, что после 10 марта «растущая дерзость заговорщиков указывала на то, что наступило время покончить с ними... Общественное мнение громко требовало этого от нас, со всех сторон раздавались жалобы на нашу слабость...» Таков был язык буржуазии и ее газет ⁴⁹.

Управляющий Французским банком Рулан в письме от 3 марта указывал Тьеру, что банк ждет от правительства быстрее перехода от слов к делу ⁵⁰. Тьер 5 марта заверял Рулана, что «правительство отнюдь не бездельничает». 3 и 4 марта, по его словам, было сделано все необходимое, чтобы отправить в Париж 40 тыс. человек. «Теперь необходимо сделать выбор среди 150 тыс. человек, самых разношерстных, разбросанных по 20 департаментам; отобрать лучшее, соединить и составить бригады, дивизии, направить их по разрушенным дорогам, занятым пруссаками; и надо еще получить разрешение в Версале для того, чтобы пруссаки позволили войскам пройти через их расположение и прибыть в Париж» ⁵¹.

Тьер, следовательно, уже с самого начала марта приступил к подготовке и проведению широко задуманного плана карательной экспедиции. «Сейчас же после подписания мирного договора я увидел, что мы должны будем выдержать ожесточен-

⁴⁷ «Journal des Débats», 8.III 1871.

⁴⁸ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 11.

⁴⁹ J. Favre. Gouvernement de la défense nationale, t. III, p. 207—208.

⁵⁰ «Revue des deux mondes», 1916, t. XXXIV, N 1, p. 62—63.

⁵¹ G. Bouniols. Thiers au pouvoir (1871—1873). Paris, 1921, p. 21—22.

ную борьбу с этими людьми», — рассказывал он. «В то время как мы в Бордо занимались обсуждением мирного договора, генерал Леффло получил приказание направить войска в столицу»⁵².

Войска, предназначенные для участия в карательной экспедиции, выделялись из состава Луарской и Северной армий. В Париж была направлена лучшая часть находившихся в провинции французских армий⁵³.

Основные распоряжения о переброске отобранных войск к Парижу были отданы генералу Леффло 3 марта и уточнены 4 марта⁵⁴.

Части, предназначенные для участия в карательной экспедиции, должны были составить в целом три пехотные дивизии, одну дивизию кавалерии и девять артиллерийских батарей общей численностью в 29 700 человек. Несколько позднее должны были быть двинуты к Парижу и полки бретонских добровольцев под командованием реакционного генерала Шаретта.

Политическому состоянию посылаемых в Париж войск уделялось исключительное внимание. «Количество войск достаточное, — пишет 7 марта Тьер, — остается их настроение. Вот что особенно меня занимает. Верность войск — главная наша задача, и она должна быть поэтому предметом всех наших забот»⁵⁵.

Используя опыт подготовки мобильной гвардии в 1848 г. как палача парижских рабочих, Тьер прежде всего предлагает генералам особенно внимательно следить за снабжением войск продовольствием, за санитарным состоянием лагерей и казарм и удобством расквартирования. «Чтобы солдаты были в хорошем настроении, надо, чтобы они были довольны», — указывает он. «Обслуживайте войска самым лучшим образом, сколько бы это ни стоило»⁵⁶.

Тьер настаивал на необходимости всеми силами стараться уберечь солдат от революционной заразы, а для этого принять меры к изоляции солдат от населения, «не идти на размещение вновь прибывающих в гуще населения; расквартирование надо производить таким образом, чтобы гарантировать вновь прибывших от дурного влияния»⁵⁷, а отдельные части из числа предназначенных для усмирения Парижа войск, которые внуша-

⁵² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 9.

⁵³ G. Bouniols. Thiers au pouvoir..., p. 25; Gén. Vinoy. Campagne de 1870—1871, p. 183.

⁵⁴ G. Bouniols. Thiers au pouvoir..., p. 25.

⁵⁵ Ibid., p. 41.

⁵⁶ F. Damé. La résistance, les maires, les députés de Paris et le Comité Central du 18 au 26 mars etc. Paris, 1871, p. 259; G. Bouniols. Thier au pouvoir, p. 42.

⁵⁷ G. Bouniols. Thier au pouvoir..., p. 26, 42.

ют хотя бы тень подозрения, немедленно отделять от остальных⁵⁸.

Большое внимание уделял Тьер командному составу, предлагая обратить «особое внимание на офицеров, убедиться в настроении последних и, если будет необходимо, произвести изменения в командном составе»⁵⁹.

Генерал Леффло, предвидя столкновение с «мятежниками», стремился поставить во главе отдельных отрядов командиров, хорошо знающих предстоящее поле битвы и хорошо знакомых с самим «врагом».

Для того чтобы перебросить в Париж столь большое количество войск, необходимо было добиться согласия немецкого командования. 4 марта Фавр обратился к Бисмарку с просьбой значительно увеличить парижский гарнизон и дополнительно ввести в столицу 20 тыс. солдат. «Париж находится под угрозой серьезного столкновения... Беспорядки... продолжаются и усиливаются... Генерал Винуа беспомощен, имея в своем распоряжении только одну дивизию»⁶⁰.

Бисмарк не заставил долго ждать разрешения. 4 марта в Версале была подписана конвенция об эвакуации фортов левого берега Сены; в ней предусматривалось увеличение гарнизона Парижа до 40 тыс. человек. В приказе немецкого верховного командования от 12 марта прямо говорилось, что «в ближайшие дни предстоят операции французских войск против мятежных национальных гвардейцев Парижа. Ходатайство со стороны генерала Винуа — разрешить прохождение его частей через нейтральную зону — подлежит удовлетворению»⁶¹.

Единый фронт господствующих классов Франции и Германии против революции и рабочего класса начал складываться фактически еще до 18 марта. При этом немецкое командование готово было не только пропустить в Париж карательные войска, но и по возможности быстро возвратить во Францию военнопленных и передать в распоряжение французского правительства 12 тыс. ружей Шаспо, доставшихся Германии после капитуляции Парижа.

Правительство стремилось обеспечить себе необходимые резервы и поэтому с нетерпением ожидало прибытия первых эшелонов бывших военнопленных. По сведениям, поступившим из Германии, военнопленные солдаты в своем огромном большинстве были настроены далеко не революционно. Тьер, озабоченный сохранением среди бывших военнопленных реакционных

⁵⁸ F. Damé. La résistance, les maires, les députés de Paris..., p. 259.

⁵⁹ G. Bouniols. Thier au pouvoir..., p. 42.

⁶⁰ Archives diplomatiques, 1873, v. I, p. 46.

⁶¹ «Moltkes Militärische Korrespondenz. Aus den Dienstschriften des Krieges 1870/71». 3. Abt. Berlin, 1897, N 777, S. 661.

настроений, стремился пресечь самую возможность соприкосновения их с мятежниками Парижа.

В дни осуществления плана покорения Парижа Тьер и его ближайшие помощники проявляли исключительную энергию, «с самых первых дней месяца они трудились над подготовкой того конфликта, который разразился в день 18 марта»⁶². В Париже генералы Сюзанн и Винуа занимались размещением прибывших войск, проводили технически сложную операцию по демобилизации батальонов мобильной гвардии, которые еще 24—26 февраля начали брататься с парижанами и принимали активное участие в манифестациях. Без удаления из Парижа этих совершенно «деморализованных» частей нечего было и думать об успехе плана разоружения и подчинения мятежного Парижа. Только к 15 марта удалось вывести из Парижа в походном порядке и по железным дорогам десятки тысяч мобилей.

Отдельные воинские части прибыли в столицу 8 и 9 марта. Между 10 и 15 марта постепенно была подвезена и большая часть остальных. Полностью прибыли к 15—17 марта 1-я дивизия, почти полностью 2-я дивизия, одна бригада 3-й дивизии и вся артиллерия. Не успели добраться до Парижа в срок только кавалерийские части, да отдельные немногие пехотные полки.

Таким образом, Винуа к 15—17 марта мог, по самому осторожному подсчету, опираться, не считая дивизии генерала Фарона, на 15—20 тыс. штыков и сабель. С количественной стороны дело, следовательно, обстояло вполне благополучно. Под вопросом, однако, оставалось качество прибывавших из провинции полков. Как отнесутся эти полки к революционной столице?

Тьер стремился выиграть время для сосредоточения войск и для восстановления аппарата принуждения, развалившегося после 4 сентября (в Париже почти не функционировала префектура полиции, разбежались полицейские и жандармы, да и многие чиновники покинули свои посты). «Раньше чем подавлять, надо управлять, а мы не имеем ни администрации, ни администраторов», — писал 4 марта Тьеру Фавр⁶³. То, что ЦК национальной гвардии не переходил в наступление и проявлял определенную пассивность, позволяло Тьеру также надеяться избежать открытых уличных боев в Париже.

Тьер и другие члены правительства, а также представители военного командования хорошо видели растущую силу ЦК национальной гвардии и именно вследствие этого предпочитали

⁶² *Gén. Vinoy. Campagne de 1870—1871*, p. 187 et suiv.

⁶³ «*Revue des deux mondes*», t. XXXIV, 1916, N 1, p. 63—65.

покончить с врагами «порядка» в Париже ударом из-за угла. Отдавая в начале марта приказы о продвижении карательных войск к Парижу, они рассчитывали прежде всего, не прибегая при этом к открытому применению оружия в столице, запугать население столицы и заставить национальных гвардейцев покориться и выдать свои пушки. «С 48 тысячами Вы сможете мало-помалу восстановить порядок, если сражение не будет иметь место, и восстановить его немедленно, если оно будет дано,— писал Тьер Ж. Фавру 5 марта.— Я полагаю, что когда войска прибудут на место, буяны станут оглядываться по сторонам прежде, чем поднять голову... Не следует начинать наступление против мятежников. Имея в своем распоряжении большую военную силу, крепкую позицию и немного терпения, имеешь все шансы покончить с мятежом без боя. Если же боя не избежать, его следует дать, но в этом случае со всей решительностью». Тьер и в письмах Сюзанну советовал лишь в случае выступления масс «раздавить негодяев, которые хотят присоединить к внешней войне войну гражданскую... Если Вас не будут провоцировать, подождите морального воздействия концентрации сил на виновников беспорядка». Тьер особое внимание уделял охране Французского банка (покушение на который «нельзя терпеть ни в коем случае») ⁶⁴.

Тьер, таким образом, до своего возвращения в Париж 15 марта считал необходимым придерживаться по отношению к революционному Парижу выжидательной тактики. Он явно опасался испортить дело преждевременным выступлением. В то же время он учитывал и возможность длительной борьбы за Париж. Об этом дают возможность судить те мотивы, которые побуждали его добиваться от Национального собрания перевода правительства из Бордо в Версаль. «Из Версаля было бы легко прийти на помощь армии, если бы ей пришлось отступать; она нашла бы здесь опорный пункт не очень далёкий и солидный,— писал Тьер.— Поэтому-то я и предлагал Версаль, не разъясняя, разумеется, мотивов, по которым я отдавал предпочтение этому городу» ⁶⁵.

Тьер хорошо отдавал себе отчет в том, что только одни жесточайшие репрессии смогут действительно привести к восстановлению «спокойствия» в Париже.

В письме, отправленном в начале марта генералу Лефло, генерал Клермон-Тоннер писал: «...я начинаю надеяться и даже верить, что мы избежим бедствий столкновения благодаря состоянию наших сил»; он рассчитывал на «незаметное овоевание Парижа», говорил о том, как предполагается провести

⁶⁴ G. Bouniols. Thiers au pouvoir..., p. 25—26, 41—42.

⁶⁵ L. A. Thiers. Notes et souvenirs, p. 136.

разоружение национальной гвардии: «Я считаю, что, когда у нас будет достаточно сил, следует изолировать один из укрепленных пунктов мятежников, чтобы взять его голодом, и в то же время прочно занять другой, наводнив все кварталы войсками и обыскав все дома (мера, которая была применена в июньские дни). После этой операции взяться за чистку населения Парижа: 25 тыс. уголовных преступников, находящихся в рядах национальной гвардии, будут иметь удовольствие предстать перед судами правительства после того, как они будут обезоружены...»⁶⁶

Растерянность и колебания в высших правительственных кругах свидетельствовали о продолжающемся «кризисе верхов» — важном признаке той общей революционной ситуации, из которой Франция не выходила уже много месяцев. Только этим «кризисом» можно объяснить проведение теми же самыми людьми, которые считали открытую карательную операцию в Париже еще преждевременной, мероприятий, способных лишь значительно увеличить возбуждение масс и только ускорить ставший уже неизбежным революционный взрыв.

Правительство Тьера, с одной стороны, рядом антинародных мероприятий провоцировало парижан на выступление, которого само страшилось, а с другой — в течение целых недель терпело складывавшееся в Париже двоевластие и не предпринимало решительных шагов ни для захвата вывезенных народом на Монмартр и в Бельвиль пушек, ни для скорейшей ликвидации ЦК национальной гвардии.

Бессилие правительства и военного командования Парижа перед лицом нараставшего народного движения обнаружилось уже в связи с захватом национальной гвардией крупных складов патронов и вооружения, расположенных в XIII округе неподалеку от знаменитой мануфактуры Гобеленов. Когда в ночь с 3 на 4 марта четыре батальона национальной гвардии, возглавляемые членами ЦК национальной гвардии Дювалем и Л. Мелье, подступили к складам, запрошенный по телеграфу Тьер счел имеющиеся в распоряжении правительства войска «малонадежными» и посоветовал избегать пока вооруженного столкновения. В результате охранявшие склады отряды полицейских без сопротивления покинули пост у мануфактуры Гобеленов. Попытка использовать для защиты складов «хорошие» батальоны из VI и VII округов осталась совершенно бесплодной⁶⁷.

Правительство Тьера провело ряд мероприятий, являвшихся в глазах рабочих и ремесленников Парижа не чем иным, как

⁶⁶ «Journal officiel», 19.IV 1871.

⁶⁷ Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars, p. 116.

подготовкой к уничтожению демократических завоеваний революции. 3 марта в ответ на заявление ЦК национальной гвардии, что последняя не будет признавать в дальнейшем никаких не ею избранных командиров, правительство назначило командующим национальной гвардией Парижа вместо ушедшего в отставку Клемана Тома генерала-бонапартиста д'Ореля де Паладина, который был известен исключительно грубостью и жестокостью. Он позорно проиграл сражение под Орлеаном и, говоря словами газеты «Le Mot d'Ordre», «был направлен в Париж совместно легитимистской и орлеанистской реакцией»⁶⁸. Столица встретила назначение этого генерала-«капитулянта» взрывом негодования. Газета «Le Vengeur» объясняла его назначение тем, что он «не умеет сражаться, но зато умеет расстреливать солдат»⁶⁹. Действительно, в первом же приказе д'Орель де Паладин подчеркнул свое твердое намерение поддерживать в рядах национальной гвардии «порядок», «уважение к закону и собственности», а также «энергично подавлять все, что может нанести ущерб спокойствию города».

9 марта военный суд приговорил заочно к смертной казни Бланки и Флуранса, а на следующий день по приказу Винуа были закрыты шесть наиболее популярных революционных парижских газет: «Le Vengeur», «Le Mot d'Ordre», «Le Cri du Peuple», «La Bouche de Fer», «Le Père Duchêne», «La Carriature». Почти одновременно с этим Национальное собрание вынесло решение о фактическом лишении Парижа звания столицы и постановило с 20 марта перенести свои заседания из Бордо в Версаль. 16 марта новым префектом полиции Парижа был назначен бонапартист, бывший жандармский генерал Валантэн. В столице было введено осадное положение.

Все эти мероприятия еще более усилили революционную активность масс. Провокационная политика Тьера способствовала значительному повышению классовой сознательности парижских пролетариев. На последнем общеделегатском собрании 215 батальонов национальной гвардии 15 марта был окончательно утвержден постоянный состав ЦК национальной гвардии, избранный, согласно Уставу, делегатами батальонов каждого округа Парижа. ЦК пополнился рядом хорошо известных рабочим социалистов (Асси, Журд, Клеман, Ранвье, Эд и др.). В населенных беднотой округах их знали как постоянных ораторов народных собраний и клубов. По словам К. Маркса, «никогда делегаты не представляли с такой полнотой масс, из которых они сами вышли». На возражения, что эти лица известны лишь рабочему классу, члены ЦК национальной гвардии, указывает

⁶⁸ «Le Mot d'Ordre», 11.III 1871.

⁶⁹ «Le Vengeur», 5.III 1871.

Маркс, могли гордо ответить: «Так же неизвестны были 12 апостолов»⁷⁰.

С начала марта авторитет ЦК национальной гвардии неуклонно возрастал. Тьер указывал, что со времени захвата пушек и перевоза их на Монмартр «ЦК отдавал приказания как полный хозяин»⁷¹. О том же самом рассказывали Винуа, д'Орель де Паладин, Лефло и многие другие. «В настоящее время в Париже имеется другое правительство — правительство Монмартра, — с негодованием писала «*Journal des Débats*» 9 марта, — и это правительство единственно настоящее. Граждане, заседающие на Монмартре, решили, что это они представляют единственное законное правительство и что, следовательно, Национальное собрание и вышедшее из его недр правительство, наоборот, являются мятежниками».

Действительно, в обстановке охватившего массы революционного подъема ЦК национальной гвардии уже с самых первых дней марта берет на себя одну за другой различные функции государственной власти. 8 марта, например, солдаты 10-го батальона мобилей, возмущенные сокращением полагающегося им жалования, чуть было не повесили своего капитана на фонаре. Они повели его в мэрию II округа, но по дороге изменили свое намерение и направились в ЦК национальной гвардии⁷². Аналогичный случай имел место и в 7-м батальоне, причем для разбора дела в помещении ЦК национальной гвардии прибыл мэр III округа Бонвале.

Такие же решения приходилось принимать в те дни ЦК национальной гвардии и по вопросам, касавшимся 9 и 16-го батальонов мобилей.

Один из наиболее правых членов парижского Федерального совета Интернационала прудонист Элигон, поддерживавший сперва правительство Трошю — Фавра, а затем и Тьера, рассказывал о весьма характерном случае, имевшем место 11 марта в XIV округе Парижа. Элигон пытался там противодействовать растущему влиянию ЦК национальной гвардии, только что направившего в батальоны округа революционно настроенных офицеров, признававших лишь власть ЦК. По словам Элигона, новый начальник легиона немедленно занял одну из местных лавочек и вывесил там свой флаг, очевидно красный. Узнав об этом, Элигон направился для переговоров и «именем закона» предложил новому начальнику легиона удалиться. «Я — народ, — ответил ему последний — ...и если Вы являетесь представителем закона, то мы являемся силой». «И они

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 543.

⁷¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 11.

⁷² «Le Temps», 9.III 1871.

были совершенно правы,— прибавляет Элигон,— тогда они действительно являлись силой»⁷³.

Следовательно, ЦК национальной гвардии еще до 18 марта существовал в Париже в качестве фактического правительства рядом с правительством Тьера, утратившим к середине марта какое-либо влияние среди трудового населения столицы. «Восстание... всего, что было живого в Париже... началось не 18 марта... оно берет свое начало с 28 января, с самого дня капитуляции!— писал К. Маркс.— Национальная гвардия, то есть все вооруженное мужское население Парижа, организовалась и действительно управляла Парижем начиная с этого дня, независимо от узурпаторского правительства *capitulards*, созданного с соизволения Бисмарка»⁷⁴.

Продвижение правительственных войск к Парижу вызвало беспокойство среди членов ЦК национальной гвардии и связанных с ним рабочих и ремесленников. Не мог остаться незамеченным тот факт, что реакция поднимает голову и готовится нанести удар революционному движению. Тем не менее ни ЦК национальной гвардии, ни Федеральный совет Интернационала, ни какая-либо другая революционная организация Парижа не отдавали себе достаточно ясного отчета в создавшемся положении и вследствие этого не предпринимали сколь-нибудь решительных мер для подготовки народных масс к неизбежному столкновению. Патристические иллюзии и иллюзии возможности классового мира мешали видеть действительность.

Еще 10 марта на собрании в зале Тиволи один из виднейших членов ЦК, Арнольд, подчеркивал, что Федерация национальной гвардии «менее всего желательны кровавые столкновения граждан между собою»⁷⁵. Стремясь снять с ЦК национальной гвардии обвинения в подстрекательстве к гражданской войне, Арнольд говорил: «Мы протягиваем братскую руку всем нашим согражданам, всем народам, которые также являются нашими братьями». И закончил он свое выступление лозунгом: «Довольно насилия, рабства и какой бы то ни было диктатуры. Да будет установлен суверенитет нации и да управляют собою сами свободные граждане!»⁷⁶ Подчеркивая со всей решительностью свое стремление избежать гражданской войны, ЦК национальной гвардии не только открыто стремился превратить Федерацию национальной гвардии Парижа в общенациональную республиканскую военную организацию, но и прямо грозил буржуазному правительству отделением от Франции де-

⁷³ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 546.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 542.

⁷⁵ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 30.

⁷⁶ Ibid., p. 34.

партамента Сена, если Национальное собрание лишит Париж звания столицы ⁷⁷.

На собрании 10 марта была принята прокламация к солдатам регулярной армии, так называемая «Красная афиша». В ней говорилось, что «несмотря на то, что в Париже находится до 300 тыс. национальных гвардейцев, в город вводятся войска, которые хотят обмануть относительно настроений парижского населения». ЦК национальной гвардии призывал солдат брататься с парижскими рабочими и ремесленниками.

Революционная печать еще до этого обратила внимание на предпринятую правительством Тьера перегруппировку войск. Тем не менее эти газеты, подобно ЦК национальной гвардии, недооценивали степень опасности и также почти не готовили народные массы к предстоящей схватке. Преобладающими здесь были оптимистические настроения, примером которых может служить одна из статей газеты «Le Mot d'Ordre», почти целиком посвященная вопросу о начавшихся перебросках правительственных войск к Парижу. Автор этой статьи вполне убежден, что дело не может дойти до открытого столкновения и что солдаты, направленные в Париж, «ближе к тому, чтобы подать руку своим парижским братьям, чем к тому, чтобы служить преторианцами генералу д'Орель де Паладину» ⁷⁸.

Таким образом, к середине марта 1871 г. оба враждующих лагеря стояли друг против друга. И если ЦК национальной гвардии пассивно выжидал дальнейших шагов «законной власти», то и правительство Тьера, накапливая в столице воинские части, не спешило вызвать столкновение.

Решение немедленно начать карательную операцию и во что бы то ни стало пресечь деятельность ЦК национальной гвардии было принято лишь после 15 марта и возвращения Тьера в Париж. Оно было вызвано и ускорено двумя факторами: начавшимся резким падением воинской дисциплины среди правительственных войск, а также заметным возрастанием авторитета ЦК национальной гвардии, усилением его военной мощи.

⁷⁷ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III, p. 54.

⁷⁸ «Le Mot d'Ordre», 7.III 1871.

Часть II

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА —
ПЕРВЫЙ ОПЫТ
ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

15 марта Тьер прибыл в Версаль для подготовки заседаний Национального собрания. Исполняющий обязанности префекта полиции Парижа Шоппен обратил внимание Тьера на ускоряющийся развал армии и советовал правительству незамедлительно перейти к «решающим действиям», так как «подверженные разлагающему воздействию Парижа войска не смогут противостоять последнему сколько-нибудь длительное время»¹.

Тьер согласился с его мнением и, ввиду предстоящих военных операций, назначил префектом полиции жандармского генерала Валантэна.

16 марта Тьер принял в Париже высших должностных лиц и командиров войск. Состоялось совещание министров, где «были приняты окончательные решения с целью положить конец создавшемуся необычайному положению вещей»².

Детали заговора с целью захвата пушек, разоружения национальной гвардии Парижа и ареста членов ее ЦК были в общих чертах обсуждены 17 марта на заседании совета министров, проходившем в здании военного министерства. В нем приняли участие генералы Лефло, Винуа, Валантэн, д'Орель де Паладин и бывший префект полиции Шоппен, которому было поручено подготовить списки подлежащих аресту революционеров Парижа.

На этом своеобразном «военном совете» не только отдельные министры, но и начальник парижского гарнизона Винуа указывали на желательность временно отсрочить «решающее действие» ввиду недостаточной подготовленности правительственных сил и, наоборот, значительной силы батальонов, под-

¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars» (далее «Enquête...»), t. II, Versailles, 1872, p. 116.

² «Journal des Débats», 18.III 1871.

держивающих ЦК национальной гвардии. Тьеру и Леффо удалось убедить собравшихся в необходимости незамедлительно, до открытия заседаний Национального собрания, добиться прекращения двоевластия в Париже. Винуа было поручено руководствоваться намеченной на ближайшую ночь военной операцией.

План операции был разработан вечером 17 марта на совещании Винуа с военным министром. Вслед за тем с принятыми решениями были ознакомлены и вызванные Винуа к 8 часам вечера командиры частей. План заключался в следующем: выведенные в 2 часа ночи из казарм войска должны были внезапно завладеть к 5 часам утра расположенными в разных концах восточного Парижа артиллерийскими парками, словив возможное сопротивление охранявших их батальонов национальной гвардии.

Большая часть вывезенных народом в конце февраля пушек была сосредоточена на высотах Монмартра и Бельвиля. Правительство направило сюда до двух дивизий регулярных войск. Предусматривалось овладеть площадью Бастилии, занять Аустерлицкий мост и мост Арсенала, оборонять подступы к Дому инвалидов и к Военной школе, куда предполагалось доставить захваченные орудия, охранять Ратушу, казармы принца Евгения, Тюильрийский и Люксембургский дворцы, префектуру полиции, мост Сен-Мишель на левом берегу Сены и район Ситэ.

Другая цель операции состояла в разгроме революционных организаций, в первую очередь ЦК национальной гвардии. В связи с этим к Валлантену вечером 17 марта были созданы все комиссары полиции. В результате каждому крупному соединению армии были приданы группы полицейских агентов под начальством комиссаров. В их задачу входили розыск по списку всех членов ЦК национальной гвардии, Центрального комитета 20 округов, Федерального совета Интернационала, проведение обысков и арестов в рабочих кварталах и т. п.

Правительство и командование отдавали себе отчет в недостаточности сил для успешного проведения карательной операции. Против 300 тыс. национальных гвардейцев, поддерживавших ЦК, они могли выставить не более 25—30 тыс. солдат, дисциплина которых оставляла желать лучшего. В связи с этим действенная поддержка так называемых «хороших» (буржуазных) батальонов национальной гвардии (их насчитывалось до 25 из 260) представлялась необходимой. Поэтому принято было решение призвать «хорошие» батальоны на помощь регулярной армии после захвата артиллерийских парков, т. е. после 6 часов утра. В 11 часов вечера к д'Орелю де Паладину на экстренное совещание были созваны до 40 командиров «хороших» батальонов, но им не было сообщено о предстоящей через несколько часов операции. Д'Орель указал, что «положение нетерпимо», что в Париже «имеются две власти», власть ЦК и

власть командующего национальной гвардией, назначенного правительством; «со дня на день может вспыхнуть война между ними», подчеркивал он, указывая, что именно «в предвидении этого правительству необходимо знать, на кого оно сможет рассчитывать». Д'Орель не получил от командиров никаких твердых заверений в поддержке, а один из присутствующих, полковник Ланглуа, даже прямо заявил, что в случае покушения на пушки «национальная гвардия не будет драться с национальной гвардией»³.

Правительство продолжало все же рассчитывать на поддержку хотя бы трети состава «хороших» батальонов и было убеждено, что захват пушек в конце концов толкнет, как в дни 31 октября и 22 января, национальных гвардейцев западных округов Парижа против национальной гвардии восточной части города. Д'Орелю де Паладину в связи с этим и предстояло после 6 часов утра призвать к оружию национальную гвардию буржуазных округов.

Без сигнала военной тревоги после 2 часов ночи войска были подняты на ноги. Солдаты и младшие офицеры ничего не знали о цели экспедиции и предполагали, что она будет очень кратковременной: ведь солдат даже ничем не напоили перед походом. Через час колонны в тишине продвигались в предрассветной мгле в сторону намеченных штабом пунктов. Следуя за войсками, полиция расклеивала правительственные афиши с обращением «К жителям Парижа». Оно содержало прямые угрозы по адресу жителей «некоторых кварталов», а также тех «злонамеренных лиц», которые создали «тайный комитет», не признающий авторитета главнокомандующего национальной гвардии и стремящийся самостоятельно руководить ею. Комитет этот, указывалось в обращении, сам «стремится образовать правительство в противовес законному, установленному всеобщей подачей голосов». Подписанная Тьером и другими членами его кабинета прокламация обращалась к тем «благонамеренным людям», которые в день 31 октября уже однажды «разогнали» злоумышленников, она предлагала им «отвернуться от дурных граждан» и «оказать поддержку законной власти вместо того, чтобы противодействовать ей». «Добрые граждане», говорилось в прокламации, должны «дать правительству право прибегнуть к силе, ибо необходимо во что бы то ни стало без малейшей проволочки, немедленно же восстановить полный и незыблемый порядок»⁴.

К «благонамеренным гражданам», и прежде всего к национальным гвардейцам «хороших» батальонов, обращена была и прокламация, подписанная д'Орелем и расклеенная по городу

³ «Enquête...», t. II, p. 433—435.

⁴ «Les Murailles politiques françaises», t. II. Paris, 1874, p. 3.

чуть позднее первой, но еще до того времени, как войска достигли Монмартра и Бельвиля. В ней в энергичных выражениях указывалось, что целью «проводящихся действий» является «укрепление республики, подавление всякого покушения на порядок и изъятие пушек, которые держат в страхе население Парижа». «Монмартрские высоты заняты нашими войсками, равно как и высоты Шомона и Бельвиля»⁵, — самонадеянно возвещал генерал населению столицы еще до того, как был обеспечен успех экспедиции.

Передовые части 88-го пехотного полка под командованием генерала Леконта к 5 часам утра первыми подошли к расположенному на высотах Монмартра артиллерийскому парку. Полицейские и жандармы были, однако, замечены одним из семерых охранявших пушки часовых, национальным гвардейцем 61-го батальона Тюрпенем, встретившим поднимавшихся на холм громким возгласом: «Кто идет? Ни с места!» — и взявшим свое ружье на изготовку. Полицейские ответили выстрелами из винтовок, тяжело ранив Тюрпена, но эти выстрелы подняли на ноги находившийся неподалеку караул. Число национальных гвардейцев было крайне незначительным — всего около двух десятков человек. Многие из караульных были тут же схвачены и обезоружены полицейскими, открывшими огонь по тем, кому удалось вырваться. Находившиеся на Монмартре пушки и митральезы были захвачены передовым отрядом генерала Леконта, пославшего батальон 88-го полка для немедленного вывоза орудий. Колонны войск успешно продвигались к Монмартру и с западного направления и без выстрела достигли его высот. Однако артиллерийские упряжки прибывали на Монмартр много медленнее, чем предполагалось: к 7 часам утра только с десятков упряжек начали вывозить с холма орудия. В ожидании прибытия остальных солдаты стали на руках стаскивать пушки вниз по узким улочкам, и дело подвигалось медленно.

Леконт лично руководил эвакуацией орудий: он спешил справиться с этим поскорее, до появления вооруженных национальных гвардейцев. Тревога генерала была так сильна, что он не допустил мэра XVIII округа врача Клемансо к смертельно раненному Тюрпену и решительно отказал в просьбе разрешить перенести умирающего на носилках в ближайшую больницу. Генерал Леконт, конечно, помнил о событиях 22 февраля 1848 г. и отлично понимал, что самый вид посилков с раненым товарищем усилит гнев национальных гвардейцев.

Одновременно в сторону Шомонских высот Бельвиля продвинулись другие воинские части, они овладели старинным центром всех выступлений парижского народа — мэрией XX ок-

⁵ «Les Murailles politiques françaises», t. II, p. 5.

руга, без единого выстрела захватили Шомонские высоты, где сосредоточены были орудия, также весьма плохо охранявшиеся национальной гвардией. Уже к 6 часам под их контролем оказался большой, населенный преимущественно рабочими и ремесленниками район восточного Парижа. Войска успешно закреплялись и в других указанных местах, победа над «мятежниками» могла казаться обеспеченной. В 9-м часу утра известия об успехах стали распространяться по телеграфу Валантэном, сообщавшим, что «развешивавшиеся на площади Бастилии красные знамена сорваны»⁶.

Однако это торжество было преждевременным. Набат на Монмартре не заставил себя долго ждать. Со всех концов спешили с оружием в руках к зданию Шато-Руж, расположенному на бульваре Клиньянкур, национальные гвардейцы монмартрских батальонов. Здесь в старинном здании помещался штаб легиона национальной гвардии и всегда находилось несколько десятков вооруженных гвардейцев. Наряду с национальными гвардейцами к захваченному солдатами артиллерийскому парку спешили взволнованные и возбужденные жители Монмартра — женщины, старики, дети. Вскоре они заполнили не только все ведущие на холм улицы, но и оба верхних плато, где сосредоточены были еще не вывезенные орудия. Национальные гвардейцы и другие жители Монмартра смешались с солдатами 88-го полка, солдат называли друзьями, им предлагали не стрелять в своих сестер и братьев. Только полицейские и жандармы остались глухи к этим призывам, среди же солдат 88-го полка, успевших глотнуть революционного воздуха Парижа, сразу стали заметны колебания. Генерал Леконт напрасно пытался угрозами призвать их к повиновению и заставить рассеять парижан.

Неповиновение привело генерала в ярость. Увидев среди национальных гвардейцев нескольких перешедших уже на сторону народа солдат своего полка, он приказал полицейским арестовать их. «Я рассчитаюсь с ними позднее!» — вне себя кричал генерал, в третий раз приказывая солдатам открыть огонь по подступающим национальным гвардейцам. Но солдаты 88-го полка по-прежнему наотрез отказывались стрелять в народ. Один из них, сержант Вердаге, смело командовал однопольчанами «К ноге!» и тем ускорил переход своих товарищей на сторону народа. Офицеров больше никто не слушал, и многих из них тут же разоружили и отправили под арест, так же как и несколько десятков полицейских и жандармов, особенно ненавистных народу. Солдаты 88-го полка сразу же освободили своих арестованных ранее товарищей и задержали самого пе-

⁶ «Enquête...», t. II, p. 66.

репуганного насмерть Леконта, как и многих офицеров его штаба. Его в тот момент принимали за Винуа. Яростные крики и проклятия окружающих сопровождали Леконта до самого Шато-Руж, где он и должен был под охраной своих же собственных восставших солдат ожидать решения своей судьбы от ЦК национальной гвардии. Письменный приказ об отступлении с Монмартра был по требованию восставших отдан генералом еще раньше. Таким образом, к 8 часам утра провал попытки захватить монмартрские пушки вполне определился.

На площади Пигаль и бульваре Клиши обстоятельства складывались также неудачно для нападающих. Со стороны Монмартрского холма сюда устремилась большая толпа национальных гвардейцев, перешедших на сторону народа солдат 88-го полка, женщин и детей. Спускавшаяся вниз на площадь толпа мешала войскам прийти на помощь Леконту. Опасаясь перехода и своих солдат на сторону восставших и стремясь расчистить себе путь к Монмартрскому холму, их командир решил в 9-м часу утра на наступление и двинул конных егерей. Но кавалеристы не спешили тронуться с места, они с явной неохотой повернули своих коней крупами к толпе и попытались, не прибегая к оружию, отеснить подходящих на площадь Пигаль национальных гвардейцев. Подобный маневр вызвал со стороны последних лишь смех и шутки, что окончательно вывело из себя командира эскадрона Сен-Джемса. Он ринулся, размахивая саблей, на национальных гвардейцев, ранил одного из них, но был сброшен с коня и смертельно ранен. Хотя неудачный наскок кавалеристов и был поддержан огнем жандармов, он был с легкостью отражен восставшими, отеснившими с площади уже начавших брататься солдат. Совершенно деморализованные части были отведены с площади Пигаль к центру города, при этом они потеряли свои пушки и митральезы: ими завладели перешедшие на наступление национальные гвардейцы, которые позднее перетаскили их на руках к мэрии XVIII округа.

На соседней площади Бланш спускавшиеся с холма национальные гвардейцы быстро расстроили ряды правительственных войск. Винуа, находившийся неподалеку, на бульваре Клиши и страшившийся распространения братания на все воинские части, вынужден был около 10 часов отдать приказ об отступлении.

Печальный для правительства Тьера исход событий на Монмартре не мог, конечно, не отразиться на положении войск, занявших Шомонские высоты. Времени для вывоза захваченных орудий не хватало. Вскоре после 6 часов утра в Бельвиле стали отчетливо слышны выстрелы со стороны Монмартра и одновременно на прилегающих к высотам улицах стали быстро расти баррикады. Попытки полицейских начать облавы с целью

ареста видных революционеров тут же провалились, так как солдаты отказывались принимать в них участие. «Я сам слышал, как они говорили между собой, что не будут стрелять в народ,— вспоминал полицейский комиссар Массе,— каждый раз, когда солдат отправляли в разведку, на помощь Монмартру или же на Шомонские высоты, их офицеры быстро возвращались обратно, сообщая нам о том, что солдаты подняли ружья прикладами вверх. Они (офицеры) были довольны, если при этом не доходило до братанья»⁷.

И здесь проникновение в ряды войск революционной «заразы», приведшее к их неповиновению, обусловило провал. Около 10 часов утра начался отход войск в направлении Марсова поля, чтобы избежать соприкосновения солдат с народом, а также вооруженного столкновения с революционной национальной гвардией. К Марсову полю и Дому инвалидов отступали войска и из других районов.

Попытка насильно отнять у национальных гвардейцев пушки закончилась, таким образом, повсеместно позорным провалом. В этих условиях «быстрейшее отступление было абсолютно необходимо для того, чтобы спасти оставшуюся в наших руках часть армии, которая в противном случае всюду сложила бы оружие»⁸.

Правительство не получило существенной поддержки и со стороны «хороших» батальонов национальной гвардии, вызванных на улицу около 7 часов утра сигналом военной тревоги в буржуазных кварталах. Мало кто из «добропорядочных» граждан откликнулся на призыв д'Ореля де Паладина и готов был прийти на помощь Винуа (в целом не более 600—1000 человек), да и то все они явились на сборные пункты тогда, когда полное поражение войск вполне определилось.

Напрасно д'Орель де Паладин с Пикаром заклинали в новой прокламации собственников Парижа — национальных гвардейцев буржуазных округов — решительно выступить на защиту «законности» и «порядка» и своим вооруженным вмешательством спасти республику от анархии. Напрасно и правительство Тьера в новом, расклеенном на стенах Парижа воззвании запугивало их «доктринами коммунизма», грозящими парижанам в случае победы «повстанческого комитета»; напрасно оно снова и снова подтверждало свою приверженность республике. Непопулярность экономических мероприятий Национального собрания была столь велика, а авторитет правительства А. Тьера столь низок среди собственников Парижа, что население буржуазных округов не откликнулось на его призыв.

Правительство Тьера и реакционная пресса уже в день вос-

⁷ «Enquête...», t. II, p. 221.

⁸ Ibid., p. 200.

стания подняли большой шум вокруг расстрела генералов Леконта и Клемана Тома в полдень 18 марта. Леконт был арестован своими солдатами после того, как тщетно пытался заставить их стрелять в народ. Клеман Тома — генерал в отставке — был особо недоволен трудящимся Парижа как один из кровавых усмирителей июньского восстания 1848 г.; в период осады Парижа он, будучи командующим национальной гвардией, восстановил против себя ее рабочие батальоны своими капитулянтскими действиями. Арестовали его в тот момент, когда, переодетый в штатское платье, он снимал план баррикад на Монмартре. Оба генерала были расстреляны солдатами. Комитет бдительности XVIII округа, где произошел расстрел, сделал все, чтобы спасти обоих генералов. ЦК национальной гвардии со всей стороны заявил о полной непричастности к расстрелу генералов.

В населенных трудящимися восточных округах военная тревога сразу же толкнула десятки тысяч людей на улицы и заставила их взяться за оружие. Попытка завладеть пушками была встречена здесь не только всеобщим негодованием, но и готовностью встать на защиту всех демократических завоеваний. Не дожидаясь каких-либо распоряжений, население не только подвергнувшись нападению правобережных округов, но также и левого берега Сены (V, VI, XIII, XIV округов) стало проводить оборонительные мероприятия: возводить из камней мостовых баррикады, усиливать сторожевые посты, высылать патрули, стягивать к местным мэриям разбросанные в разных местах пушки и т. д. Окружные комитеты бдительности активно вмешивались в события, стремясь внести в стихийно развивавшееся народное движение элементы организованности. Их деятельность, особенно в первую половину дня, имела большое значение⁹.

На Монмартре комитет бдительности помещался на шоссе Клиньянкюр, неподалеку от Шато-Руж, во главе его стояли испытанные революционеры Т. Ферре и В. Жаклар. По их распоряжению уже около 6 часов утра был дан первый в Париже сигнал военной тревоги, и национальные гвардейцы округа были призваны к оружию. В течение всего дня комитет неизменно руководил народным сопротивлением, принимал меры для охраны артиллерийских парков, вел переговоры с мэром XVIII округа Клемансо, отдавал распоряжения относительно арестованных офицеров и жандармов и т. п. Особенно велика была при этом роль В. Жаклара, который вместе с Бержере возглавлял местные батальоны национальной гвардии. Позднее он отмечал: «18 марта сражался во главе батальонов Монмартра»¹⁰.

⁹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. I. Paris, 1903, p. 148.

¹⁰ «Journal officiel», 11.V 1871.

На левом берегу Сены особенно большую активность проявил при первых же известиях о нападении на пушки рабочий-бланкист Дюваль, командовавший в XIII округе легионом национальной гвардии. Около 8 часов утра он собрал своих национальных гвардейцев и, ожидая нападения, укрепил важные пункты округа. По его распоряжению национальные гвардейцы сейчас же завладели местной мэрией и установили артиллерийские батареи на всех улицах, веером расходившихся от площади Италии. Здесь быстро были возведены высокие баррикады. Сахарный завод Сэ, расположенный в том же округе, был по его распоряжению занят 133-м батальоном. Дюваль оповестил о нападении несколькими холостыми пушечными выстрелами население соседних округов. Ближе к полудню, после получения известий о развитии событий на Монмартре, а также о захвате восставшими национальными гвардейцами мэрии V округа, Дюваль по собственной инициативе предпринял первые наступательные операции, продвинувшись с несколькими батальонами в глубь соседнего V округа и заняв вокзал Орлеанской железной дороги, Ботанический сад, склады. К вечеру он направил батальоны национальной гвардии по улицам Монжа, Суффло к бульвару Сен-Мишель в сторону Ратуши с целью поддержать продвигавшиеся с Монмартра и Батиньоля революционные батальоны. Уже за несколько дней до 18 марта между комитетами соседних, V и XIII, округов была достигнута договоренность и после ряда совещаний созданы в предвидении событий особые «комитеты действия и бдительности». Готовясь к сопротивлению, эти комитеты уже с 14 марта заседали почти непрерывно и вообще поддерживали между собой «регулярные сношения». Именно от них в самый день 18 марта исходили приказы о «первых мерах обороны». По распоряжению Дюваля XIII округ пришел на помощь V, испытывавшему недостаток в военном снаряжении. В отличие от многих других округов Парижа, не ожидавших нападения в ближайшем будущем и не проявивших накануне 18 марта достаточной бдительности, в V и XIII округах уже несколько дней «ожидали с минуты на минуту атаки со стороны правительственных войск» и члены местных комитетов бдительности в день восстания уже с 5—6 часов утра оказались на ногах. В V округе ударили в набат с колоколен двух церквей уже около 6 часов утра. Договорившись о плане обороны и нападения, члены комитета бдительности направили командирам всех местных батальонов национальной гвардии, на которых они могли положиться, специальные инструкции и вскоре приступили к «методическому захвату» отдельных, заранее намеченных пунктов в направлении Пантеона; мэрия V округа была тут же захвачена ими, а 118-й батальон национальной гвардии закрепился в близлежащих зданиях юридического факультета и библиотеки св. Же-

невьезы; на ведущих к Пантеону улицах было возведено с десяток крупных баррикад¹¹.

Все эти мероприятия заставили офицеров, занимавших Пантеон войск, отступить. Весь V округ к полудню оказался в руках восставшего народа и примерно к тому же времени было целиком очищено от правительственных войск Сент-Антуанское предместье — XI округ. В XIV округе, хотя здесь народ взялся за оружие несколько позднее, чем в XIII, к 2 часам дня площадь Анфер и вокзал Со были уже прочно захвачены восставшими. В соседнем XV округе народ также вскоре после полудня перешел от обороны к нападению: по инициативе бланкиста Фальто, начальника местного легиона национальной гвардии, одни батальоны во второй половине дня продвинулись к набережным Сены и центру города, другие же, захватив Монпарнасский вокзал, продвинулись в сторону Марсова поля и Дома инвалидов, препятствуя тем самым войскам прочно здесь закрепиться.

«Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял», — указывал Ленин, говоря о событиях 18 марта 1871 г. в Париже¹². Отпор провокационной вылазке со стороны правительства Тьера был дан утром 18 марта рабочими и ремесленниками Парижа. Без какого-либо руководства, лишь повинуясь охватившему их острому чувству гнева, трудящиеся столицы не только отстояли пушки, но и внесли столь сильное смятение в ряды участников карательной экспедиции, что отход войск на левый берег Сены начался еще до первых распоряжений ЦК национальной гвардии. Но можно ли, однако, на основании бесспорного факта почти полной пассивности Центрального комитета национальной гвардии в первые часы восстания утверждать вслед за многими историками Коммуны, в частности вслед за автором популярной монографии Э. Лепеллетье, что восстание в Париже протекало стихийно, что Центральный комитет в тот день вообще никак не руководил восстанием? Автор первой научной советской монографии по истории Парижской Коммуны 1871 г. Н. М. Лукин подчеркивал по существу совершенно то же самое, говоря, что в день 18 марта якобы «все делалось по инициативе отдельных лиц, без всякого плана или приказа какого-либо руководящего центра и что ЦК национальной гвардии, как целое, ни в коей степени не был организующей и направляющей силой»¹³.

Опубликованные с тех пор материалы и исследования¹⁴ вносят, однако, известные коррективы в эту старую концепцию и

¹¹ Ж. Аллеман. С баррикад на каторгу. Л., 1933, стр. 20 и сл.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 217.

¹³ Н. М. Лукин (Антонов). Парижская Коммуна, изд. 2-е, М., 1924, стр. 158.

¹⁴ См., например, G. Laronze. Histoire de la Commune. Paris, 1928, p. 9—10.

заставляют нас отвергнуть взгляд, согласно которому ЦК национальной гвардии будто бы до самого конца дня восстания оставался лишь совершенно безучастным зрителем развернувшихся неожиданно на его глазах событий.

Среди советских историков первыми усомнились в правильности подобной точки зрения О. Л. Вайнштейн и вслед за ним П. М. Керженцев¹⁵. Оба они обратили внимание на то, что ЦК национальной гвардии в действительности если и не руководил восстанием в первые его утренние часы, то во второй половине дня все же принял ряд важных в военном отношении решений, пытался взять на себя руководство начавшимся стихийно движением и безусловно способствовал окончательному торжеству рабочей революции.

Действительно, несмотря на все признаки готовящегося нападения, несмотря на явно угрожающий тон буржуазной печати, открыто призывавшей Национальное собрание и самого Тьера не медля повторить кровавую июньскую расправу 1848 года и скорее покончить с двоевластием в Париже, ЦК национальной гвардии накануне 18 марта не принял почти никаких мер предосторожности и лишь пассивно ожидал дальнейшего развития событий. Новый ЦК успел лишь конституироваться. Хотя далеко не все округа Парижа провели перевыборы членов ЦК, к 15 марта было избрано около 30 членов ЦК.

Вновь избранный ЦК, опиравшийся на 215 батальонов национальной гвардии, немедленно приступил к укреплению ее командных кадров. Он предложил Дж. Гарибальди пост главнокомандующего и назначил испытанных революционеров-бланкистов командирами отдельных легионов: Дюваля — в V и XIII округах, Анри — в XIV округе, Фальто — в XV округе, Жаклара и Бержере — в XVIII, Эда — в XX. Тем не менее политическое благодушие некоторых членов нового Центрального комитета было так велико, что, по словам Аллемана, ЦК вечером 17 марта даже разослал комитетам бдительности отдельных округов специальные послания, в которых указывал, что «правительство находится в нерешительности» и что вследствие этого «пока опасаться нечего». «Мы можем немного передохнуть»¹⁶.

Вечером 17 марта состоялось затянувшееся до глубокой ночи заседание ЦК, посвященное почти целиком организационным вопросам, а также проверке полномочий вновь избранных членов. Даже вновь созданная военная комиссия (комитет обороны) фактически не успела еще приступить к деятельности и

¹⁵ О. Л. Вайнштейн. История Парижской Коммуны. М., 1932, стр. 82—83; П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны, изд. 2-е. М., 1959, стр. 189 и сл.

¹⁶ Ж. Аллеман. С баррикад на каторгу, стр. 21.

только принимала документы и дела от прежней. Заседание ЦК происходило не на Ла-Кордери, как раньше, а в глубине рабочих кварталов, в реквизированной школе на улице Бафруа. Здесь члены ЦК чувствовали себя в большей безопасности, чем на прежнем месте. Расходясь после 2 часов ночи по домам, члены ЦК договорились собраться на очередное заседание в 11 часов вечера следующего дня. Они и не подозревали, что в казармах уже подняты на ноги и строятся солдаты.

Многие члены ЦК были лишь около 8 часов утра разбужены барабанным боем национальных гвардейцев. Расклеенные на углах правительственные афиши осведомили их о том, что происходит, и заставили поспешить на улицу Бафруа, где уже к 10 часам утра собралось около десятка членов и среди них Асси, Приудом, Фужере, Руссо, Гуйе, Лавалетт, Жерем, Буй, к которым вскоре присоединились Арнольд, Варлен, Одуано, Ферра, Бержере, Бийорэ, Бланше и др. Многие, однако, так и не сумели добраться до улицы Бафруа, так как, узнав о выступлении войск, взяли на себя, как члены окружных комитетов бдительности, организацию обороны в своих кварталах.

Сама логика борьбы заставляла собравшихся утром на улице Бафруа членов ЦК взяться за решение вставших перед ними революционных задач: в зал, где находились члены ЦК, то и дело приводили захваченных офицеров, жандармов и полицейских; их необходимо было допросить, содержать под стражей и для этого организовать тут же во дворе нечто вроде арестного помещения. На соседних улицах народ начал возводить баррикады, и этим также необходимо было руководить. Кроме того, хотя к 10—11 часам утра первый удар был отражен, в ближайшие часы можно было ожидать повторения атаки; поспешное, похожее на бегство отступление войск представлялось как многим рядовым национальным гвардейцам, так и членам ЦК лишь уловкой с целью выиграть время, а затем снова повторить попытку овладеть пушками. Поэтому членам ЦК казалось особенно необходимым как можно скорее стянуть собственные силы к наиболее угрожаемому и стратегически важным пунктам, в особенности к Монмартру.

Первое из дошедших до нас распоряжений ЦК национальной гвардии, подписанное в 11 часов утра, носило еще чисто оборонительный характер. Оно гласило: «Предписывается 65-му батальону совместно со 192-м батальоном направиться по пути, указанному им капитаном 168-го батальона Жюри, к Монмартрским холмам, двигаться быстро»¹⁷. Примерно в это же время ЦК направил в отдельные округа Парижа своих членов для занятия командных постов в батальонах. Варлену была предложена широкая инициатива в XII округе. Другой приказ,

¹⁷ «Enquête...», t. II, p. 180.

примерно в то же время, предписывал собрать батальоны национальной гвардии в их обычных местах сбора и придерживаться в отношении отступающих войск лишь строго оборонительной тактики: «Не начинать атак; на случай нападения противника забаррикадировать переулки, выходящие на большие улицы, чтобы их отрезать; если завяжется бой, рассредоточиться и рассыпаться цепью вдоль стен»¹⁸.

Во второй половине дня ЦК национальной гвардии перешел к проведению наступательных мероприятий и в 2 часа 30 минут дня направил командирам расположенных на окраинах Парижа батальонов приказание продвигаться к центру города с целью захвата военного министерства, штаба национальной гвардии и других расположенных в центре города правительственных зданий. В приказе батальонам XVII и XVIII округов предписывалось «немедленно спуститься к центру и занять Вандомскую площадь»¹⁹.

Около 3 часов дня ЦК направил и к Дювалю в XIII округ приказ не ограничиваться одними оборонительными мероприятиями, а «собрать имеющиеся силы для занятия префектуры полиции и одновременно выделить особый отряд на мост Нотр-Дам с тем, чтобы он [отряд] был готов оказать поддержку продвижению на главном направлении в сторону Ратуши»²⁰. Эти приказания свидетельствовали о переходе к наступательным операциям²¹, но большинство членов ЦК вплоть до самого конца дня не оставляло мысли не только о возможности, но даже о неизбежности нового наступления армии, и это в значительной степени сковывало их революционную активность. Члены ЦК были недостаточно осведомлены о развитии событий и вследствие этого не отдавали себе полного отчета о степени понесенного Винуа поражения. Именно поэтому немногие оставшиеся на улице Бафруа члены ЦК думали не столько о нанесении правительству Тьера решающего удара, сколько о строительстве баррикад.

Заслуживает внимания письмо Варлена члену ЦК Арнольду. Варлен писал в 11 часов вечера: «Я только что добрался до ЦК. События в общем продолжают развиваться в нашу пользу, но нам еще не всюду удалось одержать верх... Только

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Цит. по: G. Laronze. Histoire de la Commune, p. 10.

²⁰ Цит. по: ibid., p. 17.

²¹ К 15 часам батальоны национальной гвардии достигли центра города, стали захватывать правительственные здания и казармы, окружили Ратушу. В перестрелке с жандармами и полицейскими было убито несколько национальных гвардейцев. В 9 час. 50 мин. Ратуша была занята национальной гвардией. В 11 час. 20 минут была захвачена и префектура полиции. Ночью занятие национальной гвардией центра Парижа было завершено.— *Прим. ред.*

что занята Ратуша и... жандармы начали покидать Лувр. Но в то же время нам сообщают о крупном передвижении войск в районе Марсова поля и Дома инвалидов. Следите! Будьте на чеку! Все идет хорошо, но надо опасаться возобновления наступательных действий»²², хотя «передвижение» войск в сторону Версаля началось задолго до 11 часов вечера.

Таким образом, хотя ЦК во второй половине дня и отказался от оборонительной тактики, принял ряд важных в военном отношении решений и взял на себя руководство начавшимся стихийным движением, он был не в силах полностью координировать движение. Переход власти в руки нового правительства, созданного рабочими и присоединившимися к ним непролетарскими слоями трудящихся, совершался в Париже в значительной мере по инициативе самих парижан.

Об этом определенно говорят воспоминания почти всех участников событий 18 марта. Бланкист Лисбонн, например, подчеркивает, что решение начать наступление и двинуться на захват Ратуши было принято батальонами национальной гвардии 18 марта не под давлением ЦК, связь с которым была весьма недостаточной, а под влиянием бланкистов Эда, Дюваля, Брюнеля, Фальто и др. В течение всего дня с тревогой ожидали нового наступления правительственных войск и даже не подозревали о бегстве Тьера из столицы.

Следовательно, роль ЦК национальной гвардии была в действительности все же далеко не столь значительной, как это можно было ожидать по первым отданным распоряжениям о наступлении к центру Парижа, говорить о внесении в народное движение элементов сознательности и организованности со стороны ЦК национальной гвардии можно лишь с весьма большими и существенными оговорками.

Следует иметь в виду, что ни Центральный комитет 20 округов, ни Федеральный совет Интернационала также не предвидели событий и накануне 18 марта не проявили необходимой бдительности. На своем последнем заседании перед восстанием, 15 марта, Федеральный совет Интернационала был занят почти исключительно организационными делами. А. Гулле, секретарь Федерального совета, в письме неоякобинцу Гамбону от 17 марта подчеркивал неясность для него создавшегося положения и говорил о необходимости выяснить, «о чем на самом деле думает народ»²³.

Восстание, вспыхнувшее в ответ на попытку отнять у национальной гвардии ее пушки, вызвало в правительственных кругах страшную растерянность, даже панику. Они думали те-

²² «Enquête...», t. III. Versailles, 1872, p. 40—41.

²³ См. М. Шюппи. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 116; «Enquête...», t. III, p. 241.

перь о том, чтобы скорее приостановить уже начавшийся развал дисциплины в частях.

Члены правительства Тьера ожидали развития событий в здании министерства иностранных дел. Тьер поддерживал теснейшую связь со штабом Винуа, с префектурой полиции и с Ратушей, куда поступали телеграфные сообщения о ходе экспедиции.

Ближе к полудню Тьеру и многим его соратникам стали ясны размеры катастрофы: переход значительной части войск на сторону восставшего народа делал невозможным немедленное вооруженное подавление революции. После 10 часов утра телеграммы, посылаемые Тьеру из Ратуши Ферри, свидетельствуют о быстром распространении революционного пожара: «Очень плохие известия с Монмартра... Войска отказываются действовать...» (10 часов 30 минут утра); «баррикады начинают подниматься и в Менильмонтане» (10 час. 45 мин.). Из Люксембургского дворца также поступают «плохие вести» (10 час. 50 мин.): «солдаты здесь разоружены и братаются [с восставшими]»; на бульваре Маджента наблюдается то же самое (10 час. 55 мин.); «В сторону Ратуши по Страсбургскому бульвару движется колонна [национальных гвардейцев, национальные гвардейцы] смешались с солдатами линейных полков» (11 час. 20 мин.); «в XI округе все потеряно. Восставшие хозяйничают там... Состояние возвращающихся с площади Бастилии солдат плачевное, они держат ружья прикладами вверх и т. п.» (13 час.)²⁴. К 2 часам дня на площади Бастилии вместо одного сорванного красного знамени развевалось три, водруженных восставшими.

Сообщения подобного рода убедили Тьера и генералов в необходимости скорее вывести из Парижа еще не успевшие перейти на сторону восставшего народа воинские части, чтобы позднее, реорганизовав их и пополнив новыми кадрами, начать планомерное наступление против восставшего города. Во что бы то ни стало сохранить регулярную армию представлялось Тьеру жизненно важным. К этому толкал Тьера и отказ национальных гвардейцев так называемых «хороших» округов прийти на помощь правительству. Незадолго до 18 марта он прямо говорил Ж. Симону, что особенно надеется, принимая во внимание недостаточное количество войск в Париже, на активную поддержку со стороны национальной гвардии западных округов: «Если она не выступит, нам останется лишь слабая надежда на то, что ЦК не посмеет развязать борьбу... если же... армия не проявит достаточной твердости, у нас останется лишь единственное средство, чтобы остановить революцию... это по-

²⁴ «Enquête...», т. II, р. 65—67.

кинуть Париж и направиться в Версаль, чтобы реорганизовать армию»²⁵. «Лишь опираясь на Версаль, возможно было попытаться сохранить господствующее положение в Париже». Получив известия о провале экспедиции и начале разложения армии, Тьер, по его словам, вспомнил о событиях 24 февраля 1848 г. и о совете, данном им тогда Луи-Филиппу, возможно скорее вывести из столицы воинские части, а затем возвратиться обратно во главе 50-тысячной армии. В правильности этого совета его целиком убедил и опыт австрийского фельдмаршала Виндишгреца, который, покинув Вену в 1848 г., вскоре возвратился туда победителем²⁶.

Соображения подобного рода и заставили Тьера предложить Винуа уже около часа дня оттянуть свои деморализованные войска в западные округа Парижа и в случае необходимости отступить за черту города, в сторону Севра и Версаля.

Позднее генерал Лефло рассказывал о той страшной растерянности, которая охватила организаторов провокации. Военный министр и сам мог утром около 9 часов убедиться, в каком плачевном положении уже тогда находились воинские части. На площади Бастилии ему очень не понравились «физиономии» находившихся там солдат. Они слонялись с места на место, небрежно таская ружья на ремнях через плечо. А тут же неподалеку народ спокойно возводил у них на глазах баррикады, оснащая их пушками и митральезами. К полудню положение еще более обострилось, поскольку к этому времени «многие батальоны были уже обезоружены [народом], а отдельные воинские части распылены и отрезаны друг от друга». В этих условиях оставлять войска в стенах восставшего города, хотя бы на 24 часа, значило бы потерять их до последнего батальона²⁷.

Вопрос о том, как справиться с восстанием, вызвал разногласия в правительственных кругах: часть министров, в частности Фавр, Пикар и адмирал Потюю, поддержанные мэром Парижа Ж. Ферри на проведенном около 3 часов дня в здании министерства иностранных дел совещании, не соглашались с мыслью Тьера о необходимости временного оставления Парижа в руках восставших и настаивали лишь на отводе войск до линии Марсово поле — Дом инвалидов — площадь Согласия, в самом крайнем случае — до Трокадеро, лишь бы не допустить даже кратковременного перехода власти в руки ЦК! Тьеру все же удалось в конце концов отстоять принятое им решение. На помощь ему пришли.. восставшие. Как раз в это время

²⁵ J. Simon, *Le Gouvernement de M. Thiers*, t. I. Paris, 1878, p. 342.

²⁶ «Enquête...», t. II, p. 9 (показания Тьера), 12.

²⁷ Ibid., p. 79, 81.

мимо здания, где заседали министры, с барабанным боем и развевающимися красными знаменами, с криками «Смерть Тьеру!» и «Смерть Фавру!» прошло несколько батальонов национальной гвардии из разных округов левобережного Парижа. Они направлялись в сторону Ратуши и скоро, так и не заняв ее, возвратились обратно. Поскольку здание министерства иностранных дел охранялось лишь полубатальоном егерей, национальным гвардейцам «действительно ничего не стоило сделать пол-оборота направо», проникнуть во дворец и захватить министров. Лефло указывал, что положение было столь критическим, что он шепнул Тьеру: «Мне кажется, мы пропали! Нас всех арестуют!»²⁸ Дело, однако, ограничилось для министров одним испугом, поскольку батальоны национальной гвардии, не получив от своего ЦК никакого распоряжения, спокойно продолжали свой путь мимо дворца. Прямая угроза со стороны восставших побудила военного министра тут же предложить Тьеру возможно скорее выбраться из Парижа. Воспользовавшись боковым выходом из дворца и заранее подготовленными лошадьми, Тьер уже около 4 часов дня мчался в сторону Севра и Версаля. Он то и дело высовывался из окна кареты и подгонял кучера. Кавалерийский эскорт сопровождал его до Севрского моста, после которого Тьер мог уже считать себя в безопасности.

Расставаясь с командиром эскорта, Тьер передал ему записку для оставшегося пока в Париже Винуа. Он подтверждал ранее отданное приказание безотлагательно вывести из Парижа все без исключения воинские части, в том числе полки, занимавшие до этого отдельные форты Парижа. Тьер категорически приказывал не только очистить пять фортов на левом берегу Сены (Исси, Ванв, Монруж, Бисетр и Иври), но и покинуть важнейший опорный пункт западнее Парижа — форт Мон-Валерьен, пушки которого нацелены были на Версальскую дорогу. Оставить на произвол судьбы Мон-Валерьен можно было, конечно, только совершенно потеряв голову.

Получив категорическое приказание не медля приступить к выводу из Парижа войск, Винуа около 5 часов дня разослал командирам всех частей соответствующие распоряжения и к 9—10 часам вечера сумел собрать в районе Марсова поля и Дома инвалидов почти все выведенные утром из казарм части. Движение отступавших войск в сторону Версаля началось с ночи и продолжалось до самого утра 19 марта. В арьергарде колонны находились два полка, сохранявшие известные остатки дисциплины. Полки эти с ночи закрепились у Трокадеро и двинулись в Версаль лишь 19-го в 9 часов утра.

²⁸ Ibid., p. 80.

О плачевном состоянии покидавших Париж воинских частей рассказывал позднее Винуа: «На заре... 19 марта на дороге, ведущей из Парижа в Версаль, можно было увидеть длинную колонну; вслед за солдатами тащились артиллерия, повозки и прочее снаряжение». Он подчеркивал, что колонна эта продвигалась вперед «медленно и печально» и что «страх отпечатывался на лицах всех солдат»²⁹. Чиновник префектуры полиции Марсей рисовал моральное состояние солдат самыми мрачными красками: «В ночь на 19-е солдаты были настроены столь враждебно по отношению к жандармам и полицейским, бредущим бок о бок с ними по дороге, что открыто оскорбляли их. Им невозможно было отдать ни одного приказа»³⁰. Мэр IV округа Парижа реакционер Вотрен, прибывший в Версаль из столицы в ночь на 23 марта, говорил позднее, что и тогда еще нельзя было положиться на армию. «Ах, месье, линейные полки ровно ничего не стоят,— говорил ему сопровождавший жандарм.— Вы можете быть уверены, что солдаты снова поднимут ружья прикладами вверх»³¹.

Развал, охвативший в день 18 марта войска парижского гарнизона, все же не помешал Винуа к утру 19 марта собрать в Версале почти все части. Только два полка — 88-й, раньше других перешедший на сторону народа, и 120-й, сложивший свое оружие перед народом,— остались в Париже и в дальнейшем приняли участие в борьбе на стороне коммунаров, 69-й полк прибыл в Версаль лишь 23 марта, хотя далеко не в полном составе. В смятении, охватившем военное командование, в Париже были оставлены не только шесть артиллерийских батарей, но и все канонерские лодки на Сене. Нет сомнения в том, что, если бы ЦК национальной гвардии проявил больше активности, распорядился закрыть западные заставы и силой воспрепятствовал уходу деморализованных войск в Версаль, вся парижская армия выскользнула бы из рук правительства Тьера.

Таким образом, ближайшей, непосредственной причиной восстания 18 марта была попытка правительства обезоружить рабочий класс и демократическую мелкую буржуазию французской столицы. «Славная рабочая революция 18 марта» (Маркс)³² явилась ответом вооруженного народа Парижа на контрреволюционный заговор Тьера. Карательная экспедиция в рабочие кварталы столицы дала последний толчок назревшему восстанию. «Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял,— отмечал В. И. Ленин.— Неудачная война с Германией, мучения во время осады,

²⁹ *Gén. Vinoy. Armistice et la Commune. Paris, 1872, p. 230—231.*

³⁰ «Enquête...», т. II, p. 200.

³¹ *Ibid.*, p. 374.

³² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, стр. 333.

безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики,— все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии»³³.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 217—218.

В воскресенье, 19 марта выдался солнечный теплый день. С раннего утра, как свидетельствуют очевидцы, десятки тысяч парижан — рабочие, ремесленники, женщины, национальные гвардейцы — вышли на улицы. Большие бульвары, площади столицы заполнились медленно движущимся потоком оживленных, радостных людей.

Впервые после долгих, казавшихся бесконечными, месяцев осады, нужды, голода, страданий рабочий Париж вздохнул свободно и счастливо. На улицах слышался смех, громкие восклицания, многие пели. После так стремительно и бурно развернувшихся событий вчерашнего дня, принесшего народу почти неожиданно полную победу, все, казалось, преобразилось. Яркое солнце возвещало весну. Тяжелая, страшная зима со всеми ее лишениями, бедствиями, напряжением ожесточенной борьбы осталась позади.

Над Ратушей развевалось красное знамя. Париж был свободен. Народ стал хозяином своей судьбы.

А в южных и западных кварталах столицы, на всех улицах, ведущих к дорогам на Версаль, творилось нечто необычное. В нарядных экипажах, в забитых до отказа поклажей фиакрах, в простых повозках, загруженных доверху чемоданами, сумками, тюками, родовая и денежная знать столицы, обитатели фешенебельных особняков и богатых домов торопливо, отталкивая и опережая друг друга, бежали из города.

Рядом с ними, а порою и смешиваясь с этим пестрым потоком, шли нестройными рядами, не в ногу, неохотно повинуюсь приказам офицеров, батальоны выводимых из восставшей столицы солдат.

Рабочий люд, женщины из народа весело и беззаботно смеялись над этими, вчера еще столь спесивыми барынями и господами, ныне так испуганно озиравшимися по сторонам и торо-

пившимися скорее убраться отсюда. Наблюдая это необычное зрелище — «великий исход» буржуазии из Парижа — рабочие и работницы хлспали в ладоши и напутствовали их крепким галльским словом. Они радовались этому бегству буржуазии — при свете солнца разлетались ночные совы. Париж без них стал чище, и было легче дышать.

Но в чьих руках находилась власть? Кто и где образует правительство? Создана ли новая революционная власть народа? Даже на другой день после победы народного восстания в Париже это было еще совсем неясно.

С тех пор как глава бордоско-версальского правительства Адольф-Луи Тьер 18 марта 1871 г., в карете, охраняемой с двух сторон отрядами конных жандармов, бежал из восставшей столицы, страхась гнева поднявшегося на борьбу народа, — старого, так называемого законного правительства больше не существовало.

Правда, еще оставались министры этого правительства, но, спрятавшись в подвалах министерства иностранных дел, они в смятении и страхе, как о том откровенно рассказал потом военный министр Леффло, ждали лишь суровой расправы народа, не смея думать ни о чем ином. Когда же они убедились, что победоносный народ их даже не заметил, они воспользовались первой возможностью, чтобы улизнуть из своей норы в версальское гнездо.

Итак, старого «легального» правительства, т. е. правительства контрреволюционной буржуазии, в Париже 19 марта уже не было.

В Ратуше — этой традиционной резиденции революционной власти, впервые за пять революций увенчанной красным знаменем, — заседали новые люди, представлявшие новую, рожденную победоносным рабочим восстанием власть.

В воззвании к народу, расклеенном на стенах парижских улиц, говорилось:

«Граждане! Народ Парижа сбросил иго, которое пытались ему навязать.

Спокойный, невозмутимый в сознании своей силы, ожидал он без страха и без вызова нападения этих наглых безумцев, попытавшихся поднять руку на Республику». И далее, сообщая о том, что «наши братья в армии» на этот раз не пожелали посягнуть на свободу, воззвание заявляло: «...Париж и Франция совместно заложат основы единодушно провозглашенной Республики со всеми вытекающими из этого последствиями, как единственной формы правления, которая навсегда покончит с эрой нашествий и гражданских войн.

Осадное положение отменяется.

Народ Парижа приглашается в свои секции для участия в коммунальных выборах.

Безопасность граждан обеспечивается благодаря содействию национальной гвардии»¹.

Это первое обращение новой власти к народу не оставляло сомнений в том, что она озабочена не только судьбами столицы, но и всей страны. Поставленная в воззвании главная задача — «Париж и Франция должны совместно заложить основы Республики», республики, отличной от предыдущих, способной открыть новую эру, не знающую ни внутренних, гражданских, ни внешних войн, — ясно показывала, что авторы этого воззвания рассматривают себя не как местную власть, а как общенациональное правительство, революционное правительство новой республики.

Под воззванием значилось: «Центральный комитет национальной гвардии». Затем следовали 20 имен членов Центрального комитета: Асси, Бийорэ, Ферра, Бабики, Эдуар Моро, К. Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гуйе, Лавалетт, Фр. Журд, Руссо, Ш. Люлье, Бланше, Ж. Гролар, Барру, Жерем, Фабр, Фужере².

Эти имена отнюдь не исчерпывали всего состава Центрального комитета. Подбор имен был довольно случаен; по-видимому, здесь были поставлены имена лишь тех, кто был в момент составления воззвания в Ратуше и смог его подписать. В других опубликованных обращениях, приказах и прочих документах Центрального комитета, наряду с названными, значились и иные имена: Антуан Арно, Арнольд, Андинью, Бун, Бержере, Кастиони, Шуто, Фортюне Анри, Годье, Жосселен, Лисбонн, Мальжурналь, Прюдом, Ранвье, Виар, Флери, Авуан-младший, Грелье³.

Кто были эти люди, вознесенные волной революции на вершину власти?

Реакционная печать — французская, а вслед за ней и вся европейская, главари версальской контрреволюции, обозленные буржуазные политиканы всех мастей видели тяжкий и непростительный порок членов Центрального комитета в том, что их «не знали в обществе», т. е. в среде тех же буржуазных политических дельцов.

Леффо, Дюфор, Пикар и другие министры, оправившись от испуга, сочинили перед бегством в Версаль воззвание, в котором вопрошали: «Кто члены этого [Центрального] комитета? Никто в Париже их не знает, их имена новы для всего мира. Никто не может даже определить, к какой партии они принадлежат. Кто они, коммунисты, бонапартисты или пруссаки? Или они представляют всю эту тройственную коалицию?»⁴

¹ «Journal officiel», 20.III 1871 (воззвание датировано 19 марта).

² Ibidem.

³ «Journal officiel», 20—24.III 1871.

⁴ «Journal des journaux de la Commune», v. I. Paris, 1872.

«Journal des Débats», орган крупной денежной буржуазии, с негодованием восклицал: «Что это за Центральный комитет, который посмел, самовольно действуя от имени народа, захватить Ратушу? Кто из нас его назначал?»⁵

Банковские воротилы настолько свыклись со своею фактической ролью незримых руководителей политического механизма страны, что им казалось противоестественным, противоречащим исконному «порядку вещей», чтобы у власти появились люди, не назначенные, не выдвинутые могущественным капиталом.

Лондонский «Standard» — орган либеральной партии, забыв свою привычную сдержанность, выражал крайнюю вражду к возникшей в Париже рабочей власти самой разнузданной бранью: «Каких-нибудь 20 хулиганов низшего разбора — полные хозяева Парижа...» Газета либералов не скупилась и на иные ругательства, которые едва выдерживала бумага⁶.

Поверенный в делах царского правительства во Франции Г. Н. Окунев в донесении в Петербург Горчакову от 9 (21) марта 1871 г. писал: «В здании Ратуши водворился повстанческий комитет. Он состоит из лиц темных и никому решительно не известных»⁷. И так как за этой неизвестностью ему мерещилось самое страшное, то он спешил высказать свои предположения. «Во главе этого комитета стоит некто Асси, бывший рабочий из мастерских г. Шнейдера, организатор бывшей в прошлом году в Крезе забастовки рудокопов. Говорят, что он связан с Интернационалом. Остальные члены комитета, по-видимому, также принадлежат к этому тайному обществу, которое, кажется, руководит повстанческим движением. Агенты Интернационала уже, кажется, отправились в крупные провинциальные города, дабы установить связь с местными комитетами [sous-comité] этой ассоциации»⁸.

В этом донесении в общем хорошо осведомленного секретаря русского посольства верными были лишь некоторые факты биографии Асси. Но Асси отнюдь не был главою или руководителем Центрального комитета национальной гвардии⁹. Противоречило фактам и утверждение Окунева, будто Интернационал руководил Центральным комитетом национальной гвардии.

⁵ «Journal des Débats», 19.III 1871.

⁶ «The Standard», 21.III 1871.

⁷ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года». М., 1933, стр. 68.

⁸ Там же.

⁹ Еще ранее, в телеграмме от 20 марта 1871 г., Окунев сообщал в Петербург: «Установлен революционный комитет под управлением Асси из Интернационала» (там же, стр. 66). По-видимому, основанием для этих утверждений послужило то, что под первыми документами ЦК национальной гвардии первой (по алфавиту) стояла подпись Асси.

Конечно, в широком смысле существовала духовная связь, идейное родство между Международным Товариществом Рабочих и героической борьбой французского пролетариата 1871 г. Конечно, Коммуна была духовным детищем Интернационала. В состав ЦК национальной гвардии входило свыше 15 членов парижских секций Интернационала. Однако остается непреложным фактом, подтверждаемым всеми известными документами и, в частности, протоколами Генерального Совета I Интернационала¹⁰, что на протяжении всего периода деятельности ЦК национальной гвардии вплоть до провозглашения Коммуны Генеральный Совет Интернационала с глубоким вниманием и сочувствием следил за ходом событий в Париже, но не руководил, да и не имел практической возможности руководить революционной властью, образовавшейся в Париже.

Но не только представители международной реакции и французской буржуазии, но даже лучшие люди французского народа — участники социалистического и демократического движения, члены французских секций Интернационала — отнеслись к заседавшему в Ратуше Центральному комитету с большой настороженностью. Артюр Арну, литератор социалистического направления, прудонист, писал позднее в своих мемуарах: «Первый город мира... не только пребывал в состоянии неизвестности, но и принадлежал неизвестным людям. В Ратуше заседало безымянное правительство, составленное почти целиком из простых рабочих или мелких служащих, три четверти которых знали только в пределах их улицы или мастерской. Как бы об этом ни судить, но в этом было что-то пугающее и неслыханное...»¹¹

Сходными были настроения члена Интернационала, будущего деятеля Коммуны, рабочего-красильщика Бенуа Малона, члена Интернационала рабочего-чеканщика Тейса и др.

Так кто же были эти люди, на плечи которых пала тяжесть величайшей ответственности перед французским рабочим классом, перед международным рабочим движением, перед историей?

О них хорошо сказал Энгельс 21 марта на первом заседании Генерального Совета Интернационала в Лондоне, обсуждавшем события в Париже: «Город теперь находится в руках народа... Ни один из членов Центрального комитета не принадлежит к числу знаменитостей — там нет Феликсов Пиа и

¹⁰ См. заседания Генерального Совета 21 и 28 марта 1871 г. («Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871. Протоколы». М., 1965, стр. 108—115).

¹¹ *Arthur Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, v. II. Bruxelles, 1878, p. 29—30.*

подобных ему людей,— но они хорошо известны в среде рабочего класса»¹².

Это было верно. Среди 40 членов Центрального комитета было немало простых рабочих, оставивших свой тяжелый труд, чтобы с ружьем в руках защищать республику и Париж, а затем, когда ход событий поставил их во главе высшей власти в столице, с честью выполнивших свой нелегкий долг. Таков был последователь Бланки, бывший конюх, типографский рабочий и служащий Анри Бержере, показавший незаурядные способности в качестве журналиста, а затем ставший генералом Коммуны. Таков был и рабочий-формовщик Авуан-младший, ставший позднее командующим кавалерией. Уже упоминавшийся Альфонс Асси, по профессии рабочий-механик, обладал выдающимися организаторскими способностями: он их доказал, руководя забастовкой в Крезе в январе 1870 г., а затем своей деятельностью в Центральном комитете национальной гвардии; не случайно он председательствовал на заседаниях ЦК чаще других. Позже он показал себя искусным командиром одного из отрядов национальной гвардии; избранный членом Коммуны, он играл значительную роль в Комиссии общественной безопасности.

Ранвье, рабочий-декоратор, имел за плечами славное прошлое и пользовался значительной известностью в рабочих кварталах столицы. В Бельвиле его имя было одним из самых популярных. Здесь он был избран командиром 141-го батальона национальной гвардии, членом Центрального комитета 20 округов, затем, после участия в восстании 31 октября, был избран мэром в Бельвиле. Правительство Трошю поспешило аннулировать выборы Ранвье. Кстати сказать, самый этот факт и та поспешность, с которой был снят у него мандат мэра Бельвиля, свидетельствовали о том, что имя Ранвье было хорошо знакомо правительству.

Портной Андинью, член Интернационала, руководитель местной секции в районе Пер-Лашез, как и рабочий-корзинщик Кловис Дюпон, принявшие самое деятельное участие в работе Центрального комитета национальной гвардии, также были хорошо известны в своих кварталах. То же должно быть сказано о рабочем-переплетчике Мальжурнале, ставшем позднее видным военным работником Коммуны, и о железнодорожном служащем Антуане Арно, активно участвовавшем в работе парижских секций Интернационала и обнаружившем — когда задачи борьбы от него это потребовали — недюжинные способности журналиста.

Рабочему-шляпочнику Шарлю Амуру было всего 28 лет к моменту народного восстания в Париже. Но, несмотря на мо-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 622.

лодость, он пользовался глубоким уважением трудового люда Парижа. Он завоевал его своей мужественной борьбой за интересы рабочего класса. Амуру был основателем профессионального союза рабочих-шляпочников. Последователь Бланки, он участвовал в политических сражениях своего времени, за что не раз подвергался судебным преследованиям. Весной 1870 г. он бежал из Франции и поселился в Бельгии; здесь он примкнул к I Интернационалу. После свержения империи он тут же вернулся во Францию. Трудящиеся столицы доказали, что они не забыли заслуг молодого рабочего, и выразили ему свое доверие, избрав его в ЦК 20 округов и в ЦК национальной гвардии. И здесь организаторские способности Амуру были быстро оценены: после победы рабочего восстания в Париже Амуру был направлен делегатом ЦК национальной гвардии в Лион и Марсель.

Почти под всеми документами Центрального комитета национальной гвардии значилась странно, не по-французски звучащая фамилия одного из его членов: Бабики, Жюль-Никола Бабики. Действительно, это была лишь слегка измененная фамилия офранцузженного поляка — Юлиуша Бабицкого. Один из наиболее пожилых членов Центрального комитета (ему было за пятьдесят), Бабики существовал мелкой торговлей парфюмерными товарами. Когда-то в далеком прошлом он увлекался вопросами религии, но затем стал усиленно изучать произведения социалистов-утопистов Анфантена, Пьера Леру, но ближе всего был к Прудону. Когда в Париже стали образовываться местные организации Интернационала, он принял в них участие и вскоре стал членом Федерального совета парижских секций Интернационала. У себя в округе Бабики пользовался большим уважением. Его последовательно выбирали членом ЦК 20 округов, членом ЦК национальной гвардии, членом Парижской Коммуны. Наемные перья буржуазной контрреволюции любили издеваться над этим уже немолодым человеком, над его мнимыми причудами, над его верой в общественный идеал, над его нефранцузским происхождением. Но, высмеивая этого чудаковатого, как его изображали, человека, версальские контрреволюционеры оценили его в действительности весьма высоко: они приговорили его позднее заочно к смертной казни.

Одному из самых молодых членов Центрального комитета, 27-летнему Анри-Жозефу Мортье, версальцы ставили в вину иное — его непримиримость. Мортье был служащим у архитектора, после революции 4 сентября принял участие в политической жизни столицы, примкнул к бланкистам и в их рядах участвовал в восстании 22 января 1871 г. Он был избран членом ЦК национальной гвардии, а затем в XI округе громадным большинством голосов — членом Коммуны.

Другой член Центрального комитета, которого версальцы

также попрекали в «незначительности» и тем не менее позже приговорили к смертной казни, Помпей-Огюст Виар играл в действительности немалую роль в деятельности первого революционного правительства 1871 г. Виар приехал в Париж из Лиона и выдвинулся во время осады столицы, вступив в ряды национальной гвардии. Тридцати лет от роду, смелый, решительный, Виар завоевал доверие товарищей и был избран в состав Центрального комитета 20 округов и Центрального комитета национальной гвардии. На заседаниях Центрального комитета национальной гвардии Виар нередко занимал наиболее революционную позицию. Так, уже на заседании 21 марта он внес предложение о запрещении контрреволюционных демонстраций¹³. Он же позднее защищал в Центральном комитете политику строгих репрессивных мер против контрреволюционных элементов.

Живописец Альфред Бийорэ, член Интернационала, весьма популярный в своем XIV округе, сосланный после Коммуны в Новую Каледонию и погибший в возрасте 36 лет; рабочий-столяр Жан-Батист Жерем, неоякобинец, активный член ЦК национальной гвардии, а затем и Коммуны; рабочий-переплетчик Ипполит-Адольф Клеманс, член Интернационала, популярный в IV округе рабочий деятель, член ЦК 20 округов, член ЦК национальной гвардии, член Коммуны¹⁴ — эти и другие рядовые члены Центрального комитета национальной гвардии обычно презрительно третировались буржуазными летописцами гражданской войны во Франции, как «темные люди», не заслуживающие даже внимания. А между тем любой из этих «неизвестных людей» стоял на несколько голов выше прославляемых буржуазной прессой политических краснобаев. Это были люди не слова, а дела, не гнавшиеся за громкими подвигами, не позировавшие перед зеркалом истории, не искавшие для себя ни почестей, ни славы. Самые обыкновенные люди труда — рабочие, мастера, или живущие на грошовый заработок интеллигенты, — в неожиданно возникшей совершенно новой для них политической обстановке вынужденные решать вопросы, о которых они никогда не задумывались, обнаружили здравый смысл, верный революционный инстинкт, твердую волю, чувство долга и ответственности перед своими товарища-

¹³ См. протокол заседания ЦК национальной гвардии 21 марта. «Черная книга Парижской Коммуны», пер. с франц. СПб., 1872, стр. 96—97. Эти протоколы, опубликованные в тенденциозном, крайне враждебном коммунарам издании, требуют к себе сугубо критического отношения. Протоколы заседаний ЦК национальной гвардии этого периода публиковались лишь в выдержках и в разных версиях, поэтому находящиеся в обращении различные варианты не воссоздают научно достоверной картины заседаний первого временного революционного правительства.

¹⁴ *Paul Delion. Les membres de la Commune et du Comité central. Paris, 1871.*

ми. Под ничем не примечательной внешностью этих «простых парней» из ЦК национальной гвардии скрывались люди стальной закалки¹⁵.

Но в составе Центрального комитета национальной гвардии были и имена, которые нельзя было замолчать или намеренно перевернуть, перепутать в газетном отчете. Это были имена революционных бойцов, прославившихся своей неустрашимой борьбой еще во времена Второй империи и в первые месяцы Третьей республики.

Под первым же официальным документом Республиканской федерации национальной гвардии в списке членов Центрального комитета стояла подпись Луи-Эжена Варлена¹⁶.

Варлену в это время было 33 года, но, как видно из предшествующего, он уже ряд лет пользовался заслуженной почетной известностью в стране. Этот рабочий-переплетчик, не получивший систематического образования, не обладавший даже сколько-нибудь верными политическими взглядами — он был левым прудонистом, отнюдь не освободившимся от ошибочных воззрений мелкобуржуазных доктрин Прудона, — благодаря замечательной природной одаренности, цельности своего характера, силе ума, благородству и чистоте помыслов, безграничной преданности делу революции, стал одним из самых выдающихся деятелей французского и международного рабочего движения¹⁷. Варлен был одним из главных руководителей Федерального совета парижских секций Интернационала, участником ряда его международных конгрессов, замечательным оратором и пропагандистом. В апреле 1870 г., во избежание ареста, Варлен эмигрировал в Бельгию. На третьем судебном процессе парижской организации Интернационала был заочно приговорен к тюремному заключению и денежному штрафу. На родину он вернулся лишь после революции 4 сентября. Избранный командиром 193-го батальона национальной гвардии, Варлен принял участие в восстаниях 31 октября и 22 января. Как видно из предыдущей главы, он сыграл также немалую роль в восстании 18 марта. В следующие дни он был направлен в качестве члена ЦК национальной гвардии в ми-

¹⁵ Источниками сведений о деятелях ЦК национальной гвардии служат прессы, протоколы революционных организаций, мемуары. См. также *Ch. Proletès. Les hommes de la Révolution de 1871, v. I—IV. Paris, 1898; J. Clère. Les hommes de la Commune. Paris, 1871; G. Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains. Paris, 1873.*

¹⁶ «Journal officiel», 20.III 1871.

¹⁷ *E. Faillat. Biographie de Varlin. 1885; M. Foulon. Eugène Varlin. Relieur et membre de la Commune. Clermont-Ferrand, 1934; М. Домманже. Коммунар Варлен (1839—1871), пер. с франц. Л., 1927; Adolphe Clémance. Eugène Varlin.—«La Revue socialiste», N 5, 1885; А. Я. Лурье. Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956, стр. 55—109. Луи-Эжен Варлен.*

Министерство финансов и оказывал в то же время большое влияние на общую политику революционного правительства.

Большой известностью пользовался также в демократических кругах рабочий-литейщик Эмиль-Виктор Дюваль. Дюваль был бланкистом, но глубокою верностью «Заклоченному» и его методам борьбы он сочетал с пониманием значения и роли международной организации пролетариата. Секретарь Федерального совета парижских секций Международного Товарищества Рабочих, Дюваль привлекался по третьему судебному процессу Интернационала. Дюваль был также председателем союза литейщиков и пользовался известностью как один из видных организаторов синдикального движения во Франции. Против «правительства национальной обороны» Дюваль вел открытую борьбу и сыграл значительную роль в событиях 22 января и 18 марта. Член Центрального комитета 20 округов, командир 13-го легиона, он после победы восстания был назначен делегатом при префектуре полиции. Через несколько дней ЦК национальной гвардии произвел Дюваля в генералы и назначил одним из командующих вооруженными силами.

Буржуазная контрреволюция страшилась и ненавидела этого молодого рабочего, обнаружившего такие выдающиеся способности военного и государственного руководителя.

27-летний студент-медик, типографский служащий и журналист Эмиль Эд, получивший позднее известность как генерал Коммуны, пользовался уважением демократических кругов еще во времена империи. Он участвовал в республиканском движении, был редактором газеты «Libre pensée». За участие в выступлении против императорского режима 14 августа 1870 г. Эд был приговорен к смертной казни. Революция 4 сентября спасла ему жизнь, и он сразу же с головой ушел в политическую борьбу. Верный ученик Бланки, Эд сотрудничал в его газете «La Patrie en danger». Он участвовал в восстании 31 октября и после его неудачи должен был уехать в Бельгию, но вскоре вернулся в Париж. Избранный членом ЦК 20 округов, затем членом ЦК национальной гвардии, Эд везде проявлял энергию и смелость. Этот молодой литератор и недоучившийся медик обнаружил также военные способности. Он был произведен Центральным комитетом в генералы и назначен одним из трех командующих вооруженными силами Парижа.

Парижская демократия хорошо знала также имя Франсуа Журда, молодого (в 1871 г. ему было 28 лет) прудониста, человека чистых помыслов и большого мужества. Журд был избран членом ЦК национальной гвардии, сыграл немалую роль в славный день 18 марта и был направлен Центральным комитетом вместе с Варленом в министерство финансов.

Здесь нет надобности подробно говорить о других деятелях Центрального комитета национальной гвардии: Жорже Ар-

польде, Фортюне Анри, Максиме Лисбонне, Антуане Брюнеле, Гроларе, Буи и многих других, выполнивших с честью свой долг¹⁸; все они пользовались кто большей — в пределах города, — кто меньшей — в границах своего округа или даже своей улицы — известностью и уважением среди людей труда.

В своем подавляющем большинстве члены Центрального комитета были молодые люди. За их плечами еще не было большого жизненного опыта, и пресловутая «житейская мудрость» государственных мужей, вроде Тьера, хваставшего 40 годами политической деятельности¹⁹, вызывала у них лишь презрительные насмешки.

Простые рабочие, мастеровые, мелкие служащие, литераторы, не признанные «большой печатью», художники, для которых были закрыты двери салонов «маститых» мастеров, Париж мозолистых рук, Париж труда и нужды — вот кого представляли члены Центрального комитета национальной гвардии.

Сказать об этих людях, о членах ЦК национальной гвардии, что это «темные люди», что это «неизвестные» — значило оскорбить Париж, народ Парижа, тысячами нитей связанный со всем французским народом.

«Quarante rois on fait la France» («Сорок королей сделали Францию») — эта старая формула монархизма больше никого не могла обмануть; в стране, где только что свершилась пятая революция, над нею смеялись. Францию создал народ. Ее богатства, ее города и нивы, ее вечные памятники искусства, ее всегда живой язык, творения непреходящей ценности ее национального гения — все это было создано народом Франции.

Центральный комитет национальной гвардии был как бы слепком французского народа, народа Парижа. Он был не только его детищем, он был его живым воплощением. Его пестрый профессиональный состав, включая множество самых разнообразных профессий, от рабочего-литейщика или рабочего-сапожника до живописца или актера, был точным отражением трудового люда столицы с ее множеством мелких предприятий и тружеников самых различных специальностей. Его столь же неоднородный партийный состав — бланкисты, прудонисты, неоякобинцы, люди неопределенных демократически-социалистических воззрений, разного рода «социалисты по чувству» — также довольно точно отражал уровень политической зрелости и сознательности французского пролетариата той поры.

¹⁸ В интересах точности следует отметить, что в состав Центрального комитета проникли некоторые недостойные люди. Бланше (Пуриль) был разоблачен позднее как бывший полицейский агент.

¹⁹ A. Thiers. Notes et souvenirs. Paris, 1903.

В этом были сильные стороны Центрального комитета: он был плотью от плоти и костью от кости французского народа, он был его продолжением, он был им самим. Но в этом же была и его слабость: разделенный на множество политических течений и группировок, не имея единой направляющей подлинно революционной пролетарской партии, способной идти впереди народа и вести его за собой, он не мог обеспечить надлежащего руководства народными массами. Его действия направляла не революционная теория научного социализма, остававшаяся большинству членов ЦК национальной гвардии неизвестной или малоизвестной, а революционный инстинкт, классовое чутье поднявшихся на великую борьбу народных масс.

Заслугой Центрального комитета национальной гвардии как первого правительства рабочего класса было то, что он, сохраняя тесную связь со всем парижским пролетариатом, с вооруженным народом, сумел реализовать замечательную *«историческую инициативу масс»*, которую Маркс и Ленин ставили в опыте Парижской Коммуны превыше всего²⁰. Об этом свидетельствуют даже те требующие к себе сугубо критического отношения записи заседаний Центрального комитета национальной гвардии, которые опубликованы в «Черной книге Парижской Коммуны».

Вот, например, запись первого заседания Центрального комитета в Ратуше, т. е. уже в качестве временного правительства, 19 марта. Обсуждение стоявших в повестке дня вопросов дважды прерывалось. Первый раз: «Ввели группу делегатов различных бельвийских и монмартрских батальонов. Они явились просить о выдаче оружия тем, которые в нем нуждались. Гражданин Гуйе высказался в пользу этого предложения. Затем Комитет объявил, что оружие раздается в зале Марсельезы...»²¹ Заседание было прервано на один час вторично. «В это время Комитет принимал донесения и сообщения различных батальонов»²².

В протоколе заседания Центрального комитета от 20 марта среди прочих пунктов имеется следующая запись: «Многие делегаты батальонов национальной гвардии явились с засвидетельствованием... своей преданности Комитету. Гражданин Асси выразил надежду, что немногие из диссидентов завтра же к ним присоединятся»²³.

Эта сухая протокольная запись весьма живо воссоздает картину тех тесных связей с народом, которые революционное правительство поддерживало и во время своих заседаний.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 377.

²¹ «Черная книга...», стр. 91.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 94.

Жюль Валлес, редактор газеты «Le Cri du Peuple», в своем исторически достоверном рассказе о днях Коммуны так изображает заседания Центрального комитета: «Сейчас их не больше шести-семи человек в этом огромном зале, где еще не так давно танцевала империя в раззолоченных мундирах и бальных туалетах. А сегодня под потолком с виньетками из геральдических лилий заседают полдюжины молодцов в грубых башмаках, в кеи с шерстяным галуном, в куртках и солдатских шинелях без эполет и аксельбантов — правительство»²⁴.

Это правительство в мундирах национальных гвардейцев, столкнувшись с совершенно новыми и необычными задачами, которые поставила перед ним история, не растерялось, советуясь со своими товарищами из кварталов парижской бедноты, оно взялось за решение таких проблем, которые открывали новую главу в развитии французского общества.

В первом же воззвании Центрального комитета национальной гвардии, расклеенном на стенах парижских улиц и затем опубликованном в официальной части «Journal officiel» как правительственное заявление, утверждалось, что ЦК «не действовал тайно: имена его членов значатся на всех его прокламациях. Если имена эти и не громки, зато носители их не уклонились от ответственности, а она была велика. Комитет не был группой неизвестных, но был создан свободным волеизъявлением — голосами 215 батальонов национальной гвардии»²⁵.

Эти последние слова показывают, что члены Центрального комитета вполне сознавали и должным образом оценивали значение полученных ими полномочий. Они понимали, что выступают как доверенные лица 215 батальонов национальной гвардии, т. е. вооруженного народа Парижа.

В более ранних работах советских историков И. И. Скворцова-Степанова, Н. М. Лукина (Антонова), П. М. Керженцева, внесших в целом весьма большой и ценный вклад в изучение проблем Парижской Коммуны, высказывалось мнение, будто бы Центральный комитет не рассматривал себя как правительство и не собирался им быть²⁶.

С этим мнением нельзя согласиться.

Действительно, в первых же документах, подписанных Центральным комитетом национальной гвардии 19 марта, — в воз-

²⁴ Ж. Валлес. Инсургент, пер. с франц. Н. С. Нейман. М., 1960, стр. 170—171.

²⁵ «Journal officiel», 20. III 1871.

²⁶ И. И. Степанов. Парижская Коммуна 1871 года, изд. 3-е. М., 1924, стр. 98—99; Н. М. Лукин (Антонов). Парижская Коммуна 1871, изд. 2-е. М., 1924, стр. 159 и сл.; П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 г., изд. 2-е. М., 1959, стр. 194 и сл. Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена у И. И. Степанова и Н. М. Лукина, но с некоторыми оговорками также и у П. М. Керженцева.

звании к народу, в обращении к гражданам Парижа, в постановлении о проведении выборов в Коммуну 22 марта²⁷ — говорилось, что Центральный комитет считает необходимым проведение этих выборов и, как только Коммуна будет образована он передаст ей власть.

Эти заявления вполне понятны. Требование провозглашения Коммуны, тесно связанное с революционными воспоминаниями о Коммуне 1792—1793 гг., было одним из самых популярных среди трудящихся Парижа и по разным мотивам поддерживалось тремя главными политическими группировками — бланкистами, неоякобинцами, прудонистами. Революция 18 марта победила под лозунгом Коммуны.

Объявив выборы в Коммуну своей главной задачей и торжественно заявив, что он передаст ей всю полноту власти, Центральный комитет в то же время и своими действиями, и своими заявлениями дал ясно понять, что рассматривает себя как временную власть, как временное правительство.

Правда, как это явствует из протоколов заседаний Центрального комитета национальной гвардии, некоторые члены его указывали, что ЦК не может решать вопросы, подлежащие компетенции правительства. Так, на заседании 20 марта при обсуждении внесенного Варленом предложения об отсрочке уплаты по векселям Бийорэ заявил, «что так как комитет не правительство, то ему и не следует касаться отсрочек, имеющих отношение к торговле». Как сказано далее в протокольной записи, «гражданин Мортье поддержал эту мысль»²⁸. Такого же рода мнения высказывались и в революционной печати²⁹.

Все это свидетельствовало лишь о том, что в рядах Центрального комитета национальной гвардии, равно как и в Федеральном совете парижских секций Интернационала, занявшем первоначально выжидательную позицию, не было единства мнений по вопросу о роли и правах ЦК. И тем не менее ЦК национальной гвардии в целом фактически действовал и выступал как временное революционное правительство. Более того, официальные заявления и, главное, действия Центрального комитета убеждают в том, что он рассматривал себя не только как местную парижскую власть, но и как общепарижское национальное революционное правительство.

В частности, Центральный комитет уже 19 марта, действуя как общепарижский орган власти, принял постановление по вопросам взаимоотношений с германским правительством. В этот день уполномоченный ЦК по министерству внутренних дел опубликовал извещение, в котором говорилось: «Мы теперь

²⁷ «Journal officiel», 20.III 1871. Partie officielle.

²⁸ «Черная книга...», стр. 93.

²⁹ См., например, «Le Cri du Peuple», 21.III 1871; «L'Ordre», 23.III 1871.

же заявляем, что твердо решили соблюдать предварительные условия мира, чтобы обеспечить этим путем спасение республики Францией и дело общего мира»³⁰.

Само название «Республиканская федерация национальной гвардии», от имени которой выступал Центральный комитет, в этом смысле весьма показательно. Не менее знаменательным является и то, что Центральный комитет 19 марта составлял отдельные прокламации не только к народу и к гражданам Парижа, но и к департаментам. В разной форме в них высказывалась та же мысль, что города и села Франции должны одобрить действия Парижа и последовать его примеру.

Центральный комитет национальной гвардии был самым авторитарным революционным правительством. Он опирался не на легальные «обычные» парламентские полномочия, а на вооруженное восстание народа. Он сам представлял собой вооруженный народ Парижа, и постоянная мощная поддержка всего парижского народа была источником его силы и придавала ему такой авторитет.

В дни власти Центрального комитета во Франции выходило одновременно два официальных органа республики — два «Journal officiel»: один в Париже, другой в Версале³¹. За этой деталью, имеющей на первый взгляд чисто внешний и второстепенный характер, в действительности скрывалось нечто существенное. Ценное наблюдение С. М. Маневич, обративший внимание на то, что парижский «Journal officiel» публиковался на бумаге белого цвета, служит дополнительным подтверждением высказанного мнения³². На бумаге белого цвета публиковались только правительственные документы. Принятие ЦК национальной гвардии белого цвета для своих официальных объявлений подтверждало, что он рассматривает себя как общепарижскую правительственную власть.

Своеобразное двоевластие, фактически установившееся во Франции в период февраля — марта 1871 г., после событий 18 марта было разрушено. Вооруженная диверсия, предпринятая правительством Тьера против революционного Парижа 18 марта, имела своей целью положить конец этому фактическому двоевластию, разоружить парижский пролетариат и подчинить его одной власти — диктатуре контрреволюционной буржуазии. Но попытка эта, как было рассказано в предыдущей главе, потерпела полное фиаско и привела к прямо противоположным результатам. Народ Парижа восстал, свергнул власть контрреволюционного правительства Тьера и утвердил свою власть в столице.

³⁰ «Journal officiel», 20.III 1871.

³¹ Помимо отдельных изданий, они оба воспроизведены в «Journal des journaux de la Commune», t. I—II. Paris, 1872.

³² См. гл. VIII во 2-й части настоящего тома.

До сих пор — такова была незыблемая историческая традиция Франции — развитие событий в Париже определяло судьбу всей страны.

В действительности получилось иначе. Франция на этот раз в большей своей части по целому ряду причин не последовала сразу за Парижем. Только в некоторых городах имели место попытки провозглашения Коммун. Контрреволюционное правительство Тьера не бежало из страны, как это было в 1830 и 1848 гг., а, зацепившись за Версаль, удержало власть.

В Версале обосновалась власть контрреволюционной буржуазии, в Париже — власть рабочего класса. Эти две власти противостояли друг другу. Две противостоящих власти, два противостоящих класса — это и означало начало гражданской войны.

Но в Париже, по крайней мере в первые дни после победы 18 марта, этой неизбежности гражданской войны, не оставлявшей места для соглашения, для компромисса, не поняли и не осознали.

В Париже царило ликование, упоение победой, радостная оптимистическая уверенность, что наступившие яркие солнечные дни весны отогнали навсегда все то тяжелое, темное, что угнетало жителей столицы на протяжении бесконечной мучительной зимы.

Парижский корреспондент лондонской газеты «Standard» так характеризовал настроение Парижа вечером 19 марта: «Что всего удивительнее, так это полнейшее спокойствие Парижа. День был чудесный, и Елисейские поля, улица Риволи и Пале-Руаяль были заполнены обычной воскресной толпой, предающейся праздничному отдыху. Даже в кварталах, ошетилившихся штыками, не заметно никакого возбуждения...»³³

Жюль Валлес в статье, опубликованной в двадцатых числах марта в издававшейся им газете «Le Cri du Peuple» очень ярко передал настроения огромного общественного подъема, уверенности в будущем, царившие в те дни в Париже. В своей статье, обращаясь к малышу, игравшему на улице за баррикадой, Валлес восклицал:

«Восемнадцатое марта спасло тебя, сорванец! Ты должен был, подобно нам, расти во мраке, утопать в грязи, истекать кровью, изнывать в позоре, в невыразимой скорби обездоленных.

Теперь с этим покончено!

Мы пролили за тебя и кровь и слезы. Ты унаследуешь наши завоевания.

Сын отверженных, ты будешь свободным человеком!»³⁴

³³ «The Standard», 21.III 1871.

³⁴ «Le Cri du Peuple», 28. III 1871.

Эта вера в полное торжество свободы, в полный успех революции была характерна для тех дней. Корни этих иллюзий, этого упоения победой, в действительности еще далеко не закрепленной, следует искать в политической незрелости руководителей первого в истории правительства рабочего класса. Эта же политическая незрелость предопределила ряд ошибок, допущенных Центральным комитетом.

Самой главной из них, имевшей неисчислимые пагубные последствия и оказавшейся в конечном счете решающей, было то, что Центральный комитет не довел до конца одержанную народом победу, не задушил классового врага в его осинном гнезде — Версале, и не уничтожил, следовательно, очага контрреволюции.

Была ли возможность это сделать?

Все известные историкам источники с неопровержимостью свидетельствуют, что в первые дни после народной победы 18 марта в рядах контрреволюционной буржуазии и ее правительства царили смятение, тревога, страх. Вопреки успокоительным официальным заявлениям версальского правительства³⁵, оно было крайне обеспокоено создавшимся положением. Как позднее откровенно признавался Тьер, первые две недели после 18 марта «были самыми дурными днями во всей его жизни»³⁶.

Бжезавшие из Парижа насмерть напуганные чиновники и буржуа принесли в Версаль настроения паники. С ужасом ожидали с часу на час вторжения парижских «инсургентов», как выражалась в ту пору реакционная печать, в городок королевских дворцов. Соотношение сил, если брать его даже с чисто военной точки зрения, было для версальцев катастрофическим. Можно было ругать какими угодно словами национальных гвардейцев, как это делали даже изысканные эстеты, вроде Теофиля Готье или Эдмона де Гонкура³⁷, но оставалось непреложным, что в Версале насчитывалось лишь около 27 тыс. солдат, а в Париже Центральный комитет имел под ружьем армию свыше 100 тыс. бойцов.

Тьер в своих позднейших показаниях говорил: «Если бы нас атаковали 70 или 80 тыс. человек, то я не поручился бы за стойкость нашей армии, которую более всего угнетало сознание громадного численного превосходства противника»³⁸. Тьер умал-

³⁵ «Journal officiel» версальского правительства, воспроизведенный в «Journal des journaux de la Commune», v. I.

³⁶ Цит. по: *Arthur Adamov. La Commune de Paris. Anthologie.* Paris, 1959, p. 211.

³⁷ *C. Théophile Gautier. Les tableaux du Siège.* Paris; «Journal des Goncourt», 2-е série, I vol. 1870—1871. Paris, 1890.

³⁸ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», *Dépositions*, t. II. Versailles, 1872, p. 14; См. также *J. Favre. Gouvernement de la défense nationale.* Paris, 1879, p. 244.

чивал о том, что оставшиеся в распоряжении версальского правительства войска были деморализованы поражением 18 марта, были политически крайне ненадежны, так как многие готовы были последовать за своими товарищами, побратавшимися с народом Парижа.

Тьер не посмел признаться (ведь он был главой правительства, отвечавшего за создавшееся положение), что в эти критические дни версальская власть не имела никакой реальной опоры, что она, так сказать, висела в воздухе, держалась по инерции и что первый сильный удар мог ее опрокинуть.

Да и мог ли вообще Версаль — город-парк, город-дворец — противостоять великому городу — столице Франции? Даже Тьер вынужден был признать, что в те дни «в Париже господствовало мнение: с Версалем покончено»³⁹. Но и в Версале думали так же, и это приводило в трепет министров, сановников, депутатов Национального собрания, бежавших из столицы аристократов и буржуа, генералов и князей церкви, их жен и любовниц, словом, так называемый «весь Париж» — высшее общество господствующих классов, сбившихся в пеструю кучу в маленьком городке.

Со страхом, с ощущением почти неизбежной гибели смотрели они на дороги, ведущие из Парижа. По ним все еще двигались кареты с занавешенными окнами, фаэтоны, доверху забитые картонками, шли отдельные пешеходы, разрозненные группы солдат, хмурых, недовольных, но повинующихся приказам командира, проезжали верховые, оставшие старались догнать проехавших раньше... В Версале ходили слухи, что 100 тыс. парижан уже идут походом⁴⁰.

Но шли часы, затем прошел день, за ним другой, потом третий..., а те, кого с таким ужасом ожидали в Версале, так и не появлялись на дороге.

В эти часы и дни и была совершена революционным Парижем решающая, непоправимая ошибка.

Одержав 18 марта полную, сокрушающую врага победу, достигнув огромного, подавляющего военного превосходства над противником, деморализовав его военные силы, Центральный комитет национальной гвардии, возглавивший народное восстание и ставший высшей революционной властью, странным образом остановил так успешно начавшееся наступление и не довел его до конца.

Причина рокового упущения коренилась в ошибочной позиции пассивного выжидания, занятой Центральным комитетом

³⁹ P. Delessale. Paris sous la Commune. Documents et souvenirs inédits. Paris, 1937, p. 34—43.

⁴⁰ Maurice Choury. La Commune au cœur de Paris. Paris, 1967, p. 169 (см. М. Шурю. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 227).

как новой властью, как первым временным революционным правительством рабочего класса.

Правда, в составе Центрального комитета национальной гвардии и других влиятельных революционных организаций, например Центрального комитета 20 округов, были люди, понимавшие необходимость решительных наступательных действий. Дюваль, как и ряд других бланкистов, требовал ареста членов правительства Тьера, немедленного похода на Версаль, быстрой ликвидации контрреволюционного гнезда в окрестностях столицы. Но они составляли в Центральном комитете меньшинство, да, видимо, и недостаточно энергично настаивали на этих мерах.

В изданной в 1960 г. Дотри и Шелером весьма ценной и дающей много нового публикации неизданных документов Центрального комитета 20 округов Парижа содержатся свидетельства, что и за пределами этого ЦК, так сказать, в самых низах революционных организаций народа, существовало недовольство тем, что Центральный комитет национальной гвардии поставил своей главной целью проведение выборов в Коммуну вместо немедленного подавления контрреволюции. Так, например, один из членов комитета общности I округа, доктор Наппа-Пике, впоследствии павший во время майской «кровавой недели» смертью героя, считал немедленное проведение выборов в Коммуну вредным⁴¹. Наппа-Пике не был одинок. Его товарищ по комитету I округа Эжен Шатлен, которого выдвинули кандидатом в Коммуну, отводя свою кандидатуру, писал: «Граждане, я оцениваю победу 18 марта не так, как вы. Позволили выйти армии из Парижа; не арестовали предателей из правительства национальной обороны тогда, когда это можно было сделать; Французский банк охраняется реакционными батальонами. Я не хочу брать на себя ответственность ни за один из этих непоправимых фактов. В политике каждая ошибка — это преступление ...» И Шатлен заканчивал свое письмо предсказанием, что предстоящая битва будет ужасной⁴². Это письмо — свидетельство того, как глубоко и правильно понимали положение вещей рядовые участники революции.

Жан Аллеман, в те дни делегат 59-го батальона национальной гвардии, в своих воспоминаниях рассказывает, что вскоре после победы 18 марта он добивался от Центрального комитета национальной гвардии организации похода на Версаль. Он говорил Бийорэ: «...прошу вас сказать вашим коллегам, чтобы они ускорили наступление на Версаль... Нам следовало бы уже быть там»⁴³. По рассказу Аллемана, который не был ни подтвержден,

⁴¹ *J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 215.*

⁴² *Ibid.*, p. 215—216.

⁴³ *Жан Аллеман. С баррикад на каторгу. Л., 1933, стр. 31.*

ни опровергнут последующей мемуарной и исторической литературой, он лично с группой рабочих-типографщиков проник в Версаль, чтобы, действуя изнутри, облегчить захват этого гнезда контрреволюции⁴⁴. Мемуары Аллемана также свидетельствуют о недовольстве рядовых участников революции медлительностью и нерешительностью Центрального комитета в его действиях против правительства Тьера.

Правда, порою это справедливое порицание политики Центрального комитета заводило критиков слишком далеко. Так, на заседании Центрального комитета 20 округов 21 марта уже упоминавшийся Наппа-Пике заявил, что «I округ отказывается от Ратуши (т. е. от революционного правительства в Ратуше.— *Авт.*), так как считает, что ЦК национальной гвардии совершает одни лишь ошибки. I округ требует революционных мер, а не выборов»⁴⁵. Такое заявление было, конечно, грубо ошибочным, так как, будь оно претворено в жизнь, это привело бы лишь к расколу и дезорганизации революционных сил.

Центральный комитет 20 округов не пошел на раскол с только что возникшим революционным правительством. Первоначально Дюмон предложил оказать самую полную поддержку и выразить самую живую симпатию Центральному комитету национальной гвардии при условии, чтобы комитет действовал еще более энергично, памятуя, что «самая суровая строгость является единственным средством спасения революции»⁴⁶. Брион, Телидон, Аме, Валлес, к которым в конце присоединился и сам Наппа-Пике, потребовали полной и безоговорочной поддержки ЦК национальной гвардии. Такое решение и было принято⁴⁷.

Но если Центральный комитет 20 округов, поддерживая временное революционное правительство, толкал его к более решительным и смелым действиям, то другие организации, также претендовавшие на свою долю власти, напротив, оказывали на него давление справа. Уже вечером 18 марта окружные мэры Парижа и депутаты Национального собрания от департамента Сена собрали совещание с целью провозгласить себя высшей властью в столице. Однако на сей раз они опоздали: над Ратушей развевался красный флаг, и, когда полковник Шарль Ланглуа, небезызвестный прудонист, назначенный мэрами командующим национальной гвардией, с важным видом явился в Ратушу, он был попросту выставлен за дверь.

Но с утра 19 марта мэры начали нескончаемые переговоры с Центральным комитетом национальной гвардии, убеждая его,

⁴⁴ Там же, гл. III, IV; см. также рассказ Луизы Мишель об ее агитации среди солдат версальских войск (*L. Michel. La Commune. Paris, 1898*).

⁴⁵ *J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain...*, p. 218.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 217.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 217—220.

что они, мэры, представляют единственную подлинно законную власть и что в интересах общего блага власть должна быть им уступлена⁴⁸.

Даже когда стало очевидно, что соглашение невозможно, мэры упорно продолжали эти переговоры. Позднее Пьер Тирар, крупный коммерсант, мэр XI округа, цинично признавался: «Главная цель, которую мы преследовали этой оппозицией (к Центральному комитету национальной гвардии.— *Авт.*), заключалась в том, чтобы воспрепятствовать федератам идти на Версаль»⁴⁹.

Даже такая организация, как Федерация парижских секций Интернационала, от которой революционное правительство рабочего класса вправе было ожидать самой энергичной поддержки, на протяжении первых четырех дней занимала неопределенную, колеблющуюся позицию и лишь 23 марта выступила с манифестом в пользу Коммуны, написанным, впрочем, вполне в стиле путаной, противоречивой прудонистской фразеологии⁵⁰.

Подавляющее большинство членов Центрального комитета, не отдавая себе отчета в смысле и значении происходящего, не понимая задач пролетарской революции, прежде всего ее тактической линии, сознательно уклонялось от наступательных действий, избегало вооруженной борьбы, страшилось кровопролития и предоставило развитие событий за пределами Парижа их стихийному течению в надежде, что оно будет благоприятным для него.

В одном из ранних документов Центрального комитета, в прокламации от 20 марта, подписанной Дювалем как делегатом-уполномоченным при бывшей префектуре полиции, и шестью делегатами — его помощниками, говорилось: «С 18 марта Париж не имеет другого правительства, кроме народного: это лучшее из всех правительств. Париж стал свободным городом. Его могущественная централизация более не существует... Париж не имеет ни малейшего намерения отделить себя от Франции: напротив, он вытерпел ради Франции иго империи и «правительство национальной обороны» со всеми его изменами и подлостью. И теперь, конечно, он не думает покинуть Францию, но говорит ей как старший брат: защищайся так, как я защищался, борись с насилием так, как я с ним боролся»⁵¹.

⁴⁸ C. A. Dauban. Le fond de la Société sous la Commune. Paris, 1873, p. 48—50; F. Damé. La résistance les maires, les députés de Paris et le Comité Central du 18 au 26 mars. Paris, 1871. В этой книге приведена по дням вся история переговоров между мэрами и Центральным комитетом.

⁴⁹ «Enquête parlementaire... Dépôtions», t. II, p. 342. Напомним, что Тирар позднее, в период Третьей республики, неоднократно занимал посты министра и премьер-министра.

⁵⁰ «Les Murailles politiques françaises, далее — «Les Murailles...», t. II. Paris, 1874, p. 52—53.

⁵¹ «Journal officiel», 21. III 1871, p. 14—15.

Мысль этой прокламации ясна: Париж звал остальную Францию последовать его примеру. Здесь ощутимо проступает уверенность в том, что воодушевляющий пример столицы увлечет за собою всю страну.

В другом документе тех же дней, в статье делегата ЦК при «*Journal officiel*» от 21 марта, говорилось: «Париж не может ни отделить себя от провинции, ни вынести страданий быть от нее оторванным. Париж был, является сейчас и должен остаться навсегда столицей Франции, головой и сердцем демократической, единой и неделимой республики»⁵². Во множестве вариантов эта мысль повторялась и в других прокламациях, обращениях, газетных статьях той поры⁵³.

В опубликованных протокольных записях заседаний ЦК национальной гвардии нет никаких упоминаний об обсуждении первым революционным правительством принципиальных вопросов революции и революционной тактики. Повестка дня заседаний Центрального комитета была загромождена множеством неотложных практических вопросов, поглощавших все его время и внимание. Однако при всем том на основе официальных заявлений Центрального комитета, его программных документов можно все-таки установить его тактическую линию и взятый им политический курс. Пользуясь терминами наших дней, его можно определить так: это был курс на мирное развитие революции. Центральный комитет сознательно и совершенно определенно отказывался от гражданской войны и стремился всеми возможными средствами ее избежать.

В первой же прокламации «К народу!», выпущенной Центральным комитетом 19 марта, указывалось, что главной задачей является создать республику, «которая навсегда положит конец эпохе вражеских нашествий и гражданских войн»⁵⁴. В другом воззвании Центрального комитета от того же числа, где население оповещалось о событиях 18 марта, в заслугу Комитета ставились его призывы к умеренности, к великодушию. ЦК заявлял: «Никакой агрессии, оказывайте сопротивление только в случае крайней необходимости»⁵⁵.

Сходные суждения высказывались и в других программных документах Центрального комитета. Таково было и мнение большинства органов революционной прессы и представленных ими общественно-политических кругов парижских трудящихся.

Прудонистская газета «*La Commune*», начавшая выходить с 20 марта, в первом же номере писала: «Эпоха насильствен-

⁵² Ibidem.

⁵³ См., например, «*Paris est dans le Droit*», «*Journal officiel*», 22.III 1871, p. 24.

⁵⁴ «*Journal officiel*», 20. III 1871.

⁵⁵ Ibidem.

ных революций окончилась, и гражданская война ныне невозможна»⁵⁶.

Огюст Верморель, прудонист, один из талантливых публицистов своего времени, в первом номере своей газеты также проповедовал отказ от гражданской войны и всеобщее примирение: «Буржуазия и народ Парижа, не смотрите ни на Бельвиль, ни на Версаль, ни на Берлин, чтобы увидеть там, что с вами будет». Верморель предостерегал против опасностей, исходящих «и от социальной революции, и от торжествующей реакции, и от прусского наступления», которые в его изображении как бы уравнивались в своих пагубных последствиях⁵⁷. Здесь со всей ясностью проступала теоретическая беспомощность и политическая путаница, свойственные даже лучшим представителям прудонистской школы.

Но это полное непонимание характера революции и стоящих перед нею задач было свойственно не только прудонистам. Бенуа Малон, рабочий-красильщик, в ту пору ближе всего стоявший к бакунистам⁵⁸, в первые дни после 18 марта, как это было справедливо отмечено П. Л. Лавровым, занял по существу капитулянтскую позицию, предлагая сдать власть. «Положение опасно... Ясно, что Собрание не захочет ничего слушать, пока Комитет будет занимать Ратушу. Если же, напротив, Париж передаст себя своим законным представителям, я полагаю, что они могут сделать более, чем вы», — говорил Малон⁵⁹.

Жюль Валлес, талантливый писатель, позже член Коммуны, честный демократ с ярко выраженными социалистическими тенденциями, но не примыкавший ни к одной из политических партий или социалистических школ того времени, в своей «*Le Cri du Peuple*» также с ужасом говорил о несчастьях гражданской войны⁶⁰.

В основе сознательного стремления избежать гражданской войны, которое так явственно проступало во всех этих выступлениях, лежали теоретически незрелые и путанные представления об обществе и классовой борьбе и непонимание того великого исторического подвига, который совершили французские рабочие, непонимание того, что с 18 марта начался первый в истории опыт пролетарской революции.

⁵⁶ «*La Commune*», 20. III 1871.

⁵⁷ «*L'Ordre*», N 1, 20. III 1871.

⁵⁸ Бенуа Малон, как известно, позднее, в 80-х годах, стал одним из лидеров реформистской группировки POSSIBILISTОВ.

⁵⁹ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., изд. 4-е. Л., 1925, стр. 84; см. также *Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871*. Paris, 1929, p. 114—115.

⁶⁰ См., например, «*Le Cri du Peuple*», 21. III 1871. Те же настроения отчетливо чувствуются и в автобиографическом, посвященном периоду Парижской Коммуны романе Валлеса «*Инсургент*».

Вместе с тем здесь сказывалось и великодушное рабочее класса, покоящееся на иллюзиях в отношении буржуазии, его склонность видеть буржуазию лучшей, чем она была на деле, его наивная вера в то, что она склонится перед волею Парижа и что вся Франция последует в единодушном порыве за великой столицей республики.

Французские рабочие и их руководители в Центральном комитете национальной гвардии обольщали себя параллелями и аналогиями с Французской буржуазной революцией XVIII в., когда значительная часть буржуазии шла вместе с народом. Разве это не могло вновь повториться? Не случайно очень многие революционные газеты Парижа полностью восстановили революционный календарь 1793—1794 гг. и помечали свои номера рядом с мартом также вантозом и жерминалем⁶¹.

Даже Артюр Арну, один из прудонистских мемуаристов Коммуны, и тот должен был признать: «Париж — город иллюзий... Большинство его населения так же горячо хотело избежать междоусобной войны, как и было полно решимости отстаивать свои права. Оно не допускало, что во Франции найдется человек, который возмечтает, захочет и прикажет подвергнуть осаде столицу Франции. Оно не допускало, что во Франции найдется французское правительство, которое возмечтает, захочет и прикажет начать ужасную истребительную войну против первого города в мире...»⁶²

Арну был прав — то были губительные иллюзии. Нашелся и человек — им был Тьер, нашлось и правительство — буржуазное версальское правительство, которые без колебаний начали истребительную войну против Парижа.

Как бы там ни было, но ошибочные политические воззрения, наивные иллюзии, необоснованный оптимизм, великодушные и прочие причины, являвшиеся все в конечном счете следствием недостаточной зрелости французского рабочего класса, предопределили то, что возглавлявший его Центральный комитет после блистательной народной победы 18 марта прервал наступление и, уклоняясь от гражданской войны, перешел на позиции пассивной обороны, выпустив инициативу из своих рук.

Маркс, с величайшим вниманием следивший за всем происходящим в Париже и еще в начале апреля увидевший в борьбе парижан событие всемирно-исторического значения, уже 6 апреля в письме к Либкнехту указал на допущенную ошибку: «По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*. Цент-

⁶¹ «La Commune», 20.III 1871—29 ventôse an 79; «Le Réveil du peuple», 18.IV 1871—28 germinal an 79.

⁶² Arthur Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, v. II. Bruxelles, 1878, p. 48—49.

ральный комитет, а затем и Коммуна дали чудовищному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) Потому, что они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа... 2) Чтобы избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени,— а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (на Вандомской площади)»⁶³.

Эта же мысль была подчеркнута Марксом и в известном письме к Кугельману от 12 апреля 1871 г. В этом письме, в котором, по выражению Ленина, Маркс «поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским *«геройским» рабочим»*⁶⁴, он вновь указывал на ту же решающую ошибку парижских рабочих: «...История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер уже не начал гражданскую войну своей попыткой обезоружить Париж»⁶⁵.

Итак, первой и, надо признать, решающей ошибкой восставшего пролетариата и его правительства в лице ЦК национальной гвардии было пренебрежение основными правилами восстания как искусства, попытка уклонения от гражданской войны, фактически начатой уже буржуазией, и добровольный, не вынуждаемый военными соображениями переход от наступления к пассивной обороне.

Частной военной ошибкой, допущенной Центральным комитетом в первые дни после 18 марта, было то, что он не занял своевременно форт Мон-Валерьен — важную стратегическую позицию, расположенную на подступах к Парижу и эвакуированную правительственными войсками в ночь на 19 марта. 20 марта капитан 101-го батальона национальной гвардии Мутон настаивал в ЦК национальной гвардии, чтобы его батальон был немедленно направлен в этот форт. Однако ЦК не поддержал этой ценной инициативы Мутона⁶⁶. Между тем 21 марта версальцы вновь заняли Мон-Валерьен, и, когда Люлье с отрядом

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 168—169.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 376.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

⁶⁶ J. A. Faucher. La crosse en l'air. La véritable histoire de la Commune, t. I. Paris, 1960, p. 207.

национальной гвардии явился к форту, он не был туда допущен. Люлье удовольствовался обещанием коменданта форта сохранить нейтралитет в случае военных действий между Версалем и Парижем.

Могло казаться, что первоначальный ход событий, или, вернее сказать, некоторых событий, давал известные основания для ориентации на стихийное развитие революции и подтверждал оптимистические ожидания, что Франция последует за Парижем, как это бывало и в прежних революциях.

Действительно, и на этот раз пример Парижа оказался заразительным: 22 марта началось восстание в Лионе, 23 марта — в Марселе и Сент-Этьенне, 24-го — в Тулузе, 25-го — в Перпиньяне, 26-го — в Крезе.

Не подлежит сомнению, что эти народные восстания в крупнейших городах Франции имели огромное политическое значение. Эти восстания, на протяжении одной недели разразившиеся вслед за Парижем в крупнейших промышленных центрах Франции, свидетельствовали, что непримиримость классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией уже переросла границы локальных конфликтов и вплотную подводила к общенациональному классовому сражению, к общенациональной революции.

Вместе с тем было далеко не случайным, что революция, начавшаяся в Париже, не разлилась сразу широким потоком повсеместно, по всей стране, как это было во время так называемой «муниципальной революции» 1789 г., или в 1830 г., или в 1848 г., или даже в сентябре 1870 г. Не случайным было, что восстания рабочих и шедших вместе с ними других трудящихся, главным образом городской мелкой буржуазии, все-таки оставались отдельными, изолированными «островками» во враждебном им море.

Более того, развитие революционных движений в провинции с первых же дней показало, какое яростное сопротивление реакции оно встречает и с какой беспощадностью и непреклонной решимостью буржуазия подавляет это движение. Раньше, чем революционное движение в провинции успело окрепнуть и разрастись, буржуазия его задушила. Уже 25 марта была подавлена Коммуна в Лионе, 27-го — пали Коммуны в Тулузе и Сент-Этьенне.

Буржуазия не только начала гражданскую войну против пролетариата, она уже одерживала победы в этой гражданской войне.

Но и в этих на глазах меняющихся к худшему условиях Центральный комитет национальной гвардии не отказался от своей пассивно-оборонительной тактики и не пошел, несмотря на все еще сохраняющееся большое военное превосходство, походом на Версаль.

Без малого 30 лет спустя, около 1900 г., лидер бланкистов Эдуар Вайян, отвечая на вопрос о своей позиции во время Коммуны, заявил: «Начиная с революции 18 марта я был убежден, что не было более важной задачи и цели, чем борьба против Версаля. Быть или не быть — так был поставлен перед Коммуной вопрос; он был поставлен так фактами и обстоятельствами»⁶⁷.

Это определение Вайяна очень точно формулирует сложившееся в действительности в 1871 г. положение вещей. Быть или не быть Коммуне — это зависело в первую очередь от того, когда начнет революционный Париж наступательные бои против Версаля. Беда была в том, что эта, может быть, своевременно осознанная Вайяном мысль, была им высказана вслух лишь 30 лет спустя.

Другая серьезная ошибка, допущенная Центральным комитетом национальной гвардии, заключалась в том, что он проявил излишнюю и ненужную поспешность с передачей полноты власти в руки Коммуны.

Центральный комитет национальной гвардии во всех своих официальных заявлениях усиленно подчеркивал, что он рассматривает себя лишь как временную власть, которую он сложит, как только будет избрана Коммуна⁶⁸.

Центральный комитет вначале назначил выборы на 22 марта, затем должен был перенести их на 23-е и, наконец, перенес на 26 марта. Эта отсрочка выборов была вызвана не осознанием членами Центрального комитета своих прав и революционных обязанностей, а сопротивлением реакционной буржуазии в Париже, возглавляемой мэрами, на чем мы остановимся несколько позже.

Члены Центрального комитета не осознавали, что власть, которую они представляли, является высшей формой революционной власти, что она принципиально, коренным образом отличается от любой другой формы буржуазной власти, что в этом различии и заключается ее преимущество по сравнению с любым иным «обычным», т. е. легально, «по закону» избранным правительством.

В. И. Ленин в 1917 г., говоря о политическом характере правительства Советов рабочих и солдатских депутатов, указывал, что эта власть особого, нового типа, *«того же типа, какого была Парижская Коммуна»*⁶⁹. Характеризуя Коммуну как новый тип государственной власти, он писал: «Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу,

⁶⁷ Цит. по: J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 251.

⁶⁸ «Journal officiel», 20—22. III 1871.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 146.

не на закон, изданный централизованной государственной властью»⁷⁰. И далее В. И. Ленин указывал, что эта власть совсем иного рода, чем обычные формы власти в парламентарной буржуазно-демократической республике.

Сказанное В. И. Лениным о Парижской Коммуне вообще в наибольшей мере относится к первому революционному правительству парижских рабочих в 1871 г.— ЦК национальной гвардии. Оно опиралось не на избирательный бюллетень, а непосредственно на вооруженный народ, источником его власти было не парламентское голосование, а народное восстание.

К несчастью, члены Центрального комитета, в значительной мере ослепленные предрассудками прудонистских, бланкистских или неоякобинских доктрин, не увидели, не поняли своеобразие представляемой ими власти, поднявшей их на такую всемирно-историческую высоту, которой международное рабочее движение еще до того не достигало. Они не использовали всех возможностей, которые предоставляла им эта форма власти, не привели в движение все рычаги революционной диктатуры, рассматривая себя лишь как временный правительственный орган.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, перед членами Центрального комитета ни разу не вставал вопрос о том, чтобы продлить свои полномочия и повременить с выборами в Коммуну до решающих побед революции во всей стране. Из источников видно, что лишь за пределами Центрального комитета, в Делегации 20 округов Парижа однажды был поднят вопрос о расширении полномочий и политической роли Центрального комитета. На заседании Делегации 21 марта все тот же Наппа-Пике предложил выяснить, «не наступит ли уже завтра утром срочная необходимость преобразовать ЦК национальной гвардии в Комитет общественного спасения» и в этом случае включить в его состав членов Делегации 20 округов.

Это выступление Наппа-Пике вновь свидетельствовало, что в среде рядовых участников революции рождались смелые и правильные мысли. Наппа-Пике в сущности предлагал, объединив оба созданных творчеством масс революционных органа, наделить их самыми широкими правами и сделать действительно могущественным правительством революционной диктатуры. Но предложение Наппа-Пике не получило никакой поддержки. И на этом и на следующем заседании 23 марта подавляющее большинство членов Делегации 20 округов единодушно высказалось в пользу скорейшего проведения выборов в Коммуну. Как выразился один из членов Делегации, Брион, ЦК национальной гвардии «стал на путь легальности и не может больше возвращаться к революции»⁷¹.

⁷⁰ Там же, стр. 145.

⁷¹ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 228.

Сам Центральный комитет национальной гвардии в неоднократно заявляемых первых дней своей власти⁷² и в специальных воззваниях уже после избрания Коммуны⁷³ подтверждал, что он всегда рассматривал свои полномочия как временные и видел свою главную задачу в том, чтобы передать власть Коммуне.

Эта ошибка была сразу же замечена и осуждена Марксом в цитированных выше письмах к Вильгельму Либкнехту и Кугельману. «Вторая ошибка,— писал он Кугельману 12 апреля,— Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности!»⁷⁴

Обе решающие ошибки первого революционного правительства, которые должны быть сразу учтены для правильного понимания всего последующего развития борьбы между силами революции и контрреволюции, ни в малой мере не должны ни заслонить, ни преуменьшить те славные дела, тот великий революционный подвиг, которые творили трудящиеся Парижа во главе с ЦК национальной гвардии в первые 10 дней после победы народного восстания.

Хотя рабочее восстание 18 марта не подготовлялось революционными организациями и возникло, как справедливо указывал В. И. Ленин, стихийно, тем не менее, когда оно разгорелось, Центральный комитет национальной гвардии не остался в стороне от него, а, как мы видели, принял в нем активное участие и возглавил его.

Эта была первая в истории человеческого общества революция пролетариата, поддержанного широкими массами трудящихся, т. е. народная революция, в которой пролетариату принадлежала ведущая, руководящая роль.

Особенностью этой революции было, однако, то, что рабочий класс вступил в нее, не овладев научной теорией пролетарской революции и не имея подлинной революционно-пролетарской партии, которая в очень сложной обстановке могла бы обеспечить единое, правильное руководство.

Как известно, к этому времени международное рабочее движение достигло уже такой степени зрелости, что оно создало научную теорию пролетарской революции и подлинно революционное руководство пролетарским движением; и то и другое было связано с именами Маркса и Энгельса. Но для Франции в 1871 г. марксизм еще в большой мере представлял собой загроможденный, а не сегодняшний день рабочего движения, он еще не получил сколько-нибудь широкого распространения, француз-

⁷² «Journal officiel», 20—22. III 1871.

⁷³ «Journal officiel», 7. IV 1871.

⁷⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

ский рабочий класс в своей массе и даже в лице большинства своих руководителей еще не постиг великого учения научного социализма, весьма неотчетливо представлял себе стоявшие перед ним задачи и пути их осуществления.

Политическая литература Парижской Коммуны отличалась крайней противоречивостью, неопределенностью и неясностью многих суждений. Такая противоречивость суждений не представляет собой чего-либо удивительного; она должна быть принята во внимание исследователем и понята им: в конечном счете она отражала крайне неоднородный социальный состав трудящегося населения Парижа в целом и самого рабочего класса. В этой противоречивости отразилась также неясность политических взглядов и политических идеалов, связанная с тем, что руководство рабочим движением оспаривали друг у друга три крупные мелкобуржуазные по своим воззрениям школы — прудонисты, бланкисты и неоякобинцы, не считая более мелких, и что, как писал В. И. Ленин, «не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса...»⁷⁵

В самом истолковании революции, начавшейся восстанием 18 марта, было много путаницы, и ее классовый характер был далеко не ясен для ряда ее участников.

Примером неопределенной мелкобуржуазной трактовки сущности и целей революции 18 марта может служить предвыборное воззвание одного из вожakov неоякобинцев, Феликса Пиа, опубликованное 26 марта. В этом воззвании нет и следа понимания пролетарской сущности событий 18 марта, их отличия от революции конца XVIII в.⁷⁶

А Делеклюзу, например, борьба, которую Париж вел против Версаля, представлялась борьбой против феодального Национального собрания, против феодальных сил⁷⁷.

Это непонимание того, что главным содержанием классовой борьбы после 18 марта является борьба между пролетариатом и контрреволюционной буржуазией, было характерно и для других участников революции.

Ворморель, наиболее отчетливо выражавший точку зрения прудонистов, в своих статьях прямо обращался к буржуазии и народу Парижа⁷⁸, что подразумевало общность их интересов, и призывал к тому, чтобы Париж «взял свою судьбу в собственные руки, создав свое правительство, которое не будет ни правительством Бельвиля, ни правительством Версаля...»⁷⁹ Не-

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219.

⁷⁶ «Les Murailles...», t. II, p. 9.

⁷⁷ «Le Réveil du Peuple», 18. IV 1871.

⁷⁸ «L'Ordre», 20. III 1871.

⁷⁹ «L'Ordre», 22. III 1871. В печати и политических выступлениях того времени Бельвиль обыкновенно упоминался как синоним или как символ пролетарского революционного восстания.

трудно понять, что реальным содержанием этой межеумочной, «средней» позиции был призыв к политике классового примирения.

В воззвании делегатов Центрального комитета по внутренним делам Антуана Арно и Эдуара Вайяна от 25 марта говорилось, что «Республика должна установить гармонию интересов, а не приносить одни из них в жертву другим»⁸⁰.

В воззвании Федерального совета парижских секций Интернационала совместно с Федеральной палатой рабочих обществ от 23 марта, подписанном такими видными деятелями революционного движения, как Франкель, Тейс, Камелина, Пенди, Потье и другими, также ни слова не говорилось о борьбе между пролетариатом и буржуазией, а вместо этого раздавались призывы к «свободе, равенству и солидарности» и к «реорганизации труда как первому условию» порядка на новой основе⁸¹.

И все же наряду с этими пестрыми, но в главном схожими по своим мелкобуржуазным иллюзиям заявлениями, соседствуя с ними, вступая с ними в противоречие и беря над ними верх, громко раздавались и иные суждения, иные политические оценки.

«Безвестные пролетарии, вчера еще никому не ведомые, но чьи имена вскоре прогремят по всему миру, вдохновленные глубокой любовью к справедливости и праву и безграничной преданностью Франции и Республике, воодушевленные этими благородными чувствами и отвагой, решились спасти подвергшуюся вторжению родину и находящуюся под угрозой свободу»⁸². Так, в программной статье, озаглавленной «Революция 18 марта», Центральный комитет в лице своего делегата при «*Journal officiel*» давал определение содержанию этой революции.

Эта статья замечательна тем, что в ней Центральный комитет национальной гвардии дает совершенно четкую и определенную характеристику революции 18 марта как революции пролетарской.

«Пролетарии столицы перед лицом вырождения и измен господствующих классов,— говорится далее в статье,— поняли, что для них настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами»⁸³.

Легко заметить, что здесь уже совершенно отчетливо сформулирована мысль, что пролетарии решили взять власть в свои руки.

⁸⁰ «*Journal officiel*», 25. III 1871. Это воззвание, подписанное двумя видными деятелями бланкистской партии, вообще вызывает удивление своими утверждениями. Здесь, в частности, было и столь странное для бланкистов утверждение, что ЦК занял место в Ратуше «не как правительство, а как часовая народа».

⁸¹ «*Les Muraillies...*», t. II, p. 52—53.

⁸² «*Journal officiel*», 21. III 1871, p. 16.

⁸³ *Ibidem*.

Характеризуя бедственное положение пролетариев в условиях буржуазного общества, политическую бездарность и нравственный маразм буржуазии, редакционная статья ЦК национальной гвардии вновь возвращается к вопросу о государственной власти.

«Пролетариат перед лицом постоянной угрозы его правам, полного попрания всех его законных стремлений, крушения родины и всех его надежд понял, что его повелительный долг и непреложное право — взять в свои руки решение своих судеб и утвердить свою победу захватом власти...»⁸⁴

Эта статья, так поразительно глубоко и правильно раскрывшая пролетарский характер революции, начавшейся 18 марта, показывает, как живая практика революционной борьбы, «гениальное чутье проснувшихся масс»⁸⁵ позволили им находить истинные и полные революционной мудрости решения.

Великой, непреходящей заслугой Центрального комитета национальной гвардии было то, что он реализовал замечательную *«историческую инициативу масс»*, которую Маркс и Ленин ставили в опыте Парижской Коммуны превыше всего⁸⁶.

Первой, важнейшей задачей, с которой началась деятельность революционного правительства рабочего класса, было уничтожение постоянной армии. Не только своими практически действиями, которые были, конечно, убедительнее всяких слов, но и мотивировкой своих решений и, в частности, высказанным уже на первом заседании 19 марта мнением о необходимости «обезоружить военный деспотизм»⁸⁷, Центральный комитет доказал, что он сознательно решал эту беспримерную в истории задачу.

Фактическое положение вещей в Париже после победы народного восстания 18 марта само толкало Центральный комитет к решению этой задачи.

Постоянной регулярной армии, являвшейся до сих пор орудием угнетения трудящихся в руках эксплуататорских классов, в Париже 19 марта как реальной силы более не существовало. Часть войск, двинутых правительством Тьера на рассвете 18 марта, перешла на сторону народа, часть рассеялась, часть разрозненными группами 18 и 19 марта отступала в Версаль. В том факте, что парижане не препятствовали уходу регулярных войск и даже высказывали по этому поводу свое удовлетворение⁸⁸, между прочим, выражалось и давнее стремление народа избавиться от армии, которую он привык рассматривать как враждебную ему силу.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

⁸⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 377.

⁸⁷ «Черная книга...», стр. 91.

⁸⁸ «Journal officiel», 20.III 1871.

Почти одновременно с остатками регулярных войск, сохранившими верность правительству Тьера, из Парижа бежали в Версаль и полицейские части. Управление полиции, которое стало теперь именоваться бывшей полицией, было взято Центральным комитетом в свои руки и во главе его в качестве делегата-командующего был поставлен один из самых зрелых и боевых руководителей Центрального комитета, Эмиль Дюваль. Главой министерства внутренних дел тогда же, 19 марта, был назначен член ЦК хозяин мелкой прачечной Грелье⁸⁹, который, по словам Валлеса, подписывал «приказы, избивающие варваризмами, но зато пропитанные самыми революционными намерениями»⁹⁰. Несколько позже вторым делегатом, т. е. фактически министром, в министерство внутренних дел был направлен Эдуар Вайян.

В тот же день, 19 марта, Центральный комитет принял и другие принципиально важные постановления: об отмене осадного положения, об уничтожении военных судов и установлении подсудности солдат общим, а не военным судам⁹¹. При обсуждении этих вопросов выступавшие Асси и Дюпон подчеркивали, что отменяемые институты были одной из форм деспотического господства, в частности военного деспотизма⁹².

Несколькими днями позже, 22 марта, Центральный комитет национальной гвардии принял постановление, согласно которому все находившиеся в Париже солдаты подлежали зачислению в ряды национальной гвардии с выдачей жалованья на общих основаниях⁹³.

Совокупность этих мер означала фактически уничтожение постоянной армии, полиции и жандармерии.

Центральный комитет в течение нескольких дней решил в основном эту главную задачу народной революции. Важнейшая составная часть старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины, реальная сила классового угнетения, «особые отряды вооруженных людей» (как говорил В. И. Ленин), постоянная армия и полиция были уничтожены первым революционным правительством.

Вместо них опорой нового государства стал вооруженный народ, организованный в национальную гвардию.

Само название нового, первого революционного правительства — Центральный комитет национальной гвардии — показывало, что оно является правительством вооруженного народа.

Командующими соединенными вооруженными силами стали

⁸⁹ Грелье уже 19 марта составил свои приказы (см. «Journal officiel», 20.III 1871).

⁹⁰ Ж. Валлес. Инсургент, стр. 177.

⁹¹ «Journal officiel», 20.III 1871.

⁹² «Черная книга...», стр. 91—92.

⁹³ «Journal officiel», 23. III 1871.

его лучшие руководители — испытанные революционеры. Ученый-естественник Гюстав Флуранс, сподвижник Бланки, в одном из писем в двадцатых числах марта сообщал, что Центральный комитет национальной гвардии назначил его генералом, командующим 20-м легионом⁹⁴. Генералами были назначены и другие революционеры.

Знаменитый декрет Коммуны от 29 марта об упразднении постоянной армии и замене ее национальной гвардией⁹⁵ был в сущности юридическим подтверждением революционной практики, осуществленной ее предшественником — Центральным комитетом национальной гвардии.

Первое революционное правительство в значительной мере решило и другую важнейшую задачу слома старой буржуазной государственной машины — уничтожение бюрократии.

Оно подошло к решению и этой задачи без заранее выработанного плана, без теоретического осмысливания совершаемого — его толкнула на это сама жизненная необходимость.

Центральный комитет национальной гвардии, верным революционным инстинктом поняв, что народное восстание 18 марта возложило на него не только муниципальные функции — руководство столицей, но и правительственные обязанности — управление страной, поспешил прежде всего занять и взять в свои руки все министерства.

Центральный комитет не только не считал нужным скрывать, что он выступает в качестве центральной государственной власти, но и подчеркивал это в своих официальных заявлениях. Уже в датированном 19 марта объявлении ЦК, опубликованном в «*Journal officiel*», говорилось:

*«Новое правительство Республики взяло в свои руки все министерства и все административные органы»*⁹⁶.

Действительно, уже 19 марта с утра Центральный комитет национальной гвардии направил ряд своих членов и пользующихся его доверием деятелей революционного движения во все министерства и главные административные учреждения. Им присваивались звания делегатов Центрального комитета (они так и подписывались на всех бумагах и под официальными выступлениями в печати), что фактически соответствовало положению руководителя министерства, или министра.

Раньше всего власть нового революционного правительства была установлена над важнейшими министерствами. В министерство внутренних дел были направлены делегатами Грелье, затем Антуан Арно и Вайян, в военное министерство — Эмиль

⁹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 230, д. 28/II (Флуранс — командиру 76-го батальона).

⁹⁵ «*Journal officiel*», 30.III 1871; см. также «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. I. М., 1959, стр. 40—43.

⁹⁶ «*Journal officiel*», 20.III 1871. Выделено нами.— Авт.

Эд, в министерство финансов — Эжен Варлен и Франсуа Журд, в министерство иностранных дел — Паскаль Груссе. В тот же день были взяты в руки революционного правительства и другие министерства и государственные управления. Дюваль и позже Рауль Риго встали во главе бывшей префектуры полиции. Комбац возглавил управление почтой и телеграфом. Моро был назначен делегатом в «*Journal officiel*» и правительственную типографию. Рулье был направлен в министерство просвещения.

Эти простые рабочие, ремесленники, начинающие журналисты, никогда не подходившие близко к рулю государственной власти, вынужденные взять его в свои руки и дать ему совершенно новое направление, проявили большую сметку, находчивость, инициативу и превосходно справлялись с новым для них делом.

Жюль Валлес оставил колоритное описание деятельности Эдуара Рулье, члена ЦК, ветерана революционных боев, участника июньского восстания 1848 г., по профессии простого сапожника, ставшего после 18 марта руководителем министерства просвещения.

«...В орфографии он не сильнее своего коллеги из министерства внутренних дел. Зато в истории и политической экономии этот сапожник сведущ больше, чем все дипломированные особы, в чьих руках перебивал портфель, — тот портфель, что он еще позавчера ощупывал с видом человека, понимающего больше в опойке, чем в сафьяне...» Рассказывая далее о том, как Рулье показал составленную им программу — «вытащил из кармана несколько засаленных бумажек, пахнущих клеем», — Валлес продолжал: «Я совершенно искренне думаю, что этот обладающий комической внешностью любитель всякой «автономии», что этот «трактирный» оратор наделен более ясным умом и более широким мышлением, чем все эти пожелтевшие ученые с почтенными манерами... В его помятых, засаленных листках заключен целый план обучения, превосходящий по своей мудрости все катехизисы академий и ученых советов...»⁹⁷

Рулье не был, конечно, самым дисциплинированным среди рабочих, возглавлявших органы государственной власти, но и он был намного выше своих сановных предшественников.

Даже буржуазная печать, как правило, выливаяшая ушаты грязи и клеветы на деятелей первого рабочего правительства в Париже, и та иногда говорила правду, воздавая должное их достоинствам политических руководителей. Так, например, английская «*Daily News*» в сообщении своего парижского корреспондента от 28 марта должна была признать, что «члены Центрального комитета — люди весьма дельные... Их практиче-

⁹⁷ Ж. Валлес. Инсургент, стр. 179, 182.

ские познания много выше обычного уровня, их осведомленность в вопросах политики — значительна... их организация — превосходна... Было бы ошибкой обращаться с этими людьми из Ратуши, как с ничтожеством, это люди сильные... суровые и умные...»⁹⁸

Эта случайно прорвавшаяся сквозь потоки самой разнужданной лжи трезвая оценка руководителей рабочего правительства в Париже на страницах английской газеты была, конечно, гораздо ближе к правде, чем «страшные рассказы», созданные о людях Коммуны распаленным ненавистью и страхом воображением французских реакционных газетчиков.

Но, возглавив министерства и ведомства, новые люди из Центрального комитета национальной гвардии столкнулись с повсеместным саботажем старого чиновничьего аппарата.

Этот саботаж имел двоякое происхождение. С одной стороны, Тьер и его министры сразу же после проигранного 18 марта сражения дали прямую директиву служащим министерств покинуть свои посты и поодиночке перебираться в Версаль⁹⁹. С другой стороны, и сами чиновники, как это явствует из распоряжений Центрального комитета и подтверждается почти всеми мемуаристами, не пожелали иметь дело с «узурпаторами» из Ратуши¹⁰⁰. Во всяком случае, делегаты ЦК, прибыв в министерства, заставляли там только или младших служащих и курьеров, или чиновников, более или менее открыто сопротивлявшихся новой власти.

Сама логика вещей заставила Центральный комитет национальной гвардии обновить аппарат государственных учреждений. Бежавших или саботирующих старых служащих пришлось спешно заменять новыми, пользующимися доверием народа людьми, или, вернее сказать, людьми из народа. Центральный комитет в этом вопросе действовал смело и решительно, проявив необходимую революционную твердость.

22 марта ЦК принял короткое, но энергичное постановление, констатирующее, что вследствие «всеобщего дезертирства правительственных служащих общественные службы полностью дезорганизованы». Революционное правительство предупреждало, что «все служащие государственных учреждений, которые до 25-го числа сего месяца не возобновят выполнение своих обычных обязанностей, будут неукоснительно отрешены от должности»¹⁰¹. В тот же день было официально объявлено распоряжение делегата министерства внутренних дел об увольнении

⁹⁸ «Daily News», 30.III 1871 (цит. по: Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 135).

⁹⁹ *Laurent. La Commune de 1871. Paris, 1934, p. 5.*

¹⁰⁰ «Journal officiel», 23, 24.III 1871; Мемуары Лиссагаре, Валлеса и др.

¹⁰¹ «Journal officiel», 23. III 1871.

Оро, Пикамиля и других высших служащих государственной типографии¹⁰². Они пытались организовать саботаж и сопротивлялись действиям делегатов Пенди и Дебока¹⁰³.

Общий дух смелой, наступательной политики Центрального комитета по отношению к врагам революционного правительства лучше всего выразило опубликованное 24 марта воззвание новых командующих национальной гвардии — генералов Брюнея, Дювала и Эда: «Сейчас не время парламентаризма; надо действовать и сурово карать врагов Республики.

Кто не с нами — тот против нас»¹⁰⁴.

В этом заявлении мы вновь видим то же глубокое, стихийное революционное понимание задач новой власти. «Сейчас не время парламентаризма... Кто не с нами — тот против нас», — вот замечательные формулировки, полные революционной экспрессии и неясно выраженного, но осознанного понимания особых задач новой власти, как революционной пролетарской диктатуры.

В исторической литературе нередко на первый план выдвигались колебания, слабость Центрального комитета, в частности в его переговорах с мэрами, и оставлялась в тени или недостаточно подчеркивалась его революционная решимость, смелость, инициатива и тот непреложный факт, что именно ему, первому революционному правительству, принадлежала честь начать и в значительной мере осуществить слом старой буржуазной военно-бюрократической государственной машины.

По-видимому, это объяснялось тем, что мемуаристы, главным образом враги Коммуны, а также сами деятели Коммуны уделяли большое внимание длительным переговорам с мэрами и депутатами от Парижа. В глазах буржуазии мэры и депутаты были носителями конституционной, с их точки зрения «законной», «легальной» власти, и поэтому они придавали всем их действиям большое значение. Этому психологическому давлению невольно поддавались и коммунары-мемуаристы, стремившиеся оправдать, «реабилитировать» Коммуну, а поэтому стремившиеся в своем рассказе о днях Коммуны показать, как неправильно вели себя мэры и депутаты и как терпеливо ЦК искал с ними контакта¹⁰⁵.

Переговоры с мэрами были действительно слабостью (и не единственной) Центрального комитета национальной гвардии.

¹⁰² «Journal officiel», 23.III 1871.

¹⁰³ *Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871*, appendice, p. 488—489.

¹⁰⁴ «Journal officiel», 25. III 1871.

¹⁰⁵ Это наглядно можно подтвердить на примере наиболее известных мемуаров Лиссагаре. Из четырех глав, посвященных деятельности ЦК национальной гвардии, около двух третей текста посвящено переговорам с мэрами (*Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871*, p. 107—138).

Но все же в его деятельности эти переговоры занимали какое-то третьестепенное место.

Великой исторической заслугой Центрального комитета как первого революционного правительства было то, что он, действуя в тесной и неразрывной связи с народом, являясь выразителем его творческой инициативы, с революционной смелостью начал и в главном осуществил слом старой буржуазной государственной машины и тут же, на ее развалинах, заложил основы государства нового типа, типа диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин, определяя основные отличительные черты этого государства нового, высшего типа, созданного впервые историческим опытом Парижской Коммуны, писал:

«Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных...»¹⁰⁶

И далее, полемизируя с Плехановым и Каутским, Ленин добавлял: «В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства»¹⁰⁷.

В. И. Ленин видел в этих мерах осуществление пролетариатом демократизации общественного строя¹⁰⁸. Народ Парижа, создавая государство нового типа — первый опыт диктатуры пролетариата, тем самым создавал и наиболее полную и последовательную форму демократии — демократии пролетарской.

Конечно, логика классовой борьбы и последующее законодательство Парижской Коммуны развивали и совершенствовали этот новый тип государства. Однако начало этого великого исторического творчества народных масс и решение в главном, в основном этой великой исторической задачи падает на начальный период революции 1871 г. и связано с деятельностью первого революционного правительства — Центрального комитета национальной гвардии.

Значительно меньше успел сделать Центральный комитет национальной гвардии в области социального законодательства.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 146.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452; т. 33, стр. 38—40 и др.

Это вполне понятно: первое революционное правительство было у власти всего 10 дней, к тому же ЦК всегда рассматривал себя как временное правительство, призванное подготовить созыв Коммуны, и потому не считал себя вправе, кроме случаев крайней необходимости, вторгаться в сферу законодательства, относившегося, по мнению ЦК, к компетенции Парижской Коммуны¹⁰⁹.

Тем замечательнее, что, несмотря на вполне сознательное ограничение своей деятельности в области законодательства и на очень краткие сроки, ЦК национальной гвардии, движимый верным революционным инстинктом, все же успел провести и в этой области некоторые важные и полезные меры.

Одним из первых актов временного революционного правительства было провозглашение 19 марта амнистии всем политическим заключенным и приказ начальникам тюрем об их освобождении¹¹⁰. Все заточенные правительством национальной измены и правительством Тьера, а их было немало, обрели свободу. Революционное правительство не смогло, однако, освободить Бланки, который был арестован и содержался в заключении вне Парижа. Многократные попытки путем обмена либо другим путем добиться освобождения авторитетнейшего французского революционера неизменно отвергались версальским правительством¹¹¹.

На первых же заседаниях ЦК 19 марта после обсуждения были приняты и 20 марта опубликованы важные социальные законы. Правительство запретило впредь до особого распоряжения производить продажу заложенных в ломбарде вещей, а затем постановило возратить владельцам заложенные вещи, оцененные не выше 15 франков. Одновременно издано постановление, воспрещавшее также впредь до нового распоряжения владельцам домов и гостиниц выселять проживающих в них жильцов. Было издано постановление об отсрочке на месяц уплаты по всем долговым обязательствам¹¹².

Все эти постановления были проникнуты стремлением облегчить, улучшить положение трудящихся, в первую очередь их самых бедных слоев. Только правительство, вышедшее из народных низов, знающее горести и нужды бедноты, было способно начать свою законодательную деятельность с запрещения продажи вещей в ломбардах и запрещения выселять бедняков, задолжавших своим квартирохозяевам.

В интересах же немущих трудящихся столицы Централь-

¹⁰⁹ См., например, заявление ЦК национальной гвардии от 7 апреля 1871 г. («Journal officiel», 7. IV 1871).

¹¹⁰ «Journal officiel», 20. III 1871.

¹¹¹ См. *G. Geffroy. L'Enfermé. Paris, 1897.*

¹¹² «Journal officiel», 21. III 1871.

ный комитет установил регулярную выплату жалованья национальным гвардейцам и постановил выделить 1 млн. франков на выдачу пособий наиболее нуждающимся.

Проявляя заботу не только об удовлетворении материальных, но и духовных запросов народа, первое правительство рабочего класса постановило открыть для свободного посещения Лувр, Тюильрийский дворец, музеи и парки столицы¹¹³.

Такое постановление, как отсрочка уплаты по векселям, свидетельствовало, что Центральный комитет стремился не только удовлетворить самые неотложные нужды народа, но и обеспечить себе поддержку мелкой и даже частично средней буржуазии, удовлетворив их желания в самом остром для них вопросе — кредите.

Центральный комитет сумел обеспечить безопасность всем гражданам столицы. Вопреки чудовищным небылицам, сочиняемым продажными перьями буржуазной печати, о «разбоях», о «хаосе», якобы царивших в Париже, столица в дни правительства рабочего класса жила спокойнее, чем когда-либо.

В числе различных диверсий, предпринятых правительством Версаля против революционного Парижа, была и намеренная засылка в столицу уголовных преступников, предусмотрительно выпущенных из тюрем приспешниками Тьера. Но Центральный комитет сумел парировать эту вражескую провокацию простыми энергичными мерами — он опубликовал короткое уведомление: «Каждый, кто будет застигнут во время акта кражи, будет немедленно расстрелян»¹¹⁴. Этого было вполне достаточно, чтобы положить конец всякому воровству и нарушению порядка.

Париж рабочей революции, Париж коммунаров, может быть, впервые после 1793 г. зажил спокойно, не запирая дверей на тяжелые засовы, не опасаясь грабителей; мало кто решался нарушить революционный порядок, охраняемый самим вооруженным народом.

Центральный комитет с первых же шагов столкнулся с отсутствием денежных средств. Журд и Варлен, делегаты министерства финансов, 19 марта направились во Французский банк. Рулан, в то время управляющий банком, был человеком сообразительным: «Французский банк не занимается политикой. Фактическое правительство — вы», — заявил он и выдал Варлену и Журду 1 млн. франков¹¹⁵. В тот же вечер во всех округах национальным гвардейцам было выплачено жалованье.

Но когда 22 марта Варлен и Журд потребовали от Французского банка еще 1 млн. на текущие нужды, расхрабравшийся управляющий банком, убедившись, что революционные вла-

¹¹³ «Journal officiel», 23.III 1871.

¹¹⁴ «Journal officiel», 24. III 1871.

¹¹⁵ *Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871*, p. 199

сти на деле вовсе не так страшны, как их изображают бульварные листки, отказался выполнить это требование. Центральный комитет направил к банку два батальона, и этого оказалось вполне достаточно — требуемая сумма была немедленно выдана.

Таким образом, Центральный комитет революционными мерами разрешил финансовые вопросы. Но отношение к Французскому банку было не финансовой, а политической проблемой.

Интересы революции требовали немедленного занятия банка и конфискации всех хранившихся в его кладовых ценностей, по праву принадлежащих народу. Эта мера нанесла бы сильнейший удар по позициям крупной буржуазии, в известной мере экономически разоружила бы ее и прекратила бы выдачу версальскому правительству денег из Французского банка, которая продолжалась на протяжении всего существования правительства рабочего класса в Париже ¹¹⁶.

И Маркс, и Ленин, анализируя опыт Коммуны, считали проявленную ею нерешительность и робость по отношению к Французскому банку одной из крупных ее ошибок ¹¹⁷.

Конечно, для Центрального комитета национальной гвардии нерешительность по отношению к Французскому банку была более объяснимой, чем для Коммуны: рассматривая себя как временное правительство, он считал себя не вправе решать вопросы, подлежащие компетенции Коммуны. Но как бы там ни было, остается бесспорным, что ЦК национальной гвардии совершил большую политическую ошибку в этом вопросе.

Успех народной революции, начатой победоносным восстанием пролетариата в Париже, зависел во многом от того, удастся ли рабочему классу установить союз с крестьянством. Это было решающим условием победы пролетарской революции в такой стране, как Франция второй половины XIX в., среди населения которой преобладало крестьянство. Уже опыт революции 1848 г. показал все пагубные последствия разобщения сил крестьянства и рабочего класса. В 1871 г. задача привлечения крестьянства на свою сторону стояла перед французским пролетариатом не менее остро.

В исторической литературе вопрос об отношении правительства рабочего класса к крестьянству рассматривается главным образом применительно к периоду деятельности Парижской Коммуны ¹¹⁸. Для этого есть, конечно, известные основания, так

¹¹⁶ *Gabriel Ramon. Histoire de la Banque de France d'après les sources originales. Paris, 1929, p. 362.*

¹¹⁷ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452.*

¹¹⁸ *А. И. Молок. Парижская Коммуна и крестьянство. Л., 1925.*

как важнейшие документы, касающиеся этого вопроса, в первую очередь статьи и воззвания, написанные Андре Лео (Леони Шампсе), относятся преимущественно к апрелю — маю 1871 г.

Не подлежит, однако, никакому сомнению, что эта задача — приобретение поддержки многомиллионного крестьянства — вставала, или должна была встать, перед пролетариями Парижа уже на другой день после победы народной революции.

Ставило ли перед собой эту задачу первое правительство рабочего класса — Центральный комитет национальной гвардии — за короткий, десятидневный срок своего пребывания у власти?

Уже в первом обращении Центрального комитета к населению департаментов, датированном 19 марта, т. е. сразу же после победы народа в Париже, он призывал департаменты, города и деревни последовать примеру Парижа и звал их к «объединению всей нации». Высказывая уверенность, что большие города провинции «окажут энергичную и серьезную поддержку» Парижу и помогут ему в завершении дела возрождения и спасения страны, воззвание Центрального комитета выражало надежду, что и деревни последуют за городами. «Деревни будут стремиться следовать примеру городов», — так говорилось в обращении Центрального комитета национальной гвардии¹¹⁹, и за этой формулой явственно ощущалась вполне осознанная мысль о необходимости союза города и деревни.

Но люди из народа, возглавившие революционную власть, смелые и решительные в своих действиях, не могли и не хотели оставаться лишь на почве призывов и деклараций; 20 марта было опубликовано официальное сообщение, гласившее, что «Центральный комитет национальной гвардии принял решение соблюдать условия мира»¹²⁰.

Это был важный политический акт, свидетельствовавший о государственной мудрости правительства рабочих. Официально заявив, что оно признает условия прелиминарного мира, подписанные его буржуазными предшественниками, правительство рабочего класса устраняло повод для провокационных или иных враждебных действий германского правительства и его вооруженных сил и ослабляло возможную опасность Парижу со стороны немцев.

Это заявление было важно и в ином отношении. Выборы в Национальное собрание 8 февраля с очевидностью показали, что подавляющее большинство избирателей, прежде всего крестьяне, не хотят продолжения войны. Обязательство ЦК национальной гвардии соблюдать условия мира, принятые предшест-

¹¹⁹ «Journal officiel», 20. III 1871.

¹²⁰ «Journal officiel», 21. III 1871.

вовавшим ему правительством, должно было, несомненно, успокоить крестьянство.

Но главное было не в этом. В том же заявлении Центрального комитета 20 марта дополнительно указывалось, что он, Центральный комитет, считает справедливым, что «большая часть военной контрибуции должна быть уплачена виновниками войны», т. е. буржуазией ¹²¹.

Это решение не осталось незамеченным, оно сразу же получило поддержку трудящихся страны. Об этом можно судить хотя бы по дошедшему до нас решению национальной гвардии города Тулузы, где в числе прочих требований указывалось на необходимость «принятия энергичных мер, чтобы заставить безотлагательно уплатить издержки войны тех, кто навлек на страну это бедствие, а затем заключил тяжкий и унижительный мир» ¹²².

Заявление Центрального комитета от 20 марта привлекло сразу же внимание К. Маркса и было им высоко оценено. В первом наброске «Гражданской войны во Франции», в главе «Крестьянство», Маркс, приведя цитату из «*Journal officiel*», писал, что это намерение больше всего напугало людей порядка ¹²³.

Анализируя значение этого решения, Маркс указывал, что оно сделало предметом борьбы вопрос о том, кто оплатит издержки войны. Маркс подчеркивал, что в этом «жизненно важном вопросе» правительство рабочего класса защищало не только интересы пролетариата и мелкой буржуазии, но интересы самых широких слоев, исключая крупную буржуазию, богатых землевладельцев и верхов общества. Маркс особо подчеркивал, что оно «представляет прежде всего интересы *французского крестьянства*», и предостерегал, что, «если победит Тьер и его «*gauches*» ¹²⁴, на плечи крестьянства будет переложена большая часть военных налогов» ¹²⁵.

Таким образом, ЦК национальной гвардии по-революционному подошел к решению задачи обеспечения союза рабочего класса и крестьянства и нашел действенные рычаги, чтобы привлечь крестьянство на сторону революционного Парижа.

Трагедия Коммуны была в том, что это сказанное гениальным чутьем проснувшихся масс решение важнейшей стратегической проблемы так и осталось нереализованным.

«*Vive la Commune!*» («Да здравствует Коммуна!») — под этим лозунгом победило народное восстание 18 марта, под этим лозунгом разворачивалась вся недолгая деятельность первого правительства рабочего класса — ЦК национальной гвардии.

¹²¹ «*Journal officiel*», 21. III 1871.

¹²² «*Journal officiel*», 28. III 1871.

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 554.

¹²⁴ «Деревенщина». — Прим. редакции сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

¹²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 554.

Какое содержание вкладывалось в этот лозунг?

В первые же дни после 18 марта в официальных заявлениях Центрального комитета, а затем и на страницах печати появился новый политический термин «свободный город».

«Париж стал свободным городом», — такое заявление впервые, насколько нам удалось проследить, прозвучало в одном из официальных обращений Республиканской федерации национальной гвардии 20 марта, опубликованном на страницах «*Journal officiel*»¹²⁶.

С первых же дней в толковании этого термина возникли разногласия. Для прудонистов, для людей типа Жюль Валлеса «свободный город» означал прежде всего и главным образом город коммунальных свобод, своего рода широкую муниципальную автономию¹²⁷.

В других же документах, в том числе и в прокламациях Центрального комитета, высказывалась иная мысль: «Париж освободился от гнета, которому его пытались подвергнуть». Ясно ощутимый подтекст этого заявления заключался в том, что сброшено враждебное народу правительство и что освобожденный Париж стал сердцем революционной Франции.

За этими первыми расхождениями во взглядах вскоре выявились другие, более широкие: они сводились к коренному вопросу — как должна быть организована и объединена революционная Франция?

Вопрос этот приобрел острую политическую актуальность, когда, начиная с 22 марта, революция стала побеждать в крупных провинциальных городах — Лионе, Марселе, Тулузе, Крезе, и когда могло казаться, — так надеялись в Париже, — что она быстро восторжествует во всей стране.

Коммуна в Марселе, в Лионе, в Сент-Этьенне, Коммуна во всех городах Франции... Значит, революция, начавшаяся 18 марта, была не только «коммунальной революцией», как это изображалось на страницах некоторых органов печати¹²⁸.

Но как же будет объединена страна? Союз Коммун? Но в какой форме? Сама жизнь ставила эти вопросы в порядок дня.

Мемуаристы Коммуны прудонистского лагеря — Гюстав Лефрансэ, Артюр Арну, а также частично смыкавшийся с ними Жюль Валлес создали впоследствии историческую версию, согласно которой объединение страны мыслилось в виде федерации коммун.

Эта версия проникла и в историческую литературу. В одной из первых и наиболее серьезных советских работ по истории

¹²⁶ «*Journal officiel*», 21. III 1871.

¹²⁷ «*Journal officiel*», 20. III 1871.

¹²⁸ «*Le Cri du Peuple*»; «*La Commune*» и др.

Коммуны, в книге Н. М. Лукина (Антонова), говорится: «Новая Франция рисовалась Центральному комитету в виде федерации свободных городов, а не в виде «единой и нераздельной республики» якобинского типа...»¹²⁹

С этим утверждением нельзя согласиться.

В политической литературе того времени были действительно ответственные политические заявления, которые можно было с известной долей основания толковать как призыв к федерации коммун.

Таков был, например, третий манифест ЦК 20 округов, выпущенный в связи с выборами в Коммуну, в котором развивалась программа будущего политического устройства, приближающаяся к типу федерации коммун¹³⁰.

Нечеткие формулировки, дающие возможность для различного их истолкования, содержались и в воззваниях Центрального комитета национальной гвардии от 23 марта в связи с предстоящими выборами в Коммуну.

Однако наряду с этим Центральный комитет национальной гвардии делал совершенно прямые и ясные заявления иного содержания, и, что важнее слов, сама революционная практика первого временного правительства рабочего класса не оставляла сомнений в ее направленности.

Уже в первом после 18 марта обращении Центрального комитета к населению департаментов говорилось: «...тот же дух сотрудничества, союза, республиканской любви вдохновляет нас всех. У нас должна быть только одна надежда, одна цель: спасение Родины и окончательное торжество Республики — демократической, единой и неделимой»¹³¹.

Мысль выражена здесь с предельной ясностью. Ни о какой федерации речи здесь нет. Напротив, призывая провинцию следовать примеру Парижа, т. е. создавать Коммуны, ЦК ставит сразу же перед нею общую цель — торжество единой и неделимой республики. Эта формулировка здесь, конечно, отнюдь не случайна. Она раскрывает, в какой форме мыслилось осуществление единства нации.

Требование единой и неделимой республики, так отчетливо сформулированное Центральным комитетом национальной гвардии, встречало поддержку и у революционного движения в провинции. В декларации Коммуны Тулузы, относящейся, видимо, к 25 марта, говорилось: «Коммуна [Тулузы] заявляет, что она требует единой и неделимой Республики...»¹³²

¹²⁹ Н. М. Лукин (Антонов). Парижская Коммуна 1871, стр. 171.

¹³⁰ «Le Cri du Peuple», 27. III 1871; J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain..., p. 235—239.

¹³¹ «Journal officiel», 28. III 1871.

¹³² «Journal officiel», 24. III 1871.

Приведенные примеры показывают, сколь необоснованны утверждения некоторых мемуаристов и историков, уверявших, будто ЦК национальной гвардии стремился к федерации. Учитывая, что и в этом вопросе были известные расхождения в мнениях, следует признать, что в ЦК национальной гвардии господствовало стремление к единой и неделимой республике.

Практические действия Центрального комитета также неопровержимо доказывают, что его главные усилия были направлены на объединение и сплочение провинциальных Коммун с революционными органами власти в столице, что он пытался осуществлять руководство революционным, или, как его тогда называли, коммунальным движением в провинции.

Не вдаваясь в подробности и не напоминая сказанного раньше, приведем здесь лишь несколько фактов. Уже 19 марта в провинцию в качестве делегата ЦК национальной гвардии был направлен Шарль Амуру для руководства революционным движением, нараставшим в Лионе. Как официально заявил 23 марта Центральный комитет, «Ним, Лион, Марсель, Лилль и Бордо направили делегатов для получения инструкций от Центрального комитета национальной гвардии»¹³³. Революционное правительство в Париже не делало секрета из того, что оно руководит революционными организациями на местах. Как о том сообщил через день «*Journal officiel*», Центральный комитет в течение 22 и 23 марта «принимал многочисленные делегации от городов Лион, Бордо, Марсель, Руан и других». В Руане и Бордо, как известно, Коммуны не были провозглашены, но тем знаменательнее гласное упоминание о связи Центрального комитета с революционным движением этих городов. Оно лишний раз подчеркивало, что Центральный комитет рассматривает себя как общенациональное революционное правительство. В свою очередь и возникшие в провинции органы революционной власти, Коммуны, видели в лице ЦК национальной гвардии центральное революционное правительство. Так, в манифесте, принятом 25 марта Коммуной в Тулузе, наряду с такими требованиями, как роспуск Национального собрания, сообщалось и о назначении Дюпорталя «делегатом при центральной власти в Париже»¹³⁴.

Маркс сразу же понял и оценил огромное принципиальное значение этой новой формы организации единства нации, рожденной исторической инициативой масс¹³⁵.

Впоследствии Бернштейн, предприняв ревизию марксизма, в своей позорно знаменитой книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» пытался, извращая Маркса, утверж-

¹³³ Ibidem.

¹³⁴ «*Le Messager de Toulouse*», 26.III 1871; «*Journal officiel*», 28.III 1871.

¹³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 343—344.

дать, будто в этом вопросе Маркс чуть ли не пришел к федерализму Прудона. В. И. Ленин в своем классическом труде «Государство и революция» разоблачил эти извращения Бернштейна и доказал несостоятельность его утверждений по существу. В попытке французских рабочих через Коммуну, или вернее Коммуны, организовать единство нации В. И. Ленин, вслед за Марксом, увидел не федерализм, а, напротив, последовательный демократический централизм, пролетарский по своему классовому характеру: «Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины...»¹³⁶

Крупнейшая историческая заслуга попытки организации единства нации путем пролетарского демократического централизма через Коммуны принадлежала первому правительству рабочего класса, созданному революцией 18 марта.

ЦК национальной гвардии осуществлял полноту власти в Париже и пользовался поддержкой народа. Однако, несмотря на то, что 18—19 марта из Парижа бежали знать, крупная буржуазия, чиновники правительства Тьера, в столице еще оставалось немало буржуазных контрреволюционных элементов.

Как уже говорилось, мэры и депутаты Парижа, еще 18 марта объединившиеся в качестве претендентов на власть, не оставляли своих попыток выступить либо в качестве высшей муниципальной власти столицы, либо в роли посредников между ЦК национальной гвардии и Национальным собранием¹³⁷.

В составе мэров, их заместителей и депутатов были, конечно, разные люди. Здесь были и честные люди, вроде Мильера или Мио, вскоре же порвавшие с врагами Коммуны, и «примиренцы» — левые буржуазные демократы типа Жоржа Клемансо, будущего «тигра» французского империализма, и прямые агенты Тьера, вроде уже упоминавшегося Тирара или Жюля Мелина, этого «медоточивого кляузника», как называл его позднее Анатоль Франс, ставшего в 90-х годах главою одного из самых реакционных правительств Третьей республики. Но каковы бы ни были различия между этими людьми, их политическая сущность в целом была одна и та же. Мэры выступали как легальная организация, пытавшаяся внутри Парижа ликвидировать результаты народного восстания 18 марта. Они оспаривали «законность» власти ЦК национальной гвардии, требовали от него «соглашения» с версальским Собранием реакционной «деревенщины», стремившимся к расправе с Парижем, т. е. фактически, прикрываясь пышным словесным оперением,

¹³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 53.

¹³⁷ F. Damé. La résistance..., p. 80—82.

требовали самоликвидации революционной власти в столице.

ЦК национальной гвардии, назначив выборы в Коммуну сначала на 22-е, потом на 23 марта, в интересах успешного их проведения вступил в переговоры с мэрами. На переговорах с мэрами настаивала в особенности прудонистская часть членов ЦК. Для ведения переговоров были выделены Арно, Варлен, Журд, Моро, которые убедились, что мэры требуют самороспуска ЦК и передачи в их распоряжение Ратуши. Центральный комитет отверг эти требования, но, что было явной ошибкой, продолжал с ними переговоры, правда, становясь день ото дня все менее уступчивым.

Великодушие, проявленное рабочим классом (и оказавшееся столь пагубным) по отношению к своему классовому врагу — буржуазии, стремление избежать кровопролития и гражданской войны, терпение, проявленное в переговорах с мэрами, — все это было воспринято контрреволюционными буржуа в Версале и в Париже, совещавшимися между собой, как признак слабости или даже бессилия Центрального комитета.

Уже 20 и 21 марта состоялись первые и пока еще локально ограниченные, в пределах I и частично II округов Парижа, выступления против Центрального комитета.

В то же время 28 парижских буржуазных газет, начиная с «Journal des Débats», «Le Constitutionnel», «Le Moniteur» и др., выступили с общим заявлением, объявлявшим «Комитет, водворившийся в Ратуше», незаконным и призывавшим избирателей не участвовать в выборах.

ЦК проявил еще столько наивной веры в отвлеченные принципы свободы печати, что, перепечатав на страницах «Journal officiel» этот мятежный контрреволюционный призыв, ограничился предупреждением, что повторение таких выступлений повлечет за собой «суровое наказание»¹³⁸.

Контрреволюционная буржуазия обнаглела. 22 марта около 2 тыс. элегантно одетых господ из фешенебельных кварталов столицы, предводительствуемых бароном де Геккереном (Дантесом — убийцей Пушкина), виконтом де Молине и другими «выкормышами империи», как называл их Маркс, двинулись к Вандомской площади. Эти лощенные «франк-филеры» (так презрительно именовали бежавших во время осады из Парижа), спрятав в карманах пистолеты, а в тросточках стилеты, рассчитывали под видом безоружной демонстрации, нахрапом, с возгласами «долой убийц!» сразу захватить штаб национальной гвардии. Первый же залп, который был дан по приказу генерала Бергере, обратил этих «храбрецов» в паническое бегство¹³⁹.

¹³⁸ «Journal officiel», 24.III 1871.

¹³⁹ Подробности событий 22 марта см. в «La Commune», «Le Cri du Peuple» и в других газетах тех дней.

Однако контрреволюция в Париже отнюдь не склонна была складывать оружие, 23 марта правительство Тьера назначило адмирала Сессе командующим национальной гвардией, и тот разместил свою штаб-квартиру в «Гранд-отеле», в центре Парижа. Мэры в особой афише, расклеенной по городу, заявляли о своей полной поддержке Сессе. В то же время 23-го, по приказу Сессе, на площади Биржи и прилегающих улицах стали сосредотачиваться верные Тьеру буржуазные батальоны национальной гвардии и разный контрреволюционный сброд.

Логика классово́й борьбы излечивала Центральный комитет от иллюзий и заставляла его действовать. Назначенный одним из командующих, генерал Брюнель по приказу ЦК двинулся с 600 национальными гвардейцами и артиллерийскими орудиями к мэрии Лувра, где сосредоточились силы контрреволюции. Мятежники не посмели оказать сопротивление. Их ряды стали быстро таять. Контрреволюция потерпела поражение. На следующий день адмирал Сессе, переодевшись в чужое платье, бросив на произвол судьбы свою уже никому не нужную штаб-квартиру в «Гранд-отеле», бежал в Версаль.

Центральный комитет подавил контрреволюцию в Париже. Батальоны национальной гвардии овладели всеми мэриями в столице, ликвидировали все явные очаги мятежа. Власть революционного правительства теперь распространялась на всю столицу.

25 марта по городу были расклеены афиши, объявлявшие, что выборы состоятся в воскресенье, 26 марта. Небольшая группа мэров и их помощников — Клемансо, Флоке и др., проиграв сражение с Центральным комитетом, сочла лучшим присоединиться к решению ЦК о проведении выборов¹⁴⁰.

Выборам предшествовала короткая агитационная кампания, в ходе которой представители различных демократических и социалистических организаций выдвигали своих кандидатов и публиковали воззвания, где излагали свои взгляды на задачи будущей Коммуны.

Центральный комитет национальной гвардии призывал избирателей выбирать в Коммуну представителей трудящихся. «Не теряйте из виду,— гласила его прокламация от 25 марта,— что лучше всего послужат вам люди, которых вы выберете из вашей же среды, живущие вашей же жизнью, страдающие от тех же зол, что и вы. Не доверяйте честолюбцам и выскочкам... Не доверяйте также краснобаям, не способным от слов перейти к делу... Равным образом избегайте таких, которых слишком балует судьба, ибо не часто встречается, чтобы состоятельный человек считал рабочего своим братом...»¹⁴¹

¹⁴⁰ «Les Murailles...», t. II, p. 114.

¹⁴¹ «Journal officiel», 26.III 1871.

Республиканский социалистический комитет V округа выражал надежду, что избиратели проявят «веру в возрождение труда избранием в Коммуну людей, взятых преимущественно из среды класса, до сих пор систематически удаляемого от дел...»¹⁴², т. е. из среды пролетариата.

Среди кандидатов в члены Коммуны преобладали революционные демократы и члены Интернационала. Комитет делегатов XII легиона национальной гвардии и комитет бдительности этого округа выдвинули секретаря парижской организации Интернационала Варлена и двух других членов Интернационала¹⁴³. Близкая к бланкистам газета «Le Père Duchêne» опубликовала список кандидатов от всех 20 округов Парижа, поставив во главе кандидатов от каждого округа Бланки¹⁴⁴.

Центральный комитет национальной гвардии постановил, что Коммуна должна состоять из 90 членов. Во изменение прежних порядков он установил также пропорциональное представительство в соответствии с численностью населения округов¹⁴⁵. Голосование производилось на основе избирательного закона 1849 г., в силу которого кандидат считался избранным при условии, если за него было подано не менее $\frac{1}{8}$ голосов избирателей, внесенных в списки.

26 марта в Париже состоялись выборы.

Вопреки призывам версальского собрания и его контрреволюционной агентуры в Париже бойкотировать эти «противозаконные» выборы, они прошли с большим подъемом и в них приняло участие все рабочее население столицы и подавляющее большинство трудящихся разных социальных категорий. «В XVII округе народу тьма,— рассказывает один очевидец,— на Монмартре [в XVIII] все до последнего человека опустили свой бюллетень в урну... В XIX округе творится то же, что и на Монмартре; пожалуй, здесь даже более шумно... В XX округе температура выборной горячки еще выше...»¹⁴⁶ «В квартале Сент-Антуан,— вспоминают два других очевидца,— избиратели являлись на голосование группами от 600 до 700 человек с красными знаменами впереди»¹⁴⁷.

«Что за день!

Ласковое яркое солнце золотит жерла пушек, благоухают цветы, шелестят знамена... Этот трепет, этот свет, звуки медных труб, блеск бронзы, огни надежд, аромат славы — все это пья-

¹⁴² «Les Murailles...», t. II, p. 117.

¹⁴³ Ibid., p. 73.

¹⁴⁴ «Le Père Duchêne», 26.III 1871.

¹⁴⁵ «Le Père Duchêne», 27.III 1871.

¹⁴⁶ E. Moriac. Paris sous la Commune. Paris, 1871, p. 55—57.

¹⁴⁷ P. Lanjalley et P. Corriez. Histoire de la Révolution du 18 mars. Paris, 1871, p. 141—142.

нит и переполняет гордостью и радостью победоносную армию республиканцев», — так рисовал день 26 марта Жюль Валлес¹⁴⁸.

В выборах в Коммуну приняли участие 229 тыс. человек.

В буржуазных и аристократических кварталах столицы — Пасси, Пале-Бурбон, Елисейские поля и др. — процент голосовавших был невысок — от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$. Буржуазная контрреволюция саботировала и бойкотировала выборы. Но это было только к лучшему. Избирательный корпус, выбиравший Коммуну, вследствие саботажа буржуазных элементов стал в классовом отношении гораздо более однородным. Парижскую Коммуну в основном выбирали трудящиеся столицы, она была их детищем.

Коммуна была избрана. Первая глава народной революции 1871 г. заканчивалась.

Народ Парижа и его первое революционное правительство — Центральный комитет национальной гвардии — подавили силы контрреволюции в столице и вышли победителями. Но в эти же дни — 25—27 марта — пала Коммуна в Лионе, затем в Тулузе и Сент-Этьенне.

Победы и поражения, понесенные с обеих сторон, как бы уравнивали шансы.

28 марта должна была быть провозглашена Коммуна. В обоих сражающихся лагерях ждали, что повлечет за собою это событие. Борьба между силами революции и контрреволюции вступала в новую, более острую стадию. Но исход этой борьбы все еще не определился.

¹⁴⁸ Ж. Валлес. Инсургент, стр. 174.

3

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. ПЕРВЫЕ ЕЕ ДЕКРЕТЫ. КОММУНА — ГОСУДАРСТВО НОВОГО ТИПА

Париж, 28 марта 1871 г. Ясный солнечный день. Людской поток устремляется на площадь Ратуши, где выстроены со своими оркестрами батальоны национальной гвардии, окруженные толпами народа. Реют знамена, сверкают на солнце штыки, гремят оркестры, звучит «Марсельеза». На трибуне — члены ЦК национальной гвардии и вновь избранные члены Коммуны. Член ЦК национальной гвардии, избранный в Коммуну от XX округа, Ранвье воскликнул: «Именем народа Коммуна провозглашена!» «Когда внезапно загремели пушки, обрушив на город приветственный залп, из 100 тыс. грудей вырвался такой крик восторга, такой единодушный и оглушительный рев во славу республики и Коммуны, что ни один из присутствовавших на этом празднике, проживи он хоть сотню лет, никогда его не забудет»¹.

Голосование 26 марта санкционировало революцию 18 марта и, с точки зрения парижской демократии, закрепило ее победу. Прямая преемница ЦК национальной гвардии, Коммуна завершала революцию 18 марта; она свидетельствовала прежде всего о непреклонной решимости парижской демократии защищать республику, спасти ее от всяких покушений со стороны версальского собрания. Результат выборов 26 марта свидетельствовал также, что Париж хочет создать красную, народную республику. «Париж хочет республики без всяких оговорок... Париж хочет настоящей республики... Париж хочет, чтобы революция выполнила свою программу»², — выразил в этот день чаяния и надежды рабочих и широких слоев мелкой и средней буржуазии Парижа Эли Реклю, активный участник Коммуны.

¹ А. Арну. Народная история Парижской Коммуны. М., 1919, стр. 11.

² E. Reclus. La Commune au jour le jour. Paris, 1908, p. 44.

«Отныне революция живет, она имеет тело и душу, — писал Эли Реклю. — Будешь ли ты жить? Я думаю, что да! О живи, дорогое дитя! Надежда героев, чаяние поколений!»³

В Коммуну было избрано 86 человек (один из них, О. Бланки, был в тюрьме). В Коммуну прошло 17 представителей крупной и средней торгово-промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые вышли из ее состава в первые дни ее работы. В Коммуне осталось 68 человек: 32 представителя интеллигенции (журналисты, адвокаты, врачи, офицеры и пр.), 25 рабочих, 8 служащих, 1 ремесленник, 2 мелких предпринимателя. По своим политическим взглядам 19 из них были неоякобинцами, 18 — бланкистами, 13 — прудонистами, 10 — левыми прудонистами, 3 — бакунистами, 2 — были близки к марксизму. Некоторые члены Коммуны не входили в состав какой-либо политической группировки. Некоторые из членов Коммуны состояли в секциях Интернационала⁴.

Члены Интернационала, избранные в Коммуну, были известны рабочим Парижа. Жерардена, Клеманса, Шалена, Дерёра знали в рабочих союзах. Лефрансэ был популярен как оратор народных собраний и клубов. Асси, рабочий-механик, был известен как организатор стачки на заводах Крезю. Малон, рабочий-красильщик, организовал федерацию рабочих союзов. Авриаль, механик, являлся одним из организаторов синдикальной палаты машиностроителей. Все это были талантливые организаторы, многие из них были образованными людьми, посвятившими себя целиком делу просвещения и организации рабочего класса для подготовки его к боям за установление социалистического строя; целью своей деятельности они считали создание «всемирной республики труда». Империя оказала им честь своими преследованиями.

Тот факт, что революционный Париж поручил решение стоящих перед ним задач представителям пролетариата, говорил о громадном доверии к деятелям Интернационала и других социалистических организаций не только со стороны одного рабочего класса.

Это свидетельствовало о том, что революционная демократия Парижа признала пролетариат руководящей силой, способной к защите национальных интересов страны, к руководству борьбой за укрепление республики, за дальнейший социальный, экономический и политический прогресс. «...Это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы

³ *E. Reclus. La Commune au jour le jour*, p. 42.

⁴ Среди них были Амуру, Асси, Авриаль, Белэ, Шален, Шампи, Э. Клеман, Ж.-Б. Клеман, А. Клеманс, Демэ, Дерёр, Э. Дюпон, К. Дюпон, Ж. Дюран, Дюваль, Франкель, Жерарден, Ланжевен, Лефрансэ, Малон, Мартеле, Остен, Пенди, Тейс, Тренке, Варлен, Вайян.

ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов»⁵.

Члены Интернационала, избранные в Коммуну, являлись последователями различных социалистических теорий. В большинстве своем это были правые и левые прудонисты, а также бланкисты. Учение Маркса было тогда еще мало известно во Франции.

Общим принципом, объединявшим последователей различных социалистических школ во Франции, были поиски путей наиболее справедливого распределения общественного богатства между его производителями. Они отрицательно относились к чисто политической борьбе, не затрагивавшей существа капиталистического строя. На первый план французские социалисты выдвигали социальный вопрос, идею социальной революции. Однако члены французских секций Интернационала очень смутно представляли себе, как совершится социальный переворот. Характерно, например, что Лефрансэ в своих воспоминаниях о Коммуне называет себя коммунистом, но таким, у которого были еще очень неясные понятия о путях к социальной организации будущего⁶.

Это относится в первую очередь к прудонистам. Прудонисты (мютюэлисты) считали, что создание рабочих кооперативов, банков, рабочих столовых и других организаций взаимопомощи, в которых рабочий класс научится руководить и управлять общественными делами, постепенно приведет к социализму.

Одним из наиболее ярких представителей правых прудонистов в Коммуне был Альбер Тейс — резчик по металлу, член ЦК национальной гвардии. В ряды борцов за дело рабочего класса он встал, когда ему было 23 года. Он был одним из тех французских рабочих, которые подготовили организацию секций Интернационала во Франции. Участник Брюссельского конгресса, он являлся одним из создателей Федеральной палаты рабочих обществ. В 1870 г. Тейс выступил против плебисцита и был привлечен к суду по третьему процессу Интернационала. Его речь в суде была произнесена им с таким достоинством и сознанием правоты дела рабочего класса, что произвела впечатление даже на судей. Тейс был избран в Коммуну от двух округов — XII и XVIII.

Левые прудонисты в ряде вопросов приближались к научному социализму. Они называли себя коллективистами, но относились отрицательно к участию рабочих в политической деятельности, имеющей целью только реформы буржуазного строя.

Обобщая политические и социальные воззрения прудонистов, членов Интернационала, Малон уже после поражения Коммуны

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 348.

⁶ G. Lefrançais. Souvenirs d'un révolutionnaire. Bruxelles, 1902, p. 311.

писал: «Как философы мы опираемся на данные экспериментальной науки; как политики мы стремимся к созданию федеральной Коммуны и федерации групп рабочих; как социалисты мы хотим коллективной собственности на орудия труда, которая обеспечит всем равенство элементарных условий жизни и вместе с тем гарантирует каждому всестороннее развитие и всеобщую свободу»⁷.

Одним из самых ярких представителей рабочего класса в составе Коммуны был Э. Варлен, который был избран от трех округов Парижа — VI, XII и XVII.

К группе членов Интернационала в Коммуне была близка группа социалистов, которые не принадлежали к Международному Товариществу Рабочих: журналисты Арну, Верморель, Жюль Валлес, учителя Вердюр и Жюль Алликс и др. Все они были хорошо знакомы парижской демократии как ораторы народных собраний.

Значительную группу членов Коммуны составляли бланкисты.

Как направление социалистической мысли бланкизм имел давние традиции среди некоторой части революционной интеллигенции и рабочих, которым импонировал прежде всего сам Бланки.

Бланкисты считали себя последователями Бабёфа, теоретической программы они не имели. Они были социалистами по чувству. Обосновывая свои стремления, бланкисты, как и прудонисты, апеллировали к справедливости, но в отличие от прудонистов были сторонниками диктатуры революционного меньшинства или даже одного человека в целях обеспечения торжества революции. В их рядах были люди неиссякаемой энергии, большого революционного темперамента и мужества. Таковы были члены Коммуны Вайян, Дюваль, Мио, Прото, Ранвье, Риго, Тридон, Ферре, Флуранс, Шардон, Эд. Среди них Гюстав Флуранс был подлинным рыцарем революции. Сын секретаря Академии наук, Флуранс получил блестящее образование. Когда на острове Крит началось национально-освободительное восстание против турецкого гнета, Флуранс принял в нем участие. Был он и в Неаполе в отрядах Гарибальди.

Во Францию Флуранс вернулся в 1869 г., когда политическая атмосфера уже накалилась и было очевидно, что Вторая империя приближается к краху. В апреле 1870 г., скрываясь от преследований властей после неудачной попытки поднять восстание, Флуранс уехал в Англию. Здесь он встречался с Марксом. «Он очень решительный человек. Образованный. Слишком сангвинический темперамент»,— писал о нем Маркс

⁷ B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Genève, 1872, p. 533—534.

19 апреля 1870 г. Энгельсу. В другом письме он добавлял: «Флуранс уже несколько раз был у нас дома. Он очень милый парень. Доминирующая черта его характера — отвага»⁸.

После революции 4 сентября 1870 г. Флуранс вернулся в Париж. Он был необычайно популярен в рабочих предместьях и среди национальных гвардейцев. В Коммуну его послал XX округ. Прямой, честный, великодушный, Флуранс говорил: «Я вполне готов отдать свою жизнь за благо других... Я полностью принес в жертву самого себя, чтобы идти к святой цели — к благу человечества».

Революционный Париж избрал в Коммуну также 19 неоякобинцев (представителей революционной интеллигенции, журналистов, служащих, ремесленников и торговцев, владельцев небольших предприятий и рабочих).

Неоякобинцы являлись авангардом мелкобуржуазной демократии, борцами за республику «единую и неделимую».

«Нам нужен 1793 год,— говорили ораторы-неоякобинцы на народных собраниях.— Он придет, будьте уверены в этом, граждане, и мы снова будем иметь Робеспьера и Марата»⁹.

Самой яркой фигурой неоякобинизма был Делеклюз, один из старейших французских революционеров.

26 марта Делеклюз был избран в двух округах Парижа — XI и XIX. Будучи депутатом Национального собрания, Делеклюз 29 марта отказался от своего депутатского мандата; он писал, что как представитель народа он из двух собраний выбирает Парижскую Коммуну. Делеклюз сочувствовал борьбе рабочего класса за улучшение своего экономического положения, но не понимал исторической роли пролетариата как «могильщика капитализма».

Идеи социализма остались для неоякобинцев чуждыми и непонятными. «Что такое социализм?» — спрашивал Делеклюз и отвечал, что это только слово, ценность которого не больше ценности любого другого слова. Свобода, равенство и братство как лозунг, как программа борьбы, утверждал он, заключают в себе больше социализма, чем все социалистические программы, вместе взятые. «Демократия — вот дорога к социальным реформам. Будем республиканцами и демократами, чтобы быть социалистами»¹⁰. Делеклюзу казалось, будто демократия и торжество принципов свободы, равенства и братства осуществимы при капитализме.

Несмотря на глубокие политические разногласия и личную неприязнь Делеклюза к Бланки, неоякобинцы и бланкисты одинаково понимали многие тактические вопросы революции 18 марта 1871 г.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 399, 402.

⁹ G. de Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris. Paris, 1871, p. 117.

¹⁰ M. Dessal. Un révolutionnaire jacobin Charles Delescluze. Paris, 1952, p. 74.

Как борцы за демократическую республику неоякобинцы, «старые бороды» 48 года, как их называли в народе, нашли поддержку не только в массах мелкой буржуазии и интеллигенции, но и среди многих рабочих.

Сторонники этого течения бережно пронесли через весь век воспоминания о героическом революционном прошлом французского народа, но они не видели новых задач, поставленных историческими условиями.

Провозглашение Коммуны как бы подвело итог многолетней борьбы всех этих людей. «Что бы ни произошло, потерпим ли мы завтра поражение и умрем, но мы вознаграждены: мы оплатили за 20 лет унижений и мучительных страданий», — писал Валлес в день провозглашения Коммуны¹¹.

С течением времени в Коммуне определились два основных политических направления: неоякобинцы в союзе с бланкистами образовали «большинство» Коммуны; оно вдохновлялось в своей деятельности традициями 1793 г., добивалось создания авторитарной, централизованной власти и отстаивало революционные методы борьбы. Прудонистское в своей основе «меньшинство» Коммуны выступало против всякой централизации власти и революционного насилия. Расхождения между «большинством» и «меньшинством» в будущем были неминуемы.

Вечером 28 марта состоялось первое заседание революционного правительства под председательством старейшего члена Коммуны — 76-летнего Шарля Белэ, друга и литературного душеприказчика Прудона.

Формально выборы 26 марта создали новый муниципальный совет Парижа. На заседании 29 марта Эд предложил отказаться от этого названия и заменить его другим: «Парижская Коммуна». Собрание приняло предложение Эда. Для неоякобинцев и бланкистов это была Парижская Коммуна типа 1792 г., действовавшая революционными методами, дорогое воспоминание о блестящем прошлом, о Первой республике. Для многих членов Интернационала слова «Парижская Коммуна» выражали мечту о социально-демократической республике.

На заседании (28 марта) выяснилось, что одинакового понимания того, чем же должна быть Коммуна 1871 г., каков должен быть ее образ действий, у ее членов не было. Близкий к неоякобинцам Паскаль Груссе заявлял, что Коммуна должна быть военным советом и о ее работе версальское Собрание должно быть осведомлено как можно меньше. Исходя из этого, он настаивал, чтобы заседания Коммуны были закрытыми и печать не публиковала о них сообщений. Предложение Груссе, поддержанное некоторыми бланкистами, встретило отпор со сто-

¹¹ «Le Cri du Peuple», 28.III 1871.

роны ряда прудонистов — Тейса, Лефрансэ, Арну, Журда. Защитники принципа гласности как самого верного средства против правительственных злоупотреблений, они потребовали открытых заседаний Коммуны и широкого освещения ее работы в печати. Только таким путем, доказывали они, Коммуна укрепит связь с массами. Они подчеркивали, что избиратели должны знать, как выполняют их уполномоченные данные им наказы. Принятое решение не печатать протоколов заседаний Коммуны привело к появлению в газетах самых нелепых измышлений о работе Коммуны, игравших на руку версальцам. Но Груссе был прав в том, что Коммуна должна была начать свою деятельность именно как военный совет.

Арну, Тейс, Журд и другие, защищавшие теоретически верные принципы, не понимали, что свободу еще только нужно было завоевать в борьбе с ее злейшими врагами.

29 марта Коммуна обратилась к населению Парижа с воззванием, предостерегавшим против версальских правителей. «Они подстрекают к гражданской войне, они пускают в ход все средства, они вступают в сообщничество со всеми, они осмеливаются даже кланчить помощь у иностранцев. Мы отдаем на суд Франции и всего мира эти гнусные происки», — писали члены Коммуны¹².

29 марта это была лишь громкая фраза, которая, вместо того чтобы мобилизовать революционную бдительность народных масс, отвлекала их от немедленной организации наступления на Версаль или по крайней мере защиты Парижа от возможного наступления версальцев. Париж не верил в возможность враждебных действий со стороны правительства Тьера, считал их невозможными: выборы в Коммуну, санкционированные мэрами, выборы, в которых приняли участие 229 тыс. человек, придали революции 18 марта, с точки зрения парижан, законный характер и устранили всякий повод к гражданской войне.

Это заблуждение было настолько всеобщим, что даже газета «*La Vérité*», влиятельная в средних слоях буржуазии, писала в конце марта, что «сумасшедшим должен быть тот, кто хочет создать преграду революции». «Как невозможно было после Седана предотвратить падение империи и после блокады помешать капитуляции Парижа, точно так же невозможно отнять у Парижа независимость, которая принадлежит ему по праву»¹³.

Отдельные голоса, предостерегавшие об опасности, таившейся в Версале, не получили поддержки. Коммуна разделяла почти всеобщее спокойствие трудящихся Парижа и вместо органи-

¹² «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года» (далее — «Протоколы...»), т. I. М., 1959, стр. 44.

¹³ «*La Vérité*», 31.III 1871.

зации немедленного похода на Версаль принялась за претворение в жизнь наказов избирателей.

Первое воззвание Коммуны лишь в самых общих чертах намечало практические задачи, выдвинутые ею для немедленного разрешения. «Вы хозяева своей судьбы,— писали в этом воззвании члены Коммуны.— Сильные вашей поддержкой представители, которых вы только что выбрали, исправят ущерб, причиненный павшей властью; расстроенная промышленность, прерванный труд, парализованное коммунальное хозяйство получают мощный импульс». Далее перечислялись первые мероприятия, которые предполагала осуществить Коммуна: «долгожданное решение вопроса о квартирной плате», «вопрос о сроках платежей», «восстановление и улучшение всех общественных служб», «немедленная реорганизация национальной гвардии, отныне единственной вооруженной силы в городе».

Одним из первых шагов Коммуны было принятие 29 марта декрета, объявлявшего недействительными приказы и распоряжения версальского правительства. Неподчинение чиновников этому декрету грозило им немедленным увольнением, ибо правительство Коммуны является «единственной властью»¹⁴. Об этом же свидетельствовало сохранение за правительственной газетой названия «Journal officiel de la République Française». Номер газеты за 30 марта вышел под названием «Journal officiel de la Commune de Paris». А затем стало ясно, что, называя ее таким образом, «муниципализировали» революцию, а потому вернулись к прежнему заголовку.

29 марта Коммуна приняла и декрет об отмене просроченной задолженности по квартирной плате начиная с октября 1870 г., эта мера была неотложной, отвечавшей интересам подавляющего большинства парижан. Просроченные платежи за квартиру грозили потерей крова не только рабочим, но и многочисленным семьям мелких и даже средних буржуа, чьи дела пострадали за время войны. Кроме того, домовладельцы лишали неплатежеспособных квартиронанимателей последнего скарба, забирая его в счет платы.

Коммуна постановила отсрочить населению Парижа внесение квартирных платежей с 1 октября 1870 г. по 1 июля 1871 г. Уже внесенная плата зачислялась в счет будущих платежей, домовладельцам запрещалось выселять жильцов¹⁵.

Постановление Коммуны снимало с населения Парижа долг в 400 млн. франков. Революционная пресса восторженно приветствовала декрет. «Большая радость у отца Дюшена,— писала газета «Le Père Duchêne» — ведь граждане члены Коммуны уничтожили три квартальных срока, так что домовладельцы не бу-

¹⁴ «Journal officiel», 30.III 1871.

¹⁵ «Протоколы...», т. I, стр. 43.

дут больше выбрасывать за дверь добрых патриотов!.. Вы читали этот замечательный декрет, который заставит плясать от восторга пролетариев и мелких коммерсантов?» «Союз мелкой торговли и пролетариата будет укреплен славными декретами Парижской Коммуны»,— добавляла газета ¹⁶.

На том же заседании было декретировано: «Продажа вещей, заложенных в ломбарде, приостанавливается» ¹⁷. Это было предварительное решение наболевшего вопроса. Постановление не возвращало заложенных вещей, в которых крайне нуждались тысячи семей, но все же вселяло надежду, что рано или поздно они снова вернутся к их владельцам.

29 марта Коммуна издала также декрет о том, что единственной вооруженной силой в Париже является национальная гвардия. «Рекрутский набор отменяется. Никакая вооруженная сила, кроме национальной гвардии, не может быть создана в Париже или введена в него. Все годные к военной службе граждане входят в состав национальной гвардии» ¹⁸.

Уничтожив рекрутский набор и обязав всех здоровых граждан вступать в национальную гвардию, Коммуна приступила к всеобщему вооружению народа, упразднила постоянную армию, оторванную от народа, осуществив тем самым одно из важнейших требований программы демократических преобразований, выдвинутой на Женевском конгрессе Интернационала в 1866 г.

Была ликвидирована старая полиция. Обеспечение порядка и безопасности возлагалось на национальную гвардию. Упразднив старую армию и полицию, Коммуна уничтожила один из самых главных атрибутов буржуазного государства — «орудие [его] материальной власти» ¹⁹. Государственный порядок стали охранять сами вооруженные рабочие, сам народ.

Не только революционные рабочие, но и мелкобуржуазные радикалы горячо одобрили этот декрет. «Коммуна отменила рекрутский набор. Я аплодировал этому декрету обеими руками и от всего сердца. Мы знаем, что представляла собой старая армия... Кто у нас защищал отечество? Солдаты. Нужно, чтобы его защищал народ»,— писала газета «Le Rappel» ²⁰.

С 18 марта 1871 г. Коммуна стала закладывать фундамент государства нового типа. Коммуна доказывала своей деятельностью, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей...» ²¹ Предварительным условием, гарантирующим

¹⁵ «Le Père Duchêne», 11 germinal an 79 (31.III 1871).

¹⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 43.

¹⁸ Там же.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 343.

²⁰ «Le Rappel», 3.IV 1871.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

успех «всякой действительной народной революции», является ломка, разрушение буржуазного государственного аппарата, писал Маркс²².

К числу декретов, ломавших старое буржуазное государство, относится также декрет об установлении максимального жалования служащим коммунальных служб в размере 6 тыс. франков в год²³. «В истинно демократической республике не должно быть места ни синекурам, ни завышенным окладам», — так объясняла Коммуна необходимость издания этого декрета. «Коммуна, — писал Маркс, — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство...» «Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*»²⁴.

«Когда мы пришли в мэрию назавтра после выборов, — писали 10 апреля в отчете избирателям сотрудники мэрии III округа, — мэрия была пуста. Все ее чиновники, послушные приказу из Версаля, покинули мэрию и бежали из Парижа. Нужно было спешно организовать работу и не столько в интересах политических, сколько для того, чтобы удовлетворить насущные нужды населения. Мы были убеждены, что сумеем быстро наладить работу».

Делегаты Коммуны заменили бежавших чиновников «нашими работниками», как гласил отчет. «Мы хотим упростить ведение гражданских дел, улучшить его и поручить работу в мэрии людям, у которых есть сердце. Нам не нужна пустая, дутая популярность. Мы будем отчитываться перед вами в своей работе и держать в курсе всех муниципальных дел. Мы будем до последнего вздоха высоко держать знамя Коммуны, демократической и социальной»²⁵.

Повсюду в мэриях округов новые работники сумели наладить текущую работу. Ведущую роль сыграли при этом социалисты, члены Интернационала. «Коммуна признана всеми как свершившийся факт, — писал 30 марта в Лондон своей жене Серрайе. — Более того, ей служат с известным усердием... Самое изумительное — то, что все исполняют свои обязанности так, будто это самая естественная вещь в мире». И, перечисляя посты, занятые социалистами, Серрайе добавлял: «Вообще, в каждом учреждении есть по крайней мере один из наших»²⁶. «Что касается административного аппарата, — писал Серрайе 15 апреля, — то можно только удивляться тому, как это все налажено»²⁷.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

²³ Вознаграждение членам Коммуны равнялось 15 франкам в день.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 345, 342.

²⁵ «Journal officiel», 12.IV 1871.

²⁶ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 176.

²⁷ Там же, стр. 186.

Среди декретов Коммуны, имевших большое политическое значение, был и декрет об отделении церкви от государства, принятый 2 апреля. Парижская демократия считала отделение церкви от государства одной из основных задач революции. Кроме того, церковные имущества могли быть использованы для уплаты военной контрибуции. Пресса Коммуны настаивала на немедленном отделении церкви от государства.

2 апреля на заседании Коммуны при обсуждении и постановке голосовании этого декрета возникли серьезные разногласия. Прудонист Тейс предложил принять только статью 1-ю — «церковь отделяется от государства» — и статью 2-ю — «бюджет культов отменяется». Неоякобинец Растуль и бланкист Ферре поддержали декрет в целом, т. е. и статью 3-ю, гласившую, что имущество, движимое и недвижимое, различных церковных конгрегаций «объявляется национальной собственностью», и статью 4-ю, в которой говорилось о немедленном обследовании этого имущества с тем, чтобы учесть его и «предоставить в распоряжение нации»²⁸. Арну, Верморель, Варлен, Валлес, П. Груссе, Ранк настаивали на том, чтобы отсрочить публикацию декрета. Большинство в 26 голосов против 16 было принято решение опубликовать декрет 3 апреля²⁹. Эти разногласия впервые обнаружили, какие расхождения существуют между членами Коммуны по вопросу об отношении к частной собственности. Прудонисты выступали против национализации имущества церкви. Вот почему Тейс был против 3 и 4-й статей декрета. Но Варлен и другие левые прудонисты после некоторых колебаний примкнули к неоякобинцам и бланкистам, настаивавшим на немедленной публикации декрета и проведении его в жизнь. «Я трепетал от радости при чтении этого декрета,— писал в своем дневнике Эли Реклю.— Такой долгожданный, рождающий столько надежд, так хорошо подготовленный. Отделение церкви от государства, провозглашенное Парижем, является одним из тех решительных актов... утвердить которые могли осмелиться только герои»³⁰.

Парижская демократия с большим единодушием одобрила первые декреты Коммуны. Эти декреты были встречены клеветой врагов Коммуны. «Некоторые газеты,— писала «*Journal officiel*» Коммуны,— усмотрели в первых декретах Коммуны намерения выйти за пределы муниципальных полномочий. Нет сомнения в том, что, издав декреты об отсрочке парижанам уплаты квартирного долга, об уничтожении рекрутского набора и другие, Коммуна вышла за эти пределы. Но было бы странной и детской иллюзией считать, будто революция 18 марта

²⁸ «Протоколы...», т. I, стр. 83—84.

²⁹ «*Journal officiel*», 3.IV 1871.

³⁰ *E. Reclus. La Commune au jour le jour*, p. 75

имела своей единственной целью утвердить в Париже выборное коммунальное представительство, которое покорно подчинялось бы деспотическому центральному правительству, захватившему власть насильственным путем»³¹.

После бегства правительства Тьера в министерствах, в Ратуше, в мэриях округов не осталось почти ни одного чиновника. «Учреждения провалились вместе с людьми. Кругом было пусто. Пусты министерства, пусты казармы, пуста префектура, пусты мэрии, пусты почтовые конторы, пусты кассы, потому что все эти беглецы, все эти дезертиры, спасая кассу, наполнили свои карманы,— писал Арну.— Когда я с Паскалем Груссе вошел в министерство иностранных дел, привратник и полотер оказались единственными нашими провожатыми и, не имея возможности дать нам другую информацию, по крайней мере познакомили нас с расположением здания»³².

А между тем ежедневно нужно было кормить и выплачивать жалование 250 тыс. национальных гвардейцев, содержать больницы, дома призрения, нужно было обеспечить город продовольствием, установить почтовую и телеграфную связь с провинцией, нужно было наладить нормальную работу музеев, библиотек, школ, всех ведомств, связанных с департаментами и с другими странами.

29 марта Коммуна распределила между своими членами административные обязанности и создала 10 комиссий³³:

1. Исполнительная комиссия. «На эту комиссию возлагалось проведение в жизнь всех декретов Коммуны и всех постановлений других комиссий».

2. Военная комиссия. Она призвана была заменить Центральный комитет национальной гвардии и должна была обеспечивать национальную гвардию всем необходимым. Она заменила также военное министерство.

3. Комиссия продовольствия. Она должна была обеспечить Париж продовольствием, вести учет всех продуктов, имевшихся в магазинах и на складах.

4. Комиссия финансов. В ее ведение перешел Французский банк и дела министерства финансов. Она должна была составить бюджет «на новых основаниях». Ей поручалось взимание налогов и изучение вопроса об их снижении; она должна была также финансировать все остальные комиссии Коммуны.

5. Комиссия юстиции. На нее возлагалась обязанность «поднять существующее судопроизводство на высоту демократических и социальных учреждений».

³¹ «Journal officiel», I.IV 1871.

³² A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, t. II. Bruxelles, 1878, p. 217.

³³ «Journal officiel», 30.III 1871; «Протоколы», т. I, стр. 34—36.

6. Комиссия общественной безопасности. Она должна была обеспечить порядок и общественную безопасность в городе, «заботиться о неприкосновенности Республики и следить за всеми подозрительными гражданами».

7. Комиссия труда, промышленности и обмена. На нее была возложена обязанность заняться решением самой главной социальной задачи, поставленной в порядок дня: улучшить положение рабочего класса и «изыскивать пути к уравниванию заработка и труда». Одной из важных задач этой комиссии было: «заниматься поощрением национальной и парижской промышленности», «изысканием средств к развитию международной торговли и обмена». Усилиями этой комиссии Париж должен был стать крупным индустриальным центром. Той же комиссии была поручена «пропаганда социалистических учений».

8. Комиссия общественных служб. В ее ведение входили почта, телеграф, транспорт. Ее обязанностью была организация нормальной и экономной деятельности всех учреждений связи как в Париже, так и в провинции, а также изучение вопроса о возможности «передачи железных дорог в руки коммун Франции, не ущемляя интересов компаний».

9. Комиссия внешних сношений. Она должна была наладить дружеские связи Парижской Коммуны с провинциальными коммунами и подготовить почву для создания общепарижской федерации. На нее возлагалась обязанность, «как только представится возможность, аккредитовать своих представителей в различных государствах Европы, особенно в Пруссии, когда выяснится отношение этой державы к Коммуне».

10. Комиссия просвещения. Она должна была «подготовить проект декрета о введении бесплатного, обязательного и исключительно светского обучения».

30 марта было принято постановление, что во главе окружных мэрий Парижа ставятся члены Коммуны, избранные от данного округа; на них возлагалось руководство всеми местными делами, в частности регистрация актов гражданского состояния. Для ведения текущих дел им разрешалось самим подбирать комиссии³⁴.

Делегаты Коммуны и ее комиссии стали создавать новую систему административного управления и делали свое дело в исключительно трудной и сложной обстановке за очень скромное вознаграждение, не стыдясь сознаваться в своих ошибках и исправлять их. Сделав выборными все общественные службы, Коммуна уничтожила надменную чиновничью иерархию буржуазного государства, стоявшую над народом.

Начав ломку буржуазной государственной машины, Коммуна сделала государственные функции — военные, административ-

³⁴ «Протоколы...», т. I, стр. 59.

ные, политические — простым, обычным делом, сорвав покров с той тайны, которой буржуазия окружала управление государственными делами. Весь административный аппарат Коммуны был на службе у народа, все его сотрудники работали под контролем и всегда могли быть сменены, отозваны, так как выборность, ответственность и сменяемость всех должностных лиц были принципами аппарата Коммуны. Порвав с традициями буржуазного принципа разделения властей, Коммуна представляла одновременно и законодательную, и исполнительную власть. Члены Коммуны сами должны были работать, «сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями»³⁵.

Новая демократия могла быть только диктатурой пролетариата, так как Парижская Коммуна насильственным путем должна была подавлять сопротивление крупной буржуазии и помещиков, военным штабом которых сделался Версаль. «Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата», — писал Энгельс. Это был первый опыт пролетарской диктатуры. Он показал, «что диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии... но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»³⁶.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499

* НАСТУПЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКИХ ВОЙСК
НА ПАРИЖ 2 АПРЕЛЯ И ПОХОД
КОММУНАРОВ НА ВЕРСАЛЬ
3—4 АПРЕЛЯ

Свои революционные мероприятия Коммуна осуществляла в непосредственной близости от Версаля — центра контрреволюции. В то время как правительство Тьера усиленно готовилось к нападению на коммунаров, среди членов Коммуны шла дискуссия о возможности и допустимости активных действий против Версаля. Наиболее выгодный для революционного Парижа переломный период — несколько первых дней после захвата власти — не был использован для разгрома сил контрреволюции. Между тем в первое время революционный Париж имел весьма значительный численный перевес над вооруженными силами версальской контрреволюции. В исторической литературе численность парижской национальной гвардии к моменту создания Коммуны исчисляется в 60—80 тыс. бойцов. Отчет от 2—3 мая определяет наличный состав полевых войск Коммуны в 3413 офицеров и около 85 тыс. бойцов, в запасных войсках — 3094 офицера и около 77 тыс. рядовых; всего же в национальной гвардии числилось, по этим данным, около 6500 офицеров и 162 тыс. рядовых, не считая больных, отпускников и дезертиров¹.

Коммуне следовало выступить против Версаля именно тогда, когда он был слаб, но благоприятный момент был упущен. В основу своих стратегических действий Коммуна положила оборонительно-выжидательный стратегический план, т. е. такое реше-

¹ «Journal officiel», 4.V 1871; о численности национальной гвардии см. также «Journal officiel», 6.V 1871. На заседании Коммуны 23 апреля численность национальной гвардии была определена в 16 тыс. человек в действующих частях и 45 тыс. бойцов в запасных, т. е. всего в 61 тыс. человек, не считая чрезвычайно разбухшего нестроевого и обслуживающего личного состава в тыловых учреждениях и военно-административном аппарате («Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.» (далее — «Протоколы...»), т. I. М., 1959, стр. 307).

ние, которое ставило коммунаров в крайне невыгодные условия по отношению к версальцам.

С первых же дней своей деятельности Коммуна занималась военными вопросами. 1 апреля Исполнительная комиссия Коммуны постановила упразднить звание и должность главнокомандующего. Тем же постановлением член Коммуны и ее Военной комиссии студент-медик бланкист Эд был назначен делегатом при военном министерстве. Другой член Военной комиссии Бержере, типографский служащий, близкий к бланкистам, стал начальником главного штаба национальной гвардии. Рабочий-литейщик бланкист Дюваль, также являвшийся членом Военной комиссии, занял пост военного коменданта бывшей префектуры полиции².

31 марта, за день до назначения Эда военным делегатом, Центральный комитет национальной гвардии уже назначил на этот пост генерала Ключере³.

Версальская армия в это время усиленно готовилась к наступлению на Париж. Театром предстоящих военных действий должны были стать Париж с его западными и южными укреплениями и ближайшие западные окрестности города. Очень большое значение имела река Сена (ширина 140—276 м).

Сена по своей глубине допускала применение канонерок. Переправ (мостов) через реку в черте города было много, но западная излучина реки имела лишь один мост у Нёйи, так как все остальные мосты были уничтожены в период осады 1870 г.

В 1870—1871 гг. Париж был окружен крепостной стеной (валом) четырехугольной неправильной формы. Система крепостных укреплений состояла из вала толщиной около 11 м, сухого рва шириной около 12 м и глубиной до 8,5 м и гласиса⁴. Вдоль вала имелось 94 бастиона.

Вне города с южной стороны тянулся ряд возвышенностей: Бисетр, Вильжюиф, Монруж, Шатийон, Медон; все они были заняты фортами, редутами и батареями.

На расстоянии 1—3,5 км от крепостного вала по окружности в 55 км шел укрепленный пояс, состоявший из 16 фортов и 13 редутов, сооруженных в 1840—1844 гг. На южном фронте — форты Шарантон, Иври, Бисетр, Монруж, Ванв и Исси; западный же фронт прикрывался Сеной и редутом Жаннивиле с сильным фортом Мон-Валерьен.

Слабой точкой парижских укреплений на юго-западе был выдающийся вперед Пуэн-дю-Жур, обеспеченный с юга фортом

² «Journal officiel», 2.IV 1871.

³ «Протоколы...», т. I, стр. 64—65.

⁴ Гласис (бруствер) — пологая в сторону противника насыпь впереди наружного рва.

Исси, с укреплениями парка замка Исси и траншеей, связывающей этот укрепленный узел с Сеной.

Однако над фортами, занятыми коммунарами, господствовали высоты Бельвю, Медона и Шатийона. Форт Исси господствовал над фортом Ванв, которому он оказывал постоянную поддержку. Форт Монруж должен был помогать своим огнем форту Ванв. Форт Бисетр прикрывался с фронта тремя значительными редутами: От-Брюйер, Мулен-Саке, Вильжюиф. Все эти форты и укрепления выдержали осаду 1870—1871 гг.; в результате непрерывного артиллерийского обстрела значительно пострадали только форты Исси и Ванв.

Для обороны города особое значение имела окружная железная дорога, шедшая за крепостной стеной. На ней, как и на остальных железных дорогах, могли быть использованы бронепоезда.

В начале франко-прусской войны проводились работы по усилению укреплений Парижа. Выдвинутые вперед форты были вооружены, рвы фортов наполнили водой; были установлены батареи на высотах Монмартра. Для освещения местности на фортах установили электрические прожекторы, между фортами и городом осуществлялась телеграфная связь. Из всех фортов только южные (Исси, Ванв, Монруж, Бисетр и Иври), а также западный форт Мон-Валерьен играли активную роль в гражданской войне. Остальные форты были заняты немецкими оккупационными войсками. Коммунары обладали весьма значительной артиллерией крепостного типа (общая численность артиллерийских орудий всех типов, имевшихся в распоряжении Коммуны, превышала тысячу)⁵. Маневренным резервом для нее должна была служить речная флотилия из пяти плавучих броненосных батарей и девяти канонерских лодок.

Местность между Парижем и Версалем, служившая полем сражения во время боевых действий вне Парижа, в своей северо-западной части, севернее линии Сен-Клу — Рюей (западнее Сены), представляла собой открытое пространство, над которым господствовал форт Мон-Валерьен. Только владея этим фортом, можно было получить свободу маневрирования в направлении Версаля. Все остальное пространство вплоть до Версаля, а также весь восточный берег западной излучины Сены до крепостной стены представляли собой местность, покрытую парками, загородными виллами, каменными зданиями и оградами, которые были весьма удобны для обороны. Чтобы успешно преодолеть ее, наступающая сторона должна была обладать сильной полевой артиллерией. Прилегающая со стороны Версаля к Сене и Парижу местность была заполнена многочис-

⁵ П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 г., изд. 2-е. М., 1959, стр. 271.

ленными крупными, почти сливавшимися друг с другом поселениями — деревнями и пригородными местечками. С конца марта караульные посты национальной гвардии на фронте Курбеуа — Медон — Кламар вели перестрелку со сторожевыми постами версальцев: происходили первые стычки. Коммунары занимали селение Курбеуа, господствовавшее над дорогой в Версаль. Версальцы решили захватить его.

Несмотря на открытые угрозы со стороны правительства Тьера и версальского Собрания, военное командование Коммуны не приняло необходимых мер для организации разведки в лагере противника, чтобы своевременно обнаружить подготовку версальцев к наступлению. Не все заставы Парижа имели надежную оборону. Поэтому наступление версальцев утром 2 апреля, явившееся в сущности начальной операцией гражданской войны, оказалось полной неожиданностью для революционного Парижа и командования национальной гвардии. 2 апреля в 11 часов утра три пехотные и две кавалерийские бригады версальской армии двинулись в походном порядке на Париж (18—20 км марша). Версальское командование отнюдь не было уверено в надежности своих солдат, в авангарде наступающих колонн были поставлены жандармы, на которых Тьер и его генералы полагались гораздо больше; в первые дни боев даже отдельные офицеры сомневались в правоте дела, за которое им предстояло сражаться⁶.

Версальцы решили атаковать Париж с северо-запада через Нёйи, опираясь на мощную поддержку господствовавшего над этой местностью форта Мон-Валерьен, который прочно удерживался версальским гарнизоном. Удар был нацелен на Курбеуа, поскольку здесь находилась переправа через Сену и Нёйи и проходило кратчайшее операционное направление в самое сердце Парижа.

Фронт Курбеуа — Пюто защищал весьма слабый заслон в четыре батальона национальной гвардии, общей численностью не более 2 тыс. человек, не имевших артиллерии и митральез. Версальцы направили сюда не менее 10 тыс., поддержанных сильной артиллерией. Войска версальцев наступали двумя колоннами: правая — через Вокрессон, Монтрету на Курбеуа; левая — через Буживаль, Рюей, Нантер.

Передовые части версальцев (отряд жандармов) еще в 8 час. 30 мин. попытались овладеть мостом у Нёйи, который обороняли слабые силы коммунаров. Но атака версальцев была отбита, после чего два-три батальона коммунаров перешли в контрнаступление на Курбеуа и Пюто. Жандармы, ворвавшиеся было в эти пункты, начали отходить, но, получив поддерж-

⁶ Général du Barail. *Mes souvenirs*, t. III (1864—1879). Paris, 1898, p. 263.

ку со стороны следовавшей за ними пехоты, остановили атаку коммунаров. Когда версальцы ввели в дело митральезы и пушки, коммунары с большими потерями в беспорядке отошли за Сену к Нёйи. Здесь батальоны были приведены в порядок за сооруженными на восточном берегу баррикадами, прикрывавшими въезд на мост. После этого бой возобновился. Пока шло это столкновение передовых частей, версальцы развертывали свои главные силы.

На неоконченную еще баррикаду в узле дорог у Курбева, которую защищало несколько сот коммунаров, был брошен в атаку полк версальцев. Атаку поддерживали митральезы и орудия, подтянутые от Мон-Валерьяна к Курбева. Но, несмотря на бешеный артиллерийский огонь версальцев, их атака была отбита, и полк версальцев разбежался, побросав свои пушки.

После неудавшейся атаки на Курбева и Пюто (фронт 2,5—3 км) версальское командование бросило в атаку другой пехотный полк и батальон морской пехоты. На этот раз коммунары, насчитывавшие не более двух батальонов, были выбиты из казарм Пюто и с баррикад Курбева и вынуждены отойти к баррикадам, прикрывавшим мост у Нёйи. Отсюда последующей атакой версальцев они были отброшены на авеню Нёйи, которая простреливалась сильным продолбным артиллерийским огнем версальцев.

Коммунары не смогли здесь удержаться и отошли за линию укреплений. Здесь удалось привести в порядок отходившие батальоны, а три свежих батальона подкреплений помогли остановить версальцев. Прощупав силу сопротивления коммунаров и понеся значительные потери, главные силы версальских войск к 16 часам 2 апреля отошли к Сене в район Курбева, к Пюто.

Боевые действия версальцев 2 апреля свелись к захвату годных исходных позиций для последующего генерального наступления и вместе с тем были разведкой боем для выяснения сил и стойкости коммунаров и проверки боеспособности собственных войск.

Грохот канонады поднял на ноги Париж. Нападение версальцев вызвало в городе сильное возмущение, которое вынудило Коммуну решиться на контрнаступление. Батальоны коммунаров с артиллерией спешно направлялись к западным укреплениям Парижа. К 17 часам более 50 тыс. вооруженных коммунаров заняли главные улицы Парижа, прилегающие к площади Звезды. Орудия устанавливались на бастIONах ворот Майо и Терн. Батальоны национальной гвардии рвались в бой с версальцами, требуя от своего командования организации похода на Версаль.

Предпринятое вечером 2 апреля стихийное выступление небольших отрядов коммунаров вначале увенчалось успехом: они вновь захватили мост у Нёйи, а также Курбева и Пюто, но

затем были выбиты перешедшим в контратаку противником и отошли.

Таким образом, первый день вооруженной борьбы показал неподготовленность и слабость военного командования Коммуны. Это выражалось, во-первых, в неподготовленности к обороне западных укреплений Парижа, в отсутствии у коммунаров надежного обеспечения наиболее угрожаемого направления со стороны Версаля: отсутствовала всякая разведка, не соблюдались элементарные требования обороны, не было даже надежного охранения, а также маневренного резерва из пехоты и артиллерии. Во-вторых, у коммунаров не было продуманного плана обороны, вследствие этого против 10 тыс. версальцев в течение целого дня сражались только от четырех до семи батальонов коммунаров без артиллерии, в то время как более сотни батальонов, несколько сотен полевых и еще больше крепостных орудий бездействовали до конца дня. В-третьих, в ходе боевых действий обнаружились нерешительность и самотек в области военного руководства.

Вместе с тем бои 2 апреля показали: 1) огромные потенциальные возможности (революционный энтузиазм, инициатива, готовность к самопожертвованию); 2) огромное значение для успешных действий на этом направлении форта Мон-Валерьен; 3) невыгодность оставления военной инициативы в руках врага.

В этот день революционный Париж приобрел одного из своих самых талантливых генералов — Ярослава Домбровского, который предложил Коммуне свои услуги. По рекомендации Авриала он был назначен командиром XI легиона национальной гвардии.

Национальная гвардия Парижа не была организационно, технически и материально подготовлена к крупным операциям в открытом поле, а потому переход в генеральное наступление, после того как версальцы реорганизовали свои силы, был для нее весьма труден.

До 3 апреля Исполнительная комиссия Коммуны принимала лишь меры оборонительного характера: она закрыла ворота города и вооружила его укрепления, но не решилась перейти к наступательным действиям. Опыта таких действий, даже в небольшом масштабе, национальной гвардией накоплено не было. Учитывая это, Исполнительная комиссия выступила против немедленного похода на Версаль. Она хотела сначала получить от своих генералов обоснованные данные о шансах на успех. Однако, уступая нажиму общественного мнения и боевому настроению национальной гвардии, комиссия все же санкционировала переход в наступление.

Высшее командование национальной гвардии в лице генералов Бержере, Дюваля и Эда добивалось немедленного перехода в контрнаступление, надеясь наверстать время и вернуть

упущенный момент, благоприятный для коммунаров. Но генералы Коммуны не смогли ответить на поставленные им вопросы: 1) о степени боевой готовности войск Парижа, в частности о состоянии пехоты и способности ее к продолжительным действиям в открытом поле, о состоянии артиллерии и степени обеспечения ее боеприпасами; 2) о силах, группировке и морально-боевом состоянии войск противника, в частности о боеспособности форта Мон-Валерьен; 3) о знакомстве командиров национальной гвардии с характером местности предстоящих боев и с подступами к позициям противника. Ясно, что в условиях такой полной военно-технической неподготовленности немедленный переход в наступление, несмотря на огромный моральный подъем федератов, был недопустим.

Хотя обстановка по сравнению с 18—20 марта резко изменилась в пользу версальцев, молодые и горячие военачальники Коммуны, поддавшись настроению своих войск, стремились поскорее сокрушить силы контрреволюции. Дождавшись результатов выяснения обстановки, они отдали приказ о немедленном наступлении на рассвете 3 апреля, не составив даже продуманного плана операции. Поход приобрел в сущности стихийный характер, так как в основу его была положена лишь весьма схематическая наметка, сводившаяся к захвату Версаля.

Общая идея наступления, разработанная на военном совете, заключалась в том, чтобы отвлекающими действиями на правом фланге от Нёйи на Рюей — Буживаль сковать силы противника и отвлечь сюда его резервы, а затем нанести главный удар центром и левым флангом в общем направлении на Медон и обойти с юга и юго-востока Версаль, оставленный, по ошибочным предположениям коммунаров, без прикрытия. Осуществление операции нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительным. Это выражалось прежде всего в том, что отсутствовало единое централизованное руководство операций. Офицеров было мало, многие батальоны не имели командиров. Военская дисциплина не стояла на должной высоте; в результате этого каждый располагался по своему желанию, у любого знамени. «Генералы,— писал Лиссагаре,— которые взяли на себя ответственность вести 40 тыс. человек, не обладали необходимыми знаниями, ни разу не водили батальонов в огонь»⁷.

Неблагоприятным для коммунаров моментом была недостаточность сил, предназначенных для наступления. Наспех было собрано 40 тыс. человек, но это не обеспечивало численного превосходства над версальцами, войска которых насчитывали к тому времени уже 65 тыс. человек. Между тем коммунары могли создать численное превосходство, так как располагали в это

⁷ Лиссагаре. История Коммуны 1871 года. СПб., б. г., стр. 149.

время не менее 80—100 тыс. активных бойцов национальной гвардии. Подавляющее большинство коммунаров к началу наступления было уже измотано сборами и передвижениями предыдущей ночи, так как лишенные опытного руководства батальоны проплутали почти всю ночь под дождем, передвигаясь с одной площади на другую. У коммунаров было крайне мало артиллерии — всего лишь несколько пушек из нескольких сотен орудий, которыми они располагали.

Таким образом, технический перевес оказался на стороне версальцев. Положение усугублялось еще и тем, что зарядные ящики у коммунаров шли отдельно от орудий. Исходная для наступления позиция не была подготовлена и не могла быть обеспечена поддержкой артиллерийским огнем в случае неудачи операции. Маневренного резерва для поддержки наступающих сил организовано не было. Материальное обеспечение операции совершенно не было налажено. Батальоны не захватили с собой никакого продовольствия (даже хлеба и сухарей); в результате люди оставались долгие часы без пищи. Многие бойцы не имели при себе даже патронов, и никто не проверил их наличие у бойцов. Походные лазареты не были организованы.

В соответствии с общей идеей наступления коммунаров оно проводилось тремя самостоятельными отрядами.

Правое крыло общей численностью в 6 тыс. человек с восемью орудиями под начальством Бержере и Флуранса сосредоточивалось в ночь на 3 апреля на авеню Нёйи и прилегающих улицах. Задачей этой колонны было наступление через мост Нёйи и юго-западную окраину Курбевуа (площадь Ронд-Пуэн) на Ноайль и далее на фронт Шату — Буживаль с целью привлечь на себя и сковать возможно больше сил противника. Здесь же на авеню Терн сосредоточен был отряд Флуранса в составе 10 тыс. человек.

Центральная колонна численностью в 10 тыс. человек с несколькими орудиями под начальством Ранвье и Авриала сосредоточивалась в то же самое время в районе Марсова поля, Версальских ворот, в предместье Гренель, у выходов из Парижа на Медон. Задачей этой колонны было: наступая через Исси, Медон, Шавиль и Вирофлэ, атаковать Версаль с востока.

Левое крыло численностью до 7 тыс. человек без артиллерии под командованием Дюваля сосредоточивалось на южной окраине Парижа, в предместье Вожирар, у ворот Ванв, на путях в Шатийон. Эта колонна имела задачу наступать через Банье, Велизи с целью обойти и атаковать Версаль с юго-востока. Эти оперативные распоряжения не были зафиксированы в письменном виде. Приказ о наступлении сводился для войск к устному распоряжению «идти вперед».

Наступление коммунаров началось 3 апреля в 3 часа утра. Оптимистические настроения были столь сильны, что военные

руководители Коммуны не верили в возможность сопротивления версальских войск, хотя бои 2 апреля должны были убедить коммунаров в том, что следует приготовиться к преодолению довольно упорного сопротивления. Между тем начальник штаба парижского укрепленного района полковник Анри уверял в своей телеграмме Исполнительную комиссию, что «линейные солдаты приходят, и все заявляют, что, кроме высших офицеров, никто не хочет драться»⁸. Содержание телеграммы, отправленной 2 апреля в 5 час. 30 мин. вечера, способствовало распространению необоснованных слухов, будто версальцы не хотят сражаться. Уверяли, что форт Мон-Валерьен стрелять не будет, хотя накануне он стрелял и сыграл в неудаче коммунаров немаловажную роль. Предсказывали, что пехота версальцев сразу же «поднимет приклады вверх», а с полицейскими и жандармами легко будет справиться. Таким образом, налицо были опасная во всех отношениях недооценка сил и возможностей противника и легкомысленная переоценка своих сил и возможностей.

Не считая полиции и жандармов, коммунарам противостояли три обстрелянные пехотные дивизии версальцев, кавалерийская бригада и кавалерийская дивизия. К этому времени версальские войска были полностью укомплектованы, хорошо снаряжены и вооружены.

Части версальской армии были укомплектованы преимущественно за счет зажиточного крестьянства, укреплены кадрами роялистского и бонапартистского офицерства. Солдаты, одурманенные ложью и клеветой на коммунаров, были настроены против них и хорошо выдрессированы для предстоявшей им роли душителей народной революции. «Но все же это не была армия, годная для атаки; она отступала перед упорным сопротивлением. Несмотря на официальное хвастовство, генералы рассчитывали только на артиллерию, которой они были обязаны успехами при Курбевуа и Аньере»⁹. Там, где коммунары, даже более малочисленные, переходили в решительное наступление или оказывали стойкое сопротивление, версальцы утрачивали всякий наступательный порыв и даже обращались в бегство.

К началу наступления коммунаров версальские силы были распределены следующим образом: направление на Рюей — Версаль прикрывала кавалерийская бригада, имевшая в своем тылу пехотную дивизию, т. е. 10 тыс. коммунаров правой колонны должны были преодолеть сопротивление 10—12 тыс. версальцев, поддержанных сильной полевой артиллерией и огнем форта Мон-Валерьен. Направление на Медон — Версаль прикрывалось жандармерией и полицией, за которыми в районе Сев-

⁸ «Journal officiel», 3.IV 1871.

⁹ Лиссагаре. История Коммуны 1871 года, стр. 181.

ра располагалась пехотная бригада и многочисленная артиллерия. На этом направлении 10 тыс. коммунаров почти без артиллерии должны были сломить сопротивление 6—7 тыс. версальцев. Правый фланг версальцев прикрывала конная дивизия, за которой на подступах к Версалью располагались пехотные дивизия и две бригады Пелле, т. е. до 15 тыс. версальских войск, поддержанных многочисленной артиллерией, против наступающих коммунаров, лишенных артиллерии.

Ход боевых действий сложился следующим образом.

Начавшая наступление правая колонна коммунаров прошла мост у Нёйи и беспрепятственно вышла на дорогу на Рюей. Разведки и охранения выслано не было. Поэтому совершенно неожиданно колонна попала под ураганный артиллерийский огонь с форта Мон-Валерьен и пришла в сильнейшее расстройство. Головные части ускорили шаг, чтобы быстрее миновать сферу огня, в то время как идущие сзади части в беспорядке отошли назад. Начальник колонны Бержере, находчивый и храбрый человек, принял меры к сбору беглецов и выставил заслон в три батальона в сторону форта. Чтобы нейтрализовать действия его артиллерии, поставили небольшую батарею, которая была мгновенно подбита версальцами. Тем временем отошедшие батальоны коммунаров численностью до 3 тыс. человек (по другим сведениям — только 1200 человек), используя укрытия местности, возобновили наступление, обходя форт Мон-Валерьен с севера на Нантер. Коммунары заняли Рюей, и часть их сил продвинулась к Шату и Буживалю. Версальцы были захвачены врасплох этим наступлением. Только к 10 часам версальское командование выслало крупные подкрепления. Две пехотные бригады при поддержке двух батарей (120 мм) совместно с кавалерийской бригадой и конными жандармами атаковали коммунаров справа, от Ла-Сель — Сен-Клу в направлении на Ноайль, в то время как третья пехотная бригада двинулась в обход от Гарша на Мон-Валерьен — Рюей, стремясь отрезать коммунарам пути отступления на Париж.

Отряд Бержере держался весьма стойко против превосходящих сил противника, пока не обнаружил действительную угрозу своему левому флангу и тылу. Трудное положение отряда Бержере было облегчено внезапной атакой полуторатысячного отряда коммунаров под начальством Флуранса, прикрывшего для Бержере путь отхода на Нантер, взятый версальцами под огонь с форта Мон-Валерьен. Однако на полпути между Рюей и Нантером отступавшая колонна коммунаров подверглась с фланга и тыла внезапной атаке конных жандармов. Вследствие возникшей при этом паники колонна была рассеяна и частично изрублена. Только небольшие остатки отряда во главе с Бержере отошли к 17 часам за Сену через мост у Нёйи, подходы к которому поспешно укреплялись. Курбевуа было вновь занято

версальцами. Флуранс с кучкой людей, геройски прикрывавших отход отряда Бержере, был отброшен на северо-запад, к Шату. Здесь он был захвачен жандармами и зверски убит при аресте.

Центральная колонна коммунаров под командованием Эда, Ранвье и Авриала, наносявшая главный удар по версальцам одновременно и совместно с левой колонной, также потерпела неудачу. Наступая от Исси вдоль Сены на Медон, она вначале успешно овладела Ба-Медоном, Мулино, Валь-Флёри, отбросив на запад передовые части версальцев. Преследуя их по направлению Бельвю — замок Медон, коммунары в 6 часов были остановлены контратакой версальцев и артиллерией. Имея всего восемь орудий с восьмью снарядами на каждое, коммунары не могли противопоставить неприятелю равноценный огонь своей артиллерии. Израсходовав к 10 часам снаряды, они вынуждены были отступить. Отступление было проведено более организованно, чем на правом фланге, форты Исси и Ванв, которые Ранвье усилил осадными орудиями, спешно привезенными из Парижа, прикрыли отход коммунаров своим огнем и остановили преследование версальцев.

Левая колонна под командованием Дюваля еще ночью захватила выгодное исходное положение на плато Шатийон. С рассветом 3 апреля, развивая успех при обходе Медонских высот с юга, она потеснила передовые части версальцев, достигнув ближайших подступов к Версалью в районе Пти-Бисетр, Вилла-Кублэ в 6—6,5 км юго-восточнее Версаля. Но здесь коммунары попали в трудные условия. Местность представляла собой парк с массой приспособленных к обороне каменных вилл и оград. Коммунары были встречены огнем засевшего в этих солидных укрытиях полка морской пехоты, поддержанного сильной артиллерией. Не располагая артиллерией для разрушения каменных строений, коммунары не могли выбить противника и были остановлены. К тому же у них быстро иссякли запасы патронов. Просьба Дюваля о присылке боеприпасов и подкреплений не была удовлетворена. Вскоре версальцы подтянули на это направление пехотную бригаду, что уравнивало силы сторон (три полка версальцев против 7 тыс. коммунаров). Контрнаступление этой бригады вынудило отряд Дюваля отступить в направлении на редут Шатийон, что было выполнено коммунарами без серьезных потерь.

Итак, и на направлении своего главного удара коммунары потерпели неудачу. Инициатива действий окончательно перешла в руки врага, который использовал следующий день, 4 апреля, для завершения своего успеха. В этот день версальские части добивали остатки отряда Дюваля (1500 человек), ночевавшего в поле за линией южных фортов Исси и Ванва, на Шатийонском плато, и пытавшегося опереться на шатийонский редут. 4 апреля в 5 часов утра версальцы атаковали этот редут при

поддержке артиллерии. Вскоре отряд Дюваля был окружен противником, численно превосходившим его в четыре-пять раз. Все попытки коммунаров пробиться потерпели неудачу. Безуспешны были и попытки батальонов коммунаров, занимавших Шатийон и Клармар, помочь отряду Дюваля. В конце концов он вынужден был сдаться в плен на условии сохранения жизни бойцам. Версальцы, продолжая развивать наступление на Шатийон и Клармар, выбили коммунаров из этих укрепленных пунктов и подошли к фортам Исси и Ванв.

В результате неудачного похода 3—4 апреля коммунары, кроме большого числа убитых, потеряли 2 тыс. человек пленными. Версальская военщина, вероломно нарушив свое обещание сохранить жизнь пленным коммунарам, зверски расправилась с ними.

Потеряв уверенность в возможность успешного наступления, Коммуна перешла к обороне, которая была бы вполне своевременной, если бы военное командование использовало ее для энергичной подготовки к новому, более организованному наступлению, без чего невозможно было, разумеется, добиться победы. 3 апреля Ключере был назначен делегатом при военном министерстве. Это мотивировалось тем, что Эд, так же как Бержере и Дюваль, находится вне Парижа в связи с военными действиями. «Собрание решило,— писала Исполнительная комиссия,— что в тех трудных обстоятельствах, в которых мы находимся, необходимо установить единое военное руководство»¹⁰. Так был ликвидирован конфликт, возникший в связи с назначением Эда и Ключере на этот пост. Конфликт начал уже ликвидироваться 2 апреля, когда Исполнительная комиссия назначила Ключере военным делегатом наряду с Эдом.

Ключере, сменивший таких активных и энергичных командиров, как Бержере, Эд и Дюваль, избрал пагубный для революции оборонительно-пассивный способ действий.

Гюстав-Поль Ключере, выполнявший обязанности военного делегата (с 3 до 30 апреля), был кадровым офицером. В 1848 г. он принимал участие в подавлении июньского восстания парижских рабочих. В дальнейшем он участвовал в Крымской войне, затем служил в Алжире. Выйдя в отставку, Ключере принял участие в походах Гарибальди. В 1861 г. он уехал в США и воевал во время гражданской войны на стороне Севера, получил чин генерала и американское гражданство, участвовал в движении фениев в Ирландии, за что был заочно приговорен английским судом к смертной казни. Возвратившись в конце 60-х годов во Францию, он сотрудничал в республиканских газетах. За нападки на правительство Второй империи он был заключен в тюрьму, потом уехал в США и основал в Нью-Йорке

¹⁰ «Journal officiel», 4.IV 1871.

секцию Интернационала. После революции 4 сентября 1870 г. Ключере возвратился во Францию. Вместе с Бакуниным он руководил выступлением 28 сентября в Лионе, участвовал также в выступлении в Марселе 1 ноября 1870 г.

Люди, близкие к Марксу, который отрицательно относился к Ключере, решительно возражали против назначения Ключере на пост военного руководителя Коммуны. Серрайе писал, что он сделал все, что мог, чтобы помешать этому назначению. По-видимому, Ключере выдвинули на этот пост прудонисты Малон и Лефрансэ, с которыми он был связан по своей деятельности в Интернационале. «Теперь Малон рвет на себе волосы оттого, что он не послушался меня», — писала 24 апреля Дмитриева (Томановская) в письме Г. Юнгу, которое предназначалось для Маркса¹¹.

Одним из первых шагов Ключере как военного делегата было разделение 4 апреля национальной гвардии на маршевые (полевые) и резервные (гарнизонные) батальоны. В маршевые батальоны зачислялись все холостые люди в возрасте от 17 до 35 лет, а также демобилизованные солдаты мобильной гвардии и добровольцы. Лица старше 35 лет должны были служить в резервных батальонах. 7 апреля это постановление было изменено: отныне служба в действующих частях национальной гвардии для людей 17—19-летнего возраста становилась добровольной, а с 19 до 40 лет обязательной для всех национальных гвардейцев, как холостых, так и женатых¹².

Выделение маршевых рот было разумным мероприятием. Но разделение национальной гвардии по возрастному признаку являлось ошибкой, так как в результате такой реорганизации многие сотни преданных Коммуне рабочих оказались в тыловых частях. Вводя обязательную военную службу, военное министерство Коммуны не заботилось о том, чтобы путем соответствующего отбора придать ее вооруженным силам классово однородный пролетарский характер. Однако на деле армия Коммуны, по мере того как мелкая буржуазия переставала активно поддерживать революционное правительство, становилась все более пролетарской по своему составу. Характерно, что округа с рабочим по преимуществу населением давали наибольшее число маршевых рот, т. е. частей, предназначенных для отправки на боевые позиции. Так, например, в маршевых ротах XVIII округа насчитывалось более 20 тыс. бойцов, в маршевых ротах XI округа — 13,5 тыс. В то же время численность маршевых рот в таких буржуазно-аристократических округах, как II и VII, не превышала тысячи человек, а в XVI округе составляла лишь 537 человек.

¹¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 193.

¹² «Journal officiel», 5.V 1871.

Почти целиком пролетарскими были добровольческие отряды, которые играли крупную роль в вооруженной борьбе парижских коммунаров: «Мстители Парижа», «Мстители Флуранса», «Разведчики Монружа», «Стрелки Бельвиля», «Дети отца Дюшена», «Вольные стрелки революции» и др. 5 апреля Коммуна постановила, что в округах, где нет начальников легионов, они будут временно назначаться военным делегатом с санкции ЦК национальной гвардии, потому что «при нынешних обстоятельствах необходимо, особенно с военной точки зрения, чтобы во главе легионов стояли высшие офицеры, имеющие признанные знания»¹³.

В тот же день Коммуна приняла постановление, в котором говорилось: «Никто не имеет права бить сбор или тревогу без официального письменного приказа своего начальника легиона. Начальник легиона не имеет права отдавать приказ о таком сборе без приказаний штаба укрепленного района, которое может быть им отдано лишь по распоряжению Коммуны»¹⁴.

Большой вред делу организации национальной гвардии причинила «комитетчина», царивший в частях дух «партизанщины». Только 6 апреля Коммуна декретировала роспуск окружных комитетов. Мотивировалось это постановление указанием на то, что «единство военного командования есть необходимое условие общественного спасения» и что «это единство ежедневно подрывается приказами, исходящими от окружных подкомитетов»¹⁵.

С 5 апреля западные укрепления Парижа на всем их протяжении — от ворот Сент-Уан на севере до ворот Монруж на юге — были заняты батальонами федератов. Заняты были также южные форты Исси, Ванв, Монруж, Бисетр и Иври. Повреждения форта Исси были наспех исправлены. На правом берегу Сены вновь было занято Курбеуа и забаррикадирован мост Нёйи. Перед южными фортами, в 2—2,5 км, были вырыты траншеи на фронте Мулино — Валь-Флёр — Кламар — Банье — От-Брюйер — Вильжюиф — Мулен-Саке. Федераты были полны решимости отстоять Коммуну.

* ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНЫ В АПРЕЛЕ

В конце марта по постановлению Коммуны кое-где началась разборка баррикад. В лекциях и докладах, на публичных собраниях и заседаниях Центрального комитета 20 округов, секций Интернационала, профессиональных союзов, различных клу-

¹³ «Протоколы...», т. I, стр. 110.

¹⁴ Там же, стр. 105.

¹⁵ Там же, стр. 114.

бов обсуждались животрепещущие проблемы. Парижский народ упивался завоеванной свободой, твердо уверенный, что будущее принадлежит ему, что оно обеспечит торжество революции.

Прудонистская газета «*La Commune*» 30 марта призывала «во что бы то ни стало возобновить торговлю, наполнить магазины, открыть мастерские. Надо зажечь горны, пусть стучит молот; рабочий должен спешить на работу, так как у нас большие долги и репарации. Пусть знают повсюду — и за границей и в провинции, — что великая революция свершилась, что Париж спасен и что 50 тыс. борцов могут опять стать 50 тысячами рабочих».

Сообщения из провинции о создании Коммун, иногда запоздалые и не всегда правильные, поднимали настроение и тоже питали растущую уверенность в том, что опасность гражданской войны миновала. «Я заявляю, — писал автор письма в газету «*Le Cri du Peuple*», — что провинция — города и почти все коммуны — ждут только сигнала, чтобы последовать примеру столицы»¹⁶.

Часть буржуазной прессы заняла тогда выжидательную позицию. Газета «*Temps*», призывавшая парижан не принимать участия в выборах 26 марта, теперь более или менее объективно освещала жизнь революционного Парижа и деятельность Коммуны¹⁷. «*La Vérité*» и «*L'Avenir national*» выступали в качестве сторонников провозглашенных Коммуной демократических принципов. А в «*Le Siècle*» левобуржуазные республиканцы Г. Шодэ и Чернуски с энтузиазмом прославляли будущее Франции, которому «принципы коммунизма», как писали они, «открыли самые блестящие перспективы»¹⁸. В этом отношении характерны и колебания группы депутатов Парижа в Национальном собрании — левых республиканцев (радикалов), выражавших интересы главным образом средней буржуазии и интеллигенции. В конце марта из Собрания ушли: Клемансо, Флоке, Шёльхер, Локруа. Мотивировка Локруа показательна для колеблющейся позиции средних слоев Парижа. Версаль сделался средоточием всех сил реакции, писал Локруа. «Там зная Кобленца и зная Седана». Торжество Версаля было бы торжеством монархии. Версальское правительство ненавистно народу. Но, для того чтобы добиться своих прав и отстоять республику, гражданская война не нужна. Всеобщее избирательное право, уверял Локруа, это сильнейшее оружие народа, оно дает ему возможность выразить свою волю. «В Париже великое народное движение создало правительство, издавшее декреты в пользу на-

¹⁶ «*Le Cri du Peuple*», 29.III 1871.

¹⁷ *G. Lefrançais. Étude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871. Neuchâtel, 1871, p. 202.*

¹⁸ «*Le Siècle*», 30, 31.III 1871.

рода, стремящееся к созданию свободных муниципалитетов. Поэтому версальское Собрание должно уйти, распустить себя. Срок его полномочий кончился. Пусть уходит, так как события показали, что оно неспособно вернуть стране ни мир, ни благосостояние. Оно должно уйти, так как никогда не утвердит республику, восторжествовавшую против его воли во Франции»¹⁹.

Бои в начале апреля изменили умонастроение парижан. Ход событий не оправдал оптимистических прогнозов. Париж узнал о массовых расстрелах взятых в плен национальных гвардейцев и о зверских глумлениях над ними.

В ответ на нападение версальцев Коммуна на заседании 2 апреля единогласно приняла декрет о предании суду Тьера и пяти других членов его правительства — Фавра, Пикара, Дюфора, Ж. Симона, Потюо — и о наложении секвестра на их имущество. Декрет характеризовал их как преступников, преднамеренно подготовивших и развязавших гражданскую войну.

4 апреля Коммуна узнала об убийстве Дюваля. Многие потребовали расправы с оставшимися в Париже сторонниками версальцев. Делегат общественной безопасности Риге потребовал немедленного расстрела арестованных накануне архиепископа Парижского Дарбуа и священников. Другие предложили двинуться в рабочие предместья, открыть тюрьмы и предоставить народу суд и расправу над агентами и сторонниками версальцев. Делегат юстиции бланкист Прото заявил: «Резней не отвечают на резню. Мы не можем нарушать правовые нормы. Надо действовать закононо... Можно быть грозным по отношению к врагам, оставаясь справедливыми и гуманными»²⁰.

По его предложению, поддержанному Делекюзом, был единогласно принят декрет о заложниках, утверждавший, что «версальское правительство открыто попирает права человечности и нарушает законы войны», и постановлявший, что лицо, уличенное в сообщничестве с версальским правительством, будет немедленно арестовано и предано суду обвинительного жюри, а «все обвиняемые, задержанные по приговору обвинительного жюри, будут считаться заложниками парижского народа»; что «казнь каждого военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны немедленно повлечет за собой казнь тройного числа заложников»²¹. «Когда Тьер... еще в начале войны с Парижем,— писал Маркс,— ввел гуманный обычай расстрела пленных коммунаров, Коммуна была вынуждена для спасения жизни этих пленных прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников»²². Несмотря на изданный декрет,

¹⁹ «Le Rappel», 2.IV 1871. Версальское Собрание не приняло заявления Локруа об отставке и посадило его в тюрьму.

²⁰ «Протоколы...», т. I, стр. 106—107.

²¹ Там же, стр. 103—104.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 363—364.

правительство Коммуны проявило слишком много великодушия по отношению к врагам. Арестовав несколько сот человек (главным образом агентов Версаля и нескольких видных представителей старого чиновничества и католического духовенства), Коммуна не расстреляла даже полицейских, схваченных с зажигательными снарядами. В результате такой половинчатой политики Коммуны версальцы вскоре возобновили расстрелы пленных.

Первые апрельские бои стоили коммунарам больших жертв. 11 апреля Париж хоронил своих защитников. Огромная процессия собралась, чтобы проводить убитых. Представители Коммуны шли в рядах провожавших, среди них Делеклюз. От имени Коммуны он произнес короткую речь: «Вы их любите не сильнее, чем я их люблю. Они стоили нам слишком дорого... Мы требуем справедливости для большого города, который... держит еще в своих руках будущее человечества. Не будем плакать над нашими братьями, герончески погибшими. Но дадим клятву, что продолжим их дело и спасем Свободу, Коммуну, Республику»²³.

10 апреля Коммуна приняла декрет о пенсиях для членов семей погибших «при защите прав народа»: вдовам предоставлялась пенсия в 600 франков; каждому ребенку, в том числе и внебрачному, до 18-летнего возраста ежемесячно выплачивалась пенсия в 365 франков. Круглых сирот Коммуна брала на свое иждивение, обязавшись дать им всестороннее образование, необходимое для того, чтобы они жили своим трудом. Родственники погибших получали право на пенсию от 100 до 800 франков в зависимости от степени их нуждаемости.

Несбывшиеся мечты о скорой победе над версальцами, первые военные неудачи и декрет о заложниках толкнули к бегству из Коммуны группу радикалов: Ранка, Лефевра, Улисса, Парана, Гупиля. О своем уходе из Коммуны Ранк и Лефевр широко оповестили через печать. «Уход сторонников буржуазии мы предвидели. Они не признавали Коммуну, тем более социалистические тенденции ее предместий. Но отставка последних шести членов Коммуны казалась необъяснимой», — писал впоследствии Малон²⁴.

Совсем непонятым казался уход Ранка. Бывший бланкист, участник Лозаннского конгресса Интернационала, он принял активное участие в предвыборной борьбе. В избирательной афише Ранк заявлял, что только Коммуна спасет Францию от ужасов гражданской войны и укрепит республику²⁵. Арну, Лефрансэ пытались удержать Ранка: они понимали, что его уход отразится

²³ M. Dessal. Un révolutionnaire jacobin Charles Delescluze. Paris, 1952, p. 339.

²⁴ B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Genève, 1872, p. 110.

²⁵ F. Maillard. Affiches, professions de foi, documents officiels. Clubs et comités pendant la Commune. Paris, 1871, p. 90.

на настроениях известных слоев буржуазии и что версальцы истолкуют его как доказательство несогласий и борьбы внутри Коммуны. Но все уговоры Лефрансэ и Арну ни к чему не привели. «Моя отставка была протестом против декрета о заложниках», — писал много лет спустя Ранк²⁶. Ранк не хотел компрометировать себя участием в деле, в торжество которого он не верил. Будучи представителями средних слоев буржуазии, радикальные республиканцы не могли одобрить социалистической тенденции первых политических и социальных декретов Коммуны.

В это же время активизировались те слои средней буржуазии, которые приняли участие в выборах 26 марта и, казалось, встали под знамена демократической республики.

Отвергнув версальское Собрание и потребовав его роспуска, представители этой части буржуазии с опаской относились и к деятельности Коммуны. В первой половине апреля они выступили как новая, «третья партия» со своей особой политической платформой в роли примирителя между Версалем и Парижем с целью немедленного прекращения гражданской войны. Движение примирителей охватило в апреле довольно широкие слои населения — масонские организации Парижа, часть рабочих и некоторых членов Коммуны. В начале апреля, когда оно возникло, Коммуна считала его вредным и предательским.

Среди примирителей были бывшие мэры и бывшие члены Коммуны, были и версальские агенты. В толпе, собравшейся около здания Биржи 6 апреля по призыву афиши примирителей²⁷, открыто действовали враги Коммуны, которые стремились превратить собрание в контрреволюционную демонстрацию. Коммуна запретила собрание, предупредив, что и впредь подстрекательства к гражданской войне будут подавляться силой.

4 апреля Республиканское объединение синдикальных палат, т. е. 7—8 тыс. парижских коммерсантов и промышленников, которым гражданская война нанесла новый удар, в адресе, направленном версальскому Собранию и Коммуне, потребовало немедленного прекращения гражданской войны на основе признания того, что события в Париже не следует смешивать с происшествиями на Монмартре; авторы адреса заявляли, что движение в Париже гораздо глубже: «оно охватило все население и выражает самые сокровенные его чаяния... Даже те, кто по той или другой причине стоит в стороне от этого движения, не могут отрицать его законного социального характера и исторической закономерности». Силы этого движения нельзя уничтожить, им нужно помочь. Оно является признаком возрож-

²⁶ *Ranc. Souvenirs — correspondance (1831—1908)*. Paris, 1913, p. 211.

²⁷ Собрание было организовано мэрами и членами Коммуны, подавшими в отставку, которые создали Республиканскую лигу прав Парижа.

дения Франции, изнуренной длительным периодом централизации; что касается Парижа, то единственно верным было бы признание за его муниципалитетом абсолютной свободы и права ответственности за свои действия на самых демократических началах, ограничение сферы его деятельности только Парижем без права вмешательства в общегосударственные функции. В адресе подчеркивалась необходимость признания республики, без которой Франция была бы обречена на непрерывные волнения и опасности; кроме того, отмечалось, что большинство парижан считает революцию в Париже самой великой из всех, которые когда-либо совершались, так как она утвердила республику и породила твердую волю к ее защите. «Что касается нас, парижан,— так заканчивался адрес,— то мы не можем долгое время оставаться в том положении, на какое нас обрекло версальское Собрание: оно хочет лишить Париж звания столицы Франции и сохранить те же оковы, которыми империя опутала Париж именно за то, что он является столицей Франции»²⁸. Движение примирителей было обречено на неудачу, оно сеяло иллюзии и дезориентировало народ Парижа.

*

После ухода радикалов в составе Коммуны осталось 64 члена. Занятые в комиссиях или в мэриях (как ее делегаты), члены Коммуны были перегружены обязанностями, и уже в начале апреля четверть членов Коммуны отсутствовала на ее заседаниях. По мере того как обстановка усложнялась и война отвлекала все больше и больше сил, на заседания Коммуны приходило все меньше людей. Необходимость пополнить состав Коммуны стала очевидной уже в начале апреля. Центральный комитет 20 округов, ссылаясь на опыт Парижской коммуны 1793 г., предлагал увеличить число членов Коммуны до 240 человек. П. Груссе называл цифру в 180 человек. Но каким путем следовало увеличить состав Коммуны — путем ли кооптации или организовав дополнительные выборы? Единства мнений в Коммуне не было. Тридон и Вайян, например, вообще полагали, что было бы «неполитично в настоящий момент увеличить число членов Коммуны»²⁹. Делеклюз считал, что ни о каких выборах не может быть речи, когда избиратели голосуют на аванпостах Парижа, сражаясь и умирая за Коммуну. Тем не менее, боясь обвинения в узурпации власти, Коммуна назначила дополнительные выборы. Выборы несколько раз переносились, наконец, они были назначены на 16 апреля. Нужно было избрать 31 члена Коммуны взамен ушедших или получивших более од-

²⁸ «Journal officiel», 12.IV 1871.

²⁹ «Протоколы...», т. I, стр. 127—128.

ного мандата. К середине апреля надежды на мирное развитие революции уже были разбиты. В Париже знали, что победа контрреволюции принесет повторение июньской бойни 1848 г. в еще больших размерах. «Кто победит?» — с тревогой спрашивал Валлес и, предостерегая парижан, предсказывал, что в случае победы версальцев Париж будет залит кровью. «Уничтожив 10 тыс. самых преданных защитников республики, версальцы сошлют в Кайенну население целых округов Парижа и превзойдут по своей жестокости палачей июньских дней и заговорщиков 2 декабря 1851 г.»³⁰

Декрет о дополнительных выборах вызвал появление множества предвыборных афиш, листовок, писем. Среди последних обращают на себя внимание «Письма Коммуне от подлинно красного». Автор этих писем — журналист Громье, сотрудник газет «Le Vengeur» и «Le Rappel»³¹, он называет себя приверженцем и защитником Коммуны. С точки зрения Громье, революция 1871 г. к концу первой половины апреля вступила в период наибольшего напряжения своих сил. События, по его мнению, разворачиваются для Коммуны очень благоприятно. Версальские войска находятся в отчаянно трудном положении. Немцы все еще выжидают и не могут решить, чью сторону принять — Версалья или Коммуны. Европейские дипломаты выступают сторонниками немедленного и решительного соглашения между Парижем и Версалем с тем, однако, условием, чтобы Европа могла еще «несколько лет дремать под эгидой монархии». Но Франция, которую столько раз и так долго обманывали, морально опустошали, начинает приходить в себя и понимать, откуда поднимается заря свободы; «версальцы господствуют в Марселе, Тулузе, Перигё, Лиможе только по видимости». «Призывы Пикара к добровольцам в защиту Версалья против Парижа не встретили почти никакого отклика, в ряды версальцев встали только единицы. Престиж Мак-Магона, Винуа, Галиффе испарился... Горизонт проясняется... Создается почва для федеративной республики... Черты Парижской Коммуны вчерне тоже обрисованы, и Франция больше уже не спорит о том, нужна ли республика. Республиканский принцип победил; он вне всяких дискуссий. Споры идут только о том, сумеют ли члены Коммуны сохранить, спасти Республику». «Весь Париж, — уверял Громье, — не хочет создания нового муниципального совета; Париж — сторонник Коммуны. Он создает и будет создавать укрепления, он сражается, умирает и будет сражаться за свою Коммуну». «Все зависит от вас, — подчеркивал Громье, обращаясь к членам Коммуны, — не погубите ее. Она в опасности!»³²

³⁰ «Le Cri du Peuple», 15. IV 1871.

³¹ G. Gromier. Lettres d'un bon rouge à la Commune de Paris. Paris, 1871.

³² Ibid., p. 42—45.

К концу первой половины апреля из Версаля вернулась делегация Республиканской лиги прав Парижа. Отчет о ее переговорах с Тьером, опубликованный в парижских газетах, смог убедить парижан, как иллюзорны были надежды на то, что Тьер пойдет на соглашение с революционным Парижем. С точки зрения Громье, разочарование парижан могло стать сильным оружием Парижской Коммуны в предвыборной агитации. Громье настойчиво советовал Коммуне поставить перед парижанами на дополнительных выборах следующие вопросы: «Одобрите ли вы то, что Коммуна успела сделать? Хотите ли вы сохранить свободу муниципалитетов? Какое правительство вы предпочитаете? Федеративную ли республику или правительство помещиков во главе с Тьером и версальским Собранием? Хотите ли вы после утверждения муниципальных прав городов и коммун Франции переизбрать членов Парижской Коммуны?...»³³

Письма Громье свидетельствовали, что Коммуна объединила вокруг себя не только рабочих, но широкие трудящиеся массы мелкой буржуазии, считавшей в первой половине апреля победу над версальцами вполне возможной.

На выборах 16 апреля огромное число избирателей не явилось к урнам. Поэтому комиссия по выборам предложила считать выбранными также тех, кто не получил $\frac{1}{8}$ голосов избирателей данного округа. Но это предложение неожиданно встретило сильные возражения и вызвало ожесточенные прения на заседании Коммуны 19 апреля. Прения открыл Арну, который часто, когда заходила речь о разрешении серьезных вопросов, проявлял склонность к доктринерству. С его точки зрения, предложение избирательной комиссии «было коварнейшим ударом» по принципу избирательного права. «На чем основана наша власть? На том, что мы избраны представителями,— утверждал Арну, забывая, что только революция 18 марта сделала возможным выборы 26 марта.— В 11 случаях выборы произведены на основании закона: признаем эти выборы. Но признать действительными остальные значило бы уменьшить ценность нашего собственного мандата». Но ведь и 26 марта восемь членов Коммуны не получили $\frac{1}{8}$ голосов избирателей, но были утверждены. Арну был поддержан многими членами Коммуны, однако Варлен, Режер и другие справедливо указывали, что Коммуна руководствовалась старым законом 1849 г. «Мы не имеем избирательного закона, мы не принимали его. Мы призываем всех голосовать: тем хуже для тех, кто не пользуется этим. Я считаю требование о восьмой части голосов смешным»,— доказывал Режер. «Я отвергаю соображения.... Арну. Невозможно допустить принятие закона, которого мы не можем

³³ Ibid., p. 72—73.

признать», — заявлял Варлен³⁴. Предложение комиссии было принято большинством в 25 голосов против 13 при 38 голосовавших³⁵.

Чем же объяснялась меньшая активность избирателей 16 апреля по сравнению с 26 марта? Член Коммуны Дерёр в статье «Мнимый абсентеизм» приводит «один случай из тысячи». Батальон национальной гвардии XII округа был призван к голосованию, когда получил приказ немедленно выступить. Поэтому из всего батальона успели проголосовать только 32 человека. На аванпостах Парижа находились не менее 40 тыс. избирателей, поставленных в такое положение, что они не могли голосовать, несмотря на то, что Коммуна призвала национальную гвардию к участию в выборах. «Следовательно, абсентеизм, вопреки утверждениям версальской прессы, был только мнимым. Вместо абсентеизма налицо была невозможность для огромного числа людей принять участие в голосовании и устарелые списки избирателей 1869 г.»³⁶. По сравнению со списками 1869 г. население Парижа уменьшилось как во время осады германской армией, так и в результате бегства состоятельных людей после 18 марта. Среди колеблющихся, быстро впадающих в уныние при неудачах, неустойчивых слоев мелкой и средней буржуазии произошел, вероятно, психологический надлом. Часть ее утратила прежние симпатии к Коммуне, в особенности к социалистическим тенденциям ее мероприятий.

В результате выборов 16 апреля в состав Коммуны вошло еще 17 человек. Среди них было несколько видных членов Интернационала: Серрайе, Лонге, Потье, Жоаннар, Дюран. Были и неоякобинцы: Виар, Сикар, Филипп (Фенуйя), Лонкла. Трое вновь избранных — Везинье, Тренке и А. Дюпон — были близки к бланкистам. Один, Жан-Жак Пийо, старый революционер, участник коммунистического движения 40-х годов, был необабувистом и примыкал к бланкистам. Андриё и Ж. Арнольд принадлежали к группе прудонистов. Прудонистом был и знаменитый художник Курбе. Среди вновь избранных был и близкий к бакунистам Ключере. Был избран заочно Менотти Гарибальди.

Теперь в Коммуне насчитывался 81 человек.

Наследство, доставшееся Коммуне, требовало скорейшей ликвидации: промышленность и торговля были разрушены, война разъединила Париж с остальной Францией; мелкая и средняя буржуазия — торговцы и промышленники — имели просроченные платежи, им грозило банкротство, трудящиеся не имели работы, предприятия простаивали. Пролетариат ждал социалистических преобразований.

³⁴ «Протоколы...», т. I, стр. 230—231.

³⁵ Там же, стр. 232.

³⁶ «L'Affranchi», 21.IV 1871.

Социально-экономическая политика Коммуны не была обдумана заранее и не вытекала из программных устремлений членов Коммуны.

Ни прудонисты, ни бланкисты не имели разработанной программы специальных преобразований, перед необходимостью которых жизнь ставила их ежедневно. Неоякобинцы же, считая социальные реформы чуть ли не каким-то побочным следствием политической революции, никогда не стремились к борьбе с социальными пороками капиталистического общества.

Двигаясь ощупью, подталкиваемая жизнью, Коммуна в апреле сосредоточила свои силы на решении ряда социальных проблем в социалистическом духе. Эти первые шаги носили еще робкий, осторожный и половинчатый характер, часто сказывалось влияние прудонистских догм. Но Коммуна предстала перед миром как родоначальница нового, социалистического порядка, породила новые идеи, указавшие выход из капиталистического рабства.

Уже в первом своем воззвании Коммуна провозгласила, что восстановление торговли и промышленности является ее главной заботой. Комиссия труда и обмена должна была изучить вопрос о возможности восстановления промышленности и торговли не только в Париже, но и во всей Франции. Комиссия поставила дело очень широко. Рабочие организации, секции Интернационала, ассоциации коммерсантов, кооперативные общества были привлечены к изучению вопроса; все они выдвигали разные проекты; 13 апреля Коммуне были предложены три законопроекта о платежах по просроченным векселям и другим долговым обязательствам, а 16 апреля — проект декрета о восстановлении промышленности.

Просроченные платежи затрагивали интересы самой значительной части парижского населения — мелкой и средней буржуазии, и решить вопрос о них нужно было немедленно. Для широких масс трудящихся он был не менее важен, чем вопрос о ликвидации долгов за наем квартир, тем более что изданный правительством Тьера в начале марта закон предписывал немедленную уплату долгов. С 13 по 17 марта было опротестовано 150 тыс. векселей; 45 тыс. коммерсантов оказались на краю банкротства.

Предложенные 13 апреля Комиссией труда и обмена законопроекты Белэ, Журда и Тридона исходили из общей предпосылки — необходимости восстановить обращение капитала и кредит, чтобы создать благоприятные условия для промышленной деятельности. Журд и Белэ выступали в качестве защитников как кредиторов, так и должников. С их точки зрения, нужно было создать такие условия, чтобы «все торговые обязательства, лежащие без движения в портфелях кредиторов», могли превратиться в активные ценные бумаги, в «кредитную

ценность, которая могла бы находиться в обращении так же, как банковские билеты и, следовательно, сильно способствовала бы возобновлению сделок»³⁷. «Надо сделать так, чтобы просроченный торговый вексель сам способствовал оживлению производства и всех коммерческих операций, как находящийся в обращении капитал», — заявлял Белэ. Имея в виду необходимость погашения долгов по коммерческим сделкам, т. е. исходя из интересов кредиторов, Белэ предложил создать коммерческую ликвидационную контору. Парижская Коммуна, по проекту Белэ, должна была взять на себя обязательства перед этой конторой и обеспечить ее наличным капиталом, равным 50% просроченного долга по векселям, выданным с 15 июля 1870 г. Должникам же нужно было предоставить отсрочку и возможность погасить долг постепенно, с конечным сроком погашения долгов 31 мая 1873 г. Белэ считал свой проект социалистическим и видел в нем «первый шаг к социальной ликвидации»³⁸.

Проект Журда и его соавтора Варлена отличался от проекта Белэ только тем, что в нем не было коммерческой ликвидационной конторы и обязательств Коммуны перед кредиторами. По этому проекту, вопрос об оплате векселей мог решаться только заинтересованными сторонами. Должникам предоставлялась отсрочка сроком на два года, начиная с 15 июля 1871 г., причем общая сумма долгов была разделена Журдом на восемь равных частей, уплачиваемых должником поквартально. Взамен векселей в оборот должны были вступить так называемые купюры — новые долговые обязательства, которые бы котиrowались так же, как и другие ценные бумаги. В случае каких-нибудь попыток со стороны должника скрыть свое имущество или обмануть кредитора должник привлекался бы к ответственности³⁹.

Общая черта проектов Журда и Белэ та, что в них преобладают интересы кредиторов. Отголоски прудонистских воззрений Белэ и Журда звучат в их проектах. Коммерческая ликвидационная контора, купюры в качестве новых долговых обязательств напоминают обменный банк Прудона, так же как весь их план оживления промышленности и торговли в целом.

Проект, предложенный бланкистом Тридоном, также имел в виду «расчистить путь к новому расцвету промышленности и торговли»⁴⁰. Лучшим средством для этого Тридон считал отсрочку всяких преследований за неуплату долгов в течение трех лет, начиная со дня издания декрета. Через три года должники обязаны были внести причитающийся с них долг с двухпроцентной надбавкой.

³⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 168.

³⁸ Там же, стр. 165.

³⁹ Там же, стр. 172—173.

⁴⁰ Там же, стр. 173.

Для сведения воедино всех трех проектов 13 апреля была избрана комиссия в составе Тейса, Вермореля, В. Клемана, Паризеля и Лефрансэ. 14 апреля Лефрансэ представил выводы комиссии, и Коммуна приступила к обсуждению законопроектов.

Проект Тридона был отвергнут комиссией на том основании, что он создавал препятствия для развития кредита и возобновления сделок, так как замораживал долговые обязательства, создавал для должников такую степень безопасности, что она могла повредить их коммерческой репутации, игнорировал права и нужды кредиторов, которым не давал никакой гарантии «против злонамеренности или даже мошенничества со стороны должников». Комиссия подчеркивала, что «вопрос о коммерческих векселях ни в какой мере нельзя сравнивать с вопросом о найме помещений... Права кредитора, держателя просроченных векселей, в сущности столь же священны, как и права его должника. Если имела место ссуда каких-либо товаров, продуктов или денег, то при неуплате по просроченному векселю кредитору причиняется реальный убыток, тогда как при неуплате за наем помещения происходит только перерыв в получении дохода владельцем, а капитал у него остается»⁴¹.

Проект Белэ также был отвергнут комиссией; она нашла, что коммерческая ликвидационная контора, сделав Коммуну гарантом известной части долговых обязательств, заставила бы налогоплательщиков расплачиваться за операции часто сомнительного характера. Комиссия одобрила проект Журда.

На заседаниях Коммуны 14, 15, 16 и 17 апреля эти проекты были подвергнуты внимательному обсуждению. В прениях приняли участие Малон, Авриаль, Франкель, Варлен, Журд, Верморель, Тейс, Лефрансэ, Растуль и др. Паризель выступил в пользу проекта Тридона, потому что он «не душит должника... Это социалистический проект»⁴². Проект Журда, доказывал Паризель, «...задуман в недостаточно широком духе и слишком благоприятствует кредиторам в ущерб должникам». Паризель уверял, что должники не смогут аккуратно каждые три месяца погашать свои долги⁴³. Проект Тридона встретил поддержку у многих членов Коммуны, отвергавших мысль о вмешательстве властей во взаимоотношения между должниками и кредиторами.

В ходе прений были выдвинуты новые проекты. Лео Франкель, вместе с Паризелем, Режером и Анри, считавший, что до окончания войны нельзя требовать уплаты долгов, предложил, чтобы первый взнос по векселям был сделан не 15 июля 1871 г., как настаивал Журд, а 15 июля 1872 г. «Нужно,— говорил

⁴¹ Там же, стр. 171.

⁴² Там же, стр. 165.

⁴³ Там же, стр. 163.

он,— предоставить отсрочку прежде всего мелким торговцам, чтобы предотвратить банкротства».

Большинство высказалось за проект Журда, встретивший одобрение в деловых кругах Парижа. Срок первого взноса был назначен на 15 июля 1871 г., уплата долгов, разделенных на 12 частей, была распределена на три года поквартально⁴⁴.

«На первый взгляд, решение вопроса о должниках было менее либеральным, чем можно было ожидать,— писал Эли Реклю.— Американцы, народ практический и коммерческий, после войны между Севером и Югом отсрочили уплату долгов на пять лет. Коммуна облегчила уплату долгов, распределив ее по частям; тяжкие последствия 1871 г. были отодвинуты; их можно было распределить на три года, и это всех успокоило. Решение менее радикальное, чем в Вашингтоне, но не менее практичное. Коммерсанты были удовлетворены. На всех углах можно было слышать разговоры о том, что Коммуна сделала много, сделала то, что было нужно»⁴⁵.

Даже враждебная Коммуне пресса встретила ее новое постановление с одобрением. Париж еще раз получил возможность сравнить отношение версальского правительства и Коммуны к широким слоям мелкой и средней буржуазии.

Коммуна мудро разрешила «вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе,— вопрос о расчетах между должниками и кредиторами,— писал Маркс.— Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, под какой бы вывеской та вновь ни появилась. Империя разорила эту часть среднего класса... Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей frères ignopantins... Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее»⁴⁶.

Важную роль в рабочей политике Коммуны играла борьба с безработицей. «Народ должен жить не милостыней, а работой», поэтому Комиссия труда предприняла ряд мер, чтобы смягчить безработицу. Она передала рабочим кооперативам заказы на пошивку обмундирования для национальной гвардии, уничтожила организованные при империи конторы по найму, убивавшие рабочих, и вместо них создала при каждой мэрии бесплатные бюро по регистрации предложений и спроса на труд.

⁴⁴ «Протоколы...», т. I, стр. 203.

⁴⁵ E. Reclus. La Commune au jour le jour. Paris, 1908, p. 156.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 348.

16 апреля Авриаль внес на рассмотрение Коммуны законопроект о промышленных предприятиях, покинутых предпринимателями. На эти предприятия обратили внимание рабочие организации, предложившие пустить их в ход силами рабочих.

Авриаль предлагал передать бездействующие мастерские, брошенные бежавшими предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций. Декрет был принят без всяких прений и произвел очень сильное впечатление не только на рабочих. «Браво, Коммуна,— записал в этот день Реклю,— вот декрет, которого мы ждали! Твоя заслуга, что ты его сформулировала. Какое это счастье для рабочих!»⁴⁷

Передача покинутых предприятий рабочим кооперативам откладывалась до решения третейских судов и была делом неопределенного будущего, ибо, согласно декрету, прежде всего нужно было произвести статистический учет этих предприятий. Заботливое отношение Коммуны к интересам предпринимателей проявилось также в том, что декрет обязывал рабочие кооперативы в дальнейшем выплатить возмещение владельцам предприятий. Таким образом, в деле подхода к решению главного социального вопроса, волновавшего пролетариат,— об организации промышленности без капиталистического предпринимательства, силами рабочих— Коммуна проявила половинчатость и осторожность. Вместе с тем это был первый в своем роде декрет, отвечавший понятиям французского рабочего класса того времени о социалистической организации промышленности. «Этот декрет был первым настоящим шагом к социальной революции»,— вспоминал впоследствии Лефрансэ⁴⁸.

Среди рабочих это постановление вызвало большой подъем. 23 апреля Союз механиков и Ассоциация металлистов, выделившие двух делегатов в комиссию по реализации этого декрета, выработали для них инструкцию, которая была представлена в Комиссию труда и обмена. Инструкция эта содержала требования: «Положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путем солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом». «Борьба, которая ведется с таким мужеством и которую мы решили продолжать до полного истребления клерикалов и роялистов, ставит своей целью экономическое освобождение труда... этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наемных работников в членов производительного товарищества»⁴⁹.

⁴⁷ E. Reclus. La Commune au jour le jour, p. 144.

⁴⁸ G. Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste..., p. 272.

⁴⁹ «Протоколы...», т. I, стр. 199.

20 апреля Исполнительная комиссия приняла постановление о запрещении ночной работы в пекарнях. Парижские рабочие-пекари уже в течение двух лет вели борьбу за то, чтобы работать днем, а не ночью. «Вы не бывали на этих собраниях и не знаете, как давно они уже просят о таком декрете. Они могли бы забастовкой заставить хозяев исполнить его. Но рабочие пекарен не могут бастовать: государство запрещает им это... Нельзя поддерживать такой порядок, при котором рабочие, такие же люди, как и мы, работали бы только по ночам»⁵⁰, — говорил Авриаль на заседании Коммуны 28 апреля, когда она опять вернулась к обсуждению этого вопроса из-за протестов хозяев пекарен. Бийорэ и другие защищали тот взгляд, что вопрос о ночном труде булочников — это частный спор, который может быть решен заинтересованными сторонами без вмешательства Коммуны. «Они [рабочие] теперь благодаря Коммуне достаточно сильны, чтобы действовать, как захотят», — говорил Бийорэ⁵¹. Малон же и большинство членов Интернационала считали, «что до сих пор государство достаточно выступало против рабочих, пусть же хоть теперь государство выступит в пользу рабочих»⁵². Теоретически все члены Коммуны были согласны с тем, что непрерывный ночной труд отрывает большой отряд рабочих от жизни общества. «Их труд — труд, противный морали, — заявляли члены Коммуны. — Каждый день говорят: рабочий должен учиться. Но как же вы будете учиться, если вы работаете по ночам?»⁵³

Но многие склонны были отложить проведение в жизнь декрета. «Призовем и хозяев, и рабочих и скажем первым: «Вот требования, которые сформулированы рабочими. Обсудите их; если вы станете грозить нам, что закроете свои предприятия, мы в тот же день реквизируем их. Мы передадим ваше дело в эксплуатацию рабочим за справедливое возмещение», — говорил Тейс⁵⁴. «Не будем же подчинять интересы социализма второстепенным вопросам», — говорил Мартеле⁵⁵.

«Разве в 92 году с хозяевами советовались? А с дворянством тоже советовались? Нет! — воскликнул Франкель. — Считаю, что это единственный истинно социалистический декрет из всех, изданных Коммуной... Мы находимся здесь не только для того, чтобы защищать муниципальные вопросы, но и для того, чтобы проводить социальные реформы... Я получил только один мандат — защищать пролетариат, и, если какая-либо мера

⁵⁰ «Протоколы...», т. I, стр. 406.

⁵¹ Там же, стр. 408.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 406—408.

⁵⁴ Там же, стр. 408.

⁵⁵ Там же, стр. 410.

справедлива, я ее принимаю и провожу, не думая о том, чтобы советоваться с хозяевами»⁵⁶.

В декрете Коммуны говорилось, что «ночной труд в пекарнях воспрещается со среды 3 мая», а «работа должна начинаться не ранее 5 часов утра»⁵⁷.

Прудонисты правого крыла не скрывали своего недовольства решением Коммуны. Один из них, Эдуар Рулье, в газете «Le Cri du Peuple» обвинял Комиссию труда и обмена в том, что ей недостает «духа французского либерализма», уважения к «свободе труда», и утверждал, что в работе этой Комиссии слишком силен «дух Севера» (явный намек на Генсовет Интернационала и Маркса). Рулье с горечью заявлял, что Коммуна своим декретом о ночном труде в пекарнях уничтожает свободу договора, свободу сделок и становится «скорее на путь коммунизма, нежели коммунализма». «Я надеюсь,— заканчивал Рулье,— что она прислушается к голосу одного из своих друзей и не будет больше прибегать к методам правительственной регламентации»⁵⁸.

Члены Комиссии труда и обмена прудонисты Малон, Тейс, Авриаль — инициаторы и авторы социальных декретов Коммуны,— сами того не подозревая, выступали против догматических положений прудонизма. «Свобода труда», «свобода сделок», «дух французского либерализма» — все это при их первом же столкновении с практической необходимостью Коммуны защитить интересы рабочего класса оказалось лишь прикрытием капиталистической эксплуатации рабочего класса. Запретив ночной труд пекарей, Коммуна как государство вмешалась во взаимоотношения между хозяевами и рабочими, регламентировала эти взаимоотношения и отвергла прудонизм.

Никакого рабочего законодательства, ограничивавшего эксплуатацию трудящихся на частных предприятиях, до Коммуны почти не существовало. Для иллюстрации положения рабочих приведем письмо в газету «Le Père Duchêne», присланное в ответ на постановление Коммуны об отмене ночного труда пекарей. «Я старый железнодорожный служащий, работаю уже 20 лет на Орлеанской железной дороге... зарабатывая 1 франк 50 сантимов в день, или 45 франков в месяц. Полмесяца мы работаем днем, полмесяца ночью... с четырех с половиной часов вечера до семи или восьми часов утра: разгружаем поезда, возим товары без отдыха, как каторжные. За малейшую ошибку берут штраф от 2 до 5 франков... Случается, что за месяц оштрафуют на 20 франков...»⁵⁹.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 426.

⁵⁸ «Le Cri du Peuple», 30.IV 1871.

⁵⁹ «Письма рабкоров Парижской Коммуны». М., 1933, стр. 44.

Штрафы были настоящим бичом для рабочих, вопрос об их отмене давно назрел. Рабочие в своих письмах в Комиссию труда, в печать, в Коммуну требовали его решения.

27 апреля по предложению Исполнительной комиссии было принято постановление об отмене штрафов: «Все штрафы и вычеты, произведенные под видом наказаний с 18 марта, должны быть возмещены... в течение 15 дней с момента издания настоящего декрета», ибо практика произвольного и насильственного взимания штрафов, «столь же безнравственных по существу, как и по форме»⁶⁰, юридически ничем не оправдана, а фактически штрафы представляют собой замаскированное понижение заработной платы⁶¹.

Декрет Коммуны от 29 марта о запрещении продажи непerezаложенных в ломбарде вещей оставил открытым и нерешенным вопрос о том, как выкупить эти вещи. Десятки тысяч семей отнесли в ломбард мебель, рабочие инструменты, одежду, белье и даже обручальные кольца. «У некоторых граждан вот уже 18 месяцев заложены самые необходимые вещи», — заявил Арно⁶². На заседании 25 апреля член Комиссии труда Авриаль предложил обсудить проект декрета, гласивший: «Заложенные в ломбарде инструменты труда, мебель, постельные принадлежности, белье, одежда ценностью ниже 50 франков и независимо от дня, когда они были заложены, будут безвозмездно возвращены начиная с сегодняшнего дня» их владельцам.

«Надо показать, — говорил Авриаль, — что мы заботимся о народе, который совершил революцию 18 марта. Народ, который сидел на черном хлебе, имеет право рассчитывать на облегчение своих страданий, и, чтобы удовлетворить его нужды законными мерами, не следует останавливаться перед несколькими миллионами. Ломбард как учреждение должен исчезнуть, а пока нужно дать хоть некоторое удовлетворение храбрецам, идущим в бой»⁶³. Таким образом, Авриаль поставил два вопроса — о безвозмездной выдаче заложенных вещей и ликвидации самого ломбарда.

Участники прений по предложению Авриала прежде всего опасались, что владельцы вещей могут оказаться жертвами спекулянтов, скупивших во время осады много ломбардных квитанций за гроши. Надо было найти средства, которые гарантировали бы возвращение вещей именно их владельцам. С точки зрения Риго, проект был прекрасен в теории, но на практике неосуществим.

«Это было бы несправедливостью по отношению к ломбар-

⁶⁰ «Протоколы...», т. I, стр. 395.

⁶¹ Там же, стр. 326.

⁶² Там же, стр. 360.

⁶³ Там же, стр. 358.

ду,— подчеркивал Журд,— уничтожить ломбард значило бы причинить ущерб собственности, чего мы еще никогда не делали». А когда Авриаль спросил Журда: «А для тех, которые идут на смерть?» — тот смог только ответить, что «при настоящих обстоятельствах» лучше было бы подождать с этим декретом.

Напрасно Ж.-Б. Клеман настаивал на том, чтобы не откладывать обсуждения декрета. Декрет о бесплатной выдаче вещей из ломбарда — это начало «социальной ликвидации», убеждал Клеман. «Поверьте мне, вас удерживают соображения о меньшинстве населения. Примем же этот декрет в интересах большинства. Мы должны удовлетворить большинство».

Лонге подверг критике не только предложение Авриалья и Клемана, но в целом «идеализм», «братский сентиментализм», «голос сердца», а не разума, продиктовавшие декрет Коммуны о ликвидации задолженности по квартирной плате. С его точки зрения, Коммуна должна была, принимая решения, согласовывать противоположные мнения, а не действовать в интересах одной стороны. «В настоящий момент было бы опасно разорить ломбард, отбирая у него 15 миллионов. Я повидаюсь с директором и улажу дела так, чтобы и народ был удовлетворен, и общественное мнение не упрекнуло вас в том, что вы щедры за счет чужих денег», — предложил Журд⁶⁴. Проект декрета Авриалья повис в воздухе. Обсуждение вопроса о ломбарде было отложено.

Большое место в политике Коммуны занимала финансовая проблема. Кроме обычных муниципальных расходов, Коммуна должна была также выплачивать пенсии семьям убитых национальных гвардейцев, при этом она дополнительно выплачивала их вдовам по 75 су в день. Коммуна увеличила жалованье учителям. Между тем военные действия требовали все новых денежных средств.

В распоряжении Коммуны было 9,4 млн. франков, лежавших на текущем счету города Парижа во Французском банке, и 4658 тыс. франков, найденных в кассах различных учреждений. Разные пошлины — рыночные, таможенные, табачные, прямые налоги, почта, телеграф, реквизиция касс нескольких религиозных общин — дали Коммуне 20 млн. франков. Еще 2 млн. франков она получила от пяти железнодорожных компаний в порядке взимания налога.

Таким образом, общий денежный фонд Коммуны составлял 36 млн. Поступления в апреле, зарегистрированные 30 апреля Комиссией финансов, были равны 560 тыс. франков. За все время своего существования Коммуна изстратила 41,5 млн. франков, из них военные расходы сняли 38 млн.⁶⁵; на граждан-

⁶⁴ Там же, стр. 362, 365, 366, 416.

⁶⁵ *L. Fiaux*, Histoire de la guerre civile de 1871. Paris, 1879, p. 327—328.

ские нужды ушло всего 3,5 млн. Как видим, поступлений Коммуны не могло хватить на покрытие всех ее расходов.

Казалось бы, в распоряжении Коммуны был Французский банк, богатства которого официально оценивались в 3 млрд. франков, из них только денежных ценностей — на 243 млн. франков. Кроме Французского банка, в Париже были и другие банки.

Делегатом Коммуны во Французский банк был послан Белэ. Прудонист, он считал основой экономического благосостояния страны правильную организацию кредита и обмена товаров. Неприкосновенность банковских фондов он считал гарантией против всяких возможных экономических потрясений. Свою задачу делегата Коммуны в банке Белэ видел лишь в том, чтобы оберегать его ценности. Он боялся, что Коммуна может захватить банк, а это «нанесло бы ужасный удар правительству Версаля, Коммуне, стране, кредиту Франции и всему деловому миру»⁶⁶. Белэ был уверен, что одно появление национальных гвардейцев в здании банка было бы смертельным для всей системы денежного обращения страны.

Оставив банк в Париже, версальцы и акционеры банка вскоре смогли убедиться в том, что Коммуна сохранила все его богатства.

Когда Белэ явился в банк в качестве делегата, не он продиктовал помощнику управляющего банком де Плеку условия Коммуны, а, наоборот, последний поставил перед ним свои требования, и Белэ принял их. «Я заявил ему, что он может быть делегатом только... с правом контроля над моими отношениями с версальским правительством и с Коммуной, и ничего более... Я устроил Белэ в кабинете, соседнем с моим, чтобы иметь его, насколько это возможно, около себя. Начиная с этого дня он помогал нам... в меру своего авторитета, и я могу заявить, что без той помощи, которую он оказал нам, Французский банк не просуществовал бы...»⁶⁷ Когда деньги парижского муниципалитета, бывшие на текущем счету в банке, подошли к концу, де Плек отказался субсидировать расходы Коммуны без разрешения версальского правительства. Журд должен был, как подачку, выпрашивать у де Плека каждый раз нужную ему сумму для уплаты жалованья национальным гвардейцам, для больниц, для покрытия всяких других текущих расходов. Так, например, вместо требуемого 1 млн. франков де Плек выдавал 400 тыс. франков, и Журд, распределявший фонды Коммуны, урезывал расходы, экономил на всем, отказывал в средствах для проведения социальных реформ.

⁶⁶ *Ch. Beslay. La vérité sur la Commune. Paris, 1892, p. 109.*

⁶⁷ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», t. II. Versailles, 1872, p. 491.

Члены Комиссии финансов Журд и Варлен вошли в историю французского народа как люди, удивившие мир своим бескорыстием и своей редкой честностью, непостижимой для капиталистического мира. «Эти люди, которые распределяли миллионы, которые могли, если бы захотели, распоряжаться огромными богатствами банка, оставались во время Коммуны такими же простыми и скромными людьми, какими они были всегда. Одна только страсть довлела над ними — это стремление создать администрацию суровой, неподкупной честности. В то время, как Журд управлял всем финансовым хозяйством Парижа, его жена стирала белье своей семьи на берегу Сены. Ежедневно после полудня Варлен и Журд, возвращаясь из здания министерства финансов, отправлялись пешком, пересекали улицу Бурбонэ и заходили в предпоследний дом перед улицей Сен-Доминик. Тут они завтракали, уплатив каждый раз за завтрак по 25 су»⁶⁸.

Однако нельзя не согласиться с Дюбрейлем, когда он утверждает, что в лице Журда и Белэ Коммуна имела только методичных и точных учетчиков и неподкупных, преданных кассиров. «Они неспособны были возвыситься до общего понимания положения и не позволяли себе никаких смелых шагов...»⁶⁹

В известной мере с экономическими мероприятиями Коммуны было связано налаживание почтовой связи Парижа с внешним миром. Население Парижа остро воспринимало дезорганизацию почтового ведомства. Еще 19 марта Тьер отдал приказ задерживать корреспонденцию из Парижа и революционные газеты, не пропускать в столицу писем и т. д. с целью изолировать Париж от остальной Франции. В последние дни марта почтовая и телеграфная связь была прервана. Тьер знал, что дезорганизация почтовой службы ударит по средней буржуазии. Между тем именно весной 1871 г. стало наблюдаться некоторое оживление в коммерческом мире. «Торговля и индустрия с трудом возрождались, и путем преодоления тысячи препятствий средняя буржуазия стала возобновлять сношения с заграницей и с провинцией, прерванные на протяжении более семи месяцев»⁷⁰.

30 марта Управление почт получило приказ от Тьера немедленно направиться в Версаль. Коммерсанты стали волноваться. Делегация представителей коммерческого мира явилась в Коммуну и предложила свои услуги для переговоров с Версалем, если Коммуна согласится на то, чтобы почта стала нейтральным учреждением. Коммуна согласилась. Но директор почтового ведомства Рампон все подготовил для бегства.

⁶⁸ *M. Foulon*. Eugène Varlin. Relieur et membre de la Commune. Clermont-Ferrand, 1934, p. 216.

⁶⁹ *Л. Дюбрейль*. Коммуна 1871 года. М., 1920, стр. 144.

⁷⁰ *E. Lepelletier*. Histoire de la Commune de 1871, t. II. Paris, 1913, p. 146.

31 марта вечером в Главный почтамт в сопровождении батальона национальной гвардии прибыл делегат Коммуны Тейс. Касса, почтовые марки, штемпеля — все уже было увезено в Версаль, были собраны все почтовые кареты, и последняя группа чиновников собиралась вывезти остальное. Тейс оцепил здание. Чиновники поспешно разошлись, и новый директор почтовой службы остался в здании один, чтобы охранять имущество ночью. Наутро Тейс вывесил приказ, уведомлявший о том, что не явившиеся на работу будут немедленно уволены. Среди небольшой группы оставшихся чиновников оказался один социалист, несколько франкмасонов, относившихся к Коммуне лояльно, и при их помощи к концу дня 1 апреля лед был сломан: 32 чиновника с остатками кассовой наличности направились в Ратушу, чтобы заверить Коммуну в том, что почта будет работать. В афишах, расклеенных по городу, Тейс сообщал парижанам о виновниках дезорганизации работы почты. «Что касается нас,— писал Тейс,— мы приложим все усилия, чтобы реорганизовать почтовую службу; мы убеждены, что с помощью парижского населения она будет восстановлена»⁷¹. 3 апреля почта уже работала нормально. Десятки тысяч писем, скопившихся в Париже в последние дни марта, были разобраны и стали доставляться адресатам. 3 апреля газеты сообщили, что доставка писем производится нормально.

Вскоре стало очевидным, что покинувших Париж главных чиновников почтового ведомства с успехом заменили скромные работники почты, быстро наладившие работу. В административный совет почтового ведомства, организованный Тейсом, вошли также два почтальона. Во главе некоторых районных отделений Тейс поставил рабочих — членов Интернационала. По-новому организовал он оплату труда служащих почтового ведомства. Он объявил, что высокие оклады отягощают бюджет государства и что «окладов в 12 тыс. больше не будет». Низшим почтовым служащим — почтовым агентам — он предполагал удваивать жалованье через каждые три месяца, почтальонам — через шесть месяцев, с таким расчетом, чтобы, прослужив определенный срок, все могли получать жалованье не меньше 4500 франков в год. Жалованье высших чиновников было уменьшено до жалованья члена Коммуны, т. е. до 6 тыс. франков в год. Себе Тейс назначил 450 франков в месяц, хотя как член Коммуны должен был бы получать 500 франков.

Парижане пришли Тейсу на помощь, и, несмотря на все препятствия, чинимые версальцами, ему удалось наладить связь с провинцией, правда, не регулярную, но постоянную. То здесь, то там парижане прорывали кольцо блокады. Тысячи добровольцев уносили почтовую корреспонденцию за пределы Пари-

⁷¹ «Journal officiel», 2.IV 1871.

жа и там опускали ее в почтовые ящики. Их арестовывали, но на их место приходили новые люди, и почтовая связь поддерживалась.

Коммиссия финансов отпустила средства для отправки и доставки корреспонденции частным агентствам. Для связи с провинцией Тейс организовал службу почтовых голубей, даже собак. Кроме того, действовала воздушная почта: с аэростатов и воздушных шаров Коммуна сбрасывала прокламации, обращения к провинции, таким же путем рассылалась корреспонденция, несмотря на приказы из Версаля уничтожать аэростаты вместе с людьми, если они действуют от имени Коммуны.

Коммуна нанесла удар и по юридической «надстройке» буржуазного строя. Все преобразования в этой области связаны с деятельностью Комиссии юстиции, делегатом которой был адвокат Прото.

Сын крестьянина, Прото еще подростком стал зарабатывать себе на жизнь. Работая, он учился, окончил юридический факультет. Примкнув к бланкистам, принимал активное участие в их выступлениях. Прото утверждал, что Кодекс Наполеона поставил «в унизибельное положение женщину, которую все мы уважаем и которую мечтаем уравнивать в правах с мужчиной»⁷². В уголовном кодексе, доказывал Прото, нет ни свободы личности, ни свободы защиты.

Еще будучи студентом, Прото стал популярен в рабочих предместьях Парижа. В 1866 г. на Женевском конгрессе Интернационала он резко выступил против прудонистов. В 1867 г. Прото приговорили к 15 месяцам тюрьмы по обвинению в принадлежности к тайному обществу.

Главной задачей Комиссии юстиции Прото считал создание гарантий против посягательства на свободу личности. 30 марта Коммуна направила Прото в министерство юстиции для рассмотрения наиболее спешных гражданских и уголовных дел и для обеспечения свободы личности граждан. В тюрьмах находилось в это время много лиц, арестованных еще до Коммуны и ни разу не допрошенных. В первые дни апреля Комиссия юстиции освободила из заключения 150 человек⁷³.

7 апреля Исполнительная комиссия Коммуны предложила Комиссии юстиции представить сведения о числе арестованных и причинах арестов, произведенных Комиссией общественной безопасности и ЦК национальной гвардии. Постановление Исполнительной комиссии гласило, что дела всех арестованных следует немедленно рассмотреть и либо освободить арестованных, либо предать их суду, проявив «особую заботу об этой

⁷² G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1928, p. 187.

⁷³ «Le Rappel», 11.IV 1871.

мере, которая так непосредственно касается одного из главных принципов Республики — принципа свободы»⁷⁴.

14 апреля Коммуна вновь вернулась к вопросу о том, что необходимо предотвращать всякий акт произвола, всякое покушение на свободу личности. В новом декрете Коммуна подчеркнула, что «всякий произвольный обыск или произвольная реквизиция повлечет за собой арест виновных в этом лиц»⁷⁵.

С каждым днем гражданская война принимала все более ожесточенный характер, и 11 апреля Коммуна вынуждена была издать декрет о военных судах. «Парижская Коммуна,— гласило введение к декрету,— принимая во внимание, что версальское правительство открыто похвально тем, что оно заслало в батальоны национальной гвардии своих агентов, которые стараются посеять в их рядах разложение; что враги Республики и Коммуны всеми возможными способами стремятся подорвать в этих батальонах дисциплину, надеясь разоружить таким путем тех, кого они не могут победить силой оружия...; что ввиду серьезности положения необходимо установить строжайшую дисциплину, которая спаяла бы национальную гвардию», разработала положение о военных судах. В состав военного суда, создававшегося при каждом легионе в количестве семи человек, входили два унтер-офицера и два национальных гвардейца. Члены военных судов выбирались делегатами рот. При каждом батальоне создавался дисциплинарный совет, куда роты тоже выбирали своих представителей «вне зависимости от чина»⁷⁶.

Выборных судов, тем более выборных военных судов, Франция еще не знала. Между тем требование выборов судей стало одним из самых популярных в республиканских кругах уже во времена империи; оно выдвигалось многими округами Парижа и во время выборов в Коммуну. Выборность судей ставила их деятельность под контроль масс и гарантировала право отзыва судей. Принцип выборности Коммуна распространила потом на суды коммерческие, мировые, уголовные.

На заседании 22 апреля Прото предложил проект закона об Обвинительных жюри⁷⁷. Обвинительное жюри — это суд присяжных, созданный во время революции конца XVIII в. и уничтоженный Наполеоном. Присяжные должны были избираться из среды национальных гвардейцев. Статья 5-я давала обвиняемым право вызывать, даже за счет Коммуны, нужных им для защиты свидетелей. Обвиняемый получал право сам выби-

⁷⁴ «Journal officiel», 8.IV 1871.

⁷⁵ «Протоколы...», т. I, стр. 166.

⁷⁶ Там же, стр. 142.

⁷⁷ Обвинительное жюри — первая судебная инстанция, решавшая вопрос о том, следует ли предъявлять арестованному обвинение.

рать себе защитника. Судебное разбирательство становилось гласным, отчет о нем шел в печать. Председатель жюри избирался только на одно заседание; прений он не резюмировал и, следовательно, никакого давления на решения присяжных оказывать не мог. Обвиняемый признавался виновным, если таково было мнение большинства в 8 человек из 12, составивших кворум суда. Правом отвода, по предложению Прото, должна была пользоваться только защита. Так как декрет имел в виду заложников, жюри должно будет решать, виновен или невиновен обвиняемый, т. е. следует ли его отнести к числу заложников или нет⁷⁸. В постановлении о военных судах и в декрете об Обвинительном жюри утверждение приговоров к смертной казни или к другим тяжелым наказаниям представлялось Коммуне в лице ее Исполнительной комиссии.

Политическая и социально-экономическая деятельность Коммуны позволила члену Коммуны Ж.-Б. Клеману подвести уже определенные итоги в статье, опубликованной 24 апреля: «Для нас важно философское и политическое значение декретов Коммуны. Предположим, что народ будет побежден, что реакционеры — бонапартисты, орлеанисты — зальют Париж морем крови и усеют его трупами. Что тогда останется от Коммуны? Декреты на стенах домов? Разорванные афиши? Да? Нет! Вы ошибаетесь! Если даже декреты Коммуны не будут осуществлены, если даже вы разорвете афиши и замажете стены домов известкой, чтобы скрыть все следы от этих афиш, вы не сможете выскоблить из нашего сознания провозглашенные ими принципы. Вы не сможете заставить народ забыть, что декреты Коммуны выражали его чаяния и что в них был залог спасения для рабочих, что они были предвестниками будущего человечества. Эти декреты сделали невозможным возврат к депотизму. Они — памятник, который нельзя уничтожить, их невозможно будет похоронить даже вместе с последним ребенком, последней женщиной или последним мужчиной. Но если когда-нибудь народ восторжествует, декреты Коммуны снова воскреснут»⁷⁹.

* ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
НА ПОДСТУПАХ К ПАРИЖУ
И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ
В АПРЕЛЕ

Организация обороны Парижа была важнейшим делом Коммуны. Для упорядочения внутренней организации национальной гвардии и для урегулирования взаимоотношений ее выборных

⁷⁸ «Протоколы...», т. I, стр. 286—287.

⁷⁹ «Le Cri du Peuple», 24.IV 1871.

делегатов с командирами батальонов Центральный комитет национальной гвардии принял 9 апреля циркуляр, одобренный военным делегатом. В циркуляре говорилось, что «батальонные комитеты и советы легионов являются чисто семейными учреждениями», которые выслушивают заявления национальных гвардейцев, поддерживают дух в батальонах и легионах, следят за дисциплиной, за тем, чтобы ни один национальный гвардеец не мог уклониться от своих обязанностей. «Но советы легионов, батальонные комитеты или ротные делегаты,— подчеркивал циркуляр,— ни в коем случае не должны вмешиваться в командование, отдавать приказы или бить сбор батальонов». При выборе командиров национальные гвардейцы должны добиваться избрания людей, которые обладают военными познаниями, энергией и твердыми республиканскими убеждениями. Однако после того, как выборы произведены, указывал далее циркуляр, «национальные гвардейцы обязаны с доверием относиться к своим избранникам, воздерживаться от толкования полученных приказов, никогда не упускать из виду того, что повиновение и дисциплина составляют силу армий и что всякий недисциплинированный отряд превращается в дезорганизованную банду, которую легко разбить. Власть, издающая приказ, несет ответственность за него... Начальники должны проявлять мягкость, но они обязаны энергично подавлять всякие попытки сеять раздоры»⁸⁰. Но эти правильные указания и законные требования не всегда осуществлялись на практике, что сказывалось на ходе боевых действий, которые принимали все более ожесточенный характер.

6 апреля версальцы овладели Курбеуа, а на следующий день при поддержке сильного огня своей артиллерии атаковали превосходящими силами (до дивизии) предмостные баррикады Нёйи, обороняемые отрядом коммунаров под командованием полковника Бургуэна.

После упорного боя, в котором героически погиб сам Бургуэн, коммунары потеряли мост Нёйи, имевший исключительное значение как единственная переправа через Сену вне города. Коммунары были отброшены к стенам старого парка, примыкающего с северо-восточной стороны к Нёйи. В тот же день на правом фланге коммунаров версальцы ворвались в Левалуа-Перре и в северную часть Булонского леса, приблизившись здесь на ружейный выстрел к крепостному валу Парижа.

Этот бой еще раз подтвердил необходимость улучшить состав высшего военного командования. Вместо Бержере комендантом парижского укрепленного района 6 апреля был назначен опытный и талантливый революционер, бывший офицер русской ар-

⁸⁰ «Journal officiel», 10.IV 1871.

мни Я. Домбровский, получивший высшее военное образование в Петербурге, в Академии генерального штаба. В то же время на Домбровского было возложено командование вооруженными силами в районе Нёйи. Своей беззаветной храбростью, революционной энергией и большим боевым опытом Домбровский быстро завоевал уважение и любовь среди бойцов Коммуны⁸¹.

«7 [апреля] федераты Нёйи увидели молодого человека небольшого роста в скромном мундире, спокойно под выстрелами осматривавшего аванпосты... В несколько часов новый вождь очаровал всех своих солдат»⁸². В письме члена Коммуны А. Дюпона (от 12 апреля) Ключере давалась следующая характеристика Домбровского: «Отличный республиканец, честный и безупречный оратор, обладающий всеми достоинствами хорошего генерала, Домбровский имеет только один недостаток: чрезмерную смелость. Подобно нашему бедному незабвенному Флурансу, этот человек способен рискнуть всем и одним разом поставить на карту все»⁸³.

После неудачи у Нёйи в оборону Парижа была внесена известная организованность, а управление войсками Коммуны упорядочено.

Весь фронт обороны, от Сент-Уэна до Иври, был разделен между двумя укрепленными участками — западным и южным.

Западный участок проходил восточнее Сены от Сент-Уэна на Левалуа-Перре, Нёйи и далее до юго-западного выступа оборонительного вала Парижа (Пуэн-дю-Жур). Войска и оборона этого участка отданы были под командование Я. Домбровского. Численность сил, занимавших этот участок, колебалась от 6 до 15 тыс. человек. Впоследствии (28 апреля) эти войска образовали 1-ю армию коммунаров. Весь западный участок был поделен между двумя оборонительными секторами (подучастками): один, от Аньера до Нёйи, обороняли 4—5 батальонов общей численностью в 1200—1300 человек, другой — важнейший, от ворот Майо до Пуэн-дю-Жур, обороняли 13 батальонов. Общая численность этих 13 батальонов должна была составлять 6 тыс. человек, однако фактически она была значительно меньше. Так, 24 апреля, судя по докладу члена Коммуны Уде, в этом секторе было не более 3 тыс. человек: ночью в боевой линии оставалось только 1500 бойцов, так как другая половина отдыхала⁸⁴. Силы образованной 28 апреля 1-й армии были сведены в три корпуса: 1-й корпус занимал сектор от Сент-Уэна и Клиши до Аньерской дороги; 2-й корпус — от Левалуа-

⁸¹ «Journal officiel», 11.IV 1871; B. Wolowski. Dombrowski et Versailles. Genève, 1874, p. 60—61.

⁸² Лиссагаре. Парижская Коммуна 1871 г., стр. 168.

⁸³ С. А. Dauban. Le fond de la société sous la Commune. Paris, 1873, p. 88.

⁸⁴ «Протоколы...», т. I, стр. 259.

Перре и Нёйи до ворот Дофины; 3-й корпус — от Ла-Мюэтт до Пуэн-дю-Жур. Штаб Домбровского помещался в замке Ла-Мюэтт.

Южный участок проходил от Пуэн-дю-Жур по линии фортов. Он был передан под командование Валерия Врублевского, видного польского революционера, активного участника польского восстания 1863—1864 гг. Это был знающий военное дело и храбрый революционный генерал.

Численность войск, занимавших южный участок, колебалась от 12 до 15 тыс. человек, снижаясь иногда до значительно меньшей цифры. 28 апреля эти войска образовали 2-ю армию коммунаров.

Весь участок обороны подразделялся на три сектора (подучастка), которые занимали впоследствии три корпуса: сектор от Сены, форты Исси и Ванв занимал 1-й корпус; форты Монруж и Бисетр оборонял 2-й корпус; траншеи от Вильжюиф, Витри до Сены и форт Иври занимал 3-й корпус. Штаб Врублевского находился в Жантйи.

Под начальством Врублевского находился ряд подготовленных к своей миссии боевых командиров: Ла Сесилиа, Брюнель, Лисбонн, Ветцель. В общем для обороны Парижа военное командование Коммуны смогло собрать после 7—8 апреля не более 30—35 тыс. бойцов. Из всего довольно многочисленного артиллерийского парка, насчитывавшего 1740 орудий и митральез, Коммуна смогла использовать всего 321 — ввиду недостатка артиллеристов и лошадей⁸⁵. Из-за ненадежности транспорта войска Коммуны постоянно испытывали на фронте недостаток в боеприпасах, хотя на складах Парижа их имелось столько, что хватило бы на ряд лет даже при напряженной борьбе. Необходимо отметить, что силы Коммуны на фронте вследствие больших потерь, недостаточно организованной работы военного аппарата и уклонения многих мелкобуржуазных элементов от участия в вооруженной борьбе непрерывно сокращались. Так, по расчетам Лиссагаре, число бойцов национальной гвардии в боевой линии на всем фронте от Сент-Уэна до Иври в самый критический период боевых действий в конце апреля — начале мая снизилось до 15—16 тыс. человек⁸⁶. Это значит, что коммунары могли противопоставить версальцам в восемь раз меньше сил и значительно более слабую артиллерию.

Северный и восточный оборонительный обвод Парижа по линии фортов занимали германские оккупационные войска. Коммунары необоснованно считали этот участок неугрожаемым, рассчитывая на строгое соблюдение «нейтралитета» высшим гер-

⁸⁵ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», t. III. Versailles, 1872, p. 163.

⁸⁶ Э. Лиссагаре. Парижская Коммуна 1871 г., стр. 182.

манским командованием, лживо заявившим об этом Коммуне и нарушившим его в самый критический момент.

Перед версальским командованием стояла задача сузить возможно теснее круг блокады Парижа путем методического отвоевывания наиболее важных пунктов, а затем планомерно овладеть системой долговременных укреплений. В конечном итоге операция по овладению Парижем должна была завершиться общим штурмом.

План версальцев сводился к тому, чтобы заставить замолчать форты Исси и Ванв, овладеть затем юго-западным углом крепостного вала — Пуэн-дю-Жур, откуда версальской армии открывался путь для решительного штурма города. Поэтому операции версальцев между Сент-Уэном и Нёйи, т. е. на правом фланге коммунаров, имели вспомогательный характер. В первую очередь было решено отбросить коммунаров за Сену на западном участке, а затем организовать инженерную атаку юго-западного выступа крепостного вала (стены) Парижа от ворот Майо до Жантийи. Для обеспечения этой операции было решено предварительно разрушить форт Исси, подавить юго-западный угол укреплений Парижа у Пуэн-дю-Жур, находившийся в огневом взаимодействии с фортом Исси. Считалось необходимым предварительно очистить от коммунаров и равнину Бийанкур.

Для выполнения этого общего оперативного плана в распоряжении главнокомандующего версальскими войсками было два пехотных корпуса, кавалерийский корпус и резервная армия (корпус) генерала Винуа.

Главные силы версальцев — четыре пехотные дивизии в первой линии — были нацелены на северный участок Домбровского; сюда же могла быть подтянута также резервная дивизия из армии Винуа и вновь формировавшиеся в районе Версаля два корпуса. Выполняя этот план, версальцы приступили 12 апреля к развертыванию и установке осадной артиллерии. Одну осадную артиллерийскую группу в 70 орудий крупного калибра они установили в Монтрету, около Сен-Клу, против центра западного участка коммунаров; более 150 орудий были развернуты против левого фланга западного участка коммунаров, между Севрским мостом и террасой Сен-Клу, против южных фортов на Медонской террасе. Кроме того, против форта Исси намечено было расположить батарею в 20 орудий крупного калибра. Вся артиллерия версальцев располагалась за земляными укрытиями, созданными в свое время немцами при осаде Парижа. Версальские войска перерезали Орлеанскую железную дорогу и телеграфную линию, прервав, таким образом, всякое сообщение Парижа с Югом.

На западном участке фронта, от Курбеуа до Севра, действовали в начале апреля части резервной армии генерала Ви-

нуа. На севере и северо-западе, на важнейших подступах к самым жизненным для революции и исключительно важным в оперативном отношении районам Парижа (Терн, Батиньоль, Монмартр), горсть храбрецов под личным командованием Домбровского оборонялась с исключительным упорством, несмотря на огромное превосходство в силах (временами десятикратное) противника.

Здесь операции начались активными действиями коммунаров, боровшихся за пункты, обладание которыми дало бы им крупные оперативные выгоды. Домбровский имел всего 4—5 тыс. человек у Женвилье, Аньера и Нёйи. Несмотря на это, он начал подготовку контрнаступления, чтобы вырвать из рук версальцев переправу через Сену у Нёйи. Для этого необходимы были 20 батальонов. Имея в своем распоряжении только пять батальонов, он все же начал 8 апреля контратаку.

Бой начался артиллерийским обстрелом версальских позиций у Нёйи, который продолжался до самой ночи, после чего были спущены мосты через крепостной ров, и 70-й батальон национальной гвардии в боевом порядке двинулся в атаку. Версальцы встретили атакующих коммунаров губительным ружейным огнем с расстояния 300—400 м и сильным артиллерийским огнем с форта Мон-Валерьен. Невзирая на большие потери, коммунары под личным командованием Я. Домбровского с криками: «Да здравствует Коммуна!» — бросились на версальцев в штыки. Батальону приходилось брать с боем каждый дом, киоск, павильон. При поддержке остальных батальонов после рукопашной схватки коммунары отбросили версальцев и, преследуя их, дошли к полуночи 8 апреля до Инкерманского бульвара. Атака Нёйи была только частью крупной наступательной операции, задуманной Домбровским. Ввиду того, что позиции версальцев в этом направлении были прочно укреплены, Домбровский решил обойти их с севера. Ночью 9 апреля с двумя батальонами Монмартра Домбровский, которого сопровождал член Коммуны Верморель, напал врасплох на версальцев в Аньере, отбросил их и захватил пушки, железную дорогу, блиндированные вагоны. Используя выгодное фланговое положение, Домбровский открыл фланкирующий артиллерийский огонь по Курбеуа и мосту Нёйи. В то же время другой отряд коммунаров под командованием брата Домбровского Теофиля и члена ЦК национальной гвардии Виктора Жаклара с боем захватил замок Бэкон, господствовавший над железной дорогой Аньер — Курбеуа. Контратака версальцев на Аньер была отбита коммунарами, и версальцы в полном беспорядке бежали. Вслед за этим Домбровский ввел в дело бронированные поезда с орудиями для обстрела версальских позиций в Курбеуа и моста Нёйи, чтобы закрепить успех в Аньере и подготовить дальнейшую атаку версальских позиций в Нёйи. Однако атака не дала

ождаемого успеха, удалось захватить лишь часть Нёйи, так как Домбровский не получил нужных подкреплений, а войск у него было слишком мало для единоборства с непрерывно увеличивавшимися силами версальцев.

Используя значительное численное превосходство над коммунарами, версальцы после сильной артиллерийской подготовки 12 апреля предприняли новую попытку перейти в общее наступление на всем западном фронте. Домбровский, имевший на фронте у Нёйи только 1300—1800 бойцов, в продолжение нескольких недель сдерживал атаки главных сил корпуса версальцев. Только 12 апреля им удалось закрепиться на крайнем правом фланге коммунаров в селении Коломб. 14 апреля они выбили коммунаров из редута Женвилье и из северной окраины Курбевуа. Даже в самые критические моменты боя Домбровский не смог добиться от Ключере более или менее серьезных подкреплений: за весь период боев ему было прислано не более 600 человек.

Не овладев замком Бэкон, версальцы не могли чувствовать себя прочно на переправах у Нёйи и не в состоянии были расположить свою артиллерию для борьбы с артиллерией коммунаров, стоявшей в районе Клиши. Поэтому 17 апреля версальцы начали ожесточенную атаку замка Бэкон, который героически обороняли 250 коммунаров. Придавая большое значение этому пункту, версальцы направили сюда целую бригаду. После усиленного артиллерийского обстрела и шестичасового упорного боя коммунары, подавленные двадцатикратным превосходством сил противника, были выбиты из замка Бэкон и вынуждены были отойти за Сену. На следующий день версальцы, продолжая наступление, атаковали Аньер с юго-запада со стороны Бэкона и с северо-запада — со стороны Коломба. Аньерская группа коммунаров (несколько батальонов неполного состава) была связана с Парижем лишь одним узким мостом через Сену. Домбровский, силы которого были серьезно ослаблены предыдущими боями, потребовал от Коммуны подкреплений, но получил всего 300 человек. Зажатый в клещи атакой противника, во много раз превосходившего его в силах, он вынужден был утром 19 апреля после длительного боя очистить Аньер и отвести остатки своих батальонов за Сену.

К 20 апреля версальцы окончательно закрепились на западном берегу Сены от Женвилье до Сен-Клу. В ночь на 20 апреля их артиллерия приступила к ожесточенной бомбардировке Парижа. Вспыхнули пожары в районе ворот Майо и Терн. Жители Нёйи жестоко страдали от бомбардировки.

Домбровский занимал Аньерский мост, Левалуа-Перре, часть Нёйи силами, не превышавшими 4—5 тыс. человек; его поддерживали в Клиши и Аньере 30 пушек и два блиндированных вагона, которые успешно действовали с 15 апреля до

22 мая. Кроме того, в Левалуа-Перре у него было 10 пушек, и ему оказывалась сильная артиллерийская поддержка со стороны северных укреплений крепостного вала и батареи ворот Майо.

Коммунары прочно укрепили район Клиши, Левалуа-Перре и Нёйи, решив упорно удерживать их. Домбровский предпринял новую попытку отбросить версальцев из Нёйи на западный берег Сены. Попытка переправы версальцев через Сену у Клиши 21 апреля была отбита. Утомленные боями версальцы согласились на перемирие, чтобы дать возможность эвакуировать мирное население из Нёйи.

После занятия замка Бэкон и Аньера версальцы немедленно установили здесь свои батареи и отбросили федератов за Сену; потерпев неудачу в попытке форсировать Сену у Клиши, они перешли у Нёйи к обороне с 21 апреля по 13 мая.

В течение целого месяца, с 11 апреля по 15 мая, при постоянном недостатке боеприпасов и свежих резервов, горсть коммунаров вела ожесточенную борьбу за Нёйи с превосходящими во много раз силами версальцев. Бои продолжались днем и ночью. Домбровский, донося Коммуне 19 апреля о новом нападении версальцев в Нёйи, писал: «Сегодня на заре мы были атакованы сильными колоннами линейных войск. Наши передовые посты, обманутые дружественными сигналами солдат, были застигнуты врасплох. Я возобновил бой, но мне нужны подкрепления, и необходимо вдвое увеличить артиллерию. Пришлите роту саперов»⁸⁷. В тот же день, сообщая, что он отбил вражескую атаку и пытается окружить выдвинувшегося вперед неприятеля, Домбровский повторил свою просьбу о подкреплениях: «Мне нужны пять батальонов свежих войск, по крайней мере 2000 человек, потому что силы неприятеля значительны»⁸⁸.

Клюзере отнесся к этой просьбе Домбровского совершенно безучастно. Бездеятельность Клюзере как военного делегата Коммуны объясняется, по-видимому, еще и тем, что ему невыгодна была растущая популярность Домбровского, который мог явиться для него весьма серьезным соперником и оказаться препятствием на пути к осуществлению его замыслов.

Особого упорства и напряжения бои за Нёйи достигли в 20-х числах апреля. Каждый дом, каждый сад превращались в поле битвы и по очереди переходили из рук в руки. Чтобы выбить версальцев с занятых позиций, коммунарам приходилось динамитом взрывать стену, отделяющую обе стороны друг от друга, и биться врукопашную, бросаясь в пробитую брешь. Подвергаясь беспрерывным атакам, едва находя время для еды и

⁸⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 223.

⁸⁸ Там же, стр. 228.

сна, коммунары сменяли ружье на лопату для устройства окопа, который служил для них малонадежным прикрытием до того момента, пока, выбитые из него или обойденные противником, они не отходили на несколько шагов назад, чтобы вновь рыть такие же окопы. В этой обстановке положение коммунаров было во много раз труднее, чем их врагов. Версальцы, имея большие резервы⁸⁹, непрерывно заменяли свои части свежими, а коммунары дрались без смены, получая лишь ничтожные подкрепления. Стойкости федератов способствовал их командный состав, прежде всего сам Домбровский, лично руководивший боями.

Положение коммунаров усугублялось еще тем, что в Лева-луа-Перре и Нёйи они находились под непрерывным градом снарядов с форта Мон-Валерьен, а также со стороны вновь созданного версальцами редута Монтрету (на северной окраине Сен-Клу). Из сотни осадных орудий версальцы ежедневно посылали в Нёйи не менее 1500 гранат; в результате этой бомбардировки Левалуа-Перре и Нёйи были превращены в груды развалин. Яростной бомбардировке версальцев коммунары могли противопоставить только огонь своей гораздо более слабой артиллерии, к тому же стоявшей без всякого прикрытия у ворот Майо, при выходе из Парижа на Нёйи. Эта артиллерия подвергалась непрерывному обстрелу версальской осадной артиллерии.

Пример исключительной доблести показали здесь коммунары-артиллеристы. В течение долгих 48 дней они непрерывно, несмотря на губительное действие неприятельского огня, вели огонь из своих орудий; наводчики и канониры выбывали из строя каждые несколько часов, но место выбывших из боя немедленно занимали другие смельчаки; орудия не молчали ни одного мгновения.

Батареи и бронепоезда коммунаров все время вели весьма эффективный огонь по Аньеру и Бэкону.

В боях за Нёйи версальцы неоднократно прибегали к различным уловкам: давали ложные сигналы о сдаче в плен, переодевались в форму национальных гвардейцев, поднимали красные флаги. Именно этим объясняется в ряде случаев успех версальских атак⁹⁰.

Нёйи было потеряно коммунарами окончательно только 25 апреля. Это произошло вследствие того, что для смены и усиления частей на всем участке Домбровского Ключере выдс-

⁸⁹ На 24 апреля версальская армия имела 45 пехотных полков, 10 стрелковых батальонов, 2 полка жандармерии, 13 кавалерийских и конных жандармских полков, 51 батарею, 8 батарей митральез, 60 морских орудий, 10 инженерных рот и более 60 тыс. человек в резерве.

⁹⁰ «Протоколы...», т. I, стр. 87, 223.

лил только 3 тыс. человек. В результате одни и те же части коммунаров, оборонявшие Нёйи, вели непрерывные бои по 10—15 дней подряд, в то время как версальцы регулярно каждые 4 дня посылали в бой новую дивизию.

Исполнительная комиссия Коммуны была хорошо осведомлена о тяжелом положении Домбровского. Однако она не смогла оказать необходимое давление на Ключере, руководившего военными действиями. Все свелось к бесплодным спорам. Делеклюз не раз выступал в Коммуне с резкой обоснованной критикой деятельности Ключере, указывая на дезорганизацию и плохое снабжение фронта, на почти неприкрытое его нежелание поддержать Домбровского. Однако необходимых конкретных мер принято не было.

В то время как на всем западном участке фронта шла напряженная борьба, на южном участке фронта, где командовал Врублевский, военные действия с обеих сторон ограничивались с 4 по 11 апреля усиленной артиллерийской перестрелкой.

С 11 апреля версальские войска начали сближение с фортами Исси и Ванв, заложив первые штурмовые траншеи между Шатийоном и Кламаром. С этого дня начались длительные ожесточенные бои впереди южных фортов, на участке Банье — Мулино. Коммунары ежедневно предпринимали здесь решительные контратаки, чтобы помешать противнику производить инженерные работы и подойти к форту Исси на расстояние штурма. Траншейные работы и установка осадной артиллерии против форта Исси в районе Бельвю, Медона и Шатийона заняли у версальцев две недели — с 11 по 25 апреля.

Весь этот период характеризуется довольно успешными для коммунаров эпизодическими боями на всем фронте. Трижды — в ночь с 13 на 14 апреля, 15 и 22 апреля — коммунарами были отбиты яростные атаки версальцев на траншеи форта Ванв.

Отбиты были также в ночь на 18 и на 22 апреля многократные атаки версальцев на траншеи форта Исси. Одновременно шли напряженные бои на подступах к форту Монруж в районе Банье. Потеряв его 20 апреля, коммунары предприняли 22, 23 и 24 апреля сильные контратаки на Банье и против траншей версальцев в этом районе. Несмотря на то, что эти атаки были отбиты версальцами с серьезными потерями для коммунаров, 25 апреля коммунарам все же удалось вновь захватить Банье. В этот день осадная артиллерия версальцев в Медоне, Шатийоне, Мулен-де-Пьер и Бримборионе (всего более 150—200 орудий) сосредоточила свой огонь в основном по форту Исси, а батарея между Банье и Шатийоном — по форту Ванв. Форты Исси и Ванв оборонялись в это время лишь несколькими сотнями коммунаров и имели всего три-четыре десятка легких орудий. Это было началом артиллерийской дуэли на южном участке крепостного вала Парижа, которая неиз-

бежно должна была закончиться в пользу версальцев, поскольку они неизменно превосходили осажденных коммунаров и по числу и по качеству орудий. К тому же коммунары не имели возможности маневрировать своей артиллерией, потому что конской тяги для перемещения артиллерии в Париже не было.

В результате сильного огня осадной артиллерии версальцев, особенно крупнокалиберной морской артиллерии (20 орудий 240 мм калибра), артиллерия форта Исси к 17 часам 25 апреля была окончательно подавлена, и форт вынужден был замолчать. На следующий день форт был засыпан градом снарядов, но героические защитники его продолжали исправлять повреждения. Оборона форта поддерживалась огнем со стороны соседних фортов Ванв и Монруж, батарей Пуэн-дю-Жур и юго-западных бастионов Парижа. Существенную помощь оказывали форту Исси плавучие батареи и канонерки коммунаров с Сены, которые вели огонь по Севру и батареям версальцев в Бельвю (парк Бримборион) и Медоне. Несмотря на это, версальская артиллерия в течение 25—26 апреля смогла нанести серьезные повреждения форту Исси, обеспечив этим возможность продвижения атакующей пехоты все ближе и ближе к форту. По правилам того времени, атакующая пехота медленно подходила к фортам сапами — своеобразными глубокими ходами сообщения по направлению к форту, от которых под углом, на расстоянии 500—1000 и менее метров одна от другой, закладывались поперечные траншеи, называвшиеся параллелями; последнюю параллель стремились вывести на гласис форта, что именовалось «венчанием гласиса»; отсюда должен был начинаться окончательный штурм. Этот способ так называемой «инженерной атаки крепостей» был чрезвычайно медленным, но в то время единственно возможным, поскольку, как правило, полного подавления фортов огнем артиллерии нельзя было достигнуть, а прямой штурм был связан с крупными потерями.

В соответствии с этим версальское командование решило, сблизившись с помощью сап с фортом Исси и по возможности отрезав его от Парижа, атаковать форт с двух сторон — с северо-запада и с востока, т. е. с тыла. Для этого необходимо было прежде всего овладеть селением Мулино — передовой позицией коммунаров, сильно мешавшей инженерным работам версальских войск. В ночь с 26 на 27 апреля версальские траншеи были подведены к Мулино на расстояние ружейного огня от форта Исси (не более 1500 м), что лишило коммунаров возможности перейти в наступление со стороны форта. Это обстоятельство в сочетании с сильным обстрелом форта позволило версальцам атаковать траншеи коммунаров у Мулино в наиболее благоприятных условиях. Брошенная в атаку бригада версальцев 26 апреля захватила укрепления, возведенные впереди

кладбища форта Исси (в 800 м западнее форта), и продвинулась до Мулино. Возобновив наступление, в ночь на 27 апреля версальцы взяли штурмом Мулино, продвинулись до парка Исси и заложили здесь новую траншею (2-ю параллель) в 800—900 м от гласиса форта Исси.

27—28 апреля вся артиллерия версальцев, стоявшая на высотах Медона и Севра, сосредоточила ураганный огонь на форте Исси. Защитники фортового района, подвергаясь непрерывным атакам днем и ночью, не выпускали ружей из рук. Обойденные и выбитые из траншей, они отходили на несколько десятков метров в новые траншеи. 27 апреля версальцы подвели свои параллели уже на расстояние 300 м от гласиса форта, охватив его и с севера, и с юго-востока; с одной стороны они продвинулись почти к деревне Исси, а с другой — к железнодорожной станции Кламар, находившейся между фортами Исси и Ванв. Это привело защитников форта Исси, особенно его коменданта Межи, в полное расстройство. Появление Ключере на позициях 28 апреля лишь на короткое время подняло настроение защитников форта. Наступал критический момент в битве за форт Исси. 28—29 апреля до 60 орудий крупного калибра вели огонь по форту, в то время как остальная артиллерия версальцев вела огонь по соседним фортам Ванв и Монруж, по канонеркам на Сене и по крепостному валу. Несмотря на это, форт еще отстреливался.

В ночь с 29 на 30 апреля три колонны версальцев при поддержке мощного артиллерийского огня атаковали парк и траншеи форта Исси. После упорного боя версальцы овладели траншеями на западных склонах высоты Исси, на севере захватили баррикады парка Исси, на юго-востоке заняли укрепления форта Бонами, расположенные в 500 м от форта Ванв. Здесь погибло в бою до 100 коммунаров, 180 человек было взято в плен, потеряно 8 орудий.

В результате этих боев версальцы закрепились в непосредственной близости от самого форта Исси, примерно в 350—400 м и ближе, почти окружив его своими траншеями. Версальская артиллерия продолжала наносить защитникам форта жестокие потери, разрушая казематы (убежища) и уничтожая орудия. В этой действительно тяжелой обстановке комендант форта Исси, вопреки приказу удерживать форт во что бы то ни стало, в ночь на 30 апреля решил оставить форт; уцелевшие орудия форта были заклепаны, а 300 его защитников отступили к Парижу. Но форт все же не был тогда взят версальцами, так как на нем остался один героический защитник — 17-летний юноша Дюфур, отказавшийся покинуть форт и оставшийся в пороховом погребе с намерением взорвать его вместе с версальцами, если они займут форт. Опасаясь засады, версальцы не решились занять форт. Это позволило подошед-

шему через несколько часов свежему батальону коммунаров во главе с Ла Сесилиа беспрепятственно вновь занять форт.

Коммуна располагала научно-техническими силами для создания новых средств ведения войны. На заседании 22 апреля было внесено предложение создать особую комиссию, которой было бы поручено поставить на службу обороны Парижа все средства, предоставляемые наукой: яды, мощные средства разрушения, аэростаты, ракеты, зажигательные бомбы. Некоторые члены Коммуны высказывались против этого предложения. В конце концов было решено создать специальную комиссию. Во главе ее был поставлен Паризель, врач по профессии. Он немедленно взялся за дело и на следующий же день в качестве главы «научной делегации» опубликовал обращение ко всем гражданам с просьбой сообщать о складах химических веществ, о машинах, аэростатах, запасах керосина и т. д.; изобретателям предлагалось представить свои планы, модели или их описания; ищущим работы химикам, конструкторам-механикам, рабочим, изготовляющим точные инструменты, револьверщикам, оружейным мастерам предлагалось явиться в делегацию⁹¹.

Однако реальных результатов деятельность «научной делегации» не дала.

Необходимо упомянуть о широком и успешном использовании коммунарами бронированных поездов, вооруженных артиллерией, на обоих флангах западного участка. Один бронепоезд действовал прогив Аньера, а четыре — от моста в предместье Отей — против батареи версальцев у Бретей, к северу от Севра. В этих же боях нашла применение и речная флотилия. На Сене в распоряжении Коммуны было 5 канонерских лодок и 1 плавучая батарея (по другим данным, коммунары имели 12 канонерок). Они причиняли своим огнем значительный ущерб версальцам. Флотилия непрерывно обстреливала Севр и батареи у Бретей и Бримбориона, на восточной окраине Севра.

Поскольку полевая санитарная служба была поставлена неудовлетворительно, Коммуна приняла декрет об организации походных лазаретов, обеспеченных врачебным, фельдшерским составом, санитарями и транспортом. Это улучшило медико-санитарную помощь сражающимся батальонам национальной гвардии⁹².

*

В конце апреля Коммуна приняла меры по разграничению и определению обязанностей окружных муниципалитетов (мэрий), советов легионов, Центрального комитета и начальников легионов. 26 апреля Военная комиссия представила доклад,

⁹¹ «Протоколы...», т. I, стр. 282—284, 300.

⁹² Там же, стр. 229.

в котором указывалось, что окружные муниципалитеты, «как представители власти Коммуны на местах», должны следить за исполнением ее декретов, реквизировать оружие, вести списки мужчин, уклоняющихся от военной службы, разыскивать дезертиров и зачислять их в роты. Советы легионов были обязаны поддерживать постоянный контакт с окружными муниципалитетами и оказывать им активную помощь в их работе. ЦК национальной гвардии должен был играть роль посредника между Военной делегацией Коммуны и частями. На начальников легионов возлагалось командование подчиненными им батальонами. «Таково должно быть,—говорилось в докладе,—взаимное сотрудничество всех живых сил революции, направленное к одной общей цели — сохранению и защите прав города Парижа и спасению Республики».

В тот же день, исходя из этого доклада, Кюзере подписал постановление об организации в каждом округе военного бюро, члены которого, назначаемые Коммуной, должны были заниматься реквизицией оружия, поисками дезертиров и наблюдением за исправным состоянием резервных рот и несением ими внутренней караульной службы. Советы легионов и Центральный комитет обязаны были оказывать военным бюро всемерное содействие. Во избежание конфликтов военные бюро, а также советы и начальники легионов должны были ежедневно представлять в Военную комиссию письменные отчеты о своих действиях. Военные бюро действительно были созданы и приступили к работе. Но эта мера не ликвидировала параллелизма между отдельными окружными органами власти.

Предпринимались некоторые меры и по укреплению дисциплины в национальной гвардии. 26 апреля Кюзере подписал приказ, в силу которого штаб каждого легиона, состоящий из начальника штаба и его семи сотрудников, должен был назначаться военным делегатом. В мотивировочной части этого приказа говорилось, что «организация батальонов национальной гвардии требует от штаба легиона специальной подготовки»⁹³.

Для борьбы с текучестью командного состава, подрывавшей дисциплину и организацию национальной гвардии, Кюзере издал 28 апреля постановление, что каждый офицер, избранный на ту или иную должность, получает особое удостоверение от начальника легиона; удостоверения капитанов и других высших офицеров должны заверяться военным делегатом. Ни один офицер, имеющий такое удостоверение, не может быть лишен звания иначе, как по приказу военного делегата. Лица, не имеющие соответствующих удостоверений, но носящие офицерские знаки отличия, подлежат аресту и заключению под стражу⁹⁴.

⁹³ «Journal officiel», 27.IV 1871.

⁹⁴ «Journal officiel», 29. IV 1871.

Большую роль в укреплении дисциплины в частях национальной гвардии должны были сыграть военные суды легионов и дисциплинарные советы батальонов. Однако организация военных судов затянулась. Ввиду этого 16 апреля Ключере постановил учредить военный трибунал (*Cour martiale*) в составе шести высших офицеров Коммуны под председательством начальника штаба военной делегации Росселя. Постановление это было утверждено Исполнительной комиссией⁹⁵. 18 апреля военный трибунал приговорил к смертной казни командира 74-го батальона Жиро за отказ выполнить приказ командования и отвести свой батальон на один из участков фронта (к воротам Майо). Исполнительная комиссия отменила смертный приговор и постановила, что Жиро будет лишен гражданских прав, разжалован и заключен в тюрьму до окончания войны. Постановление это мотивировалось ссылкой на «демократическое прошлое» Жиро⁹⁶ (он был другом Делеклюза и подвергался репрессиям за участие в сопротивлении государственному перевороту 2 декабря). 22 апреля в военном трибунале слушалось дело 105-го батальона, офицеры и бойцы которого обвинялись в отказе идти в бой. 25 апреля суровые приговоры, вынесенные по делу этого батальона, были кассированы Коммуной и дело было направлено на новое рассмотрение. За день до этого Россель ушел в отставку с поста председателя военного трибунала.

Положение на фронтах, неуклонно ухудшавшееся, при явной неспособности Ключере мобилизовать значительные ресурсы Парижа и наладить централизованное управление, вызывало острое недовольство.

* РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО АППАРАТА КОММУНЫ

Обострение положения на фронте привлекло к себе пристальное внимание членов Коммуны. На ее заседании 20 апреля Ключере делает важное сообщение. Он говорит о «чрезвычайно серьезном положении, создавшемся за последние 24 часа». С его точки зрения, не приходится больше сомневаться в том, что «мы находимся накануне общего наступления, когда все будет поставлено на карту». Арно подтвердил это сообщение.

Такие известия заставили членов Коммуны насторожиться. Деятельность созданных 29 марта комиссий была признана неудовлетворительной, а структура их очень громоздкой, непригодной для оперативных действий. Исполнительная комис-

⁹⁵ «*Journal officiel*», 17. IV 1871.

⁹⁶ «*Journal officiel*», 20. IV 1871.

сия не смогла добиться необходимой согласованности в работе отдельных комиссий. Каждая из них действовала самостоятельно, имея в виду только свои ведомственные интересы, и распоряжения их временами противоречили друг другу. Члены комиссий, заваленные делами и в округах, и в Коммуне, почти не собирались на свои заседания; в комиссиях, как правило, работали один-два человека, из-за отсутствия других членов решения откладывались. Декреты самой Коммуны часто не выполнялись. Сложившееся на фронте серьезное положение требовало немедленной реорганизации работы комиссий в направлении большей гибкости и оперативности. Следовало немедленно принять какие-то решения, чтобы во всеоружии встретить натиск врагов.

«Чего нам до сих пор всегда недоставало,— заявил Андриё,— так это организации. При существующих обстоятельствах регулярно функционировала до сих пор только одна комиссия — это Исполнительная комиссия. Работала еще одна — Комиссия общественных служб. Так вот, я предлагаю создать Организационную комиссию для разграничения функций всех комиссий, для осуществления того, чего у нас нет,— гармонии между действиями различных комиссий». Груссе заявил, что нужно точно определить функции каждой комиссии и руководство определенным ведомством передать только одному из членов комиссии, который должен будет действовать под непосредственным контролем Коммуны. «Исполнительная комиссия,— добавил Груссе,— будет состоять из совокупности делегатов комиссий». Ключере предложил совсем упразднить комиссии. «Пусть Коммуна распустит комиссии и заменит их делегатами, которые будут собираться один раз в день у себя и один раз в Коммуне, чтобы отчитываться... Пусть каждый делегат представляет определенное ведомство».

Члены Коммуны говорили о централизации. Арну высказался против «ряда маленьких парламентов в одном парламенте. Надо заменить каждую комиссию одним делегатом, который будет отвечать за свои действия и день за днем отдавать отчет в них». «Очевидно, приближаются серьезные события, мы не организовались для действий»,— подчеркивал Арну.

Растуль толковал предложение о роспуске комиссий и замене их делегатами следующим образом: «Нам надо тут объясниться начистоту. Цель проекта Ключере заключается в следующем: ввиду анархии, царящей во всех учреждениях, ясно, что нужна диктатура. Это необходимо сказать, и я ставлю точку над «и»... Надо установить абсолютную, полную диктаторскую власть под контролем Коммуны, которая превратится тогда в трибунал, в наблюдательный комитет». Чем меньше людей будет осуществлять диктатуру, тем будет лучше, уверял Растуль. «Хотите ли вы спасти Республику?... Я предлагаю

вести туда не более трех членов по выбору Коммуны... Не будем говорить о реорганизации комиссий. Мы погибнем, прежде чем она закончится. Надо выбрать одного члена или трех и предоставить им всю полноту власти».

Возгласы протеста против предложения Растуля свидетельствовали о том, что члены Коммуны не хотели облечь кого бы то ни было чрезвычайными полномочиями. «Я не понимаю, почему говорят, что мы находимся на волосок от гибели,— возражал Фортюне.— Это утверждение ничем не обосновано. Пусть приведут доказательства в подтверждение этого! Я требую, чтобы Собрание не голосовало под впечатлением момента. Если нам придется выдержать нападение, так будем же готовы на все жертвы».

Риго, ярый противник автономной деятельности ведомственных комиссий, взял их под защиту и настоял на их сохранении как контрольных органов для проверки деятельности делегатов. В ходе прений выявились также серьезные опасения, что централизация аппарата и передача полномочий комиссий отдельным делегатам откроет путь для диктатуры. Вспомнили диктатуру Комитета общественного спасения 1793 г., который, по мнению многих членов Коммуны, прудонистов, был ответствен за события 9 термидора.

Предложение Риго о сохранении комиссий как контрольного органа за деятельностью делегатов было горячо поддержано. «Я не признаю ни доверия, ни недоверия: как республиканец и как коммунист я верю только в контроль»,— заявил Андриё.

«Здесь было произнесено неприятное слово — диктатура...— сказал Верморель, имея в виду выступление Растуля.— Не надо голосовать под давлением страха, но надо сказать, что если не произойдет нападения завтра, то оно может случиться через два дня, через четыре, шесть, восемь дней, и нужно быть готовыми к нему. Следует признать, что до сих пор мы не понимали того, что опасность находится у наших дверей, и не требовали от делегатов ответственности за их действия... Так вот, существует только одно средство помочь этому — ответственность. Примем же тот принцип, что необходимо иметь ответственного делегата в каждом крупном ведомстве. Мы не уничтожаем самих себя, поскольку организуем контроль...»

Делеклюз внес проект постановления о создании новой Исполнительной комиссии, где говорилось:

«1. Исполнительная власть временно вверяется объединенным делегатам девяти комиссий, между которыми Коммуна распределила работу и административные функции.

2. Делегаты избираются Коммуной большинством голосов.

3. Делегаты собираются ежедневно и принимают большинством голосов решения, касающиеся каждого из их ведомств.

4. Ежедневно на секретном заседании Коммуны они отдают отчет о принятых и приведенных в исполнение мерах, а Коммуна выносит постановления».

Предложение Делеклюза было принято 47 голосами против 4-х. Вторая Исполнительная комиссия была создана из делегатов девяти комиссий. Это были: военный делегат — Кюзере, делегат финансов — Журд, делегат продовольствия — Виар, делегат внешних сношений — Паскаль Груссе, делегат просвещения — Вайян, делегат юстиции — Прото, делегат общественных служб — Андриё, делегат общественной безопасности — Риго, делегат труда и обмена — Франкель.

Комиссии не были упразднены, но вся полнота власти переходила к делегату каждой комиссии. Было решено, что каждая комиссия будет по отношению к своему делегату выполнять роль наблюдательного комитета. Ей давалось право инспектировать, проверять действия делегата, наблюдать за ним, не вмешиваясь, однако, в его распоряжения и не чиня помех их исполнению. Каждая из комиссий обязывалась ежедневно представлять Коммуне доклад о деятельности ее делегата.

Таким образом, Коммуна получила возможность узнавать о деятельности Исполнительной комиссии и из ее собственных отчетов и из докладов представителей различных ведомств. Исполнительная власть была поставлена под контроль Коммуны. Предоставив делегатам всю полноту власти в пределах их служб, Коммуна сохранила за собой prerogatives высшего органа власти, «верховного трибунала», как выражались некоторые члены Коммуны.

Ходом военных действий был вызван и декрет Коммуны о реквизиции пустующих квартир, принятый 24 апреля. Бомбардировка Парижа версальской артиллерией лишила крова тысячи людей. «Каждый день в различные мэрии приходят толпы людей, которые просят у нас жилья. Мы не можем удовлетворить все требования», — сообщал Малон. В результате боев и бомбардировки городок Нёйи был сильно разрушен, большинство жителей покинуло его. Париж должен был принять и разместить около 20 тыс. человек. В Париже было много пустующих квартир, покинутых их владельцами, по преимуществу буржуа. Вселять в эти квартиры оставшихся без крова мэрии не могли без разрешения Коммуны. «Муниципалитеты... не могут, как они того хотели бы, позаботиться обо всех... Меня обвиняют в нарушении неприкосновенности жилищ... Такое положение невыносимо. Совершенно необходимо срочно издать декрет», — говорил Малон⁹⁷. Предложение получило одобрение. Был принят декрет, согласно которому «все пустующие квартиры» реквизировались и предоставлялись «в распоряжение

⁹⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 326.

жителей бомбардируемых кварталов». Как всегда, Коммуна уделила большое внимание сохранению собственности владельцев квартир. Переселению должна была предшествовать опись жилища, копия которой передавалась представителям владельцев, и опечатывание движимого имущества⁹⁸.

На заседании Коммуны 21 апреля сообщение об активизации сил версальцев было подтверждено донесением Ключере: «Сосредоточение неприятельских сил вокруг Парижа не подлежит сомнению. Это не опасно с точки зрения атаки, но в отношении затруднений со снабжением это серьезно»⁹⁹.

Поэтому все внимание Коммуны теперь сосредоточилось на военных делах. До этого времени Коммуна, поручив руководство военными делами Ключере, всецело полагалась на него и не контролировала его действий. И хотя Ключере был избран военным делегатом только потому, что «не находилось другого солдата, который мог бы взять в свои руки управление военными делами», Коммуна доверяла ему. Большинство ее членов считало его незаменимым специалистом. «Меня нельзя заподозрить в чрезмерной симпатии к генералу Ключере...— говорил на заседании Коммуны 20 апреля Делеклюз.— Он оказал нам, мне кажется, услуги, но как бы ограничены они ни были, я все-таки сказал бы: «Не вносите беспорядка в это управление»»¹⁰⁰.

В Военную комиссию, переизбранную 21 апреля, вошли: Авриаль, Арнольд, Делеклюз, Ранвье, Тридон. Вскоре члены комиссии убедились, что военное ведомство работает плохо. Авриаль выразил мнение Военной комиссии, заявив Ключере на заседании Коммуны 23 апреля: «Жалуются на то, что национальная гвардия неорганизована, что никто ею не командует; то и дело поступают приказы и контрприказы; она не знает, кому она должна подчиняться. Жалуются на то, что у нее нет ни шинелей, ни обуви, ни брюк, что ее оставляют по две недели в траншеях, кормят исключительно солониной, что ведет к заболеваниям».

Все это свидетельствовало не только об организаторской слабости Ключере, но и о небрежном отношении к порученному ему делу. Ключере обнаружил крайнюю неосведомленность: он не знал ни количества, ни состояния боевых сил Коммуны, ни батарей, действующих под командованием Я. Домбровского, ни офицеров, которые составляли его штаб¹⁰¹. На заседании 22 апреля Мелье сообщил, что бойцы 176-го батальона, в течение 25 дней бессменно находящиеся на передовых позициях,

⁹⁸ Там же, стр. 344.

⁹⁹ Там же, стр. 267.

¹⁰⁰ Там же, стр. 248.

¹⁰¹ Там же, стр. 308.

больны цингой и дошли до такого изнеможения, что не могут идти ни в разведку, ни в атаку. Когда же в военном министерстве Мелье потребовал, чтобы зря не доводили людей до потери здоровья и чтобы чаще присылали смену бойцам, сотрудники этого министерства с насмешливой улыбкой говорили ему: «Пришлите нам людей»¹⁰². На том же заседании Фортюне, только что прибывший из форта Исси, рассказывал: «Люди не имеют там ни одеял, ни брюк... Они спят на земле и мокнут под дождем... Там ружья устарелого образца, которые быстро изнашиваются от постоянной стрельбы, и вот уже десять дней как мы не можем допроситься необходимых средств для их починки»¹⁰³.

Другой член Коммуны, командир батальона, три дня обивал пороги военных учреждений, но ничего не добился. На заседании 22 апреля он заявил, что в военной делегации ничего не делают. «Я командую одним батальоном,— говорил он,— и хотя я, как член Коммуны, могу все осматривать и всюду входить, я не смог достать для него необходимых сапог. На набережной Орсе люди готовы идти в бой, но у них есть только пистонные ружья и нет башмаков. У меня потребовали список людей, я дал его, его затеряли; я дал новые списки, но ничего не получил... Я вношу предложение, как покончить с существующей халатностью. Я предлагаю сместить военного делегата и заменить его Военной комиссией»¹⁰⁴.

Тревогой за судьбу революции и недовольством деятельностью Ключере были охвачены не только члены Коммуны. Еще до того, как возник конфликт между Военной комиссией и военным делегатом, в рабочих предместьях Парижа стали поговаривать о том, что Коммуна действует по плану Трошю. Письма, поступавшие в газету «Le Père Duchêne» и в другие революционные газеты, сообщали о плохой работе военного ведомства. Подозрительность, недоверие к людям, ведавшим военным управлением, и к Ключере усиливались с каждым днем. «Мы не доверяем больше гражданину Ключере,— заявил на заседании 23 апреля Дюпон.— Он всегда сумеет оправдаться, как бы он ни был виноват, и он снова сможет провести Собрание доводами, которые у него всегда найдутся»¹⁰⁵. Делекюз заподозрил Ключере в стремлении к личной диктатуре. «Диктаторские помыслы нам не подходят,— сказал он военному делегату на заседании 23 апреля.— До меня со всех сторон доходят слухи, будто генерал Ключере заявлял несколько раз, что ему нет дела ни до Исполнительной комиссии, ни до Воен-

¹⁰² «Протоколы...», т. I, стр. 292.

¹⁰³ Там же, стр. 293.

¹⁰⁴ Там же, стр. 293.

¹⁰⁵ Там же, стр. 303.

ной комиссии. Дело идет о спасении Франции и Республики, и мы никому не позволим подменять своей единоличной волей волю коллектива, которая должна быть направлена к общей цели»¹⁰⁶.

После вмешательства Коммуны в управление военными делами каждый отдел военного министерства был подчинен контролю одного из членов Военной комиссии. Последняя приняла немедленные меры. «Мне поручено обмундирование, и я рассчитываю, что вместе с новой одеждой мы возвратим национальной гвардии присущий ей дух и добрую волю. Когда солдаты получают брюки и башмаки и не будут больше, как говорится, ходить в чем мать родила, они придут к нам», — успокоительно заявлял Делеклюз на заседании Коммуны 24 апреля¹⁰⁷. По его наблюдениям, на Кюзере произвело большое впечатление то недоверие, с каким он столкнулся при обсуждении его деятельности в Коммуне: «Должен сказать, что гражданин Кюзере отнесся к нам в высшей степени доброжелательно... То, что произошло вчера в Собрании, навело его на мысли, которых у него раньше не было. Начиная с сегодняшнего дня, во всех отделах должны быть проведены серьезные меры»¹⁰⁸.

На заседании Коммуны подверглась резкой критике и деятельность военного трибунала. 23 апреля Брюнель рассказал, что 105-й батальон, самый патриотичный в VII округе, по его мнению, был неправильно осужден «весь в целом за его недисциплинированность и за отказ выступить против врага, хотя половина батальона выполнила свой долг», и потребовал кассации приговора. Осуждение всего батальона вызвало недовольство ряда членов Коммуны. Верморель назвал его «неполитичным». Ранвье заявил, что «выносить такие приговоры — значит вносить дезорганизацию в национальную гвардию». В. Клеман сообщил, что национальные гвардейцы заявляют: «Пусть нас расстреляют, если угодно, но мы не станем сражаться за республиканцев, которые выносят подобные приговоры». Была создана комиссия для проверки деятельности военного трибунала и приговора 105-му батальону. Комиссией приговор был, как уже говорилось, кассирован, обвиняемые освобождены, а батальон ушел на фронт.

Приговор по делу 105-го батальона вызвал в Коммуне большую дискуссию о законных и незаконных арестах и о допустимости одиночного заключения. Разногласия привели к острому конфликту между Военной комиссией и Комиссией общественной безопасности, с одной стороны, и Комиссией юстиции —

¹⁰⁶ Там же, стр. 309.

¹⁰⁷ Там же, стр. 333.

¹⁰⁸ Там же.

с другой. Военная комиссия, представленная такими людьми, как Ключере и Россель, ко всяким нарушениям военной дисциплины подходила формально, только с точки зрения военного устава, не считаясь ни с доводами обвиняемых, ни с особенностями революционного времени. Явно нарушая постановления Коммуны о военных судах, Военная комиссия часто рубила сплеча. «Существует конфликт между военной делегацией, делегацией общественной безопасности и делегацией юстиции,— сказал Прото на заседании 25 апреля.— Военное министерство задерживает у нас, кого хочет, хватает республиканцев, преследует друзей, покровительствует людям, которые враждебны нам. Комиссия общественной безопасности... делает все, что может, но в префектуре полиции царит плачевный беспорядок. Люди, которые никому не известны... сажают под арест или, наоборот, выпускают на свободу тех или иных граждан, тюремщики задерживают или освобождают их без всякого приказа... За последние три недели я освободил 680 граждан, большинство которых было заключено в тюрьму даже без видимого повода... Мы не можем становиться соучастниками арестов, которые ничем не мотивированы. Я готов принимать самые суровые меры против наших врагов, но я хочу, чтобы уж если человек посажен в тюрьму, то мы имели бы для этого серьезные основания, чтобы нам легко было потом защищаться против нападок публики...»¹⁰⁹.

Еще накануне было решено, что члены Коммуны должны сами посетить тюрьмы, чтобы проверить, насколько обоснованы аресты и соблюдается ли, согласно закону, процедура ведения следствия. Ригу настаивал на том, что посещение тюрем членами Коммуны— это вмешательство в дела следственных органов; он требовал, чтобы Коммуна отказалась от такого решения, грозя в противном случае отставкой. «Я прошу вас взять назад решение... по крайней мере в отношении лиц, находящихся в одиночном заключении»,— требовал он.

Делеклюз, проведенный во время Империи 4,5 месяца в одиночном заключении, поддержал Ригу. «Одиночное заключение есть нечто безнравственное,— говорил Арну.— Это моральная пытка в добавление к физической. Так вот, ради нашей чести нужно немедленно постановить, что одиночное заключение ни в коем случае не будет сохранено... Не только одиночное заключение необходимо уничтожить, но и самое следствие должно стать гласным». «Я не понимаю,— добавил он,— как это люди, которые провели всю свою жизнь в борьбе с ошибками деспотизма, как эти же самые люди, говорю я, спешат, достигнув власти, впасть в те же ошибки. Одно из

¹⁰⁹ «Протоколы...», т. I, стр. 356.

двух: либо одиночное заключение вещь необходимая и хорошая, либо гнусная. Если оно хорошо, не к чему было с ним бороться, а если оно гнусно и аморально, мы не должны сохранять его». Тейс поддержал Арну: «Уже много лет нам повторяют это слово «позже». Когда события завершатся, тогда вы получите свободу, равенство и т. д. Мы протестуем против подобных слов; это все те же методы. Нет, мы протестовали против одиночного заключения, и мы должны его отменить. Мы несем ответственность и потому должны наблюдать за действиями полиции. Это наше право, наш долг».

«Мы переживаем революцию, мы должны действовать по-революционному и принимать меры предосторожности», — возражал прудонистам бланкист Амуру. Даже среди прудонистов не оказалось полного единодушия в этом вопросе. Журд поддержал Ригу. «Мы находимся в состоянии войны, — говорил он, — нам нужно пользоваться исключительными средствами. Нечего заниматься платоническими теориями. Я хотел бы всяческих свобод: свободы печати, свободы собраний, свободы сделок... Однако обстоятельства часто диктуют нам необходимость таких мер, и мы должны этому подчиняться. Я предлагаю поэтому сохранить одиночное заключение. В таком же духе высказывался и неоякобинец Бийорэ: «Мы на боевом посту. Так вот одно из двух: или вы победите и сможете тогда упразднить одиночное заключение и все исключительные меры, или вы будете побеждены из-за недостатка предусмотрительности, и тогда против вас используют это самое одиночное заключение, которое вы уничтожите»¹¹⁰. Коммуна выбрала комиссию для проверки положения заключенных. Одиночное заключение было сохранено. Но деятельность Комиссии общественной безопасности стала подвергаться все большей критике.

Членами Комиссии общественной безопасности были Ферре, Асси, Курне, Уде, Шален, Ш. Жерарден, Шардон, а возглавлял ее бланкист Рауль Ригу — 24-летний человек, стремительный, полный решимости разить врагов Коммуны так, как разил контрреволюционеров Комитет общественной безопасности в 1793—1794 гг. Студентом он стал бланкистом, одним из самых активных участников всех выступлений против Второй империи. Шометт и Эбер сделали властителями его дум, к Робеспьеру Ригу относился с презрением и называл его «неистовым болтуном», про Делеклюза говорил, что «от него за версту несет Робеспьером»¹¹¹.

Обладая живым умом и острой наблюдательностью, Ригу вскоре обратил на себя внимание своими способностями пресекать уловки провокаторов и шпионов, проникавших в среду

¹¹⁰ Там же, стр. 329—332.

¹¹¹ G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871, p. 35—36.

революционеров. Он противопоставил префектуре полиции свою собственную контрполицию, следившую за шпионами и агентами правительства. Вскоре за ним утвердился авторитет талантливой разоблачителя замаскированных агентов префектуры. «Когда мы придем к власти, не ждите от нас снисхождения»¹¹²,— заявил он судьям.

ЦК национальной гвардии, по рекомендации Дюваля, поручил ему охрану безопасности Парижа.

В первые дни апреля по приказу Риго были арестованы многие представители церкви. Во время допроса Риго спросил арестованного священника о профессии:

— «Служитель божий.

— Где живет ваш хозяин?

— Он повсюду.

— Запишите,— обратился Риго к секретарю.— Слуга некоего бога, занимающегося бродяжничеством»¹¹³.

Точное количество арестов, произведенных Комиссией общественной безопасности, неизвестно. По одним данным, за время Парижской Коммуны было арестовано 900 человек, по другим — из реакционных кругов,— 3632, из них 431 — с 18 по 28 марта и 3201 — с 29 марта по 23 мая. Но даже реакционные источники вынуждены признать, что $\frac{2}{3}$ арестованных были освобождены самой Коммуной. Риго предложил Тьеру обменять арестованного архиепископа Парижского Дарбуа на Бланки. Для передачи Тьеру письма Дарбуа был освобожден из тюрьмы викарий Лагард, обещавший «честным словом» вернуться в Париж с ответом Тьера. Но Лагард не вернулся. В Версале не были заинтересованы в освобождении Дарбуа, нужен был «мученик». Правительство Тьера категорически отказывалось освободить Бланки.

Но случайные, произвольные аресты бывали. Из-за этого между Исполнительной комиссией и Комиссией общественной безопасности возникали трения. 18 апреля Риго поставил вопрос о доверии и подал заявление об отставке в связи с постановлением Исполнительной комиссии о том, чтобы избранный 16 апреля в Коммуну Виар немедленно направился в Комиссию общественной безопасности «с широкими полномочиями для реорганизации этой службы». Тридон мотивировал это решение тем, что Комиссия общественной безопасности «действует не энергично»¹¹⁴. Она не произвела обыска у 30 лиц, несмотря на распоряжение Исполнительной комиссии; не выполнила также приказа о наложении секвестра на имущество Тьера. Коммуна не приняла отставки Риго. 19 апреля Тридон вновь высказал пре-

¹¹² G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871, p. 39.

¹¹³ Ibid., p. 352.

¹¹⁴ «Протоколы...», т. I, стр. 211.

тензии к Комиссии общественной безопасности. «Комиссия не исполняет наших распоряжений...— жаловался он.— Было приказано конфисковать бумаги Тьера, очень важные бумаги, но ничего не было сделано... бумаги исчезли. Комиссия общественной безопасности не следит за делами, не отвечает ни на какие сообщения, задерживает каких-то несчастных бедняг и отпускает на свободу крупных преступников... Она никогда не представляла отчетов... Исполнительную комиссию никогда не приглашали в префектуру. Когда я прихожу туда, я никого не могу найти... Вы говорите нам, что вы революционеры. Нет, вы не революционеры!»¹¹⁵ Тридон потребовал, чтобы Комиссия общественной безопасности подчинилась Исполнительной комиссии. Шален и Ферре защищали Комиссию общественной безопасности и утверждали, что та делает все, что в ее силах. 24 апреля в результате обострения отношений с Исполнительной комиссией Риго¹¹⁶ и Ферре подали в отставку. Делегатом общественной безопасности был избран Курне, получивший 35 голосов из 55 голосовавших. По предложению Делеклюза, Риго и Ферре были вновь избраны в Комиссию общественной безопасности.

В Париже было много активных врагов Коммуны и версальских агентов. Они, в частности, проникали в учреждения Коммуны и вносили дезорганизацию. Нужна была величайшая бдительность. Не одна комиссия безопасности прибегала к арестам. Аресты проводили военные и муниципальные власти. Но на свободе действовало много врагов Коммуны. В ответ на упреки в том, что он не всегда соблюдает законность, Риго часто повторял: «Я делаю революцию. Мне некогда думать о законности». Это восставило против него прудонистов. «Мы отвергаем такого делегата общественной безопасности. Мы несем ответственность и потому должны наблюдать за действиями полиции»,— говорил Тейс 24 апреля¹¹⁷.

Ухудшившееся к концу апреля положение на фронте все больше беспокоило Коммуну. Несмотря на постановление Коммуны доставлять сводки два раза в день, Ключере в течение пяти дней не присылал сводок о ходе военных действий. «Вы знаете, что идет сражение, потому что слышите пальбу, но вы не получаете никаких донесений»,— заявил Ж.-Б. Клеман на заседании 28 апреля. Члены Коммуны обвиняли Исполнительную комиссию в слабости, в том, что она не выполняет своего долга. П. Груссе должен был признать, что, несмотря на снисходительность Исполнительной комиссии к Ключере, комиссия не получала сводок: «Ее всегда водили за нос уклончивыми,

¹¹⁵ Там же, стр. 225.

¹¹⁶ Там же, стр. 345—346.

¹¹⁷ Там же, стр. 331.

неудовлетворительными ответами»¹¹⁸. Члены Коммуны били тревогу и указывали на неразбериху и хаос в военном министерстве: штабные офицеры, «получающие 10 франков в день и довольствие», проводят время в Париже, «гарцуя на лошадях, вместо того чтобы быть ближе к линии фронта... Повсюду царит дезорганизация... назначают начальников, а на другой день их отзывают, и изо дня в день можно видеть, как только что избранные, но уже смещенные офицеры уносят с собой сапоги, саблю, револьвер, которые вы им выдали», — отмечал Авриаль¹¹⁹. Отвечать за все неполадки в военном ведомстве должна была Исполнительная комиссия, не сумевшая, вернее — не успевшая, распорядиться всей полнотой предоставленной ей власти.

В конце апреля осложнились отношения между Коммуной и ЦК национальной гвардии. Строго говоря, эти отношения никогда не были вполне гладкими. Еще 28 марта Коммуна выразила свое отношение к ЦК в специальном постановлении: «Национальная гвардия и Центральный комитет оказали большие услуги Парижу и Республике»¹²⁰. Но вслед за этим признанием немедленно возник вопрос о том, как быть с ЦК. 30 марта члены Коммуны уже говорили о том, что следует строго разграничить функции с ним и полностью отнять у комитета «политическую власть». Стали распространяться слухи о конфликте между Коммуной и ЦК национальной гвардии. ЦК, обеспокоенный этими слухами, отправил 30 марта на заседание Коммуны специальную делегацию. Выступивший от ее имени Арнольд заверил Коммуну, что «Комитет, являясь лишь гражданским советом национальной гвардии, ни в какой мере не претендующим на то, чтобы стать вторым органом власти рядом с Коммуной, просит лишь о том, чтобы его полномочия были точно определены»¹²¹.

Как уже говорилось, 31 марта ЦК обратился к Коммуне с сообщением о направлении Ключере в военное министерство для реорганизации национальной гвардии под руководством ЦК. Отдать управление военными делами в ведение ЦК значило создать опасность двоевластия и всяких политических осложнений на виду у Версаля. Как только обращение было прочитано, Мортье и П. Груссе заявили, что нужно немедленно распустить ЦК и объявить, что Коммуна одна воплощает всю полноту власти. Верморель и Шален потребовали, «чтобы было покончено со всякой узурпацией власти». Имея в виду текст обращения ЦК к Коммуне, Бийорэ заметил, что «конфликт раз-

¹¹⁸ «Протоколы...», т. I, стр. 417.

¹¹⁹ Там же, стр. 418.

¹²⁰ Там же, стр. 18.

¹²¹ Там же, стр. 47—48.

дут из-за редакционной ошибки», и напомнил о сделанном самим Центральным комитетом заявлении, что он остается «просто большим семейным советом национальной гвардии»¹²². Мелье и Лефевр поддержали мнение Бийорэ. Инцидент был быстро ликвидирован. По постановлению Исполнительной и Военной комиссий ЦК национальной гвардии было доверено руководство интендантством. Прокламация ЦК, изданная им 5 апреля, должна была дать новую гарантию искренности его намерений.

«Мы не сочли нужным претендовать на роль правительства, когда мы одни несли тяжелое бремя и должны были все учреждать после хаоса, в котором оказался Париж после бегства в Версаль,— подчеркивала прокламация.— Нет оснований предполагать, что мы претендуем теперь урвать долю власти у Коммуны, установлению которой мы сами содействовали».

«Наше пребывание в Ратуше,— заявляли далее члены ЦК,— симпатии, которые выражали нам, одобрение, которое встречало каждое наше слово, каждый наш акт, не дали нам ни на одну минуту упустить из виду ту роль, из которой мы вышли в силу событий... Итак, мы в последний раз заявляем: мы не хотели и не хотим никакой политической власти, так как мысль о ее разделении могла бы стать ростком гражданской войны в наших стенах... С 28 марта мы вновь стали тем, чем сделали нас наши мандаты, тем, чем мы были 17-го — братской связью между всеми членами гражданской гвардии, передовым часовым, стоящим на страже против преступников, которые захотели бы внести раздор в наши ряды, чем-то вроде большого семейного совета... готового в любой момент сказать тем, кто нас избрал: «Судите. Довольны ли вы нами?» Вот в чем состоит наше честолюбие...»¹²³

После этого заявления никаких открытых столкновений между Коммуной и ЦК национальной гвардии в апреле больше не было. «Мы боялись Центрального комитета... Сейчас нечего больше опасаться внутреннего конфликта»¹²⁴, — признал Верморель на заседании 20 апреля.

В округах Парижа, однако, столкновения между советами легионов национальной гвардии и муниципальными комиссиями, возглавляемыми членами Коммуны, сделались почти постоянным явлением. Выборные организации этих легионов — советы и подкомитеты — часто вмешивались в распоряжения окружных мэрий, приостанавливали эти распоряжения, сами производили аресты подозрительных граждан, накладывали секвестр на иму-

¹²² Там же, стр. 64.

¹²³ Там же, стр. 108—109.

¹²⁴ Там же, стр. 246.

щество подозрительных лиц. Представители советов легионов заявляли нередко, что окружные муниципальные комиссии действуют недостаточно революционно, что ЦК, а не Коммуна, является подлинным выразителем интересов революции 18 марта. «Для них Коммуна больше не существует,— жаловался на заседании 26 апреля Мортье.— Они говорят, что хотят вышвырнуть нас... за дверь»¹²⁵. А Малону представители совета XVII легиона заявили: «Мы хотим покончить со всякой временной властью: посмотрим, кто возьмет верх — Комитет или Коммуна»¹²⁶.

По мере того как положение на фронте осложнялось, в советах легионов все чаще и чаще стали раздаваться по адресу Ключере и Коммуны в целом обвинения в том, что те не умеют организовать военное ведомство и этим губят революцию. 22 апреля по приказанию Ключере был арестован член ЦК национальной гвардии Ферра, причем произошло это в зале заседаний Комитета в присутствии других его членов. Арест вызвал новые трения и еще больше усилил неприязнь ЦК к Ключере.

Несмотря на то, что Коммуна распустила окружные подкомитеты, советы легионов продолжали существовать и действовать, часто вопреки распоряжениям Коммуны и ее местных органов. Так, на заседании Коммуны 26 апреля горячие прения вызвало сообщение делегата по продовольствию Виара о том, что совет легиона XII округа, охраняющий Лионскую железную дорогу, остановил поезд с грузом бочек, отправленный Виаром. Дерёр сообщил, что выданный им продовольственный ордер оказался недействительным ввиду отсутствия подписи начальника легиона; между тем подпись последнего не требовала никакой санкции со стороны члена Коммуны.

Член Коммуны от XII округа Лонкла защищал действия национальных гвардейцев этого округа, заявивших, что они подчиняются только местному органу власти — совету легиона на улице Алигр. «Наши люди,— говорил он,— чрезвычайно бдительны, и они правы, ибо ежедневно совершаются какие-нибудь злоупотребления от имени самой Коммуны. В Кур д'Алигр нет ни Центрального комитета, ни подкомитета, а есть совет легиона, и мы делегировали людей для осуществления надзора». «Кур д'Алигр стоил нам многих бессонных ночей, когда мы были заняты в Комиссии общественной безопасности и Исполнительной комиссии,— возражал Тридон.— Кур д'Алигр задерживал железнодорожное движение, служащих, рабочих, всех. Мы не могли помешать ему в этом, поскольку не получали от вас помощи». Лонкла, оправдывая действия совета XII легиона, говорил: «Эти граждане — добрые патриоты, но уж слишком бдительные»¹²⁷.

¹²⁵ «Протоколы...», т. I, стр. 371.

¹²⁶ Там же, стр. 357.

¹²⁷ Там же, стр. 370—372.

Эти и другие факты привели некоторых членов Коммуны к мысли о необходимости распустить ЦК. «Надо знать, кому принадлежит власть. Коммуне? Центральному комитету?» — спрашивал Верморель, предлагая покончить с комитетом Кур д'Алигр.

Но и на этот раз Коммуна не дала раздражению увлечь ее на путь необдуманных решений. ЦК, как и советы легионов, был выборной организацией национальной гвардии, его роспуск мог бы повлечь за собой далеко идущие и опасные для революции последствия. «Существование Центрального комитета, если и не законно, то во всяком случае правомочно, — заявлял Лефрансэ. — Это — ассоциация, созданная по воле национальной гвардии; дело национальной гвардии — упразднить ее, если она того пожелает. Непосредственному обсуждению в настоящий момент подлежит вопрос о претензиях Центрального комитета быть официальным органом и отдавать приказы. Что же касается его существования, то, повторяю, оно не может ставиться под сомнение»¹²⁸. «Наказывайте же самовольно действующих членов подкомитетов, уклоняющихся от службы членов советов легионов, — говорил Андриё, — но ведите искусную и вместе с тем честную политику, чтобы снова привлечь к себе Центральный комитет, который оказал нам большие услуги с точки зрения организации обороны. Пусть муниципалитеты управляют в Мазас всех, кто им сопротивляется; очень хорошо. Но не бейте по всему Центральному комитету, который представляет для нас силу»¹²⁹.

Обсуждение этого вопроса закончилось принятием резолюции, предложенной Бийорэ. Отметив, что «различные безответственные комитеты мешают исполнению приказов Коммуны», резолюция возлагала на Комиссию общественной безопасности, на муниципалитеты и другие органы власти обязанность пресекать подобные действия и строго наказывать их виновников с тем, чтобы эти факты больше не повторялись¹³⁰.

Таким образом, Коммуна проявила большой такт в отношениях с ЦК и сумела предотвратить раскол в рядах революционной демократии Парижа. Лучшие представители ЦК стали членами Коммуны еще 26 марта, Арнольд вошел в нее после выборов 16 апреля. ЦК национальной гвардии продолжал и в дальнейшем служить делу революции, делу Коммуны. Но вредный параллелизм между ЦК и Коммуной даже в условиях тяжелой борьбы на фронте так и не был изжит. В такой обстановке в конце апреля несколько членов ЦК национальной гвардии обратились к Коммуне с предложением о немедленной глубокой

¹²⁸ Там же, стр. 375.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же, стр. 376.

реорганизации военного управления. «Надо арестовать Ключере, назначить главнокомандующим Домбровского, создать военный совет из всех военачальников, заседающий под наблюдением комиссара Коммуны. Нужны гражданские организаторы, ответственные за контроль, и это надо сделать быстро, быстро, быстро — или все потеряно», — писали они ¹³¹.

Военное дело было самой слабой стороной в деятельности Коммуны. Именно в этом деле Коммуна не смогла создать нужные для защиты революции кадры. Гибель Флуранса и Дюваля, в особенности последнего, лишила Коммуну талантливых военачальников. Брюнеля — честного и талантливого командира — затирали разные авантюристы и проходимцы в военном ведомстве. «Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог... выдвинуть *своих* организаторов», — писал В. И. Ленин в 1918 г. ¹³² У Коммуны этого времени не было. В конце апреля она успела только оглядеться, успела только понять, что дела в военном ведомстве идут плохо.

* КОММУНА И МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПАРИЖА В АПРЕЛЕ

Важную роль в деле мобилизации сил революционного Парижа для обороны Коммуны от врага, поддержки ее мероприятий и охраны общественного порядка сыграли массовые общественные организации. Общественное мнение революционного Парижа создавалось в народных клубах ¹³³, в различных союзах и организациях. После революции 18 марта клубы и народные собрания значительно активизировали и расширили свою деятельность. Вокруг клубов объединились тысячи парижан, здесь ежедневно обсуждались волновавшие их вопросы, здесь действия Коммуны подвергались критике или получали одобрение.

Тысячи людей ежедневно собирались в клубах для обсуждения самых разнообразных вопросов — теоретических, бытовых, социальных, политических. Около 20 церквей были превращены в места клубных собраний. С пяти часов утра до пяти часов вечера церкви принадлежали духовенству и верующим. В пять часов вечера сторожа убирали молитвенники, прятали в шкаф церковную утварь и приглашали верующих разойтись. В восемь часов вечера открывались заседания клубов и собравшиеся на-

¹³¹ «Enquête...», t. III, p. 194.

¹³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 192—193.

¹³³ См. Ю. Шулькайн. Народные клубы Парижа в дни Коммуны. — «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I, М., 1961.

чинали обсуждать то, что их больше всего волновало в этот день, внося свои предложения, касавшиеся как военных, так и гражданских дел. Серьезной критике подвергли клубы излишне щепетильное отношение Коммуны к ломбарду. 25 апреля Коммунальный клуб III округа потребовал бесплатной выдачи всех вещей, заложенных бедняками. В клубах нередко обвиняли Военную комиссию и Коммуну в целом в медлительности, нерешительности. Решения клубов, несомненно, оказывали революционизирующее влияние на членов Коммуны. Влияние клубов на политику Коммуны особенно усилилось в мае.

Кроме клубов, в революционном Париже в 1871 г. действовали и другие массовые организации: комитеты бдительности, советы легионов национальной гвардии, профессиональные союзы. Активизировалась и деятельность секций Интернационала.

Все современники Парижской Коммуны отмечали безграничную преданность Коммуне женщин. В начале апреля группа работниц-социалисток организовала Центральный комитет гражданок. Мотивируя цели создания этой организации, они в своем обращении «К гражданкам Парижа» писали: «Решительный час настал!.. Мы хотим быть свободными! Против старого порядка подымается не только Франция. Внимание всех народов цивилизованного мира сейчас приковано к Парижу. Они ждут нашей победы, чтобы в свою очередь добиться своего освобождения...»¹³⁴ В своем обращении они приглашали патриотов собраться 11 апреля для организации во всех округах женских комитетов. «Цель создания комитетов — объединить женское движение для обороны Парижа. Мы обращаемся за активной помощью ко всем парижанкам, к тем, кто понимает, что спасение родины зависит от исхода этой борьбы... кто приветствует царство труда и равенства... Мы тоже готовы в момент величайшей опасности сражаться и умереть во имя триумфа этой Революции, за которую жертвуют собой наши братья»¹³⁵.

В дальнейшем Центральный комитет гражданок был реорганизован в Союз женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными. Много женщин объединилось вокруг этого союза. В различных округах Парижа были созданы комитеты, куда входили женщины разных профессий — портнихи, модистки, корсетницы, прачки, продавщицы, учительницы. Весной 1871 г. женщины трудового Парижа выступали в первых рядах борцов за новый порядок. Широкую известность среди женщин-борцов Коммуны получили имена Натали Лемель, Луизы Мишель, жены генерала Эда, русской революционерки Елизаветы Дмитриевой (Е. Л. Томановской). А сколько имен героических женщин-коммунарок осталось неизвестными!

¹³⁴ «Journal officiel», 11. IV 1871.

¹³⁵ Ibidem.

Среди общественных организаций Парижа в дни Коммуны особое место занимал Республиканский союз департаментов. Душой его был социалистический публицист Ж.-Б. Мильер. Это объединение было создано парижанами — уроженцами провинций с целью привлечения департаментов на сторону Парижской Коммуны. Союз не хотел никаких компромиссов с Версалем. Он устраивал массовые собрания солидарности с Коммуной, разработал план демократических преобразований, которые предусматривали упрочение республиканского строя, обеспечение независимости Коммуны и организацию дешевого кредита.

«Объединитесь с нами, чтобы заявить Собранию, что полномочия его мандата исчерпаны, что оно должно разойтись. Объедините ваши усилия с нашими, чтобы положить конец гражданской войне»¹³⁶ — говорилось в обращении Республиканского союза к собравшимся по их призыву на собрание 21 апреля. Собрание состоялось в Консерватории, и на нем присутствовало около 6 тыс. человек. Вместить всех явившихся на собрание это здание не смогло: огромная толпа людей осталась на улице и, несмотря на дождь, внимательно слушала каждую речь. Митинг закончился восторженными криками тысяч людей: «Да здравствует Парижская Коммуна!».

30 апреля Ж.-Б. Мильер, бывший депутат версальского Собрания, ушедший оттуда, чтобы быть со своими избирателями, от имени Республиканского союза департаментов вручил Парижской Коммуне резолюцию «общего собрания граждан, родившихся в провинции и проживающих в Париже», которое состоялось в тот же день во дворе Лувра при участии 100 тыс. человек. Резолюция клеймила преступные действия монархического большинства Национального собрания, версальского правительства и его генералов, ведущих против Парижа «жестокую войну». Своими задачами союз департаментов объявлял борьбу за единую и неделимую республику и за независимость коммун. Союз призывал «всех честных граждан в каждом департаменте оказать Парижу моральную поддержку и по мере возможности практическое содействие, чтобы помочь столице в ее борьбе за наши национальные и муниципальные права»¹³⁷.

После оглашения этой резолюции выступили с речами те, которые члены Коммуны и руководители Союза. Пусть наконец Версаль узнает, сказал Лефрансэ, что «Парижская Коммуна является не только выражением воли одной группы, одной партии Парижа; Парижская Коммуна, возобновляя великие традиции 93 года, представляет французскую революцию в целом»¹³⁸.

¹³⁶ Листовка. Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, III. X. Рк. $\frac{1}{8}$.

¹³⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 439.

¹³⁸ Там же, стр. 439—440.

Борьба Коммуны характеризовалась революционной активностью рабочих. Письма рабочих в редакции революционных газет полны тревоги. «Кто из двух победит — правительство ли Версаля, посылающее полицию и жандармов против права, или Коммуна, посылающая свою республиканскую армию против сил гнусного правительства изменников?» — спрашивали читатели газеты «*Le Règne Duchêne*»¹³⁹. Рабочие призывали к бдительности, к сплочению и объединению всех сил вокруг Парижской Коммуны. «Республиканцы! Будем бодрствовать! Не допустим убийства Республики в третий раз!.. Снова начнутся понтоны, расстрелы, высылки, бедствия и позор для всех... К оружию, парижане!.. Мы должны спасти Республику! С нею Франция будет великой и процветающей, а при монархии Франция будет навеки уничтожена!»¹⁴⁰

Так думали на Монмартре, в Бельвиле, во всех рабочих предместьях Парижа. Если после первых неудач многие представители средних слоев стремились уклониться от службы в национальной гвардии под тем предлогом, что они люди семейные, то рабочие, направляясь на передовую линию, говорили: «Я сражаюсь за своих детей». В дневнике Эли Реклю есть такая запись: «Это священная война — сказал мне мой знакомый рабочий-сапожник...— пока шла война с немцами, я не мог себя заставить убивать немецких солдат, так как понимал, что Вильгельм их так же обманул, как нас Бонапарт. Но с тех пор, как нас атаковали версальцы, я стал другим человеком. Мой старший сын и я, мы покинули семью... и стали у батарей, дежуря у нее и днем и ночью. Во время стычки у Мон-Валерьян снаряд разорвался вблизи нас, но мы сохранили хладнокровие и не покинули поста. Никогда у нас не будет подобной возможности пожертвовать жизнью ради более благородной цели. Потому что, видите ли, это на самом деле священная война республики против монархии, священная война рабочих против капитала и паразитизма, священная война, которая даст всем социальное обновление»¹⁴¹. Для рабочих борьба за социальное освобождение была связана с борьбой за укрепление республики.

Героическая борьба парижских коммунаров завершила длительную борьбу французского народа за утверждение республиканского строя. В день провозглашения Коммуны, республика покоилась на очень зыбкой почве. В конце апреля средняя и мелкая буржуазия всей Франции в своих обращениях к Тьеру с требованием прекратить гражданскую войну настойчиво подчеркивала, что вопрос о республике не может более ставиться

¹³⁹ «Письма рабкоров Парижской Коммуны», стр. 32.

¹⁴⁰ Там же, стр. 32—33.

¹⁴¹ *E. Reclus. La Commune au jour le jour*, p. 77—78.

под сомнение, так как Франция хочет только республики. Благодаря деятельности Коммуны идея республики так глубоко захватила Францию, что все последующие попытки монархических заговоров закончились крахом. Третья республика была обязана своим существованием Парижской Коммуне.

Непримиримая позиция Тьера побудила встать на сторону Коммуны очень влиятельную среди мелкой и средней буржуазии, но отнюдь не социалистическую организацию — парижских масонов. 26 апреля, получив отказ Тьера заключить перемирие¹⁴², масоны решили встать в ряды приверженцев Парижской Коммуны. Масоны собирались водрузить свои знамена на укреплениях Парижа и обратиться с воззванием к версальской армии. Манифестация масонов состоялась 29 апреля. Утром во дворе Ратуши состоялся торжественный прием масонской делегации. «Да здравствует Коммуна! Да здравствует масонство! Да здравствует Всемирная республика!» — неслись возгласы.

К знаменам масонов, которые они хотели водрузить на укреплениях Парижа (среди них было знамя 1790 года), Лео Мелье присоединил красное знамя Парижской Коммуны. «Это знамя всеобщего мира, знамя наших федеральных прав, вокруг которого все мы должны сплотиться, чтобы в будущем ни одна рука, как бы могущественна она ни была, не могла бросить нас друг против друга для какой-либо другой цели, кроме взаимных объятий»¹⁴³.

Депутация масонов в сопровождении членов Коммуны под звуки «Марсельезы» вышла из Ратуши и двинулась к аванпостам Парижа. За ними следовали толпы народа. Впереди, согнувшись под тяжестью знамени, шагал старейший член Коммуны 76-летний Белэ. Снаряды часто рвались на пути их шествия. Но каждый раз демонстранты, которых насчитывалось более 10 тыс. человек, теснее смыкали свои ряды с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!» — и продолжали свой путь. На передовой линии укреплений масоны водрузили свои знамена и на этом участке фронта установилось многочисленное перемирие. Охрану знамен взяли на себя национальные гвардейцы. Делегация масонов отправилась для новых переговоров в Версаль, но ничего там не добилась.

5 мая парижские масоны призвали масонов Франции и всего мира подняться на борьбу за дело Коммуны.

Защищая интересы трудящихся, члены Парижской Коммуны придавали большое значение деятельности народных клубов и массовых организаций. Они часто бывали на заседаниях клубов, выступали сами и слушали выступления ораторов из народа, которые подчас критиковали Коммуну. Трудящиеся Парижа с глубоким вниманием и заинтересованностью следили за действиями Коммуны. Рассматривая Коммуну как свое завоевание, они стремились помочь ей во всех ее делах.

¹⁴² Лиссагаре. История Парижской Коммуны 1871 года, стр. 202.

¹⁴³ «Протоколы...», т. I, стр. 432.

СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА
ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ
И БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В КОММУНЕ

К концу апреля резкое ухудшение военного положения Коммуны побудило революционную общественность Парижа поставить вопрос о создании Комитета общественного спасения, «наделенного неограниченными полномочиями, чтобы декретировать победу, и нужной властью, чтобы добиться исполнения ее декретов»¹. Такая резолюция была принята по инициативе комитета бдительности XIX округа (Бельвиля) — одного из самых боевых рабочих округов Парижа, 24 апреля и опубликована 26 апреля². В резолюции подписанной шестью делегатами (членами этого комитета, рабочими-интернационалистами), указывалось, что «положение Парижа делается все более и более тяжелым» и что «необходимо проявить тем больше энергии, чем неизбежнее становится опасность»³.

28 апреля член Интернационала, бланкист Мио, являвшийся в Коммуне одним из представителей от XIX округа и действовавший, по-видимому, в контакте с вышеуказанным комитетом бдительности, внес предложение о немедленном образовании Комитета общественного спасения в составе пяти членов, наделенного широкими правами над всеми комиссиями и делегациями Коммуны и ответственного только перед ее общим собранием.

Предложение Мио вызвало горячие споры. Неоякобинцы Режер, Мелье и некоторые другие поддерживали его, указывая на то, что дезорганизация военного ведомства и тяжелое по-

¹ Проект создания Комитета общественного спасения был выдвинут еще в первые дни после революции 18 марта (см. *J. Dautry et L. Scheler. Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 215—218*).

² «La Sociale», 26. IV 1871.

³ См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. I. М., 1959, стр. 427—428.

ложение на фронте требуют централизации власти. Прудонисты выступили против этого предложения. Бабик заявлял, что он не желает для Коммуны «другой диктатуры, кроме ее собственной», и добавлял, что не верит в опасность. Ланжевен утверждал, что предложение Мио неосуществимо⁴.

Споры по этому вопросу возобновились на заседании 30 апреля. Валлес предложил заменить термин «Комитет общественного спасения» — термином «Комитет центрального контроля». Ввиду того, что при голосовании сторонники термина «Комитет общественного спасения» и сторонники термина «Исполнительный комитет» получили одинаковое число голосов, окончательное решение вопроса было еще раз отложено⁵.

1 мая соотношение сил оказалось иным. За название «Комитет общественного спасения» было подано 34 голоса, за название «Исполнительный комитет» — 28 голосов. Остановимся немного на этих последних двух цифрах. В группу, голосовавшую за Комитет общественного спасения, входили: 21 неоякобинец, 10 бланкистов, 3 левых прудониста. Группа, выступавшая против создания Комитета общественного спасения, включала: 14 прудонистов, 4 левых прудониста, 3 бакуниста, 1 бланкиста, 6 социалистов неопределенного направления. Членов Интернационала в первой группе было 10, во второй — 17.

Характерны мотивировки, которые выдвигались голосующими в обоснование занятой ими позиции. Увлечение традициями Великой французской революции, доходившее у некоторых коммунаров до слепого подражания ей, отразилось в заявлении Ф. Пиа: «Ввиду того, что слова «общественное спасение» относятся к той же эпохе, что и слова: «Французская Республика» и «Парижская Коммуна», я голосую за»⁶. Против этого предложения и этой аргументации выступили прудонисты. «Я хотел бы,— говорил Курбе,— чтобы все названия и слова, относящиеся к революции 89-го и 93-го годов, применялись только к этой эпохе. В настоящее время они не имеют того значения... Названия *Общественное спасение, монтаньяры, жироидисты, якобинцы* и т. д. и т. п. не могут быть применимы в нынешнем социалистическом, республиканском движении».

Франкель голосовал за название «Исполнительный комитет». По поводу декрета в целом он высказался следующим образом: «Хотя я и не вижу пользы в этом комитете, но, не желая давать повод к инсинуациям против моих революционных, социалистических убеждений и сохраняя за собой право решительного выступления против этого комитета, я голосую за»⁷.

⁴ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. I, стр. 419—424.

⁵ Там же, стр. 433—445.

⁶ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. II. М., 1960, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 21.

Особую позицию занял Вайян. Этот член Коммуны, принадлежавший к группе бланкистов, но уже знакомый с теорией марксизма, голосовал против названия «Комитет общественного спасения» и против статьи 3-й проекта. Но вместе с тем он высказался за декрет в целом, выразив надежду, что это прибавит к механизму Коммуны «колесико», которого ей не доставало до сих пор, осуществит «необходимое разделение властей» и обеспечит «более действенный контроль над работой комиссий».

При этом Вайян подверг обоснованной критике практику работы Коммуны, заявив, что ей нужно «перестать быть маленьким болтливым парламентом, уничтожающим на другой день по прихоти своей фантазии то, что он создал сегодня». «Коммуна,— доказывал Вайян,— должна была бы стать лишь объединением комиссий, собирающимся для обсуждения решений и докладов, представляемых каждой комиссией, заслушивающим политический отчет своего Исполнительного комитета и выносящим суждение о том, выполняет ли комитет свой долг, придает ли он полезный импульс руководству и обладает ли энергией и способностью, необходимыми для блага Коммуны». «За Исполнительный комитет такого рода,— закончил Вайян,— который один только может действительно носить название «Комитета общественного спасения»... я буду голосовать утвердительно»⁸.

За проект в целом голосовало 45 членов, против—23. Таким образом, декрет был принят внушительным большинством голосов: оно составилось из бланкистов, необабувистов, неоякобинцев и людей, близких к этим группировкам.

Перед самым голосованием были оглашены заявления ряда членов Коммуны, покинувших заседание. Одно из этих заявлений, подписанное 17 членами, гласило, что «они не будут выставлять кандидатов и со своей стороны считают воздержание от голосования единственно достойным, логичным и политическим поведением».

В голосовании по вопросу о составе Комитета общественного спасения участвовало 37 человек. Членами нового органа власти были избраны Антуан Арно (33 голосами), Ранвье (27 голосами), Лео Мелье (27 голосами), Феликс Пиа (24 голосами), Шарль Жерарден (21 голосом). Первые двое были социалистами, близок стоявшими к бланкистской группе, третий и четвертый — неоякобинцами, пятый примыкал к бланкистам. Таким образом, Комитет общественного спасения, избранный на заседании Коммуны 1 мая, представлял собой блок *пролетарских революционеров и мелкобуржуазных демократов*.

⁸ Там же, стр. 22.

Двое членов Комитета, А. Арно и Ш. Жерарден, входили в состав Интернационала; А. Арно к тому же был членом Федерального совета его парижских секций.

О принятых Коммуной 1 мая решениях парижане узнали на следующий день из «*Journal officiel*». Текст декрета о создании Комитета общественного спасения гласил:

«Коммуна постановляет:

Ст. 1. Немедленно будет организован Комитет общественного спасения.

Ст. 2. Он будет состоять из пяти членов, избранных Коммуной поименным голосованием.

Ст. 3. Этому Комитету, который будет ответствен только перед Коммуной, предоставляются самые широкие полномочия над всеми делегациями и комиссиями»⁹.

Революционная общественность Парижа отнеслась к этим решениям Коммуны весьма положительно, хотя и не без оговорок. Жители «народных кварталов», сообщало информационное бюро 2 мая, одобряют решения Коммуны, но «при том непременном условии, что слова *Комитет общественного спасения* не будут только новой этикеткой, заменяющей ту, на которой значилось: «*Исполнительная комиссия*». Трудящееся население Парижа выражало надежду, что отныне «будет проявлена величайшая энергия в ведении военных операций», что «ни один гражданин не сможет уклониться от участия в национальной обороне», что «все боевые орудия, которые валяются вдали от места борьбы, будут немедленно направлены на врага» и использованы в решающей битве¹⁰.

Многолюдное народное собрание, состоявшееся 1 мая в Коммунальном клубе,— он заседал в здании церкви Николаде-Шан в III округе, одном из самых пролетарских по составу своего населения,— приняло решение поздравить Коммуну с учреждением Комитета общественного спасения. Резолюция выражала надежду, что Коммуна «будет продолжать идти по этому революционному пути, который один лишь может спасти республику». Было решено также обратиться к Коммуне с просьбой опубликовать результаты поименного голосования по этому вопросу. Эта резолюция была оглашена на заседании Коммуны 3 мая социалистом Везинье, который участвовал в собрании, происходившем в Коммунальном клубе. 4 мая отчет о заседании, происходившем 1 мая, был опубликован¹¹.

Органы революционной прессы Парижа в большинстве своем сочувственно встретили декрет, принятый Коммуной 1 мая. Близкая к бланкистам газета «*Le Père Duchêne*» указывала.

⁹ «*Journal officiel*», 2. V 1871.

¹⁰ С. А. Dauban. Le fond de la société sous la Commune. Paris, 1873, p. 199.

¹¹ «*Journal officiel*», 4. V 1871.

что она предлагала создать такой комитет еще 6 апреля. Но одновременно газета предостерегала членов Коммуны от слепого подражания Комитету общественного спасения 1793 г.

Редакция подчеркивала, что теперь «все должно пойти по-другому, что пора принять меры для улучшения положения патриотов, которые защищают город». «Граждане, члены Коммуны,— писала далее газета,— жители Парижа делятся на два класса: на тех, которые сражаются, и тех, которые не сражаются, на тех, кто защищает город, и тех, кто плюет на него, на тех, кто с вами, и тех, кто против вас...» Пусть Коммуна примет постановление о «конфискации имущества тех богачей, которые покинули город в момент опасности — как во время войны с Пруссией, так и во время войны с Версалем», и пусть это имущество будет распределено между теми, кто сражается и умирает за Париж, «но только между ними». Так же, добавляла газета, следует поступить и в отношении заложенных в ломбарде вещей, и в отношении квартирной платы. «Лишь те, кто трудится, те, кто сражается, имеют право на благополучие». Конечно, коммунары и без того сражаются хорошо, «ради принципа», но будет неплохо, если они узнают, что после победы их ждет «счастливая жизнь в труде», а не жалкое существование, которое до сих пор владели пролетарии. Что же касается тех, кто уклоняется от участия в борьбе за Париж, то пусть они знают, что не быть им в нем ни гражданами, ни избирателями, ни собственниками¹².

Таким образом, как видим, редакция «Le Père Duchêne» связывала с созданием Комитета общественного спасения крупные социально-экономические преобразования в интересах трудящихся масс и что газета ясно понимала, какие социальные слои являлись главной опорой Коммуны.

Газета парижских секций Интернационала «La Révolution politique et sociale» опубликовала по этому вопросу статью одного из секретарей Федерального совета, Гулле, который приветствовал организацию Комитета общественного спасения и напоминал о том, с какой энергией и с каким успехом действовал одноименный орган, созданный в 1793 г. Конвентом. Называя имена членов Комитета общественного спасения, Гулле заявлял: «Все они известны рабочим и, несомненно, внушают самое полное доверие нашему классу... Поскольку эти граждане возлагают на себя тяжелую ответственность, мы будем их поддерживать с безграничной преданностью. Это — долг рабочего класса. Прошло время заниматься философскими дискуссиями в наших секциях. Надо спасать Париж»¹³.

¹² «Le Père Duchêne», 14 floréal an 79 (3. V 1871), p. 2—4.

¹³ «La Révolution politique et sociale», 8. V 1871.

Орган правого крыла прудонистов, выражавший мнение мелкобуржуазных и полупролетарских групп населения, газета «La Commune» отказывалась видеть в декрете о создании Комитета общественного спасения что-либо иное, кроме пародии на 1793 г., и утверждала, что эта мера Коммуны может лишь повредить ей¹⁴.

Своеобразную позицию заняла газета «Le Cri du Peuple», которую редактировал Ж. Валлес. Не высказываясь ни за, ни против создания Комитета общественного спасения, газета ограничивалась указанием на то, что дискуссия по этому вопросу обнаружила наличие в Коммуне «двух идейных течений», двух партий — «партии унитарной и централистской» и «партии федеративной». Газета не высказала, однако, никакого беспокойства по поводу отсутствия идейно-политического единства в Коммуне. Обе партии, — говорилось в статье, — уравновешивают друг друга; «разделенные в теории, но рука об руку для боя, они могут параллельно идти к победе»¹⁵.

Обострение борьбы в Коммуне по вопросу о военном руководстве

Усилению борьбы течений в Коммуне способствовали разногласия ее членов по вопросам военной организации. Разногласия эти обострились к началу мая в связи с серьезными военными неудачами коммунаров. 30 апреля военный делегат генерал Клюзере, неумелые действия которого вызывали все усиливавшееся недовольство как среди членов Коммуны, так и в широких кругах населения, был смещен и арестован. На его место был назначен начальник главного штаба военного министерства, полковник инженерных войск Луи Россель, кадровый офицер, имевший репутацию способного и дельного военного специалиста, патриота, активно выступавшего против изменнических действий реакционного генералитета. 2 мая Россель был вызван на заседание Коммуны, где ему был задан ряд вопросов о его политическом прошлом и о некоторых военных проблемах. Его объяснения были одобрительно встречены Коммуной. В тот же вечер состоялась и встреча Росселя с членами Комитета общественного спасения, организованная Ш. Жерарденом, который подружился с новым военным делегатом, когда тот был еще начальником XVII легиона национальной гвардии. По словам Росселя, эта встреча привела к резкому столкновению между ним и Феликсом Пиа, игравшим в тот момент главную роль в руководящем органе Коммуны¹⁶.

¹⁴ «La Commune», 3. V 1871.

¹⁵ «Le Cri du Peuple», 5. V 1871.

¹⁶ «Mémoires et correspondance de L. Rossel». Paris, 1908, p. 317, 318.

3 мая генерал Врублевский, командовавший левым флангом, получил приказ за подписью Антуана Арно и Феликса Пиа немедленно отправиться на помощь форту Исси. Врублевский не посмел послушаться Комитета общественного спасения. Он провел ночь с 3 на 4 мая в Исси, а во время его отсутствия важный в стратегическом отношении редут Мулен-Саке был внезапно атакован и захвачен версальцами, причем федераты понесли большие потери (после ухода версальцев редут вновь был занят коммунарами).

Как только весть об этом дошла до Коммуны, Россель, лишь на следующий день узнавший об отданном Врублевскому приказе, был вызван на заседание, происходившее 4 мая, для дачи объяснений. Обрисовав последние события на фронте, военный делегат напал на Комитет общественного спасения, в частности на Пиа, заявив, что вмешательство последнего в военные дела явилось причиной захвата версальцами редута Мулен-Саке. Пиа решительно отрицал, что он отдал Врублевскому приказ отправиться в форт Исси.

Обсуждение этого инцидента возобновилось на вечернем заседании Коммуны 4 мая, где Верморель заявил, что Комитет общественного спасения превратился в «комитет помех». На заседании 5 мая Арнольд зачитал несколько документов, в том числе приказа Врублевскому от 3 мая, подписанный тремя членами Комитета — Мелье, Арно и Пиа¹⁷. Оглашение этого документа произвело сильное впечатление на присутствующих. «Вчера Пиа, — с негодованием говорил Арну, — раз пятьдесят категорически утверждал, что ни Домбровскому, ни Врублевскому не было послано никакого приказа отправиться в Исси. Однако неоспоримо обратное, так как Арнольд представил подлинный документ, и факт этот не подлежит более обсуждению. Это серьезное, очень серьезное дело, граждане».

Пиа, вызванный на заседание, совершенно растерялся, когда ему предъявили документ. Оправдываясь, он ссылался на свою забывчивость. Ж.-Б. Клеман резко критиковал поведение Пиа. «Я считаю, — заявил он, — что вам следовало бы отказаться от своего поста, гражданин Пиа». Феликс Пиа: «Я уже отказался». Ж.-Б. Клеман: «Так вот, я считаю, что вы должны отказаться снова». Феликс Пиа: «Я снова заявляю об отставке, и я прошу и умоляю Собрание принять ее»¹⁸.

Критикуя недостойное поведение Пиа в этом деле, многие члены Коммуны критиковали и Комитет общественного спасения в целом. Особенно резко нападали на него прудонисты. Арну заявлял, что виноват не один Пиа, но и другие члены Комитета. В конце концов было решено продолжить обсуждение

¹⁷ «Протоколы...», т. II, стр. 130.

¹⁸ Там же, стр. 130—132, 133, 135—136, 142.

действий Комитета общественного спасения на следующем заседании¹⁹.

Конфликт между военным делегатом и Комитетом общественного спасения осложнился столкновением между военным делегатом и ЦК национальной гвардии, выступавшим против задуманного Росселем преобразования ее структуры и добивавшимся упразднения военной делегации и передачи всех ее функций комитету.

Это требование было выдвинуто на расширенном заседании ЦК национальной гвардии с участием большинства начальников легионов (из 20 полковников присутствовало 15), которое состоялось в ночь на 2 мая.

В записке, составленной после заседания одним из влиятельных членов ЦК, Э. Моро, указывалось, что в случае отказа Коммуны удовлетворить эти требования, решено было пойти дальше и напомнить ей, что «она является не правительством, а просто *коммунальным управлением* и что национальная гвардия... есть единственная законная сила сопротивления Парижа». «Одним словом,— писал Моро,— люди 18 марта, совершившие революцию, вновь берут ее в свои руки и будут действовать по-революционному». На тот случай, если бы Коммуна дала согласие на требования Центрального комитета, Моро разработал проект декрета, который предусматривал следующие меры:

- 1) всеобщую мобилизацию населения;
- 2) вынесение смертного приговора всем министрам версальского правительства, всем офицерам и генералам версальской армии, которые не присоединятся в трехдневный срок к требованию о прекращении военных действий или не сдадут оружия; конфискацию их движимого имущества, уничтожение их недвижимого имущества, продажу с торгов их земельных участков и занесение их имен на «черные доски»;
- 3) амнистию всем, кто прекратит вооруженную борьбу против Парижа;
- 4) введение смертной казни для предателей, шпионов, скупщиков, спекулянтов, расхитителей государственной собственности;
- 5) установление строгих наказаний для лиц, повинных в проведении незаконных арестов, присвоении собственности арестованных, в клеветнических выпадах против революционного правительства Парижа;
- 6) использование «для нужд обороны» всех врачей, механиков, литейщиков, оружейных мастеров, инженеров, архитекторов;

¹⁹ «Протоколы...», т. II, стр. 141—144.

7) привлечение в добровольном порядке женщин и детей для изготовления патронов, военного обмундирования и т. д.;

8) закрытие всех питейных заведений, «откуда выйдет хоть один гражданин в пьяном виде».

В последнем, 9-м пункте этого декрета говорилось, что он будет отменен немедленно после прекращения военных действий и роспуска версальской армии; в дальнейшем предполагалось произвести выборы в Учредительное собрание. «Не знаю,— добавлял Моро,— согласится ли с этим вечно дрожащая Коммуна, но наше решение принято, и мои коллеги настроены решительно»²⁰.

Меры, предусмотренные этим проектом, в котором получили отражение многие требования, выдвигавшиеся в революционных клубах, были осуществлены Коммуной лишь частично и притом не сразу.

Днем 2 мая делегация Центрального комитета явилась в Ратушу, чтобы представить Коммуне решения, утвержденные на его ночном заседании. Делегаты были приняты тремя членами Комитета общественного спасения, которым и была вручена записка, содержащая требования о ликвидации военной делегации и замене ее ЦК, а также проект декрета, составленный Моро.

Обо всем этом Феликс Пиа доложил на заседании Коммуны, которое происходило вечером 2 мая. Сообщение вызвало большое волнение среди присутствующих. Журд заявил, что в требованиях, предъявленных ЦК, не хватает только статьи следующего содержания: «Парижская Коммуна уступает место Центральному комитету». Слова Журда были встречены одобрительными возгласами. Тейс подчеркнул, что ЦК добивается диктаторской власти. После обмена мнениями Коммуна постановила передать решение вопроса Комитету общественного спасения.

Вопрос был разрешен путем компромисса. 4 мая Комитет общественного спасения принял постановление, что «военная делегация делится на два отдела: военно-оперативный и административный... инициатива военных операций и руководство ими возлагаются на полковника Росселя... различные службы военной администрации поручаются Центральному комитету национальной гвардии, под непосредственным контролем Военной комиссии Коммуны»²¹. Постановление было подписано всеми членами Комитета (включая Феликса Пиа, который, несмотря на свое заявление об отставке, остался членом высшего органа Коммуны).

²⁰ *M. Vuillaume. Mes cahiers rouges au temps de la Commune, t. VIII. Paris, 1912, p. 132—135.*

²¹ «*Journal officiel*», 6. V 1871.

В циркуляре, адресованном в тот же день «генералам, полковникам и начальникам служб, подчиненных военной делегации», Россель извещал их о том, что он намерен «немедленно осуществить на практике тесное сотрудничество с Центральным комитетом федерации национальной гвардии во всех административных отделах и в большей части организационных отделов, подчиненных военной делегации». Свое решение Россель мотивировал следующими тремя соображениями:

1) «невозможностью в нужный срок подобрать административный персонал, необходимый для работы;

2) целесообразностью полного отделения управления от командования;

3) необходимостью самым действенным образом использовать не только добрую волю, но и высокий революционный авторитет Центрального комитета федерации»²².

Мнения революционной прессы по этому вопросу раскололись. Газета «Le Vengeur» приветствовала решение Комитета общественного спасения и называла его «хорошей мерой»²³. Другой печатный орган неоякобинцев, выходивший под редакцией Делеклюза, объявлял отделение административной части военного министерства от оперативной делом несвоевременным и нецелесообразным²⁴. Редакция «Le Père Duchêne» настаивала на том, чтобы военному делегату была предоставлена свобода действий, и обвиняла начальников легионов и членов ЦК в том, что они ничего не смыслят в военном деле и противятся реорганизации национальной гвардии исключительно из-за нежелания расстаться с нашивками на своих мундирах. Газета выражала безграничное доверие Росселю²⁵.

Эта статья вызвала протест со стороны Центрального комитета, который направил в редакцию газеты «La Commune» письмо (за подписью одного из своих членов — Руссо), требуя в нем от редакции газеты «Le Père Duchêne» прекращения травли членов комитета²⁶.

*Разногласия в Коммуне по вопросу
об отношении
к соглашательским группам*

С конца апреля и особенно с начала мая в связи с серьезными военными неудачами коммунаров усилилась активность соглашательских групп мелкой и средней буржуазии, стремившихся положить конец гражданской войне путем примирения

²² «Journal officiel», 5. V 1871.

²³ «Le Vengeur», 6. V 1871.

²⁴ «Le Réveil du Peuple», 6. V 1871.

²⁵ «Le Père Duchêne», 20 floréal an 79 (9.V 1871), p. 2—4.

²⁶ «La Commune», 11. V 1871.

воюющих сторон на определенных условиях. В основе этих планов лежало стремление устранить Коммуну, но не допустить реставрации монархии во Франции. В этих целях буржуазно-республиканские организации и газеты того же направления стали публиковать многочисленные проекты соглашения между Парижем и Версалем.

4 мая бюро Лиги республиканского союза прав Парижа предложило версальскому правительству и Коммуне заключить перемирие сроком на 20 дней на условиях, выдвинутых Лигой; в течение этого периода должны были быть разработаны условия прекращения гражданской войны. Предложение это было опубликовано²⁷. 5 мая оно обсуждалось на заседании Коммуны. Ф. Пиа зачитал врученный ему текст обращения и добавил, что такой же документ вручен версальскому правительству. На вопрос П. Груссе, что ответил Комитет общественного спасения на это предложение, Ф. Пиа заявил: «Комитет ничего не ответил. Ему было только поручено передать этот документ Коммуне». П. Груссе напомнил, что накануне он представил «проект декрета, предлагающего объявить предателем народного дела всякого, кто в настоящий момент призывает к этому мнимому примирению с Версалем». «Меня удивляет,— продолжал Груссе,— что Комитет общественного спасения, Комитет, который мы избрали для того, чтобы он заботился об удовлетворении настоятельных потребностей, диктуемых обстановкой, зачитывает нам наглый ультиматум так называемой Республиканской лиги, вместо того чтобы дать на этот ультиматум единственный заслуженный им ответ— арестовать и покарать его авторов»²⁸.

Пиа оправдывался, уверяя, что Комитет общественного спасения не признает Лиги республиканского союза и советует Коммуне оставить без ответа ее обращение. Вайян подчеркнул, что следует «решительно бороться против предателей, скрывающихся под маской миротворцев».

Не только левые прудонисты и бланкисты, но и многие неоякобинцы осуждали предложение Лиги. В ходе дальнейшего обсуждения некоторые члены Коммуны затронули общий вопрос о компетенции Комитета общественного спасения и о необходимости единства власти. Собрание приняло резолюцию, подтверждавшую декрет о создании Комитета общественного спасения и предоставленные ему права.

После принятия этой резолюции председатель зачитал заявление Пиа об отставке с поста члена Комитета общественного спасения. Заявление это вызвало резкие нападки на Пиа со стороны ряда членов. Верморель напомнил о двурушничестве

²⁷ «La Commune», 5. V 1871.

²⁸ «Протоколы...», т. II, стр. 98—99.

ском поведении Пиа в отношении закрытия буржуазной газеты «Le Bien public» — в Исполнительной комиссии, обсуждавшей вопрос о закрытии газеты, Пиа поддерживал это решение, а в свой газете «Le Vengeur» осуждал его. Далее, Верморель напомнил, что Пиа клеветнически обвинял его в связях с правительством Второй империи. Несмотря на то, что на заседании выявилось неблагоприятное поведение Пиа — и как члена Комитета общественного спасения, и как главного редактора газеты «Le Vengeur», — он не был решительно осужден. Шален заявил, что это чисто личный вопрос, и предложил прекратить прения²⁹.

Политическое значение обсуждавшегося вопроса не было понято многими членами Коммуны и они не поддержали запроса, сделанного Журдом, указавшим на капитулянтскую по существу статью Пиа в газете «Le Vengeur» от 2 мая. Еще в начале заседания текст этой статьи был зачитан Тридоном, а затем вторично Андриё. Тогда Пиа ограничился малоубедительным объяснением. В статье «Господину Тьеру», напечатанной в форме открытого письма за подписью Пиа, он упрекал Тьера в том, что тот ведет войну против Парижа, вместо того чтобы признать республику и Коммуну, установить в стране мир, уплатить контрибуцию Пруссии и добиться ухода ее войск из Франции. «Никто более нас не исполнен доброй воли в самом мирном смысле этого слова, — писал Пиа, — Париж хочет мира с Версалем, чтобы покончить с Пруссией». Статья эта являлась по существу призывом к капитуляции перед Версалем, ибо она не предусматривала никаких гарантий сохранения социальных и политических завоеваний революции 18 марта.

Не удивительно, что это выступление Пиа было весьма одобрительно встречено в буржуазных кругах. 4 мая буржуазный республиканец правого крыла, крупный капиталист А. Чернуски положительно откликнулся в газете «Le Siècle» на примиренческое заявление Пиа. Огласив текст заметки редактора газеты «Le Siècle», Журд обратился к членам Комитета общественного спасения с запросом по этому поводу, но не получил никакого ответа. Несмотря на то, что Пиа успел показать свое истинное лицо малодушного интригана, он еще пользовался в это время некоторой популярностью в кругах мелкобуржуазной демократии благодаря своему революционному прошлому. К тому же критиковали неблагоприятные действия Пиа преимущественно члены «меньшинства», вследствие чего многие члены «большинства» считали необходимым поддерживать этого члена Коммуны.

Революционные круги населения Парижа сурово осуждали капитулянтское выступление Пиа. Газета «Le Père Duchêne» обвиняла его в том, что он наносит серьезный ущерб Коммуне,

²⁹ «Протоколы...», т. II, стр. 109—111.

склоняется к преступному компромиссу, заботится о спасении своей шкуры, а не об интересах революции, которая доверила ему почти диктаторский пост³⁰.

«Примирение ныне было бы предательством»,— заявлял Центральный комитет Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными в своем манифесте от 6 мая. Руководители этой массово-революционной организации (среди них были французская социалистка Натали Лемель, русская социалистка Елизавета Дмитриева и ряд других видных коммунаров) подчеркивали, что работницы Парижа «требуют не мира, а войны до последней крайности». Пойти на примирение с версальцами значило бы, доказывали авторы воззвания, отказаться от борьбы за преобразование существующего общественного строя, за уничтожение эксплуатации трудящихся. «Париж не отступит, ибо в его руках знамя будущего»,— писал ЦК Союза женщин, выражая глубокое убеждение в том, что «Коммуна, будучи носителем международных и революционных принципов народов, несет в себе зародыш социальной революции». В воззвании подчеркивалось, что трудящиеся женщины Парижа полны решимости сражаться до конца и «сумеют, как и их братья, отдать свою кровь и жизнь во имя защиты и торжества дела Коммуны». Заканчивался манифест призывами: «Да здравствует Всемирная Социальная Республика! Да здравствует труд! Да здравствует Коммуна!»³¹

Решительная позиция, занятая в вопросе о «соглашении» с Версалем различными группами передовой общественности Парижа, заставила колеблющиеся и неустойчивые элементы пересмотреть свое поведение. 8 мая Пиа выступил со статьей, в которой доказывал, что перемирие не приведет к прекращению гражданской войны и будет выгодно лишь версальцам.

Категорический запрет, наложенный Тьером на созыв съезда делегатов муниципальных советов провинциальных городов, отрезвляюще подействовал на добросовестных соглашателей, убедил многих из них в тщетности их усилий. Это поняли и мелкобуржуазные демократы, поддерживавшие Коммуну, но подпадавшие иногда под влияние неустойчивых элементов, склонных к переговорам о «соглашении» с Версалем.

³⁰ «Le Père Duchêne», 16 floréal an 79 (5.V 1871), p. 6—7. 15 мая газета обратилась к Комитету общественного спасения с требованием вывести Пиа из состава Коммуны, как недостойного заседать в ней, и предать его суду по обвинению в измене («Le Père Duchêne», 26 floréal an 79, p. 5).

³¹ «Journal officiel», 8. V 1871.

*Дальнейшее обострение борьбы
между «большинством»
и «меньшинством» Коммуны*

Раздоры между «большинством» и «меньшинством» Коммуны по вопросу о Комитете общественного спасения, непрерывно усиливавшиеся в течение первой недели мая, достигли такой остроты, что очередное заседание Коммуны, назначенное на 7 мая, не состоялось из-за неявки большинства членов. Сохранился краткий протокол, составленный членами Коммуны, явившимися на это заседание. Протокол гласил: «Сегодня, 7 мая 1871 г. в четыре часа дня нижеподписавшиеся, констатируя, что число присутствующих недостаточно для того, чтобы заседать, отпустили секретарей и стенографов и перенесли повестку дня на завтра, понедельник, на 2 часа»³².

Из 26 членов Коммуны, подписавших эту резолюцию, 16 принадлежали к «большинству», а 10 — к «меньшинству». Здесь были многие видные члены «большинства» (Вайян, Виар, Груссе, Мио, Режер) и члены «меньшинства» (Авриаль, Арну, Лефрансэ, Малон), тут были и люди, еще не определившие тогда окончательно своей позиции (Франкель).

В тот же день состоялось заседание членов «большинства» Коммуны в мэрии I округа, где они имели обыкновение собираться на сепаратные совещания (мэр этого округа, Пийо, принадлежал к «большинству»). На этом фракционном собрании действия Комитета общественного спасения подверглись резкой критике, осуждалось и самое создание этого органа³³.

На заседании Коммуны 8 мая вспыхнули резкие споры между сторонниками «большинства» и «меньшинства». Спор разгорелся по поводу того, следует ли опубликовать в «*Journal officiel*» отчеты о заседаниях 4, 5 и 6 мая, на которых обсуждались действия Комитета общественного спасения.

«Публика должна знать о дискуссии, которую мы вели,— заявил Арну.— Я могу остаться здесь лишь при условии, что наши заседания будут преданы широкой гласности; мы должны лично отвечать за свои действия, за свои слова; нужно, чтобы наши избиратели, которые являются нашими судьями и нашими хозяевами, знали о них». Ледруа и Режер решительно выступили против предложения Арну. «Такая огласка,— сказал Режер,— была бы не только скандалом, но и серьезно скомпрометировала бы Коммуну и революцию... Едва создав этот Комитет, мы немедленно подвергли его критике, порицаниям, обвинениям... Конечно, можно было нападать на людей— это вопрос совести, который каждый решает по своему ра-

³² «Протоколы...», т. II, стр. 188.

³³ P. Lanjalley et P. Corriez. Histoire de la révolution du 18 mars. Paris, 1871, p. 415—416.

зумению,— но от населения Парижа, Франции, Европы эти разногласия между нами должны, насколько это возможно, скрываться; разглашать их значило бы, по-моему, сломить ту силу, которая только и способна спасти нас»³⁴. Характерно выступление Вермореля, одного из наиболее влиятельных членов «меньшинства». «Если все серьезные дискуссии,— сказал он,— станут глушить секретными заседаниями, то гласность делается совершенно призрачной и мы окажемся вынужденными обратиться по этому поводу к своим избирателям, особенно если — что уже, по-видимому, делается — нас будут изобличать перед ними как подозреваемых в слабости»³⁵. Это было прямое предостережение по адресу «большинства». Было решено, что отчеты о прениях по вопросу о Комитете общественного спасения не будут публиковаться. «Большинство» снова одержало победу над «меньшинством».

На том же заседании разгорелись споры по вопросу о разграничении функций между органами Коммуны и ЦК национальной гвардии. Журд огласил письмо, полученное им от Комиссии ассигнований и финансов ЦК. Комиссия извещала его, что берет в свои руки дело, которым раньше занимались военный делегат и члены Военной комиссии Коммуны. «В этой ситуации,— подчеркнул Журд,— я задаю вопрос, как называется правительство: Центральным комитетом или Коммуной?» Эти слова Журда были поддержаны возгласами: «Совершенно верно!» Член Комитета общественного спасения Ш. Жерарден оправдывал действия ЦК. «Используя Центральный комитет, мы повиновались требованиям момента. У Росселя не было никого; мы не смогли сделать ничего лучшего, как обратиться к представителям национальной гвардии; только здесь мы могли найти силу, серьезную поддержку, преданность делу Республики и Коммуны... Службы военного министерства находились в руках Военной комиссии, состоящей из четырех или пяти членов Коммуны и численно недостаточной для того, чтобы проделать работу 80 человек...»³⁶ «Военный делегат,— заявил Авриаль,— назначил меня руководить артиллерией, следовательно, я должен был подчиняться Росселю... Прибыв на место, я нашел какой-то комитет артиллерии, которого я не знаю. Мне стоило величайших усилий выставить его, а теперь он снова возвращается»³⁷.

С резкой критикой самочинных действий ЦК выступали не только члены «меньшинства», но и некоторые члены «большинства». «Я спрашиваю, кто разрешил Центральному комитету

³⁴ «Протоколы...», т. II, стр. 194.

³⁵ Там же, стр. 195.

³⁶ Там же, стр. 214—215.

³⁷ Там же, стр. 216.

завести себе особые костюмы, особые печати с надписью: «Федерация национальной гвардии», «Центральный комитет», «Главный штаб»? — с возмущением говорил член Военной комиссии Жоаннар. — Они носят, как и мы, перевязь и, подобно нам, розетку в петлице... в глазах публики между ними и нами нет никакой разницы. Если так будет продолжаться, если первый встречный будет иметь право узурпировать таким образом нашу власть, то вы и недели не просуществуете»³⁸.

С жалобой на действия Центрального комитета выступил и Варлен, бывший в тот момент уполномоченным по военному интендантству. «С немалым удивлением, — сказал он, — прочел я в субботу утром в «Officiel» постановление Комитета общественного спасения, извещавшее, что Центральному комитету поручено все управление военным министерством. Через несколько часов в интендантство явились четверо уполномоченных от Центрального комитета, чтобы объявить мне, что они распределили между собой мои функции и что мне остается только передать свои полномочия и удалиться. Я дал им понять, что делегирован в интендантство более законным способом, нежели тот, которым им были даны их полномочия...

Сегодня они вернулись; я заявил, что остаюсь на своем посту. Но после сообщения гражданина Журда я не могу остаться...» В заключение Варлен подчеркнул, что он и его товарищи потратили много времени, чтобы наладить работу интендантства, и что он сильно сомневается, справятся ли с этим делом уполномоченные ЦК. Свою речь Варлен закончил предложением отменить постановление Комитета общественного спасения о ЦК³⁹.

Режер отстаивал права ЦК. «Когда я слышу, как вы нападаете на Центральный комитет, — говорил он, — я нахожу, что вы нелогичны; вам следует нападать на Федерацию национальной гвардии, а вы этого не смеете, да и не можете делать. Центральный комитет является ее прямым порождением»⁴⁰. После долгих споров было принято предложение, внесенное Арнольдом. Признавая, что «участие Центрального комитета... в управлении военным министерством... есть необходимая мера, полезная для общего дела», резолюция отмечала, что «необходимо точно определить обязанности Центрального комитета». Коммуна постановляла, что «Военная комиссия по согласованию с военным делегатом определит взаимоотношения Центрального комитета национальной гвардии и управления Военного министерства»⁴¹. В тот же день Военная комиссия приняла

³⁸ «Протоколы...», т. II, стр. 217.

³⁹ Там же, стр. 218.

⁴⁰ Там же, стр. 219—220.

⁴¹ Там же, стр. 223—224.

постановление, что «Центральный комитет не имеет права назначать на какую-либо должность: он предлагает кандидатов Военной комиссии, которая и решает». В том же постановлении говорилось, что «Военной комиссии будут ежедневно представляться отчеты об управлении каждым отделом»⁴².

Так Коммуна пыталась отказаться от того, на что она согласилась за четыре дня до этого. И все же двоевластие в военном ведомстве сохранилось. Характерно, что в том же номере «*Journal officiel*», в котором было опубликовано постановление Военной комиссии, ограничивавшее административные права Центрального комитета, был напечатан приказ Комитета общественного спасения о назначении члена ЦК Моро «гражданским комиссаром Коммуны при военном делегате».

* ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В НАЧАЛЕ МАЯ

Россель довольно энергично взялся за укрепление боеспособности армии Коммуны. 1 мая он подписал приказ о сооружении сети укреплений внутри Парижа и о централизации артиллерийской службы⁴³, 2 мая — приказ о порядке приема парламентариев и о запрещении печатать отчеты, содержащие сведения о вооруженных силах Коммуны⁴⁴. «Посылаю Вам дезертиров XIX округа,— писал Россель 4 мая коменданту форта Ванв,— посадите их в траншеи вашего форта, кормите их, заставьте их работать и держите их в строжайшей дисциплине. Следите особенно за тем, чтобы не было побегов»⁴⁵.

5 мая Комитет общественного спасения в связи с разграничением функций в военном управлении поручил Росселю в кратчайший срок распределить военное командование⁴⁶. В исполнение этого в тот же день Россель возложил на генерала Я. Домбровского руководство операциями на правом берегу Сены, с тем чтобы он находился в Нёйи. Генералу Ла Сесилиа поручалось руководство операциями в центре между Сеной и левым берегом Бьевры. Генерал Врублевский сохранял командование левым крылом всего фронта. Командующими бригадами резервных войск были назначены генералы Бержере (1-й бригадой) и генерал Эд (2-й бригадой)⁴⁷. Однако все это

⁴² «*Journal officiel*», 9. V 1871.

⁴³ «*Journal officiel*», 1. V 1871.

⁴⁴ «*Journal officiel*», 3. V 1871.

⁴⁵ «*Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871*». Paris, 1872, p. 511.

⁴⁶ «*Journal officiel*», 6. V 1871.

⁴⁷ Ibidem.

не внесло ожидаемого оздоровления в дело военного управления.

5 мая Россель обратился к ЦК национальной гвардии с предложением мобилизовать мужчин в возрасте от 19 до 40 лет, умеющих хорошо ездить верхом, и сформировать из них взводы по 55 человек в каждом, соединив каждые четыре взвода в эскадрон⁴⁸.

Для улучшения командного состава национальной гвардии было решено организовать в военном министерстве под председательством члена Коммуны Арнольда экзаменационную комиссию, которую должны были пройти все офицеры. Сперва им предлагалось сдать экзамены для проверки их общего развития, морального и политического облика; военный экзамен офицеры должны были держать через два месяца; после этого они получали свидетельства о том, что имеют право занимать должности капитанов и штабных офицеров⁴⁹.

В начале мая фактически главнокомандующим войсками всего фронта, включавшего западный и южный участки, был Домбровский. Он не хотел мириться с чисто оборонительным характером военных действий, справедливо усматривая в этом неминуемую гибель Коммуны.

В первых числах мая Домбровский перебрал некоторые части от Аньера, с крайнего правого фланга, на южный фронт, чтобы усилить участок Исси, и сам прибыл руководить контратакой, которая временно обеспечила коммунарам обладание важнейшей в оперативном отношении позицией — замком Исси. Но было ясно, что полуразрушенный форт не сможет долго держаться, подвергаясь непрерывному артиллерийскому обстрелу. Единственным выходом из создавшегося на южном фронте тяжелого положения была смелая вылазка значительными силами с целью отбросить противника с этого фронта и, разгромив его, попытаться захватить даже самый Версаль. В связи с этим по инициативе Домбровского в штабе Врублевского было собрано военное совещание руководящего командного состава Коммуны при участии Росселя.

На этом совещании Домбровский изложил план широкого контрнаступления, потребовав мобилизации всех полевых активных частей национальной гвардии. Но план этот встретил возражения. Врублевский предложил продолжать придерживаться оборонительной тактики и лишь усилить гарнизоны фортов за счет войск западного фронта.

Россель, будучи, как и Домбровский, сторонником активных действий, поддержал его. В результате был разработан план контрнаступления на Версаль, который заключался в следую-

⁴⁸ «Enquête parlementaire...», p. 511.

⁴⁹ «Journal officiel», 6. V 1871.

щем: сначала путем ряда вылазок очистить от версальцев подступы к Парижу с юга, после чего, приковав внимание противника демонстративным наступлением резервных частей национальной гвардии на западном фронте с какого-нибудь участка городского вала, атаковать главными силами слабый правый фланг версальцев и, обойдя с юга сильные батареи на высотах Медона, Шавиля и Вирофле, внезапной атакой в тыл Версаля захватить его. Этот план, сам по себе неплохой, был выдвинут слишком поздно, поскольку версальцы уже 6 мая перешли в генеральное наступление по всему фронту, располагая огромным численным и техническим превосходством над войсками Коммуны.

Версальцы имели уже по меньшей мере 120 тыс. бойцов и многочисленные кадры офицеров, превышавшие по численности нормальные потребности. Коммунары в составе 1-й и 2-й армий едва ли располагали в это время 30 тыс. человек. Кроме того, из-за плохой работы транспорта войска Коммуны все время испытывали недостаток в патронах и снарядах. Вследствие малочисленности обученного состава и нехватки лошадей использовалась лишь незначительная часть пушек.

А тем временем события на южном фронте разворачивались своим чередом. С 1 по 10 мая продолжались ожесточенные бои на всем фронте. Версальцы предложили гарнизону форта Исси сдаться, но получили отказ. Тогда они возобновили осадные работы и артиллерийский обстрел, готовя решительный штурм. В ночь на 2 мая версальские войска после упорного боя овладели замком Исси, расположенным примерно в $1\frac{1}{2}$ км севернее форта Исси. Коммунары отстаивали здесь буквально каждую пядь земли. В это же время один стрелковый батальон версальцев захватил важную в тактическом отношении железнодорожную станцию Кламар, находящуюся в 250 м к юго-востоку от форта Исси. Этот успех достался версальцам легко, поскольку они случайно узнали пароль и, воспользовавшись им, прошли в ворота, раскрытые часовым-коммунаром. В результате форт Исси оказался в мешке, его сообщение с Парижем было прервано. Однако 2 мая смелой контратакой коммунары во главе с храбрым полковником Максимом Лисбонном, командиром объединенного отряда добровольцев, выбили версальцев из замка Исси. 2 мая начались активные действия версальцев и на левом фланге южного участка коммунаров, против фортов Монруж и Бисетр. У редута От-Брюйер версальцы завязали бой, чтобы отвлечь внимание и силы коммунаров от основного направления на форты Ванв и Исси.

Крайне отрицательное значение имело, как было уже сказано, вмешательство Комитета общественного спасения в руководство военными операциями. 3 мая Врублевский получил от него приказ немедленно отправиться на помощь форту Исси.

Врублевский провел ночь с 3 на 4 мая в Исси, а во время его отсутствия редут Мулен-Саке был внезапно атакован версальцами. Два батальона коммунаров (55-й и 120-й) спали здесь в палатках, не приняв надежных мер боевого обеспечения; в результате предательства одного из офицеров, сообщившего версальцам пароль и местонахождение этих батальонов, они были захвачены врасплох колонной в тысячу версальцев, направлявшейся на траншейные работы южнее Вильжюифа. Коммунары не успели взяться за оружие, 250 человек было убито, 300 человек захвачено в плен; спаслись лишь немногие. Версальцы захватили знамена, восемь орудий и редут Мулен-Саке.

Под прикрытием атак на левом секторе южного участка фронта, вылившихся 2, 3 и 7 мая в бои у высоты От-Брюйер, у Мулен-Саке и у Вильжюифа, главные силы 2-го корпуса версальцев продолжали осуществлять план прорыва к Парижу на участке фортов Ванв — Исси.

Форты Ванв и Исси удерживались коммунарами уже с большим трудом, только благодаря исключительному героизму их гарнизонов. В эти дни форт Исси служил объектом непрерывного сильного обстрела. Снаряды разбивали стены казематов, картечь буквально засыпала траншеи коммунаров. 3 мая форт был окончательно разрушен. «Теперь это уже не фронт, даже не сильная позиция, это — груды земли и песку, разбрасываемого во все стороны ядрами, — писал Лиссагаре. — Через разбитые стены казематов видны поля; пороховые погреба открыты; половина третьего батальона во рву; через брешь можно проехать на коляске. Какой-нибудь десяток орудий, самое большее, отвечает на град снарядов шестидесяти версальских пушек. Под огнем из неприятельских траншей, направленным по амбразурам, падают почти все артиллеристы»⁵⁰. Лиссагаре приводит выдержки из дневника инженера Риста и командира 141-го батальона Жюльена: «4-е. В нас стреляют разрывными пулями... фуруны не подъезжают. Съестных припасов почти не осталось. Наши лучшие семифунтовые пушки скоро замолчат, потому что нет снарядов. Каждый день нам обещают подкрепления, но они не показываются. Госпитали полны. Тюрьма и ведущий к ней коридор набиты трупами, их больше трехсот. Больничный омнибус приходит каждый вечер; мы набиваем его ранеными, насколько возможно. По дороге из форта в деревню Исси версальцы осыпают его пулями...

5-е. Огонь неприятеля не прекращается ни на минуту. Наши амбразуры более не существуют. Пушки форта все еще отвечают... *Enfants perdus* [отряды добровольцев. — *Авт.*], которые стоят

⁵⁰ Э. Лиссагаре. История Коммуны 1871 года. СПб., б. г., стр. 216.

у пушек 5-го бастиона, теряют очень много людей, но они остаются на своих постах. Теперь в тюремных камерах груды трупов поднялись уже на два метра высоты. Все наши траншеи разбиты артиллерией, эвакуированы. Траншеи версальцев в шестидесяти метрах от контрэскарпа. Они продвигаются вперед все ближе и ближе...

6-е. Батарея Флэри посылает нам регулярно по шести выстрелов каждые пять минут ... Уже четыре дня, как три женщины подбирают раненых под самым сильным огнем. Одна умирает и просит нас позаботиться о своих двух детях. Нет более припасов. Мы едим только конину ...

7-ое. Каждую минуту на нас падает до десяти снарядов. Укрепления совершенно открыты. Все пушки, за исключением двух или трех, сбиты. Редуты версальцев почти касаются наших. Прибавилось еще тридцать трупов... Нас окружают»⁵¹.

Эти скупые строки дневника рисуют невыносимо тяжелую обстановку, в которой федераты героически защищали дело революции, не щадя своей жизни.

Военная делегация Коммуны стремилась оказать посильную помощь форту Исси. Убедившись, что ближайшей целью версальцев является овладение фортом Исси, Россель уделяет этому участку фронта особое внимание. Помимо того, что было приказано удерживать форт Исси во что бы то ни стало, были даны конкретные указания его коменданту о мерах по его обороне. 3 мая сюда были присланы три роты саперов; сам Россель несколько раз лично посещал форт.

В ночь на 4 мая коммунарам удалось вновь овладеть станцией Клармар; на следующий день атака версальцев на соседний с фортом Исси форт Ванв была отбита. Тем не менее положение форта Исси оставалось крайне тяжелым. Траншеи врага были в 80 м от контрэскарпа. Положение стало особенно критическим в ночь на 6 мая, после взятия версальцами редута на сообщениях форта Исси с фортом Ванв. Подвоз продовольствия гарнизону форта Исси прекратился, так как всякое сообщение его с тылом было прервано. Держаться дальше стало почти невозможно.

Получив донесения 6 мая о намерении гарнизона Исси взорвать форт, кольцо окружения вокруг которого все более смыкалось, Россель отдал приказ Врублевскому перейти в ночь на 7 мая в наступление на всем фронте, с тем чтобы помешать версальцам атаковать форт и вынудить их снять с него осаду. Но войска Врублевского были к этому времени настолько ослаблены непрерывными боями с превосходящими силами противника, что перейти в контрнаступление не смогли.

⁵¹ Там же, стр. 216—217.

В течение трех дней, 6—8 мая, версальцы закреплялись на занятых ими позициях, углубляли свои траншеи и продолжали жестокую бомбардировку фортов Исси и Ванв. В результате этой бомбардировки 7 мая на форте Исси из 12 орудий осталось только 3, да и те не имели уже снарядов. Огонь 200 версальских орудий был направлен на форт с высот Бельвю, от Медона, Флёри, Мулино, из окон замка Исси, от Мулен-де-Пьер, с плато Шатийон и от Банье; 8 мая к огню этой артиллерии присоединился еще огонь 70 морских орудий, расположенных у Монтрету. «Всякий артиллерист, появлявшийся у орудия, немедленно падал мертвым... Люди, гонимые отовсюду снарядами, собрались под аркой входных ворот. Граната с Мулен-де-Пьер упала среди них и убила шестнадцать»⁵². Несмотря на это, защитники форта хотели продолжать оборону, однако удержать форт было уже невозможно. 8 мая, около 19 часов после славной 14-дневной обороны форт Исси был оставлен его защитниками. Уцелевшие бойцы, преследуемые огнем версальцев, отошли к Парижу. В ночь с 8 на 9 мая разведка версальцев продвинулась вплотную к форту Ванв, укрепившись на его сообщениях и в его рвах. 9 мая, обнаружив, что форт Исси оставлен коммунарами, версальцы заняли его.

В начале мая непрерывные бои шли и на западном фронте. Только благодаря неутомимой энергии Домбровского и его умелому и талантливому руководству, западный фронт, не обеспеченный фортами, не только сдерживал напор главных сил версальской армии, но даже оказывал помощь южному фронту.

Начиная с 5 мая силы версальцев, действовавшие против левого фланга западного фронта, значительно увеличились. Сюда был подтянут вновь сформированный 4-й корпус в составе двух дивизий, сосредоточившийся в основном в районе Вильнёв Л'Этан для последующей атаки в направлении на Пуэн-дю-Жур и получивший в подчинение также дивизию, занимавшую фронт Сен-Клу—Севр. Таким образом, против 1-й армии Домбровского на участке в 10 км версальцами было сосредоточено шесть пехотных дивизий и одна кавалерийская бригада; кроме того, на этом же участке могла принять участие в наступлении дивизия резервной армии Винуа, находившаяся в Версале. Соотношение сил здесь было по меньшей мере десять к одному в пользу версальцев⁵³.

В ночь с 8 на 9 мая в тот момент, когда версальцы намечали на фронте 2-й армии Врублевского решительную атаку форта Исси, уже оставленного коммунарами, 4-й корпус под прикрытием сильного артиллерийского огня и ночной темноты форсировал Сену восемью батальонами на участке Сен-

⁵² Э. Лиссагаре. История Коммуны 1871 года, стр. 217.

⁵³ См. «Протоколы...», т. II, стр. 35—36.

Клу — Севр, протяженностью в 2 км, с целью начать осадные работы против левого фланга 1-й армии Домбровского. После того как 1400 версальцев переправились через Сену, они приступили к устройству первой осадной траншеи (параллели) в 1500 м длиной, заложенной к востоку от Булони и Бийанкура и явившейся исходной для инженерной атаки юго-западных укреплений Парижа от ворот Отейя до ворот Пуэн-дю-Жур, т. е. участка крепостного вала протяженностью в 1,5 км. К рассвету 9 мая эта траншея, отстоявшая всего на 300 м от бастионов Парижа, была закончена. Это дало возможность версальцам установить штурмовые батареи, чтобы пробить проходы в укреплениях Парижа.

Взяв форт Исси на противоположном юго-восточном берегу реки, версальцы в ночь с 9 на 10 мая соединились мостом с островом Сен-Жермен (что в одном километре северо-западнее Исси), чтобы поставить здесь батарею для обстрела канонерок Коммуны, действовавших под прикрытием железнодорожного виадука Пуэн-дю-Жур. Военное положение Коммуны становилось все более тяжелым.

* ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ТЕЧЕНИЙ В КОММУНЕ

События 9—10 мая

Военный делегат Россель планировал преодолеть неудачи на фронте переходом в контрнаступление. Среди предложенных им мер по поднятию боеспособности вооруженных сил Коммуны имела значение и реорганизация их путем сведения в полки. Россель заявил на заседании Коммуны: «Формирование полков вполне совместимо с существованием легионов, но так как легионы являются лишь политическими и административными единицами, необходимо было срочно создать тактические единицы... Я, отдавая приказ о формировании полков, имел в виду просто сгруппировать некоторое число батальонов, набранных в одном легионе и поставленных под одно командование, для образования в зависимости от наличного состава легиона одной или нескольких тактических единиц, называющихся полками, или полубригадами»⁵⁴.

Приказ о формировании полков вызвал сильное недовольство начальников легионов. Этот вопрос обсуждался еще на заседании ЦК национальной гвардии в ночь на 2 мая. Начальник VI легиона Комбац заявил, что эта реформа уничто-

⁵⁴ Там же, стр. 46.

жает единство в батальонах, как и «легендарную славу» некоторых из них. Начальник III легиона Спиноа считал, что при назначении, а не выборах командиров полков будет иметь место кумовство. Было выдвинуто требование сместить Росселя⁵⁵.

Прочно укрепившись в военном министерстве, ЦК повел решительную борьбу с организацией полков. Вечером 8 мая группа начальников легионов явилась к Росселю с намерением заставить его отказаться от своего проекта. Россель встретил их крайне недружелюбно. Он признался, что взвод национальной гвардии вызван для того, чтобы расстрелять их. Начальники легионов отвечали, что они пришли просто поговорить об организации национальной гвардии. После минутного колебания Россель отослал взвод и согласился выслушать их. Разговор закончился соглашением. Начальники легионов обязались собрать на следующее утро на площади Согласия 12 тыс. готовых к походу национальных гвардейцев (25 батальонов по 500 человек в каждом); военный делегат заявил, что он произведет им смотр, а затем двинет их в наступление на Версаль.

9 мая около полудня состоялся смотр батальонов национальной гвардии на площади Согласия. В нем приняли участие 19 батальонов⁵⁶. Начальники легионов утверждали, что их численность составляла 10 тыс. человек.⁵⁷ Россель писал, что их было не то 5, не то 7 тыс.⁵⁸ Военный делегат прибыл на площадь верхом, быстро проехал вдоль фронта и, убедившись в том, что перед ним нет 12 тыс. и что состояние собравшихся батальонов далеко не удовлетворительно, повернул обратно в военное министерство.

Некоторые участники Коммуны утверждали потом, что смотр был организован Росселем не для наступления на Версаль, а для похода на Ратушу с целью разогнать Коммуну и захватить в свои руки диктаторскую власть. Гастон Да Коста, заместитель прокурора Коммуны, писал, что еще в конце апреля группа бланкистов при поддержке некоторых военных специалистов (Росселя, Домбровского, Врублевского), недовольная деятельностью Коммуны, которую они считали недостаточно решительной, составила заговор с целью заменить Коммуну «триумvirатом», наделенным диктаторской властью. В состав этого триумvirата предполагалось включить Росселя (в качестве военного министра), члена Коммуны Ш. Жерардена (в качестве министра внешних сношений) и члена Коммуны А. Дю-

⁵⁵ *Bourelly*. Le Ministère de la guerre sous la Commune. Paris, (s. a.), p. 116.

⁵⁶ «L'Estafette», 11. V 1871.

⁵⁷ Э. Луссагапе. История Коммуны 1871 года, стр. 299.

⁵⁸ «Mémoires et correspondance de L. Rossel», p. 327, 331—333.

пона (в качестве министра внутренних дел). Домбровский наметался на пост главнокомандующего.

Вечером 1 мая в кабинете Риго состоялось совещание, в котором приняли участие члены Коммуны А. Дюпон, Ш. Жерарден, Риго и Эд, а также Да Коста, Реньяр (генеральный секретарь префектуры полиции), Россель, Домбровский и Врублевский. Россель изложил план переворота. Риго предлагал подождать до возвращения в Париж Бланки, а пока подготовить общественное мнение через газету «Le Père Duchêne», заручиться поддержкой различных революционных групп и добиться ограничения роли ЦК национальной гвардии. Соглашаясь на участие в разгоне Коммуны, Риго выражал, однако, опасение, как бы поход против Ратуши не привел к столкновениям внутри национальной гвардии⁵⁹.

Насколько достоверен рассказ Да Коста, сказать трудно, хотя он подтверждается заявлениями некоторых других участников Коммуны.

М. Шури с определенностью говорит о заговоре Росселя⁶⁰. То, что многие бланкисты были недовольны действиями Коммуны, считая их недостаточно решительными, и стремились сделать ее политику более оперативной, это известно. Но планы насильственного устранения Коммуны путем вооруженного выступления кажутся нам маловероятными, хотя, возможно, разговоры на эту тему и велись среди некоторых ее членов.

Известие о падении форта Исси было получено Росселем после его возвращения в военное министерство. Он тотчас составил следующее сообщение: «Трехцветное знамя развевается над фортом Исси, оставленным вчера вечером его гарнизоном. Военный делегат Россель»⁶¹. Не предупредив ни Коммуну, ни Комитет общественного спасения, которые могли бы добавить несколько слов для поднятия духа населения, он отправил вестового в типографию с приказом немедленно отпечатать эти 14 слов в количестве 10 тыс. экземпляров (обычный тираж афиш Коммуны составлял 6 тыс. экземпляров)⁶². Помеченная 12 час. 30 мин., эта афиша вскоре появилась на стенах домов⁶³. Несколько позже была расклеена другая афиша, помеченная 13 часами и содержавшая приказ Росселя полковнику Брюнелю, командовавшему федератами в деревне Исси, занять позицию у деревни Исси, связав ее с фортом Ванв.

⁵⁹ G. Da Costa. La Commune vécue, t. II. Paris, 1905, p. 191, 194—197.

⁶⁰ М. Шури. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 363.

⁶¹ «Les Murailles politiques françaises», t. II. Paris, 1874, p. 459.

⁶² «Le Vengeur», 11.V 1871. Россель признался потом, «что действовал с излишней поспешностью» («Le Vengeur», 16. V 1871).

⁶³ Комитет общественного спасения отдал распоряжение приостановить расклейку этих афиш, а ЦК приказал срывать уже расклеенные. Шури излагает это иначе (см. М. Шури. Коммуна в сердце Парижа, стр. 366).

Вслед за тем Россель обрисовал создавшееся на фронте положение Делеклюзу, который в качестве члена Военной комиссии с утра находился в министерстве. После этого военный делегат продиктовал открытое письмо на имя членов Коммуны, в котором заявлял, что слагает с себя свои служебные обязанности. Письмо это было тотчас же отослано в Ратушу, а также в редакции некоторых парижских газет.

Письмо Росселя представляло собой обвинительный акт против Коммуны, ЦК национальной гвардии, Центрального комитета артиллерии и начальников легионов. Подчеркивая, что он считает себя «неспособным нести далее ответственность за командование там, где все рассуждают и никто не хочет повиноваться», военный делегат заявлял, что Комитет артиллерии мешает организации артиллерии, что колебания ЦК затрудняют работу административного аппарата, что предубеждения начальников легионов парализуют мобилизацию войск. Россель порицал гарнизон Исси и его командиров за эвакуацию форта, утверждая, что она была преждевременной. С исключительной резкостью обрушивался военный делегат на начальников легионов, обвиняя их в том, что они бездействуют и только совещаются, признавался, что хотел расстрелять их, но не решился «взвалить на себя всю ответственность за репрессии, которые нужны для того, чтобы извлечь из этого хаоса организацию, дисциплину и победу». «Мой предшественник — писал далее Россель, — напрасно пытался бороться с этим нелепым положением. Для меня существуют лишь две линии поведения: или уничтожить препятствия, стоящие на моем пути, или удалиться. Я не уничтожу этих препятствий, так как они заключаются в вас и в вашей слабости, а я не хочу покушаться на народный суверенитет. Я удаляюсь и имею честь просить вас предоставить мне камеру в Мазасе»⁶⁴.

Слабые стороны военной организации Коммуны были в этом письме явно преувеличены. Оно свидетельствовало о стремлении Росселя представить свои действия в благоприятном свете и свалить всю вину за беспорядок в военном ведомстве на Коммуну и Центральный комитет. Письмо наносило серьезный ущерб авторитету Коммуны. Своим поступком Россель показал, что главным для него была забота о своих интересах, о своем личном авторитете.

В тот же день заседание Коммуны было прервано появлением Делеклюза, который сообщил о падении форта Исси и отставке военного делегата. Во взволнованной речи, встреченной аплодисментами, старый революционер страстно призывал к единству, энергии, борьбе до конца. «Я надеялся, граждане, — говорил он, — что Париж спасет Францию, а Франция — Ев-

⁶⁴ «Mémoires et correspondance de L. Rossel», p. 331—333.

ропу. И что же? Центральный комитет собирается разогнать Коммуну: это значит нанести Революции удар в сердце... Оставьте сегодня всякую злобу... Надо немедленно принять решительные меры... Франция протягивает нам руки, у нас есть продовольствие, напряжем силы еще неделю и прогоним версальских бандитов. Франция пришла в движение, она оказывает нам моральную поддержку, которая претворится в активную помощь». Указав на то, что ЦК своими действиями дезорганизует все учреждения, Делеклюз добавил, что если комитет «хочет содействовать работе, которая должна быть теперь проделана, чтобы объединить разрозненные части обороны Парижа», то следует принять это содействие. Оратор резко критиковал Комитет общественного спасения и требовал сменить его членов⁶⁵.

Заседание продолжалось после этой речи в секретном порядке. Разгорелись жаркие споры. Действия Комитета общественного спасения подверглись резкой критике. Один из членов Комитета заявил, что последний повинен лишь в недостаточной решительности по отношению к членам оппозиционной фракции, и предложил арестовать сторонников «меньшинства». Члены Военной комиссии Арнольд и Варлен, принадлежавшие к «меньшинству», внесли следующее письменное предложение: «Так как Комитет общественного спасения поставил под угрозу общественное спасение, вместо того чтобы обеспечить его, мы предлагаем упразднить Комитет общественного спасения». Семь членов Коммуны, из которых шесть принадлежали к «меньшинству» (Арнольд, Арну, Андриё, Авриаль, Тридон, Тейс), а один к «большинству» (Жоаннар), предложили «создать просто Комитет контроля и надзора и возложить на него обеспечение исполнения декретов». Шесть членов Коммуны, среди которых было пять сторонников «меньшинства» (Лонге, Андриё, Тейс, Серрайе, Малон) и один сторонник «большинства» (Жоаннар), поставили свои подписи под предложением заменить членов Комитета общественного спасения и определить его полномочия.

После долгих прений было принято решение сохранить Комитет общественного спасения, но немедленно обновить его состав и превратить его «в непрерывно действующий орган с местопребыванием в Ратуше». Было постановлено также сократить число заседаний до трех в неделю (не считая экстренных собраний, созываемых по предложению пяти членов Коммуны или Комитета общественного спасения), а также установить непрерывность работы членов Коммуны в окружных мэриях, чтобы на месте «принимать меры, диктуемые потребностями момента»⁶⁶.

⁶⁵ «Протоколы...», т. II, стр. 228—230.

⁶⁶ См. там же, стр. 231.

Члены Военной комиссии, значительная часть которых принадлежала к «меньшинству», предложили, исходя из соображений военной целесообразности, оставить Росселя на посту военного делегата еще в течение суток и пригрозили, что уйдут в отставку, если это предложение не будет принято. Пиа потребовал немедленного ареста Росселя, которого он обвинял в измене. Подавляющим большинством голосов Коммуна приняла решение арестовать бывшего военного делегата; против этого высказались Ш. Жерарден и Малон. Было решено назначить «гражданского делегата по военным делам», придать ему в помощь «существующую Военную комиссию», организовать новый военный трибунал.

Пиа резко нападал на членов «меньшинства», обвиняя их в трусости и в потворстве изменникам. Возмущенный этими клеветническими нападками, Малон прервал Пиа. Он назвал его «злым гением революции 18 марта», отравляющим атмосферу своими ядовитыми подозрениями, и заявил, что неоякобинцы 1848 г., погубившие ту революцию, погубят и Коммуну. Журд призвал отбросить личные счеты и сосредоточить помыслы на укреплении обороны Парижа. Шален потребовал ареста сторонников «меньшинства», которых он объявил виновниками всех бед.

В избрании членов нового Комитета общественного спасения приняли участие и сторонники «меньшинства». Но были избраны исключительно сторонники «большинства»: два неоякобинца (Гамбон и Делеклюз), два бланкиста (Эд и Ранвье) и один близкий к бланкистам социалист (Антуан Арно). Ранвье получил 36 голосов, Антуан Арно — 32, Гамбон — 29, Эд — 25, Делеклюз — 23 из 53 голосовавших⁶⁷.

Днем 9 мая ЦК национальной гвардии опубликовал прокламацию, в которой заявлял, что он взял на себя управление военным министерством лишь для того, чтобы наладить порядок, придать обороне новый импульс и «не допустить гибели революции 18 марта, которую он совершил столь прекрасно». «Граждане, вспомни бессмертных защитников Великой революции. Без хлеба и Делеклюз, в снегу, они сражались и одерживали победы. Неужели мы, — говорилось в прокламации, — находясь в лучших условиях, проявим меньше доблести?.. Будем тверды; что скажут наши дети, если мы сделаем их рабами? Дети наши будут свободными, ибо мы отстоим Республику и Коммуну, а человечество будет обязано нам своим благоденствием и своей независимостью»⁶⁸.

В тот же день на заседание ЦК национальной гвардии, где обсуждалось положение на фронте, был вызван Россель. От

⁶⁷ «Le Vengeur», 10. V 1871.

⁶⁸ «Les Murailles...», t. II, p. 455.

него потребовали объяснений по поводу его афиши об оставлении форта Исси. Россель ответил, что он уже больше не делегат по военному министерству. После его ухода разгорелись прения. Моро заявил, что бывают моменты, когда необходима диктатура, и что такой момент наступил. Голосование по этому вопросу дало следующие результаты: 19 — за, 9 — против. Лакор отметил, что Россель — способный военачальник и, по-видимому, хороший республиканец. Одуано утверждал, что «Россель ничего не организовал» и что «за последние шесть дней положение вновь обострилось». Моро возразил, что «Клюзере и реакция мешали Росселю действовать»; он добавил, что диктатура Росселя будет носить временный характер и осуществляться «под контролем Комитета общественного спасения». Был назван и другой кандидат на эту роль — Домбровский. Вопрос был поставлен на голосование. Оно дало следующие результаты: за вручение диктаторской власти Домбровскому голосовало 2 члена, а за диктатуру Росселя — 22 (при 3 против и 1 воздержавшемся)⁶⁹.

Решение избрать Росселя показало, сколь неустойчивы были взгляды членов ЦК на меры укрепления обороноспособности Парижа.

Россель отказался принять пост диктатора. Поздно вечером, вернувшись в министерство, он застал в своем кабинете членов Военной комиссии, пришедших его арестовать. Делекюз изложил цель их прихода и вступил в разговор с Росселем, доводы которого, видимо, произвели на него впечатление; во всяком случае он заявил своим товарищам, что не может решиться арестовать Росселя, не дав ему высказаться перед Коммуной. Члены Военной комиссии удалились, упросив Росселя исполнять обязанности делегата до следующего утра; он согласился при условии, что двое из ее членов останутся на ночь в министерстве на случай, если придется что-либо подписывать. Решено было, что в министерстве останутся Авриаль и Жоаннар.

Утром 10 мая Авриаль и Жоаннар отвезли Росселя в Ратушу. Там они узнали, что заседание Коммуны перенесено с 10 часов утра на 1 час, а затем на 2 часа дня. Оба члена Военной комиссии отвели арестованного в квестуру, где и пробыли с ним, чередуясь друг с другом, до 5 часов дня.

На заседании Коммуны обсуждался вопрос об избрании гражданского делегата при военном министерстве. Валлес сообщил, что, по имеющимся сведениям, Делекюз согласен взять на себя эти обязанности. «Он широко известен и сплотит вокруг своего имени множество людей». Выдвигалась и кан-

⁶⁹ С. А. Dauban. Le fond de la société sous la Commune, p. 254—258; см. также М. Шури. Коммуна в сердце Парижа, стр. 367.

дидатура Варлена, но среди членов «меньшинства» не оказалось единства по этому вопросу. В результате тайного голосования Делеклюз был избран 42 голосами из 46 ⁷⁰.

При обсуждении дела Росселя бывший военный делегат подвергся резким нападкам со стороны членов Коммуны, особенно тех, кто принадлежал к «большинству». Груссе заявил, что Россель написал «письмо, которое могло за два часа ниспровергнуть Коммуну»; он предложил избрать следственную комиссию для рассмотрения образа действий Росселя. Риго возразил, что, так как «факты очевидны», дело должно быть передано в военный трибунал. Делеклюз добавил, что Военная комиссия уже назначила трибунал, и он сможет приступить к работе в тот же вечер. Было отклонено предложение Военной комиссии выслушать Росселя (при 26 голосах из 44 против, 16 — за и 2 воздержавшихся). Группа, отклонившая это предложение, состояла в основном из представителей «большинства», но в нее входило и несколько членов «меньшинства». Среди тех, кто голосовал за это предложение, преобладали представители «меньшинства», но было и несколько членов «большинства». Оба воздержавшихся принадлежали к «большинству». Затем на голосование было поставлено предложение П. Груссе предать Росселя военному суду. За предложение Груссе голосовало 33 члена Коммуны (из 43). Почти все члены «большинства» подали свой голос за это предложение. Исключение составил Шарль Жерарден, который утверждал, что Россель «виновен лишь в необдуманном политическом поступке, а не в измене». Семь членов «меньшинства» голосовали за предание Росселя военному суду, против этого голосовал Варлен. Шесть других членов «меньшинства» воздержались; воздержались и два члена «большинства» ⁷¹.

Через некоторое время в Коммуну поступило письмо Шарля Жерардена, который просил, чтобы его предали суду наравне с Росселем. Гамбон заявил по этому поводу, что Ш. Жерарден должен быть выслушан «как свидетель защиты». «Или как обвиняемый», — заметил Мио ⁷². Вдруг в зале заседаний появился Авриаль и сообщил, что Россель и Шарль Жерарден покинули Ратушу.

Впоследствии Россель пытался оправдать свое бегство из Ратуши тем, что в составе военного трибунала, который должен был судить его, был полковник Колле, проявивший крайнюю трусость под огнем версальцев ⁷³. Это объяснение нельзя признать убедительным.

⁷⁰ «Протоколы...», т. II, стр. 241—242.

⁷¹ Там же, стр. 243—245.

⁷² Там же, стр. 248—250.

⁷³ «Mémoires et correspondance de L. Rossel», p. 328.

Известие о бегстве Росселя и Жерардена как громом поразило членов Коммуны. Гамбон под одобрителные возгласы присутствующих предложил «дать Бержере неограниченные полномочия, чтобы арестовать Росселя»⁷⁴. Задержать Росселя и Жерардена, однако, не удалось.

11 мая, по сообщению газеты «Le Vengeur», члены «большинства» Коммуны (или, как сказано было в газете, «левой Коммуны») собрались в мэрии I округа под председательством Э. Клемана. На совещании была подвергнута обсуждению обстановка в связи с отставкой и бегством Росселя и были приняты решения, направленные на укрепление правительства Коммуны⁷⁵.

12 мая Комитет общественного спасения обратился к населению Парижа с прокламацией, в которой обвинял Росселя в предательстве и утверждал, что он замышлял «монархический мятеж внутри города и одновременно с этим сдачу городских ворот». Комитет сообщал, что «все нити мрачного заговора, добычей которого едва не сделалась революция», находятся в руках Коммуны, так же как и «большая часть преступников». Прокламация призывала граждан Парижа зорко следить за происками контрреволюционных элементов и быть готовыми нанести беспощадный удар изменникам. «Пусть все живые силы революции объединятся для последней борьбы, и тогда, но только тогда победа будет обеспечена»⁷⁶.

Прокламация произвольно связывала между собою два одновременных, но независимых друг от друга факта: оставление форта Исси, вызванное полной невозможностью продолжать его оборону, и частичное раскрытие одной шпионской организации в Париже, к которой бывший военный делегат не имел никакого отношения.

Враждебные Коммуне газеты Парижа не скрывали своего удовлетворения по поводу отставки Росселя и обстоятельств, сопровождавших эту отставку.

Официальный орган версальского правительства, подчеркивая, что заявление Росселя бросает «яркий свет на анархию и многовластие в правительстве инсургентов», предвещая «неизбежный и близкий конец восстания...»⁷⁷ Тьер с явным удовлетворением отмечал факт отставки «диктатора Росселя»⁷⁸.

В революционных кругах Парижа события 9 и 10 мая вызвали большую тревогу. Оставление форта Исси было встречено сравнительно спокойно. Совсем иное впечатление произвело па-

⁷⁴ «Протоколы...», т. II, стр. 252.

⁷⁵ «Le Vengeur», 12. V 1871.

⁷⁶ «Journal officiel», 12. V 1871.

⁷⁷ «Journal officiel de la République Française» (версальская), 11. V 1871.

⁷⁸ D. Halévy. Le courrier de M. Thiers. Paris, 1921, p. 438.

дение Росселя. По словам агента информационной службы, жители «народных кварталов» встретили известие об отставке военного делегата с большим сожалением, но, когда стало известно о бегстве Росселя из Ратуши, сожаление о нем сменилось взрывом всеобщего осуждения⁷⁹.

Малон, исполнявший обязанности мэра Батиньоля, одним из представителей которого в Коммуне был и Шарль Жерарден, рассказывал, что среди жителей этого округа, а также среди жителей Монмартра эти события вызвали «некоторое брожение», в связи с чем власти распорядились направить туда четыре батальона национальной гвардии из Бельвиля⁸⁰. Буржуазная газета «L'Etoile» утверждала даже, что по агентам полиции, отправленным на розыски Росселя и Жерардена, была открыта стрельба и что для успокоения умов ЦК национальной гвардии разослал по этим округам своих членов⁸¹. Насколько достоверны рассказ Малона и сообщение «L'Etoile», сказать трудно.

Революционная пресса горячо обсуждала события. Газета «Le Père Duchêne», публикуя письмо Росселя к членам Коммуны, резко нападала на ЦК и начальников легионов национальной гвардии, требовала их расстрела, убеждала бывшего военного делегата взять назад свое заявление об отставке, утверждала, что у Коммуны очень мало способных людей и что Росселя нелегко будет заменить⁸². Газета «Le Réveil du Peuple» предлагала Коммуне осуществить следующие три меры: 1) оставить Росселя на посту военного делегата; 2) организовать «Контрольный комитет» в составе трех членов (Делеклюза, Антуана Арно и Прото), который не вмешивался бы в действия военного делегата, но «мог бы в случае надобности потребовать его смещения»; 3) категорически воспретить Центральному комитету «вмешиваться в управление военным министерством под страхом немедленного роспуска». Газета защищала Росселя от обвинений в измене, требовала немедленного разбора его дела⁸³.

«Мы не нуждаемся в 36 диктаторах! — восклицала газета «Le Père Duchêne», имея в виду членов ЦК национальной гвардии. — Нам нужна одна диктатура, единственная, которая имеет право на существование сегодня... Диктатура военного министерства под контролем гражданской комиссии!.. Один хозяин — военный делегат! Одно честолюбие — спасти револю-

⁷⁹ C. A. Dauban. Le fond de la société sous la Commune, p. 265, 276.

⁸⁰ B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchâtel, 1871, p. 311.

⁸¹ «L'Etoile», 12. V 1871.

⁸² «Le Père Duchêne», 21 floréal an 79 (10.V 1871), p. 4.

⁸³ «Le Réveil du Peuple», 11, 14. V 1871.

ции! Чтобы быть свободными завтра, нам нужно всем безоговорочно подчиниться сегодня!»⁸⁴

Совершенно иной была позиция газеты «Le Vengeur». В статье «Россель» Пиа, критикуя текст афиши об оставлении форта Исси, восклицал: «От этих двух слов — *развевается* и *оставленный* — разит изменой!»⁸⁵. «План Росселя» есть продолжение «плана Базена» и «плана Трошю», — утверждал он. Пиа обвинял Росселя в подражании Наполеону, в диктаторских замыслах⁸⁶.

В кампании против Росселя приняли участие и некоторые другие органы революционной прессы. Прудонистская газета «La Justice» стала в этом вопросе на сторону неоякобинской газеты «Le Vengeur». «La Justice» резко осуждала поведение Росселя, называла его заявление об отставке «возмутительным и гнусным» и полемизировала по этому вопросу с газетой «Le Réveil du Peuple»⁸⁷.

Газета «Le Père Duchêne» продолжала горячо защищать Росселя. 13 мая она обрушилась с яростными нападками на Комитет общественного спасения за его прокламацию, обвинявшую Росселя в предательстве. Газета заявляла, что, если доказательства измены Росселя не будут представлены, члены редакции вместе с бывшим военным делегатом «укроются в Бельвиле среди патриотов... и тогда граждане Бельвиля примут против вас такие меры, которых потребуют интересы города и революции»⁸⁸.

Эта открытая угроза восстания в Париже против Коммуны едва не привела к закрытию газеты и аресту ее редакторов. Газете «не оставалось теперь ничего другого, как поддерживать Делеклюза, который сменил Росселя»⁸⁹.

Левопрудонистская «La Sociale» также печатала статьи в защиту Росселя, заявляя, что единственной ошибкой Росселя было то, что он не покончил одним ударом «с Центральным комитетом и с начальниками легионов, которые во все время его министерства только ставили ему палки в колеса». Газета требовала немедленной проверки всех членов ЦК, так как среди них имеется много подозрительных элементов, которые должны быть исключены из его состава⁹⁰. 16 мая в статье (без подписи) «Подлецы» газета заявляла, что поскольку Коммуна не дала и не дает бесспорных доказательств измены Росселя, значит выдвинутое против него «обвинение ложно».

⁸⁴ «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13. V 1871), p. 7.

⁸⁵ «Le Vengeur», 11. V 1871.

⁸⁶ «Le Vengeur», 13, 16. V 1871.

⁸⁷ «La Justice», 13, 15, 16. V 1871.

⁸⁸ «Le Père Duchêne», 24 floréal an 79 (13. V 1871), p. 5.

⁸⁹ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges au temps de la Commune, t. VIII, p. 188

⁹⁰ «La Sociale», 13, 15. V 1871.

В качестве главы военного ведомства Россель должен был бы, писала «La Sociale», «взять в свои руки всю полноту власти», арестовать и расстрелять членов Комитета общественного спасения и членов Центрального комитета, ибо они «стесняли его движения, мешали военным действиям». Статья заканчивалась угрозами по адресу членов Коммуны и предупреждала, что если они не представят исчерпывающих доказательств измены Росселя, то будут заключены в Мазас и должны будут признаться в своей лжи. Эта неслыханно резкая как по содержанию, так и по форме статья не осталась безнаказанной: через два дня «La Sociale» перестала выходить⁹¹.

Дискуссия о личности и деятельности Росселя вскрыла существование двух противоположных точек зрения относительно того, как должен быть построен военный аппарат Коммуны и какое место должно быть отведено в нем военным специалистам. Неоякобинцы считали, что военная политика должна базироваться на следующих принципах: недоверие к профессиональным военным, разграничение военного командования и административного управления, привлечение гражданских органов к руководству военными делами. Загипнотизированные традициями Великой французской революции, неоякобинцы готовы были в каждом кадровом офицере, примкнувшем к революции, видеть либо Кюстина, либо Дюмуре, либо Бонапарта. «Гражданская делегация по военным делам есть плотина против честолюбивых происков военщины,— писал Пиа.— Генералы против своей воли тянутся к диктатуре... Кто превратил первую республику в империю? Солдат. Кто совершил 18 брюмера? Солдат. Кто дал разбить нас при Ватерлоо? Солдат. Кто свершил 2 декабря? Солдат. Кто довел нас до поражения при Седане? Солдат. Кто сдал Париж 1 марта? Кто хотел его обезоружить 18-го? Кто осаждает его сейчас? Солдат, еще раз солдат и снова солдат... Со времени 13 вандемьера каждый солдат мечтает о маршальском жезле, каждый артиллерийский офицер — о троне...»⁹².

Прудонисты смыкались в этом вопросе с неоякобинцами. Верморель писал о «превосходстве штатских над военными в войне революционной, т. е. оборонительной»⁹³.

Иной была военная платформа бланкистов и левых прудонистов, а также части неоякобинцев. Они признавали вред «комитетчины», ратовали за строго централизованное руководство военным ведомством, считали необходимым использование

⁹¹ Последний номер газеты вышел 17 мая. Была ли она закрыта по распоряжению Коммуны или закрылась по инициативе самой редакции, предупрежденной о грозящем аресте, неизвестно.

⁹² «Le Vengeur», 13, 16. V 1871.

⁹³ «La Commune», 13, V 1871.

военных специалистов на ответственных постах, не опасаясь честолюбия кадровых офицеров. «Даже победоносный генерал, имея под своим начальством одну лишь национальную гвардию, не может произвести государственного переворота», — заявляла газета «La Commune»⁹⁴. «С армией, состоящей из граждан, нет места ни для военных переворотов, ни для диктаторов», — замечала газета «Le Réveil du Peuple»⁹⁵. «Есть ли основание опасаться, — писал Лиссагаре, — чтобы гражданская милиция, составленная из отцов и мужей, сражающихся в двух шагах от своего очага за свои политические вольности, согласилась последовать за каким-нибудь честолюбивым военным в задуманном им предприятии?» «Разумеется, нет», — доказывала газета «Le Tribun du Peuple»⁹⁶.

*Борьба течений в Коммуне
по вопросам социально-экономической
политики*

Борьба течений в Коммуне проявлялась и при разрешении отдельных вопросов социально-экономической политики. Еще в апреле, как уже говорилось, вопросы об отсрочке платежей по долговым обязательствам и о безвозмездном возврате заложенных в ломбарде вещей повели к столкновению между сторонниками и противниками радикальных мер в области социально-экономической политики. 25 апреля при обсуждении вопроса о ломбарде социалист-коллективист Ж.-Б. Клеман говорил, что «социальная ликвидация», которую намечает Коммуна, требует обложения рантье в пользу неимущих.

Обсуждение вопроса о заложенных в ломбарде вещах возобновилось на заседании Коммуны 6 мая. Поднял этот вопрос Ж.-Б. Клеман, выразивший недовольство тем, что Коммуна все еще не издала декрета о ломбарде. Другой представитель «большинства», Виар, подчеркнул, что население Парижа с нетерпением ждет решения этого вопроса. «Я присутствовал, — сказал он, — на трех или четырех публичных собраниях, состоявшихся в церквях при огромном стечении народа. Чего же на них требовали? Решения вопроса о ломбардах»⁹⁷. При обсуждении и принятии декрета о ломбарде на заседании 6 мая больше половины присутствовавших (18 из 31) принадлежало к «большинству». Видимо, именно поэтому Жоаннар и предлагал напечатать в «Journal officiel» список присутствующих на заседании. Если это предложение будет принято, сказал он, «наши избиратели будут знать, что им о нас думать,

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ «Le Réveil du Peuple», 12. V 1871.

⁹⁶ «Le Tribun du Peuple», 18. V 1871.

⁹⁷ «Протоколы...», т. II, стр. 164.

и сумеют отличить тех из нас, которые на самом деле являются социалистами»⁹⁸.

Эти слова рабочего, члена Интернационала, показывают, какое большое значение придавали передовые представители пролетариата экономическим мероприятиям Коммуны, направленным на улучшение положения трудящихся.

По декрету о ломбардах стоимость залогов, подлежащих возврату, была установлена в 20 франков. Число вещей, на которые распространялся декрет, достигало 900 тыс. (на сумму в 8 млн. франков). Часть из них была возвращена владельцам. Но довести до конца это дело Коммуна не успела.

Решение об отмене ночного труда в булочных явилось важным завоеванием рабочих в дни Коммуны и вызвало горячее одобрение со стороны трудящихся Парижа, что ярко проявилось 15 мая, когда в Национальном цирке состоялось общее собрание рабочих-пекарей, на которое явилось около 2 тыс. человек. По окончании собрания его участники направились в Ратушу с оркестром, с красными знаменами, на которых красовались надписи: «Организация труда через ассоциацию», «1871 год. Социальная республика», «Да здравствует дневной труд!», «Долой эксплуатацию человека человеком!»⁹⁹

Главным делом Коммуны в ее рабочей политике была борьба с безработицей, от которой сильно страдали в это время трудящиеся Парижа. В мае 1871 г. в результате закрытия целого ряда предприятий, вызванного бегством многих предпринимателей в период осады Парижа немецкими войсками и особенно после революции 18 марта, в столице насчитывалось только 114 тыс. рабочих, занятых на производстве (из них 62 500 женщин). Это составляло лишь $\frac{1}{5}$ ее рабочего населения в конце 60-х годов¹⁰⁰.

По инициативе Комиссии труда и обмена были организованы мастерские для пошивки военного обмундирования, в которых нашли работу десятки и сотни безработных женщин и девушек. 3 тыс. работниц заняли места в мастерских по изготовлению патронов¹⁰¹.

Самым важным из мероприятий Коммуны в этой области был декрет от 16 апреля о покинутых и бездействующих мастерских.

Рабочие организации горячо приветствовали этот декрет и немедленно взялись за его осуществление, активно участвовали в Комиссии по обследованию и организации труда. Активное

⁹⁸ «Протоколы...», т. II, стр. 176.

⁹⁹ J. Michelant. Un souvenir de la Commune. — «Journal des économistes», t. XXIII, p. 264.

¹⁰⁰ «Revue des Deux Mondes», 15. V 1871; A. Audiganne. Mémoires d'un ouvrier de Paris 1871—1872. Paris, 1873.

¹⁰¹ E. Thomas. Les «Pétroleuses». Paris, 1963, p. 93.

участие в работе этой комиссии приняла русская социалистка Елизавета Дмитриева (Томановская). Она разработала проект создания женских производственных ассоциаций и последующего объединения их в федерацию. Проект предусматривал сокращение рабочего дня, уравнивание женщин в оплате труда с мужчинами, предоставление ассоциациям займов, сырья и заказов, принятие членов ассоциаций в Интернационал¹⁰². В порядке осуществления декрета 16 апреля пять рабочих союзов успели приступить к учету бездействующих мастерских. Был конфискован десяток мастерских. В последние дни Коммуны готовилась конфискация одного из крупнейших металлургических предприятий Парижа — завода Баррикан¹⁰³.

4 мая на заседании Коммуны было зачитано предложение о реквизиции (с последующим денежным возмещением бывшим владельцам) всех крупных мастерских со всеми орудиями производства, сырьем и конторами, о передаче этих мастерских рабочим ассоциациям и об открытии их денежного кредита¹⁰⁴. Но Коммуна не успела обсудить это предложение и провести его в жизнь.

Крупное принципиальное значение имел декрет Коммуны от 13 мая, направленный против эксплуатации рабочих и работниц, занятых в производстве обмундирования для национальных гвардейцев. Франкель внес предложение передавать в дальнейшем заказы рабочим ассоциациям. «Мы не должны забывать, — подчеркнул он, — что революция 18 марта совершена исключительно рабочим классом. Если мы, чей принцип — социальное равенство, ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны»¹⁰⁵. Обсуждение этого вопроса закончилось принятием декрета, предоставившего Комиссии труда и обмена право пересмотра контрактов, заключенных с подрядчиками, и постановившего, что впредь заказы будут сдаваться рабочим корпорациям. Особая статья декрета устанавливала, что в подрядных условиях должен быть предусмотрен минимум оплаты за выполняемую работу¹⁰⁶.

Декрет об обязательном минимуме заработной платы был определенным достижением рабочего класса в дни Коммуны. Но предложение Франкеля внести в контракты пункт о 8-часовом рабочем дне не получило поддержки.

Социалистическую направленность имели и меры Коммуны по установлению рабочего контроля над производством. Такой контроль был введен, например, в Национальной типографии,

¹⁰² Ibid., p. 88—89, 96—97.

¹⁰³ J. Rougerie, Procès des communards. Paris, [1964], p. 221.

¹⁰⁴ «Протоколы...», т. II, стр. 120—121.

¹⁰⁵ Там же, стр. 265—271.

¹⁰⁶ «Journal officiel», 13, 15, V 1871.

в государственных Луврских оружейных мастерских по ремонту и починке оружия. Устав этих мастерских, датированный 3 мая, предусматривал создание Совета, составленного из выборных делегатов от рабочих, мастеров и начальников цехов¹⁰⁷.

Активное участие в социально-экономической политике и во всей вообще созидательной деятельности Коммуны принимали общественные организации революционного Парижа — профессиональные союзы, секции Интернационала, комитеты бдительности, политические клубы, объединявшие передовую часть рабочего класса и отчасти радикальные слои мелкой буржуазии. Особенно активной была деятельность клубов.

Крупную ошибку допустила Коммуна в своей финансовой политике, в частности в политике по отношению к Французскому банку. Отказ от конфискации его богатств поставил Коммуну в положение хронической финансовой нужды, вынудил ее к строжайшей экономии даже на дело обороны, толкнул ее на путь сохранения почти всей старой налоговой системы. Ответственность за такую политику лежала на Комиссии финансов, которой руководили правые прудонисты, принципиальные противники покушений на частную собственность, считавшие, что Коммуна является только городским советом Парижа и не вправе поэтому распоряжаться банком, имеющим общегосударственное значение.

Значит ли это, что революционно-социалистические элементы парижского населения не предпринимали никаких попыток добиться изменения финансовой политики Коммуны? Такие попытки делались. Еще в середине апреля Амуру, исполнявший обязанности секретаря Коммуны, говорил: «Необходимо занять банк вооруженными силами, ибо он стал на явно враждебную нам и реакционную позицию; он весь заражен монархизмом; это вызывает недовольство республиканской части населения... Так как он не желает подчиняться нам, мы займем его и будем управлять им»¹⁰⁸. Председатель клуба Сен-Северен делегат ЦК 20 округов Троель в письме к Риго, жалуясь на недостаточную решительность Коммуны, напоминал завет Сен-Жюста: «Люди, делающие революцию лишь наполовину, сами роют себе могилу». Будь он членом Коммуны, писал Троель, он добился бы проведения решительных мер — прежде всего занятия Французского банка и конфискации имеющихся в нем ценностей¹⁰⁹. Это позволило бы, — добавлял Троель, — передать 200 млн. в кассу секций Интернационала,

¹⁰⁷ «Journal officiel», 21. V 1871.

¹⁰⁸ *M. Du Camp*. Les convulsions de Paris, t. III. [Paris, 1876.] p. 267.

¹⁰⁹ *P. Fontoulieu*. Les églises de Paris sous la Commune, Paris, 1873, p. 286-287.

обеспечить семьи раненых и убитых коммунаров, немедленно вернуть все заложенные в ломбарде вещи, повысить жалование бойцам национальной гвардии.

12 мая по инициативе группы бланкистов, руководивших Комиссией общественной безопасности, была предпринята серьезная попытка занять банк. С этой целью здание банка было оцеплено батальоном национальной гвардии из рабочего предместья Менильмонтан, добровольческим отрядом «Мстителей Флуранса» и отрядом гарибальдийцев. Но захват банка — под предлогом поиска в нем тайного склада оружия — не удался. Прибывший на место действия Белэ, опираясь на свои полномочия делегата Коммуны, добился ухода отрядов, стянутых к зданию банка, и выпроводил бланкиста Лемуссю, который в качестве комиссара общественной безопасности руководил всей операцией. Комитет общественного спасения дезавуировал инициаторов этого дела.

Как велики были разногласия в Коммуне по вопросу об отношении к собственности крупного капитала, показывает заседание Коммуны 21 мая. В этот день прудонист Ланжевен внес запрос, на каком основании «*Journal officiel*» опубликовала извещение (за подписью члена ЦК национальной гвардии Грелье), которое предупреждало жителей Парижа, что по истечении 48 часов все обязательства по государственным процентным бумагам, равно как и большая книга государственного долга, будут преданы сожжению. «Это — одно из опаснейших сообщений, оно взволновало общественное мнение», — заявил Журд. Лефрансэ потребовал ареста Грелье. В необходимости официального опровержения заметки и немедленных репрессий против ее автора прудонистов поддержали неоякобинцы Режер и близкий к бланкистам Курне. Резким диссонансом прозвучало выступление Груссе. «Осуждая напечатание этого сообщения, — заявил он, — я, однако, прошу принять меры к уничтожению всех ценных бумаг, принадлежащих версальцам, в тот день, когда они, возможно, вступят в Париж»¹¹⁰.

Предложение это вызвало шумные протесты и принято не было. Была принята резолюция, внесенная Лефрансэ: «Коммуна, предоставляя Комитету общественного спасения принять все меры пресечения против гражданина Грелье и его сообщников, переходит к порядку дня». Отчет о заседании 21 мая был дополнен в «*Journal officiel*» сообщением, что «только вследствие досаднейшей ошибки, чисто личное предложение Грелье», поступившее в отсутствие редактора газеты Везинье, «оказалось среди публикуемых документов и было помещено в официальной части»¹¹¹.

¹¹⁰ «Протоколы...», т. II, стр. 346—348.

¹¹¹ «*Journal officiel*», 22. V 1871.

*Открытый конфликт
между «большинством» и
«меньшинством» Коммуны.
«Декларация меньшинства»,*

К середине мая борьба течений в Коммуне стала принимать все более острый характер. Этому во многом способствовали серьезные разногласия, обнаружившиеся между «большинством» и «меньшинством» по вопросу о военной организации, в частности по вопросу об отношении к Росселю. Неудачи на фронте привели к еще большему обострению этих раздоров.

Резкие споры разгорелись на заседании Коммуны 12 мая по вопросу о правах Комитета общественного спасения. Споры начались сразу же после того, как были произведены дополнительные выборы в состав этого Комитета в связи с назначением Делеклюза на пост гражданского делегата по военным делам. На это место было предложено два кандидата — Бийорэ и Варлен. Избран был Бийорэ. Из 43 голосовавших он получил 27 голосов, а Варлен — 16 ¹¹².

Эта новая победа сторонников «большинства» явилась прелюдией к спорам. Эд в качестве члена Комитета общественного спасения заявил, что Комитет имеет право менять состав всех делегаций и комиссий Коммуны. Он добавил, что, ввиду серьезности положения, Комитет предполагает сменить делегата общественной безопасности и назначить на этот пост человека, в котором он будет вполне уверен. Члены «большинства» поддержали Эда. Они указывали, что «тому, на ком лежит полная ответственность, нужна абсолютная власть». Члены «меньшинства» возражали против этой теории. Прения закончились принятием резолюции, в которой указывалось, что статьей 3-й декрета о Комитете общественного спасения Коммуна передала ему всю власть над делегациями и комиссиями ¹¹³.

На следующий день Курне был заменен на посту делегата общественной безопасности бланкистом Ферре, который пользовался репутацией твердого и решительного человека ¹¹⁴. В то же время прудонист Верморель был выведен из состава Комиссии общественной безопасности, а прудонист Лонге заменен на посту главного редактора «Journal officiel» близким к бланкистам Везинье ¹¹⁵. 15 мая Комитет общественного спасения сменил весь состав Военной комиссии, назначив ее членами Бержере, Курне, Жерема, Ледруа, Лонкла, Сикара и Юрбена, принадлежавших к «большинству». Они заменили Арнольда, Авриала, Жоаннара, Тридона и Варлена, которые (за исключением Жоаннара) принадлежали к «меньшинству» ¹¹⁶.

¹¹² «Протоколы...», т. II, стр. 275.

¹¹³ Там же, стр. 276—278.

¹¹⁴ «Journal officiel», 14. V 1871.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ «Journal officiel», 16. V 1871.

Все эти изменения были произведены с целью устранить членов оппозиционной фракции со всех ответственных постов.

14 мая члены Коммуны, принадлежавшие к ее «меньшинству», явились на заседание, которое, однако, не состоялось из-за массовой неявки сторонников «большинства». 15 мая 12 членов Коммуны, принадлежавших к «меньшинству», пришли на очередное заседание, но из членов «большинства» налицо оказалось только 4—5 человек. Заседание Коммуны снова сорвалось. Тогда присутствующие члены «меньшинства» решили опубликовать в газетах текст декларации, которую они намеревались зачитать на заседании.

Декларация «меньшинства» была принята 14 мая на собрании его членов в здании Управления почт, директор которого Тейс принадлежал к той же группировке. На собрании были заслушаны три проекта — Журда, Лефрансэ и Арну. Предпочтение было отдано проекту Журда из-за его большей краткости. В этом проекте утверждалось, что Коммуна «отреклась от своей власти, передав ее диктатуре, которую она назвала Комитетом общественного спасения», и что «большинство» Коммуны сняло с себя ответственность за создавшееся в Париже положение, переложив ее на этот Комитет. «Мы, как и большинство, — заявляли члены «меньшинства», — желаем политического и социального обновления; но в противоположность ему мы от имени тех, кого представляем, требуем права только самим отвечать за свои действия перед нашими избирателями, не прячась за какой-то верховной диктатурой, которую наш мандат не позволяет нам признать». Члены «меньшинства» добавляли, что они будут являться за заседания Коммуны лишь тогда, когда она будет судить кого-либо из своих членов; что отныне они посвятят все свое время работе в окружных мэриях и намерены принять непосредственное участие в вооруженной борьбе с Версалем. «Там мы снова будем с пользой служить своим убеждениям и будем стараться предотвращать в Коммуне раздоры, которые все мы осуждаем, будучи убеждены в том, что, несмотря на наши политические разногласия, все мы — большинство и меньшинство — преследуем одну и ту же цель — политическую свободу, освобождение трудящихся»¹¹⁷.

Под этим документом подписался 21 член Коммуны: 12 прудонистов (Андриё, Арнольд, Арну, Белэ, Эжен Жерарден, Журд, В. Клеман, Клеманс, Курбе, Остен, Пенди, Тейс), 6 левых прудонистов (Авриаль, Варлен, Валлес, Верморель, Лефрансэ, Лонге), один бланкист (Тридон) и двое близких к марксизму (Серрайе и Франкель). Франкель сопроводил свою подпись под декларацией особым заявлением, в котором писал: «Голосуя за *Комитет общественного спасения*, я оговорил себе

¹¹⁷ «Le Cri du Peuple», 17. V 1871.

право критиковать его. Пользуясь этим правом, я присоединяюсь к «Декларации меньшинства». Прежде всего я хочу блага Коммуны»¹¹⁸. 16 мая левый прудонист Малон, отсутствовавший на заседании 15 мая, написал в газеты, опубликовавшие декларацию «меньшинства», о своем присоединении к ней. «...Я остаюсь при том убеждении, — писал он, — что воспоминания о 93 годе никогда не должны были бы примешиваться к социальной и пролетарской революции, начало которой было положено 18 марта»¹¹⁹.

Среди 22 членов Коммуны, подписавших декларацию «меньшинства», было 18 членов Интернационала, что составляло почти половину общего числа членов Интернационала, входивших в состав Коммуны (их было в этот момент в общей сложности 37). Члены парижских секций Интернационала, избранные в Коммуну, не представляли собой единой в идейно-политическом отношении группы. Вследствие этого социалистические элементы в составе Коммуны оказались в двух различных группировках. Левые прудонисты примкнули к прудонистам, с которыми их объединяло свойственное тем и другим отрицательное отношение к политической централизации, к диктаторской власти и революционному насилию, «конституционные иллюзии». Бланкисты оказались в одном лагере с неоякобинцами, с которыми их сближало стремление к сильной, централизованной власти, понимание необходимости решительных действий по отношению к контрреволюционным элементам, а также и то, что они одинаково понимали характер и объем власти Коммуны, видя в ней революционное правительство всей Франции (прудонисты и левые прудонисты считали, напротив, что Коммуна — только муниципальный совет Парижа). Член Интернационала Тридон был единственным бланкистом, который, видимо, осознал слабые стороны бланкизма и неоякобинства. Поэтому он и примкнул к «меньшинству». Так же поступил и близкий к марксизму Серрайе. Численное преобладание неоякобинцев среди членов «большинства» Коммуны сделало невозможным для таких людей, как Серрайе, участие в этой группировке, где мелкобуржуазных демократов было значительно больше, чем социалистов.

Ни «большинство», ни «меньшинство» не представляло собой чего-либо однородного: внутри каждой группировки имелись существенные разногласия по ряду вопросов идеологии и тактики. Обе группы представляли собой *блок пролетарских и мелкобуржуазных революционеров*. Сплочение революционных социалистов Коммуны в единую политическую группировку оказалось невозможным в исторических условиях того времени.

¹¹⁸ B. Malon. La troisième défaite..., p. 318.

¹¹⁹ «Le Cri du Peuple», 17. V 1871.

Впечатление, произведенное в Париже декларацией «меньшинства» Коммуны, было исключительно сильным. Революционная пресса горячо обсуждала эту декларацию. В газетах, подерживавших «большинство», поднялась буря негодования. «Никто не имеет права,— решительно заявлял бланкистский орган «*Le Salut public*»,— отделяться от Коммуны, уклоняться от ответственности за ее действия, не подчиняться воле большинства. Эти господа заявляют, что они возвратятся в Коммуну, чтобы судить тех из своих членов, которые окажутся виновными в чем-либо; по нашему мнению, они должны были бы вернуться туда в качестве обвиняемых»¹²⁰.

Суда над членами «меньшинства» требовала и газета «*Le Père Duchêne*». Она обрушивалась на представителей оппозиционной группы с крайне резкими выпадами, обвиняла их в нарушении своего долга перед народом, уподобляла их солдатам, дезертирующим с поля сражения, требовала предания их суду военного трибунала и расстрела¹²¹.

Газета «*Le Vengeur*» осуждала членов «меньшинства» за то, что своим уходом из состава Коммуны «в решающий час, когда Париж находится на волосок от гибели... они ослабляют его силы и подрывают успех борьбы», обвиняла противников «большинства» в «индивидуализме», «эгоизме», центробежных стремлениях и предлагала предъявить «меньшинству» требование: «возвратиться на свои скамьи или подать в отставку, взять назад свой манифест или запросить мнения своих избирателей»¹²².

Газеты, издававшиеся сторонниками «меньшинства», поразному отнеслись к его декларации. «*Le Cri du Peuple*» в статье П. Дени одобряла членов «меньшинства» за то, что они не пошли на раскол, на что рассчитывали версальцы, не порвали с «большинством», но решили перенести центр своей деятельности в округа и оставить разговоры ради действия. «Если меньшинство Коммуны сумеет сделать «этот новый опыт» удачным, оно с честью послужит Парижу и Республике»¹²³.

Газета «*La Commune*» резко осуждала поступок «меньшинства», но не скрывала и своего критического отношения к «большинству». «Не с ума ли сошли господа в Ратуше?» — восклицал Ж. Дюшен в статье «Истерия». «Неужели они хотят теперь играть в парламентаризм? Что это такое? Интеллигентное меньшинство удаляется из зала заседаний и уходит не на Авентинский холм восстания, а под сень пассивного покоя. Оно уступает место невежественным и грубым элементам, смешным

¹²⁰ «*Le Salut public*», 16. V 1871.

¹²¹ «*Le Père Duchêne*», 28 floréal an 79 (17.V 1871).

¹²² «*Le Vengeur*», 17, 20. V 1871.

¹²³ «*Le Cri du Peuple*», 17. V 1871.

клубным крикунам, комедиантам, разыгрывающим 1793 год...» «Кто же остается в Коммуне?» — спрашивал Дюшен и отвечал: «Честный Гамбон и стоический Делекюз, затем Диоген-Пиа... Педанты, верхогляды, мелкие честолюбцы, лишенные знаний и добросовестности, составляют большинство»¹²⁴.

Группа граждан VI округа, среди представителей которого в Ратуше было два члена «меньшинства» — Белэ и Курбе, — в письме в газету «Le Salut public» ставила вопрос, «по какому праву члены Коммуны, избранные ими, выходят из нее, даже не предупредив своих избирателей». «Мы требуем, — писали они, — привлечения к судебной ответственности этих граждан, оставляющих свой пост в момент опасности. Мы предлагаем, чтобы приступили к проведению новых выборов для замены этих людей, недостойных мандата, который мы им доверили»¹²⁵.

Арну, принадлежавший к «меньшинству», признает в своей книге, что его декларация не была понята населением. «Народ понял только, что мы отделились от собрания, именуемого Коммуной, и это решение тревожило его, заставляло предполагать ослабление, распадение власти, а ведь он рассчитывал, что она будет руководить обороной и спасет Париж от врагов. В данном случае, должен признаться, общественное мнение было право»¹²⁶.

Буржуазные круги населения Парижа одобряли действия «меньшинства» и расценивали его декларацию как явное свидетельство раздоров в Коммуне и как несомненный предвестник ее скорой гибели. Буржуазная печать заговорила о необходимости проведения новых выборов в Коммуну.

17 мая состоялось очередное заседание Коммуны. Переключившись установила присутствие 66 членов, в том числе 15 членов «меньшинства», подписавших декларацию.

Обстановка в Коммуне была весьма напряженной. По свидетельству М. Вийома, Риго явился на это заседание, имея в кармане ордера на арест членов «меньшинства», заготовленные в прокуратуре. Делекюз высказался против арестов, указав, что они вызовут раздоры среди коммунаров. Пиа согласился с ним. Прото заявил, что арест членов «меньшинства» не встретит поддержки в батальонах национальной гвардии¹²⁷. Мнение Делекюза, пользовавшегося большим влиянием в Коммуне, решило вопрос, тем более что получило поддержку со стороны делегата юстиции и одного из главных руководителей

¹²⁴ «La Commune», 18. V 1871.

¹²⁵ «Le Salut public», 18. V 1871.

¹²⁶ A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris. Bruxelles, 1878, t. II, p. 108—109.

¹²⁷ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges..., t. IX. Paris, 1912, p. 105—107.

«большинства». Предложение руководимой бланкистами прокуратуры арестовать членов «меньшинства» было отклонено.

Обсуждение вопроса о поведении членов «меньшинства» вызвало бурные споры на заседании. «Я хотел бы прежде всего знать,— сказал Груссе,— является ли их присутствие среди нас отказом от прискорбного акта, в котором они повинны; ибо я не допускаю возможности того, чтобы некоторые из членов Коммуны могли помещать в газетах декларацию, в которой объявляют о расколе, в которой они, эти новые жирондисты, заявляют, что удаляются не в департаменты — этого они не в состоянии сделать,— а в округа... а затем без объяснений, без оправданий уесться на свои обычные места». «Если члены Коммуны, объявившие о своем уходе,— заявил Груссе,— действительно намерены целиком посвятить себя избравшим их округам, я скажу: «Тем лучше!..» Если же эти члены, вместо того чтобы честно выполнять свое обещание, попытаются маневрировать, чтобы поставить под угрозу благо Коммуны, из которой они дезертируют, то мы сумеем настигнуть и покарать их. Что касается нас, то мы исполним свой долг: мы остаемся на боевом посту, доверенном нам народом, до победы или смерти»¹²⁸.

Груссе ответил Валлес. От своего имени и от имени своих друзей он заверил что, «меньшинство» хочет «самой полной гармонии в рядах Коммуны» и что его заявление об уходе на работу в округа «не является угрозой». «Словом,— подчеркнул он,— мы хотим объединения всех сил, чтобы обеспечить спасение... Лично я заявил, что следовало договориться с Центральным комитетом и с большинством, но надо уважать и меньшинство, которое тоже является силой»¹²⁹. «Опубликование декларации, подписанной меньшинством,— прискорбный факт,— заметил Режер,— но в конце концов, если в этой декларации сказано больше того, что думали наши коллеги, пусть они возьмут ее назад. Их цель — та же, что и наша; мы несколько расходимся в вопросе о средствах. И как только они к нам вернутся, мы должны принять их по-братски, чтобы всем вместе содействовать достижению цели, к которой мы стремимся».

Вайян заявил: «Я не принадлежу ни к большинству, ни к меньшинству, потому что не сумел найти такую группу людей, вместе с которой мог бы пойти». Это было не совсем точно: по существу он принадлежал к «большинству», хотя критически относился к некоторым его действиям и высказывался против чрезмерного увлечения неоякобинцев традициями революции XVIII в. Вайян горячо призывал членов Коммуны к сплочению рядов во имя спасения революции: «Не надо больше

¹²⁸ «Протоколы...», т. II, стр. 296—298.

¹²⁹ Там же, стр. 298.

внутренних раздоров. Декларация нанесла Коммуне тяжелый удар, так как поставила публично вопросы, которые должны были бы обсуждаться только в секретном порядке. Но когда эти члены, отказываясь от своей декларации, возвращаются сюда, не надо колоть им глаза этой декларацией, побуждая их упорствовать в своей ошибке... Теперь остается только одно: пусть меньшинство разорвет свою программу, а большинство пусть скажет ему: объединим наши усилия ради общего блага, будьте с нами; ибо если вы будете против нас, мы вас сокрушим»¹³⁰.

Франкель заявил: «Считаю, что нахожусь в таком же положении, как и мой друг Вайян. Я не принадлежу ни к какой фракции Палаты; однако я подписал выводы декларации, я буду защищать ее перед вами и перед моими избирателями». Критикуя выступление Груссе, назвавшего членов «меньшинства» жирондистами, Франкель иронически заявил членам «большинства»: «Это вы ложитесь и встаете с «Монитером» 93 года, иначе вы знали бы, какая разница существует между социалистами и жирондистами». «Если декларация опубликована,— подчеркнул он,— то это ваша вина. Мы явились сюда, а вас здесь не было. Пока вы меня не сместите, я останусь в своей делегации и буду продолжать заботиться об интересах трудящихся, что я и делал до сих пор. Я буду посылать решения, принятые по согласованию с Комиссией труда, в Комитет общественного спасения, но, заявляю вам, сюда я буду приходить только в тех случаях, которые указаны в декларации»¹³¹.

Собрание перешло к обсуждению предложений, внесенных Вайяном и Мио. Предложение Мио было более суровым по отношению к «меньшинству», чем предложение Вайяна, и гласило:

«Принимая во внимание, что Комитет общественного спасения отвечает за свои действия, что он постоянно к услугам и в распоряжении Коммуны, верховная власть которой никогда не оспаривалась и не могла оспариваться,

большинство Коммуны заявляет:

1) что оно готово забыть поведение членов меньшинства, которые заявят о снятии своих подписей под декларацией;

2) что оно осуждает эту последнюю и переходит к порядку дня».

Серрайе заявил, что никогда не снимет своей подписи под декларацией «меньшинства». Защищая действия этой группировки, он указывал, что ее члены дважды приходили в Ратушу на заседание, но оно не состоялось. «Нас можно упрекнуть только в одном: в огласке, которая была дана этой декларации»,— добавлял Серрайе. В результате голосования было при-

¹³⁰ «Протоколы...», т. II, стр. 300.

¹³¹ Там же, стр. 301—304.

нято предложение Мио. «Теперь раскол совершился, можете делать со мной, что хотите»,— такой вывод сделал из этого голосования Остен, член Интернационала, принадлежавший к «меньшинству».

Никто не возразил Остену,— может быть, потому, что в этот момент в зал вошел Бийорэ и заявил: «Взорвался патронный завод на улице Рапп; он еще горит. Это измена, а вы занимаетесь спорами!» «Изменник, совершивший поджог, арестован»,— добавил он. Амуру, обращаясь к «меньшинству», воскликнул: «Видите, вы подстрекаете к гражданской войне!» (Эта реплика была затем зачеркнута в протоколе). Председатель прекратил обсуждение действий «меньшинства», сказав: «Я не буду больше предоставлять слово по вопросу о декларации»¹³². В самом конце заседания Франкель заявил, что ввиду происходящих событий он будет присутствовать на заседаниях. В письме, адресованном 19 мая в «*Journal officiel*», он писал: «Между нами, безусловно, имеется расхождение во взглядах на пути и средства, но нельзя допускать раскола в момент опасности»¹³³.

Революционная пресса горячо призывала к единству в рядах Коммуны, к сплочению всех сил для борьбы против усиливающегося натиска версальских войск. Редакция газеты «*Le Cri du Peuple*» заклинала членов Коммуны прекратить все споры и «объединиться в одном общем усилии», с тем чтобы бойцы могли идти в бой «под одним знаменем, рука об руку». «Во имя общественного спасения будем едины вплоть до победы. Парижский народ имеет право и должен требовать этого единства и он требует его»¹³⁴.

Газета «*Le Père Duchêne*» опубликовала статью, написанную в примирительном тоне. Разбирая доводы «меньшинства», статья доказывала их несостоятельность. Газета уверяла, что и сама недовольна составом и деятельностью Комитета общественного спасения, который «не является тем, чем он должен был бы быть, т. е. Комитетом действия и инициативы, находящимся под контролем Коммуны» Но может ли это служить оправданием для отставки? Ни в коем случае. Прудон, например, не вышел из Учредительного собрания 1848 г. под тем предлогом, что заседающие в нем аристократы смеются над его идеями. «Подумайте над этим, граждане члены меньшинства! Вы по меньшей мере столь же способны, как и остальная часть Коммуны. Поэтому вы должны бороться до конца». В противном случае, доказывала газета, на членов «меньшинства» ляжет

¹³² Там же, стр. 306—307.

¹³³ «*Journal officiel*», 20. V 1871.

¹³⁴ «*Le Cri du Peuple*», 19. V 1871.

особенно большая «ответственность за несчастья, которые могут произойти»¹³⁵.

Ссылка бланкистской газеты на поведение Прудона была приведена, разумеется, для того, чтобы убедительнее воздействовать на «меньшинство», среди которого преобладали прудонисты. «Мы не уходим из Коммуны,— уверял, разъясняя позицию «меньшинства», один из его членов, Арнольд, в открытом письме на имя редакторов «Le Père Duchêne»,— но мы искренне полагаем, что сейчас уже не время заниматься долгими рассуждениями, что пора действовать»¹³⁶.

Газета «Le Prolétaire» — орган комитета Клуба пролетариев XI округа — не высказывалась ни за, ни против «меньшинства», заявляя, что народу будто бы безразличны члены как одной, так и другой группировки, что он тяготеет «бесконечной болтовней». Вместе с тем газета одобряла решение «меньшинства» посвятить себя управлению своими округами и требовала, чтобы они всегда находились на посту¹³⁷. Верные критические замечания в адрес членов Коммуны сочетались в этой статье с анархистским по существу противопоставлением массы руководству.

Некоторые газеты мелкобуржуазного направления подхватили требование буржуазной прессы о переизбрании Коммуны. Главный редактор прудонистской газеты «La Commune» О. Делималь опубликовал статью, где утверждал, что стоит только Коммуне заявить о своем согласии на проведение новых выборов, как внутренние раздоры прекратятся и версальцы пойдут на уступки в вопросе о «правах Парижа», убедившись, что их отстаивает все население города. Делималь писал: «Освободите место для истинной Коммуны, для Коммуны, которая означает порядок во всех службах, экономию во всех расходах, свободу и безопасность для всех, для Коммуны, которая была бы подлинным преобразованием прошлого, подлинной революцией на деле, а не на словах»¹³⁸.

До какой степени остроты доходила в этот момент борьба правого крыла прудонистов против бланкистско-якобинского «большинства» Коммуны, свидетельствует статья Дюшена, опубликованная 19 мая. Называя членов «большинства» «бездеятельными глупыми мальчишками», «кровавыми шутами», «комедиантами», играющими «в Коммуну 93 года и в монтаньярский конвент», прудонистский публицист заявлял, что весь состав Комиссии общественной безопасности и Комитета общественного спасения должен быть арестован и расстрелян в наказание

¹³⁵ «Le Père Duchêne», 29 floréal an 79 (18. V 1871).

¹³⁶ «L'Estafette», 20. V 1871.

¹³⁷ «Le Prolétaire», 19. V 1871.

¹³⁸ «La Commune», 17, 19. V 1871.

за то, что члены этих органов не сумели предотвратить поражение федератов при Мулен-Саке, падение форта Исси и взрыв патронного завода на улице Рапп. Эта неслыханная по своей резкости статья привела к тому, что в тот же день газета «La Commune» была закрыта по постановлению Комитета общественного спасения.

Столкновения между обеими группировками Коммуны происходили и на заседании 19 мая. Собрание должно было выбрать трех недостающих членов в Комиссию юстиции. После того как был выбран представитель «большинства» Везинье, неоякобинец Режер предложил подождать возвращения в Собрание «коллег из меньшинства», чтобы среди них найти двух других кандидатов. Член Комиссии юстиции Ж. Дюран назвал имя Лонге, подписавшего декларацию «меньшинства». Однако неоякобинец Юрбен решительно восстал против этой кандидатуры, заявив, что до тех пор, пока «большинство» не обратится с соответствующим запросом к «меньшинству», «нельзя давать поручение члену «меньшинства». Выступление Юрбена решило вопрос.

Мио выразил недовольство тем, что в протоколе предыдущего заседания не воспроизведены следующие его слова: «Члены меньшинства совершили, на мой взгляд, серьезный и заслуживающий крайнего порицания акт, опубликовав декларацию, посредством которой они откололись от большинства. Если бы не наше благоразумие и не наша умеренность, то они могли бы таким образом вызвать гражданскую войну, которой я и мои коллеги из большинства хотим избежать». «Я хочу,— добавил Мио,— чтобы моя поправка была помещена в «Journal officiel». Собрание проголосовало за опубликование поправки Мио. «Если я вычеркнул это место,— пояснил Везинье,— то потому, что считал опасным напечатать... что члены Коммуны призывают таким образом к гражданской войне»¹³⁹.

На том же заседании произошло столкновение между представителями обеих группировок по вопросу о борьбе против контрреволюционной пропаганды в прессе. Члены Коммуны, примыкавшие к «меньшинству», резко осуждали постановление Комитета общественного спасения от 18 мая, вводившее ряд суровых мер против враждебных Коммуне органов печати. Особенно резко критиковал это постановление Растуль. «Декрет этот,— заявил он,— имеет тенденцией установить непогрешимость Коммуны, поскольку он претендует на то, чтобы разрешить высказываться только тем газетам, какие ей угодны». Все выступление Растуля свидетельствовало, что он не проводил различия между газетами, защищавшими дело Коммуны,

¹³⁹ «Протоколы...», т. II, стр. 320, 323—324.

и газетами, подрывавшими ее существование. Юрбен дал решительный отпор Растулю. «Что касается свободы печати,— сказал он,— то я большой ее сторонник. Но мы находимся в исключительных условиях... Декрет не должен был оставить издание никаких других газет, кроме тех, которые вызывают патристический порыв». Эти слова были встречены одобрительными возгласами ¹⁴⁰.

Большая часть членов Коммуны одобрила решительные, хотя и запоздалые, меры, принятые ею против контрреволюционных органов печати. Но полностью покончить с контрреволюционными органами печати Коммуне все же не удалось.

Особенно отчетливо роль прудонистов правого крыла, как носителей мелкобуржуазной идеологии, проявилась в рассуждениях прудонистских газет по вопросу о политической позиции «среднего класса» и о тактической линии Коммуны по отношению к нему. Осуждая постановление Комитета общественного спасения от 15 мая о введении обязательных удостоверений личности, предъявления которых мог потребовать каждый национальный гвардеец, газета «La Commune» утверждала: «Эти жалкими мерами вы возбудите гнев, раздражение, беспокойство среди той самой буржуазии, которая уже не любит вас, но еще больше не любит Версаль и готова присоединиться к вам для борьбы за коммунальные вольности. Вы заставите ее сказать: «Ах, конец! Лучше какой угодно режим, чем режим Коммуны»» ¹⁴¹.

Газета «Le Cri du Peuple» призывала членов Коммуны не тратить времени и сил «на поиски внутреннего врага, которого не существует», а подготовиться к отражению внешнего врага ¹⁴². Этот ошибочный тезис,— будто внутри Парижа у Коммуны нет врагов,— выдвигала и газета «Le Réveil du Peuple» ¹⁴³.

В газете «Révolution politique et sociale» секретарь-корреспондент Руанской федерации Интернационала Обри, находившийся в эти дни в Париже, писал: «Слабость Коммуны со времени начала борьбы привела к тому, что реакция подняла голову. Вот уже несколько дней реакционеры безнаказанно распространяют самые злостные слухи с целью обескуражить доблестных солдат Революции». Обри настойчиво призывал руководителей Коммуны перестать щадить ее противников, быть строгими и неумолимыми по отношению к ним ¹⁴⁴.

Того же требовали от Коммуны революционные клубы, профессиональные союзы и другие общественные организации proletарского Парижа.

¹⁴⁰ «Протоколы...», т. II, стр. 334—335.

¹⁴¹ «La Commune», 16. V 1871.

¹⁴² «Le Cri du Peuple», 15. V 1871.

¹⁴³ «Le Réveil du Peuple», 20. V 1871.

¹⁴⁴ «La Révolution politique et sociale», 15. V 1871.

Чтобы упрочить связи с широкими слоями трудящихся Парижа, «большинство» Коммуны решило укрепить дружеские взаимоотношения с ЦК национальной гвардии как организацией, которая продолжала пользоваться влиянием в массах. 19 мая Военная комиссия Коммуны за подписью всех своих шести членов, принадлежавших к «большинству», и ЦК за подписью 40 своих членов опубликовали совместное воззвание к «народу Парижа и к национальной гвардии», в котором опровергали «слухи о раздорах между большинством Коммуны и Центральным комитетом», настойчиво распространяемые врагами революции¹⁴⁵.

20 мая состоялось экстренное заседание Федерального совета парижских секций Интернационала, созданное для обсуждения вопроса о декларации «меньшинства» Коммуны. На заседании присутствовали представители 27 секций (из общего числа 29). Из членов Коммуны, принадлежавших к Интернационалу, налицо были только шесть: Авриаль, Тейс, Серрайе, Ж. Дюран, Франкель и Остен; все они, за исключением Дюрана, были сторонниками «меньшинства». Жоаннар, Малон и Варлен не явились, прислав извинения. Председательствовал Бастелика, секретарем был Аме.

Собрание заслушало объяснения Серрайе, Авриалья, Франкеля (как представителей «меньшинства»), а с другой стороны — Ж. Дюрана, который выразил сожаление, что до сих пор шел с «большинством». Принятая на заседании резолюция гласила, что Федеральный совет, «выслушав объяснения членов Коммуны, принадлежащих к Интернационалу, и оценив безупречную честность мотивов, которые руководили их действиями, призывает их, оставаясь на страже интересов рабочего класса, приложить все свои усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победы в борьбе против версальцев». Во второй части резолюции говорилось, что Федеральный совет «поддерживает... требование гласности заседаний и изменения статьи 3-й декрета об учреждении Комитета общественного спасения, делающей невозможным какой бы то ни было контроль над действиями исполнительной власти, иначе говоря, над действиями самого Комитета общественного спасения и делегаций Коммуны»¹⁴⁶.

Таким образом, Федеральный совет по существу стал на сторону «меньшинства» в его борьбе за ограничение власти Комитета общественного спасения. Объясняется это, видимо, тем, что в Федеральном совете руководящую роль играли прудонисты и левые прудонисты, которые недооценивали необхо-

¹⁴⁵ «Journal officiel», 20. V 1871.

¹⁴⁶ «Journal officiel», 24. V 1871.

димось централизации власти и решительных действий. Однако призыв Федерального совета к сохранению единства Коммуны перед лицом грозной опасности сыграл положительную роль, предотвратив надвигавшийся раскол.

Отдельные секции Интернационала поставили вопрос о своем отношении к борьбе течений в Коммуне еще до решения Федерального совета. По словам Лефрансэ, секции Батиньоля и Монмартра, несмотря на все усилия сторонников «большинства» Комбо и Шалена (первый из них был секретарем, второй — членом секции Батиньоля), постановили, что Малон присоединением к декларации «меньшинства» доказал свою преданность делу социальной революции¹⁴⁷.

Вечером 20 мая в зале Лирического театра состоялось многотысячное собрание 2 тыс. избирателей IV округа¹⁴⁸, проведенное по инициативе членов Коммуны от этого округа, принадлежавших к «меньшинству», — Арну, Лефрансэ, Э. Жерардена и Клеманса. Арну заявил, что собрание созвано с двойной целью. «Как ваши избранники в Коммуну, — сказал он, — мы должны объяснить вам свое политическое поведение... Как ваши администраторы, мы должны представить вам отчет о нашем управлении. С этого мы и начнем. Я зачитаю вам письменный доклад, который введет вас в курс положения дел в IV округе».

Основным вопросом, который обсуждался участниками собрания, было обострение борьбы группировок в Коммуне. Лефрансэ от своего имени и от имени Арну, Э. Жерардена и Клеманса обрисовал причины и характер разногласий в Коммуне. Он уверял присутствующих, что «раскола не произошло» и что «большинство и меньшинство по-прежнему преследуют одну и ту же цель», хотя «окончательного укрепления Республики, экономического преобразования, при котором труд станет всем, и окончательного низвержения тех, кто противится этим реформам». «Следовательно, разделение существует лишь в способе определения средств, которые должны быть применены для достижения общей цели». Критикуя действия Комитета общественного спасения и утверждая, что он стал подменять собой Коммуну, Лефрансэ оправдывал декларацию «меньшинства» и объяснял, что оно не подало в отставку лишь потому, что при сложившейся обстановке «это было бы верхом малодушия», но не отступлением с поля боя¹⁴⁹.

Речь Лефрансэ была встречена аплодисментами присутствующих. Аплодисменты покрыли и его слова о том, что принципы

¹⁴⁷ *G. Lefrançais. Étude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871.* Neuchâtel, 1871, p. 305—306.

¹⁴⁸ «Протоколы...», т. II, стр. 371—384.

¹⁴⁹ Там же, стр. 373—374.

Коммуны бессмертны и что если даже она потерпит поражение, то когда-нибудь возродится вновь «в сиянии славы»¹⁵⁰. Один из участников собрания задал Лефрансэ вопрос, какие мотивы побудили членов «большинства» передать полномочия избранному населением Коммуны Комитету общественного спасения.

С ответом выступил Амуру, единственный член Коммуны от IV округа, принадлежавший к «большинству». Он произнес большую речь, показав, что «большинство» и «меньшинство» по-разному относятся к вопросу о применении насилия в отношении врагов революции. «Некоторые утверждали,— говорил он,— что не следует возвращаться к 93 году, что надо быть социалистами, философами и ставить разум выше силы. Что касается меня, то с того дня, как я вступил в борьбу, я мыслил следующим образом: всякая революция, порожденная силой, может удержаться лишь при помощи силы... Пора действовать, иначе восторжествует реакция... Не будем церемониться; на убийства ответим казнями»¹⁵¹.

Раздались аплодисменты. Они еще более усилились, когда Амуру подчеркнул, что народ в течение 18 веков подвергался жестоким гонениям и что нельзя осуждать его за то, что он расправляется со своими врагами. Аплодисментами было встречено и замечание Амуру, что Коммуна недостаточно опирается на народное движение, что она слабо связана с клубами и что в этом надо брать пример с Робеспьера и Сен-Жюста, опиравшихся на Якобинский клуб, и с Марата, который прислушивался к тому, что он слышал среди трудовых слоев населения. Амуру подчеркнул необходимость единства для достижения победы. Он закончил свою речь выражением уверенности, что торжество Коммуны избавит трудящихся от нищеты и принесет возрождение стране. Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами¹⁵².

Выступивший затем избиратель Анриси подверг критике членов «меньшинства» за их декларацию. «Я думаю,— сказал он,— что они не поняли истинного смысла следующего демократического принципа, а именно, что меньшинство должно всегда подчиняться большинству. Следовательно, меньшинство совершило ошибку. Я готов простить ему эту ошибку, но при условии, что оно не совершит ее снова». Критиковал оратор членов «меньшинства» и за то, что они хотят обсуждать теоретические вопросы в такой момент, когда враг стоит у ворот Парижа.

¹⁵⁰ Там же, стр. 375.

¹⁵¹ Там же, стр. 376.

¹⁵² Там же, стр. 377.

Речь Анриси вызвала одобрительные возгласы присутствующих. После этого слово было предоставлено члену Коммуны Э. Жерардену. Он оправдывал действия «меньшинства» и уверял, что не следует придавать слишком большое значение его декларации, что оно не хочет раскола Коммуны, что, опубликовав свое заявление, члены «меньшинства» дали себе слово посоветоваться с избирателями, что он и его коллеги по мэрии IV округа выполняли все распоряжения Комитета общественного спасения, наконец, что выступление «меньшинства» не причинило никакого ущерба делу обороны Парижа.

«Все мы должны выступать, как один человек, один за всех, все за одного,— говорил член коммунальной комиссии IV округа Дюваль.— Поэтому я предложу собранию путем голосования высказать пожелание членам меньшинства, чтобы они объединились с большинством»¹⁵³.

Вновь взяв слово, Амуру разъяснил, что, создавая Комитет общественного спасения, «большинство» Коммуны «хотело образовать центральное правительство, состоящее из решительных людей, которые могли бы твердой рукой принимать самые энергичные меры». Доказывая необходимость репрессий против контрреволюционеров, Амуру говорил: «Когда на вас нападает лев, вы церемонитесь с ним? Если в вас вливается гадюка, вы протягиваете ей пятку? Разве вы не защищаетесь? На версальские злодеяния вы должны ответить самым решительным образом»¹⁵⁴.

Член ЦК национальной гвардии Поль Пиа потребовал, чтобы «меньшинство» заявило в газетах о том, что оно берет назад свою декларацию. «При роялистском правительстве, даже при просто республиканском правительстве,— сказал он,— может существовать большинство и меньшинство, потому что все партии соперничают между собою...» Но Коммуна должна быть единой¹⁵⁵.

Дюваль под одобрительные возгласы присутствующих предложил, чтобы избиратели IV округа путем голосования определили свое отношение к поведению представителей этого округа в Коммуне и призвали членов «меньшинства» возвратиться в Коммуну. На это Клеманс заявил, что долг «меньшинства» — склониться перед волей «большинства», но добавил, что «меньшинство» должно сохранить за собой «право защищать то, что оно считает правильным, справедливым». Э. Жерарден согласился с Клемансом. Арну заявил, что он охотно вернется в Коммуну, но при условии, что происходящие на заседаниях Коммуны прения (за исключением прений по военным вопро-

¹⁵³ «Протоколы...», т. II, стр. 379—380.

¹⁵⁴ Там же, стр. 381.

¹⁵⁵ Там же, стр. 382.

сам) будут полностью печататься. Предложение Дюваля с добавлением Арну было поставлено на голосование и принято всеми голосами, за исключением одного. Это предложение гласило: «Собрание избирателей IV округа, не делая ни малейшего упрека своим представителям, призывает их вновь занять свои места в Коммуне и высказывает пожелание, чтобы заседания были гласными, с тем чтобы каждый нес ответственность за свои слова». Собрание закрылось в полночь при криках: «Да здравствует Коммуна!»¹⁵⁶

Оценивая итоги этого собрания, следует сказать, что его решения совпали с решениями, принятыми в тот же день Федеральным советом Интернационала. Сохранение единства Коммуны и гласность ее заседаний — таковы были требования, выдвинутые и там, и тут.

Полного примирения между обеими группировками в Коммуне все же не произошло. Разногласия между ними обнаружались и на ее последнем официальном заседании, которое состоялось 21 мая. Внешне конфликт казался улаженным. Председательское место занимал представитель «меньшинства» Валлес, место заместителя председателя — Курбе, также принадлежавший в «меньшинству». Отмечая это обстоятельство, газета «Le Vengueur» писала 22 мая: «Меньшинство Коммуны, вняв мудрым советам, а также наказу своих избирателей, особенно избирателей IV округа, вновь заняло свое место на вчерашнем заседании. Большинство, чтобы поощрить возвращение этих блудных сынов, устроило им радушную встречу, избрав самых выдающихся из них, гражданина Жюля Валлеса и гражданина Курбе, председателем и заместителем председателя Собрания».

Однако, когда Арну информировал членов Коммуны о резолюции, принятой на собрании избирателей IV округа, и подчеркнул при этом, что собрание одобрило линию поведения «меньшинства», хотя и предложило его членам возвратиться в Коммуну, Амуру заявил, что эта информация неверна. Когда Варлен предложил заняться обсуждением дела Ключере и подчеркнул, что явился на заседание именно ради этого, Лео Мелье поспешил одернуть его, заявив: «Тем из наших коллег, которые заявили, что не желают больше участвовать в заседаниях, не следовало бы так навязывать свою волю... Большинство не должно отдаваться во власть меньшинству». Реплика Варлена о правах «меньшинства» была заглушена поднимающимся шумом¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Там же, стр. 384.

¹⁵⁷ Там же, стр. 345—346, 348.

В тот же день версальские войска проникли в Париж. Члены «большинства» и члены «меньшинства» — за единичными исключениями — с одинаковым мужеством защищали дело Коммуны в ожесточенных боях на улицах Парижа, с одинаковой стойкостью умирали за нее. Но борьба течений в Коммуне, обусловленная неоднородностью ее состава и отсутствием у коммунаров революционной рабочей партии, подрывала прочность первого пролетарского правительства и ускорила его гибель.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬЦЕВ В ПАРИЖ

Декада непрерывных боев предшествовала вступлению версальских войск в Париж. Гражданский делегат при военном министерстве Делеклюз пытался навести порядок в военном управлении и установить строгий контроль над ним. Он приступил к сокращению раздутого штата офицеров главного штаба, обозов и артиллеристов, поскольку последних оказалось значительно больше, чем требовалось по числу имеющихся орудий. Однако привести в порядок в короткий срок запутанные военные дела Коммуны Делеклюз был, конечно, не в состоянии, тем более что, будучи глубоко предан делу революции, он слабо разбирался в военных вопросах.

16 мая Комитет общественного спасения постановил назначить гражданских комиссаров — членов Коммуны при генералах, командующих армиями Коммуны: при Домбровском — Дерёра, при Ла Сесилиа — Жоаннара, при Врублевском — Мелье. Постановление это мотивировалось тем, что «для спасения революции необходимо присоединить к военному элементу элемент гражданский», что это — единственная мера, могущая «предохранить страну от опасности военной диктатуры, которая рано или поздно непременно приводит к восстановлению монархии», и что деятели революции 1789—1794 гг. «прекрасно понимали значение этой меры»¹⁵⁸.

В этом постановлении, изданном под впечатлением дела Росселя, отразилось увлечение многих деятелей Коммуны традициями якобинской диктатуры. Большую роль играли в частях национальной гвардии выборные делегаты от рот и батальонов. Для урегулирования взаимоотношений делегатов и командиров Организационная комиссия ЦК национальной гвардии издала 17 мая циркуляр, в котором указывалось, что «делегатов следует, насколько это возможно, выбирать из числа граждан опытных и стойких», что они должны использовать свой моральный авторитет «для укрепления власти командиров», для установ-

¹⁵⁸ «Journal officiel», 17. V 1871.

ления тесной связи между командирами и бойцами. «Ни при каких обстоятельствах,— говорилось далее в этом циркуляре,— им не следует вмешиваться ни в командование, ни в исполнение приказов; иначе положение начальников станет невыносимым, у них не будет никакого авторитета, дисциплина станет невозможной, а дело наше наверняка погибнет. Наблюдать и сигнализировать — вот каковы их функции...»¹⁵⁹

После взятия форта Исси усилия версальцев были направлены на взятие форта Ванв.

Восточнее форта Исси, на левом фланге Врублевского, в течение 9—12 мая версальцы стремились подойти вплотную к фортам Ванв и Монруж, в ночь с 9 на 10 мая они овладели баррикадами перед Бур-ла-Рен и у Банье и продвинулись в направлении Аркей и форта Монруж. Одновременно они стремились обойти форт Ванв с востока и отрезать его от Парижа. Форт Ванв, в отличие от форта Исси, был вооружен слабо. Существенную помощь артиллерийским огнем оказывали ему только стоявшие на Сене канонерки. Под огнем всей собранной на этом участке осадной и полевой артиллерии версальцев форт Ванв не смог более держаться. В ночь на 11 мая форт был эвакуирован коммунарами и занят версальцами. Однако утром 11 мая он был вновь занят в результате смелой штыковой атаки 187-м и 165-м батальонами во главе с Врублевским. Версальцы обратились в паническое бегство, оставив коммунарам пленных и трофеи.

Упорные бои шли у деревни Исси. Командовавший здесь полковник Брюнель с отрядом в 2 тыс. человек при четырех орудиях упорно защищал этот пункт. Следует отметить, что к этому времени коммунары под командованием Брюнеля бесменно находились в боях уже 41 день. 12 мая версальцам удалось все же ворваться в деревню Исси; Брюнель потребовал присылки подкреплений, чтобы осуществить контратаку. Но ему дали только 200—300 человек. 13 мая измученные и обескровленные батальоны Брюнеля вынуждены были оставить деревню под угрозой окружения.

В этих боях за парк Исси пали геройскою смертью два доблестных подростка — бойцы 115-го батальона, братья Эрнест и Феликс Дюнан (14 и 17 лет).

12 мая версальцы, наступая между фортами Монруж и Ванв, перерезали дорогу Шатийон—Монруж, прервав сообщение между этими фортами. На следующий день версальским войскам удалось обойти форт Ванв. Это заставило его защитников в ночь на 14 мая очистить форт. Они скрытно отошли по подземным ходам сообщения, соединявшим форт с каменоломнями

¹⁵⁹ «Journal officiel», 20. V 1871.

на Шатийонской дороге. Версальцы поспешили занять его и перевооружить для стрельбы в сторону Парижа.

13 мая коммунары потеряли канонерку «Эсток», которая была потоплена батареей версальцев, стоявшей на острове Сен-Жермен. В течение нескольких недель флотилия довольно успешно действовала на Сене, поддерживая правый фланг южного участка фронта. Флотилия отошла в самый центр Парижа, к мосту Согласия.

На крайне левом фланге коммунаров кавалерийский корпус версальцев занимал в течение всего этого времени своими передовыми частями линию Френ — Шуази-ле-Руа. Чтобы отвлечь внимание и силы коммунаров, версальская конница с 11 апреля по 18 мая непрерывно тревожила отряды федератов, занимавших фронт Бур-ла-Рен — От-Брюйер — Вильжюиф — Витри, короткими набегами.

На западном участке фронта в ночь на 12 мая Домбровский предпринял частную контратаку. Под его личной командой 8-й батальон федератов энергичной атакой выбил версальцев из парка Саблонвиль, расположенного восточнее Нёйи и примыкающего к воротам Терн и Нёйи. Благодаря этому удалось сорвать план версальцев, рассчитывавших при помощи контрреволюционных заговорщиков в Париже в ночь на 13 мая захватить западные ворота Парижа. На правом фланге 1-й армии версальцам удалось 13 мая добиться новых успехов в районе Клиши и Левалуа-Перре. Батареи коммунаров, расположенные на Монмартре, были поставлены так неудачно, что осыпали снарядами свои войска. В результате Клиши и Левалуа-Перре в тот же день были частично оставлены коммунарами. Однако эта операция являлась по существу лишь демонстрацией со стороны версальцев, так как их главные силы развивали свой успех на левом фланге армии Домбровского, в Булонском лесу. Версальцы протянули свои штурмовые траншеи в Булонский лес почти до ипподрома (до Бют-Мортемар), их новый, 5-й корпус переправился через Сену у Сюрена под прикрытием артиллерийского огня собственных 84 орудий и 100 тяжелых орудий из района форта Мон-Валерьен, Монтрету, Севра и Медона. Используя прикрытия, создаваемое Булонским лесом, 5-й корпус сосредоточил свои главные силы в районе ипподрома Лонгшан. После переправы передовые части этого корпуса приступили к осадным работам, заложили траншеи впереди Булонских озер на уровне ворот Ла-Мюэтт в предместье Пасси. В ночь с 13 на 14 мая на участке 5-го корпуса был создан плацдарм; кроме того, были установлены батареи на островах и по берегу озер.

Таким образом, 14 мая против левого фланга Домбровского версальцы на фронте протяженностью в 3 км сосредоточили шесть дивизий, в общей сложности против 1-й армии Домбровского

на фронте в 6—7 км были развернуты три корпуса в составе восьми дивизий.

В середине мая версальским войскам удалось на всем фронте подойти вплотную к крепостному валу Парижа и приступить к подготовке штурма. Началась упорная непосредственная защита коммунарами самого города. Версальцам удалось вывести из строя часть бронепоездов, курсировавших вдоль западного фронта.

14—18 мая версальцы под прикрытием артиллерийского огня с форта Мон-Валерьен и батареи Монтрету постепенно сближались с крепостным валом до дистанции штурма. Они сосредоточили в Булонском лесу и у Бийанкура до 80 орудий, в том числе 44 осадных. С 17 мая версальские батареи били в основном по воротам Ла-Мюэтт, Отей, Сен-Клу, Пуэн-де-Жур и Исси. Одновременно с этим огонь батарей второй линии был сосредоточен на крепостном валу у Пуэн-дю-Жур и на воротах Пасси. Укрепления на западном фронте были разрушены, у ворот Майо они представляли к этому времени груды развалин. Артиллеристы выдвинутых перед воротами 12 орудий федератов под непрерывным обстрелом обороняли позиции. Эти герои отошли от ворот Майо только 22 мая, когда выяснилось, что версальцы обошли их с тыла.

У ворот Сен-Клу все орудия коммунаров были приведены в негодность. Траншеи версальцев находились уже в 15 м от городских укреплений. Домбровский не мог удерживать национальных гвардейцев на этих разрушенных позициях, исправить же их не было никакой возможности.

Домбровский ожидал общего штурма со стороны версальцев уже 18—19 мая. Только неизвестность положения и страх, внушаемый отчаянной защитой коммунаров, удерживали версальцев от вторжения в Париж на западном направлении. Чтобы несколько отдалить штурм версальцев, Домбровский предложил организовать вылазку, но к этому времени нельзя было собрать для ударной группировки более 3—4 тыс. человек. Этого было явно недостаточно, чтобы с успехом контратаковать два корпуса версальцев у западных ворот Парижа, располагавшие мощной артиллерией. 18 и 19 мая, в ожидании ночного штурма, коммунары усиливали с наступлением темноты свой огонь, а местность перед бастионами, особенно у ворот Пасси и Отей, освещали электрическими прожекторами. 72-й и 73-й бастионы парижского вала изредка стреляли по пригородам и занятому версальцами форту Исси. Пушки, установленные у ворот Дофины, отвечали на огонь 100 пушек версальцев и мешали инженерным работам в Булонском лесу.

На участке от Аньера до Нёйи имелось всего около 2 тыс. человек; около 4 тыс. — на территории от Ла-Мюэтт до Пти-Ванв. Батальоны, выделенные для прикрытия района Пасси,

находились не на укреплениях, а в домах вдали от них. Много офицеров исчезло. На пространстве от 36-го до 70-го бастиона, т. е. там, куда направлена была атака версальцев, имелось не более 20 артиллеристов. Часовых не было нигде. Объяснялось это не только ожесточенной артиллерийской бомбардировкой версальцев, но и беспечностью командного состава коммунаров. Сказывалась здесь и вредительская работа версальских агентов, орудовавших в частях и штабах национальной гвардии.

Почти ничего не делалось и для внутренней обороны города. Несколько баррикад у ворот Бино, Аньера и на Итальянском бульваре, два редута на площади Согласия и на улице Кастильоне, рвы на улице Руаяль и на Трокадеро — вот все, что было сделано в течение предшествовавших семи недель.

На крайнем правом фланге коммунаров у редута Женвилье, у замка Бэкон, на острове Гран-Жат, расположенном юго-восточнее Курбевуа, версальцы установили новые контрбатареи, а в ночь на 20 мая в траншеях, исходных для атаки, — штурмовые батареи. Несмотря на столь неблагоприятно складывавшуюся для контрудара коммунаров обстановку, Домбровский все же решил попытаться 20 мая путем вылазки несколько облегчить положение на фронте и выбить версальцев из позиций в непосредственном соседстве с городскими укреплениями в Булонском лесу. Однако соотношение сил на любом из направлений было явно не в пользу коммунаров. Самый факт контратаки коммунаров против 60—70 тыс. версальцев свидетельствует о героизме бойцов Коммуны. Но осуществить эту вылазку все же не удалось. Только одна колонна коммунаров из Нёйи смогла проникнуть с севера в Булонский лес; остальные отряды, атаковавшие версальцев через ворота Пасси и Отей, были сразу же остановлены убийственным огнем артиллерии. К этому времени относится посылка на фронт военной делегацией Коммуны новой военной техники — зажигательных бомб, газовых бомб, бомб Орсини и др. Но существенных результатов эта мера уже не могла дать.

Оборона Парижа осложнялась тем обстоятельством, что из-за недостаточной бдительности коммунаров версальцам удалось опутать Коммуну сетью шпионов и заговорщиков. Париж был переполнен ими. Тьер заявил: «Дождем снарядов или дождем золота — но мы возьмем Париж». Члены «заговора трехцветных повязок» готовили организацию новой «Варфоломеевской ночи» в Париже, другие заговорщики готовились открыть ворота Парижа версальцам.

Предатели и шпионы проникли и в национальную гвардию, имелись среди штабных офицеров. Версальцам через своих агентов удалось получить планы баррикад и укреплений в ряде районов города. Агенты Тьера пытались подкупить даже Домбровского, а когда это им не удалось, организовали на него

покушение. Полковник Лапорт, командовавший коммунарами у ворот Дофины, пытался в ночь на 3 и 13 мая сдать эти ворота версальцам. В то же время разведка Коммуны была из рук вон плоха, а военная информация о действиях версальцев нередко вообще отсутствовала.

На южном фронте положение коммунаров также стало чрезвычайно тяжелым. При поддержке артиллерии фортов Исси и Ванв версальские войска к 15 мая вплотную подошли между селением Ванв и Сеной к укреплениям Парижа, создав непосредственную угрозу Севрским воротам и воротам Исси. Мощная контрбатарейная группа версальцев в Монтрету (в составе 70 орудий) перенесла огонь на бастионы укреплений парижского вала, расположенные на стыке западного и южного фронтов — Пуэн-дю-Жур, ворота Сен-Клу и Пасси. Ураганным огнем версальской артиллерии коммунары были окончательно выбиты из своих позиций на пространстве от левого берега Сены до селения Пти-Ванв.

Таким образом, в середине мая для версальцев был открыт путь к штурму Парижа не только из Булонского леса, но и с юга, от фортов Исси и Ванв.

С 15 по 18 мая версальцы продвигались на западном и на южном фронте от Нёйи до Ванва, продолжая вести интенсивные осадные работы на всем фронте против крепостной стены Парижа.

Непрерывный град снарядов сыпался по всему фронту от Нёйи до предместья Вожирар. Это вынудило батальоны коммунаров оставить укрепления на этом участке и отойти под защиту виадука окружной железной дороги.

18 мая версальцы предприняли усиленную рекогносцировку на юге с целью ворваться в Париж, но потерпели неудачу. В то же время они пытались подойти вплотную к левофланговым фортам коммунаров — Бисетру и Монружу. Две колонны версальцев овладели баррикадами у Бур-ла-Рен и мельницей Кашан на южной окраине Аркей, однако дальнейшее продвижение версальцев было остановлено коммунарами. Военное командование Коммуны принимало меры к тому, чтобы усилить работы по исправлению повреждений в укреплениях. Врублевский увеличил состав войск в своей передовой линии. 19 мая было на южном фронте днем сравнительного затишья. 20 мая с 13 часов до 300 морских и осадных орудий начали бомбардировку крепостной стены на внутренних флангах Домбровского и Врублевского. В тот же день версальцы узнали от своих шпионов, что ворота Монруж, Ванв и три других пункта, а также ворота Сен-Клу разрушены артиллерийским огнем. Уже несколько дней, как члены Коммуны, посещавшие участки крепостной стены, указывали начальнику главного штаба военного министерства полковнику Анри, что ворота в опасности.

В штабе обещали принять меры, но ничего не было сделано. А между тем версальцы, осведомленные об успешных действиях своей артиллерии на участке ворот Сен-Клу, Ванв, Монруж, стали подтягивать и усиливать войска, предназначенные для штурма города на этом направлении. 21 мая ближний огонь версальских штурмовых батарей и дальний огонь с фортов Исси, Ванв и из глубины по участку Врублевского усиливается. Под прикрытием этого огня темп осадных работ версальцев возрастает. Они стремятся достигнуть гласиса крепостной стены Парижа и на южном фронте.

Обороной западного фронта укреплений Парижа от предместья Монматра до Сены в предместье Отей, протяжением более 10 км, руководил Домбровский. Главные силы версальских войск здесь были сосредоточены в районе Булонского леса — Бийанкура и нацелены на фронт в 3—3,5 км (ворота Ла-Мюэтт — ворота Сен-Клу), что давало огромную оперативную плотность войск в 1 1/2 пехотных дивизий и до 75—80 орудий на 1 км фронта. Версальцы превосходили войска Домбровского (6—8 тыс. человек) почти в 10 раз, а на участке главного удара — даже в 15. Несмотря на героизм коммунаров и их военное искусство, они были просто задавлены огромным численным и огневым превосходством противника.

Оборона южного фронта укреплений оставалась на ответственности Врублевского, в распоряжении которого было не более 6—8 тыс. человек при фронте обороны в 10 км. Наиболее уязвимым был правифланговый участок от Сены до Ванва, протяженностью примерно в 3—3,5 км. Именно на участке Исси — Ванв и развернулись версальские войска общей численностью примерно в 40 тыс. человек при 72 полевых орудиях, поддержанные осадной артиллерией по меньшей мере в 150 орудий. Тут версальцы имели минимум десятикратное превосходство в силах, поддержанные мощной артиллерией. Средняя оперативная плотность была у версальцев очень высокой — более одной дивизии и около 70 орудий на 1 км атакуемого фронта.

Используя свое огромное превосходство в силах, версальское командование решило овладеть Парижем концентрическим ударом путем открытого штурма. Штурм, намеченный первоначально на 19—20 мая, ввиду полученных данных о неудовлетворительных результатах артиллерийской бомбардировки крепостного вала, был перенесен на 23 мая.

Домбровский со дня на день ждал штурма версальцев. На рассвете 21 мая он послал Делеклюзу донесение, в котором говорилось: «Несмотря на все мои усилия помешать им, неприятельские траншеи все приближаются... Часть крепостной стены от Пуэн-дю-Жур до Отей никем не охраняется, так как посылаемые туда батальоны тотчас же возвращаются в Париж в полном расстройстве... Неприятель усиливает свои осадные ра-

боты у ворот Сен-Клу, в 100 метрах от вала... Штурм города неминуем. Я получил 30 мортир, но у меня нет ни людей для их обслуживания, ни снарядов! В моем распоряжении не более 4 тыс. человек в Ла-Мюэтт, 200 — в Нёйи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостает артиллеристов и особенно саперов. Положение требует громадного усиления крепостных работ, которые одни смогли бы отсрочить катастрофу»¹⁶⁰.

Тяжелое положение на фронте подтвердил Лефрансэ, посетивший в ночь на 21 мая позиции коммунаров в районе Ла-Мюэтт — Сен-Клу.

Еще более тревожным было донесение генерала Ла Сесилиа о положении на центральном участке фронта. 21 мая (час в документе не указан) он писал Делеклюзу: «На бастионах от Версальских ворот до Ба-Медон нет больше ни одного национального гвардейца. Артиллеристы со своей стороны покинули пост, а майор Берстельд поднял панику и исчез. Пошлите три тысячи национальных гвардейцев беглым шагом (повторяю, три тысячи). Если нужно, бейте сбор, но не теряйте ни мгновения. С минуты на минуту ждем атаки». Под донесением гражданский комиссар при 2-й армии Жоаннар приписал: «Прошу вас, поскорее». Надпись, сделанная на этом документе, видимо, рукой Делеклюза, гласила: «Вернуть Врублевского, у него около 7 тыс. человек»¹⁶¹ (Врублевский находился в это время на форте Бисетр).

Военное министерство Коммуны в лице Делеклюза, несмотря на предложение Домбровского о всеобщей мобилизации сил и решительной вылазке для срыва подготовлявшегося штурма, не сумело организовать все силы революционного Парижа для военных действий и оборонительных работ на фронте и внутри города.

Еще 31 марта Коммуна приняла решение о сооружении баррикад внутри города, 7—8 апреля этот вопрос был поставлен повторно. 30 апреля было предписано создать «вторую линию укреплений позади городской стены» и намечено построить «три обособленные крепости, или цитадели, в Трокадеро, на высотах Монмартра и у Пантеона»¹⁶². Тем не менее было сделано очень мало.

Делеклюз, на котором в этот критический момент лежала основная ответственность за судьбы революции, не предпринимал достаточно решительных мер, чтобы облегчить тяжесть борьбы, свалившейся на плечи уже измотанных боями и поредевших батальонов Домбровского и Врублевского, хотя с фронтов поступали настойчивые требования подкреплений. Несмот-

¹⁶⁰ C. A. Dauban. Le fond de la société sous la Commune, p. 363—364.

¹⁶¹ Ibid., p. 366.

¹⁶² «Протоколы...», т. I, стр. 67—68.

ря на тревожные донесения командующих армиями и сообщения ряда членов Коммуны, побывавших на позициях западного и южного фронтов, Делеклюз по непонятной причине не признавал всей серьезности сложившегося положения, которое требовало безотлагательного принятия чрезвычайных мер, так как промедление было смертельно.

Губительный непрерывный огонь версальской артиллерии, направленный на укрепления Парижа от Нёйи до предместья Вожирар, сделал невозможным для коммунаров пребывание на бастионах крепостного вала. Это вынудило батальоны коммунаров, расположенные на этом участке, отойти примерно на 300 м от укреплений, чтобы укрыться от огня за виадуком окружной железной дороги. Не только охранения, но даже никакого наблюдения на самих укреплениях оставлено не было. Это обстоятельство и явилось причиной, ускорившей катастрофу.

Вторжение в Париж было начато версальцами из-за беспечности коммунаров раньше срока. 21 мая около 15 часов, в тот самый момент, когда версальская артиллерия, направленная против западного фронта, сосредоточила свой огонь по воротам Сен-Клу, в предместье Отей на 64-м бастионе вдруг появился человек с белым платком и крикнул версальским солдатам: «Входите, никого нет!». Этим предателем был служащий одного из учреждений Коммуны — Дюкатель. После проверки, версальцы сообщили об этом Мак-Магону. Они тотчас же прекратили артиллерийский обстрел этого участка, не встречая сопротивления, захватили ворота Сен-Клу и два соседних бастиона и повернули орудия бастионов в сторону коммунаров. Вскоре завязалась ружейная перестрелка с коммунарами. Мак-Магон и Тьер тотчас же отдали приказ всем командирам корпусов немедленно перейти в наступление вслед за 4-м корпусом, используя образовавшийся прорыв в укреплениях. Командир 4-го корпуса версальцев в 18 часов 21 мая отдал приказ 1-й дивизии захватить вплоть до виадука железной дороги весь четырехугольник Пуэн-дю-Жур, являвшийся удобным плацдармом для развертывания главных сил, войска начали беспрепятственно продвигаться к северу внутри крепостного вала, чтобы открыть ворота Отей.

Вторая дивизия 4-го корпуса, вступившая в Париж через ворота Сен-Клу в 19 час. 30 мин., была направлена по дороге вдоль западного берега Сены, для захвата моста Гренель. 4-й корпус завершил, таким образом, захват ворот Сен-Клу, Отей и плацдарма Пуэн-дю-Жур в пределах Парижа.

Когда Домбровский узнал о вступлении версальцев в Париж, он с необыкновенным присутствием духа отдал распоряжения о направлении одного батальона для занятия ворот Отей, о подготовке немедленной контратаки. Взяв на себя командование контратакующими батальонами, он послал телеграмму Коми-

тету общественного спасения и военной делегации Коммуны: «Мои предположения оправдались. В четыре часа ворота Сен-Клу были взяты версальскими войсками. Я собираю силы, чтобы атаковать их. Надеюсь отбросить их от пояса укреплений с имеющимся у меня количеством людей; пришлите мне, однако, подкрепления. Это серьезное событие не должно приводить нас в уныние; прежде всего сохраним хладнокровие. Ничто еще не потеряно; если, сверх ожидания, версальцы удержат эту часть укреплений, мы взорвем все, что у нас заминировано, и будем держать их на значительном расстоянии от своей второй оборонительной линии, опирающейся на виадук Отей. Сохраним спокойствие, и все будет спасено. Мы не должны потерпеть поражение!»¹⁶³

Эта депеша была зачитана членом Комитета общественного спасения Бийорэ на заседании Коммуны. Огласив текст телеграммы, он добавил, что подкрепления, которых требовал Домбровский, посланы. По словам Малона, бодрый тон депешы Домбровского успокоительно подействовал на членов Коммуны, и они решили отправиться в свои округа, чтобы организовать там оборону. На заседании выступил Верморель, который призвал членов Коммуны забыть все разногласия и сплотиться для организации решительного отпора вторжению версальской армии в Париж. «Каждый день за революцию умирают храбрые,— сказал Верморель,— и мы тоже должны отдать свою жизнь за идею, которую представляем, мы должны отдать жизнь за народ, который избрал нас своими вождями. Иногда я упрекаю себя за то, что еще не убит, когда столько безвестных героев поминутно гибнет под снарядами версальцев. Граждане, нам угрожает серьезная опасность, но ей еще можно противостоять, мы еще можем победить, если будем соблюдать единство и стойкость. Пусть вся энергия, которой мы исполнены, обратится на оборону, и Париж победит!...»¹⁶⁴

В бою у ворот Отей Домбровский был контужен. Его заместителем назначен был начальник его штаба Фавье. Об успешной защите городских укреплений коммунарами после прорыва крепостного вала не могло быть и речи, несмотря на уверенность в этом Домбровского. Силы версальцев были настолько подавляющими, что противопоставить им что-нибудь равноценное коммунары не могли, так как не располагали значительными свободными резервами. Не получая подкреплений, бойцы Коммуны не были в состоянии закрыть образовавшуюся широкую брешь, и их фронт неуклонно свертывался к северу, а эта брешь с угрожающей быстротой росла.

¹⁶³ B. Malon. La troisième défaite..., p. 344.

¹⁶⁴ Ibid., p. 343—344.

К началу темноты продвижение версальцев приостановить не удалось. Войска 4-го корпуса наступали вдоль западного берега Сены с целью захвата второй линии обороны коммунаров: ворота Ла-Мюэтт — площадь Трокадеро. Они захватили мост Гренель, внезапной атакой заняли баррикады на западной набережной Сены, овладели сильной позицией и батареей коммунаров у Трокадеро, где пленили 1500 коммунаров, не ожидавших нападения с юга.

Вступившие в 21 час. через ворота Сен-Клу войска 5-го корпуса, наступая в северном направлении вдоль крепостного вала, последовательно овладели воротами Отей, Пасси, замком Мюэтт и открыли тем самым широкий доступ для вторжения в Париж этому корпусу.

К концу дня 21 мая дивизии 1-го корпуса подошли через Булонский лес и в 3 часа 22 мая также вступили в пределы Парижа через ворота Отей и Пасси.

Две дивизии резервного корпуса версальцев вступили в Париж в 2 часа 22 мая. Однако одна из этих частей, перешедшая по виадуку через Сену, при попытках продолжать наступление в восточном направлении вдоль крепостной стены до Севрских ворот встретила упорное сопротивление коммунаров в квартале Гренель. И на этом участке измотанные боями и ослабленные потерями коммунары не смогли проявить достаточной бдительности. Севрские ворота были взяты в 2 часа 30 мин. 22 мая внезапной атакой версальцев, которые скрытно перебрались через ров и врасплох захватили коммунаров налетом на эти ворота с тыла. Вслед за этим были захвачены 2-м корпусом и Версальские ворота.

Таким образом, к 3 часам 22 мая, т. е. всего через 12 часов после вторжения, в западные предместья Парижа вошли девять версальских дивизий, а в южные предместья вошли три дивизии (всего более 90 тыс. человек).

Положение Коммуны оказалось невероятно тяжелым. Коммунары, повсюду захваченные врасплох вторжением версальцев, не смогли оказать достаточно сильного сопротивления.

До самого вечера 21 мая не только населению Парижа, но даже самой Коммуне не было известно о падении крепостного вала. Лишь в 19 часов, т. е. через четыре часа после вторжения версальцев, Коммуна узнала о прорыве версальских войск через ворота Сен-Клу. К этому времени в пределы Парижа уже вступили две дивизии, против которых для успешной контратаки требовалось двинуть по меньшей мере 15—20 тыс. человек с артиллерией. Таких резервов у военной делегации Коммуны не было; промедление с контратакой привело к тому, что еще через два часа силы версальцев возросли до трех дивизий. Сообщение Домбровского о вторжении версальцев в Париж было встречено Делеклюзом и его штабом с каким-то недоверием.

Делеклюз поверил ложной информации, будто ничего тревожного на фронте не произошло, тревога поднята не была, а о мобилизации всех сил никто и не заикался. Без особой торопливости приступили к сбору незначительных подкреплений для Домбровского — всего 11 слабо укомплектованных батальонов, которых было явно недостаточно для того, чтобы остановить версальцев.

Вследствие этого версальцы получили как раз то, что для них в данных условиях было всего нужнее, — выигрыш во времени, и при этом весьма значительный. Это дало им возможность в течение ночи 22 мая захватить почти без боя предместья Пасси, Отей и значительную часть предместья Гренель, т. е. твердо обосноваться в юго-западной части Парижа, закрепив уже достигнутый оперативный успех.

Из-за беспечности главного командования, Коммуна потеряла почти без боя $\frac{1}{10}$ часть Парижа. К утру 22 мая версальские войска укрепились на обоих берегах Сены: в город введено было уже около 100 тыс. человек. С утра 22 мая перед версальцами открылся почти беспрепятственный доступ в самое сердце Парижа.

* ЛИТЕРАТУРА
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

За 72 дня существования Парижской Коммуны ее художественная литература еще не успела развернуться. В газетах Коммуны печатались романы-фельетоны Пьера Везинье (1826—1902), бывшего литературного секретаря Эжена Сю, посвященные борьбе французской провинции против декабрьского переворота или разоблачению дворцовых тайн Второй империи; печаталась также неизданная повесть Э. Сю «Жанна и Луиза» о жертвах декабрьского переворота, а также некоторые романы и повести безвестных авторов; публикация почти всех этих произведений оборвалась с гибелью Коммуны. Политическая лирика, всего быстрее возникающая в дни революции, конечно, уже увидела свет: новые песни слагались и фронтовыми бойцами, и в клубах, и известными шансонье (отметим, например, «Песню Интернационала», созданную П. Бюрани, Иш-Веллом и А. Луи), они пелись в окопах, на улицах и на концертах, но лишь немногие из них попали на страницы газет Коммуны или были изданы в виде листовок. В прессе коммунаров печатались и некоторые антиверсальские сатиры и эпиграммы.

Позднее, в тюрьмах Версаля, переполненных федератами, были сложены многочисленные песни, хранящие неостывший пыл баррикадной борьбы. Яростные проклятия по адресу победителей-версальцев, боль за побежденную революцию и за погибших товарищей соединялись в этой огненной лирике со страстными призывами к новой революции, которая отомстит версальским палачам. Таковы, например, стихотворения Л. Мишель (1830—1905 гг.), частью вошедшие в сборник «Сквозь жизнь»¹, частью сохранившиеся в ее архиве в Институте марксизма-ленинизма в Москве². В тюрьмах возникала коллектив-

¹ *L. Michel. A travers la vie. Paris, s. a. (1888).*

² Перевод их см. в «Антологии поэзии Парижской Коммуны 1871 г.», М., 1948.

ная лирика заключенных коммунаров, вроде «Саторийской песни», своего рода сатирической газеты узников, или тех хоровых песен, непреклонный революционный дух которых поэт-коммунар Кловис (1851—1907) воспроизвел в стихотворении «Что мы пели в тюрьмах». Поэт и драматург Г. Кремье (1836—1871) создал в тюрьме в ожидании казни ряд стихотворений и пятиактную драму в стихах «Девятое Термидора, или смерть Робеспьера», последний акт которой был дописан К. Гюгом³.

Литература коммунаров продолжала свое существование и в ссылке, в Новой Каледонии. Сохранились многочисленные стихотворения Л. Мишель, А. Бриссака (1823—1906), представляющие собой частью меланхолическую лирику, пронизанную тоскливыми настроениями, частью зарисовки тяжелого быта каторжан и их изнурительного труда, частью дорогие сердцу коммунаров песни надежды на новую Коммуну. В ссылке были написаны некоторые драматические произведения Л. Мишель, А. Бозра (1851—1915), Ш. Симона-Мейера для созданных коммунарами театров. Л. Мишель, сдружившись с канаками, туземным населением Новой Каледонии, собрала их фольклор, впоследствии опубликованный⁴. В ссылке коммунары издавали газеты, журналы, иллюстрированные альбомы, на страницах которых находили себе место их стихи, рассказы, очерки, даже театральная полемика. Многие коммунары вели дневники, писали воспоминания о Коммуне и другие литературные труды.

Крупнейшим поэтом Парижской Коммуны был Эжен Потье (1816—1887 гг.). Сын рабочего, Потье еще в 1831 г., когда ему было всего 14 лет, издал небольшой сборник песен «Юная муза», в котором славил Июльскую революцию и свободу; этот сборник он посвятил Беранже. Примкнув в 30—40-х годах к движению республиканцев, он сблизился с представителями утопического социализма — с необабувистами, а позднее — с фурьеристами. На февральскую революцию 1848 г. Потье откликнулся восторженными стихами, но увидев, что надежды народа обмануты, принял участие в июньском рабочем восстании 1848 г.

Во время Второй империи Потье еще не отрешился от утопизма: ему казалось, что промышленный расцвет и победы технического прогресса способны обеспечить людям в братском единении классов мирный путь к достижению лучшего будущего («Выставка», 1861). Однако другие песни 60-х годов свидетельствуют о его непримиримой вражде к капиталистическому строю. Работая в ту пору рисовальщиком по ткани, Потье вместе с другими художниками его мастерской вступил в члены I Интернационала.

³ Драма опубликована в книге: *G. Crémieux. Œuvres posthumes*. Paris, 1879.

⁴ *L. Michel. Légendes et chants de gestes conaques*. Paris, 1885.

К франко-прусской войне Потье отнесся отрицательно. Но когда после падения Второй империи, народные массы поднялись на защиту провозглашенной республики, он сложил ряд страстных патриотических песен, призывая французов забыть классовые распри ради общей цели — защиты родины. Однако измеченническая и антинародная деятельность «правительства национальной обороны» отрезвила поэта: он воспекает восстание 31 октября 1870 г. и решительно включается в борьбу революционной демократии.

С самого начала Парижской Коммуны Потье — активный деятель ее культурной жизни. На втором организационном заседании Федерации художников он огласил доклад предварительной комиссии о целях и назначении искусства и был избран в Федеральную комиссию. В члены Коммуны он прошел на дополнительных выборах, и основная его работа сосредоточилась в мэрии II округа. Поэт сражался на последних баррикадах Коммуны бок о бок с Гюставом Лефрансэ, которому и посвятил позднее свою знаменитую песню «Интернационал».

Если после разгрома июньского восстания 1848 г. Потье пал духом, то совершенно другие настроения владеют им в июне 1871 г., когда в парижском подполье он создает «Интернационал». В этой песне Потье звучит могучая уверенность в грядущей победе пролетариата. В дни Коммуны Потье увидел, что рабочий класс со времени 1848 г. неизмеримо вырос и возмужал, навсегда порвав с прежними своими утопическими надеждами на бога, на милостивого цезаря, на красноречивого трибуна и осознав, что спасение — в его собственных руках, что только рабочие и крестьяне, «великая партия Труда», имеют право владеть всеми богатствами земного шара.

«Коммуна подавлена..., а «Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь», — писал В. И. Ленин⁵.

Знаменитая песня Потье смогла быть опубликована лишь в 1887 г.; в следующем году она была положена на музыку бельгийским композитором рабочим Пьером Дегейтером. Она была впервые исполнена гедистами на первом конгрессе II Интернационала в 1889 г. и с тех пор стала гимном международного пролетариата. В СССР «Интернационал» является гимном Коммунистической партии.

Заочно приговоренный военным судом к смертной казни, Потье бежал в Англию, а в 1873 г. переехал в США. Обострение социальных противоречий американского общества отразилось во многих его произведениях — песнях, сонетах, поэмах, посланиях. «В 1876 году, в изгнании, Потье написал поэму: «Рабочие Америки к рабочим Франции». Он обрисовал в ней

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 274.

жизнь рабочих под игом капитализма, их нищету, их каторжный труд, их эксплуатацию, их твердую уверенность в грядущей победе их дела», — отмечает Ленин⁶. В этой поэме, написанной в связи с открытием в 1876 г. промышленной выставки в Филадельфии, и в другой поэме, посвященной возникновению американской рабочей партии, Потье страстно зовет пролетариат к интернациональной борьбе против капиталистического строя во имя продолжения славного дела революционеров 1871 г., во имя победы коммунизма.

Еще в пору пребывания в Англии Потье начинает большой цикл стихотворений о Парижской Коммуне. В прекрасной песне «Так ты не знаешь ни о чем?» поэт, обращаясь к природе, к космосу, рассказывает о стремлениях и борьбе коммунаров. В песне «Белый террор», построенной на приеме монолога отрицательных персонажей, Потье изображает канибальское торжество версальцев, жалеющих о том, что они не могли расстрелять решительно всех коммунаров. В поэме «Парижская Коммуна» поэт воспроизводит образ революции 18 марта: он рассказывает об ее исторических предпосылках, об ее стремлениях и с бесконечной любовью воспеваеет ее бойцов. Та же сила лирического подъема и изобразительного лаконизма звучит и в разделах поэмы, где Потье с горечью упоминает о роковых ошибках мягкосердечия коммунаров, взволнованно говорит о зверствах версальцев и с великолепной силой презрения иронизирует над божеством, которому победившие буржуа молятся во всех храмах, дабы оно благословило ту общественную анархию, которая называется буржуазным «порядком».

В написанных в 80-х годах песнях — «Все без перемен», «Коммуны след неизгладим», «Она не убита», «Памятник коммунарам», «Прикрытая стена» и др. — Потье неизменно утверждал, что Коммуна была пролетарской революцией, стремившейся освободить человечество. Буржуазия яростно старалась умертвить ее, но дело Коммуны бессмертно.

По своему революционно-материалистическому мировоззрению, по преданности борьбе организованного пролетариата, по своему интернационализму и глубокой вере в науку Потье был близок к марксизму. Он уже приближался к пониманию Коммуны как диктатуры пролетариата («диктаторами в синих блузах» называл коммунаров поэт). «Тебе, пролетарская масса, надо стать государством, стать законом!» — писал он («Путь народа»).

«Песни Потье — лучшие и даже единственные революционные песни, которыми могли бы похвалиться французы нашего поколения»⁷, — писала Лаура Лафарг Энгельсу. Гед с полным

⁶ Там же.

⁷ *Fr. Engels. — P. et L. Lafargue. Correspondance, t. II. Paris, 1956, p. 363—364.*

правом назвал Эжена Потье «Тиртеем нашей Рабочей партии»⁸. Действительно, во французской поэзии еще не было художника, который так убежденно, с такой партийной страстностью поставил бы свое творчество на службу революционной борьбе рабочих и так настойчиво указывал бы им единственно правильный путь освобождения.

Ленин назвал Потье «одним из самых великих *пропагандистов посредством песни*»⁹. Сторонник высокого просветительного и воспитательного назначения искусства, поэт превратил свое творчество в острое и действенное пропагандистское оружие научного социализма.

Во Франции лишь в 1966 г. было издано полное собрание сочинений Потье, но до сих пор нет обстоятельной биографии поэта. Усилия многочисленных его друзей и почитателей все еще не привели к тому, чтобы Эжен Потье был наконец признан у себя на родине тем, кем он является — одним из великих французских поэтов.

Другим крупным пролетарским поэтом Коммуны был песенник Жан-Батист Клеман¹⁰. Выходец из деревенской среды, сын мельника, он долгое время работал ремесленником. Своими литературными учителями он считал Беранже, Эжезиппа Моро и Пьера Дюпона. Очень многим обязан Клеман и влиянию старинной народной песни, а также песен революции XVIII в.

Талантливый народный поэт, темпераментный публицист, превосходный оратор народных собраний — таков был Клеман накануне Коммуны. Избранный членом Коммуны, он стал одним из ее активнейших деятелей, участвовал в работе ряда делегаций и комиссий, постоянно и энергично выступал на ее собраниях, требуя беспощадной борьбы с версальцами.

Клеман сражался на баррикадах даже в день 28 мая, когда весь Париж уже был в руках версальцев. Затем два с лишним месяца он скрывался в подполье. «С 29 мая по 10 августа, — пишет он, — я слышал каждую ночь ружейные залпы, слышал, как уводили арестованных, как кричали женщины и дети». Ему удалось бежать в Англию; он был заочно приговорен к смертной казни. В эмиграции он много писал, в частности начал свои воспоминания о Коммуне, ограничившиеся только первым томом¹¹.

Наделенный большим реалистическим талантом, бесспорно владея мастерством в области песни, будучи преданным народным интересам, Клеман, однако, не имел за плечами богатого

⁸ «Le Socialiste», 10.XI 1887.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 274.

¹⁰ На русск. яз. см.: Ж.-Б. Клеман. Избр. песни. М., 1951.

¹¹ J.-B. Clément. La Revanche des communeux, t. I. Paris, 1886—1887.

ойта борьбы, как это было у Пюте, и не обладал его глубоким проникновением в существо общественных отношений и пониманием исторической роли пролетариата. Прудонистские воззрения во многом сковывали мысль Клемана. Поэтому, хотя круг его тем и более широк (в его первом сборнике песен 1885 г.), чем у Пюте, разработка социальной темы гораздо менее глубока.

Песни Клемана о Коммуне носят скорее характер антиверсальской лирики.

«Коммунарда», «Кровавая неделя», «Мой муж» и другие песни Клемана ярко и драматично живописуют трагедию гибели Коммуны, горе побежденных, циничное торжество озверевших «усмирителей». Особенно выделяется песня «Капитан: «К стене!»». Искусно построенная на приеме колоритных речевых характеристик, она с острой силой воссоздает сцены расстрела пьяным версальским офицером случайно схваченных людей. Горечь и ужас охватывают поэта. Но он не теряет мужества. Форма «Коммунарды», построенной на приемах «Карманьолы», песни-пляски, как бы свидетельствует о неумирающей мятежной силе народа. А в «Кровавой неделе», созданной в июне 1871 г., поэт горячо утверждает, что победа версальской реакции не вечна, что рабочие пойдут вновь на штурм старого мира.

Первый сборник Клемана, подводящий итоги его творчеству почти за 30 лет, позволяет видеть, как под влиянием Парижской Коммуны поэт от ранних деревенских идиллий и выпадов против Империи переходит к характерной для его зрелого творчества звучащей горькой насмешкой сатирической песне, полной великой жалости к народу и упорно зовущей его к борьбе.

Неумолимый пропагандист, как и Пюте, Клеман, в отличие от него, гораздо более поэт чувства. Поражение Коммуны и гибель связанных с нею надежд отразились у него в образах народного горя, нищеты, голода, безутешности («Машина», «Бедняга Антуан», «Измаян я», «Нищий ребенок» и др.). Клеман страстно и гневно писал о бесправии обездоленных бедняков под гнетом Третьей республики («Банда плутов», «Бей волка!»), о лживости буржуазно-демократических лозунгов и обманах религии («Свобода, равенство, братство», «Анжелюс»). Вера Клемана в народ, в его силу, мужество, трудолюбие как в залог его возможной победы также нашла выражение в ряде его песен («Бедняки», «Те, кто в нужде», «Завладеем банком!»). Однако призывы Клемана к объединению и борьбе бедняков были слишком расплывчаты; поэт не умел выделить из общей массы недовольного и мятежного народа его наиболее закаленный авангард, организованный рабочий класс.

Клеман умер в нищете, как и Пюте. Полное собрание его сочинений до сих пор не издано.

Деятельность романистов, новеллистов и очеркистов Парижской Коммуны в 80-х годах широко представлена творчеством Жюль Валлеса, Луизы Мишель, Гектора Франса, Анри Бозра, Робера Каза и многих других писателей-коммунаров.

Большой вклад в художественную прозу Парижской Коммуны внесла мемуарная литература, появление которой было своего рода прорывом цензурного фронта, так как она разрабатывала в жанре романа важнейшую тему революции 18 марта, запрещаемую цензурой. Мы говорим здесь, разумеется, не обо всей необъятной литературе воспоминаний коммунаров, но лишь о тех ее авторах, которые обладали даром образного, живого и драматического повествования, даже если они и не являлись писателями-профессионалами. Идейные позиции этих мемуаристов, многие из которых были не пролетарскими революционерами, а только левыми республиканцами, порою были очень несхожи, но в их книгах еще кипела страсть тех боевых дней, вставали образы великолепно дерзкой смелости коммунаров, грандиозной эпопеи деяний и финальных боев Коммуны. Воспоминания о днях Коммуны, принадлежащие Луизе Мишель¹², Максиму Лисбонну, Жану Аллеману, Гюставу Лефрансэ, Эдгару Монтей¹³, Максиму Вийому¹⁴, объединившему в своем лице мемуариста, историка и талантливого мастера очерка, дополняются книгами о ссылке, принадлежащими Анри Бриссаку¹⁵, Анри Бозру, Симону-Мейеру¹⁶ и др.

Повествуя о Коммуне и о своем участии в ее событиях, мемуаристы-коммунары, конечно, в первую очередь создавали автобиографические образы, не лишённые, однако, некоторых типизирующих черт. Максиму Вийому удалось создать выразительный образ журналиста-коммунара. Максим Лисбонн ярко рассказал о себе, как участнике военной обороны революции. Со страниц мемуаров Луизы Мишель встает образ боевой участницы женского движения Коммуны.

Книга воспоминаний Жана Аллемана чрезвычайно живыми красками обрисовывает его автопортрет — поистине замечательный образ коммунара-рабочего. Нельзя не восхищаться полнотою сил, энергией, революционной отвагой и дерзкой предприимчивостью этого молодого рабочего в дни Коммуны, когда он тайком пробрался в Версаль для организации восстания. Ти-

¹² «Mémoires de Louise Michel écrits par elle-même», t. I. Paris, 1886; «La Commune». Paris, 1898 (русск. пер. «Коммуна» — Тверь, 1923; М.—Л., 1926).

¹³ E. Monteil. Souvenirs sur la Commune. Paris, 1883.

¹⁴ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges. Paris, 1908—1914 (русск. сокращ. пер.: М. Вильом. В дни Коммуны. Л., 1925).

¹⁵ H. Brissac. Souvenirs de prison et de bagne. Paris, 1880.

¹⁶ Symon-Mayer. Souvenirs d'un déporté. Paris, 1880 (русск. пер.: «Воспоминания ссыльно-каторжного Симона Мейера». СПб., 1881; С. Майер. В Новой Каледонии. Л., 1926).

пична для коммунаров-рабочих стойкость духа, проявленная Аллеманом в тюрьмах Версаля и особенно в кошмарных условиях каторги на острове Ну. Автопортрет Аллемана — это доподлинный прототип того положительного героя литературы Парижской Коммуны, которому так трудно было утвердиться в ее романе.

В национальную французскую литературу, переживавшую в те годы глубочайший духовный кризис, подпавшую под влияние натурализма и декаданса, литература Парижской Коммуны приносила плодотворную здоровую струю истинно прогрессивных, гуманистических стремлений. Она боролась за укрепление принципов реалистического искусства, к которому в основном тяготела. Целиком сосредоточившись на изображении общественно значимых тем, на изображении человека как общественной личности, живущей общественными интересами, обогащая реалистическое направление многими образами революционеров, она объявляла войну как натурализму с его аполитичностью и грубым физиологизмом, так и субъективизму и всякого рода болезненной изощренности писателей декаданса.

* ТЕАТРЫ ВО ВРЕМЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Унаследовав разлаженное за время франко-прусской войны и осады Парижа театральное хозяйство, Парижская Коммуна энергично стремилась возродить и широко развернуть зрелищную жизнь Парижа и неуклонно шла к этой цели, несмотря на гражданскую войну и упорный саботаж буржуазии. Ложные утверждения французских реакционных искусствоведов, будто никакого искусства при Коммуне не существовало.

В истории театральной политики Парижской Коммуны намечаются два этапа: первый — с 18 марта и примерно до третьей декады апреля 1871 г., второй — с конца апреля и до «кровавой недели».

Первое время после 18 марта театрами ведали представители Центрального комитета национальной гвардии, а с 28 марта — мэры, отдельные военачальствующие лица, что приводило к многовластию, к неполадкам. Но и на этом этапе Коммуна собирала и организовывала театральные силы, освобождала театральные помещения для их прямого назначения и т. п.

На первых порах среди коммунаров были довольно популярны прудонистские воззрения, согласно которым искусство должно быть независимо, свободно от опеки со стороны государства. Эти воззрения отчетливо проявились в обстоятельствах возникновения и деятельности Федерации артистов, возникшей к середине апреля.

Инициаторами создания Федерации артистов было несколько композиторов, драматургов и актеров, стремившихся, — несомненно, отвечая пожеланиям Коммуны, — к созданию самоуправляющейся ассоциации, способной взять дело искусства в собственные руки. Федерация артистов впервые объединила в единую семью и на равных правах всех работников театра и эстрады, дотоле деливших на белую и черную кость актерского мира. В этой воле к объединению пресса Коммуны видела большое, полезное и многообещающее начинание. «Эта Федерация, исходя из столь последовательно республиканского принципа, должна произвести в искусстве быстрые и благотворительные реформы»¹⁷, — писала «*Journal officiel*». Федерация артистов намеревалась стать высшей властью в области театра, освобожденного от «опеки государства» и от «всякого административного управления, кроме своего собственного»¹⁸.

Коммуна приветствовала создание Федерации артистов, рассматривая ее как своего активного помощника в деле широкого развертывания зрелищной жизни и в осуществлении предполагавшихся ею коренных реформ театра. Однако деятельность Федерации артистов вскоре приобрела нежелательный уклон: настаивая на своей «независимой» аполитичной позиции, Федерация собиралась давать благотворительные концерты в пользу раненых обоих борющихся лагерей.

Кроме того, активная группа членов Федерации, в той или иной мере сочувствовавшая Коммуне, оказалась слишком малочисленной и неспособной преодолеть настроения других ее членов, которые всего лишь намеревались спастись от мобилизации, объявленной декретом 7 апреля (Коммуна, заботясь о нуждах искусства, фактически освобождала членов Федерации от посылки на фронт). В результате Федерация артистов с течением времени превратилась в убежище уклоняющихся от военной службы, причем обещанной широкой концертной деятельности она так и не развернула (первый ее концерт состоялся только 18 мая).

Если Коммуна не смогла поставить деятельность Федерации под свой контроль, это объяснялось отчасти ее доверчивостью, отчасти тем, что у нее не было для этого ни времени, ни работников. Доверчивость Коммуны была обманута и в другом случае, причем на этот раз последствия оказались весьма тяжелыми для зрелищной жизни Парижа.

В связи с мобилизацией, вызвавшей панику в буржуазных кругах актерского мира, ряд театров немедленно организовал отъезд из Парижа своих трупп или части трупп под предло-

¹⁷ «*Journal officiel*», 30.IV 1871.

¹⁸ А. С. Гуцин. Парижская Коммуна и художники. Л., 1934, стр. 238.

гом заграничных гастролей. Коммуна сначала разрешила эти гастроли, так как слышала постоянные жалобы на то, что театры не делают сборов. Но в результате этого бегства актеров парижская сцена, и так уже претерпевшая много лишений за время осады, обезлюдела еще больше. В водевиле осталось, например, только четыре актера. К концу апреля ряд театров прекратил работу. Поняв свою ошибку, Коммуна поспешила положить конец дальнейшему отъезду актеров. С этого времени и до последних своих дней она уже активно руководила театральной жизнью, добиваясь, чтобы театры регулярно функционировали и пополняли свои труппы актерами, оказавшимися без ангажемента, молодежью, любителями.

Первою пробой сил и влияния Коммуны на театральном фронте была организация ею так называемого «Спектакля в пользу вдовы Дюваль». Это был благотворительный спектакль, состоявшийся 23 апреля на сцене театра Порт-Сен-Мартен, при участии артистов Комеди Франсез и Жимназ, в пользу семей раненых и убитых национальных гвардейцев.

Коммуна стремилась, разумеется, не только к устройству благотворительных спектаклей. Уже с первых шагов она ставила перед зрелищными предприятиями задачи политико-просветительные, пропагандистские и воспитательные. Она желала, чтобы театры и концерты воодушевляли ее бойцов, отвечали их революционному энтузиазму, их воле к победе над оплотом капитализма — Версалем. Во время обсуждения Коммуной ее знаменитого театрального декрета (см. ниже) член Коммуны Юрбен, говоря о театрах, заявил: «Это самое великое и самое лучшее средство просвещения народа. Предшествовавшие нам правительства превратили театр в школу всех пороков, мы же сделаем его школой всех гражданских добродетелей»¹⁹.

В дни Коммуны обнаружился знаменательный процесс радикальной демократизации состава зрителей. Прежний зритель, высшие классы, бежал из Парижа или ему было не до театров. Главным контингентом публики стали рабочие — в блузе или в мундире национальной гвардии. Жизнерадостность и веселость этого пролетарского зрителя, его жадная тяга к искусству, доступ к которому ему впервые широко открыла Коммуна, крайне раздражали реакционно настроенных театральных работников, продолжавших твердить, что театры сборов не делают, что зрителей нет. Происходило, однако, нечто совсем противоположное: «Едва двери приоткрываются, как в них устремляется толпа. Публика очень многочисленна, даже на самых плохих пьесах: сборы достигают цифр необычайных»²⁰.

¹⁹ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. II. М., 1960, стр. 321.

²⁰ C. A. Dauban. Le fond de la société sous la Commune. Paris, 1873, p. 133.

Вот почему, несмотря на наметившийся к концу апреля кризис в театральной жизни Парижа, вызванный бегством многих актеров, отправившихся на заграничные гастроли, деятельность еще работавших театров не прекращалась из-за большого наплыва зрителей, и театры работали отнюдь не только потому, что этого энергично требовала от них Коммуна.

С конца апреля Коммуна перешла к решительной борьбе с буржуазным саботажем в театрах. Директор Гранд Опера Эмиль Перрен не желал идти навстречу никаким просьбам и требованиям Коммуны, объявляя, что у него нет ни денег, ни артистов, ни оркестрантов. Гранд Опера при Коммуне стояла демонстративно закрытой до тех пор, пока Комиссия общественной безопасности не сместила 8 мая Перрена, назначив молодого артиста, певца Эжена Гарнье временно исполняющим обязанности директора. Гарнье стал немедленно готовиться к торжественному открытию театра, которое несколько раз откладывалось и было намечено наконец на 22 мая; одновременно Гарнье приступил к организационной перестройке театра, заключавшейся в превращении его в ассоциацию.

Саботажные настроения свили себе прочное гнездо и в другом привилегированном и субсидируемом правительством Второй империи театре, Комеди Франсез. Во все революционные периоды истории Франции этот театр неизменно оказывался в лагере контрреволюции. Так было и при Коммуне. Руководство театра состояло из чиновников-бонапартистов, и оно, как и влиятельная группа ведущих актеров, так называемые «сосыетеры», относилось к Коммуне и к социализму с нескрываемой враждебностью.

Директор театра Эдуард Тьерри ставил себе задачей при Коммуне «спасти театр». Опасаясь, что Коммуна может реквизировать помещение Комеди Франсез для других нужд, если театр не будет работать, Тьерри проявлял большую ловкость, стараясь в знак своей лояльности каждый день давать спектакли, а также удерживать актеров от чересчур резких враждебных выступлений. Тьерри старался, чтобы театр был каждый вечер полон, и с этой целью безотказно раздавал театральные билеты, стремясь создать впечатление активной и полезной работы театра.

Но Тьерри не хотел идти навстречу пожеланиям Коммуны: он не желал ни снижать цены на места, ни обновлять репертуар. Когда за стенами театра происходили великие исторические события, Тьерри, основываясь на привилегии Комеди Франсез исполнять классический репертуар, упорно ставил на сцене трагедии Расина, повествующие о страданиях Андромахи, о любовных мучениях Федры. Парижская Коммуна, конечно, не была врагом классического наследия, как утверждали французские реакционные театроведы, делавшие вид, что они в ужасе от

равнодушия коммунаров к переживаниям этих героинь античности. Однако Коммуна не могла не желать, чтобы на сцене ее театров шли спектакли, более отвечающие современности, событиям все обострявшейся гражданской войны, величию стремлений пролетарского Парижа, наконец, самой его жизнерадостности.

Если в Комеди Франсез сборы катастрофически падали, то совсем не так обстояло дело в театре Жимназ, ставившем при Коммуне тоже свой прежний репертуар — пьесы (главным образом комедии) Дюма-сына, Ожье, Гондине, Мейльяка и Галеви, Сарду. Жимназ постоянно разнообразил программу, показывая каждый вечер несколько живых и коротких пьес. По поводу возобновления комедии Мейльяка и Галеви «Фру-фру» театральный рецензент Коммуны поздравлял Жимназ с тем, что театр «сумел полностью сохранить свою отборную труппу, а она, в отличие от других, от батальона дезертиров, здраво решила остаться нам верной»²¹. С похвалой отметила пресса Коммуны и снижение в Жимназ цен на места: «Публика оценит эту разумную меру, которая предоставит всему Парижу возможность аплодировать прекрасной труппе единственного театра, которая осталась на своем посту и верна своему репертуару»²².

Во всех театрах Парижа шли старые дореволюционные пьесы. Коммуна неоднократно, хотя и безуспешно, высказывала пожелание об обновлении репертуара — его большей политической насыщенности и приближении к задачам дня. Новый репертуар, идеологически близкий Коммуне, разумеется, должен был возникнуть в ее дни, но эти пьесы либо еще не были закончены, либо не успели попасть на подмостки театров.

Более или менее идеологически созвучный Коммуне репертуар нашел себе место главным образом на знаменитых «правительственных» концертах, состоявшихся в Тюильрийском дворце 6, 11 и 18 мая.

Практика благотворительных концертов получила при Коммуне громадный размах, совершенно несравнимый со временем осады, и развертывалась она на особый, стихийный лад: инициатором ее был сам народ — отдельные батальоны национальной гвардии, оркестры которых устраивали уличные концерты, производя сбор в пользу раненых и их семей. Дело это все ширилось, свидетельствуя и о любви народных масс к искусству, и об их готовности всячески помогать защитникам Коммуны. Решив придать выступлениям оркестров, как и всей организации благотворительных концертов, иные, более высокие и упорядоченные формы, Коммуна взяла устройство благотвори-

²¹ «Journal officiel», édition du soir, 15.V 1871.

²² «Journal officiel», édition du soir, 13.V 1871.

рительных концертов в свои руки, поручив своему уполномоченному доктору Русселю проводить концерты в Тюильрийском дворце.

На этих тюильрийских концертах выступали лучшие драматические артисты, певцы, музыканты, композиторы, народные поэты. Агар, известная артистка Комеди Франсез, читала здесь произведения поэтов Июльской революции — «Зиму» Эжезиппа Моро и «Медную лиру» Барбье. Певица Розали Борда исполняла знаменитую в то время песню «Чернь», звучавшую почти как пролетарский гимн. Певица Морно с успехом пела «Республиканскую песню» Литольфа. Сам композитор Литольф выступал со своими симфониями «Жирондисты» и «Робеспьер». Исполнялась знаменитая «Песнь выступления» М. Ж. Шенье, песня поэта Коммуны Ж.-Б. Клемана «89-й год» и многое другое. Поэты читали свои сатиры, бичевавшие Наполеона III, или патриотические стихотворения, посвященные войне с пруссаками и борьбе с Версалем. Начинала появляться и новая интернациональная тематика, вроде гимна молодого композитора Рауля Пюньо «Союз народов». Программа начиналась и завершалась страстной, скликающей в бой «Марсельезой», исполнявшейся оркестром, певцами и подхватываемой всей публикой.

Таким образом, если репертуар театров оставался старым, политически инертным и не откликался на события Коммуны, то своими концертами Коммуна, опираясь главным образом на малые формы искусства, уже обновляла репертуар, насыщая его острой социально-политической тематикой, произведениями революционных поэтов и композиторов прошлого и настоящего, откликами на борьбу пролетарского Парижа во имя свержения капиталистического строя, во имя братства тружеников всего мира.

Громадный успех тюильрийских концертов, небывалый наплыв публики, ее восторг и энтузиазм вызывали, разумеется, бешеную злобу врагов Коммуны. Версальские газеты со всей яростью обрушились на артистку Агар, как на самую видную участницу этих концертов, угрожая ей последующими репрессиями, в частности ссылкой в Кайенну. Агар мужественно отвечала письмом в редакцию «Le Figaro»: «Отправиться в Кайенну я готова. Для этого я жду только новых доносов с вашей стороны. Заверяю вас, что я отнюдь не прекращу из-за этого оказывать содействие всем, кто страдает: тут мне безразлично политическое знамя, к которому они принадлежат».

«Journal officiel», орган Коммуны, в своем вечернем издании перепечатал это письмо, сопроводив его сочувственными комментариями и заметив, в частности, что «каковы бы ни были политические убеждения» актеров, они не мешают им оказы-

вать помощь раненым²³. «Артистка должна считать себя отменной за недоброжелательные нападки Версаля,— писал «*Journal officiel*» по поводу третьего тюильрийского концерта,— и та овация, предметом которой она стала, те неистовые аплодисменты и крики «браво», те вызовы, которыми ее так утомляли, должны ей доказать, что и народ умеет по-своему покровительствовать искусству, когда он ценит личность исполнителя»²⁴.

Необходимость упорядочить громоздкое театральное хозяйство Коммуны и передать руководство зрелищами в надлежащие руки стала особенно безотлагательна в мае. Буржуазный саботаж в театрах был уже более или менее сломлен, их деятельность оживилась, театры, дотоле стоявшие закрытыми, возобновили свою работу; в ряде театров проводилось снижение цен на места и происходило преобразование трупп в самоуправляющиеся ассоциации; все шире и шире разворачивалась практика благотворительных концертов. Встал вопрос об общих реформах в области театрального дела, отвечавших воле Коммуны к ликвидации капиталистических отношений, к уничтожению капиталистической организации театра.

19 мая на заседании Коммуны делегат просвещения Эдуар Вайян, подчеркивая политико-просветительную и воспитательную роль театров, предложил передать театры в ведение делегации просвещения по примеру революции конца XVIII в. Обсуждая предложение Вайяна, которое и было принято, Коммуна признала необходимость контроля государства над искусством и решительно опровергла романтические и прудонистские высказывания Феликса Пиа и Везинье, ратовавших за «свободу мысли».

Декрет о театрах был принят Коммуной в следующем виде:

«Парижская Коммуна в соответствии с принципами, установленными Первой республикой и уточненными законом от 10 жерминаля II года,

Постановляет:

Театры подведомственны делегации просвещения.

Всякие субсидии и привилегии театрам упраздняются.

²³ «*Journal officiel*», 20.V 1871. После падения Коммуны Агар подверглась ожесточенным преследованиям со стороны версальцев и уже не могла выступать на сцене «Комеди Франсез». Артистке пришлось ряд лет провести на провинциальной сцене или в заграничных турне. Вернувшись в 1877 г. в «Комеди Франсез», она не могла удержаться здесь больше года: ненависть к ней еще не улеглась. Опять приглашенная вернуться в этот театр в 1885 г. она вновь была вынуждена уйти из него через год. Версальская травля долгие годы тяготела и над другими актерами, работавшими при Коммуне.

²⁴ «*Journal officiel*», 18.V 1871.

Делегации поручается положить конец режиму эксплуатации в театрах со стороны директора или компании предпринимателей и в кратчайший срок заменить его режимом ассоциации»²⁵.

Первая статья декрета, в частности, отстранила от руководства театрами Комиссию общественной безопасности, признав назначение этой комиссией нового, хотя и временного директора Гранд Опера мерой неправильной; отныне директор должен избираться самим коллективом ассоциации актеров, в руки которой переходит управление театром.

В отмене Коммуной всяких субсидий и привилегий для отдельных театров сказалась ее борьба против прежнего неравенства в положении театров, где небольшой группе привилегированных и субсидируемых театров противостояло громадное большинство остальных. Вдобавок Коммуна видела, что желание сотрудничать с ней проявляли главным образом театры последней категории.

Наиболее важным положением декрета была передача театров в руки самих их работников. Вайян ратовал за то, чтобы превратить «собственнический и привилегированный режим (в театрах) в систему ассоциаций, полностью находящихся в руках самих актеров». Резко критикуя существующие отношения капиталистической эксплуатации в театре, Вайян говорил: «В искусстве эксплуатация может быть еще ужаснее, чем в мастерских, и весь персонал театров эксплуатируется сверху донизу. Танцовщица вынуждена продаваться, чтобы существовать. Одним словом, это грабеж от начала до конца. Необходимо внедрить в театрах режим равенства, режим ассоциации»²⁶.

Реформа, предложенная Вайяном, должна была сыграть колоссальную роль в истории французского театра. Разбивая машину буржуазной государственности, чтобы построить социалистическое государство, Коммуна разбивала и машину капиталистической организации театра, чтобы построить социалистический театр. Она стремилась раскрепостить работников театра, сделать их хозяевами театра, а главное, всесторонне оздоровить атмосферу в театре, изжить инертность и пассивность актерской массы, заботу актеров только о личном успехе, воспитать в них интерес к общему делу и, наконец, положить конец отношениям вынужденной проституции, столь характерным для нравов французского театра. Новая организация театра и должна была дать ему, как «крупному просветительному учреждению», по выражению Вайяна, полную возможность

²⁵ «Протоколы...», т. II, стр. 337. В комментариях к французскому изданию «Протоколов...» говорится, что Вайян неточно указал закон Первой республики и что следует читать: 11 жерминаля IV года («Procès-verbaux de la Commune de 1871», t. II. Paris, 1945, p. 413, 438).

²⁶ «Протоколы...», т. II, стр. 330.

проводить ту политико-просветительную и воспитательную художественную работу, общие задачи которой сформулировал Юрбен в вышеприведенной реплике, вызвавшей одобрение Совета Коммуны.

Отправляясь от закона Конвента, Коммуна, разумеется, не собиралась копировать законодательство буржуазной революции XVIII в.: она не имела в виду ставить театры в полную и мелочную зависимость от делегации просвещения. Руководимая Вайяном делегация должна была осуществлять лишь общее идеологическое руководство театральной жизнью и функции контроля, ассоциациям же работников театра должна была быть предоставлена самостоятельность в их творческой деятельности.

Все эти реформы, которые надлежало провести «в кратчайший срок», отнюдь не ограничивались областью театра. Талантливый музыкант социалист Франческо Сальвадор-Даниэль, назначенный Коммуной директором Консерватории на место скончавшегося композитора Обера, уже 20 мая провел собеседование с работниками этого учреждения о предстоящих там реформах в области преподавания, а 23 намечал созвать общее собрание артистов «лирических» (оперных) театров. Но 21 мая в Париж ворвались версальские войска, и Сальвадор принял активное участие в баррикадной борьбе. 24 мая он был расстрелян на улице без всякого суда и следствия, как то было типично для «кровавой недели».

*

В дни Коммуны мероприятия по развитию культуры, искусства, театра и литературы тесно смыкались с широкой постановкой проблем народного просвещения²⁷. Опыт и традиции Парижской Коммуны в области просвещения и культуры были в дальнейшем широко использованы рабочим движением и сыграли свою роль в становлении новой культуры и просвещения в странах социализма.

²⁷ Вопросы состояния народного просвещения в дни Коммуны нашли довольно широкое отражение в исторической литературе. Специально этих проблем касаются: А. С. Фрумов. Парижская Коммуна в борьбе за демократизацию школы. Исторический очерк. Документы и материалы. М., 1953; А. И. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны 1871 г. Л., 1924; М. Dommanget. L'enseignement d'enfance et la culture sous la Commune de Paris. Paris, 1964.

Развитие изобразительного искусства во время Парижской Коммуны во многом определяется деятельностью Федерации художников и ее взаимоотношениями с Коммуной. Федерация была образована 14 апреля 1871 г. Однако, чтобы понять характер проводимых ею мероприятий, целесообразно заглянуть в недавнее прошлое.

После провозглашения во Франции республики художники решили создать свою организацию, которая противостояла бы старой администрации и взяла бы в свои руки надзор за музеями и памятниками искусства. Так появилась Комиссия по надзору за национальными музеями, возглавляемая выдающимся художником-реалистом Гюставом Курбе. От имени деятелей искусств комиссия периодически обращалась к «правительству национальной обороны» с петициями, ратуя, в частности, за уничтожение символов и памятников империи. Речь шла о переименовании улиц, снятии статуй и разборке Вандомской колонны. На ее месте Курбе предлагал воздвигнуть памятник последней пушке. «Правительство национальной обороны», министр просвещения Жюль Симон остались глухи к пожеланиям художественной общественности²⁸. Курбе и его единомышленники, возлагавшие в 1870 г. какие-то надежды на правительство новой республики, в начале 1871 г. уже почувствовали, что их «обманули и предали»²⁹.

Новое народное правительство — Коммуна — решает почти сразу же установить контакты с художниками. Своим посредником оно избирает Курбе. Это доверие не случайно. Всей своей предшествующей деятельностью Курбе доказал, что он достоин его. Вскоре после революции 1848 г. он выступил с полотнами «Дробильщики камня», «Похороны в Орнае», «Ателье», в которых утверждал принципы жизненно правдивого, близкого народу искусства. Эти же идеи он пропагандировал в публичных выступлениях. Враждебность художника Империи, его преданность республике были широко известны. На выборах в Коммуну 26 марта кандидатура Курбе баллотировалась по VI округу,

²⁸ Сведения о Комиссии по надзору за национальными музеями содержатся в книгах и статьях: *A. Darcel. Les musées, les arts et les artistes pendant la guerre, le siège et la Commune.* — «Gazette des Beaux-Arts», 1870, t. IV; 1872, t. V; *A. Н. Гуцин. Парижская Коммуна и художники.* Оба эти издания содержат многочисленные документы о художественной жизни во время Коммуны.

²⁹ *G. Riat. Gustave Courbet peintre.* Paris, 1906, p. 292. О Курбе в дни Коммуны см.: *Ch. Léger. Courbet raconté par lui-même et par ses amis*, t. II. Genève, 1950; *A. Н. Тихомиров. Гюстав Курбе.* М., 1965; *Н. Н. Калитина. Курбе в дни Коммуны.* — «Французский ежегодник. 1965». М., 1966.

но не набрала нужного числа голосов (художник прошел на дополнительных выборах 16 апреля).

Как уполномоченный Коммуны Курбе обратился 6 апреля к собратям по искусству, приглашая их прийти 14 апреля в 2 часа пополудни в здание Медицинской школы на общее собрание. Настало время подумать об открытии музеев, организации выставок, восстановлении духовной жизни страны,— значилось в этом обращении³⁰. Около 400 художников: живописцев, скульпторов, графиков, архитекторов, мастеров прикладного искусства — заполнили в назначенное время амфитеатр Медицинской школы. Они выслушали доклад члена подготовительной комиссии Эжена Потье, по профессии рисовальщика по тканям. Этот доклад был положен в основу устава Федерации. 17 апреля в Лувре состоялись выборы исполнительного органа. Знаменательно, что в числе избранных оказались все ведущие художники-реалисты. Кроме Курбе можно назвать имена Оноре Домье, замечательного рисовальщика-карикатуриста, автора правдивых картин из жизни народа, Жана-Франсуа Милле, прославившего в своих полотнах нелегкий труд французского крестьянина, Камиля Коро, вдохновенного певца национальной природы, Эдуара Мане, нового кумира передовой артистической молодежи, продолжавшего традиции искусства своих старших товарищей, Жюль Далу, обратившего на себя внимание реалистическими исканиями в области скульптуры. Ни одного представителя процветавшего в годы Империи салонного искусства! Ни одного члена императорской Академии! Даже менее значительные мастера, такие как Франсуа Бонвен, Арман Готье, Огюст Лансон, Эрнест Пиккьо и др., представляли реалистическую, демократическую тенденцию искусства. Не так уж существенно, что некоторые из избранных принимали небольшое участие или вообще не участвовали в работе Федерации, что Милле публично отказался от своего избрания. Важно подчеркнуть, что в числе избранных мастеров оказались те, кто уже зарекомендовал себя своим искусством. Полотна «Сеятель» и «Собирательницы колосьев» Милле, так же как «Прачки» Домье или «Завтрак на траве» Мане, жили своей самостоятельной, независимой от их авторов жизнью. Эти произведения воплощали прогресс в искусстве. Именно они заставили художественную общественность назвать имена их авторов.

Деятельность Федерации художников была довольно многообразной, особенно если учесть, что она протекала в условиях осажденного города. Поручая Курбе организовать Федерацию художников, Коммуна требовала «в кратчайший срок привести музеи города Парижа в нормальное состояние, открыть для

³⁰ «Художественная жизнь Франции второй половины XIX века». М., 1938, стр. 86.

публики картинные галереи и содействовать работе, которая там обычно производится»³¹. Для реализации этого постановления были делегированы в музеи близкие Коммуне художники: Ашиль Удино, Жюль Эро, Жюль Далу — в Лувр, Андре Жилье, Жан Шапюи — в Люксембургский музей. Специально созданная комиссия обследовала прочие (столичные и пригородные) музеи. В мае в критические для Коммуны дни она все же нашла время специально обсудить вопрос о произведениях искусства, находившихся в коллекции Тьера, дом которого подлежал разрушению. Сказанные на этом заседании рабочим-скульптором Демэ слова в предельно лаконичной форме выражают смысл политики Коммуны по отношению к художественному наследию: «Мы хотим сохранить духовные ценности прошлого для построения будущего. Мы не варвары»³². Говоря о художественной пропаганде, работавшая в содружестве с Коммуной Федерация парижских художников особо указывала на необходимость «массового воспроизведения шедевров»³³. Таким образом, решения Коммуны об охране памятников искусства, их учете, открытии музеев, репродуцировании шедевров не оставляют сомнений в ее внимательном отношении к национальным сокровищам.

На первый взгляд этой политике противоречит широко известный декрет о свержении Вандомской колонны. «Правительство национальной обороны» не вняло требованиям общественности о разрушении Вандомской колонны, но Парижская Коммуна со свойственной ей решимостью взяла на себя смелость осуществить эти требования. Эта колонна представляла собой «памятник варварства, символ грубой силы и ложной славы, апологию милитаризма»³⁴. Хотя она была поставлена в честь «первого Цезаря» — Наполеона I, колонна ассоциировалась в сознании масс с последним Бонапартом, низвергнутым незадолго до провозглашения Коммуны. Она являлась в их глазах символом угнетения. Такие памятники, если они не представляли собой большой художественной ценности, признавались враждебными духу Коммуны, чуждыми принципам братства. Деятели Коммуны предполагали воздвигнуть на месте снятых памятников новые монументы, которые запечатлели бы «в памяти потомства какие-либо славные завоевания в области науки, труда или в достижении свободы»³⁵. Таким образом, решение о свержении Вандомской колонны не противоречило общей установке Коммуны о сохранении художественных ценностей.

³¹ «Художественная жизнь Франции...», стр. 87.

³² «Протоколы...», т. II, стр. 273.

³³ «Художественная жизнь Франции...», стр. 83.

³⁴ Там же, стр. 96.

³⁵ Там же, стр. 98.

Как определяла Коммуна место искусства в жизни общества? В постановке этого вопроса во время Коммуны можно отметить две тенденции. Первая выражает взгляды некоторых писателей и художников, сформировавшихся еще в годы Второй империи и ратовавших за автономию искусства. Эти взгляды нашли отражение в уставе Федерации, где было сказано о «свободном распространении искусства, освобожденного от всякой государственной опеки...»³⁶ Такую точку зрения неоднократно высказывал и Курбе, переносивший свое отрицательное отношение к Июльской монархии, бонапартистской империи и находившейся в ведении правительства Академии на любое государство и государственное учреждение вообще. Он много раз повторял свой любимый тезис о независимом, свободном от государства творчестве, а на деле, как известно, принял на себя миссию уполномоченного Коммуны перед художниками, с радостью встретил известие о своем избрании в Коммуну. В тексте устава Федерации несколько раз проводилась мысль о том, что избираемый всеобщим голосованием комитет отчитывается перед Коммуной (в связи с вопросом об охране памятников, в связи с мероприятиями по организации деятельности отдельных художников), что комитет принимает от Коммуны заказы. В рапорте, представленном Федерацией депутату Вайяну, говорилось, что Федеральная комиссия рассматривает себя как организацию, занявшую место Управления искусств³⁷. Противоречивость устава Федерации и непоследовательность позиции Курбе были весьма типичны для определенных кругов интеллигенции, поддерживавших Коммуну. Эта непоследовательность не должна ни в коей мере умалять в глазах потомков значение гражданского подвига художников в те дни. Они были детьми своего времени и сделали наибольшее, на что были способны.

Несмотря на прудонистские взгляды «меньшинства» Коммуны в вопросе отношений государства и искусства, Коммуна в целом склонялась к тому, чтобы рассматривать искусство как одно из могущественных средств воздействия на массы. Искусство должно воспитывать их, популяризировать среди них идеалы Коммуны. С другой стороны, оно должно вобрать в себя инициативу масс, разбудить в них художников, отвечать их требованиям. Федерацию художников Коммуна рассматривала как подведомственное ей учреждение. Многие документы подтверждают это. В том же уставе Федерации, перепечатанном в официальном органе Коммуны, можно прочесть: «Комитет приглашает всех граждан сообщать ему любое предложение, проект, пожелание, имеющее целью прогресс искусства... словом, пером, карандашом, воспроизведением шедевров для наро-

³⁶ Там же, стр. 80.

³⁷ Там же, стр. 81—83, 90.

да, с помощью умной и поучительной картины... комитет будет содействовать нашему возрождению...»³⁸

Вопрос о художественном образовании привлекал внимание и Коммуны, и Федерации художников. Это был вопрос о будущем искусства, о формировании новых кадров. Возглавляемые Курбе художники решительно высказались за ликвидацию Школы изящных искусств и ее филиала в Италии — Римской школы. Каждый из них испытал на себе, что значит диктат Академии и какие бедствия приходилось терпеть художнику, работавшему в неугодном ей направлении. В то же время художники не возражали ни против обучения, ни против конкурсов и поездок в другие страны для совершенствования. Только они считали, что профессора должны избираться свободно, конкурсы и поездки должны финансироваться муниципалитетом³⁹.

Продолжая традиции искусства революции 1789—1794 гг., Федерация придавала большое значение общественным праздникам. Она не мыслила их без государственной помощи и требовала увеличения бюджетных ассигнований для их проведения. Коммуна не успела провести народные празднества. И все же можно составить себе представление о том, какими они могли бы стать, вспомнив хотя бы праздничный день провозглашения Коммуны 28 марта 1871 г. Что касается выставок, то Федерация считала, что руководство ими «должно принадлежать самим заинтересованным, ибо они понесут издержки и соберут прибыль»⁴⁰. Последнее заявление органически вытекало из той части декларации, где речь шла о независимом от государства развитии искусства.

Политику Коммуны по отношению к художникам следует признать тактичной и гибкой. Новое правительство готово было сотрудничать со всеми, кто этого желал. Но оно хотело не просто сотрудничать, но и вовлекать художников в орбиту своего влияния, выдвигать перед ними определенные идеалы. Пример «главы реализма» Курбе наиболее ярок, но, кроме него, можно привести и другие. В вышедшем 23 марта 1871 г. номере газеты «*La Caricature politique*» содержался призыв к художникам брать пример со старого Домье. Эта газета издавалась графиком Пилотелем, служившим под началом Рауля Риго в префектуре полиции. 14 мая 1871 г. газета «*Le Cri du Peuple*» писала: «В Париже немало тайн, скрытых преступлений, безвестных трагедий, которые для своего обнаружения требуют карандаша художника и писательского пера. Существует целая история, которую еще надо написать — история могущественных преступников всех мастей... которые почивали в своих дворцах...

³⁸ «Художественная жизнь Франции...», стр. 82—83.

³⁹ Там же, стр. 84.

⁴⁰ Там же, стр. 92.

тогда как внизу, на дне... подземный Париж нищеты корчился на ложе агонии». Эта статья была посвящена близкому Курбе графику Лансону, опубликовавшему гравюру, разоблачавшую преступления старого режима.

На основе имеющихся материалов невозможно дать развернутую картину, которую можно было бы назвать эстетической системой Коммуны. Вряд ли ее можно будет дать и в дальнейшем. Коммуна просуществовала слишком недолго, чтобы создать такую систему. Появлявшиеся в печати высказывания затрагивали частные, конкретные вопросы. Они делались чаще всего в газетах и журналах, которые хотя и поддерживали Коммуну, все же не были ее официальным рупором. И однако эти драгоценные свидетельства, будучи сопоставлены со всеми мероприятиями Коммуны в области культуры, убеждают в том, что Коммуна, имея она время, раскрыла бы перед художниками четкую перспективу искусства будущего, сумела бы привлечь к себе значительные творческие силы. «...Главное, чего не хватало Коммуне,— писал В. И. Ленин,— так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы»⁴¹. И так приходится удивляться, как за короткое время, в условиях непрекращающейся борьбы с внешним и внутренним врагом, Коммуна смогла столько сделать в сфере культуры. Ведь она впервые нащупывала новые формы и методы организации искусства. Она взяла на себя те функции, которые не брало до нее ни одно правительство.

Если политика Коммуны убеждает в бережном отношении ее к наследию прошлого и в стремлении заложить основы искусства будущего, то история ее искусства говорит, с одной стороны, о преемственной связи с традициями революционного искусства предшествующих лет, а с другой — позволяет наметить какие-то перспективы дальнейшего развития нового искусства.

В области революционного искусства Франция накопила ко времени Коммуны богатейший опыт, так как с конца XVIII в. именно она шла в авангарде революционной борьбы. Как показывает весь исторический опыт, музы не молчали во время революционных потрясений. Каждая из революций (1789—1794, 1830, 1848 гг.) не только создавала свое искусство, но и оказывала длительное оплодотворяющее влияние на него даже тогда, когда с самим революционным движением было уже покончено.

Особенно тесно с судьбами революций переплетается история французской графики. Народные картинки времен революции 1789—1794 гг., карикатуры журналов «La Caricature» и «Le

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 219—220.

Charivari» начала 30-х годов, журнальная графика эпохи революции 1848 г. — все это были существенные вехи на пути развития прогрессивного искусства. Среди десятков имен крупных рисовальщиков выделяется имя Домье, воплотившего в своем творчестве все лучшее, что дала французская политическая графика на протяжении почти что половины столетия.

Пользуясь крупными буржуазно-демократическими свободами в конце Второй империи и особенно после провозглашения республики 4 сентября 1870 г., политическая карикатура Франции вновь активизируется. Рядом с мастерами старшего поколения появляется молодежь. Напряженная общественно-политическая жизнь страны, идущей к революции, способствует ее быстрому политическому созреванию. Опыт старших мастеров карикатуры помогает ей оттачивать свое мастерство. Этот «разбег» очень пригодился художникам в дни Коммуны, подготовил их к ее восприятию.

На первое место в искусстве Коммуны должна быть поставлена политическая карикатура. В создании карикатур Коммуны принимали участие три поколения художников. Из старших лишь один Домье нашел в себе силы поддержать Коммуну. К этому толкал его весь его опыт республиканца-демократа. В Коммуне он видел народную власть и, как мог, приветствовал ее («Вольтер, аплодирующий сожжению гильотины», «Декрет Коммуны», «Париж — Версаль»).

К среднему поколению принадлежал Андре Жилль. Он выступил в 60-е годы с остроумными шаржами на актеров, писателей и, когда позволяла цензура, на политических деятелей. Создав довольно много карикатур во время сентябрьской республики, Жилль мало работал в дни Коммуны. Если он рисовал, то это были не карикатуры, а зарисовки с натуры⁴². Зато после Коммуны художник создал впечатляющие карикатуры на Тьера. Как уже говорилось, Жилль был назначен во время Коммуны временным администратором Люксембургского музея. Он входил в Федеральную комиссию художников.

Основную роль в создании политических карикатур Коммуны играли, однако, не Домье и не Жилль, а младшее поколение художников, выступивших незадолго до Коммуны: Пилотель, Молок, Саид и др. Хотя они были ненамного моложе Жилля, они оставались почти совершенно неизвестными до Коммуны. Коммуна создала их как художников⁴³. От представите-

⁴² J. Valmy-Baysse. Le roman d'un caricaturiste: Gill. Paris, 1927.

⁴³ См. А. С. Гуцин. Политическая карикатура в период Парижской Коммуны. — «Искусство», 1934, № 2; Альбом «Революционная карикатура Коммуны» (составители М. Алексеева, С. Маневич, Е. Тепер). М., 1961; Н. Н. Калитина. К истории политической карикатуры во время Парижской Коммуны 1871 г. — «Французский ежегодник. 1963». М., 1964.

лей старшего поколения молодежь отличало более острое политическое чутье. Образ пролетария, который не встречается у Домье или Жилля, занимает существенное место в творчестве Пилотеля («Лапы прочь!»), Саида («Тот, кто всем владеет, и тот, кто ничего не имеет»), Гайяра-младшего. Художники противопоставляют образ пролетария, как защитника революционного дела, контрреволюционерам всех мастей: Наполеону III, членам «правительства национальной обороны», версальским генералам, пруссакам, богачам. Они подчеркивают силу, выдержку пролетариев. Их противники, наоборот, кажутся то нелепыми, смешными, то злобными, озверевшими. Сатирические образы более индивидуализированы художниками, так как в большинстве случаев это карикатурные портреты определенных лиц: Тьера, Фавра, Трошю и др. Образ же пролетария поднимается художниками до обобщенно-символического звучания. Однако, если сопоставить его с другим еще более популярным в эти дни образом — Свободой-Республикой, то ясно чувствуется большая жизненность, социальная детерминированность образа рабочего. Это именно французский пролетарий, одетый в гражданскую одежду или в форму национального гвардейца. Свобода изображается в виде полуобнаженной или одетой в длинный хитон женщины, голову которой венчает фригийский колпак. Такая Свобода встречалась и в конце XVIII в. Прежде чем «прийти» в графику Коммуны, она прошла через все революции XIX в. Правда, в связи с новыми обстоятельствами в ее облике угадываются новые черты — Свобода становится более суровой, активной. Но в целом в трактовке этого образа художники не выходят за пределы традиции. Не следует это ставить им в вину. Присутствие аллегорического образа — вполне закономерное явление в политической графике. Вполне закономерно и то, что карикатура заимствует этот образ из арсенала революционного искусства прошлого. Будь у Коммуны больше времени, в трактовке образа Свободы безусловно появились бы какие-то новые отличительные черты.

Образ рабочего, не столь часто встречающийся в политической графике этих лет, напротив, приобрел большую конкретность, хотя художники только еще нащупывали этот образ в его новой героической сущности (начало такой трактовки образа пролетария положил Домье в известной литографии «Свобода печати»). По мере приближения к майской «кровавой неделе» и обострения борьбы положительные образы начали трактоваться не только с героической, но и трагической стороны. Монбар на рисунке «Убийцы» изобразил поверженного коммунара, над телом которого стоят, торжествуя, Тьер и Фавр. Молок представил сцену расстрела («Браво, Адольф»). Палачей не видно, но перед зрителем их страшные дела — в лужах крови лежат

дети, старики; оставшиеся в живых протягивают вперед руки — они обвиняют, проклинают.

Как известно, не положительные образы являются ведущими в карикатуре. Ее основной пафос — это пафос отрицания. Карикатура Коммуны не составляла в этом смысле исключения. Отрицательные образы играли в ней преобладающую роль. Карикатуристы очень отчетливо представляли себе внешних врагов Коммуны. Они не только изображали конкретных политических деятелей, но показывали их в связи с определенными делами, в конкретных ситуациях. Вначале значительное место в карикатуре занимал сатирический образ Наполеона III, но очень скоро он перестал интересовать художников. Времена империи миновали и перед Коммуной стояли новые враги. В первую очередь — это Тьер. Пожалуй, ни один политический деятель Франции не занимает во французской сатирической графике такого места, как Тьер. Начиная с 30-х годов, когда он был министром в правительстве Луи-Филиппа, Тьер постоянно фигурировал на страницах сатирических изданий. Карикатуристы Коммуны продолжили эту традицию. Они придали сатирическому образу Тьера новые черты, определявшие уже той ролью, которую он играл в дни Коммуны. Быть может, карикатурам на Тьера, исполненным в 1871 г., не хватает глубины, разнообразия оттенков, свойственных карикатурам Домье 30—40-х годов. Но истинная сущность «кровавого карлика» раскрыта в них с большой силой.

Гораздо реже, чем карикатуры на внешних врагов, встречаются в политической графике Коммуны карикатуры на внутренние темы. Исключение, пожалуй, было сделано лишь для антирелигиозной тематики, что объясняется и достаточно последовательной политикой Коммуны в этой области (отделение церкви от государства, разоблачение преступлений церковников), и антирелигиозными традициями революционного искусства Франции, идущими еще от XVIII в. Много работали над этой тематикой Кленк, де Фронда, но больше всего уделял ей внимания Молок, создавший серию гравюр о служителях культа. В таких листах, как «Избави нас, господи, от козней злодеев», Молок раскрывал союз католической церкви и версальской контрреволюции.

Молодые карикатуристы Коммуны по размеру своего дарования уступали большим мастерам этого жанра. Достаточно положить рядом любой лист Домье и лучшие работы Пилотеля или Саида, чтобы почувствовать всю свободную непринужденность рисунка Домье, его яркую образность и какую-то робость, неловкость Пилотеля или Саида. Но стилистические отличия карикатур Домье и молодых рисовальщиков определялись не только характером их индивидуальных дарований. Их различия были связаны и с той эволюцией, которую прошла французская

сатирическая графика. В первой половине века карикатура была особенно тесно связана с жанром. В ней разрабатывались, наряду со специфическими «карикатурными» задачами, те же проблемы, что и в жанровой литографии. Художники конкретно передавали место действия, глубинно трактовали пространство, интересовались световоздушной средой. Во второй половине XIX столетия жанровая тенденция почти исчезает из области карикатуры, во всяком случае политической. Даже Домье начинает все чаще обращаться к условным композициям, образам-символам. Молодежь идет сразу по этому пути. Образы в ее карикатурах становятся более схематичными, пространство трактуется плоско. Прием деформации, который всегда широко использовался в карикатуре, теперь приобретает новые черты. Художник не только не скрывает его, придавая фигурам видимость естественности, но, наоборот, подчеркивает несоответствие, диспропорцию чрезмерно маленького туловища и огромной головы, тоненьких рук и большого тела и т. д. Линия становится тонкой, острой, светотеневая модуляция почти отсутствует. Карикатура Парижской Коммуны ближе в стилистическом отношении плакату, листовке, чем журнальному рисунку. Недаром карикатуры в дни Коммуны чаще всего помещались не в газетах и альбомах, а просто расклеивались на стенах домов. По своему эмоциональному звучанию они приближались к афише в сегодняшнем понимании этого слова.

На второе место после карикатуры следует поставить жанр зарисовки. Он изучен в гораздо меньшей степени. Это объясняется прежде всего тем, что карикатуры печатались типографским способом и распространялись во многих экземплярах. Их богатые собрания оказались в ряде хранилищ и библиотек. Зарисовки же, если они нигде не воспроизводились, так и остались в единственном экземпляре. Многие из них не сохранились, о некоторых известно лишь из письменных источников. И все же имеющиеся материалы дают основания утверждать, что жанр зарисовки, наброска, сделанного с натуры и по памяти, получил значительное развитие в дни Коммуны, особенно в последний период ее существования. Среди зарисовок можно отметить два типа: констатирующую, документальную зарисовку и обличительную. Между ними нет резкой грани и нередко документальный рисунок приобретал поистине обличительный характер.

К первому типу можно отнести зарисовки Жилля «На Монмартре», «Уснувший федерат» и др. Художник просто изображает то, что видит, добросовестно и спокойно: стоящего у пушки федерата, панораму Парижа, открывающуюся с Монмартрского холма, расстрелянных генералов Тома и Леконта. От таких зарисовок несколько отличаются наброски, в которых позиция художника подчеркнута, выявлена со всей очевидностью. Последний тип зарисовки представлен работами разных художников.

Среди них Лансон, о котором в словаре художников Франш-Конте сказано: «Он встал на сторону Коммуны, чуть не был расстрелян, был брошен в Сатори, где провел в заключении шесть месяцев, и только чудом спасся»⁴⁴. Лансон участвовал в борьбе с версальцами и получил чин капитана. Зарисовки Лансона были исполнены после посещения им подвалов церкви Сен-Лоран, где коммунары обнаружили скелеты людей и орудия пыток. Лансон запечатлел эту страшную картину, обратив внимание сограждан на преступления прошлых режимов.

Заваленный делами и как председатель Федерации художников, и как член Коммуны, и как депутат VI округа, Курбе почти не работал творчески. По-видимому, он все же исполнил кое-какие рисунки, но они до нас не дошли. Когда художник был арестован, он сделал в небольшом альбоме ряд набросков, запечатлевших последние трагические страницы Коммуны: «Заключенные в Оранжери», «Большие конюшни Версаля», «Коммунарки», «Арестованные под конвоем» и др. Рисунки Курбе — это не наброски беспристрастного очевидца. В них живет взволнованная душа художника-гражданина, который сам прошел через все ужасы и унижения расправы. Недаром на одном из рисунков Курбе изобразил себя в камере, а на другом придал сходство с собой расстреливаемому коммунару. Разрывая на груди рубашку, коммунары бесстрашно предстают перед врагом, утверждая свое нравственное превосходство над ним⁴⁵.

Мане не был в Париже во время Коммуны. Когда в последние дни мая художник вернулся в столицу, он был поражен жестокостью расправы над коммунарами. Он исполнил набросок, который положил в основу литографии «Гражданская война». Около полуразрушенной баррикады лежит ее недавний защитник. Срезая краем листа фигуру второго человека справа, художник как бы говорит, что и дальше будет все та же картина. Второй набросок Мане также использовал для литографии. Кроме того, художник исполнил на ту же тему акварель (хранится в музее Будапешта). Это «Расстрел коммунаров». Как и Курбе, Мане подчеркнул мужество коммунаров, героически принимающих смерть.

Трагедию Коммуны показывали порою даже те художники, которые были настроены к ней откровенно враждебно. Крупницы правды проскальзывали в их творчество помимо воли. Таков Даниэль Вьерж. Образы коммунаров в его рисунках, как правило, нарочито огрублены. У людей примитивные лица, несклад-

⁴⁴ Dictionnaire des artists et œuvres d'art de la Franche-Comté. Paris, 1912. p. 156.

⁴⁵ Альбом с рисунками Курбе хранится в Лувре. Впервые эти рисунки были опубликованы Л. Арагоном в монографии о Курбе: *L. Aragon. L'Exemple de Courbet*. Paris, 1952.

ные фигуры, что особенно бросается в глаза при сравнении их с благообразными солдатами. Но нельзя без содрогания смотреть, как эти идеализированные солдаты вонзают в грудь жертвы штык, спокойно переходят от одного коммунара, уже убитого, к следующей жертве⁴⁶.

Не приходится сомневаться, что многие зарисовки прогрессивных художников могли бы быть использованы в дальнейшем в графических сериях и картинах. Это случилось бы, если бы во Франции после поражения Коммуны существовали бы для этого сколько-нибудь благоприятные условия. Наступившая реакция делала открытое появление такого рода работ попросту невозможным. Лишь немногие мастера, которым удалось эмигрировать, например Пилотель, Эрнест Пиккьо, возвращались к теме Коммуны.

В дальнейшем тема Коммуны во французском искусстве разрабатывалась уже другими художниками, выступившими в период подъема социалистического движения. Среди них наиболее талантливыми были Теофиль Стейнлен и Максимилиан Люс.

Несколько одностороннее (главным образом графика) и далеко не равноценное по своим художественным достоинствам наследие, которое оставила Коммуна в искусстве, дает все же основание сделать ряд общих выводов. Коммуна вызвала к жизни наиболее массовые, злободневные виды и жанры искусства. Уже одним фактом своего существования, всей проводимой ею политикой Коммуна будила инициативу масс, приобщала их к творчеству. Наряду с художниками-профессионалами, искусство Коммуны создавалось самоучками, которых побудила к творчеству революционная волна. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, как дружно поддерживали Коммуну так называемые промышленные художники, которые теснее своих собратьев по искусству были связаны с рабочей и ремесленной средой. В составе Исполнительного комитета Федерации была специальная секция промышленных художников.

Обращавшиеся к искусству Коммуны исследователи нередко задавали себе вопрос, каким было бы это искусство, если бы Коммуна просуществовала дольше. Они справедливо указывали, что ее искусство пошло бы по реалистическому пути⁴⁷. Этот вывод вытекает из всей организационной деятельности Коммуны, из всех тех предпосылок, которые она создала для развития искусства, из всей практики сотрудничавших с нею художников.

⁴⁶ Париж. Музей Карнавале. Папка D. Vierge (D. U. Ortiz), № 1—119.

⁴⁷ «Парижская Коммуна 1871 года», т. II. М., 1961, стр. 63.

Печать Парижской Коммуны за короткий срок стала существенным фактором политической и идеологической жизни первого пролетарского государства¹.

Для изучения прессы Коммуны, помимо основного источника — самих газет, — ценные сведения дают также документальные источники (протоколы заседаний Коммуны, ее постановления

¹ Специальная литература, посвященная прессе Парижской Коммуны, немногочисленна (см. *С. Б. Кан*. Якобинская пресса перед 18 марта 1871 г. — «Парижская Коммуна 1871 г.». М. — Л., 1932; *А. И. Молок*. Андре Лео. — «Под знаменем марксизма», 1928, № 6; он же. Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны. — «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957; *С. Маневич*, *М. Алексеева*, *Е. Тепер*. Коллекция изданий Парижской Коммуны в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — «Труды Гос. Публичной библиотеки», т. I (IV). Л., 1957; *J. Bouissounouse* et *L. de Villefosse*. La presse parisienne pendant la Commune. — «Europe», 1951, N 64-65; *M. Bloch*. En lisant le Journal Officiel de la Commune. — «Europe», 1951, N 64-65; *A. Duryu*. 1870—1871. La guerre, La Commune et la presse. Paris, 1959. Несколько работ по вопросам печати в дни Коммуны было выполнено во Французском институте социальной истории, но они имеются лишь в машинописном виде.

В библиографиях и каталогах пресса Коммуны, как правило, не выделяется в самостоятельный раздел, а дается в общем перечне парижской прессы этого периода. *F. Maillard*. Histoire des journaux publiés à Paris pendant le siège et sous la Commune. Paris, 1871; *J. Lemonnyer*. Les journaux de Paris pendant la Commune. Paris, 1871; *A. Gagnière*. Histoire de la presse sous la Commune. Paris, 1872; Bibliothèque nationale. Catalogue de l'histoire de France, t. XI. Paris, 1879; *G. Del Bo*. La Commune di Parigi. Saggio bibliografico. Milano, 1957; «Французские издания периода Парижской Коммуны 1871 г.» Аннотированный каталог коллекции Гос. Публичной библиотеки, вып. I—III, составители *С. Маневич*, *М. Алексеева*, *Е. Тепер*. Л., 1961 (ротатор); «Печать Парижской Коммуны 1871 г.» Сводный каталог изданий, хранящихся в библиотеках СССР. М., 1964 (ротاپринт), ч. II; *М. Алексеева*, *С. Маневич*, *Е. Тепер*. Пресса Коммуны, вып. II, разд. 2. — «Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны», ч. II. М., 1964 (ротاپринт).

ния, протоколы заседаний ЦК национальной гвардии и т. д.) и обширная мемуарная литература.

Особый интерес могли бы представить редакционные архивы газет, но мы не располагаем сведениями об их сохранности². П. Шове прав, констатируя, что после поражения Коммуны «солдатия и разнузданная версальская полиция неделями не только убивали и арестовывали, но также грабили все архивы демократических организаций и газет, чья окраска им казалась слишком красной, не говоря о полном уничтожении архивов и документов их владельцами перед лицом версальского вторжения»³. Однако не исключено, что интенсивное обследование и изучение рукописных фондов по истории Коммуны, хранящихся во Франции в Историческом архиве военного министерства, начатое после 1950 г. французскими историками, принесет еще плодотворные находки для истории печати Коммуны.

Для изучения прессы Коммуны весьма поучительны сделанные Марксом в июле 1871 г. выписки из газет Коммуны за период с 1 апреля по 23 мая 1871 г.⁴ Маркс редко сопровождал выписки своими примечаниями, оценками, но часто подчеркивал отдельные выражения, фразы, абзацы. Выписки были сделаны Марксом после выхода в свет книги «Гражданская война во Франции» и не были им использованы ни в одной работе. Они охватывают широкий круг событий и вопросов, волновавших парижскую революционную общественность во время Коммуны, и свидетельствуют об исключительном интересе Маркса к революционным событиям в Париже.

*

Утром 19 марта по всему Парижу были расклеены три афиши ЦК национальной гвардии, в которых были опубликованы первые документы временного революционного правительства. Чтобы подчеркнуть свои правительственные функции, ЦК национальной гвардии воспользовался традиционной для Франции формой оперативной правительственной информации — белыми афишами, напечатанными в Национальной типографии. Революционная пресса не успела в этот день ни поместить материалы о совершившейся революции, ни выразить свое отношение к ней. Насколько нам известно, только газета «L'Ouvrier de l'avenir» поместила под рубрикой «Последний час» небольшую заметку

² Уцелели лишь письма читателей в редакцию газеты «Le Père Duchêne» и некоторые другие документы.

³ P. Chauvet, Les ouvriers du livre en France. De 1798 à la constitution de la Fédération du livre. Paris, 1956, p. 316.

⁴ «Архив Маркса и Энгельса», т. XV. М., 1963.

Эветта, дававшую живое представление о событиях 18 марта. Приведем ее полностью: «В момент, когда печатается этот номер, повсюду бьют сбор. Граждане, спускающиеся с Монмартра, рассказывают, что по улицам перетаскивают митральезы и путь от бульвара Ришар-Ленуар до Бастилии занят войсками. Бельвиль и Монмартр окружены и заняты солдатами. Расклеена афиша Тьера, заявляющая о готовности действовать, а это означает государственный переворот. Им еще мало бессмысленно пролитой крови. Они ее жаждут снова, остается узнать, дадим ли мы ее им. Только что мы узнали, что армия братается с народом. Решительно им не везет!» В полный голос о поражении контрреволюции и победе народа революционная пресса заговорила 20 марта.

Как справедливо отметил Жак Дюкло, «Центральный комитет совершил ошибку, не заняв в ночь на 19 марта редакцию *«Journal officiel»*, хотя это было вполне возможно»⁵. 19 марта *«Journal officiel»*, орган бежавшего в Версаль правительства, вышедший в этот день даже раньше обычного⁶, содержал последние прокламации, полные ненависти к народу и демократии⁷. Только днем 19 марта Э. Лебо во главе трех отрядов национальной гвардии занял помещение редакции и типографии правительственной газеты. На следующий день, 20 марта, в 9 часов утра парижане уже читали совершенно новый *«Journal officiel de la République Française»*⁸. Газета содержала первые документы ЦК национальной гвардии и полностью выражала его интересы. С этого дня она фактически стала официальным органом ЦК, а затем Парижской Коммуны. Это и было началом прессы Коммуны. То обстоятельство, что публикация документов ЦК осуществлялась именно в *«Journal officiel»*, воспринималось общественным мнением как свидетельство силы ЦК, как очевидный признак того, что ЦК взял на себя правительственные функции.

В течение двух дней, 20 и 21 марта, в Париже появилось кроме *«Journal officiel»* по меньшей мере еще пять газет, активно поддерживавших ЦК национальной гвардии.

Уже 20 марта вечером вышли первые социалистические газеты, вызванные к жизни победой революции: *«La Commune»*

⁵ Ж. Дюкло. На штурм неба. М., 1963, стр. 87.

⁶ Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars. Paris, 1871, p. 287.

⁷ Реакционер Луден с удивлением отмечал, что 19 марта на фасаде мэрий в V и VI округах рядом с афишами ЦК был вывешен номер газеты правительства Тьера, а новое правительство не принимало мер для пресечения враждебной для него пропаганды (*«Journal de Fidus»*, t. II. Paris, 1889, p. 406).

⁸ Внешне он ничем не отличался от издания бежавшего правительства. Не изменилась даже последовательность нумерации: № 78 был издан 19 марта правительством Тьера, № 79 — 20 марта Центральным комитетом национальной гвардии.

и «L'Ordre»⁹. Газета «La Commune» успела перепечатать из «Journal officiel» ряд документов ЦК и опубликовала несколько статей («Доверие», «Неизвестные», «Революция»), в которых одобрялась позиция Центрального комитета.

Полное доверие ЦК национальной гвардии выразила организованная О. Верморелем газета «L'Ordre». «Мы только что прочли «Journal officiel» нового правительства. Это чтение укрепило наш дух», — писала она.

21 марта возобновила свое издание популярная среди парижских трудящихся газета «Le Cri du Peuple», главным редактором которой был Жюль Валлес. Обращение редакции газеты «К народу Парижа» начиналось словами: «Только что свершилась новая Революция — мирная и благородная».

21 марта с 6-го номера возобновилось издание столь же популярной газеты «Le Père Duchêne», которая писала: «Велика радость папаши Дюшена, который может наконец поговорить о делах Нации с честными патриотами, выгнавшими из Ратуши всех этих негодяев...» После однодневного перерыва вышла «La Nouvelle République». В передовой под названием «Победа! Доверие!» Груссе писал: «Париж только что совершил самую прекрасную революцию, которую видел мир за эти 100 лет....» В конце марта — начале апреля пресса Коммуны получила сильное подкрепление. 30 марта начала выходить вторая серия неоякобинской газеты «Le Vengeur», 31 марта — близкая к прудонистам «La Sociale», 1 апреля возобновилось издание радикально-республиканского «Le Mot d'Ordre». 2 апреля одновременно вышли две новые газеты: бланкистская «La Montagne» и находившийся под сильным влиянием прудонизма орган двух парижских секций Интернационала «La Révolution politique et sociale». В этот же день взамен газеты «La Nouvelle République» вышла газета «L'Affranchi», название которой, по мнению редакции, более соответствовало положению народа, осуществившего выборы в Парижскую Коммуну. 4 апреля начала выходить боевая, темпераментная, но недолговечная газета неоякобинцев «L'Action». Передовая статья ее главного редактора Лиссагаре «На смерть!» сразу поставила эту газету в ряды наиболее решительных и непримиримых борцов с версальской контрреволюцией. 18 апреля начал выходить и другой орган неоякобинской прессы «Le Réveil du Peuple». 12 апреля вышел первый номер одной из немногих постоянных вечерних газет Коммуны, «Paris libre». Новые органы революционной прессы возникали и в конце апреля и в мае, вплоть до вступления в Париж версальцев. Даже 16—21 мая было основано пять га-

⁹ Если верить реакционеру Мориак, типография Дюбюиссон начала печатать газету «La Commune» под непосредственным нажимом национальных гвардейцев, доставивших в нее материал для первого номера (E. Moriac. Paris sous la Commune. Paris, 1871, p. 19).

зет: 16 мая — новая газета «Le Rêvolution politique et sociale» и бланкистская «Le Salut public», 17 мая — неоякобинская «Le Tribun du Peuple» и орган молодежи, поддерживавшей бланкистско-якобинское «большинство» в Коммуне, — «La Rouge», 21 мая — прудонистская «Le Fédéraliste». Различные по политическому направлению, по оформлению, профессиональному уровню, эти газеты ярко демонстрировали исключительную активность, неиссякаемый запас сил, огромные резервы, которые таили в себе парижская революционная демократия, парижский рабочий класс. 19 мая в Париже вышло 16 революционных газет, 20 мая — 11. После вступления версальцев революционная пресса еще держалась несколько дней. 24 мая вышли газеты «Journal officiel»¹⁰, «Paris libre», «Le Prolétaire», «Le Tribun du Peuple», «Le Vengeur». Они призывали народ к оружию, к защите Республики и Коммуны. Это были последние страницы прессы Коммуны.

За короткий срок существования Коммуны революционная пресса получила невиданный прежде размах. Коммуну подерживало свыше 40 газет. В среднем с 20 марта по 24 мая 1871 г. в Париже издавалось ежедневно 11—12 периодических изданий, защищавших дело Коммуны¹¹.

На пути создания революционной прессы стояли немалые трудности, вызванные ограниченностью материальной базы, недостаточной устойчивостью состава редакций, наконец, условиями напряженной гражданской войны. В отличие от буржуазных газет, издававшихся на четырех страницах, газеты Коммуны большого формата издавались только на двух. Весьма распространенными стали газеты, внешне оформленные в виде брошюр небольшого формата, по восемь страниц с виньеткой и девизом на первой (наиболее известна из таких газет «Le Père Duchêne»).

Многие газеты датировались по революционному календарю, введенному в 1792 г. и восстановленному Парижской Коммуной.

¹⁰ Типография этой газеты была занята версальцами еще утром 23 мая; попытка продолжить издание в Национальной типографии не увенчалась успехом: версальцы приближались и туда. Тем не менее 24 мая газета все же вышла, но в типографии Присетт в Бельвиле, куда из Национальной типографии были доставлены все необходимые материалы («Journal des journaux de la Commune», t. I. Paris, 1872, p. VIII).

¹¹ Все цифровые подсчеты сделаны нами по данным сводного каталога изданий Коммуны, хранящихся в библиотеках СССР. Пресса Коммуны отражена в нем почти исчерпывающим образом («Печать Первого Интернационала и Парижской Коммуны», ч. II, вып. II).

Известен тираж только некоторых газет Коммуны. Наибольший тираж был у газет «Le Cri du Peuple» (80—100 тыс.), «Le Père Duchêne» (60—70 тыс.). «La Sociale» имела тираж 50 тыс., «Journal officiel» выходил в количестве 3500 экземпляров.

Революционные газеты продавались по невысокой цене: многие по 10 сантимов, около 20 — по 5 сантимов. Буржуазные газеты продавались, как правило, по 15 сантимов.

Газеты Коммуны печатались более чем в 30 типографиях. Особенно значительной была роль двух типографий, тесно связанных с рабочим движением: «Всеобщего типографского товарищества Бертелеми и К°» и «Новой типографии (Рабочее товарищество) Маскен и К°».

Политическая позиция газет Парижской Коммуны не была однородной. Свои газеты имели бланкисты, прудонисты, неоякобинцы. Однако принадлежность газет к той или иной политической группировке не всегда была четко выражена. Редакции некоторых газет состояли из людей, которые придерживались различных политических взглядов, что естественно сказывалось и на политической позиции самой газеты. Журналисты также занимали иногда колеблющуюся позицию. Несмотря на пестроту, а зачастую и неопределенность политических устремлений и тенденций, высказываемых на страницах газет, печатные органы Коммуны были едины в самом главном — в поддержке первого пролетарского государства, в стремлении отстоять и укрепить завоевания парижской революции. Большинство газет Коммуны оценивали ее как революцию рабочую, пролетарскую¹². Первой во весь голос сказала об этом газета «Journal officiel» в передовой от 21 марта 1871 г. под названием «Революция 18 марта». Маркс приводит следующую выдержку из этой статьи (он называет ее манифестом Центрального комитета): «Парижские пролетарии, видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть»¹³.

Круг проблем и вопросов, освещавшихся в прессе Коммуны, был чрезвычайно широк. Революционные газеты публиковали

¹² П. Керженцев справедливо заметил, что «в той или иной мере все ведущие газеты Коммуны признавали важнейшим моментом революции появление в власти нового класса — рабочих» (П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1959, стр. 330).

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

декреты и решения Парижской Коммуны, разъясняя массам их содержание и значение, высказывали свои предложения, давали народному правительству «добрые советы». Последовательный республиканизм, борьба за широкие демократические преобразования, в которых на первый план выдвигались интересы трудящихся, поиски средств для коренного улучшения положения рабочего класса, разоблачение реакции и контрреволюции — под этим углом зрения газеты Коммуны обсуждали различные явления политической и идеологической жизни Парижа, подбирали информационный материал. С каждым днем все большее значение приобретала тема борьбы с контрреволюцией. Ей посвящались и передовые, и фельетоны. Публиковался огромный документальный материал о полицейском режиме Второй империи, об антинародной политике «правительства национальной обороны», подробные критические обзоры враждебной прессы и т. д. По мере усиления гражданской войны газеты Коммуны стали уделять все больше внимания военным действиям. Эти материалы помещались обычно на самом видном месте. Газеты Коммуны всех направлений публиковали антирелигиозные и антиклерикальные статьи и документы.

Органы прессы Коммуны поддерживали широкую и постоянную связь с читателями — национальными гвардейцами, рабочими, ремесленниками. Газеты Коммуны получали множество писем. Парижские трудящиеся писали о своих коренных нуждах, приветствовали решения Коммуны, но критиковали Коммуну за недостаточную твердость и решительность в борьбе с контрреволюцией. Письма читателей в газеты Коммуны — яркое проявление огромной политической активности трудящихся, их глубокой заинтересованности в судьбах революции, беспредельной преданности делу Коммуны, искреннего и горячего желания помочь народному правительству¹⁴. Революционные газеты вызывали живой интерес среди трудящихся Парижа. А. Арну писал о национальных гвардейцах в первые дни после провозглашения Коммуны: «...что поражало с первого взгляда — все усердно читали газеты. Это одно указывало на то, что перед нами не солдаты правительства, а волонтеры революции»¹⁵.

В прессе Коммуны сотрудничал большой отряд журналистов и публицистов. В самих изданиях указаны имена более 200 редакторов, жеранов, авторов статей, заметок, корреспонденций. Среди них были профессиональные журналисты, пуб-

¹⁴ Подробнее об этом см.: А. И. Молок. Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны. — «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957. (Проанализировано около 50 писем из 10 газет Коммуны).

¹⁵ А. Арну. Народная история Парижской Коммуны. СПб., 1906, стр. 134.

лицисты, составившие себе имя смелыми выступлениями в демократической и социалистической печати в последние годы Второй империи и после революции 4 сентября. Другие пришли в печать только теперь, под непосредственным влиянием революции 18 марта. Из членов Коммуны главными редакторами газет были Ж. Валлес, О. Верморель, П. Груссе, Ш. Лонге, П. Везинье, Ф. Пиа; иногда выступали в прессе Ж.-Б. Клеман (сравнительно больше других), С. Дерёр, Б. Малон, Э. Прото, Г. Тридон, Ф. Гамбон, Г. Курбе, Ф. Курне.

Журналистам Коммуны приходилось работать в исключительно трудных условиях, когда гражданский долг заставлял многих из них брать на себя непосильную ношу самых различных обязанностей. Газета «Le Cri du Peuple» писала 18 апреля: «Редакторы «Le Cri du Peuple» — каждый на своем посту: один в Ратуше — он член Коммуны, другой в мэрии — он председатель секции, третий командует батальоном на переднем крае. Речь идет о том, чтобы спасти Республику и навсегда сделать Париж свободным».

Журналисты Коммуны служили делу революции не только своим пером. Они сражались на баррикадах и гибли за идеалы, которые провозглашали. Верморель, Марото, Мильер — это лишь наиболее известные жертвы версальского террора.

✱

«Jornal officiel de la République Française» — первый в истории прессы официальный печатный орган рабочего правительства, выходил с 20 марта по 24 мая 1871 г.

Газетой руководили правительственные делегаты: первые два дня — Жюль Барбере, затем — Эмиль Лебо, с 27 марта — Шарль Лонге, с 13 мая — Пьер Везинье. Общий контроль и руководство вначале осуществляли делегаты ЦК национальной гвардии при министерстве внутренних дел, после избрания Коммуны — Исполнительная комиссия; 28 апреля было принято решение о передаче газеты в ведение Комиссии общественной безопасности.

В числе постоянных сотрудников были Флорис-Пиро, П. Ваперо, Ф. Нель. Один-два раза в газете поместили свои статьи Ж.-Б. Клеман, А. Реньяр, Л.-К. де Рикар, А. Беланже, Э. Вайян, Г. Курбе, М. Вийом, Ш. Кантен, Э. Марешаль, Лимузен. Возможно, что в газете сотрудничали и другие публицисты¹⁶. Некоторые статьи публиковались без подписи, причем этот порядок газета считала обычным¹⁷.

¹⁶ ЦК национальной гвардии направил 19 марта члена ЦК Э. Моро своим представителем в Национальную типографию и в «Journai officiel». По-видимому, он принял участие в составлении некоторых передовых, в 20-х числах марта.

¹⁷ См. «Journal officiel», 31.III 1871.

Каждый номер газеты делился на две части: официальную и неофициальную. В первой печатались правительственные документы, во второй — передовые, военные донесения, постановления и распоряжения окружных муниципалитетов, протоколы заседаний Коммуны, статьи и заметки на злободневные темы, текущая информация, сообщения из-за границы¹⁸.

Для обнародования своих документов Коммуна пользовалась двумя каналами официальной печатной информации: афишами и «*Journal officiel*». Последний по своим возможностям и реальному осуществлению был, несомненно, ведущим. Уже 26 марта 1871 г. в «*Journal officiel*» появилось следующее извещение: «Все делегаты, все руководители ведомств приглашаются посылать в «*Journal officiel*» сообщения, которые они считают нужным огласить». Многие сотни документов центральных и местных учреждений Коммуны опубликовал «*Journal officiel*».

Однако отсутствие достаточно четкой организации не только в газете, но и в органах самой Коммуны привело к тому, что, с одной стороны, отнюдь не все документы, опубликованные в виде афиш, были напечатаны также в «*Journal officiel*», а с другой — в официальную газету порою попадали материалы, сам факт опубликования которых в ней подвергался осуждению на заседаниях Коммуны¹⁹. С 15 апреля «*Journal officiel*» ежедневно публиковала протоколы заседаний Коммуны, кроме тех случаев, когда они объявлялись секретными. Перед опубликованием протоколы подвергались редактированию и сокращению в секретариате Коммуны, а затем в редакции газеты. В результате спешки, отсутствия опыта у сотрудников в опубликованном тексте протоколов встречались неточности, иногда искажения. На это сетовали многие члены Коммуны, требуя внесения поправок²⁰.

Но, несмотря на все погрешности, публикация протоколов заседаний Коммуны имела большое значение. Дела Коммуны становились ближе и понятней широким массам. С присущей подлинно народному правительству прямотой Коммуна открыто говорила о своих достижениях и недостатках. «...Коммуна, — по словам Маркса, — не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства»²¹. 30 марта, когда газета вышла под названием «*Journal*

¹⁸ Существовавшее при Коммуне Бюро прессы составляло специально для «*Journal officiel*» подборки из заграничной прессы.

¹⁹ См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I. М., 1959, стр. 65, 76, 402—403; т. II. М., 1960, стр. 6.

²⁰ См. «Протоколы...», т. I, стр. 368; т. II, стр. 97, 127 и др.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 352.

officiel de la Commune de Paris» № 1 (вместо № 89) ²², вопрос о названии газеты обсуждался на очередном заседании Коммуны. Скупые строчки протокола фиксируют, что по этому вопросу возникла дискуссия, в которой приняли участие Гупиль, Бийорэ, Риго. В результате Коммуна решила сохранить прежнее название своего органа — «Journal officiel de la République française». Это подчеркивало, что Коммуна — правительство всей Франции, а не муниципальная власть одного только города ²³.

В организации газеты наибольшую трудность вызывал непоследовательно решенный вопрос о газете, как о материальной собственности. ЦК национальной гвардии, взяв 19 марта 1871 г. в свое ведение «Journal officiel» прежнего правительства, не конфисковал его. Контракт с издателем Виттершайном, срок которого истекал лишь в 1880 г., оставался в силе. Издательскими делами газеты, ее распространением продолжала руководить старая администрация.

Весьма актуальным был вопрос о снижении цены на газету. Установленная с 20 марта 1871 г. цена — 10 сантимов за номер ²⁴ — была слишком высока для рабочего, ремесленника, национального гвардейца. Это мешало распространению газеты. 21 апреля после длительного обсуждения Коммуна приняла решение снизить цену за номер до 5 сантимов и широко практиковать расклейку газеты ²⁵. Это решение было осуществлено только с 15 мая после многочисленных напоминаний и соответствующего распоряжения Комитета общественного спасения ²⁶.

Обсуждая вопрос о снижении цены на газету, некоторые члены Коммуны приходили к мысли о необходимости конфискации газеты и обращении ее в национальную собственность. 21 апреля это предложил Амуру, 23 апреля его поддержал Лонге. «Совершенно необходимо, — сказал он, — чтобы эта газета была вполне в наших руках. Что касается ее теперешнего положения, то оно совершенно ненормально и так продолжаться не может» ²⁷. Однако победила точка зрения Журда, высказавшегося против немедленной конфискации и предложившего возместить собственникам газеты убытки от снижения цены на

²² Под этим названием вышел только один номер.

²³ «Протоколы...», т. I, стр. 48, 404—406.

²⁴ Номер газеты правительства Тьера стоил 15 сантимов.

²⁵ Пиа и Растуль требовали бесплатного распределения газеты среди избирателей. Лонге полагал, что газета должна стоить 10 сантимов при увеличении ее формата. Везинье предлагал рассылать газету бесплатно всем членам Коммуны («Протоколы...», т. I, стр. 255—257, 317, 403; см. также «Le Vengeur», 23, 26.IV 1871).

²⁶ «Journal officiel», 14.V 1871.

²⁷ «Протоколы...», т. I, стр. 255, 317.

нее²⁸. Зачастую газета появлялась в продаже позже других утренних газет. Выпуск ее задерживался иногда из-за позднего поступления в редакцию официальных материалов. В связи с этим делегат Коммуны в газете Везинье обратился 16 мая 1871 г. в учреждения Коммуны со следующим циркулярным письмом: «Делегат в «*Officiel*» просит всех руководителей служб, которым поручено направлять ему материалы для опубликования, делать это до 11 часов вечера, чтобы из-за опоздания с выпуском тиража не повредить продаже газеты. За исключением декретов, все материалы, поступающие после полуночи, будут помещаться только в следующем номере»²⁹.

Руководя своей официальной газетой, Коммуна занималась не только организационно-издательскими вопросами. Она добивалась, чтобы «*Journal officiel*» стала популярной среди трудящихся масс, чтобы ее политическая линия полностью отвечала их интересам. «Пусть «*Journal officiel*» обсуждает то, что интересует народ, и народ будет с радостью читать ее», — заявил Уде на заседании Коммуны 21 апреля. Виар дополнил: «Хотите, чтобы население интересовалось «*Officiel*»? Дайте ей редакцию действительно республиканскую, социалистическую, революционную»³⁰.

Некоторые деятели Коммуны считали возможным ограничить роль «*Journal officiel*» публикацией в ней лишь официальных, правительственных материалов³¹. Но в протоколах Коммуны нет сведений о том, чтобы такое предложение ставилось на ее заседаниях и обсуждалось.

Несмотря на некоторые слабые стороны, обусловленные в известной мере отсутствием опыта у молодого революционного правительства, кратковременностью его существования, недостаточной его решительностью в осуществлении своих прав на газету, официальный орган Коммуны являлся одним из важнейших звеньев революционной печатной информации и пропаганды в дни Коммуны, славной летописью парижских коммунаров³².

Большой ежедневной газетой, пользовавшейся популярностью среди трудящихся Парижа, была социалистическая га-

²⁸ «Протоколы...», т. I, стр. 406.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 230, ед. хр. 21/7. Черновик-автограф.

³⁰ «Протоколы...», т. I, стр. 256.

³¹ См.: *E. Reclus. La Commune de Paris, au jour le jour. 19 mars—28 mai. Paris, 1908, p. 249; A. Арну. Народная история Парижской Коммуны, стр. 210.*

³² С 21 марта до 19 мая 1871 г. выходило также вечернее издание «*Journal officiel de la République française. Petite édition du soir*». Оно датировалось следующим днем и содержало в основном важнейшие материалы утреннего (завтрашнего) выпуска. До середины апреля в нем публиковалась также информация о работе Национального собрания в Версале. Вечернее издание имело более «развлекательную» неофициальную часть: печатались фельетоны, политические стихи, велась рубрика «*Ça et là*» — краткие информационные сообщения и т. д.

зета «Le Cri du Peuple», редактировавшаяся Жюлем Валлесом. В газете принимали участие как бланкисты, так и прудонисты. С 20 апреля Валлес, весьма обремененный обязанностями члена Коммуны, перестал писать для газеты и ее редакцию фактически возглавлял прудонист Пьер Дени. В газете помещались статьи представителей различных политических направлений. Здесь не было постоянных отделов, они создавались для злободневных вопросов. Газета поддерживала тесную связь с трудящимися Парижа, печатала письма читателей, корреспонденции, помещала объявления о деятельности различных организаций.

Много места отводила газета борьбе с Версалем, сообщениям о военных действиях. «Le Cri du Peuple» заслуженно считалась одной из лучших газет Коммуны. Ее высокому уровню способствовали талантливые, насыщенные пафосом революционной борьбы статьи Валлеса³³ и других крупных журналистов и публицистов Коммуны: К. Буи, Ж.-Б. Клемана, А. Беланже, Л. Люсипиа, А. Верле.

Революционная газета «Le Père Duchêne» выходила ежедневно 7—11 марта и 21 марта—22 мая 1871 г. Каждый номер имел вид небольшой брошюры (8 стр.), общего заглавия не было; оно менялось из номера в номер, в зависимости от содержания. Неизменной оставалась виньетка на 1-й странице с девизом: «Республика или смерть». Статьи не имели названий и подписей и разделялись чертой. Газета была задумана в подражание одноименной газете Эбера 1793 г. «Великий гнев, великая радость, адски патриотические послания — словом, в стиле того времени»³⁴. Ее редакторами и единственными сотрудниками были три молодых журналиста — Эжен Вермерш (им была написана большая часть статей), Альфонс Эмбер и Максим Вийом. По направлению газета была близка к бланкистам. Она требовала от Коммуны решительной борьбы с контрреволюцией, выступала с «добрыми советами» Коммуне, предлагала проекты декретов, даже публиковала списки кандидатов на различные должности в Коммуне. Газета очень быстро отзывалась на решения Коммуны, но в некоторых случаях выступала против них.

Решительный и грубоватый тон ее эмоциональных статей, резких до крайности как в обличениях, так и в похвалах, прямолинейность, непримиримость к врагам революции — все это находило отклик среди широких трудящихся масс Парижа. Ав-

³³ Эти статьи (всего 31) переизданы отдельно в собрании сочинений Валлеса. J. Vallès. Le Cri du Peuple. Février 1848 à mai 1871. Avec préface et notes de L. Scheler (Les oeuvres de Jules Vallès publ. sous la dir. de L. Scheler, p. 6). Paris, 1953.

³⁴ М Вильом. В дни Коммуны. Л., 1925, стр. 117.

стрийский журналист, находившийся в те дни в Париже, писал в своем дневнике, что «на Монмартре и в Бельвиле так же неколебимо верят в мудрость и добросовестность «Père Duchêne», как и в победу Коммуны»³⁵.

Газета получала много писем от читателей³⁶. Она их не публиковала, но широко использовала в своих статьях, выражая удовлетворение тем, что «добрые граждане предупреждают ее обо всем, что творится в городе, и пишут, что следует предпринять в интересах народа»³⁷. Популярность газеты возросла еще больше после организации в начале мая по инициативе ее редакторов батальона «Дети отца Дюшена», который доблестно сражался с версальцами.

Однако нужно отметить, что упрощенческий стиль газеты, стремление, не всегда удачное, «подыграться» под народный говор, злоупотребление ругательными словами — все это порою снижало уровень агитационного воздействия газеты и вызывало нарекания со стороны некоторых членов Коммуны. В 1874 г. в статье «Эмигрантская литература» Энгельс дал невысокую оценку газете «Père Duchêne», охарактеризовав ее как «жалкую карикатуру на газету Эбера 1793 года»³⁸.

Три бланкистские газеты выходили в дни Коммуны под редакцией молодого талантливого журналиста Гюстава Маротс: «Le Faubourg» (один номер 26 марта), «La Montagne» (со 2 по 25 апреля), «Le Salut public» (с 16 по 23 мая). Боевые, непримиримые к врагам Коммуны, они остро ставили вопросы борьбы с контрреволюцией. В газете «La Montagne» под рубрикой «Социальная трибуна» печатались статьи проблемного характера: «Нужно ли правительство?», «О сроках уплаты векселей», «Бумажные деньги» и др. Газета регулярно помещала сообщения о деятельности клубов, профессиональных союзов, секций Интернационала. В ней сотрудничали Ф. Энн, Ольдрини, Л. Пикар, Г. Тридон, Г. Соже, Пасседуэ, Э. Прото, Э. Марешаль, Ж. Сотон, А. Верле и др.

Газета «Le Salut public», выходившая в суровые дни борьбы с Версалем, резко осуждала «меньшинство» Коммуны. В основном она помещала небольшие заметки информационного характера, но опубликовала и несколько проблемных статей («Свободный брак», «Заложники»). Из номера в номер под рубрикой «Фельетон» печатался рассказ «Убийства на улице Транснотен»,

³⁵ W. Lauser. Unter der Pariser Commune. Leipzig, 1878, S. 179.

³⁶ Более 20 таких писем, сохранившихся в рукописном виде, имеются в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 230, ед. хр. 22). Часть из них издана в русском переводе: «Письма рабкоров Парижской Коммуны». М., 1933; М., 1937.

³⁷ «Le Père Duchêne», N 44, 8 floréal an 79 (28.IV 1871).

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 512.

разоблачающий роль Тьера в расправе с рабочими Парижа в июне 1834 г.

Последний номер от 23 мая, изданный в виде плаката, содержал пламенную статью, написанную Гюставом Марото. «К оружию! К оружию! — призывала она. — Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна! Да здравствует Комитет общественного спасения!»³⁹

Бланкистского направления придерживалась также газета «La Nouvelle République», издававшаяся под редакцией Паскаля Груссе с 19 марта по 1 апреля. Со 2 и до 25 апреля она выходила под названием «L'Affranchi». В этих газетах сотрудничали О. Пэн, братья Да Коста, Э. Моро, А. Грандье, А. Реньяр, Э. Кюнеман, С. Дерёр, П. Везинье и другие журналисты.

«L'Affranchi» публиковала статьи теоретического характера, антиклерикальные, о роли женщин в революционной борьбе, о воспитании детей бедняков, о революционных традициях. Регулярно помещались сообщения о военных действиях, обзоры версальской прессы (отдел «Реакционный яд»), в отделе «Трибуна трудящихся» — заметки и объявления о деятельности профессиональных союзов, сообщения из провинции и из-за границы, письма в редакцию, документы, разоблачающие главарей версальской контрреволюции, в частности серия «досье Пикара», публикацию которой начала «Le Mot d'Ordre».

Главным органом прудонистов была ежедневная газета «La Commune», выходившая с 20 марта по 19 мая 1871 г. Руководящую роль в редакции играли Одилон Делималь и Жорж Дюшен. С 21-го номера в редакцию вступил Ж.-Б. Мильер. В газете сотрудничали также А. Бриссак, Г. Добес, Э. Клерк, А. Лео, Л. Даже, А. Маре и др. «La Commune» публиковала теоретические статьи в прудонистском духе о социально-экономических задачах Коммуны и помещала большой информационный материал. Газета резко выступала против бланкистско-якобинского «большинства» Коммуны, требовала роспуска Комитета общественного спасения, ареста его членов, в связи с чем была закрыта Коммуной.

Под влиянием прудонизма находилась ежедневная газета «La Sociale», выходившая с 31 марта по 17 мая. В ней сотрудничали как прудонисты, так и люди, близкие к бланкизму. Значительное место занимали в газете материалы о положении и роли рабочего класса, о жилищном и продовольственном вопросах. В разделе «Трибуна пролетариев» печатались письма трудящихся Парижа. Газета помещала материалы о деятельности рабочих организаций, о секциях Интернационала, в последних номерах были опубликованы результаты работы комиссии по рас-

³⁹ Сохранился ее черновик с небольшими пометками, написанный рукой Марото (ЦПА ИМЛ, ф. 230, ед. хр. 21/8).

следованию деятельности «правительства национальной обороны». Наряду со статьями Прудона здесь печатались выдержки из книги бланкиста Флуранса «Париж был предан». В борьбе между «большинством» и «меньшинством» Коммуны газета все же поддержала «меньшинство», обрушившись с резкими нападками на «большинство». Газета резко критиковала позицию ЦК национальной гвардии и горячо защищала бывшего военного делегата Коммуны Росселя от обвинений в измене. Особенно активную роль в газете играла известная журналистка и писательница Андре Лео, публиковавшая в ней статьи против соглашателей, о роли женщины в революции, о крестьянстве и др. В газете также принимала участие русская революционерка, писательница А. В. Корвин-Круковская.

Прудонистскими можно назвать также выпускавшиеся Огюстом Верморелем газеты «L'Ordre» (с 20 по 23 марта) и «L'Ami du Peuple» (с 23 по 29 апреля). Газета «L'Ordre» составлялась в основном из статей самого Вермореля, призывавшего к единению народа с буржуазией для проведения выборов в Коммуну. В статье «Высший призыв к парижскому населению» (№ 4) Верморель писал: «Мы основали эту газету со специальной целью вмешаться, чтобы избежать гражданской войны». Признавая в целом правильным решения ЦК национальной гвардии, газета, однако, протестовала против запрещения Центральным комитетом некоторых реакционных газет.

Издание «L'Ami du Peuple» было задумано Верморелем как отчет о его деятельности в качестве члена Коммуны. Первые два номера почти полностью посвящены выяснению сущности революции 18 марта и Парижской Коммуны. «Революция 18 марта знаменовала собой вступление на политическую арену пролетариата подобно тому, как революция 1789 г. знаменовала политическое возвышение буржуазии. Нельзя повторять ошибки прежних правительств. Надо полностью опрокинуть старое правительственное здание, чтобы его создать по совершенно новому плану», — писал Верморель 24 апреля 1871 г. Верморелю не удалось развернуть свою газету в большую «ежедневную политическую газету», хотя внешнее оформление двух последних номеров, разнообразие их содержания свидетельствуют о серьезности этого замысла.

Мало изучена прудонистская газета «La Justice», выходившая 10—19 мая. Она резко выступала против усиления Комитета общественного спасения, против запрещения Коммуной контрреволюционных газет. Газета призывала Коммуну опереться в борьбе с Версалем на буржуазию провинций, раздраженную Версалем и желающую получить гарантии сохранения республики и муниципальных вольностей. «La Justice» была закрыта постановлением Комитета общественного спасения от 18 мая 1871 г.

Влиятельным органом неоякобинцев была ежедневная газета «Le Vengeur», выходившая с 30 марта по 24 мая (2-я серия) ⁴⁰.

Возглавлявший газету Феликс Пиа публиковал в ней пространственные статьи, отличавшиеся революционным фразерством. Беспринципная позиция Пиа, способного выступать в своей газете против того, что он сам защищал в Коммуне, его клеветнические нападки на Вермореля — все это не раз осуждалось на заседаниях Коммуны. Наряду с неоякобинцами в газете сотрудничали и бланкисты, и прудонисты: Л.-О. Рожар, А. Брисак, П. Дени, М.-Г. Громье, А. Моннантейль, П. Везинье, Белливье, Ж.-Б. Мильер, Ф. Биа и др. Газета систематически освещала деятельность Коммуны, ход военных действий между Парижем и Версалем, помещала критические обзоры прессы, сведения о революционном движении в провинции, сообщения из-за границы, публиковала письма читателей. Последние два номера, изданные в виде плакатов, содержали призывы к гражданам Парижа встать на защиту Коммуны. 24 мая в газете был опубликован пронизанный духом интернационализма некролог Домбровскому.

Другим органом неоякобинцев была газета «Le Réveil du Peuple», выходившая с 18 апреля по 22 мая. Газета находилась под влиянием Шарля Делеклюза, хотя формально он не был ее редактором. В ней сотрудничали Адвенан, Жако, М. Надо и др. В газете помещались подробные отчеты о заседаниях Коммуны и редакционные статьи о ее мероприятиях.

В основном информационный характер носила ежедневная вечерняя газета «Paris libre», выражавшая взгляды бланкистско-якобинского «большинства». Она выходила с 12 апреля по 24 мая под редакцией Пьера Везинье. Наряду с официальным материалом, обзорами прессы («Фотография прессы»), сообщениями о событиях в департаментах, газета помещала материалы, разоблачающие полицейский режим Второй империи и «правительства национальной обороны». Значительное место отводилось фельетонам ⁴¹. Газета последовательно поддерживала Коммуну вплоть до 24 мая 1871 г. В последнем номере редакция обратилась к парижанам с призывом «К оружию». В газете сотрудничали Юниус, Азаверю, Э. Моро, Э. Верпо и др.

Видный демократический публицист Лиссагаре, близко стоявший к группе неоякобинцев, редактировал две боевые революционные газеты: «L'Action», выходившую с 4 по 9 апреля, и «Le Tribun du Peuple», выпускавшуюся с 17 по 24 мая. «L'Action» сразу потребовала немедленного наступления на

⁴⁰ 3 февраля — 11 марта 1871 г. выходила ее первая серия, пользовавшаяся значительной популярностью в среде парижской демократии.

⁴¹ П. М. Керженцев ошибался, называя на этом основании «Paris libre» бульварной газетой (см. П. М. Керженцев. История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 325).

Версаль. Выражая пожелание, чтобы Коммуна поскорее выступила с декларацией о своих целях, Лиссагаре писал 9 апреля: «Борцы имеют право спросить у Коммуны, в чем сущность Республики, ради которой они отдают жизнь». Газета требовала немедленного закрытия всех враждебных Коммуне газет.

Газета «*Le Tribun du Peuple*» давала широкую информацию о текущих событиях, о деятельности Коммуны, о ходе военных действий, о положении в Париже и в Версале, помещала даже театральную информацию. Автором важнейших статей был Лиссагаре. В газете сотрудничали А. Маре, Ж. Лабур, Р. Альт и др. Под псевдонимом Мариус печатал свои очерки о жизни Парижа в эти дни писатель Вилье де Лиль-Адан. В последнем номере от 24 мая было опубликовано пламенное обращение Лиссагаре, заканчивавшееся словами: «Вспомним о 18 марта! Речь идет не о том, чтобы кричать: «Да здравствует Республика», а о том, чтобы дать ей жизнь».

Под редакцией революционно-демократического журналиста Секондинье выходили: «*Le Mont Aventin*» с 26 марта (2 номера), «*Le Bonnet rouge*» (с 10 по 22 апреля), «*L'Estafette*» (с 23 апреля по 23 мая). Эти газеты требовали от Коммуны непримиримой борьбы с Версалем и категорически отвергали любые попытки примирения. Они публиковали статьи о роли ЦК национальной гвардии в парижской революции и предлагали Коммуне действовать с ним в тесном контакте.

К прессе Коммуны можно отнести с известными оговорками радикальную левореспубликанскую газету «*Le Mot d'Ordre*», редактировавшуюся известным демократическим публицистом Анри Рошфором. Выходила с 1 апреля до 20 мая 1871 г., была популярна в широких кругах парижского населения⁴². В известной мере позицию газеты «*Le Mot d'Ordre*» можно сравнить с позицией одного из ее активных сотрудников, написавшего для нее в дни Коммуны свыше 20 статей, Анри Маре. Отвечая через много лет на вопрос о его политической позиции в дни Коммуны, Маре сказал, что он был «не совсем за Версаль, но не полностью и за Париж». «Я боролся изо всех сил против монархического и узурпаторского Собрания так же, как против правительства Тьера, источника всех зол. Однако я был далек от того, чтобы одобрять все действия Коммуны»⁴³.

Близко к газете «*Le Mot d'Ordre*» стояла ежедневная левореспубликанская газета «*Le Rappel*», основанная Виктором

⁴² См. отчет агента службы информации Коммуны от 25 апреля 1871 г. о настроениях в «народных кварталах» (С. А. Dauban. *Le fond de la société sous la Commune*. Paris, 1876, p. 121).

⁴³ «1871. Enquête sur la Commune de Paris». Paris, Editions de la Revue blanche, s. a. [1898], p. 17.

Гюго в 1869 г. В дни Коммуны она выступала с резкими обличительными статьями против монархического Национального собрания и версальского правительства. Отнюдь не являясь органом прессы Коммуны (газета не поддерживала Коммуну), она была близка к ней своими демократическими традициями, последовательным республиканизмом, антиверсальской направленностью. Однако в последние дни Коммуны газета заняла выжидательную позицию, остерегаясь резких выражений по адресу версальцев. Она настойчиво изыскивала пути примирения воюющих сторон. В газете сотрудничали видные публицисты: О. Вакери, П. Мерис, Ф. Морен, Э. Локруа, Ф. Гюго, Ж. Прувер и др.

В прессе Коммуны нашли себе место периодические издания более специального характера и назначения.

После избрания Коммуны ЦК национальной гвардии решил основать свой печатный орган. На многих заседаниях ЦК в апреле обсуждались организационные вопросы, высказывались мнения о направлении газеты ⁴⁴.

Э. Моро полагал, что через газету можно будет «в специальной статье поставить Коммуну в известность о наших желаниях» ⁴⁵. На заседании ЦК 12 апреля он сообщил о неофициальном предложении начальника штаба военного министерства превратить газету ЦК в печатный орган военного министерства. Одуано настаивал на заседании 11 апреля, чтобы газета «обсуждала действия Коммуны» и содержала «подбор свежих новостей» ⁴⁶. Бурсье высказал пожелание, чтобы газета публиковала найденные в военном министерстве секретные документы прежнего правительства. Лакор считал, что «газета как раз подойдет для того, чтобы поместить в ней все наши претензии». Кроме того, она должна информировать «о всех сообщениях, которые будут даны в газету гражданами» ⁴⁷. На заседании 22 апреля Кюме сообщил, что «многие легионы выразили огромное желание быть точно информированными о событиях каждого дня» ⁴⁸.

Однако результатом больших усилий ЦК оказался лишь один номер газеты «*La Fédération républicaine de la Garde nationale. Organe du Comité central*» от 15 апреля ⁴⁹. ЦК пришлось довольствоваться общими органами прессы Коммуны. Осо-

⁴⁴ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars». Paris, 1872, p. 484 et suiv.

⁴⁵ Ibid., p. 488.

⁴⁶ Ibid., p. 487.

⁴⁷ Ibid., p. 495.

⁴⁸ Ibid., p. 506.

⁴⁹ На нем было указано № 4. Первые три номера вышли до революции 18 марта.

бенно тесные связи были у ЦК с газетами «Le Mont Aventin», «Le Bonnet rouge», «L'Estafette». Широко предоставляла свои страницы Центральному комитету газета «Le Mot d'Ordre»⁵⁰.

Печать Интернационала была представлена в дни Коммуны еженедельной газетой «Le Révolution politique et sociale. Association Internationale des Travailleurs. Section de la gare d' Iori et de Bergu réunies», выпускавшейся объединенными секциями Иври и Берси. Фактически она была органом всей парижской федерации. 29 марта основание этой газеты было одобрено на заседании Федерального совета⁵¹.

Газету возглавлял Жюль Ностаг (псевдоним журналиста Гастона Бюффе), опубликовавший в ней ряд статей, проникнутых прудонистскими воззрениями. В газете сотрудничали Б. Маллон, А. Гулле, Ж. Бертен, Ж. Аме, Э. Обри, Л. Лаверин. Газета освещала деятельность секций Интернационала, давала отпор клеветническим нападениям на Интернационал со стороны реакционной печати.

В мае 1871 г. вышло несколько газет, выпущенных клубами. Коммунальный клуб III округа, заседавший в церкви Сен-Никола-де-Шан — самый крупный из революционных клубов периода Парижской Коммуны, — 6 мая выпустил единственный номер своей газеты «Bulletin communal. Organe des clubs». Он дает яркое представление о деятельности народных клубов в эти дни. Клуб обращался к народу: «Народ, управляй собой сам через публичные собрания, через свою печать; оказывая давление на своих представителей, слишком далеко по революционному пути они никогда не пойдут». Газета опубликовала решения, принятые на заседании Коммунального клуба, и разнообразные материалы, связанные с деятельностью других клубов.

Клуб пролетариев, заседавший в церкви Сент-Амбруаз в XI округе, издавал 10—24 мая 1871 г. газету «Le Prolétaire. Organe des revendications sociales», выходившую нерегулярно, так как у нее не было прочной материальной базы. Первый номер газеты распространялся бесплатно; редакция призывала читателей платить, кто сколько может. Газета обсуждала пути политического переустройства Франции, ставила вопрос об ответственности Коммуны перед народом. Она обращалась к Коммуне с призывом не бояться «убедиться в промахе или признать ошибку; народ все простит, кроме отсутствия искренности или измены...» Газета призывала к стойкости в борьбе с версальцами, напоминала о революционном мужестве Сен-Жю-

⁵⁰ На заседании Коммуны 8 мая Лефрансэ с укором сказал, что «Центральный комитет посылает каждый день сообщения в «Le Mot d'Ordre» («Протоколы...», т. II, стр. 212).

⁵¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 532.

ста, Марата, Робеспьера. Основными сотрудниками в газете были Жаклин, Ф. Дюбур, Бартеlemi, Э. Партне, Ж. М. Рош, Э. Пикар, Давид, Лезюер, Жантон, Фавр, А. Перье. Некоторые из них вступили на путь журналистики только в дни Коммуны.

В последние дни Коммуны начал выходить орган революционной молодежи — газета «La Rouge. Journal des jeunes»; вышло всего два номера. Газета энергично и последовательно поддерживала бланкистско-якобинское «большинство» Коммуны, приветствовала организацию Комитета общественного спасения, требовала от Коммуны решительных действий. Она помещала информацию о деятельности Федерального совета парижских секций Интернационала, Республиканского союза департаментов, Комитета клубов. В газете сотрудничали Фондевилль, Ж. Галле, А. Белливье, Ш. Дюплан.

Политика Коммуны в области печати вырабатывалась в процессе выявления потребностей рабочего государства, складывалась в ходе борьбы с его врагами. Ее положительные стороны и ее ошибки немедленно приносили ощутимые результаты.

ЦК национальной гвардии как временное революционное правительство сразу же после победы революции занялся вопросами печати, образовав комиссию прессы⁵². Делегаты ЦК организовали издание афиш в Национальной типографии, руководили «Journal officiel». На заседаниях ЦК обсуждались меры по пресечению клеветнической кампании буржуазной прессы.

В Коммуне вопросами печати в разной связи занимались Исполнительная комиссия, Комиссия общественной безопасности, в дальнейшем — Комитет общественного спасения.

В апреле власти Коммуны опубликовали в «Journal officiel» несколько распоряжений относительно прессы. 3 апреля Комиссия финансов разрешила перевозку газет «всеми возможными способами». 9 апреля издатели и владельцы типографий были оповещены о том, что для газет и других периодических изданий обязательны предварительная заявка (*déclaration préalable*) и представление экземпляров. 13 апреля было опубликовано извещение, что все владельцы типографий, политических или литературных газет, плакатов и афиш должны сдавать в архив делегации юстиции один экземпляр каждого издания. 19 апреля Управление регистрационных пошлин и гербового сбора напомнило владельцам типографий, что освобождению от гербового сбора подлежат периодические и непериодические издания, кроме афиш, издаваемых в коммерческих целях.

После избрания Коммуны при делегации общественной безопасности было создано Бюро прессы. Его возглавляли Алек-

⁵² Ibid., p. 478.

сандр Ламбер⁵³ и Аристид Кларис⁵⁴. Функции бюро прессы были, по-видимому, весьма разнообразны. В частности, оно должно было знакомить членов Коммуны с содержанием текущей прессы. С этой целью ежедневно составлялись подборки важнейших сведений из газет Парижа, Версаля, департаментов, а также из иностранной прессы и в литографированном виде раздавались членам Коммуны. В середине апреля было создано объединенное Отделение прессы и книготорговли⁵⁵ и стало функционировать Бюро справок парижской прессы.

Коммуна придавала большое значение обнародованию своих декретов и постановлений. В частных решениях она неоднократно указывала на необходимость опубликования того или иного документа в виде афиши или в «*Journal officiel*». На заседании Коммуны 30 марта Гупиль предложил «назначить комиссию, которая занималась бы опубликованием и помещением в газетах декретов, принятых Коммуной»⁵⁶. Но этого сделано не было. На заседании Коммуны 19 мая было принято постановление об издании специального еженедельника «Бюллетень узаконений» для публикации «всех официальных актов Парижской Коммуны»⁵⁷. Принятая в последние дни Коммуны, эта мера уже не могла быть осуществлена. Многие революционные газеты публиковали декреты и решения Коммуны, но это делалось без руководства и координации со стороны властей, которые сами использовали в этих целях только «*Journal officiel*» и афиши. Между тем многие члены Коммуны понимали значение революционной прессы в пропаганде дела Коммуны, в политическом просвещении широких трудящихся масс, в их активизации. Делегат общественной безопасности Курне говорил в беседе с Реклю: «Кроме нее (официальной газеты Коммуны.— *Авт.*) нам необходимо иметь газеты, чтобы стимулировать у населения рвение, чтобы придать ему храбрости, ибо Коммуна погибнет, если ее защитники не поддержат ее своим энтузиазмом и страстью»⁵⁸. О том, что Коммуна нуждается в газетах, «которые вызывают патриотический порыв», говорил также при одобрительных возгласах других членов Коммуны Юрбен на заседании Коммуны 19 мая.

⁵³ См. «*Journal officiel*», 4.V 1871 (выдержка из версальской «*Officiel*» с комментариями за подписью: «Заведующий отделением прессы Александр Ламбер»). Об А. Ламбере см. ниже, стр. 516.

⁵⁴ См. «*Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français*». Deuxième partie, 1864—1871, t. V. Paris, 1967, p. 118—119.

⁵⁵ 21 мая оно напомнило о себе последний раз, сообщив через «*Journal officiel*» об изменении своего адреса и напомнив владельцам типографий об обязательности предварительной заявки и представления экземпляров.

⁵⁶ «Протоколы...», т. I, стр. 59.

⁵⁷ «Протоколы...», т. II, стр. 333; «*Journal officiel*», 20.V 1871 г.

⁵⁸ E. Reclus. *La Commune de Paris...*, p. 249.

Важнейшим направлением политики Коммуны в области печати была борьба с буржуазной прессой.

В первые дни после революции 18 марта в Париже выходило свыше 40 буржуазных газет и журналов разного толка. В дальнейшем некоторые из них закрывались, но возникали новые контрреволюционные и соглашательские периодические издания. Выходившим ежедневно 11—12 газетам Коммуны противостояло в среднем 25 газет вражеского лагеря.

Парижская буржуазная пресса была опытным и опасным врагом. Она играла активную роль в контрреволюционной «легализованной агитации, охватившей всю Францию»⁵⁹. Газета Коммуны «*Le Cri du Peuple*» с возмущением констатировала, например, что реакционная парижская газета «*Messenger de Paris*» в изобилии распространяется версальским правительством в провинции⁶⁰.

Начало военных действий заставило Коммуну встать на путь запрещения враждебных газет, «которые проповедают гражданскую войну, сообщают военные сведения врагу и распространяют клевету на защитников республики»⁶¹. В апреле было запрещено восемь реакционных газет. Газета «*La Sociale*» с удовлетворением писала 22 апреля: «Наконец-то запрещены эти газеты, которые в течение месяца только и делали, что изливали свою желчь на Коммуну и ее последователей». Многие запрещенные Коммуной контрреволюционные газеты уже на следующий день вышли под новым названием. Только в мае Коммуна начала фронтальную борьбу с реакционной прессой.

С 1 по 18 мая было запрещено 30 буржуазных газет и журналов. Завершающим и наиболее радикальным было постановление Комитета общественного спасения от 18 мая 1871 г. Оно запрещало не только издание определенного круга враждебных газет, но и впредь, до окончания войны, создание новых органов периодической печати. На авторов налагалось обязательство подписывать свои статьи, за нападки «на Республику и Коммуну» виновные подлежали суду военного трибунала. Владельцы типографий, нарушившие это постановление, объявлялись соучастниками, которых следовало преследовать, а их станки опечатывать⁶².

Одобряя это постановление Комитета общественного спасения и отвечая тем членам Коммуны, которые не понимали не-

⁵⁹ Выражение, употребленное журналистом Пьером Дени в статье, опубликованной в газете «*Le Cri du Peuple*» 14 мая 1871 г. Оно подчеркнуто Марксом в его выписках из газет Коммуны («Архив Маркса и Энгельса», т. XV, стр. 147).

⁶⁰ Эти слова подчеркнуты Марксом в выписке из газет Коммуны (см. там же, стр. 133).

⁶¹ Из постановления Парижской Коммуны от 18 апреля 1871 г. о запрещении четырех контрреволюционных газет («*Journal officiel*», 19.IV 1871).

⁶² «*Journal officiel*», 19.V 1871.

обходимости принятия решительных мер против контрреволюционной печати, Юрбен сказал на заседании Коммуны 19 мая: «Мы находимся в исключительном положении; мы обязаны принимать строгие, радикальные меры против людей, являющихся не чем иным, как шпионами Версаля. Декрет не должен был оставить никаких газет, кроме тех, которые вызывают патриотический порыв». Слова Юрбена были встречены возгласами: «Очень хорошо!»⁶³

В борьбе Коммуны с контрреволюцией, с Версалем меры против враждебной печати были необходимым звеном, значение которого в конечном счете правильно оценили многие деятели Коммуны⁶⁴.

За короткий срок существования Коммуны революционная печать получила невиданный размах. Впервые в истории возникла пресса, поставившая себя на службу рабочему государству. Опыт ее борьбы за утверждение нового строя, уроки политики Коммуны в области печати — все это вошло в арсенал революционной печати, служащей великому делу освобождения трудящихся.

⁶³ «Протоколы...», т. II, стр. 335.

⁶⁴ Одобрительное отношение парижской революционной общественности к последнему постановлению Коммуны о контрреволюционной прессе отмечал Малон (*B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchâtel, 1871, p. 334*).

ПРОГРАММА КОММУНЫ

Социальные и политические преобразования, провозглашенные и проведенные Парижской Коммуной, соответствовали интересам рабочего класса, мелкой буржуазии и широких масс крестьянства, т. е. подавляющего большинства французского народа. Парижская Коммуна была первой революцией, в которой гегемоном являлся рабочий класс, выражавший чаяния всех прогрессивных слоев французской нации, всех классов общества, не живущих чужим трудом.

Программные установки Коммуны нашли свое отражение во многих документах, исходивших как от самой Коммуны, так и от массовых демократических и социалистических организаций.

Уже первые документы Коммуны подчеркивали пролетарский характер революции 18 марта. Очень ярко ту же мысль выразил ЦК национальной гвардии в своем воззвании от 5 апреля: «Рабочие, не обманывайтесь, идет великая борьба между паразитизмом и трудом, между эксплуатацией и производством». Призывая трудящихся Парижа к решительной борьбе с версальской контрреволюцией, ЦК подчеркивал, что она олицетворяет собой режим реакции и агрессии, эксплуатацию рабочих, закабаление жен и детей бедняков¹.

Положение о ведущей роли пролетариата в событиях подчеркивали многие органы революционной прессы. «День 18 марта навсегда останется в истории нашей страны, как одна из самых прекрасных страниц. Впервые рабочий класс вступил на политическую арену», — писала одна революционная газета. Та же газета доказывала, что «революция еще не закончена», так

¹ «Journal officiel», 7.IV 1871.

как «надо еще практически осуществить социальное освобождение низших классов»².

Газета «La Révolution politique et sociale» — орган парижских секций Интернационала, характеризовала смысл революции 18 марта как «реванш за июньские дни 1848 года», как «продолжение вечной борьбы труда против капитала», как «приход к власти пролетариата»³. Левопрудонистская газета «L'Ami du Peuple» призывала «передать в руки трудящихся богатства, остающиеся непроизводительными или получающие губительное употребление», и доказывала, что «в правильно устроенном обществе всякий труд должен получать справедливое вознаграждение», а те, кто не трудятся, не имеют права на жизнь, во всяком случае права участвовать в общественной жизни⁴. «Что несет трудящимся победа Коммуны?» — спрашивал читатель газеты «La Sociale» и отвечал: «Конец хозяевам, которые обогащаются ценой голода рабочих, новую жизнь пролетариям станка, горна, плуга, которая позволит им при минимальном рабочем дне и достаточной заработной плате удовлетворять все свои материальные и духовные потребности...»⁵

Передовые рабочие-коммунары видели путь к освобождению трудящихся от капиталистического гнета в упрочении власти Коммуны, в осуществлении права на труд, в объединении рабочих по профессиональным корпорациям, в создании кооперативных ассоциаций и в предоставлении им производственных заказов.

Многие деятели Коммуны были сторонниками коммунальной автономии и превращения Франции в федерацию самоуправляющихся коммун. Популярность этих идей объяснялась тем, что в них отразилось резко отрицательное отношение широких слоев населения к бюрократической централизации, доведенной до крайности в период Второй империи. Особенно решительными сторонниками политической децентрализации выступали прудонисты. Некоторые из них мечтали даже о превращении Парижа в «вольный город» и о сведении до минимума прав центральной власти.

Принятая 19 апреля декларация «К французскому народу» — программный документ Парижской Коммуны — подчеркивала принцип повсеместной автономии коммун, обеспечивающей каждой из них всю совокупность ее прав, а каждому французу — полное развитие его сил и способностей, как человека, гражданина и работника. Декларация перечисляла неотъемлемые права каждой коммуны: право самой составлять свой

² «L'Affranchi», 2.IV 1871.

³ «La Révolution politique et sociale», 16.IV 1871.

⁴ «L'Ami du Peuple», 24.IV 1871.

⁵ «La Sociale», 28.IV 1871.

бюджет, руководить всеми отраслями управления, выбирать всех местных должностных лиц, право контролировать и в случае надобности смещать их, гарантировать свободу личности, совести, собраний, печати, труда, организацию национальной гвардии с выборными командирами. О центральной администрации страны — «собрании делегатов всех объединенных коммун» — о правительстве, в этом документе упоминалось глухо. Указывалось лишь, что Коммуна не хочет «разрушить единство Франции», а добивается только уничтожения «милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий — всего того, чему пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими бедствиями и страданиями»⁶.

В декларации содержались обещания провести некоторые реформы, направленные к развитию образования, производства, кредита, к тому, чтобы «сделать власть и собственность всеобщим достоянием».

Прудонистский публицист П. Дени выдвинул в газете «Le Cri du Peuple» иную программу. «Париж — свободный город», управляющий собою с помощью своего коммунального совета, устанавливающий собственный бюджет, «посылающий своих депутатов в Национальное собрание, участвующий в общих расходах страны», поставляющий ей в случае войны «определенный контингент национальной гвардии», «сохраняющий свое положение индустриального, торгового, экономического и умственного центра Франции, но перестающий быть ее политической столицей», — таковы были основные пункты этой программы. Излагая эту программу, Дени доказывал, что мелкая буржуазия, или, как он выражался, «настоящая буржуазия, та, которая трудится за прилавком своей лавочки... столь отличная от той, что занимается спекуляциями и не платит патента», заинтересована в осуществлении намеченных им преобразований в такой же мере, как и рабочий народ, живущий поденным физическим трудом и населяющий Бельвиль и Монмартр»⁷.

В совместном обращении Федерального совета секций Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ к трудящимся Парижа, принятом 23 марта, цели Коммуны были сформулированы следующим образом: «Мы добиваемся освобождения трудящихся, и коммунальная революция гарантирует его, ибо она должна дать каждому гражданину средства защищать свои права, фактически контролировать действия своих уполномоченных, обязанных блюсти его интересы и наметить постепенное проведение социальных реформ». За этими словами шел перечень реформ, которые намечали руководители рабочих организаций Парижа: «Организация кредита, обмена, кооперации,

⁶ «Journal officiel», 20.IV 1871.

⁷ «Le Cri du Peuple», 25.III 1871.

дабы обеспечить трудящимся полную стоимость их труда; бесплатное светское, всестороннее образование; право собраний и ассоциаций; полная свобода печати и личности; организация на муниципальных началах полицейской службы, вооруженной силы, гигиены, статистики и пр.»⁸ Прудонистские формулировки, в которые были облечены многие из этих требований, не могли все же затушевывать тот факт, что коммунальная автономия рассматривалась в этом документе как политическая форма самоуправления трудящихся, как орудие проведения социальных преобразований в интересах широких масс.

Социалист-коллективист Мильер доказывал в газете «La Commune», что «господствующий класс загнывает и, если французская цивилизация и далее останется в руках этой выродившейся олигархии, она обречена на верную гибель». «Кто же может спасти нас?» — спрашивал Мильер и отвечал: «Пролетариат. Подобно тому как 80 лет тому назад капиталистический строй сменил феодальный, так теперь труд должен поглотить капитал... Два старых класса, дворянство и третье сословие, соединились, чтобы составить буржуазию. В свою очередь, буржуазия должна слиться с пролетариатом, чтобы составить один класс — народ». Отдельные верные замечания о ходе исторического развития Франции сочетались в этой статье с неопределенным и утопическим тезисом о «слиянии» буржуазии с пролетариатом⁹.

Коммунальное самоуправление, доказывал левопрудонистский публицист Жорж Дюшен, есть не более, как «орудие, рычаг» революции, «форма, но не сущность, не глубокая сущность дела». Сущностью Коммуны Дюшен считал борьбу за свержение господства «каст», т. е. привилегированной верхушки чиновничества, судебного ведомства, духовенства, военного командования, монопольных компаний и т. п.¹⁰ Но ближайшую задачу революции Дюшен видел в выработке «муниципальной конституции»: большую статью, опубликованную в трех номерах газеты «La Commune», он посвятил обоснованию «коммунальной хартии»¹¹.

Сильное влияние оказывали на идеологию и фразеологию парижских коммунаров традиции Великой французской революции XVIII в. Влияние это сказывалось, в частности, в том, что некоторые революционные газеты 1871 г. пользовались республиканским календарем, введенным в 1792 г. Начиная с 5 мая (16 флореаля 79 года) этот календарь применяло и правительство Коммуны. Особенно широко понятия и термины той эпохи

⁸ «Journal officiel», 25. III 1871.

⁹ «La Commune», 3.IV 1871.

¹⁰ «La Commune», 14, 15.IV 1871.

¹¹ «La Commune», 17, 18, 20.IV 1871.

применялись неоякобинцами и бланкистами, видевшими в Коммуне 1871 г. продолжение и завершение якобинской диктатуры 1793—1794 гг.

Демократические и социалистические стремления сочетались в программных документах Коммуны с идеями революционного патриотизма и пролетарского интернационализма.

КОММУНА И КРЕСТЬЯНСТВО

Одной из важнейших задач Парижской Коммуны было привлечение крестьянских масс, составлявших большую часть населения Франции, на сторону революции. От успешного осуществления этой задачи зависел в конечном счете исход борьбы революционного Парижа против версальской контрреволюции.

«Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!» — писал Маркс. Упразднение постоянной армии, уменьшение налогового бремени («дешевое правительство»), выборность и ответственность перед народом всех судей и коммунальных служащих, освобождение широких слоев деревенского населения от произвола полиции, жандармов, префектов, отделение церкви от государства и ликвидация бюджета культов, введение светского обучения в школах, — таковы те «существенные блага», которые «господство Коммуны — и только Коммуны» обещало, по словам Маркса, крестьянству¹². Особое значение придавал Маркс решению вопроса о том, на кого будет возложена уплата Пруссии военной контрибуции. «Если победит Коммуна, контрибуцию должны будут платить виновники войны; если победит Версаль, тогда производящие массы, уже заплатившие своей кровью, разорением и налогами, должны будут платить снова, а финансовые магнаты сумеют даже извлечь из этого дела барыши». В этом «жизненно важном вопросе» Коммуна защищает — подчеркивал Маркс, — «не только интересы рабочего класса», но и всего «среднего класса»... «Она представляет прежде всего интересы французского крестьянства»¹³.

Только Коммуна, писал далее Маркс, могла решить в пользу крестьян такие насущные вопросы, как ипотечная задолженность, тяготевшая «как кошмар» над крестьянской парцеллой, эксплуатация сельского пролетариата, экспроприация мелких земельных собственников¹⁴. Получив ощутимые выгоды от Коммуны, «крестьяне, — доказывал Маркс, — вскоре провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим бра-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 348—349.

¹³ Там же, стр. 554.

¹⁴ Там же, стр. 349.

том»¹⁵. Победа, одержанная 18 марта, вселяла в революционных рабочих и демократов Парижа надежду на то, что вся страна поддержит столицу. 20 марта ЦК национальной гвардии выразил уверенность, что провинция окажет активное содействие Парижу в возрождении страны, и «деревни дружно последуют примеру городов».

Вопрос об отношении крестьянства к Коммуне и о политике Коммуны в отношении крестьянства оживленно обсуждался в прессе Коммуны. Но ставился и решался он по-разному. Примером ошибочного подхода к решению этого вопроса может служить статья «Социальная революция в 1789 г. и в 1871 г.» в левопрудонистской газете «La Sociale». Характеризуя классовую сущность революции 18 марта, газета писала: «На этот раз социальная революция произойдет не к выгоде буржуазии или крестьянства. Буржуа и крестьянин завсевали себе права. Революция совершится в интересах городских рабочих»¹⁶. Ошибочность этих положений очевидна: неправильно было отождествление интересов буржуазии и интересов всего крестьянства, неправильно было и отделение интересов рабочих от интересов большинства крестьян, неправильно было и изображение крестьянства как единой в социальном отношении классовой категории.

Глубоко ошибочна и позиция, занятая в этом вопросе газетой прудонистов «La Commune». Статья главного редактора этой газеты О. Делималья «Автономия Парижа» была построена на ложных посылах, будто парижские революционеры не нуждаются в поддержке крестьянства и не намерены вести его за собой. Делималь обвинял всех вообще крестьян в том, что они навязали Франции бонапартистский режим, и в том, что они избрали в Национальное собрание депутатов-монархистов. «Довольно! — восклицал Делималь. — Легковерие этих простоватых людей обошлось нам слишком дорого... Мы можем подняться без них; с ними мы можем только пасть еще ниже...»¹⁷ Примерно то же писал по этому вопросу прудонист Г. Добэ в статьях «Париж и Франция». Обвиняя крестьянство в том, что оно якобы неизменно навязывает городам монархическую форму правления, отнимающую у городских и сельских коммун всякую самостоятельность, Добэ старался доказать, что выход из создавшегося положения в последовательном проведении политической децентрализации страны¹⁸. Несколько иначе подходил к этому вопросу Мильер. В статье «Революция 1871 г.» он доказывал вред чрезмерной децентрализации, которая могла бы привести к полной дезорганизации, к потере Францией свое-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 556.

¹⁶ «La Sociale», 31.III 1871.

¹⁷ «La Commune», 21.III 1871.

¹⁸ Ibidem.

го национального единства. Однако эти верные замечания сочетались у него с ошибочными суждениями о реакционности всего крестьянства¹⁹.

До каких крайностей доходили иногда публицисты Коммуны, изображая всех крестьян в целом как зажиточных и реакционно настроенных собственников, можно судить по статье члена Коммуны поэта и публициста социалистического направления Ж.-Б. Клемана, опубликованной в начале мая под заглавием «Мужички из Баньоле». Поводом к написанию этой статьи послужило сообщение о том, что группа крестьян из местечка Баньоле (близ Парижа) задержала четырех национальных гвардейцев, передала их версальским жандармам и обратилась к германским оккупационным властям с просьбой защитить жителей от «красных», намеревавшихся провозгласить в Баньоле революционную коммуну. Возмущаясь этими фактами, Клеман необоснованно упрекал все крестьянство в целом во враждебном отношении к революционному Парижу. Неправ был Клеман и в своей односторонней характеристике всего крестьянства как собственнической массы, как «тормоза прогресса» и «врага дела свободы», как людей, которые думают только о том, чтобы подороже продать продукты своего хозяйства и полнее набить свои кошельки²⁰.

К выводу о том, что крестьянство якобы еще не созрело для всеобщего избирательного права, склонялась и газета «Le Père Duchêne», писавшая, что в руках крестьян «всеобщее голосование все равно, что нож в руках ребенка»²¹. Но газета убедительно подчеркивала общность интересов трудящихся города и деревни и горячо призывала членов Коммуны просветить крестьян, разъяснив им, кто является врагом трудового народа. «Пусть город светит деревне», — восклицала газета, перефразируя мысль Бланки, высказанную им во время революции 1848 г.: «необходимо, чтобы свет проник в последнюю деревушку республики».

Обосновывая необходимость единства трудящихся города и деревни, революционный публицист Анри Бриссак указывал в газете «La Commune», что наряду с рабочим, ремесленником и служащим «хлебопашец также является жалким рабом капиталистов и привилегированных»²².

Газета «Révolution politique et sociale» отмечала, что провинция, обманутая лживыми депешами Тьера, не понимает смысла и целей Коммуны, и призывала развернуть по всей стране «от села к селу, от одной хижины к другой» широкую агит-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ «Le Cri du Peuple», 3.V 1871.

²¹ «Le Père Duchêne», 9 germinal an 79 (29.III 1871), p. 3.

²² «La Commune», 4.IV 1871.

тацию для опровержения лжи и клеветы версальцев²³. «Если бы демократическая пропаганда могла свободно распространяться,— писала другая революционная газета,— население деревень и население городов составили бы вскоре одну семью, отныне всемогущую против эксплуататоров. Крупные землевладельцы сознают это; потому-то они и стараются окружить сельское население молчанием и мраком. Рассеет ли их восставший Париж?...»²⁴

Встречались в парижской революционной прессе 1871 г. и специальные статьи по конкретным вопросам аграрных реформ. Статья Луи Дажэ «Что говорит провинция» выдвигала программу социально-экономических преобразований в интересах крестьянства. Автор этой статьи указывал, что поддержка больших городов обеспечена Парижской Коммуне, но иначе обстоит дело в деревнях: «Наши крестьяне реакционны оттого, что невежественны, и оттого, что монархисты всех оттенков эксплуатируют в своих интересах эту их деревенскую тупость. Так, сейчас, например, в глазах крестьян Республика повинна в войне, Республика повинна в увеличении податей, Республика повинна в параличе торговли». В своем политическом поведении, писал Дажэ, крестьянин руководствуется всегда только материальными интересами, он весьма расчетлив. «Поэтому, если мы хотим воздействовать на умонастроение деревенского населения, мы должны одновременно с политическим переворотом произвести социальную революцию... Уничтожить ненужные должности, а главное, уменьшить налоги, переложить прусскую контрибуцию на плечи тех, кто вовлек нас в эту безумную войну, и конфисковать церковные имущества — такова цель, которую мы должны себе поставить. Но до тех пор, пока вы не предложите населению деревень ничего другого, кроме простой перемены лиц или новой формы правительства, оно не поймет вас. Другое дело, если вы снизите огромные оклады высшего чиновничества, упраздните ненужные должности, уменьшите налоги, организуете труд и кредит на основе кооперации,— тогда и крестьянин не сможет устоять против очевидности. Видя рядом с собой большой город, где наступил золотой век трудящихся, он скажет себе: «Мой собственный интерес требует, чтобы я последовал этому примеру»»²⁵.

Некоторые из практических предложений Дажэ (об упразднении ненужных административных должностей и об отмене огромных окладов высшего чиновничества) выдвигались и дру-

²³ «La Révolution politique et sociale», 23. IV 1871.

²⁴ «La Sociale», 16. V 1871. В другой статье та же газета подчеркивала: «Ничто не сможет устоять против единения пролетариев станка и пролетариев плуга» («La Sociale», 28. IV 1871).

²⁵ «La Commune», 1. IV 1871.

гими публицистами Коммуны, являлись общими требованиями рабочего класса и широких демократических кругов Франции. Именно с этого и начала Коммуна свою работу по разрушению буржуазной государственной машины.

Большое место в программе экономических реформ, намечавшихся деятелями Коммуны в интересах крестьянства, отводилось усилению налогового обложения крупных земельных собственников, уменьшению налогов, падающих на мелких землевладельцев, полной отмене налогов с бедноты и организации дешевого земельного кредита. Прудонист Дюшен предлагал обложить специальным налогом богатых капиталистов. Обложен должен быть, разъяснял он сущность своих предложений, только живущий на нетрудовой доход, т. е. только тот, кто «не работает, а заставляет работать других». Крестьянин, обрабатывающий свою землю, ремесленник, работающий со своими инструментами, — все вообще мелкие собственники и без того платят государству большие налоги и сборы. Дюшен высказывался за сохранение налога на капитал (в уменьшенном размере) после уплаты контрибуции: это поможет «освободиться наконец от налогов, которыми обложены предметы потребления и результатом которых является отравление потребителей фальсифицированными продуктами питания и истощение народа вследствие дороговизны»²⁶. Дюшен предлагал осуществить такие преобразования, как ликвидация полуфеодалной системы майората (неделимости крупных земельных владений и передачи их по наследству одному старшему сыну), удешевление почтово-телеграфных и железнодорожных тарифов, понижение ввозных пошлин на сырье и цен на промышленные изделия, отказ от авантюристической и захватнической внешней политики²⁷.

Некоторые революционные публицисты ставили вопрос о полной ликвидации крупных земельных владений, о передаче всей земли в руки крестьянства. «Необходима еще одна хорошая революция, которая передаст землю в руки тех, кто ее обрабатывает», — писала газета «Le Père Duchêne»²⁸.

Отчетливое выражение идеи общности интересов трудящихся города и деревни и необходимости их союза в борьбе против версальской контрреволюции получила в статьях видной участницы Коммуны, одного из редакторов газеты «La Sociale», писательницы-социалистки Андре Лео (литературный псевдоним Леони Шампсе).

В большой статье «Франция с нами» в газете «La Commune» Андре Лео убедительно доказывала возможность привлечения трудящихся масс крестьянства на сторону революционного Па-

²⁶ «La Commune», 2, 3, 5. V 1871.

²⁷ «La Commune», 16. V 1871.

²⁸ «Le Père Duchêne», 29 germinal an 79 (18. IV 1871), p. 3.

рижа и приводила составленный ею текст обращения к сельскому населению. В составлении этого воззвания принимал участие также член Коммуны, левый прудонист Б. Малон.

Оно начиналось словами: «Брат, тебя обманывают. У нас одни интересы. То, чего требую я, хочешь и ты; освобождение, которого добиваюсь я, будет и твоим освобождением... Разве не безразлично, как называется эксплуататор: богатый земледелец или промышленник?»

Далее говорилось: «Вот уже почти целый век, как тебе, крестьянину, бедному поденщику, твердят, что собственность — священный плод труда, и ты этому веришь. Но открой же глаза и посмотри вокруг: посмотри на самого себя, и ты убедишься, что это ложь... Если бы собственность действительно была плодом труда, то ты, который столько трудился, был бы собственником... Нет, брат, от трудов праведных не наживешь палат каменных! ... Богаты лишь тунеядцы, а труженики — бедняки и умрут бедняками... Это несправедливо. Вот почему Париж, о котором ты судишь со слов людей, в чьих интересах обманывать тебя, волнуется, протестует, восстает и требует изменить законы, дающие богачам всю власть над трудящимися».

За этим следовал перечень реформ, которых добивается Коммуна в интересах народных масс: всеобщее и бесплатное образование, отмена королевской власти, упразднение огромных окладов высшего чиновничества, освобождение от налогов трудящихся, уменьшение налогов на мелких собственников и введение налогов на богачей, распродажа имущества короны и имущества виновников войны для уплаты военной контрибуции, бесплатность суда, выборность судей, создание приютов для инвалидов труда и т. д.

Важнейшие требования, излагавшиеся в этом обращении, были сформулированы в следующих словах:

«Париж хочет,— запомни это хорошенько, ты, сельский труженик, бедный поденщик, мелкий собственник, которого гложут ростовщики, ты, мызник, арендатор, фермер, все вы, кто сеет, жнет и трудится в поте лица своего, в то время как лучшая доля плодов вашего труда достается какому-нибудь бездельнику,— *Париж хочет наконец земли — для крестьян, орудий труда — для рабочих, работы — для всех*»²⁹.

«Эти слова будут услышаны,— с уверенностью заявляла Андре Лео.— Земля — это страсть крестьянина, ни с чем не сравнимая для него ценность, к которой направлены все его усилия, все его мечты. Такая прокламация произвела бы огромное впечатление в деревнях. Она подняла бы Шер, Алье, Ньевр, Верхнюю Вьенну, Лионнэ, значительную часть юга».

²⁹ «La Commune», 10. IV 1871.

100 тыс. экземпляров этого воззвания разбрасывались в виде листовок с аэростатов³⁰. В «*Journal officiel*» Коммуны оно не нашло себе места. Таким образом, формально эта листовка не исходила от Коммуны, о чем свидетельствовала и стоявшая под воззванием подпись: «Трудящиеся Парижа», вместо обычной подписи «Парижская Коммуна». Однако в заголовке листовки стояли слова «Парижская Коммуна». Адресована она была «К трудящимся деревень».

Лозунг «земля — для крестьян», выдвинутый в воззвании, должен был найти отклик у мелких земельных собственников (в особенности у мелких арендаторов и безземельных батраков), хотя вопрос о земле и был поставлен в слишком общей форме.

Распространялась эта листовка и отдельно и вместе с другими воззваниями Коммуны, как, например, с обращением ее Исполнительной комиссии к населению департаментов, датированным 6 апреля, где опровергалась «гнусная пропаганда, организованная версальским правительством в департаментах с целью очернить великое движение парижского народа». В этом документе доказывалась лживость утверждений версальцев, будто Париж хочет навязать свою власть стране, будто в нем царят грабежи и убийства, говорилось, что гражданскую войну развязало правительство Тьера, что оно приказывает убивать пленных коммунаров и грозит столице ужасами голода и новой осады. Обращение разъясняло, что целью революционного Парижа является «основать Республику», «завоевать коммунальные вольности» и «показать пример другим коммунам Франции». «Пусть ваши усилия сольются с нашими, и мы победим ибо мы являемся представителями права и справедливости», — заявляла Исполнительная комиссия, призывая жителей провинции усилить борьбу против версальской контрреволюции³¹.

Версальское правительство всячески старалось помешать распространению воззваний Коммуны к населению провинции. Есть сведения, что большое количество экземпляров обращения Андре Лео к крестьянам было уничтожено жандармами в окрестностях Парижа. Широким слоям сельского населения оно осталось почти неизвестным. В другом воззвании «Характер революции 18 марта. К деревенскому населению» (оно распространялось иногда вместе с обращением «К трудящимся деревень») разъяснялись происхождение и цель революции 18 марта, указывалось, что она явилась ответом на попытки реакционеров низвергнуть республику, поставить под удар законные права Парижа и обезоружить его национальную гвардию. Разъясняя сущность идеи коммунальной автономии, сообщая об избрании Коммуны, это обращение излагало программу ре-

³⁰ B. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchâtel, 1871, p. 196.

³¹ «*Journal officiel*», 7. IV 1871.

волюционного Парижа, подчеркивало, что победа парижских коммунаров принесет упрочение свободы во всей стране, расцвет труда, оживление торговли и промышленности, «неприкосновенность жилищ», подъем просвещения, «единение сердец». Прокламация выражала уверенность, что «предатели, подписавшие капитуляцию, а ныне бомбардирующие Париж, не избегнут заслуженной кары за свои преступления», и подчеркивала, что «они навлекли на себя в Париже, во всех классах и у людей самых различных убеждений» всеобщую ненависть. Победа версальцев, доказывало воззвание, привела бы к гибели Парижа как одного из главных центров науки, искусств, промышленности. «Жизнь ушла бы из Парижа, превратившегося в труп... Эшафоты, расстрелы, ссылки превратили бы его в пустыню». Совершенно иным, добавляла листовка, будет «результат победы народа»³².

Интересам трудящихся слоев населения соответствовала и программа Федерации департаментских ассоциаций — массовой общественной организации, ставившей своей целью создание «священного союза Парижа и провинции» для упрочения республики и торжества Коммуны. Среди руководителей этой Федерации был член Коммуны социалист Э. Потье. В семи пунктах этой программы, датированной 7 апреля, в частности, говорилось о бесплатном и обязательном светском обучении, о бесплатном судопроизводстве, о выборности судей и должностных лиц, об уничтожении бюджета культов, об упразднении постоянной армии, о пересмотре налогового обложения, об организации сельскохозяйственного и промышленного «народного кредита»³³.

16 мая Центральный республиканский союз принял обращение «К большим городам Франции», в котором доказывал, что версальское Собрание, ратифицировав мирный договор с Германией, исчерпало свою задачу и потеряло право на дальнейшее существование. Обращение призывало коммунальные советы больших городов прислать в Париж своих делегатов, «чтобы совместно с делегатами от коммунального совета этого города образовать временное правительство, задачей которого было бы провести выборы в Учредительное собрание». Если бы заседающее в Версале собрание отказалось разойтись, временное правительство призывало бы все население страны прекратить уплату налогов, демобилизовало бы всех находящихся под ружьем солдат и освободило бы всех граждан от подчинения приказам

³² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III. Versailles, 1872, p. 294—296. Первоначально это воззвание опубликовано в газете: «Le Réveil du Peuple», 18.IV 1871. Некоторые выдержки из него были перепечатаны 19 апреля в «Journal officiel» Коммуны.

³³ «Les Murailles politiques françaises...», t. II. Paris, 1873, p. 212—213.

представителей старой власти. Обращение подчеркивало, что, поскольку все предложения, направленные к мирному урегулированию конфликта, были отвергнуты версальцами, нет другого средства положить конец кровопролитию и спасти республику во Франции, как заставить версальское Собрание уйти со сцены.

Вопросы о положении в провинции обсуждались и на некоторых заседаниях Коммуны. На заседании 22 апреля Мио подчеркнул, что следует послать в провинцию делегатов Коммуны «с целью усилить и вызвать революционное движение, которое укрепит парижское движение»; в противном случае, заявлял Мио, «будут происходить лишь частичные выступления, в которых республиканцы будут принесены в жертву и которые не дадут никаких полезных результатов». Предложение Мио вызвало возражения со стороны некоторых членов Коммуны. Бабик заявил, что посылка делегатов в провинцию ослабит Париж, поскольку в нем «не слишком много революционных элементов». Это было ошибочное мнение. Юрбен заметил, что предоставить провинцию самой себе значило бы «предоставить свободу действий реакции и монархии». Он внес предложение послать делегатов «из числа верных людей, которые направились бы на помощь революционерам в провинции и доставили бы им газеты, так как они читают только реакционные газеты». Варлен указал, что Юрбен является членом Комиссии внешних сношений, которой поручено «поддерживать связи с провинцией». «Следовательно,—добавил он,—нет надобности заниматься этим вопросом на заседании». Мио настаивал на обсуждении поднятого им вопроса, подчеркивая его важность, но не получил поддержки. Было решено прекратить прения по этому поводу и переслать предложение Мио делегату внешних сношений. «Больше ничего нельзя было сделать,—заявил председательствующий.— Пусть провинция делает то, что уже сделали мы»³⁴.

В этих словах прозвучала явная недооценка огромной важности активной борьбы за привлечение населения провинции, в том числе и крестьянства, на сторону революции. Впрочем, далеко не все деятели Коммуны придерживались такой точки зрения. 26 апреля по предложению делегата внешних сношений Груссе делегату Коммуны во Вьерзоне, Иссудёне, Шатору гражданину Франке был вручен комплект парижского «Journal officiel» с 18 марта³⁵. Правительство Коммуны и общественные организации революционного Парижа (особенно Центральный республиканский союз и Республиканский союз департаментов) поддерживали связь с провинцией. В один только департамент

³⁴ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года», т. I, М., 1959, стр. 277—279.

³⁵ Там же, стр. 319 (приложение № 1).

Ньевр было направлено свыше 30 уполномоченных с разведывательными и агитационными целями. В инструкциях, которыми снабжались делегаты Парижской Коммуны, отправляемые в провинцию, им предлагалось «действовать через рабочих», открывать цели своей миссии «только надежным политическим друзьям, распространять с помощью газет и листовок сведения о сущности программы Коммуны, стараться отвратить солдат от войны против Парижа»³⁶.

Среди деятелей Коммуны, ее публицистов бытовали довольно верные представления о положении в провинции, о нуждах широких слоев крестьянства. Коммуна намечала меры к улучшению условий жизни и труда мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих, ставила вопрос о необходимости союза между трудящимися массами города и деревни.

И все же Парижская Коммуна недооценивала огромной важности крестьянского вопроса для судьбы революции.

Видная деятельница Коммуны русская социалистка Елизавета Дмитриева в письме к члену Генсовета Интернационала Г. Юнгу справедливо отмечала, что деятели Коммуны «не обратились вовремя с манифестом к крестьянам»³⁷. Немецкий социалист Л. Кугельман в письме к Марксу от 27 апреля писал о том же³⁸.

Большое значение придавал этому вопросу член Коммуны Серрайе, близко стоявший к Марксу. В письме от 15 апреля Серрайе сообщал, что он пытался добиться от членов Коммуны принятия постановления об отмене ипотечной задолженности, но его попытки остались безрезультатными. «Может быть, время еще не упущено,— писал далее Серрайе.— Все же я попросил бы г. Маркса составить что-нибудь по этому вопросу. Я бы представил этот проект Франкелю и так как он будет исходить от Маркса, то возможно, что Франкель внесет и проведет его — ведь, что ни говори, мы имеем большинство. Но не надо забывать, что это большинство — прудонистское»³⁹.

Из письма видно, что прудонисты, составлявшие большинство среди членов Интернационала в Коммуне, уклонялись от принятия такого жизненно важного для крестьянской массы решения, как постановление о ликвидации ипотечной задолженности мелких земельных собственников, достигшей к этому времени огромных размеров (14 млрд. франков).

Недостаточное внимание деятелей Коммуны к проблеме завоевания крестьянства на сторону революции объясняется в

³⁶ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français, publié sous la dir. de J. Maitron, t. IV. Paris, 1967, p. 265—266, 363, 390—391, 393—394, 403, 463, 468.

³⁷ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 193.

³⁸ Там же, стр. 193.

³⁹ Там же, стр. 185—186.

значительной степени составом парижского революционного правительства 1871 г. Ни бланкисты с их заговорщической тактикой, недооценкой роли масс и нигилизмом в области теории, ни прудонисты, считавшие, что Коммуна не должна выходить за рамки функций парижского городского самоуправления и покушаться на частную собственность буржуазии, ни неоякобинцы не были идейно подготовлены для правильного понимания вопроса о крестьянстве как союзнике пролетариата и о мерах, необходимых для привлечения трудящихся масс сельского населения на сторону революционного Парижа. Это понимали только немногие деятели Коммуны, прежде всего, разумеется, те, кто находился под идейным влиянием Маркса.

Отсутствие у парижских коммунаров правильного политического руководства, которое могла бы обеспечить только марксистская рабочая партия, помешало им выработать законченную революционную программу в аграрном вопросе, принять все необходимые меры, чтобы довести ее до сознания трудящихся масс сельского населения и поднять их на решительную борьбу против контрреволюции.

Версальское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы исказить сущность и цели революции 18 марта, опорочить действия Коммуны, извратить ее политику, восстановить против Парижа население провинции. Чтобы запугать собственные слои крестьянства, версальцы внушали им, что победа революционного Парижа приведет к отнятию земли, дома и скота у всех, даже у самых мелких крестьян. Коммунары не сумели рассеять эту ложь и помочь мелкому крестьянству, которое в силу своей двойственной сущности (собственников и тружеников) тянется то к пролетариату, то к буржуазии, преодолеть свои колебания и твердо стать на сторону революции.

Сильное недовольство среди сельского населения, уставшего от войны, вызывало то обстоятельство, что вернувшихся из Германии пленных солдат французской армии (в большинстве своем крестьян) продолжали удерживать на военной службе. Версальцы, использовавшие этих солдат для пополнения своей армии, всячески спекулировали на этом недовольстве, возбуждая крестьян против коммунаров и утверждая, что, если Париж одержит победу над Версалем, война между Францией и Германией неизбежно возобновится. Открыть крестьянам глаза на истинных виновников гражданской войны, удерживающей их сыновей под стенами Парижа,— такова цель, которую ставила перед собой газета «La Sociale», печатавшая в середине апреля статью «Пленники Пруссии — пленники Версаля». Только тогда вернутся домой солдаты французской армии, доказывал автор статьи, когда победит Коммуна, когда «спасенная Франция возродится более прекрасной, чем когда-либо раньше»⁴⁰.

⁴⁰ «La Sociale», 13. IV 1871,

Если во французской деревне версальцам во многом удалось добиться своих целей, то в провинциальных городах часто дело обстояло по-иному.

* НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
 В ПРОВИНЦИИ
 В ДНИ КОММУНЫ

Известия о революции 18 марта в Париже и бегстве правительства Тьера в Версаль всколыхнули провинцию. В ряде городов — преимущественно южной, неоккупированной части страны — вспыхнули народные восстания и были провозглашены революционные коммуны.

Первым поднялся Лион, издавна являвшийся важным очагом революционных выступлений рабочего класса. Восстание в Лионе вспыхнуло 22 марта, но еще за два дня до того, на собрании делегатов национальной гвардии, рабочий Роше, член Интернационала, внес предложение подняться на поддержку Парижа, захватить Ратушу и форты, провозгласить Лионскую коммуну. 24 марта из Парижа прибыла делегация Центрального комитета национальной гвардии во главе с членом Интернационала Амуру. 18 батальонов лионской национальной гвардии (из общего числа 24) заявили о своей солидарности с национальной гвардией Парижа. Демократический комитет национальной гвардии и Центральный комитет республиканского союза провозгласили Коммуну Лиона. Снижение налогов, бережливое расходование общественных средств, меры по улучшению положения трудящихся — так формулировали в совместном обращении к лионцам Комитет национальной гвардии и Комитет республиканского союза свои задачи⁴¹. Созданная для управления городом и подготовки выборов в Коммуну временная комиссия не приняла решительных мер, не заняла ведущих учреждений, не связалась с рабочими организациями.

Уже на следующий день восстание в Лионе было подавлено прибывшими из Бельфора по вызову представителей старой власти отрядами мобильной гвардии. Известную роль сыграло и то обстоятельство, что Лион уже с сентября 1870 г. имел свой муниципальный совет, вследствие чего мелкая буржуазия не поддержала в марте 1871 г. лозунга Коммуны.

В Сент-Этьенне волнения начались 23 марта. 24-го демонстранты захватили Ратушу. 26-го Центральный комитет национальной гвардии этого города провозгласил Коммуну. Выборы в нее были назначены на 29-е. Но еще до этого войска без боя вновь заняли Ратушу.

⁴¹ «Journal officiel», 26. III 1871.

В Крезе — крупнейшем центре металлургии, машиностроения и военной индустрии, вотчине финансового и промышленного магната барона Шнейдера, бывшего председателя Законодательного корпуса Второй империи, обстановка была весьма напряженной еще в начале 1870 г., когда здесь произошла массовая стачка шахтеров. Известия о событиях 18 марта в Париже всколыхнули пролетариев Крезе, страдавших от безработицы, низких заработков и дороговизны. 20 марта Республиканско-социалистический комитет города решил организовать смотр национальной гвардии в поддержку Парижа. 24 марта на собрании рабочих и демократов Крезе была принята резолюция солидарности с революционной столицей. 25 марта состоялось собрание, на котором делегат от Парижа член Интернационала Альбер Леблан заявил, что, подобно тому, как революция 1789—1793 гг. освободила буржуазию, революция 1871 г. должна освободить пролетариат. Утром следующего дня на смотре национальных гвардейцев Леблан обратился к ним с призывом поднять в Крезе красное знамя, которое развевается в Париже и в некоторых других городах. Солдаты побратались с национальными гвардейцами. Мэр города, популярный среди его населения рабочий-социалист Ж.-Б. Дюмэ, произнес речь, заявив, что версальское правительство предаст республику, и призвал жителей Крезе последовать примеру Парижа. Коммуна, заявил Леблан, упразднит министров, префектов, жандармов, заменит солдат вооруженными гражданами, обеспечит трудящимся плоды их труда. Тут же была избрана временная Коммуна в составе 32 человек (рабочих, ремесленников, торговцев). На совещании ее членов было решено занять вокзал, почту и телеграф. Однако осуществить это решение не удалось, так как на сбор явилось мало людей.

27 марта в Крезе прибыл префект с отрядом солдат. Собрания были запрещены, некоторые из руководителей движения арестованы, рабочие кварталы разоружены, многие рабочие уволены с работы⁴². Коммуна в Крезе была подавлена. Но трудящиеся этого промышленного центра добились все же некоторых уступок от хозяев: рабочий день был сокращен с 11 до 10 часов.

В Тулузе 25 марта во время смотра национальной гвардии было выдвинуто требование роспуска Национального собрания и избрания Коммуны. Руководство движением за Коммуну захватили мелкобуржуазные элементы, поддерживавшие радикала Дюпорталя, которого Тьер заменил на посту префекта монархистом графом Кератри. В ночь на 27 марта на здание Ратуши были наведены пушки, но члены Исполнительной ко-

⁴² P. Ponsot. Les grèves de 1870 et la Commune de 1871 au Creusot. Paris, 1957, p. 60—71.

миссии, созданной за два дня до того, выпустили прокламацию, в которой объявили о самороспуске⁴³.

В Нарбонне, где во главе движения стоял видный демократ Эмиль Дижон, 24 марта национальные гвардейцы завладели Ратушей и другими правительственными зданиями. Была провозглашена Коммуна. Солдаты, не оказавшие сопротивления восставшим, были выведены из города. 27 марта сюда прибыли делегации из соседних городов и местечек. Но уже через два-три дня командование, подтянув подкрепления, ввело в Нарбонн многочисленные войска. 31 марта все баррикады были разрушены. Под угрозой артиллерийского обстрела руководители движения оставили Ратушу. Восстание было подавлено⁴⁴.

Дольше других революционных коммун, провозглашенных в эти дни в провинции, продержалась Марсельская коммуна. 23 марта с возгласами «Да здравствует Париж!» многотысячная толпа демонстрантов, состоявшая из национальных гвардейцев рабочих кварталов, вольных стрелков и гарибальдийцев, захватила здание марсельской префектуры и арестовала некоторых представителей власти. Префект подал в отставку. Командующий гарнизоном Марселя ярый реакционер генерал Эспиван де ла Вильбуанэ вывел войска из города и укрепился неподалеку от него, в местечке Обань. Власть в Марселе перешла в руки Департаментской комиссии. В ее состав вошли буржуазные радикалы и социалистически настроенные рабочие. Председателем комиссии был избран популярный в городе адвокат-радикал Гастон Кремье. Однако новый орган власти не проявил должной решительности, не организовал похода против укрывшихся в Обане (17 км от Марселя) правительственных войск, не принял необходимых мер для укрепления города, допустил вывоз всей наличности банка, не сломил саботажа реакционных чиновников. На этой почве между Кремье и членом прибывшей из Парижа делегации ЦК национальной гвардии социалистом Бернаром Ландеком возник острый конфликт. Ландек обвинил Кремье в умеренности и приказал арестовать его. Впрочем, вскоре Кремье был освобожден и восстановлен на посту председателя Департаментской комиссии. Как и Кремье, Ландек упустил многое: не вооружил национальных гвардейцев и солдат, примкнувших к движению, не занял стратегических позиций.

Большую активность проявил другой делегат из Парижа, рабочий Эдмон Межи, член Интернационала, примыкавший к бланкистам; по его инициативе повстанцы захватили склады

⁴³ A. Duportal. La Commune à Toulouse, simple exposé des faits. Toulouse, 1871.

⁴⁴ H. Féraud. Histoire de la Commune à Narbonne en 1871. Châteauroux, 1946.

оружия. Программа восстания в Марселе предусматривала административную децентрализацию страны, широкую коммунальную автономию, предоставление мэру города прав префекта, а командующему национальной гвардией командования вооруженными силами департамента⁴⁵. На 5 апреля были назначены выборы в Коммуну, но 4-го правительственные войска, насчитывавшие в этот момент 6—7 тыс. человек, вступили в Марсель. После длительного артиллерийского обстрела они захватили префектуру. К вечеру восстание было подавлено. У национальной гвардии было отобрано оружие. Военный суд жестоко расправился с руководителями восстания⁴⁶.

4 апреля в Лиможе толпа рабочих воспрепятствовала отправке отряда солдат 91-го полка в Версаль и разоружила их. Движением руководило Народное общество, составленное в основном из представителей от рабочих организаций и еще 23 марта пославшее привет «парижским братьям по оружию». С возгласом «да здравствует коммуна!» восставшие рабочие, национальные гвардейцы и солдаты захватили Ратушу. Однако уже на следующий день восстание было подавлено правительственными войсками⁴⁷.

17 апреля произошли революционные волнения в Гренобле. В Лионе 22 апреля группа из 4—5 тыс. демонстрантов задержала на одном из вокзалов поезд с грузом пороха, предназначенного для Версаля⁴⁸. 30 апреля в рабочих кварталах Гийотьер и Круа-Русс были построены баррикады, при защите которых было убито и ранено несколько десятков человек. Однако уже на следующий день лионское восстание было подавлено. Активную роль в этих событиях сыграли уполномоченные Парижской Коммуны Альбер Леблан, Шарль Дюмон и Коле де Тейяк⁴⁹.

В Бордо парижские революционные события нашли сочувственный отклик у передовых рабочих, руководимых местной секцией Интернационала, среди деятелей которой выделялись своей активностью врач и публицист Поль Лафарг (зять Маркса) и рабочий-обувщик Везине. Орган этой секции — газета «*Tribune*», выходившая два раза в неделю, горячо призывала гарнизон и население Бордо поддержать Парижскую Коммуну. 8 апреля общее собрание делегатов от 5-го и 6-го батальонов постановило образовать федерацию национальной гвардии юга

⁴⁵ A. Olivesi. La Commune de 1871 à Marseille et ses origines. Paris, 1950.

⁴⁶ См. Э. А. Желубовская. Борьба за Коммуну в Марселе в марте-апреле 1871 г. — «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, М., 1961.

⁴⁷ P. Cousteix. La Commune de Limoges. — «L'Actualité de l'Histoire», № 15, avril 1956.

⁴⁸ «Le Cri du Peuple», 28. IV 1871.

⁴⁹ М. Шури. Коммуна в сердце Парижа. М., 1970, стр. 280—282.

Франции, во главе которой должен был стать выборный Центральный комитет.

Связь между Парижской Коммуной и революционными группами в Бордо осуществлялась через эмиссаров. В начале апреля в Париже побывал Лафарг. В течение апреля — мая Бордо посетило около 30 парижских эмиссаров. 12 апреля в городе состоялась демонстрация солидарности с коммунарами Парижа. По улицам были расклеены воззвания Коммуны к провинции. 13 апреля в Бордо произошли столкновения между полицией и рабочими, охранявшими плакаты с этим воззванием. 15 апреля один полицейский агент был избит при попытке сорвать плакат Коммуны. 17 апреля толпа рабочих осадила казарму, где укрывался полицейский агент, сорвавший последний из плакатов Коммуны, и потребовала его выдачи. Завязалась перестрелка, в казарму были брошены камни, на улицах построены баррикады. Залпами по безоружной толпе солдаты разогнали демонстрантов. Были произведены многочисленные аресты. 18 апреля выступления на улицах Бордо были подавлены.

20 апреля собрание делегатов национальной гвардии избрало Центральный комитет. «Мы должны идти вместе с Коммуной... программа Коммуны... это наша программа», — писала «La Tribune de Bordeaux». Газета добавляла, что на муниципальных выборах 30 апреля трудящиеся Бордо будут голосовать только за тех кандидатов, которые разделяют программу Парижской Коммуны и обязуются провозгласить Коммуну в Бордо. Радикально-республиканские группы поддержали кандидатов секции Интернационала, выдвинутых ею совместно с Комитетом республиканской пропаганды⁵⁰. В бордоский муниципалитет было избрано четыре члена Интернационала. «Самое важное, — подчеркивал Лафарг в письме к Марксу, — то, что в Бордо впервые выступила рабочая партия и что она показала всем членам Товарищества значение новой организации Интернационала»⁵¹.

Быстрое крушение провинциальных коммун объясняется прежде всего тем, что ведущую роль в руководстве движением в провинции играли мелкобуржуазные демократы и буржуазные радикалы, не проявившие должной решительности в борьбе с контрреволюцией. С другой стороны, трудящиеся провинциальных городов не испытали во время войны таких страшных страданий, какие пришлось пережить трудящимся Парижа, и потому были настроены менее революционно. Отсутствие прочной

⁵⁰ Г. П. Новикова. Бордоская секция I Интернационала во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны. — «Новая и новейшая история», 1961, № 2, стр. 74—88.

⁵¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 203 (письмо Лафарга Марксу от 12 мая 1871 г.).

связи между отдельными очагами революционного движения в провинции облегчило версальскому правительству разгром этих выступлений. Отрицательные последствия имело и то обстоятельство, что часть французской территории была оккупирована немецкими войсками, оказывавшими активную поддержку представителям версальского правительства. В Амьене только чрезвычайные меры немецких военных властей, предпринятые по просьбе мэра этого города, предотвратили выступление рабочих в поддержку Парижской Коммуны. В местечке Морей попытка провозгласить коммуну была подавлена германским гарнизоном⁵².

Революционные выступления в провинции принимали различные формы. Не всегда дело доходило до попыток создания революционных органов власти. В ряде мест сочувствие коммунарам столицы и поддержка их революционной борьбы выражались в уничтожении плакатов правительства Тьера, в расклейке прокламаций Парижской Коммуны, в посадке «деревьев свободы», в уличных шествиях с красными флагами, в призывах создавать отряды добровольцев для похода на помощь Парижу, в попытках помешать отправке в Версаль эшелонов с войсками и боеприпасами⁵³.

В общем выступления в поддержку Парижской Коммуны охватили довольно значительную часть страны.

Сочувственное отношение к Парижской Коммуне наблюдалось и среди трудящихся некоторых сельских районов.

В середине апреля в ряде сельских округов департамента Жиронда произошли демонстрации с красными знаменами под лозунгом «Да здравствует Коммуна!» Революционные волнения имели место также в некоторых деревнях департамента Ньевр, сельское население которого состояло преимущественно из мелких арендаторов и безземельных батраков. В этом департаменте были популярны некоторые члены Коммуны, особенно Гамбон. Начальник 19-го легиона жандармерии утверждал, что Гамбон использовал свое влияние в департаменте Ньевр, где у него имелись старые связи и верные сторонники (Малардьё, Фурнье, Асселино и др.), чтобы подготовить повстанческое движение в пользу Коммуны⁵⁴.

Первый председатель судебной палаты Буржа, также отмечавший влияние Гамбона в этом департаменте, указывал, что одна из местных демократических газет, «La Tribune Niver-

⁵² «La Commune», 26. IV 1871.

⁵³ G. Bourgin. Le mouvement communaliste dans les départements. — «Revue socialiste», 1909, t. 48; Н. Сидорова. Массовое движение во французской провинции во время Парижской Коммуны. — «Борьба классов», 1936, № 3; «Парижская Коммуна 1871 г.». Под редакцией Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсана. М., 1964, стр. 341—342.

⁵⁴ «Enquête...», t. II. Versailles, 1872, p. 617.

païse», бесплатно раздававшаяся на фабриках и в деревнях, опубликовала воззвание парижских коммунаров «К трудящимся деревень» (за это она была закрыта). «Департамент Ньевр, как почти все департаменты, расположенные в долине Луары,— утверждал он,— с давних пор подвержен влиянию социализма и тайных обществ»⁵⁵.

19 апреля, по сообщению префекта департамента Ньевр, была сделана попытка поднять жителей сельских коммун Сент-Аман-ан-Пюизэ и д'Арканьян и повести их на город Кон. Попытка эта потерпела неудачу: мэры обеих коммун прогнали явившихся туда эмисаров. В коммуне Неви-сюр-Луар им удалось привлечь на свою сторону около 15 человек местных жителей. Вооружившись, они взломали двери церкви, начали бить в набат, водрузили над мэрией красное знамя и потребовали от начальника вокзала, чтобы он стал во главе их и повел на Кон. Узнав о том, что соседние коммуны не откликнулись на призыв к восстанию и что руководители, поджидавшие их в Коне, схвачены полицией, участники выступления в Неви разошлись по домам. Утром 21 апреля в деревню прибыли префект, командующий войсками и начальник жандармерии с тремя ротами солдат. Дома, где находились наиболее активные участники выступления, были окружены солдатами, четверо революционеров были заключены в тюрьму. У местных жителей было отнято имевшееся у них оружие (60 ружей и боеприпасы), которое было отправлено затем в Невер⁵⁶.

Деятели Парижской Коммуны (особенно Мио, Груссе и Гамбон) составили план подготовки восстания в Ньевре. С этой целью туда были направлены делегаты, снабженные инструкциями и пропагандистской литературой. Они должны были сформировать и возглавить революционные отряды, захватить административные учреждения и арестовать представителей власти⁵⁷. Выступления в селах близ города Кона являлись, по-видимому, одной из попыток осуществления этого плана.

Сочувственное отношение к Коммуне наблюдалось и среди сельских трудящихся некоторых других департаментов. Автор письма, адресованного 19 апреля Груссе, утверждал, что «по всей линии Лионской железной дороги рабочие и крестьяне на стороне парижского революционного движения, так как ясно видят всю вину версальского Собрании»⁵⁸. «Во многих коммунах Соммы высказываются в защиту прав Парижа,— сообщал 1 мая анонимный корреспондент, подписавшийся «Пикардий-

⁵⁵ «Enquête...», т. II, p. 481.

⁵⁶ Ibid., p. 578—579.

⁵⁷ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français, t. IV. Paris, 1967, p. 142, 265—266, 393—394.

⁵⁸ «Paris Libre», 22. IV 1871.

ский крестьянин».— С жадностью читают самые передовые газеты, вырывают их из рук и зачитывают до того, что они превращаются в лоскутья»⁵⁹. Анонимный корреспондент другой газеты рассказывал 20 апреля, какая борьба развернулась вокруг прокламаций Парижской Коммуны к деревенскому населению в департаменте Сена-и-Марна. Из вывешенных в селе Валанс-ан-Бри четырех прокламаций три уже через час были сорваны полевым стражником по распоряжению мэра. Чтобы сломить сопротивление жителей, выступивших против уничтожения единственной еще уцелевшей афиши, мэр и полевой стражник обратились к помощи солдат немецких оккупационных войск. Корреспондент сообщал, что в коммуне Машо, расположенной поблизости от коммуны Валанс-ан-Бри, уничтожением революционных афиш из Парижа занимался местный священник, которому помогали в этом деле два капрала. Автор письма добавлял, что он снял копию с одной из этих афиш и будет распространять ее индивидуальным путем. «Можете положиться на мой патриотизм. Я действую с большим усердием и стараюсь сколотить здесь, как и в окрестных коммунах, ячейку (сторонников)»,— такими словами заканчивалось это письмо⁶⁰.

Впоследствии первый председатель судебной палаты Безансона с тревогой указывал, что «доктрины Интернационала» оказывают влияние не только на умы городских рабочих, но «начинают проникать и в деревни», что прокламации Коммуны распространялись с помощью эмиссаров революционного Парижа и служащих железнодорожных компаний как в городах, так и в селах и что эти прокламации вызвали сочувственное отношение к Парижу в «народных низах», «которое усиливалось с каждым днем и проявлялось все более открыто по мере того, как продолжалось сопротивление»⁶¹.

Почти все промышленные рабочие, писал префект департамента Ардеш об округе Турлон,— «принадлежат к Интернационалу», а в большей части деревень имелись люди, сочувствовавшие Коммуне, читавшие революционную прессу и возбуждавшие ненависть к богачам и церковникам⁶².

Префект департамента Сена-и-Марна заявлял, что симпатии к Парижу существовали «среди городских и сельских рабочих». Первый председатель судебной палаты в Эксе сообщал: «В департаменте Нижние Альпы нет или почти нет рабочих. Но земледельцы там бедны, у них пылкий нрав и восприимчивый дух, они легко дают себя увлечь теориями, которые проповедуют им

⁵⁹ «Le Cri du Peuple», 17. V 1871.

⁶⁰ «La Commune», 22. IV 1871.

⁶¹ «Enquête...», t. II, p. 586, 453—454.

⁶² Ibid., p. 550.

несколько умелых вожаков, возбуждая их дурные инстинкты. Они взялись за оружие в 1852 г., и, чтобы усмирить их, пришлось выслать из Марселя и направить против них экспедиционный отряд. Во время последних событий в Париже и Марселе они не оставались безучастными, но отправили в Марсель многочисленных эмиссаров, чтобы в точности знать положение дел, и нет сомнения, что там вспыхнуло бы восстание, если бы марсельское восстание не оказалось побежденным»⁶³.

В своем классическом труде «Государство и революция» В. И. Ленин указывал, что разрушение государственной машины, осуществлявшееся Коммуной, соответствовало интересам как рабочего класса, так и большей части крестьянства. «Оба класса,— подчеркивал Ленин,— объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование». «К такому союзу,— добавлял Ленин,— как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера»⁶⁴. Они не имели аппарата, их не поняла страна; громадное большинство крестьян во Франции не знало, в чем заключаются смысл и цели революции 1871 г.,— так объяснял В. И. Ленин в январе 1918 г. основную причину гибели Коммуны⁶⁵.

⁶³ «Enquête...», t. II, p. 446.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39—40.

⁶⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261—262.

Идеи интернационализма, братства народов и Всемирной социальной республики, получившие широкий отклик среди парижских коммунаров¹, были для многих из них связаны с ненавистью к завоевательным войнам. Еще во время Второй империи многие будущие участники Коммуны выступали против завоевательных войн и колониальных авантур бонапартистского режима.

В апреле 1870 г. Федерация парижских секций Интернационала и Федеральная палата рабочих обществ протестовали в своем манифесте против колониальных экспедиций в Сирии, Индокитае и Мексике. Особенно резкое осуждение вызывала мексиканская авантюра правительства Наполеона III.

Среди французских революционеров были распространены идеи помощи угнетенным народам. Бланкист Гюстав Флуранс, который был, по словам Ж. Маркс, на редкость благородной натурой, «отдал свое пламенное впечатлительное сердце делу неимущих, угнетенных, обездоленных, и притом — не только тех, кто боролся и сражался в его собственной стране; нет, его большое сердце билось за каждую нацию, за каждую расу, за каждое племя»². В 1865 г. Флуранс поехал в Турцию. «Он хотел, — писал Эли Реклю, — разбудить этот неподвижный Восток, который не погружен в глубокий сон, как принято считать, а грезит...»³. По словам самого Флуранса, он «написал в «*Conq-*

¹ См. М. Н. Машкин. Идеи интернационализма во время Парижской Коммуны. — «Рабочее движение в новое время». М., 1964.

² См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 181.

³ E. Reclus. La Commune de Paris au jour le jour. Paris, 1908, p. 96.

giег» в Константинополе серию статей под названием «Восток, справедливость для всех», предназначенных нести идеи братства между различными восточными расами — статей, которые вызвали сенсацию»⁴.

Луиза Мишель восторгалась революцией в стихотворении «Клятва негров перед виселицей Джона Брауна» и призывала к борьбе с поработителями⁵. Л. Мишель, с молодости проникавшая ненавистью к колониальному рабству, писала об этом времени впоследствии, что «всюду рабы старались стряхнуть с себя цепи. Индия... поднялась за свободу». Она говорила о «восстании, мысль о котором всегда таится у покоренных народов, словно огонь под пеплом», о том, что «восстание, которое постоянно пытались потопить в крови, неуклонно вспыхивало вновь. Это было всюду...»⁶.

Горькие раздумья о поражении Франции в войне 1870—1871 гг., негодование против действий германских войск на французской земле возвращали мысль многих французских революционеров к недавним завоевательным походам армии Наполеона III. Анри Белланже в газете «Le Cri du Peuple» с горечью констатировал, что сейчас с Францией обращаются так же, «как мы обращались с Пекином», и что «все народы, которых мы отправлялись грабить под предлогом славы и завоевания... жаждут реванша». «И так будет до тех пор...— заканчивал он,— пока сила будет главенствовать над правом, пока социальная Революция не разрушит полностью старый мир, чтобы построить новый»⁷.

В ожидании революции значительное число французских революционеров выступало против колониальных авантур отнюдь не с позиций пролетарского интернационализма

Колониалистские воззрения в течение длительного времени проникали в сознание широких масс французского народа, влияли на формирование идеологии различных социальных групп, слоев и классов Франции, в том числе и рабочих. Колониализм становился привычным представлением, превращался в определенный компонент социальной психологии большого числа французов. Во время правления Наполеона III, когда закладывались основы новой французской колониальной империи, колониалистская пропаганда во Франции, в частности подчеркивание того, насколько важным для Франции является ее господство в Алжире, приобрела широкие размеры.

⁴ Цит. по *E. Reclus. La Commune de Paris...*, p. 97.

⁵ *J. Boyer. La Vierge rouge. Louise Michel. Paris, 1927*, p. 24—25.

⁶ *L. Michel. La Commune. Paris, 1898*, p. 124 et suiv.

⁷ *H. Bellenger. Rien n'est volé tout se paye.*— «Le Cri du Peuple», N 7, 22.II 1871.

Колониалистская пропаганда находила отражение и в демократической печати, в особенности при обсуждении алжирского вопроса.

Выдающийся географ и деятель рабочего движения анархист по своим убеждениям Элизе Реклю, защищавший Коммуну как национальный гвардеец с оружием в руках, подчеркивал: «с 1830 г.... общественное мнение сосредоточивалось на отдаленном Алжире... События в Алжире неминуемо должны были неоднократно отразиться на истории самой Франции... Алжир притягивал к себе центр тяжести метрополии»⁸.

В программной статье редактора газеты «Le Réveil» неоякобинца Шарля Делеклюза указывалось, что он и его единомышленники рассматривают французских республиканцев-иммигрантов в Алжире, как своих «собратьев»⁹. Газета солидаризировалась с ними, уделяя алжирскому вопросу место в значительной части номеров. Уже в первом номере газета заявляла: «Завоевательная роль нашей армии закончилась, армия начала осуществлять задание цивилизовать и умиротворить Алжир, привязать его тесными узами к матери-родине». Фредерик Курне, близкий в это время к неоякобинцам, а в будущем член Коммуны, Генсовета Интернационала и бланкист, выступал против «военной системы» в Алжире — «прекрасной колонии, которая должна быть источником богатства для Франции и одним из лучших районов по снабжению Европы продовольствием»¹⁰.

Делеклюз требовал «полной ассимиляции Алжира и всех больших и малых колоний с матерью-родиной», распространения «на наших заморских соседей» в «transmarine France» законов и прав французов в метрополии, «полной ассимиляции» алжирцев, «вхождения арабов во французскую семью...» «К счастью,— писал Делеклюз,— Франция находится на пути к свободе, она скоро достигнет цели, к которой непрерывно стремилась в течение целого столетия, и скоро также Алжир и колонии уничтожат последние препятствия, которые мешают как их благосостоянию, так и их политическому, духовному и моральному прогрессу»¹¹.

Неоякобинцы, проповедуя ассимиляцию Алжира, не уделяли фактически внимания бедственному положению коренного населения; наоборот, многие их требования вели к еще большему его закабалению и усилению колониального гнета. Они не понимали истинного положения в Алжире, считая, что сообщения о восстаниях алжирцев раздуваются правительством и офицерами африканской армии для сохранения «военного режима».

⁸ *Elisé Reclus*. Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes, t. XI. Paris, 1888, p. 299.

⁹ «Le Réveil», 2. VII 1868.

¹⁰ *R. Courmet*. L'Algérie et le système militaire.— «Le Réveil», 17.IX 1868.

¹¹ *Ch. Delescluze*. Algérie et les colonies.— «Le Réveil», 29.X 1868.

Прудонисты также не предлагали такой политики в отношении Алжира и его коренного населения, которая отвечала бы интересам как французских трудящихся, так и угнетенных алжирцев. Сам П.-Ж. Прудон был сторонником колонизации Алжира.

Во французском революционном и социалистическом движении, несмотря на отдельные выступления против жестоких методов колониальной политики в Алжире, никто не смог даже приблизиться к той оценке положения в Алжире, которую дал в 1857 г. Ф. Энгельс, относившийся с сочувствием к борьбе алжирцев и пригвоздивший к позорному столбу колонизаторов¹².

Особое внимание представители французских революционно-демократических и социалистических течений уделяли европейской иммиграции. После завоевания Алжира крупнейшие участки лучшей земли были захвачены капиталистическими компаниями и крупными собственниками-иммигрантами.

Однако основную часть европейского населения в Алжире составляли мелкие колонисты, около $\frac{2}{3}$ которых проживали в городах. Наряду с французами в провинции Константина было много итальянцев (рыбаков, ремесленников и сельскохозяйственных рабочих). В провинции Оран основную часть европейцев составляли испанцы, многие из которых уходили на заработки в г. Алжир. В 1866 г. из общего числа 226 606 иммигрантов (без армии) в Алжире было 122 119 французов, затем шли испанцы, итальянцы, мальтийцы, немцы и др. Число коренных жителей в стране превышало в 12 раз число иммигрантов — 2 686 024 человека¹³.

Основная масса переселенцев прибыла в порядке свободной иммиграции, но известную часть французов-иммигрантов составляли рабочие, ремесленники и лица свободных профессий, направленные в Алжир далеко не в добровольном порядке. С самого начала завоевания Алжир стал местом ссылки революционных и оппозиционных элементов. Особенно много было сослано в Алжир активных республиканцев — противников бонапартистского режима. В период Второй республики в Алжир было переселено в качестве колонистов-земледельцев несколько тысяч семей парижских рабочих — 20 тыс. человек, занятых ранее в Национальных мастерских, но в 1870 г. только незначительная их часть занималась земледелием.

В алжирских городах было довольно много рабочих-иммигрантов, как французов, так и лиц других национальностей. Они были заняты на погрузочно-разгрузочных работах, в гор-

¹² См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 104—107.

¹³ *Assemblée nationale. Enquête parlementaire. Actes du Gouvernement de la Défense nationale, t. III. Second division. Rapport de La Sicotière [l'Algérie]* (далее — *Rapport de La Sicotière*). Paris, 1876, p. 1.

ной промышленности, в типографском деле и т. п. От 6 до 10 тыс. человек участвовали в «общественных работах». По свидетельству префекта Алжира Варнье, они могли заработать в день от 4—4,5 до 6—7 франков, их средняя заработная плата превышала на 10% среднюю заработную плату во Франции, но «часто, очень часто они по причине нездоровых условий климата и т. п. во время работы попадали в госпитали, и после нескольких рецидивов болезни погибали»¹⁴. Число рабочих из коренного населения было незначительным.

В городах Алжира было много мелких буржуа, как французов, так и лиц других национальностей, частично деклассированных, которые часто не имели достаточных средств к существованию. Кризис колониальной политики Второй империи в Алжире, являвшийся симптомом общего кризиса империи, вызвал среди иммиграции в Алжире, как и в метрополии, быстрый рост республиканского, антибонапартистского, антимилитаристского и социалистического движения.

В подавляющем большинстве республиканцы, в свое время сосланные в Алжир, продолжали оставаться врагами бонапартистского режима. Некоторые из них были сторонниками неоякобинцев, а известное число придерживалось распространенных во Франции социалистических учений. Борьба этих людей против Второй империи не прекращалась. Они вели за собой в большинстве случаев массы иммигрантов. Выступая против «военного режима» в Алжире, республиканцы стремились к ассимиляции Алжира, с заменой военного управления гражданским, распространением французских законов на местное население страны, введением здесь французских учреждений, к непосредственному участию колонистов в управлении Алжиром, что облегчило бы эксплуатацию коренного населения, захват его земель и расширение колонизации. В условиях нарастания кризиса бонапартистского режима во Франции правительство пошло по пути некоторого ослабления «военного режима», распространило на Алжир законы 1868 г. о печати и публичных собраниях. Оппозиционные элементы французского населения Алжира воспользовались этим для издания республиканских газет. Во время плебисцита 8 мая 1870 г. большинство ответов, полученных по Алжиру, были отрицательными.

Недовольство иммигрантов режимом Второй империи резко усилилось во время войны 1870 г., почти все части африканской армии под командованием маршала Мак-Магона были отправлены на европейский театр военных действий, в их числе были и укомплектованные арабами и кабилами пехотные части тюркосов и кавалерийские части спаги. Многие иммигранты-

¹⁴ Ibid., p. 260.

французы были призваны в части африканской армии в Европе, которая была почти полностью разбита¹⁵.

Многие колонисты-земледельцы, в особенности мелкие, были озлоблены отказом Алжирского банка предоставить во время войны мораторий по платежам. Это в равной мере затрагивало и широкие слои переселенческой городской мелкой буржуазии.

После объявления войны общественные работы были приостановлены. На улицу было выброшено до 10 тыс. рабочих, оставшихся без всяких средств к существованию.

Поступившие в ночь с 4 на 5 сентября сообщения о революции в Париже вызвали в г. Алжире выступления против ненавистного режима Второй империи. Активное участие в нем приняли рабочие-переселенцы, безработные, иностранцы-иммигранты¹⁶.

Явочным порядком в колонии возникли комитеты обороны, ведущую роль играл Комитет обороны г. Алжира. В подобных комитетах в большинстве случаев руководящую роль играли буржуазные радикалы или мелкобуржуазные демократы. Во главе Комитета обороны Алжира встал радикал Ромуальд Вюйермоз, адвокат, сосланный в Алжир в 1851 г. Комитеты стали требовать участия в управлении, удаления из учреждений бонапартистов и отмены «военного режима».

В результате уступок властей 10 сентября было снято осадное положение, создана национальная гвардия (милиция), заменены некоторые чиновники-бонапартисты.

В Алжире возникли демократические клубы. «Более серьезное значение, чем клубы», имела в Алжире Республиканская ассоциация, которая начала складываться, по всей вероятности, накануне войны¹⁷. Эта организация, ставившая официально своей основной задачей «помочь развитию Республики», приобрела довольно большое влияние на народные массы переселенцев. Республиканская ассоциация объединяла интеллигенцию, рабочих и мелких буржуа. Большим влиянием пользовались в ней бывшие политические ссыльные.

Главными печатными органами Ассоциации были «La Solidarité», которая приняла подзаголовок «Journal des associations républicaines de l'Algérie», и «Le Colon». Ассоциация имела секции во многих городах Алжира, которые, хотя и были, по-видимому, автономными, нередко получали указания из центра. Большим авторитетом пользовались в Константине и Оране местные ассоциации. В Ассоциации были объединены прудонисты, фурийеры, неоякобинцы и др.

¹⁵ Rapport de La Sicotière, p. 260.

¹⁶ См. М. Н. Машкин. Борьба за Коммуну в Алжире. — «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 89.

¹⁷ Rapport de La Sicotière, p. 46 et suiv.

В городе Алжире в 1867 г. была основана секция Интернационала, о чем сообщалось в письмах из Парижа и Алжира, оглашенных на заседаниях Генсовета Интернационала Г. Юнгом 21 и 28 мая 1867 г.¹⁸ К сожалению, о деятельности секции пока имеются лишь отрывочные сведения. Член Генсовета и секретарь-корреспондент для Франции Э. Дюпон сообщил на заседании Генсовета 4 июня 1867 г., что в связи со стачкой рабочих-портных в Лондоне он обратился с призывом о помощи бастующим к секциям в Париже, Бордо, Лионе и Алжире¹⁹. 20 августа 1867 г. Э. Дюпон сообщил на заседании Генсовета, что в Алжире был напечатан Устав Интернационала²⁰. При обсуждении на заседании Генсовета проекта годового отчета, представленного генеральным секретарем И. Г. Эккариусом в связи с подготовкой Лозаннского конгресса, был отмечен факт основания одного отделения в Алжире наряду с семью отделениями во Франции²¹. В докладе Генсовета Лозаннскому конгрессу 1867 г. в разделе «Франция» было упомянуто об образовании отделения Интернационала в Алжире и указано, что от него, как и от многих других секций во Франции, не поступает денежных взносов²². Руководителем секции Интернационала в Алжире был «администратор Эм. Фейэ», проживавший в Алжире на улице Коммерс, 4, о чем мы узнаем из адресной книжки Поля и Лауры Лафарг за 1868—1870 гг.²³, куда его имя было внесено вместе с именами других руководителей французских секций Интернационала. Однако к этому времени секция в Алжире, по-видимому, уже не действовала, о чем можно судить по протоколу заседания Генсовета 23 июня 1868 г., где было оглашено письмо из Алжира, в котором говорилось, что рабочие в Алжире страдали от конкуренции рабочих, приехавших из Франции. Преследования членов Интернационала в Париже привели к «упадку настроения» членов секции Интернационала в Алжире. В таких условиях все ее члены, за исключением одного, вернулись во Францию²⁴.

Генсовет, видимо, сообщил в Марсель об этих фактах и, в особенности, о конкуренции рабочих Алжира с вновь прибывающими французскими иммигрантами. С этим можно связать оглашение через месяц Г. Юнгом на заседании Генсовета

¹⁸ «The General Council of the First International, 1866—1868». Minutes. Moscow, p. 124—125.

¹⁹ Ibid., p. 128.

²⁰ Ibid., p. 154.

²¹ Ibid., p. 155.

²² Ibid., p. 406. Rapports lus au Congrès ouvrier réuni du 2 au 8 septembre 1867 à Lausanne. Chaux-de-Fonds, 1867.

²³ И. А. Бах. Адресная книжка Поля и Лауры Лафарг за 1868—1870 гг. — «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, стр. 258.

²⁴ «The General Council...», p. 221.

28 июля 1868 г. письма от марсельских членов Интернационала, где сообщалось, что «опубликовано предостережение марсельским каменщикам не ехать в Алжир»²⁵.

Пока не удалось обнаружить сведений о деятельности членов Интернационала в Алжире в 1869—1870 гг., которые бы исходили от них самих. Но эмиграция в Алжир рабочих позволяет предположить, что среди них могли быть члены Интернационала, связанные с марсельскими секциями. Многие марсельские моряки, плававшие в Алжир, примыкали к Интернационалу. В начале 70-х годов алжирские чиновники говорили о членах Интернационала в Алжире и их активном участии в антиправительственном движении (после 4 сентября). Несомненно, в таких заявлениях были большие преувеличения, широко распространенные тогда и объяснявшиеся как страхом перед Коммуной и Интернационалом, так и стремлением «оправдать» репрессии. Но полностью эти заявления отбросить нельзя. Тем более что в конце 1870 г.— начале 1871 г. в Алжире снова действовала секция Интернационала. Андре Бастелика, видный деятель Марсельской федерации, писал из Сен-Реми 12 января 1871 г. Полю Лафаргу: «Я получил письмо из Алжира, где основывается секция Интернационала»,— и сообщал адрес «штукатура гражданина Симонди в Алжире, улица Ровиго 24»²⁶.

Префект Алжира Эло утверждал: «По моему абсолютному убеждению, Интернационал существовал в Алжире... первое появление, первые следы Интернационала относятся ко времени, предшествовавшему 1870 г., Интернационал проявлял себя во время империи. Он распространял [свое влияние] преимущественно среди типографских и строительных рабочих». С этим заявлением Эло можно согласиться, если сопоставить его с фактами печатания Устава Интернационала, внимания к строительным рабочим в Алжире на заседаниях Генсовета и с сообщением об активисте Интернационала — штукатуре. Но одновременно с этим Эло говорил о том, что после свержения Империи «Интернационал... имел представителей во всех предосудительных ассоциациях этой эпохи и стремился осуществить слияние обществ, желая их всех присоединить к себе». И хотя Эло выражал сомнение, что «Интернационалу удалось добиться эффективных результатов»²⁷, его заключения о деятельности Интернационала сильно преувеличены. Совсем уже неправдоподобно заявление губернатора Алжира Гейдона, что «Интернационал господствовал в Алжире»²⁸.

Префект Эло утверждал, что в Алжире «клубы были очагами Интернационала», а «Республиканская ассоциация была от-

²⁵ «The General Council...», p. 230.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5602.

²⁷ Rapport de La Sicotière, p. 336.

²⁸ Ibid., p. 307.

ветвлением Интернационала и Революции»²⁹. Автор отчета, представленного Национальному собранию в 1874 г. о событиях в Алжире, Ля Сикотьер, оговаривая, что «официально имя Интернационала не замешано во внутренних волнениях в Алжире», утверждал, что Республиканская ассоциация «была в связи с Интернационалом, влияние которого не было чуждо внутренним волнениям в Алжире». Ля Сикотьер писал, что «это мнение чиновников, которые по своему положению хорошо осведомлены»³⁰. В нашем распоряжении пока нет материалов секции Интернационала о ее связях с Ассоциацией, но полностью отбрасывать эти утверждения о связях членов Интернационала, как нам кажется, нет оснований.

Деятельность Интернационала привлекала внимание участников Ассоциации. Один из видных ее активистов, журналист Ж. Тийе высланный в Алжир в 1869 г., направил письмо в газету «Le Réveil» об итогах Базельского конгресса Интернационала³¹. Он писал, что созыв конгресса является выдающимся событием, но заявлял о своем несогласии с важнейшей резолюцией конгресса об упразднении частной собственности на землю.

На примере «коллективизма» арабов и их отсталого строя Тийе пытался доказать превосходство «европейского индивидуализма» в Алжире и приходил к выводу: «конечно, наша современная организация собственности может быть изменена и улучшена...» Тийе писал, что он не в состоянии разрешить эти вопросы, утверждал, что Алжир является «свободным полем» для их изучения, и предлагал послать в Алжир одного или двух делегатов Базельского конгресса с поручением подготовить к следующему конгрессу доклад об этих проблемах.

Александр Ламбер в 1868 г. опубликовал в газете Вермореля «Le Courrier Français» серию «Алжирских писем», где энергично выступал за колонизацию Алжира. А. Ламбер, бывший секретарь Жорж Санд, участник революции 1848 г., высланный в 1851 г. в Алжир, сотрудничал в 60-е годы в ряде алжирских антиправительственных газет. К 4 сентября 1870 г. он являлся редактором газеты «Le Colon» неоякобинского направления, с известным прудонистским оттенком. Благодаря своим организаторским, ораторским и журналистским способностям А. Ламбер быстро выдвинулся на руководящие роли в Республиканской ассоциации, одним из создателей которой он был.

Выступление ряда деятелей Ассоциации показывает что их программа была довольно эклектичной. Наиболее резко они выступали против милитаризма и военного управления, постоян-

²⁹ Ibid., p. 335, 336.

³⁰ Ibid., p. 46.

³¹ «Le Réveil», 27. IX 1869.

ной армии, бонапартистского чиновничества и католической церкви, требовали террора против врагов республики и революции, как в 1793 г. По их настоянию муниципалитет города Алжира вынес постановление, что «Коммуна является первостепенной основой демократии, без Коммуны демократия не является прочной, в то время как хорошо организованная Коммуна создаст республику на непоколебимой основе»³².

Руководители Республиканской ассоциации относились отрицательно к приобретающей все более острый характер борьбе местного населения Алжира против колониального господства. Они не понимали необходимости объединения французских демократов с широкими слоями коренного населения против колониального режима. Зараженные идеями французского национализма, ее руководители по существу отрицали право алжирцев (90% населения) на национальную самостоятельность, настаивая на необходимости «ассимиляции» всех национальностей Алжира. Им даже казалось, что местное население полностью поддерживает демократическое движение колонистов и понимает его цели. Сторонники прудонизма в Алжире не только игнорировали освободительные стремления коренного населения, но и открыто высказывались за экспроприацию земли у местного населения.

Когда 24 октября 1870 г. временно на пост генерал-губернатора был назначен Ж. Л. Вальзен-Эстергази, Ассоциация возглавила кампанию протеста и организовала демонстрации против его приезда в Алжир. В демонстрациях приняли участие вооруженные милиционеры, иностранцы и арабы. Демонстранты захватили дворец генерал-губернатора и принудили Вальзена-Эстергази скрыться на военном корабле и отказаться взять на себя управление Алжиром.

Власть в Алжире оказалась в руках алжирского муниципалитета, советниками которого являлись члены Комитета обороны Алжира. Решающую роль в нем играл мэр Вюйермоз — противник революционных действий. Члены Ассоциации арестовали ряд чиновников, включая командующего жандармерией и полицейского комиссара Алжира, и добились ухода в отставку префекта Алжира Варнье. Временный губернатор Алжира генерал Лихтлен бежал 29 октября из города в морскую крепость. Национальные гвардейцы сделали попытку захватить морскую крепость, но неудачно.

30 октября в Алжире было получено известие о капитуляции армии Базена, что вызвало глубокое негодование европейского населения Алжира; в городах прошли демонстрации с требованиями революционного террора против офицеров-изменников.

³² Rapport de La Sicotière, p. 100—101.

Во всех этих выступлениях иммигрантов руководящая роль принадлежала Республиканской ассоциации. Ассоциация подерживала Южную лигу, в комитет которой входили представители Алжира.

Турская делегация правительства «национальной обороны» удовлетворила ряд требований алжирских колонистов. С октября 1870 г. член делегации Адольф Кремье издал ряд декретов, вводивших в колонии гражданское управление. Алжир, которым отныне управлял гражданский генерал-губернатор, подчинялся министерству внутренних дел. Алжиру предоставлялось право избрать шесть депутатов в Национальное собрание. Префектам подчинялись бригадные генералы. Создавались с участием колонистов Консультативный комитет и Высший правительственный совет при губернаторе. Учреждались суды присяжных — французских граждан и т. д. Было натурализовано 35 тыс. алжирских евреев. Все эти декреты были проникнуты идеей ассимиляции Алжира. Давая ряд преимуществ колонистам, в основном богатым, они игнорировали коренное население Алжира и были основаны на расовой дискриминации.

7 ноября 1870 г. состоялось собрание Республиканской ассоциации в Алжире, в котором приняло участие 600—700 человек. Собрание вынесло постановление об избрании временного гражданского комиссара (губернатора) всеобщим голосованием французских избирателей провинций Алжир, Оран и Константина, которые должны были избрать также по три представителя от каждой провинции для разработки основ конституции Алжира и подготовки созыва Народного собрания Алжира с целью ее утверждения. Вюйермоз был выставлен кандидатом на пост комиссара. Республиканская ассоциация высказывалась за введение диктатуры: диктаторские полномочия предполагалось временно передать гражданскому комиссару.

8 ноября Комитет обороны Алжира и муниципалитет назначили Вюйермоза временным чрезвычайным комиссаром. 9 ноября муниципалитет Алжира принял декрет «Об отделении церкви от Коммуны» и об отмене субсидий религиозным культам и их служителями. На рассмотрение муниципалитета был внесен план введения обязательного и бесплатного обучения, муниципалитет принял также решение об отстранении с 1 февраля 1871 г. от педагогической работы всех членов религиозных конгрегаций и о замене их светскими учителями.

Турская делегация объявила назначение Вюйермоза «актом узурпации» и назначила временным чрезвычайным комиссаром Алжира реакционера Ш. дю Бузе. Республиканская ассоциация развернула широкую кампанию борьбы против дю Бузе.

Республиканская ассоциация уделяла исключительное внимание организации помощи метрополии для продолжения войны под лозунгом борьбы «до последней крайности».

Лидеры Ассоциации во главе с А. Ламбером занимались формированием отрядов гарибальдийцев, которые были направлены во Францию. Ассоциация заявляла о своей поддержке деятельности Гарибальди, этого «героя свободы, борца за Всемирную республику». Ассоциация Константины выбрала его своим почетным председателем³³.

Известия о капитуляции Парижа вызвали новые демонстрации протеста в Алжире. В демонстрациях участвовали даже коренные жители. Обстановка снова накалилась. 8 февраля муниципалитету Алжира удалось по настоянию демократических элементов добиться отставки дю Бузе. На его место правительство назначило Алексиса Ламбера (не смешивать с Александром Ламбером) — умеренного республиканца, колониалиста и демагога.

Республиканская ассоциация приняла активное участие в кампании по выборам депутатов в Национальное собрание Франции. Основными лозунгами во время этой кампании была защита республики от посягательств монархистов и продолжение войны. Провозглашался и лозунг борьбы за «Всемирную республику». Демократы Алжира полагали, что в случае заключения унизительного мира Алжир должен отделиться от Франции, что было развитием довольно широко распространенных там идей об отделении Алжира от Франции при сохранении господствующего положения французских переселенцев. Дж. Гарибальди и Гамбетта прошли большинством голосов. В Оране и Константине были избраны демократы Андриё и Кола, кандидатуры которых были поддержаны секциями Республиканской ассоциации.

Республиканская ассоциация постановила послать в Национальное собрание в качестве наблюдателей своих представителей для помощи депутатам при решении вопросов, касающихся Алжира. На собрании 3 тыс. человек в Алжире 10 февраля 1871 г. делегатами были избраны Александр Ламбер и журналист Луи Кальвенак. Не найдя поддержки в реакционном собрании в Бордо, Ламбер и Кальвенак переехали в Париж. В начале марта Ламбер направил из Парижа письмо Республиканской ассоциации Алжира, в котором сообщал, что «подготавливается новая революция такая же великая, как и революция 1793 г.» Он заявлял, что алжирцы должны «быть в первых рядах борющихся». Призывая к действию, он писал: «...все департаменты Франции рассчитывают на нас». В случае реставрации монархии, указывал он, было бы «лучше отделиться, чем терпеть ее разрушительные последствия». По его словам, «100 тыс. республиканцев готовы покинуть Францию, чтобы поддержать республику в Алжире... Пусть Алжир станет Кадиксом

³³ Rapport de La Sicotière, p. 46.

революции, ее цитаделью, как Кадикс был последним оплотом испанской независимости»³⁴.

Положение трудящихся-переселенцев Алжира продолжало ухудшаться, быстро росло число безработных. Они были готовы к новым выступлениям.

Зимой 1870/71 г. усилилось и недовольство коренного населения Алжира. Декреты А. Кремье вызвали сильное беспокойство алжирцев. Введение судов присяжных, состоявших исключительно из французских граждан, подчиняло алжирцев юрисдикции колонистов.

Декрет от 24 декабря о распространении гражданской администрации на значительной территории алжирских племен лишал феллахов даже призрачных гарантий на их землю, открывал широкие возможности для перехода этих земель в руки французов, которые становились, по мнению современников, «господами арабских земель», увеличивал налоги на коренных жителей, сводил на нет еще сохранившиеся во многих районах права джема'а (народных собраний), контролировавших действия кайдов, которые были теперь подчинены только муниципальным советам, состоявшим почти исключительно из колонистов. Эти «республиканские» меры, которых требовали колонисты, поддерживаемые демократами во Франции, на колониальной периферии Алжира усиливали колониальный гнет и носили реакционный характер.

Горе и негодование коренного населения вызвала массовая гибель солдат-мусульман на войне в Европе. Поражение французской армии, установление республики, напряженная политическая борьба во Франции и в Алжире показали как солдатам-алжирцам, так и коренному населению возможность успешного сопротивления поработителям. С начала 1871 г. увеличивается число стихийных выступлений местного населения (сходки, неподчинение властям, вооруженные столкновения, нападения на колонистов, поджоги и т. д.). В ряде районов образовались шертийа (повстанческие комитеты) из 10—12 человек, организовавшие вооруженные выступления алжирцев. Большую роль в подготовке восстания сыграл религиозный мусульманский орден Рахманийя, который, используя религиозные лозунги, по существу являлся своеобразным тайным обществом сопротивления. Этот орден имел большое влияние в провинции Константина и особенно в Кабилии.

В борьбу включаются и солдаты-алжирцы. 22 января 1871 г. солдаты частей спаги в Аин Геттаре (провинция Константина) отказались грузиться на суда для отправки во Францию, выступили вместе с местным населением, атаковали и блокировали Сук Ахрас.

³⁴ Ibid., p. 205.

Очаги восстания возникли в районе Тебессы, Уэд ал-Кебира и т. д. На юге провинции Оран племена Улад Сиди-шейх усилили вооруженную борьбу против колонизаторов. В антиколонизальное движение втягивались и представители феодальной знати, сотрудничавшие раньше с колониальными властями. Размах движения определил их позицию. Крупнейший из феодальных вождей в провинции Константина — башага Меджаны Мохаммад бен хадж Ахмад ал-Мокрани 14 марта 1871 г. выступил с официальным объявлением войны колонизаторам и стал во главе восстания, которое приняло очень широкие размеры. Вооруженные отряды восставших начали наступление на укрепленные пункты, центры колонизации, прервали телеграфную связь.

Глава ордена Рахманийа шейх ал-Хаддад 8 апреля 1871 г. призвал к священной войне против колонизаторов. Обращение ал-Хаддада было с энтузиазмом подхвачено населением, 200 тыс. повстанцев в Кабилии взялись за оружие. Руководители ордена Рахманийа проповедывали укрепление единства в стране между мусульманами, «разорвавшими узы подчинения Франции», и подчеркивали благоприятные условия для восстания, они видели их в том, что «французское правительство находится в критическом положении из-за раздоров во Франции и благодаря абсолютному господству Пруссии, которая после разгрома французских армий силой отнимает у Франции ее богатства»³⁵.

Во многих районах Алжира восставшим противостояли малочисленные отряды французских войск. С сентября 1871 г. основная часть регулярных войск была заменена частями мобильной национальной гвардии, которые не представляли серьезной военной силы. Мобили были «недостаточно обучены для удовлетворительного несения походной службы»³⁶, плохо вооружены и снаряжены.

Среди мобилей было 1200—1500 человек, набранных в Лионе. Весьма вероятно, что они участвовали там в революционных выступлениях. Их прибытие в Алжир привело в ужас местную администрацию, Варнье подчеркивал, что «в Алжире не нуждались в людях, с которыми не знали, что делать в Лионе...» С негодованием он говорил, что мобили из Лиона «сразу после своей выгрузки явились вручить ему решения своих публичных собраний и потребовать помощи... для их осуществления. На мобилей оказывали большое влияние алжирские клубы и печать, призывая их к неповиновению реакционным офицерам. Поэтому «лионских новобранцев,— продолжал Варнье,— этих импровизированных и недисциплинированных солдат... рас-

³⁵ L. Rinn. *Marabouts et Khouans. Étude sur l'Islam en Algérie*. Alger, 1884, p. 478.

³⁶ «L'Etoile», *Journal des dernières nouvelles*, 10. V 1871.

средоточили по передовым постам»³⁷. Командование все время требовало присылки регулярных войск, но в основном в Алжир направлялись части мобилизованных национальных гвардейцев, которые мало отличались от мобилей, а по свидетельству Ля Сикотьера, «представляли еще меньшую гарантию для колонии по сравнению с мобилиями»³⁸. Только после окончания военных действий во Франции в Алжир было направлено 15 тыс. солдат регулярных войск пехоты и 1500 кавалеристов. Благодаря количественному превосходству над французскими войсками восставшие первоначально имели успехи.

Благоприятствовал восставшим и отказ многих мобилизованных и мобильных национальных гвардейцев выступить против них. Газета «*Journal de Toulouse*» в конце марта так описывала эти факты: «Недисциплинированность достигла крайних размеров, и добровольцы, вступившие в армию во время войны, решительно отказывались выступать против арабского восстания»³⁹, в чем, вероятно, известную роль могли сыграть и революционные настроения солдат. В середине марта и начале апреля мобилизованные национальные гвардейцы легионов департаментов Приморские Альпы и Кот-д'Ор отказались выступить против восставших⁴⁰.

Многие мобильные национальные гвардейцы были разоружены коренным населением. Еще 11 марта в «*Times*» сообщалось, что «мобили, посланные в Алжир, были разоружены туземцами, которые стали хозяевами положения».

В марте-апреле восставшие заняли обширную территорию в Кабилии и Митидже. Некоторые центры колонизации Альма (теперь Бу Дуау), Палестро (Локдариа), Бордж-Менаел и др. были взяты; укрепленные пункты Фор-Насьональ (Ларба Нат Ирратен), Деллис, Ал-Милия, Тизи-Узу, Бордж-бу-Арреридж и др. были блокированы. «Эти операции имели своей задачей отобрать у колонистов земли и имущество, которые были ими присвоены»⁴¹.

Определяющим в этом народно-освободительном восстании было участие широких масс алжирцев, боровшихся против колониального господства. Уровень политического развития повстанцев определил то, что в восстании значительную роль играли религиозные лозунги ислама.

³⁷ Rapport de La Sicotière, p. 139, 261.

³⁸ Ibid., p. 139.

³⁹ Цит. по: «*Paris-Journal*», 27.V 1871. Об этом же говорит и Л. Рэнн (*L. Rinn. Histoire de l'insurrection de 1871 en Algérie. Alger, 1891, p. 161—162*).

⁴⁰ Rapport de La Sicotière, p. 156.

⁴¹ J. Lacoste, A. Nouschi, A. Prenant, *L'Algérie. Passé et présent. Paris, 1960, p. 339.*

Участие в восстании ряда представителей местной феодальной знати, преследовавшей и свои узко классовые цели, не могло изменить народного характера восстания.

Восстание коренного населения, в котором приняли участие сотни тысяч алжирцев, решающим образом повлияло на весь ход событий в Алжире, застало врасплох руководителей демократического движения европейских колонистов, полностью игнорировавших необходимость борьбы против колониального гнета, за национальные, политические, социальные и экономические права местного населения. Этот «национальный нигилизм» демократических элементов иммиграции в условиях развертывания освободительной войны алжирского народа не только причинял ущерб алжирцам, но и ослаблял силы самих демократов-иммигрантов.

Делегаты Республиканской ассоциации Алжира приняли активное участие в борьбе Парижа во время Коммуны. 28 марта 1871 г. Александр Ламбер и Кальвенак подписали воззвание от имени «Коммуны Алжира». В этой декларации, опубликованной 29 марта в «*Journal officiel*», они заявляли «от имени своих доверителей» о том, что они «самым решительным образом присоединяются к Парижской Коммуне». Делегаты провозглашали, что «колония, угнетаемая в течение 40 лет двойной централизацией — армии и администрации, уже давно поняла, что полное освобождение Коммуны является для нее единственным средством достигнуть свободы и процветания» и что «весь Алжир требует коммунальных свобод»⁴². Эта декларация встретила интерес и сочувствие в Париже и была перепечатана рядом газет. 3 апреля 1871 г. Александр Ламбер от имени «делегатов Алжира» опубликовал в «*Journal officiel*» заявление, где указывалось, что они получили право говорить от имени алжирского населения, «стремящегося к федерации и коммунальной автономии».

А. Ламбер как делегат Алжира не ограничивался только опубликованием деклараций. Он играл довольно видную роль в новом государственном аппарате, созданном Коммуной. Еще осенью 1870 г. управление Алжиром было передано из военного министерства в министерство внутренних дел. С учетом этого в составе ведомства внутренних дел Коммуны был образован Департамент Алжира и колоний. Он был создан в составе Комиссии общественной безопасности, помещался на площади Бово и руководил им делегат А. Ламбер⁴³. Это был, без сомнения, Александр Ламбер — делегат Республиканской ассоциации Алжира.

⁴² Под воззванием в качестве делегата Алжира поставил свою подпись также Люсьен Рабюель, являвшийся осенью 1870 г. супрефектом г. Мостаганема в провинции Оран.

⁴³ «*Journal officiel*», 8. IV 1871.

А. Ламбер сообщил в «*Journal officiel*» о намерении версальского правительства назначить гражданским губернатором Алжира вице-адмирала графа Гейдона, что было «первой уступкой сторонникам военного режима» в Алжире. А. Ламбер обращался с призывом ко всем алжирцам, находящимся в Париже, сообщить свои адреса в Департамент Алжира и колоний, чтобы можно было их «созвать для обсуждения необходимых мер»⁴⁴.

Комиссия общественной безопасности посылала наряду с Комиссией внешних сношений своих делегатов в провинцию. Вероятно, и Департамент Алжира и колоний также направлял своих эмиссаров в Алжир. Недаром капитан Вийо, в показаниях следственной комиссии Национального собрания, указывал, что «алжирское население примкнуло к руководителям передовой партии и заключило соглашение с организаторами революции 18 марта»⁴⁵. Префект Алжира Эло говорил, что, по его мнению, в различных городах Алжира все было подготовлено к восстанию⁴⁶. По его словам, «существовало полное преступное единомыслие между коммуналистским движением Алжира и тем же движением в Марселе, Лионе и Париже. Все эти центры находились в сношениях». Алжирские власти поэтому приняли все меры, чтобы не допускать в Алжир представителей революционных Коммун Франции. Так, был арестован марсельский журналист Аллан по подозрению в том, что он является эмиссаром руководителя Марсельской коммуны Гастона Кремье⁴⁷.

Довольно хорошая организация почтовой службы Парижской Коммуны позволяет сделать предположение о возможности использования А. Ламбером почты для связи с Алжиром. Необходимо в этой связи указать, что его заявления в газетах Коммуны через несколько дней перепечатывались в алжирской прессе. Нельзя считать случайностью, что именно орган Респуббликанской ассоциации Алжира, одним из лидеров которой был А. Ламбер, по свидетельству Ля Сикотьера, «был в числе тех листков, которые наиболее громко одобряли инсurreкционную Коммуну в Париже»⁴⁸. Одной из причин, побудивших министерство внутренних дел в Версале издать специальный циркуляр о запрещении префектам и мэрам в Алжире выдавать паспорта для поездки в Париж⁴⁹, была, безусловно, боязнь свя-

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Rapport de La Sicotière, p. 290.

⁴⁶ В подтверждение он приводил телеграммы из Алжира и Бона. Из Бона телеграфировали: «Мы готовы действовать, что вы в Алжире делаете?» На что последовал ответ: «Мы готовы и ждем прибытия курьера» (Ibid., p. 335).

⁴⁷ Ibid., p. 125.

⁴⁸ Ibid., p. 46.

⁴⁹ «Le Rappel», 12.V 1871.

зи алжирских демократов с Коммуной. Но связи эти были явно недостаточными. Александр Ламбер значительно большее внимание уделял своей другой обязанности: с 18 марта он занимался вопросами печати, был начальником отдела печати⁵⁰, который входил в состав Комиссии общественной безопасности⁵¹. Он ведал контролем над прессой, отдел печати за подписью А. Ламбера составлял ежедневные обзоры парижской и департаментской печати для Коммуны. Он был «специально уполномочен редактировать коммюнике»⁵². А. Ламбер, без сомнения, сыграл известную роль в закрытии и реакционных газет. Его деятельность вызывала ненависть реакции, что было свидетельством активной борьбы А. Ламбера с врагами Коммуны.

Если Ламбер основное внимание уделил деятельности в Комиссии общественной безопасности, то его коллеги Л. Кальвенак и Л. Рабюель играли довольно видную роль в Республиканском союзе департаментов. В конце апреля 1871 г. оба они были избраны на собрании 6 тыс. делегатов жителей Парижа — уроженцев провинции в Исполнительную комиссию союза.

Александр Ламбер, работая в Комиссии общественной безопасности, продолжал придерживаться своих прежних взглядов на алжирский вопрос. Об этом свидетельствует его письмо как «делегата, избранного городом Алжиром», от 1 мая 1871 г., где он, опровергая заявление реакционной печати, утверждавшей, что восстание коренного населения является «делом рук многочисленных друзей... Коммуны» в Алжире, указывал, что все алжирские колонисты хотят для себя и Франции Коммуны, что «все... [они] заинтересованы в поддержании порядка и спокойствия среди туземцев, и этой цели будет легко достичь путем установления Коммуны со всеми сопутствующими ей свободами»⁵³.

Как мы видим, Александр Ламбер не понимал основного вопроса алжирского революционного движения — необходимости поддерживать освободительную борьбу коренного населения против французского колониального господства. Совершенно ошибочной была его характеристика алжирских колонистов как однородной массы, желавшей установления Коммуны. Следует признать, что и видные деятели Парижской Коммуны не смогли подняться до выступления против колониального угнетения Алжира, у нас нет данных о том, чтобы этот вопрос обсуждался в таком плане на заседаниях революционных клубов.

Ни в одной газете Парижской Коммуны не появилось статей в поддержку борьбы коренного населения Алжира, наобо-

⁵⁰ «Journal officiel», 4. V 1871.

⁵¹ Rapport de La Sicotière, p. 205.

⁵² Ibidem.

⁵³ «Journal officiel», 3. V 1871.

рот, газеты, принадлежавшие к основным направлениям Парижской Коммуны, выражали свое беспокойство в связи с размахом восстания алжирцев, эти газеты нападали на версальское правительство за то, что оно «не может защитить нашу колонию»⁵⁴, объявляли Тьера ответственным за «потерю владений Франции», которая явилась следствием отправки войск из Алжира, что и «разоружило Алжир, предав его арабскому бунту»⁵⁵. Алжирский вопрос в газетах продолжал рассматриваться с точки зрения французских колонистов.

В «*Journal officiel*» помещались подробные официальные сообщения военных властей в Алжире о ходе восстания и о борьбе с ним французских войск⁵⁶.

Среди федератов было много солдат, унтер-офицеров, а иногда и офицеров французской армии, принимавших участие в военных действиях в Алжире или в других колониальных войнах, они часто становились офицерами национальной гвардии. Военный делегат Коммуны Г. Кюзере после Крымской войны служил в африканской армии, был офицером в «арабских бюро», к чему он готовился еще в 40-х годах, изучая арабский язык, он даже представил специальный доклад об эксплуатации труда коренного населения Алжира⁵⁷. В июле 1858 г. он вышел в отставку и пытался заниматься сельским хозяйством в Алжире, управлял там фермой, в 1859 г. безуспешно добивался назначения его гражданским комиссаром в Алжире.

Некоторые коммунары были высланы в Алжир во время Второй империи. Так, член Интернационала и Коммуны Мио после 2 декабря 1851 г. был арестован и сослан в Алжир, где находился до октября 1860 г. Несомненно, у него могли сохраниться связи с алжирскими республиканцами. Редакторы газет Коммуны также имели связи с алжирскими республиканцами. Среди борцов Коммуны были уроженцы Алжира и колоний⁵⁸. Были среди коммунаров и люди, жившие в Алжире в течение длительного времени, например директор Консерватории во время Коммуны композитор Франческо Сальвадор (или Сальвадор-Даниэль). В 1853—1865 гг. он жил в Алжире, где изучал арабский язык, серьезно занимался арабской музыкой и в 1863 г. издал о ней книгу в Алжире. После возвращения в Париж Сальвадор сохранил свои связи в культурных кругах Алжира.

⁵⁴ «*L'Ami du Peuple*», 29. IV 1871.

⁵⁵ «*Le Vengeur*», 25. IV 1871.

⁵⁶ «*Journal officiel*», 30. IV 1871.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 242, оп. 1. Cluseret. «*Du travail indigène*».

⁵⁸ Rapport d'ensemble de M. le général Appert sur les opérations de la justice militaire relatif à l'insurrection de 1871. Versailles, 1875, p. 263.

Все это не могло не сказаться на отношении многих коммунаров к положению в Алжире. Они рассматривали Алжир как владение, которое должно сохраниться за Францией.

Подобное отношение не ограничивалось одним Алжиром. 31 марта в «*Journal officiel*» было опубликовано сообщение о том, что «вследствие наших последних поражений и царящих во Франции волнений вице-адмирал Потюо [т. е. морской министр версальского правительства.— Авт.] принял решение об эвакуации французской фактории в Ассини, на западном побережье Африки». Газета подчеркивала, что «оставление является полным и возможно, что англичане не преминут занять наше место в этом пункте». Газета, таким образом, не выступила против французской колониальной экспансии в Тропической Африке, а лишь сожалела, что место французских колонизаторов могут занять английские. Еще более определенно оправдание экспансии Франции выражено в газете «*Le Cri du Peuple*», писавшей, что отозвание из колонии в Версаль батальона морской пехоты «отдало тем самым французскую факторию для английской оккупации»⁵⁹.

Но одновременно раздавались голоса против колониализма. Так, Эли Реклю, директор Национальной библиотеки во время Коммуны, характеризуя тяжелые условия Франкфуртского мира 1871 г. и подчеркивая тяжелые последствия колониальных авантюр, писал в своем «Дневнике» 20 мая 1871 г.: «Ампутация Эльзаса и Лотарингии — это возмездие за Римскую и Мексиканскую экспедиции; мы захватили далеко, очень далеко от Парижа Кохинхину, но близко, очень близко от Парижа мы теряем Мец. Мы разграбили Летний дворец в Пекине, но теперь мы должны заплатить немецким банкирам более пяти миллиардов»⁶⁰.

Колониальный вопрос не принадлежал к числу основных проблем, волновавших борцов Коммуны. Он не обсуждался на заседаниях Коммуны. Парижская революционная печать уделяла ему даже меньше внимания, чем во время Второй империи. Влияние колониализма на французских социалистов и революционных демократов было еще сильным, в особенности в алжирском вопросе. Влияние это сказывалось и на французских трудящихся.

Уже в 1871 г. проявилась известная косвенная взаимозависимость борьбы Парижской Коммуны и восстания коренного населения Алжира. Версальские контрреволюционеры во время военных действий против Парижской Коммуны и подавления народных выступлений во Франции не имели достаточного контингента войск для борьбы с восстанием коренного населения

⁵⁹ «*Le Cri du Peuple*», 1. IV 1871.

⁶⁰ *Elie Reclus. La Commune de Paris au jour le jour*, p. 350,

в Алжире. Вместе с тем восстание в Алжире ослабило лагерь версальской контрреволюции и тем самым оказало поддержку Парижской Коммуне.

С другой стороны, Парижская Коммуна послужила стимулом и для развития новых форм народно-освободительного движения в Алжире. Марокканский общественный деятель Алаал-Фаси, характеризуя различные виды сопротивления коренного населения Алжира французским колонизаторам, говорит о вооруженных восстаниях и распространении в дополнение к ним мирных форм агитации. «Первым из этих движений,— пишет он,— было движение, организованное алжирским интеллигентом Сайидом Мохаммадом ал-Бадави, который воспользовался возможностью, предоставленной Парижской Коммуной... Он создал организацию, которая требовала полноправия для алжирского народа. Деятельность этой организации прекратилась, однако, с гибелью Парижской Коммуны»⁶¹.

Некоторые алжирцы приняли участие и в борьбе Коммуны. 4 сентября 1870 г. в Париж прибыл из Алжира отряд спаги. Один из этих алжирских кавалеристов стал ординарцем Эда, всюду сопровождавшим своего генерала. За темный цвет кожи этого алжирца, говорившего по-арабски, прозвали Негром. Он участвовал в двухдневной обороне 22 и 23 мая батальоном федератов дворца Почетного легиона и в последующих операциях этого отряда федератов. 24 мая на улице Грибоваль он был задержан патрулем версальцев и после допроса тут же расстрелян⁶². У генерала Бержере посыльным был мулат, носивший форму тюркоса⁶³.

Борьба Коммуны воздействовала и на других представителей народов Африки и Азии в Париже. Активно сотрудничал с Коммуной хранитель рукописей в Национальной библиотеке египтянин Анис ал-Биттар, который был уполномочен Э. Вайяном на «специальные работы в отделе рукописей»⁶⁴. Версальскими войсками после вступления в Париж было арестовано 20 африканцев, 5 турок и т. д.⁶⁵

Революция 18 марта в Париже и борьба Коммуны оказали влияние на Алжир. По словам префекта Эло, 18 марта заставило Алжир снова кипеть, возобновились атаки против представителей власти⁶⁶.

⁶¹ *Alal al-Fasi. The Independence Movement in Arab North Africa. Washington, 1954 (transl. from arab.), p. 15.*

⁶² *M. Du. Camp. Les convulsions de Paris, t. II. Paris, 1883, p. 68, 69, 85, 87, 90, 92, 93.*

⁶³ *Ibid., p. 68.*

⁶⁴ «*Journal officiel*», 13. V 1871.

⁶⁵ *Rapport d'ensemble de M. le général Appert..., p. 263.*

⁶⁶ *Rapport de La Scitière, p. 331.*

Коммуналистское движение вступило в новую фазу. Деятельность демократических клубов и Республиканской ассоциации Алжира стала значительно активнее. Демократическая печать выступала с восторженной поддержкой всех мероприятий Парижской Коммуны. В коммуналистское движение в Алжире вовлекались все новые массы переселенческого населения, главным образом пролетариата и мелкой буржуазии.

20 марта европейское население города Алжира находилось в состоянии большого брожения. На собраниях в клубах слышались угрозы по адресу представителей власти. Вечером 26 марта национальные гвардейцы под руководством Флассельера ворвались к префекту и с угрозой потребовали утверждения проекта реорганизации национальной гвардии на демократических началах. Состоявшееся после этого собрание национальных гвардейцев, членов Республиканской ассоциации и различных клубов, «всех членов Интернационала» и всех «наиболее неистовых и передовых», по свидетельству Эло, решило потребовать от чрезвычайного комиссара отставки Эло, в случае же отказа «было решено и чрезвычайного комиссара, и префекта сбросить в море»⁶⁷. Делегаты клубов потребовали также утвердить проект реформы милиции, расформировать опору властей — роты франтирёров, вывести войска из города Алжира. Чрезвычайный комиссар Алексис Ламбер был вынужден принять эти требования и уволить Эло.

В конце марта — начале апреля восстание местного населения в Кабилии и других районах Алжира становилось все более грозным. Значительная часть европейского населения Алжира выступала против версальского правительства, ширилось движение в поддержку Парижской Коммуны.

Командующий флотом в Алжире контр-адмирал Фабр ля Морелль требовал проведения «твердой политики» и приезда генерал-губернатора, облеченного всей полнотой власти. Он писал 2 апреля морскому министру, что «если Коммуна и красный флаг не утвердились еще в Алжире, то единственным препятствием к тому было некоторое число солдат и матросов. Если в Алжире произойдет революция, то арабское восстание станет исключительно серьезным»⁶⁸.

В это время Тьер уже назначил губернатором Алжира своего друга — монархиста вице-адмирала графа Гейдона, бывшего при Второй империи губернатором Мартиники. Это назначение еще более обострило обстановку в Алжире. Умеренные республиканцы во главе с Алексисом Ламбером, пытавшимся путем отдельных уступок приостановить рост коммуналистского движения, сделали попытку протестовать против восстановления

⁶⁷ Rapport de La Sicotière, p. 125, 332.

⁶⁸ Ibid., p. 129.

военного режима, считая, что это может привести к установлению Коммуны, как в Марселе и Лионе.

Демократические элементы Алжира, руководимые Республиканской ассоциацией, развернули активную борьбу против назначения Гейдона. По всем крупным городам Алжира прокатилась волна собраний протеста против политики Тьера. Особенно острый характер носили собрания национальной гвардии, где высказывались за сохранение власти в руках Алексиса Ламбера, протестовали против назначения Гейдона, раздавались призывы и к «установлению федерации с национальной гвардией и героическим населением Парижа», выступали против Версаля.

Наиболее активное сопротивление решению версальского правительства встретило в Орane. 1 апреля 1871 г. собрание национальной гвардии Орана, в котором приняло участие 1000 человек, протестовало против восстановления «военного режима» и приняло программу действий под лозунгом «Да здравствует республика, да здравствует национальная гвардия Парижа!» Было принято решение о формировании руководящего комитета национальной гвардии Орана по примеру ЦК национальной гвардии Парижа. Горячему обсуждению подвергся вопрос о реорганизации национальной гвардии и о перевыборах офицеров. Собрание протестовало «против агрессии, предпринятой исполнительной властью против героического населения» Парижа.

Резолюции протеста против политики Версаля принимались в Алжире многими муниципалитетами и собраниями национальных гвардейцев. На собрании офицеров национальной гвардии Константины 3 апреля было принято решение, гласившее, что после провала всех мирных демонстраций они «скорее выступят с оружием в руках в борьбе за свои права, чем признают власть тех, кто представляет режим, осужденный на смерть опытом 40 лет».

8 апреля созданное Республиканской ассоциацией собрание в Алжире, где участвовало 2 тыс. человек, выразило протест против назначения Гейдона и потребовало упразднения должности генерал-губернатора. Обеспокоенное размахом восстания местного населения собрание вынесло решение провести расследование причин этого восстания. Но даже в такой решительный момент члены Республиканской ассоциации не смогли понять справедливости требований алжирцев.

Между тем значительные отряды алжирцев приближались к Алжиру. Успехи восставших алжирцев вызывали колебания среди национальной гвардии. Многие иммигранты были обеспокоены перспективами освобождения алжирцев от колониального гнета, опасаясь, что это ударит по материальной базе французских колонистов в деревне и городе. Этим и восполь-

зовались власти, чтобы под предлогом «защиты Алжира» избавиться от радикально настроенной национальной гвардии и отправить ее против восставшего местного населения.

Отправка национальной гвардии на борьбу с восставшим местным населением лишила алжирских демократов их вооруженной силы. Поэтому попытка Республиканской ассоциации не допустить высадки Гейдона оказалась безуспешной, и 10 апреля новый губернатор прибыл в Алжир. Версальским правительством были к этому времени направлены в Алжир войска. Гейдон немедленно приступил к подавлению коммуналистского движения. Первым его мероприятием было подчинение национальной гвардии генералу Лаллеману и восстановление в ней прежних порядков. Началась чистка национальной гвардии. Были распущены муниципальные советы Алжира и ряда других городов, в городе Алжире было введено осадное положение. Предпринимались меры по пресечению всяких антиправительственных выступлений. Полиция получила права, которыми она обладала во время империи. Префект Алжира Эло был восстановлен в должности.

Мероприятия губернатора вызвали протест со стороны демократов как в печати, так и на собраниях различных клубов. Волнения в ряде городов не утихали. Героическая защита Парижа продолжала оказывать влияние на борьбу в Алжире.

1 мая 1871 г. муниципальный совет Орана, где, как было указано, Парижская Коммуна встречала наиболее активную поддержку, «присоединился к программе Парижской Коммуны, изложенной в обращении к французскому народу», об этом было сообщено письмом в Париж, полученным в «*Journal officiel*» Коммуны⁶⁹. 2 мая в городе Мильяна состоялось собрание национальной гвардии под лозунгом «Да здравствует Париж, долой Версаль!»⁷⁰. Напряженное положение в Константине заставило ее префекта 16 мая обратиться к населению с воззванием, полным тревоги и угроз, где говорилось: «Обращения с призывами к мятежу вывешены в городе... Малейшая демонстрация, угрожающая общественному порядку, вызовет введение осадного положения»⁷¹.

Сила в это время уже была на стороне властей, которые, опираясь на значительные контингенты войск, пользовались всеми средствами для подавления коммуналистского движения. Поэтому все эти выступления потерпели неудачу.

В отдельных случаях национальные гвардейцы уклонялись от участия в боях с восставшими. В районе Сетифа были демобилизованы национальные гвардейцы из Филиппвилья и часть из них арестована за то, что они оставили свои посты. В на-

⁶⁹ «*Journal officiel*», 10. V 1871.

⁷⁰ *Rapport de La Sicotière*, p. 124.

⁷¹ *Ibid.*, p. 125.

чале июня часть национальных гвардейцев гарнизона Уэд-Дехеба также оставила свои позиции, отказавшись сражаться с восставшими⁷². Однако основная масса национальных гвардейцев участвовала в подавлении восстания. Вся алжирская печать настаивала на скорейшем подавлении восстания. В ряде случаев национальные гвардейцы проявляли при этом особую жестокость. В подобных условиях многие колонисты из страха перед восстанием стали отходить от демократического движения.

Введение осадного положения в Алжире и другие меры властей по подавлению демократического движения все более затрудняли деятельность Республиканской ассоциации. В изменившейся обстановке она была уже не в состоянии играть активную роль. Все большее значение приобретали в ней примиренчески настроенные элементы, а наиболее энергичный ее лидер Александр Ламбер находился в Париже. Разложение в ее рядах и террор властей привели к тому, что вскоре Ассоциация не смогла продолжать активную борьбу. Есть сообщение о последнем собрании Ассоциации Орана 16 мая 1871 г. Собрание Ассоциации Алжира, назначенное, несмотря на осадное положение, на конец мая 1871 г., не состоялось, так как явилось лишь незначительное число ее членов. О дальнейшей деятельности Республиканской ассоциации нет сведений, по-видимому, после победы Версаля она распалась, а ее руководитель Александр Ламбер, участвовавший в боях в Париже, был расстрелян версальцами во время кровавой «майской недели».

В условиях наступления реакции прекращается издание и ряда демократических газет. Однако и в дальнейшем некоторые радикально-демократические органы печати продолжали выступать против правительства Тьера. 31 мая 1871 г. газета «Courrier de Bône» осудила террор версальцев: «С волнением следили мы за сопротивлением, которое парижане оказывали ретроградной власти и палате, где доминируют реакционные настроения и доктрины сутаны. Победенный Париж — это потрясение республики, это — торжество реакции»⁷³.

Газета «La Commune» в Оране в конце 1871 г. выступила с требованием роспуска реакционного Национального собрания. Она продолжала информировать в специальном разделе «Бюллетень рабочего движения» о движении пролетариата во Франции и других странах, «сообщала об ужасах [версальского террора.— Авт.], следила с одинаковым интересом как за процессами скромных федератов, так и за дебатами по делу Журда или Рошфора»⁷⁴. И в последующее время среди иммигрантов

⁷² Ibid., p. 158.

⁷³ G. Sers-Gal. La presse algérienne de 1870 à 1900.— «Revue africaine», Alger, 1959, t. CIII, p. 94.

⁷⁴ Ibid., p. 94—95.

в Алжире распространялись, несмотря на запрет властей, социалистические брошюры, изданные в Брюсселе, Цюрихе и Женеве. Велик был интерес к истории борьбы Парижской Коммуны, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что литература коммунаров находила многих читателей. Так, только «социалистической книготорговой фирме в Брюсселе удавалось направлять большие партии [книг], до 700 томов в один раз; «Политическая и парламентская история Парижской Коммуны» (вероятно, А. Арну.—*Авт.*) прибывала в Алжир... невинно прикрываясь безобидными или назидательными названиями, вроде «Французский бокс», «Страхование жизни», «Руководство для доброго христианина»»⁷⁵.

Коммуналистское движение в Алжире имело много общих черт с коммуналистским движением во французской провинции. В самый напряженный момент, когда Парижская Коммуна больше всего нуждалась в активной поддержке, движение иммигрантов в Алжире не выходило, как и во французской провинции, за пределы демонстраций, собраний, митингов, посылки телеграмм и протестов.

Тем не менее кампания протеста против действий версальского правительства и в защиту Парижской Коммуны приняла в Алжире широкие масштабы, члены Ассоциации горячо приветствовали Парижскую Коммуну, что надо, несомненно, поставить в заслугу алжирским демократам, возглавляемым Республиканской ассоциацией Алжира.

Коренная недооценка национального вопроса была причиной того, что Ассоциация почти не проводила работу среди местного населения. В игнорировании народно-освободительного движения коренного населения надо видеть основную причину поражения коммуналистского движения в Алжире в 1871 г.

После падения Коммуны в Париже в Алжир перебрасывается значительный контингент войск для подавления восстания коренного населения. Гейдон получил инструкции Тьера действовать в Алжире так же, как против Коммуны.

К этому времени восстание охватило почти всю провинцию Константину, ряд районов провинций Алжир и Оран. Восставшие продолжали занимать и блокировать ряд центров. В мае было осаждено Бужи, в июне — Джджели, в июле и августе 1871 г. — Шершель. Отсутствие единого руководящего центра у восставших позволило поодиночке подавить отдельные племена. В пятидневном сражении за Бу-Талеб (7—12 октября 1871 г.) были разбиты последние значительные силы восставших. Однако брат Мохаммада ал-Мокрани Бумезраг ал-Мокрани со своими отрядами отступил в Сахару. Только в январе 1872 г.

⁷⁵ G. Sers-Gal. La presse algérienne de 1870 à 1900, p. 96.

французские войска смогли захватить последние опорные пункты восставших в сахарских оазисах Туггурте и Уаргле.

Таким образом, несмотря на участие в подавлении восстания хорошо вооруженных и обученных французских войск и невероятные жестокости, проявленные карателями, сражавшимися против плохо вооруженных алжирцев, восстание продолжалось десять месяцев. Французские колонизаторы использовали поражение восстания для дальнейшего ограбления и закабаления коренного населения. Местное алжирское население, в том числе и не принимавшее участия в восстании, должно было уплатить 36,5 млн. франков контрибуции. Начиная с мая 1871 г. в Кабилии было конфисковано 500 тыс. га лучших земель. Большая часть отобранной земли была передана колонизаторам. Многие участники восстания, уцелевшие во время карательных экспедиций, были отданы под суд и сосланы на каторгу. В Кабилии были ликвидированы остатки общинного самоуправления⁷⁶.

Восстание 1871 г. явилось крупнейшим народным восстанием в Алжире после окончания освободительной войны, проходившей под руководством Абд ал-Кадира. Широкое участие народных масс сделало восстание подлинно народным. Память об этом восстании, об успехах восставших, показавших реальную возможность борьбы с колонизаторами, навсегда осталась в памяти народа. Кабийский фольклор сохранил много сказаний об этом восстании. В национально-освободительном движении алжирского народа традиции восстания 1871 г. играют заметную роль.

⁷⁶ См. А. *Nouschi*. Enquête sur le niveau de la vie des populations rurales constantinoises, de la conquête jusqu'en 1919. Essai d'histoire économique et sociale. Paris, 1961; *Ch.-R. Ageron*. Les algériens musulmans et la France (1871—1919), t. I. Paris, 1968; *Ch.-A. Julien*. Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris, 1967.

* МАЙСКАЯ «КРОВАВАЯ НЕДЕЛЯ»

Ночью 21 мая Делеклюз в качестве делегата при военном министерстве обратился к населению Парижа и к национальной гвардии с воззванием, подписанным также четырьмя членами Комитета общественного спасения и призывавшим к борьбе с оружием в руках, но без централизованного руководства. «Довольно милитаризма, довольно штабных военных с нашивками и позолотой на всех швах. Место народу, бойцам с голыми руками!.. Народ ничего не понимает в искусных маневрах, но, имея ружье в руках и мостовую под ногами, он не боится никаких стратегов монархической школы»¹. Это обращение, призывавшее к уличной баррикадной борьбе, утром 22 мая было расклеено на улицах Парижа.

То обстоятельство, что высшая власть в лице военного делегата и Комитета общественного спасения возводила в систему отказ от дисциплины, от организованной борьбы, направляемой из единого центра, привело к самым отрицательным последствиям. Вместо того чтобы направиться в наиболее угрожаемые районы и сосредоточенными усилиями остановить врага, многие батальоны по собственному почину устремились в свои кварталы с целью именно там возвести баррикады и преградить путь противнику. Вследствие этого баррикады часто воздвигались не там, где они были особенно нужны. К моменту наступления версальцев внутри города были построены баррикады у ворот Бино, Аньера и на Итальянском бульваре, два редута на площади Согласия и на улице Кастильоне, ров на Трокадеро и другой ров на улице Руаяль. Коммунарам пришлось наспех, без какого-либо общего плана, возводить укрепления, которые подвергались нападению версальцев еще в процессе их сооружения. Баррикады, построенные в майские дни,

¹ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. II. М., 1960, стр. 390.

представляли собой обычно груды камней и песка в рост человека. Тем не менее два десятка бойцов, засевших за этими укреплениями, имея лишь пушку или митральезу, останавливали иногда целые полки. Другой более редкий тип баррикад (например, на улице Риволи) — это солидные каменные сооружения, построенные специалистами-каменщиками, толщиной в несколько метров и высотой в шесть метров; впереди находился ров; эти баррикады имели амбразуры. Такого же типа укрепления, но в виде редутов были возведены на площади Согласия (редут Сен-Флорантен). Общее число баррикад достигало почти 600.

«Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне», — писал Энгельс 14 января 1872 г. итальянскому публицисту К. Терцаги². Этот вывод Энгельса подтверждается ходом вооруженной борьбы коммунаров в дни «майской недели». Борьба носила в значительной мере распыленный, разрозненный характер.

22 мая Коммуна постановила разослать своих членов по округам с целью ускорить там постройку баррикад. На заседании утром этого дня было принято решение оставить в Ратуше Комитет общественного спасения, Военную комиссию и военного делегата. Централизовать отпор версальцам в масштабе всего Парижа не удалось. И все же в ряде пунктов сопротивление коммунаров носило организованный характер, особенно там, где командовали такие выдающиеся военачальники, как Домбровский, Врублевский, Брюнель.

Отступление коммунаров под натиском версальцев началось 22 мая в 5 часов утра. Подошедший во главе своего IX легиона полковник Брюнель получил приказ оборонять площадь Согласия, важнейший подступ к Ратуше. Эти силы образовали центр оборонительного расположения коммунаров. Впереди позиций, занятых Брюнелем, группы коммунаров пытались укрепить баррикадами квартал севернее Сены.

Днем 22 мая и в ночь на 23 мая группы коммунаров спустились из кварталов рабочих предместий в центральные кварталы Парижа и построили здесь баррикады. Монмартр до 22 мая включительно оставался неукрепленным. У входов на внешние бульвары постройку нескольких баррикад только начали. На площади Бастилии и на внутренних бульварах возводились баррикады, дети помогали взрослым.

Южнее Сены также строились баррикады. Так, 22 мая и в последующие дни была создана довольно глубокая система оборонительных сооружений. Слабой стороной их было то, что версальцы могли легко обойти их через соседние кварталы, а главное, отсутствие сочетания баррикад с обороной господство-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 317.

вавших над районом зданий, которые обычно оставлялись коммунарами незанятыми. Версальцы захватывали эти здания и с крыш обстреливали защитников баррикад, нанося им большие потери.

Утром 22 мая версальцы занимали западные аристократические кварталы Парижа, где встречали весьма слабое сопротивление коммунаров. В город вошло уже 11 версальских дивизий. Три версальских корпуса наступали против слабых распыленных сил Домбровского, в полосе шириной не более 3 км наступало семь пехотных дивизий. На южном берегу Сены вели наступление три версальские дивизии. Этой лавине дивизий коммунары могли противопоставить только распыленные усилия немногочисленных отрядов. Коммунары, начиная от рядового бойца и кончая членом Коммуны, героически исполняли свой революционный долг. Но они оказались недостаточно подготовленными к отпору врагу. В ночь на 22 мая версальцы захватывали баррикады и батареи коммунаров большей частью совершенно внезапно для них. И только утром 22 мая, когда версальцы возобновили наступление, коммунары смогли оказать им более организованное сопротивление: они открыли огонь батареями с высот Монмартра и с площади Согласия — Тюильри. Версальцы встретили яростный отпор со стороны коммунаров Батиньоля, засевших на баррикадах, усиленных артиллерией, в районе ворот Дофины, Терн и Аньер. Но, несмотря на проявленный коммунарами героизм, их сопротивление было сломлено комбинированным ударом с юга, юго-востока и с севера. Коммунары развернули массовое строительство баррикад. Над их сооружением с энтузиазмом работали мужчины, женщины и даже дети. Мостовые были всюду вскопаны. Десятки тысяч пролетариев Парижа, работая и неся боевую службу на баррикадах, находились на ногах всю ночь с 22 на 23 мая.

На рассвете 23 мая в 4 часа началось ожесточенное сражение. Версальцы ввели в дело четыре корпуса численностью в 90 тыс. бойцов. Баррикады авеню Клиши остановили продвижение версальцев. Эти баррикады защищала горсть коммунаров в 50 человек. Укрывшись за плохо построенными насыпями, они отбивались за недостатком патронов обломками железа и камнями. Только тогда, когда все эти «боеприпасы» были израсходованы, они отошли. Через ворота Сент-Уэн ворвалась версальская дивизия, прошедшая через нейтральную зону. После пятичасового боя защитники Батиньоля, зажатые со всех сторон версальцами, отошли к Монмартру под прикрытия его батарей. Но эти батареи молчали: выяснилось, что мощная артиллерия, установленная на высотах Монмартра, была в большей своей части испорчена предателями из числа артиллеристов.

Делегатам Коммуны, прибывшим на Монмартр в ночь на 23 мая, удалось собрать всего 200—300 человек. Отборные вой-

ска версальцев атаковали Монмартр. Бой шел в течение трех часов. Стойкое сопротивление версальцы встретили на баррикадах площади Бланш со стороны батальона женщин под командой Л. Мишель и Е. Дмитриевой, проявивших чудеса революционной доблести. Отступив с площади Бланш, этот батальон, в котором было всего 120 человек, отошел на 500 м на площадь Пигаль, где продолжал героически драться с версальцами, удерживая их здесь до 12 часов. Батальон коммунаров сражался и в последующие дни. Упорные бои шли также на бульварах, на авеню Трюден, на Монмартрском кладбище, где версальцев сдерживали кучки храбрецов. В 13 часов 23 мая пали укрепленные высоты Монмартра, владея которыми, коммунары господствовали над всем Парижем.

Домбровский отправился в сопровождении горстки людей из своего штаба из центра на северные позиции в окрестности Монмартра. На площади Мирра он был смертельно ранен. Версальцы занялись уничтожением коммунаров, удерживавших населенные пункты вне оборонительной линии Парижа: Нёйи, Левалуа-Перре, Клиши и Сент-Уэн. В руки версальцев попали расположенные здесь батареи коммунаров (всего до 105 орудий) и много пленных. Версальцы учинили над ними кровавую расправу.

Версальские войска, спустившись с Монмартрских высот, продолжали наступление, которому коммунары противопоставили упорное, но мало организованное сопротивление. За целый день 23 мая версальцы продвинулись в центре менее чем на один километр.

Одним из самых ярких эпизодов была оборона площади Согласия легионом полковника Брюнеля, который с несколькими сотнями смельчаков, невзирая на яростные атаки версальцев, держал оборону в продолжение 50 часов.

На левом берегу Сены 23 мая в течение всего дня происходили упорные, кровопролитные баррикадные бои коммунаров под руководством Варлена. Отряды Варлена, обойденные с обоих флангов, под угрозой удара с тыла вынуждены были в ночь на 24 мая оставить все свои баррикады в кварталах Обсерватории и отойти под прикрытием пожаров. В ночь с 23 на 24 мая в руках версальцев находилось почти 9 важнейших округов Парижа из 20 (часть I и IX, полностью VII, VIII, XIV, XV, XVI, XVII и XVIII округа).

За время боев 21—23 мая коммунары понесли чрезвычайно тяжелые потери. Не считая убитых и раненых, они потеряли 5—6 тыс. пленных, около 500 орудий, боеприпасы, вооружение, снаряжение и продовольствие. Из общего числа потерь версальцев, согласно их официальным данным, преуменьшенным более чем в 2 раза (1 тыс. человек убитых и без вести пропавших и 6,5 тыс. раненых), на 21—23 мая приходи-

лось, видимо, не менее половины, так как в эти дни шли наиболее интенсивные бои.

К вечеру 23 мая стало ясно, что полный военный разгром Коммуны близок. Этот поворотный момент в борьбе явился началом систематического массового истребления пролетариев Парижа.

В ночь на 24 мая Париж представлял собой страшную картину. Пожары и непрерывно сопутствовавшие им взрывы охватили весь центр города по обоим берегам Сены и улицы в южной части города, разделив обе враждующие стороны огненной стеной. Версальцы лишены были возможности преследовать отходивших коммунаров. Пожары стали единственным средством для коммунаров избежать полного окружения и уничтожения в течение наступающего дня (24 мая), своеобразной службой оперативного заграждения и вместе с тем эффективной дымовой завесой.

Однако эти пожары были использованы версальцами как предлог для обвинения коммунаров в намерении сжечь весь Париж и для жестокой расправы с трудящимися Парижа.

«Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова,— писал Маркс,— она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман специально приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, применяли гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны... Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных»³.

В ночь на 24 мая была расстреляна группа reactionеров, содержавшихся в тюрьмах в качестве заложников: архиепископ Дарбуа, председатель кассационной палаты Бонжан и четыре священника. Они были расстреляны в ответ на беспощадный террор версальской военщины. Днем раньше по приказу Ригу, прокурора Коммуны, были казнены бывший заместитель мэра Парижа Шодэ и три солдата республиканской гвардии, арестованные ранее властями Коммуны.

Чтобы парализовать эффективные действия речной флотилии коммунаров, сильно препятствовавшей в течение 23 мая продвижению версальцев вдоль Сены, версальское правительство добилось согласия германского командования на пропуск 24 мая пяти версальских канонерок вверх по Сене через район, занятый германскими войсками, во внутреннюю часть города.

Сражение с утра 24 приняло исключительно ожесточенный характер. Бои сконцентрировались вокруг Ратуши. Коммунары упорно удерживали подступы к ней. Ежеминутно ожидая зах-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 362—363.

вата Ратуши, собрание группы членов Коммуны приняло 24 мая в 10 часов решение немедленно эвакуироваться в восточные предместья Парижа. Штаб Коммуны был перенесен в мэрию XI округа; после этого Ратуша была подожжена. Однако на баррикадах, пересекающих Сен-Жерменский квартал, коммунары все же упорно сопротивлялись версальцам, вследствие чего район Ратуши оказался в руках версальцев только в 21 час 24 мая.

Южнее Сены ситуация складывалась еще более неудачно для коммунаров. Упорно теснимые версальцами, они были отброшены к востоку.

Коммунары отошли на позиции по линии: Винные склады — площадь Италии (площадь Жанны д'Арк) — Бют-О'Кэй, где вокруг Врублевского сплотилось несколько тысяч коммунаров. Врублевский укрепил центр своей позиции артиллерией, а на флангах ее расположил стрелков. Связь с правым берегом Сены была обеспечена сильными баррикадами у Аустерлицкого моста и на площади Италии.

Резкое ухудшение положения коммунаров в этот день усилило капитулянтские настроения среди неустойчивых элементов в ЦК национальной гвардии. 24 мая он опубликовал заявление, в котором указывал, что всегда был противником гражданской войны, и выдвигал следующие условия для прекращения вооруженной борьбы:

- 1) роспуск Национального собрания;
- 2) роспуск Парижской Коммуны;
- 3) вывод версальской армии из Парижа и ее отвод на расстояние 25 км от города;
- 4) передача власти в стране Временному правительству, составленному из делегатов от крупных городов, избрание Учредительного собрания и новой Коммуны в Париже;
- 5) неприкосновенность всех членов бывшего Национального собрания и бывшей Коммуны⁴.

Эта соглашательская программа оказалась неприемлемой ни для одной из борющихся сторон.

К 25 мая войска Коммуны были вытеснены из всех буржуазных и аристократических кварталов и коммунары сосредоточили остатки своих сил в рабочих кварталах. Коммуна буквально истекала кровью, теряя лучших бойцов на баррикадах. Число одних только пленных достигало к этому времени, по официальным версальским данным, 12 тыс. человек, что составляло большую часть активных бойцов, которыми Коммуна располагала на фронте 20—21 мая.

⁴ «Journal officiel», 24. V 1871.

К утру 25 мая опорными оборонительными районами коммунаров, вокруг которых должна была завязаться ожесточенная борьба, были площади Ротонд-Ла-Виллет, Шато-д'О, Бастилии, Ботанический сад и Аустерлицкий мост — пункт стыка северной и южной групп коммунаров; наконец, баррикады на площади Италии. Оборона группировалась, таким образом, вокруг своего центра — мэрии XI округа — последнего убежища правительства Коммуны. Сюда собирались бойцы разбитых батальонов и здесь же организовывались новые силы.

Всю ночь на 25 мая при свете пожаров с обеих сторон шла ожесточенная артиллерийская канонада. В 6 часов утра 25 мая версальцы возобновили наступление на всем фронте. На крайнем северном фланге коммунары в течение 25 мая сдерживали наступление версальцев.

На площади Шато-д'О, где коммунарами были возведены мощные баррикады при выходах на площадь всех семи широких улиц, бой принял затяжной и ожесточенный характер. Версальцы столкнулись здесь с наиболее самоотверженными бойцами Коммуны из остатков боевых частей рабочих предместий Батиньоля и Монмартра, собравшихся в поисках удобного для обороны опорного пункта. Только с наступлением темноты согласованные усилия версальцев увенчались успехом.

Отряд Врублевского с 24 мая выдерживал на своих позициях за рекой Бьевр яростный натиск трех дивизий. В 3 часа 25 мая ввиду угрозы полного окружения Врублевский решил выйти из боя. После 36-часовой обороны доблестный отряд коммунаров в составе тысячи бойцов с артиллерией во главе с Врублевским искусно выполнил отход за Сену.

Одной из важнейших опорных баз Коммуны был Бельвиль. Руководящую роль в обороне этой пролетарской твердыни играл Ранвье. 25 мая за его подписью и подписями членов Коммуны Бержере, Виара, Тренке было опубликовано обращение к жителям соседнего XX округа (Менильмонтана), призывавшее поддерживать бельвильцев. «Грозная опасность, от которой я хочу вас предостеречь, — писал Ранвье, — кроется в отказе национальной гвардии идти вперед под предлогом защиты баррикад в кварталах, которым еще не угрожает неприятель. Не делайте этого; окажите поддержку XIX округу, помогите ему отразить врага; от этого зависит и ваша собственная безопасность и конечная победа. Не ждите, когда Бельвиль будет атакован; тогда, может быть, уже будет поздно. Итак, вперед, и Бельвиль сможет вновь восторжествовать!»⁵.

К концу 25 мая военное положение Коммуны резко ухудшилось. Юг Парижа был потерян; коммунары занимали теперь едва пятую часть Парижа.

⁵ «Les Murailles politiques françaises», t. II. Paris, 1873, p. 576.

Многие члены Коммуны принимали личное участие в баррикадных боях. Четверо суток оставались они на ногах, не отдыхая ни минуты; переходили от одной баррикады к другой, приводили подкрепления, доставляли оружие, орудия, снаряды. Сражаясь на баррикадах бок о бок с рядовыми бойцами, они обнаруживали выдающуюся храбрость.

23—25 мая Коммуна потеряла ряд виднейших своих деятелей: Домбровского, Делеклюза, Вермореля и некоторых других.

26 мая было днем боев, завершившихся потерей коммунарами всех плацдармов в пределах Парижа и открывших доступ версальским войскам в восточные предместья, что знаменовало фактически уже агонию Коммуны.

В этот день в порядке репрессий за массовую расправу версальцев с коммунарами было расстреляно 50 заложников Коммуны, преимущественно жандармов, полицейских и священников (общее число расстрелянных реакционеров составило 64). К концу дня 26 мая уцелевшие группы коммунаров были зажаты версальцами на участке не более 12 км, где и должны были дать последний бой. На высотах Шомона, Бельвиля и Пер-Лашез нашли свое последнее пристанище остатки храбрейших бойцов Коммуны. С утра 27 мая началось последнее решительное сражение окруженных коммунаров с превосходившими их в 20 раз силами версальцев. Центр сопротивления коммунаров был перенесен в мэрию XX округа (ул. Бельвиль). Здесь собралось около 15 членов Коммуны. «Мэрия была переполнена народом, жаждавшим новостей.— рассказывает в своих воспоминаниях находившийся там Вайян.— Однако все эти борцы, которых загнало туда поражение, были все еще по-прежнему воодушевлены духом Коммуны, не было произнесено ни одного слова, которое свидетельствовало бы о слабости или расколе»⁶. В конце дня в мэрии состоялось последнее заседание группы членов Коммуны. На этом заседании «было решено попытаться собрать всех бойцов, каких можно будет найти, для последней атаки... Местом сбора была площадь Празднеств. Но уже вечерело. Пошел дождь, и эта попытка не удалась»⁷.

Однако в других пунктах Парижа вооруженная борьба еще продолжалась.

В руках коммунаров оставались теперь только высоты Бельвиля, часть квартала Менильмонтан и тюрьма Ла-Рокет, т. е. площадь в 1,5—2,5 км, или около 4 кв. км, а вне Парижа и в нейтральной восточной зоне — Венсенский замок (форт), который уже 25 мая был со всех сторон окружен усиленными отрядами германской армии.

⁶ См. «Протоколы...», т. II, стр. 394.

⁷ Там же, стр. 395.

Последним днем Коммуны было 28 мая. В этот день коммунары с исключительным героизмом дрались на баррикадах против версальцев, но, лишенные артиллерии и подвоза патронов, долго продержаться не могли. Борьба шла вокруг отдельных, изолированных один от другого очагов сопротивления.

Версальцы, начав свое последнее наступление 28 мая в 4 часа утра, сомкнули кольцо окружения вокруг коммунаров у ворот Роменвиль. Соединившись здесь, они круто повернули на запад и стали теснить коммунаров с востока, т. е. с тыла, отбрасывая их на войска, преграждавшие обратный путь коммунарам во внутренние кварталы Парижа.

Окруженные и атакованные со всех сторон, героически погибли в первую очередь разрозненные группы коммунаров на баррикадах в районе улиц Сен-Жерве и Де-Буа.

Две версальские бригады, ведя наступление от кладбища Пер-Лашез на северо-запад, встретили упорное сопротивление на баррикадах рабочего квартала Менильмонтан, где собрались неорганизованные остатки различных частей коммунаров общим числом до 2 тыс. человек с артиллерией. Яростная борьба вспыхнула на баррикадах улиц Аксо, Амадье, Тлемсан, Сандрие, Менильмонтан и на площади Пюэбла. Однако последние часы коммунаров уже были сочтены. Около 5 часов утра версальцами взята последняя твердыня коммунаров на юге — тюрьма Ла-Рокет. Отсюда версальцы направились для атаки мэрии XI округа на площади Вольтера и овладели ею.

Выбитые с Бют-Шомон и из северо-восточной части Бельвиля, коммунары организовали оборону в районе церкви и мэрии Бельвиля и в возвышенной части Парижской улицы. Эти сильные баррикады и опорные пункты были взяты версальцами в 10 часов утра. При этом захватили много пленных, над которыми тут же была учинена жестокая расправа. Развивая свой успех в западном направлении и наступая с востока в тыл коммунаров, версальцы атаковали и взяли штурмом последнее убежище коммунаров — больницу Сен-Луи и баррикады по улице Фобур-дю-Тампль.

28 мая в 2 часа дня, а по версальским данным в 3 часа, раздался последний выстрел на баррикаде улицы Рампонно, которую защищал оставшийся неизвестным герой Коммуны.

Убедившись в полной невозможности дальнейшего сопротивления, полковник Фальто, командующий Венсенским фортом, последним убежищем коммунаров вне Парижа, обратился к немецкому военному командованию с предложением сдать форт на условиях свободного выхода гарнизона и предоставления всем желающим иностранных паспортов. В ответ на это кронпринц Саксонский предоставил версальцам полную свободу действий в этой оккупированной немцами зоне: они могли занимать здесь любые позиции и стянуть сюда любое количество войск. Утром

29 мая форт сдался версальцам без всяких условий. Победители увенчали свою победу расстрелом 19 из 24 офицеров Коммуны. В боях на подступах к Парижу погибло не менее 15 тыс. коммунаров, общее же число убитых на баррикадах 21—28 мая составило около 25 тыс. человек⁸.

Париж был отдан в полное распоряжение версальской военщины. Было объявлено осадное положение, город был разделен на четыре района, управление которыми было поручено генералам—палачам Коммуны.

Версальские войска, как в побежденном городе, расположились в полной боевой готовности прямо на улицах под открытым небом. Город был превращен в бойню. Убивали всюду. Каждый офицер и даже сержант имел право судить собственной властью и убивать любого парижанина или парижанку.

* ВЕРСАЛЬСКИЙ ТЕРРОР

Подавление революции 1871 г. сопровождалось невиданной до тех пор в истории нового времени кровавой расправой. Чудовищный террор версальской контрреволюции превзошел по своим масштабам даже дикие жестокости армии Кавеньяка в июне 1848 г.

Массовое уничтожение парижских коммунаров носило систематический характер и осуществлялось на основе заранее разработанного плана. Офицеры главного штаба, непосредственно подчиненные маршалу Мак-Магону, были прикомандированы к подразделениям правительственных войск с поручением производить аресты, допросы и расстрелы. Директивы о массовых расстрелах коммунаров исходили от Тьера. Впоследствии Мак-Магон уверял, что он дал инструкции не расстреливать тех, кто сдает оружие, но, говорил он, эти инструкции были забыты «в ряде мест»⁹.

Чтобы еще больше разжечь ненависть реакционной военщины к трудящимся Парижа, буржуазные газеты всех оттенков печатали погромные статьи, призывая к беспощадным террористическим действиям.

Ворвавшись в Париж, версальская армия стала действовать как огромный карательный отряд. Хватали и расстреливали не только участников Коммуны, но и людей, которые держались в стороне от нее, однако по тем или иным причинам казались «подозрительными». Зачастую людей осуждали на смерть

⁸ «Handbuch für Heer und Flotte», 1912, Bd. IX, S. 704—705.

⁹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. III. Versailles, 1872, p. 26.

за найденное при обыске кепи национального гвардейца, за случайное сходство с кем-либо из деятелей Коммуны, за косой взгляд, брошенный на палачей, за неосторожное замечание по их адресу, расстреливали лиц с польскими фамилиями, расстреливали женщин и даже детей.

В рабочих кварталах подверглись обыску почти все дома. Производила обыски полиция, которой помогали «комитеты чистки», состоявшие из добровольцев-буржуа. Тысячи людей пострадали от доносов соседей, знакомых, людей, сводивших личные счеты, мстивших за пережитый страх. Облавы на коммунаров устраивались даже в катакомбах.

В мэрии V округа были перебиты 12—14-летние мальчики, служившие там курьерами. «Я видел,— рассказывает один очевидец,— как из военного суда вышло шестеро детей, которых вели четверо полицейских. Старшему было на вид лет двенадцать, а самому младшему не было и шести. Бедные дети плакали, проходя через толпу негодяев, кричавших: «Расстрелять их, расстрелять! Иначе из них вырастут инсургенты»...»¹⁰

В зале Шатле заседал «превотальный суд» под председательством полковника Вабра — крупного торговца углем. Другой такой «суд» под председательством капитана Гарсена заседал в Люксембургском дворце. «Допрос» арестованного продолжался четверть минуты: «Вы взялись за оружие? Вы служили Коммуне? Покажите ваши руки». И, не дожидаясь ответа на свои вопросы, судьи выносили приговор, осуждая одних на немедленный расстрел, других — на отправку в лагерь Сатори (близ Версаля).

Более 3 тыс. человек было расстреляно по приговору «суда» в Шатле. Приговоры приводились в исполнение во дворе казармы Лобо.

На кладбище Пер-Лашез было расстреляно около 1600 человек. В тюрьме Ла-Рокет за один день было умерщвлено 1907 человек. На Марсовом поле, в парке Монсо и в Ратуше расстреливали сразу по 50—100 человек. Для ускорения расправы во многих местах применялись митральезы.

Особенно жестоко действовала версальская военщина в рабочих кварталах — Батиньоле, на Монмартре, в Бельвиле. Дикие сцены разыгрывались у дома № 6 по улице Розье, во дворе которого 18 марта были расстреляны генералы Леконт и К. Тома.

В семинарии Сен-Сюльпис, где находился госпиталь с 200 ранеными, отряд версальцев перебил половину раненых и расстрелял начальника госпиталя доктора Фано, пытавшегося спасти своих пациентов. То же происходило и в некоторых других лазаретах.

¹⁰ *C. Pelletan. La semaine de mai. Paris, 1887, p. 24.*

За руководящими деятелями Коммуны была организована настоящая охота. Многие из них были схвачены и расстреляны уже после окончания уличных боев. Одной из жертв бойни на Монмартре стал член ЦК национальной гвардии Левек, по профессии каменщик. Полковник версальской армии, по приказу которого был расстрелян Левек, допрашивая его, не удержался от негодующего восклицания: «Каменщик — и захотел управлять Францией!»¹¹

Столь же откровенно разоблачил классовый характер версальского террора председатель «превотального суда» в Люксембургском дворце при допросе доктора Тони-Муалена, автора социалистической утопии «Париж в 2000 году», бывшего в первые дни Коммуны мэром VI округа. «Вы — один из вождей социализма, один из опаснейших людей, от которых нам нужно избавиться», — с циничной откровенностью заявил ему капитан Гарсен¹². Тони-Муален был расстрелян.

Многие казни совершались с варварской жестокостью, сопровождались пытками и издевательствами. Эжена Варлена, схваченного 28 мая, в течение двух часов водили по улицам Монмартра под улюлюканье обывателей, полицейских и солдат, которые осыпали его ударами и плевками. Избитый до полу-смерти, он уже не мог держаться на ногах и был расстрелян в сидячем положении. Он умер с возгласом: «Да здравствует Коммуна!»

Видный социалистический публицист Ж.-Б. Мильер, депутат Национального собрания, не принимавший непосредственного участия в деятельности Коммуны, но не скрывавший своего сочувствия к ней, был арестован и расстрелян 26 мая по приказу генерала де Сиссэ, командующего 2-м корпусом версальской армии. Ненависть версальцев к Мильеру объяснялась в значительной мере тем, что он опубликовал в феврале 1871 г. ряд документов, разоблачавших мошеннические проделки Ж. Фавра, нажившего путем подлогов большое состояние. Именно это и явилось, как указывает Маркс¹³, главной причиной убийства Мильера. На вопрос Мильера, за что его собираются расстрелять, капитан Гарсен ответил: «Я знаю вас лишь по имени. Я читал некоторые из ваших статей. Вы гадина, которую следует раздавить. Вы ненавидите общество». «О, да. Это общество я ненавижу», — отвечал Мильер. По приказу де Сиссэ Мильер должен был быть расстрелян на ступенях Пантеона, стоя на коленях в позе человека, публично испрашивающего прощение у общества за то «зло», которое он причинил ему. Мильер отказался подчиниться этому варварскому

¹¹ Ibid., p. 63.

¹² Ibid., p. 207.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 323.

приказу; тогда его силой заставили опуститься на колени. Последними словами его были: «Да здравствует Республика! Да здравствует народ! Да здравствует человечество!»¹⁴

Одним из самых жестоких и циничных палачей Коммуны был командир кавалерийской бригады генерал де Галиффе, ярый реакционер и монархист.

Даже заклятые враги Коммуны вынуждены были признать, что осужденные на казнь коммунары умирали с исключительным мужеством.

Сознание правоты своего дела, вера в конечное торжество трудящихся над их угнетателями — вот что поддерживало коммунаров в момент казни, вот что давало им силы переносить все муки, пытки и издевательства, которым подвергали их версальские палачи.

Общее число арестованных при подавлении Коммуны составило 50 тыс.¹⁵ Число расстрелянных в точности не установлено: разные историки приводят различные цифры — от 17 до 35 тыс.¹⁶ Ф. Энгельс в письме к матери от 21 октября 1871 г. писал «о совершенном версальцами убийстве 40 000 мужчин, женщин и детей, *после* того, как у них было отнято оружие...!»¹⁷

К середине июня расстрелы без суда прекратились. Буржуазные газеты, которые незадолго до того призывали к резне, стали кричать теперь: «Довольно!» Дальнейшее нагромождение трупов, которые не всегда успевали хоронить, грозило распространением эпидемических болезней. Началась очистка города от трупов. Экипажи всех сортов были мобилизованы для их перевозки. Тела казненных сбрасывали в наполненные известью рвы, зарывали в общие могилы на кладбищах, сжигали на огромных кострах.

Уцелевших от расстрела ждали тюрьмы и казематы. Условия содержания в них были ужасны: постелью служила гнилая солома (а иногда — голый пол), пищей — грязная вода, вонючая похлебка, горсть гнилых сухарей или заплесневевшая корка хлеба.

Столь же кошмарными были условия на 25 понтонах, куда за три месяца было погружено 20 тыс. человек, а также в фортах на островах близ побережья Франции, где было размещено 7837 человек. На понтонах заключенные помещались в клетках, в которые едва проникал свет. Справа и слева на

¹⁴ C. Pelletan. La semaine de mai, p. 140—148.

¹⁵ G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871, d'après des documents et des souvenirs inédits. Paris, 1928, p. 655.

¹⁶ «La Commune de 1871» sous la direction de J. Bruhat, J. Dautry et E. Tersen. Paris, 1970, p. 289, 297.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 257.

клетки были наведены пушки; часовым был дан приказ стрелять при малейшей жалобе.

Ужасающие условия заключения сделали свое дело: 1179 человек (по официальным, почти вдвое преуменьшенным данным) умерло в тюрьме от различных болезней, развивавшихся вследствие грязи, сырости, недоедания, побоев.

7 августа 1871 г. в Версале перед военным судом предстали в качестве обвиняемых 15 членов Коммуны и 2 члена ЦК национальной гвардии: делегат финансов Журд, делегат внешних сношений Груссе, делегат общественной безопасности Ферре, член Комитета общественного спасения Бийорэ, один из основателей ЦК, Асси, члены Коммуны Вердюр, Курбе, Режер, Тренке, Юрбен и некоторые другие.

Обвинительный акт грубо извращал все революционные действия Коммуны и явно был направлен на то, чтобы затушить политическую сущность процесса и превратить его в уголовное дело о кучке «поджигателей», «воров» и «убийц». Чтобы добиться осуждения обвиняемых, в ход было пущено все, вплоть до лживых свидетелей и фальшивок.

Деятели Коммуны держались на суде с большим достоинством и мужеством. Особенно отличался своей стойкостью Ферре. Он стремился использовать скамью подсудимых как политическую трибуну для раскрытия сущности и целей Коммуны, для опровержения гнусной клеветы, возведенной на нее ее врагами. Именно в таком духе были составлены «заключения», которые он пытался зачитать на суде (полностью огласить их ему не удалось, так как он был прерван председателем суда). Ферре не отрицал своей ответственности за расстрел архиепископа Дарбуа и некоторых других заложников Коммуны, но возражал против предъявленного ему обвинения в причастности к расстрелу генералов Леконта и К. Тома и против ряда других столь же лживых обвинений. Защитительная речь Ферре, неоднократно прерывавшаяся председателем, представляла собой хорошо обоснованный обвинительный акт против версальского правительства. Свою речь он закончил следующими словами: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках моих победителей; они хотят моей головы, пусть берут ее. Я никогда не прибегнул бы к подлости для спасения моей жизни. Я жил свободным; я хочу умереть так, как и жил. Я прибавлю только одно: судьба капризна, я верю будущему заботу о моей памяти и о мести за меня»¹⁸.

Столь же мужественно, как и Ферре, держался на суде рабочий Тренке, примыкавший к группе бланкистов и принимавший активное участие в уличных боях. «Я был послан в Ком-

¹⁸ Н. Полянский. Теофиль Ферре в процессе Парижской Коммуны. — «Ка-торга и ссылка», 1932, кн. 5 (90), стр. 119—139.

муну моими согражданами,— заявил он.— Я жертвовал своей жизнью, я был на баррикадах... Я инсургент и не стану этого отрицать».

Свидетели показывали, что Журд, сделавшись делегатом финансов Коммуны, ни в чем не изменил своего более чем скромного образа жизни. Это не помешало правительственному комиссару заявить: «Они разделили между собою миллионы»¹⁹. Комиссар, прося членов суда быть беспощадными, мотивировал необходимость суровых приговоров тем, что «партия, к которой принадлежат эти люди, не побеждена». Так сильно боялись версальцы даже разгромленных коммунаров.

2 сентября приговор был объявлен. Ферре был приговорен к смертной казни. «Мы были побеждены, что ж, мы добьемся реванша, а если не мы, то наши братья,— писал он 8 октября товарищам по заключению.— Какое значение имеет в таком случае то, что я этого не увижу? Я знаю цену энергии моих товарищей по борьбе — моя казнь только усилит их рвение»²⁰. «Комиссия помилования», состоявшая из 15 депутатов Национального собрания (в демократических кругах ее называли «комиссией убийц»), утвердила этот приговор. Он был приведен в исполнение 28 ноября. Вместе с Ферре были расстреляны два других участника революции 1871 г.— сержант 45-го полка Буржуа и капитан Россель, бывший военный делегат Коммуны (оба они были казнены по обвинению в дезертирстве из армии).

Огромное впечатление не только во Франции, но и далеко за ее пределами произвело мужественное поведение на военном суде Луизы Мишель. «Я не хочу защищаться и не хочу, чтобы меня защищали,— заявила на суде 16 декабря Л. Мишель.— Вся моя жизнь принадлежит социальной революции, и я принимаю на себя ответственность за все свои действия, без исключения. Вы обвиняете меня в том, что я принимала участие в казни генералов. На это я отвечу: они хотели стрелять в народ и, будь я там, я не поколебалась бы приказать расстрелять их, раз они отдавали подобные приказы. Что касается поджогов в Париже, верно, я принимала в них участие, так как хотела задержать наступление версальцев преградой из огня; но соучастников у меня не было — я действовала по собственному побуждению и на свой страх и риск. Мне говорят также, что я участница Коммуны. Да, конечно, это так. Ведь Коммуна стремилась прежде всего к социальной революции, а социальная революция — это самая дорогая для меня цель. Я горжусь тем, что была одним из ее глашатаев».

¹⁹ P. O. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1929, p. 406.

²⁰ I. Boyer. La Vierge rouge. Louise Michel. D'après des documents inédits. Paris, 1927, p. 93.

Правительственный комиссар требовал, чтобы обвиняемая была изъята из «общества», для которого она представляла, по его словам, «постоянную опасность». В своем заключительном слове Л. Мишель бросила смелый вызов судьям: «От вас, которые именуют себя военным судом и выдают себя за моих судей, я требую одного — смерти в Сатори, где уже пали мои братья. Вы говорите, что меня надо изъять из общества и вам приказано это сделать. Ну, что ж. Комиссар республики прав. Так как всякое бьющееся за свободу сердце имеет только одно право — право на маленький кусочек свинца, то я требую своей доли. Если вы оставите меня в живых, я не перестану кричать о мщении и призову своих братьев к мести убийцам из комиссии помилования...». «Я кончила... Если вы не трусы, убейте меня»²¹. Суд приговорил ее к ссылке на долгие годы в Новую Каледонию. Мужественное поведение «красной девы Монмартра» на военном суде снискало ей уважение даже среди людей, далеких от революционной борьбы.

Военные суды видели свою задачу в том, чтобы уничтожить цвет пролетарских революционеров, истребить актив рабочих организаций, обезглавить и обескровить социалистическое движение. Прав был полковник Серизье, рабочий, член Интернационала, бывший начальник XIII легиона национальной гвардии (в состав его входило 10 самых передовых батальонов), писавший в предсмертном письме к жене: «Меня уничтожают просто за то, что я человек из народа, достаточно сознательный и смелый, чтобы бороться против всего, что угнетает трудящихся»²².

Расправилась торжествующая контрреволюция и с Шарлем Амуру, одним из самых активных деятелей революции 1871 г., членом и секретарем Коммуны. За участие в Парижской Коммуне и революционном движении в Лионе, Марселе и Сент-Этьенне он был приговорен (четырьмя военными судами) к пожизненной каторге²³.

Осужденный 24 мая 1872 г. на пожизненные каторжные работы публицист Анри Бриссак, бывший секретарь Исполнительной комиссии, а затем Комитета общественного спасения, писал жене, что «нет ни одного видного политического деятеля, который, будучи предан военному суду, мог бы рассчитывать на спасение»²⁴.

6 августа военный суд приговорил к семи годам каторги работницу Мари Рожиссар — за участие в вооруженной борьбе

²¹ «Gazette des tribunaux», 18. XII 1871.

²² M. *Vuillaume*. Mes cahiers rouges au temps de la Commune. Paris, 1910, p. 101.

²³ «La Commune de 1871», p. 397.

²⁴ «Gazette des tribunaux», 25. V 1872.

и выступления в революционном клубе, председателем которого она являлась. 10 сентября военный суд осудил на ссылку с заключением в крепости Натали Лемель, одну из самых замечательных коммунарок 1871 г. Работница и жена рабочего, Лемель принимала активное участие в рабочем движении, являлась одним из организаторов рабочего кооперативного потребительского общества «Котел», членом Интернационала. Во время Коммуны она была одним из руководителей Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными, участвовала в баррикадных боях. После подавления Коммуны Лемель пыталась покончить с собой. На суде эта героическая коммунарка держалась так же мужественно, как и в бою.

На скамью подсудимых был посажен и Бланки. Так как обвинить его в причастности к событиям Коммуны было невозможно (он был арестован до ее возникновения), его судили за участие в восстании 31 октября 1870 г. 15 февраля 1872 г. он предстал перед военным судом. Несмотря на заявление свидетелей, что участникам этого восстания была обещана амнистия, Бланки был приговорен к лишению гражданских прав и ссылке с заключением в крепости. «Я должен заявить,— сказал он в своем заключительном слове,— что меня судили не за 31 октября... Я представляю здесь республику, которую монархия приволокла на ваш суд. Правительственный комиссар осудил поочередно революции 1789, 1830, 1848 годов и 4 сентября 1870 г. Меня судят и осудят при республиканском строе во имя монархических идей, во имя старого права, восставшего против нового»²⁵.

Суду был предан и Рошфор, хотя он не был участником Коммуны и критиковал некоторые ее действия. Бонапартистское офицерство, руководившее деятельностью военных судов, жаждало поскорее расправиться с человеком, который способствовал своими статьями крушению Второй империи. Рошфор был приговорен к пожизненной ссылке с заключением в крепости.

Расстрелы осужденных коммунаров продолжались и в 1873 г. 22 января были расстреляны член Коммуны Филипп (за активное участие в обороне квартала Берси в дни «майской недели»), полковник национальной гвардии Бено (по обвинению в поджоге Тюильри) и рабочий Декан (ему приписали поджог домов на Лилльской улице). «Я умираю невинным! — воскликнул он перед казнью.— Долой Тьера!» Филипп и Бено пали с возгласами: «Да здравствует социальная республика! Да здравствует Коммуна!»²⁶

²⁵ А. Зевазс. Огюст Бланки. Пг., 1922, стр. 87.

²⁶ «La Commune de 1871», p. 281.

Последней казнью в связи с событиями Коммуны был расстрел солдата Боннара 6 июня 1874 г., осужденного за расправу с полицейским шпионом.

Судебные процессы участников Коммуны продолжались и в последующие годы. В декабре 1876 г. военный суд приговорил к ссылке бывшего сотрудника Военной делегации Коммуны Луи Баррона. В 1877 г. был сослан на каторгу коммунар Марен.

В общей сложности военные суды вынесли более 50 тыс. приговоров за участие в Коммуне: в это число входят и приговоры, вынесенные в заочном порядке. Только 250 дел рассмотрены были в общегражданских судах, все остальные — в военных судах. Смертных приговоров было вынесено 230 (в том числе 120 заочных)²⁷.

В ноябре 1871 г. началась отправка коммунаров, приговоренных к ссылке и каторге, в назначенные для них места. Жители портов, из которых отправлялись ссыльные, провожали их дружескими приветствиями.

Условия переезда были кошмарными. Ссыльные содержались в клетках, откуда их выпускали на палубу подышать чистым воздухом лишь раз в день на полчаса. У клеток стояла вооруженная стража, следившая за каждым движением заключенных. Пища их состояла из гнилых сухарей и несъедобного «супа». Они жестоко страдали от качки, ветров, дождей, тропического солнца, цинги, многие умирали в пути.

Местом, где должны были отбывать ссылку и каторгу осужденные коммунары, был избран остров Новая Каледония с полуостровом Дюко и двумя островами — Сосен и Ну. Эта французская колония отличалась нездоровым климатом.

«Сторожа и надзиратели каторги, грубые, придирчивые, часто пьяные, то и дело грозили ссыльным своими револьверами; и это была не пустая угроза — многих они ранили»²⁸. Осужденных на каторгу сковывали двойной цепью, и каждый из них волочил на ноге ядро; нередко их сковывали попарно с уголовными преступниками. «Яма», «колодки», «пытка булавами», «плеть-семихвостка» — таковы были меры и орудия расправы с ссыльными, которые пытались отстоять свое человеческое достоинство от издевательств со стороны надзирателей и сторожей. Избитые и больные в большинстве случаев не получали никакой помощи. На ссыльных коммунаров возлагались изнурительно тяжелые работы. Коммунар Жан Аллеман, председатель совета V легиона, пробывший на каторге восемь лет, писал:

«Из-за переутомления, из-за соленой воды, из-за отвратительной пищи наши ряды редели с ужасающей быстротой: за

²⁷ G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871..., p. 654—655.

²⁸ P. O. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871, p. 435.

три месяца из 29 человек, насчитывавшихся в нашем отряде, осталось всего 15. 14 человек умерли или были опасно больны»²⁹.

Смерть косила ряды ссыльных коммунаров.

Несмотря на все ужасы Новой Каледонии, ссыльные коммунары не падали духом и оставались верны своим убеждениям. Каждый год отмечали они собраниями и речами день 18 марта. Умерших товарищей хоронили с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!» Некоторые пытались бежать, но большей частью неудачно.

20 марта 1874 г. шестеро ссыльных, в том числе Рошфор, Журд, Груссе, бежали из Новой Каледонии и благополучно добрались до Англии.

26 мая 1871 г. Ж. Фавр разослал инструкцию дипломатическим представителям Франции в различных странах, в которой предлагал им добиваться от правительств этих стран задержания и выдачи французским властям всех скрывшихся за границу участников Коммуны. Мотивировалось это наглое требование клеветническим утверждением, что коммунары должны рассматриваться как уголовные, а не как политические преступники.

Первым откликнулось на этот циркуляр бельгийское правительство. Глава его барон д'Анетан поспешил заявить, что правительство использует имеющуюся в его распоряжении власть, «чтобы не допустить вторжения на бельгийскую землю людей, которые едва ли заслуживают названия людей и должны быть изгнаны из пределов всех цивилизованных государств». «Это не политические эмигранты, мы не можем считать их таковыми», — добавил д'Анетан.

Наряду с Бельгией и Англией одним из основных центров эмиграции коммунаров являлась Швейцария.

Поверенный в делах Бельгии в Берне сообщил федеральному совету Швейцарии о решении бельгийского правительства в отношении эмигрантов и предложил швейцарскому правительству присоединиться к этому решению. Однако правительство Швейцарии отказалось.

Полная неудача постигла версальское правительство и в его попытках добиться выдачи эмигрантов Коммуны, нашедших убежище в Англии.

Не пошло навстречу требованиям Фавра и правительство Италии. В Вене канцлер граф Бейст ответил, что в принципе он готов удовлетворить требование правительства Тьера, но добавил, что должен предварительно согласовать свой ответ с существующими законами монархии Габсбургов.

²⁹ J. Allemane. Des barricades au bagne. Paris, 1906, p. 328.

Международная реакция использовала подавление Парижской Коммуны для усиления полицейских и судебных репрессий против социалистического движения, против Интернационала и его секций в различных странах.

Прогрессивная общественность Франции настойчиво добивалась амнистии участникам Коммуны. Одно из первых предложений об амнистии было сделано лионским буржуазным радикалом Бароде во время дополнительных выборов в Национальное собрание в апреле 1873 г.

Особенно усилилось во Франции движение в пользу амнистии коммунарам после того, как на выборах в палату депутатов в феврале 1876 г. победили сторонники республиканского строя. Было внесено пять предложений об амнистии. В палате депутатов ее требовал доктор Распайль, участник революций 1830 и 1848 гг. Его поддерживали радикалы Локруа, Флоке, Наке, Клемансо и некоторые другие. Палата назначила комиссию для рассмотрения этого вопроса. Она высказалась против амнистии. «Главные вожаки вернутся такими, какими они были,— говорил докладчик этой комиссии.— В нашей истории бывали моменты, когда амнистия была необходима, но восстание 18 марта ни с какой точки зрения нельзя сравнить с нашими гражданскими войнами. Я вижу в нем восстание против всего общества». Морской министр адмирал Фуришон цинично уверял, что ссыльные коммунары находятся в прекрасных условиях. 18 мая, после трехдневного обсуждения, проект закона об амнистии был отклонен 367 голосами против 99.

3 марта 1879 г. 345 голосами против 104 палата приняла закон о частичной амнистии. В силу этого закона 3300 осужденных были возвращены из ссылки, но 1200 человек еще остались там.

Агитация за всеобщую амнистию продолжалась. Особенно усилилась она после Марсельского конгресса (23—30 октября 1879 г.), на котором была основана Французская рабочая партия — первая в истории Франции революционная пролетарская партия. 3 апреля 1880 г., в годовщину гибели коммунара Флуранса, на кладбище Пер-Лашез состоялась сходка рабочих и социалистов, 23 мая того же года — первая массовая демонстрация у Стены федератов. Многие демонстранты были арестованы полицией. Своеобразным ответом на эти репрессии явилось избрание бывшего члена Коммуны Тренке муниципальным советником рабочего квартала Пер-Лашез.

В конце концов более дальновидные из буржуазных республиканцев поняли необходимость уступить требованиям рабочего класса и широких демократических кругов в вопросе о всеобщей амнистии коммунарам. Соответствующий законопроект был принят палатой депутатов (312 голосов против 136). Большинство сенаторов и высшее офицерство до конца противились все-

общей амнистии. Реакционные газеты «Figaro» и «Gaulois» запугивали читателей грозной перспективой возвращения во Францию массы революционеров, людей, запятнанных «преступлениями». Радикальная газета «Siècle», наоборот, доказывала, что всеобщая амнистия положит конец раздорам внутри французского общества и упрочит существование в стране республиканского строя.

Всеобщая амнистия, предоставленная коммунарам по закону, принятому 11 июля 1880 г., была победой французского народа. Рабочие и демократы Парижа и всей Франции восторженными возгласами «Да здравствует Коммуна!» встретили возвращение на родину бывших участников пролетарской революции 1871 г.

Часть

III

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
И РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО
РЕВОЛЮЦИОННОГО
И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

К моменту героической попытки парижских рабочих впервые в истории взять в свои руки политическую власть уже была разработана в своих составных частях марксистская теория, призванная вдохновить пролетариат на победу над эксплуататорским обществом. Уже прошла проверку в огне классовых боев выработанная Марксом и Энгельсом тактика пролетариата в борьбе за буржуазно-демократические преобразования и подготовку к социалистической революции.

Более шести лет существовала основанная и руководимая Марксом первая массовая международная организация пролетариата — I Интернационал. Основные программные и организационные принципы марксизма, обсуждавшиеся на конгрессах Интернационала и на страницах рабочей и социалистической печати, постепенно проложили себе путь к сознанию передовых представителей европейского и американского рабочего класса.

Сам Маркс находился в расцвете творческих сил. Опираясь на своих ближайших учеников и соратников, он мог оказывать значительное влияние на Генеральный Совет Интернационала, а через него — на местные секции и федерации в различных странах. Однако революция 18 марта в Париже не была подготовлена ни Интернационалом в целом, ни его французскими секциями. Те рекомендации, которые удавалось передать от имени Генерального Совета членам Интернационала в Париже с начала франко-прусской войны и в период Коммуны, отнюдь не носили характера предписаний или директив. Маркс и Энгельс неоднократно опровергали и высмеивали попытки объяснить парижские события вмешательством Генерального Совета из Лондона. Что же касается французских секций, то они не оказались достаточно крепкими ни в организационном, ни в идейном отношении, чтобы возглавить французский пролетариат в революционном кризисе 1870—1871 гг. Именно отсутствие еди-

ной, сплоченной и идейно вооруженной партии пролетариата во Франции и явилось, как известно, одной из причин поражения Парижской Коммуны.

Парижская Коммуна возникла стихийно, но она была порождением всего предшествующего развития французского и международного рабочего движения 60-х годов, на которое деятельность Интернационала оказала огромное влияние. Подчеркивая этот факт, Ленин писал, что главную роль в Коммуне сыграли парижские рабочие, «среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу»¹. Именно поэтому множество мероприятий Коммуны носило ярко выраженный интернационалистский и социалистический характер. «Генеральный Совет гордится той выдающейся ролью, которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции,— писал Маркс в апреле 1871 г.— Дело не в том, как воображают глупцы, будто парижская или какие-либо другие секции Интернационала получали *mot d'ordre* (приказы.—*Ред.*) из центра. Но так как лучшая часть рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнута его идеями, то повсюду в движениях рабочего класса она несомненно должна идти во главе»². Именно в этом смысле следует понимать слова Энгельса о том, что Коммуна «была, несомненно, духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни»³.

Первая массовая организация международного пролетариата, объединявшая в своих рядах весь цвет европейского рабочего класса, выражавшая его коренные интересы и лучшие чаяния, не могла оставаться безучастной к подвигу парижских коммунаров. Интернационал сразу и полностью солидаризировался с Парижской Коммуной, оказал ей всемерную помощь.

Секциям Интернационала во всех странах удалось развернуть широкую кампанию в поддержку парижских рабочих. Уже с первых дней апреля 1871 г. во многих городах различных стран членами Интернационала были проведены митинги для выражения солидарности с Парижской Коммуной. После падения Коммуны это движение вылилось в не менее широкую кампанию сбора средств для оказания материальной помощи эмигрантам Коммуны. Когда правительство Тьера обратилось к другим европейским правительствам с требованием выдать французской полиции бывших коммунаров как уголовных преступников, секции Интернационала снова откликнулись органи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 218.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 610.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 538.

зацией митингов протеста. В результате и швейцарское и английское правительства после некоторых колебаний были вынуждены отказаться от намерения нарушить традиционное право убежища.

Характеризуя деятельность Маркса в период Парижской Коммуны, Ленин говорил о нем как об участнике «массовой борьбы»⁴. Это участие Маркса выразилось в непосредственных советах, которые ему удавалось передать в Париж руководителям Коммуны, а также в огромной работе, проведенной им совместно с Энгельсом, чтобы направлять и координировать движение в поддержку Коммуны среди рабочих в различных странах. Добиваясь вовлечения в это движение широких масс, Маркс и Энгельс действовали не только через секции Интернационала, а использовали свои обширные связи среди прогрессивно настроенной интеллигенции и искренних поборников демократии из рядов буржуазии.

Вместе с тем именно в эти дни, заполненные напряженной практической революционной работой, Маркс выступает и как величайший теоретик борющегося пролетариата. Он видит важнейшую задачу в том, чтобы осмыслить, обобщить опыт революционных боев рабочего класса, извлечь из него уроки — закрепить этот опыт для грядущих поколений. Как первый историк и летописец Парижской Коммуны, Маркс пишет от имени Генерального Совета воззвание ко всем членам Интернационала — «Гражданская война во Франции»⁵. В этом произведении, которое вошло в число основополагающих программных документов марксизма, раскрыто всемирно-историческое значение Парижской Коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата. Воззвание, написанное по горячим следам событий, было утверждено Генеральным Советом 30 мая 1871 г. — через два дня после падения последней баррикады в Париже.

Маркс дал в «Гражданской войне во Франции» глубокий анализ Коммуны, вскрыл ее ошибки и причины поражения.

Выводы Маркса опирались на огромный фактический материал, к сбору которого он приступил буквально с первых дней Коммуны. Во второй половине апреля Маркс начал писать первый набросок воззвания, а в течение первой половины мая уже работал над вторым наброском, значительно приближавшимся к окончательному тексту воззвания. В этих двух предварительных вариантах ряд положений, вошедших в окончательный текст, изложен более обстоятельно, как бы для уяснения самому себе: это касается анализа социально-экономических мероприятий Коммуны, критики ее ошибок, а также некоторых теоретических обобщений по вопросу о задачах и формах раз-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 377.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 321—370.

вития диктатуры пролетариата. Занимаясь в последнюю неделю мая окончательной редакцией текста, Маркс стремился сделать его более кратким, придать ему форму воззвания и поэтому опустил или изложил в сокращенном виде ряд положений. Он руководствовался, как всегда, тем соображением, что воззвание, написанное от имени Генерального Совета Интернационала, не должно выглядеть как авторская статья. «Ты не должен забывать,— писал он Энгельсу в сентябре 1870 г. по поводу второго воззвания о франко-прусской войне,— что Генеральный Совет обязан считаться со всевозможными настроениями, и поэтому он не может писать так, как писали бы мы оба от своего имени»⁶.

Свидетельством огромного и кропотливого труда Маркса по сбору фактического материала о деятельности Парижской Коммуны и о контрреволюционных происках версальского правительства является сохранившаяся тетрадь с его выписками из газет. Эти выписки охватывают период от 18 марта до 1 мая 1871 г. и занимают целую тетрадь в 24 страницы⁷.

Маркс делает выписки не только из крупных английских либеральных и консервативных ежедневных газет «Daily News», «Pall Mall Gazette», «Times», «Daily Telegraph», «Evening Standard», но также из бонапартистской газеты «Situation», выходившей в Лондоне, из парижских газет — «Petit Journal», республиканского «Rappel», из «Vengeur» Феликса Пиа, «Mot d'Ordre» Рошфора, из радикальной «Avant-garde», из «Tribune de Bordeaux», издававшейся при участии П. Лафарга.

В этих выписках в полной мере проступает свойственное Марксу умение уловить новое историческое явление в самом процессе его возникновения. Отбрасывая тенденциозную и злобную болтовню, высвобождая из-под вороха газетной лжи и сплетен основной факт, цифру, типическое высказывание того или другого политического деятеля, Маркс восстанавливает канву событий, прослеживает их развитие, нащупывает их социальные и политические причины. С первых дней революции Маркс отмечает цинизм правящих классов, сознательно шедших на провокацию и стремившихся воспользоваться присутствием прусских войск, чтобы разгромить революционное рабочее движение. Маркс отмечает, что буржуазия открыто апеллирует к опыту 1848 г., тогда как Центральный комитет национальной гвардии проявляет благодушие, отказываясь идти на Версаль; между тем сами версальцы в замешательстве ждут этого удара.

В выписках Маркса шаг за шагом отмечаются политические и социальные мероприятия Коммуны, раскрывающие ее сущность как первого рабочего правительства. С первых чисел ап-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 55.

⁷ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII). М., 1934.

реля появляются отметки о вооруженных стычках и боях, 5 апреля — запись о том, что накануне зверски убит Флуранс.

Наряду со ссылками на буржуазную печать все чаще мелькают названия печатных органов Коммуны, присланных Марксу с очередной оказией. Маркс несколько раз выписывает из буржуазных газет высокую оценку боевых качеств национальной гвардии, проявленных ею в сражениях против версальцев. Храбрость национальной гвардии доказывает, пишет газета «Daily News» 5 апреля, что «генерал Трошю не сумел использовать ее против пруссаков»⁸. «Париж доказал, что он спас бы нацию, если бы временное правительство его вооружило, вместо того чтобы клеветать на него...» — выписывает Маркс из газеты «Vengeur» от 12 апреля⁹. Далее идут обширные выписки из опубликованных в печати документов, характеризующих преступное прошлое и аморальный облик версальских главарей. Последние выписки относятся к 1 мая; к этому времени Маркс уже работал над воззванием Генерального Совета о гражданской войне во Франции.

Наиболее надежную информацию доставляли Генеральному Совету письма членов Интернационала из Франции. В течение первых нескольких дней письма из Парижа доходили в Лондон в обычный срок. 21 марта на заседании Генерального Совета уже обсуждалось полученное из Парижа письмо с подробностями о событиях на Монмартре 18 марта. В ответ на письмо парижского Федерального совета Интернационала в Париж в качестве представителя Генерального Совета выехал О. Серрайе; он прибыл на место утром 29 марта. Его подробные письма, адресованные из конспиративных соображений жене — Э. Серрайе, становятся для Генерального Совета постоянным источником информации¹⁰.

29 марта в Лондон пришло письмо от Е. Томановской, которая выехала в конце марта из Лондона в Париж. Сообщая об этом 29 марта 1871 г. Марксу, Г. Юнг сетует на то, что «г-жа Томановская пишет очень мало, опасаясь, по-видимому, что ее письмо может попасть в руки врагов»¹¹. Вскоре нормальные почтовые сношения с Парижем прекратились. 15 апреля Серрайе пишет: «Все идет без заминки, за исключением почты, район деятельности которой не распространяется за пределы крепостных валов»¹². Письма приходилось выносить из Парижа и опускать в почтовый ящик в предместьях города. Но и этот путь был очень ненадежен; семь писем, отправлен-

⁸ Там же, стр. 155.

⁹ Там же, стр. 165.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/5; «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 173 сл.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2299; «Первый Интернационал...», стр. 170.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/9; «Первый Интернационал...», стр. 186.

ных Серрайе из оккупированного пруссаками Сен-Дени, не дошли по назначению¹³. Более надежной была отправка писем с оказией, но они приходили со значительным опозданием. Несколько писем для Генерального Совета увез П. Лафарг¹⁴, приезжавший в Париж из Бордо между 8 и 12 апреля; эти письма попали в Лондон лишь после 20 апреля. Очередную почту привез из Парижа русский народник П. Л. Лавров в начале мая¹⁵.

Маркс и Энгельс получали также сообщения из Парижа от прогрессивно настроенных деятелей, не связанных непосредственно с рабочим движением. Так, давнишний их парижский знакомый Р. Рейнхард, бывший секретарь Генриха Гейне, при всякой возможности стремился доставить Марксу нужные сведения. «Трудно писать в этой обстановке непрерывной тревоги,— пишет он Марксу 1 мая,— но в лучшие дни я все-таки каждый день посылал всем вам наскоро написанный отчет, вложенный в конверт на имя Энгельса»¹⁶; систематически информировал Маркса о положении Коммуны парижский коммерсант Н. Эйлау, совершавший регулярные деловые поездки в Лондон¹⁷.

Выступая на еженедельных заседаниях Генерального Совета, Маркс и Энгельс держали своих соратников в курсе полученных известий, делились своими выводами и обобщениями. Первые вести о революции 18 марта, сбивчивые и противоречивые, пришли в Лондон на следующее утро, а во вторник 21 марта на очередном заседании Генерального Совета с подробными сообщениями о событиях в Париже выступили Маркс, Энгельс и Серрайе. Было решено по предложению Маркса послать на собрания в Лондоне делегацию Генерального Совета, чтобы разъяснить рабочим сущность революции и призвать их «выразить свое сочувствие парижскому движению»¹⁸. Энгельс подчеркнул народный характер революции, ярко выразившийся в братании правительственных войск с национальными гвардейцами; он раскрыл характер Центрального комитета национальной гвардии как подлинно демократического органа, представлявшего народные массы Парижа: «Ни один из членов Цен-

¹³ «Генеральный Совет Первого Интернационала 1870—1871 гг.» Протоколы. М., 1965, стр. 130.

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 626.

¹⁵ В числе привезенных материалов было письмо Де Папа Марксу от 25 апреля 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2804).

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2281, 2332; «Первый Интернационал...», стр. 254 и др. Сохранился ряд записок Рейнхарда Энгельсу и Марксу, свидетельствующих о постоянно налаженной связи. Рейнхард был в Лондоне в начале марта 1871 г.

¹⁷ F. Engels — P. et L. Lafargue. Correspondance. Paris, т. I, 1956, p. 257.

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 65; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 112.

трального комитета не принадлежит к числу знаменитостей — там нет Феликсов Пиа и подобных ему людей, — но они хорошо известны в среде рабочего класса. В Комитет входят 4 члена Интернационала». Далее Энгельс сообщил о назначении выборов в Коммуну и о других мероприятиях Центрального комитета. «В наиболее важном из принятых постановлений говорится, что должны соблюдаться предварительные условия мира. Пруссак все еще находится близко, и, если их удастся удержать в стороне от борьбы, шансы на успех увеличатся»¹⁹. Последние слова показывают, что в первые дни восстания Маркс и Энгельс, хотя и сознавали всю сложность обстановки, все же видели некоторые шансы на успех; главную угрозу они уже тогда усматривали в возможном сговоре версальцев с пруссаками.

На этом этапе внимание Маркса и Энгельса было направлено главным образом на тактику революционной борьбы парижан. Они ясно видели уловки Тьера, стремившегося усыпить бдительность повстанцев, пока подтягивались силы реакции и велись переговоры с Бисмарком. В том, что сговор реакционных сил осуществится, Маркс не сомневался, рассматривая присутствие пруссаков во Франции как крайне неблагоприятное для хода революции обстоятельство.

Приблизительно до последних чисел марта Маркс и Энгельс допускали возможность распространения революционного движения на всю страну. Оно носило бы тогда общенародный, патриотический и республиканский характер и могло привести к возобновлению вооруженной освободительной борьбы против Пруссии с максимальным использованием далеко не исчерпанных еще ресурсов французской нации. Необходимым условием такого развития движения было наступление на Версаль, которое могло бы обеспечить поддержку со стороны революционных элементов в провинции; оборонительная тактика обрекала Париж на изоляцию. Роковые последствия ошибки, допущенной Центральным комитетом национальной гвардии вопреки советам наиболее энергичных его членов — Варлена, Вайяна, Жаклара, Тридона, сразу были отмечены Марксом²⁰.

Уже 6 апреля Маркс пишет В. Либкнехту: «По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали чудовищному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) Потому, что они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоруже-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 622; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 111.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 573.

ния Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь для решения вопроса о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну *республике!* 2) Чтобы избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени,— а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (на Вандомской площади)»²¹.

Подробная оценка перспектив парижской революции после выборов в Коммуну дана Энгельсом на заседании Генерального Совета 11 апреля 1871 г. Он отмечает, что переход руководства движением из рук Центрального комитета национальной гвардии в руки Коммуны вредно отразился на ходе борьбы; Коммуна тратит время на ненужные прения, и деятельность ее лишена оперативности. Энгельс подчеркивает, что благоприятный момент для похода на Версаль упущен: «Действовать против Версаля надо было тогда, когда он был слаб... теперь, по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан». Оратор разбирает шансы оборонительной борьбы коммунаров против наступающих на Париж версальцев. «Парижане теряют территорию, почти бесцельно расходуют боевые припасы и съедают свои продовольственные запасы». Не зная еще о том, что соглашение между Бисмарком и Тьером стало фактом, Энгельс усматривал благоприятное в известной мере обстоятельство в том, что «с одной стороны Париж открыт». Предвидя жестокие уличные бои, он сравнивает положение Коммуны с июньским восстанием 1848 г.: тогда бои длились четыре дня, «теперь бои не кончатся так быстро». Парижане вооружены пушками, они организованы лучше, чем во время всех прежних восстаний. Поэтому широкие улицы, прорезанные правительством Второй империи для облегчения борьбы против рабочих, на этот раз окажутся выгодными для самих рабочих. «Положение трудное»,— заканчивает свое сообщение Энгельс и подчеркивает, что «шансы не так хороши, как две недели тому назад»²².

Маркс и Энгельс написали в связи с Парижской Коммуной несколько сот писем во все концы света²³. До нас дошло немногим более десятка этих писем. Среди них особое место занимают известные два письма Маркса к Людвигу Кугельману. В первом из них, от 12 апреля 1871 г., содержится классическая характеристика Коммуны как попытки сломать старую государственную машину эксплуататорских классов, чтобы заменить ее государством нового типа: «Если ты заглянешь в по-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 168—169.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 625; см. также: «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 119.

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 188.

следнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», — пишет Маркс Кугельману, — ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передавать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее... Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей»²⁴.

Разбирая в соответствующей главе «Государства и революции» это место из «Восемнадцатого брюмера...»²⁵, Ленин подчеркивает, что в 1852 г. Маркс, оставаясь на почве фактического исторического опыта, не ставил вопроса о том, чем будет заменена подлежащая уничтожению старая государственная машина; ответа на вопрос, в какие конкретные формы выльется организация пролетариата как господствующего класса, он ожидал от опыта массового движения. Когда Маркс писал первое письмо Кугельману, он уже располагал сведениями о первых мероприятиях Парижской Коммуны. В выписках из газет, сделанных им до 5 апреля, уже приняты им во внимание такие меры, как уничтожение постоянной армии и политической полиции, отделение церкви от государства, последовательно демократическая система выборов, выборность и сменяемость должностных лиц, уравнивание их заработной платы с заработной платой рабочих и т. д. Именно на эти меры Коммуны Маркс указывает в «Гражданской войне во Франции» как на характерные черты пролетарского государства нового типа, призванного «устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»²⁶.

Письмо от 12 апреля написано Марксом в ответ на обращение к нему Кугельмана, который резко критиковал парижское восстание, сравнивая его с выступлением мелкобуржуазной Горы 13 июня 1849 г. Рассуждая об отсутствии реальных предпосылок социалистической революции во Франции, Кугельман писал: «Ожидать от путаников-французов переворота в способе производства отнюдь не приходится, да и вообще это не может быть осуществлено отдельной нацией»²⁷.

На письмо Кугельмана Маркс отвечает 17 апреля 1871 г. настоящей отповедью: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов». Деморализация рабочего класса в случае капитуляции была бы гораздо большим злом, чем любое поражение, подчеркивает Маркс. Благодаря опыту Коммуны борьба рабочего класса против

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

²⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 29, 31, 38, 39, 40 и др.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 342.

²⁷ Кугельман — Марксу, 5 апреля 1871 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1871.

класса капиталистов и государства, представляющего его интересы, вступила в новую фазу всемирно-исторической важности²⁸.

Еще через несколько дней, 25 апреля, Маркс, выступая на заседании Генерального Совета с информацией о положении в Париже, основанной на сообщении Серрайте от 15 апреля, более подробно остановился на тех мероприятиях Коммуны, которые обеспечили ей поддержку мелкой буржуазии,— на декретах о квартирной плате и отсрочке векселей. «Крупные капиталисты бежали, а мелкий торговый и ремесленный люд идет с рабочим классом»,— говорит Маркс²⁹.

Из этих высказываний видно, что ко второй половине апреля уже сложились взгляды основоположников марксизма на Парижскую Коммуну как на первый опыт диктатуры пролетариата, как на событие мирового значения, открывшее новую страницу в истории человечества.

Очень мало документов свидетельствует о непосредственной связи Маркса и Энгельса с руководителями Коммуны, и это не случайно. Из конспиративных соображений Маркс предпочитал передавать свои советы Коммуне устно³⁰. Известно, что Маркс поддерживал связь с Серрайте, Франкелем и Варленом. Следует учесть, что среди членов Коммуны были люди, как, например, Ф. Пиа и П. Везинье, которые относились заведомо враждебно к Марксу, и что даже избранные в Коммуну члены Интернационала в большинстве своем были прудонистами. Поэтому Маркс был связан лишь со сравнительно узким кругом деятелей Коммуны. На протяжении 72 дней героической битвы парижан все помыслы Маркса, Энгельса и их соратников были направлены на то, чтобы помочь коммунарам, укрепить положение пролетарской власти.

Первые советы Маркса и Энгельса коммунарам, очевидно, были переданы через Серрайте, который выехал в Париж 27 или 28 марта. Эти советы касались в первую очередь стратегии и тактики восстания и тех военных действий, которые необходимо было предпринять Коммуне. Предвидя соглашение Бисмарка с версальцами, Маркс предостерегал Коммуну, советовал укрепить северную сторону высот Монмартра, против которой стояли прусские войска³¹.

Через Серрайте, Франкеля и Варлена Маркс стремился побудить Коммуну к более энергичным действиям против контрреволюции внутри Парижа и настойчиво рекомендовал придерживаться наступательной тактики против Версаля. Он предосте-

²⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 175.

²⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 627; см. также «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 128.

³⁰ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 190.

³¹ См. там же, стр. 191.

регал своих корреспондентов, представлявших подлинно пролетарские элементы в Коммуне, против влияния мелкобуржуазных деятелей, вроде Ф. Пиа и П. Везинье. «Коммуна тратит, помимо, слишком много времени на мелочи и личные счета. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния», — писал он Л. Франкелю и Л. Э. Варлену 13 мая 1871 г.³² Марксу пришлось оказать и непосредственное содействие Коммуне — при попытке Комиссии финансов продать на лондонской бирже некоторые ценные бумаги³³.

Тотчас же после своего избрания в Коммуну Франкель, который был лично знаком с Марксом, обратился к нему с письмом. Он сообщил Марксу о том, что вошел в состав Комиссии труда, намеревавшейся «осуществить коренное преобразование социальных отношений». «В связи с этим, — писал 30 марта 1871 г. Франкель, — Ваше мнение о социальных реформах, которые надо провести в жизнь, будет чрезвычайно ценно для членов нашей комиссии». 25 апреля Франкель снова пишет Марксу: «Я был бы очень рад, если бы Вы согласились как-нибудь помочь мне советом, ибо я теперь, можно сказать, один и несу один ответственность за все реформы, которые я хочу провести в департаменте общественных работ»³⁴.

Из советов, переданных Марксом в Париж, особое значение имели его соображения, касающиеся отношения Коммуны к крестьянству.

Подчеркивая, что изолированность Парижа, оторванность его от остальной страны обрекает Коммуну на гибель, рекомендуя ей в первую очередь обеспечить себе поддержку провинции, Маркс на практике ставил перед коммунарами вопрос о союзниках пролетариата в социалистической революции. Маркс высоко оценивал мероприятия Коммуны в интересах городской мелкой буржуазии. «Декреты о квартирной плате и коммерческих векселях — поистине мастерский ход», — говорил он на заседании Генерального Совета³⁵. Аналогичный декрет об отсрочке платежей по крестьянским ипотекам, считал он, мог немедленно привлечь на сторону революции французское крестьянство.

Для этого надо было рассеять антисоциалистические предубеждения мелкого крестьянина, цеплявшегося за свою parcelлу, разъяснить ему, что подлинные его интересы могут быть обеспечены только победой рабочего класса. Советы Маркса в этом отношении шли в одном направлении с решениями Базельского

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 189.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 182; см. также стр. 190.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2300, 2321; «Первый Интернационал...», стр. 175, 196.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 627; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 128.

конгресса Интернационала по аграрному вопросу и являлись продолжением многолетней борьбы основоположников марксизма за союз рабочего класса с крестьянством.

В первом наброске «Гражданской войны во Франции», написанном во второй половине апреля, Маркс перечисляет выгоды, которые сулит крестьянству победа Коммуны. Он пишет, рассчитывая, что воззвание выйдет в свет в ближайшие дни и сможет оказать воздействие на крестьянские массы: «Коммуна отменит рекрутский набор, партия порядка навяжет крестьянину налог кровью. Партия порядка посадит на шею крестьянина сборщика податей для покрытия расходов на паразитическую и дорогостоящую государственную машину, Коммуна даст ему дешевое правительство. Партия порядка будет по-прежнему предоставлять городскому ростовщику обирать и разорять его. Коммуна освободит его от кошмара закладных, тяготеющего над его клочком земли. Коммуна заменит паразитический судебный аппарат — нотариуса, судебного пристава и т. д., — пожирающий главную часть его дохода, коммунальными служащими, которые будут работать за плату рабочего, а не обогащаться за счет крестьянского труда... Партия порядка по-прежнему подчинит его власти жандарма, Коммуна возвратит его к самостоятельной общественной и политической жизни! Коммуна просветит его, утвердив руководство школьного учителя, партия порядка навяжет ему отупляющее руководство священника!»³⁶

В окончательном тексте «Гражданской войны во Франции», отредактированном в последние дни мая, когда судьба Коммуны была уже решена, этот абзац изменен. В нем говорится только в теоретическом плане о тех благах, которые Коммуна принесла бы крестьянству³⁷.

С начала мая военное положение Коммуны внушало большие тревоги. О том, как основоположники марксизма расценивали перспективы Коммуны к этому времени, можно судить по яркому и взволнованному письму жены Маркса к Людвигу Кугельману. Письмо, проникнутое глубокой верой в творческие силы рабочего класса, в героизм представителей международного пролетариата, сражавшихся за дело Коммуны, написано 12 мая по поручению Маркса, который, превозмогая тяжелое нездоровье, напряженно работал над воззванием. Характеризуя «отчаянную борьбу Коммуны», в которой «принимают участие все наши самые старые и лучшие друзья», Женни подчеркивает слабость Коммуны в военном отношении, но главную причину ее поражения видит в предательском сговоре Тьера с Бисмарком: «Раздоры, нерешительность и противоречивые действия — все

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 555.

³⁷ См. там же, стр. 349.

эти бедствия, неизбежные в столь молодом и отважном движении, были бы, наверное, преодолены ядром крепких, способных на самопожертвование, сознательных рабочих; но теперь... потеряна всякая надежда... Мы стоим накануне второй июньской бойни»³⁸.

Выступая 9 мая в Генеральном Совете, Энгельс говорил о предстоящих уличных боях как о неизбежных. Если укрепления будут взяты версальской армией, то на баррикадах разгорится борьба, «какой еще никогда не бывало. Впервые баррикады будут защищаться пушками, ружьями военного образца и правильно организованными войсками». Силы приблизительно равны, так как часть своих войск версальцы вынуждены направить в провинцию для поддержания порядка в городах³⁹.

Во втором письме Франкелю и Варлену от 13 мая Маркс, исходя из известных ему подробностей тайного договора версальцев с пруссаками, предупреждал Коммуну, что решающий удар может быть нанесен ей после заключения окончательного мира, который, как он предполагал, будет подписан 26 мая. «Совершенно необходимо,—писал Маркс,—чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии или в других странах»⁴⁰. Предвидя неизбежную гибель Коммуны, Маркс добивался наименьших жертв; он считал, что, наложив арест на Французский банк, спрятав в безопасном месте документы, компрометирующие версальских деятелей, Коммуна могла бы воздействовать на Тьера, вынудить его на уступки, обуздать разгул реакции. В то же время и Маркс и Энгельс решительно отвергали заступничество мелкобуржуазных и буржуазных филантропов, которые в своих попытках добиться компромисса между Парижем и Версалем готовы были идти на поклон к Тьеру⁴¹.

Вопрос о том, чем могут помочь Коммуне Интернационал и английский рабочий класс, подробно обсуждался на заседании Генерального Совета 23 мая. Впервые после длительного нездоровья на нем присутствовал Маркс. Он произнес большую

³⁸ «Первый Интернационал...», стр. 201.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 628; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 135.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 189.

⁴¹ Письма буржуазных демократов Керна и Освальда Энгельсу от 1 и 2 мая 1871 г.—ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2330, 2331. Керн пишет: «Но Освальд и я думаем, что возможность добиться компромисса между Парижем и Версалем еще не вполне потеряна и необходимо срочно изыскать практический путь, чтобы добиться прекращения военных действий. Просим Вас и Ваших друзей присоединиться к нам сегодня в 5 часов вечера». Ответ Энгельса не сохранился. Из письма Освальда видно, что Маркс и Энгельс отказались от совместных выступлений с Освальдом и его единомышленниками.

речь, в которой не скрыл от аудитории, что конец Коммуны близок. Но это поражение — только отсрочка, заявил Маркс. «Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения». Перейдя к причинам падения Коммуны, Маркс продолжал: «Парижскую Коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера». Бисмарк позволил Тьеру иметь солдат больше, чем это было обусловлено в конвенции о перемирии, но ограничивал подвоз продовольствия Парижу. «Все это было лишь повторением старой истории. Высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса». В заключение Маркс подчеркнул, что Интернационал внушает страх господствующим классам и поэтому против него готовятся гонения⁴².

Маркс, считавший, что в данных условиях только массовое выступление английских рабочих в защиту коммунаров сможет оказать влияние на правительство Гладстона, ясно видел, с какими трудностями была сопряжена организация такого движения.

Между тем именно от Генерального Совета ждали решительных действий в защиту Коммуны. Англия являлась единственной страной, где рабочие были достаточно многочисленны и организованны, чтобы оказывать влияние на политику правительства.

Правительство Тьера прилагало особые усилия, чтобы изолировать Коммуну от французской провинции и от международного пролетариата, не допустить проявлений интернациональной солидарности, объединявшей парижских рабочих с Парижской Коммуной. «Тьер и его «люди обороны»... пытаются окружить провинцию стеной лжи...», — писал в то время Маркс⁴³. Директива Тьера префектам и супрефектам предписывала воспрепятствовать сношениям Интернационала с Парижем. 28 марта в версальском Собрании министру внутренних дел Пикару был сделан запрос, приняты ли уже «эффективные меры» для выполнения этой директивы⁴⁴. В таких условиях огромное значение приобретала правильная информация о ходе парижской революции.

Весть о революции 18 марта и о провозглашении Коммуны в Париже была встречена с большим подъемом передовыми рабочими Европы и Америки. Не довольствуясь скудными и большей частью искаженными сведениями, которые появлялись в буржуазной печати, члены Интернационала, естественно, обра-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 629—630; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 144.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 528.

⁴⁴ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 137.

щались в Генеральный Совет, а часто и лично к Марксу или Энгельсу за более подробной информацией. «Социал-демократы Австрии с напряженным вниманием следят за нынешними событиями во Франции. Результат наших наблюдений, по правде сказать, очень сомнителен, поскольку мы черпаем свои сведения лишь из буржуазных источников... и потому просим Вас, уважаемый гражданин, осведомить нас... о сущности движения и о позиции Интернационала по отношению к нему», — писал Г. Шей Марксу 27 марта⁴⁵. О том же просил Маркса 1 апреля 1871 г. В. Либкнехт⁴⁶, а также члены Интернационала в других странах.

За необычайно короткий срок удалось развернуть в различных странах Европы и Америки широкую кампанию солидарности с Парижской Коммуной. Призывы Генерального Совета повсюду находили отклик. «...Парижская Коммуна немедленно же была встречена радостными криками одобрения всего международного пролетариата», — писал Маркс, подчеркивая роль Товарищества в интернациональном воспитании рабочего класса⁴⁷.

В Англии наряду с отчетами о заседаниях Генерального Совета, регулярно печатавшимися в лондонской газете «Eastern Post», созданию общественного мнения в пользу Коммуны содействовала устная пропаганда, которую проводили члены Генерального Совета среди английских рабочих во исполнение решения, принятого Советом 21 марта. Уже 22 марта в Веллингтон-мюзик-холле состоялось собрание под председательством Оджера, где выступал Серрайе⁴⁸. На ряде последующих собраний и массовых митингов, состоявшихся в конце марта — начале апреля, английские рабочие горячо выступали в защиту Парижской Коммуны.

В Германии застрельщиками кампании в поддержку Парижской Коммуны выступали члены Социал-демократической рабочей партии (эйзенахской), объявившей себя ветвью Интернационала. В отличие от лассальянской печати, свято соблюдавшей компромиссы с Бисмарком, эйзенахцы в своем печатном органе «Volksstaat», выходившем под редакцией В. Либкнехта, сочетали пропаганду в защиту Коммуны с борьбой против прусского милитаризма и полицейского режима. Ярким моментом этой борьбы явилась речь А. Бебеля в германском рейхстаге 25 мая 1871 г. В этой цитателе юнкерства и реакционной прусской буржуазии он заявил: «Весь европейский пролетариат и все, кто сохранил в сердце привязанность к свободе и независи-

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2295; «Первый Интернационал...», стр. 169.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2307; «Первый Интернационал...», стр. 178.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 131.

⁴⁸ «The Eastern Post», 25.III 1871.

мости, смотрят сейчас на Париж... борьба в Париже была небольшой авангардной стычкой... не так много десятилетий пройдет, прежде чем боевой клич парижского пролетариата... станет боевым кличем всего европейского пролетариата»⁴⁹.

Массовый характер приняли в Швейцарии, Бельгии, Австрии и других странах Европы и Америки не только митинги солидарности с Парижской Коммуной, но и протесты против версальского террора, требования предоставления права убежища эмигрантам-коммунарам, сбор средств для помощи их семьям.

Движение международной солидарности с Парижской Коммуной выросло из совместных выступлений рабочих разных стран, организованных I Интернационалом в 60-х годах XIX в. Однако от этих ранних кампаний движение 1871 г. отличалось более высокой степенью сознательности и организованности, более глубоким пониманием принципов пролетарского интернационализма. Оно повсюду способствовало в рабочем движении выявлению революционной тенденции и изоляции реформистских элементов. В странах экономически менее развитых, где рабочий класс делал еще первые шаги, поддержка парижских коммунаров, защита их завоеваний положили начало самостоятельному рабочему движению, вовлечению его в сферу влияния Интернационала. Замечательной чертой движения 1871 г. было и то, что оно возникало, казалось, самопроизвольно, лишь только в рабочую среду доходила весть о победе парижских рабочих, завоевавших впервые в истории государственную власть. Это было объективным показателем роста самосознания европейского рабочего класса, который именно в эти годы конституировался как класс в международном масштабе.

Важнейшей задачей, вставшей перед Интернационалом после падения Коммуны, была защита идейных позиций, завоеванных парижскими коммунарами, пропаганда исторического опыта первого пролетарского государства. Решающее влияние в этом отношении оказал выход в свет написанного Марксом воззвания Генерального Совета «Гражданская война во Франции». Воззвание было воспринято рабочими как программный документ, в котором Интернационал высказывался, как выразился Энгельс, «в пользу коммунизма»⁵⁰. Пропаганда «Гражданской войны во Франции» и борьба за включение сделанных в ней выводов в Общий устав Интернационала стали теперь основным содержанием интернационального движения пролетарской солидарности с Парижской Коммуной.

Не так легко было найти издателя для документа, написанного с позиций революционного пролетариата, но среди честных английских демократов такой издатель нашелся: это был

⁴⁹ «Первый Интернационал», ч. 2, М., 1965, стр. 96.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 223.

Эдуард Трулав, бывший чартист и последователь Р. Оуэна, который в 1870 г. издал оба воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне. Первое издание «Гражданской войны» на английском языке вышло в свет около 13 июня; в конце июня появилось второе издание в количестве 2000 экземпляров, а в августе — третье, в котором были исправлены опечатки, вкравшиеся в предыдущие издания.

Были все основания ожидать, что воззвание Интернационала натолкнется на заговор молчания со стороны буржуазной прессы и что его распространение встретит большие трудности. «Я сам разослал извещения в редакции всех ведущих газет,— писал Трулав Марксу 15 июня,— но я вовсе не удивился бы, если бы обнаружил сегодня, что некоторые из них отказались поместить объявление на своих страницах. Их тактика — замалчивать вещи, подобные Вашему воззванию. Так они замолчали и наше чествование столетия Роберта Оуэна»⁵¹.

Чтобы сорвать заговор молчания вокруг воззвания, Маркс, Энгельс и другие руководители Генерального Совета пустили в ход все свои связи. «Прошу не забыть прислать мне полдюжины экземпляров воззвания, как только оно выйдет из печати. Я надеюсь поместить хотя бы выдержки в здешней «Daily Post»,— писал Дронке Марксу из Ливерпуля 30 мая.— Эта газета в качестве листка для объявлений обладает огромным кругом читателей»⁵². 17 июня объявление о выходе воззвания появляется в «Bee-Hive». 18 июня Боркгейм пишет Марксу из Кенсингтона: «Ярость мирового филистерства... должно быть, очень велика, судя по ярости английского филистера, который частью молчит, частью замалчивает, частью науськивает, частью извращает, а больше всего мудрствует. «Spectator» высказался, «Pall Mall Gazette» — тоже, а «Observer» заявляет, что против подписавших воззвание лучше не начинать политического процесса; как милостиво!»⁵³. Из ответной записки Арнольда Руге к жене Маркса в июле 1871 г. видно, что и ему был послан экземпляр «Гражданской войны во Франции»⁵⁴. Э. Бизли, который 12 июня писал: «С нетерпением жду воззвания Интернационала»,— 17 июня уже получил его и сделал несколько критических замечаний. По его мнению, «тон воззвания слишком резок»; он считает, что распространять его следует главным образом среди рабочих⁵⁵. Зато демократ, бывший участник чартистского движения, давнишний борец против бонапартизма английский публицист Томас Олсоп полностью солидаризирует-

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 83/1.

⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2344.

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5074.

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 172, ед. хр. 99.

⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2351, 2361.

ся с положениями воззвания и предлагает свои услуги для подтверждения фактических данных, касающихся прошлой деятельности Тьера⁵⁶.

За распространение воззвания в рабочей среде активно взялись Юнг и другие члены Генерального Совета. «Получил воззвание — оно прекрасно сделано», — пишет Ф. Энгельсу Э. Дюпон из Манчестера 17 июня. «Пропаганда идет хорошо, — сообщает он же в начале июля. — Мне требуется несколько сот экземпляров воззвания... Я заказал объявление... почти все продавцы газет и брошюр берутся торговать им на обычных условиях. Я обращаю внимание на рабочие районы»⁵⁷.

Объявление, напечатанное в виде афиши, было составлено следующим образом: «Только что вышло из печати! Цена 2 пенса. (Эту вещь должен прочитать каждый английский рабочий.) «Гражданская война во Франции». Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих. Второе исправленное издание. Напечатано по поручению Совета у Эдуарда Трулава, 256, Хай Холборн, 1871. Имеется в продаже здесь»⁵⁸.

В эти же дни экземпляры воззвания были посланы секциям Интернационала в Швейцарии и Бельгии, Либкнехту, Кугельману, Эйхофу в Германию, Лафаргу во Францию⁵⁹. Одновременно Энгельс перевел текст воззвания на немецкий язык для издания в Германии.

Эта энергичная деятельность принесла свои плоды: о воззвании заговорили во всех концах света. С другой стороны, как писали Маркс и Энгельс впоследствии, само опубликование воззвания вынудило буржуазную печать, в первую очередь крупные английские газеты, вступить в полемику, которая поддерживалась умелыми ответами членов Генерального Совета⁶⁰.

Реакционная буржуазия, торжествуя победу, пыталась оправдать кровавый террор версальцев, клеветнически обвиняя Коммуну и Интернационал. На заседании Генерального Совета 6 июня 1871 г. Маркс обратил внимание присутствующих, что английские газеты распространяют бесстыдную ложь о парижской революции и о Международном Товариществе Рабочих. Европейской прессе достаточно хорошо известны цели и принципы Интернационала, подчеркнул Маркс. Представители прессы присутствовали на различных конгрессах Товарищества и писали об их работе, печатали сообщения о преследованиях его секций во времена Второй империи; откуда же взялись те лживые измышления, которые теперь заполняют газеты? «Все это

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2369.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2362; ф. 21, ед. хр. 135/11.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 83/4.

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 81/12; ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2393, 2436.

⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 6.

было выдуманно только для того, чтобы оправдать любую меру, предпринятую против Интернационала», — ответил на этот вопрос Маркс и бросил английской прессе обвинение в том, что она «помогала Тьеру, выступая в роли полиции и ее ищеек»⁶¹.

За сравнительно короткий срок Маркс и Энгельс написали более двух десятков писем в редакции газет, заметок и опровержений, стремясь использовать традиции английских буржуазных газет, столбцы которых формально были открыты для всех желающих. Однако традиции эти не распространялись на защитников революционного пролетариата, и лишь некоторые заметки появились в «Times», «Daily News» и других буржуазных органах; часть из них пришлось поместить в изданиях Интернационала, выходивших в Англии и других странах, значительное число сохранилось в рукописном виде и только в наши дни увидело свет⁶². Некоторые заметки, написанные от имени Генерального Совета, шли за подписью его секретаря Хэйлза, большинство подписано Марксом.

Учитывая впечатление, произведенное разоблачением в воззвании Тьера, Фавра, Трошю и других «героев» Версаля, Маркс счел необходимым открыто объявить в печати о своем авторстве. В письме редактору газеты «Daily News» он выразил готовность отвечать перед судом за подлинность приведенных им фактов. «Воззвание «Гражданская война во Франции», — писал он, — написанное мной, было единогласно принято Генеральным Советом Интернационала и является, следовательно, официальным выражением его взглядов. Что же касается личных обвинений, выдвинутых против Жюля Фавра и К^о, то здесь дело обстоит иначе. В этом вопросе подавляющему большинству Совета пришлось положиться на мою добросовестность»⁶³.

Сообщая Либкнехту о впечатлении, произведенном выходом в свет воззвания о гражданской войне во Франции, Энгельс 22 июня 1871 г. писал: «Сперва пытались его замолчать, но это не удалось. В среду 14-го в «Evening Standard» появляется объявление о нем, 15-го «Daily News» дает выдержку, которая обходит большую часть газет. Затем следует «Echo», в субботу «Spectator», «Graphic», «Pall Mall Gazette», передовая в «Telegraph», и, таким образом, дело было сделано. В понедельник «Times» дал весьма жалкую передовую, «Standard» отозвался повторно, вчера — опять «Times», и во всем Лондоне говорят только о нас. Разумеется, сплошной рев»⁶⁴. 18 июня 1871 г. Маркс иронически сообщал Кугельману, что имеет честь «быть

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 631; «Генеральный Совет... 1870—1871 гг.», стр. 148—149.

⁶² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 369—409.

⁶³ Там же, стр. 380.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 198—199.

в настоящий момент тем человеком в Лондоне, на которого всего сильнее клеветают и которому более всего грозят»⁶⁵. Как отмечал Энгельс, вся печать вынуждена была признать, что «Интернационал — это европейская великая держава, с которой приходится считаться...»⁶⁶

Опыт Парижской Коммуны оказал сильнейшее воздействие на рабочий класс всех стран, способствовал развитию его классового сознания, имел огромное значение для сплочения всех подлинно пролетарских членов Интернационала, которые безоговорочно встали на защиту Коммуны. Вместе с тем он способствовал очищению Интернационала от различных мелкобуржуазных реформистских деятелей, ранее примкнувших к Интернационалу, а теперь отшатнувшихся от него. Так, на сторону буржуазии перешли прудонисты А. Толен, Элигон, тред-юнионисты Дж. Оджер, Б. Лекрафт, которые были исключены из рядов Интернационала и публично заклеены как ренегаты.

Уроки Парижской Коммуны, доведенные благодаря воззванию Генерального Совета до сознания членов Интернационала, оказали решающее влияние на их дальнейший рост в идейном и организационном отношении. Коммуна стала воплощением на практике основных положений научного коммунизма, которые на протяжении ряда лет Маркс, Энгельс и их соратники отстаивали в Интернационале. Коммуна доказала, что победа рабочего класса возможна; в то же время она показала, что удержат плоды победы пролетариат может только путем установления своей классовой диктатуры, что необходимым условием этой победы является наличие сплоченной, теоретически оснащенной массовой партии рабочего класса.

Идея диктатуры пролетариата, идея пролетарской партийности — эти важнейшие положения марксизма, которые Маркс и Энгельс отстаивали и развивали с 40-х годов, — стали на опыте Парижской Коммуны понятными передовым представителям международного пролетариата. После Парижской Коммуны эти важнейшие положения по предложению Маркса и Энгельса были обсуждены на Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 г. Еще через год, в сентябре 1872 г. они были внесены Гаагским конгрессом в Устав Международного Товарищества Рабочих и приняты на вооружение борющимся пролетариатом всего мира.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 197.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 386.

Весть о победе революции 18 марта 1871 г. и провозглашении Парижской Коммуны, озарив, подобно лучу света, тьму политической реакции, окутавшей Германию после ее объединения в стенах «прусской казармы», наполнила сердца передовых немецких рабочих радостью и надеждой.

И вместе с тем это историческое событие возлагало на немецких рабочих особенно большую ответственность.

Только что закончившаяся франко-прусская война *«перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию»*¹, как констатировал Маркс 1 сентября 1870 г. в письме к членам ЦК немецкой Социал-демократической рабочей партии. «Стоит только сравнить движение в обеих странах с 1866 г. до нынешнего дня,— писал он незадолго до этого Энгельсу,— чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс в теоретическом и организационном отношении превосходит французский. Его перевес на мировой сцене над французским был бы в то же время перевесом *нашей* теории над теорией Прудона и т. д.»²

В 1869 г. в Эйзенахе была основана Социал-демократическая рабочая партия, остававшаяся и в дни Коммуны единственной национальной политической организацией рабочего класса, примкнувшей к революционным и интернационалистическим принципам Международного Товарищества Рабочих.

С этого момента стала гораздо более успешной борьба марксизма с реформистской и националистической доктриной и тактикой лассальянства. Оплотом лассальянства был основанный в 1863 г. Всеобщий германский рабочий союз, распространивший свое влияние главным образом на северо-западные рай-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 273.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 3; см. также т. 18, стр. 227.

оны Германии и на промышленные центры Рейнской области. Главной базой социал-демократии оставалась Саксония.

С первого дня войны основанная на тайных провокациях политика Бисмарка встретила открытое и мужественное осуждение со стороны Бебеля и Либкнехта. После того как с сентября 1870 г. война превратилась в захватническую, грабительскую со стороны бисмарковской Германии, немецкие рабочие ее решительно осудили, поддерживая требования, сформулированные Марксом во втором воззвании Интернационала: «Почетный мир с Францией, признание установленной там республики»³.

Так как главной направляющей силой этого движения была социал-демократическая партия, то именно на ее руководителей и активистов обрушились правительственные репрессии. По обвинению в «государственной измене» были брошены в крепость члены ее Центрального Комитета, 17 декабря 1870 г. последовал арест Бебеля и Либкнехта.

Однако, несмотря на эти жертвы, опыт антивоенного движения осени — зимы 1870/71 г. многому научил передовых рабочих Германии в идеологическом и организационном отношении.

«Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны»⁴, — писал Энгельс Бебелю.

Уже первые отклики на революцию 18 марта, появившиеся в органах печати Социал-демократической рабочей партии и лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, показывают глубокое различие в позиции их руководителей. Газета эйзенахцев «*Volksstaat*», сообщая 22 марта о том, что в Париже «образовалось новое временное правительство, в состав которого вошли Варлен, Асси, Толен⁵ и другие товарищи по партии», подчеркивала, что новое правительство «провозгласило мир», и открыто и смело противопоставляла эти его стремления агрессивным намерениям правителей Германской империи. «По последним известиям, — писала редакция, — Бисмарк и его партия намерены возобновить войну с целью уничтожения или ослабления французской республики. Даст ли на это свое согласие немецкий народ?»

В то же время принадлежавшая президенту Рабочего союза Швейцеры берлинская газета «*Social-Demokrat*», сообщая, что в Париже «безраздельно властвует временное правительство,

³ См. об этом работу Г. Бейке, в приложении к которой воспроизведен ряд печатных документальных материалов (*H. Beike. Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870—1871. Berlin, 1957*).

⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 34, стр. 101.

⁵ Имя Толена названо здесь ошибочно. Он не являлся членом ЦК национальной гвардии, остался в Версале в качестве депутата реакционного Национального собрания, за что и был вскоре исключен из Интернационала.

состоящее большей частью из рабочих»⁶, возлагала всю ответственность за враждебную Коммуне политику Германской империи исключительно на немецкую буржуазию. По словам другого органа лассальянцев, газеты «Agitator», буржуазия предпочитает «послать немецкие войска на поле битвы, чем терпеть социализм в соседней стране»⁷. Тем самым лидеры лассальянцев замалчивали роль реакционного юнкерства и Бисмарка, в руках которых находилось все руководство внешней и внутренней политикой. Признавая, что «долг немецких рабочих в создавшемся серьезном положении оказать своим братьям сильную помощь», лассальянские лидеры вместе с тем стремились ограничить движение солидарности немецких рабочих с коммунарами лишь опровержением клеветы буржуазной печати⁸.

Этот внутренне глубоко противоречивый, двойственный характер воздействия Парижской Коммуны на Всеобщий германский рабочий союз в настоящее время глубоко и доказательно прослежен на большом фактическом материале Э. Хакеталем.

В частности, этим исследователем показано, что «принятие» Коммуны лассальянскими вожаками Союза носило чисто «словесный» характер, будучи признанием на словах, в то время как в действительности за ним скрывались действия, направленные на то, чтобы всячески ослабить революционизирующее влияние Коммуны на массу членов Союза, разуверившихся в лассальянской догме, проявивших свои горячие симпатии к Коммуне и потому все больше и больше тяготевших к социал-демократической партии, в ряды которой уже в это время вступил ряд членов Рабочего союза. Поскольку фактическая сторона движения солидарности немецких рабочих с Коммуной уже нашла в своих основных чертах освещение в историографии⁹, целесообразнее продолжить анализ и обобщение известных нам фактов, идя в этом отношении по пути, уже намечившемуся в

⁶ «Der Social-Demokrat» (Organ des Allgemeinen Deutschen Arbeiter vereins), 22.III 1871.

⁷ «Agitator», 1.IV 1871.

⁸ «Der Social-Demokrat», 31.III 1871.

⁹ См. В. С. Алексеев-Попов, Рабочий класс Германии в дни Парижской Коммуны. В кн.: А. И. Молок, Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года. Л., 1939, стр. 133—197; В. С. Алексеев-Попов, Влияние Парижской Коммуны на германское социал-демократическое движение (1871—1872 гг.).— «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 60—82; он же. Рабочий класс и социал-демократия Германии в дни франко-прусской войны и Парижской Коммуны (канд. дисс.). Одесса, 1947, т. I, II; E. Hacketal. Die Bedeutung der Pariser Kommune und ihre Lehren für die Entwicklung der deutschen Arbeiterbewegung von 1871 bis zum Erlaß des Sozialisten gesetzes. Inaugural Dissertation, Bd. I—II. Leipzig, 1965; idem. Der Allgemeine Deutsche Arbeiterverein unter dem Einfluß der Pariser Kommune.— «Zeitschrift für die Geschichtswissenschaft», 1968, № 4, S. 442—461.

литературе вопроса¹⁰. Мы убеждены, что этот путь анализа и обобщения накопленных фактов особенно необходим для борьбы с непрекращающимися попытками современной реакционной буржуазной и правосоциалистической, ревизионистской историографии отрицать как всемирно-историческое значение Парижской Коммуны, так и роль ее опыта, ее уроков для развития международного, в частности немецкого, рабочего и социалистического движения¹¹.

Энгельс, прослеживая связь между распространением капиталистических отношений и развитием рабочего движения, приходит к выводу, что во Франции оно «всегда исходило из столицы, в Германии же — из районов крупного производства, мануфактуры и домашней промышленности»¹².

Эта закономерность проявляется и в движении солидарности с Коммуной, в котором отчетливо выделяются следующие зоны его наибольшей активности¹³.

Первую образуют портовые и промышленные города северной и северо-западной Германии: Гамбург, еще не слившаяся с ним тогда Альтона, Бремен, Киль, Ганновер и Брауншвейг. Вторая зона — это Рейнская область с такими ее промышленными центрами, как Эльберфельд, Бармен, Нижний Бармен, Эссен и Золинген. Гораздо менее значительным было участие в движении рабочих Кёльна. Фактически к этой зоне примыкало и движение в промышленно развитых городах юго-западной Германии, например Изерлон в Бадене, Эссlingen в Вюртемберге.

26 марта состоялись собрания членов Рабочего союза в Берлине и в Эльберфельде (Рейнская провинция Пруссии), 2 апреля собрались 3 тыс. рабочих Ганновера, 12 апреля состоялось собрание рабочих Гамбурга, 13 апреля — собрание членов Рабочего союза в Бремене.

¹⁰ Из новейших работ такого рода должны быть в первую очередь названы следующие статьи Э. Хакетала: *E. Hacketal. Die Bedeutung der Massenbewegung zur Verteidigung der Pariser Kommune für die Festigung und Ausbreitung des proletarischen Internationalismus in der deutschen Arbeiterbewegung.* — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Sonderheft «Marx, Engels und die I. Internationale»; *idem. Zur Entwicklung der Staatsauffassung in der deutschen Arbeiterbewegung nach der Pariser Kommune (1871—1878).* — «Staat und Recht», 1966, № 6.

¹¹ Показателен в этом отношении националистический, проникнутый бессильной ненавистью к марксизму пасквиль Г. Грютцера, убедительная и острая критика которого дана В. Лохом (см. *G. Grützer. Die Pariser Kommune. — Macht und Karriere einer politischen Legende.* Köln, Opladen, 1963; *W. Loch. Die Pariser Kommune. Historische Konsequenz einer nationalen Entwicklung.* — «Studien über Revolution». Hrsg. von Manfred Kossok. Berlin, Akademie-Verlag, 1969, S. 315—334.

¹² *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, стр. 343.

¹³ См. *E. Hacketal. Die Bedeutung der Pariser Kommune*, Bd. I, S. 24.

На собрании в Берлине, где председательствовал президент Рабочего союза Швейцер, тысячью голосов против одного была принята краткая резолюция. В ней говорилось, что участники собрания с радостью приветствуют социальную революцию в Париже как «восстание здорового трудового народа против разлагающейся буржуазии», объявляют ложными все обвинения реакционной печати и ожидают от победы этой революции установления в Европе свободы, равенства, братства и мира¹⁴. Формулировка эта весьма расплывчата, об угрозе же революционному Парижу со стороны Германской империи авторы резолюции — лидеры лассальянцев боялись даже упомянуть.

Революция 18 марта 1871 г. в Париже, образование и деятельность Парижской Коммуны, «картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира»¹⁵, явились для немецких рабочих впечатляющим доказательством верности того пути борьбы за освобождение, который им указывало учение марксизма и по которому пролетариев всего мира вел Интернационал, «духовным детищем» которого и была Коммуна. А признание верности этого пути означало высвобождение из пут лассальянства ряда рабочих, в первую очередь в Северной Германии и в Рейнской области.

Это сразу же понял главарь лассальянцев Швейцер и капитулировал без боя, объявив о своем уходе с поста президента Всеобщего германского рабочего союза. Его письмо было опубликовано 24 марта¹⁶, 26-го он вынужден был председательствовать на собрании членов этой организации в Берлине, где было принято краткое приветствие к парижским рабочим.

Но в этот же день социал-демократические рабочие Эльберфельда, ранее голосовавшие за Швейцера на выборах в рейхстаг, приняли приветственное обращение к коммунарам, которое они направили в Париж, а второй экземпляр для верности — Генеральному Совету Интернационала, секретарь которого И.-Г. Эккарнус переслал его члену Коммуны Лео Франкелю¹⁷.

Рабочие Эльберфельда и Бармена в своем обращении к участникам революции 18 марта выражали радость по поводу провозглашения в Париже «социал-демократической республики» и свое «восхищение одержавшими эту победу их товарищами по горькой участи». Понимая, что победа эта «пойдет на благо рабочим всех стран», рабочие Эльберфельда горячо желали завершения столь успешно начатого дела «освобожде-

¹⁴ «Der Social-Demokrat», 29.III 1871.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 221.

¹⁶ См. А. Hahn. Die Berliner Revue. Ein Beitrag zur Geschichte der konservativen Partei zwischen 1855 und 1875. Berlin, 1934, S. 211 u. a.

¹⁷ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 179; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 608, примеч. 190.

ния пролетариата из-под власти капитала». В заключительной части обращения его авторы призывали французских рабочих держаться крепко и дружно, чтобы «не дать вырвать у себя из рук власть и безжалостно подавить своих врагов, отплатив этим за кровь их братьев», пролитую в июне 1848 г.¹⁸ По-братски протягивая руку французским рабочим, рабочие Эльберфельда стремились претворить в жизнь лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этот документ, проникнутый духом классовой борьбы и боевого пролетарского интернационализма, выражал настроения авангарда немецких рабочих¹⁹.

К Эльберфельдскому воззванию присоединились рабочие других городов Германии, притом именно члены Рабочего союза. Так поступили, в частности, 1500 участников собрания членов этой организации, состоявшегося 1 апреля в Альтоне.

«Эльберфельдские избиратели г. фон Швейцера направили парижанам адрес, в котором они их горячо приветствуют с победой революции. Что скажет на это г. Швейцер? Вероятно, это и объясняет его внезапную отставку. Он ушел в отставку потому, что был отставлен» (Er dankte ab, weil er abgedankt war), — писал, имея на то все основания, В. Либкнехт²⁰.

Собравшиеся в Ганновере 2 апреля 3 тыс. рабочих единогласно приняли пространное обращение «К социал-демократическим рабочим Франции», весь дух которого говорит о значительном воздействии на его авторов идеологии революционного марксизма.

Стойкость французских рабочих, побежденных, но не изменивших своему классовому долгу, объясняется в обращении уроками, извлеченными ими из опыта прошлого. «Вы знали — вас этому достаточно научили 1789, 1830 и 1848 гг.: право труда попирается одинаково и в империи, и в королевстве, и в «синей» (буржуазной. — Авт.) республике. У вас так далеко зашла внутренняя и внешняя дифференциация общества, настолько отчетливо выступает линия раздела между объединенными силами социал-демократии и разрозненными силами реакции всех цветов и оттенков, что сейчас же после заключения мира, даже не будучи пророком, можно было заранее предсказать дальнейший ход событий...

Произошло то, чего мы уже давно страстно желали и чего реакция втайне страшилась: в Париже была провозглашена социальная республика. Народ восстал, буря грянула, Париж оказался в руках социалистов.

¹⁸ «Der Social-Demokrat», 31.III 1871.

¹⁹ См. «Die Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 309, 315.

²⁰ «Der Volksstaat», 12.IV 1871.

Рабочие Франции! Полные искренней радости и воодушевления, восприняли мы эту весть. Она озарила нас, как луч солнца из-за темной тучи...

Вам снова дано быть в авангарде борьбы за освобождение народов. В эту минуту на вас устремлены взоры всего пролетариата. Его симпатии с вами...

Реакция, кровно связанная тождеством интересов, пытается вызвать демона национальной вражды, разделить народы и натравить их друг на друга... Не допустим осуществления этой презренной попытки! Призванные историей рука об руку разрешать поставленные перед нами задачи, мы изгоним этого демона и вновь объединимся под клич: «Да здравствуют свобода, равенство и братство, да здравствует пролетариат, борющийся за права человека! Да здравствует социальное освобождение!»²¹

Текст этого обращения дошел до нас только в том его виде, в каком он был опубликован на страницах органа лассальянцев²², которые соответствующим образом его «отредактировали», опустив отдельные наиболее неприемлемые для них места.

Публикуя резюме этого документа, официальный орган Коммуны писал: «Немецкие социалисты продолжают посылать в Париж поздравления и ободряющие приветствия». Заканчивалось резюме следующими словами: «Кроме того, ганноверские социалисты, не довольствуясь горячей защитой движения 18 марта, заявляют, что демократия Германии с нетерпением ожидает момента, когда она сможет последовать этому замечательному примеру, так как она не видит в Германской империи гарантии мира и свободы»²³.

Весной 1871 г. число членов социал-демократической партии, например, в Гамбурге было, несомненно, намного меньше числа членов Рабочего союза. Между тем боевой характер посвященного здесь Коммуне собрания 13 апреля свидетельствует о возрастающей активности и влиянии эйзенахцев.

«Наполеон только лишь потому мог годами держаться на троне, что его поддерживал стоявший за ним класс эксплуататоров. Если французский народ не хочет больше жить под игом эксплуатации, то он должен освободиться от нее так же, как он освободился от Наполеона. Парижские рабочие уже начали разбивать свои цепи»²⁴, — так говорил один из ораторов в Гамбурге.

²¹ «Der Social-Demokrat», 21.IV 1871 (русск. пер. см.: А. И. Молок. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871. Л., 1937, стр. 147—150).

²² См. «Парижская Коммуна 1871 года». Под ред. Ж. Брюа, Ж. Дотри и Э. Терсана. Пер. с фр. М., 1964, стр. 363.

²³ «Journal officiel de la République Française», № 122, 2.V 1871.

²⁴ «Der Social-Demokrat», 19.IV 1871.

Слова другого оратора показывают, как пример коммунаров помогает уяснить и разоблачить лживость проповедовавшейся Лассалем идеи «сотрудничества» пролетариата с имущими классами. Ибо, по словам этого оратора, «во Франции речь идет о борьбе двух отчетливо противостоящих друг другу элементов — старого общества и социализма. Чем больше богатеет меньшинство, тем беднее становятся народные массы. Этот факт и лежит в основе борьбы. Сознвая это, социалисты стремятся к уничтожению эксплуатации рабочего класса капиталистами».

По словам третьего оратора в Гамбурге, принадлежавшего, очевидно, к числу ветеранов движения, «в 1848 г. мы видели, как национальная гвардия расстреливала рабочих, в настоящее же время положение изменилось: рабочие вооружены сами и составляют в ней большинство. Даже мелкая буржуазия осознала, что ее интересы несовместимы с интересами монархической крупной буржуазии, и тянется к социалистам».

В полном согласии с духом этих выступлений участники собрания в Гамбурге приняли резолюцию, гласившую: «Мы убеждены, что моральное право на стороне тех, кто, стремясь покончить с современной эксплуатацией и угнетением трудового народа, борется во Франции под знаменем социальной республики. Признавая это, мы выражаем свою полную солидарность с Парижской Коммуной, если она сделает невозможным господство князей, попов и буржуа»²⁵.

Приветственные обращения немецких рабочих укрепляли мужество коммунаров, в то же время они вызывали страх у международной реакции. Так, дипломатический представитель царской России в Гамбурге Вегезак, сообщая о демонстрациях солидарности с Коммуной рабочих Берлина, Лейпцига, Ганновера и Гамбурга, выражал опасения по поводу возможности распространения доктрины международной солидарности рабочих и в других странах. «Известная весьма опасная агитация,— сообщал он,— ведется и в низших слоях немецкого народа и становится особенно заметной главным образом в крупных городах»²⁶. В Гамбурге, по его словам, власти следят за ней с особенной бдительностью, поскольку тут в 1870 г. имели место столкновения между рабочими и фабрикантами, во время которых властям пришлось применить силу.

19 апреля на собрании, созванном организацией Рабочего союза в Бремене, где присутствовало свыше тысячи человек, вопреки ряду враждебных Коммуне выпадов со стороны местных буржуа, было принято приветственное обращение к ее борцам, во многом воспроизводившее мысли воззвания, принятого рабочими Ганновера. «Мы знаем,— говорилось здесь,— что на-

²⁵ «Der Social-Demokrat», 19.IV 1871.

²⁶ АВПр МИД СССР, ф. Канцелярия МИД, 1871 г., д. 55, лл. 21—22.

ши братья в Париже поднялись на борьбу за общество, основанное на принципах социал-демократии, единственное, которое имеет право на существование»²⁷.

Основным идеологическим и организационным центром движения солидарности стала социал-демократическая партия, которая в противоположность лассальянским вожакам связала интернациональные цели и задачи этого движения с «борьбой германского пролетариата за его демократические права и социальные требования»²⁸.

То, что эйзенахцы включились в движение солидарности несколько позже организаций Рабочего союза, объясняется рядом неблагоприятных внешних обстоятельств. А. Бебель и В. Либкнехт только 28 марта были освобождены из заключения, причем им было запрещено покидать пределы Лейпцигского округа. В виде исключения Бебель должен был выехать в Берлин на первую сессию имперского рейхстага, в который его вновь избрали текстильщики округа Глаухау-Мееране.

Первой заботой В. Либкнехта и А. Бебеля было восстановление связей с Марксом и Энгельсом и в их лице с Генеральным Советом Интернационала. «Напиши мне немедленно твои соображения о парижских событиях,— просил Либкнехт Маркса в первом же письме 1 апреля 1871 г.— В тюрьме я читал только национал-либеральную газету и, следовательно, не в курсе дела»²⁹. С такой же просьбой обращался к Марксу и живший в Ганновере член Интернационала Л. Кугельман, находившийся в то время в дружеских отношениях с Марксом и его семьей³⁰.

Содержавшиеся в письмах Маркса разъяснения сущности и значения Парижской Коммуны, его критическая оценка ошибок и слабостей, допущенных руководителями масс, и вместе с тем его восхищение «готовыми штурмовать небо» коммунарами давали социал-демократической партии и ее печатному органу верную ориентировку в оценке происходивших во Франции событий, умножали силы партии в ее трудной борьбе с «берлинскими версальцами», этими верными союзниками и пособниками Тьера.

В помещенных в газете эйзенахцев «*Volksstaat*» ярких статьях В. Либкнехта чувствуется школа «Новой Рейнской газеты», которую он прошел под руководством Маркса в дни революции 1848 г. 22 июня 1871 г. Энгельс писал Либкнехту, что линия газеты «очень смела и пользуется нашим полным признанием»³¹.

²⁷ «Der Social-Demokrat», 26.IV 1871.

²⁸ «Die Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 314.

²⁹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 178.

³⁰ Там же, стр. 198—199.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 199.

Именно это «храброе поведение» органа социал-демократической партии завоевывало ему все больший авторитет и все большую популярность в рабочих массах. Число подписчиков газеты выросло к концу 1871 г. почти в полтора раза, а все газеты партии насчитывали к этому времени уже до 20 тыс. подписчиков ³².

Маркс и Энгельс, помогая определить линию главного печатного органа социал-демократической партии, укрепляли ее уверенность в том, что направление и формы ее организационной и агитационно-пропагандистской деятельности выбраны правильно.

В это время перед партией стоял ряд основных задач. Прежде всего необходимо было усилить роль местных организаций партии, в частности в Саксонии, расширить движение солидарности с Коммуной. Следовало использовать активизацию классового сознания рабочих под влиянием борьбы Коммуны для основания новых местных организаций партии. Необходимо было наладить через печать партии и в устных выступлениях ее представителей правдивую, разностороннюю и доходчивую информацию о деятельности Коммуны, показывающую, что она была первым в истории рабочим правительством. Важно было противопоставить агрессивной интервенционистской политике реакционной прусско-германской империи стремление Коммуны к миру и братству народов.

Формы движения солидарности были многообразны, и мы не всегда можем сколько-нибудь отчетливо их различить. Имели место собрания членов местных отделений партии, именовавшихся тогда социал-демократическими ферейнами; происходили созданные организациями партии или ее отдельными представителями рабочие собрания, на которые, однако, имели доступ и представители нетрудовых групп. Созывались также так называемые народные собрания, в которых участвовали представители различных социальных групп.

Хотя мы и не располагаем точной информацией о событиях такого рода в жизни рабочих и демократии Саксонии, но нам известно, например, что 4 и 11 апреля 1871 г. в Лейпциге, а 10 или 11 апреля в Дрездене происходили собрания различного рода, участники которых «выразили свои симпатии парижским рабочим». В Дрездене один из выступавших энергично протестовал против аннексии Эльзаса и Лотарингии, говоря: «Как будто и без того недостаточно велико число несчастных в нашем великом германском отечестве!» ³³

³² Здесь имеются в виду, в частности, выходивший в Криммитчау (Саксония) «Crimmitschauer Bürger- und Bauernfreund», редактором которого был Гирш и издававшаяся в Мюнхене газета баварских социал-демократов «Proletarier» и некоторые другие.

³³ «Journal officiel de la République Française», № 106, 16.IV 1871.

Наибольший интерес представляет массовый митинг 23 апреля в промышленном центре Хемнице (участвовало свыше 20 тыс. человек). О господствовавших среди присутствовавших настроениях, резко враждебных восторжествовавшей в Германии реакции, свидетельствует тот факт, что здесь бурными аплодисментами был встречен призыв одного из ораторов к «решительной борьбе» с ней. Выступивший от имени социал-демократической партии Беккер говорил, что рабочие должны при помощи массовых выступлений выразить свою подлинную волю, так как от «реакционного рейхстага нечего ждать свободы»³⁴. Редакция «Volksstaat» писала по этому поводу: «Мы с радостью наблюдаем, как подобные собрания происходят по всей Германии. Организация соответствующего движения должна стать одной из главных задач очередного съезда социал-демократической партии. Мы пользуемся случаем, чтобы выразить наше пожелание, чтобы на всех собраниях, которые состоятся в ближайшее время, рабочие выразили свои симпатии к Парижской Коммуне»³⁵.

29 апреля в Майнце собрание организации социал-демократической партии закончилось бурными «ура» в честь Коммуны³⁶.

«Чем была Парижская Коммуна? Что такое Международное Товарищество Рабочих? Что говорит о них европейская печать?» — такова была тема трехчасового доклада В. Либкнехта на собрании, созванном 27 июля социал-демократическим ферейном в Лейпциге. В переполненном зале было много женщин — явление новое в политической жизни Германии. Открывая собрание, Бебель сказал: «Враги Интернационала утверждают, что это он вызвал к жизни социалистическое движение, в то время как Интернационал создан сам этим движением. Интернационал — это организация, противостоящая международному союзу правительств и буржуазии... Сколько бы ни сажали в тюрьмы вождей, сколько бы ни закрывали рабочие газеты, идеи интернационализма и международное движение пролетариата будут жить. Идеи нельзя искоренить ни тюрьмами, ни расстрелами. Коммуна побеждена, но придет время, когда она восстанет из гроба победоносная и еще более величественная»³⁷. Доклад «Интернационал и немецкая социал-демократия» сделал социал-демократ Распе в Золингене.

28 июня газета «Volksstaat» начала печатать сделанный Энгельсом немецкий перевод манифеста Генерального Совета Интернационала «Гражданская война во Франции», который, по словам редакции, духовно и морально уничтожит врагов

³⁴ «Der Volksstaat», 29.IV 1871.

³⁵ Ibidem.

³⁶ «Der Volksstaat», 3.V 1871.

³⁷ «Der Volksstaat», 2.VIII 1871.

Коммуны и Интернационала. Затем этот перевод был издан отдельной брошюрой.

Буржуазные либералы, а также наиболее твердолобые лассальянские руководители пытались всячески ослабить революционизирующее влияние Коммуны и ее опыта на рабочий класс Германии. Так, например, руководитель лассальянского ферейна в Бремене Р. Менде, отвергая революционное насилие, говорил: «Для того, чтобы оказаться в состоянии разрешить социальный вопрос, рабочие должны прежде всего заняться самообразованием». Менде фактически присоединялся к кампании в пользу «самообразования», при помощи которой представители буржуазии пытались парализовать революционизирующее воздействие Коммуны.

Призыв к «самообразованию» подхватили организаторы реформистских профсоюзов деятели буржуазной партии прогрессистов Макс Гирш и Франц Дункер. Они выступили в печати с планом создания всегерманского Общества распространения образования; его подлинные цели раскрывались в воззвании, где говорилось: «Массы нашего народа еще несознательны и ленивы духом: неспособные ни к самостоятельному суждению, ни к самостоятельным действиям, они следуют за всяким течением — и хорошим, и дурным. Успех, который имеют некоторые бессовестные люди с их социалистическими идеями, ясно это доказывает; куда они ведут — показывает сейчас Франция!» Но этот «отвлекающий» маневр не имел никакого успеха.

Тщетной оказалась и попытка проповедника так называемой «свободной религии» Шустера дискредитировать Коммуну на собрании в Эслингене 9 сентября. Его атаки были успешно отражены социал-демократом Гольцмартом, внесшим резолюцию, гласившую, что «религия не в состоянии разрешить социальный вопрос... это может быть достигнуто путем осуществления программы социал-демократической партии». За эту резолюцию голосовали все присутствующие, за исключением нескольких буржуа³⁸.

Большая заслуга молодой социал-демократической партии, ее руководителей, ее печати в отражении попыток ослабить воздействие Коммуны не подлежит сомнению.

В этих условиях становилась особенно важной роль главного печатного органа социал-демократической партии. Его редактор В. Либкнехт стремился прежде всего установить прямую связь с деятелями Коммуны через посредство и при помощи Генерального Совета Интернационала. «Организуйте для нас присылку сообщений из Парижа и Франции непосредственно», — просил он Маркса 25 апреля. «С того времени как вспыхнула революция, мы вовсе лишены связи, несмотря на все попытки ее завя-

³⁸ «Der Volksstaat», 13.IX 1871.

зять (которые, видимо, не удались из-за Штибера). Может быть, твоя Минерва сможет от времени до времени что-нибудь присылать?»³⁹ — спрашивал Либкнехт Маркса, имея в виду его старшую дочь Женни.

Прямую связь с Коммуной установить не удалось. Для «политического обозрения», центральное место в котором занимали в это время события в Париже, редакция широко использовала материалы официального органа Коммуны, левых парижских газет, буржуазно-демократической иностранной прессы. Газета предоставляла на своих страницах слово самим коммунарам и их руководителям. Статьи и письма участников революции 18 марта — свидетельство их исторического оптимизма и непоколебимой веры в торжество своего правого дела. Перепечатанная редакцией из венской газеты «Volkswille» статья Л. Франкеля заканчивалась так: «Что бы ни случилось в будущем, семена, посеянные сейчас, взойдут, и нет такой силы на свете, которая могла бы этому помешать... Настанет день, когда человечество бросится в объятия социализма!»⁴⁰ Редакция опубликовала письмо Э. Вайяна, который также выражал веру в победу, «вопреки пруссакам, буржуа и монархистам»⁴¹. Уже в последние дни борьбы Коммуны в Лейпциг прибыло отправленное 19 мая письмо матери одного из участников Коммуны, в котором говорилось: «Не верить в победу могут лишь изменники!»⁴²

В своих статьях и выступлениях на рабочих собраниях деятели германской социал-демократии подчеркивали резкий контраст между грандиозностью событий, происходящих в Париже, и ничтожностью возни, поднятой в Берлине вокруг провозглашения империи, открытия ее первого рейхстага и т. д. 6 апреля Маркс писал по этому поводу Либкнехту: «Крайне характерно, что император единой Германии, единая империя и единый парламент в Берлине словно *вовсе не существуют* для внешнего мира. Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса»⁴³. Мы полагаем, что именно эта характеристика исторической ситуации и вдохновила В. Либкнехта на одно из самых смелых выступлений. «На фоне величественных событий, происходящих в Париже, — писал он, — особенно резко выступает комическая ничтожность берлинского рейхстага.

Там — всемирно-историческая трагедия. Здесь — кукольная комедия.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, № 12352 (Штибер. — начальник прусской тайной полиции).

⁴⁰ «Der Volksstaat», 15.IV 1871.

⁴¹ «Der Volksstaat», 26.IV 1871; см. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 181.

⁴² «Der Volksstaat», 19.IV 1871.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 169.

Там — жестокая классовая борьба, в которой решается будущее Европы. Здесь — детская забава.

Там — пролетариат, титанически борющийся с буржуазией, схватка нового общества со старым. Здесь — петрушка Бисмарк». Вывод из этого сопоставления звучал так: «Существует логика фактов, по которой слово сейчас принадлежит Парижу, потому что он — столица мира, несмотря на императора Бомбу (Вильгельма I.— *Авт.*) и его приспешников»⁴⁴.

Номер газеты с этой статьей был немедленно конфискован за оскорбление Вильгельма I. «Итак, судя по полученным здесь телеграммам, «*Volksstaat*» вчера снова конфисковали за оскорбление величества. Удивляюсь, что это не случилось еще раньше. Ты очень дерзок...»⁴⁵ — писал Либкнехту с явным одобрением Энгельс.

Газета показывала рабочему читателю, что высокие моральные качества деятелей Коммуны объясняются тем, что они борются за интересы рабочих, а многие вышли из рядов пролетариата. «Должностные лица Коммуны, — подчеркивала редакция, — большей частью рабочие; так, например, Варлен — переплетчик, Пенди — плотник, Амуру — шляпочник, Тейс — бронзовщик, Дерер — сапожник и т. д. Короче говоря, Коммуна — это рабочее правительство в собственном смысле этого слова; члены этого правительства получают обычную заработную плату, примерно такую, какую они получали бы у себя на работе»⁴⁶. В другом номере газеты читаем: «Назовем те декреты, которые доказывают, что в Париже действуют не «кровопийцы» и не «разбойники», а что Коммуна действительно представляет интересы рабочих и мелких буржуа»⁴⁷. Редакция сообщала о материальной помощи Коммуны рабочим семьям, потерявшим своих кормильцев, о введении отсрочки уплаты задолженности по квартирной плате и т. д. Следует отметить, что, освещая те или иные мероприятия рабочего правительства, например отмену рекрутского набора и решение о том, что отныне Париж будет защищаться только национальной гвардией, т. е. вооруженным народом, редакция не возвысилась, однако, до оценки этого факта как одного из важных элементов процесса создания Парижской Коммуной нового пролетарского государства.

Не обходила газета молчанием и слабые стороны Коммуны, на которые Маркс обращал внимание Либкнехта. Так, в частности, в номере от 15 апреля читаем: «Версальцы свирепствуют, а Коммуна из чувства гуманности стремится к максималь-

⁴⁴ «*Der Volksstaat*», 12.IV 1871.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 179.

⁴⁶ «*Der Volksstaat*», 21.IV 1871.

⁴⁷ «*Der Volksstaat*», 5.IV 1871.

ной человечности, проявляя, возможно, даже излишнюю умеренность».

И на страницах газеты, и с трибуны рейхстага Либкнехт и Бебель вели борьбу с неправильным пониманием революции 18 марта, как движения, всецело направленного на завоевание коммунальных вольностей Парижем и другими городами. Возражая тем, кто ссыался на немногочисленность социалистических мероприятий Коммуны, редакция «Volksstaat» с полным основанием утверждала: «Подобное суждение о Коммуне абсолютно неверно. Действительно, число проведенных Коммуной социалистических мероприятий невелико. Однако это является неизбежным следствием условий, в которых она возникла, и ничего не меняет в том факте, что она по существу была правительством пролетариата, несмотря на участие в нем буржуазно-демократических элементов»⁴⁸.

Последовательный демократизм Коммуны газета противопоставляла антидемократической сущности юнкерско-буржуазной Германской империи и именно этим объясняла ее непримиримую враждебность к Коммуне. Империя «намерена искать поддержку не в народе, а в привилегированных сословиях. Поэтому она не потерпит существования у своих границ республики, стремящейся к равенству, свободе и братству»⁴⁹.

«Мы так же, как и французские рабочие, хотим мира», — писала редакция главного органа социал-демократической партии, выражая чувства десятков тысяч немецких рабочих. Поэтому «немецкий народ заинтересован в успехах социальной республики во Франции, тогда как Тьер всегда лелеял планы захвата Рейна и ухватится за первую же возможность, чтобы при помощи новой войны с Германией отдалить волнения внутри страны»⁵⁰. Доказательством миролюбия парижских рабочих может служить заявление Центрального комитета национальной гвардии о том, что он будет твердо соблюдать предварительные условия мира, «чтобы обеспечить этим спасение республиканской Франции и дело всеобщего мира».

В подтверждение того, что французские рабочие преодолели национальную вражду и после своей победы предоставили живущим в Париже немцам те же гарантии личности и собственности, какими пользуются французы, редакция сообщала о назначении австрийского рабочего Франкеля «министром труда» Коммуны (как его назвал впоследствии Маркс). В этом органе социал-демократической партии видел проявление «интернационального принципа, который с такой же неизбежностью заставляет немецких буржуа и реакционеров встать на сторону фран-

⁴⁸ «Der Volksstaat», 30.X 1871.

⁴⁹ «Der Volksstaat», 25.III 1871.

⁵⁰ «Der Volksstaat», 1.IV 1871.

цүзских, как немецких рабочих — на сторону их французских братьев». «Для наших врагов давно уже не существует национальных границ», — констатировала редакция «Volksstaat». «Священный союз» абсолютистских режимов по своей природе не менее интернационален, чем Международное Товарищество Рабочих.

«Нас прозвали «международной партией действия»; хорошо, мы соглашаемся на это название, и нашим лозунгом отныне будет международное действие пролетариата против международной реакции буржуазии и помещиков»⁵¹.

Основываясь на твердо установленных фактах, газета «Volksstaat» решительно и смело изо дня в день разоблачала зловещую роль Бисмарка как активного пособника Тьера в борьбе против революционного Парижа. Она констатировала, что «опруссаченная Германия горит желанием выполнить по отношению к Парижской Коммуне свою миссию международного жандарма»⁵². Редакция раскрывала связь между контрреволюционной, агрессивной внешней политикой Германской империи и классовыми силами, которые господствовали в этом «прусском военно-поповско-полицейском государстве»⁵³.

В то время как сами коммунары склонны были ошибочно доверять заявлениям германского командования о «нейтралитете» немецких войск, стоявших под Парижем, редакция доказывала, что с середины апреля «косвенная интервенция уже началась, поскольку Бисмарк разрешил Тьеру увеличить численность армии, действующей против Парижа, с 80 до 150 тыс. человек и отпускает из плена французских солдат»⁵⁴.

Разоблачая впоследствии помощь немецких оккупационных войск версальской армии, газета писала: «Германская армия под Парижем совместно с версальцами оценила город и отгоняет беглецов ружейным огнем обратно под нож версальцев...»⁵⁵ Газета опубликовала письмо одного из германских солдат, описывавшего положение в Париже после вторжения в него версальских войск: «Тысячи женщин и детей гибнут, пытаясь спастись в погребах, в то время как над их головами дома рушатся под орудийным обстрелом. Тысячи этих достойных сожаления существ стоят перед воротами, зорко охраняемыми пруссаками, и, ломая руки, умоляют, чтобы их взяли в плен... Однако железная дисциплина солдат не знает жалости... Так как мы не выпускаем из ворот ни одного человека, то все они

⁵¹ «Der Volksstaat», 26.IV 1871.

⁵² «Der Volksstaat», 15.IV 1871.

⁵³ «Der Volksstaat», 19.IV 1871.

⁵⁴ «Der Volksstaat», 15.IV 1871.

⁵⁵ «Der Volksstaat», 31.V 1871.

в конце концов попадают в руки версальцев; для этого-то нас сюда и поставили»⁵⁶.

Высшим проявлением братских чувств солидарности с Коммуной лучших представителей рабочего класса Германии стало знаменитое выступление Бебеля в рейхстаге 25 мая 1871 г. В разгар кровавой «майской недели» Бебель разоблачил подлинную сущность Франкфуртского мирного договора с его тайными статьями, направленными на удушение Коммуны объединенными силами версальских войск и германских оккупантов.

Навсегда останутся в летописи пролетарского интернационализма вещные слова Бебеля: «Господа, если даже в данный момент Париж и покорен, то я напоминаю вам о том, что борьба там была лишь небольшой схваткой на аванпостах, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и тунеядству!» — станет боевым кличем всего европейского пролетариата»⁵⁷.

Печать социал-демократической партии, естественно, полностью поддержала это выступление Бебеля, в котором он выразил волю своих избирателей и выполнил свой интернациональный долг.

Несмотря на гибель Парижской Коммуны, передовые рабочие Германии не пали духом. В гибели Коммуны они видели лишь временное поражение, ибо, как писал главный орган социал-демократической партии 27 мая 1871 г.: «Процесс экономического разложения старого общества не может быть остановлен, а чем дальше он развивается, тем больше укрепляются силы социализма. В 1848 г. пролетариат четыре дня успешно противостоял силам реакции: весной 1871 г. он продержался два месяца». Именно так озаглавила редакция одну из своих передовых статей «Июнь 1848 г.— март — май 1871 г.—...?» Здесь мы читаем: «В воскресенье, после восьмидневных уличных боев, пала Коммуна. Вторая волна прилива разбилась о стены буржуазного общества; но идут новые штурмующие волны, еще более сильные; возможно, еще одна разобьется об эти стены, но ни бог, ни человек не спасут от гибели прогнившее здание. Ликуйте вы, «победители», пока вы в силах заглушить свой страх. Ликуюем и мы, несмотря на траур по погибшим братьям, потому что борьба показала нам, насколько мы окрепли с 1848 г., и потому что мы уже сейчас видим то время, когда вы нас не сможете победить»⁵⁸.

⁵⁶ «Der Volksstaat», 21.VI 1871.

⁵⁷ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. I Legislaturperiode. I Session, Bd. II, 1871, S. 928.

⁵⁸ «Der Volksstaat», 3.VI 1871.

После гибели Коммуны по всей Германии прокатилась волна рабочих собраний, посвященных памяти ее борцов. Они состоялись в Берлине, Кёльне, Киле, Бреслау (Вроцлаве), Мюнхене, Изерлоне, Эссене, Нюрнберге, Гамбурге, Эслингене, Майнце, Лейпциге, Тельгейме. События кровавой «майской недели» вновь всколыхнули рабочих — членов Всеобщего рабочего союза и тех, кто до этого времени находился под его влиянием. Показательно, что на собрании 24 июня в Гамбурге, этой бывшей цитадели лассальянства, с большой речью в защиту Коммуны и Интернационала выступил А. Гейб, возглавлявший тут ранее оппозицию по отношению к лассальянским руководителям и ставший затем одним из активных деятелей социал-демократической партии. «И здесь начинает светать»⁵⁹, — писал автор отчета об этом собрании в Гамбурге, явно имея в виду падение влияния лассальянства. Когда в докладе царского дипломата Вегезака Александру II мы читаем сообщение из Гамбурга о том, что, по наблюдениям местной полиции, на севере Германии «рабочие все больше и больше переходят под знамена социалистов»⁶⁰, то мы можем с уверенностью утверждать, что речь идет именно о значительном расширении авторитета и популярности социал-демократической партии, высоко поднявшей в это время знамя пролетарского интернационализма, от которого на деле отошли вожаки лассальянцев.

1 октября на собрании рабочих в Тельгейме (Саксония), куда пришли также труженики из ряда других городов этого округа, выступил по их приглашению Либкнехт. Когда он говорил о героях и мучениках Коммуны, о самоотверженности женщин-коммунарок, то по блестящим глазам и напряженным лицам многочисленных слушателей и слушательниц было видно, «как велика в сердцах народа ненависть к бесчеловечным палачам»⁶¹.

На состоявшемся в августе 1871 г. в Дрездене очередном съезде социал-демократической партии полиция запретила докладчикам касаться вопроса об отношении партии к Коммуне. Съезд высказался по этому поводу лишь косвенно, заявив в резолюции о своей полной солидарности с позицией органа партии — газеты «*Volksstaat*» — и одобрив проявившуюся в это время с особенной силой «идейную связь германской социал-демократии с Международным Товариществом Рабочих»⁶². Делегаты съезда почтили память Коммуны вставанием.

⁵⁹ «*Der Volksstaat*», 5.VII 1871.

⁶⁰ АВПР МИД СССР, ф. Канцелярия МИД, д. 55, Гамбург 1871 г., л. 53.

⁶¹ «*Der Volksstaat*», 8.XI 1871.

⁶² «*Protokoll über den zweiten Congress der social-demokratischen Arbeiterpartei, abgehalten zu Dresden am 12, 13 und 15 August 1871*». Leipzig, 1872, S. 132.

Когда после гибели Коммуны немецкая реакционная печать призвала социал-демократов отречься от нее, редакция газеты «Volksstaat» заявила: «Читайте органы нашей партии, господа буржуа, и в них вы найдете ответ. Мы солидарны с Коммуной...»⁶³ В обвинительном акте, предъявленном Бебелю, Либкнехту и Гегнеру во время процесса 1872 г., говорилось, что все поведение редактировавшейся ими газеты «Volksstaat» не оставляет никаких сомнений в республиканско-революционных тенденциях партии: газета проникнута духом революции, она воздействует на массы, подготавливает их к борьбе»⁶⁴.

Маркс и Энгельс дали высокую оценку поведению передовых рабочих Германии в дни Коммуны: «Немецкие рабочие держались во время этого последнего большого кризиса превосходно, лучше всех остальных»⁶⁵, — писал Энгельс 22 июня 1871 г. Либкнехту.

На Лондонской конференции Интернационала Маркс говорил 22 сентября 1871 г.: «Во время существования Коммуны германские рабочие на собраниях и в своих газетах непрерывно заявляли о своей солидарности с парижскими революционерами... Во время триумфального вступления в Берлин императора Вильгельма и его армии рабочие встретили победителей криками: «Да здравствует Коммуна!»»⁶⁶

Выступая 31 октября 1932 г. в Париже на митинге, созванном Французской коммунистической партией в честь 15-летия Октябрьской революции, вождь Коммунистической партии Германии Эрнст Тельман говорил, что память о героических днях Парижской Коммуны укрепляет в сердце каждого пролетария дух классовой солидарности. Он напомнил, что знамя солидарности с делом Коммуны подняли в 1871 г. стоявшие в авангарде немецкого рабочего класса Бебель и Либкнехт⁶⁷.

В 1871 г. передовые немецкие рабочие и социал-демократия Германии в многообразных формах массового движения солидарности с коммунарами показали высокие образцы пролетарского интернационализма. Трудящиеся Германской Демократической Республики, верные заветам Тельмана, высоко чтят революционные традиции Парижской Коммуны и изучают опыт борьбы германских рабочих в те героические дни.

⁶³ «Der Volksstaat», 7.VI 1871.

⁶⁴ «Leipziger Hochverratsprozess...» Leipzig, 1872, S. 77.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 200.

⁶⁶ «Лондонская конференция I Интернационала 17—23 сентября 1871 г.» М., 1936, стр. 103—104.

⁶⁷ См. «Правда», 3.XI 1932.

* ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ 1871 Г.

Парижская Коммуна нашла широкие отклики на страницах русской либеральной печати. Провозглашение республики во Франции многими органами либеральной печати было встречено с удовлетворением. «Голос» писал, что «иго Второй империи свергнуто, провозглашена республика», ее первые шаги «вполне рациональны и должны принести несомненную пользу»¹.

Но дальнейшие события вызвали тревогу. В редакционной статье «Русских ведомостей» от 6(18) марта 1871 г. парижский пролетариат был охарактеризован как «современный финкс» и «пугало нашего столетия». Через две недели с горечью отмечалось влияние в ЦК национальной гвардии «рабочего элемента», что, как заявляла газета, «подтверждают иностранные газеты последней почты, ссылаясь на авторитет Карла Маркса, одного из самых видных деятелей по рабочему вопросу»². Так на страницах либеральной газеты возникновение революционного движения в Париже связывалось в какой-то мере с борьбой рабочих и именем Маркса.

Провинциальная газета «Новороссийский телеграф» считала революцию в Париже «ужасным бедствием», которое обессилит 40-миллионную французскую нацию³. Иначе воспринимала события в Париже славянофильская «Беседа»: «Централизованная, монархическая, военная» Франция вступила на путь перерождения, начала движение за широкое самоуправление городов и общин, «децентрализация, областное и общинное самоуправление — вот девиз предводителей последней французской революции»⁴.

¹ См. «Голос», 25.VIII (6.IX) и 26.VIII (7.IX) 1870.

² «Русские ведомости», 19(31).III 1871.

³ «Новороссийский телеграф», 12 (24) III 1871.

⁴ «Беседа», 1871, № 5, стр. 315.

Борьба парижан за самоуправление нашла, по мнению «Беседы», сочувственный отклик в Лионе, Марселе, Тулузе и некоторых других городах Франции, добивавшихся «полного самоуправления, коего не видела по сию пору Франция»⁵. Идею городского самоуправления считал одной из основ Коммуны и «Вестник Европы»⁶.

Корреспондент «Голоса» В — ич писал 22 марта (3 апреля) из Версаля, что Наполеон III отнял у Парижа муниципальную свободу. Это и стало причиной революции, которая явилась «чисто местным и экономическим движением»⁷.

Взгляд на Коммуну как на движение за городское самоуправление объясняется самой природой российского либерализма, отрицательно относившегося к централизованному бюрократическому государству, пытавшемуся усилить свою роль в управлении государством⁸.

По мере роста революционной борьбы некоторые органы печати начали по-иному расценивать сущность Парижской Коммуны. Так, «Биржевые ведомости» с негодованием отмечали, что в Париже произошла «настоящая революция» — в ней участвуют не только «монмартрские и бельвильские бунтовщики», но и часть армии, флота.

Провозглашение Парижской Коммуны заставило органы российского либерализма обратиться к истории революционной борьбы во Франции, и в первую очередь к революции 1848 г. Этому 9 (21) марта 1871 г. была посвящена редакционная статья «С.-Петербургских ведомостей»: «6 (18) марта в Париже вспыхнула настоящая, серьезная революция. Вчера инсургенты овладели уже Ратушей, водрузили на ней красное знамя и издают оттуда прокламации. Что будет дальше? Повторятся ли июньские дни 1848 и декабрьские дни 1851 года с теми же результатами?.. Если вспомнить, что в июне 1848 г. не только регулярные войска, но и национальная гвардия сражались против народа, что и дало возможность генералу Кавеньяку справиться с народным движением, между тем как теперь не только национальная гвардия, но и войска братаются с инсургентами, то нельзя не прийти к заключению, что в настоящее время победа правительства представляется гораздо более сомнительной, а победа инсургентов — гораздо более правдоподобной, чем в 1848 или 1851 году».

Журнал «Беседа» признал, что борьба рабочего класса с буржуазией, труда с капиталом характерна для революций и

⁵ «Беседа», 1871, № 4. Политическое обозрение, стр. 96.

⁶ См. «Вестник Европы», 1871, № 3. Иностранное обозрение, стр. 435.

⁷ «Голос», 5(17).IV 1871.

⁸ Подробнее см. об этом: М. Балабанов. Россия и европейские революции в прошлом. — «Парижская Коммуна», вып. III. Киев, 1925, стр. 18—21.

1848 и 1871 гг. Но в 1848 г. «как бы не сказалось еще политическое сознание рабочего сословия», отвлеченно понимавшего политическую свободу, представляя ее в виде всеобщего голосования⁹.

Либеральные газеты широко и подчас объективно информировали читателей о мероприятиях Парижской Коммуны, но в их оценке сквозил страх перед событиями. «Кто может предвидеть,— писали «Русские ведомости» 10 (22) марта 1871 г.— последствия этого разгорающегося пожара?.. Нельзя исчислить бедствий, которые могут быть навлечены на страну, если власть захватит партия красных республиканцев, способная навести трепет на собственников».

С укреплением позиций Коммуны надежды русских либералов на организацию во Франции буржуазного правительства начали пропадать. Боязнь уничтожения коммунарами частной собственности порождала все большую тревогу.

Различные либеральные газеты и журналы расходились в оценке происходивших в Париже революционных событий. Здесь встречались благожелательные отзывы о коммунарах. Так, корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», подписывающийся «Парижанин», сообщал в конце марта из Парижа, что, вопреки сообщениям многих других газет, столица Франции «не предана огню и мечу», что в Париже в воскресенье с восходом солнца начаты выборы и что после голосования члены Центрального комитета поздравляли «народ с победой»¹⁰.

«Парижане,— писали «Русские ведомости»,— чувствуют себя спокойно... не верьте версальским газетам, повествующим о насилиях, грабеже, воровстве, поджогах и всяких других преступлениях, которыми Коммуна будто бы наполнила Париж»¹¹. Корреспондент «С.-Петербургских ведомостей», именуемый себя «Сторонним наблюдателем», писал из Парижа 18 апреля, что версальцы вводят в заблуждение провинциальные центры Франции, будто бы в Париже совершается всеобщий грабеж¹².

Утверждая, что власть в Париже захватили «неизвестные люди», «Русские ведомости» 13 (25) апреля 1871 г. все же вынуждены были признать в редакционной статье самоотверженность деятелей Парижской Коммуны: «Но для того чтобы идти на смерть людям, для которых война не составляет ремесла и которые еще очень недавно взяли за оружие, для этого нужно иметь, однако же, довольно определенное пред-

⁹ «Беседа», 1871, № 5. Политическая программа западноевропейской демократии, стр. 316.

¹⁰ См. «С.-Петербургские ведомости», 23 и 24.III (4 и 5.IV) 1871 (корреспонденция «Парижанина» из Парижа от 15(27) и 17(29) марта).

¹¹ «Русские ведомости», 14 (26).IV 1871 («Письма из Парижа», 1 апреля).

¹² «С.-Петербургские ведомости», 15(27).IV 1871.

ставление о деле, за которое идешь умирать, не говоря уже о том, что это дело должно быть дорого людям, если они решаются за него жертвовать жизнью».

«Голос» в период ожесточенной борьбы версальцев с коммунарами привел объективный отзыв корреспондента газеты «Daily News» о военных действиях парижан под стенами столицы Франции. В этой заметке, в частности, говорилось: «Генерал Домбровский... разделяет труды солдат, которые, безусловно, обожают его и смотрят как на заколдованного человека»¹³.

Сочувственные рассказы о деятелях Коммуны мы находим в ярко написанных статьях корреспондента «Вестника Европы» Е. Утина¹⁴. С большим уважением и даже восхищением он говорил, например, о Варлене. С большой симпатией отзывался Утин о рабочих, которые «показали, что в них нет трусости и что они умеют жертвовать своей жизнью и умирать с фанатической решимостью»¹⁵. Характерно, что в отдельных органах либеральной печати публиковались документы Парижской Коммуны.

На страницах либеральной прессы мы находим статьи, в которых делаются попытки разобраться в течениях, движущих силах и планах Коммуны. «Биржевые ведомости» полагали, что с момента парижского восстания в революционном движении оказалось два направления. Одна партия — «коммунистов» — добивалась «преобладания пролетариата над богатыми классами, рабочего над хозяином, труда над капиталом», другая — «коммуналистов» — хотела «общей республики, основанной на вольных конфедеративных общинах». Сначала была поставлена задача «освобождения» пролетариата, затем началось наступление на буржуазию. После этого ЦК национальной гвардии «сбросил маску» и показал, что такое Парижская Коммуна. «Коммуна, — писали «Биржевые ведомости», — владеет и издает законы... У подошвы Монмартра развивается новое государство, со своим собственным бюджетом, финансовую систему, свою армию, возникает «федерация» общин...»¹⁶ В заключение газета ставила вопрос: «Не есть ли это признак разложения внутреннего? И это французские коммуналисты называют «прогрессом»?»¹⁷

¹³ «Голос», 10(22).V 1871. Еще раньше корреспондент «Голоса» В — не писал из Версаля: «Из всех рассказов и сообщений оказывается, что парижская национальная гвардия и приверженцы Коммуны ожесточенно дерутся и обнаруживают храбрость, которой никто от них не ожидал» («Голос», 9(21).IV 1871).

¹⁴ Статьи Е. Утина вышли отдельным изданием под названием: «Франция в 1871 г. Политические эскизы». СПб., 1872. Книга после выхода в свет была запрещена цензурой.

¹⁵ Там же, стр. 440.

¹⁶ «Биржевые ведомости», 23.III (4.IV) 1871.

¹⁷ Там же.

После выборов Коммуны «С.-Петербургские ведомости» высказались более подробно относительно автономии столицы Франции: если Коммуна ограничится автономией Парижа и не будет посягать на «права остальной Франции», она даст другим городам пример самоуправления и положит основание «новой, федеративной Франции»¹⁸. Но такая возможность сомнительна.

Когда стала ясна революционная направленность Коммуны, газеты заговорили о превращении муниципального движения в движение политическое. Так, корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» писал 15 апреля 1871 г. из Парижа: «Движение, бывшее вначале чисто муниципальным, выродилось благодаря неспособности и неискренности Национального собрания в движение политическое, в такой степени страстное, что потушить его можно только потоками крови»¹⁹.

Когда начала разгораться борьба между Версалем и Коммуной, часть либеральной печати, осуждая коммунаров, не одобряла и действия версальского правительства. «На чьей бы стороне ни оказалась победа,— писали 2(14) апреля 1871 г. «Биржевые ведомости»,— полного умиротворения Франция не получит... Версальское Национальное собрание так же мало выражает мнение французского народа, как и Парижская Коммуна». Такие же взгляды высказывал и «Голос».

Во время «майской недели» на страницах отдельных газет расправа версальцев с коммунарами одобрялась. Но проскальзывали и ноты тревоги по поводу излишней жестокости, которая способствует «вредным умыслам» и в будущем может вызвать «новую передрыгую»²⁰. Иногда в либеральной печати нападки на коммунаров соседствовали с насмешками над версальцами. «Поведение парижских агитаторов,— писал «Вестник Европы»,— нелепо и постыдно. Но хорошо также и торжество версальских победителей. Эти солдаты Наполеона малого, эти стада беззащитных ягнят... какими разъяренными львами они оказались на улицах Парижа!»²¹

После победы версальцев «С.-Петербургские ведомости» с сожалением отмечали, что разум и чувство справедливости не привели к более мудрому решению: «Одна сторона — отжившие люди и клерикалы Версаля — опиралась лишь на юридическую легальность и на физическую силу; другая сторона — темные фанатики Парижской Коммуны — отрицала действительность и следовала только влечению народной страсти»²².

Более прогрессивную точку зрения русского либерализма выразил корреспондент «Вестника Европы» Е. Утин, считавший,

¹⁸ «С.-Петербургские ведомости», 24.III (5.IV) 1871.

¹⁹ «С.-Петербургские ведомости», 8 (20).IV 1871. Статья за подписью «Сторонний наблюдатель».

²⁰ «Голос», 10(22).VI 1871. Статья А. Ф. — т из Парижа 1(13) июня 1871 г.

²¹ «Вестник Европы», 1871, № 6. Иностранное обозрение, стр. 863.

²² «С.-Петербургские ведомости», 15(27).V 1871.

что борьба между Версалем и Коммуной не дает возможности сейчас установить: «Вот кто безусловно прав, вот кто безусловно виноват в этой страшной двухмесячной борьбе!». Но будущим историкам придется признать, что самая крупная доля ответственности за разорения «падает вовсе не на парижское население, а на то Национальное собрание, которое всячески толкало республиканское правительство на путь крайней реакции»²³. С негодованием отзывается Утин о версальском терроре. Особое впечатление оставляет его описание расправы с Варленом: «Варлен был расстрелян в одной маленькой улице, расстрелян без суда, как расстреливают тысячи людей, без разбора, не обращая внимания, были ли то женщины или мужчины, взрослые или дети»²⁴.

После падения Коммуны либеральная печать высказывала единодушное отрицание революционной борьбы народных масс. «Биржевые ведомости» писали, что Коммуна надолго подорвала веру в возможность социально-демократических преобразований во Франции.

Редакционная статья «Голоса» отмечала, что события в Париже послужат «спасительным уроком» для стран Европы²⁵. «Новороссийский телеграф» заявлял, что вся революционная Европа могла еще раз убедиться в невозможности переустройства общества методами парижских революционеров²⁶.

Русская либеральная печать выступила также с заявлением, что Коммуна была подготовлена Интернационалом. Так, «Биржевые ведомости» уже 15 (27) марта писали, что «пружина событий 18 (6) марта в «международном обществе», которое имеет в виду распространение республики во всем мире. Более определенно высказывался 19 (31) мая 1871 г. «Голос»: «Еще в 1864 г. возникла т. н. «Internationale», т. е. международная ассоциация рабочих, выставляющая свою программу ограждение труда от эксплуатации капитала... Несчастья, постигшие Францию, были как нельзя более пригодны для этой зловещей ассоциации, и коноводы ее начали стекаться туда отовсюду...» «Биржевые ведомости» 8 (20) августа отмечали, что Интернационал уже в 1865 г. имел в Париже весьма деятельный центр, а затем благодаря участию в стачках он стал быстро распространяться по всей Европе, но особенное влияние получил во Франции. Далее указывалось, что, несмотря на разногласия между взглядами «политических революционеров и

²³ Е. Утин. Франция в 1871 г., стр. 435. «Вестник Европы» обвинял прежде всего версальское правительство: «...во всем, что случилось ныне, и версальское правительство, и особенно Собрание со своей стороны виноваты кругом» («Вестник Европы», 1871, № 4, стр. 857).

²⁴ Там же, стр. 439.

²⁵ «Голос», 19 (31).V 1871.

²⁶ «Новороссийский телеграф», 21.V (2.VI) 1871.

интернационалов, они скоро сблизились между собою» и начали использовать неудачи правительства, обвиняя его «в измене и несостоятельности». Корреспондент «Голоса» Щербань призывал продолжать борьбу с «Международным обществом рабочих». Он заявлял, что Франция и все другие «благоустроенные государства» не должны и не могут терпеть у себя рабочей ассоциации²⁷. «Русские ведомости» также считали своим долгом призывать к борьбе с Интернационалом. Они полагали, что все попытки французского правительства изобрести такие меры, которые «избавили бы Францию от Международного общества», ни к чему не приведут до тех пор, пока в стране не улучшится экономическое положение рабочих²⁸.

Либеральная печать, как правило, недоверчиво относилась к возможности распространения идей Интернационала в России. В стране нет пролетариата, рассуждали русские либералы, следовательно, не может развиваться деятельность Интернационала. «Биржевые ведомости» писали: «Мы на всякие там парижские коммуны и прочее можем смотреть совершенно спокойно»²⁹. Е. Утин полагал, что социальный и политический строй России так мало имеет общего со стремлениями и целями Интернационала, что, «строго говоря, мы имеем полное право игнорировать его»³⁰.

Если в первые дни революционных событий в Париже либеральные газеты весьма поверхностно определяли причины возникновения Коммуны³¹, то после ее подавления, когда страсти утихли, начались поиски более или менее глубоких социальных причин возникновения революции в Париже. Правда, не всегда в корреспонденциях появлялись новые оценки. Так, Г. Вырубов в статье «Из парижской жизни» развивал избитую мысль, будто «сила революции 18 марта» заключается не в энтузиазме радикального меньшинства, а в сочувствии и «молчаливом согласии консервативного большинства», желавшего приобретения муниципальных прав столицей Франции. Буржуазия думала, что это «давнишнее желание» исполнено Парижской Коммуной³². Но были и более глубокие наблюдения. «Киевский телеграф» искал причины Коммуны в социальном

²⁷ «Голос», 22.VI(4.VII) 1871. Несколько раньше Щербань писал, что Интернационал попробовал «воспользоваться тем обстоятельством, что во Франции дерзость и нахрап отдают судьбы страны в распоряжение первого охотника забрать их в руки...» («Голос», 2(14).VI 1871).

²⁸ «Русские ведомости», 1(13).VIII 1871.

²⁹ «Биржевые ведомости», 19(31).III 1871 (цит. по: С. Куниский. Отклики на Парижскую Коммуну в русской периодической печати в 1871 г.— «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 104).

³⁰ Е. Утин. Франция в 1871 г., стр. 362.

³¹ См. С. Куниский. Отклики на Парижскую Коммуну..., стр. 103.

³² «С.-Петербургские ведомости», 10 (22).VIII 1871.

развитии Франции: «Это только результат исторического и общественного развития нации. Это неумолимое проявление действия исторической Немезиды...»³³

В общем русская либеральная печать не поняла исторического значения борьбы парижского пролетариата. В момент возникновения Коммуны русские либералы увидели в парижских событиях борьбу столичного населения за городское самоуправление. Дальнейшее развертывание событий заставило пересмотреть эту точку зрения. В Коммуне теперь усматривали заговор, руководимый Международным Товариществом Рабочих.

После Коммуны возник вопрос: могут ли идеи Интернационала и Коммуны получить распространение в России? Либеральные органы печати ответили на этот вопрос отрицательно.

* ВЛИЯНИЕ КОММУНЫ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Парижская Коммуна оказала сильное влияние на русское революционное движение. Она активизировала интерес русских революционеров к борьбе европейского пролетариата, способствовала развитию и укреплению чувства интернационализма.

Современник Коммуны, революционер-народник А. О. Лукашевич свидетельствовал в своих воспоминаниях: «Потрясающая картина великой титанической борьбы возымела... полное действие. Теперь мы чувствовали себя в полной мере современниками Делеклюза и Вермореля, мы проникались суровым «классовым» патриотизмом интернационального пролетариата и, конечно, от всей души ненавидели Тьера и версальцев»³⁴.

Мужественная борьба парижских коммунаров явилась определенным рубежом в истории русского общественного движения. Нелегальная народническая газета «Работник» писала в 1875 г., что Парижская Коммуна и знакомство с программой Интернационала «послужили поворотным пунктом, началом новой эры в развитии революционного дела в России»³⁵.

Известный революционер и писатель С. М. Степняк-Кравчинский историю общественной мысли в России после отмены крепостного права делил на два этапа: первый — 60-е годы, второй — начиная с 1871 г. «С появлением Парижской Комму-

³³ «Киевский телеграф», 28.V (9. VI) 1871.

³⁴ А. О. Лукашевич. В народ (из воспоминаний семидесятника). — «Былое», 1907, № 3, стр. 5.

³⁵ Цит. по.: Л. Г. Дейч. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 57.

ны,— писал он,— русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские»³⁶.

В своей книге «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года» П. Л. Лавров также говорит о влиянии Коммуны на социалистическое движение в России: «Я признаюсь, что не могу проследить точно связь между этими двумя группами фактов, и не стану пытаться доказывать путем натяжки то, что доказать убедительно не могу. Но для меня лично сотни мелких фактов и впечатлений сливаются в несомненное убеждение, что эта связь существует и что русское социалистическое движение 1873 и следующих годов было косвенно вызвано впечатлением, произведенным и на русские умы событиями Парижской Коммуны»³⁷.

«Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине,— писал В. И. Ленин,—революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»³⁸.

Русские революционные эмигранты, члены Русской секции I Интернационала, совместно с другими деятелями Международного Товарищества Рабочих в Женеве образовали тайный комитет для оказания помощи участникам Коммуны³⁹. В Цюрихе русские эмигранты беседовали с бывшими участниками революции 18 марта 1871 г., помогали нуждающимся коммунарам, по европейским газетам изучали историю Парижской Коммуны⁴⁰.

Возвращаясь на родину, русские передовые люди делились своими впечатлениями о славной пролетарской революции

³⁶ С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. I. М., 1956, стр. 373—374. Ср. воспоминания революционного народника О. В. Аптекмана, писавшего, что его политическая мысль была разбужена франко-прусской войной и Парижской Коммуной (О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. Пг., 1924, стр. 58).

³⁷ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Л.—М., 1925, стр. 211. Влияние Парижской Коммуны на русское революционное движение отмечала и А. Якимова (А. Якимова. Большой процесс, или «Процесс 193-х». — «Каторга и ссылка», 1928, № 8 (37), стр. 9).

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

³⁹ См. Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957, стр. 331—333.

⁴⁰ См. В. Фигнер. Полное собрание сочинений в семи томах, т. I. М., 1932, стр. 81—82; П. А. Кропоткин. Записки революционера. М.—Л., 1933, стр. 169—171.

18 марта, говорили о возможности активизации народного движения в России.

За границей в 70-х годах выходили русские народнические нелегальные издания⁴¹, широко освещавшие западноевропейское социалистическое движение, деятельность Интернационала и Парижской Коммуны.

Руководитель Русской секции I Интернационала Н. И. Утин много сделал для ознакомления русских революционеров с международным социалистическим движением. Но значение гражданской войны во Франции он понял не совсем верно. Революцию в Париже он рассматривал как борьбу идей самоуправления с принципом централизма. По мнению Утина, Коммуна санкционировала право пролетариата на участие в общественном представительстве; централизованному государству рабочий класс противопоставил новую форму управления — Коммуну, выражавшую федеративную идею⁴².

Много реального в понимании Парижской Коммуны проявил гениальный изобретатель народоволец Н. И. Кибальчич. В статье «Политическая революция и экономический вопрос», опубликованной в феврале 1881 г. в нелегальной газете «Народная воля», он отмечал, что экономический переворот не может произойти без определенных политических изменений и, наоборот, политические свободы не могут установиться в стране без известной исторической подготовки в сфере экономики⁴³. При этом Н. И. Кибальчич цитировал работу Маркса «Гражданская война во Франции»: «...Она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда... Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство»⁴⁴. В целом Кибальчич не разделял марксистской оценки революции 18 марта. Но для нас важно отметить, что русский революционер использовал отдельные высказывания Маркса о Парижской Коммуне для доказательства необходимости политической борьбы (в народовольческом понимании) в России, а также для подтверждения зависимости политической революции от экономических факторов.

⁴¹ Эмигранты-народники выпускали в 70-х годах подпольные органы «Народное дело», «Вперед», «Работник», «Набат», «Община».

⁴² Подробнее см.: Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала, стр. 318—325.

⁴³ Литература партии «Народная Воля». М., 1930, стр. 108.

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 346.

«Гражданская война во Франции», переведенная на русский язык народником С. А. Клячко⁴⁵, широко распространялась нелегальными путями среди революционеров 70-х годов. Ее переписывали от руки, изучали, обсуждали в кружках; книгу брали с собой пропагандисты, отправляясь «в народ»⁴⁶. И, несомненно, эта работа Маркса сыграла большую роль в формировании у народников правильного понимания отдельных сторон деятельности Парижской Коммуны.

Руководитель народнического кружка в Нижнем Новгороде А. И. Ливанов в 1873 г., рассказывая членам кружка о деятельности Международного Товарищества Рабочих и борьбе Парижской Коммуны, пояснил, что наиболее достоверным источником, освещающим революционные события во Франции и их значение, является книга «Гражданская война во Франции», в которой Коммуна, по выражению члена кружка Д. Халтурина, «окружалась ореолом» и в которой доказывалось, что «дело Парижской Коммуны есть дело всего ... человечества»⁴⁷.

Мысль о мировом значении борьбы парижских рабочих, о влиянии этой борьбы на Россию нашла отражение в нелегальных листках «Виселица», напечатанных в Петербурге бывшим студентом Технологического института Н. П. Гончаровым в апреле и мае 1871 г.: «Мировая революция уже началась... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе»⁴⁸. Далее в этом же листке Гончаров писал, что русская революционная молодежь должна будет взять на себя задачу борьбы за свободу в России.

Второй листок призывал к революционной борьбе с русскими реакционерами. В третьем листке указывалось на необходимость готовиться к тому моменту, когда в Россию и другие царства через парижские стены прорвется «лавой огненной» революция. Наконец, четвертый листок (от 14 (26) мая 1871 г.) содержал призыв к народу: «Откликнитесь, честные люди, от-

⁴⁵ См. Н. А. Троцкий. Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. — «Новая и новейшая история», № 1, 1962.

⁴⁶ Работа К. Маркса «Гражданская война во Франции» была найдена при обысках у Н. Писарева (17 июня 1874 г.) в дер. Бурцево Даниловского уезда (ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 391, 1874 г., л. 207 об.); у петербургского студента С. К. Хохрякова (ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 209, 1874 г., л. 249); у гимназиста М. П. Бородин в Вятке (ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 234, 1874 г., л. 143). У организатора харьковского народнического кружка Ф. Н. Цебенко при обыске был найден переписанный его рукой весь текст «Гражданской войны во Франции» (ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 2, д. 2451. Бумаги Ф. Н. Цебенко). Эта книга Маркса имела и у многих других народников (см. «Процесс 193-х», стр. 23, 24, 101, 110, 116 и др.).

⁴⁷ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, д. 264, 1874 г., л. 30 об. Показание Д. Халтурина от 25 ноября 1874 г.

⁴⁸ «Виселица» — революционные листовки о Парижской Коммуне. Предисловие С. Валка. — «Литературное наследство», № 1, 1931, стр. 161.

кликнитесь на наших глазах погибшему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперед. Пусть наш скромный призыв будет началом этого отклика—выступайте... на борьбу с окружающими разбойниками... К оружию! К оружию!»⁴⁹

Прокламации Гончарова о Парижской Коммуне получили распространение среди студентов Технологического института⁵⁰, их находили на юге России и в Нижнем Новгороде⁵¹.

Самого Гончарова в феврале 1872 г. суд приговорил к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на шесть лет. По истечении срока каторги он обязан был поселиться навсегда в Сибири⁵².

С весны 1874 г. в России начался известный поход революционно-демократической молодежи «в народ». Тысячи отважных, самоотверженных молодых людей Петербурга и Москвы, Киева и Одессы, Самары, Саратова и многих других городов пошли в деревню, к крестьянам.

Основная масса участников похода рассчитывала поднять крестьян на социалистическую революцию. Разумеется, причины, вызвавшие это массовое движение, коренились в российской действительности. Но и Парижская Коммуна оказала влияние на участников хождения «в народ». Подразумевая влияние деятельности Международного Товарищества Рабочих и Парижской Коммуны, революционный народник О. В. Аптекман писал: «Итак, решение найдено. Нет больше сомнений, нет колебаний. Чистое, как хрусталь, настроение, цельное, почти религиозное чувство охватило молодежь... Идти в народ!»⁵³ Руководитель пензенского кружка молодежи Д. М. Рогачев говорил своим товарищам о деятельности Интернационала и Парижской Коммуны, с симпатией отзываясь о Карле Марксе, Вильгельме Либкнехте и Августе Бебеле. Борьба рабочих Европы воодушевляла и саратовских пропагандистов. С. Б. Ширяев, впоследствии известный народовец, писал в автобиографии, что знакомство с историей Интернационала и Коммуны определило цель их кружка — «подготавливать себя к роли про-

⁴⁹ Там же, стр. 164.

⁵⁰ См. «Каторга и ссылка», № 4 (11), 1924, стр. 33—34.

⁵¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I. СПб., 1906, стр. 227.

⁵² Там же, стр. 228—229.

⁵³ О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х годов, стр. 127—128. Конечно, нельзя понимать это высказывание в том смысле, что только международное движение побудило народников пойти «в народ». Оно явилось лишь ускоряющим фактором.

пагандистов в народе, знакомиться с рабочими и влиять на них»⁵⁴.

Парижская Коммуна и другие акты социалистической борьбы в Европе упоминались участниками «хождения в народ» в прокламациях. Так, в Петербурге весной 1874 г. среди народников распространялась рукописная прокламация «О чем и как должен говорить с народом революционер-пропагандист». В числе тем для разговора с крестьянами, перечисленных в этой прокламации, фигурировала тема международного революционного движения, в частности тема Парижской Коммуны. «Вы будете говорить с народом,— отмечалось в прокламации,— о том, как в чужих странах восставали рабы против господ, ремесленники городов против дворян; как народ казнил за измену королей на берегах Темзы и Сены, как изгоняли других; как сплачиваются работники Европы и Америки в союз, не признающий ни королей, ни государства, ни частной собственности; как дрались и умирали работники Парижа за свободу и самостоятельность своего города»⁵⁵.

Влияние Парижской Коммуны на народническое движение образно показал С. Кравчинский. В книге «Подпольная Россия» он писал, что в 1871 г. перед русским революционером возникла картина громадного города, восставшего на защиту прав народа. Люди этого города умирали «за великую социальную идею нашей эпохи» — за освобождение трудящихся. «И в то же время,— продолжал Кравчинский,— до его (революционера.— *Авт.*) слуха долетает песня русского крестьянина, созданная веками страданий, нищеты, угнетения. Юноша знает теперь, что ему делать. Он протянет крестьянину свою руку. Он укажет ему путь к свободе, счастью»⁵⁶.

В народнических кружках того времени много читали о Парижской Коммуне, горячо обсуждали ее деятельность. Для идеологов крестьянской революции особенно близкими по духу были те документы, в которых отразилось отношение парижских коммунаров к крестьянству.

Не случайно народники перевели на русский язык известное обращение Парижской Коммуны к крестьянам, написанное Андре Лео и Б. Малом (в русском переводе оно было названо «Манифестом Парижской Коммуны к сельским работникам») ⁵⁷.

Большой интерес в этой связи представляет и переделка «Манифеста Парижской Коммуны к сельским работникам», про-

⁵⁴ «Красный архив», 1924, № 7, стр. 75—76.

⁵⁵ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, стр. 133.

⁵⁶ С. Степняк-Кравчинский. Соч., т. 1, стр. 372.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 2, д. 2476. Бумаги Н. Н. Черемухина.

изведенная пропагандистом И. Н. Любимовым⁵⁸. Сопоставим разделы воззвания, предназначенные для сельского населения Франции, и его новый вариант, рассчитанный на русского крестьянина.

*Обращение
«К трудящимся деревни»*

«Париж требует, чтобы правосудие не стоило больше ничего пугающим-ся в нем и чтобы народ сам избирал своих судей из среды частных людей кантона.

Париж хочет, чтобы земля принадлежала крестьянину, капитал (орудия производства) ремесленнику, труд всем».

*Изменение текста этого обращения
И. Н. Любимовым*

«Чтобы правосудие ничего не стоило тем, которые в нем пугаются, и чтобы народ сам выбирал судей из своей среды.

Знаете ли чего в конце концов хотим мы? Чтобы земля принадлежала крестьянину, а орудия труда ремесленнику, чтобы труд стал обязательным для всех».

Это и дальнейшие сопоставления показывают, что фразы и отдельные слова, относящиеся только к французской действительности, в новом варианте опускались. Мы не найдем и таких абзацев: «Париж требует, чтобы 5 млрд. были уплачены Пруссии депутатами, сенаторами и бонапартистами». Оставлено только то, что могло годиться для пропаганды среди крестьян России. Так народники использовали обращение коммунаров к крестьянству, применяя его к русским условиям⁵⁹.

Парижская Коммуна оказала и прямое влияние на русских рабочих-революционеров 70-х годов.

Большое влияние Парижской Коммуны на формирование взглядов наиболее сознательных рабочих было отмечено петербургским рабочим-революционером А. Н. Петерсоном⁶⁰. Внимательно изучали историю возникновения, деятельности и гибели Коммуны активные участники «Южнороссийского союза рабочих» (1875 г.) М. Сквери и Я. Рыбичкий⁶¹.

Особенно привлекала рабочих в истории Коммуны идея захвата власти пролетариатом, активное участие народа в движении. Об этом они узнавали из подпольных изданий, из бесед с революционными народниками. Так, согласно показанию, дан-

⁵⁸ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 2, д. 2476. Бумаги И. Н. Любимова. С благодарностью отмечаем, что на значение этого документа обратила внимание В. Ф. Захарина.

⁵⁹ Можно предположить, что обращение Парижской Коммуны «К трудящимся деревни» было привезено в Россию из Швейцарии П. Кропоткиным, где он в 1872 г. близко сдружился с Бенуа Малопом (см. П. А. Кропоткин. Записки революционера, стр. 175—176).

⁶⁰ См. «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 226.

⁶¹ М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса, 1921, стр. 17—19.

ному на следствии рабочим Андреановым, в одном из петербургских трактиров П. А. Кропоткин рассказывал, как во Франции после войны рабочие Парижа «взяли власть в свои руки и управляли городом», как они самоотверженно воевали с французским буржуазным правительством. Пропагандист подчеркивал, что во время правления рабочих жизнь трудящихся Парижа значительно улучшилась⁶².

После провозглашения Парижской Коммуны среди передовых рабочих России значительно усилился интерес к деятельности I Интернационала и западноевропейскому революционному движению. Так, Степан Николаевич Халтурин изучал историю Великой Французской революции английских тред-юнионов, современное ему европейское движение пролетариата. Виктор Обнорский трижды в 70-х годах нелегально ездил в Европу, где основательно ознакомился с зарубежным социалистическим движением. В 1874—1875 гг. побывали за границей и петербургские рабочие С. Виноградов и К. Иванайнен. В Цюрихе они сблизились с основателем одной из швейцарских секций I Интернационала Г. Грейлихом.

Влияние международного социалистического движения сказалось и на программных документах первых пролетарских организаций в России. Устав «Южнороссийского союза рабочих» в ряде своих пунктов повторяет разделы уставов I Интернационала и его Центральной женевской секции.

Программа «Северного союза русских рабочих» усиленно выделяла идею международной солидарности пролетариата: «Наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу»⁶³.

Влияние Коммуны на взгляды русских революционеров ярко проявилось на митинге рабочих и революционной интеллигенции Одессы, состоявшемся 18 марта 1878 г. — в день провозглашения Парижской Коммуны. Открыл митинг рабочий, сказавший: «Как-то чувствуешь себя бодрее, когда видишь, что ты не один, что есть много людей, сочувствующих твоему делу».

Затем был заслушан доклад о возникновении, деятельности, причинах падения и историческом значении революции 1871 года. «Парижская Коммуна, — говорил докладчик, — представляет первое революционное движение, где народ выступил самостоятельно и с полным сознанием, чтобы свергнуть гнетущий порядок»⁶⁴. Далее оратор отметил, что Коммуна активи-

⁶² ЦГАОР, ф. ОППС, 1874 г., оп. 1, д. 209, л. 142 об. Показания рабочего С. Андреанова от 27 марта 1874 г.

⁶³ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2. М., стр. 242.

⁶⁴ «Община», 1878, № 3-4, стр. 30.

зировала работу Интернационала и способствовала усилению революционного движения в России, где стало более значительным влияние Международного Товарищества Рабочих. Внимание собравшихся привлек рассказ о том, как рабочие держали в своих руках столицу Франции и как мужественно сражались коммунары, отстаивая до последней капли крови каждую улицу, каждый квартал, каждый дом. На митинге было прочитано два реферата из истории революционного движения в России. Один из выступавших посвятил свою речь защите дела Коммуны от клеветнических нападок буржуазии. Собравшись праздновать день провозглашения Парижской Коммуны, говорил он, «мы этим самым не только выражаем свое сочувствие тому делу, за которое пали ее борцы, но вместе с тем свой горячий протест против грязной клеветы, которой осыпала их европейская буржуазия»⁶⁵.

В конце митинга был единогласно принят адрес русских рабочих к французским пролетариям: «Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся, против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока у нас идет глухая неравная борьба, в которой гибнут медленной мучительной смертью, в тюрьмах и каторге, наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения... Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за все человечество. Да! Интересы всех народов так тесно связаны между собою, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собою торжество народа во всем мире... Французские рабочие! Когда наступит время и вы снова подымете красное знамя социальной революции, то пусть одушевляет вас то же самое геройское мужество и горячая любовь к человечеству, какие одушевляли борцов 1871 года; но пусть для блага всего человечества победа увенчает на этот раз ваши многолетние труды»⁶⁶.

Парижская Коммуна обогатила русскую революционную интеллигенцию интернациональными идеями, укрепила веру в возможность активной борьбы трудовых людей против угнетателей, влила новые силы для дальнейших революционных действий.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 4—5.

направленных к свержению российского самодержавия. Особенно плодотворно влияние революции 18 марта 1871 г. сказалось на передовых русских рабочих-революционерах.

*

В дальнейшем, ко времени массового выступления рабочего класса России, чувства интернациональной пролетарской солидарности усилились и приобрели более отчетливое классовое содержание. В 1896 г. петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и московский «Рабочий союз» выпустили листовки, посвященные 25-летию юбилею Парижской Коммуны. В них во весь голос прозвучала идея самоутверждения пролетариата России как самостоятельной силы, способной своей борьбой оказать поддержку рабочему классу Западной Европы.

«Пусть же знает французский рабочий,—говорилось в листовке петербургских рабочих,—что за затворами царской тюрьмы бьется в тисках свободолюбивая мысль русского пролетариата»⁶⁷. Рабочие Москвы, обращаясь к своим зарубежным братьям по классу, писали: «Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести ей свою посильную помощь.

Мы питаем надежду, что недалеко та минута, когда будут разорваны оковы абсолютизма и русский пролетариат сможет открыто выступить на арену всемирной истории.

Да здравствует рабочая революция, славной предвестницей которой была Коммуна 1871 г.!»⁶⁸

Не прошло и десяти лет как в России разразилась буржуазно-демократическая революция, гегемоном которой стал пролетариат.

Для определения правильного курса революции важно было обратиться и к опыту борьбы пролетариата Западной Европы. Естественно, что наибольшую ценность представляла история Парижской Коммуны. Это крупнейшее революционное выступление европейского пролетариата сразу оказалось в центре внимания российской демократической общественности. Широко начала распространяться литература о Парижской Коммуне. Книга участника революции 18 марта 1871 г. П. О. Лиссагаре «История Коммуны 1871 г.», в подготовке и пропаганде первого издания которой большое участие в свое время принял Маркс, в 1905—1906 гг. выдержала в России девять изданий. А это была очень ценная книга: «...первая *достоверная* исто-

⁶⁷ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1. М., 1961, стр. 203.

⁶⁸ Там же.

рия Коммуны», — писал о ней Маркс⁶⁹. Издавались книги и еще одного участника Коммуны, Артура Арну — «Народная история Парижской Коммуны» и «Мертвецы Коммуны».

В эпоху революции 1905—1907 гг. выходили и другие работы о Парижской Коммуне. Они с различных позиций трактовали революцию 18 марта 1871 г., во многом по-разному оценивали ее значение; но была и общая идея, связывающая эти произведения. Наиболее убедительно это общее выражено в книгах Лиссагаре и Артура Арну: народ — движущая сила революции.

Опыт Парижской Коммуны, ее успехи и ошибки изучались большевиками и учитывались в условиях буржуазно-демократической революции в России. Газета «Пролетарий» в статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры», проанализировав историю революции 18 марта, приходила к выводу, что участие пролетариата вместе с представителями мелкой буржуазии в «революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно». Революция в Париже показывает далее, что реальной задачей, которую выполнила Коммуна, явилось «осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум»». Наконец, по мнению большевистской газеты, революция 18 марта напоминает, что, извлекая уроки из Парижской Коммуны, не следует подражать ошибкам. Подражать нужно успешным практическим шагам, которые наметили верный путь революционных преобразований. Важно не слепо повторять лозунги «великих борцов 1871 года», а «отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»⁷⁰.

* РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ — УЧАСТНИКИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

В борьбе парижских коммунаров приняли участие и русские революционеры. Среди них были Е. Л. Томановская, принявшая в дни Коммуны имя Елизаветы Дмитриевой, А. В. Корвин-Круковская (Жаклар), М. П. Сажин, В. А. Потапенко, П. Л. Лавров.

Елизавета Лукинична Кушелева (после брака Томановская) (род. в 1851 г.) — внебрачная дочь богатого помещика-дворянина

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 157.

⁷⁰ «Пролетарий», № 8 (4), 17. VII 1905. Эти заключительные слова статьи принадлежат В. И. Ленину (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 132).

Л. И. Кушелева и бонны из Курляндии Каролины Доротей Троскевич, которая по принятии православия стала именоваться Натальей Егоровной ⁷¹.

Взгляды Е. Л. Кушелевой складывались под влиянием идей общественного подъема 50-х — начала 60-х годов, когда в России сравнительно широко распространялась демократическая литература. Особенно большое влияние на нее оказали произведения Н. Г. Чернышевского.

Кушелева решила посвятить себя делу борьбы за освобождение народа. Вступив в фиктивный брак с небогатым помещиком М. Н. Томановским, она в 1868 г. уехала за границу. Елизавета Лукинична поселилась в Женеве, где в это время было много русских эмигрантов. Вместе с ними она начала посещать рабочие митинги, заседания Центральной женевской секции Интернационала. Вскоре она сблизилась с Н. И. Утиным и другими революционерами, организовавшими в 1870 г. Русскую секцию I Интернационала, и стала активным деятелем этой секции. В декабре 1870 г. она была направлена в Лондон к Марксу.

Комитет Русской секции так отзывался о Томановской в письме от 9 декабря 1870 г. к К. Марксу: «Разрешите в этом письме горячо рекомендовать Вам нашего лучшего друга г-жу Элизу Тумановскую, искренне и серьезно преданную революционному делу в России» ⁷². В письме указывалось, что революционерка должна подробно осведомить Маркса о положении Русской секции Интернационала, которая вынуждена вести свою пропаганду в тяжелых условиях царизма и разногласий среди революционеров России.

Томановская ⁷³ была тепло принята Марксом, сблизилась с его дочерьми, стала другом его семьи.

Три с половиной месяца (с 12 декабря 1870 г. до 28 марта 1871 г.) провела Елизавета Лукинична в Лондоне ⁷⁴. Революционные события во Франции находились в центре внимания передовых людей всего мира. Можно предположить, что Маркс беседовал с Томановской о делах в Париже и высказал ей свое отношение к ним.

28 марта Елизавета Лукинична покинула Лондон и утром следующего дня приехала в Париж. Здесь она разыскала чле-

⁷¹ Подробности биографии Дмитриевой см.: И. С. Книжник-Ветров. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.—Л., 1964; А. Я. Лурье. Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956, Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала.

⁷² «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 181.

⁷³ В документах Е. Л. Томановская ошибочно пишется Тумановская.

⁷⁴ И. С. Книжник-Ветров. Русские деятельницы..., стр. 63.

на Генерального Совета Интернационала О. Серрайн, ее близкого знакомого по Женеве члена Коммуны Бенуа Малона, познакомившего ее с известной писательницей и журналисткой Андре Лео⁷⁵.

В Коммуне Дмитриева развернула большую работу среди женщин. Она возглавила организацию Центрального комитета Союза женщин, представлявшего все 20 округов революционного Парижа.

Е. Дмитриева пыталась информировать из окруженного Парижа членов Генерального Совета о делах Коммуны. Дело это было весьма трудным. Все же в самый разгар борьбы коммунаров с версальцами ей удалось переправить с нарочным письмом (от 24 апреля 1871 г.) в Лондон к члену Генерального Совета Интернационала Юнгу. В нем она сообщала, что почтовая связь прервана, корреспонденции попадают в руки версальцев, Коммуна оказалась изолированной. Между тем нужны активные действия: «Как вы,— писала Томановская,— можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции, чтобы она пришла нам на помощь. Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо, и Париж действительно революционно настроен. В продовольствии нет недостатка».

Рассказала она и о себе: несмотря на болезнь, много работает среди женщин, организует публичные собрания; женские комитеты учреждены во всех районах города, основан Союз женщин для защиты Парижа и помощи раненым. Все это стоит неимоверного напряжения сил: «Приходится выступать каждый вечер, много писать, и моя болезнь все усиливается... Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду с целью показать, что все страны, в том числе и Германия, находятся накануне социальной революции, весьма одобрительно воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трех до четырех тысяч женщин. Несчастье в том, что я больна и меня некому заменить»⁷⁶.

Е. Л. Дмитриева героически вела себя и во время «майской недели», мужественно сражалась на баррикадах. Участник Коммуны Луи Барон 23 мая отмечал в своем дневнике, как на рассвете отряд воинственных женщин с красными кокардами на головных уборах во главе с Дмитриевой выступал с ружьями на защиту Коммуны. Дмитриева призывала бороться «до по-

⁷⁵ Там же, стр. 77.

⁷⁶ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 189—190.

следней капли крови»⁷⁷. Память о выдающейся русской революционерке — борце Коммуны сохранилась во французском рабочем движении. Имя Елизаветы Дмитриевой всегда вспоминают французские коммунисты, говоря об интернационалистах Коммуны.

Историк Коммуны Л. Дюбраль писал: «На площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне сражавшийся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей, батальон этот сражался до последнего дня»⁷⁸.

После падения Коммуны Дмитриевой удалось вначале скрыться в самом Париже, а затем перебраться в Швейцарию. 1 июля 1871 г. Юнг получил от Елизаветы Лукиничны телеграмму о ее прибытии в Женеву. На следующий день он с радостью сообщил об этом Марксу⁷⁹. Вскоре Е. Дмитриева уехала в Петербург.

С Парижской Коммуной связано и имя другой русской женщины — Анны Васильевны Корвин-Круковской (Жаклар) (1843—1887), сестры известного математика Софьи Васильевны Ковалевской.

В начале 60-х годов Корвин-Круковская увлеклась идеями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова и Д. И. Писарева. В 1864 г. в журнале «Эпоха» она под псевдонимом Юрий Орбелов опубликовала свое первое произведение — рассказ «Сон». Занятия литературой привели ее к знакомству и дружбе с Ф. М. Достоевским. В апреле 1869 г., воспользовавшись поездкой Софьи Васильевны и Владимира Онуфриевича Ковалевских за границу, Анна Васильевна присоединилась к ним⁸⁰.

А. В. Корвин-Круковская поселилась в Париже. Здесь она сблизилась с писательницей Андре Лео, много беседовала с ней о социализме и эмансипации женщин. Большое влияние на Анну Васильевну оказал видный деятель Интернационала Малон⁸¹.

⁷⁷ *Louis Barron. Sous le drapeau rouge. Paris, 1889* (цит. по: *И. С. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 года Е. Л. Томаповская («Елизавета Дмитриева»)*. — «Летописи марксизма», 1928, VII—VIII, стр. 63—80.

⁷⁸ *Луи Дюбраль. Коммуна 1871 года. СПб., 1908, стр. 179.*

⁷⁹ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 209.

⁸⁰ См. *И. Книжник-Ветров. Русские деятели...*, стр. 162.

⁸¹ Там же, стр. 163.

Нуждаясь в средствах, А. В. Корвин-Круковская поступила работать наборщицей в типографию. В это время она принимала участие в движении французского пролетариата и познакомилась с Шарлем-Виктором Жакларом, бланкистом, впоследствии сторонником К. Маркса и Ф. Энгельса. В конце 1869 г. Анна Васильевна стала женой Жаклара. В 1870 г. во Франции готовился процесс против революционеров, к которому был привлечен и Жаклар. Тогда он решил бежать в Швейцарию. За ним последовала и Анна Васильевна.

Супруги поселились в Женеве. Здесь Анна Васильевна сблизилась с русскими эмигрантами, в числе которых были члены Русской секции I Интернационала. Она успешно переводила на русский язык работы К. Маркса для приложений к номерам «Народного дела». Вероятнее всего, что перевод «Первого манифеста Международного Товарищества Рабочих», изданный в 1871 г. Русской секцией, принадлежал А. В. Корвин-Круковской⁸².

В начале сентября 1870 г. Анна Васильевна вместе с Жакларом приехала в Лион. Жаклар принял участие в борьбе за Коммуну в Лионе, откуда затем уехал в Париж.

О своих настроениях в это время Анна Жаклар рассказывала в письме к Софье Ковалевской: «Последние известия о взятии Наполеона опять взбудоражили нас пуще прежнего, и мы решились ехать в Париж. Мы выезжаем завтра в понедельник. Разумеется, это решение представляет много опасности. Республика так еще далека, что новое правительство, какого бы свойства оно не было, все же отнесется с одинаковым недоброжелательством к революционерам... Но делать нечего; когда человек хочет, чтобы его убеждения и поступки были приняты за известное дело, он должен рисковать собою. И если бы я имела влияние удержать Жаклара, то ни за что не решилась бы употребить его»⁸³.

В революционном Париже Ш.-В. Жаклар становится членом ЦК 20 округов, командиром 158-го батальона.

Анна Жаклар была в дни Парижской Коммуны членом Комитета бдительности одного из округов Парижа, выпускала революционные афиши, участвовала в организации народного образования. Вместе с Андре Лео она основала прудонистскую газету «La Sociale», в которой публиковались различные социалистические статьи. Анна Васильевна ухаживала за ранеными коммунарами в госпитале, часто выступала в женских клубах, работала в Центральном комитете Союза женщин.

В конце кровавой «майской недели» Ш.-В. Жаклар, при-

⁸² Б. П. Козьмин. Русская секция..., стр. 220.

⁸³ С. В. Ковалевская. Воспоминания и письма. М., 1961, стр. 335.

нимавший активное участие в борьбе Коммуны, был арестован версальцами. Но 7 октября 1871 г. ему удалось бежать из тюрьмы. После этого Жаклары жили в Берне и Цюрихе, который в то время стал центром русской революционной эмиграции.

В конце 1872 г. Маркс, узнав, что А. В. Корвин-Круковская занималась переводом «Капитала», обращается к ней с письмом за разъяснениями. Это письмо до нас не дошло, но сохранился ответ на него русской корреспондентки, которая благодарила Маркса за присланную им фотографию и отдельные выпуски «Капитала». Корвин-Круковская сообщала, что она не может послать Марксу перевод «Капитала», так как он «попал в руки версальской полиции»⁸⁴.

Летом 1874 г. Анна Васильевна с мужем и годовалым сыном приехала в Россию. После амнистии коммунарам Жаклар вернулся в Париж и продолжал там политическую деятельность. Анна Васильевна большей частью жила в Петербурге. В 80-х годах ее рассказы печатались в «Северном вестнике». В октябре 1887 г. А. В. Корвин-Круковская умерла.

Революция 18 марта привела в Париж русского политического эмигранта Михаила Петровича Сажина (1845—1934). Он приобщился к революционно-демократическому движению, будучи студентом Петербургского технологического института. Большое влияние оказал на юного Сажина общественный подъем конца 50-х — начала 60-х годов.

В 1865 г. Сажина судил сенат за нелегальное издание книги Бюхнера «Сила и материя», но его оправдали. Затем он стал участником революционной народнической организации во главе с Н. А. Ишутиным. После неудачного выстрела одного из членов этой организации, Каракозова, в царя (4 апреля 1866 г.) М. П. Сажина искала полиция. Больше года он скрывался от жандармов, а затем вновь поступил в Технологический институт, пополнив число организаторов студенческих волнений.

В январе 1868 г. Сажина исключили из института и выслали в Вологодскую губернию. В ссылке он познакомился с Н. В. Шелгуновым, В. В. Берви-Флеровским и П. Л. Лавровым. Летом 1869 г. Сажин бежал из Вологды за границу. В июне 1870 г. он прибыл в Женеву⁸⁵, где сблизился с М. А. Бакуниным. В конце лета 1870 г. темпераментный революционер стал одним из первых организаторов русской колонии в Цюрихе: он создавал кружки, комплектовал библиотеку, вел пропаганду.

⁸⁴ А. В. Уроева. Книга, живущая в веках. М., 1967, стр. 126.

⁸⁵ См. «Деятели революционного движения в России», т. 2, вып. 4. М., 1932, стб. 1406.

Первые известия о революции 18 марта в Париже дошли до Цюриха 21—22 марта 1871 г. Узнав об этом, Сажин в начале апреля прибыл в столицу Франции, где остановился на квартире П. Л. Лаврова, в Батиньоле. В этом районе Парижа русский революционер с оружием в руках защищал дело Коммуны.

Многих подробностей о его участии в революционной борьбе мы еще не знаем, лишь некоторые эпизоды из истории Коммуны описал Сажин в своих воспоминаниях. Среди них — рассказы о героической борьбе коммунаров в майские дни. После вторжения версальцев в Париж Сажин вместе с другими участниками Коммуны строил в Батиньольском округе баррикады. «К полудню в нашем округе,— писал он,— все улицы и переулки покрылись баррикадами, и всюду, везде на них находились вооруженные люди, их защищавшие...»⁸⁶

Ночью Батиньоле окружили версальцы, Сажин вынужден был оставить квартиру Лаврова и перебраться к русскому публицисту Г. Н. Вырубову, работавшему в это время в Красном Кресте. Сажин пробыл в Париже до последних дней Коммуны; только 2 июня он выехал в Цюрих.

В начале 70-х годов Сажин участвовал в Интернационале, но как сторонник Бакунина.

С началом восстания славянских народов против турецкого владычества Сажин отправился в Герцеговину и сражался там в горных ущельях за освобождение славян⁸⁷. Возвратившись в конце 1875 г. в Женеву, он вместе с Кравчинским, Лопатыным, Натансоном и другими русскими революционерами разрабатывал план подготовки восстания в России. Для его осуществления он прибыл на родину. При обратном переходе границы в апреле 1876 г. Сажин был арестован и привлечен к «Процессу 193-х». Суд приговорил М. П. Сажина к пяти годам каторги в Сибири. В 1905 г., будучи в Нижнем Новгороде, Сажин участвовал в революционном движении. Умер Михаил Петрович Сажин в Москве 8 января 1934 г.

Мужественно сражался на баррикадах Парижской Коммуны В. А. Потапенко — адъютант Ярослава Домбровского.

Валериан Андреевич Потапенко родился в 1845 г. в семье русского помещика, женатого на польке, в имении «Стоядло» Варшавской губернии. Приехав в 1862 г. в Брюссель, Потапенко поступил в коммерческое училище, затем посещал Брюссельский университет. В 1863 г. он порвал с отцом. Испытывая недостаток в средствах, он стал служить в купеческих конто-

⁸⁶ М. П. Сажин (*Арман Росс*). Воспоминания. 1860—1880 годы. М., 1925, стр. 78. Несколько подробнее о Коммуне см.: М. П. Сажин (*Арман Росс*). Героические дни и падение Парижской Коммуны. М.—Л., 1926.

⁸⁷ М. П. Сажин. Воспоминания, стр. 99—105.

рах. Он принимал участие в восстании 1863—1864 гг. В 1868 г. В. А. Потапенко приехал в Париж, где сотрудничал в газетах, работал обойщиком, булочником. Он сблизился с польской революционной эмиграцией. Во время франко-прусской войны Потапенко вступил в национальную гвардию. За смелые боевые действия он был произведен в лейтенанты, а позднее — в капитаны национальной гвардии.

После провозглашения Коммуны капитан Потапенко состоял при штабе генерала Бержере, а затем был адъютантом генерала Ярослава Домбровского. Революционные события в Польше всегда были близки сердцу В. А. Потапенко. В. А. Потапенко беззаветно сражался вместе с Ярославом Домбровским до 23 мая, когда тот был смертельно ранен. Во время террора версальцев Потапенко скрывался у парижского рабочего Э. Гобера, который помог ему достать подложный паспорт. Это позволило Потапенко покинуть Париж и добраться до Кёльна.

Изнуренный борьбой, морально разбитый, В. А. Потапенко решил вернуться в Россию⁸⁸. В конце 1871 г., будучи в Берлине, он обратился к русскому посланнику с просьбой о выдаче свидетельства на право проезда в Россию. Посланный провокационно посоветовал Потапенко ехать без всякого свидетельства. В декабре 1871 г. на пограничном пункте в Александрове В. А. Потапенко был арестован и препровожден в Варшаву. Военно-полевой суд приговорил коммунара к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь. В июне 1873 г. он был выслан в Енисейскую губернию. В 80-х годах В. А. Потапенко бежал из России за границу⁸⁹.

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) — широко образованный ученый, идеолог революционного народничества, участник Парижской Коммуны, один из первых ее историков.

Революционно-демократические взгляды Лаврова начали складываться в конце 50-х — начале 60-х годов, когда он сблизился с Н. Г. Чернышевским и принимал участие в студенческом движении. В 1862 г. он вступил в тайное общество «Земля и воля». Весной 1866 г. П. Л. Лавров был арестован и осужден военным судом; он был выслан в Вологодскую губернию под надзор полиции, ссылку отбывал в Тотьме, Вологде, Кадникове. Здесь он написал знаменитые «Исторические письма», сыгравшие важную роль в развитии русской революционной мысли.

⁸⁸ И. Книжник-Ветров. Участник Парижской Коммуны 1871 г. В. А. Потапенко (по архивным материалам). — «Каторга и ссылка», 1929, № 5 (54), стр. 155.

⁸⁹ См. «Деятели революционного движения в России», т. 2, вып. 3. М., 1931, стб. 1254. О дальнейших годах жизни В. А. Потапенко сведений у нас нет.

В феврале 1870 г. П. Л. Лавров при содействии Г. А. Лопатина бежал из ссылки в Париж. Развитие рабочего движения и рост революционных настроений во Франции повлияли на Лаврова. Осенью он познакомился с Варленом, который ввел его в секцию Интернационала в Батиньоле. Позднее Лавров писал, что появление Интернационала и знакомство с ним убедили его в наличии непримиримой борьбы классовых интересов и существовании реальных возможностей для социального переворота⁹⁰.

В середине августа 1870 г. Лавров начал писать статью «Французские демократы и падение Второй империи»⁹¹. Первые впечатления от революции 18 марта Лавров изложил в брюссельской газете «L'Internationale». Он отмечал, что впервые в истории революцию совершили «простые рабочие». Поэтому движение привлекает всех социалистов, всех членов Международного Товарищества Рабочих. Во главе народного правительства находится не «сброд разбойников», как писали буржуазные газеты, а искренние революционеры, участники Интернационала. Они сплотили в «одно могучее целое» национальную гвардию, установили строгий порядок в Париже. Корреспонденция Лаврова заканчивалась словами: «Все мои пожелания и пожелания ваших читателей, я уверен, сводятся к тому, чтобы победила эта республика, вышедшая действительно из народа, основанная рабочими, которые желают только справедливости и братства, преследуют только врагов народа, лицемеров, надевших маску республиканцев, перебежчиков из всех партий»⁹².

28 марта, т. е. уже после выборов в Коммуну, Лавров писал, что эта выборная власть, состоящая из рабочих, лучше понимает возникшие трудности, «чем всякая другая власть, одобрявшаяся Парижем и Францией в течение нашего века»⁹³.

До последнего времени мы мало знали о практических шагах деятельности Лаврова в Коммуне. И только теперь найденный в его архиве черновик рукописи, написанный на французском языке, многое проясняет в намерениях русского революционера. Лавров решил обратиться с серией писем к «гражданам Парижской Коммуны». До нас дошло лишь одно письмо. Но и оно убедительно раскрывает стремления его автора сыграть активную роль в революции.

Вот как начиналось это письмо: «Граждане, я во Франции чужестранец, но я член Интернационала и полностью сочув-

⁹⁰ См. П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. 1. М., 1934, стр. 103—104.

⁹¹ «Голос минувшего», 1916, стр. 114. Письмо П. Л. Лаврова к Штакеншнейдер от 16—18 августа 1870 г.

⁹² П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. 1, стр. 451—452. Корреспонденция от 21 марта.

⁹³ Там же, стр. 452.

ствую социальному движению, представленному Парижской Коммуной. Моя жизнь прошла в изучении, преподавании и распространении наук; поэтому я позволю себе высказать в этом обращении к вам послании некоторые соображения по вопросам образования, которые вам следует наладить»⁹⁴. Лавров писал затем, что Коммуна, опираясь на трудящийся народ, успешно начала борьбу со старым деморализованным обществом. В результате этой борьбы «направление дел устанавливают не капиталисты, не промышленные магнаты, не юристы, не журналисты. Теперь центр тяжести социальной активности находится в рабочем классе»⁹⁵.

Препятствием на пути развития нового общества станет недостаток людей из рабочего класса, которые, обладая достаточными знаниями, смогли бы правильно вести дело Коммуны. Отсюда возникают задачи — перестройка обучения детей, пропаганда знаний среди взрослых, создание специальных книг, дающих систематические знания рабочим. «Я считаю,—отмечал Лавров,—что только таким путем рабочие получают подготовку, необходимую для успешной борьбы с буржуазией»⁹⁶.

«Письмо» заканчивалось пожеланием, чтобы Комитет Парижской Коммуны по образованию взялся за осуществление этого плана. Но план Лаврова осуществлен не был. Коммуна в кровопролитных боях отстаивала свое существование...

Лавров понимал, что в этих условиях он не может реализовать свои намерения, не может он и принять участие непосредственно в боевых действиях коммунаров. Поэтому он решил помогать делу Коммуны за пределами Франции.

В начале мая он прибыл в Бельгию, где выступил перед Бельгийским Федеральным советом Интернационала, рассказав о положении дел в Париже и призвав помочь коммунарам. Затем Лавров поехал в Лондон, где познакомился с Марксом и Энгельсом. Там он обратился к Генеральному Совету Интернационала с просьбой организовать поддержку изолированному революционному Парижу⁹⁷.

Борьба Парижской Коммуны, а также беседы с К. Марксом и Ф. Энгельсом и изучение работы К. Маркса «Гражданская война во Франции» убеждали идеолога революционного народничества в решающей роли народных масс во время социальных движений. Но Лавров не сделал из опыта Коммуны всех правильных выводов. Это прежде всего относилось к России. Он не понимал всемирно-исторической роли пролетариата и счи-

⁹⁴ ЦГАОР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 41.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, л. 42 об.

⁹⁷ П. Л. Лавров. Избранные соч., т. I, стр. 83. Автобиография Лаврова

тал, что в России основную роль в революционном движении сыграет крестьянство.

После Парижской Коммуны П. Л. Лавров стал одним из ведущих деятелей русского революционного движения. В 1873 г. он начал выпускать за границей журнал «Вперед!» — орган русского революционного народничества, а с 1875 г. — нелегальную народническую газету под тем же названием.

В этих нелегальных изданиях, получивших широкое распространение в русском революционном подполье, большое место отводилось истории международного социалистического движения, особенно Интернационалу и Парижской Коммуне⁹⁸. Так, в № 5 газеты «Вперед» за 1875 г. была опубликована большая статья Лаврова «Парижская Коммуна». В ней еще раз подчеркивалась мысль, что революция 1871 г. была первой революцией пролетариата и что такая революция может быть успешной лишь в том случае, если она будет социальной революцией, в которой уже не будут участвовать идеологи буржуазных свобод, а власть целиком возьмет в свои руки пролетариат⁹⁹.

17 марта 1879 г. Лавров прочитал лекцию о Парижской Коммуне для русской молодежи, живущей в Париже. Затем эта лекция, значительно дополненная, вышла отдельным изданием под заглавием «18 марта 1871 года»¹⁰⁰. Это самая значительная работа Лаврова о Парижской Коммуне, освещающая не только историю возникновения и деятельности Коммуны, но и ее влияние на русское революционное движение. По мнению автора, русское революционное движение начала 70-х годов испытало заметное влияние деятельности Парижской Коммуны¹⁰¹. Эту мысль он повторил и в других работах; так, в 1886 г. Лавров писал: «В России толчок Коммуны вызвал энергическое сплочение социально-революционных элементов»¹⁰². В 80-х и 90-х годах Лавров продолжал служить делу революции, хотя и не стал марксистом. В последние годы жизни П. Л. Лавров выступал с теоретическими статьями по истории революционного движения, вел большую работу среди русской революционной эмиграции, принимал участие в международном социалистическом движении.

⁹⁸ См. П. Л. Лавров. Очерки по истории Интернационала. Пг., 1919. Книга составлена из статей, опубликованных автором в 1873—1874 гг. в журнале «Вперед». Перечень статей о революционном движении за границей, напечатанных в газете «Вперед» за 1875 г., дан в кн.: П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. 4. М., 1935, стр. 415—416 (приложение).

⁹⁹ См. П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. 4, стр. 22—27.

¹⁰⁰ В 1925 г. вышло 4-е издание под названием: «Парижская Коммуна 18 марта 1871 года».

¹⁰¹ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна... Л.—М., 1925, стр. 211.

¹⁰² ЦГАОР, ф. П. Л. Лавров, оп. 2, д. 153, лл. 70—71. Рукопись «История и русские революционеры».

Во время франко-прусской войны среди польских эмигрантов возникла мысль о создании специального польского отряда для участия в обороне французской столицы¹. Предпринимались попытки организовать польский легион в провинции. Однако правительство «национальной обороны» так и не согласилось на организацию польских добровольческих отрядов.

В составе французской армии поляки воевали плечом к плечу с французским народом, разделяя с ним все неудачи и лишения. «Иностранный легион», сформированный в Туре, насчитывал около 200 поляков; большая часть их погибла в боях. Много поляков сражалось в рядах «Армии Вогезов», которой командовал Гарибальди. Командир первой бригады этой армии генерал поляк Гуаке-Босак был убит под Дижоном. Славной обороной Шатодена руководил поляк Эрнст Липовский. В битве под Орлеаном пало 120 поляков.

В дни осады Парижа, когда возникло множество политических клубов, крепили связи польских революционных эмигрантов с французскими демократическими и социалистическими группировками. Я. Домбровскому было обещано, что в случае прихода к власти демократов, не связанных старыми обязательствами с царской Россией, полякам будет дано право на создание самостоятельной воинской части.

В течение осени и зимы 1870/71 г. Домбровский выступал в парижских революционных клубах с резкой критикой саботажа обороны Парижа генералом Трошю.

¹ M. Złotorzycka. Próba utworzenia polskiego oddziału w czasie oblężenia Paryża przez Prusaków (1870—1871), 1935; J. W. Borejsza. Prasa Zjednoczenia Emigracji Polskiej.— «Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego», 1964, t. III, z. 1.

И Домбровский и Врублевский понимали, что после капитуляции Парижа война неизбежно перерастет в гражданскую². После капитуляции Франции Домбровский поддался было минутной слабости и намеревался отойти от политической деятельности³. Но едва узнав о революции 18 марта, он сразу же встал на сторону Коммуны.

Ярослав Домбровский был хорошо известен и Центральному комитету национальной гвардии и вообще среди деятелей Коммуны. Поэтому у него была возможность изложить свое мнение о военном положении Коммуны и о методах войны с Версалем. Он посоветовал немедленно двинуть отряды национальной гвардии на Версаль, чтобы разгромить немногочисленные и еще не готовые к боям правительственные войска⁴. Совету Домбровского не последовали. Это было одной из крупнейших ошибок коммунаров.

Домбровский сразу же занял командную должность в вооруженных силах Коммуны. Командовал ли он одной из трех действующих армий или был комендантом парижского укрепленного района, он всегда придерживался наступательной тактики, принимал личное участие в боях и своей храбростью и хладнокровием подавал федератам пример героизма.

Безоговорочно встал на сторону Коммуны и Врублевский.

Одновременно с Я. Домбровским без всяких колебаний присоединилась к Коммуне группа польских эмигрантов. Некоторые из них уже находились в батальонах парижской национальной гвардии или служили в армии Гарибальди. Среди них были Александр Верницкий, Владимир Рожаловский, Теофил Домбровский, Кароль Свидзиньский, Гилярий Роговский, Станислав Томашевский и многие другие.

Характерно, что основное ядро поляков-коммунаров составляли бывшие участники восстания 1863—1864 гг., принадлежавшие, видимо, к левому крылу партии «красных». Эти люди, как правило, и раньше занимали руководящие посты в тех батальонах национальной гвардии, где они служили, выделяясь своей образованностью, способностями и храбростью. Это подтверждают слова Верницкого, который писал 6 марта, незадолго до окончания срока военной службы: «...разве что началась

² J. Tokarzewicz. W dniach wojny i głodu. Wspomnienia. Warszawa, 1900, s. 130.

³ Объясняется это, вероятно, разочарованием, вызванным тем, что, стремясь принять участие в военных действиях, он по вине французских властей попал в Лион лишь осенью 1870 г. — к моменту расформирования польского добровольческого отряда (см. T. O'Byrn. O Legionie Polskim we Francji w czasie ostatniej wojny pruskiej w 1870—1871 latach. — «Kraj», 1872; B. Wołowski. Z pamiętnika tułacza. Legion Polski we Francji w 1870—1871 r. Lwów, 1873).

⁴ B. Wołowski. Dombrowski et Versailles avec pieces et autographes. Genève, 1871, p. 52.

бы новая революция, и в Париже вспыхнуло бы ожидаемое кровопролитие. В этом случае я, как офицер, пошел бы со своим батальоном даже на баррикады, и уж до чего бы тогда дошло, не знаю и ни за что не ручаюсь»⁵.

Можно привести ряд примеров того, с какой поразительной быстротой поляки выдвигались на командные посты в национальной гвардии Парижа. В. Рожаловский, например, рядовой боец, был избран командиром батальона; К. Свидзиньского произвели из сержантов в капитаны⁶. Таким образом, служба в национальной гвардии — один из главных путей, приведших многих поляков в лагерь Коммуны.

Активное участие в деятельности Коммуны принимали многие представители младшего поколения польских эмигрантов, родившиеся во Франции. Дети польских эмигрантов в большинстве своем были наполовину офранцужены. Выросшие в трудных материальных условиях, они обычно не могли получить законченного образования, зарабатывали себе на жизнь физическим трудом, были связаны с рабочим классом и социалистическими кругами.

К этой группе принадлежали Паулина и Юлиуш Менкарские. Паулина была известной социалисткой, членом Интернационала. Под именем Полины Менк вместе с Луизой Мишель она вела политическую пропаганду в парижских клубах. Ее брат (Жюль Менк) был направлен в провинцию в качестве агитатора и к тому же работал в органах полиции Коммуны⁷. Можно также назвать Болеслава Матушевича, кадрового офицера французской армии, поляка по происхождению. Во время франко-прусской войны начальство обвинило его в том, что он поддался революционной пропаганде. После революции 18 марта 1871 г. он перешел на сторону Коммуны и стал командиром одного из ее легионов⁸.

Большие заслуги перед Коммуной имели храбрые братья Околовичи (в особенности Август).

К группе офранцуженных поляков можно причислить и Юлиуша Бабицкого, члена Интернационала, входившего в состав Центрального комитета национальной гвардии; он был избран 26 марта членом Коммуны (под именем Жюля Бабика)⁹.

Секретарем прокурора Коммуны Рауля Риго был поляк Андрей Сломчинский (Слом), по профессии художник, друг Курбе.

⁵ Ягеллонская библиотека. Рукопись № 3685 от 6.III 1871. Переписка М. Яновского.

⁶ W. Rożałowski. Leben und Taten des Generals Jaroslaw Dombrowski. Nach den Aufzeichnungen seines Adjutanten. Leipzig, 1876, S. 58; Archives Nationales (Paris), BB 27, 862—5771.

⁷ K. Wyczańska. Polacy w Komunie Paryskiej 1871. Warszawa, 1957, s. 175.

⁸ Ibid., s. 174—175.

⁹ Ibid., s. 163.

Сломчинский стал революционером под влиянием студенческих бланкистских кружков¹⁰.

Польские эмигранты, активные деятели секций Интернационала и других революционных организаций, с первого же дня Коммуны встали на сторону революции. Среди них выделялся Антони Мычельский, переплетчик, поддерживавший связи с рабочим кружком Эжена Варлена. Во время франко-прусской войны он сблизился с Шарлем Жерарденом, представлявшим в Коммуне группу, близкую к бланкистам. Мычельский нередко выступал в роли посредника между коммунарами-поляками и правительством Коммуны¹¹.

Другой тип революционера воплощал в себе Валенты Ланкевич, соратник Бакунина в Швейцарии, а затем на юге Франции. Узнав о вспыхнувшей революции, Ланкевич, вопреки предостережениям Бакунина, направился в Париж, где погиб в первых же боях на подступах к городу¹².

Из членов Интернационала следует назвать еще Яна Ландовского. Поляк по национальности, он не был уроженцем Польши. Еще в 1867 г. его судили за участие в тайном революционном обществе. 18 марта мы видим его одним из руководителей подкомитета национальной гвардии XVIII округа (Монмартра). В дальнейшем Ландовский занимал ответственный пост комиссара внутренних вод и речного флота¹³.

Все эти представители рабочего движения приняли активное участие в революции 1871 г., так как видели в ней восстание трудящихся против правительства и Национального собрания, представлявших интересы привилегированных классов.

Поляки Владислав Хельгурский и Езекиель Куницкий принимали участие в боях, и в конце мая были взяты в плен версальцами¹⁴.

Те из поляков-коммунаров, которые не служили в войсках Коммуны, работали в ее гражданских учреждениях¹⁵. Среди поляков, участвовавших в Коммуне, источники упоминают 14 врачей и сестер милосердия (например, Елену Груздинскую)¹⁶. Коммуне предлагали свои услуги польские инженеры¹⁷. Среди высшего командного состава армии Коммуны следует упомянуть польского генерала Романа Чарномского¹⁸, не принимавшего

¹⁰ Ibid., s. 184.

¹¹ Ibid., s. 176.

¹² Ibid., s. 173.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid., s. 168, 173.

¹⁵ Кроме упомянутых выше лиц, следует отметить Фориньского.

¹⁶ W. Rożałowski, *Leben und Taten...*, S. 76.

¹⁷ Например, архитектор А. Барчевский, просивший принять его на службу в национальную гвардию в качестве сапера (Archives historiques du Ministère de la Guerre, C 10).

¹⁸ K. Wyczańska, *Polacy w Komunie Paryskiej 1871*, s. 166.

активного участия в вооруженной борьбе лишь из-за своего более чем почтенного возраста.

Одним из наиболее талантливых воспачальников Коммуны считался способный и отважный генерал Август Околович. С первых же дней революции он встал в ряды армии Коммуны, защищал боевые позиции на том участке фронта, где командовал Домбровский. Затем он был ранен и взят в плен вместе с персоналом и ранеными полевого госпиталя, в котором находился. Во Франции много говорили о его удачном побеге в Бельгию¹⁹. Теофил Домбровский, смеявшийся А. Околовича, воевал под командованием своего брата Ярослава. Он пользовался репутацией храброго солдата²⁰.

Пост командира редута Мулен-Саке занимал Адольф Станислав Каменецкий. Он был участником восстания 1863—1864 гг. и сражался тогда под командованием В. Врублевского. Связь их, по-видимому, продолжалась и во время Коммуны, поскольку Каменецкий стал офицером его штаба. Каменецкий не покидал своего поста до последней минуты, даже тогда, когда был получен приказ отвести войска из фортов. Он был расстрелян версальцами²¹.

Другой польский офицер, Максимилиан (а может быть, Гиларий) Роговский, командовал фортом Иври. Он также был участником восстания 1863—1864 гг. Во время франко-прусской войны Роговский вступил в формировавшийся тогда в Люне Польский легион, затем воевал в армии Гарибальди. Во время Коммуны он был сперва комендантом форта От-Брюйер. В. Врублевский отметил в рапорте его отличное управление артиллерийским огнем. В форте Иври Роговский оставался до 26 мая. При отступлении оттуда он приказал взорвать форт. Ему удалось избежать ареста и уехать в Швейцарию²².

Кавалерией форта Иври командовал другой поляк — Станислав Томашевский, участник восстания 1863—1864 гг., бывший офицером штаба форта. Он принимал участие в боях в Мулен-Саке и в Иври до конца «майской недели»²³.

Другим польским офицером, близко стоявшим к Ярославу Домбровскому, был его адъютант Владимир Рожаловский, бывший участник восстания 1863—1864 гг., член комитета «Объединения польской эмиграции» и сотрудник журнала «Zmowa»²⁴. Видимо, еще до Коммуны он установил контакт с французскими социалистами. Рожаловский оставил интересные воспомина-

¹⁹ K. Wyczańska, Polacy w Komunie Paryskiej 1871, s. 174—175.

²⁰ Ibid., s. 167—168.

²¹ Ibid., s. 169—170.

²² Ibid., s. 182.

²³ Ibid., s. 186.

²⁴ Ibid., s. 182—183.

ния о Коммуне, послужившие одним из важнейших источников о деятельности Ярослава Домбровского в 1870—1871 гг.²⁵

В списках офицеров штаба Домбровского стоит также имя Людвиг Мечниковского, которому было доверено какое-то важное (точно в документах не определено) задание при штабе 1-й армии²⁶. Инженерную службу на участке городских укреплений от Пуэн-дю-Жур до заставы Майо нес полковник Владислав Ставинский, погибший в бою в конце мая²⁷.

Связаны с Домбровским были также Эдвард Борневский²⁸, его молодой, чрезвычайно храбрый адъютант Александр Воловский²⁹, артиллеристы Волькерт³⁰ и Вежбицкий³¹, родственник братьев Домбровских кавалерист Кароль Свидзиньский³².

Вокруг Врублевского, помимо тех, о ком уже говорилось, объединялась большая группа поляков, среди них — капитан Ахиллес Бонольди, бывший член партии «белых» в Вильне, принадлежавший в эмиграции к группировке «Литвины» (он умер после падения Коммуны от ран, полученных в бою)³³. Александр Верницкий — известный публицист революционно-демократического направления, член общества «Объединение»; он остался верен Коммуне до последнего дня, был захвачен и расстрелян версальцами³⁴. Владислав Иост, капитан артиллерии на форте Иври, член Центрального комитета артиллерии³⁵. Заслуживает упоминания также капитан Станислав Срочинский, воевавший на участке Жантийн. В последние дни мая он был схвачен версальцами и расстрелян³⁶.

В боях с версальцами участвовал и специальный Батальон польских стрелков, известный также под именем Польского легиона. Вербовку в эту воинскую часть проводил через объявления в газетах и другими средствами Польский социал-демократический комитет. 23 апреля в одной из парижских революционных газет было опубликовано воззвание этого комитета, подписанное тремя видными польскими эмигрантами — Евгением Компаньским, Турским и Бернацким³⁷.

Официальное разрешение на создание специальной польской воинской части являлось подтверждением сочувственного

²⁵ W. Rożałowski. *Leben und Taten...*

²⁶ K. Wyczańska. *Polacy w Komunie Paryskiej 1871*, s. 176.

²⁷ *Ibid.*, s. 184.

²⁸ *Ibid.*, s. 165.

²⁹ *Ibid.*, s. 188.

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibid.*, s. 187.

³² *Ibid.*, s. 185.

³³ *Ibidem.*

³⁴ *Ibid.*, s. 187.

³⁵ *Ibid.*, s. 169.

³⁶ *Ibid.*, c. 184.

³⁷ «Le Vengeur», 23.IV 1871.

отношения правительства Парижской Коммуны к польскому освободительному движению. «Коммуна,— указывает Маркс в «Гражданской войне во Франции»,— почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа»³⁸.

Среди поляков, участвовавших в Парижской Коммуне, было и много рядовых национальных гвардейцев, находившихся на линии фронта, в гарнизонных батальонах, в штабах, не вспомогательной службе. Точных данных об их численности нет, так как сведения о рядовых боях реже встречаются в документах. Различные, часто противоречивые, источники приводят около 40 фамилий поляков, которые были расстреляны в конце мая. Кроме того, около 100 поляков было задержано и заключено в версальские лагеря.

2 октября (20 сентября) русский поверенный в делах Г. Н. Окунев переслал в Петербург список поляков — участников Коммуны, арестованных при вступлении версальских войск в Париж. В этом списке, переданном русскому посольству французскими властями, фигурирует 21 человек. Из приводимых в нем кратких сведений видно, что среди них были и люди, не принимавшие активного участия в Коммуне и в дальнейшем освобожденные,— те, о которых говорилось, что они «совершенно неизвестны», и видные коммунары.

Отметим Юзефа Бермавского, служившего в кавалерии Коммуны; ему давалась такая характеристика: «Именно он набирал наибольшее число польских эмигрантов на службу Коммуне. У него очень скверная репутация». О Казимеже Михаловском, служащем Северной железной дороги, говорилось: «Очень опасный человек, всегда занимающийся политикой. Связан со всеми европейскими жокаками. Постоянно посещал радикальные клубы во время первой осады и, как говорят, способствовал бегству многих служащих Коммуны». Упомянулся в этом списке и Юзеф Поцобут, рабочий-типограф, член демократического общества: «Этот субъект всегда выделялся своими крайними взглядами».

Фигурировали там и два брата Околовича (Фердинанд и Эдуард). Последним в списке значился Фабиан Подбереский; о нем давались такие сведения: «Служащий библиотеки Мицкевича, опасный коновод. Это он долго скрывал Верницкого и Ставинского, расстрелянных позже в Люксембурге. Не переставал участвовать в заговорах с 1864 г. Он женился на русской, Беляевой»³⁹.

Разумеется, не все фактические сведения, которые приводились в этих документах, соответствовали действительности.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 350.

³⁹ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.» М.—Л., 1933, стр. 208—210.

Сколько всего поляков участвовало в Коммуне, не установлено. Окунев в своем донесении Горчакову от 8 мая (26 апреля) 1871 г. определяет их численность в 500—600 человек⁴⁰. К этому донесению был приложен «список польских эмигрантов, состоящих на службе у Коммуны»; в нем — 48 человек. Среди них — ряд упомянутых выше поляков, а также несколько других польских эмигрантов, преимущественно офицеров армии Коммуны: Юзеф Квятковский, участник революции 4 сентября и восстания 31 октября; полковник Бирнак; полковник Кароль Матушевич — военный корреспондент газет «Réveil» и «Combat»; капитан Попович, Пашковский, В. Каминский, Твинский, Рутковский, Бычинский; бывшие гарибальдийские офицеры Луи Бржозовский и Раевский; лейтенант Владислав Мицкевич (сын поэта Адама Мицкевича)⁴¹.

После разгрома Коммуны политическая ситуация в Европе была такова, что польский вопрос не мог быть в скором времени снова поставлен на повестку дня. В этих условиях стала меркнуть идея продолжения освободительной борьбы на чужбине; эмигранты массами покидали Францию и возвращались в Польшу (преимущественно в Галицию).

Уцелевшие поляки-коммунары нашли убежище главным образом в Англии, Швейцарии и Бельгии. Здесь возникла новая польская политическая эмиграция, которая способствовала развитию передовых общественных идей. Группа польских эмигрантов, обосновавшаяся в Лондоне, установила тесный контакт с Генеральным Советом Интернационала. Среди них были В. Врублевский, В. Рожаловский, Ю. Розвадовский, Т. Домбровский, А. Барчевский и др. Теофил Домбровский обратился к Марксу с просьбой оказать материальную помощь Валерию Потапенко.

Известно, что Генеральный Совет Интернационала и лично Маркс поддерживали связь с деятелями Коммуны, скрывавшимися в Париже после ее подавления, и помогали им тайком переезжать в Англию. Одним из посредников между ними был польский революционер Юзеф Розвадовский, заочно приговоренный версальским судом к смертной казни.

Революция 1871 г. во Франции оказала огромное влияние на формирование идейного облика Валерия Врублевского. Осенью 1871 г. он был избран членом Генерального Совета Интернационала, секретарем-корреспондентом для Польши⁴². Членом Интернационала стал и В. Рожаловский, который уже в 1870 г. был одним из наиболее революционно настроенных польских эмигрантов. Когда несколько лет спустя он писал

⁴⁰ Там же, стр. 145.

⁴¹ Там же, стр. 146—147.

⁴² См. *J. W. Borejsza. Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970.*

свои воспоминания о Ярославе Домбровском, он состоял членом секции Интернационала во Франкфурте-на-Майне.

В 70-х годах в Лондоне действовала революционная организация польских эмигрантов «Союз польского народа» («Związek Ludu Polskiego»), которая играла такую же роль, как и «Объединение польской эмиграции» во Франции. Эта организация объединяла эмигрировавших из Франции поляков-коммунаров. «Союз польского народа» находился под явным влиянием К. Маркса. Основные положения его программы сводились к признанию необходимости тесного контакта между национально-освободительным движением в Польше и русским революционным движением, к солидарности польских революционеров и социалистов с международным рабочим движением⁴³. Развитие капитализма в Польше и опыт Парижской Коммуны способствовали тому, что вопросы аграрной революции отодвинулись в программах польских эмигрантов на второй план и большее значение стало придаваться рабочему вопросу.

Швейцарская группа польских эмигрантов-коммунаров состояла в основном из таких офранцузившихся поляков, как Жюль Бабики, Ю. и П. Менкарские, А. Сломчинский. Они стали членами местных секций Интернационала. То же сообщала в своих донесениях французская полиция и о поселившихся в Швейцарии — Иерониме Роговском, в Германии — Евгении Компаньском, в Бельгии — Е. Голубовиче⁴⁴.

События Парижской Коммуны нашли живой отклик в польской периодической печати.

В Королевстве Польском пресса была сильно стеснена цензурой, но все же помещала сообщения о революционной борьбе во Франции⁴⁵. Однако ей не хватало четкости в освещении парижских событий.

Часто в газете одновременно печатались противоречивые сообщения. Версальское Национальное собрание «Gazeta Polska» оценивала отрицательно (вероятно из-за отношения Тьера и его правительства к Пруссии), но с самого начала высказывала мнение, что Версаль одержит победу над революционным Парижем. Вместе с тем газета считала выборы в Коммуну законными и доказывала, что власть Коммуны опирается на всеобщее голосование⁴⁶. Газета выражала убеждение, что сообщения о жестокостях Коммуны неверны и преувеличены, указывала, что слабой стороной Коммуны является наличие острых

⁴³ M. Złotorzycka. Działalność Związku Ludu Polskiego w Anglii.— «Niepodległość», 1936.

⁴⁴ K. Wyczańska. Polacy w Komunie Paryskiej 1871, s. 169, 171, 182.

⁴⁵ J. Woskowski. Echa Komuny Paryskiej w «Gazecie Polskiej». — «Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych», t. IV, 1954, 1.6dż, 1955.

⁴⁶ «Gazeta Polska», № 70, 30.III 1871.

внутренних трений. Впрочем по тем же соображениям газета сомневалась и в прочности версальского правительства ⁴⁷.

Открыто враждебной к Коммуне стала позиция «Gazeta Polska» в дни «майской недели», когда она одобрительно отзывалась об участии немецких оккупантов в подавлении Коммуны.

Одним из главных информаторов газеты был редактор французской буржуазной газеты «Liberté» В. Флери, резко отрицательно относившийся к коммунарам.

Буржуазная газета «Gazeta Warszawska», соперничавшая с «Gazeta Polska», еще решительнее осуждала Парижскую Коммуну. Здесь печатались реакционные пасквилы на Коммуну Александра Дюма ⁴⁸. В то же время она возмущалась жестокостью версальских войск.

Подобной позиции придерживалась и «Biblioteka Warszawska», публиковавшая в 1872 г. записки весьма враждебно настроенного по отношению к революционным событиям в Париже Ольшиньского о франко-прусской войне и Коммуне.

Иной была позиция газет «Kłosy» и «Tygodnik Ilustrowany», в которых наряду со статьями, осуждавшими революцию во Франции, появлялись заметки, где выражалась робкая симпатия к Коммуне. Это относится прежде всего к корреспондентом Ежа (Милковского) — участника восстания 1863—1864 гг., представителя прогрессивного крыла польской эмиграции ⁴⁹.

Галицийская печать не высказывала явной симпатии к Парижской Коммуне. Однако на ее страницах, особенно в либерально-прогрессивном «Kraj», выходившем в Кракове, встречаются интересные сообщения о революционных событиях во Франции, почерпнутые в ряде случаев из прессы Коммуны. «Kraj» помещал репортажи непосредственно из Парижа от собственных корреспондентов. Правда, последние весьма различались по своим взглядам. Корреспондентами были, с одной стороны, Александр Верницкий ⁵⁰, революционер-демократ, участник Коммуны, офицер штаба В. Врублевского, а с другой — Болеслав Свентожецкий — польский эмигрант, связанный с Версалем ⁵¹. Впрочем оба корреспондента, несмотря на то, что высказывали противоположные мнения о целесообразности участия поляков в революции 1871 г., одинаково высоко оценивали личную храбрость и военные таланты польских революционеров, особенно Домбровского и Врублевского. После паде-

⁴⁷ «Gazeta Polska», 17.V 1871.

⁴⁸ «Gazeta Warszawska», 1871, N 134—136.

⁴⁹ «Tygodnik Ilustrowany», 1871, N 177, 178, 179, 182.

⁵⁰ «Kraj», 29.IV; 12.V; 3.VIII 1871.

⁵¹ «Kraj», 20.V 1871. Корреспонденция из Версаля.

ния Коммуны «Крај» систематически печатал сообщения о погибших или пропавших без вести поляках. Газета критически относилась к комитету Чарторыйского, который в июле 1871 г. представил Национальному собранию послание, резко осуждавшее польских участников Коммуны, разоблачала старания версальцев вызвать ненависть к полякам у французской общественности, поместила письмо вдовы Ярослава Домбровского к генералу Трошю⁵².

Наряду с «Крај» многочисленные сообщения о Коммуне и о ее польских участниках печатала издававшаяся во Львове «Gazeta Narodowa», отражавшая интересы либерально-демократической буржуазии Галиции; характерной ее чертой было политическое лавирование. Высоко оценивая военные способности поляков, участвовавших в Коммуне, газета высказывала мнение, что поляки должны были во время гражданской войны во Франции сохранять нейтралитет, но в то же время отрицательно отзывалась о записке комитета Чарторыйского⁵³. В октябре 1871 г. «Gazeta Narodowa» опубликовала сообщение о том, что Врублевский включен в состав Генерального Совета Интернационала⁵⁴. В 1872 г. она напечатала письмо Т. Домбровского о мотивах, которыми руководствовался его брат Ярослав, решив принять участие в Парижской Коммуне⁵⁵.

Мнение прогрессивных галицийских кругов, не связанных цензурой, выразил А. Д. Бартошевич, указавший в письме Я. Н. Яновскому от 18 мая 1871 г., что поляки, принявшие участие в Коммуне, поступили правильно, «так как достойно представляли Польшу среди народов, которым принадлежит будущее»⁵⁶. В Галиции выходили также легальные органы львовских демократов «Rekodzielnik» и «Czcionka», содержавшие обширную информацию о международном рабочем движении и о Парижской Коммуне 1871 г.

В Познани противоположные позиции заняли по отношению к гражданской войне во Франции «Tygodnik Katolicki» и «Dziennik Poznański». Первая из этих газет была крайне правого, клерикального направления; она являлась органом познаньской курии и лояльно относилась к прусскому правительству. Эта газета резко осуждала Коммуну и участие в ней поляков. Газета «Dziennik Poznański» заняла по отношению к Коммуне ту же позицию, что и галицийская «Gazeta Narodowa»: она высказывалась против участия польских эмигрантов в революции, но вместе с тем подчеркивала высокие боевые ка-

⁵² «Крај», 1.IX 1871.

⁵³ «Gazeta Narodowa», 22.VII 1871.

⁵⁴ «Gazeta Narodowa», 22.X 1871.

⁵⁵ «Gazeta Narodowa», 24.IX 1872.

⁵⁶ Ягеллонская библиотека. Рукопись № 3685.

чества, проявленные польскими революционерами в борьбе за Коммуну. Определенное влияние оказывал на «Dziennik Poznański» Ю. И. Крашевский, бывший в то время редактором газеты «Tygodnik», которая издавалась в Дрездене. Последняя не высказывалась в пользу Коммуны, однако весьма критически отнеслась к версальской реакции и с определенной симпатией — к героическому мужеству коммунаров.

Редактор газеты «Tygodnik» не был сторонником участия поляков в парижской революции. Сначала он даже опровергал известия о присоединении к ней Ярослава Домбровского⁵⁷.

И все же Крашевский пользовался большой популярностью и доверием среди польских революционных демократов: именно ему направил письмо с объяснением причин участия поляков в Коммуне брат Ярослава Домбровского Теофил⁵⁸.

✱

Коммуна, несомненно, произвела большое впечатление на польское общественное мнение.

Лучшие, передовые люди Польши мужественно сражались в рядах парижских коммунаров. Имена Домбровского, Врублевского, Каменецкого, Бабицкого и других поляков неотделимы от истории героических подвигов Коммуны. Их участие в борьбе Коммуны оставило неизгладимый след в польском революционном движении. Традиции Коммуны нашли надлежащую оценку и отклик в деятельности возникших вскоре социалистических кружков партии «Великий пролетариат».

⁵⁷ W. Danek. Publicystyka Józefa Ignacego Kraszewskiego w latach 1859—1872. Wrocław. 1957, s. 140 i tp.

⁵⁸ Ягеллонская библиотека. Рукопись № 229, серия III.

АНГЛИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Революция 18 марта вызвала огромный интерес среди рабочих и демократических слоев населения Англии. Английские рабочие выразили свою солидарность с парижскими рабочими в многочисленных письмах в газеты, в демонстрациях и митингах.

Митинги и демонстрации солидарности прошли в Лондоне 20, 24, 26 и 27 марта, 2, 4, 7, 9 и 23 апреля и 2 мая. 22 марта на республиканском митинге в Веллингтон-мюзик-холле выступил член Генсовета Интернационала Серрайе, и по предложению делегации Генерального Совета была принята сочувственная по отношению к восставшим в Париже резолюция.

8 апреля в Клеркенуэлл-Грин состоялся митинг в поддержку Коммуны, организованный Международной демократической ассоциацией. Митингу предшествовала демонстрация, участники которой несли красные знамена. Открывая митинг, его председатель призвал присутствующих принять участие в большой манифестации в поддержку парижских рабочих, «сражающихся за демократическую и социальную республику против версальских бандитов»¹. Бывший чартист Марри рассказал о руководящих деятелях революционного Парижа, отметил их высокие личные качества и выразил протест против клеветнических выпадов английской буржуазной прессы, которая изображала события в Париже в самом мрачном свете, как цепь насилий, «заговор» против цивилизации, с ненавистью призывала к подавлению коммунаров и т. п. Член Генсовета Интернационала Уэстон поддержал предложение об организации новой манифестации.

¹ «Bee-Hive», 11. IV 1871.

Эта манифестация была проведена в Гайд-парке 16 апреля. Колонна демонстрантов с красными знаменами и лозунгами: «Всемирная социальная республика!» — прошла по центральным улицам Лондона. Затем состоялся митинг с целью «поддержать и ободрить коммунаров, сражающихся за права всего человечества, за освобождение труда от оков капитала»². С большим воодушевлением было принято обращение к коммунарам:

«Братья! Мы приветствуем вас во имя Всемирной Республики и благодарим вас от всей души за великое дело, которое вы совершаете в настоящий момент во имя свободы и ради защиты своих коммунальных прав. Мы приветствуем вас как пионеров и строителей нового социального строя, а в ваших противниках, версальцах, мы видим... подлых слуг деспотов Европы... Мы, народ Лондона, уверенный в том, что вы боретесь за свободу и раскрепощение человечества, мы протягиваем вам руку дружбы и братства... Мы радуемся, видя, что вы, несмотря на столько трудностей и битв, тем не менее обсуждаете существенные вопросы социальных реформ... Мы сожалеем лишь о том, что наше политическое воспитание... еще недостаточно полно, чтобы оно могло побудить нас следовать вашему благородному примеру»³.

Эта резолюция 20 апреля была опубликована в «Journal officiel», а 21 апреля Коммуна выразила английским республиканцам «свою искреннюю благодарность»⁴.

Инициатором и основной силой движения солидарности с Коммуной явился рабочий класс. В значительной степени направлялось оно Генсоветом Интернационала, многие члены которого (Моттерсхед, Хейлз, Марри, Уэстон и др.) были в числе организаторов и ораторов на демонстрациях и митингах. Это движение солидарности получило также некоторую поддержку мелкобуржуазной демократии и английских демократических организаций.

Участники движения солидарности рассматривали Коммуну как борьбу рабочего класса за свое будущее против капитала. На митингах (особенно в выступлениях членов Генсовета) неоднократно подчеркивалась самостоятельность действий парижских рабочих, взявших в свои руки власть и использующих ее в качестве орудия борьбы за свою свободу и социальную республику.

С большим интересом и сочувствием отнеслась к Парижской Коммуне также передовая часть мелкой буржуазии Англии, а радикалы были далеки от безоговорочной поддержки Ком-

² «Bee-Hive», 22.IV 1871.

³ «Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 г.», т. I. М., 1959, стр. 272—273.

⁴ Там же, стр. 261.

муны и высказывались за соглашение между Парижем и Версалем при условии отказа Национального собрания от реставрации монархии⁵.

В Англии в марте — апреле несколько активизировалось рабочее движение. Английские рабочие усилили стачечную борьбу за 10-часовой рабочий день, требовали самостоятельной политической организации и самостоятельного представительства в парламенте. Значительно усилилось также республиканское движение. В начале апреля 1871 г. в Лондоне была организована «Республиканская ассоциация».

Успех митингов и демонстраций, выражавших сочувствие Коммуне, вызвал беспокойство среди английской буржуазии, в парламенте и правительственных кругах. Газета «Morning Post» в конце апреля в весьма нервном тоне сообщала, что на рабочих митингах обсуждаются социальные вопросы, а ораторы заявляют, что Коммуна на практике осуществляет их дело. Об английских рабочих газета писала: «Они не являются ни коммунистами, ни фурийеристами, ни сен-симонистами, они не вырабатывают планов уничтожения социального неравенства, но они считают себя жертвами величайшей несправедливости и лелеют смутную идею возможности такой реорганизации, которая позволит им завладеть наибольшей частью земных благ». Газета рекомендовала правительству в связи с «парижским примером» действовать осторожно и не раздражать массы.

Чтобы воспрепятствовать проведению республиканских собраний и митингов солидарности, лондонская полиция пригрозила владельцам пивных, что у них отнимут разрешения на торговлю, если они будут предоставлять свои помещения для таких собраний.

Сочувственные отклики английских рабочих на Парижскую Коммуну были в значительной мере результатом деятельности английских членов Интернационала, направляемой Марксом и Энгельсом.

Парижская Коммуна привлекла пристальное внимание рабочих и демократической печати Англии, отклики которой полностью отразили слабости и противоречия рабочего движения Англии. Близкая к Генсовету Интернационала «Eastern Post» и тред-юнионистский еженедельник «Bee-Hive» из номера в номер публиковали подробные сведения о боях с версальцами, о деятельности Коммуны, о политике Национального собрания, чуждой народу и республике.

«Bee-Hive» и «Eastern Post» весьма сочувственно относились к мероприятиям Коммуны, к ее социальным преобразованиям. Отзываясь с большой симпатией о парижских рабочих, «Bee-Hive» писал: «Рабочие всех стран могут гордиться пре-

⁵ «The Eastern Post», 29.IV 1871.

красными качествами, проявленными их собратьями в Париже. Их смелость, терпение, порядок, дисциплина, здравый смысл и прозорливость вызывают истинное восхищение»⁶.

Однако, несмотря на сочувствие, эти газеты не смогли понять причин возникновения Коммуны, ее классовую сущность и историческое значение. Они видели причину революции 18 марта в конфликте между Парижем и Национальным собранием, между республикой и монархией, между демократически и республикански настроенным городом и монархической деревней, в столкновении двух принципов управления: крайней централизации, представляемой версальским Национальным собранием, и демократического местного самоуправления, защищаемого Коммуной⁷.

Наряду с сочувственными статьями появлялись и враждебные выступления против коммунаров, повторялись измышления буржуазных журналистов о «зверствах» и поджогах, осуждались «насильственные» методы Коммуны. Например, «Eastern Post» утверждала, что руководители восстания «не были демократами» и «стремились не к установлению республики, которой управлял весь народ, а к верховенству (domination) одного класса». «Истинный же демократизм... состоит в равенстве классов, а не в переходе верховенства от аристократии к толпе»⁸.

Эти противоречивые и глубоко ошибочные оценки были следствием политической незрелости английского рабочего класса, влияния идеологии и политики либерализма, сторонниками которого являлись реформистские лидеры тред-юнионов.

Отклики демократической общественности также весьма противоречивы. Некоторые журналы, такие как «Contemporary Review» и «National Reformer», отнесли к Коммуне довольно сдержанно, предоставляли свои страницы для публикации враждебных ей статей.

Демократические писатели попытались проанализировать и теоретически осмыслить события во Франции. Например, публицисты Э. С. Бизли и Ф. Гаррисон защищали Коммуну от клеветы и обвинений буржуазной печати и проявили наибольшее понимание сущности разворачивающегося перед их глазами движения.

Профессор Бизли, статьи которого публиковались в еженедельнике «Bee-Hive», добивался того, чтобы английские рабочие узнали правду о событиях во Франции. Бизли писал о героизме парижских рабочих, о которых всегда отзывался с сочувствием и восхищением, о тайных происках Тьера и версальского

⁶ «Bee-Hive», 1.IV 1871.

⁷ «Bee-Hive», 3.VI 1871.

⁸ «The Eastern Post», 18.V 1871.

Собрания. Он смело защищал коммунаров от злобных обвинений в жестокостях, поджогах, разрушениях общественных зданий. Он не побоялся открыто заявить, кто и с какой целью искажает характер событий. «Есть вещь, еще более желательная, чем поражение рабочих...— писал Бизли,—а именно, стремление их обесчестить... Рабочих и их класс хотят дискредитировать перед лицом всего мира, доказать, что они не только рабы, но и созданы для рабства, чтобы рабочий класс других стран не последовал их примеру»⁹.

Бизли правильно отмечал интернационализм Коммуны. Несомненно, под влиянием Маркса, с которым он встречался и состоял в переписке, Бизли верно оценивал ее всемирно-историческое значение, освободительные цели парижских рабочих. «Сражаясь за эти цели,— писал он в мае 1871 г.,— они сражаются за интересы труда во всем мире. Они могут быть разбиты, но они заслужат благодарность и восхищение всех рабочих»¹⁰. После подавления Коммуны Бизли поднял гневный голос протеста против зверств версальских палачей и смело выступил в защиту побежденных коммунаров.

Примерно такую же позицию занимал другой видный представитель радикальной интеллигенции Англии — Фредерик Гаррисон. Он следил за событиями во Франции и изучил программные документы Коммуны. 1 мая он опубликовал статью «Революция Коммуны», написанную в сочувственных по отношению к Коммуне тонах. Одобрение Гаррисона встретили такие мероприятия Коммуны, как отделение церкви от государства, организация народного образования, разрешение вопроса о должниках и кредиторах и ряд других.

Гаррисон решительно опровергал клеветнические измышления буржуазной печати о жестокостях Коммуны. Он давал высокую оценку членам Коммуны: «...правительство Коммуны является, может быть, самым способным из революционных правительств новейшего времени»¹¹. С большим сочувствием писал он о рабочих Парижа, подчеркивая их руководящую роль в событиях.

Хотя, касаясь причин революции в Париже, Гаррисон повторял часто встречавшиеся в английской печати утверждения о столкновении двух принципов управления — «крайней централизации» и «демократической децентрализации», о борьбе городов против реакционного влияния деревень и т. д.,— но он глубже многих своих современников понял значение Коммуны. Для него события во Франции были проявлением классовой борьбы, «вос-

⁹ «Bee-Hive», 15.IV 1871.

¹⁰ «Bee-Hive», 20.V 1871.

¹¹ «The Fortnightly Review», May 1, 1871, p. 559.

станием одного класса против другого»¹². Значение Коммуны, по его мнению, не исчерпывалось ее существованием. «Мы видим великое будущее в революции Коммуны»¹³, — писал он.

Весьма сочувственно по отношению к Коммуне выступал также публицист-демократ Томас Смит из Ноттингема, примкнувший летом 1871 г. к Интернационалу. В марте — июле 1871 г. Т. Смит поместил в газете «*Nottingham Daily Express*» несколько корреспонденций о событиях во Франции. В марте 1872 г. эти письма были изданы ноттингемской секцией Интернационала отдельным изданием¹⁴. Летом 1871 г. Смит вступил в переписку с Марксом, посылал ему свои заметки о Коммуне, получал от Маркса документы Интернационала. Когда вышла книга Смита о Коммуне, Маркс дал о ней благоприятный отзыв, который был помещен в органе Генсовета Интернационала — газете «*International Herald*». «Это весьма примечательное произведение», — писал Маркс¹⁵.

В своих письмах Смит выступил с разоблачением зверств версальского правительства; он горячо защищал коммунаров против клеветы английских буржуазных газет: «Говорить, что борьба парижского населения является только вспышкой безумия и ярости — просто нелепо... Мне кажется, что нынешнее движение в Париже является естественным развитием революции, совершающейся во Франции в течение последних 80 лет»¹⁶. Горячее сочувствие Смита коммунарам и стремление связать социальное освобождение рабочего класса с решением политических проблем делают его письма значительным событием в английской публицистике того времени.

В мае выступления английских рабочих в защиту Коммуны ослабли. Весьма отрицательную роль сыграли влиятельные реформистские лидеры тред-юнионов (Эплгарт, Оджер). Они в это время почти полностью прекратили сношения с Генеральным Советом Интернационала, который только и мог направить движение солидарности с Коммуной по правильному пути, увлеклись республиканской агитацией и организацией республиканских клубов и шли на поводу у радикалов. Попытки некоторых позитивистов (Бизли, Гаррисона и др.), сочувствовавших Коммуне, оживить движение солидарности с ней были обречены на неудачу из-за отсутствия поддержки со стороны тред-юнионов. Такая позиция лидеров тред-юнионов сильно затруднила также и деятельность Интернационала.

¹² Ibid., p. 574.

¹³ Ibid., p. 557.

¹⁴ *Th. Smith. Letters on the Commune. The law of the revolution: of the logical development of human society.* Nottingham, 1872.

¹⁵ «*The International Herald*», 11.V 1872.

¹⁶ *Th. Smith. Letters on the Commune*, p. 7.

Свое отрицательное отношение к Коммуне лидеры тред-юнионов ясно продемонстрировали в конце июня 1871 г., когда Оджер и Лекрафт порвали с Генеральным Советом из-за несогласия с воззванием «Гражданская война во Франции». Принципы Коммуны — революционный захват власти рабочим классом, активные социальные мероприятия — были новы и непривычны для английского рабочего движения, противоречили традиционным формам тред-юнионизма, были противоположны его теории, практике и целям, его либеральной рабочей политике.

Известную роль в спаде движения солидарности с Коммуной в Англии сыграла также разнузданная клеветническая кампания буржуазной прессы. Так как влияние буржуазии на английских рабочих было велико, то не удивительно, что многие из них верили подобным измышлениям.

Рабочие и мелкобуржуазные демократы Англии не ограничились выражением солидарности с Коммуной. Некоторые из них приняли непосредственное участие в борьбе коммунаров.

В медицинских учреждениях Коммуны работали английские врачи и студенты-медики, по-видимому, остававшиеся на своем посту со времени осады Парижа немецкими войсками. В конце мая существовал военный госпиталь, целиком обслуживавшийся английским медицинским персоналом¹⁷.

Немало англичан сражалось на стороне Коммуны. По данным, имевшимся в распоряжении британского посла лорда Лайонса, в боях принимало участие несколько десятков англичан, в том числе офицеры инженерных войск. Во время «майской недели» версальские власти арестовали 15—20 британских подданных. Большинство арестованных по требованию британского посольства было вскоре освобождено, за исключением нескольких молодых людей, захваченных в плен на баррикадах с оружием в руках. По всей вероятности, версальская юстиция судила их на равных основаниях с остальными пленниками¹⁸.

Если английская буржуазная печать в целом относилась враждебно к Коммуне, то героизм коммунаров, поддержка населением Парижа своего нового правительства, зверства версальцев постепенно побудили часть английской прессы несколько изменить тон. Некоторые газеты в мае были вынуждены признать, что солдаты национальной гвардии умирают как герои, а их подвиги вызывают уважение¹⁹. Даже «*Pall Mall Gazette*» 12 мая писала о версальцах: «Дикая жестокость... закалывать штыками людей, погруженных в сон, а затем украшать себя лаврами в честь своих позорных деяний; стремление ли-

¹⁷ «*Bee-Hive*», 27.V 1871.

¹⁸ «*Hansard's Parliamentary Debates*», v. 206, p. 1745—1746, 1775.

¹⁹ См. «*L'Internationale*», 4.VI 1871.

шить Париж звания столицы... все эти и многие другие подобные факты, характеризующие поведение версальских войск и их командиров, гораздо более заслуживают осуждения, чем все то, что до сих пор ставилось в вину Коммуне».

Однако известие о поражении Коммуны было встречено буржуазной печатью с радостью. В конце мая — в июне 1871 г. английское правительство в принципе согласилось с требованием Тьера о выдаче коммунаров-эмигрантов как уголовных преступников. Прямые призывы к выдаче раздавались в парламенте и прессе. Гладстон выразил также согласие на совместные действия британской полиции с полицией стран континента против социалистов.

Наиболее активно выступил против намерений правительства пролетариат Англии. В конце мая — начале июня 1871 г. под влиянием энергичной пропаганды идей Коммуны Марксом и его сторонниками английские рабочие начали кампанию протеста против зверств версальцев и за сохранение за коммунарами-эмигрантами права убежища. Инициатором этой кампании выступил Генеральный Совет Интернационала, стремившийся к объединению на защиту коммунаров всех демократических сил.

30 мая Генсовет созвал совещание представителей демократических кругов по вопросу о помощи эмигрантам. Совещание решило направить к Гладстону делегацию с требованием предоставить эмигрантам убежище в Англии и в случае надобности организовать в поддержку этого требования демонстрацию²⁰.

4 июня состоялся рабочий митинг в Клеркенуэлл-Грине в защиту права убежища и против зверств версальцев. Открывая митинг, его председатель заявил: «Хотя красное знамя низвергнуто, принципы Коммуны будут жить вечно. Английское правительство действовало бы так же, как и версальское, если бы народ ему это позволил»²¹.

5 июня в Лондоне состоялось собрание секции рабочей организации «Лига земли и труда» в Майл-Энде. Собрание выразило «энергичный протест против убийств жителей Парижа ...свою глубокую симпатию жертвам гражданской войны в Париже, особенно тем, кто сражался за дело демократии», и заявило: «...мы организуем в секции помощь жертвам гражданской войны в Париже и обещаем сделать все возможное, чтобы помочь тем, кому удастся добраться до Англии»²².

В тот же день состоялся еще один рабочий митинг в защиту права убежища, прошедший под знаком сочувствия коммунарам.

²⁰ «The Eastern Post», 3.VI 1871; «Bee-Hive», 3.VI 1871.

²¹ «The Eastern Post», 10.VI 1871.

²² Ibidem.

В резолюции рабочего митинга, состоявшегося в Лондоне в первой декаде июня 1871 г., говорилось, что «версальское правительство попало всякую человечность, совершая убийства и кровопролития... Правительства Европы, не заявившие своего протеста, являются соучастниками преступления». В те же дни участники другого митинга заявляли: «Ответственность за казнь заложников лежит на правительстве Тьера, которое отвергло все предложения о примирении и убивало без разбора пленных мужчин, женщин и детей»²³.

7 июня Генсовет Интернационала созвал второе совещание представителей демократических и рабочих организаций для обсуждения вопроса об отказе Гренвиля и Гладстона принять делегацию рабочих, намеревавшуюся просить правительство предпринять шаги в защиту пленных коммунаров и предоставить коммунарам-эмигрантам право убежища в Англии. По предложению Оджера, поддержанному Хэйлзом, которые не желали конфликта с правительством, на этом совещании было принято решение воздержаться в дальнейшем от новых действий в пользу коммунаров.

Это был весьма чувствительный удар и по движению за сохранение права убежища, и по пропаганде идей Коммуны. Но в Англии распространялась «Гражданская война во Франции» К. Маркса. Английские рабочие действовали под руководством Интернационала, не прекратили выступлений солидарности. Митинги солидарности и пропаганды идей Коммуны состоялись 8, 11, 13, 18, 19, 21, 25, 27 июня, 2 и 16 июля, 13 августа, 3 и 6 сентября. Из Лондона они перекинулись в Нортгемптон, Бирмингем, Манчестер, Хидерсфилд, Гулль, Бристоль и другие города. Многие из них были организованы английскими членами Интернационала.

Эмигрантам Коммуны была оказана и значительная материальная помощь.

В вопросе же о выдаче эмигрантов-коммунаров мощный протест английского рабочего класса сыграл огромную роль. Рабочих поддержала и демократическая печать. В защиту права убежища выступили известные английские ученые и публицисты Дж. С. Милль, Э. С. Бизли и др. Даже наиболее влиятельные буржуазные газеты Англии вынуждены были косвенно протестовать против намерений кабинета. В конце июня правительство, боявшееся скомпрометировать себя совместными действиями с версальскими контрреволюционерами, заявило, что право убежища нарушено не будет.

Парижская Коммуна оказала на Англию довольно значительное влияние. Весной и летом 1871 г. наметился некоторый подъем забастовочного движения. Крупные стачки прошли в

²³ «L'Internationale», 11.VI 1871.

Сандерленде, Олдеме, Кардифе, Ньюкасле и других районах страны. Значительно повысился авторитет Международного Товарищества Рабочих, шло образование его новых секций. Большое распространение получили воззвание «Гражданская война во Франции» и другие документы Генсовета. Опыт французских пролетариев значительно способствовал также усилению интереса к социализму в Англии.

* РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Уже с осени, даже с лета 1870 г. в Швейцарии с напряженным вниманием следили за событиями в Париже. Швейцарские рабочие не имели к тому времени единой классовой организации. В стране существовал ряд рабочих союзов, в отдельных кантонах были рабочие партии. Больше всего сторонников насчитывали секции Международного Товарищества Рабочих. Они имелись во всех крупных и многих мелких городах Швейцарии. В одной только Женеве их было более 30.

Большая часть швейцарских секций Интернационала еще была, однако, далека от марксизма. Секции горной Юры находились под влиянием анархистов, поддерживали Бакунина. Наиболее близки к Генеральному Совету были секции Романской федерации, состоявшие из рабочих, говоривших на французском языке. С ними были тесно связаны секции рабочих, говоривших на немецком языке, руководимые другом К. Маркса И. Ф. Беккером.

Между Романской федерацией и бакунистами шла, по определению К. Маркса, «открытая война»²⁴. Газета Романской федерации «Egalité» и газета секций рабочих, говоривших на немецком языке, «Vorbote» вели страстную полемику с бакунистской «Solidarité». Фактическим редактором «Egalité» в 1870—1871 гг. был Н. И. Утин. «Vorbote» редактировал И. Ф. Беккер, «Solidarité» — друг и соратник Бакунина Джеймс Гийом.

Революцию 4 сентября 1870 г. в Париже приветствовали все швейцарские социалисты. «Egalité» и «Vorbote» разоблачали предательскую, антинациональную роль французской буржуазии, указывали, что Франция «чревата революцией». «Социальная республика (за которую борются французские рабочие.— Авт.)... не может ограничиться пределами одной страны. Чтобы стать устойчивой, она должна стать международной. Мы выполним свой долг. Наша пропаганда и наша агитация, объединив рассеянные силы, помогут наступлению международной революции», — писала «Egalité» 4 ноября 1870 г.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 345

Бакунисты со свойственным им авантюризмом призывали руководителей и членов Интернационала послать во Францию вооруженные отряды, чтобы «помочь французам произвести социальную революцию»²⁵. Номер «Solidarité» от 5 сентября 1870 г., опубликовавший один из подобных призывов, был конфискован властями.

Весной 1871 г. швейцарские трудящиеся горячо приветствовали революцию 18 марта. Полосы рабочих газет заполнялись телеграммами, документами, статьями о положении в Париже. На собраниях рабочих много говорили о Коммуне.

«Что бы ни случилось, братья и сестры Парижа, ваше дело не погибнет, ибо это дело международного освобождения рабочих. Мы выполнили свой долг, всегда и всюду добиваясь тех же целей, продолжая всегда и всюду ту же работу, которую возглавляете вы», — заверял коммунаров адрес, принятый на собрании рабочих Женевы 15 апреля 1871 г. В этом документе события 18 марта характеризовались как завоевание власти рабочим классом и «начало эры социальной реорганизации»²⁶.

Приветствуя Коммуну, члены секций Интернационала в Швейцарии стремились прийти ей на помощь. Не один из них спешил в эти дни в Париж принять непосредственное участие в борьбе коммунаров. Швейцарская рабочая печать звала французскую провинцию поддержать Париж своим восстанием. Без этого, как писала «Vorbote», «к несчастью, погибнет и столица»²⁷.

Бакунисты увидели в Коммуне анархистское «отрицание нации и государства». Они намеревались послать в Лион батальон волонтеров и с его помощью провозгласить там Коммуну. Организация батальона требовала средств, и бакунисты послали своего представителя в Париж просить денег у Коммуны. Члены Коммуны отказались тратить средства на подобные авантюры, и проект был оставлен.

Члены Интернационала, поддерживавшие линию Генерального Совета, стремились в Южной Франции поднять на восстание трудящихся. В тайный комитет, созданный с этой целью в Женеве, вошли среди прочих Беккер, Утин и секретарь Романского федерального совета А. Перре. Комитет связался с революционными группами Южной Франции. Он участвовал в создании революционных «Комитетов действия», нелегально распространял в Лионе, Марселе, Сент-Этьене свои манифесты и циркуляры. Он сумел связаться с Парижской Коммуной, и она одобрила его действия²⁸.

²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 21, д. 391/5, ч. 1.

²⁶ Адрес дошел до Коммуны (см. «Journal officiel», 7. V 1871).

²⁷ «Der Vorbote», 1871, N 3, S. 37.

²⁸ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 221—223.

Поднять широкое восстание во Франции комитету все же не удалось. Попытка восстания в Лионе, предпринятая 30 апреля, была подавлена уже 1 мая.

В дни майской «кровавой недели» 1871 г. швейцарские трудящиеся, затаив дыхание, следили за событиями в Париже. «Это наши братья и сестры погибают сейчас среди пламени... Это гибнут те, кто нам дороже всего на свете», — горестно восклицала «Egalité» 29 мая 1871 г. «Наша мысль снова возвращается к Коммуне, — писала она летом этого года. — Ее мученическая тень... предстает перед нами, как пример навеки незабываемый»²⁹.

Трагическая гибель Коммуны вызывала горечь и боль, но тот факт, что пролетариат сумел — пусть ненадолго — взять власть в свои руки, породил надежды. Летом 1871 г. под непосредственным воздействием Парижской Коммуны в Швейцарии значительно активизировалось рабочее движение. Бастовали сапожники в Цюрихе и Винтертуре, оружейники в Нейхаузе, ткачи в Фельдбахе³⁰. Особенно приметна была стачка 800 аппретурщиков в Сен-Галлене. Это были самые низкооплачиваемые, самые забытые рабочие в Швейцарии. Они «потеряли всякое мужество и энергию. Фабрикант может делать с ними, что хочет. Они отступают при первом его резком слове и склоняются от страха до земли», — читаем мы в «Vorbote»³¹. Но летом 1871 г. поднялись на борьбу и эти люди. В июне 1871 г. они забастовали, требуя уменьшения рабочего дня и повышения заработной платы, а несколько дней спустя вступили в Интернационал.

На аппретурщиков обрушилась ярость перепуганной Коммуной буржуазии. «Нас провоцируют, нас травят, нас донимают... — писал И. Ф. Беккеру руководитель стачки. — Мы держимся стойко, в этом я могу поклясться от имени восьмисот... Коммунары были *правы*: когда с бедняком и неимущим рабочим так обходятся, нет никаких других средств»³².

Благодаря материальной поддержке рабочих других городов Швейцарии сен-галленские забастовщики смогли продержаться два с половиной месяца и добиться частичной победы. Рабочие собрания, созываемые в разных концах Швейцарии в поддержку этой забастовки, перерастали нередко в стихийные демонстрации в честь Парижской Коммуны³³.

В сознании реакционеров Интернационал был неразрывно связан с Коммуной. Летом 1871 г. его членов в Швейцарии

²⁹ «L'Egalité», 8.VII 1871.

³⁰ «Первый Интернационал», ч. II. 1870—1876. М., 1965, стр. 320.

³¹ «Der Vorbote», 1871, N 5, S. 71.

³² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 123.

³³ См., например, «L'Egalité», 3.VIII 1871.

преследовали, увольняли. Но запугать рабочих не удалось. Повсюду в стране проходили рабочие митинги, демонстрации, в ряде мест возникали новые секции Интернационала.

В дни, когда на улицах Парижа шли последние бои, в Швейцарии встал вопрос о приеме революционных эмигрантов из Франции. «Мы, народ Женевы,— гласило обращение 3000 рабочих Женевы от 29 мая к швейцарскому правительству,— перед лицом тяжелых страданий, смерти и изгнания, грозящих побежденным, требуем от Федерального совета, чтобы он принимал беглецов из Парижа... и предоставлял им право убежища»³⁴. Такой же адрес приняли рабочие Цюриха.

Федеральный совет занял уклончивую позицию. Не решаясь открыто пренебречь требованиями рабочих, он постановил предоставлять убежище политическим эмигрантам и выдавать версальцам уголовных преступников.

Швейцария стала одним из центров французской революционной эмиграции. Здесь оказались Малон, Лефранс, Франкель, Клеманс, Арну, сотрудники некоторых парижских революционных газет, командиры ряда батальонов парижской национальной гвардии и т. п. Одни переходили франко-швейцарскую границу нелегально, другие переезжали ее с фальшивым паспортом. Все они были безо всяких средств. «В какой ужасной нужде прибыли к нам эти «грабители»,— писал Зорге Беккер.— Некоторые из них с женами и детьми, вплоть до грудных младенцев»³⁵.

Финансовое положение швейцарских секций Интернационала было в то время крайне тяжелым. Им приходилось помогать забастовщикам и рабочим, уволенным за принадлежность к Интернационалу. Местные лавочники, напуганные Коммуной, лишили членов секций обычного кредита, и они бедствовали не меньше, чем эмигранты. Беккер, например, писал Зорге, что у него нет даже «двух су на табак»³⁶. И все же, как отмечал Маркс, швейцарские рабочие «с первых дней обеспечили им (эмигрантам Коммуны.— Авт.) помощь...»³⁷.

Социалистическая печать обратилась к рабочим с призывом поддержать коммунаров. Были созданы рабочие комитеты братской помощи эмигрантам Коммуны³⁸. Семьи трудящихся усыновляли и брали на воспитание детей погибших коммунаров. Со всех концов стекались в Романскую федерацию денежные пожертвования.

³⁴ «Der Vorbote», 1871, N 5, S. 71—73.

³⁵ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 219.

³⁶ Там же.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 18.

³⁸ «Études et documents sur la première Internationale en Suisse», Publié sous la dir. de J. Freymond Genève, 1964, p. 302.

Угроза выдачи эмигрантов версальскому правительству становилась между тем все реальней. В июне 1871 г. правительство Тьера потребовало выдачи ряда деятелей Коммуны. Швейцарские власти приготовились действовать. Однако большая часть эмигрантов успела уйти в подполье. Полиции удалось арестовать лишь одного из них, подполковника Разуа, бывшего начальника Военной школы и члена военного трибунала. Версальцы обвиняли его в грабежах, поджогах и насилиях.

Рабочие Швейцарии поднялись на защиту Разуа. Собрания и митинги протеста, организованные Романской федерацией и секциями немецкой Швейцарии, прокатились по стране. «Мы хорошо знаем, что буржуазия яростно нападает на нас. Но мы решили идти до конца»³⁹, — сообщал Генсовету А. Перре. В середине июля на собрании Национальной политической рабочей ассоциации, близкой к Генсовету Интернационала, было принято обращение к властям, где говорилось о «твердом намерении народа Женевы со всей энергией выступить в защиту права убежища». «Мы не можем оставаться безразличными... Волнение все более охватывает рабочий класс», — говорилось в записке, приложенной к обращению⁴⁰.

Обращение и записка были разосланы организаторами движения во все концы Швейцарии⁴¹. Они встретили единодушную поддержку среди рабочих и отдельных радикальных газет. Эти последние перепечатали адрес, снабдив его сочувственными комментариями.

Обстановка в стране становилась напряженной. Правительство Швейцарии, не решаясь ни выдать Разуа, ни освободить его, пыталось выиграть время, задерживая его в тюрьме. Но 21 августа Национальная политическая рабочая ассоциация сообщила Федеральному совету о своем решении обратиться к народу и созвать собрание, «которое примет решение о средствах, способных положить конец подобному произволу»⁴².

Несколько дней спустя Разуа был освобожден, и этим самым был решен и общий вопрос о праве убежища для коммунаров. Швейцарские трудящиеся отстояли его, сорвав замыслы швейцарской и международной реакции.

После Парижской Коммуны новая пролетарская революция многим казалась близкой. Швейцарские рабочие были готовы, по свидетельству Н. И. Утина, «самым решительным образом, как только это окажется возможным, захватить в свои руки власть»⁴³.

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, л. 327/5, л. 2.

⁴⁰ «L'Egalité», 3.VIII 1871.

⁴¹ «Der Vorbote», 1871, N 7, S. 105.

⁴² «Journal de Genève», 1.IX 1871.

⁴³ «Лондонская конференция I Интернационала». М., 1936, стр. 107.

«Социальная революция идет. Она здесь», — писал Беккеру летом 1871 г. руководитель сен-галленских забастовщиков ⁴⁴.

Раздумья швейцарских социалистов над судьбой и опытом Парижской Коммуны ясно отразились в записке ряда швейцарских секций, зачитанной на Лондонской конференции Интернационала в сентябре 1871 г. Записка ставила перед конференцией четыре вопроса: 1) Чем объяснить, что провинция не поддержала Парижскую Коммуну? 2) Не следует ли, ввиду вероятного повторения парижских событий, организовать внутри Интернационала специальную комиссию, на которую была бы возложена военная инициатива? 3) Какая форма пропаганды и агитации является наилучшей в деревне? 4) Какая в армии? ⁴⁵ Но главным выводом, какой сделал швейцарский пролетариат из опыта Коммуны, была необходимость создания самостоятельной рабочей партии. Уже с лета 1871 г. об этом писала швейцарская рабочая пресса, говорили на своих митингах и собраниях швейцарские рабочие.

Осуществление этой идеи натолкнулось на ряд трудностей. Все же в июне 1873 г. на проходившем в г. Ольтене I все-швейцарском рабочем съезде был основан Швейцарский рабочий союз — первая в истории страны массовая рабочая организация.

БЕЛЬГИЯ

И СОБЫТИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Бельгийцы отнюдь не остались в стороне от событий Парижской Коммуны, и их реакция на эти события соответствовала их классовым позициям.

Если буржуазные газеты, особенно «L'Indépendance belge» и «L'Etoile belge», стали рупорами версальской пропаганды, то социалистическая печать Бельгии сделала защиту дела Парижской Коммуны своею главною темой. Когда поражение Коммуны стало очевидным, бельгийский министр Дюмортье выступил с утверждением, будто бельгийское общественное мнение было единодушно в ее осуждении. Это утверждение опровергла социалистическая газета «La Liberté», поместив перечень периодических изданий, выступавших в защиту Коммуны. В нем были указаны ежедневные газеты «Le Peuple belge», «Les Nouvelles du Jour», «La Liberté» (Брюссель), «Le Petit Courrier», «L'Avenir» (Льеж), еженедельные газеты «L'Internationale», «La Voix des Ecoles» (Брюссель), «De Werker» (Антверпен), «Le Réveil» (Сепен), «Le Mirabeau», «L'Union socialiste» (Вервье), «Le Droit» (Шарлеруа), ежемесячный журнал «Les

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 370/5, стр. 2.

⁴⁵ «Лондонская конференция I Интернационала», стр. 27.

Cahiers du Travail» (Льеж). При этом оговаривалось, что «La Liberté» не считает этот список исчерпывающим⁴⁶.

Правящие круги Бельгии были одержимы «великим страхом» перед Интернационалом. А Парижская Коммуна рассматривалась как «дело Интернационала». На рабочие и студенческие манифестации бельгийские власти реагировали крайне нервно, немедленно мобилизуя крупные силы войск и жандармерии для подавления волнений.

Через семь лет после Парижской Коммуны бельгийский социалист известный издатель трудов деятелей Коммуны Анри Кистемакерс писал: «История Коммуны — вот кошмар класса эксплуататоров!»⁴⁷

Действия бельгийских властей, направленные на то, чтобы «оградить» свою страну от влияния Парижа, объясняются страхом правящих классов Бельгии перед Парижской Коммуной.

Бельгийская колония в Париже была, по-видимому, самой многочисленной из иностранных колоний в столице Франции. Довольно разнообразная по социальному и профессиональному составу, она, однако, была образована преимущественно квалифицированными рабочими и трудовой интеллигенцией.

Вскоре после начала восстания в Париже образовался Бельгийский комитет, который приступил к организации бельгийского легиона для защиты Парижской Коммуны.

Комитет обратился к бельгийцам Парижа с воззванием, в котором говорилось: «...Париж для нас вторая родина. Если наша первая родина призвала бы нас, мы все поднялись бы на этот зов. Вторая наша родина ныне нуждается в нас для защиты своих прав: сыны Ван Артевельде, бессмертного защитника фламандской Коммуны, поднимитесь! Ответьте на призыв Парижской Коммуны!» Здесь же сообщалось, что «запись в федеральный бельгийский легион производится ежедневно, с 12 часов дня. Адрес: Коммунальная школа, ул. д'Алигр (фобур Сент-Антуан)»⁴⁸.

Несколько дней спустя появляется другой «срочный призыв к бельгийцам, проживающим в Париже». Хотя общее направление этого воззвания совпадает с предыдущим, в нем привлекает внимание более четко выраженный классовый и интернационалистский мотив. Воззвание начинается с вопроса, допустимо ли, чтобы бельгийцы, хотя они и иностранцы, оставались

⁴⁶ «La Liberté», 28.V 1871.

⁴⁷ См. А. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris. Bruxelles, 1878. Préface de l'éditeur.

⁴⁸ «Le Cri du Peuple», 26.IV 1871.

равнодушными зрителями «борьбы деспотизма и произвола против народа, защищающего свои права».

«Можем ли мы сохранять двусмысленный нейтралитет и не присоединиться к требованиям тех, кто оказал нам столь лояльное и радушное гостеприимство? Или же, следуя традиции наших отцов, Никола Ланнекена и Вана Артевельде, мы присоединимся к народной армии, чтобы победить или умереть с нею, защищая дело, которое является делом не только Парижа, но и всего человечества» (курсив наш.— Авт.).

Воззвание сообщало о собрании бельгийцев, которое состоится 1 мая в 1-м округе. Указывалось также, что создано специальное бюро, в котором бельгийцы могут получить справки по всем интересующим их вопросам и что бюро это помещается в мэрии 1-го округа. Это второе воззвание исходило от «группы бельгийских граждан» и подписано, по их полномочию, Эрнестом Винаном⁴⁹.

В дальнейшем мы находим ряд сообщений о «бельгийском отряде (corps belge) или о бельгийском федеральном легионе (Légion fédérale belge). Та же газета «Le Cri du Peuple» сообщает, что формирование бельгийского отряда производится с разрешения гражданина Росселя, военного министра Парижской Коммуны, и граждан, членов Коммуны, уполномоченных по 1-му округу⁵⁰.

В другом сообщении говорилось, что прием в бельгийский федеральный легион производится ежедневно на улице де Лавандьер-Сент-Оппортюн № 7, около Шатле.

А в последние дни Парижской Коммуны буржуазная «Etoile belge» поместила следующее сообщение из Дуэ: «Пишу второпях. Я только что из Парижа с грустной вестью. Бельгийский легион, во главе которого был г-н Мелот, занимал последние дни Ла-Мюэт и, по имеющимся сведениям, был полностью уничтожен или взят в плен. Из числа командиров среди убитых называют полковника Мелота, майора Альвена из Льежа (вернувшегося из Мексики), капитана ван Хольбека, помощников командира полка Контрасти и Рибуте и др. Были среди них две женщины, которые отлично сражались»⁵¹.

После вступления версальцев в Париж в числе 1725 иностранцев там было арестовано 737 бельгийцев по обвинению в участии в борьбе Коммуны⁵².

Активную роль в событиях конца 1870 г. в Париже сыграл один из видных представителей бельгийского социалистическо-

⁴⁹ «Le Cri du Peuple», 1.V 1871.

⁵⁰ «Le Cri du Peuple», 6.V 1871.

⁵¹ Цит. по: «La Liberté», 26.V 1871.

⁵² G. Bourgin. Le gouvernement français contre la Première Internationale.— «International Review for Social History», 1939, v. IV, p. 49.

го движения, Энс (Hins). Он оказался в Париже 4 сентября, куда прибыл из Брюсселя для установления контакта с парижской секцией Интернационала. Эжен Энс был членом бельгийской секции Интернационала со времени ее основания в 1865 г. и одним из основателей прудонистской газеты «La Liberté». В своей революционной деятельности и в личной жизни он был тесно связан с де Папом.

В Париже Энс вместе с французскими социалистами приложил усилия к оживлению заглохшей было активности местных секций Интернационала.

Во второй половине октября 1870 г. в Париже было распространено циркулярное письмо, в котором сообщалось о состоявшемся 18 октября «многочисленном собрании делегатов Интернационала и Рабочих корпораций», и о принятом там решении обратиться ко всем старым секциям с призывом возобновить прерванную пропагандистскую работу. Все члены призывались «активно заняться формированием новых секций в тех районах, где их нет». Это циркулярное письмо подписали Эжен Энс, Бахрух и А. Леблан⁵³. Затем Энс вернулся в Бельгию. Узнав о событиях 18 марта 1871 г., он хотел опять отправиться в Париж, но ему сообщили, что газета «La Liberté» станет ежедневной (прежде выходила раз в неделю) в целях защиты дела Парижской Коммуны. Энс остался в Брюсселе и «La Liberté» в течение шести месяцев выходила ежедневно.

Следовательно, мы можем констатировать, что бельгийские социалисты не остались равнодушными к геронческой борьбе парижских коммунаров, а наоборот, проявляли свою солидарность с ними словом и делом, лишь только для этого представлялась хотя бы малейшая возможность.

В самой Бельгии, с ее цензовой конституцией, жандармерией и армией, трудно было гласно выражать свою солидарность с Парижской Коммуной. Тем не менее наиболее сознательные и активные элементы бельгийского пролетариата, объединенные в бельгийские секции Интернационала или группировавшиеся вокруг радикально-демократических лозунгов, во весь голос заявляли о своем восхищении бойцами Коммуны, о своей полной солидарности с ними.

28 апреля на заседании Парижской Коммуны было заслушано следующее обращение «бельгийской республиканской секции Лиги Соединенных Штатов Европы»:

⁵³ B. Dandois. Vingt lettres sur l'Association Internationale des Travailleurs en Belgique (1865—1872).— «Mouvement social», janvier — mars 1968, N 62, p. 98; J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central républicain des vingt arrondissements de Paris. Paris, 1960, p. 29.

«Гражданам, членам Парижской Коммуны.

Граждане,

Члены Лиги Соединенных Штатов Европы (бельгийская республиканская секция), собравшись на общее собрание вчера, во вторник, 15 текущего месяца, приняли постановление о присоединении к вашей программе.

Собрание решило, граждане, предать гласности факт этого присоединения, чтобы заклеймить громким опровержением всю ту клевету, которую корыстные люди распространяют среди публики, и засвидетельствовать вам, таким образом, что они дают правильную оценку лживым измышлениям кровосмесительной коалиции Версальского правительства с претендентами всевозможных оттенков.

В ожидании того дня, когда беспристрастная история, написанная не подкупленными людьми, восстановит в их подлинном значении факты этих дней и покончит со всеми подлыми интригами против принципа освобождения народа Коммуной, мы посылаем вам, граждане, выражение нашего братского уважения».

Обращение подписано председателем Центрального комитета бельгийской секции П. А. Воссаром и секретарем А. Вандекеркхове.

Газета «La Liberté» 21 апреля 1871 г. опубликовала статью, озаглавленную «Европейская социалистическая демократия», в которой подчеркивается исключительно важное *международное* значение революционного движения во Франции и, особенно, восстания Парижской Коммуны:

«Коалиции всех буржуазных газет Европы, направленной против революции в Париже, противостоит, к счастью, европейский союз за социализм...

В 1849—1851 гг. действия реакции, обрушившейся во всей Европе на социалистов, наглядно показали, что интересы трудящихся повсюду одинаковы, поскольку всюду интересы эксплуататоров оказались под угрозой.

Эти общие преследования способствовали пробуждению духа интернациональной солидарности рабочих. Это новое сознание воплотилось в Международном Товариществе Рабочих.

Революция в Париже дала замечательное доказательство этого единства социалистического движения. О силе этого единства лучше всего свидетельствует тот факт, что сразу после окончания самой ужасной войны нового времени, когда все было сделано для максимального возбуждения национальных и расовых предрассудков, немцы, не колеблясь, сделали знамя Парижской Коммуны своим знаменем».

В другой статье этого же номера, озаглавленной «Банкроты», газета выступает против ежедневно повторяемых буржуазной печатью утверждений, будто победа Коммуны была бы ра-

зрением для Франции. Автор статьи отмечает, что утверждение это совершенно голословно. В действительности, если бы во всей Франции был установлен режим Коммуны, была бы упразднена постоянная армия, а это одно дало бы полмиллиарда экономии. Полмиллиона человек вернулось бы к производительному труду. Эти люди были бы возвращены своим семьям и тысячам женщин, которых эти праздные холостяки увлекают на путь проституции. Режим Коммуны — это упразднение всех sinecur и высоких окладов — опять-таки значительная экономия. Большую экономию дало бы также упразднение бюджета религиозных культов; это, в свою очередь, позволило бы увеличить расходы на народное образование, что повысило бы ценность национального труда, и т. д.

Федеральный совет бельгийской секции Интернационала обратился с воззванием о подписке в пользу рабочих Парижа. Это воззвание нашло отклик среди бельгийских членов Интернационала, и подписные листы с фамилиями и суммами взносов стали появляться на страницах газеты «L'Internationale»⁵⁴.

28—29 мая 1871 г. в Брюсселе проходил конгресс делегатов бельгийских секций Интернационала, на котором была принята резолюция с решительным протестом против клеветнических заявлений Дюмортье 25 мая в палате представителей в отношении доблестных защитников свобод и человеческих и коммунальных прав в Париже во время Коммуны. В резолюции говорилось:

«Принимая во внимание, что действия Парижской Коммуны со дня ее прихода к власти и до последнего дня ее существования были актами высокого политического и социального значения и имели целью уничтожение ранее существовавших несправедливостей и открытие эры справедливой политической и социальной организации...

что если ради уничтожения этих несправедливостей и торжества правого дела Парижская Коммуна прибегла к силе, то лишь потому, что исконные противники права и справедливости сами перенесли борьбу на почву насилия...

что в этих обстоятельствах убийцами являются не те, кто защищает право, принципы справедливости и свободы, а те, кто не колеблется применять самые крайние и самые гнусные меры, чтобы навсегда задушить попытки предъявления требований, конгресс Международной ассоциации трудящихся...

воздаст хвалу Парижской Коммуне, временно побежденной, признает ее заслуги перед всем человечеством и заявляет, что те, кто сражались за нее, имеют право на уважение и симпатию всех честных людей»⁵⁵.

⁵⁴ «L'Internationale», 16.IV; 7.V 1871.

⁵⁵ «La Gazette de France», 10.VI 1871.

В этой замечательной боевой резолюции бельгийские секции Интернационала с открытым забралом выступили против грубой клеветы реакционных политиков на Парижскую Коммуну.

Как и следовало ожидать, бельгийские власти в то время отнюдь не были склонны разделять подобную точку зрения. Брюссельское правительство не только объявило об отказе деятелям Коммуны в праве убежища — выступление Дюмортье, вызвавшее гневную отповедь бельгийских секций Интернационала, имело целью «морально» подготовить эту меру путем заведомо лживого утверждения, будто коммунары должны рассматриваться как уголовные преступники, а не как подвергающиеся преследованиям политические деятели. Начальник управления государственной безопасности разослал в начале июня 1871 г. циркуляр бургомистрам городов, в котором были поименно перечислены «иностранцы, которые в случае их обнаружения в Бельгии должны быть переданы в распоряжение жандармерии на предмет высылки за границу».

Если бельгийское правительство не хотело допустить пребывания в Бельгии политических эмигрантов из Франции, то основным мотивом этого был страх перед коммунарами как носителями «революционной заразы». Этот страх был вполне обоснован: внутреннее положение в стране создавало благоприятные условия для успеха революционной пропаганды. Бельгия, несмотря на свою охраняемую жандармами цензовую демократию, отнюдь не была застрахована от революционных взрывов.

Весьма показательны в этом отношении события, разыгравшиеся в июне 1871 г. в отдельных городах Бельгии.

В Вербье, одном из крупных промышленных центров, стало известно, что 25 июня состоится рабочая манифестация. Поводом для манифестации послужило желание отметить годовщину событий, разыгравшихся в этом городе в июне 1870 г., когда во время манифестации против системы набора на военную службу рабочих Жиллис был убит выстрелом из винтовки. Стрелявший солдат получил орден и повышение.

Демонстрация 1871 г. должна была пройти под лозунгом протеста против убийц. Перспектива этой мирной манифестации вызвала тревогу не только среди местных властей, но и в столице. Буржуазная печать поспешила заявить, что чествование памяти рабочего Жиллиса, павшего жертвой военно-полицейского террора, используется лишь как подходящий предлог.

«Journal de Bruxelles» писала, что в Льеже 20 июня 1871 г. состоялось «секретное заседание Интернационала», в котором участвовало около 300 человек, в том числе «с десятка женщин». На этом заседании якобы говорили «не столько о смерти рабочего Жиллиса, сколько о Парижской Коммуне, этом идеале Интернационала» (курсив наш. — Авт.). Другие выступавшие на этом заседании ораторы «заявляли, что Интернационал мно-

го успел за год, но он недостаточно силен, чтобы начать борьбу в Бельгии».

Приводя это сообщение 27 июня 1871 г., «либеральная» «*Indépendance belge*» в свою очередь вопрошает: «Не для того ли организаторы манифестации в Вервье объявили, что будет развернуто красное знамя, чтобы таким образом подготовить эту борьбу?» И газета предупреждала рабочих: «Не следует играть с огнем. Рабочему классу нужны реформы. Пусть они лучше займутся изучением и разработкой этих реформ и доказательств их обоснованности и возможности, чем *восхвалением неосуществимой Коммуны*» (курсив наш.— *Авт.*).

Буржуазия была слишком встревожена, чтобы ограничиться газетной пропагандой и словесными угрозами в адрес рабочих. С утра 25 июня подступы к Ратуше в Вервье были заняты батальоном гражданской гвардии и отрядом кавалерии. Другой батальон, усиленный 60 жандармами, охранял подступы к кладбищу. Все эти действия были направлены на то, чтобы сделать манифестацию невозможной.

Тогда же, в середине июня 1871 г., в Брюсселе происходили студенческие манифестации. К брюссельским студентам присоединились специально прибывшие сюда студенты Льежского университета.

1871 год в Бельгии характеризовался довольно широким развитием стачечного движения. Победой рабочих окончилась стачка сигарочников Антверпена в марте — сентябре 1871 г., которая проходила при поддержке Генсовета Интернационала, обратившегося с воззванием о помощи бастующим, что дало 15 тыс. франков. Успеха в стачках добились сигарочники Льежа и механики Вервье в июле 1871 г. и др. Возникла Профессиональная лига для защиты интересов рабочих в Льеже. Забастовочное движение способствовало активизации секций Интернационала, принимавших деятельное участие в нем, несмотря на усилившиеся полицейские репрессии против Интернационала и профсоюзов.

Специфические особенности идейного движения, развернувшегося в Бельгии в связи с событиями Парижской Коммуны, определяются влиянием пропаганды Бакунина и Прудона, с одной стороны, и восходящих к средним векам традиций борьбы демократических сил против феодального угнетения — с другой.

В Парижской Коммуне бельгийские социалисты и радикалы видят замечательный опыт осуществления их идеала *автономной Коммуны*. В передовой статье органа бельгийских секций Интернационала, подписанной, как всегда, буквами Е. S. (это инициалы Эжена Стеенса, секретаря Генсовета бельгийских секций), подчеркивающей общенациональное значение Парижской Коммуны, есть такое заявление: «*Коммунальная революция*» (курсив наш.— *Авт.*), развязанная народною инициативой

18 марта, открывает новую эру экспериментальной, положительной научной политики»⁵⁶.

Регулярно воспроизводя официальные акты Парижской Коммуны, бельгийские социалистические газеты уделяют особое внимание тем из них, где развиваются эти особенно близкие им идеи. Так, «La Liberté» печатает полный текст Декларации Парижской Коммуны к французскому народу от 16 апреля 1871 г.⁵⁷

В обращении льежской секции Интернационала к членам Парижской Коммуны говорилось:

«Борьба, которую вы сейчас ведете с таким мужеством и упорством, это самая волнующая и самая грандиозная борьба, которую человечество когда-либо вело со своими извечными и безжалостными врагами: с деспотизмом, банкократией и паразитизмом.

...Коммуна, краеугольный камень социального обновления, вольная Коммуна, предмет мечты наших отцов, вновь утверждает в том Париже, который совершил революцию 1789 года»⁵⁸.

15 мая 1871 г. в Брюсселе состоялся большой митинг Интернационала под председательством Брисме. Порядок дня включал два пункта: 1) о принципе Коммуны; 2) о федерации народов. Выступавший докладчиком Лоран Веррикен полемизировал с теми, кто критикует Парижскую Коммуну за то, что «она хочет быть хозяйкою у себя в доме». Да, заявил он, она хочет быть хозяйкою у себя и не хочет, чтобы у нее командовали сельские жители. *То же и у нас в Бельгии. Нами командуют сельские жители, это они представляют клерикализм, который находится у власти* (курсив наш.—Авт.). Веррикен высказался за широкое проведение *децентрализации*, что позволит выявить подлинные интересы трудящихся, и трудящиеся будут представлены трудящимся. Из такой системы, сказал он в заключение, естественно вырастет «федерация коммун и всех народов», и исчезнут границы, тормозящие прогресс человечества и дающие возможность дипломатам провоцировать конфликты и войны.

В этом же духе выступил Э. Стеенс. Он подчеркнул, что «коммунализм» имеет корни и в прошлом бельгийских провинций, и вспоминал о героической борьбе против феодального гнета, возглавленной некогда Артевельде и Эгмонтом.

Эти же мотивы звучали и в речи Э. Энса⁵⁹. Ораторы на митинге с подъемом говорили о героизме парижских пролетариев.

⁵⁶ «L'Internationale», 30.IV 1871.

⁵⁷ «La Liberté», 24.IV 1871.

⁵⁸ «L'Internationale», 21.V 1871.

⁵⁹ «L'Internationale», 28.V 1871.

Выходившая в крупнейшем индустриальном центре Серен газета «Réveil» опубликовала статью «Революция 1871 года». Автор Ж. Детрие, полемизируя с врагами Парижской Коммуны, пишет: «Вы в отчаянии при виде Коммуны. Коммуна! Но, бедные хитроумные дурачки, ведь Коммуна существовала еще тысячу лет тому назад, и если она исчезла, то это благодаря вашим предкам, которых она стесняла. Коммуна, вы это хорошо знаете, это нормальное и разумное состояние человеческих объединений. Коммуна — начальный акт освобождения. Строй федерированных коммун — это конец всяким королям, сановникам, праздной и алчной бюрократии, синекурам, это исключает возможность концентрации вооруженных сил и власти, стало быть, делает невозможным возрождение деспотизма»⁶⁰.

Секции Интернационала в Бельгии оказали большую помощь парижским коммунарам. Член Федерального совета бельгийских секций Э. Энс образовал Комитет помощи эмигрировавшим коммунарам. Несмотря на большие трудности, некоторым коммунарам удалось осесть в Бельгии, для многих других Бельгия стала временным убежищем на пути в Англию. Для коммунаров-эмигрантов члены секций Интернационала в Брюсселе и Антверпене, Льеже и Шарлеруа, Вербье и в других центрах собирали деньги.

Парижская Коммуна оставила глубокий след в сознании бельгийских трудящихся. В июле — сентябре 1871 г. газета «L'Internationale» печатала воззвание Генсовета «Гражданская война во Франции». В первую годовщину Коммуны в Брюсселе и Генте, Антверпене и Льеже, Вербье и других городах прошли собрания секций Интернационала. Газета «La Liberté» подчеркивала 10 марта 1872 г.: «Празднованием этой годовщины мы продемонстрируем нашим врагам, что мужественная и гордая Коммуна живет в сердцах пролетариата». В дальнейшем Брюссель стал центром пропаганды идей Парижской Коммуны, поскольку там издавались книги Лиссагаре, Арну и других деятелей Коммуны. В предисловии к книге Артюра Арну ее издатель Кистемакерс писал в 1878 г.: «Мы ускорили издание этой книжки, потому что надо спешить, потому что неотложной задачей является помочь народу понять то великое, что родилось в 1871 г., и еще потому, что мы сочли полезным показать *международной буржуазии* (курсив наш.— Авт.) вообще и, особенно, лицемерной бельгийской буржуазии, как мы смеемся над ее клеветническими измышлениями и как нам легко ответить на ее высокомерие презрительным вызовом»⁶¹.

Многие социалистические группы в Бельгии ежегодно отмечали годовщину Парижской Коммуны.

⁶⁰ Цит. по: «L'Internationale», 16.IV 1871.

⁶¹ Ar. Arnould. Histoire populaire et parlementaire...

А в 1886 г. день 18 марта стал началом большого движения рабочих во всей стране, которое вылилось во всеобщую забастовку. Бельгийский пролетариат показал, что память о Парижской Коммуне 1871 г. живет в его сознании.

* ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И НИДЕРЛАНДЫ

Когда парижские коммунары подняли знамя восстания и впервые в истории провозгласили республику трудящихся, рабочие Нидерландов делали еще только первые шаги на пути создания самостоятельной политической организации. Медленные темпы промышленного развития, преобладание мелкого производства обусловили естественно медленное формирование промышленного пролетариата в Нидерландах и относительно позднее выступление его как самостоятельной силы. Активная борьба голландских рабочих против все усиливавшейся эксплуатации начинается со второй половины 60-х годов; в этот период здесь происходят первые стачки, возникают первые профессиональные союзы, объединяющие рабочих некоторых отраслей в общенациональном масштабе. Тогда же среди передовых рабочих начинают приобретать популярность социалистические идеи.

В августе 1869 г. в Амстердаме образовалась секция Интернационала, ее влияние быстро росло, и к концу 1870 г. к Интернационалу присоединилось свыше 30 рабочих организаций. Эта первая волна рабочего движения, захватившая в основном полуремесленных рабочих традиционных отраслей, достигает своей высшей точки в начале 1871 г., незадолго до Парижской Коммуны, и затем начинает постепенно спадать. Большинство голландских рабочих видели лишь непосредственные экономические цели борьбы. К восприятию идеи революционного преобразования общества не были готовы в тот период даже лучшие умы среди передовых рабочих Нидерландов.

Отклики на события Коммуны были в Нидерландах поэтому относительно слабее, чем в других западноевропейских странах. Почти не получили эти события отражения и на страницах наиболее распространенной среди рабочих газеты «*Werkman*» — органа амстердамской секции Интернационала. Другие газеты, такие как «*Toekomst*» и особенно «*Vrijheid*», также связанные с Интернационалом, но находившиеся в то же время под влиянием радикалов, значительно полнее освещали действия Коммуны и открыто выступали в ее поддержку.

«В Голландии события 18 марта, — писал в своих записках один из сотрудников «*Vrijheid*», Я. Радемакер, — вызвали лишь чувство изумления. Внезапные изменения в Париже казались добропорядочным голландцам лишь сном, от которого пробуж-

даешься отнюдь не охваченный восторгом или энтузиазмом. Исключением была, возможно, лишь небольшая фракция социалистов в среде рабочего класса»⁶².

Это впечатление современника не является, однако, достаточно полным или точным. Голландские рабочие по существу одобряли деятельность Коммуны, они лишь не могли понять исторической необходимости применения насилия со стороны Коммуны. Когда на съезде фламандских и голландских секций Интернационала в Генте 9—10 июля 1871 г. обсуждались события в Париже, участники съезда выразили пожелание, чтобы «Парижская Коммуна успешно достигла своей цели, не прибегая к насильственным средствам, что было бы большим шагом вперед по тому пути, по которому следует Интернационал»⁶³.

Цели Коммуны были, таким образом, понятны и одобрялись участниками съезда. Более того, они подкрепили свое одобрение решением «начать во всех секциях сбор средств для оказания помощи парижским рабочим»⁶⁴, продемонстрировав этим высокую классовую сознательность и чувство солидарности.

Участники проходившего в Амстердаме 28—29 мая 1871 г. рабочего съезда, в котором принимали участие и рабочие организации, не принадлежавшие к Интернационалу, аплодисментами встретили приветствие швейцарских секций коммунарам, зачитанное на съезде⁶⁵. Еще более красноречиво проявилось влияние Коммуны в принятой съездом резолюции, гласившей, что «освобождение труда невозможно при сохранении существующих законов собственности»⁶⁶.

В трагические дни гибели Коммуны газета «Vrijheid» вышла в траурной рамке. Среди коммунаров, писала газета, «были наши лучшие друзья — смелые, благородные сердца, истинные друзья народа. Народ должен хранить память о них, как о мучениках, павших за его святое дело»⁶⁷.

Отсутствие непосредственной угрозы революционных событий в самих Нидерландах, незрелость и некоторая инертность рабочих масс позволили голландской буржуазии занять по отношению к Коммуне более умеренную позицию по сравнению с господствующими классами других стран Европейского континента. Либеральные депутаты одобрительно отнеслись к предпринятому Коммуной разрушению Вандомской колонны. Либеральные газеты ставили под сомнение целесообразность кровопро-

⁶² B. Bymholt. Geschiedenis der Arbeidersbeweging in Nederland. Amsterdam, 1894, p. 73.

⁶³ «Algemeen Dagblad van Nederland», 15.IV 1871.

⁶⁴ B. Bymholt. Geschiedenis der Arbeidersbeweging, p. 75.

⁶⁵ «Algemeen Handelsblad», 31.V 1871.

⁶⁶ B. Bymholt. Geschiedenis der Arbeidersbeweging, p. 83—84.

⁶⁷ Ibid., p. 74.

пролития, учиненного версальцами⁶⁸, они считали несправедливым возлагать на Интернационал в целом ответственность за насильственные действия Парижской Коммуны и даже помещали на своих страницах статьи членов голландских секций Интернационала⁶⁹.

Но за этой объективной по видимости позицией крылось стремление столкнуть голландский рабочий класс с путей международной классовой солидарности и подчинить его своему «национальному» руководству⁷⁰. Подлинные симпатии буржуазии нашли отражение в консервативной прессе, особенно в 1872 г., в связи с подготовкой к Гаагскому конгрессу Интернационала. Одна из крупных консервативных газет, «Dagblad van Zuid Holland en's Gravenhage» развернула яростную кампанию против коммунаров, называя их убийцами, грабителями, поджигателями и требуя запрещения конгресса Интернационала, как организации, несущей ответственность за действия Коммуны⁷¹. Побочная цель, которую преследовали консерваторы, сводилась к ослаблению позиции либералов, поэтому в либеральной печати в свою очередь появился ряд полемических выступлений, направленных против этой газеты⁷².

Разоблачение клеветы на Коммуну и на Интернационал было одной из самых важных задач, стоявших перед голландскими деятелями Интернационала. Они опровергали распускавшиеся буржуазной прессой фальшивки о финансировании Коммуны Генеральным Советом Интернационала⁷³, выступали на рабочих собраниях в защиту Коммуны. Ярким примером защиты принципов и деятельности Коммуны было выступление одного из видных деятелей голландского рабочего движения, Херарда, на собрании Амстердамской секции 6 августа 1871 г.

«Принципы Коммуны,— говорил он,— были правильными, то, чего она требовала с самого начала, было справедливым; поэтому место всех рабочих, которые ставят себе целью добиться своих прав,— на стороне Коммуны, независимо от того, принадлежат они к Интернационалу или нет»⁷⁴.

⁶⁸ С. Klaphek. De Commune van Parijs. — «Politiek en Cultuur», 1957, N 3, p. 130.

⁶⁹ «Algemeen Handelsblad», 19.IV 1871.

⁷⁰ «Algemeen Dagblad van Nederland», 28, 29, 30.VI 1871.

⁷¹ «Dagblad van Zuid Holland en's Gravenhage», 1872, N 169, 182, 189, 196, 211, 213, 214.

⁷² S. M. N. Calisch. Een Zesdaagsch International Debat. Dordrecht, 1872, p. 3—5.

⁷³ Келлер — Генеральному Совету, 10 марта 1871 г. — ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 193/6.

⁷⁴ H. Gerhard. De Internationale en hare beoordeelaars. Amsterdam, 1871, p. 9.

Коммуна бесспорно оказала глубокое влияние на деятелей голландского рабочего движения. При новом подъеме рабочего движения в Нидерландах в конце 70-х годов историческая роль Коммуны вновь стала предметом серьезного обсуждения. В 1881 г. один из руководителей голландских рабочих перевел и издал работу Маркса «Гражданская война во Франции»⁷⁵.

По мере развития революционного движения в Нидерландах значение исторического примера Коммуны все глубже осознавалось голландскими рабочими.

* РАБОЧИЕ ЛЮКСЕМБУРГА И КОММУНА

Борьба парижских коммунаров нашла довольно широкий отклик в Люксембурге.

Люксембург — небольшое по площади великое герцогство, граничащее с Бельгией, Германией и Францией. Незадолго до войны 1870—1871 гг. между Францией и германскими государствами Люксембург стал причиной серьезного франко-прусского конфликта. Весной 1867 г., вскоре после выхода в 1866 г. Люксембурга из Германского союза, возник проект покупки Наполеоном III Люксембурга. В Берлине проект был встречен угрозой войны. В результате урегулирования данного конфликта на Лондонской конференции в мае 1867 г. Люксембург был объявлен вечно нейтральным государством, при гарантии великих держав. В сентябре 1867 г. из страны был выведен прусский гарнизон, расположенный там еще со времени пребывания Люксембурга в составе Германского союза, и началось разрушение крепостных укреплений. В октябре 1868 г. вошла в действие новая конституция, объявлявшая страну «независимым, неделимым и неотчуждаемым нейтральным государством».

Люксембург обладал довольно развитой промышленностью, там имелся довольно многочисленный пролетариат. Широкие размеры уже в то время носило металлургическое производство на базе местных богатых железорудных месторождений и бельгийского кокса. Развивались и другие отрасли промышленности: изготовление перчаток, текстильная, табачная, пивоваренная и т. д. Многие люксембуржцы в поисках лучшей доли уходили на заработки в другие страны, преимущественно в Бельгию и во Францию. Только в Париже работало около 14 тыс. люксембуржцев — рабочих и ремесленников.

Конституция 1868 г., провозгласив гражданские свободы, в том числе и свободу организации профсоюзов, дала возмож-

⁷⁵ Не исключено, что первый голландский перевод этой работы был опубликован уже в 1871 г. в газете «Toekomst» («Будущее») (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 201).

ность создать легальные профессиональные союзы. Люксембургские рабочие, уже имевшие известный опыт классовой и революционной борьбы, что проявилось во время революции 1848 г., воспользовались этим правом. Возникли профсоюзы печатников, перчаточников, пивоваров, текстильщиков, табачников. Профсоюзы организовывали забастовки, нередко приводившие, в силу антирабочего законодательства, к суду над забастовщиками. Рабочее движение в Люксембурге развивалось в связи с рабочим движением в соседних странах.

В Люксембурге, население которого говорило по-немецки, но было сильным влияние французской культуры и все французские революции, особенно революция 1848 г., находили широкий и непосредственный отклик, усиливалось антипрусское движение за сохранение независимости Люксембурга. Это движение, имевшее широкий национальный характер, особенно усилилось во время войны 1870—1871 гг., когда под петицией о сохранении независимости подписалось 45 тыс. человек.

Многие люксембургские рабочие и ремесленники в Париже приняли участие в борьбе Коммуны, участвовали в боях с версальцами, за что часть из них подверглась аресту, а военные суды приговорили их к долгосрочному тюремному заключению и ссылке. Люксембургский коммунист Ж. Килль отмечал, что «Парижская Коммуна оказала огромное влияние на рабочих Люксембурга»⁷⁶. Значительно шире стали распространяться идеи Интернационала. Обеспокоенная распространением этих идей, южнонемецкая либеральная «Allgemeine Zeitung» в Аугсбурге указывала на то, что парижские повстанцы рассчитывали на развитие революционного движения и поддержку в ряде стран, в том числе и в Люксембурге, где «коммунистические общества» насчитывают тысячи членов⁷⁷. Это было, конечно, большим преувеличением, однако влияние идей Интернационала и Парижской Коммуны нельзя и недооценить. Недаром в сентябре 1871 г. в Люксембурге возникла секция Интернационала — Люксембургский рабочий союз, находившаяся в связи с секциями Интернационала в Бельгии. В Рабочий союз вступили рабочие различных профессий — перчаточники, кожевники, типографы и др.⁷⁸ В Люксембурге нашли убежище некоторые парижские коммунары. Идеи Коммуны находили отклик среди рабочих и в будущем. У могилы коммунаров О. Мартена и Ф. Сордэ, скончавшихся в Люксембурге в 1873 г., до настоящего времени ежегодно проходят митинги памяти Парижской Коммуны.

⁷⁶ J. Kill. 1000-jähriges Luxemburg. Woher — Wohin. Luxemburg, 1963.

⁷⁷ Außerordentliche Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», 30.III 1871.

⁷⁸ См. «Первый Интернационал», ч. II, стр. 341.

В середине XIX в. в экономике Дании наряду с преобладавшими мелкими ремесленными предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции, быстрыми темпами стали развиваться железнодорожное строительство и судоходство, рос внешний товарооборот⁷⁹. Характерной чертой экономики страны было быстрое развитие капиталистического зернового и животноводческого хозяйства, сопровождавшееся разорением и обезземеливанием сельского населения. В этих отраслях было сосредоточено большинство работающих. Условия труда и быта, как промышленных, так и сельскохозяйственных рабочих, были очень тяжелыми, уже к 40—50-м годам XIX в. относятся первые выступления рабочего класса и крестьянства, тогда же предпринимаются робкие еще попытки создать свои самостоятельные организации. В июле 1849 г. была введена буржуазная конституция, хотя важные демократические задачи и не были решены. В стране шла непрерывная борьба пролетариата, городской средней и мелкой буржуазии и крестьянства против буржуазии, помещиков и высших чиновников, опиравшихся на короля и первую палату парламента.

Мощным толчком к росту датского рабочего и социалистического движения послужила Парижская Коммуна 1871 г. Она способствовала установлению более тесных международных связей с организациями и деятелями I Интернационала. Уже в мае — июне 1871 г. в Копенгагене в защиту Коммуны анонимно были опубликованы два выпуска «*Socialistiske Bladt*», где содержались сведения о Коммуне, излагались программные принципы Международного Товарищества Рабочих. Автором обоих этих выпусков был почтовый служащий Луи Пио, ставший вскоре одним из руководителей созданных в Дании секций Интернационала. Оба выпуска содержали призыв к датским рабочим создавать собственные организации, вести наряду с экономической и политическую борьбу за свои права и требования, вступать в ряды Интернационала⁸⁰. Эти страстные революционные документы были написаны под свежим впечатлением борьбы Коммуны и сыграли большую роль в сплочении революционно настроенных рабочих и крестьян, в создании и активной деятельности целого ряда секций Товарищества, сначала в Копенгагене, а затем в других городах и населенных пунктах,

⁷⁹ См. W. Galenson, *The Danish System of Labour Relations*. Harvard University Press. Cambridge, 1952.

⁸⁰ См. «*Die Neue Zeit*», 1921, Bd. 1, N 23, S. 545—546.

особенно на п-ве Ютландия. К немногочисленному авангарду рабочих вскоре присоединились массовые профессиональные союзы сигарочников, служащих конки, столяров, плотников и др. Под влиянием Коммуны заметно изменился сам характер этих организаций, теперь это были не просто общества взаимопомощи, а настоящие боевые организации рабочего класса, внушавшие серьезную тревогу в стане господствующих классов⁸¹.

В июле 1871 г. в Копенгагене начала выходить еженедельная рабочая газета «Socialisten», ставшая официальным печатным органом датских секций Интернационала. В состав редакции газеты входили видные журналисты Харольд Брикс и Петерс Гелеф. Обращаясь к датским рабочим, газета писала: «Позади нас голод и нищета, невежество и рабство; перед нами — надежда на счастливую жизнь, освещенную ярким солнцем свободы. Пусть наш голос найдет отклик в ваших сердцах, пусть он пробудит подавленное в вас чувство радости жизни и объединит ваши силы для нашего общего движения вперед по пути к великой цели: общему счастью и благополучию людей»⁸². Эта газета стала центром сплочения всех революционных сил в Дании, о ее популярности свидетельствуют ее тиражи — 4 тыс. экземпляров.

В октябре 1871 г. было оформлено образование так называемого Интернационального рабочего союза Дании, являвшегося фактически Датской федерацией Интернационала. С самого своего основания Союз, наряду с требованиями экономического улучшения положения рабочих, проводил широкую политическую деятельность. Его члены участвовали в избирательных кампаниях по выборам в датский парламент (ригсдаг), блокируя для выдвижения общих кандидатов с партией «Друзья крестьян», объединявшей как крупных, так и мелких крестьян.

Маркс и Энгельс придавали большое значение самостоятельным политическим выступлениям датских социалистов. В одном из писем руководителям Датской федерации Энгельс, выполнявший с весны 1872 г. функции секретаря-корреспондента Генерального Совета для Дании, писал: «Мы здесь с большим интересом ждем результатов Ваших выборов в ригсдаг. Мы считаем очень важным, чтобы рабочие, принадлежащие к Интернационалу, заседали во всех парламентах и чтобы Бебель, который до сих пор один пользовался этой честью, получил поддержку повсюду. Мы думаем, что у вас, в Дании, много шансов провести своих людей, и надеемся, что это удастся»⁸³.

⁸¹ А. Kocik. Die dänische Gewerkschaftsbewegung. Köln, 1959, S. 15—16. Об этом же свидетельствуют письма датских социалистов (подробнее см.: «Первый Интернационал», ч. II, 1870—1876, стр. 375—390).

⁸² Y. H. S. Birgh. Denmark in History. London, 1938, p. 377.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 351—352.

К активной политической жизни были привлечены женщины, труд которых преобладал в целом ряде отраслей производства. В Копенгагене в 1872 г. для пропаганды социализма и равноправия женщин была создана женская ассоциация во главе с Луизой Августой Йоргенсен⁸⁴.

Влияние Коммуны сказалось и в развертывании стачечной борьбы. В октябре 1871 г. завершилась победой стачка формовщиков, кузнецов и чернорабочих судостроительной верфи «Бурмейстер и Вайн» в Копенгагене, в декабре 1871 г. — стачка плотников, в апреле — мае 1872 г. бастовали каменщики, которых поддерживали рабочие других профессий.

В течение 1871—1872 гг. в стране проходила широкая политическая кампания в защиту демократических свобод. На многочисленных митингах промышленных и сельскохозяйственных рабочих ораторы защищали требования трудящихся, выступали против милитаризма и национализма господствующих классов, требовали разоружения и отмены постоянных армий, содержание которых ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся. Выступая на одном из таких митингов в октябре 1871 г., Петерс Гелеф призывал к интернационализму, приводил в качестве образца позицию немецких и французских социалистов во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны⁸⁵.

Интересно отметить, что в ноябре 1871 г. в одном из секретных донесений из Копенгагена в Вену на имя канцлера Бейста сообщалось, что «Socialisten» «без стыда аплодирует разрушительному делу Парижской Коммуны, оказывая разлагающее влияние на настроение рабочих». Автор донесения считал такое положение чрезвычайно опасным для правительства и в качестве контрмеры рекомендовал «создание среди рабочих партии, которая бы открыто порвала всякую связь с социалистическими теориями»⁸⁶.

В программных документах Датской федерации Интернационала наряду с чисто рабочими требованиями содержались и общедемократические — полная свобода слова, печати, собраний, повышение образования народа, отделение церкви от государства и т. д.⁸⁷

Следует отметить также установление широких интернациональных связей датских деятелей рабочего и социалистического движения с деятелями других стран, причем контакты осуществлялись как через регулярную переписку с Генеральным Советом в Лондоне, так и путем непосредственных поездок датчан в Гер-

⁸⁴ См. Л. А. Йоргенсен — К. Марксу, 14 августа 1872 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 2984).

⁸⁵ «La Liberté», 29.X; 19.XI 1871.

⁸⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 254, ед. хр. 191/36.

⁸⁷ Y. H. S. Birgh. Op. cit., p. 377.

манию, Швецию, Швейцарию и другие страны. Так, Луи Пио во время поездок в Германию и Швейцарию имел беседы с И. Ф. Беккером, В. Либкнехтом, А. Бебелем, А. Гейбом и др. Газета «Socialisten» распространялась в ряде стран, на ее страницах помещались корреспонденции из Германии, Англии, Испании, Швейцарии, Португалии, Италии. В свою очередь материалы из «Socialisten» перепечатывались в органах Интернационала в других странах.

В борьбе внутри Интернационала между сторонниками Маркса и Энгельса, с одной стороны, бакунистами, лассальянцами и разного рода мелкобуржуазными реформаторами, с другой, датские секции решительно встали на сторону Генерального Совета, они одобрили решения Лондонской конференции 1871 г., в которых нашел отражение опыт Парижской Коммуны.

Хотя в Дании и до 1871 г. существовало организованное демократическое движение крестьянства, его масштабы в новых условиях несравненно увеличились. Руководители Интернационала учитывали этот важный фактор и потому одним из главных направлений своей деятельности считали привлечение на свою сторону крестьянства. В сельских округах проводилась широкая агитационная работа, ставившая целью свести на нет влияние на мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих буржуазной партии Национальных либералов («доктринеров») и партии «Друзья крестьян», выражавшей в конечном счете лишь интересы зажиточных крестьян-кулаков.

Руководители датских секций Интернационала ставили своей задачей объединить крестьян «в независимую партию..., находящуюся в тесном союзе с городскими рабочими»⁸⁸. 24 марта 1872 г. Луи Пио сообщал Энгельсу, что «сотни писем, полученных из разных деревень, показывают, какая благоприятная почва существует там для присоединения к Международному Товариществу Рабочих»⁸⁹.

Опыт датских социалистов, их дифференцированный подход к крестьянству, трезвый учет конкретных условий Дании Генеральный Совет считал необходимым сделать достоянием других стран. Так, напечатанная в ноябрьском номере «Socialisten» статья Луи Пио об организации сельскохозяйственного производства товариществами была перепечатана в органах Интернационала Испании, Португалии, Италии, США и, как сообщал Энгельс, «произвела большую сенсацию и не останется безрезультатной». Он отмечал, что датчане в вопросе вовлечения крестьянства в пролетарское движение «благодаря своим местным условиям и своему высокому политическому развитию стоят теперь впереди всех остальных наций»⁹⁰. В Дании широко

⁸⁸ «The Eastern Post», 9.XII 1871.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3191.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 360—361; см. также т. 19, стр. 136.

пропагандировались решения Базельского конгресса 1869 г. и Лондонской конференции 1871 г. по аграрному вопросу, прежде всего решение о национализации земли и ее недр, о союзе рабочего класса и крестьянства. Важным политическим результатом этой работы среди сельского населения явилось упрочение блока демократических левых сил.

Разносторонняя плодотворная деятельность датских социалистов вызвала недовольство власть имущих. Начались преследования, запрещение митингов, не раз приостанавливался выпуск газеты и, наконец, 4 мая 1872 г. за проповедь «опасных для общественного порядка» социалистических идей были арестованы руководители датских секций Интернационала. После «шумного» судебного процесса в марте 1873 г. им был вынесен суровый судебный приговор, а в августе 1873 г. секции Интернационала были запрещены законодательным путем.

Однако широкое политическое движение в Дании продолжало развиваться, используя в конце 70-х — начале 80-х годов новые формы организации, прежде всего профессиональные союзы, часто создаваемые на базе прежних секций Интернационала. В апреле 1874 г. был организационно оформлен руководящий орган этих массовых организаций — Центральный комитет профессиональных союзов. Усилившаяся после Коммуны борьба продолжалась, вызывая страх и ненависть буржуазии и помещиков. «Еще бы не злиться и не трусить эксплуататорам,— писал в 1875 г. журнал «Вперед»,— когда, несмотря на запрещение Интернационала в Дании... датская рабочая партия неизбежно движется в широком международном фарватере и ничего не хочет знать ни об узкой национальной политике господствующих классов, ни о пошлой национальной вражде (особенно к немцам), всячески раздуваемой в народе этими классами»⁹¹.

В 1878 г. на базе профессиональных союзов была основана политическая организация — Социал-демократический союз, преобразованный в 1888 г. в Социал-демократическую партию⁹².

Коммуна сыграла решающую роль в развитии массового политического движения датского рабочего класса и крестьянства, которое не смогли сломить никакие репрессии господствующих классов.

⁹¹ «Вперед», 1875, № 14 (Лондон).

⁹² В. Фульсанг. Из истории рабочего и коммунистического движения Дании.— «Скандинавский сборник», VI. Таллин, 1963, стр. 120—121.

6 ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

* ИТАЛИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Прогрессивная общественность Италии с ликованием встретила весть о победе революции 18 марта в Париже. В передовой статье демократической «Gazzettino rosa» 21 марта 1871 г. указывалось, что в Париже провозглашаются «великие бессмертные принципы». Статья заканчивалась словами благодарности Франции, которая «послужит маяком, освещающим путь прогресса в Европе».

23 марта другая демократическая газета, «La plebe» с радостью сообщала, что «над Коммуной развевается красное знамя», что под натиском восставшего пролетариата «жандармерия и правительственные войска стремительно отступили, и кто знает, куда бы они добежали, если бы их не остановили немцы в Сен-Дени».

В реакционных кругах Италии известия о революционных событиях во Франции вызвали серьезное беспокойство¹. Консервативная печать начала гнусную клеветническую кампанию против коммунаров Парижа и прогрессивных деятелей Италии². Власти усилили репрессии против прогрессивных элементов. Начались многочисленные аресты. Участились случаи конфискации демократических газет. Производились многочисленные аресты как среди гражданских лиц, так и в армии. «Gazzettino rosa» 22 марта сообщала, что «в воинских частях была организована тайная полиция»; за малейшее подозрение в сочувствии республиканцам солдат арестовывали или отправляли в дисциплинарные роты.

В городе Пьяченца в последних числах марта было арестовано четыре сержанта и много гражданских лиц по обвинению

¹ «La plebe», 25.III 1871.

² «La plebe», 28.III 1871.

в «участии в конспиративной организации, имевшей целью свержение существующего политического строя». О брожении в италийских воинских частях упоминалось в переписке русских дипломатических представителей в Италии. Так, русский генеральный консул в Генуе Бахерахт в депеше министерству иностранных дел России от 1 апреля 1871 г. сообщал, что в гарнизоне Генуи получили широкое распространение демократические газеты с «антиправительственными статьями» и что «имели место одна или две манифестации нескольких десятков солдат, требовавших отпустить их домой»³.

Конечно, требование «отпустить домой» является весьма скромным. Но, видимо, русский дипломатический представитель был недостаточно информирован об истинной причине волнений среди солдат; не это требование явилось основной причиной солдатских демонстраций в конце марта. В этой же депеше говорится, что, как свидетельствует опубликованное в Генуе сообщение, «итальянское правительство задержало нескольких лиц, посланных революционными социалистами Франции, чтобы вызвать движение в Италии, и в связи с этим будет усилен гарнизон в Генуе»⁴.

Усиление гарнизона без надобности не производится. Видимо, в этом была острая необходимость. Брожением в армии, вероятно, был не на шутку напуган король Виктор-Эммануил II. Однажды, ведя речь о дезорганизации во французской армии, он заявил, что «если бы это случилось в Италии, то он не хотел бы этого пережить»⁵. Были, по всей видимости, основания у короля для таких печальных размышлений...

Однако это были единичные явления. Революционной ситуации тогда в Италии не существовало. И все же провозглашение Парижской Коммуны вызвало в Италии тревогу среди реакционеров и клерикалов, начавших яростную кампанию против прогрессивных сил страны и коммунаров Парижа.

Еще в начале марта, когда рабочий класс Парижа мобилизовал свои силы, готовясь дать решительный отпор реакции, Гарибальди заявил, что в день, когда парижане «захотят очистить свою землю от язвы деспотизма», он будет с ними⁶. Еще до восстания 18 марта руководящие деятели национальной гвардии обратились к Гарибальди с просьбой возглавить революционные военные силы Парижа. Не дожидаясь его ответа, общее собрание национальной гвардии, на котором присутствовали де-

³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия. Генуя, 1871 г., д. 49, л. 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 21 (депеша ген. консула Бахерахта от 29. III 1871 г.).

⁶ *G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari*, v. III. Bologna, 1937, p. 86.

легаты от 215 батальонов, 15 марта заочно избрало Гарибальди главнокомандующим⁷.

Как только была провозглашена Парижская Коммуна, Гарибальди сразу же открыто заявил о своих симпатиях к правительству рабочего класса и написал об этом ряд писем своим друзьям в редакции газет и отдельным организациям. 28 марта Гарибальди отправил федерации национальной гвардии ответ на приглашение возглавить военные силы Парижа. «Граждане!— писал он.— Благодарю за честь назначения меня главнокомандующим национальной гвардией Парижа, которую я люблю и с которой я с гордостью делил бы ее опасности и славу». Далее Гарибальди выражал сожаление, что у национальной гвардии нет единого руководства, и подчеркивал, что такое руководство необходимо. Народный герой, советуя назначить на высший пост «одного только почтенного человека, который пользовался бы полнотой власти», отмечал, что во Франции нет недостатка в таких людях, и назвал имена В. Гюго, Л. Блана, Ф. Пиа, Э. Кинэ, генерала Кремера, Бийо и др.⁸ Заканчивал Гарибальди свое письмо выражением надежды, что «Франция найдет своего Вашингтона», и заверением в своей «готовности служить Франции и самому сражаться на стороне храбрых»⁹.

В силу сложившихся обстоятельств Гарибальди не довелось с оружием в руках защищать дело Коммуны и возглавить ее военные силы, о чем его горячо просили коммунары. Но он

⁷ См. П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года. Л.—М., 1925, стр. 71.

⁸ Рекомендация Гарибальди назначить на высший пост Парижской Коммуны «почтенного человека» из перечисленных лиц, между которыми он не видит никакого различия, показывает, что он недостаточно знал этих людей и не совсем ясно представлял себе характер происходивших в Париже событий.

⁹ Впервые это письмо было опубликовано 5 апреля 1871 г. в газете «Le Rappel» (на первой полосе), а затем напечатано в ряде других французских газет. Итальянский перевод его был опубликован впервые в газете «L'Opinione» от 11 апреля, затем — в «L'Unita italiana» от 12 апреля 1871 г. (ср. также: G. Garibaldi. Scritti e discorsi politici e militari, v. III, p. 87—88).

Мадзини выразил сомнение в возможности поездки Гарибальди в Париж и написал об этом 12 апреля 1871 г. своему другу А. Джаннелли. Позднее, при издании писем Мадзини к Джаннелли, последний снабдил это письмо Мадзини следующим примечанием: для переговоров о поездке Гарибальди в Париж на Капреру к Гарибальди приезжал П. Тибальди, который потом рассказал ему (Джаннелли), что Гарибальди согласился принять главное командование национальной гвардией, выдвинув условие, что его перевезет во Францию военное судно; но поездка не состоялась, так как «не хватило материального времени»: Парижская Коммуна была подавлена. П. Тибальди был на Капрере 20 марта 1871 г., но в своих воспоминаниях («Da Roma a Cajenna») он об этом не упоминает (см. Mazzini. Scritti editi ed inediti, v. 91. Imola, 1941, p. 15); ср. также A. Romano. Storia del movimento socialista in Italia, v. I. Bari, 1966, p. 473; G. Garibaldi. Epistolario. Raccolto da E. E. Ximenes, v. II. Milano, 1885, p. 11).

глубоко сожалел об этом. Он писал защитнику Коммуны Ф. Гола, приславшему ему в мае 1872 г. свою брошюру «Эпизоды Парижской Коммуны»: «Я сожалею, что не был вашим товарищем в славной обороне Парижа». Гарибальди добавил, что высоко оценил эти воспоминания и что уже читал их в газете «La plebe» — показатель внимания Гарибальди к газете, защищавшей линию Интернационала.

4 апреля 1871 г. Гарибальди в письме своему другу Энрико Биньями, редактору газеты «La plebe», заявил: «Я с Вами, за Коммуну». В этом письме Гарибальди снова указывал, что Коммуна, чтобы бороться со своими врагами, должна быть сильной. Признавая, что «демократия питает естественное отвращение к диктатуре», он подчеркивал, однако, что «честная диктатура временного характера» предпочтительнее бессильного и рабопленного парламента. Как видно из этого же письма, сущность Коммуны Гарибальди усматривал в борьбе за широкое самоуправление городов, но тут же добавлял, что отдельные коммуны могут устоять в борьбе против «могущественных соседей», только объединившись в «сильный политический союз», который «не даст раздавить себя»¹⁰.

О таком же понимании сущности Коммуны свидетельствует письмо Гарибальди к друзьям, опубликованное в «Journal officiel» 18 мая 1871 г. Цель революции 18 марта, по его мнению, заключается в осуществлении широкого местного самоуправления. Он уверял, что коммунары совсем не думают о коммунизме. В этом же письме Гарибальди излагал свой план создания союза свободных народов Европы (со столицей в Ницце), который сделает невозможными новые войны.

Поддержка Гарибальди Парижской Коммуны вызывала страх в правительственных кругах Италии. Распространился слух, что Гарибальди отправляется в Париж. Во время дискуссии в палате депутатов трусливые реакционеры потребовали от правительства заверения, что, «несмотря на настоятельные просьбы, которые могут быть сделаны, Гарибальди не покинет остров Капреру и не явится на континент ни на одну минуту»¹¹.

«Gazzettino rosa» 1 апреля 1871 г. сообщала, что остров Капрера, где жил Гарибальди, находится под надзором: опасаются, что Гарибальди примет на себя главное командование вооруженными силами Парижской Коммуны. Председатель совета министров Ланца откровенно заявил, что «буря во Фран-

¹⁰ См. «La plebe», 8.IV 1871. Отметим, что в собрание сочинений Гарибальди, изданное в годы фашизма (Edizione nazionale degli scritti di Giuseppe Garibaldi, v. I—VI. Bologna, 1932—1937), это письмо, как и ряд других писем Гарибальди об Интернационале и Парижской Коммуне, не включено.

¹¹ «Journal officiel», 1.IV 1871.

ции стала угрозой для Италии»¹². Страх официальных кругов Италии перед Коммуной был настолько велик, что, когда младший сын Гарибальди, Риччотти (он тоже сражался в рядах Вогезской армии), вернулся из Франции в Италию, гостиница в Милане, где он проживал, была взята под наблюдение полиции¹³. Когда 6 апреля вечером в Риме получили телеграмму из Версаля от итальянского посла Нигра, сообщавшего об «опасном положении правительства» Тьера, в ту же ночь было созвано заседание совета министров Италии¹⁴. С полным основанием «Gazzettino rosa» 25 апреля писала, что «первые успехи Парижской Коммуны породили у итальянского правительства дьявольский страх», отмечая при этом, что, испугавшись влияния Парижской Коммуны в Италии, правительство стремится опорочить и оклеветать рабочий Париж.

У правящих классов Италии были достаточные основания для страха и тревоги. Несмотря на то, что пресса и телеграф, находившиеся почти в монопольном владении реакционеров¹⁵, повели разнузданную кампанию клеветы и дезинформации, уже в первые недели после провозглашения Парижской Коммуны до широких масс Италии доходили сведения о героической борьбе парижан за «социальную республику». «Париж поставил мучительный вопрос социального освобождения», — писала 22 апреля 1871 г. «Gazzettino rosa». Движение в Париже было воспринято в Италии как пример восстания против тяжелого положения, в котором тогда находились также и массы итальянского народа¹⁶. Демократическая газета «La Favilla» отмечала, что мелкая буржуазия Италии «влачит жалкое существование», а рабочие «слишком часто едят без хлеба». «Правительство, — указывала газета, — не интересуется состоянием бедности; оно желает иметь миллионы, во что бы то ни стало, для поддержания роскоши»¹⁷.

Не удивительно, что социальные мероприятия Парижской Коммуны с восторгом встречались итальянцами, страдавшими от гнета помещиков, капиталистов и банкиров и искавшими выход из своего тяжелого положения. Мужественная борьба коммунаров Парижа против версальской контрреволюции встречала глубокое сочувствие передовых слоев итальянского общества. «Наши симпатии, наши надежды — Парижская Коммуна», — писала 13 апреля 1871 г. газета «La plebe». «В Париже — новая жизнь, новые люди, новые дела», — говорилось в другом номере

¹² «Gazzettino rosa», 2.IV 1871.

¹³ «Gazzettino rosa», 5.IV 1871.

¹⁴ «Gazzettino rosa», 7.IV 1871.

¹⁵ «La plebe», 15.IV 1871.

¹⁶ См. А. Romano. Storia del movimento socialista in Italia, v. I, p. 480.

¹⁷ «La Favilla», 27.IV 1871.

этой же газеты¹⁸. А «Gazzettino rosa» 14 апреля указывала, что «победа свободы во Франции вызвала бы в Италии такой удар, который потряс бы гнилой фундамент существующей системы».

Уже в первой половине апреля в городах Италии стали распространяться прокламации с восторженными отзывами о Парижской Коммуне, устраивались собрания разных организаций, демократических обществ, на которых принимались приветственные адреса Парижской Коммуне. 11 апреля 1871 г. в городе Имола была расклеена прокламация, выражавшая восхищение Парижской Коммуной и призывавшая граждан к восстанию¹⁹.

С глубоким воодушевлением 12 апреля было написано обращение Международного демократического общества во Флоренции «К гражданам Парижской Коммуны». В этом волнующем документе говорилось:

«Взволнованные героической борьбой, которая происходит сегодня в Париже и которой вы неуклонно руководите, логически завершая этим Великую революцию 1789 года, мы, ваши братья по всемирной демократии, посылаем вам с берега Арно привет и пожелание победы. Париж, который благодаря своему героизму спас в большей части страны честь Франции... сражается теперь, как Спартак наций, против эгоизма и привилегированных в великой битве за свободу и освобождение пролетариата...

Победите ли вы, или будете побеждены — ваше знамя является знаменем будущего... Наш день придет!..

Победите вы или нет, Франция вас признает и ваши принципы социальной революции послужат в недалеком будущем определяющими принципами общества. Мы заявляем, что за эти принципы мы, простые люди, готовы жертвовать имуществом, жизнью и всем на свете»²⁰.

Среди подписей итальянских революционных демократов, стоявших под этим обращением, первой была подпись Луиджи Кастеллаццо, который и являлся, по-видимому, его автором. Писатель-революционер участник походов Гарибальди, бывший одно время его адъютантом, Кастеллаццо был известен Энгельсу, который высоко ценил его и послал ему экземпляр работы Маркса «Гражданская война во Франции» тотчас же после ее опубликования²¹.

Следует отметить, что это обращение стало известно парижским коммунарам. Его напечатали во французском переводе в

¹⁸ «La plebe», 15.IV 1871.

¹⁹ «Movimento operaio», 1952, N 2, p. 184.

²⁰ «Gazzettino rosa», 22.IV 1871.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 201.

своей газете «L'Ami du Peuple» О. Верморель, а затем официальная газета Коммуны²².

Сильное возбуждение вызвала Парижская Коммуна во многих городах и некоторых провинциях Италии, в частности в Марке²³.

Стремясь проявить свою солидарность с героическими борцами за свободу в Париже и дать отпор вылазкам реакции, демократические деятели Рима решили организовать мощную массовую демонстрацию с участием представителей других городов Италии. Инициаторами демонстрации выступили гарибальдийцы²⁴, а официальным ее организатором стал «Центральный народный клуб» в Риме²⁵. Учитывая, что любое проявление солидарности с коммунарами вызывает репрессии со стороны властей, инициаторы демонстрации решили провести ее под предлогом чествования 22-й годовщины со дня победы волонтеров Гарибальди над французскими интервентами близ Рима (30 апреля 1849 г.). Они решили установить в этот день мемориальную каменную плиту у дома Чичероваккио — одного из героев этого сражения. Задолго до демонстрации начались приготовления к ней²⁶. 25 апреля по улицам Рима была расклеена прокламация, которая напоминала о славных традициях римлян в борьбе за свободу и демократию и призывала всех жителей города к участию в демонстрации²⁷. Несмотря на предварительное разрешение прокурора, 27 апреля квестура Рима объявила о запрещении демонстрации. Сообщая об этом, корреспондент «Gazzettino rosa» писал: «Берти (квестор Рима.— *Ред.*) не хочет знать больше о демонстрации. Но она все же будет! Народ убедился в том, что между сегодняшним правительством и павшим правительством священников невелика разница»²⁸.

Вопреки запрещению, к демонстрации готовились не только в Риме, но и в других городах. 28 апреля сообщалось о подготовке Общества молодежи Флоренции к поездке в Рим для участия в демонстрации²⁹. В Рим прибыли видные гарибальдийцы (в том числе Менотти Гарибальди), левые депутаты парламента и другие общественные деятели³⁰. 29 апреля Берти специальной прокламацией, расклеенной по улицам Рима, еще раз оповестил о строгом запрещении демонстрации и призвал жите-

²² «L'Ami du Peuple», 17.IV 1871; «Journal officiel», 27.IV 1871.

²³ «La plebe», 25.IV 1871.

²⁴ «Le corsaire», 9.V 1871.

²⁵ «La Roma del Popolo», 17.V 1871.

²⁶ «Gazzettino rosa», 26.IV 1871.

²⁷ «Gazzettino rosa», 2.V 1871.

²⁸ Ibidem.

²⁹ «Gazzettino rosa», 28.IV 1871.

³⁰ См. АВПР, ф. Канцелярия. Рим, 1871 г., д. 96, лл. 133, 136—137.

лей Рима воздержаться от нее³¹. Одновременно гарнизон Рима был приведен в боевую готовность.

В воскресенье 30 апреля в назначенный час площадь Капитолия была запружена народом. Еще до прихода демонстрантов главные площади города и прилегающие к ним улицы были заняты войсками³². В боевой готовности была выведена на улицы также и полиция³³. Однако народные массы Рима не испугались этих приготовлений реакции. Всюду раздавались возгласы: «Да здравствует Гарибальди!», «Да здравствует республика!»³⁴ Полицейские и солдаты стали разгонять демонстрантов, но не смогли рассеять их. Они направились к дому Чичероваккио. «Революционеры Рима протестовали против запрещения демонстрации и срывали правительственные афиши», — указывалось в одной из французских газет³⁵. В своем сообщении о демонстрации корреспондент «Gazzettino rosa» писал: «Меры правительства и муниципалитета помешали шествию политических организаций со своими знаменами, но они не могли помешать, чтобы две или три тысячи молодежи собрались вокруг дома Чичероваккио; здесь они говорили то, что думали о мардокеях (полицейских.— *Ped*), о правительственных деятелях и других»³⁶.

Демонстранты подошли к дому посла Франции при Ватикане маркиза д'Аркура — ставленника правительства Версаля, интриговавшего вместе с папистами против итальянских демократов. Здесь предусмотрительно была выставлена военная охрана. Во время разгона демонстрации 30 апреля не все солдаты проявляли требуемую начальством активность. «Gazzettino rosa» писала, что из 48 выведенных на улицы военных подразделений лишь 10 или 12 «оказались на высоте своей миссии»³⁷.

После демонстрации в «Центральном народном клубе» Рима состоялся вечер. На устроенном здесь банкете «произносились тосты за революционную Францию»³⁸.

Запрещение демонстрации и разгон ее военной силой вызвали взрыв возмущения в стране. Все демократические газеты выразили резкий протест против действий реакции. Группа левых депутатов парламента сделала в палате депутатов запрос правительству. На интерпелляцию ответил председатель совета министров Ланца, который сообщил, что «демонстрация была запрещена, так как чествование памяти Чичероваккио было

³¹ «Gazzettino rosa», 3.V 1871.

³² «Le corsaire», 8.V 1871.

³³ «Le sémaphore de Marseille», 7—8.V 1871.

³⁴ «Journal officiel», 9.V 1871; «Le plebe», 4.V 1871.

³⁵ «Le corsaire», 9.V 1871.

³⁶ «Gazzettino rosa», 3.V 1871.

³⁷ Ibidem.

³⁸ «Le corsaire», 9.V 1871.

предлогом, а целью ее была безнравственная демонстрация против правительства»³⁹. Ретивый премьер-министр добавил при этом, что Берти, руководивший разгоном демонстрации, «действовал по указанию правительства, не хотевшего допустить беспорядков в Риме»⁴⁰.

Хорошо информированный корреспондент крупнейшей французской буржуазной газеты «Le Temps» А. Эрдан подчеркивал связь демонстрации 30 апреля с борьбой коммунаров Парижа: «Левые итальянцы, в общем, удовлетворены сопротивлением Парижа. Они инстинктивно любят все, что сопротивляется. Сторонники Парижской Коммуны считают, что провал демонстрации 30 апреля является провалом их надежд»⁴¹. Здесь все правильно, кроме последней фразы. Демонстрация 30 апреля вовсе не провалилась; наоборот, она имела большое значение для консолидации всех прогрессивных сил Италии в борьбе против реакции. Последующие месяцы показали, что влияние социальных идей Парижской Коммуны, которое чувствовалось в Италии уже в первые дни после мартовской революции, все более усиливалось.

Вскоре после этой демонстрации «радикальная партия Рима,— как сообщал официальный орган Парижской Коммуны,— пыталась устроить демонстрацию еще больших размеров»⁴².

Итальянские демократы, рабочие, прогрессивная интеллигенция восхищались мужеством и самоотверженностью коммунаров. Участились собрания, на которых принимались приветственные адреса героям Коммуны. Демократические газеты ежедневно подробно освещали деятельность Коммуны, вдохновенно излагали ее социальные мероприятия. Следя с пристальным вниманием за борьбой коммунаров против версальцев, прогрессивные силы Италии радовались победам Парижской Коммуны и скорбели по поводу ее неудач.

О влиянии Коммуны на демократические слои итальянского общества, в особенности на молодежь, сохранился рассказ известного итальянского революционера, деятеля Интернационала Ньюкки-Вианни. «Коммуна,— писал он в своих «Воспоминаниях члена Интернационала»,— сломала все препятствия. Умы и сердца пылких юношей и пробудившихся рабочих горячо устремились к ней; в ней они черпали свет и пламя новых надежд. Грандиозные события в Париже рассматривались нами как символ революции, духовно связанной с революциями итальянского Рисорджименто, и это сразу привлекло к ним всех страстно

³⁹ «La Roma del Popolo», 17.V 1871.

⁴⁰ «La vérité», 11.V 1871; АВПР, ф. Канцелярия, Рим, 1871 г., д. 98, л. 137.

⁴¹ «Le Temps», 9.V 1871.

⁴² «Journal officiel», 14.V 1871.

стремящихся не прерывать хода человеческого прогресса и расширить его базу, призвав на арену общественной жизни рабочий класс»⁴³. Широким народным массам Италии все ближе и яснее становились выводы, сделанные пионерами итальянского социалистического движения уже в первые дни Парижской Коммуны: «Во Франции происходит борьба между реакцией и прогрессом, между тиранией и свободой, между невежеством и цивилизацией... Если версальцы победят — восторжествует милитаризм, монархия, мракобесие»⁴⁴.

Немало борцов за свободу в Италии сражалось у стен Парижа за дело Коммуны. Некоторые видные итальянские революционеры-демократы занимали руководящие посты в Парижской Коммуне и национальной гвардии. Среди 49 иностранцев, занимавших ответственные посты в Коммуне Парижа, было 9 итальянцев⁴⁵, среди же рядовых коммунаров они исчислялись сотнями. Это главным образом выходцы из рабочего класса и мелкобуржуазной интеллигенции, сражавшиеся в рядах Вогезской армии под командой Гарибальди и оставшиеся во Франции после прекращения военных действий. Многие из них прониклись идеями Интернационала⁴⁶ и без колебаний стали активными борцами за Парижскую Коммуну.

В статье французского историка П. Анграна⁴⁷ приводятся данные о численности итальянцев в списках арестованных версальцами за участие в обороне Коммуны. В этих списках указано 168 итальянцев. Автор отмечает, что это далеко не все итальянцы, участвовавшие в Парижской Коммуне, так как репрессиям подверглись в основном рабочие: из этих 168 человек лишь 1 не является рабочим. Автор пишет, что большинство из этих итальянцев — жители северной Италии: Новары, Комо, Аосты, Милана и др. К сожалению, в статье нет данных о времени прибытия итальянцев-коммунаров во Францию. Однако можно предположить, что значительная часть итальянцев, сражавшихся на стороне Коммуны, прибыла во Францию уже после того, как до Италии докатились первые отзвуки Коммуны. Северные города Италии расположены сравнительно близко к франко-итальянской границе. Граница слабо охранялась и через Савойю можно было быстро и легко проникнуть во Фран-

⁴³ Цит. по: Э. Серени. Развитие капитализма в итальянской деревне (1860—1900). М., 1951, стр. 111.

⁴⁴ «Gazzettino rosa», 6.IV 1871.

⁴⁵ «Paris-Journal», 1.VI 1871.

⁴⁶ См. А. Анджелини. История социализма в Италии, ч. I. СПб., 1907, стр. 106.

⁴⁷ P. Angrand. Travailleurs italiens dans la Commune de Paris.— «Cahiers internationaux», 1958, N 95, p. 54—62.

цию. Но этот вопрос требует дальнейшего исследования в архивах.

Гарибальдийцы составляли несколько отрядов в армии Парижской Коммуны⁴⁸. Одним из наиболее видных гарибальдийцев, принимавших участие в вооруженной борьбе парижских коммунаров, был Амилькар Чиприани, адъютант Флуранса, раненый и взятый в плен версальцами 3 апреля 1871 г.⁴⁹ После возвращения с каторги Чиприани приехал в Италию, где принял деятельное участие в революционном движении конца XIX в.

Борьба по вопросу об отношении к Парижской Коммуне ускорила дифференциацию и раскол республиканской партии Италии.

Уже в первые дни Парижской Коммуны итальянские республиканцы разделились на ее сторонников и противников. Раскол республиканцев произошел в первую очередь в более развитых городах Италии (Милан, Генуя и др.) — там, где республиканская партия была наиболее сильна. Сообщая о первых откликах в Италии на Парижскую Коммуну, генеральный консул России в Генуе писал: «В Генуе и в этой части Италии республиканская пресса так мало верит коммунистическим вожакам Парижа, что она отговаривает своих сторонников следовать их примеру»⁵⁰.

Выступая против республиканцев, испугавшихся Парижской Коммуны, газета «*La plebe*» 18 апреля 1871 г. указывала, что в Италии «есть так называемые демократические писатели, которые... обезумели от появления красного знамени в Париже и нападают на Парижскую Коммуну». Газета добавила, что в Париже идет борьба не только за дело Франции, но также и за дело Италии, за дело освобождения всего человечества.

Полемика между итальянскими республиканцами по вопросу об отношении к Парижской Коммуне обострялась с каждым днем.

В республиканских газетах систематически печатались сообщения о героической борьбе коммунаров, об отдельных социальных мероприятиях Коммуны, поддерживаемых одними и отвергаемых другими. Как отмечал впоследствии известный историк социалистического движения с Италии профессор А. Анджиолини, борьба в Париже возбуждала итальянскую республиканскую партию, которая «начинала понимать силу пролетариата, все грозное значение социального вопроса»⁵¹.

⁴⁸ См. «*Movimento operaio*», 1958, N 1, p. 109.

⁴⁹ См. А. Я. Лирье. Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956, стр. 241—242.

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия. Генуя, 1871 г., д. 49, л. 16 (депеша от 25.III 1871 г.).

⁵¹ А. Анджиолини. История социализма в Италии, ч. I, стр. 107.

Вождь республиканской партии Джузеппе Мадзини долго не решался открыто выступить по поводу Парижской Коммуны, хотя в письмах к друзьям он сразу же высказал отрицательное суждение о ней⁵². 26 апреля Мадзини опубликовал свою первую статью против Коммуны под заглавием «Коммуна Франции». Открытое выступление Мадзини против правительства рабочего класса было для сторонников Коммуны, в особенности для левых республиканцев, полной неожиданностью. Мадзини пользовался огромным авторитетом среди широких масс Италии, и никто не ожидал, что этот «апостол справедливости», вождь национально-освободительного движения выступит против борцов за «социальную республику». В этой статье бывший революционер, организатор восстаний резко осуждал «фатальное восстание» парижан и призывал республиканцев отвергнуть их «отсталую, аморальную программу, противную всемогущей тенденции человечества». Мадзини осуждал революционные действия коммунаров и утверждал, что Парижская Коммуна облегчит восстановление монархии⁵³.

С досадой писал Мадзини о сочувствии итальянской молодежи Парижской Коммуне: «Сегодня среди нас слишком много непокорного, слишком мало апостольского. Знамя восстания ослепляет нас, где бы оно ни появилось, и — по любому случаю... Всякое смелое утверждение вызывает отклик в душах нашей молодежи»⁵⁴. Демократическая пресса выступила с критикой позиции Мадзини и указывала, что его статьи о Коммуне не отражают мнения республиканской партии⁵⁵.

С неослабным вниманием следила демократическая общественность Италии за борьбой коммунаров в майские дни, особенно в дни напряженных боев «кровавой недели». Кровавый эпилог Коммуны вызвал глубокое потрясение среди рабочих, демократической интеллигенции и студенчества Италии. В дни агонии Коммуны «Gazzettino rosa» писала: «Париж, даже упав, спасет Францию и республику... Монархия невозможна более во Франции... Коммуна провела блестящее сражение — сражение за свободу против деспотизма. Почет Парижу!»⁵⁶

Рабочие Италии видели в Парижской Коммуне «социальную республику». «Социальная республика есть и будет, — восклицал социалист Энрико Биньями, — освященная бессмертным мученичеством, социальная республика пала, чтобы возродиться еще более сильной и более святой»⁵⁷.

⁵² G. Mazzini. Scritti editi ed inediti, v. 91, p. 3, 5.

⁵³ «La Roma del Popolo», 26.IV 1871.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ «Gazzettino rosa», 14.V 1871.

⁵⁶ «Gazzettino rosa», 22.V 1871.

⁵⁷ «La plebe», 23.V 1871.

Выражая глубокую печаль народных масс в связи с падением Коммуны, демократические газеты указывали, что пример Франции «послужит уроком» для трудящихся Италии, которые так же, как и парижане, «будут непримиримыми». Эти газеты выражали уверенность, что «близок день великого правосудия»⁵⁸.

Жестокая месть версальцев, победа реакции вызвали бурное негодование среди наиболее прогрессивных элементов итальянского общества.

Сообщая 4 июня 1871 г. в «Gazzettino rosa» о героической смерти коммунаров на баррикадах и о кровавых оргиях контрреволюции, Бурберо призывал: «Я хочу, чтобы мои слова зажгли души патриотов, и они дали бы себе клятву сражаться всеми своими силами и беспощадно против угнетателей свободы...»

Во всех концах Италии происходили манифестации солидарности с побежденными коммунарами. На собраниях рабочих и демократических организаций принимались адреса, обращенные к побежденным коммунарам. Нельзя без волнения читать такой исторический документ, как «Адрес джирджентской секции Интернационала» (Сицилия), который мы воспроизводим здесь полностью:

Побежденным Парижской Коммуны

В то время, когда привилегированные мира сего аплодируют ужасам, унижаем трусами Седана, оскорбляют и клеветают на героев, которым изменило счастье, мы, ваши братья по идее, готовы так же, как и вы, когда-нибудь поднять знамя социального освобождения, мы считаем делом чести адресовать с окраины Сицилии слова утешения, восхищения и надежды вам, побежденным Парижской Коммуны.

Революция, которая восхитила мир своими бесподобными великими принципами, необыкновенным благородством своего дела, не побеждена. Социальное освобождение простого народа стало наиболее настоятельной необходимостью нашего времени; и ваша революция, однажды сорвавшая завесу, скрывавшую будущее, провозгласившая однажды эру новой цивилизации, должна раньше или позже восторжествовать, потому что из крови наших мучеников поднимутся бесчисленные мстители, ибо Коммуна не является кометой, которая теряется в пространстве, но — это солнце, которое садится сегодня, чтобы подняться завтра.

Джирдженти, 11 июня 1871 г.

От имени Ассоциации — доктор Каролоссо.

Антонио Риджо — редактор «Egualianza».

Франческо Алаимо, секретарь⁵⁹.

⁵⁸ «Gazzettino rosa», 27.V 1871.

⁵⁹ «Адрес» был опубликован в итальянских газетах «La plebe» от 27 июня 1871 г. и «Gazzettino rosa» от 28 июня 1871 г. без подписей (вероятно, во избежание репрессий против его авторов).

Принятие таких обращений на собраниях, публикация их в газетах в то время, когда итальянское правительство применяло суровые репрессии против рабочих и демократических организаций, распускало их, показывает силу того огромного революционизирующего влияния, которое оказала Коммуна на умы прогрессивных людей Италии.

Правительство умеренных буржуазных либералов, во главе которого стоял Ланца, явно недооценивало влияние социалистической пропаганды среди передовых слоев трудящихся Италии. Хотя секции Интернационала в этой стране были немногочисленными, их активность и сознательность заметно усилились во время Коммуны. Движение солидарности итальянских демократов и социалистов с побежденными коммунарами Парижа доказывало это с полной очевидностью. Несмотря на полицейские репрессии, это движение в течение июня—июля 1871 г. все возрастало в разных городах Италии. Характерно, что то самое Международное демократическое общество во Флоренции, о котором так пренебрежительно отзывался глава итальянского правительства, опубликовало 11 июня в газете «*La Favilla*» новое обращение под заглавием «К братьям Парижской Коммуны». В этом ярком и выразительном воззвании воздавалось должное героям, «боровшимся за всемирное освобождение угнетенных классов».

За это воззвание Общество было немедленно запрещено правительством, но оно вскоре вновь возродилось под другим названием⁶⁰.

Пожалуй, самым волнующим документом из всех дошедших до нас является резолюция собрания рабочих Милана, самого крупного промышленного центра Италии. Это собрание было созвано сторонниками Интернационала 18 июня 1871 г., на нем

Подписи восстановлены нами по газете «*L'Egalité*» (орган секции Интернационала в Романской Швейцарии) от 8 июля 1871 г. Эта газета, придерживавшаяся линии Генерального Совета Интернационала, сопровождала «Адрес» заметкой, в которой говорится: «Мы получили от наших братьев в Джирдженти протест, который позволяем себе воспроизвести...»

Здесь же указывается, что «Адрес» был принят единогласно на собрании джирджентской секции Интернационала 11 июня 1871 г. О принятии «Адреса» единогласно секцией Интернационала сообщают также «*La plebe*» и «*Gazzettino rosa*»; последняя пишет, что текст его перепечатывается по газете «*La plebe*».

Этот интересный для изучения истории рабочего движения Италии документ до сих пор не воспроизводился в итальянской литературе, как и в исторической литературе других стран. Лишь за одним исключением, он даже не упоминается как в старых, так и в новых специальных работах (см., например, А. Анджолини. История социализма в Италии; Г. Манакорда. Итальянское рабочее движение. М., 1955). Исключение составляет А. Романо, но и он лишь упоминает этот документ (см. А. Романо. *Storia del movimento socialista in Italia*, v. I, p. 488).

⁶⁰ «*La plebe*», 13.VI 1871.

присутствовало 2540 человек. Принятое на нем воззвание обращено уже не к коммунарам, а к трудящимся Италии. Полный текст этого интересного документа гласит:

«Капиталу, который говорил им: «Ты умрешь с голоду!» — они ответили: «Нет, мы будем жить нашим трудом!»

Деспотизму они ответили: «Мы свободны!»

Пушкам и ружьям реакционных заговорщиков они противопоставили свою открытую грудь.

Они пали, но пали героями.

Ныне реакция зовет их бандитами и предаёт их проклятию человеческого рода.

Можем ли мы допустить это? Нет!

Трудящиеся! В тот момент, когда наши парижские братья, побежденные, преследуемые, как дикие звери, сотнями падают под ударами убийц, скажем им: «Идите к нам, мы здесь, наши дома открыты для вас, мы будем охранять вас до близкого дня возмездия».

Трудящиеся! Принципы Коммуны — наши принципы; мы принимаем на себя ответственность за ее действия.

Да здравствует Социальная Республика!

Мальдини, Джоваккини, Дюпон Леон»⁶¹.

Приведенные нами документы показывают не только силу влияния Парижской Коммуны в Италии, но и размах движения, вызванного ею: во Флоренции, Риме, Джирдженти, Милане, в центральной Италии, на юге и севере — по всей стране раздавалось эхо Коммуны. Идеи Коммуны увлекали широкие массы народа, поднимали их на борьбу за новую жизнь, свободную от гнета капитала.

Большая заслуга в распространении идей Коммуны, Интернационала принадлежит газете «La plebe», вокруг которой объединялись лучшие прогрессивные силы Италии того времени. Более решительно, чем другие демократические газеты, она пропагандировала идеи социальной революции. Она была единственной газетой, которая осталась верной принципам Интернационала, его Генерального Совета, хотя и не всегда последова-

⁶¹ E. Villetard. Histoire de l'Internationale. Paris, 1872, p. 265—266.

Этот документ, видимо, до сих пор остается неизвестным историкам Италии. Он нигде не воспроизводится и даже не упоминается в специальной литературе по истории итальянского рабочего и социалистического движения. Мы его не нашли и в доступных нам итальянских газетах.

Хотя в заглавии книги, из которой мы воспроизводим документ, стоит слово «история», эта книга не является исследовательской работой: она скорее относится к мемуарной литературе. Автор книги был редактором крупнейшей французской газеты «Journal des Débats» в дни Коммуны. Вероятно, этот документ был прислан в редакцию для опубликования, и по роду своей службы автор мог им располагать — как и другими документами, приводимыми им в книге.

тельно защищала их. В дни, наступившие после поражения Коммуны, когда итальянская реакция пыталась разгромить молодые, но развившие активную деятельность рабочие организации, газета спланировала рабочих, мобилизовала их на борьбу. В статье, посвященной задачам пролетариата и Интернационала после падения Коммуны, газета, призывая к перестройке рабочих организаций, писала:

«Уже слышен могучий голос мести и этот голос вызывает отголоски на западе и востоке, на севере и юге. Сердца, которые боролись за свободу, объединяются для высшей цели... Интернационал поднимает голову, действует более мощно, чем когда-либо, провозглашает свои идеи; побежденный в Париже, он не потерял своей отваги; готовый к борьбе, он поднимает свое знамя, красное знамя... Пролетариат потерпел поражение, испытал свой Седан... но он уже вновь поднимается...»⁶²

Продолжавшиеся почти до конца 1871 г. нападки Мадзини на Коммуну и Интернационал⁶³ вызвали чувство возмущения у Гарибальди. Он обратился к редактору газеты «La Roma del Popolo» Джузеппе Петрони с гневным письмом, в котором подверг недостойные выступления Мадзини резкой критике. Это письмо (из Капреры, от 21 октября 1871 г.) вскоре было опубликовано во многих газетах и вызвало отклик Энгельса. «Кто дал вам право,— писал Гарибальди,— бросать проклятия павшим? (Речь идет о героически погибших коммунарах.— *Ред*). Ведь это единственные люди, которые в наше время тирании, лжи, трусости и разложения высоко держали святое знамя правды и законности и с ним в руках погибли.

Вы предаете Париж анафеме, но за что? За то, что он разрушил (Вандомскую) колонну и домик Тьера? А видели ли вы когда-нибудь, как сжигают целую деревню за то, что она дала убежище одному лишь партизану?..

Я надеюсь, мой друг, что, всмотревшись во мрак, который по сей день продолжает завлакивать Париж, и уяснив себе страшную реальность версальских убийств, вы более снисходительно отнесетесь к поступкам отчаявшегося народа, которым плохо руководили...

Что мог сделать этот бедный народ, у которого было столько руководителей: Коммуна, Центральный Комитет, Комитет Общественного Спасения и масса клубов, степень революционности которых была различна и которые, как стало теперь из-

⁶² «La plebe», 22.VI 1871.

⁶³ В новейшей исторической литературе делаются попытки представить выступления Мадзини против Коммуны как умеренную дружескую критику (см.: F. Fiumara. Mazzini e l'Internationale. Pisa, 1968, p. 56). Из приведенных документов видно, что такая интерпретация не соответствует действительности.

вестным, были заражены реакционными элементами всех партий?..»⁶⁴

Когда Энгельсу стало известно об этом письме, он написал (13 ноября 1871 г.) своему другу Т. Куно: «Его (Гарибальди.— *Ред.*) последнее письмо к Петрони представляет для нас громадную ценность»⁶⁵.

Письмо Гарибальди свидетельствовало о кризисе в рядах республиканцев. Этот кризис в первое время способствовал распространению среди итальянских рабочих вредных идей анархизма, что в известной мере явилось своеобразной реакцией на оппортунистическую позицию Мадзини.

Однако не все рабочие, не все прогрессивные деятели Италии видели спасение в анархистских теориях. Достаточно вспомнить пример Гарибальди. Когда известный анархист Крешио обратился к нему за поддержкой своей газеты «*Avenir sociale*», которая вела борьбу с «авторитарным принципом» в Интернационале, Гарибальди отказался, заявив, что «Парижская Коммуна пала потому, что в Париже не было никакой авторитетной власти, а лишь одна анархия». Энгельс в статье, опубликованной 2 июля 1873 г. в газете «*Der Volksstaat*», с большим удовлетворением цитировал эти слова Гарибальди и добавил: «Старый борец за свободу, который в одном 1860 г. сделал больше, чем попытаются сделать когда-либо на своем веку все анархисты, вместе взятые, знает цену дисциплине...»⁶⁶

После подавления Коммуны в Италию бежало значительное число коммунаров, спасавшихся от репрессий. Приветливо встретили их в Италии братья по классу — рабочие, которые позаботились об их устройстве. Бежавшие коммунары немало сделали для популяризации идей Коммуны среди рабочих Италии.

Итальянское правительство усмотрело в прибывших коммунарах опасность для себя и охотно согласилось выполнить требование версальцев о выдаче их. Уже 31 мая министр иностранных дел Италии Висконти-Веноста отправил послу Франции Шуазелю письмо, где сообщалось, что итальянское правительство приняло меры к задержанию бежавших и что оно «выполнит конвенцию о выдаче злодеев»⁶⁷. При обсуждении этого вопроса в сенате Италии министр иностранных дел заявил, что бежавшие коммунары должны рассматриваться не как политические преступники, а как «уголовные бандиты». Решение итальян-

⁶⁴ G. Garibaldi. Lettere e proclami. Milano, 1954, p. 101—103.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 272.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 456.

⁶⁷ «La France», 8.VI 1871; «Gazzettino rosa», 8.VI 1871. Этот вопрос уже освещался в советской литературе. См. С. Б. Кан. Маркс как организатор помощи жертвам версальского террора.— «Парижская Коммуна». М.—Л., 1932, стр. 182.

янского правительства выдать коммунаров версальским палачам вызвало негодование среди демократической общественности. «Gazzettino rosa» посвятила этому вопросу передовую, в которой выражался резкий протест против гнусного акта правительства, «обесчестившего итальянское имя», и указывалось, что это правительство вместе с монархией «пожнет плоды ненависти, которую посеяло». А в воззвании Международного демократического общества во Флоренции поднимался голос протеста против попыток итальянского правительства «трусливо выдать» версальцам бежавших в Италию коммунаров. Воззвание заканчивалось словами: «Если итальянское правительство выполнит требование версальского правительства о выдаче, итальянская демократия ответит на это так, как еще не предвидит правительство»⁶⁸.

Несколько месяцев прогрессивные круги Италии вели борьбу против задуманного правительством злодейства; это мощное проявление солидарности с мучениками Коммуны стало основной причиной того, что правительство все-таки не решилось выдать бежавших коммунаров версальским палачам⁶⁹.

✱

Итак, Парижская Коммуна вызвала в Италии мощные отклики огромного диапазона. Они коснулись в той или иной мере всех классов итальянского общества. Под ее влиянием произошли большие изменения в общественном мнении Италии. Благотворное влияние Коммуна оказала на борьбу трудящихся масс, которые с напряженным вниманием и волнением следили за героической борьбой коммунаров.

Парижская Коммуна дала огромный толчок быстрому и широкому развитию рабочего движения, которое охватило всю Италию⁷⁰. Оно становилось все более организованным и приобретало ярко выраженную социалистическую окраску. Почти всюду стали создаваться секции Интернационала; возникли новые рабочие общества.

Парижская Коммуна нанесла серьезный удар мадзинизму, что явилось одним из важнейших условий развития рабочего и социалистического движения в Италии. Правда, освободившие-

⁶⁸ «Gazzettino rosa», 9.VI 1871; «La Favilla», 11.VI 1871.

⁶⁹ P. Angrand. Travailleurs italiens dans la Commune de Paris, p. 60.

⁷⁰ Влияние Парижской Коммуны на развитие рабочего движения Италии отмечают и некоторые авторы общих работ (см. A. Costa. Bagliori di socialismo. Cenni storici. Firenze, 1900, p. 7—8; A. Romano. Storia del movimento socialista in Italia, v. II, p. 429—456; П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 года, стр. 200; И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966, стр. 113—135).

ся от влияния Мадзини и перешедшие в Интернационал рабочие попали под вредное влияние Бакунина. Но постепенно они освободились от воздействия анархизма; в итальянских секциях Интернационала усилилось влияние социализма и возрос авторитет сторонников Маркса.

Многие итальянские левые республиканцы, симпатизировавшие Коммуне, связывали ее успехи с именем Маркса. Деятель Интернационала Чезаре Орсини, брат известного итальянского революционера Ф. Орсини, сообщая в сентябре 1871 г. своему другу Э. Дюпону, что скоро выйдет его книга о Парижской Коммуне, писал, что он говорит в этой книге о Марксе «в наиболее почтительных выражениях». Автор письма сообщал далее, что собирается опубликовать специальную статью о Марксе и его автограф. Орсини добавил, что в Италии проявляется большой интерес к деятельности Маркса и его идеям, просил своего друга проинтервьюировать Маркса по вопросу: «кто из итальянских авторов оказал влияние на разработку и развитие его великих идей социального переустройства?»⁷¹

Говоря о влиянии Парижской Коммуны на международное социалистическое движение, В. И. Ленин указывал, что Коммуна «всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны... Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции»⁷².

Влияние Парижской Коммуны на развитие рабочего и социалистического движения в Италии блестяще подтверждает это очень важное и глубокое ленинское замечание.

* ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИСПАНИИ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

В Испании 1871 год был годом напряженной внутренней борьбы: в стране шла буржуазная революция, начавшаяся в сентябре 1868 г. Установившаяся в конце 1870 г. конституционная монархия не имела прочных корней; против нее выступали как силы феодальной реакции (католики, карлисты, сторонники Изабеллы, альфонсисты и т. п.), так и буржуазные республиканцы (федералисты).

Народные массы, не добившись улучшения своего положения, продолжали активную борьбу. Все большую роль в политической жизни страны начинал играть рабочий класс. Основан-

⁷¹ См. ЦПА ИМЛ, ф. 458, оп. 1, ед. хр. III—1899, лл. 1—2.

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

ные в 1868 г. первые секции Интернационала превратились к 1871 г. в значительную силу⁷³.

В ходе классовых боев шло развитие самосознания испанских рабочих. Воззвания Генерального Совета Интернационала о франко-прусской войне остались неизвестными испанским рабочим. Однако секции Интернационала организовали во время войны активные выступления, выражавшие чувство классовой солидарности с трудящимися других стран и протест против войн, затеваемых господствующими классами. 17 июля 1870 г. Барселонская федерация в ответ на обращение французских рабочих выпустила воззвание, призывая рабочих всего мира поднять голос против войны: рабочие должны покончить с войнами, говорилось в воззвании, их миссия — утвердить равенство народов как высший принцип человечества; рабочие «представляют жизнь против тех, кто представляет смерть»⁷⁴. В ряде городов Испании проходили рабочие собрания и антивоенные демонстрации. В Мадриде демонстрация, организованная секциями Интернационала, проходила под лозунгом «народ голоден»⁷⁵. В августе 1870 г. Мадридская федерация выпустила воззвание, призывавшее в случае вступления Испании в войну поднять вооруженное восстание⁷⁶.

События во Франции воспринимались различными партиями и группировками в свете их собственных программ и целей. Свержение бонапартистского режима и провозглашение республики было восторженно встречено испанскими республиканцами-федералистами и членами Интернационала. Возникло движение солидарности, выражавшееся в многочисленных митингах. В Париж направлялись резолюции этих митингов, приветственные письма и телеграммы. Рабочие Испании приняли активное участие в этой кампании. Их настроение выразила мадридская газета «La Solidaridad», орган секций Интернационала, которая писала в обращении к парижским рабочим: «Вы завоевали личные свободы, на основе которых должно осуществиться возрождение народов. Мы разделяем вашу огромную радость...»⁷⁷

Общий подъем рабочего движения, ярчайшим выражением которого стала Парижская Коммуна, проявился в Испании в усилении классовых боев трудящихся. По стране прокатилась волна стачек (в Севилье, Мадриде, Пальме, Тарагоне, Сельере

⁷³ Наиболее полную картину экономического развития страны, структуры рабочего класса и уровня его развития дает монография А. Гонсалеса «История испанских секций Международного Товарищества Рабочих. 1868—1873» (М., 1964).

⁷⁴ «L'Internationale», 31.VII 1870.

⁷⁵ «La Solidarité», 23.VII 1870.

⁷⁶ «La Solidarité», 27.VIII 1870.

⁷⁷ Цит. по: «La Federaci6n», 18.IX 1870.

и т. д.), носивших подчас затяжной и острый характер; борьба за увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня во многих случаях сочеталась с отстаиванием права на создание рабочих организаций. Особенно упорной была стачечная борьба в Каталонии, где в забастовках приняло участие до 10 тыс. рабочих.

Парижская Коммуна вызвала непосредственный отклик среди испанских рабочих. Ветеран испанского рабочего движения, один из основателей секций Интернационала, Франсиско Мора, впоследствии вспоминал, что, несмотря на недостаток правдивой информации и клеветническую кампанию реакционной прессы, вести о героической борьбе Парижской Коммуны вызвали в Испании волну народных демонстраций солидарности с Коммуной⁷⁸. 2 мая 1871 г. по инициативе секций Интернационала в Мадриде и Барселоне были проведены митинги солидарности с рабочими Парижа. В них участвовало более 250 человек, среди них испанские социалисты Ф. Мора, Лоренцо, Лостау, Хосе Меса, писатель Роберто Роберт.

Барселонская газета, орган секций Интернационала «Federación» публиковала постановления и декреты Коммуны. В ряде статей газета пыталась раскрыть характер событий в Париже, толкуя их в анархистском духе. Газета приветствовала Коммуну как детище рабочего класса, как «первую революцию, способную изменить лицо общества». 2 июня газета провозгласила: «Коммуна пала, да здравствует Коммуна». 11 июля 1871 г. в статье «Начало великой революции» говорилось, что поражение Коммуны является только началом революции.

Секции Интернационала выступили инициаторами движения в защиту коммунаров после поражения Коммуны. Ими были организованы массовые демонстрации и митинги в Барселоне, Мадриде, Вальядолиде, Малаге, Сантандере и других городах, направленные не только в защиту коммунаров, но и против начавшихся репрессий, которым правительство подвергало организации Интернационала.

В своих органах печати Коммуну приветствовали и буржуазные республиканцы-федералисты. Но они усматривали в ней не первую пролетарскую революцию, а осуществление близких им федералистских идей. На одном из собраний федералистов в Мадриде по предложению буржуазного демократа Сальвочеа было принято решение приветствовать Коммуну и избрать специальную делегацию, которая отправилась бы в Париж для установления контакта с руководителями нового революционно-

⁷⁸ F. Mora. Historia del socialismo obrero español desde sus primeras manifestaciones hasta nuestros días. Madrid, 1902, p. 83—84.

го правительства. Делегация была избрана; в нее вошёл и Сальвочеа, но ей не удалось выехать во Францию⁷⁹.

После поражения Коммуны, в связи с общеевропейским походом реакции против рабочего движения и травлей коммунаров, позиция федералистов изменилась. Лишь немногие республиканцы Испании продолжали защищать коммунаров.

Падение Коммуны дало толчок наступлению реакции в Испании. 30 мая в кортесах начались жаркие дебаты в связи с циркуляром Ж. Фавра от 26 мая 1871 г., требовавшего выдачи эмигрантов Коммуны. Представители реакционных партий и группировок повторяли лживые измышления французской прессы. Лишь некоторые наиболее левые депутаты, в частности — Кастеляр, Пи-и-Маргаль, Гарсиа Лопес, от имени республиканской партии защищали коммунаров от клеветы, требуя предоставить им право политического убежища. Отвечая на запрос депутатов, министр внутренних дел Сагаста заявил: «Кровавые события в Париже стоят вне политики, их виновники не могут рассматриваться как политические деятели. Они преступники... Испания не закроет свои двери ни перед кем; но она справедливо отнесется к требованиям Франции и строго будет выполнять договоры о выдаче преступников»⁸⁰.

Правящие круги Испании пытались использовать победу версальской контрреволюции и наступление реакции в Европе для нанесения удара по ведущей организации рабочего класса — Испанской федерации Интернационала. В июне 1871 г. за выпуск прокламации в пользу Коммуны был арестован один из видных членов Интернационала, Гаспар Сентиньон. В связи с преследованиями три члена Федерального совета Ф. Мора, Лоренцо и Морато вынуждены были летом 1871 г. эмигрировать в Лиссабон. Преследования помешали и созыву очередного конгресса федерации; вместо него состоялась нелегальная конференция в Валенсии. В январе 1872 г. Сагаста опубликовал циркуляр, который предписывал роспуск организаций Международного Товарищества Рабочих. Секции Интернационала ушли в подполье. Рабочие Испании ответили на эти меры реакции массовыми митингами и демонстрациями протеста. Такие демонстрации происходили в Барселоне (20 тыс. участников), Вальядолиде, Валенсии, Малаге, Мадриде, Сантандере и других городах. Участники этих митингов и демонстраций заявляли о своей солидарности с Коммуной, осуждали кровавую расправу правительства Тьера с коммунарами, выступали против попыток

⁷⁹ J. Morato, *Historia de la Seccion española de la Internacional (1868—1874)*. Madrid, [1930], p. 87.

⁸⁰ «La Liberté», 1, 9.VI 1871; см. также O. Vergás Mundó. *La I Internacional en las Cortes de 1871*. Barcelona, 1964, p. 41—43.

испанского правительства организовать преследования эмигрантов.

Выражением открытой солидарности с делом Коммуны был сбор средств для детей парижских коммунаров, проводившийся с ноября 1871 г. по инициативе Испанского федерального совета Интернационала. В нем участвовали простые рабочие и отдельные рабочие организации. 20 апреля 1872 г. сумма пожертвований достигла 317 песет.

По призыву Испанского федерального совета рабочие торжественно отметили первую годовщину Коммуны. В Барселоне, Алькале, Валенсии, Вальядолиде и Кадиксе были проведены торжественные собрания⁸¹. День 18 марта был объявлен Днем Интернационала, праздником рабочих. Он был отмечен и в 1873 г. Интересное описание праздника 18 марта 1873 г. в Барселоне оставил один русский эмигрант. «Вчера был ихний праздник *18 марта*, — пишет он (до этого речь шла о рабочих организациях Барселоны), — говорили очень много зажигательных речей, вообще собрание было оживленное, а потом отправились в кафе интернациональное⁸², и там опять речи... Даже солдаты кричали и предлагали тосты за Коммуну. За Россию было предложено три тоста. Все были приняты с криком: «Да здравствует социальная революция в России!»⁸³.

Парижская Коммуна оказала большое революционизирующее воздействие на рабочий класс Испании. Прежде всего это выразилось в росте влияния и численности секций Интернационала. Под воздействием Коммуны значительная часть испанских рабочих освобождалась от влияния буржуазно-реформистских концепций. Однако представители различных течений в рабочем движении Испании делали из опыта Коммуны разные выводы. Господствующим течением в рабочем движении был тогда анархизм. Солидаризируясь с Коммуной, анархистские лидеры (среди них были и эмигрировавшие из Франции Бастелика и Поль Брусс) видели в ней осуществление своих принципов — отмены всякого государства, полной автономии общин, анархии.

Сильное воздействие оказала Коммуна на складывание и развитие небольшой группы испанских социалистов, сплотившихся под влиянием П. Лафарга вокруг газеты «*Emanipación*» (Х. Меса, Ф. Мора, А. Мора, П. Иглесиас и др.). Члены этой группы преодолели влияние анархистов и перешли на марксистские позиции. В 1872 г. они создали новую мадридскую феде-

⁸¹ «*La Emancipación*», 23, 30.III 1872.

⁸² В Барселоне и в Мадриде были кафе, где собирались члены Интернационала.

⁸³ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 384/8.

рацию. Ее огромной заслугой было разъяснение подлинного значения и смысла Парижской Коммуны.

Большую помощь испанским социалистам в деле правильного понимания уроков Коммуны, усвоения ее опыта оказал Энгельс, бывший в то время секретарем-корреспондентом Генерального Совета Интернационала для Испании. Как показывают письма Ф. Мора, Энгельс посылал ему сведения о Коммуне⁸⁴. Он же послал в редакцию «*Emanicipación*» «Гражданскую войну во Франции», которая была опубликована в этой газете в июле — сентябре 1871 г., а затем, в сентябре — октябре, и в «*Federación*». Все это способствовало отходу от анархизма видных деятелей испанского рабочего движения, которые стали в дальнейшем основателями социалистической партии Испании — Пабло Иглесиаса, Хосе Меса, Франсиско Мора. Постепенно приходя под воздействием Энгельса к марксизму, Меса, Мора, Иглесиас и другие редакторы «*Emanicipación*» в 1872—1873 гг. неоднократно обращались к опыту Коммуны. Они использовали этот опыт в борьбе с буржуазным и анархистским влиянием на рабочее движение, доказывая необходимость сплоченной и крепкой организации рабочего класса, необходимость проведения пролетариатом своей собственной политической линии, неизбежность пролетарской революции. Однако в силу ряда причин, прежде всего относительной отсталости испанского рабочего движения, анархистское влияние оказалось доминирующим. Вся порочность концепций бакунистов, которые они пытались связать с опытом Коммуны, ясно сказалась во время так называемых кантональных восстаний 1873—1874 гг.⁸⁵

⁸⁴ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 228—229.

⁸⁵ См. статью Ф. Энгельса «Бакунисты за работой» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 18, стр. 457—474).

7 ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

* АВСТРИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Революционные события в Париже произвели глубокое впечатление на все классы и на политические партии в Австро-Венгрии. Это объяснялось в первую очередь тем, что в конце 60-х и начале 70-х годов габсбургская монархия переживала глубокий политический кризис. По мнению Фридриха Энгельса, выраженному в письме к Карлу Марксу от 16 декабря 1867 г., к этому времени «Австрия находится накануне своего 1789 г....»¹ Вопреки ожиданиям Энгельса, вторая австрийская революция не произошла. С помощью сложных политических маневров правящим классам монархии удалось подавить национально-освободительные движения, и на основе соглашения 1867 г. с Венгрией Австрия превратилась в дуалистическую Австро-Венгрию.

Соглашение 1867 г. временно укрепило зыбкий фундамент монархии Габсбургов, но в исторической перспективе оно же ослабляло и в последующем развитии уничтожало основы основ существования этой монархии. Разгром Австрии в австро-прусской войне 1866 г., австро-венгерское соглашение 1867 г. и в завершение всего создание Германской империи в результате франко-прусской войны 1870 г. окончательно устранили Австрию от участия в объединенной Германии. В конце 60-х годов, таким образом, окончательно потерпела крушение одна из идей революции 1848 г. — попытка создания на демократической основе единой немецкой нации с участием австрийских немцев. Как правильно отметил один из марксистских исследователей национального вопроса в Австрии, Альфред Клар, «исход войны 1866 г. подвел черту под развитием, которое началось на десятилетия ранее, и отделил немецких австрийцев в экономическом и политическом отношениях от остальной Германии»². Это озна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 347.

² Rudolf (Alfred Klahr). Zur nationalen Frage in Österreich.— «Weg und Ziel», N 3, 1937, S. 133.

чало, что прогрессивная ранее идея присоединения Австрии к Германии превратилась в реакционную утопию об аншлюссе, которая становилась преступлением, как только ее пытались осуществить.

Отныне говорящее на немецком языке население австрийской части Австро-Венгрии переставало быть австрийскими немцами или немецкими австрийцами, а превращалось в австрийскую нацию. Конечно, 1867—1871 гг. являются в этом смысле условной гранью, ибо процесс создания самостоятельной австрийской нации был длительным явлением, начавшимся до 1867 г. и не закончившимся в 1871 г., но государственное размежевание между Австрией и Германией, а также возникновение дуализма было важным историческим рубежом. Вместе с тем союз австрийской буржуазии с венгерскими помещиками превращал ее в реакционную силу, замедлял развитие капитализма в Австро-Венгрии в целом и углублял острые национальные противоречия между господствующими нациями и многочисленными угнетенными национальностями, в особенности славянскими. Это делало власть австрийской буржуазии чрезвычайно зыбкой и шаткой и в сочетании с внешнеполитическими затруднениями вынуждало австрийское правительство искать дополнительных союзников за пределами Австро-Венгрии. В результате возникла ориентация на Германию, что в конечном итоге еще больше осложняло положение правящих классов и в конечном счете только ослабляло их.

Все эти сложные и иногда противоречивые тенденции в полном своем объеме сказались несколько позднее, но в той или иной степени уже проявлялись в начале 1871 г. Правительство Гогенварта, сформированное в феврале 1871 г. и ушедшее в отставку в октябре того же года, находилось в чрезвычайно затруднительном положении и металось из стороны в сторону, от демократических реформ и даже проектов всеобщего избирательного права до террористических мероприятий, направленных против широких масс. В этот переломный момент возникало, таким образом, нечто вроде кризиса «верхов».

Бурный период переживало также австрийское рабочее движение. На протяжении двух десятилетий — в 1869—1889 гг. — возникало и развивалось классовое движение пролетариата Австрии. За два года до Парижской Коммуны, 11 апреля 1869 г. в Вене вышел первый номер газеты «Volksstimme». В подзаголовке газеты стояло: «Орган социал-демократической партии». Газета выходила всего два раза в месяц, имела небольшой объем, технически очень скромно выглядела по сравнению с крупными буржуазными газетами австрийской столицы. Тем не менее издание своего печатного органа явилось для австрийского пролетариата событием огромного исторического значения. Был сделан важный шаг вперед: от организации рабочих

просветительных союзов австрийские социал-демократы перешли к созданию массовой политической партии пролетариата. К августу 1869 г., по сообщению газеты, австрийская социал-демократия представляла свыше 100 тыс. рабочих³. Даже с учетом того, что речь шла не о нынешней территории Австрии, а о всей Цислейтании, т. е. территории значительно более широкой протяженности, это было цифрой по тем временам чрезвычайно внушительной. О том, что социал-демократия действительно стала в Австрии массовой партией не только на бумаге, свидетельствовали выступления рабочих под знаменами социал-демократии. Так, например, на собрании под открытым небом в Линце в июле 1869 г. присутствовали от 6 до 8 тыс. человек. Они бурно приветствовали ораторов, выдвигавших основные политические требования социал-демократической партии: всеобщее, прямое и равное избирательное право, свобода коалиций и др.⁴ Для города, в котором тогда насчитывалось не больше 40 тыс. жителей, 6—8 тыс. участников митинга означали большой успех социал-демократии.

Бурные выступления рабочих происходили в Вене. Около 9 тыс. человек присутствовали 25 июля 1869 г. на социал-демократическом собрании и слушали выступление Вильгельма Либкнехта, призывавшего к борьбе с прусским милитаризмом и с бисмарковской Пруссией⁵. Около 20 тыс. рабочих Вены демонстрировали 13 декабря 1869 г. перед зданием парламента, требуя права коалиций. Одновременно происходило стремительное развитие профсоюзов, разного рода потребительских рабочих кооперативов и др.⁶

Наряду с борьбой за политические требования, выдвигаемые социал-демократической партией, рабочим приходилось добиваться осуществления элементарных человеческих прав. Характерно в этом отношении, например, требование рабочих мельниц в небольшом местечке Нижней Австрии, Фишаменд. На созванном здесь социал-демократами собрании рабочих 26 марта 1871 г. в числе многих экономических требований содержалось требование запретить владельцам мельниц обращаться к рабочим на «ты», а также требование чистых кроватей и т. д.⁷ Не менее характерен также ответ предпринимателей: «Раз в месяц будут выдавать чистое постельное белье... Парням на мельницах будут в будущем говорить «вы»»⁸.

³ «Volksstimme» (Organ der sozial-demokratischen Partei), 22.VIII 1869.

⁴ «Volksstimme», 11.VIII 1869.

⁵ «Volksstimme», 8.VIII 1869.

⁶ K. Renner. Zur politischen und sozialen Geschichte 1848 bis 1870 (Wiener Hochverratsprozess. Wien, 1910, S. 143).

⁷ «Volkswille», 8.IV 1871.

⁸ «Volkswille», 22.IV 1871.

С первых же своих шагов австрийским социал-демократам приходилось вступать в борьбу с реакционным влиянием католической церкви. Поэтому столкновения рабочих Парижа с католическими епископами и прелатами и мероприятия Коммуны против рассадников католичества в школах были близки и понятны передовым рабочим Австрии, выдвигавшим аналогичные требования.

Правительство пыталось подавить рабочее движение с помощью репрессий. Летом 1870 г. был инсценирован громкий судебный процесс над руководителями демонстрации перед парламентом, организованной социал-демократами в декабре 1869 г. Социал-демократические лидеры были обвинены в государственной измене и приговорены к тюрьме⁹.

Репрессии градом сыпались на молодые рабочие организации. Царил полный полицейский произвол. Так, на собрании в Клагенфурте в марте 1871 г. присутствовавший полицейский комиссар потребовал вычеркнуть из резолюции слово «социал-демократ». Не помогли никакие объяснения и ссылки на то, что цензура уже бесчисленное число раз допускала это наименование в печати. Собранию пришлось подчиниться¹⁰. После многих конфискаций запрещена была газета «Volksstimme». Конечно, репрессии могли замедлить развитие рабочего движения, но не могли его задуть. Вместо запрещенной «Volksstimme» начала выходить в январе 1870 г. новая газета под названием «Volkswille». Если прежняя газета выходила два раза в месяц, то новая была уже еженедельной.

Конечно, венский процесс о государственной измене вызвал некоторое смятение и запугал часть попутчиков социал-демократии, но, с другой стороны, показал рабочим массам классовый характер буржуазно-помещичьего государства и усилил решимость передовой части рабочего класса продолжать борьбу за политические и экономические требования социал-демократии. Усиливалось также влияние Интернационала на австрийское рабочее движение. «Деятельность рабочих организаций в социально более развитых странах оказывала большое влияние на австрийское рабочее движение. Особенно сильное влияние на развитие австрийского рабочего движения оказывал Первый Интернационал, существовавший с 1864 г. В Австрии насчитывалось несколько десятков членов Первого Интернационала. Там и здесь выдвигались требования и лозунги Интернационала»¹¹.

⁹ Wiener Hochverratsprozess. Wien, 1910.

¹⁰ «Volkswille», 8.IV 1871.

¹¹ F. Strobl. Die österreichische Arbeiterbewegung bis zum ersten Weltkrieg. Wien, 1952, S. 8.

В целом рабочее движение в Австрии развивалось под знаменем социал-демократии. Это отмечалось в документах Интернационала. Так, в отчете Генерального Совета Базельскому конгрессу Первого Интернационала в сентябре 1869 г. говорилось: «Австрийские рабочие, особенно рабочие Вены, хотя они влиялись в движение своего класса лишь после событий 1866 г., сразу заняли выгодные позиции. Они сразу же выступили под знаменами социализма и Интернационала, к которому они теперь коллективно присоединились через своих делегатов на недавно состоявшемся Эйзенахском съезде»¹².

Конечно, австрийское рабочее движение находилось при этом на раннем этапе своего развития, когда рабочий класс в значительной степени еще находился в плену буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В частности, очень сильным было влияние лассальянства в Австрии. Взгляды Маркса и Энгельса в большинстве своем оставались неизвестными даже лидерам австрийских социал-демократов, а не только рядовым участникам движения. Об этом свидетельствует хотя бы следующая деталь. Когда в одной из статей в газете австрийских социал-демократов была упомянута работа Карла Маркса «Господин Фогт», то редакция сделала следующее примечание: «Мы просим редакцию лейпцигского «*Volksstaat*» прислать нам экземпляр этой брошюры»¹³. С этой просьбой редакция обращалась через 11 лет после опубликования работы Маркса. Работы и взгляды Лассалья распространялись в Австрии значительно быстрее. Видную роль в австрийской социал-демократии играли два немецких лассальянца, переселившихся в Австрию, Обервиндер и Гартунг. Оба они были редакторами «*Volksstimme*», а Обервиндер оставался редактором и «*Volkswille*»¹⁴. Восторженными лассальянцами были также братья Андреас и Генрих Шей, игравшие самую активную роль в австрийском рабочем движении.

В качестве постоянного докладчика и агитатора на рабочих собраниях выступал в Австрии тот самый Иозеф Мост, о котором Энгельс писал: «Над нашей партией в Германии тяготеет проклятие оплачиваемых агитаторов и полузнаек... Хотел бы я знать, чего собственно хочет от нас этот Мост...»¹⁵ Если к этому добавить, что Обервиндер стал позднее платным агентом австрийской полиции, то станет ясно, что идеологический уровень австрийской социал-демократии был еще очень далек от идеала.

¹² «Базельский конгресс Первого Интернационала». М., 1934, стр. 22.

¹³ «*Volkswille*», I.IV 1871.

¹⁴ Об этом, в частности, рассказывал в своих воспоминаниях Генрих Шей (*H. Scheu. Erinnerungen. Ein Beitrag zur Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung. Wien, [1912], S. 107; см. H. Steiner. Die Gebrüder Scheu. Wien, 1968).*

¹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 10.*

Лассальянцы пытались убедить австрийских рабочих в надклассовости габсбургского государства и в возможности перехода к социализму с помощью производственных товариществ, которым государство окажет финансовую помощь¹⁶. Повседневная мрачная действительность помещичье-буржуазной Австро-Венгрии с достаточной степенью наглядности опровергала иллюзии лассальянцев. В частности, жестоким уроком был «венский процесс о государственной измене».

Прошел всего год со времени венского судебного процесса к тому моменту, когда рабочие Вены и Австрии узнали о начале героической борьбы парижских коммунаров. Еще не улеглось возбуждение, вызванное процессом. Рабочие Австрии на собственном опыте убеждались в классовом характере буржуазной юстиции и буржуазного государства. Поэтому борьба коммунаров против версальцев и их союзников из лагеря прусской реакции была особенно близка и понятна в тот период рабочим Австрии.

С первых же дней Коммуны австрийские рабочие начали проявлять дружеские чувства к своим парижским собратьям. Об этом свидетельствовали многочисленные сообщения. Так, например, на созванном социал-демократией собрании в Филлахе (промышленный город в Каринтии), где, по словам газеты, присутствовало все мужское население города, но большинство составляли рабочие, последним пунктом обсуждался вопрос «о только что закончившейся войне, причинах, ходе и последствиях войны и об отношении к ней различных партий». Докладчиком был Иозеф Мост. Собрание состоялось 22 марта 1871 г., т. е. всего через несколько дней после событий на Монмартре. О настроении участников собрания социал-демократическая газета сообщала следующее: Когда Мост «высказал надежду, что место ныне существующей во Франции мнимой республики, во главе которой находится персонифицированное убожество, займет подлинно радикальная, а именно социалистическая республика, то присутствующие доктора, буржуа и др. почувствовали себя очень неуютно... Настроение же большинства было возбужденным»¹⁷. Аналогичный доклад Мост сделал также в Граце на собрании, состоявшемся 25 марта¹⁸.

Для понимания парижских событий австрийскими рабочими немаловажную роль играло то обстоятельство, что некоторые из деятелей Парижской Коммуны были хорошо известны в Австрии. Так, социал-демократическая газета отмечала: «Мы с удовольствием увидели, что среди уполномоченных в Министерстве внутренних дел находится также наш личный друг. Это —

¹⁶ F. Strobl, Die österreichische Arbeiterbewegung..., S. 8—9.

¹⁷ «Volkswille», 1.IV 1871.

¹⁸ «Volkswille», 8.IV 1871.

Эдуард Вайян, столь же умный, сколько и заслуживающий уважения человек, который посещал несколько немецких университетов и во время своего обучения в Вене регулярно посещал наши собрания. Такие люди являются гарантией конечного успеха нашего дела во Франции»¹⁹.

Еще более близко знаком австрийским рабочим был активный деятель немецкого и австрийского рабочего движения ювелир Лео Франкель, который к тому же являлся парижским корреспондентом газеты австрийских социал-демократов. Газета писала по этому поводу: «Кроме Вайяна, который входит в Исполнительную комиссию, среди членов Коммуны находится также один из наших парижских сотрудников, Лео Франкель. Он входит в комиссию по торговле»²⁰. Австрийские рабочие до сих пор помнят Франкеля и его участие в Парижской Коммуне. В статье к 75-летию Коммуны теоретический орган австрийской компартии подчеркивал интернационализм коммунаров, сделавших «своим министром труда активного деятеля австрийского рабочего движения ювелира Лео Франкеля»²¹.

Франкель очень много сделал для популяризации в Австрии идей Парижской Коммуны. Уже 29 марта 1871 г. он послал в редакцию австрийской социал-демократической газеты большую статью, полную революционного пафоса и уверенности в конечной победе рабочего класса: «Что бы ни принесло будущее, взойдут семена, посеянные в эти дни, и никакая сила в мире не может этому помешать». Статья Франкеля была помещена в газете без подписи²². Позднейшими исследованиями установлено авторство Франкеля²³. Ряд других статей и корреспонденции из Парижа также несомненно принадлежали перу Лео Франкеля.

Выступления социал-демократической газеты помогали австрийским рабочим понять значение Коммуны и опровергали клевету и ложь, распространяемые буржуазной прессой. Не говоря уже о бульварной и консервативной печати, даже так называемые либеральные газеты Вены не знали для коммунаров иных наименований, как «банда диких демагогов»²⁴, «безумная шайка», а возникновение Коммуны именовали «одним из самых ужасных и постыдных эпизодов, которые знает история Франции с начала первой революции»²⁵.

В ответ на эту ругань социал-демократическая газета писала: «Вся пресса, за исключением органов нашего направле-

¹⁹ «Volkswille», 1.IV 1871.

²⁰ «Volkswille», 8.IV 1871.

²¹ «Weg und Ziel», 1946, N 3, S. 162.

²² «Volkswille», 8.IV 1871.

²³ M. Aranyosi. Leo Frankel. Berlin, 1957, S. 256.

²⁴ «Neue Freie Presse» (Abendblatt), 20.III 1871.

²⁵ «Neue Freie Presse», 6.IV 1871.

ния, продолжает клеветать на великолепное восстание социал-республиканцев и их триумф над партиями измены, позора и эгоизма. Как и в 1848 г., сейчас называют разбойниками и убийцами людей, которые защищают высшие интересы французской нации»²⁶. Борьба против клеветы реакционной печати имела значение не только в качестве противоядия в самой Австрии, но и в качестве проявления международной солидарности рабочего класса с Коммуной. В Париже очень внимательно отнеслись к выражениям сочувствия, и официальный орган Парижской Коммуны перепечатал выдержки из передовой статьи «Volkswille» от 25 марта о Франции. В этой статье было дано описание событий на Монмартре 18 марта и Париж именовался бастионом свободы, а буржуазные австрийские журналисты именовались сворой, спущенной на парижан²⁷.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но при всей своей отсталости и раздробленности рабочий класс Австрии проявил высокую степень классовой сознательности и понял, что пролетарии Парижа выступили в защиту интересов рабочих не только Франции, но и всех других стран Европы, в том числе и рабочих Австрии. Небольшая, плохо оформленная, испытывавшая непрерывные финансовые затруднения социал-демократическая газета оказалась сильнее мощной и разветвленной буржуазной прессы и ее потока лжи и клеветы.

Классовый инстинкт помогал австрийскому рабочему понимать основной смысл событий, происходивших в Париже. В этом отношении привлекает внимание корреспонденция из Клагенфурта, помеченная 20 апреля 1871 г.: «Прошло то время, когда социалистические идеи мыслящей массы были воздушными замками. Выступление многих тысяч в Париже не только вызывает восхищение, но и побуждает к размышлению. Каждый спрашивает себя, чего же хотят эти люди, какие государственные отношения они хотят создать, может ли лишить нас симпатий народных масс стремление создать пределы эгоизму устранением силы капитала и обезвреживанием происков и уловок спекулянтов. Нет, непосредственно заинтересованные массы примыкают к нам, а интеллигенция, которая еще в состоянии отличать справедливость от несправедливости, поддерживает наши устремления и признает их обоснованность. А идею, если она является правдивой, благородной и практически выполнимой, можно заглушить, но нельзя уничтожить. Имеются доказательства того, что дух современности неудержимо проявляется в период социальной реформации, и поэтому будущее принадлежит нам... Однако наша клагенфуртская заскорузлая реакцион-

²⁶ «Volkswille», 1.IV 1871.

²⁷ «Journal Officiel de la République Française sous la Commune» (Réimpression). Paris, 1871, p. 137—139 (3.IV 1871).

ная клика возымела в последнее время желание противодействовать рабочему движению и подавить социальное оживление»²⁸.

В этой несколько туманной форме корреспондент отмечал, что идеи Парижской Коммуны находили отклик в Клагенфурте. При этом следует иметь в виду, что за каждой строкой социал-демократической газеты скрывались многочисленные факты. Рассказать о них газета не могла из опасения конфискации и судебных процессов. В правильности этого предположения убеждает следующая деталь. В июне 1871 г., т. е. уже после гибели Коммуны, «Volkswille» без всяких комментариев сообщила, что 5 июня в Граце штатгальтер Штирии запретил местный рабочий просветительный союз²⁹. Газета не сообщила ни о мотивировке этого запрещения, ни об откликах среди рабочих Граца, и больше не возвращалась к этому вопросу.

Между тем буржуазная пресса, менее стесненная цензурными рамками, поместила гораздо более подробные сообщения. Сразу же в день запрета произошли демонстрации против распоряжения наместника с участием 300—400 рабочих. Полиция произвела аресты³⁰. На следующий день буржуазная газета сообщила, что демонстрации в Граце продолжались и 6 июня, причем число участников увеличилось. На улицах патрулировали отряды пехоты и кавалерии. На улицах повсюду толпы людей, и как только их разгоняли в одном месте, они собирались в другом. Отряды драгун пытались очистить улицы и производили аресты³¹. Наконец, еще через два дня сообщалось, что 8 июня вечером несколько сот рабочих собрались, но на этот раз в закрытом помещении. Демонстраций больше не было, но на улицах города вышло много рабочих, которые делали вид, что они просто гуляют. К этому буржуазная газета добавила сентенцию: «По-видимому, у этих людей исчезла охота к демонстрациям, как только они поняли, что решили с ними не шутить»³².

Однако и эти сообщения буржуазной печати не давали ясного представления о характере демонстрации рабочих Граца и не ставили волнения там в какую-либо связь с Парижской Коммуной. Ясность вносит донесение русского посла Новикова, которое, натурально, было совершенно свободно от соображений цензурного порядка. В донесении от 1 (13) июня 1871 г. Новиков сообщал из Вены: «Рабочие в Австрии, державшиеся после прошлогоднего процесса против их вожаков, Обервиндера и прочих, если исключить несколько стачек, достаточно спокойно

²⁸ «Volkswille», 29.IV 1871.

²⁹ «Volkswille», 10.VI 1871.

³⁰ «Neue Freie Presse», 7.VI 1871.

³¹ «Neue Freie Presse», 8.VI 1871.

³² «Neue Freie Presse», 10.VI 1871.

начинают снова подавать признаки жизни. Так, в Граце правительство было распустило рабочую ассоциацию под фирмой «Форвертс», потому что дело кончилось тем, что социалистические тенденции этой ассоциации стали захватывать и политическую область. Ассоциация в одном из своих последних собраний приняла предложение включить в свой устав упражнение в тире, «чтобы научиться метко стрелять», а в телеграмме, адресованной другой ассоциации рабочих, в Каринтии, приглашала их «объединяться под красным знаменем». Раздраженные закрытием помещения для своих собраний, рабочие бросились в шумные демонстрации. Два следующих дня они ходили по улицам в количестве нескольких сотен, распевая марсельезу и выкрикивая угрозы и ругательства по адресу властей. Муниципальная полиция оказалась неспособной их образумить, и потребовалось никак не меньше, как вмешательство кавалерийского эскадрона, чтобы произвести аресты и восстановить спокойствие.

Также имели место волнения в мало обеспеченных окрестностях и предместьях Вены. Тамашние рабочие собрались в самой Вене, чтобы объявить — одни, что они не одобряют действий Парижской Коммуны, но находят их извинительными, другие, что Коммуна проявила еще слишком много умеренности по отношению к сторонникам версальского правительства, и, наконец, третьи, чтобы составить адрес, требующий расширения их политических прав и некоторых социальных льгот, заимствованных из злокозненных теорий Лассалья.

Трудно закрывать глаза на связь, существующую между этими симптомами и событиями в Париже. Если они не входят в заранее намеченный общий план действий, они тем не менее носят печать сродства, которое ставит их вместе под общее знамя пресловутого Интернационала»³³.

Как донесения царского дипломата, так и другие источники свидетельствуют о глубоком впечатлении, которое произвели события в Париже на рабочих Австрии. Несмотря на отсутствие достаточного богатого опыта борьбы, несмотря на влияние лассальянства и других мелкобуржуазных учений на австрийских рабочих, пролетариат крупных промышленных центров Австрии продемонстрировал свою приверженность принципам интернациональной солидарности и выступал в защиту Парижской Коммуны. Кроме Граца, массовые собрания рабочих, выразивших свою солидарность с коммунарами, состоялись в Вене, Винер-Нейштадте и других крупных городах. В одном из донесений австрийских правительственных чиновников в марте 1871 г. говорилось: «Здесьние социал-демократы выражают свои симпа-

³³ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 года» (Сб. документов под ред. Ц. Фридлянда). М.—Л., 1933, стр. 177.

тии к парижским коммунистам и их действиям и открыто выступают против немецких националистов»³⁴.

Хотя поражение Коммуны произвело удручающее впечатление на рабочие массы Австрии, но австрийские социал-демократы не намерены были капитулировать. После победы версальцев «Volkswille» в траурной рамке, окаймлявшей первую полосу, писала в передовой статье под заголовком «Поражение парижских социалистов»: «Угрозы реакции уничтожить социализм оставляют нас холодными и в крайнем случае вызывают у нас презрительную улыбку. Пусть наши враги выполняют свои черные планы. Мы их не боимся... История грядущих дней подтвердит, что мы были правы, и даст доказательства того, что у нас были основания не падать духом из-за поражения парижских социалистов»³⁵.

В следующем же номере газеты редакция опубликовала решение суда о конфискации номера от 3 июня за эту передовую статью и за статью о социальной революции во Франции. Мотивировка конфискации гласила, что «в этих статьях восхвалялись, оправдывались злодеяния, совершенные парижской партией переворота и заклеймившие позором восстание против законного и общепризнанного правительства... Так как нечестивая деятельность парижских коммунистов несомненно относится к действиям, запрещенным законом, то вступают в действие соответствующие параграфы законов»³⁶.

Не решаясь сразу запретить газету, правительство явно решило путем непрерывных конфискаций фактически лишить австрийских социал-демократов возможности рассказать рабочим правду о Парижской Коммуне. Один за другим за статьи о Коммуне были конфискованы номера 21, 22, 24, 25. Редакция вынуждена была опубликовать обращение к читателям: «Ныне мы, к сожалению, не в состоянии выполнить все задачи, которые могут быть предъявлены к органу рабочей партии. Положение в Австрии фактически является самым печальным в Европе. Ни одна демократическая или социалистическая газета в Европе фактически не находится в таком тяжелом положении, как наша газета. В период современной реакции нам невозможно должным образом освещать положение в Австрии и общие социальные бедствия. Мы вынуждены в интересах партии избегать конфискации, которые в случае продолжения должны будут вызвать закрытие нашей газеты»³⁷.

³⁴ H. Steiner. Auf dem Wege nach Hainfeld.— «Weg und Ziel», 1958, N 12, S. 976.

³⁵ «Volkswille», 3.VI 1871.

³⁶ «Volkswille», 10.VI 1871.

³⁷ «Volkswille», 27.VI 1871.

На этот раз редакция отказалась от помещения передовой статьи и вообще какой-либо статьи о Коммуне. Тем не менее и этот номер был конфискован за напечатанный перевод отрывка из работы Ламеннэ «Слова верующего». На этот раз конфискация мотивировалась «преступлением против религии». Одновременно был арестован и отдан под суд ответственный редактор «Volkswille» Андреас Шей. Повсюду происходили обыски и аресты³⁸. Правительство Гогенварта сбросило маску либерализма и переходило к террору.

В письме к одному из итальянских деятелей Интернационала Фридрих Энгельс 23 ноября 1871 г. сообщал: «Во Франции Товарищество было распущено; в Испании, Италии, Германии и Австро-Венгрии оно подверглось преследованиям, которые его совершенно дезорганизовали»³⁹.

Поведению рабочих Вены во время Парижской Коммуны Маркс дал очень высокую оценку на заседании 22 сентября 1871 г. Лондонской конференции Первого Интернационала. На том же заседании Лео Франкель рассказал, что борьба австрийских рабочих продолжается, несмотря на преследования: «У всех тех, кто следил за движением в Австрии, эта страна вызывает восхищение той мужественной борьбой, которую она около трех лет ведет против своего правительства. Там рабочие поняли лучше, чем в какой-либо другой стране, что политику нельзя отделять от социализма; с самого начала развития движения в Австрии они стали на путь Интернационала; преследования, которым подвергается Товарищество, ясно обнаружили, насколько правительства боятся вмешательства рабочих в политику. В то самое время, когда Интернационал в Париже подвергался преследованиям, его сурово преследовали и в Австрии. Рабочие продемонстрировали перед парламентом свои симпатии к Коммуне во время ее существования и после падения»⁴⁰.

Австрийскому рабочему движению предстояло пройти длительный и мучительно сложный путь собственного развития. Были подъемы, но были и крутые падения. Одно из таких падений произошло через полтора — два года после Коммуны, когда экономический кризис 1873 г. сделал положение рабочего класса в Австрии крайне тяжелым. И тем не менее исторический опыт коммунаров был воспринят передовыми слоями

³⁸ «Volkswille», I.VII 1871.

³⁹ «Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г.» М., 1936, стр. 278.

⁴⁰ «Лондонская конференция Первого Интернационала...», стр. 104—106. Нельзя согласиться с венгерским историком Магдой Араньоши, считающей, что слова Франкеля относились «в первую очередь к Венгрии» (M. Aranyossi, Leo Frankel, S. 67). На самом деле восхищение Франкеля было вызвано героизмом как венгерских, так и австрийских рабочих.

рабочего класса в Австрии. Укрепились и расширились связи австрийских рабочих организаций с Интернационалом. Лео Франкель, поддерживавший непрерывные связи с лидерами австрийского рабочего движения, стал секретарем Генерального Совета Интернационала для Австрии и Венгрии. Опыт Коммуны органически вошел в духовное богатство политической борьбы австрийского пролетариата. Осмысливание борьбы парижских коммунаров стало важным этапом борьбы передовой части австрийского пролетариата против мелкобуржуазных иллюзий. Гайнфельдская программа австрийской социал-демократии в декабре 1889 г. явилась завершением этого длительного процесса.

* ВЛИЯНИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ
НА РАБОЧЕЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ВЕНГРИИ

В 1869—1870 гг. молодое социалистическое движение Венгрии переживало пору подъема. Хотя многие руководящие деятели социалистического движения еще не освободились полностью от влияния лассальянства, они все же стремились превратить Всеобщий рабочий союз, образовавшийся в 1868 г., в единую, хорошо организованную партию. Созданная в это время по инициативе рабочего-металлиста Кароя Фаркаша будапештская секция Интернационала действовала в рамках этого союза.

Во время франко-прусской войны в движение протеста против войны, развернувшееся в ряде стран Европы, включились и рабочие Венгрии. 24 июля 1870 г. Карой Фаркаш созвал собрание в Будапеште, где участвовала тысяча рабочих. На повестке дня стоял вопрос о «франко-прусской войне и ее последствиях, вредных для народов». Была принята резолюция протеста «против войны между династией Гогенцоллернов и наполеоновской династией, а также против всякой династической войны» с приветствием антивоенных резолюций французских и мюнхенских рабочих, с призывом к невооруженному нейтралитету и к тому, чтобы парламент не отпускал ни единого филлера на военные цели⁴¹. Эта резолюция имела своей целью предотвратить вступление Австро-Венгрии в войну на стороне Франции.

Единственная рабочая газета — орган Всеобщего рабочего союза, «Testvériség» (на немецком языке — «Brüderlichkeit»), редактором которой был один из молодых руководителей Сою-

⁴¹ Государственный архив Е. I. 1870—26003; A. Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai (далее — ММТВД), v. I, 1848—1890. Budapest, 1951, 162 old.

за, студент Жигмонд Пюлицер, 5 февраля 1871 г. разоблачала антинародные замыслы французской буржуазии и ее стремление переложить всю тяжесть войны на плечи трудящихся; уже тогда газета считала возможным возникновение во Франции гражданской войны: «Рабочие уже вышли из детского возраста, они сумеют повернуть оружие не только против пруссаков, но и против губительных захватнических махинаций своей буржуазии».

12 февраля газета, касаясь причин капитуляции Парижа, подчеркивала, что в этом повинны не «бомбы пруссаков, а трусливые филистеры, которые испугались того, что рабочие, составляющие большинство, придут к власти. Они предпочитают торговаться с врагом, чем уступить руль правления энергичным рабочим». Газета указывала, что вооружение рабочего класса является предварительным условием завоевания власти пролетариатом. В датированной 22 марта и опубликованной 26 марта корреспонденции из Парижа газета «*Testvériség*» приветствовала парижских революционеров. «Да здравствует социал-демократическая республика! — писал парижский корреспондент. — Лишь такие слова могут произнести мои уста и начертать мое перо. На днях наши товарищи без боя взяли Ратушу, над которой сейчас развевается красное знамя».

Газета выражала убеждение, что Парижская Коммуна открывает пролетариату всего мира путь к освобождению. «Подобно тому как XVIII век принес эмансипацию буржуазии, точно так же нашему веку предстоит осуществить то же самое для пролетариата».

Победа революционных рабочих Парижа наглядно показала сознательным рабочим Венгрии значение организованного выступления пролетариата, необходимость политической борьбы. «Тесное сплочение, — писала газета Всеобщего рабочего союза, — принесло бы нам большую пользу, ибо как организованный отряд мы можем делать больше и действовать энергичнее»⁴².

В Будапеште и в наиболее крупных провинциальных городах Венгрии после провозглашения Коммуны усилилось стачечное движение. Несомненно, что дополнительным толчком к вспышке стачечного движения послужили известия, полученные из Парижа. Один из современников (Г. Шульгоф) писал: «Рабочие везде приходили в движение и с гордостью смотрели на своих парижских братьев, придавших социализму новое, еще большее значение».

Рабочие Венгрии находились в состоянии брожения, стачки вспыхивали стихийно. Как правило, бастующие требовали 10-часового рабочего дня и повышения заработной платы. Стачечное движение встревожило правительство. Среди бастующих рабо-

⁴² «*Testvériség*», 26.III 1871; MMTVD, v. 1, 166 old.

чих швейной промышленности были произведены аресты. Однако это лишь подлило масла в огонь. На собраниях бастующих ораторы рассказывали о Парижской Коммуне, и это придавало рабочим новые силы, вдохновляло их на борьбу за свои классовые интересы.

8 мая в Будапеште прошла рабочая демонстрация протеста против политики правительства с требованием освобождения арестованных рабочих. В этот день, когда в парламенте обсуждали рабочий вопрос, массы демонстрантов, протестовавших против полицейского террора, окружили здание парламента. Руководители демонстрации хотели передать парламенту петицию, но депутаты отказались принять ее. Тогда рабочие ворвались в здание парламента и закрыли все выходы, требуя освобождения арестованных. Демонстрация проходила под лозунгом восставших в 1848 г. парижских рабочих — «Хлеба и справедливости!» Этот лозунг выражал основную, характерную черту движения — борьбу за лучшие условия труда и за политические свободы⁴³. Для разгона демонстрации были вызваны полицейские и военные части. К. Фаркаш отмечал, что будапештский оружейный завод был занят в тот день войсками, так как власти боялись, что «рабочие готовы к действию и выдают оружие»⁴⁴.

10 мая выступления рабочих возобновились. Один из их организаторов, Жигмонд Полицер, писал впоследствии: «Двумя днями позже, 10 мая, устроили митинг пекари, которые до тех пор оставались в стороне от движения. Во время митинга произошло столкновение с представителями властей. Пришлось вызвать полицию, но возбужденные рабочие заставили ее обратиться в бегство. Борьба перекинулась на улицу. На помощь полиции вскоре была вызвана рота улан, развернулись настоящие уличные бои. В борьбе приняло участие много рабочих, которые как раз в это время возвращались домой с соседних фабрик. Введенная в бой конница после короткой схватки очистила улицу, но любопытные и демонстранты толпились там до поздней ночи»⁴⁵.

События 8—10 мая в Будапеште свидетельствуют о влиянии революционного Парижа на борьбу венгерских рабочих. До этого в Венгрии не было рабочих выступлений такого характера. В мае 1871 г. повседневная экономическая борьба рабочего класса переросла в политическое выступление. Это знаменовало собой значительный подъем социалистического движения в Венгрии. Очевидно, после майских демонстраций в Буда-

⁴³ Материалы заседания палаты депутатов 8 мая 1871 г. см. Aš Országgyűlés Képviselőházának Naplója, XVI. K., 175—177 old.; G. Schulhof. A munkásmozgalom keletkezése Magyarországon. Budapest, 1895, 35—36 old.; MMTVD, v. 1, 177 old.

⁴⁴ «Der Vorbote», 1871, N 1.

⁴⁵ MMTVD, v. 1, 64—65 old.

пеште такого же рода выступления имели место в крупных провинциальных городах.

Под впечатлением майских демонстраций у некоторых деятелей Интернационала возникла мысль, что в Венгрии возможны выступления солидарности более крупных масштабов. На это указывает письмо видного швейцарского социалиста И. Ф. Беккера от 20 мая, в котором он, отвечая на письмо Фаркаша от 9 мая, рассказывает о попытках социалистов Швейцарии поддержать революционное движение в Южной Франции и оказать помощь беженцам — участникам восстаний в Лионе, Марселе и некоторых других городах.

«Поэтому,— писал И. Ф. Беккер,— мы здесь еще долгое время ничем не сможем помочь различным забастовкам, о чем мы очень сожалеем. Будьте добры сообщить об этом от имени Центрального комитета бастующим пештским портным и четко разъяснить им наше нынешнее тяжелое положение, а также и то, сколь трудна наша задача. Но сейчас больше, чем когда-либо, мы должны использовать помощь всех наших союзников, чтобы они сделали все возможное в этом срочном и, может быть, решающем деле. Возможно, будет целесообразно созвать с этой целью общий митинг рабочих Будапешта. Но одни выражения сочувствия сами по себе приносят мало пользы; солидарность должна обрести плоть и кровь путем действия. В следующем номере «Vorboten» я опубликую отрывок из Вашего письма... Я пошлю Вам 100 экземпляров, и в Вашем распоряжении будут и дополнительные экземпляры, так как очень важно самое широкое их распространение. Только вперед, всегда вперед, наше дело непобедимо! Братский привет Вам и всем верным товарищам»⁴⁶.

Фаркаш действовал в духе этого письма Беккера, но рабочий митинг, который советовал созвать Беккер, был проведен лишь после падения Коммуны.

Известие о подавлении Парижской Коммуны, как отмечает Шульгоф, вызвало у рабочих Венгрии «гнев и горе». Оплакивая трагическую гибель Коммуны, они вместе с тем выражали свою веру в новую победоносную народную революцию. Вот что писал об этом Шульгоф: «Издающаяся в Вене под редакцией Генриха Шея газета «Volkswille» по получении известия о падении Коммуны вышла в траурной рамке и опубликовала стихотворение Фрейлиграта, в котором между прочим имелись следующие слова: «Даже умирая, вы прославляли революцию». Этот номер «Volkswille» распространялся в тысячах экземпляров и повсюду волновал возбужденных рабочих. По инициативе

⁴⁶ Государственный архив, 13688/1871 г. Копия письма сохранилась в составленном при полицейском допросе Фаркаша протоколе (цит. по: D. Nemes. Az általános munkásegylet története, 1868—1873. Budapest, 1952, 173 old.).

Шей будапештские рабочие решили устроить демонстрацию в память погибших коммунаров. 11 июня 1871 г. рабочие лидеры Шей, Пешан, Рюдт, Кутил и Шефтвер, приехавшие с этой целью из Вены в столицу Венгрии, созвали в трактире, в доме № 4, на площади Иштван народный митинг, на котором ораторы выступали перед членами рабочих организаций с речами, посвященными памяти погибших борцов Парижской Коммуны. После собрания участники митинга, прикрепив к шляпам траурный креп, направились в городской сад. Здесь они остановились и спели «Марсельезу», добавляя к каждому куплету слова: «Новая революция, всеобщая революция!»⁴⁷. Тем самым они показали, что, несмотря на подавление Парижской Коммуны, не считают свое дело проигранным.

В городском саду состоялся новый митинг. Присутствовавшим были розданы листовки женевской секции Интернационала (среди них резолюция от 8 апреля под названием «Temple unique», посвященная Парижской Коммуне). Выступавшие говорили о значении Парижской Коммуны и о положении венгерского пролетариата. В полицейских донесениях подчеркивалось, что «ораторы держали бунтарские речи». Собравшиеся рабочие провозглашали Республику, выступали против правительства, против господства дворянства, крупного капитала и духовенства; они выражали уверенность, что ему неминуемо придет конец, а на его месте возникнет «свободное рабочее государство». Выступавшие на митинге подчеркивали, что для достижения своей конечной цели — создания рабочего государства — пролетариат должен прежде всего организовать в качестве «четвертого сословия», или класса; для этой цели рабочим необходимо объединиться и завоевать избирательное право, чтобы иметь своих собственных представителей в парламенте. Рюдт сказал, что рабочим не следует больше просить, что они имеют право требовать, что они должны настаивать на своих требованиях, и, если даже у них нет оружия, они должны противопоставить штыкам солдат и насилию свои кулаки. Он сказал, что социал-демократия представляется ему мифологическим драконом, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастает десять новых⁴⁸. В знак траура по Коммуне и солидарности с ней на обратном пути манифестанты водрузили на здание Всеобщего рабочего союза траурный флаг.

Активное участие в борьбе венгерских рабочих приняли рабочие различных национальностей, в частности словаки. Вместе с венгерскими и немецкими рабочими они участвовали в крупной стачке, происходившей в Будапеште в мае 1871 г. Они были

⁴⁷ G. Schulhof. A munkásmozgalom életkezése Magyarországon, 36—39 old.; MMTVD, v. 1, 178—179 old.

⁴⁸ Государственный архив, FI. 13688/1871 sz. Из протокола, составленного при полицейском допросе Фаркаша (цит. по: D. Nemes. Az általános... 175 old.)

и среди участников траурной процессии в Будапеште 11 июня 1871 г., организованной после подавления Коммуны в память о ее героических борцах⁴⁹.

После событий 11 июня венгерское правительство во главе с графом Андраши решило расправиться со Всеобщим рабочим союзом и разгромить все организации пролетариата Венгрии. Начались аресты. Деятели рабочего движения обвиняли в том, что они были связаны с Интернационалом, с К. Марксом, что они были солидарны с Парижской Коммуной и стремились к ниспровержению «существующей формы правления». Тяжелым ударом для рабочего движения Венгрии был роспуск Всеобщего рабочего союза.

Влияние Парижской Коммуны испытали не только рабочие, но и передовые элементы буржуазной интеллигенции Венгрии, которые выражали интересы и стремления городской мелкой буржуазии и среднего крестьянства. Один из сотрудников оппозиционной газеты «*Sladbadság, mint a nép zászloja*», Нандор Бороштьяни, указывал на Парижскую Коммуну как на пример, достойный подражания. В статье, озаглавленной «Чьим будет мир», он писал 20 мая 1871 г.: «Венгерский народ, довольно страдать, довольно быть рабом вельмож... Граждане, угнетенный народ везде просыпается и требует свободы! В Париже почти два месяца народ боролся против господства вельмож. Не надо им ни императора, ни короля, ни массы никчемных попов, ни такой республики, в которой народ не имеет влияния. Они хотят такой республики, в которой был бы представлен народ... Венгерский народ, ты должен осознать, что ты сильнее своих вельмож. Не они обеспечивают жизнь родины, а ты... Граждане, только от вас ждет родина лучшего будущего. Прошное принадлежало вельможам, даже и настоящее отчасти еще принадлежит им, но будущее принадлежит народу»⁵⁰.

Сотрудник другой оппозиционной газеты «*Gyorspósta*» Титус Товелди 21 июля 1871 г. в статье под названием «Коммуна в Пеште» писал: «Для всех нас бесспорная истина, что в рабочем классе Европы заключена та дремлющая сила, которая когда-нибудь станет источником обновления мировых отношений».

Кровавый террор версальского правительства глубоко возмутил не только рабочий класс, но и все демократические круги Венгрии. В статье Нандора Бороштьяни «Облава» говорилось: «Со времени подавления Парижской Коммуны прошло

⁴⁹ Цит. по: *L. Geréb. A Párizsi Kommün az egykoru magyar irodalomban. Budapest, 1951, 36 old.*

⁵⁰ *М. Госоиоровский. История словацкого рабочего движения 1848—1918. М., 1958, стр. 40—41.*

уже целых два месяца, но во Франции не прекратился террор правительства... Около 10 тыс. коммунаров было расстреляно правительственными войсками... Столько же пало в героической борьбе на баррикадах, умирая за великую, потрясшую мир идею, за свободу рабочего класса»⁵¹.

Передовая пресса неоднократно упоминала имя одного из руководителей Коммуны, деятеля международного и венгерского рабочего движения Лео Франкеля, а также военного инженера, венгерского художника Лео Дьерека, участвовавшего в вооруженной защите Коммуны. В дни Коммуны в Париже находился венгерский журналист Габор Угрон, который, хотя и был далек от понимания значения и сущности Коммуны, посылал в Будапешт корреспонденции, проникнутые сочувствием к ней.

После роспуска Всеобщего рабочего союза наступил временный спад рабочего движения в Венгрии, который в значительной мере был обусловлен общим ослаблением международного рабочего движения после поражения Парижской Коммуны. Однако венгерский рабочий класс, несмотря на правительственные преследования, не сдавался, не прекращал борьбы.

Лео Франкель, избранный после падения Коммуны членом Генерального Совета Интернационала, уделял большое внимание венгерскому рабочему движению. В 1872 г. по рекомендации Беккера Франкель установил связь с организатором венгерских секций Интернационала К. Фаркашем. В своем письме в августе 1872 г. Франкель ставил перед пролетариатом Венгрии задачу создания политической партии. Он подчеркивал, что завоевание политической власти является одной из главных задач рабочего класса. Парижская Коммуна, указывал он, «показала, что пролетариат в состоянии завоевать эту власть».

После возвращения в Венгрию в 1876 г. Франкель отдал весь свой опыт, приобретенный в дни Парижской Коммуны, делу создания партии пролетариата.

Рабочий класс Венгрии из года в год отмечал годовщину Парижской Коммуны. Трудящиеся Венгерской Народной Республики хранят память о выдающемся участнике Коммуны, видном деятеле международного и венгерского социалистического движения Лео Франкеле.

⁵¹ «Gyorspósta», 30.VI 1871.

* РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ
В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ
И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Парижская Коммуна получила живой отклик среди чешских рабочих, особенно рабочих Праги⁵².

Под непосредственным воздействием Парижской Коммуны весной 1871 г. впервые в Праге среди передовых элементов чешского рабочего движения сформировалось определенное социалистическое ядро, которое составило основу самостоятельного чешского рабочего движения. Руководящим деятелем среди первых социалистов в Праге был рабочий Йозеф Болеслав Пецка, в статьях которого в пражской газете «Dělník» еще в конце 1869 г. мы находим отголоски некоторых социалистических идей. По страницам этой газеты можно проследить начало постепенного проникновения социалистических идей в сознание наиболее активных деятелей чешского рабочего класса. Комментарии событий во Франции, особенно с марта 1871 г., приобретали все более заметную социалистическую окраску.

С 1 апреля 1871 г. газета «Dělník» стала называться «Политической рабочей газетой» с девизом: «Наш лозунг — посвятить свою деятельность делу сознательной борьбы рабочего класса за свои цели». В этом же номере была помещена статья «Парижское восстание», которая может служить убедительнейшим доказательством прямого влияния Коммуны на чешское рабочее движение. «Ужасные условия жизни, которые привели к революционным событиям в Париже, можно наблюдать повсюду, также и у нас. Вот в чем истинная причина, почему богачам не нравятся красные в Париже». Газета подчеркивала их страх и страх тех, кто «провозглашает себя демократами, но боится такого разрешения рабочего вопроса, которое было бы в интересах истинной демократии, и противодействует этому». В статье рассматривается проблема революции в историческом плане и на примерах гуситских войн, Нидерландской и Великой французской революций доказывается положительная роль революций в развитии общества. «Нет народа, в котором

⁵² Приветствовал Парижскую Коммуну и известный чешский писатель Якуб Арбес, который защищал Коммуну на страницах газет младочешского направления «*Národní listy*», где он был одним из редакторов, а с 1 июня и «*Obzrak*», которую он редактировал. Положительно оценивалась Коммуна и в газете младочешского направления «*Svoboda*», редактировавшейся Баракком. Эти симпатии к Коммуне не были отражением взглядов всех младочехов. Истинные симпатии к Коммуне питали еще отдельные лица в младочешском лагере. В конце концов даже Барак, в газете которого помещались наиболее восторженные статьи о Коммуне, преследовал прежде всего цель усилить таким образом влияние младочехов среди рабочих.

демократический дух был бы так силен, как в нашем, поэтому бояться «опасных» новшеств те, счастье которых зиждется на гибели демокрагии»⁵³.

И. Б. Пецка в своих воспоминаниях отмечал влияние Коммуны на передовых рабочих Праги: «Социал-демократический дух до такой степени был уже пробужден у чешских рабочих, что парижская революция была отпразднована в Праге на тайном собрании в гостинице «У белого слона»⁵⁴. В этой гостинице сходились самые радикальные элементы из «Малоостранской рабочей беседы»⁵⁵, так называемая «старая гвардия». Как только до Праги дошли первые вести о восстании 18 марта в Париже, они возбудили в «старой гвардии» огромное воодушевление. Решено было отпраздновать это событие в своем кружке. В помещении развешалось красное знамя и присутствующие пели вдохновенные песни свободы, много говорили, сравнивали положение в Париже с положением в чешских землях и клялись друг другу быть стойкими до конца в борьбе за освобождение трудящихся»⁵⁶.

Рассказ Пецки дополняют донесения полицейских агентов. В одном из таких донесений от конца марта 1871 г. говорится о течении, ранее неизвестном, которое проявилось за последние 14 дней в руководящих кругах рабочего движения Праги. Возникновение «красной, социалистическо-коммунистической республики», как называется в полицейских документах Парижская Коммуна, встретило в этих кругах сочувствие и поддержку. Передовые слон рабочих Праги, объединенные в «рабочие беседы» по отдельным кварталам города и в профсоюзные кружки, по утверждению полиции, поддерживали в период Коммуны нелегальную связь с революционным движением других стран (особенно Швейцарии) и получали оттуда сведения о международном рабочем движении и инструкции.

Чтобы избежать конфликта с полицией, представители этого течения выступали в рабочих кружках с публичными лекциями из истории революционного движения в далеком прошлом, однако после окончания публичной лекции в узком кругу доверенных лиц спорили о современных социальных проблемах и зачитывали сообщения о текущих событиях из отечественных и иностранных газет. Как отмечается в донесении, в этих круж-

⁵³ «Dělník», т. IV, č. 13, 1. dubna 1871, см. также: Z. Solle. Ke vzniku první dělnické strany v naší zemi. Praha, 1953, str. 141—142.

⁵⁴ J. B. Pecka. Dělnické hnutí v Čechách.—«Průkopníci socialismu u nás», Praha, 1954, str. 52.

⁵⁵ «Малоостранская рабочая беседа» — наиболее радикальный рабочий кружок в Праге того времени.

⁵⁶ J. B. Pecka. První oslava povstání pařížského v březnu 1871 v Praze.—«Průkopníci socialismu u nás», str. 37.

ках особенно много говорилось «о значении социалистического восстания в Париже»: «Социальная революция вызвала в рабочих кругах и у местной демократии подлинное ликование. Мой доверитель наивно доказывал мне, что мировая революция, выступившая на улицах Парижа, олицетворяет собою стремления всего демократического мира, и, если даже она будет сейчас подавлена прусским оружием, она все-таки уже одним своим беспримерным почином предначертает демократии на ближайшее будущее путь, по которому надо следовать, чтобы завоевать окончательную победу идей всеобщего братства. Подобные принципы и правила распространяются и поддерживаются теперь в рабочих кругах, а кроме того, также и среди учащейся молодежи»⁵⁷.

Но деятельность наиболее сознательных пролетарских элементов в «Малостранской рабочей беседе» не ограничивалась в дни Парижской Коммуны собраниями и манифестациями. Под влиянием Коммуны весной 1871 г. усилилось революционное брожение в широких кругах пражских рабочих. Движение охватило краснодеревщиков, обойщиков, слесарей, каменщиков. Особенно ярко проявилось оно в забастовке столяров.

Полицейский комиссар в Смихове в своем донесении от 4 мая 1871 г. пишет о влиянии на Чехию политических событий в других странах, явно имея в виду Парижскую Коммуну⁵⁸.

Под влиянием Коммуны выросло революционное самосознание рабочих и организованность движения в Брненской области⁵⁹ и в других частях Моравии; брненское наместничество разослало уездным начальникам циркуляр, предупреждавший об угрозе революционного взрыва⁶⁰.

Заметно усилилось также революционное брожение в северной Чехии, особенно в Либереце, крупном центре социалистического рабочего движения. Уже 10 апреля 1871 г. либерецкий окружной гетман писал в Прагу: «Несомненно, что рабочее движение, особенно после последней амнистии (т. е. после освобождения из тюрьмы в феврале 1871 г. руководителей венских рабочих.— *Ред.*) и восстания в Париже, вызывает самые серьезные опасения у всякого здравомыслящего и трезвого наблюдателя своим смелым, дерзким и сознательным образом действий, и... меня уверяют, что теперешние волнения напоминают...

⁵⁷ Státní ústřední archiv v Praze (далее — SÚA), PP — V/6/3/1295/1871—otištěno Z. Solle. K počátkům dělnického hnutí v Praze.— «Československý časopis historický». Praha, 1957, str. 685—686.

⁵⁸ SÚA, PP — V/3/10/1859, 2570/1871, cit. Z. Solle, str. 683—684.

⁵⁹ Zdějin dělnického hnutí na Brněnsku. Brno, 1956, str. 43.

⁶⁰ J. Mejzlík. Dělnické hnutí na západní Moravě do založení KSČ. Havlíčkův Brod, 1957, str. 35.

события 1848 года»⁶¹. Однако в полной мере влияние Парижской Коммуны на рабочее движение либерецкий гетман оценил уже после падения Коммуны: «Ужасные события в Париже,— с тревогой писал он,— нисколько не ослабили движение, как можно было бы ожидать, но наоборот, по моим сведениям, укрепили его; пример Парижской Коммуны признан достойным подражания»⁶².

Рост самосознания рабочих в период непосредственного воздействия Коммуны особенно ярко проявился в ходе стачечного движения, которое достигло в 1871 г. в Либереце небывалого размаха.

Чешскому рабочему движению еще недоставало опыта. В широких слоях рабочего класса наблюдались сильные колебания. Воодушевление, сопутствующее возникновению Парижской Коммуны, сменилось после ее поражения депрессией. Но убежденные социалисты не пали духом. Свидетельством борьбы против этой депрессии и натиска реакции является статья Пецки «На пороге будущего» в газете «Dělník» 17 июня 1871 г., где в инсказательной форме характеризуется сложная и тяжелая ситуация после поражения Коммуны. «Не будем отчаиваться,— писал Пецка,— не будем хоронить свои надежды! Миллионы слез, пролитых над гибелью святого и благородного дела, даст бог, взрыхлят почву для новых грядущих времен; они будут, как прекраснейшие и драгоценнейшие перлы украшать возрожденную свободу! Не будем отчаиваться, хотя мы и сражены этим жесточайшим злом. Будем мужественны... У нас сильные руки, широкая грудь, могучий кулак — так чего же нам нужно? Ничего. Только пробудить дремлющее сознание живым и огненным словом, растопить скованные льдом сердца учением о свободе и вольности, расправить затекшие от пут и цепей члены, и в наши ряды вступят неисчислимые колонны борцов, увлеченных самым светлым идеалом человечества!

Только при взаимопонимании, только при согласованности мыслей и действий, при предельном напряжении всех сил в одном порыве энтузиазма можно совершить такой колоссальный подвиг вопреки твердыням деспотизма и косности мира; только так можно бороться со всяческими разногласиями, разделяющими нас в надеждах наших! Но теперь — благодаря нашим угнетателям — народ наш уже на пути к такому взаимопониманию»⁶³.

⁶¹ Allgemeines Verwaltungsarchiv in Wien. Ford Presidium dec Innenministeriums (далее — PM I) 20 (9) 1768/1871. L. Brügel. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie. Bd. II, Wien, 1922, S. 326.

⁶² SUA, fond PM 1871—1880 8/1 (1) 1 ad 1900/1871 cit. J. Kořalka. Vznik socialistického dělnického hnutí na Liberecku. Liberec, 1956, str. 269.

⁶³ См. Z. Solle. Počátky dělnického hnutí v českých zemích.— «Průkopníci socialismu u nás», str. 49—40 *idem*. Internacionála a Rakousko. Praha, 1966.

В 1871 г. под непосредственным влиянием Парижской Коммуны социал-демократы выделились в самостоятельное течение в чешском рабочем движении. Это обстоятельство имело большое историческое значение.

Память о Парижской Коммуне надолго сохранилась среди рабочих Чехии и Словакии. 16 января 1874 г. Й. Б. Пецка напечатал в пражской «*Dělnické listy*» статью «К истории Коммуны»⁶⁴, знакомящую чешских рабочих с содержанием «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. В этой статье Пецка, пожалуй, глубже, чем кто-либо другой из первых чешских социалистов, анализировал основные теоретические проблемы марксизма, как, например, задачи рабочего класса в отношении государственной власти. Понимая значительность этих проблем, Пецка перепечатал свою статью о Коммуне в той же газете в 1880 г.⁶⁵ Тогда же в память о Парижской Коммуне среди чешских рабочих была распространена брошюра «Семьдесят три революционных дня Парижской Коммуны»⁶⁶.

В марте каждого года социалистические круги отмечали память Парижской Коммуны, иногда в нелегальных условиях. В 1880 г. на нелегальных сходках социалистов годовщину Коммуны отметили в Праге и в Либерце⁶⁷. 18 марта 1881 г. на тайном собрании 25 социалистов в Праге доклад о значении Коммуны сделал Ладислав Запотоцкий. Присутствующие пели песни, посвященные Коммуне. Подобное же празднование готовилось и на следующий год. Однако оно не состоялось, так как большинство виднейших социалистов Праги было арестовано⁶⁸.

В начале 90-х годов, едва только спала волна репрессий, направленных против социалистического движения, социалисты Чехии и Словакии продолжали в публичных выступлениях, в печати и на собраниях отмечать память Парижской Коммуны.

⁶⁴ *Dělnické listy*, т. III, ч. 2, 16. ledna 1874. Otistěno Z. Šolle. «Ke vzniku...», str. 151—153.

⁶⁵ *Dělnické listy*, т. III, ч. 6, 17. března 1880.

⁶⁶ *Trnavský. Třiasedmdesát dní revoluční Komuny pařížské. Praha, 1880 (Příloha k listu Právo). Zabaveno. Uloženo v. SÚA.*

⁶⁷ SÚA, PM 8/1/17/1/1885, 2032, 2170, 2648/1881. Й. Б. Пецка посвятил Парижской Коммуне несколько своих стихотворений.

⁶⁸ SÚA, PM 8/1/17/1/1748, 2428/1882.

* ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
В ОЦЕНКЕ БОЛГАРСКОЙ
ПЕЧАТИ

События, развернувшиеся в Париже в марте 1871 г., получили отклик и в отсталой Турецкой империи, в угнетенных славянских областях которой шла упорная борьба за освобождение от чужеземного ига. Не остались парижские события незамеченными и для болгар.

Все буржуазные болгарские газеты, выходившие в Константинополе и субсидировавшиеся болгарской торговой буржуазией, заняли по отношению к Парижской Коммуне враждебную позицию. Туркофильская газета «Турция» напечатала письмо в редакцию Д. Енчева, полное враждебных выпадов против социализма, грубо искажавшее социалистические идеи⁶⁹. Консервативная газета «Право» самим подбором информации подчеркивала изолированность Коммуны, обвиняла ее в упадке и разорении Франции⁷⁰, повторяла состряпанную в Версале клевету о «петролейщиках»⁷¹. 21 мая в газете была перепечатана статья из турецкой официальной газеты «Turquie», в которой приветствовалось подавление восстания.

Столь же враждебную Коммуне позицию занял консервативный орган «Читалище».

Умеренно либеральная газета «Македония» ограничилась информационными сообщениями о событиях в Париже. Подбор информации свидетельствует о том, что редакция не питала симпатии к Коммуне.

На территории Болгарии в это время выходила всего одна официальная газета — «Дунав» — на турецком и болгарском языках. Ее отношение к событиям в Париже было резко отрицательным.

Выходившая в Бухаресте — важном центре болгарской общественной мысли и публицистики, буржуазная газета болгарских эмигрантов «Отечество» не поместила статей с изложением своего отношения к Коммуне. Однако в подборе информации и в ее тоне отчетливо проглядывает отрицательное отношение к парижским коммунарам.

Таким образом, и в Константинополе, и в Бухаресте буржуазия занимала одни и те же позиции, хотя по-разному проявляла свою ненависть к Коммуне.

⁶⁹ «Турция», 20.III 1871. (Все даты в данной главе даны по старому стилю).

⁷⁰ «Право», 31.V 1871. Статья консервативного болгарского публициста М. Балабанова.

⁷¹ «Право», 17.V 1871.

В революционном лагере такого единства не было. Два виднейших его представителя, Л. Каравелов, писатель и общественный деятель, издававший газету «Свобода», и Христо Ботев, выдающийся поэт и публицист революционно-демократического направления, разошлись в суждениях по поводу событий во Франции.

Газета Л. Каравелова, придерживавшегося более умеренного направления, в первом отклике на революцию во Франции выражала недоумение по поводу ее причин и целей. Хотя перед Францией стоит задача обновления, утверждалось в ней, но «в настоящее критическое для Франции время великая революция будет бесполезной и убийственной»⁷². Признавая, что республика Тьера мало отличается от монархии Наполеона III, газета подчеркивала, что Тьер, как и Наполеон III, был избран народными представителями, что, по-видимому, оправдывало в представлениях автора статьи недостатки режима. Отказываясь определить исход революции, «Свобода» отмечала, что кровь, которая проливается на парижских улицах, должна была бы пролиться за три месяца до того, т. е. до вступления пруссаков в Париж. Здесь отчетливо проявилось особое внимание Каравелова к национальному вопросу: надо было защищать страну от немцев, а не пытаться совершить социальный переворот. Статья заканчивалась мрачным предсказанием, что в результате революции выиграет Орлеанская династия.

Следя за дальнейшими событиями, «Свобода» в очередном выпуске сообщала, что ход событий показывает силу партии демократической республики, и выражала надежду, что Луи Блан сменит Тьера⁷³. Ту же мысль о силе «социально-демократической партии» газета высказывала в следующем номере.

Позднее газета поместила статью Л. Каравелова, который признавал, что в Париже народ борется за свои интересы, выраженные в программе парижских социалистов, что падение правительства Тьера было неизбежно, так как оно не удовлетворяло народным требованиям. Все же Л. Каравелова решительно это не побуждало высказываться в пользу революционного Парижа, так как не было у него уверенности в благоприятном исходе борьбы: «Во Франции в настоящее время происходят чудеса,— писал он,—и человек не знает, что может там случиться»⁷⁴.

Вскоре газета опубликовала новую статью, в которой в значительной степени возвратилась к первоначальному осуждению Коммуны, указывая на разорение страны, прекращение промышленного производства, угрозу голодной смерти, нависшую

⁷² «Свобода», 13.III 1871.

⁷³ «Свобода», 20.III 1871.

⁷⁴ «Свобода», 3.IV 1871.

над крестьянами, и деятельность орлеанистов и бонапартистов. «Свобода», заявила: «Мы не одобряем современной французской революции, но не осуждаем французский народ»⁷⁵. Размышляя о перспективах развития событий, Каравелов говорил, что парижская революция убьет и республику Тьера, и орлеанистско-бонапартистскую партию; она потрясет весь свет и принесет либо счастливые дни, либо еще более сильный деспотизм. Отказывая Коммуне в своем сочувствии, Л. Каравелов признавал, что она очистит французскую и европейскую атмосферу. Как особую заслугу Коммуны автор отмечает ее борьбу против церкви и духовенства.

Особую позицию безоговорочной поддержки и сочувствия Коммуне занял выдающийся революционный демократ Х. Ботев. Он приветствовал Коммуну телеграммой от имени Болгарской коммуны⁷⁶, т. е. небольшой группы болгарских революционеров. 20 апреля 1871 г. он составил «Символ веры Болгарской коммуны», где исповедовал «единый светлый коммунизм, исправитель недугов общества», «спаситель всех народов от всякого гнета и мук братским трудом, свободой и равенством»⁷⁷.

Ботев и его немногие единомышленники ходили по бухарестским кафе и другим местам, где собирались жившие там болгары, и вели разговоры о Коммуне, утверждая, что коммунары — спасители человечества, мученики за обездоленных⁷⁸. А несколько позже, когда Коммуна была уже разгромлена, в своей газете «Дума на българските емигранти» («Слово болгарских эмигрантов») Ботев поместил яркую статью, обращенную к болгарскому обществу и печати. Он обрушивался на них за вражду к революционному восстанию парижского пролетариата и писал: «Кляните коммунаров за то, что они уничтожили вашу столицу и умерли со словами, которые кажутся вам разбойничьими: свобода или смерть, хлеб или пуля! Плюйте на их трупы... Бросайте грязь и камни на могилу Домбровского за то, что он стал не слугой какой-либо коронованной особы, а поборником великой идеи...»⁷⁹ «Коммунары — мученики, — заканчивал он, — и важны не средства их борьбы за свободу, а идея, во имя которой ведется борьба». Так отвечал Ботев на распространение болгарской печатью клеветнических сообщений о поджогах и разрушениях зданий коммунарами, перешедших сюда из западноевропейских и турецких газет.

Прогрессивная интеллигенция сочувственно относилась к освободительным стремлениям французов, хотя и представляла

⁷⁵ «Свобода», 10.IV 1871.

⁷⁶ Христо Ботев. Соч., т. II. София, 1950, стр. 395.

⁷⁷ Христо Ботев. Соч., т. I, София, 1950, стр. 267.

⁷⁸ З. Стоянов. Христо Ботев (опит за биография). Руссе, 1888, стр. 160.

⁷⁹ Христо Ботев. Соч., т. I, стр. 278—279.

их себе, как видно из суждений наиболее осведомленных лиц, например Л. Каравелова, недостаточно ясно и отчетливо. Слабое понимание французских условий и смутное сочувствие им звучат, в частности, в корреспонденции В. Левского в газету «Свобода»: «Пришла пора обрести то, что требовали и требуют французы, т. е. Молодая Франция, Молодая Россия и пр.»⁸⁰. Вряд ли следует доказывать, что отождествление французских и русских революционных течений начала 70-х годов, возникших в странах разного уровня развития и ставивших перед собой различные цели, свидетельствует о недостаточном знакомстве болгарских революционеров с социальными отношениями и политической жизнью далекой Франции.

В известной мере слабость откликов на революционное движение во Франции объясняется также напряженной борьбой за национальное освобождение, которую вели передовые деятели Болгарии. 1870—1871 гг. были годами широкой агитационной и практической деятельности В. Левского по созданию революционной организации в самой Болгарии как основы и важнейшей предпосылки будущего освободительного восстания против турецкого господства. Эта насущная задача, естественно, отодвигала на второй план другие интересы. Характерно, что в агитационной деятельности Левского Коммуна не занимала никакого места⁸¹.

Современник рассматриваемых событий, известный революционер Н. Руссель-Судзиловский, встречавшийся с Ботевым в 1875—1876 гг., хорошо знавший взгляды и стремления болгарских революционных деятелей, так характеризовал существовавшие в то время настроения в болгарской революционной среде: «От французских событий и от зарождавшейся немецкой социал-демократии... Болгария была по общественным и политическим условиям так бесконечно далека, наши практические задачи были столь отличны от их задач, что наш интерес к ним был только теоретическим. Человек со здравым умом не мог и думать о «коммуне» или о социал-демократии среди болгарских крестьян. Мы им сочувствовали лишь настолько, насколько в их действиях проявлялись революционные инстинкты, общие с нашими»⁸².

⁸⁰ Д. Т. Страшимиров. Васил Левски. Живот, дела, извори. София, 1929, стр. 210.

⁸¹ С. Каракостов. Васил Левски в спомените на съвременниците. София, 1943, изд. 2-е, стр. 238—243; И. Унджиев. Васил Левски. Биография. София, 1945, стр. 387—441.

⁸² Н. Руссель-Судзиловский. Хр. Ботев през погледа на съвременниците. София, 1945, стр. 101.

В Румынии ко времени Парижской Коммуны рабочее движение еще только зарождалось. Однако среди демократической интеллигенции имелись люди, уже знакомые с теорией социализма и интересовавшиеся деятельностью Интернационала.

В румынской публицистике 1871 г. события Коммуны оживленно обсуждались. Газеты систематически (иные почти ежедневно) помещали сообщения о Парижской Коммуне. Интерес к Коммуне был связан с антимонархическим движением в Румынии того времени. Симпатии к Франции — родине революции — переплетались у румынских передовых деятелей с глубоким сочувствием к Франции, национальное достоинство которой Коммуна защищала от покушений Бисмарка, друга румынского князя Карла Гогенцоллерна, «прусского агента», как его называли румынские республиканцы.

Первые сведения о Коммуне появились в бухарестской газете «*Romînul*» — одном из крупнейших органов румынской печати, выходившей под редакцией лидера радикалов К. И. Росетти. В одном только номере этой газеты от 11 (23) марта 1871 г. было помещено семь подробных сообщений о событиях в Париже. Они освещались в объективном и доброжелательном тоне, с некоторой симпатией, но с враждебностью в отношении правительства Тьера. Однако с начала апреля публикация сведений о Коммуне в этой газете прекратилась.

Румынская печать в Австро-Венгрии уделяла внимание Коммуне. С явной симпатией писала о Коммуне выходившая в Будапеште газета «*Albina*». «Революционеры ставят своей целью укрепить и обеспечить демократию и республику против ее врагов»⁸³. Воззвание Центрального комитета национальной гвардии к трудящимся Парижа газета расценивала как «прекраснейшее произведение»⁸⁴. Другая румынская прогрессивная газета в Будапеште, «*Federațiune*», обвиняла версальское Национальное собрание в том, что оно толкнуло страну на путь гражданской войны с целью установить монархический режим⁸⁵. Та же газета напечатала биографию генерала Коммуны Ярослава Домбровского, написанную в самом восторженном тоне⁸⁶.

Начавшая выходить в это время в Бухаресте газета «*Oriental*» опубликовала в номере от 23 марта (4 апреля) простран- ный отчет о действиях Коммуны и о положении в Париже;

⁸³ «*Albina*», 17 (29).III 1871.

⁸⁴ *Ibidem*.

⁸⁵ «*Federațiune*», 19 (31).III 1871.

⁸⁶ «*Federațiune*», 7 (19).IV 1871.

газета воспроизвела обращение группы коммунаров к парижским женщинам.

Демократическая «Gazeta din Transilvania», редактором которой был прогрессивный общественный деятель Г. Бариц, характеризовала происходящие во Франции события как «подлинную гражданскую войну», вызванную Тьером. «Если в этой борьбе,— утверждала газета,— Красная республика, вдохновляемая духом подлинной человеческой свободы, проявит хоть сколько-нибудь энергии, она, несомненно, одержит победу над слабыми и изнеженными»⁸⁷.

С такой же благожелательностью комментировала выборы в Парижскую Коммуну газета «Albina». Редакция указывала, что Коммуна стремится быть первым и решающим государственным органом во Франции и обеспечить навеки существование подлинно либеральной и демократической республики. «Благодаря своей мощи как столичного центра,— добавляла газета,— она становится хозяином страны»⁸⁸. «Свобода Коммуны является залогом сохранения Республики, самым прочным щитом против реставрации монархии, источником новой жизни, национального объединения коммун»⁸⁹.

1 (13) апреля 1871 г. в Бухаресте под редакцией группы левых либералов начала выходить газета «Telegraful». Уже в первых своих номерах эта газета уделяла много внимания Коммуне, причем все комментарии газеты были выдержаны в духе, благоприятном коммунарам. «Мы считаем,— писала газета,— что у повстанцев были благородные патриотические и прекрасные намерения; однако мы боимся, что плоды их жертв и трудов, которые, по их мнению, они приносят на алтарь отечества, в конце концов попадут в руки смертельных врагов Франции»⁹⁰.

«Telegraful» печатал на своих страницах многие документы, исходившие от Коммуны, в частности декрет о разрушении Вандомской колонны. Газета характеризовала Вандомскую колонну словами этого декрета как «символ грубой силы и ложной славы, утверждение милитаризма, отрицание международного права»⁹¹. Та же газета приводила заимствованные из парижской печати сведения об участии женщин в защите Коммуны, отмечая «смелость и храбрость этих героических женщин»⁹². Газета информировала своих читателей и о таком важном мероприятии Коммуны, как постановление об обследовании

⁸⁷ «Gazeta din Transilvania», 24.III (5.IV) 1871.

⁸⁸ «Albina», 25.III (6.IV) 1871.

⁸⁹ «Albina», 28.III (9.IV) 1871.

⁹⁰ «Telegraful» 4(16).IV 1871.

⁹¹ «Telegraful», 11(23).IV 1871.

⁹² «Telegraful», 10(22).IV 1871.

фабрик и мастерских, брошенных хозяевами, и о возобновлении работы на этих предприятиях «под наблюдением рабочих корпораций»⁹³. «Никто не может сомневаться, что Тьер — враг Республики и что происшедшее под предлогом наведения порядка кровопролитие является жертвой, принесенной монархии. Вот почему румын должны интересоваться эти события», — писала она 16(28) апреля 1871 г.

С вниманием следила румынская печать за парижскими событиями второй половины апреля. Газета «Telegraful» высоко оценивала мужество защитников Коммуны, «которая до сих пор доказывала, что она может помериться со всеми силами версальского правительства»⁹⁴, осуждала «неспособность и злонамеренность версальского правительства»⁹⁵.

Газета «Federațiune» сравнивала декларацию Коммуны «К французскому народу» с «бурным, бушующим под напором ветра морем». «Декларация, — писала газета, — полна прекрасных идей, которые волновали человечество с древнейших времен до наших дней... это огненный метеор, который Коммуна бросила во Францию и в Европу, прежде чем пасть под натиском солдат версальского правительства»⁹⁶.

С энтузиазмом комментировала программу Коммуны газета «Albina», подчеркивая справедливость социальных требований Коммуны, газета заявляла: «Мы не только не отрицаем и не осуждаем высший принцип Коммуны, а, наоборот, ценим ее главную и благородную цель; ценим возвышенность и красоту этой цели; понимаем, почему тысячи людей, увлеченных ее идеей, с радостью идут на смерть во имя утверждения этой цели». «Albina» писала: «Весьма вероятно, что в конечном счете она (Коммуна. — *Ред.*) будет побеждена и потоплена в крови своих сынов; но главный вопрос, если он и не решится теперь, останется задачей будущего. Пока собственность, капитал будут продолжать эксплуатировать рабочие массы, этот вопрос не исчезнет; и чем более будет запаздывать его решение, тем больше потрясения ожидают мир, тем большие трудности приведется преодолеть человечеству»⁹⁷. Возможно, что автором этой интересной и яркой статьи являлся издатель «Albina» Винченциу Бабеш⁹⁸.

В другой статье, помещенной в «Albina», обосновывалось «право народа на революцию в целях уничтожения несправедливости». «Народу, — доказывала газета, — принадлежит право

⁹³ «Telegraful» 15(27).IV 1871.

⁹⁴ «Telegraful», 17(29).IV 1871.

⁹⁵ «Telegraful», 22.IV (3.V) 1871.

⁹⁶ «Federațiune», 14(26).IV 1871.

⁹⁷ «Albina», 18(30).IV 1871.

⁹⁸ P. Constantinescu-Iași. Comuna din Paris și eoul ei în presa contemporană din România (1871—1880). București, 1951, p. 12.

на революцию, т. е. право с оружием в руках сопротивляться существующей государственной власти для того, чтобы... заменить ее другой... Когда правительства грубо злоупотребляют законами и властью, когда они делают невозможным для народа развитие и осуществление его прав, то народ вправе сопротивляться с помощью физической силы»⁹⁹.

В начале мая «Albina» заявляла: «Коммуна взяла курс на диктатуру, и курс решительный»¹⁰⁰.

Прогрессивная румынская пресса резко осуждала кровавую расправу версальцев с коммунарами. Газета «Albina» писала: «То, что произошло во Франции, не имеет себе подобного во всей истории рода человеческого... Спокойствие, которое будет установлено во Франции, будет спокойствием смерти»¹⁰¹.

«Захваченные повстанцы,— подчеркивала газета,— с гордостью говорят, что их дело не умрет... Парижская Коммуна повторится в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и во всех крупных центрах с многочисленными рабочими, пока труд не будет освобожден от гнета капитала»¹⁰².

Газета «Romînul» восхищалась геройским поведением двух румынских врачей — Михая Джорджеску и Александра Кокуя, которые подбирали раненых коммунаров на улицах Парижа¹⁰³ под охраной простого флага.

После 1871 г. румынские журналисты и писатели не раз возвращались к Коммуне и ее героям. Начиная с марта 1872 г., ее годовщина отмечалась различными румынскими газетами. «Мы считаем речь Виктора Гюго шедевром»,— заявлял листок «Alegatorul liber», выходявший под редакцией знаменитого румынского писателя Иона Луки Караджале, печатая речь Гюго в 1876 г. в пользу амнистии коммунаров.

Большой интерес проявляла передовая румынская печать к Луизе Мишель, «героине Коммуны», как ее называли многие газеты, опубликовавшие ее биографию. Газета «Înainte», выступавшая в качестве «органа румынского пролетариата и де-

⁹⁹ «Albina», 21.IV (2.V) 1871.

¹⁰⁰ «Albina», 23.IV (4.V) 1871.

¹⁰¹ «Albina», 20.V (1.VI) 1871.

¹⁰² «Albina», 27.V (8.VI) 1871.

¹⁰³ «Romînul», 31.VIII (11.IX) 1871. Еще во время войны 1870—1871 гг. румынские врачи и студенты медицины добровольно пошли защищать Париж. Некоторые румыны в Париже поддержали Коммуну, сражались в рядах национальной гвардии, участвовали в баррикадных боях (C. Barbu. Participarea unor medici si studenți romîni la războiul franco-german din 1870 și la Comuna din Paris.— «Studii și articule de istorie», vol. II. București, 1956, p. 152—154; D. Rosenzweig. Unele date în legătură cu Comuna din Paris.— «Analele Institutului de istorie a partidului», 1956, N 2, p. 153—154.— Прим. ред.).

мократов-социалистов», называла Луизу Мишель «храброй и добрейшей души женщиной»¹⁰⁴.

Парижская Коммуна оставила заметный след в румынской литературе. Под ее влиянием великий румынский поэт Михаил Эминеску написал в 1871 г. стихотворение «Император и пролетарий» (в другом варианте — «Пролетарий», опубликовано в 1874 г.), одно из самых выдающихся произведений румынской демократической литературы¹⁰⁵.

Другой румынский писатель, Ал. Мачедонский, опубликовал в декабре 1874 г. в прогрессивной газете «*Oltul*» статью в защиту Коммуны, где с негодованием писал о жестокой расправе правительства Тьера с коммунарами.

Парижская Коммуна вдохновляла румынских писателей и позже. В 1883 г. Константин Милле опубликовал поэму о героической смерти Делеклюза. Примерно в это же время поэт Георге из Молдовы назвал одно из своих произведений «18 марта 1871 г.»

18 марта 1881 г. группа социалистов сделала попытку отметить десятилетие Парижской Коммуны. Правительство приняло строгие меры, приказав арестовать руководителей социалистического студенческого кружка и исключить из университета ряд студентов, организовав судебный процесс и выслав из страны политических эмигрантов.

До 1890 г. (когда впервые была проведена первомайская демонстрация) день Парижской Коммуны был самым крупным праздником рабочего мира Румынии.

В румынской социалистической прессе публиковалось много статей о Коммуне. Иногда ее годовщине посвящался целый номер, как это сделала, например, 17 марта 1891 г. газета «*Мунса*». Позже румынские социал-демократы празднованию этого события посвящали специальные брошюры.

Память о Парижской Коммуне сохранялась в сознании многих поколений передовой части румынского общества. Она жива и поныне.

* ПЕРЕДОВАЯ
 ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
 И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Во время Парижской Коммуны большинство южнославянских народов находилось под иноземным господством. На протяжении многих столетий славянские народы Балканского полуострова изнывали под властью феодальной Турции; сербы Воеводины, хорваты и словенцы подвергались угнетению Австро-Венге-

¹⁰⁴ «*Inainte*», 2(14).IX 1880

¹⁰⁵ См. *Михаил Эминеску*. Стихи. М., 1958, стр. 71—72.

реской монархии. Только черногорцы и сербы в Сербском княжестве сумели с помощью России добиться внутренней автономии, продолжая оставаться в вассальной зависимости от Турции. Перед славянскими народами Балканского п-ова стояла задача — борьба за национальное освобождение и создание свободных, независимых государств. В зависимости от уровня экономического и общественно-политического развития, а также положения южнославянских областей, отдельные социальные группы и политические партии по-разному решали эту главную историческую задачу. На Балканах ускорился процесс размежевания общественных сил, отражавший глубокие классовые противоречия.

По вопросу об отношении к Парижской Коммуне югославянская печать резко раскололась на два диаметрально противоположных лагеря: непримиримых врагов ее, которых было абсолютное большинство; друзей и защитников, которые хотя и были в меньшинстве и не отличались единством взглядов, тем не менее сумели в большей или меньшей степени понять значение Коммуны, поэтому освещение их взглядов представляет несомненный научный интерес.

В начале 70-х годов на территории воеводинских сербов выходило четыре газеты: три в Нови Саде («Српски народ», «Народ» и «Застава») и одна в Панчево («Панчевац»). Последняя стояла на крайнем левом фланге, горячо защищая Парижскую Коммуну и ее правое дело. На крайнем правом фланге находилась газета «Српски народ», финансируемая венгерскими помещиками, воеводинской церковной иерархией и регентским режимом в Сербии. Газеты «Народ» и «Застава» были органами сербской народной либеральной партии, первая — ее правого крыла, вторая — левого. Поэтому их позиции по отношению к Коммуне резко отличались. Если «Народ» под редакцией Суботича и Полит-Десанчица, комментируя события в Париже, освещал их с консервативных позиций, то «Застава» Светозара Милетича, много и широко писавшая о Коммуне, при всем колебании вначале, благодаря стараниям своего издателя и редактора заняла в конечном счете прогрессивную позицию в оценке Коммуны, хотя и без глубокого понимания ее целей. Милетич, находившийся в ту пору в заточении, опубликовал в своей газете две принципиальные статьи: «Социализм и коммунизм и федеративная республика»¹⁰⁶ и «Коммуна и борьба во круг Парижа»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ «Застава», 5.IV 1871.

¹⁰⁷ «Застава», 23.IV 1871. О принадлежности этих статей С. Милетичу и их детальный разбор см.: *Н. Петровић*. Милетич о комуни.— Светозар Милетич (1826—1901). Београд, 1958, стр. 158—167; *Н. Петровић*. Светозар Милетич и париска комуна.— Око Милетича и после њега. Матица српска. Нови сад, 1964, стр. 47—88.

В своей первой статье сербский буржуазный демократ, антимонархист и республиканец, анализируя деятельность Коммуны, так определил свой идеал справедливой организации общества: «Мало республики *порядка*, нужна республика *труда*; мало республики *права*, нужна республика *справедливости*; мало республики *свободы*, нужна республика всеобщего благосостояния — республика *жизни*». Безусловно прав югославский исследователь Н. Петрович, утверждающий, что это определение отнюдь не означает, будто Милетич «защищал идеал Коммуны», как полагал Скерлич¹⁰⁸.

Социалистические и коммунистические принципы Коммуны были Милетичу чужды. В обеих статьях он остался верен идеалу буржуазно-демократической республики, с той, однако, разницей, что «Парижская Коммуна привела его к убеждению, что такая республика может сохраниться только при условии проведения серьезных социальных реформ, которые должны иметь в виду не только политические права, но и экономические интересы трудящихся масс»¹⁰⁹. Таким образом он хотел улучшить классический буржуазный либерализм путем его приближения к мелкобуржуазному социализму Луи Блана, на стороне которого были все его симпатии. Но если лун-блановский реформизм в условиях острой классовой борьбы во Франции смыкался с контрреволюцией, то последовательный буржуазный демократизм Милетича представлял крупный шаг вперед в политической жизни воеводинских сербов того времени и имел безусловно прогрессивное значение.

Отношение Милетича к Парижской Коммуне в конечном счете определялось его ненавистью к реакционным деспотическим режимам всех мастей и оттенков, его демократической позицией в решении Восточного вопроса, предусматривавшей опору на собственные силы народа, в чем он приближался к южнославянским революционным демократам — Светозару Марковичу и Христо Ботеву.

Самую радикальную позицию полной и безоговорочной поддержки Парижской Коммуны занимали сербские революционные демократы, которые подходили к оценке ее роли и значения с социалистических позиций. Революционно-демократическое движение появилось на общественной арене Сербии в самом конце 60-х годов, заявив о себе блестящими теоретическими статьями своего идеолога и вождя С. Марковича. Не имея собственного печатного органа, С. Маркович и его единомышленники, сербские социалисты, поначалу выступали в леволиберальных газетах, среди которых первое место занимала «Застава» С. Милетича.

¹⁰⁸ *Јован Скерлић*. Светозар Марковић његов живот, рад и идеје. Београд, 1922, стр. 141.

¹⁰⁹ *Никола Петровић*. Око Милетића и после њега. Нови Сад, 1964, с. 58.

Еще ближе к С. Марковичу была газета «Панчевац», находившаяся под его непосредственным влиянием. На протяжении всех 72 дней существования Коммуны газета с неослабным вниманием и неизменной симпатией следила за справедливой героической борьбой коммунаров. О рождении Коммуны газета сообщила своим читателям на первой странице в виде экстренной депеши: «В Париже революция. Рабочие победили. Провозглашена Коммуна. Два генерала убиты. Версальское правительство готовит сильный отпор»¹¹⁰. В том же номере, в комментарии о событиях в Париже, газета сослалась на «замечательную статью» С. Марковича «Общественная и политическая борьба в Европе»¹¹¹, в которой почти год тому назад сербский революционный демократ писал, что недалек тот день, когда Интернационал начнет решительный бой с капиталом, чтобы построить общество на новых научных началах. Из комментария следовало, что теперь этот день наступил.

Спустя три недели, в самый разгар кровопролитных боев в Париже, газета начала печатать Коммунистический Манифест в переводе соратника С. Марковича Влады Лётича¹¹². В предисловии к переводу автор писал: «Обычно до сих пор говорили: Вперед! — А куда? Этого не могли сказать. Это, вероятно, нам скажет настоящий манифест, и мы не сомневаемся, что он скажет каждому, кто не слеп...»¹¹³

Еще до падения Коммуны сербские социалисты решили издавать в Белграде свою газету «Раденик», идейным вождем и фактическим редактором которой был С. Маркович, ставший, по справедливому определению Скерлича, «главным адвокатом Коммуны среди сербской общественности»¹¹⁴. Уже в первом программном номере газеты, вышедшем в апреле, он выступил со статьей «Парижская Коммуна (вопрос о хлебе и самоуправлении)», которая затем была перепечатана в газете «Панчевац». «Коммуна борется за самый возвышенный принцип, который когда-либо имела рабочая партия на своем знамени», — писал Маркович. Помимо этой статьи в «Раденике» было напечатано пять статей С. Марковича, специально посвященных Коммуне: «Гибель Парижской Коммуны», «Парижская Коммуна и Интернационал» и «Белый террор»¹¹⁵, «Необыкновенные люди» и «Разговор о необыкновенных людях».

¹¹⁰ «Панчевац», 1871, № 21.

¹¹¹ «Панчевац», 1870, № 45—52.

¹¹² «Панчевац», 1871, № 29.

¹¹³ *Јован Скерлић*. Светозар Марковић..., стр. 49.

¹¹⁴ Там же, стр. 142.

¹¹⁵ Подробный их разбор см. в кн: «Парижская Комм. на 1871 г.», т. II. М., 1961, стр. 480—483.

Опираясь на гениальный труд К. Маркса «Гражданская война во Франции», который был опубликован в «Раденике», С. Маркович в своих статьях решительно и бескомпромиссно встал на защиту Парижской Коммуны и ее правого дела. В отличие от Милетиича он полностью разделял идеалы, за которые Коммуна героически сражалась с оружием в руках. «Мы не можем быть уверены, что Коммуна в данный момент победит, но мы твердо уверены, — писал Маркович в своей первой статье, — что принцип Коммуны рано или поздно победит» ¹¹⁶.

При знакомстве со статьями Светозара Марковича о Парижской Коммуне поражает та страстность, с которой он защищал коммунаров, принципы Коммуны и говорил об ее историческом значении. Поражение Коммуны не сломило сербского социалиста, не поколебало его веры в ее идеалы.

В статье «Закон против человеческих прав» (март 1872 г.) Маркович так писал об исторической роли Парижской Коммуны и I Интернационала, связь между которыми он понял с самого начала: «В современном классовом обществе мы видим грандиозную подготовку к освобождению народа, к ликвидации классов. Эта подготовка воплощается в современной организации европейских рабочих и в зримом облике этой организации, в величайшем и сильнейшем обществе на свете — в Международном Товариществе Рабочих» ¹¹⁷. Появление этой статьи было связано с изданием французским правительством закона, направленного против Интернационала. На всем славянском Юге никто так смело и бесстрашно не выступал против этого закона, как Маркович ¹¹⁸. С искусством непревзойденного полемиста Маркович сорвал маску с мнимолиберального режима во Франции и его охранителей, кровавых палачей Коммуны — А. Тьера и Ж. Фавра. Он убедительно показал, что закон заранее обречен на неудачу, так как нет такой силы, которая могла бы остановить поступательное развитие человеческого общества.

«Уничтожить Интернационал невозможно, так как он является продуктом современных условий и пока не изменятся эти условия, он останется, вопреки всем законам» ¹¹⁹.

Газеты правящих кругов полуфеодальной Хорватии и национально-либеральной партии были откровенно враждебны Коммуне. В хорватской публицистике начала 70-х годов XIX в. единственным печатным органом, выразившим в завуалированной форме свои симпатии Парижской Коммуне, была газета

¹¹⁶ См. *Светозар Марковић*. Сабрани списи, т. II. Београд, 1965, стр. 277—285.

¹¹⁷ *Kosta Milutinović*. Prvi srpski socijalisti, marksova internacionala i pariska Komuna. — «Zivot», 1958, N 8, str. 618.

¹¹⁸ Ibid., str. 608—620.

¹¹⁹ Ibid., str. 618.

«Хрватска» — орган партии буржуазных национал-радикалов (партия права, или «праваши»), во главе которой стояли Е. Кватерник и А. Старчевич. Руководство партии занимало отрицательную позицию по отношению к Коммуне, однако представители ее левого крыла, используя последнюю полосу газеты, давали объективную информацию о событиях в Париже, поднимаясь порой до понимания необходимости связать хорватское национально-освободительное движение с европейским рабочим движением. Наиболее ярким представителем левых был Ф. Матасич, который, будучи членом редакции газеты, «с максимальным вниманием следил за развитием событий во Франции после Седана и решительнее всех... проявлял симпатии к Парижской Коммуне»¹²⁰.

Парижская Коммуна оказала известное влияние на прогрессивное общественное движение в Хорватии, способствуя размежеванию революционного демократизма с национал-радикализмом. Она ускорила проникновение социалистических идей не только в среду радикальной интеллигенции, но и в рабочее движение, в ту пору делавшее свои первые шаги в Хорватии.

Из всех югославянских земель наиболее развитой в промышленном отношении являлась Словения. Пробуждение классового самосознания словенского пролетариата было связано с ростом рабочего движения в Австрии и влиянием Парижской Коммуны. В 1869 г. в Любляне возникло Рабочее просветительное общество. Вскоре словенские рабочие организовали первые стачки. Боевым руководителем словенского пролетариата был Франце Железникер, интернационалист и непримиримый враг клерикальной реакции. Он принимал личное участие в борьбе парижских коммунаров и до конца жизни сохранил память об их бессмертном подвиге.

¹²⁰ А. Cesarec. Kriza stranke prava i naši «komunari», godine 1871. Zagreb, 1951, str. 29 (цит. по: В. И. Фрейдзон. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии.— «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 21).

В противовес враждебной позиции и реакционной политике господствующих классов США передовая часть американского общества глубоко симпатизировала Парижской Коммуне. Некоторые представители стран Америки — 17 североамериканцев и 2 бразильца — непосредственно участвовали в героической борьбе коммунаров¹.

Естественно, что особое сочувствие и братскую солидарность по отношению к Коммуне проявляли рабочие и социалистические организации США.

О революции 18 марта и последующих событиях в Париже американский пролетариат был плохо информирован: буржуазная пресса фальсифицировала эти события, а рабочая печать в основном ограничивалась кратким воспроизведением сообщений буржуазных газет. Даже орган Национального рабочего союза «The Workingman's Advocate» за все время существования Коммуны опубликовал только «Заметки члена Интернационала по рабочему вопросу», корреспонденции В. Либкнехта из Лейпцига и лишь 27 мая сообщил о свержении Вандомской колонны². В общем представление рабочего класса США о Коммуне было довольно туманным и путаным; часть рабочих верила измышлениям буржуазной пропаганды. Однако, несмотря на злостную дезинформацию буржуазной прессы, многие американские рабочие, движимые пролетарским чутьем, выступали в защиту Коммуны³.

¹ S. Bernstein. Essays in Political and Intellectual History. New York, 1955, p. 165.

² A. Landy. La Commune et la classe ouvrière aux Etats-Unis.— «La Pensée», N 37, 1951, p. 102.

³ S. Bernstein. American Labor and the Paris Commune.— «Science and Society», 1951, vol. 15, N 2, p. 144—162.

Позиция передовой части рабочего класса США явилась в значительной мере заслугой американских секций Интернационала, которые не жалели усилий для разъяснения рабочим сущности Коммуны⁴. Анализируя скудную информацию о событиях в Париже, члены Интернационала в США высказывали свои соображения об ошибках и судьбе Коммуны. «Мы считаем,— писал Марксу 12 мая 1871 г. один из основателей Первой американской секции Интернационала, З. Мейер,— что причина предстоящего поражения этой революции состоит прежде всего в том, что рабочие не освободились от своих «добрых друзей». Теоретики и краснобаи, идеалисты и «друзья человечества» сумели, по всей вероятности, свести на нет каждое энергичное мероприятие, направленное к изменению организации труда»⁵.

С глубоким волнением и сочувствием следили американские социалисты за героическим сопротивлением коммунаров. 25 мая Ф. А. Зорге писал Марксу: «Судя по телеграфным сообщениям, Коммуна в Париже ведет последний отчаянный бой. Справедливость этого требует — если приходится сдать Париж негодяю Тьеру, так уж сдать его в виде груды развалин»⁶.

Под влиянием Парижской Коммуны усилилось тяготение наиболее сознательных рабочих к Интернационалу и создавались новые секции⁷. Число их в апреле 1871 г. достигло восьми, в мае — десяти⁸, а в дальнейшем возросло еще больше. «После величественной борьбы Парижской Коммуны,— отмечалось в меморандуме Североамериканского комитета от 20 августа 1871 г., направленном Лондонской конференции Интернационала,— наиболее сознательные рабочие с пылом обратили свои взоры в сторону Международного Товарищества Рабочих»⁹.

Коммуна стимулировала создание секций Интернационала и в других странах Америки. В Аргентине первая секция была основана в конце января 1872 г. эмигрировавшими из Франции коммунарами, а вслед за тем возникли испанская и итальянская секции. Деятельность аргентинских секций активизировалась с приездом в Буэнос-Айрес участника Коммуны члена Международного Товарищества Рабочих Раймона Вильмара, который поддерживал регулярную переписку с Марксом¹⁰. Исполнявший обязанности секретаря одной из секций Сан-Франциско Т. Меллер сообщал в ноябре 1871 г. Марксу, что член секции

⁴ A. Landy. La Commune et la classe ouvrière..., p. 101.

⁵ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». М., 1941, стр. 202.

⁶ Там же, стр. 206.

⁷ Ф. Зорге. Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907, стр. 166.

⁸ S. Bernstein. American Labor..., p. 156.

⁹ «Лондонская конференция Первого Интернационала». М., 1936, стр. 166.

¹⁰ «Первый Интернационал», ч. 2. М., 1965, стр. 564—566.

капитан Смит направляется в Мексику, где намерен организовать секцию Интернационала¹¹.

После падения Коммуны американские секции приняли активное участие в защите ее дела от усилившихся нападок реакции. Они стремились показать американскому народу подлинную картину пролетарской революции во Франции, грубо фальсифицированную ее врагами. Ф. Больте по поручению Первой немецкой секции Международного Товарищества Рабочих в Нью-Йорке обратился 14 июня 1871 г. к И. Ф. Беккеру в Женеvu с запросом, «нельзя ли... в ближайшее время получить правдивую историю Парижской Коммуны. Сведения, распространяемые о Коммуне местными газетами, столь сбивчивы, что даже члену партии трудно, не прибегая к другим источникам, нарисовать себе правильную картину движения; а между тем верное изображение этих событий принесло бы большую пользу рабочим, которых сбивает с толку и обрабатывает ежедневная пресса»¹².

Проявляя большую заботу о судьбе коммунаров, Ф. А. Зорге от имени Североамериканского центрального комитета Международного Товарищества Рабочих писал 20 июня 1871 г. Генеральному Совету: «Пришлите нам поскорее известия о наших братьях на континенте вообще и о наших парижских товарищах в особенности»¹³.

Секции Интернационала устраивали собрания и митинги солидарности с павшей Коммуной. Одним из первых было многолюдное общее собрание нью-йоркских секций 2 июля 1871 г., посвященное памяти июньского восстания 1848 г. и Парижской Коммуны. В зале, где происходило собрание, на красном знамени был начертан лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ораторы, выступавшие с речами на английском, французском и немецком языках, указывали, что коммунары были героическими борцами за дело рабочего класса¹⁴.

Более активно стала выступать в защиту Коммуны рабочая печать США. Газета «The Workingman's Advocate» опубликовала 8 июля 1871 г. передовую статью, в которой решительно выступила в защиту Коммуны и Интернационала¹⁵, и в дальнейшем продолжала публиковать аналогичный материал. В частности, 23 сентября она перепечатала из еженедельника «The Golden Age» статью, в которой говорилось, что Коммуна «была подлинным образцом демократической республики. Ее следовало увенчать оливковой ветвью, а не потопить в крови»¹⁶.

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 240/3, л. 1.

¹² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 210.

¹³ Там же, стр. 212.

¹⁴ S. Bernstein. American Labor..., p. 158.

¹⁵ A. Landy. La Commune et la classe ouvrière..., p. 105—106.

¹⁶ Цит. по: S. Bernstein. American Labor..., p. 151.

Даже нью-йоркский еженедельник «Woodhull and Claflin's Weekly», орган секции, которая стояла на реформистских позициях и проводила раскольническую деятельность, также выступал в защиту Коммуны, хотя и с оговорками. 26 августа газета отмечала, что ошибка Коммуны заключалась в следующем: она «раздумывала и колебалась», когда надо было действовать¹⁷. В начале сентября та же газета опубликовала заметку, осуждавшую бесчеловечность правительства Тьера в обращении с пленными коммунарами. В заметке указывалось, что буржуазная пресса одобряет действия французского правительства лишь потому, что «Тьер и его коллеги представляют финансовое могущество Франции»¹⁸. Газета опубликовала также принятую 24 сентября резолюцию Двенадцатой секции Интернационала, в которой подчеркивалось, что, возражая против некоторых действий Коммуны, секция вместе с тем «сердечно одобряет мероприятия, осуществленные Коммуной в пределах ее юрисдикции»: отделение церкви от государства, упразднение постоянной армии и всеобщее вооружение народа, предоставление работы всем трудоспособным и пособий нетрудоспособным, обязательное светское образование, отмену смертной казни за уголовные преступления в мирное время и т. д.¹⁹

Активизации защиты Коммуны американскими рабочими после ее падения способствовало не только получение в это время более полной информации о ней, но прежде всего распространение в США написанного Марксом воззвания Генерального Совета Интернационала «Гражданская война во Франции», а также других документов, дававших глубокий анализ исторического значения Парижской Коммуны.

Первые 11 экземпляров «Гражданской войны во Франции» были получены в США, видимо, еще в июне 1871 г., так как это воззвание частично было оглашено уже на собрании 2 июля. Затем оно было переведено на немецкий язык и полностью зачитано на совместном заседании Первой и Шестой секций²⁰. Но полученных экземпляров не хватало даже для того, чтобы дать по одному на секцию. Поэтому Ф. А. Зорге уже 8 июля обратился к Марксу с просьбой «немедленно прислать или распорядиться о присылке по крайней мере еще 20 экземпляров, чтобы удовлетворить хотя бы самые настоятельные требования»²¹. Вскоре воззвание Генерального Совета получило в США широкое распространение. 15 июля его начала публико-

¹⁷ «Woodhull and Claflin's Weekly», August, 26, 1871, p. 7.

¹⁸ «Woodhull and Claflin's Weekly», September 2, 1871, p. 7.

¹⁹ «Woodhull and Claflin's Weekly», October 14, 1871, p. 4.

²⁰ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 227.

²¹ Там же, стр. 218.

вать газета «The Workingman's Advocate», закончившая, правда, публикацию лишь 2 сентября; 22 июля «Гражданская война во Франции» была полностью опубликована еженедельником «Woodhull and Claflin's Weekly». Большая часть воззвания была напечатана даже в буржуазных газетах «New York World» и «The Irish People».

Ряд секций опубликовал «Гражданскую войну во Франции» отдельными изданиями. Тысячу экземпляров отпечатали и передали Североамериканскому центральному комитету Интернационала издатели упомянутого выше еженедельника и руководители Двенадцатой секции сестры Вудхалл и Клафлин²². Двадцать третья секция (Вашингтон), в которой видную роль играл Ричард Хинтон, участник восстания Джона Брауна, отпечатала несколько тысяч экземпляров и разослала их членам конгресса и другим влиятельным лицам²³. Характеризуя популярность в США «Гражданской войны во Франции», еженедельник «Woodhull and Claflin's Weekly» отмечал, что ни на один документ общественного характера не было большего спроса. «Сотни тысяч экземпляров циркулировали по континенту и почти столько же в Соединенных Штатах»²⁴.

В связи с большим интересом общественности США к Коммуне американские буржуазные журналисты стали добиваться интервью у Маркса. 3 июля 1871 г. беседу с Марксом имел лондонский корреспондент буржуазной газеты «The World» Р. Ландор. Маркс разоблачил клевету врагов Коммуны, утверждавших, будто революция во Франции была организована Интернационалом, и показал, что она явилась «закономерным следствием сложившихся обстоятельств». Он подчеркнул, что «восстание в Париже было совершено рабочими Парижа»²⁵. Интервью Маркса было 18 июля опубликовано в «The World», а 12 августа перепечатано в «Woodhull and Claflin's Weekly».

6 июля Маркс получил от редактора нью-йоркской прогрессивной буржуазной газеты «The Sun» Чарлза Андерсона Дана предложение писать статьи о Международном Товариществе Рабочих.

Большую роль в ознакомлении общественного мнения США, и прежде всего рабочего класса, с подлинной сущностью Коммуны и провокационной ролью американского посланника во Франции Уошберна сыграло распространение в США обращения Генерального Совета Интернационала о враждебной Ком-

²² ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 218/3, л. 3.

²³ H. Schlüter. Die Internationale in Amerika. Chicago, 1918, S. 133.

²⁴ «Woodhull and Claflin's Weekly», August 19, 1871.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 634.

муне деятельности американской дипломатии²⁶. Оно было уже 1 августа опубликовано газетой «The Sun» вместе с кратким обращением Североамериканского центрального комитета, наминавшим американским рабочим об истинной сущности Коммуны. «Не забывайте,— говорилось в этом обращении,— что Коммуна была правительством рабочих и поэтому ее ненавидели, боялись и порочили все привилегированные классы и их вездесущие глашатаи, подобно тому, как они поступают по отношению к каждому выступлению рабочих также и в нашей стране...»²⁷

В течение августа — сентября обращение Генерального Совета опубликовал ряд органов печати: 5 августа — «The Workingman's Advocate», 9 сентября — «National Standard». В тот же день «Woodhull and Claflin's Weekly» напечатал обращение Североамериканского центрального комитета, а 30 сентября опубликовал повторно это обращение вместе с обращением Генерального Совета.

Североамериканский центральный комитет представил обращение Генерального Совета Интернационала съезду Национального рабочего союза в Сент-Луисе (7—10 августа 1871 г.), но съезд под влиянием реформистских элементов не стал рассматривать его. В связи с этим обращением американские секции призывали рабочих требовать отстранения Уошберна от занимаемого им поста.

Симпатии американского пролетариата к Коммуне наиболее открыто проявились во время массовой демонстрации за 8-часовой рабочий день, состоявшейся 13 сентября 1871 г. в Нью-Йорке. Она была организована местными секциями Интернационала; ее участники несли красные знамена с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Несмотря на дождливую погоду на улицы вышло около 20 тыс. организованных рабочих. Среди них были и негры, члены союзов официантов и штукатуrow. Тысячные толпы приветствовали демонстрантов возгласами: «Да здравствует Коммуна!» Демонстрация закончилась многолюдным митингом²⁸.

Гневная волна протеста прокатилась в США в конце 1871 г. в связи с известием о расстреле руководителей Парижской Коммуны. По настоянию некоторых секций нью-йоркский Федеральный совет, оказавшийся к этому времени в руках раскольников, выступавших против Генерального Совета, согласился органи-

²⁶ См. там же, стр. 388—391. Подробнее о позиции Уошберна см.: М. С. Альперович. О деятельности американской дипломатии во Франции.— «Вопросы истории», 1956, № 7.

²⁷ «Woodhull and Claflin's Weekly», September 9, 1871, p. 9.

²⁸ «A Documentary History of American Society», ed. by J. R. Commons, vol. IX. Cleveland, 1910, p. 367.

зовать 10 декабря в Нью-Йорке траурную процессию, однако в связи с запрещением полиции решил перенести ее на рождественский понедельник 25 декабря. Но члены Девятой секции, а также некоторых других в первоначально назначенный день вышли на улицу. Участники процессии были разогнаны полицией²⁹. 17 декабря нью-йоркские секции совместно с некоторыми профсоюзами организовали демонстрацию протеста, в которой участвовало более 10 тыс. человек. Среди демонстрантов были видные деятели рабочего движения, представители различных национальностей, в том числе негры, ирландцы, французы, итальянцы, кубинцы и др.³⁰

В течение ряда лет рабочие США устраивали в память о Коммуне демонстрации и митинги, в организации которых принимали активное участие члены американских секций Интернационала. На многих из этих собраний с рассказами о деятельности и гибели Коммуны выступали сами коммунары. Среди них были: друг Бланки — Эдмон Левро, полковник национальной гвардии Эдмон Межи, член Коммуны Симон Дерёр, а также прибывший в 1873 г. в США член Коммуны Эжен Потье³¹.

И за пределами США, в странах Латинской Америки, передовая общественность выступала в поддержку борцов Коммуны. Так, мексиканская еженедельная рабочая газета «El socialista», выражавшая глубокие симпатии к парижским коммунарам, организовала кампанию за предоставление в Мексике убежища преследуемым французским рабочим³². В 1872 г. в Мехико вышла в свет книга Луиса Каррераса, который защищал Коммуну от нападок врагов³³.

Даже правящие круги бразильской монархии после бурных дебатов в сенате были вынуждены под давлением общественного мнения отклонить требование правительства Тьера о выдаче коммунаров, нашедших убежище в Бразилии³⁴.

Ярким проявлением классовой солидарности американских рабочих с делом Коммуны была их материальная помощь коммунарам, эмигрировавшим как в США, так и в другие страны. Сбор средств производился главным образом по инициативе секций Интернационала. Особую роль в этом деле сыграл призыв Генерального Совета. 25 августа 1871 г. Маркс информир-

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 223/1, л. 2.

³⁰ S. Bernstein. The First International in America. New York, 1962, p. 89—90.

³¹ S. Bernstein. American Labor..., p. 158—159.

³² Эли де Горпари. Современные течения философии в Мексике. — «Вопросы философии», 1957, № 2, стр. 98.

³³ См. «Первый Интернационал», ч. 2, стр. 569.

³⁴ E. Dias. Organizacao Trabalhista e Lutas Sindicais no Brasil. — «Revista Brasileira», N 22, 1959, p. 119.

ровал Ф. Больте о крайне тяжелом материальном положении эмигрантов-коммунаров. 5 сентября он по поручению Генерального Совета направил Ф. А. Зорге составленное им воззвание к американским рабочим об оказании помощи эмигрантам-коммунарам³⁵. С предложением Генсовету о воззвании выступила Первая немецкая секция Интернационала в Нью-Йорке³⁶. 22 сентября Североамериканский центральный комитет Международного Товарищества Рабочих перевел Генеральному Совету 42 ф. ст.³⁷ Всего до октября 1871 г. в Лондон было отправлено 500 долл., в Женеву — 1700 фр. Сбор пожертвований продолжался до середины 1873 г.³⁸ Значительная помощь оказывалась и прибывшим в США коммунарам, многие из них приняли активное участие в местном рабочем и социалистическом движении. В частности, происходивший в июле 1872 г. съезд американских секций в Нью-Йорке в числе двух своих делегатов на Гаагский конгресс Интернационала направил члена Коммуны Дерёра³⁹. Под влиянием эмигрантов-коммунаров в США был основан ряд новых секций Интернационала и других организаций. В январе 1873 г. бывшие коммунары создали в Нью-Йорке «Общество беженцев Коммуны», которое существовало в течение ряда лет и поддерживало связь с Генеральным Советом Интернационала⁴⁰.

В защиту Коммуны выступили и видные представители демократического крыла американской буржуазной интеллигенции. В большинстве своем они не разделяли идей коммунаров, не солидаризировались с их конечными целями и не могли дать правильной оценки сущности и исторического значения Коммуны. Но, отдавая должное коммунарам, они искренне восхищались их мужеством, героизмом, бескорыстием, благородством и гневно возмущались лицемерием и зверствами версальцев. Некоторые из них (например, нью-йоркский журналист Д. Р. Юнг, американский астроном С. Ньюкомб) были очевидцами революционных событий во Франции и засвидетельствовали доброжелательное отношение коммунаров к демократам-иностранцам.

Редактор республиканской газеты «The Argonaut» в Сан-Франциско Фрэнк Пайкли, находившийся в Париже в течение всего периода существования Коммуны, отмечал, что несмотря на наличие в городе, с одной стороны, банков с большими запасами золота, магазинов и складов, полных товаров, и т. д.,

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 238, 242.

³⁶ См. «Новая и новейшая история», 1971, № 1, стр. 13.

³⁷ См. «Коммунист», 1971, № 2, стр. 19.

³⁸ H. Schlüter. Die Internationale in Amerika, S. 137.

³⁹ Ф. Зорге. Рабочее движение в Соединенных Штатах, стр. 167—168.

⁴⁰ H. Schlüter. Die Internationale in Amerika, S. 136.

с другой — населения, которое долгое время страдало от голода и прочих лишений, он не слышал даже о попытках грабежа⁴¹.

Юнг и Пайкли восхищались героическим сопротивлением коммунаров в дни майской «кровавой недели», с негодованием писали о зверствах версальцев. «На кладбище Пер-Лашез, среди могил Беранже, Мольера и Лапласа, на останках французов последующих поколений, самые благородные, самые храбрые и самые лучшие солдаты Коммуны оказывают последнее сопротивление», — писал Юнг о последних защитниках Коммуны⁴².

Американский журналист Джордж Уилкс, также являвшийся очевидцем революционных событий в Париже, написал заметки в защиту Коммуны и Интернационала и направил их в редакцию газеты «New York Herald». Эти заметки были изданы в Нью-Йорке отдельной брошюрой⁴³. Кратко изложив принципы и цели Интернационала и Коммуны, Уилкс дал им очень высокую оценку. Он подчеркивал, что Коммуна «руководствовалась благороднейшими мотивами, характеризовалась чистейшим образом действий и была принесена в жертву на алтарь свободы, не будучи виновной ни в каком преступлении»⁴⁴. Заявляя, что коммунары «погибли на баррикадах за свои принципы», Уилкс выражал восхищение «Делеклюзом и его героическими товарищами»⁴⁵; он с негодованием писал о расправе версальцев при помощи пруссаков с революционным Парижем, называя ее «черной изменой». Разоблачая роль европейских монархий в подавлении Коммуны, Уилкс указывал, что все они были в заговоре против нее⁴⁶. С величайшей похвалой он отзывался о свержении коммунарами Вандомской колонны, «этого символа войны и убийства». Он заявлял, что опыт Коммуны не прошел даром для народов Европы⁴⁷.

Энергичным защитником дела и памяти Парижской Коммуны являлся поэт, критик и публицист, в прошлом активный участник чартистского движения Уильям Джемс Линтон, эмигрировавший во второй половине 60-х годов в США. Будучи противником требования отмены частной собственности и других взглядов коммунаров, он вместе с тем высоко оценил их героический подвиг и был глубоко возмущен гнусной клеветой американской буржуазной прессы, в частности газеты «The New York Tribune», в адрес Коммуны. С апреля по июнь 1871 г. Линтон

⁴¹ A. Landy. Témoins américains oculaires de la Commune de Paris.— «Cahiers internationaux», 1952, N 34, p. 69—70.

⁴² Ibid., p. 72.

⁴³ G. Wilkes. The Internationale: its Principles and Purposes. Being a Sequel to the Defense of the Commune. New York, 1871.

⁴⁴ Ibid., p. 18.

⁴⁵ Ibid., p. 19.

⁴⁶ Ibid., p. 3—4.

⁴⁷ Ibid., p. 21.

выступил с серией статей в защиту Коммуны, опубликованных в нью-йоркском журнале «National Standard» под общим заголовком «Парижская Коммуна». Они были перепечатаны в сентябрьском номере бостонского журнала «The Radical», а затем изданы отдельной брошюрой⁴⁸. Излагая в хронологическом порядке историю Коммуны по данным «The New York Tribune», Линтон параллельно давал свои комментарии, восстанавливая истинный характер и ход событий, фальсифицированных буржуазной печатью. Он разоблачал враждебные коммунарам измышления версальцев, подхваченные врагами Коммуны. Показав, как возникла Коммуна и что она собой представляла, Линтон писал: «Сторонники Коммуны составляли не просто кучку политических энтузиастов, а все трудящееся население Парижа... весь тот класс, который живет собственным трудом, а не эксплуатацией труда других... Это было восстание трудящихся против вековой бессовестной узурпации власти. Поэтому... оно и было так беспощадно задушено...»⁴⁹

Главной причиной поражения Коммуны Линтон считал то, что она была изолирована от остальной Франции. «Но кровь была пролита не напрасно,— указывал он.— Парижане еще раз дали миру столь необходимый пример героической отваги и верности делу...»⁵⁰

Выражая глубокое восхищение благородством и мужеством коммунаров, Линтон заявлял о своей солидарности с ними: «Я скорее предпочел бы быть с Делеклюзом в окровавленном Париже, чем с кайзером в его триумфальной колеснице. Слава побежденной Коммуне!»⁵¹

Среди представителей прогрессивных кругов американского общества, с симпатией отзывавшихся о Парижской Коммуне, были также выдающийся ученый Льюис Генри Морган и один из виднейших лидеров радикального крыла абсолютистского движения, Уэнделл Филлипс.

Л. Г. Морган, совершавший в 1871 г. путешествие по Европе, в середине июня, т. е. вскоре после подавления Коммуны, прибыл в Париж, где оставался около полутора недель. Осматривая город, он побывал в местах недавних боев между коммунарами и версальцами. Сделанные им записи позволяют судить не только о его впечатлениях, но и об отношении к Коммуне. Знаменитый ученый решительно высказался против извращения сущности и деятельности Коммуны. «У меня нет никакого сомнения в том,— писал он,— что Коммуна, принципы, цели и действия, составляющие ее историю, были несправедли-

⁴⁸ W. J. Linton. The Paris Commune. Boston, 1871.

⁴⁹ «The Radical», September 1871, p. 97.

⁵⁰ Ibid., p. 104.

⁵¹ Ibid., p. 103.

во осуждены, ибо не были правильно поняты»⁵². Морган отзывался с одобрением о мотивах, побудивших коммунаров свергнуть Вандомскую колонну⁵³. Выступая против произвола и террора господствующих классов Франции, он резко осуждал преступления, совершенные против интересов этой страны монархией и церковью⁵⁴. «Недавняя бойня в Париже после взятия города свидетельствует о ... жестокости правящего класса. На мой взгляд, этому нет ни извинения, ни оправдания»,— писал Морган⁵⁵.

У. Филлипс видел в США те же явления, которые вызвали революцию во Франции. «Поскоблите поверхность нью-йоркского общества,— заявил он вскоре после гибели Коммуны,— и вы обнаружите Парижскую Коммуну»⁵⁶. Он горячо приветствовал Коммуну. «Люди, руководившие Коммуной,— писал он в июле 1871 г., являлись самыми выдающимися, самыми чистыми и благородными патриотами Франции; это были люди, которые, в отличие от Тьера и его банды убийц, никогда не становились на колени перед Наполеоном»⁵⁷. Выступая в сентябре 1871 г. на съезде Рабочей партии штата Массачусетс, он заявил: «Я не могу сказать ни слова... против выражения величайшего народного возмущения, которое Париж огнем и кровью вписал в страницы истории. Я чту Париж как авангард Интернационала всего мира»⁵⁸.

В защиту Коммуны выступали и американские позитивисты, которые устроили в Нью-Йорке собрание памяти Коммуны, а также издали отдельной брошюрой и распространяли опубликованную в лондонском либеральном журнале «The Fortnightly Review» статью английского позитивиста Фредерика Гаррисона, разоблачавшего клевету на Коммуну⁵⁹.

Даже лица, отнюдь не симпатизировавшие Коммуне, вынуждены были подчас опровергать лживые измышления ее врагов и сообщать о зверствах ее палачей. Так, сенатор Генри Вильсон, возвратившись из Европы, опровергал предъявлявшееся коммунарам обвинение в умышленных поджогах; «сожжение зданий,— заявлял он,— в большинстве случаев было вызвано необходимостью». Он же отметил, что «версальцы не щадили никого: 20 тысяч были тогда убиты. Это была кровавая бой-

⁵² Extracts from the European Travel Journal of Lewis H. Morgan. Rochester. New York, 1937, p. 343.

⁵³ Ibid., p. 345—346.

⁵⁴ Ibid., p. 349.

⁵⁵ Ibid., p. 344.

⁵⁶ Цит. по.: A. Landy. La Commune et la classe ouvrière aux Etats-Unis, p. 106.

⁵⁷ S. Bernstein. American Labor..., p. 154.

⁵⁸ Цит. по.: V. L. Parrington. Main currents in American thought, vol. III. New York, 1945, p. 146. Подробнее об отношении Филлипса к Коммуне см.: S. Bernstein. The First International in America, p. 79—82.

⁵⁹ H. Schlüter. Die Internationale in Amerika, S. 135.

ния»⁶⁰. Положительно высказывался о Коммуне активный участник гражданской войны 1861—1865 гг., видный деятель радикального крыла Республиканской партии член конгресса Б. Ф. Батлер⁶¹.

Сочувствие прогрессивной общественности США Парижской Коммуне нашло свое отражение и в художественной литературе — в произведениях, авторы которых выражали свое восхищение героизмом французского народа и возмущение зверствами версальцев. Одним из таких откликов была поэма Эдуарда Кинга «Казнь женщины. Париж, май 1871 г.», опубликованная в сентябрьском номере журнала «Scribner's Magazine»⁶².

*

Рабочий класс США хранит память о Парижской Коммуне. Вплоть до роспуска I Интернационала в 1876 г. его американские секции чтит славные традиции Коммуны. В дальнейшем рабочая печать США публиковала статьи, в которых подчеркивалась солидарность американского пролетариата с делом Коммуны. Большое значение имело издание в 1898 г. в Нью-Йорке «Истории Коммуны 1871 г.» Лиссагаре⁶³, переведенной в 1886 г. на английский язык Элеонорой Маркс-Эвелинг. Эта книга способствовала ознакомлению американского рабочего класса с подлинной историей Парижской Коммуны.

И в последующие годы рабочие и социалисты США помнили о Коммуне и чтит ее память. Выступая 21 марта 1903 г. на собрании в бостонском социалистическом клубе, видный деятель американского рабочего движения Джордж Геррон заявил: «Этот короткий период торжества рабочего класса в Париже, когда он одержал верх над предателями внутри стен города и над внешним врагом, когда он разогнал или игнорировал правительство и установил свой собственный закон и порядок, является своего рода оазисом в безбрежной пустыне человеческой эксплуатации и угнетения...»⁶⁴

Таково вплоть до настоящего времени отношение передовых людей США к Парижской Коммуне; оно свидетельствует о сохранении среди широких слоев американского народа революционных традиций, идей свободы, демократии и прогресса.

⁶⁰ «The Radical», October 1871, p. 244.

⁶¹ H. Schlüter. Die Internationale in Amerika, S. 136.

⁶² A. Landy. La Commune et les intellectuels américains.—«Europe», N 70, 1951, p. 124.

⁶³ P. Lissagaray. History of the Commune of 1871. New York, 1898.

⁶⁴ G. D. Herron. From Revolution to Revolution. An Address in Memory on the Paris Commune of 1871. Chicago, s. d., p. 4—5.

Трудно назвать какую-либо другую тему из истории нового времени, к которой бы В. И. Ленин обращался столь часто и непрерывно, как к Парижской Коммуне. Имя Коммуны, упомянутое им впервые в печати в период борьбы с народниками, не сходит со страниц ленинских трудов буквально до последних его дней.

В анализе деятельности Парижской Коммуны искал и находил Ленин ответы на животрепещущие проблемы, возникавшие перед ним в процессе борьбы за создание большевистской партии и ее подготовке к свершению пролетарской революции.

Первое упоминание Парижской Коммуны в ленинских трудах встречается в 1894 г. в связи с ответом В. И. Ленина на нападки Н. К. Михайловского на I Интернационал. Разоблачая эти нападки одного из лидеров народничества на рабочий класс Франции и Германии, которому Михайловский стремился приписать чувство неумного шовинизма¹, Ленин привел пример Коммуны, показавшей «действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведущим войну»².

Год спустя, в июне 1895 г., впервые находясь в Париже и работая в Национальной библиотеке, Ленин обращается к литературе, специально посвященной истории Парижской Коммуны и отсутствовавшей (или недоступной) в царской России³. Он конспектирует книгу коммунара Гюстава Лефрансэ «Очерки коммуналистского движения в Париже в 1871 г.»⁴ и делает

¹ См. Н. Михайловский. Литература и жизнь.— «Русское богатство», 1894, № 1, стр. 110.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 155.

³ См. «Ленин и Парижская Коммуна» (неопубликованные рукописи В. И. Ленина). — «Иностранная литература», 1957, № 4.

⁴ G. Le français. Etude sur le Mouvement Communaliste à Paris en 1871, Neuchâtel, 1871.

библиографические выписки изданий по истории Коммуны, приводимых на обложке этой книги⁵.

Находясь с 1900 г. в эмиграции, Ленин неоднократно выступал с рефератами, посвященными Парижской Коммуне. Так, в марте 1903 г. он выступил с речью о Коммуне перед рабочей аудиторией в лондонском пригороде Уайтчепеле.

Исключительно важен его доклад, прочитанный в Женеве 9(22) марта 1904 г. на интернациональном эмигрантском митинге в зале «Хандверк», вмещавшем несколько сот человек. В основу этого доклада были положены три ленинских конспекта⁶ «Гражданской войны во Франции» К. Маркса, «Истории Коммуны 1871 г.» П. О. Лиссагаре и книги Ж. Вейля «История социального движения во Франции (1852—1902)»⁷.

В заголовке первого, наиболее обширного конспекта Ленин написал: «В память Парижской Коммуны», «Чествование величайшего рабочего восстания 19 века».

Первый конспект разбит В. И. Лениным на 13 пунктов. В большинстве из них имеется ссылка на использованные источники, особенно многочисленны ссылки на Марксову «Гражданскую войну»⁸.

Обстоятельно разобрав недостатки в деятельности Парижской Коммуны, Ленин переходит к оценке «ее плюсов», выдающихся заслуг коммунаров. Под общим названием «Политические реформы» Ленин выделил пять подпунктов: отделение церкви от государства и экспроприация церковных имуществ; бесплатное народное образование; уничтожение постоянной армии; уничтожение бюрократизма; полноправие иностранцев и самоуправление общин. Основной вывод Ленина сводится к утверждению непреложного факта о том, что Парижская Коммуна представляла собой диктатуру пролетариата. Другое важное заключение касалось оценки роли французской буржуазии в обстановке войны с пруссаками и войны гражданской. Повторяя слова К. Маркса о том, что «даже «национальная война» стала политическим мошенничеством»⁹, Ленин подчеркивал предатель-

⁵ С обложки Лениным выписаны следующие книги: А. Лéo. La guerre sociale. Neuchâtel, 1871; В. Malon. La troisième défaite du prolétariat français. Neuchâtel, 1871; А. Clémence. L'antagonisme social. Neuchâtel, 1871; J. Guesde. Le livre rouge de la justice rurale. Genève, 1871; П. О. Лиссагаре. Les huit journées de mai derrière les barricades. Bruxelles, 1871.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 483—493.

⁷ К. Marx. Der Bürgerkrieg in Frankreich. Adresse des Generalrats der Internationalen Arbeiter-Assoziation. 3-te Aufl., Berlin, 1891; П. О. Лиссагаре. Geschichte der Kommune von 1871. Braunschweig, 1877; G. Weill. Histoire du mouvement social en France, 1852—1902. Paris, 1904.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 317—370.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 488; см. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 365.

ство французской буржуазии, не остановившейся перед союзом с немцами, а затем жестоко отомстившей трудящимся Парижа кровавой оргией за свой смертельный испуг.

Все это дает В. И. Ленину основание отметить «неустойчивость буржуазной демократии» уже в тот период, когда она находилась как будто еще в зените своего развития.

Вспыхнувшая в 1905 г. первая русская революция поставила перед В. И. Лениным много новых задач. Неизбежность вооруженной борьбы с силами реакции направляла его мысли по пути еще более глубокого изучения опыта революций на Западе.

5(18) марта 1905 г. для русской колонии политических эмигрантов в Женеве Лениным был прочитан еще один доклад, показавший его глубокий интерес к истории Парижской Коммуны ¹⁰.

К величайшему сожалению, этот доклад Ленина не найден, однако сохранившийся план ¹¹ его позволяет судить как о вопросах, поставленных В. И. Лениным, так и об источниках, положенных в основу реферата.

Основным источником ленинского доклада по-прежнему продолжает оставаться третье берлинское издание «Гражданской войны во Франции» К. Маркса. Использовал Ленин также упомянутые выше книги Ж. Вейля и П. Лиссагаре. Установлен еще один источник, которым пользовался Ленин при подготовке своего доклада. Это первый том трехтомного капитального исследования французского историка и политического деятеля Габриеля Аното «Современная Франция» ¹². Дошедшие до нас выписки Ленина из книги Аното ¹³ представляют собой, видимо, часть краткого конспекта, обрывающегося на 147-й странице этой работы.

Ленинский план чтения о Коммуне включает 13 параграфов.

Четкие и существенно важные выводы сделаны им в завершающем параграфе «Уроки». Прежде всего Ленин пишет о роли буржуазии: «...буржуазия пойдет на все. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы» ¹⁴. Другой урок он видит в необходимости самостоятельной организации пролетариата как решающего фактора в условиях, когда классовая борьба принимает форму гражданской войны. А отсюда

¹⁰ Как вспоминает один из участников этого митинга, после доклада Ленина состоялась прения. Выступивший в них либерал, защищавший идею единения классов, получил от Ленина решительную отповедь (См. Г. И. Левин. Три встречи.— «Красная летопись», 1927, № 1(22), стр. 28).

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 328—330.

¹² G. Hanotaux. Histoire de la France contemporaine. 1871—1900, т. 1. Paris, 1903.

¹³ См. «Ленинский сборник», т. XXVI, стр. 59—60.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

следует заключительный вывод Владимира Ильича, ставший классическим: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»¹⁵. Значение этих слов особенно велико, если еще раз вспомнить, что произнесены они были в условиях бурного развития революционных событий в России весной 1905 г.

В конце марта или начале апреля того же года В. И. Ленин проанализировал условия, в которых протекала первая русская революция, проводя параллель как с европейскими буржуазными революциями, так и с Парижской Коммуной.

По его мнению, русская революция находилась в более выгодных условиях, чем предшествовавшие ей революции: ибо пролетариат Европы не допустит интервенции со стороны монархических правителей, а развитие в России «сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах»¹⁶. Антагонизм же между пролетариатом и буржуазией в начале XX в. значительно глубже, поэтому буржуазия, по словам Ленина, все больше боясь пролетарской революции, быстрее бросится в объятия реакции.

Тщательно следя за всеми перипетиями русской революции, В. И. Ленин главное внимание уделял вопросам подготовки вооруженного восстания. Именно с этой стороны он внимательно изучал опыт Парижской Коммуны.

Характер вооруженных столкновений рабочего класса России с царскими войсками в условиях крупных населенных пунктов требовал от восставших умения вести уличные бои с регулярными воинскими частями. Решению этой задачи Ленин придавал важное значение. Поддерживая постоянную связь с участниками революционных боев в России, он стремился вооружить их опытом тактики уличной борьбы, уже прошедшей испытание в городских кварталах Западной Европы.

Из обширного круга известной ему военной литературы Ленин избрал в качестве примера книгу генерала Коммуны Г. П. Ключере¹⁷. Отрывок из нее он счел необходимым поместить на страницах большевистской газеты «Вперед»¹⁸. Поручив В. В. Филатову (Северцеву) подготовить перевод отрывков из третьей части II тома «Мемуаров» Ключере, состоявшей из семи глав и специально посвященной тактике уличной борьбы (название этой части, данное автором: «La guerre des rues»), Ленин принял активное участие в подготовке публикации отрывков из книги Ключере. Он написал предисловие к вышеуказанному отрывку, а также отредактировал перевод Филатова.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 381.

¹⁷ *Mémoires du général Cluseret*, t. 1—3. Paris, 1887—1888.

¹⁸ См. «Вперед» и «Пролетарий». — «Первые большевистские газеты 1905 года», вып. II. М.—Л., 1924, стр. 24—33.

Главная мысль ленинского предисловия — стремление вновь и вновь нацелить русских революционеров на необходимость использования опыта «западноевропейских товарищей». Но вместе с тем Ленин указывает, что этот опыт должен быть самостоятельно переработан рабочим классом в соответствии с условиями российской действительности, а поэтому «оригинальные мысли Ключере должны послужить для русского пролетария лишь материалом»¹⁹ при реализации стоявших перед ним задач.

Особый интерес представляет текстологический анализ ленинской правки перевода Филатова²⁰. В какой-то степени этот перевод был одобрен Н. К. Крупской, переписавшей и знавшей его прежде, чем он был передан В. И. Ленину. И тем не менее, не отклоняясь от текста оригинала, Ленин нашел единственно нужные слова, которые придали филатовскому переводу необходимые оттенки, ранее у него отсутствовавшие.

Весьма важна для уяснения ленинской концепции Парижской Коммуны написанная им заключительная часть статьи «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры», опубликованной в газете «Пролетарий» в июне 1905 г.²¹ Эту статью, принадлежащую перу неизвестного автора (одно время ее приписывали В. В. Воровскому), редактировал Ленин.

Статья в «Пролетарии», заостренная против позиции меньшевиков, отрицавших возможность участия социалистов во временном революционном правительстве, противопоставила этой точке зрения исторический опыт Коммуны.

Называя Парижскую Коммуну революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, он подчеркивал, что, извлекая необходимые уроки из ее деятельности, не следует повторять все выдвинутые Коммуной лозунги, надо «отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России...»²².

Классовые бои 1905 г. вызвали острую необходимость ознакомления партийных кадров с теоретическими трудами основоположников марксизма, посвященными стратегии и тактике пролетарских революций. Классическим образцом подобных трудов являлась написанная по горячим следам Парижской Коммуны «Гражданская война во Франции» К. Маркса. До 1905 г. это выдающееся произведение марксистской мысли выдержало уже около 20 типографских и литографированных изданий на русском языке²³, однако качество их оставляло желать много луч-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 347.

²⁰ «Ленинский сборник», т. XXVI, стр. 355—365.

²¹ См. «Вперед» и «Пролетарий». — «Первые большевистские газеты 1905 года», вып. IV. М.—Л., 1925, стр. 3—5.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 132.

²³ См. Н. Н. Иванов. В. И. Ленин. — редактор русского издания «Гражданской войны во Франции». — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 6.

него. Не оказался на необходимой высоте и предпринятый в 1905 г. перевод этой работы Маркса одесским издательством «Буревестник». Названное издательство решило опубликовать второе легальное издание книги К. Маркса. Редактирование было предложено В. И. Ленину, находившемуся в это время в Женеве. Ленин проделал всю необходимую работу в короткий срок.

Редактируя «Гражданскую войну во Франции», Ленин восстановил текст без купюр, ввел четкую марксистскую терминологию, опущенную во многих предшествующих изданиях на русском языке. В итоге им было внесено более 530 уточнений, изменений и исправлений²⁴. Столь же тщательно был отредактирован Лениным перевод «Введения» к работе Маркса, написанного Ф. Энгельсом. Количество поправок, внесенных Лениным в текст «Введения», превысило 80²⁵.

В начале 1907 г. Лениным была осуществлена еще одна редакторская работа над текстами Маркса — русским переводом его писем к Л. Кугельману. Перевод этот был сделан сестрой Владимира Ильича М. И. Ульяновой и вышел в свет в петербургском издательстве «Новая дума». Интересно, что когда в 1909 г. Петербургский комитет по делам печати заинтересовался этим изданием, ярость членов комитета А. Катенина и графа Головнина была безграничной. В докладной записке на имя прокурора Петербургской судебной палаты они требовали «возбудить судебное преследование против переводчицы брошюры М. Ильиной» (М. И. Ульяновой.— *Авт.*), а также «автора русского предисловия и редактировавшего брошюру Н. Ленина (имена, отчества, звания, местожительство этих лиц Комитету неизвестны)»²⁶.

Появление в 1907 г. перевода писем К. Маркса к Л. Кугельману с ленинским предисловием к ним сыграло большую роль в деле революционного воспитания российского пролетариата. Способствуя публикации Марксовых писем и ознакомлению с ними русских читателей, Ленин стремился сопоставить высказанную в этих письмах точку зрения Маркса по вопросу об отношении к вооруженному восстанию с позицией по этому же вопросу, занятой Г. В. Плехановым, который утверждал, что «не надо было братья за оружие».

Ленинское предисловие к письмам Маркса было направлено против этого утверждения Плеханова. Отметив, что оценка Марксом Коммуны является венцом его писем к Кугельману,

²⁴ См. там же, стр. 48.

²⁵ См. К. Селезнев. Ленин как редактор перевода «Введения» Ф. Энгельса к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса.— «Марксистско-ленинская литература», 1939, № 8, стр. 28.

²⁶ «Красный архив», 1933, № 1, стр. 22.

В. И. Ленин выделяет в них одно из центральных звеньев — проблему инициативы народных масс.

Принципиальное значение имели оценки Ленина стратегии и тактики Маркса в период франко-прусской войны и Парижской Коммуны. Ленин отмечал, что, хотя Маркс находился в Лондоне, «но к *пролетариату*, штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс» с присущей ему страстью и пылом. Маркс предостерегал французский народ от необдуманных и скороспелых действий, еще в сентябре 1870 г. называл восстание безумием. «Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления (как Плеханов.— Авт.). Он понимает, что попытка учесть наперед шансы с *полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он выше *всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю»²⁷. Решение задачи огромной важности — превращение войны между буржуазными государствами в войну гражданскую между эксплуататорами и эксплуатируемыми и историческая инициатива народных масс — вот что, по мнению Ленина, было главным для Маркса.

Наряду с рассмотрением вопроса об инициативе народных масс Ленин обращает внимание на возникшую перед коммунарами альтернативу: оборона или наступление? Ленин подчеркивает: только наступление, только немедленное движение на Версаль.

После поражения первой русской революции, анализируя ее исторические уроки и сравнивая ее с предшествовавшими революциями, Ленин по-прежнему продолжает держать в поле своего зрения события Парижской Коммуны.

Среди уроков, которые Ленин предлагал извлечь из опыта Коммуны, он особо подчеркивал полярную противоположность позиции пролетариата и позиции буржуазии в обстановке агрессивных захватнических войн эпохи империализма.

Переход к гражданской войне во Франции после установления власти Коммуны требовал решительного наступления на Версаль, полного отказа от патриотических иллюзий — веры в общенациональные стремления буржуазии.

Обращаясь к истокам этих иллюзий, Ленин указывал, что французские социалисты в обстановке франко-прусской войны 1870—1871 гг. вовремя не разглядели истинную подоплеку буржуазного «патриотизма». Полагая, что буржуазия была способна выполнить стоявшую перед Францией задачу защиты родины, они готовы были на время войны отказаться от классовой борьбы.

²⁷ «Красный архив», 1933, № 1, стр. 378—379.

Критикуя эту позицию, Ленин писал: «В соединении противоречивых задач — патриотизма и социализма — была роковая ошибка французских социалистов»²⁸. Развивая эту мысль, он подчеркивал, что всю ответственность за «национальное унижение» 1870—1871 гг. должна была нести только буржуазия, в то время как «дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии»²⁹.

Ошибкой Коммуны, погубившей «плоды блестящей победы», было излишнее великодушие пролетариата. Пролетариату «надо было, — указывал вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин, — истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе»³⁰.

И, наконец, общий вывод, сделанный Лениным, сводится к тому, что, сколь ни велики были жертвы Коммуны, они «искупаются значением ее для общепролетарской борьбы». Показав силу гражданской войны, Коммуна вместе с тем «рассеяла патристические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии»³¹. Именно в этом суть того великого урока, которым, по словам Ленина, воспользуется пролетариат всех стран и которым уже воспользовался рабочий класс России в период декабрьского вооруженного восстания 1905 г.

В 1908 г. Ленин снова напоминал о значении исторического опыта Парижской Коммуны и сравнивал его с опытом русской революции 1905—1907 годов. Так, вскрывая суть парламентаризма и буржуазной демократии, доказывая, что парламентаризм отнюдь не устраняет, а «обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения»³², Ленин делал вывод, что парламентаризм лишь способствовал обострению гражданской войны во время революций. В качестве примера он сослался на парижские события весны 1871 г. и события в России зимой 1905 г. Именно в этом состояла, по его мнению, внутренняя диалектика парламентаризма и буржуазной демократии.

В апреле того же года, еще раз подчеркивая преемственность между борьбой рабочего класса в декабре 1905 г. в России и Парижской Коммуной, Ленин писал: «... декабрьская борь-

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451.

²⁹ Там же, стр. 452.

³⁰ Там же, стр. 452—453.

³¹ Там же, стр. 453.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 23.

ба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны»³³.

Интернационализм В. И. Ленина, его уважение к выдающимся революционерам Запада, у которых немало учились русские большевики, не раз приводили вождя российского пролетариата к последней цитадели парижских коммунаров — кладбищу Пер-Лашез. Об участии Ленина в манифестации к кладбищу сообщает проживавший в то время в Париже И. Г. Эренбург.

«В мае 1909 года,— пишет он,— я был на демонстрации у Стены коммунаров. Впереди шли участники Коммуны; их было еще много, и они бодро шагали. Мне они казались глубокими стариками; я думал о Коммуне, как о странице древней истории,— ведь это было тридцать восемь лет назад! У Стены коммунаров я увидел Ленина; он стоял среди группы большевиков и глядел на стену — из камня выступали тени федератов»³⁴.

Очередное выступление В. И. Ленина с рефератом о Парижской Коммуне состоялось в марте 1911 г. Этот доклад В. И. Ленина месяц спустя был опубликован издававшейся в Париже «Рабочей газетой»³⁵ в виде статьи под названием «Памяти Коммуны».

Исходя из того, что в условиях капиталистического общества экономически поработанный пролетариат не может помышлять об установлении своего политического господства до тех пор, пока не разобьет «своих цепей», Ленин подчеркивал в своем выступлении неизбежность «социалистической окраски», которую должно было принять движение Коммуны.

К анализу опыта Парижской Коммуны Ленин вновь обратился под влиянием событий первой мировой войны, вспыхнувшей в 1914 г. Измена оппортунистических вождей социал-демократии Запада поставила перед Лениным и большевиками, ставшими авангардом международной революционной социал-демократии, задачи исключительной важности. Одной из них была задача превращения империалистической войны в войну гражданскую. Отмечая, что это есть единственно правильный пролетарский лозунг, Ленин непосредственно связывал его с опытом, указанным Коммуной³⁶. Наиболее обстоятельно этот вопрос был им рассмотрен в брошюре «Социализм и война», написанной в июле—августе 1915 г.

Разбирая в этой работе значение Базельского манифеста II Интернационала 1912 года для выработки тактики револю-

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 49.

³⁴ И. Эренбург. Собр. соч., т. 8. М., 1966, стр. 64.

³⁵ «Рабочая газета», 15 (28).IV 1911; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 217—222.

³⁶ См. В. И. Ленин. Война и российская социал-демократия; Социализм и война (Отношение РСДРП к войне).— Полн. собр. соч., т. 26.

ционной борьбы рабочих в интернациональном масштабе против своих правительств, Ленин напоминает о том, что этот манифест «указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября — декабря 1905 г., т. е. на пример революции и гражданской войны»³⁷.

Несколькими страницами далее Ленин вновь ссылается на пример Парижской Коммуны, способствовавшей превращению войны правительств в войну гражданскую. И здесь же он раскрывает причины, приведшие к краху Коммуны: слабость пролетариата, отсутствие объективных условий для победы социализма, мелкобуржуазная ограниченность части парижских рабочих, увлекавшихся «национальной идеологией» (традицией 1792 года), по словам Маркса. Когда спустя полстолетия все эти условия отпали, Ленин считал тем более непростительным для социалистов «мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров»³⁸.

Годы первой мировой войны были периодом усиленной и напряженной работы Ленина по объединению всех левых сил международной социал-демократии. Переехав из Поронина (Австро-Венгрия) снова в Швейцарию, он продолжил свою неустанную борьбу за идейную чистоту партии, против оппортунизма и центризма. В начале войны, вызвавшей крах II Интернационала, Ленин выдвинул задачу создания нового, III, Коммунистического Интернационала и на международных конференциях социалистов в Циммервальде (август 1915 г.) и Кинтале (апрель 1916 г.) последовательно добивался решения этой задачи³⁹.

В период последней эмиграции В. И. Ленин уделил огромное внимание разработке ведущих проблем марксистской теории: марксизм и государство, война и мир, перспективы международного социалистического движения, перспективы революции. Видное место занимает обобщение исторического опыта Парижской Коммуны.

В 1916 г. В. И. Ленин, предвидя назревание революции в России, подверг всестороннему рассмотрению проблемы государства, чтобы вооружить рабочий класс и его партию теорией, значение которой было столь велико при расчистке пути для грядущего Октября.

Вспоминая об этом времени, Н. К. Крупская писала: «Диктатура пролетариата, обеспечивающая ведущую роль пролетариата в перестройке всей общественной ткани, — вот что интересовало особенно Владимира Ильича во второй половине 1916 г...

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 319.

³⁸ Там же, стр. 325.

³⁹ См. Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968; «Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М., 1970.

Владимир Ильич стал усиленно перечитывать все, что писали Маркс и Энгельс о государстве, делать оттуда выписки. Эта работа вооружала его особо глубоким пониманием характера грядущей революции, дала ему серьезнейшую подготовку в деле понимания конкретных задач этой революции»⁴⁰.

Огромный интерес представляют подготовительные материалы Ленина января—февраля 1917 г., напечатанные впервые в 1930 г. в XIV «Ленинском сборнике» под названием «Марксизм о государстве»⁴¹. Это — знаменитая «Синяя тетрадь» из 48 страниц, в которой воедино собраны все основные выводы по вопросу о государстве, сделанные К. Марксом, Ф. Энгельсом и самим В. И. Лениным. Изучение подготовительных материалов к «Государству и революции» дает возможность наглядно представить ленинский метод научного исследования⁴², характер его работы над трудами Маркса и Энгельса. Ленин во всех случаях стремился выяснить, в связи с чем было написано то или иное произведение, что нового вносили в марксистскую теорию последующие работы Маркса и Энгельса по сравнению с их предшествующими работами. В списке перечисленных на первой странице ленинской тетради 52 названий использованных им материалов больше всего трудов основоположников научно-го коммунизма.

Первый раздел «Марксизма о государстве» посвящен вопросу *«Маркс и Энгельс о государстве и задачи революции в политической области (в ее отношении к государству)»*. Во введении к этому разделу, используя главным образом «Гражданскую войну во Франции»⁴³, Ленин комментирует один из важнейших выводов Маркса, сделанный им в этом труде, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»⁴⁴.

И далее Ленин поясняет, что это место, взятое отдельно, может быть истолковано оппортунистами в нужном им направлении, а именно, «...что-де «просто» взять «в руки» (in Besitz) «готовую» «государственную машину» нельзя — *з н а ч и т...* не надо революций, поосторожнее с ними, побольше внимания к идее *не* захвата власти, а медленного развития, вrastания и т. п. и т. д.»⁴⁵.

Ленин решительно отвергает подобное толкование, называя его «архиложным». Он пишет: «На деле, Маркс имеет в виду

⁴⁰ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 267—268.

⁴¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 121—307.

⁴² См. В. В. Адоратский. Как Ленин изучал Маркса.— Избр. произв. М., 1961, стр. 537—582.

⁴³ К. Марх. Bürgerkrieg in Frankreich... Leipzig, 1876.

⁴⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 339.

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 129.

совсем обратное: революция пролетариата не может «просто» взять в руки «готовую» государственную машину, революция должна **разбить ее**, эту *готовую* машину, и заменить *новой*»⁴⁶. Этот вывод, по мнению Ленина, наиболее наглядно разъяснен Марксом в его письме к Кугельману от 12 апреля 1871 г. Эту выдержку Ленин приводит целиком. «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», — пишет Маркс Кугельману, — ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших героических парижских товарищей»⁴⁷.

Фразе от слов «не передать» и кончая «сломать ее» Ленин на полях тетради выделяет двумя чертами и ставит знак **В**. Тремя чертами он выделяет заключительную часть мысли Маркса, в которой разъяснялось значение выступления парижских коммунаров.

Чем же восторгается Маркс в Парижской Коммуне, задает вопрос В. И. Ленин. И отвечает, выделяя замечательные качества коммунаров: *гибкость, историческую инициативу, способность к самопожертвованию*. «Штурмующие небо парижане»⁴⁸, — так формулирует Ленин итоговую мысль Маркса.

Особое внимание Ленин уделил и другому письму Маркса к Кугельману от 13 декабря 1870 г. Из него он сделал следующую выписку: «... но как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего»⁴⁹. Приведя эту мысль, Ленин на полях тетради, с обеих сторон, ставит знак **В** и подчеркивает двумя и четырьмя чертами, показывая тем самым исключительную важность этого вывода Маркса. Совершенно естественна аналогия, которую подразумевал Ленин, — франко-прусская война и первая мировая война, которая также научила массы владеть оружием.

Существенное значение в направлении развития творческого марксизма имеет сравнительное изучение Лениным текста «Гражданской войны» и текста указанного письма Маркса к Кугельману от 12 апреля 1871 г. Так, понятие «государственная машина», сформулированное в «Гражданской войне» в письме к Кугельману имеет, по мнению Ленина, более четкое и емкое название — «бюрократически-военная машина». К тому

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 131; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 133.

⁴⁹ Там же.

же заключению он приходит, сравнивая слова «просто взять во владение» («Гражданская война») и «перенести из одних рук в другие» (письмо к Кугельману). Последней формулировке он отдает предпочтение, но и она не явилась окончательной. Наиболее точное и ясное определение этого вопроса содержится, указывает Ленин, в добавлении, имеющемся в письме и «коего нет в «Гражданской войне»... не перенести готовое в другие руки, а **разбить**. Это Коммуна и *начала* делать, но не доделала, к сожалению»⁵⁰.

Одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, высказанных Марксом и Энгельсом после Парижской Коммуны, была, по словам Ленина, идея «диктатуры пролетариата».

Тщательный анализ и обобщение высказываний Маркса о Парижской Коммуне, учет всех деталей в его выводах помог В. И. Ленину наметить тот путь, который через героическую борьбу парижских коммунаров в 1871 г. и российского пролетариата в 1905—1907 гг. должен был привести к созданию нового государства, к выявлению направления, по которому «развивается управление народа посредством самого народа».

Ценнейшим источником по обобщению опыта Парижской Коммуны явилось также введение, написанное Ф. Энгельсом к третьему изданию «Гражданской войны», помеченное 18 марта 1891 г.⁵¹, которое Ленин также всесторонне анализирует.

Ленин присоединяется к Энгельсу, указывавшему, что «против этого, неизбежного *во всех существовавших до сих пор государствах*, превращения *государства и органов государства* из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила *два безошибочных средства*». Это — «сменяемость во всякое время» и «плата обыкновенного рабочего». Эти названные Энгельсом средства Ленин специально выделяет на полях своей работы⁵².

Завершает ленинские выписки из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» столь ненавистное оппортунистам определение Коммуны как диктатуры пролетариата. В заключение Ленин пишет: «Нельзя не признать, что Энгельс и здесь и в письме 18/28.III. 1875 гораздо популярнее, чем Маркс, излагает важнейшие мысли о диктатуре пролетариата и о *форме* (или вернее: о необходимости новой формы) той государственной власти, которую *за воюет* пролетариат»⁵³.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 135.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 189—201.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, ст. 241.

⁵³ Там же, стр. 247.

Собрав воедино высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о Парижской Коммуне как государстве нового типа, В. И. Ленин сопоставил историческую обстановку, в которой появились работы его гениальных предшественников, с более поздней обстановкой, что дало ему возможность сделать ряд выводов и обобщений.

Первоочередная задача, стоявшая перед Лениным, сводилась к тому, чтобы подготовить рабочий класс России к борьбе против эксплуататорских классов, за установление диктатуры пролетариата. Условия для решения этой задачи созрели в России с исключительной быстротой, сильнейший толчок чему дала Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г.

Последние недели эмиграции Ильича были чрезвычайно насыщены. Добиваясь осуществления максимально тесных контактов с Россией, стремясь получить предельно полную информацию о происходивших там событиях, он ни на минуту не прекращает своей теоретико-публицистической⁵⁴ и практической революционной деятельности, и в день годовщины Парижской Коммуны по установившейся у него традиции выступил с докладом. На этот раз он прочел его в швейцарском городе Ла-шодде-фон, расположенном в кантоне Невшатель, неподалеку от французской границы.

В завершение цюрихской эмиграции, исходя из перспектив грядущей социалистической революции, Ленин намечает задачи, которые предстояло решить российскому пролетариату в том случае, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше. Ленин непрерывно фиксирует внимание на том, что коренным вопросом каждой революции является вопрос о власти и государстве, отмечая в то же время суть отличия большевиков от оппортунистов и каутскианцев, ставших на путь искажения и забвения уроков Парижской Коммуны и анализа этих уроков, данных Марксом и Энгельсом.

Вновь и вновь в ряде своих высказываний Ленин касается значения опыта Парижской Коммуны. Так, 11 (24) марта 1917 г. в «Письмах из далека» он подчеркивал, что пролетариат, идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, «должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти»⁵⁵.

⁵⁴ Так, буквально за несколько дней до отъезда Ленина в Россию, он просит С. Н. Равич достать ему брошюру М. А. Бакунина «Парижская Коммуна и понятие о государственности», необходимую для работы (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 393).

⁵⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 40.

О необходимости установления непосредственной власти вооруженных и организованных рабочих Ленин снова говорит через несколько дней⁵⁶, подчеркивая, что функции государства с подобными атрибутами власти по существу уже были осуществлены Парижской Коммуной в 1871 г. и Советами рабочих депутатов в 1905 и 1917 гг.

Возвращение В. И. Ленина в Россию 3(16) апреля 1917 г. способствовало дальнейшей активизации партии в деле осуществления главной задачи — перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Эта задача пронизывает тексты и тезисы всех ленинских докладов, выступлений, с которыми он обращался к партии и народным массам.

Так, уже в докладе, сделанном на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4(17) апреля 1917 г., В. И. Ленин заявил: «Надо разъяснять массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство, правительство, еще невиданное в мире, кроме Коммуны»⁵⁷, указывая тем самым на однотипность названных правительств.

В большей части своих выступлений этого периода Ленин вновь ссылается на опыт Коммуны. Уже в «Наброске статьи или речи в защиту Апрельских тезисов»⁵⁸, относящемуся к 4—12 апреля, Ленин указывает на необходимость умелого и осторожного осуществления продвижения пролетариата и беднейшего крестьянства вперед — от двоевластия к полновластия Советов рабочих депутатов.

Более обстоятельно рассматривая вопрос о сущности двоевластия, сложившегося после Февральской революции в России, Ленин вновь подчеркивает, что Советы рабочих и солдатских депутатов представляют собой власть того же типа, что и Парижская Коммуна 1871 года.

«Марксизм и государство», «Письма из далека», статьи «О двоевластии» и «Задачи пролетариата в нашей революции», «Письма о тактике» и другие работы, созданные в январе — апреле 1917 г., послужили основой классического труда «Государство и революция».

Обратимся к III главе книги, содержание которой непосредственно связано с нашей темой. Ее полное название «Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса».

Воспроизводя основные положения марксистской теории о значении исторического опыта первого в мире пролетарского

⁵⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 56.

⁵⁷ Там же, стр. 108.

⁵⁸ Там же, стр. 123—124.

государства — Парижской Коммуны, Ленин снова подчеркивает, что, когда рабочим Парижа был навязан бой, несмотря на все плохие предзнаменования, «Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию...»⁵⁹. Суть подобной позиции Маркса Ленин видит в «громадной важности исторического опыта» массового революционного движения, совершившего «практический шаг» пролетарской революции, значение которого более важно, чем «сотни программ и рассуждений»⁶⁰.

И отсюда основной вывод о необходимости пересмотра теории и извлечения тактических уроков. В качестве примера Ленин ссылается на поправку, которая была сделана Марксом к «Манифесту Коммунистической партии», — рабочий класс не мог ограничиться просто захватом государственной машины, а должен был разбить ее и заменить новым органом государственной власти.

И если, как отмечает Ленин, ответ на этот вопрос в 1847 г. был еще в значительной степени абстрактным, лишь указывающим «задачи, но не способы их разрешения», опыт Парижской Коммуны явился огромным шагом вперед, продемонстрировав «гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода», которые действовали от имени большинства населения, а не меньшинства, как это было всегда ранее. «А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, — делает заключение Ленин, — то «особой силы» для подавления *уже не нужно*! В этом смысле, — завершает свою мысль Ленин, — государство *начинает отмирать*»⁶¹. И далее Ленин перечисляет основные мероприятия Коммуны⁶².

Существенное внимание Ленин уделил анализу парламентаризма, точнее проведенной Коммуной замене буржуазных «говорилен» работающими учреждениями. Он приводит мнение Маркса по этому поводу и развивает его. «Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»⁶³. Подробное и обстоятельное рассмотрение содержания буржуазного парламентаризма и неизбежность его ликвидации представляются Ленину совершенно необходимыми, поскольку социал-реформисты сделали все возможное для того, чтобы скорее «забыть» все то, что высказано было по этому вопросу Марксом и Энгельсом.

Примером того, как оппортунисты «современной социал-демократии» не желали понимать рассуждения Маркса, Ленин

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36.

⁶⁰ См. там же.

⁶¹ Там же, стр. 42.

⁶² Там же, стр. 43.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 342.

считает книгу Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»⁶⁴, где предпринимается попытка доказать тождественность взглядов Маркса по поводу уничтожения государственной власти с федерализмом Прудона. Ленин полностью опровергает это положение, доказывая, что если федерализм принципиально вытекает из мелкобуржуазных воззрений анархизма, то Маркс — убежденный централист, используя опыт Коммуны, старается «...противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему»⁶⁵.

Завершающий, пятый параграф книги назван Лениным «Уничтожение паразита — государства». Здесь Ленин обращает внимание еще на один вывод Маркса о том разнообразии толкований, которое вызвала Коммуна, что свидетельствует о ее весьма «гибкой политической форме». Вновь напоминая, что Коммуна представляет собой первую попытку пролетарской революции разбить буржуазную государственную машину, и политическую форму, которая должна заменить разбитое, он отмечает прямую связь между делом парижских коммунаров и русских революционеров. «Мы увидим в дальнейшем изложении, — пишет Ленин, — что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса»⁶⁶. Как известно, последняя глава «Государства и революции», в которой Ленин предполагал конкретно рассмотреть этот вопрос, не была написана⁶⁷. Ее написала сама жизнь. Великий Октябрь на практике доказал точность марксистско-ленинского научного прогноза.

В заключительной главе книги (6-й) Ленин разоблачает опосредование Каутским и оппортунистами марксизма. Он подчеркивает наличие пропасти между Марксом и Каутским уже в самом отношении их к центральной задаче пролетарской революции — подготовке пролетарской партией рабочего класса к революции. Резко критикует Ленин и тот факт, что в брошюре Каутского «Социальная революция»⁶⁸ не встретить «ни звука» о том, чему Коммуна уже научила рабочих, или о том, что она дала нового

⁶⁴ E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 54.

⁶⁶ Там же, стр. 56.

⁶⁷ Весьма убедительной представляется вместе с тем точка зрения Е. Н. Городецкого о том, что содержание этой главы составила книга В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (см. Е. Городецкий. Как Ленин работал над книгой «Государство и революция». — «Большевик», 1940, № 1; см. также «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 80—81).

⁶⁸ K. Kautsky. Die Soziale Revolution. Berlin, 1902.

в вопросе замены буржуазной демократии демократией пролетарской.

Общий итог проблемы «Парижская Коммуна 1871 года и разрушение государственной машины буржуазии» Ленин формулирует следующим образом: «Маркс... учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насуущных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма»⁶⁹.

Вывод Ленина в канун Великого Октября о необходимости учиться у коммунаров, использовать их практический опыт повторяет вывод, сделанный им непосредственно после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. В плане своего реферата «Русская революция, ее значение и задачи», прочитанного в конце марта 1917 г. в Цюрихе, Ленин ставил вопрос: «Что делать? Куда и как идти? К Коммуне? Доказать это»⁷⁰. И Октябрь это доказал. Никаких сомнений уже не могло оставаться. Ленинская стратегия победила бесповоротно и окончательно.

Готовя пролетариат России к социалистической революции, в месяцы, непосредственно предшествовавшие Октябрю, Ленин снова и снова обращается к опыту Коммуны. Он все время проводит сравнение между действиями коммунаров и задачами, стоявшими перед российским пролетариатом и его партией, отмечает, что большевики со времени Коммуны многому научились и они уже не повторяют ее «роковых ошибок», оставив банк в руках буржуазии и ограничившись обороной, — «против наших версальцев (корниловцев тож)»⁷¹. Мы перешли бы в наступление и раздавили бы врагов, заключает Ленин. И в то же время он подчеркивает органическую связь между делами Коммуны и фактами российской действительности. Здесь Ленин в первую очередь обращает внимание на однотипность государственной машины, созданной Парижской Коммуной и русскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что впервые было им отмечено 4 апреля 1917 г.⁷²

После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин продолжал обращаться к опыту Коммуны, анали-

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 117.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 481.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 227.

⁷² Там же, стр. 303.

зировать ее роль как непосредственного предшественника Советской власти.

В последних числах декабря 1917 г. он писал: «Парижская Коммуна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши Советы идут по тому же пути»⁷³.

Ленин все время напоминал, что Парижская Коммуна представляет собой первый опыт диктатуры пролетариата⁷⁴, и решительно опровергал любые попытки поставить под сомнение значение Коммуны как государства нового типа. Выступая на III Всероссийском съезде Советов 11 (24) января 1918 г. с докладом о деятельности СНК, он энергично возражал против утверждения одного из участников съезда, примыкавшего к антибольшевистскому лагерю, будто Парижская Коммуна может гордиться тем, что во время восстания в среде парижских трудящихся не было произвола и насилий. Разоблачая тенденцию этого заявления, Ленин противопоставляет ему мысль о бесмертии Коммуны («зачатки Советской власти»), первой осуществившей на деле идею о диктатуре пролетариата, хотя и недостаточно энергично использовавшей имевшуюся в ее руках вооруженную силу для подавления сопротивления эксплуататоров. Этим не замедлили воспользоваться французские эсеры, меньшевики и правые эсеры-калединцы, указывал Ленин.

«Французским рабочим,— говорил он,— пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысл и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции»⁷⁵. Здесь же Ленин обращает внимание и на другую непреодолимую трудность, с которой пришлось столкнуться коммунарам. Сами творцы Коммуны не понимали результатов дела рук своих. Ни одна фракция французских социалистов, указывал Ленин, не осознавала, что она делает. Те, кто Коммуну творил, «творили гениальным чутьем проснувшихся масс...»⁷⁶.

Этому положению Парижской Коммуны Ленин противопоставляет Советскую власть, указывая, что большевики, стоящие «на плечах Парижской Коммуны» и использующие многолетний опыт практической деятельности германской социал-демократии, находятся в неизмеримо лучшем положении, ибо они уже могут ясно видеть, что им надо делать.

Отмечая, что срок, прошедший от Октябрьской революции

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 203.

⁷⁴ Там же, стр. 192 и др.

⁷⁵ Там же, стр. 261.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

до дня созыва III Всероссийского съезда Советов, весьма велик — всего два с половиной месяца, Ленин говорил: «2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной, или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25 октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи»⁷⁷.

Это более выгодное положение, в котором находилась Страна Советов по сравнению с Парижской Коммуной, давало, по мнению Ленина, основание для убеждения в том, что ряд мероприятий, который не мог быть доведен до конца Коммуной, найдет свою реализацию в Советской России. Это — осуществление нового типа демократии, всеобщее вооружение народа в виде «социалистической Красной Армии» и др.

Исключительную важность имеет указание В. И. Ленина, сделанное им впервые в докладе на VII экстренном съезде РСДРП(б), а в дальнейшем не раз повторенное, на то, что Советская власть является продолжением «тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной»⁷⁸. Менее чем год спустя Ленин подчеркивал, что «советское движение перестало быть русской формой власти пролетариата, оно стало позицией международного пролетариата в его борьбе за власть, оно стало вторым шагом (после Парижской Коммуны.— Авт.) во всемирном развитии социалистической революции»⁷⁹.

Используя исторический опыт Парижской Коммуны в своей практической деятельности по руководству первым в мире социалистическим государством, Ленин вел борьбу по вопросам наследия Парижской Коммуны и в области теории, решительно борясь против любых попыток извращения марксизма.

Одним из ярких примеров этой борьбы явилась его работа «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанная в октябре—начале ноября 1918 г. Эта работа Ленина явилась ответом на клеветнические выступления К. Каутского⁸⁰, в ко-

⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 58.

⁷⁹ Там же, т. 37, стр. 439.

⁸⁰ К. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918.

торых лидер международного реформизма призывал социал-демократические партии к крестовому походу против Ленина и большевиков и предельно опошлял марксистскую теорию пролетарской революции.

Наибольшему искажению у Каутского подверглось марксистское учение о государстве, вопрос о диктатуре пролетариата, определяющий отношение пролетарского государства к государству буржуазному.

Показывая несостоятельность аргументации Каутского, Ленин напоминает, что еще задолго до того, как большевики взяли власть в свои руки, он уже обвинял Каутского в ренегатстве и в ряде своих работ, появившихся с самого начала войны, указал на разрыв Каутского с марксизмом.

Пытаясь опорочить деятельность Ленина и большевиков, Каутский отрицает историческую закономерность Октябрьской революции и установления в России диктатуры пролетариата, подтасовывает факты, прибегая к уверткам, прямому подлогу, противопоставляя деятельность русских большевиков в период Великого Октября деятельности Парижской Коммуны. Если первые, по утверждению Каутского, пришли к власти на основе чисто диктаторских методов, то вторая, якобы, основывалась на демократических принципах.

Показывая несостоятельность этого тезиса Каутского, Ленин разъясняет, что суть дела состоит в том, что при рассмотрении вопроса о диктатуре вообще, а диктатуры пролетариата в первую очередь, Каутский всячески старается обойти основной признак этого понятия — революционное насилие.

Все попытки Каутского возвеличить парламентаризм и «чистую демократию» и тем самым нанести удар понятию диктатуры пролетариата Ленин разоблачил до конца.

«Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием», — писал Ленин, — разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?» И далее Ленин отмечал, что «Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу *Франции*?»⁸¹ Как бы был осмеян Энгельсом тот мечтатель, завершает свою мысль Ленин, который в классовом обществе вздумал бы рассуждать о чистой демократии. И здесь же он обращает внимание Каутского на оценку Коммуны, которая была дана Энгельсом именно с позиций чистой демократии. Суть этой оценки заключалась в том, что больше одного дня Коммуне не удалось бы продержаться, если бы она в своей

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

борьбе против буржуазии не опиралась на авторитет вооруженного народа.

И далее, повторяя уже сделанные в его более ранних работах выводы, Ленин напоминает о том подробнейшем анализе деятельности Парижской Коммуны, который был сделан Марксом и Энгельсом и который привел их к заключению, что важнейшей заслугой Коммуны была ее попытка сломать буржуазную государственную машину, установить диктатуру рабочего класса.

В свою очередь, Советская власть, являющаяся одной из форм пролетарской демократии, действуя по сравнению с Коммуной в иных исторических условиях, привлекая к управлению эксплуатируемые массы, оказалась образцом демократии «для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся»⁸².

В феврале 1919 г. В. И. Ленин снова отмечает, что республика Советов является единственным типом государства, соответствующим на основании опыта Парижской Коммуны 1871 года и опыта русских революций 1905 и 1917 годов, «переходному периоду от капитализма к социализму, т. е. периоду диктатуры пролетариата»⁸³. В марте того же года Ленин напоминает, что два преобладающих в Коммуне течения — бланкисты и прудонисты вынуждены были силой обстоятельств совершать действия, находившиеся в противоречии с их доктриной. В противовес этому русские большевики «поступали согласно тому, чему учил нас марксизм»⁸⁴.

Народ России взял в свои руки власть в памятные дни Октября 1917 г. За полвека существования Страны Советов он добился выдающихся успехов. И в столетний юбилей героического подвига французских пролетариев — коммунаров 1871 г., советские люди еще раз склоняют головы перед памятью тех, кто первыми рискнул ринуться на «штурм неба» и к кому с глубочайшим уважением и симпатией относился основатель Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин.

⁸² Там же, стр. 256.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 89.

⁸⁴ Там же, стр. 138.

Парижская Коммуна 1871 г. просуществовала всего 72 дня и была разгромлена превосходящими силами буржуазной контр-революции.

Но, несмотря на то, что она существовала столь короткое время, несмотря на то, что в 1871 г., как показало последующее историческое развитие, еще не настал час крушения капитализма, несмотря на все слабости и ошибки, Парижская Коммуна имела непреходящее значение в истории нового времени.

Значение Коммуны 1871 г., разумеется, не ограничивалось рубежами той страны, где она возникла; она вписала нетленные страницы не только в летопись французской национальной славы, летопись героических подвигов французского рабочего класса. Парижская Коммуна 1871 г. стала великим событием в истории освободительной борьбы всего международного пролетарского движения, а следовательно, и передового человечества.

Владимир Ильич Ленин в 1908 г. писал: «...при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века»¹.

В этих словах дана самая высокая оценка революционного дела парижских коммунаров и определено его историческое место.

До революции 1905 г. в России, а в некотором отношении и до Великой Октябрьской социалистической революции Парижская Коммуна оставалась вершиной мирового пролетарского революционного движения.

Со времени возникновения капиталистического машинного производства, а вместе с ним и быстрорастущего класса про-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

мышленных пролетариев рабочее движение прошло ряд этапов развития.

От первых примитивных форм классовой борьбы, когда рабочие ломали машины, наивно полагая, что они-то и являются источником их бедствий, к восстанию лионских ткачей 1831 г., от увлечения утопическими планами Оуэна, Сен-Симона, Фурье к активной борьбе за проведение парламентской реформы в Англии, порожденной обманчивыми надеждами на надклассовую справедливость парламента, рабочее движение шло вперед, освобождаясь ценою поражений и тяжелых жертв от иллюзий и детских мечтаний.

Классовое сознание пролетариата росло по мере накопления опыта классовой борьбы. Рабочий класс учился на своих поражениях, он прозревал и по мере роста своей зрелости переходил ко все более высоким формам классовой борьбы.

Чартистское движение в Англии было первой в истории международного рабочего движения формой массового политического движения пролетариата. Классовые бои 1848 г., в особенности борьба французского рабочего класса, которая в июне 1848 г. достигла своей высшей степени — открытой гражданской войны между пролетариатом и буржуазией, знаменовала еще один важный рубеж в восходящем развитии освободительного движения пролетариата.

1848 г. остался памятной датой также потому, что тогда впервые на арену истории выступила международная пролетарская партия — Союз коммунистов, руководимый Марксом и Энгельсом.

Но должно было пройти еще немало времени, прежде чем теория научного коммунизма, созданная гением Маркса и Энгельса и возведенная миру еще в 1847 г., в программном документе — «Манифесте Коммунистической партии», — смогла соединиться с массовым рабочим движением, коренные интересы которого она выражала.

Создание международной пролетарской организации на более широкой основе — I Интернационала — было еще одной важной вехой в поступательном движении пролетариата. Несмотря на то, что эта организация, руководимая Марксом и Энгельсом, по составу участников еще не была марксистской и довольно точно отражала идейный уровень рабочего движения Европы и Америки тех лет, самый факт ее возникновения и деятельности был полон глубокого значения. Он свидетельствовал о том, что рабочее движение достигло уже такой степени зрелости, что оказалось в состоянии преодолеть путы национальной ограниченности и подняться до объединения своих сил в международном масштабе и борьбы против капитала под знаменем интернационализма, пролетарской международной солидарности.

Парижская Коммуна была, по известному выражению Энгельса, «детищем Интернационала». В ее деятельности весьма полно отразились все сильные и слабые стороны не только французского, но и всего международного рабочего движения той поры.

В декретах Коммуны, ее программных заявлениях, ее обращениях к народу, в выступлениях ее руководителей и рядовых бойцов отчетливо слышатся голоса прошлого, отзвуки мечтаний и надежд уже миновавшей эпохи, ее наивных представлений, до конца не преодоленных иллюзий. И вместе с тем в них уже явно ощущается нечто качественно иное, принципиально новое.

Коммуна была не только завершением, высшей точкой восходящего развития пролетариата на протяжении всего XIX в., она была и началом его следующего этапа: она открыла новые горизонты и проложила новые пути, по которым должно было пойти — и действительно пошло — международное рабочее движение, поднимаясь еще выше в своей великой борьбе за освобождение человечества.

В чем же было великое историческое значение Коммуны?

Оно заключалось прежде всего и главным образом в том, что Парижская Коммуна 1871 г. была первым во всемирной истории опытом диктатуры пролетариата.

До Парижской Коммуны диктатура пролетариата оставалась чисто теоретическим понятием, гениальным теоретическим выводом Маркса и Энгельса, еще не проверенным и не подтвержденным жизненной практикой.

Когда Маркс и Энгельс в 1847 г. в «Манифесте Коммунистической партии» определили понятие «политическое господство пролетариата»², а затем в марте 1850 г. Маркс в «Классовой борьбе во Франции» впервые употребил более точный термин «*классовая диктатура* пролетариата...»³, это было еще теоретическим умозаключением, гениальной догадкой основоположников научного социализма.

Предыдущий опыт международного рабочего движения еще не давал ответа на эти вопросы. Ни восстания лионских ткачей 1831 и 1834 гг., ни мужественное вооруженное восстание парижских рабочих в июне 1848 г., ни тем более народные восстания в Праге или Вене в том же 1848 г., свидетельствовавшие о героизме и отваге рабочих и людей из народа, все же почти ничего не давали для правильного понимания реального содержания исторически неизбежного периода диктатуры пролетариата.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 437—447.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 91.

Эти два латинских слова, введенных в политический словарь международного рабочего движения, означали лишь то, что между классовым господством буржуазии и бесклассовым коммунистическим обществом должен быть переходный период политического господства рабочего класса. Но в какие именно конкретно-исторические формы воплотится диктатура пролетариата, как она осуществится в реальной жизни, какая организация государственной власти ей более всего будет соответствовать, этого никто, в том числе Маркс и Энгельс, сказать не мог.

Французский народ, парижские рабочие, осуществляя в 1871 г. первый опыт диктатуры пролетариата, сами не знали, что они творят. Они решали практические задачи, которые диктовались требованиями ожесточенной, непримиримой классовой борьбы, они находили и создавали те формы организации народной власти, которые выдвигала революционная инициатива масс.

Многочисленные представители разных школ мелкобуржуазного домарковского социализма — бланкисты, неоякобинцы, коллективисты, правоверные прудонисты, участвовавшие в героической борьбе парижского народа в марте — мае 1871 г., — склонны были изображать Коммуну в соответствии с требованиями их доктрин. Они нередко искали в ней повторения черт прошлого, не будучи в состоянии увидеть или осознать то качественное отличие, то принципиально новое, что принесла с собой Коммуна.

Другие современники — идейные противники марксизма, не участвовавшие в борьбе Коммуны, но пытавшиеся воспользоваться плодами ее борьбы в интересах своих фракционных групп и ложных теорий, — не останавливались перед самым произвольным истолкованием смысла и значения Коммуны. «Я сторонник Парижской Коммуны, — писал М. А. Бакунин, — в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным отрицанием государства»⁴.

То, чего не могли увидеть и понять в Коммуне ее современники и даже участники, то, что и теперь — сто лет спустя — остается книгой за семью печатами для представителей реакционной социологии, — это в непосредственном ходе событий, за нагромождением лжи, клеветы, небылиц, распространяемых о Коммуне буржуазной печатью, сумел разгадать, понять и раскрыть Карл Маркс.

Марксу принадлежит великая историческая заслуга раскрытия тайны Коммуны — этого сфинкса, задавшего «такую тяжелую загадку буржуазным умам»⁵.

⁴ М. Бакунин. Парижская Коммуна и понятие государственности. — Избр. соч., т. IV. Пг.—М., 1920, стр. 252.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 596.

Еще в ту пору, когда Коммуна героически оборонялась против объединенных сил версальской контрреволюции и прусской интервенции, Маркс, опираясь на самые разнородные и противоречивые сведения, которые давали свидетельства очевидцев, официальные документы, информация буржуазной и социалистической прессы, письма и личные сообщения из Парижа, сумел понять в Коммуне главное.

Уже в начале апреля 1871 г. Маркс, располагавший пока лишь крайне неясной и путаной информацией о происходящем во французской столице, смог определить, что основное содержание героической борьбы парижских рабочих заключалось в попытке сломать буржуазную военно-бюрократическую государственную машину⁶. Почти за 20 лет до этого в работе «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс, обобщив опыт революции 1848 г., пришел к выводу о необходимости слома государственной машины господствующих классов. Проследивая процесс укрепления исполнительной власти на разных этапах развития от абсолютной монархии до Второй империи Наполеона III, Маркс писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»⁷.

Мысль о том, что пролетариат должен будет сломать буржуазную государственную машину и что это и является предварительным условием всякой действительно народной революции, имела огромное теоретическое и практическое значение для освободительной борьбы пролетариата. В. И. Ленин позднее писал, что этот вывод, сформулированный Марксом в «18 брюмера», — «есть главное, основное в учении марксизма о государстве»⁸.

Но — опять же! — эта мысль Маркса, сформулированная в «18 брюмера Луи Бонапарта», оставалась в ту пору, когда она была высказана и в течение последующих долгих лет, поразительной по силе прозорливости, по мощи теоретического обобщения, гениальной, но все же не опиравшейся еще на действительные факты истории догадкой.

И лишь 18 лет спустя со страстностью не только ученого, но и участника великих исторических событий, совершавшихся в далекой от него французской столице, изучая разнородные и противоречивые материалы, поступающие из осажденного врагами Парижа, Маркс в апреле 1871 г. нашел в этом пестром ворохе газетных сообщений то, что сразу приковало к себе его внимание:

⁶ См. письмо Маркса к Л. Кугельману, 12 апреля 1871 г. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 33, стр. 172—173.

⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 8, стр. 206.

⁸ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 33, стр. 28.

«Впервые с 4 сентября республика освобождена от *правительства своих врагов*... В городе — национальная милиция, защищающая граждан от власти (правительства), *вместо постоянной армии, защищающей правительство от граждан*», — писал в одном из своих воззваний Центральный комитет национальной гвардии, ставший первым революционным правительством⁹.

Эти строки, выписанные и подчеркнутые Марксом¹⁰, а затем воспроизведенные им в первом наброске «Гражданской войны во Франции»¹¹, послужили одним из главных отправных пунктов сжатого и глубокого теоретического анализа существа Коммуны как государства нового типа, который был дан им в центральной главе первого наброска, озаглавленной «Характер Коммуны»¹².

Маркс увидел, что парижские рабочие совершили именно то, что он теоретически предсказывал в 1852 г.: они начали со слома, с разрушения старой, буржуазной военно-бюрократической государственной машины.

«Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства, — писал в той же главе первого наброска Маркс, — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой»¹³.

Эта краткая, сжатая формула гениально определяла существо Коммуны. Она раскрывала то совершенно новое, что давал мировому рабочему движению исторический опыт французских рабочих. Поэтому Маркс тогда же, в апреле 1871 г., когда исход гражданской войны между коммунарами и версальцами еще далеко не определился и решался в ожесточенных кровавых схватках на подступах к великому городу, с замечательной прозорливостью писал о Коммуне: «...какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир*»¹⁴.

Конечно, революция 1871 г., как и всякое иное подлинно народное движение, опиралась на предшествующий исторический опыт и черпала из него все то прогрессивное и полезное, что могло быть поставлено на службу новым задачам, стоящим перед революцией.

⁹ «Journal officiel», 24.III 1871.

¹⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII). М., 1934, стр. 120—121.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 548.

¹² Там же, стр. 543—554.

¹³ Там же, стр. 547.

¹⁴ Там же.

Самый термин «Коммуна», ставший общенародным требованием еще до того, как она была провозглашена, был тоже взят из прошлого Франции. Само собой разумеется, что для французских рабочих, для французских трудящихся 1871 г., во всяком случае для их передовой части, требование Коммуны отнюдь не связывалось с воспоминаниями о средневековых городских коммунах и не означало восстановления средневекового режима городских вольностей, как это позднее изображали некоторые прудонистские историки революции 1871 г.¹⁵ Оно было порождено воспоминаниями о великой революции XVIII в. и о Коммуне Парижа 1792—1793 гг. Появление в заголовках многих парижских газет названий месяцев революционного календаря первой Французской революции (сначала жерминаля, а затем и других)¹⁶ не оставляет на этот счет никаких сомнений.

Но чем была Коммуна 1792—1793 гг.? Независимо от того, осознавали это отчетливо руководители революционных организаций Парижа в 1870—1871 гг. или же это было еще одним доказательством замечательного революционного чутья народных масс, так высоко оцененного В. И. Лениным, в их восприятии, соответствовавшем подлинной исторической действительности, Коммуна периода Французской буржуазной революции XVIII в. была прежде всего и главным образом органом восстания.

Напомним известные факты: революционная Коммуна Парижа возглавила знаменитое народное восстание 10 августа 1792 г., свергнувшее монархию; она подняла народ Парижа на славное восстание 31 мая — 2 июня 1793 г., сокрушившее господство Жиронды и передавшее власть в руки Горы¹⁷. Парижская коммуна 1792—1793 гг. жила в памяти французского народа как олицетворение революционного дерзания, народной отваги и смелости, как символ великих побед народа над силами внутренней и внешней контрреволюции.

В процессе революционного творчества Коммуна в конце апреля — начале мая 1871 г., преодолевая сопротивление прудонистов, голосами бланкистов и неоякобинцев приняла решение о создании Комитета общественного спасения¹⁸. Но мысль о воссоздании этого знаменитого органа якобинской революционно-демократической диктатуры 1793—1794 гг. возникла значительно

¹⁵ См., например, *G. Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste à Paris en 1871*. Neuchâtel, 1871; *Arthur Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris*, t. I—III. Bruxelles, 1878.

¹⁶ См. «*Le Père Duchêne*», «*Le Vengeur*», «*La Commune*» и др.

¹⁷ См. *P. G. Chaumette. Mémoires sur la révolution du 10 août 1792*. Paris, 1893; *A. Mathiez. Le dix août*. Paris, 1931; *E. Braesch. La Commune du 10 août 1792*. Paris, 1911.

¹⁸ «*Протоколы заседаний Парижской Коммуны*», т. II, М., 1960, стр. 5—32.

раньше. Как свидетельствуют протоколы ЦК 20 округов, опубликованные Ж. Дотри и Л. Шелером, уже через три дня после победы народа 18 марта один из членов этой организации, Наппа-Пике, поставил вопрос о преобразовании Центрального комитета национальной гвардии, являвшегося первым революционным правительством, в Комитет общественного спасения с соответствующим расширением его полномочий и прав¹⁹.

Это свидетельствует о том, что мысль представителей различных революционных организаций Парижа 1871 г., обращаясь к прошлому своего народа, искала там примеры подлинно революционной организации власти, власти революционной диктатуры, чтобы использовать этот опыт в новых исторических условиях 1871 г.

Но хотя по своим названиям и по своим внешним формам многие учреждения, созданные революционным творчеством масс в 1871 г., напоминали или даже точно воспроизводили революционные органы совсем иной исторической эпохи — эпохи первой Французской буржуазной революции, по своему внутреннему содержанию и по своему классовому характеру они были уже совершенно другими.

Коммуна 1871 г. лишь по названию и революционным традициям напоминала Коммуну 1792—1793 гг.; ее классовое содержание было уже иным, и оно-то и придавало совершенно новый смысл старинному французскому термину.

Диктатура, установившаяся в Париже в 1871 г., лишь некоторыми названиями своих учреждений, ораторскими приемами, к которым прибегали отдельные ее представители, в особенности из числа неоякобинцев, напоминала революционную якобинскую диктатуру. Но она коренным образом отличалась от якобинской диктатуры по своей классовой природе и по самой своей сути была обращена не к прошлому, а к будущему.

Возможно, что многие из участников или руководителей Коммуны не понимали и не осознавали этого в полной мере; документы Коммуны и в этой части, как и во многом ином, противоречивы и отражают пестроту идейных взглядов.

Но все же уже в первые дни после победоносного народного восстания 18 марта в официальном органе нового революционного правительства «*Journal officiel*» появлялись программные документы, свидетельствующие о глубине понимания новых исторических задач, решаемых в эти дни в восставшем Париже.

Внешние покровы, в которые облекалось развитие революции, во многом напоминали старые, но уже явственно проступало новое содержание. Даже привычное, много раз во всех

¹⁹ J. Dautry et L. Scheler. Le Comité Central Républicain des vingt arrondissements de Paris (septembre 1870 — mai 1871). Paris, 1960, p. 216.

революциях повторявшееся слово «народ» теперь обрело новый смысл, и уже становилось очевидным для всех — и для друзей, и для врагов, — кто, какой класс является направляющей силой народа.

«Пролетарии столицы перед лицом вырождения и измены господствующих классов, — говорилось в программной статье, озаглавленной «Революция 18 марта», — поняли, что для них настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки руководство общественными делами»²⁰.

Так открыто от имени первого революционного правительства — правительства Центрального комитета национальной гвардии — было провозглашено на весь мир, что главным содержанием народной революции 18 марта был переход власти в руки пролетариата.

Это не было случайно мелькнувшей мыслью. В той же статье далее вновь заявлялось, что «пролетариат перед лицом постоянной угрозы своим правам, полного отрицания всех его законных стремлений, крушения родины и всех его надежд понял, что его повелительный долг и непреложное право — взять в свои руки решение своих судеб и обеспечить свою победу захватом власти»²¹.

Здесь не было слов «диктатура пролетариата». Они ни разу не были произнесены участниками революции 1871 г. на протяжении всей ее 72-дневной истории. Более того, как свидетельствуют протоколы Парижской Коммуны, многих ее членов, в особенности прудонистов, само слово «диктатура» приводило в смущение и трепет²².

И все-таки Маркс и Энгельс, великие современники и духовные участники героической борьбы коммунаров, сумели увидеть в историческом подвиге парижских рабочих то, что последние не смогли осознать: они увидели, что Коммуна является первым в истории опытом диктатуры пролетариата.

Здесь нет нужды воспроизводить многочисленные определения, данные Марксом и Энгельсом Парижской Коммуне, как первому опыту диктатуры пролетариата, — они общеизвестны²³.

Напомним лишь те конкретные черты в революционной практике Коммуны, которые Маркс и Энгельс, а позднее Ленин, с их гениальным даром теоретического обобщения, охарактери-

²⁰ «Journal officiel», 21.III 1871.

²¹ Ibidem.

²² См. «Протоколы заседаний Парижской Коммуны», т. I—II, особенно протоколы заседаний 28 апреля и в мае 1871 г.

²³ См. К. Маркс. Гражданская война во Франции; Наброски к «Гражданской войне»; письма к Л. Кугельману; речи в Генсовете I Интернационала и др.; Ф. Энгельс. Введение к «Гражданской войне во Франции»; «О принципе авторитета»; письма к Бебелю и др.

зовали как определяющие Коммуну в качестве государства «нового типа».

Первое, с чего начинали творцы научного коммунизма свой теоретический анализ, это, как уже говорилось, попытка сломать французскими рабочими старой военно-бюрократической буржуазной государственной машины.

В. И. Ленин в полемике против Каутского высказал чрезвычайно глубокую мысль, которая не всегда привлекала в должной мере внимание исследователей этого круга проблем: «...Формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революций 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, в течение сорока лет»²⁴.

Итак, В. И. Ленин, опираясь на Маркса и Энгельса, требовал, чтобы анализ диктатуры пролетариата начинался с изучения попытки слома буржуазной государственной машины.

Но что означал конкретно слом старой буржуазной государственной машины? Что дала в этом отношении мировому рабочему движению и его великой освободительной теории — марксизму — Парижская Коммуна, ее исторический опыт?

Кратковременная история Парижской Коммуны доказала, что разрушение старой военно-бюрократической буржуазной государственной машины в основном сводится к двум важнейшим мерам. Это, во-первых, уничтожение постоянной армии и полиции — тех «особых отрядов вооруженных людей», как говорил В. И. Ленин, которые служат реальной силой классового угнетения. Это, во-вторых, уничтожение старой бюрократии, старого чиновничьего аппарата во всех его разветвлениях.

Парижский пролетариат разрешил эти великие исторические задачи в марте — апреле 1871 г. не потому, что это ему предписывала теория. Его толкнула на эти шаги логика классовой войны, повелительная жизненная необходимость и та замечательная историческая инициатива масс, которую так высоко ценили творцы научного коммунизма.

Уже в первые дни после победы народа 18 марта революционное правительство ЦК национальной гвардии, взяв в свои руки бывшее управление полиции и назначив туда 19 марта делегатом-командующим Эмиля Дюваля, а руководителем министерства внутренних дел Грелье²⁵, а затем 22 марта декретировав, что все оставшиеся в Париже солдаты регулярной армии должны быть зачислены на общих основаниях в состав

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 242.

²⁵ «Journal officiel», 20.III 1871.

национальной гвардии²⁶, тем самым практически разрешило эту важнейшую задачу народной революции. Исторический декрет Парижской Коммуны об упразднении постоянной армии и замене ее национальной гвардией, принятый 29 марта²⁷, лишь юридически узаконивал официальным государственным актом революционного правительства практические действия, осуществленные предшествующим революционным правительством ЦК национальной гвардии.

В равной мере уничтожение старого буржуазного чиновничьего аппарата и замена его новыми кадрами, вышедшими из народа, были подсказаны той же жестокой необходимостью непримиримой классовой борьбы. Когда, например, в министерстве иностранных дел из всего многочисленного состава его служащих остались на работе только двое — сторож и полотер, так как все остальные саботировали, то тут уже не приходилось задумываться над тем, что предписывают доктрины прудонизма или бланкизма. Надо было не теоретизировать, не рассуждать, а действовать.

Великая историческая заслуга французского народа в 1871 г. в том и заключалась, что он действовал. «Гениальное чутье проснувшихся масс», как замечательно сказал В. И. Ленин²⁸, историческая инициатива масс подсказали им единственно верные в данных условиях решения. Эти решения оказались неизмеримо выше и жизненнее всех тех рецептов социального исцеления общества, которые в таком изобилии предлагали соперничавшие между собой школы мелкобуржуазного французского социализма.

Опыт Парижской Коммуны не только исторически подтвердил правоту теоретической гипотезы, высказанной Марксом в 1852 г., но и показал, как осуществляется на практике слом буржуазной государственной машины.

Та же историческая инициатива масс, подстегиваемая безотлагательными требованиями ожесточенной классовой войны, подсказала им и решение другой задачи, неотделимо связанной с первой, — чем заменить разбитую государственную машину.

Карл Маркс в «Гражданской войне во Франции»²⁹ и В. И. Ленин, развивая и углубляя идеи Маркса в «Государстве и революции»³⁰, с замечательной глубиной и ясностью

²⁶ «Journal officiel», 23.III 1871.

²⁷ «Journal officiel», 30.III 1871.

²⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17 — публикация весьма ценная, так как вместе с текстом основного издания здесь опубликованы первый и второй наброски этой работы и обширные приложения.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 1—120, а также подготовительные материалы к «Государству и революции».

раскрыли существо Коммуны как первый в истории опыт диктатуры пролетариата.

После этих классических работ, после ряда специальных исследований нет надобности характеризовать те черты, которые определяют Коммуну как государство типа диктатуры пролетариата. Здесь достаточно их только перечислить.

Замена постоянной армии и полиции вооруженным народом; уничтожение старого бюрократического чиновничьего аппарата и замена его новыми демократическими органами государственной власти, сформированными из людей, вышедших из народных масс; выборность, сменяемость и ответственность перед народом всех государственных служащих; установление для высших государственных служащих предела заработной платы, приближающегося к заработной плате квалифицированного рабочего; соединение в одном высшем государственном органе — Коммуне — законодательной и исполнительной власти и превращение ее в «работающее учреждение»; организация единства нации путем объединения действия коммун на основе сознательного, демократического, пролетарского централизма³¹ — вот та совокупность мер, осуществленных парижскими коммунарами, которые, по мысли Маркса, Энгельса, Ленина, и определяли Коммуну как государство нового типа.

Конечно же, правительство рабочего класса, победившее в одном — великом, но все же единственном — городе страны, оказавшись лицом к лицу с могущественной контрреволюционной буржуазией, опиравшейся на огромные ресурсы государства, на поддержку всех сил реакции и эксплуататорских классов, в ту пору безраздельно господствовавших во всем мире, должно было защищать творимую народом революцию с помощью таких «авторитарных средств», пользуясь выражением Энгельса, как ружья, штыки и пушки. В. И. Ленин в 1918 г., полемизируя с Каутским, напоминал последнему справедливые слова Энгельса: «Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»³² Извлекая уроки из опыта Парижской Коммуны, и Маркс, и Энгельс, и Ленин многократно подчеркивали, что одна из причин гибели Коммуны заключалась в том, что она проявила слишком много великодушия по отношению к своему беспощадному и свирепому классовому врагу — буржуазии, что она в недостаточной мере пользовалась всеми средствами, которые ей предоставляла пролетарская дик-

³¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 54.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 249.

татура для борьбы против своего могущественного классового врага³³.

Но вместе с тем Парижская Коммуна, будучи первой, еще не совершенной, еще не развитой формой диктатуры пролетариата, являла собой и новую, более высокую, чем любая из известных ранее, форму демократии.

Перечисленные выше меры по слому старой, буржуазной государственной машины и замене ее новой организацией государственной власти знаменовали этот переход к новой, высшей демократии. В. И. Ленин писал: «Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода... демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую...»³⁴

Созданная коммунарами 1871 г. новая, высшая, пролетарская демократия представляла громадный шаг вперед в общественном развитии. Подобно тому как буржуазная демократия в свое время знаменовала общественный прогресс по сравнению со средневековым бесправием, произволом монархической власти, пролетарская демократия, впервые на практике осуществленная Парижской Коммуной, представляла несомненный прогресс по сравнению с буржуазной демократией.

И дело здесь было вовсе не в том, в какой мере применяла Коммуна всеобщее избирательное право, — что бывшие вожди рабочего движения, переметнувшиеся в стан буржуазии, вроде Каутского³⁵ или Вандервельде³⁶, пытались изобразить главной проблемой демократии. Вопрос этот — должна ли, может ли диктатура пролетариата предоставлять на определенных этапах всеобщее избирательное право, т. е. давать избирательный голос и свергнутой буржуазии, — является, как это доказал В. И. Ленин³⁷, вопросом не принципиальным, а практическим, решаемым всякий раз конкретно, в зависимости от сложившихся условий. Главным является иное — диктатура пролетариата, обеспечивающая переход к пролетарской демократии, означает установление демократии для народа, демократии для большинства населения, что она создает все необхо-

³³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 601—602; *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 452—453.

³⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 42.

³⁵ *K. Kautsky*. *Die Diktatur des Proletariats*. Wien, 1918.

³⁶ *E. Vandervelde*. *Le socialisme contre l'Etat*. Paris — Nancy, 1918.

³⁷ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265—266.

димые условия для самого широкого участия вчерашних так называемых «низов», «простых людей» во всех формах государственного строительства.

Одним из самых распространенных обвинений против Коммуны было обвинение в том, что ею руководят «неизвестные», «темные» люди. Даже один из деятелей Коммуны, ставший позднее одним из ее первых историков, Артюр Арну, находил, «что-то страшное и неслыханное» в том, что «первый город мира... принадлежал неизвестным людям и в Ратуше заседало безымянное правительство...»³⁸.

Но в этом-то как раз и была сила Коммуны. Ее правительство было правительством рабочего класса, оно было первым в истории подлинно народным правительством. И сами коммунары инстинктивно понимали огромное политическое значение этого факта. «Неведомые пролетарии, вчера еще не известные, но чьи имена прогремят вскоре по всему миру...» — так писали о себе члены первого революционного правительства ЦК национальной гвардии³⁹.

Следует отметить в этой связи, что, завоевав своей героической борьбой и показав миру высшую форму демократии — демократию пролетарскую, — французский рабочий класс тем самым попутно решал и другую задачу — укреплял республиканский режим, республиканский строй во Франции. Третья республика, провозглашенная во Франции 4 сентября 1870 г. и остававшаяся фактически номинальной, крайне шаткой, непрочной, лишь после Парижской Коммуны укрепились, вросла корнями в почву Франции. Французский пролетариат «перевоспитал», «переобучил» французскую буржуазию: он «переделал вчерашних монархистов в республиканцев». Знаменательно, что орлеанист Тьер, «старый монархист», как он сам себя называл, после Коммуны требовал безоговорочного сохранения республики, ибо свержение республики, по его мнению, повлекло бы за собой «ужасную гражданскую войну»⁴⁰.

Но укрепление Третьей республики во Франции было лишь побочным результатом героической борьбы французского пролетариата в марте — мае 1871 г. Главным в Коммуне было иное. «...*Коммуна*, — писал Маркс, — *политическая форма социального раскрепощения, освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, созданных самими трудящимися или даруемых природой*»⁴¹.

В. И. Ленин ту же мысль выразил еще более просто и ко-

³⁸ Arthur Arnould. Histoire populaire..., t. II, p. 29.

³⁹ «Journal officiel», 21.III 1871.

⁴⁰ G. Bouniols. Thiers au pouvoir. Textes de ses lettres. Paris, 1921, p. 69.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 550.

ро́тко: «Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда»⁴².

Это открытие имело громадное теоретическое и практическое значение. Первый опыт диктатуры пролетариата, осуществленный коммунарами 1871 г., показал и доказал на практике историческую правоту идей марксизма. Под старыми, давними спорами была подведена черта. Ни мечты Сен-Симона об идеальном позитивном строе индустриалов и ученых, ни «социетарный строй» Шарля Фурье, ни «организация труда» Луи Блана, ни «Икария» Этьена Кабэ, ни какая-либо иная идея авторов многочисленных планов социального преобразования мира, представлявших разные оттенки мелкобуржуазного или предпролетарского утопического социализма, не выдержали испытания жизненной практикой. Сама жизнь, неустрашимая, полная отваги и лишений борьба парижских рабочих, создавших первое правительство рабочего класса, первое, пусть несовершенное, государство диктатуры пролетариата, доказали, что единственно верным, раскрывающим стержневые пути развития человечества является учение марксизма.

В свою очередь 72-дневный опыт революционного творчества парижских рабочих, столь внимательно изученный Марксом, Энгельсом, Лениным, открыто заявлявшими, что они сами учатся у массового рабочего движения, во многом обогатил теорию научного коммунизма.

В развитии социализма от утопии к науке и от науки к действительности, к жизни Парижская Коммуна 1871 г. заняла важное место.

Французский рабочий класс в дни Коммуны доказал, что уже пришла пора, когда пролетариат выступает гегемоном, руководителем всех прогрессивных сил общества. Сознание высокой ответственности, лежащей на рабочем классе, не только за будущность рабочего движения, но и за судьбы всех трудящихся, за судьбы страны, за разрешение общедемократических и национальных задач французского народа отчетливо проступает во многих программных заявлениях коммунаров и в их практической деятельности.

Уже в одном из первых после восстания 18 марта выступлений Центрального комитета национальной гвардии говорилось, что пролетарии, «вдохновленные глубокой любовью к справедливости и праву и безграничной преданностью Франции и Республике, воодушевленные этими благородными чувствами и отвагой, решили спасти подвергнувшуюся вторжению родину и находящуюся под угрозой свободу»⁴³.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 56.

⁴³ «Journal officiel», 21.III 1871.

Здесь была впервые высказана имевшая огромное политическое значение мысль о том, что только пролетариат призван быть руководителем и истинным защитником общедемократических и национальных интересов страны.

Социальное законодательство Коммуны, несмотря на то, что в этой области ей удалось сделать меньше, чем в политической, тем не менее ясно показывает, что такими мерами, как декреты о рассрочке платежей по долговым обязательствам и об отмене выплаты по ним процентов, об отсрочке уплаты квартирной платы, о возвращении части заложенных в ломбардах вещей, о развитии системы народного образования и т. п., Коммуна защищала также интересы мелкой буржуазии и широких слоев средних классов вообще.

Со времени победы революции 18 марта парижские рабочие сознательно стремились к союзу с крестьянством. «Коммуна,— писал Маркс,— имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!»»⁴⁴. Коммуна «пробивалась» к союзу с крестьянством, но не могла достичь этой цели, в значительной мере — по причинам, не зависящим от нее. Разъединенность сил рабочего класса и крестьянства, практическая невозможность для французского рабочего класса повести за собой крестьянство, отсутствие союза между ними — одна из важных причин, предопределивших падение Коммуны. Творцы научного коммунизма обратили на это большое внимание и извлекли из этого негативного опыта 1871 г. важные политические уроки для будущего.

Перед лицом капитулянтской политики, а затем и открытой национальной измены французской буржуазии, вставшей на путь прямого сговора с внешним врагом против народа своей страны, французский рабочий класс выступил вернейшим защитником национальной чести, свободы и независимости Франции.

С 4 сентября 1870 г., когда буржуазные политики, захватив власть, из страха перед революционным пролетариатом повели тайно линию на капитуляцию перед внешним врагом (что позднее откровенно признал сам генерал Трошю)⁴⁵, французский пролетариат, организованный в национальную гвардию, стал главной силой, застрельщиком и организатором национального сопротивления.

Однако, выступая вождем общенародных сил, сопротивлявшихся вторжению германских милитаристов, французский рабочий класс решал проблемы внешней политики и защиты национальных интересов страны принципиально иначе, чем бур-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 348.

⁴⁵ L. S. Trochu. Œuvres posthumes, vol. I. Paris, 1896, p. 332.

жуазия и другие эксплуататорские классы. С замечательной отвагой и мужеством сражаясь против прусско-германских завоевателей, французские рабочие в то же время с первых дней франко-прусской войны протянули руку братской дружбы немецким рабочим. «Братья в Германии! Вражда между нами, французскими и немецкими рабочими, имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обе стороны Рейна...»⁴⁶ — писали французские рабочие, члены парижских секций Интернационала, в июле 1870 г., на пороге войны. В свою очередь передовые немецкие рабочие, возглавляемые Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом, заверяли в братской солидарности французских рабочих и, когда обнаружилась реальная опасность аннексии Эльзаса и Лотарингии, открыто выступили с решительным протестом против этого захвата.

Так через головы своих правительств французские и немецкие рабочие устанавливали и крепили классовую пролетарскую солидарность и закладывали основы иной — пролетарской — внешней политики, основанной на принципах братского сотрудничества пролетариев разных стран, братства народов.

Правительство победившего рабочего класса — как первое, ЦК национальной гвардии, так и Коммуна — рядом гласных заявлений осудило проводимую буржуазными правительствами политику войны, буржуазный шовинизм, национализм, разжигаемый эксплуататорскими классами. Парижская Коммуна, которая и в своих программных заявлениях, и в своей повседневной практической деятельности дала замечательные образцы пролетарского интернационализма, являлась убежденным и горячим поборником дела мира. Уже в критические дни обороны против наступающих войск версальцев, в середине мая, по постановлению Коммуны в центре Парижа была разрушена Вандомская колонна. Маркс ярко охарактеризовал значение этого величественного акта: «Чтобы резче отщепить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну»⁴⁷.

Это принципиальное осуждение проводимой угнетающими классами политики войны и верность принципам пролетарского интернационализма, столь ярко проявленные коммунарами 1871 г., стали одной из прочных революционных традиций французского и всего международного рабочего движения.

Когда 16 лет спустя, в 1887 г., между Францией и Германией вновь возник острый конфликт, чреватый опасностью

⁴⁶ «Le Réveil», 12.VII 1870.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 350.

новой войны, французские и немецкие рабочие, как и в 1870—1871 гг., вновь протянули друг другу руки для братского рукопожатия. В дни кризиса представители французской Рабочей партии внесли в палату депутатов предложение о разоружении. Орган гедистов «Le Socialiste» в те дни писал, что это предложение «докажет немецким рабочим, что французский пролетариат не имеет ничего общего с «реваншистами» типа Деруледа, что единственный реванш, близкий его сердцу, которому он себя посвятил,— это реванш Коммуны»⁴⁸. Германские рабочие устами своей газеты «Sozial-Demokrat» со своей стороны заявляли о братской солидарности с французскими рабочими и о том, что «обязанностью рабочих обеих стран, одинаково угнетенных игом капитализма, является воздействие на правителей, чтобы заставить их сохранить мир»⁴⁹.

Лозунг «реванш Коммуны» стал боевым паролем передовых рабочих, боровшихся за освобождение общества от капиталистического гнета.

Конечно, в истории Парижской Коммуны наряду с никогда не увядающими, бессмертными страницами были и менее яркие, были и страницы, повествующие об ее слабостях и недостатках, о крупных ошибках, допущенных за короткий период ее деятельности.

Великие вожди международного рабочего движения — в свое время Маркс и Энгельс, позже В. И. Ленин — с величайшим вниманием изучали не только сильные, но и слабые стороны Коммуны, учили рабочее движение на ее ошибках и слабостях, извлекая из них важные политические уроки. В частности, одним из важнейших уроков истории Парижской Коммуны, сохранившим полностью свое значение для последующих революционных боев, был вывод о необходимости для достижения победы единого политического руководства рабочего класса — революционной марксистской партии.

Парижская Коммуна стала переломной вехой в истории нового времени. Подняв над столицей одной из главнейших стран капиталистического мира красное знамя, осуществив первый опыт диктатуры пролетариата, удерживавшейся в течение двух с половиной месяцев против наступавшего на нее со всех сторон тогда еще безбрежного капиталистического мира, Парижская Коммуна доказала, что пора развития буржуазии по восходящей линии осталась уже позади, что близится время ее крушения. Коммуна доказала, что пролетариат превратился в атакующий класс, что он способен уже установить свою власть и взять в свои руки переустройство мира.

⁴⁸ «Le Socialiste», 8.I 1887.

⁴⁹ «Der Sozial-Demokrat», № 4, 22.I 1887; см. также № 5, 6, 7, 9 за тот же год.

72 дня ожесточенной вооруженной борьбы между революционным Парижем и контрреволюционным Версалем развеяли все иллюзии, все легенды о якобы существующей гармонии интересов буржуазии и пролетариата, о якобы прогрессивной роли капитала, работающего «на пользу освобождения людей от ига невежества, нужды и деспотизма», как в том пытались уверить ученые апологеты капитализма, вроде Фредерика Бастиа⁵⁰. На смену этим иллюзиям и легендам пришло сознание непримиримости классовых противоречий, дошедших до открытой гражданской войны, и гибель рабочих, женщин, детей, расстрелянных неистовствующей в своей ненависти буржуазией, окончательно разделила капиталистическое общество на два враждебных мира.

Конечно, поражение Коммуны было не случайным, и буржуазия еще не один год удерживала повсеместно власть в своих руках.

Но капиталистический мир после страшного удара, нанесенного ему пролетариатом в 1871 г., был уже не тот. Эту происшедшую перемену художественными средствами, пожалуй, лучше всех передал сторонний, но тонкий и глубокий наблюдатель русский писатель Глеб Успенский, побывавший в Париже вскоре после разгрома Коммуны. «Вообще на каждом шагу видно было, что какая-то грубая, жестокая, незнакомая с перчаткою рука нанесла всему этому недавно еще раззолоченному «тру-ля-ля» оглушительную пощечину. Таким образом, хотя Париж «тру-ля-ля» и действовал уже по-прежнему, но в этом действовании нельзя было не приметить какого-то усилия; пощечина ярко горела на физиономии, старавшейся быть веселой и беспечной, и сочетание разухабистых звуков возродившейся из пепла шансонетки со звуками «р-р-ран..», раздававшимися в саторийском лагере и свидетельствовавшими о том, что там кого-то убивают, невольно примешивало к разнообразию впечатлений парижского дня неприятное, мешающее свободному их восприятию чувство стыда, даже как бы позора»⁵¹.

Этот замечательный набросок художника рисует только Париж, но он звучит как более широкое обобщение. Несмываемый след «оглушительной пощечины», страх перед «незнакомой с перчаткою рукой» накладывали отпечаток не только на французскую буржуазию, но и на все буржуазное общество, на весь капиталистический мир после Коммуны.

Хвастливое заявление Тьера о том, что «с социализмом все покончено», было опровергнуто даже во Франции уже через несколько лет. Последующее развитие капитализма и рост мас-

⁵⁰ Фредерик Бастиа. Экономические гармонии. М., 1896, стр. 225.

⁵¹ Г. И. Успенский. Сочинения и письма в одном томе. М., 1929, стр. 315.

сового рабочего движения подняли классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией на новый, неизмеримо более высокий уровень развития.

Тем самым Парижская Коммуна открыла новую историческую эпоху — эпоху начавшегося упадка буржуазии и возрастающего обострения всех форм классовой борьбы, растянувшуюся почти на полвека — от первого опыта диктатуры пролетариата в 1871 г. до Великой социалистической революции 1917 г., создавшей непобедимое Советское государство.

Парижская Коммуна по своему характеру была глубоко национальным движением, отразившим все стороны — сильные и слабые — французского революционного движения второй половины XIX в. Но в то же время, как уже говорилось, она являлась крупнейшим событием интернационального, и даже более того, всемирно-исторического значения: она была итогом и высшим достижением освободительной борьбы всего мирового пролетариата.

Вот почему на протяжении всего времени гражданской войны между овладевшим властью пролетариатом Парижа и контрреволюционной версальской буржуазией пролетарии, трудящиеся всех стран с пристальным вниманием и глубоким волнением следили за развитием великой классовой битвы, в ходе которой решалась судьба не только парижских рабочих, но в значительной мере и их собственная судьба.

В дни Коммуны мир как бы разделился на два лагеря. В одном стане — злобных врагов Коммуны — оказались все общественные группы, прямо или косвенно представляющие эксплуататорские классы, крупнособственнические элементы, привилегированные слои. Все правительства — абсолютистские или полубабеттские монархии Германии, России, Австро-Венгрии, конституционные монархии Англии, Италии, Бельгии, буржуазные республики Соединенных Штатов Америки или Швейцарии — оказались политически или морально, действиями или словесным сочувствием на стороне правительства версальской контрреволюционной буржуазии. Конечно, в правящих кругах некоторых европейских столиц к настроениям сочувствия версальскому правительству примешивалось и плохо скрываемое злорадство по поводу неприятностей, испытываемых вчерашней соперницей — Францией. В Берлине, отчасти в Лондоне и Риме обнаруживалось желание извлечь, если можно, прибыль из бедствий французских коллег. Но в чем все были единодушны и солидарны — это в неустойчивой злобности, непримиримой ненависти к рабочим Парижа, посмеявшимся захватить власть.

Революционно-пролетарский характер народной революции 1871 г. во Франции заставил и буржуазный либерализм раскрыть перед миром свою антидемократическую суть. Парижская Коммуна оказалась лакмусовой бумагой — она смыла с

либерализма все его розовые цвета. И английские либералы гладстоновской школы, и немецкие прогрессисты, и русские либералы из «Вестника Европы», напуганные самостоятельным революционным выступлением французского пролетариата, забыв свои либеральные фразы, предстали в качестве самых рьяных «охранителей устоев». Соревнуясь с консерваторами, они выливали ушаты грязи и клеветы на героических защитников рабочего Парижа; как и прочие представители крупнобуржуазных слоев, они участвовали в моральной интервенции против Парижской Коммуны.

В другом — противоположном — стане оказались все честные люди труда: рабочие, трудящиеся, придерживавшиеся передовых воззрений, революционные демократы. Несмотря на дезинформацию буржуазной и дворянской печати, на скудость и отрывочность сведений, поступавших из отрезанного от всего мира Парижа, рабочие классовым инстинктом поняли историческое значение происходящих в Париже событий, и их сердца и помыслы оказались вместе с защитниками парижских баррикад.

Международное значение революции 1871 г. и интернационализм самой Парижской Коммуны нашли свое непосредственное выражение в том, что в рядах коммунаров сражались революционные бойцы различных национальностей. Те революционные рабочие и демократы Европы и Америки, кому обстоятельства позволяли, сочли своим долгом принять непосредственное участие в великом восстании и героической борьбе пролетариата Парижа.

В рядах национальной гвардии, т. е. вооруженного народа Парижа, в разных организациях — комиссиях, комитетах Коммуны, наконец, в самом совете Коммуны, было немало революционеров-иностранцев. Среди членов Парижской Коммуны можно было встретить имена поляка Бабицкого, итальянца Меньотти Гарибальди, венгра Лео Франкеля. Известна выдающаяся деятельность военачальников вооруженных сил Коммуны, поляков Домбровского, Врубелевского, Августа Околовича и др. Польская революционная эмиграция во Франции приняла вообще самое живое и действенное участие в освободительном пролетарском движении. Многие десятки поляков мужественно сражались как рядовые бойцы или младшие командиры в вооруженных силах Парижской Коммуны. Русские революционеры — Елизавета Дмитриева (Томановская), Анна Корвин-Круковская (Жаклар), Михаил Сажин, Анна Пустовойтова и др. — плечом к плечу с французскими революционными бойцами защищали великое дело Коммуны. В рядах национальной гвардии восставшей столицы сражались также представители других народов Европы.

Но в условиях ожесточенной гражданской войны и полной

изоляции Парижа, окруженного, с одной стороны, версальскими, с другой — немецкими войсками, участие передовых рабочих и революционных демократов других стран мира в Парижской Коммуне по необходимости было ограниченным.

Непосредственное влияние Парижской Коммуны на революционное и демократическое движение других стран, естественно, не было одинаковым — оно зависело от уровня развития классовых противоречий и степени зрелости рабочего движения в той или иной стране.

В странах с развитым рабочим движением (Англия, Германия, США) Парижская Коммуна встретила самое живое сочувствие и проявление чувств классовой солидарности прежде всего и по преимуществу со стороны пролетариата. В наибольшей мере это относится к германскому рабочему движению и германской социал-демократии, которая в весьма трудных условиях оказалась на высоте требований пролетарского интернационализма. Передовые немецкие рабочие во главе с Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом через головы своих правительств, своей буржуазии протянули руку братской пролетарской солидарности французским рабочим-коммунарам и на множестве собраний, происходивших в разных городах Германии, горячо приветствовали Парижскую Коммуну⁵². В Англии, при несомненных симпатиях рядовых рабочих к Коммуне, движение солидарности не приняло таких ярких форм, как в Германии, в силу того, что Оджер и некоторые другие руководители тред-юнионов, представлявшие «аристократическое меньшинство»⁵³ (впрочем, весьма влиятельное), после колебаний выступили против Коммуны.

В большинстве других европейских стран, где вследствие позднего развития капитализма рабочий класс еще не достиг зрелости, героическая борьба французского пролетариата вызвала сочувственные отклики в среде передовой разночинной интеллигенции и в других кругах революционной демократии. Это относится в первую очередь к России: здесь бесстрашие коммунаров, их смелость, их инициатива, даже их идеи⁵⁴ произвели большое и сильное впечатление на часть революционного народного движения. Парижская Коммуна пробудила также надежды и революционную активность передовой демократии в таких странах, как Италия, Венгрия, Чехия, Испания, среди поляков, порабощенных народов балканских стран. В некоторых странах, где и демократическое движение еще не достигло достаточной силы,

⁵² См. подробнее ч. III, гл. 2 настоящей книги.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 644.

⁵⁴ Напомним, например, что некоторые воззвания Коммуны к крестьянам были затем в переработанном виде использованы русскими народолюбцами в их прокламациях (см. об этом подробнее ч. III, гл. 3 настоящей книги).

Коммуна была должным образом оценена лишь передовыми мыслителями, остававшимися в своей стране еще одиночками.

Но как ни различны были эти непосредственные отклики на Коммуну в разных странах, в целом они красноречиво говорили о том, с каким горячим сочувствием, надеждами, пробудившимся сознанием международной классовой солидарности встретил мир трудящихся и угнетенных великий подвиг французского народа.

Парижская Коммуна произвела огромное впечатление на современнейший ей мир. В полной мере ее историческое значение было понято и оценено в 1871 г. только руководящим органом международной пролетарской организации того времени — Генеральным Советом Первого Интернационала. «Гражданская война во Франции» — гениальное творение Маркса, опубликованное как «Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих»⁵⁵, выявила историческое величие Парижской Коммуны, открывшей перед мировым пролетарским движением новые перспективы.

Прошло немного времени, и великие завоевания рабочего движения XIX в., воплощенные в революционной практике коммунаров и теоретически осмысленные гением Маркса и Энгельса, стали достоянием авангарда армии пролетариата.

Маркс, видевший в Парижской Коммуне, как об этом писал Ленин, «громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений»⁵⁶, подверг этот опыт глубокому анализу, извлек из него важные уроки и обогатил результатами творческого изучения Коммуны теорию научного коммунизма, в особенности теорию пролетарской социалистической революции.

Естественно поэтому, что для международного рабочего движения конца XIX — начала XX в. верность революционным традициям Коммуны означала верность революционным принципам марксизма, его боевому наступательному духу. Более того, эта верность традициям Коммуны стала водоразделом между революционным марксизмом, с одной стороны, и ревизионизмом, центризмом и прочими разновидностями оппортунизма — с другой. С тех пор как Эдуард Бернштейн в своей позорно знаменитой книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.) подверг чудовищному извращению взгляды Маркса на Парижскую Коммуну, усилия оппортунистов всех оттенков были направлены на то, чтобы вычеркнуть, вытравить из памяти пролетариата революционный подвиг французских

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 317—370.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36.

рабочих 1871 г. и извлеченные из него Марксом и Энгельсом теоретические выводы огромной политической важности. Основным методом оппортунистов II Интернационала стало замалчивание важнейших политических уроков Коммуны в вопросе об отношении к государству, о задачах пролетарской революции. Даже в лучшую свою пору, ведя полемику против Бернштейна, Карл Каутский проявил в этом важнейшем вопросе марксизма систематический уклон к оппортунизму⁵⁷. И в других своих, даже лучших, работах, как «Социальная революция» и «Путь к власти»⁵⁸, Каутский снова искажил уроки, извлеченные Марксом из опыта Парижской Коммуны, обойдя вопрос о диктатуре пролетариата и оставшись всецело на почве буржуазного парламентаризма.

Революционные традиции Коммуны в борьбе против оппортунизма отставал передовой революционный пролетариат России, возглавляемый великим Лениным. В. И. Ленин творчески обобщил исторический опыт Парижской Коммуны и русской революции 1905 г. и поставил его на службу революционной теории.

В марте 1905 г., во время первой русской революции, В. И. Ленин написал полные глубокого исторического значения слова: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»⁵⁹. В Советах рабочих депутатов, возникших в ходе первой русской революции, В. И. Ленин увидел зачаток новой власти, являющейся преемницей Парижской Коммуны.

Это открытие имело большое теоретическое и практическое значение. Оно означало, что в условиях России создание государства нового типа — типа Коммуны, государства диктатуры пролетариата, может быть осуществлено в форме Советов.

Глубокое творческое обобщение исторических уроков Коммуны и революции 1905 г. существенно облегчило Ленину решение труднейших задач, вставших перед революционными социалистами-интернационалистами в условиях мировой империалистической войны 1914 г. В обстановке измены лидеров II Интернационала, идейного разброда, растерянности, шатаний мысли в рядах международной социал-демократии В. И. Ленин сумел с первых же дней войны найти единственно правильный политический лозунг, дававший ориентацию и перспективу революционному пролетариату. Опираясь на факты превращения войны национальной в гражданскую в ходе франко-прусской войны 1870—1871 гг. и русско-японской войны, и учитывая внешенные новой эпохой изменения, Ленин уже в сентябре 1914 г. формулировал свой знаменитый лозунг превращения войны им-

⁵⁷ К. Kautsky. Bernstein und das Sozial-Demokratische Programm..Stuttgart, 1899.

⁵⁸ К. Kautsky. Die Soziale Revolution. Berlin, 1902; *idem*. Der Weg zur Macht. Berlin, 1909.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.

периалистической в войну гражданскую. Не прошло и трех лет, как этот лозунг, встреченный открытыми насмешками социал-шовинистских лидеров, доказал свою жизненную силу победой революции в России в 1917 г. В начале второй русской буржуазно-демократической революции В. И. Ленин в своих «Письмах из далека» призывал русский пролетариат идти по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года⁶⁰.

В августе 1917 г. Ленин, руководя из подполья подготовкой величайшей в истории революции — Октябрьской социалистической революции, — считал необходимым вновь осмыслить и проанализировать первый опыт диктатуры пролетариата, опыт Парижской Коммуны, чтобы обобщить его на страницах своего замечательного труда «Государство и революция». 24 января 1918 г., выступая на III Всероссийском съезде Советов с отчетным докладом Совнаркома за два с половиной месяца со времени образования Советской власти, Ленин начал свой доклад с напоминания, что «2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих»⁶¹ — Парижская Коммуна 1871 г. Ленин сказал: «Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью»⁶², и, развивая это сравнение, назвал Коммуну «зачатком Советской власти»⁶³.

Эти высказанные великим основателем Советского государства суждения о Парижской Коммуне в полной мере раскрывают ее огромное историческое значение, славную роль ее революционных традиций в великой освободительной борьбе рабочего класса.

100 лет назад Маркс пророчески предсказал, что «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества»⁶⁴.

Ныне это новое — социалистическое — общество уже стало живой действительностью, могучей силой, оказывающей определяющее влияние на судьбы мира. В решении Международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г. сказано: «В мире разворачиваются мощные революционные процессы. В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободитель-

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 38.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 261.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366.

ное движение... Наша эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму»⁶⁵.

Достаточно лишь мысленно сопоставить разрозненные редующие горстки коммунаров, отстреливавшихся под красным знаменем за баррикадами Бют-Шомон и кладбища Пер-Лашез от карательной армии буржуазной контрреволюции, с нынешними могучими неодолимыми силами мирового антиимпериалистического лагеря, чтобы ясно оценить все величие побед, одержанных за 100 лет под знаменем великого учения марксизма-ленинизма. Идя по этому пути, народы стран социализма, международный рабочий класс, все силы общественного прогресса с уважением и благодарностью вспоминают подвиг парижских рабочих 1871 года и чтут в Парижской Коммуне славную предвестницу нового общества.

⁶⁵ «Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 285—286.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авриаль Огюстен (Avrial Augustin) 85, 182, 274, 294, 297, 311, 313—317, 341, 370, 371, 383, 385, 386, 396, 397, 407
 Авуан-сын (Avoine fils) 224, 227
 Агар (Agar) 436, 437
 Адамов Артюр (Adamov Arthur) 238
 Адвенан (Advenant) 467
 Адоратский В. В. 746
 Ажерон Ш. Р. (Ageron Ch. R.) 525
 Азаверю 467
 Алавуан Андре (Alavoine André) 185, 190
 Алаимо Франческо (Alaimo Francesko) 674
 Александр II 15, 84, 586
 Алексеева М. 446, 452
 Алексеев-Попов В. С. 571
 Аллан (Allan) 515
 Аллеман Жан (Allemane Jean) 212, 213, 240, 241, 430, 431, 544
 Алликс Жюль (Allix Jules) 276
 Альвен (Alvin) 644
 Альперович М. С. 729
 Альт Р. 468
 Аме (Hamet) 148, 241, 407, 470
 Амуру Шарль (Amouroux Charles) 63, 64, 227, 228, 267, 274, 345, 394, 403, 409—411, 461, 541, 542
 Ангран Пьер (Angrand Pierre) 671, 679
 Анджиолини А. (Angiolini A.) 671, 672, 673
 Андинью (Andignoux) 224, 227
 Андраши Дьюла (Andrássy Gyula) 703
 Андреанов С. 602
 Андриё Жюль (Andrieux Jules) 151, 338, 340, 351, 368, 397
 Анетан Жюль-Жозеф, барон д' (Anet-han Jules-Joseph d') 544
 Аното Габриель (Hanotaux Gabriel) 738
 Анри П. (Henry P.) 213, 295, 417
 Анри Фортюне (Henry Fortuné) 190, 224, 232, 311, 339, 342
 Анрисн (Henricy) 410, 411
 Анфантен Бартеlemi-Проспер (Enfantin Barthélemy-Prosper) 228
 Аппер (Appert) 517, 519
 Аптекман О. В. 596, 599
 Араго Эммануэль (Arago Emmanuel) 107, 154
 Араго Этьен (Arago Etienne) 65, 72, 133
 Арагон Луи (Aragon Louis) 451
 Араньоши Магда (Aranyossi Magda) 692, 697
 Арбес Якуб 705
 Аркур маркиз д' (d'Harcourt) 669
 Арно Антуан (Arnaud Antoine) 151, 157, 224, 227, 252, 255, 269, 316, 337, 359, 360, 363, 384, 388
 Арнольд Жорж (Arnold Georges) 185, 190, 199, 214, 215, 224, 232, 308, 341, 348, 351, 363, 372, 383, 396, 397, 404
 Арну Шарль-Огюст-Эмиль-Артюр (Arnould Charles-Auguste-Emile-Arthur) 154, 161—163, 226, 245, 265, 273, 276, 279, 283, 284, 303, 304, 307, 338, 344, 345, 363, 371, 383, 397, 400, 408, 410, 411, 458, 524, 605, 640, 651, 764, 771
 Артевельде Ван (Artevelde Van) 643, 644, 650
 Асселин Луи (Asseline Louis) 147, 495
 Асси Адольф-Альфонс (Assi Adolphe-Alphonse) 197, 214, 224, 225, 227, 233, 254, 274, 345, 539, 570
 Бабеш Винченциу (Babes V.) 716
 Бабик Жюль-Никола (Babick Jules-Nicolas) 151, 157, 224, 228, 358, 487, 623, 627, 778

- Бабицкий Юлиуш (Babicki Juliusz) см. Баби́к Жюль
ал-Бадави Сайид-Мохаммад 519
Базен Франсуа-Ашиль (Bazaine François Achille) 93, 135, 389, 508
Бакунин Михаил Александрович 44, 71, 74, 75, 610, 611, 619, 649, 680, 749, 761
Балабанов М. С. 589
Балло Л. (Ballot L.) 34
Бальзак Оноре де (Balzac Honoré de) 18
Банерджи 25
Барай дю см. Дю Барай
Барак (Barack) 705
Барбере (Barberet) 459
Барбю К. (Barbu C.) 717
Бароде (Barodet) 545
Барон Луи (Baron Louis) 608
Барру (Barrou) 224
Бартелеми (Barthélemy) 471
Бартошевич А. Д. 626
Барчевский Александр (Barczewski Aleksander) 619
Басант Хан 18
Бастелика Андре (Bastelica André) 71, 77, 407, 506, 684
Бастиа Клод-Фредерик (Bastia Claude-Frédéric) 776
Батлер Бенджамин-Франклин (Butler Benjamin-Franklin) 735
Бах И. А. 505
Бахерахт 663
Бахрух Анри (Bachruch Henri) 110, 645
Башельри (Bachelier) 64
Бебель Август (Bebel August) 6, 37, 38, 563, 567, 570, 577, 583, 584, 587, 599, 600, 774, 779
Бейке Г. (Beike H.) 570
Бейст Фридрих (Beust Friedrich) 544, 659
Беккер Иоганн-Филипп (Becker Johann-Philipp) 579, 637--639, 642, 660, 701, 704
Беккер Б. Б. 579
Белланже Анри (Bellenger Henri) 459, 463, 500
Белливе А. (Bellivier A.) 467, 471
Белз Шарль (Beslay Charles) 113, 157, 278, 309, 318, 319, 356, 395, 397, 400
Белянская И. М. 32
Бенаф (Benafi) 22
Бено Виктор (Béno Victor) 542
Бер М. 37
Беранже Пьер-Жан (Beranger Pierre-Jean) 425, 428, 732
Берви-Флеровский В. В. 610
Бержере Анри-Жюль-Мариус (Bergeret Henri-Jules-Marius) 190, 210, 213, 214, 224, 227, 288, 292, 294, 296—298, 324, 396, 532, 612
Бермавский Юзеф (Biermawski Józef) 622
Бернацкий Юзеф (Biernacki Józef) 621
Бернштейн С. (Bernstein S.) 724, 725, 726, 730, 734
Бернштейн Эдуард (Bernstein Eduard) 267, 268, 752, 780, 781
Берстельд (Bersteld) 419
Бертен (Bertin) 470
Берти (Berti) 668, 670
Бешерель (Bescherelle) 101, 103, 107
Бизли Эдуард-Спенсер (Busly Edward-Spencer) 631—633, 636
Бийорэ Альфред-Эдуард (Billioray Alfred-Edouard) 214, 224, 229, 235, 314, 345, 348, 349, 351, 396, 403, 421, 461, 539
Бимба А. (Bimba A.) 38
Бимхольт Б. (Bymholt B.) 653
Биньями Энрико (Bigniami Enrico) 665, 673
Биркс Х. 658
Бирн (O'Byrn) 617
Бирнак 623
Бирх И. Г. С. (Birgh I. H. S.) 658, 659
Бисмарк Отто фон (Bismarck Otto von) 41, 44, 93, 124, 129, 130, 143, 144, 164, 172, 193, 199, 555, 556, 560, 562, 563, 570, 571, 582, 584, 714
Биссон Рауль дю (Bisson Raoul du) 185
ал-Битар Анис 519
Блан Жан-Жозеф-Шарль-Луи (Blanc Jean-Joseph-Charles-Louis) 36, 49, 131, 136, 139, 173, 664, 711, 720, 772
Бланки Луи-Огюст (Blanqui Louis-Auguste) 34, 44, 71, 75, 76, 90—92, 99, 103, 104, 116, 118, 119, 125, 126, 129, 130, 134, 136—142, 145, 150, 160, 161, 167, 169—171, 180, 197, 227, 228, 231, 255, 271, 274, 277, 346, 381, 481, 542, 730
Бланше Жан-Батист-Станислав-Ксавье (Blanchet Jean-Baptiste-Stanislas-Xavier) 214, 224, 232
Блок М. (Bloch M.) 20, 452
Боден Жан-Батист (Baudin Jean-Baptiste) 60
Бойер Ирма (Boyer Irma) 500
Больте Фридрих (Bolte Friedrich) 47, 731
Бонапарт (Bonaparte) см. Наполеон I
Бонапарт Пьер (Bonaparte Pierre) 76
Бонапарт Шарль-Луи (Bonaparte Charles-Louis) см. Наполеон III

- Бонапарты (Bonaparte) 76
 Бонвале Теодор-Жак (Bonvalet Théodore-Jacques) 147
 Бонвен Франсуа 441
 Боннар 543
 Борда Розали (Bordas Rosalie) 436
 Бореяша Е. (Borejsza J.) 616, 623
 Боркейм Сигизмунд-Людвиг (Borkheim Sigismund-Ludwig) 565
 Борн Стефан (Born Stephan) 36
 Борневский Эдвард (Borniewski Edward) 621
 Бородин М. П. 598
 Бороштяни Нандор (Borostyáni Nándor) 703
 Ботев Христо 711—713, 720
 Боэр Анри (Bauer Henri) 425, 430
 Браун Джон (Brown John) 15, 500
 Брейе Альфред (Breuillé Alfred) 132
 Бржозовский 623
 Бридо (Brideau) 93
 Брион Огюст (Briosa Auguste) 63, 64, 113, 241, 249
 Брисме (Brisme) 650
 Брисон 64
 Бриссак Анри (Brissac Henri) 425, 430, 465, 467, 481, 540
 Брукс Т. Р. (Brooks T. R.) 38
 Брусс Поль (Brousse Paul) 684
 Брэш (Braesch E.) 764
 Брюа Жан (Bruhat Jean) 495, 538, 575
 Бругель Л. (Brügel L.) 38, 708
 Брюнель Антуан-Маглюар (Brunel Antoine-Magloire) 188, 216, 232, 258, 270, 326, 343, 352, 413
 Бувье Жан (Bouvier Jean) 20
 Бузе Шарль дю (Bouzet Charles du) 509
 Буи Казимир (Bouis Casimir) 214, 224
 Буисунуз Ж. (Bouissounouse J.) 452
 Буниоль (Bouniol G.) 191—193, 195, 771
 Бурбаки Шарль-Дени-Сотер (Bourbaki Charles-Denis-Sauter) 146
 Бурберо 674
 Бурбоны (Bourbons) 722
 Бургун (Bourgoin) 324
 Буржен Жорж (Bourgin Georges) 178, 495, 644
 Бурли (Bourelly) 380
 Бурсье Леопольд (Boursier Léopold) 469
 Буске (Bousquet) 163
 Бычинский 623
 Бюдай (Budaille) 63, 64
 Бюрани П. (Burany P.) 424
 Бюхнер (Büchner) 610
 Вабр (Vabre) 536
 Вайнштейн О. Л. 213
 Вайян Эдуард Флоримон-Мари (Vailant Edouard-Florimon-Marie) 102, 156, 157, 170, 248, 252, 254, 255, 274, 276, 305, 340, 359, 370, 401, 402, 437—439, 443, 459, 519, 533, 555, 581, 692
 Вакери О. (Vacquerie) 469
 Валантэн Луи-Эрнест (Valantin Louis-Ernest) 197, 203, 204, 207
 Валеро Сильва Ж. (Valero Silva J.) 28
 Вальк С. 598
 Валлес Жюль-Жозеф-Луи (Vallès Jules-Joseph-Louis) 93, 119, 145, 152, 156, 157, 234, 241, 244, 254, 256, 265, 272, 276, 283, 362, 385, 397, 401, 411, 430, 459, 463
 Вальзен-Эстергази Г. Л. (Walsin-Esterhazy G. L.) 508
 Вальми-Бесс Ж. (Valmy-Baysse J.) 446
 Вальтерсхаузен С. 22
 Вандервельде Эмиль (Vandervelde Emile) 770
 Вандекеркхове А. 646
 Ваперо (Vapereau G.) 230
 Варга Е. С. 17
 Варлен Луи-Эжен (Varlin Louis-Eugène) 60—63, 66, 68, 71—74, 81, 90, 92, 110, 129, 170, 180, 181, 190, 214, 215, 224, 230, 231, 235, 237, 256, 261, 269, 271, 274, 276, 283, 307, 308, 311, 319, 372, 383, 386, 396, 397, 407, 411, 487, 529, 537, 555, 558, 559, 561, 570, 582, 591, 593
 Варнье (Warnier) 503, 512
 Вебб С. и Б. (Webb S. и B.) 37
 Вегезак 576, 586
 Вежбицкий (Wierzbicki) 621
 Везинье Пьер (Vesinier Pierre) 308, 360, 395, 396, 405, 424, 437, 459, 461, 462, 465, 467, 559
 Вейдемейер Иосиф (Weydemeyer) 43
 Вейль Ж. (Weille G.) 737, 738
 Вардаге (Verdaguer) 207
 Вердур Огюст-Жозеф (Verdure Auguste-Joseph) 276, 539
 Верле А. 464
 Вермерш Эжен (Vermersch Eugène) 463
 Верморель Огюст-Жан-Мари (Vermorel Auguste-Jean-Marie) 67, 76, 138, 145, 244, 251, 276, 283, 311, 328, 339, 343, 348, 351, 363, 390, 396, 397, 421, 459, 466, 507, 595, 668
 Верницкий Александр 617, 621, 625
 Верпо Э. 467
 Верньо (Vergniaud) 75
 Веррикен Л. 650

- Ветцель (Wetzel) 326
- Виар Помпей-Огюст-Венсан (Viard Pomrée-Auguste-Vincent) 157, 189, 190, 224, 229, 308, 346, 350, 371, 390, 532
- Вийом Максим (Vuillaume Maxime) 156, 160, 162, 163, 365, 389, 400, 430, 459, 463
- Виктор-Эммануил (Victor-Emmanuel) 663
- Виллетар Е. (Villetard E.) 676
- Вильгельм I (Wilhelm I) 129, 582
- Вилле де Лиль-Адан (Villiers de l'Isle-Adam) 468
- Вильсон Генри (Wilson Henry) 734
- Вильфосс Л. де (Villefosse L. de) 452
- Вильямс А. см. Маркс Карл
- Вимпфен Эммануэль-Феликс де (Wimpffen Emmanuel-Félix) 98
- Винан Эрнест (Winant Ernest) 644
- Виноградов С. 602
- Винуа Жозеф (Vino Joseph) 160, 162, 163, 188, 193, 194, 197, 198, 203, 204, 208, 209, 215, 217, 219, 220, 246, 306, 327, 378
- Висконти-Веноста (Visconti-Venosta) 678
- Витю Огюст (Vitu Auguste) 65
- В-ич 589, 591
- Волгин В. П. 44
- Воловский Александр (Wolowski Aleksander) 621
- Воловский Бронислав (Wolowski Bronislaw) 617
- Волькерт (Wolkert) 621
- Воробьева А. К. 44
- Воровский В. В. 740
- Восконси Ж. (Woskonsi J.) 624
- Вотрен (Vautrin) 220
- Врублевский Валерий (Wróblewski Walery) 321, 332, 363, 373—375, 377, 380, 381, 412, 413, 418, 419, 527, 621, 623, 625, 626, 717, 778
- Вырубов Г. 594, 611
- Вычанская К. (Wyczancka K.) 618, 619—621, 624
- Вьерж Д. (Vierge D.) 450, 451
- Вюйермоз Ромуальд (Vuillermoz Romain) 504, 509
- Габсбург (Habsburger) 13, 14, 686
- Гайяр Наполеон (Gaillard Napoléon) 63, 64
- Галеви Людовик (Halévy Ludovic) 68
- Галенсон В. (Galenson W.) 657
- Галле Ж. (Gallet G.) 471
- Галифэ (Gallifet) 295, 306, 538
- Гамбетта Леон (Gambetta Léon) 60, 65—67, 88, 93, 97, 100, 102, 103, 105, 112—114, 117, 144, 146, 167, 169, 510
- Гамбон Фердинанд-Шарль (Gambon Ferdinand-Charles) 170, 216, 384, 386, 387, 459, 496
- Ганьер (Ganière A.) 452
- Гарибальди Джузеппе (Garibaldi Guiseppe) 31, 125, 144, 170, 171, 213, 298, 510, 616, 620, 663—665, 667—669, 671, 677, 678, 716, 717, 778
- Гарибальди Менотти (Garibaldi Menotti) 308, 668
- Гарибальди Ричотти (Garibaldi Ricciotti) 666
- Гарлоу Р. В. (Harlow R. W.) 21
- Гарнье Эжен (Garnier Eugène) 434
- Гарнье-Пажес Луи-Антуан (Garnier-Pagès Louis-Antoine) 65, 67, 105, 107
- Гаррисон Фредерик (Harrison Frederick) 631—634
- Гарро (Garreau) 64
- Гарсен (Garcin) 536, 537
- Гарсиа Лопес (Garcia Lopez) 683
- Гартунг (Hartung) 690
- Гастино Бенжамен (Gastineau Benjamin) 132
- Гед Жюль (Guesde Jules) 428, 737
- Гейб Август (Geib August) 586, 660
- Гейдон (Gueydon) 506, 521
- Гейне Генрих (Heine Heinrich) 554
- Геккерен Жорж-Шарль, барон де (Heeckeren Georges-Charles, baron de) 269
- Гельф П. 658
- Георге (Gheorghe) 718
- Гереб Л. (Gereb L.) 702
- Геррон Джордж Д. (Herron George D.) 735
- Герхард Г. (Gerhard) 654
- Герцен Александр Иванович 13, 14, 32, 33
- Гиблин Г. (Giblin H.) 17
- Гийом (Guillaume) 637
- Гирш Макс (Hirsch Maks) 580
- Гладстон Уильям-Юарт (Gladstone William-Ewart) 18, 635, 636
- Гле-Бизуэн Александр-Оливье (Glais-Bizoin Alexandre-Olivier) 65, 72, 105, 107, 144
- Гогенварт Карл-Зигмунд (Hohenwart Karl-Siegmund) 697
- Гогенцоллерн Карл (Hohenzollern Karl) 714
- Годийо (Godilot) 126
- Годье (Gaudier) 224

- Гола Ф. 665
 Головинн 741
 Гольцмарт (Holzmart) 580
 Гондине Эдмон (Gondinet Edmond) 435
 Гонкур Эдмон (Goncourt Edmond) 137, 238
 Гонсалес А. 681
 Гончаров Н. П. 598, 599
 Городецкий Е. Н. 752
 Горчаков Александр Михайлович 225, 623
 Готье Теофиль (Gautier Théophile) 238
 Грандьё Альбер (Grandier Albert) 463
 Гранже (Granger) 63, 102, 129
 Гриви Франсуа-Поль-Жюль (Grévy François-Paul-Jules) 171
 Грелье Виктор (Grelier Victor) 224, 254, 255, 395, 767
 Греунинг Е. (Greuning E.) 33
 Григорьева И. В. 23, 679
 Гролар Ж. (Groslard J.) 224
 Громье Г. (Gromier G.) 145, 306, 307, 467
 Грудзинская Елена (Grudzinska Helena) 619
 Груссе Паскаль (Grousset Paschal) 256, 278, 279, 283, 284, 305, 338, 340, 347, 348, 367, 371, 386, 395, 401, 459, 465, 487, 496, 539, 544
 Грютцнер Г. (Grützner) 572
 Гуье Шарль (Gouhier Charles) 214, 224, 232
 Гулле Альберт (Goullé Albert) 470
 Гулле Анри (Goullé Henri) 151, 216, 261
 Гупиль Эдуард-Альфред (Goupil Edouard-Alfred) 145, 303, 472
 Гушин А. С. 432, 440, 446, 461
 Гюго Виктор-Мари (Hugo Victor-Marie) 13, 27, 31, 33, 34, 115, 131, 139, 173, 469, 664, 717
 Гюго Ф. (Hugo) 467

 Давид Жером (David Jérôme) 96
 Давид (David) 470
 Дажэ Луи (Dagé Louis) 465, 482
 Да Коста Гастон (Da Costa Gaston) 99, 102, 139, 140, 163, 210, 380, 381
 Да Коста Шарль (Da Costa Charles) 76
 Да Коста, братья 465
 Далу Жюль (Dalou Jules) 441, 442
 Даме Фредерик (Damé Frédéric) 193, 268
 Дандуа Б. (Dandois B.) 645
 Данек В. (Danek W.) 627
 Дантон Жорж-Жак (Danton Georges-Jacques) 75
 Дарбуа Жорж (Darboy Georges) 302, 346, 530, 539
 Дарсель Альфред (Darcel Alfred) 440

 Дарю (Daru) 101, 107
 Дебок Луи (Debock Louis) 63
 Дерейтер Пьер (De Geyter Pierre) 426
 Дезире (Desirée) 63
 Дейч Л. Г. 595
 Декан Батист (Descamps Baptiste) 542
 Делакур Альфонс (Delacour Alphonse) 63
 Делеклюз Луи-Шарль (Delescluze Louis-Charles) 60, 103, 110, 136, 137, 139, 140, 141, 145, 154, 155, 160, 161, 164, 169, 251, 277, 302, 303, 305, 332, 337, 339, 340—345, 347, 366, 382—386, 388, 389, 396, 400, 412, 418—420, 422, 423, 500, 533, 595, 718, 722, 732, 733
 Делесаль П. (Delesalle P.) 239
 Делималь Одилон (Delimal Odilon) 404, 465, 480
 Делион П. (Delion P.) 229
 Дель Бо (Del Bo) 452
 Демаре Ж. (Desmarest J.) 144
 Демарко Д. (Demarco D.) 23
 Демэ Антуан-Матье (Demay Antoine-Mathieu) 274, 442
 Дени Пьер (Denis Pierre) 399, 463, 467, 472, 477
 Де Пап Цезарь (De Paeppe César) 54
 Дерёв Симон (Dereure Simon) 274, 308, 350, 412, 459, 465, 582, 730, 775
 Дессаль М. (Dessal M.) 277
 Детрие Ж. 651
 Джанелли А. (Giannelli A.) 664
 Дженкс Л. Н. (Jenks L. N.) 19
 Джорджеску М. (Georgescu M.) 717
 Джоваккини (Giovacchini) 676
 Диас Е. (Dias E.) 730
 Дижон Эмиль (Digeon Emile) 492
 Диккенс Чарльз (Dickens Charles) 18
 Дмитриева Елизавета Лукинична см. Томазовская
 Добан Шарль-Эме (Dauban Charles-Aimé) 242, 360, 385, 388, 433, 468
 Добе Гюстав (Daubé Gustave) 480
 Добес Г. 465
 Добролюбов Николай Александрович 608
 Доме Ф. (Domé F.) 242
 Домбровский Теофил (Dombrowski Teofil) 617, 620, 623, 626, 627
 Домбровский Ярослав (Dombrowski Jaroslaw) 292, 325—332, 341, 352, 363, 373, 374, 378—381, 385, 412, 414—416, 418—423, 527—529, 533, 611, 612, 621, 622, 626, 711, 714, 778
 Доминик Пьер (Dominique Pierre) 439
 Домманже Морис (Dommanget Maurice) 71, 102, 169, 230

- Домье Оноре (Daumier Honoré) 169, 441, 444, 446—449
 Дориан Фредерик-Пьер (Dorian-Frédéric-Pierre) 107, 136, 138, 139, 141, 143
 Достоевский Федор Михайлович 608
 Дотри Жан (Dautry Jean) 80, 114, 115, 122, 132, 151, 156, 157, 178, 180, 189, 240, 241, 248, 249, 266, 357, 495, 538, 765
 Драницин С. М. 32
 Дрео А. (Dréo A.) 112
 Дреоль Е. (Dréolle E.) 101
 Дрио Е. (Driault E.) 34
 Дронке Эрнст (Dronke Ernst) 565
 Дункер Франц-Густав (Duncker Franz-Gustave) 580
 Дьерек Лео (Győrök Leo) 704
 Дю Барай Франсуа-Шарль (Du Barail François-Charles) 290
 Дюбрейль Луи (Dubreuilh Louis) 319, 608
 Дюбуа (Dubois) 76
 Дю Бузе см. Бузе Шарль дю
 Дюваль Эмиль-Виктор (Duval Emile-Victor) 63, 64, 157, 196, 211, 213, 215, 216, 231, 240, 254, 256, 258, 274, 276, 287, 292, 294, 297, 298, 302, 346, 352, 410, 411, 767
 Дюво Ж. (Duveau G.) 20, 37
 Дю Кан Максим (Du Camp Maxime) 394, 519
 Дюкас (Ducasse) 63
 Дюкатель (Ducatel) 420
 Дюкло Жак (Duclos Jacques) 454
 Дюкро Огюст-Александр (Ducrot Auguste-Alexandre) 140, 161
 Дюма Александр, сын (Dumas Alexandre, fils) 435, 625
 Дюмарье 647
 Дюмон Шарль (Dumont Charles) 493
 Дюмон (Dumont) 241
 Дюмортье (Dumortier) 648
 Дюмурье Шарль-Франсуа (Dumouriez Charles-François) 390
 Дюмэ Ж.-Ж.-Б (Dumay J.-J.-B.) 491
 Дунан Эрнест и Феликс (Dunand Ernest et Félix) 413
 Дюплан III. 471
 Дюпон Жан-Марсиаль-Антим (Dupont Jean-Marsial-Anthime) 308, 325, 342, 380, 381
 Дюпон Кловис-Жозеф (Dupont Clovis-Joseph) 224, 227, 274
 Дюпон Леон (Dupont Léon) 676
 Дюпон Пьер (Dupont Pierre) 428
 Дюпон Эжен (Dupont Eugène) 69, 70, 72, 90, 170, 254, 274, 505, 680
 Дюпорталь Арман (Duportail Armand) 267, 491
 Дюпюи А. (Dupuy A.) 452
 Дюран Жак-Луи (Durand Jacques-Louis) 190, 274, 308, 405, 407
 Дюфор Арман-Жюль-Станислав (Dufaure Armand-Jules-Stanislas) 172, 224, 302
 Дюфур (Dufour) 334
 Дюшен Жорж (Duchène Georges) 52, 399, 400, 404, 465, 483, 778
 Евгений, принц 204
 Еж (Милковский) (Jez-Milkowski) 625
 Ерофеев Н. А. 19
 Ефимов А. В. 32
 Жаклар Шарль-Виктор (Jaclard Charles-Victor) 63, 119, 129, 145, 190, 210, 213, 328, 555, 609, 610
 Жаклар Анна Васильевна см. Корвин-Круковская
 Жаклин 470
 Жако 467
 Жантон Гюстав (Genton Gustave) 63
 Желубовская Э. А. 8, 20, 37, 493
 Жерарден Шарль-Эмиль (Gérardin Charles-Emile) 345, 359, 360, 371, 380, 381, 384, 386—388, 619
 Жерарден Эжен-Франсуа (Gérardin Eugène-François) 274, 397, 408, 410
 Жерем Жан-Батист-Юбер (Geresme Jean-Baptiste-Hubert) 214, 224, 229, 396
 Жеффруа (Geffroy G.) 91, 260
 Жиллис (Gillis) 648
 Жилье Андре (Gill André) 442, 446, 447, 449
 Жилье Б. (Gille B.) 20
 Жирарден Эмиль де (Girardin Emile de) 112
 Жиро Жан-Никола (Jirot Jean-Nicolas) 337
 Жоаннар Жюль-Поль (Johannard Jules-Paul) 85, 308, 372, 383, 385, 390, 396, 407, 412, 419
 Жосселен Франсуа-Николя (Josselin François-Nicolas) 224
 Жуков Е. М. 24
 Журд Франсуа (Jourde François) 197, 224, 231, 256, 261, 269, 279, 309—312, 317—319, 340, 345, 365, 368, 371, 372, 384, 395, 397, 461, 523, 539, 540, 544
 Жюльен Ш.-А. (Julien Ch.-A.) 525
 Жюри (Jury) 214
 Зайончковский П. А. 15, 22
 Запотоцкий Ладислав 709
 Заславский Д. 32
 Захарина В. Ф. 601

Зеваэс А. (Zévaès A.) 542
Злоторжница М. (Zlоторzycka M.) 616, 624
Зомбарт В. (Sombart W.) 22
Зорге Фридрих-Альберт (Sorge Friedrich-Albert) 38, 731
Зубок Л. И. 21

Иванайнен К. 602
Иванов Н. Н. 740
Иglesias Пабло (Iglesias Pablo) 684, 685
Изабелла II (Isabel II) 34
Ильина М. см. Ульянова Мария Ильинична
Илюшечкин В. П. 27
Ириарт Ш. (Yriarte Ch.) 186, 188, 196, 454
Иш-Велл 424

Йоргенсен Л. А. 659

Кабэ Этъен (Cabét Etienne) 49, 772
Кавур Камилло Бензо (Cavour Camillo Benso) 30, 31
ал-Кадир 525
Каз Робер (Caze Robert) 430
Калитина Н. Н. 440, 446
Калиш С. М. Н. (Calish S. M. N.) 654
Кальвенак Луи (Calvinhac Louis) 510, 512, 514, 516
Камелина (Camèlinat L.-Z.) 252
Каменецкий Адольф Станислав (Kamiennicki Adolf Stanislaw) 620, 627
Каминский В. (Kaminski W.) 623
Кан С. Б. 452, 678
Кантагрьель Франсуа-Жан (Cantagrel-François-Jean) 67
Кантен Ш. (Quentin Ch.) 459
Кара-Мурза 27
Каравелов Любен 710—712
Караджале Йон-Лука (Caragialé U.-L.) 717
Каракостов С. 713
Карно (Carnot) 65, 67
Каролоссо (Carollosso) 674
Карперас Л. 730
Кастелазцо Луиджи (Castellazzo Luigi) 667
Кастеляр Эмилио (Castelar Emilio) 683
Кастioni (Castioni) 224
Катенин А. 741
Каутский Карл (Kautsky Karl) 752, 755, 756, 767, 769, 770, 780, 781
Кватерник Е. 723
Келлер Шарль (Keller Charles) 654
Кератри Эмиль де (Kératry Emile de) 104

Керженцев Н. П. 26, 180, 213, 234, 257, 289, 457, 467
Керн Огюст (Kern Auguste) 561
Кеттель Т. П. (Kettel T. P.) 21
Кибалячич Николай Иванович 597
Килль Ж. (Kill J.) 656
Кинэ Эдгар (Quinet Edgar) 128, 131, 139, 169, 173, 664
Киркланд Е. К. (Kirkland E. C.) 21
Кистемакерс (Kistemaekers) 651
Клар А. (Klahr A.) 686
Кларис А. 472
Класс 63
Клапхам Ж. Н. (Clapham J. N.) 19
Клапхек К. (Klaphech C.) 654
Клеман Виктор-Жозеф (Clément Victor-Joseph) 311, 343, 397
Клеман Жан-Батист (Clément Jean-Baptiste) 63, 113, 197, 274, 317, 323, 347, 390, 428, 429, 436, 459, 463, 481, 640
Клеман Эмиль-Леопольд (Clément Emile-Léopold) 274, 287
Клеманс Ипполит-Адольф (Clémence Hippolite-Adolphe) 157, 229, 230, 274, 408, 410, 411, 737
Клемансо Жорж (Clemenceau Georges) 139, 154, 206, 210, 230, 268, 270, 301, 545
Кленк Поль (Klenck Paul) 448
Клере Ж. (Clerc J.) 230
Клерк Э. 465
Клермон-Тоннер (Clermont-Tonnerre) 195
Кловис 425
Клюзере Гюстав-Поль (Cluseret Gustave-Paul) 298, 299, 325, 329, 330—332, 334, 336—338, 340—344, 347, 350, 352, 362, 385, 411, 517, 739
Книжник-Ветров И. С. 606, 608, 612
Ковалевская Софья Васильевна 608, 609
Ковальский Ю. 32
Козьмин Б. П. 596, 597, 605, 609
Кокуя Александр 717
Кола (Colas) 510
Коле де Тайяк Гастон (Caulet de Tayac Gaston) 493
Колле (Collet) 386
Комбац Люсьен (Combatz Lucien) 379
Комбо А. (Combault A.) 67, 85, 169, 182, 408
Компаньский Евгений (Kompanski Eugeniusz) 621
Константинеску-Яшь (Constantinescu-Jasi) 716
Коржалка И. (Koralka J.) 708
Корвин-Круковская (Жаклар) Анна Васильевна 605, 608—610, 778

Коррье Поль (Corriez Paul) 271, 370
 Корт В. Г. Б. (Court W. H. B.) 19
 Косев Д. 32
 Косок Манфред (Kossok Manfred) 572
 Коста А. (Costa A.) 679
 Кошен А. (Cochin A.) 54
 Кравчинский (Степняк) Сергей Михайлович 595, 596, 600
 Кремье Адольф (Cremieux Adolphe) 72, 105, 107, 112, 144, 492, 509, 511
 Кремье Гастон (Cremieux Gaston) 171, 425, 492
 Крессон Э. (Cresson E.) 150, 160
 Крешно (Crescio) 678
 Кропоткин Петр Алексеевич 596, 601, 602
 Крупская Надежда Константиновна 740, 745
 Кугельман Людвиг (Kugelman Ludwig) 68, 250, 551, 557, 560, 566, 577, 741, 747, 748, 762, 766
 Куниский С. Д. 594
 Куницкий Езекиель (Kunicki Ezechiel) 619
 Курбе Гюстав (Courbet Gustave) 308, 358, 397, 400, 411, 440, 441, 443—445, 450, 459, 539
 Курне Фредерик-Этьен (Cournet Frédéric-Etienne) 345, 395, 396, 459, 472, 501
 Курти (Courty) 184
 Кусте Поль (Costeix Paul) 493
 Кутил Рудольф (Kutil Rudolf) 702
 Кучинский Ю. (Kuczinski J.) 17—19, 22
 Кушелева Е. Л. см. Томановская Е. Л.
 Кюнеман Э. 465
 Кюстин Адан-Филипп де (Custine Adam-Philippe de) 390
 Лабур Ж. 468
 Лавалетт (Lavalette) 214, 224
 Лаверин Л. 470
 Лавров Петр Лаврович 244, 554, 596, 605, 610—615, 664, 679
 Лакамбр (Lacambre) 129
 Лакор Б. (Lacorre B.) 385
 Лакор (Lacord) 189, 469
 Лакост Ив (Lacoste I.) 513
 Лаллеман (Lallemand) 522
 Лалу Д. (Laloux D.) 23
 Ламбер Александр (Lambert Alexandre) 472, 507, 510, 514—516, 523
 Ламбер Алексис (Lambert Alexis) 510, 520, 521
 Ламбрехт (Lambrecht) 172
 Ламеннэ Фелисите-Робер (Lamennais Felicité-Robert) 697

Ланглуа Амеде-Жером (Langlois Amédée-Jérôme) 63, 205, 241
 Ландек Бернар (Landeck Bernard) 492
 Ландовский Ян (Landowski Jan) 619
 Ланду А. (Landu A.) 724—726, 732, 734, 735
 Ланжаллэ Поль (Lanjalley Paul) 271, 370
 Ланжевен Пьер-Камилл (Langevin Pierre-Camille) 274, 395
 Ланнекен Никола (Lannekin Nicolas) 644
 Лансон Огюст (Lanson August) 441, 445, 451
 Ланца (Lanza) 665, 669, 675
 Лаплас Пьер-Симон (Laplace Pierre-Simon) 735
 Лапорт (Laport) 417
 Ларонз Жорж 212, 215, 321, 345—346, 538, 542
 Ларси барон де (Larcy baron de) 172
 Ла Рю Жак см. Валлес Жюль
 Ла Сесилиа Наполеон (La Cécilia Napoléon) 326, 335, 373, 412
 Лассаль Фердинанд (Lassalle Ferdinand) 38, 44, 576, 690, 695
 Лаузер В. (Lauser W.) 464
 Лафарг Лаура (Lafargue Laura) 82, 428
 Лафарг Поль (Lafargue Paul) 46, 67, 70, 74, 81, 82, 111, 494, 552, 554, 566
 Ла Шоссад см. Валлес Жюль
 Леблан (Leblanc) 491, 493, 645
 Лебо Альфред-Альфонс-Эмиль (Lebeau Alfred-Alphonse-Emile) 454, 459
 Левек (Lévêque) 537
 Леверде Эмиль (Leverdays Emile) 156
 Леви Арман (Lévy Armand) 149
 Леви М. (Levy M.) 21
 Левин Г. И. 738
 Левро Эдмон (Lévraud Edmond) 102, 119, 129, 730
 Левский Васил 32, 713
 Ледруа Шарль-Жозеф (Ledroit Charles-Joseph) 370, 396
 Ледрю-Роллен Александр-Огюст (Ledru-Rollin Alexandre Auguste) 131, 136, 139, 153, 154, 161, 169
 Леже Ш. (Leger Ch.) 440
 Лезюер 471
 Леконт Клод-Мартен (Lecomte Claude-Martin) 206—208, 210, 449, 536, 539
 Лейдигкайт К. Г. (Leidigkeijt K. H.) 37
 Лекрафт Бенджамин (Lecraft Benjamin) 568, 634
 Лемель Натали (Le Mel Nathalie) 353, 369, 542
 Лемонье Ж. (Lemonnyer J.) 452
 Ленин Владимир Ильич 5—8, 21—23,

- 33, 35, 40, 45, 48, 108, 180, 212, 220, 221, 233, 246, 248—251, 253, 254, 259, 262, 268, 286, 352, 426—428, 445, 498, 550, 551, 557, 573, 596, 605, 680, 736—758, 762, 764, 766—772, 775, 780—782
- Ленин Н. см. В. И. Ленин
- Лёо Андре (Леони Шампсе) (Léo André) 63, 159, 263, 452, 465, 466, 483—485, 600, 608, 609, 737
- Лепеллетье Э. (Lepelletier E.) 163, 319
- Леритье М. (Lhéritier M.) 34
- Леру Пьер (Leroux Pierre) 228
- Лескюр Ж. (Lescure J.) 56
- Лефевр Эрнест-Франсуа (Lefèvre Ernest-François) 303, 349
- Лефло Адольф-Эммануэль-Шарль (Le Flô Adolphe-Emmanuel-Charles) 107, 155, 193, 195, 198, 203, 204, 219, 223, 224
- Лефрансэ Гюстав-Адольф (Lefrançais Gustave-Adolphe) 63, 113, 114, 136, 138, 145, 163, 169, 265, 274, 275, 279, 299, 301, 304, 311, 313, 351, 354, 370, 395, 397, 408, 409, 419, 426, 430, 470, 640, 736, 762
- Лефрень Жак см. Реклю Эли
- Либкнехт Вильгельм (Liebknecht Wilhelm) 38, 250, 555, 563, 566, 570, 574, 577, 579, 581—583, 586, 587, 599, 660, 688, 724, 774
- Ливанов А. И. 598
- Лимузен (Limousin C.) 459
- Линкольн Авраам (Lincoln Abraham) 31
- Линтон Уильям Джемс (Linton William James) 732, 733
- Липовский Эрнест (Lipowski Ernest) 616
- Лисбонн Максим (Lisbonne Maxime) 216, 224, 326, 375, 430
- Лиссаргаре Проспер-Оливье (Lissgaray Prosper-Olivier) 224, 258, 266, 293, 325, 326, 356, 376, 378, 380, 390, 455, 467, 468, 540, 542, 604, 605, 651, 735, 737, 738
- Литольф Анри (Littolff Henri) 436
- Лихтлен (Lichtlin) 508
- Локруа Эдуард (Lockroy Edouard) 31, 545
- Лонге Шарль-Феликс-Цезарь (Longuet Charles-Félix-César) 63, 102, 145, 308, 317, 383, 396, 397, 405, 459
- Лонкла Альфонс (Lonclas Alphonse) 308, 350, 396
- Лоренцо Ансельмо (Lorenzo Anselmo) 682, 683
- Лостай Хосе (Lostau Jose) 682
- Лох В. (Loch W.) 572
- Луден Э. (Loudun E.) 454
- Луззато (Luzzato G.) 23
- Луи А. 424
- Луи П. (Louis P.) 37
- Луи-Филипп (Louis-Philippe) 448
- Лукашевич А. О. 595
- Лукин Н. М. 185, 212, 234, 266
- Лурье А. Я. 230, 606, 672
- Любимов И. Н. 601
- Люксембург Роза (Luxemburg R.) 6
- Льюйе Е. (L'huillier E.) 69, 80
- Льюль Шарль (Lullier Charles) 224, 241, 247
- Люс М. 451
- Люсипиа Л. 463
- Ля Сикотьер 502, 504, 506—508, 510, 513, 515, 516, 519, 522
- Мадзини Джузеппе (Mazzini Guiseppe) 664, 673, 677, 678, 680
- Майяр Фирмен (Maillard Firmin) 303, 452
- Мак-Магон Мари-Эдм-Патрис-Морис (Mac-Mahon Marie-Edme-Patrice-Maurice) 94, 95, 98, 306, 420, 503, 535
- Мак-Мастер (McMaster) 28
- Малардые (Malardier) 495
- Малезье Жан (Malezieux Jean) 163
- Малон Бенуа (Malon Benoit) 71, 77, 110, 148, 157, 162, 169, 183, 226, 244, 274—276, 303, 311, 314, 315, 340, 350, 371, 383, 384, 388, 398, 407, 408, 421, 459, 470, 474, 484, 485, 600, 640, 737
- Мальдини (Maldini) 676
- Мальжурналь (Maljournal) 224, 227
- Манакорда Г. 675
- Мане Эдуард (Manet Edouard) 441, 450
- Маневич С. М. 236, 446, 452
- Манин 58
- Мантейфель (Manteuffel) 14
- Манфред А. 3. 8
- Маньен Пьер (Magnin Pierre) 107
- Марат Жан Поль (Marat Jean Paul) 75, 76, 277, 409, 470
- Маре Анри (Maret Henri) 465, 468
- Марен Леон (Marin Léon) 543
- Марешаль (Maréc'ial) 459, 464
- Мари (Marie) 67
- Маркович Светозар 32, 720—722
- Маркс Женни (Marx Jenny) 499, 560, 581
- Маркс, Карл (Marx Karl) 6, 14—16, 18, 19, 25, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42—50,

- 67—70, 72, 73, 75—77, 81, 82, 86, 88, 98, 101, 109—111, 143, 145, 163, 167, 170, 197—199, 220, 227, 233, 245, 246, 250, 253, 262, 264, 267—269, 275—277, 281, 282, 298, 299, 302, 312, 315, 453, 457, 460, 461, 464, 473, 479, 488, 494, 502, 527, 530, 537, 538, 549—573, 577, 578, 580—583, 587, 588, 597, 598, 604—606, 608—610, 614, 622—624, 630, 633, 636, 637, 640, 655, 658—660, 667, 678, 680, 685, 686, 690, 697, 703, 709, 721, 730, 731, 737, 738, 740—743, 745—753, 757, 759—763, 766—775, 779—782
- Маркс-Эвелин Элеонора (Marx-Eveling Eleonor) 375
- Марото Гюстав (Maroteau Gustave) 464, 465
- Марри Чарльз (Murrey Charles) 628, 629
- Марсей (Marseille) 220
- Мартеле Жюль (Martelet Jules) 274, 314
- Мартен Констан (Martin Constant) 151
- Мартен О. (Martin) 656
- Мартин (Martine) 147
- Мартов Л. 6
- Марчевский Ю. (Marczewski J.) 20
- Маршан (Marchand) 63, 102
- Масе (Mascé) 208
- Матасич Ф. 723
- Матъез А. (Mathiez A.) 764
- Мачедонский Ал. (Macedonski Al.) 718
- Машкин М. Н. 499, 504
- Межи Эдмон (Mégy Edmond) 334, 492, 730
- Мей Э. (May E.) 135, 142
- Мейльях Анри (Meilhac Henri) 435
- Мейцлик Ж. (Mejzlik J.) 707
- Мелин Феликс-Жюль (Mélin Felix-Jules) 268
- Мелье Никола-Сесиль-Франсуа-Лео (Melliet Nicolas-Cécile-François-Léo) 159, 162, 189, 196, 341, 342, 349, 356, 359, 411, 412
- Мелот 644
- Менде Р. (Mende R.) 580
- Мендельсон Л. А. 15
- Менк Полина и Жюль см. Менкарские
- Менкарские Паулина и Юлиуш (Menskarsky Pauline, Juliusz) 63, 618, 624
- Меринг Франц 22, 37, 41
- Мерис П. 469
- Меса-и-Леомпарт Хоце (Mesa y Leompарт Jose) 682, 684
- Мечниковский Людвиг (Miecznikowski Ludwik) 621
- Мизиано К. Ф. 23
- Милетич С. 719, 720
- Милле Жан-Франсуа (Millet Jean-François) 441
- Милле Константин (Millé C.) 718
- Милль Джон Стюарт (Mill John Stewart) 636
- Мильтер Жан-Батист (Millière Jean-Baptiste) 63, 73, 103, 119, 129, 136, 139—141, 146, 169, 175, 354, 465, 467, 478, 480, 537
- Мио Жюль (Miot Jules) 276, 357, 358, 371, 386, 402, 403, 405, 487, 496, 517
- Мирошевский В. М. 34
- Михайловский Николай Константинович 736
- Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam) 623
- Мицкевич Владислав (Mickiewicz Wladyslaw) 623
- Мишелан (Michelant) 392
- Мишель Клеманс-Луиза (Michel Clémence-Louise) 85, 93, 241, 353, 424, 425, 430, 500, 529, 540, 718
- ал-Мокрани Бумезраг 524
- ал-Мокрани Мохаммад 512, 524
- Молинали Гюстав (Molinari Gustave) 62, 63, 148, 155, 156, 158, 159
- Молине виконт де (Molinet vicomte de) 269
- Молок А. И. 8, 262, 439, 452, 458, 571, 575
- Молок (Moloch) псевдоним Б. Колomba (B. Colomb) 446, 447, 448
- Мольер Жан-Батист (Molière Jean-Baptiste) 732
- Мольтке Гельмут-Карл-Бернгард (Moltke Helmuth-Karl-Bernhard) 98, 193
- Монбар (Montbard) 447
- Монесте (Monestès) 189
- Моннантейль 467
- Монтэгу (Montaigu) 117
- Монтей Эдгар (Monteil Edgar) 430
- Монтель (Montel) 162
- Монтобан де Паликао см. Паликао
- Мора Анхель (Mora Angel) 684
- Мора Франсиско (Mora Francisko) 682—684, 685
- Морато Хуан-Хоце (Morato Juan-Jose) 683
- Морган Льюис Генри (Morgan Lewis Henry) 733
- Морен Ф. 469
- Мориак Е. (Moriac E.) 271, 455
- Морни Шарль-Огюст-Луи-Жозеф герцог де (Morny Charles-Auguste-Louis-Joseph duc de) 30

Моро Эдуард (Moreau Edouard) 63, 64, 224, 364, 365, 373, 385, 459, 465, 467, 469

Моро Эжесипп (Moreau Hégésippe) 428, 436

Мортон А. Л. (Morton A. L.) 39

Мортье Анри-Жозеф (Mortier Henri-Joseph) 224, 228, 235, 348, 350

Мост Иоганн (Most Johann) 690, 691

Моттерсхед Томас (Mottershead Thomas) 629

Моттю (Mottu) 140, 145

Мундо Вергас (Mundo Vergas) 683

Мутон (Mouton) 246

Мычельский Антони (Mycielski Antoni) 618, 619

Мэ Э. (May E.) 142

Мэсон Эдуард (Mason Edward) 152

Надо М. 467

Напиа-Пике (Napias-Piquet) 151, 240, 241, 249

Наполеон III (Napoléon III) 14, 15, 27, 30, 31, 55—60, 65, 82, 84, 86—89, 95, 98—100, 116, 355, 389, 390, 436, 442, 447, 448, 499, 575, 585, 710, 722, 734, 762

Нарочницкий А. Л. 27

Натан Ж. 32

Немеш Д. (Nemes D.) 701, 702

Неру Дж. 25

Нигра (Nigra) 666

Никола Петрович 720

Николай I 13, 14

Новикова Г. П. 494

Ностаг Жюль (псевдоним Гастона Бюффе) (Nostag Jules) 470

Ноулс Л. К. (Knowles L. C.), 17, 19

Нуар Виктор (Noir Victor) 76—78

Нуши Андре (Nouschi André) 513, 525

Ньокки-Вианни (Niocchi Vianni) 670

Ньюкомб Саймон (Newcomb Simon) 731

Обервиндер Генрих (Oberwinder Heinrich) 690, 694

О'Бирн (O'Byrn) 617

Обри Эмиль (Aubry Emile) 66, 77

Обри (Aubry) 470

Оджер Джордж (Odger George) 45, 568, 633, 634, 779

Одиган А. (Audiganne A.) 392

Одуано Луи (Audoynaud Louis) 214

Ожье Гийом-Виктор-Эмиль (Augier Guillaume-Victor-Emile) 435

Околович Август (Okolowicz August) 618, 620, 778

Околович Фердинанд (Okolowicz Ferdinand) 778

Околович Эдуард (Okolowicz Edward) 778

Окунев Григорий Николаевич 84, 225

Олар А. (Aulard A.) 104, 105

Оливези Антуан (Olivesi Antoine) 493

Оливье Эмиль (Ollivier Emile) 65, 68

Олсоп Томас (Allsop Thomas) 565

Орбелов Юрий 608

Орель де Паладин Луи-Жан-Батист де (Aurelles de Paladine Louis-Jean-Baptiste d') 144, 197—199, 203—205, 208

Орлеаны (Orléans) 121, 722

Ормесон В. (Ormesson W.) 15

Оро (Haureau) 258

Орсини Феличе (Orsini Felice) 15, 30

Орсини Чезаре (Orsini Cesare) 680

Освальд Евгений (Oswald Eugen) 561

Осман Жорж Эжен, барон де (Haussman Georges-Eugène, baron de) 54, 530

Остен Франсуа-Шарль (Ostyn François-Charles) 190, 274, 397, 403, 407

Оуэн Роберт (Owen Robert) 565, 759

Пайксли Фрэнк (Piksley Frank) 731

Паликао Шарль-Гийом-Мари-Аполинер-Антуан-Кузен Мондобан граф де (Palikao, Charles-Guillaume-Marie-Appolinaire-Antoine-Cousin-Montauban comte de') 90, 93—95, 96, 99, 100

Пальмад Ги П. (Palmade Guy P.) 17

Пальмерстон Генри-Джон-Темпль (Palmerston Henry-John-Temple) 13, 14, 26

Панкратова А. М. 39

Папе фон (Pape von) 554

Парадис Адриан (Paradis Adrian) 38

Паран Улисс (Parent Ulisse) 303

Паризель Франсуа-Луи (Parisel François-Louis) 311, 335

Паркс Г. (Parkes H.) 27, 33

Паррингтон Л. (Parrington L.) 734

Пасседуэ А. (Passedouet A.) 464

Пашковский (Paszkowski) 623

Пейдж В. (Page W.) 19

Пейре (Peyret H.) 17

Пейрутон Абель (Peyrouton Abel) 64

Пелльтан Эжен (Pelletan Eugène) 105, 107, 536, 538

Пенди Жан-Луи (Pindy Jean-Louis) 149, 157, 190, 252, 258, 274, 397, 582

Перрен Эмиль (Perrin Emile) 434

Перрье А. (Perrier A.) 470

Петерсон А. Н. 661

Петрович Н. 719, 720

Петрони (Petroni) 677, 678

- Пецка Иозеф-Болеслав (Peca I. -B.) 705, 706, 708, 709
 Пешан Вацлав (Pesan Vaclav) 702
 Пиа Поль (Piat Paul) 410
 Пиа Феликс (Pyat Felix) 75, 131, 132, 134, 136, 137, 145, 169, 170, 226, 251, 357—359, 362, 365, 367—369, 384, 389, 400, 437, 459, 461, 467, 552, 559, 664
 Пиацца (Piazza) 165, 188
 Пи-и-Маргаль Франсиско (Pi-y-Mar-galle Francisco) 683
 Пий IX (Pie IX) 683
 Пийо Жан-Жак (Pillot Jean-Jacques) 139, 151, 157, 308, 370
 Пикамил 258
 Пикар Луи-Жозеф-Эрнест (Picard Louis-Joseph-Ernest) 72, 97, 105, 107, 111, 112, 168, 172, 176, 182, 224, 302, 464, 470
 Пиконель Жозеф (Piconel Joseph) 190
 Пиккьо Эрнест (Picchio Ernest) 451
 Пилотель Жорж (Pilottelle Georges) (Жорж Лабади) 446—448, 451
 Писарев Дмитрий Иванович 608
 Писарев Н. 598
 Пио Л. 657, 660
 Плек де (Pleuc de) 318
 Плеханов Георгий Валентинович 741, 742
 Погодин А. 32
 Полицер Жигмوند (Politzer Zsigmond) 699, 700
 Полит-Десанчик 719
 Полянский Н. Н. 539
 Понсо Пьер (Ponsot Pierre) 77, 79, 491
 Попович (Porowicz) 623
 Потапенко Валериан Андреевич 605, 611, 612, 623
 Потемкин Ф. В. 8, 20, 37, 54
 Потье Эжен-Эдмон (Pottier Eugène-Edmond) 252, 308, 425—429, 441, 486, 730
 Потюо Луи-Пьер-Алексис (Pothuau Louis-Pierre-Alexis) 172, 302
 Пренан А. (Prenant A.) 513
 Проле Ш. (Prolès) 230
 Прото Шарль-Эжен-Луи (Protot Charles-Eugène-Louis) 276, 302, 321—323, 344, 388, 400, 459, 464
 Прувер Ж. 469
 Прудон Пьер-Жозеф (Proudhon Pierre-Joseph) 75, 85, 228, 230, 278, 403, 502, 569, 649, 722, 752
 Прюдом (Prudhomme) 214, 224
 Пуье-Кертье Огюст-Тома (Pouyer-Quertier Auguste-Thomas) 172
 Пустовойтова Анна 778
 Пьер Л. см. Лавров П. Л.
 Пьера П. (Pierrard P.) 20
 Пэн Оливье (Pain Olivier) 465
 Пюньо Рауль (Pugno Raoul) 436
 Рабюель Люсьен (Rabuel Lucien) 514, 516
 Равич С. Н. 749
 Радемакер Я. (Rademacker J.) 652
 Раевский (Rajewski) 623
 Разау Эжен (Razoua Eugène) 119, 145, 161, 641
 Раковский Георги 32
 Рамон (Ramón G.) 262
 Рампон (Rampont) 319
 Ранвье Габриель (Ranvier Gabriel) 63, 119, 139, 140, 145, 170, 197, 224, 227, 276, 294, 297, 341, 343, 359, 384, 532
 Ранк Артур (Ranc Arthur) 283, 303, 304
 Распайль Франсуа (Raspail François) 65, 67, 545
 Растуль Поль-Эмиль-Бартеlemi-Филемон (Rastoul Paul-Emile-Barthélemy-Philémon) 283, 311, 338, 339, 405, 406, 461
 Раткевич К. И. 461
 Ревийон Тони (Revillon Tony) 161, 162
 Режер де Монмор Теодор-Доминик (Régère de Montmore Théodore-Dominique) 307, 311, 370, 372, 395, 401, 405, 539
 Рей Аристид (Rey Aristide) 71
 Рейнхардт Рихард (Reinhardt Richard) 554
 Реклю Эли (Reclus Elie) 176, 273, 274, 283, 312, 313, 355, 472, 499, 518
 Реклю Элизе (Reclus Elisée) 71, 499
 Реннер К. (Renner K.) 688
 Реньяр Альбер (Regnard Albert) 127, 381, 459, 465
 Риа (Riat G.) 440
 Рибуге 644
 Риго Рауль-Жорж-Адольф (Rigault Raoul-Georges-Adolphe) 63, 64, 163, 256, 276, 302, 316, 339, 340, 344—347, 381, 386, 394, 444, 461
 Риджо Антонио (Rigio Antonio) 674
 Рист (Rist) 376
 Ришар Альбер (Richard Albert) 69, 71, 77
 Ришар-Ленуар (Richard-Lénoir) 182
 Робеспьер Максимилиан-Франсуа-Мари-Исидор (Robespierre Maximilien-François-Marie-Isidore) 75, 277, 345, 409, 470
 Рогачев Д. М. 599
 Роговский Гилярий (Rogowski Hilary) 617, 620

Рожаловский Владимеж (Rozalowski Włodzimierz) 617—620, 623
 Рожар Луи-Огюст (Rogear Louis-Auguste) 467
 Рожиссар Мария (Rogissard Marie) 541
 Розвадовский Юзеф (Rozwadowski Józef) 623
 Розенцвейг Д. (Rosenzweig D.) 717
 Романо Альдо (Romano Aldo) 664, 666, 675, 679
 Россель Луи-Натаниель (Rossel Louis-Nataniel) 337, 344, 362, 364—366, 373, 374, 377, 379—382, 384—390, 396, 412, 644
 Ротшильды (Rothschild) 176
 Рош М. 470
 Рошфор Виктор-Анри (Rochefort Victor-Henri) 65, 67, 68, 71, 72, 76, 78, 103—107, 112, 133, 143, 168, 171, 468, 523, 542, 544, 552
 Рудольф (Альфред) Клар (Rudolf Alfred Klahr) 686
 Руге Арнольд (Ruge Arnold) 565
 Ружри Ж. (Rougerie J.) 151, 155, 156, 393
 Рулан (Rouland) 176, 177, 191
 Рулье Эдуард (Roullier Edouard) 256, 315
 Руссель Ф. (Rousselle F.) 63, 436
 Руссель-Судзиловский Н. 713
 Руссо Нестор (Rousseau Nestor) 214, 224, 366
 Рутковский (Rutkowski) 623
 Рыбицкий Я. 601
 Рюдт (Rüdt) 702
 Рэнн Л. (Rinn L.) 512, 513

Сагаста Матео (Sagasta Mateo) 683
 Сажин Михаил Петрович 605, 610, 611, 778
 Саид Жак-Альфонс-Леви (Said Jacques-Alphonse-Lévy) 446—448
 Сальвадор Даниэль Франческо (Salvador Daniel Francesco) 439, 517
 Сальвочеа (Salvochea) 683
 Санд Жорж (Sand Georges) 507
 Саппа Теодор-Эмманюэль (Sapia Théodore-Emmanuel) 150, 156, 163
 Сарду Викторьен (Sardou Victorien) 435
 Свентожецкий Болеслав (Swietorzecki Boleslaw) 625
 Свидзиньский Кароль (Swidzinski Karol) 617, 618, 621
 Сен-Джемс (Saine-James) 208
 Сен-Жюст Людовик-Антуан (Saint-Just Ludovic-Antoine) 394, 409

Селезнев К. Л. 741
 Сен-Симон Клод-Анри де (Saint-Simon Claude-Henri de) 759, 772
 Сентиньон Гаспар (Sentignon Gaspard) 683
 Серени Э. (Sereni E.) 23
 Серизье (Sérizier) 541
 Серрайе Огюст (Serrailleur Auguste) 134, 170, 282, 308, 383, 397, 398, 407, 488, 553, 554, 558, 563, 623
 Сессе Жан-Мари-Жозеф-Теодор (Saisset Jean-Marie-Joseph-Theodore) 270
 Сикар Огюст-Александр (Sicard Auguste-Alexandre) 308, 396
 Сильвис Уильям (Sylvius William) 38, 41
 Симон Жюль-Франсуа (Simon Jules-François) 38, 41, 65, 67, 68, 89, 100—102, 104, 105, 112, 113, 168, 172, 217, 302, 440
 Симон-Майер Шарль (Simon-Mayer Charles) 425, 430
 Синха 24
 Сиссэ Эрнест-Луи-Октав-Курто де (Cisse Ernest-Louis-Octave-Courtot de) 537
 Сквери М. П. 601
 Скворцов-Степанов И. И. 234
 Скерлич И. 719, 721
 Скребницкий А. 15
 Сломчинский Андрей (Slomczynski Andrzej) 624
 Смит (Smith) 633
 Соже Г. 464
 Соколов О. Д. 23
 Сотон Ж. (Sauton) 464
 Спартак 667
 Спинуа (Spinou) 380
 Старчевич А. 723
 Стеенс Эжен (Steyence Eugène) 649, 650
 Стейнлен (Steynlin Théophile) 451
 Степняк-Кравчинский С. М. см. Кравчинский
 Страшмиров Д. Т. 713
 Суботич 719
 Сю Эжен (Sue Eugène) 424
 Сюзанн Луи (Suzanne Louis) 194, 195

Таланье Альфред (Talandier Alfred) 71
 Тамизье Франсуа-Лоран-Альфонс (Tamisier François-Laurent-Alphonse) 142, 143
 Тассо Торквато (Tasso Torquato) 30
 Тауру Шигето (Tauru Shigeto) 24
 Твинский (Twinski) 623

- Тейс Альбер-Фредерик-Жюль (Theisz Albert-Frédéric-Jules) 149, 157, 182, 252, 274, 279, 311, 314, 315, 320, 321, 345, 347, 383, 397, 407, 582
- Тейт Дж. (Tate G.) 39
- Тельман Эрнст (Thälmann Ernst) 587
- Темкин Я. Г. 745
- Тепер Е. 476, 452
- Терсан Эмиль (Tersen Emile) 495, 538, 575
- Терцаги Карло (Terzaghi Carlo) 527
- Тестю О. (Testut O.) 83, 90
- Тибальди Паоло (Tibaldi Paolo) 119, 145, 664
- Тийе Ж. (Tiller) 507
- Тирар Пьер-Эммануэль (Tirard Pierre-Emmanuel) 242, 268
- Тихомиров А. Н. 440
- Товелди Титус (Töveldi Titus) 703
- Токаржевич Юзеф (Tokarzewicz Józef) 617
- Толен Анри-Луи (Tolain Henri-Louis) 46, 63, 80, 148, 169, 183, 568, 570
- Тома Е. (Thoma E.) 392
- Тома Жак-Леонар-Клеман (Thomas Jacques-Léonard-Clément) 143, 161, 197, 210, 449, 536, 539
- Томашевский Станислав (Tomaszewski Stanislaw) 617, 620
- Тони Муален (Tony Moilin) 537
- Трнавский (Trnavsky) 709
- Тренке Алексис-Луи (Trinquet Alexis-Louis) 274, 532, 539, 545
- Тридон Эдмон-Мари-Гюстав (Tridon Edmond-Marie-Gustave) 67, 75, 120, 121, 126, 127, 132, 145, 156, 157, 170, 276, 305, 309—311, 341, 346, 347, 350, 368, 383, 396—398, 459, 464, 555
- Троицкий Н. А. 598
- Тронсен-Дюмерсан (Troncin-Dumer-san) 394
- Троскевич Каролина-Доротея 606
- Трофимов А. 39
- Трошю Луи-Жюль (Trochu Louis-Jules) 94, 95—97, 101, 103, 106, 107, 111, 120, 127, 135, 138, 140, 143, 145, 146, 154, 158, 160, 163, 168, 184, 198, 227, 389, 447, 553, 567, 616, 626, 773
- Трюлав Эдуард (Truelove Edward) 565, 566
- Томановская (Дмитриева) Елизавета Лукинична 299, 353, 369, 393, 488, 529, 533, 605, 606
- Томановский М. Н. 606
- Турский (Turski) 621
- Тьер Луи-Адольф (Thier Louis-Adolphe) 93, 96, 104, 111, 115, 116, 124, 135, 143, 144, 168, 171—174, 176, 178, 189, 191, 193—200, 203—205, 208, 209, 212, 215—220, 223, 232, 235, 237—240, 245, 246, 254, 257, 260, 261, 268, 270, 279, 284, 287, 302, 307, 309, 319, 346, 347, 355, 368, 387, 416, 420, 447, 448, 454, 461, 465, 481, 484, 490, 491, 495, 517, 520, 535, 542, 544, 555, 556, 560—562, 566, 567, 577, 583, 584, 631, 635, 636, 640, 666, 677, 683, 711, 712, 714, 716, 718, 722, 730, 734, 776
- Тьерри Эдуард (Thierry Edouard) 434
- Угрон Габор (Ugron Gábor) 704
- Уде Жозеф-Эмиль (Oudet Joseph-Emile) 325, 345, 462
- Удино Ашиль (Oudinôt Achille) 442
- Уилкс Джордж (Wilks Georges) 732
- Ульянова Мария Ильинична 741
- Унджиев И. 713
- Уошберн (Washburne Elihu) 729
- Уроева А. В. 610
- Успенский Глеб Иванович 766, 776
- Утин Е. 591, 593, 594
- Утин Николай Исаакович 597, 606, 637, 641
- Уэстон Джон (Weston John) 628, 629
- Фабр Поль (Fabre Paul) 224
- Фавр Габриель-Клод-Жюль (Fabre Gabriel-Claude-Jules) 65, 67, 68, 72, 89, 100, 103—107, 111—113, 121, 124, 154, 158, 164, 167—169, 172, 184, 188, 189, 191, 193—195, 198, 218, 219, 238, 302, 447, 470, 537, 544, 567, 683, 722
- Фавье (Favier) 421
- Файе Е. (Faillet E.) 230
- Фальто (Faltot) 212, 213, 216, 534
- Фань Вень Лань 27
- Фаркаш Карой (Farkás Károly) 698, 700—702, 704
- ал-Фаси Алал 519
- Фейэ Эм. 505
- Феро (Feraud H.) 492
- Ферра Поль (Ferrat Paul) 214, 224, 350
- Ферре Теофиль Шарль Жиль (Ferré Théophile-Charles-Giles) 63, 64, 210, 276, 283, 347, 396, 539, 540
- Ферри Жюль (Ferry Jules) 90, 104, 105, 140, 141, 142, 154, 156, 162, 168, 187, 217, 218
- Фигнер В. Н. 596

Филатов В. В. (Северцев) 739
 Филипп (Фенуйя) Жан-Луи (Philippe (Fepouillas) Jean-Louis) 308, 542
 Фио Луи (Fiaux Louis) 317
 Фиумара (Fiunara) 677
 Флассельер (Flasselière) 520
 Флери Альфоне (Fleury Alphonse) 224
 Флери В. (Fleury V.) 625
 Флоке Шарль-Томас (Floquet Charles-Thomas) 270, 301, 545
 Флорис-Пиро 459
 Флуранс Гюстав (Flourens Gustave) 34, 63, 76, 78, 103, 119, 125, 129, 133, 134, 136—140, 142, 145, 159, 160, 162, 190, 197, 255, 276, 277, 294, 296, 297, 325, 352, 466, 499, 553, 672
 Фолькнер 21
 Фондевилль (Fondeville) 471
 Фонер 38
 Фонтулье П. (Fontoulieu P.) 394
 Фортюнэ Анри см. Анри Фортюнэ
 Фостер Уильям (Foster William) 28, 32
 Франкель Лео (Frankel Léon) 74, 85, 148, 170, 181—183, 252, 274, 311, 314, 340, 358, 370, 396, 397, 402, 403, 407, 488, 558, 559, 561, 573, 581, 640, 692, 697, 698, 703, 778
 Франс Анатоль (France Anatole) 268
 Франс Гектор (France Hector) 428, 430
 Фрибур (Fribourg F.) 54
 Фронтье (Frontier) 190
 Фрейдзон В. И. 723
 Фрейлиграт (Freiligrath) 701
 Фрейсинэ Шарль Луи де (Freycinet Charles-Louis de) 144
 Фрибур Э. Э. (Fribourg E. E.) 54, 63
 Фридлянд Ц. 695
 Фронда Наполеон-Шарль-Луи де (Frondas Napoléon-Charles-Louis de) 448
 Фрумов С. А. 439
 Фуггер К. (Fugger K.) 38, 224
 Фужере (Fougeret) 214, 224
 Фульсанг В. (Fulsang W.) 661
 Фуришон (Fourichon) 107, 144
 Фурнье (Fournier) 495
 Фурье Шарль (Fourier Charles) 759, 772
 Ф-т А. 592
 ал-Хадад 512
 Хакеталь Э. (Hacketal E.) 571, 572
 Халтурин Д. 568
 Халтурин Степан Николаевич 602
 Хейлз (Hales John) 629
 Хельгурский В. (Helgórski W.) 619
 Хинтон Ричард (Hinton Richard) 619
 Хольбек (Holbeck) 664
 Хохряков С. К. 598

Хуа-Тан 27
 Хуарес Карло-Бенито (Juarez Carlo-Benito) 27

Цебенко Ф. Н. 598
 Цедлиц (Zedlitz) 14

Черемухин Н. Н. 600
 Чарномский Роман (Czarnomski Roman) 619
 Чарторийские (Czartoryski) 626
 Чекланд (Chekland S. G.) 19
 Чернуски А. (Cernuski) 301, 368
 Чернышевский Николай Гаврилович 606, 608, 612
 Чиприани Амилькаре (Cipriani Amilcare) 159, 672
 Чичероваккио (Ciceruacchio) 384, 668, 669

Шален Луи-Дени (Chalain Louis-Denis) 85, 169, 274, 345, 347, 348, 368, 408
 Шампи Анри-Луи (Champy Henri-Louis) 274
 Шанзи Антуан Альфред Эжен (Chanzy Antoine-Alfred-Eugène) 146
 Шапюи Жан (Chapuy Jean) 442
 Шардон Жан-Батист (Chardon Jean-Baptiste) 276, 345
 Шассен Шарль-Луи (Chassin Charles-Louis) 71
 Шатлен Эжен (Châtlain Eugène) 240
 Швейцер Иоганн-Батист (Schweitzer Johann-Baptiste) 8, 570, 573, 574
 Шевалье Л. (Chevalier L.) 53
 Шей Андреас (Scheu Andreas) 697
 Шей Генрих (Scheu Heinrich) 562, 690, 701, 702
 Шелгунов Николай Васильевич 608, 610
 Шеллер Люсьен (Scheler Lucien) 114, 115, 123, 132, 151, 156, 157, 169, 178, 189, 240, 241, 248, 249, 266, 357, 765
 Шельхер Виктор (Schoelcher Victor) 301
 Шемале Феликс (Chemalé Felix) 63,
 Шенье М. Ж. (Chénier M. J.) 436
 Шефгнер (Schäftner) 702
 Ширяев С. Б. 599
 Шлютер Г. (Schlüter H.) 728, 731, 734, 735
 Шмитц (Schmitz) 96, 97, 106
 Шнабель (Schnabel) 22
 Шнейдер Жозеф-Эжен (Schneider Joseph-Eugène) 77, 99, 100, 118
 Шнерб (Schnerb) 17

Шове П. (Chauvet P.) 453
 Шовьер (Chauvière) 63, 64
 Шодэ Гюстав (Chaudey Gustave) 162, 301, 530
 Шолле З. (Solle Z.) 706—709
 Шометт Пьер-Гаспар (Chauvette Pierre-Gaspard) 345, 764
 Штакельберг Эрнест Густавович 78
 Штакеншнейдер Е. А. 613
 Штейнер Г. (Steiner H.) 696
 Штибер Вильгельм (Stieber Wilhelm) 581
 Штробль Е. (Stroble E.) 689, 691
 Штюмер (Stürmer) 17
 Шуазель (Choiseul) 678
 Шулкайнд (Shulkind E. W.) 352
 Шульгоф Геза (Schulhof Géza) 699 — 702
 Шульце Делич (Schulze-Delitzsch) 38
 Шури Морис (Choury Maurice) 134, 151, 216, 381, 385, 493
 Шустер (Schuster) 580
 Шуто А. (Chouteau H.) 224
 Щербань 594
 Эбер Жак-Рене (Héber Jacques-René) 464
 Эгмонт (Egmont) 650
 Эд Эмиль-Франсуа-Дезире (Eude Emile François-Désiré) 63, 93, 119, 129, 170, 190, 197, 213, 216, 231, 256, 258, 276, 278, 287, 292, 297, 298, 353, 373, 381, 384, 396 519
 Эйбус Х. Т. 24
 Эйхоф Вильгельм (Eichhoff Wilhelm) 566

Эккарнус Иоганн-Георг (Eccarius Iohann-Georg) 505, 573
 Элигон (Héligon) 63, 198, 199, 568
 Эло (Helo) 506, 515, 520, 522
 Эмбер Альфонс (Humber Alphonse) 63, 463
 Эминеску Михаил (Eminescu M.) 718
 Энгельс Фридрих 6, 14—16, 18, 19, 25, 30, 33, 34, 36, 38, 40, 42—48, 50, 69, 75—77, 86, 88, 98, 101, 109, 111, 145, 163, 167, 198, 199, 220, 226, 227, 246, 250, 267, 275, 277, 281, 282, 286, 312, 428, 453, 461, 464, 473, 479, 502, 527, 530, 537, 538, 549, 550, 551, 552, 554—564, 566—570, 572, 573, 577—579, 582, 587, 597, 605, 606, 609, 614, 629, 630, 640, 655, 658, 660, 667, 678, 685, 690, 697, 721 731, 737, 741, 743, 746—749, 751, 756, 757, 759—763, 766—775, 779—780, 782
 Энн Франсис (Enne F.) 464
 Энс Эжен 645, 650, 651
 Энфилд, виконт (Enfield, viscount) 639
 Эрдан А. (Erдан) 670
 Эренбург И. Г. 745
 Эро Жюль (Héreau Jules) 442
 Юнг Д. Р. (Young D. R.) 299, 505, 553, 608, 731, 732
 Юниус 467
 Юрбен Рауль (Urbain Raoul) 396, 405, 406, 433, 439, 474, 487, 539
 Якимова А. 596
 Яновский 618, 626

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие	5
	I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ	
1	Развитие капитализма в 50—60-х годах XIX века. Мир накануне Коммуны	13
	<i>А. З. Манфред</i>	
2	Кризис Второй империи и франко-прусская война	51
	<i>Э. А. Желубовская</i>	
	Капиталистическое развитие Франции в 50—60-х годах. Обострение классовых противоречий	51
	Наращение кризиса Второй империи (1867—1870)	56
	Франко-прусская война. Поражение французской армии	86
3	Революция 4 сентября 1870 г. и установление республики	99
	<i>Э. А. Желубовская</i>	
4	Париж в осаде	124
	<i>Я. И. Дразнина</i>	
	Начало борьбы за Коммуну	124
	Восстание 31 октября	134
	Борьба в Париже в конце 1870 г.	145
	Восстание 22 января 1871 г.	153
	Сдача Парижа	164
5	Назревание новой революции в Париже	167
	<i>С. Б. Кан</i>	
	Созыв Национального собрания. Правительство Тьера	167
	Новое обострение борьбы между силами демократии и силами реакции в Париже. Создание Центрального комитета национальной гвардии	173
	Непосредственная революционная ситуация в Париже	186
	II. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА — ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА	
1	Революция 18 марта 1871 г. в Париже	203
	<i>С. Б. Кан</i>	
2	Революционное правительство Центрального комитета национальной гвардии	222
	<i>А. З. Манфред</i>	

3	Провозглашение Парижской Коммуны. Первые ее декреты. Коммуна — государство нового типа	273
	<i>Ф. А. Хейфец</i>	
4	Гражданская война в апреле 1871 г.	287
	Наступление версальских войск на Париж 2 апреля и поход коммунаров на Версаль 3—4 апреля	287
	<i>С. Н. Красильников</i>	
	Деятельность Коммуны в апреле	300
	<i>Ф. А. Хейфец</i>	
	Военные действия на подступах к Парижу и организация обороны в апреле	323
	<i>С. Н. Красильников</i>	
	Реорганизация правительственного аппарата Коммуны	337
	<i>Ф. А. Хейфец</i>	
	Коммуна и массовые организации Парижа в апреле	352
	<i>Ф. А. Хейфец</i>	
5	Гражданская война в мае	357
	Создание Комитета общественного спасения и борьба течений в Коммуне	357
	<i>А. И. Молок</i>	
	Ход военных действий в начале мая	373
	<i>С. Н. Красильников</i>	
	Обострение борьбы течений в Коммуне	379
	<i>А. И. Молок</i>	
	Вступление версальцев в Париж	412
	<i>С. Н. Красильников</i>	
6	Литература и искусство в дни Коммуны	424
	Литература Парижской Коммуны	424
	<i>Ю. И. Данилин</i>	
	Театры во время Парижской Коммуны	431
	<i>Ю. И. Данилин</i>	
	Изобразительное искусство в дни Коммуны	440
	<i>Н. Н. Калитина</i>	
7	Пресса Парижской Коммуны	452
	<i>С. М. Маневич</i>	
8	Парижская Коммуна и французский народ	475
	<i>А. И. Молок</i>	
	Программа Коммуны	475
	Коммуна и крестьянство	479
	Народные выступления в провинции в дни Коммуны	490

9	Парижская Коммуна, Алжир и алжирский вопрос <i>М. Н. Машкин</i>	499
10	Падение Коммуны	526
	Майская «кровавая неделя»	526
	<i>С. Н. Красильников</i>	
	Версальский террор	535
	<i>А. И. Молок</i>	
III. ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО РЕВОЛЮЦИОННОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ		
1	Первый Интернационал и Парижская Коммуна <i>И. А. Бах</i>	549
2	Рабочий класс и социал-демократия Германии в дни Парижской Коммуны <i>В. С. Алексеев-Попов</i>	569
3	Россия и Парижская Коммуна <i>Б. С. Итенберг</i>	588
	Парижская Коммуна в освещении русской либеральной печати 1871 г.	588
	Влияние Коммуны на революционное движение в России	595
	Русские революционеры — участники Парижской Коммуны	605
4	Польские революционеры и Парижская Коммуна <i>К. Вычанская</i>	616
5	Отклики на Парижскую Коммуну в странах Западной Европы	628
	Англия и Парижская Коммуна <i>Ф. Г. Рябов</i>	628
	Рабочее движение в Швейцарии и Парижская Коммуна <i>К. Э. Кирова</i>	637
	Бельгия и события Парижской Коммуны <i>Е. В. Рубинин</i>	642
	Парижская Коммуна и Нидерланды <i>Н. Б. Тер-Акопян</i>	652
	Рабочие Люксембурга и Коммуна <i>М. Н. Машкин</i>	655
	Влияние Парижской Коммуны в Дании <i>А. Е. Коротева</i>	657
6	Отклики на Парижскую Коммуну в Южной Европе	662
	Италия и Парижская Коммуна <i>В. Е. Невлер</i>	662
	Общественное движение в Испании и Парижская Коммуна <i>Н. Ю. Колпинский</i>	680

7	Отклики на Парижскую Коммуну в Центральной и Юго-Восточной Европе	686
	Австрия и Парижская Коммуна	
	<i>В. М. Турок</i>	686
	Влияние Парижской Коммуны на рабочее и революционное движение в Венгрии	698
	<i>Т. Эрени</i>	
	Рабочее движение в чешских землях и Парижская Коммуна	705
	<i>З. Шолле</i>	
	Парижская Коммуна в оценке болгарской печати	709
	<i>С. А. Никитин</i>	
	Отклики на Парижскую Коммуну в Румынии	713
	<i>П. Константинеску-Яшь</i>	
	Передовая югославянская публицистика и Парижская Коммуна	718
	<i>В. Г. Карасев</i>	
8	Рабочее движение США и Парижская Коммуна	724
	<i>М. С. Альперович</i>	
9	В. И. Ленин и Парижская Коммуна 1871 года	736
	<i>В. А. Дунаевский</i>	
10	Историческое значение и традиции Парижской Коммуны	758
	<i>А. З. Манфред</i>	
	Указатель имен	784

История Парижской Коммуны
1871 года

*

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР*

*

Редакторы *Н. В. Рудницкая, Н. Ф. Лейн*
Художник *Ю. П. Трапачов*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

*

Сдано в набор 7/1 1971 г. Подписано к печати 3/II 1971 г. Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 50,25. Уч.-изд. л. 52,1. Тираж 5500 экз.
Т-01386. Тип. зак. 1666. Бумага № 1

Цена 3 р. 57 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Стр.

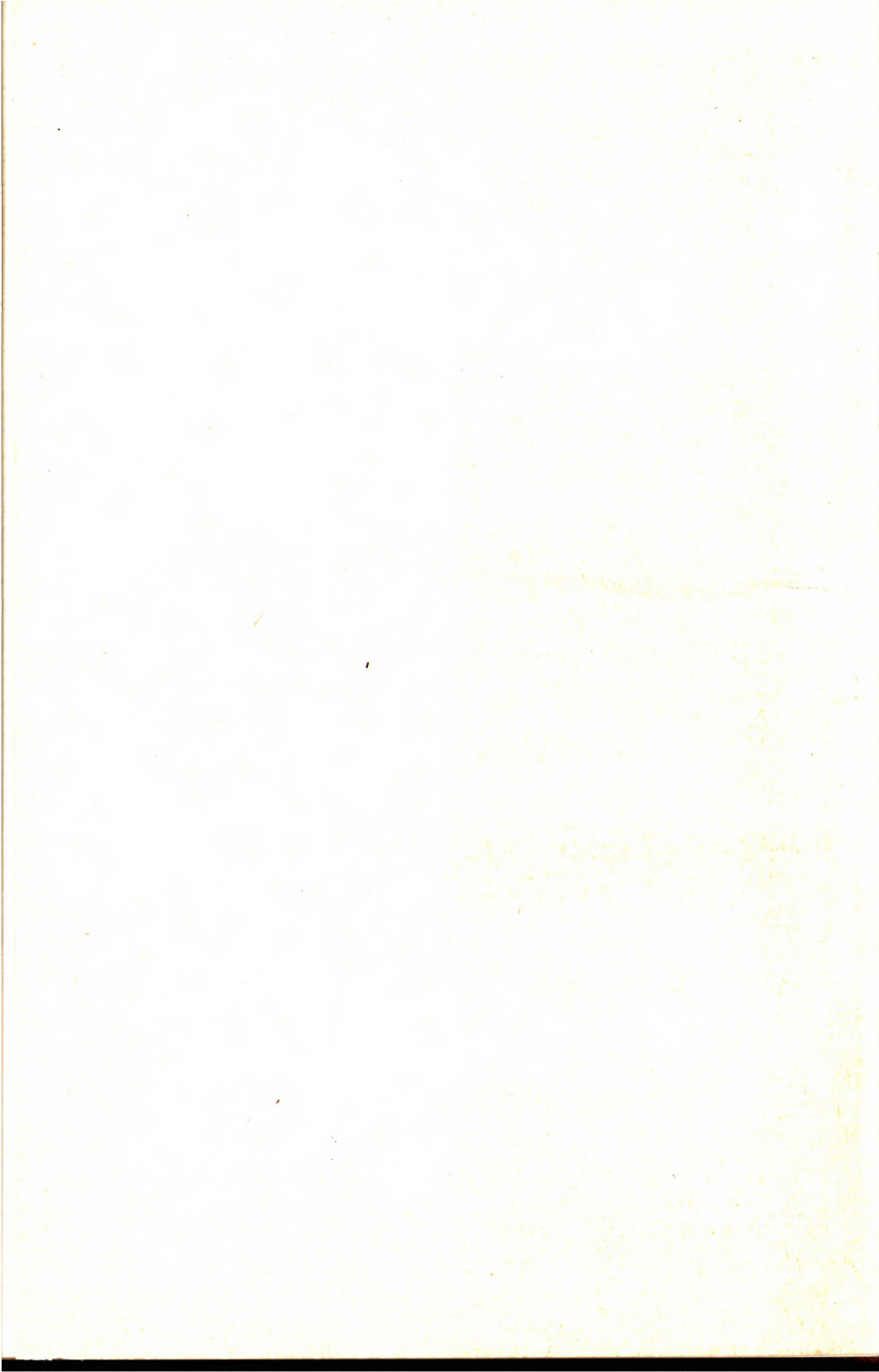
34
100
131
346
376
470
470
703
790

Ис

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
34	4 сл.	Grèce,	Grèce,
100	3 сл.	la dépense	la défense
131	24 сл.	А. Ледро-Роллен	А. Ледрю-Роллен
346	20 сл.	Лагар	Лагард
376	23 сл.	фронт	форт
470	5 сл.	«Le Révolution	«La Révolution
470	6 сл.	d'Iori	d'Yvri
703	1—4 сл.	Текст сносок 49 и 50 поменять местами	
796	22 сл.	(Альфред) Клар (Rudolf	(Альфред Клар) (Rudoif(

История Парижской Коммуны

Ce livre écrit à l'occasion du 100e anniversaire de la Commune de Paris est une étude collective d'un groupe nombreux de savants soviétiques et ceux des pays socialistes.

On trouvera dans la première partie l'exposé des conditions historiques préalables qui aboutirent à sa naissance; la seconde est consacrée à l'activité de la Commune de Paris, première expérience de la dictature du prolétariat, et à l'histoire de la lutte héroïque des Communards. La troisième partie traite de l'influence de la Commune de Paris sur le mouvement ouvrier, révolutionnaire et démocratique de divers pays. L'attitude de Lénine à l'égard de la Commune de Paris et les leçons fécondes qu'il sut tirer de son expérience y sont élucidées en détail.

La Commune de Paris n'est pas considérée uniquement en tant qu'événement de l'histoire nationale de France, mais comme le résultat normal de l'évolution de la société humaine, comme un événement international.

3 р. 57 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Второй

ИСТОРИЯ
ПАРИЖСКОЙ
КОММУНЫ

1871